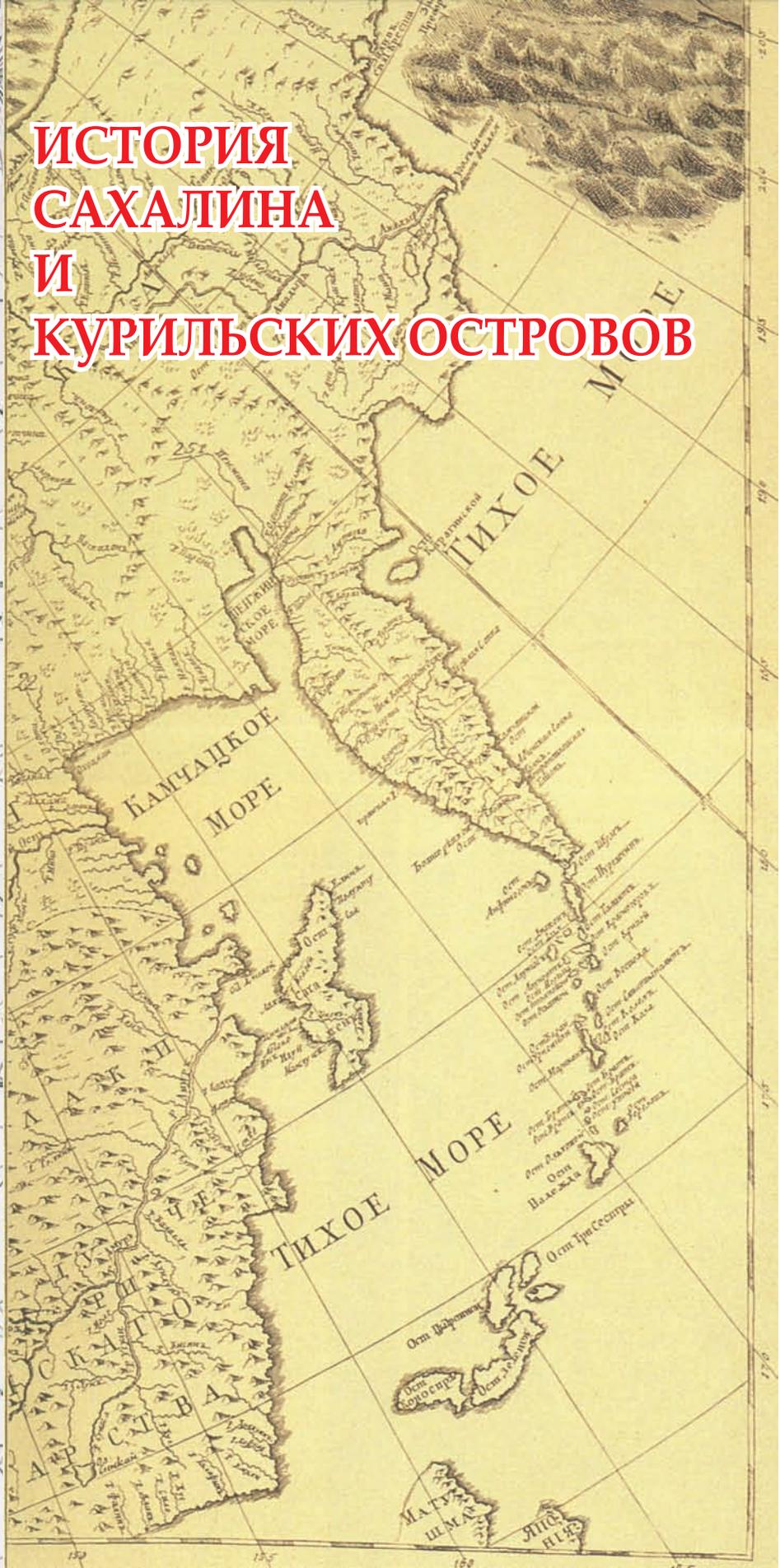




ИСТОРИЯ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ



ИСТОРИЯ
САХАЛИНА
И
КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

ИСТОРИЯ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ
ОСТРОВОВ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА
XXI СТОЛЕТИЯ

Рекомендовано Дальневосточным региональным
учебно-методическим центром
в качестве учебного пособия для студентов вузов региона
по специальности 030401 «История»



Южно-Сахалинск
Сахалинское книжное издательство
2008

ББК 63.3 (2Р-4 Сах)

И 90

*Издание осуществлено при поддержке
администрации Сахалинской области,
Сахалинского государственного университета,
ООО СП «Сахалин Телеком Лимитед»,
ООО «ОРИС»,
ОАО «Корсаковский морской торговый порт»
Южно-Сахалинский филиал ОАО «Банк Москвы»*

Издано по решению ученого совета
Сахалинского государственного университета

Авторский коллектив:

доктор исторических наук М.С. Высоков,
доктор исторических наук А.А. Василевский,
кандидат исторических наук А.И. Костанов,
кандидат исторических наук М.И. Ищенко

Ответственный редактор доктор исторических наук М.С. Высоков

Рецензенты:

доктор исторических наук Ю.В. Аргудяева
доктор исторических наук А.В. Гринев
доктор исторических наук Н.И. Дроздов
доктор исторических наук А.Т. Мандрик
доктор исторических наук А.В. Ремнев
доктор исторических наук А.В. Табарев
кандидат исторических наук Л.И. Миссонова
кандидат исторических наук Н.А. Троицкая
доктор Н. Мацуи

История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений региона по специальности «История» / М.С. Высоков, А.А. Василевский, А.И. Костанов, М.И. Ищенко. Ответственный редактор д.и.н. М.С. Высоков. – Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2008. – С. 712, илл. 67.

ISBN 978-5-88453-207-5
05Д(03)-2008

© М.С. Высоков, 2008
© А.А. Василевский, 2008
© А.И. Костанов, 2008
© М.И. Ищенко, 2008
© Сахалинское книжное издательство, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (М.С. Высоков).....	14
Часть первая. РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ	
Глава 1. Изучение истории Сахалина и Курильских островов в имперский период российской истории (М.С. Высоков).....	20
1.1. Зарождение российской историографии истории островов в северной части Тихого океана. Г.Ф. Миллер.....	20
1.2. Российская историография истории Сахалина и Курильских островов в первой половине XIX века.....	27
1.3. Изучение истории Сахалина и Курил во второй половине XIX – начале XX вв.....	31
Глава 2. Советская историография истории Сахалина и Курильских островов (М.С. Высоков).....	49
2.1. Становление советской историографии истории региона.....	49
2.2. Советская историография истории Сахалина и Курильских островов в 1945-1985 гг.....	56
2.2.1. Идеологические кампании второй половины 40-х годов и их воздействие на советскую историческую науку.....	56
2.2.2. Школа Л.С. Берга, А.И. Андреева и А.В. Ефимова.....	57
2.2.3. Изучение дипломатической и военной истории Сахалина и Курил дореволюционного периода.....	73
2.2.4. Изучение истории Сахалина второй половины XIX – начала XX столетий.....	75
2.2.5. Изучение проблем социально-экономического развития островов.....	78
2.2.6. Изучение истории Сахалина в годы революции и гражданской войны.....	80
2.2.7. Изучение истории Сахалина и Курильских островов в годы второй мировой войны.....	82
2.2.8. Изучение проблем древней истории Сахалина и Курил.....	88
2.2.9. Развитие антропологических и этнографических исследований на Сахалине.....	90
2.2.10. История Сахалина и Курильских островов в научно-популярных обобщающих изданиях.....	94
2.3. Советская историография истории Сахалина и Курильских островов в период «перестройки».....	96
Глава 3. Постсоветская историография истории Сахалина и Курильских островов (М.С. Высоков).....	115
3.1. Общая характеристика современного этапа в развитии отечественной историографии.....	115
3.2. Рост источниковой основы исследований.....	117
3.3. Историческая периодика на Сахалине.....	124
3.4. В поисках новой концепции истории островов.....	125
3.5. Изучение истории и культуры коренного населения Сахалина и Курильских островов.....	128

3.6. Изучение проблем истории и этнографии пришлого населения Сахалина и Курил.....	131
3.7. Изучение истории освоения Россией Курильских островов.....	132
3.8. Изучение истории Сахалина второй половины XIX – начала XX века.....	133
3.9. Изучение истории Карафуто и Тисима	135
3.10. Изучение экономической истории Сахалина и Курильских островов.....	136
3.11. Изучение истории культуры.....	138
3.12. Изучение проблем дипломатической и военной истории.....	139
3.13. Изучение истории государственного и муниципального управления.....	144
3.14. Изучение преступлений сталинского режима.....	145
3.15. Изучение истории отдельных территорий и населенных пунктов.....	145
3.16. Основные итоги.....	146

Часть вторая. САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Глава 4. Сахалин и Курильские острова в эпоху палеолита (200-12 тыс. лет назад) (А.А. Василевский).....	147
4.1. Синантроп и первоначальное заселение Сахалина.....	147
4.2. Стоянка Сенная-1.....	148
4.3. Сухопутные мосты.....	149
4.4. Сахалин и Курильские острова в эпоху позднего палеолита. Заселение территории Человеком современного вида.....	151
4.5. Поселение Огоньки-5. Раннеродовая община.....	153
4.6. Обсидиановый путь. Стоянка Сокол.....	155
4.7. Техника микропластин.....	156
Глава 5. Неолитическая эпоха в островном мире Северо-Восточной Азии (12-3 тыс. л. н.) (А.А. Василевский).....	158
5.1. Последледниковье. Формирование современной окружающей среды.....	158
5.2. Неолитическая революция. Открытия эпохи неолита.....	160
5.3. Механизмы адаптации.....	161
5.4. Позднеродовая община и племя. Локальные археологические культуры и региональные историко-культурные общности.....	162
5.5. Культура развитого неолита на Южном Сахалине. Поселение Кузнецово-3.....	164
5.6. Неолитическая культура на Северном Сахалине. Поселение Имчин-12.....	166
5.7. Поселение Седых-1. Седыхинская неолитическая культура позднего неолита.....	168
5.8. Неолитическая культура на Курильских островах.....	170
Глава 6. Ранний железный век на Сахалине и Курильских островах	173
6.1. Открытия бронзового и железного века. Переход от камня к металлу в северной части Восточной Азии (А.А. Василевский).....	173
6.2. Анивская культура (8-3 вв. до н.э.) (А.А. Василевский).....	176
6.3. Пильгунская культура (10 – 4 вв. до н.э.) Поселение Кашкалебагш-2 (А.А. Василевский).....	177

6.4. Сусуйское время (5 в. до н.э. – 5 в.н.э.) (А.А. Василевский)	178
6.5. Набильская культура. Поселения на Круглой Сопке и на побережье залива Чайво (А.А. Василевский).....	180
6.6. Острожок Асанай. Противостояние Сусуи и постдземола (А.А. Василевский).....	181
6.7. Проблема этнической принадлежности древнего населения Сахалина, Хоккайдо и Курильских островов. Антропологические, археологические и фольклорные данные. Легенды о коропоктуру, тончах и тоисэкуру (А.А. Василевский, М.С. Высоков).....	182
6.8. Первые письменные известия о народах Сахалина: Шань Хай Цзин о царствах волосатых, черноногих и народе Лао (М.С. Высоков).....	185
6.9. Сыма Цянь о сушенях и стрелах из дерева ку (М.С. Высоков).....	186
6.10. Буддийский монах Хуай Шей о стране Фусан (М.С. Высоков).....	188
Глава 7. Сахалин и Курильские острова в эпоху раннего средневековья	190
7.1. Степи Евразии и Дальний Восток на пороге средневековья (А.А. Василевский).....	190
7.2. Воцзюй и фуюй (А.А. Василевский, М.С. Высоков).....	191
7.3. Проблема этнонимов «сушень» и «илоу» (А.А. Василевский).....	192
7.4. Китайские династийные хроники о стране и народе Сушень (А.А. Василевский).....	193
7.5. Семь племен Мохэ (А.А. Василевский, М.С. Высоков).....	194
7.6. Королевство Бохай (А.А. Василевский, М.С. Высоков).....	196
7.7. Хэйшуй мохэ в VII-X вв. (А.А. Василевский).....	198
7.8. Страна Люгуй (А.А. Василевский, М.С. Высоков).....	199
7.9. «Сюкусин» и Ямато. Эмиси, Эдзо и Нихон (А.А. Василевский).....	199
7.10. Культура товада (А.А. Василевский).....	201
7.11. Мохэская (охотская) культура на Сахалине (VII-X вв.) (А.А. Василевский).....	202
7.12. Охотская культура на Хоккайдо и Курильских островах (VII-XI вв.) (А.А. Василевский).....	208
7.13. Культуры тобинитаи и сацумон на Хоккайдо и Курильских островах (А.А. Василевский).....	212
Глава 8. Народы Сахалина, Хоккайдо и Курильских островов в X–XIII вв.	215
8.1. Археологические данные о народах Сахалина, Хоккайдо и Курильского архипелага на рубеже I и II тысячелетия (А.А. Василевский).....	215
8.2. Чжурчжэни и империя Цзинь (М.С. Высоков).....	217
8.3. Появление чжурчжэней на Амуре и на Сахалине (А.А. Василевский).....	219
8.4. Нихон, эмиси и кувэй в X – XIII вв. (А.А. Василевский).....	220
8.5. Археологические и фольклорные данные о населении Сахалина в X-XIII вв. (А.А. Василевский).....	223
8.6. Летописные данные о населении Сахалина и Курил в X-XIII вв.: цзиньли, цзилеми, цзюньли, цзилиякэ (А.А. Василевский).....	226
8.7. Летописные данные о населении Сахалина и Курил в X-XIII вв.: кувэй, вэйгу, кушо, куй (А.А. Василевский).....	227

8.8. летописные данные о населении Сахалина в X-XIII вв.: илиюй и вочжо (вочжэ) (А.А. Василевский).....	229
8.9. Проблема этнического состава населения островного мира дальневосточных морей в XI-XIII вв. (А.А. Василевский).....	229
8.10. Археологические свидетельства иноземных нашествий на Сахалин. Городища и острожки XII-XIII вв. (А.А. Василевский).....	232
Глава 9. Народы Сахалина, Хоккайдо и Курильских островов в позднее средневековье	238
9.1. Особенности исторического процесса в островном мире северно-западной части Тихого океана в позднее средневековье (А.А. Василевский).....	238
9.2. Монголы на Дальнем Востоке (А.А. Василевский, М.С. Высоков).....	240
9.3. Вторжение монголов на Нижний Амур и Сахалин. Борьба народов островного мира против завоевателей (А.А. Василевский).....	244
9.4. Протоайнская культура найдзи (А.А. Василевский).....	249
9.5. Экспансия династии Мин на Нижнем Амуре и Сахалине (М.С. Высоков).....	254
9.6. Начало японской колонизации Хоккайдо и ее роль в истории айнов (А.А. Василевский, М.С. Высоков).....	255
9.7. Первые сведения об островах в северной части Тихого океана в Европе (М.С. Высоков).....	259
9.8. Первые европейские корабли в морях Дальнего Востока (М.С. Высоков).....	263
Часть третья. САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В НОВОЕ ВРЕМЯ	
Глава 10. Сахалин и Курильские острова в XVII веке (М.С. Высоков).....	265
10.1. Изменения в геополитической обстановке на Дальнем Востоке в начале нового времени.....	265
10.2. Первые японские экспедиции к северу от Хоккайдо.....	267
10.3. Начало европейского проникновения на острова, лежащие к северу от Японии.....	269
10.4. Северная часть Тихого океана привлекает внимание Голландии.....	270
10.5. Экспедиция М.Г. Фриса у берегов Курильских островов и Сахалина.....	273
10.6. Русское продвижение на восток и начало покорения Сибири.....	277
10.7. Выход русских людей к Тихому океану.....	279
10.8. Экспедиция В.Д. Пояркова собирает первые сведения об Амуре и Сахалине.....	284
10.9. Первая попытка присоединения страны гиляков к России.....	285
10.10. Появление острова Сахалина на русских картах.....	286
10.11. Начало маньчжурской экспансии в Приамурье.....	287
Глава 11. Сахалин и Курильские острова в XVIII веке (М.С. Высоков).....	289
11.1. Маньчжуры на Сахалине.....	289
11.1.1. Маньчжурская экспедиция 1710 года и карта императора Канси.....	289
11.1.2. Маньчжуры покоряют народы Сахалина.....	291
11.2. Первые русские экспедиции к Курильским островам.....	292

11.2.1. Экспедиция В.В. Атласова и открытие Северных Курил.....	292
11.2.2. Экспедиции Д.Я. Анциферова и И.П. Козыревского на Шумшу и Парамушир.....	293
11.2.3. Первые русские геодезисты у Курильских островов.....	297
11.3. Исследование Курильских островов и Сахалина Второй Камчатской экспедицией под руководством В. Беринга.....	300
11.4. Российское продвижение к югу от острова Парамушир в 30-е – начале 70-х годов XVIII века.....	303
11.5. Попытка присоединения Южных Курил к России.....	306
11.6. «Предупреждение» М. Бениовского.....	308
11.7. Начало систематического изучения японцами Сахалина и Курильских островов в 80-е годы XVIII века.....	311
11.8. Антияпонское восстание айнов на острове Кунашир.....	314
11.9. Колонизация японцами Южного Сахалина и Южных Курил в 90-е годы XVIII века.....	314
11.10. Экспедиция французского мореплавателя Ж.-Ф. Лаперуза у берегов Сахалина и Курильских островов.....	317
11.11. Экспедиция английского мореплавателя У.Р. Броутона исследует Курильские острова и Сахалин.....	321
Глава 12. Сахалин и Курильские острова в первой половине XIX столетия (М.С. Высоков).....	324
12.1. Организация первой русской кругосветной экспедиции и посольство Н.П. Резанова в Японию.....	324
12.2. Шлюп «Надежда» у берегов Сахалина.....	326
12.3. Экспедиция Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова к Южному Сахалину и Курильским островам.....	329
12.4. Последствия экспедиции Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова.....	333
12.5. Исследование Мацуда Дензюро и Мамия Риндзо на Сахалине. Экспедиция Мамия Риндзо в Приамурье.....	337
12.6. Южный Сахалин и Южные Курилы после урегулирования первого русско-японского конфликта.....	339
12.7. Северные Курилы после урегулирования первого русско-японского конфликта.....	340
12.8. Исследования А.М. Гаврилова у устья Амура.....	344
12.9. Экспедиция Г.И. Невельского к устью Амура и Сахалину.....	346
Глава 13. Сахалин и Курильские острова во второй половине XIX – начале XX столетия (А.И. Костанов).....	350
13.1. Амурская экспедиция Г.И. Невельского 1851-1855 гг.....	350
13.1.1. Организация Амурской экспедиции.....	350
13.1.2. Путешествие по Сахалину Н.К. Бошняка.....	350
13.1.3. Историческое плавание шхуны «Восток» в 1853 году.....	351
13.1.4. Основание Муравьевского поста в заливе Анива.....	352
13.1.5. Исследования Н.В. Рудановского на юге Сахалина.....	352
13.1.6. Историческое значение Амурской экспедиции.....	353

13.2. Сахалин и Курильские острова в международных отношениях на Дальнем Востоке. 1855-1875 гг.....	354
13.2.1. Симодский договор 1855 года и его последствия.....	354
13.2.2. Борьба России за решение «сахалинского вопроса».....	356
13.2.3. Санкт-Петербургский договор 1875 года.....	358
13.3. Заселение и хозяйственное освоение Сахалина Россией в последней трети XIX – начале XX вв.....	359
13.3.1. Создание ссыльнокаторжной колонии на Сахалине.....	359
13.3.2. Управление Сахалином в период каторги.....	360
13.3.3. Заселение и создание русских населенных пунктов.....	361
13.3.4. Экономическое освоение Сахалина в период каторги.....	363
13.4. Культурная и общественная жизнь Сахалина в конце XIX – начале XX вв.....	364
13.4.1. Духовная жизнь населения Сахалина в период каторги.....	364
13.4.2. Научное изучение Сахалина.....	366
13.4.3. Научно-просветительская и общественная деятельность сахалинской интеллигенции.....	367
13.4.4. Сахалинская каторга в творчестве русских писателей и публицистов.....	368
13.4.5. Театральная жизнь Сахалина.....	369
13.5. Сахалин и Курильские острова в русско-японской войне 1904-1905 гг.....	370
13.5.1. Сахалин накануне войны.....	370
13.5.2. Курилы – плацдарм японского вторжения на Камчатку.....	371
13.5.3. Подвиг крейсера «Новик».....	371
13.5.4. Боевые действия на Сахалине в 1905 году.....	372
13.5.5. Портсмутский мирный договор.....	374

Часть четвертая. САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В XX – НАЧАЛЕ XXI СТОЛЕТИЯ

Глава 14. Северный Сахалин между Портсмутским миром и советско-японской войной (1905-1945 годы)	376
14.1 Северный Сахалин после отмены каторги. 1906-1917 гг. (А.И. Костанов).....	376
14.1.1. Упразднение сахалинской каторги.....	376
14.1.2. Начало свободного заселения и административное переустройство Северного Сахалина.....	377
14.1.3. Социально-экономическое развитие Северного Сахалина в предреволюционный период.....	378
14.2. Северный Сахалин в период борьбы за власть на Дальнем Востоке. Февраль 1917 – январь 1920 гг. (А.И. Костанов).....	382
14.2.1. События февральской революции на Северном Сахалине.....	382
14.2.2. Северный Сахалин после октября 1917 года.....	384
14.2.3. Северный Сахалин под управлением демократической коалиции и администрации адмирала Колчака.....	386

14.2.4. Северный Сахалин в политике «открытых дверей» правительства А.В. Колчака.....	387
14.2.5. Свержение колчаковского режима на острове.....	388
14.3. События гражданской войны в Сахалинской области. Январь-апрель 1920 года (А.И. Костанов).....	390
14.3.1. Рост партизанского движения на Нижнем Амуре в начале 1920 года.....	390
14.3.2. Первый Сахалинский (островной) съезд Советов.....	392
14.3.3. Николаевские события 12-15 марта 1920 года.....	392
14.3.4. Сахалинская область на этапе создания ДВР.....	393
14.3.5. Отзвуки авантюры Тряпицына на Северном Сахалине.....	395
14.4. Японская оккупация Северного Сахалина. Апрель 1920 – май 1925 гг. (А.И. Костанов).....	396
14.4.1. Японский десант на Северном Сахалине.....	396
14.4.2. Провал плана создания «Сахалинского автономного государства» под протекторатом Японии.....	397
14.4.3. Свержение Советской власти на Северном Сахалине и гибель А.Т. Цапко.....	398
14.4.4. Развал красного партизанского движения в Сахалинской области.....	399
14.4.5. Северный Сахалин в годы японской оккупации.....	401
14.4.6. Дипломатическая борьба за освобождение Северного Сахалина.....	403
14.5. Северный Сахалин в 1925-1945 годах.....	406
14.5.1. Административное устройство и советская система управления на Северном Сахалине (А.И. Костанов).....	406
14.5.2. Советская переселенческая политика на Северном Сахалине (А.И. Костанов).....	408
14.5.3. Промышленное освоение Северного Сахалина (А.И. Костанов).....	410
14.5.4. Японские концессии на Северном Сахалине (М.С. Высоков).....	412
14.5.5. Сельское хозяйство Северного Сахалина в годы коллективизации (А.И. Костанов).....	413
14.5.6. Развитие транспорта на Северном Сахалине в 30-е годы (А.И. Костанов).....	415
14.5.7. Политические репрессии на Северном Сахалине (А.И. Костанов).....	416
14.5.8. Северный Сахалин в советско-японских отношениях перед второй мировой войной (А.И. Костанов).....	417
14.5.9. Сахалинская область в годы Великой Отечественной войны (А.И. Костанов).....	419
Глава 15. Южный Сахалин и Курильские острова между Портсмутским миром и советско-японской войной (1905-1945 годы).....	421
15.1. Эволюция управления и административно-территориального деления (М.С. Высоков).....	421
15.2. Визит на Южный Сахалин принца-регента Хирохито (М.С. Высоков).....	425
15.3. Население Карафуто и Тисима (М.С. Высоков).....	427

15.4. Экономическое развитие (М.С. Высоков)	429
15.4.1. Создание условий для успешной колонизации Южного Сахалина	429
15.4.2. Зарождение частного предпринимательства	432
15.4.3. Развитие промышленности на Южном Сахалине и Курильских островах.....	432
15.5. Превращение Курильских островов в базу японской агрессии на Тихом океане (М.С. Высоков)	435
15.5.1. Залив Хитокаппу – Перл-Харбор	435
15.5.2. Удар по Алеутским островам	437
15.5.3. Передовой рубеж обороны Японской империи	438
15.6. На пути к Ялте: вопрос о Южном Сахалине и Курильских островах в межсоюзнических и советско-японских отношениях в период второй мировой войны (М.С. Высоков)	439
15.6.1. Сахалинский вопрос в советско-японских отношениях накануне войны на Тихом океане	439
15.6.2. Советское руководство размышляет о возможности войны с Японией.....	441
15.6.3. Правящие круги Японии начинают искать пути к мирному урегулированию	443
15.6.4. Цена участия в войне.....	444
15.6.5. Ялтинское соглашение	445
15.7. Боевые действия на Южном Сахалине и Курильских островах в период советско-японской войны 1945 года (А.И. Костанов)	447
15.7.1. Вступление СССР в войну с милитаристской Японией	447
15.7.2. Южно-Сахалинская наступательная операция	448
15.7.3. Десантные операции на Курильских островах.....	450
Глава 16. Сахалин и Курильские острова в составе СССР (1945-1991 годы)	454
16.1. Сахалин и Курильские острова в переходный период (август 1945 – январь 1947 годов).....	454
16.1.1. От войны к мирной жизни (А.И. Костанов).....	454
16.1.2. Особенности административного, экономического и политического устройства Южного Сахалина и Курильских островов в переходный период (А.И. Костанов)	456
16.1.3. Образование Сахалинской области в составе Российской Федерации. (А.И. Костанов)	458
16.1.4. Переименование населенных пунктов и географических объектов Южного Сахалина и Курильских островов (А.И. Костанов)	459
16.1.5. Репатриация японского населения (А.И. Костанов)	459
16.1.6. Начало переселения на Сахалин и Курилы советских граждан (М.С. Высоков, А.И. Костанов)	461
16.2. Сахалин и Курильские острова в 1947-1953 годах (М.С. Высоков)	463
16.2.1. Формирование на Сахалине и Курильских островах партийных и государственных органов.....	463
16.2.2. Решение о строительстве железнодорожного тоннеля между Сахалином и материком.....	465

16.2.3. Строительство железной дороги Комсомольск-на-Амуре – Победино.....	467
16.2.4. Экономическое развитие Сахалина и Курил в конце 40-х – начале 50-х годов.....	468
16.2.5. Катастрофа на Северных Курилах.....	471
16.2.6. Сахалинский и курильский вопросы на Сан-Францисской конференции.....	473
16.3. Сахалинская область в период «оттепели» (1953-1964 годы) (М.С. Высоков).....	476
16.3.1. Смерть И.В. Сталина и начало перемен.....	476
16.3.2. Прекращение строительства железной дороги Комсомольск-на-Амуре – Победино. Мартовская амнистия.....	479
16.3.3. Визит в Сахалинскую область Н.С. Хрущева.....	480
16.3.4. Борьба с северными льготами и ее последствия.....	482
16.3.5. Хрущевские эксперименты в области управления народным хозяйством.....	485
16.3.6. Экономическое развитие Сахалинской области в период «оттепели».....	485
16.3.7. Начало работы в Сахалинской области П.А. Леонова.....	489
16.3.8. Начало «оттепели» и курильский вопрос.....	491
16.3.9. Московская декларация 1956 года и ее последствия.....	495
16.4. Сахалинская область в период «застоя» (1965-1984 годы) (М.С. Высоков).....	500
16.4.1. Смещение Н.С. Хрущева и сахалинская номенклатура.....	500
16.4.2. Возвращение части северных льгот и начало нового роста численности населения Сахалинской области.....	501
16.4.3. Развитие промышленности.....	501
16.4.4. Сельское хозяйство Сахалинской области в период «застоя».....	504
16.4.5. Развитие транспорта и связи.....	505
16.4.6. Курильский вопрос в период «застоя».....	505
16.5. Сахалинская область в период «перестройки» (1985-1991 годы).....	507
16.5.1. Нарастание кризисных явлений в экономике области (А.И. Костанов).....	507
16.5.2. Новые тенденции общественно-политической жизни (А.И. Костанов).....	508
16.5.3. «Вся власть Советам» – лозунг старый, подход новый (А.И. Костанов).....	510
16.5.4. Курильский вопрос в период «перестройки» (М.С. Высоков).....	512
16.5.5. Последствия событий 19-21 августа 1991 года в Сахалинской области (А.И. Костанов).....	514
Глава 17. Сахалин и Курильские острова в постсоветский период (М.С. Высоков).....	516
17.1. Шоковая терапия на Сахалина и Курилах и ее последствия.....	516
17.1.1. Гайдаровские реформы.....	516

17.1.2. Приватизация.....	517
17.1.3. Экономический кризис	518
17.1.4. На сахалинский шельф приходят иностранные компании.....	519
17.1.5. Социальные последствия рыночных реформ.....	519
17.1.6. Землетрясение на Южных Курилах.....	522
17.1.7. Война между главой областной администрации и областным Советом	522
17.1.8. Ликвидация Советов в Сахалинской области.....	523
17.1.9. Избирательные кампании 1993-1994 годов	524
17.1.10. Курильская проблема и внешняя политика России	526
17.2. Сахалинская область начинает адаптироваться к условиям рынка.....	527
17.2.1. Замедление темпов экономического спада	527
17.2.2. Начало работ на сахалинском шельфе	528
17.2.3. Бедность, безработица и социальные конфликты.....	529
17.2.4. Отставка губернатора Е.А. Красноярова	531
17.2.5. Нефтегорское землетрясение	531
17.2.6. Избирательные кампании 1995-1997 годов. Кризис власти в Сахалинской областной Думе и его преодоление.....	532
17.2.7. Первый устав Сахалинской области. Флаг и герб Сахалинской области	535
17.2.8. Территориальный вопрос на встречах в Красноярске и Москве.....	537
17.3. Начало преодоления кризиса.....	538
17.3.1. Экономика Сахалинской области вступает в период подъема	538
17.3.2. Избирательные кампании 1999-2000 годов	539
17.3.3. Визит президента В.В. Путина на Сахалин	541
17.3.4. Президент В.В. Путин обсуждает в Японии территориальную проблему.....	542
17.4. Основные тенденции развития Сахалинской области в начале нового столетия.....	543
17.4.1. Общество и власть	543
17.4.2. Властная вертикаль.....	544
17.4.3. Противоречия и издержки экономического роста.....	546

Часть пятая. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

Глава 18. Сахалин и Курильские острова как место встречи представителей различных этнических групп (М.С. Высоков).....	549
18.1. Контактная зона.....	549
18.2. Коренное и пришлое население на Сахалине и Курильских островах.....	551
18.3. Влияние колонизации на жизнь коренного населения Сахалина и Курил.....	554
Глава 19. Коренное население: нивхи. (М.И. Ищенко)	563
19.1. Общие сведения.....	563
19.2. Традиционное хозяйство.....	564

19.3. Поселения и традиционное жилище.....	568
19.4. Одежда.....	571
19.5. Традиционные средства передвижения	573
19.6. Социальная организация и общественный быт нивхов.....	575
19.7. Мировоззрения, мифология и культовая практика	578
19.8. Фольклор.....	582
19.9. Декоративное искусство.....	584
Глава 20. Коренное население: уйльта (М.И. Ищенко).....	587
20.1. Общие сведения.....	587
20.2. Традиционные занятия	590
20.3. Поселения, традиционное жилище.....	597
20.4. Одежда.....	601
20.5. Средства передвижения	603
20.6. Общественный строй и традиционные семейные отношения.....	604
20.7. Традиционные верования	606
20.8. Декоративное искусство.....	608
Глава 21. Коренное население: айны (М.И. Ищенко).....	610
21.1. Общие сведения.....	610
21.2. Традиционное хозяйство.....	613
21.3. Поселения и традиционные жилища.....	617
21.4. Одежда.....	619
21.5. Средства передвижения айнов	620
21.6. Социальная организация и общественный быт айнов.....	622
21.7. Мировоззрения, мифология и культовая практика	623
21.8. Фольклор.....	628
21.9. Декоративное искусство.....	630
21.10. Судьба сахалинских и курильских айнов в XX столетии	631
Глава 22. Русское старожильческое население Сахалина (М.И. Ищенко).....	632
22.1. Состав и численность жителей	632
22.2. Особенности семейного состояния сахалинцев.....	639
22.3. Занятия и хозяйственные традиции жителей.....	643
22.3.1. Сельскохозяйственное освоение Сахалина.....	643
22.3.2. Рыбная ловля, другие занятия населения	648
22.4. Посты, деревни, селения.....	651
22.5. Дом и двор.....	656
22.6. Русские старожилы Сахалина как территориально-культурная общность	661
Заключение (М.С. Высоков, А.А. Василевский).....	664
Рекомендуемая литература	669
Указатель имен.....	680
Указатель географических названий.....	695

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди задач, стоящих перед высшими и средними учебными заведениями Сахалинской области, одной из важнейших является подготовка специалистов, обладающих знаниями об особенностях Сахалина и Курильских островов и максимально приспособленных к работе в их специфических условиях. Немаловажное значение имеет и то, что для сотен тысяч людей Сахалин и Курилы являются малой родиной, воспитывать любовь к которой также призвана школа.

В связи с этим еще в 1998 году один из авторов настоящего учебного пособия разработал программу «Сахалиноведение» для всех уровней образования в Сахалинской области¹. Одним из наиболее перспективных направлений названной программы является разработка учебных пособий по истории Сахалина и Курильских островов. Предлагаемая вниманию читателей книга «История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия» адресована студентам высших учебных заведений, аспирантам, преподавателям высшей и средней школы, краеведам, а также всем интересующимся историей российских островных владений в северной части Тихого океана.

Приступая к подготовке нового учебного пособия по истории Сахалина и Курильских островов, авторы стремились, прежде всего, разобраться с вопросом о методологических принципах, которые должны лежать в основе данной работы. И для начала нам было необходимо определиться с тем набором приемов научного исследования, который мог бы принести наибольшую пользу. Необходимо отметить, что существует целый ряд общенаучных принципов, о которых нельзя забывать любому исследователю, независимо от специфики его научного направления.

Наиболее существенным из таких общенаучных принципов является стремление любой науки к достижению истины. Данное положение особенно важно в свете некоторых особенностей развития российской историографии, которая очень часто находилась в плену навязанных ей извне и не подкрепленных фактическими материалами догм и представлений. Ведь в течение семи десятилетий российская историография испытывала постоянное давление со стороны мощных идеологических служб советского государства. Вульгарное смешение коммунистической идеологии и научной методологии надолго отбило у большинства российских историков хоть какой-то интерес к теории.

Пожалуй, ярче многих подобные взгляды выразил известный российский историк Арон Гуревич:

«Глобальные системы, будь то провиденциальная и символическая теология истории средневековья либо системы Гегеля, Маркса, Шпенглера, образовывали прокрустово ложе, куда историкам предлагалось укладывать свой материал... В противоположность философии, социологии и политической экономии история – наука не об общих законах, а о конкретном и индивидуальном, уникальном и неповторимом»².

Однако, на наш взгляд, подобный подход ставит российских историков в довольно сложное положение. Ведь для научного осмысления как отдельных исто-

¹ Высоков М.С. К вопросу о разработке и реализации программы «Сахалиноведение» // Краеведческий бюллетень. 1998. № 1. С. 153-156.

² Гуревич А.Я. Двойкая ответственность историка // Проблемы исторического познания. М., 1999. С. 18.

рических явлений, так и исторического процесса в целом российская историческая наука не может обойтись без определенных теоретических ориентиров. Поэтому, несмотря на многочисленные декларации о «преодолении догм», теория все-таки возвращается. При этом подобное возвращение часто происходит без ведома самих порвавших с теорией авторов исторических исследований.

Наиболее оптимальным выходом из создавшегося положения является сознательный поиск именно тех теорий и методов, которые могут быть максимально полезны как исследователю, так и тому, кто может воспользоваться плодами его трудов. Синтез теорий, подходов и методов исследования на протяжении столетий являлся важной составной частью в развитии любой науки. И российским историкам необходимо на основании тщательного анализа выделить из всей совокупности имеющихся философско-исторических теорий и подходов все то, что позволяет расширить и углубить изучение и мирового, и российского исторического процесса. Нужен синтез идей и методов, а не механическое отбрасывание одних из них и замена их другими.

По нашему мнению, среди целого ряда таких полезных для российских историков инструментов может быть марксистское учение об общественно-экономических формациях. На протяжении значительной части XX столетия марксизм являлся официальной государственной идеологией не только на огромной территории бывшего Союза Советских Социалистических Республик, но и в большинстве стран Восточной Европы и Восточной Азии. Именно в это время учение Карла Маркса и его последователей было абсолютизировано руководством правящей партии как единственная подлинно научная общественная теория, что очень сильно скомпрометировало его в глазах исследователей.

Подобное положение дел подтолкнуло видного американского социолога Даниела Белла к выводу о том, что «любой вопрос, обретающий идеологическую окраску, становится искаженным»³. Правда еще за полвека до этого утверждения немецкий социолог Макс Вебер выдвинул тезис о том, что «там, где человек науки приходит со своим собственным целостным суждением, уже нет места полному пониманию фактов»⁴.

Создавая свою теорию общественно-экономических формаций, К. Маркс опирался на довольно ограниченный круг источников, охватывавших к тому же в основном историю Западной Европы. Многие использовавшиеся основоположником марксизма исторические материалы в наши дни безнадежно устарели. Однако, несмотря на это, формационный подход содержит элементы, которые делают его чрезвычайно полезным в процессе изучения истории. В частности огромным исследовательским потенциалом обладают постулаты о единстве человечества, непрерывности истории и стадильности исторического процесса.

Правда, справедливости ради следует отметить, что названные постулаты были заимствованы им «из иудео-христианской традиции, где господствуют представления о единстве происхождения человечества, о линейности времени, а также телеологическое понимание истории (идушей к Страшному суду и установлению царства Божия на земле). От них нельзя отделаться, не порывая со всем европейским мировоззрением, т. е. практически это неосуществимо. Неискоренимо также

³ Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. М., 1999. С. 370.

⁴ Вебер М. *Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения*. М., 1990. С. 723.

представление об этапности истории, о том, что человечество переживает в своем развитии ряд стадий»⁵. Однако последнее утверждение говорит лишь о том, что марксизм, вне всякого сомнения, является неотъемлемой составной частью европейской философской традиции.

Значительные возможности для изучения истории Сахалина и Курильских островов дает цивилизационный подход. Для данного подхода (так же как и для теории общественно-экономических формаций) характерны представления о единстве человечества, непрерывности истории и стадиальности исторического процесса. Кстати, именно широчайшее распространение на протяжении многих десятилетий среди российских историков вышеназванных представлений и создало необходимые предпосылки для быстрого признания ими цивилизационной теории. Просто то место, которое в исторической теории ранее отводилось общественно-экономическим формациям, заняли цивилизации. История человечества воспринимается теперь «как смена форм цивилизаций», которые представляют собой «особые формы социокультурной общности людей»⁶.

В связи с этим в настоящее время «центральной методологической проблемой в многомерной сущностной типологии и периодизации является... вопрос о соотношении формационного и цивилизационного подходов в изучении общественно-исторического развития»⁷. И наибольший успех историку сегодня может принести сочетание обоих вышеназванных подходов.

В XX столетии стремление к теоретико-методологическому синтезу в исторических исследованиях наиболее ярко проявилось в работах французской школы «Анналов». Данная историческая школа, как отмечает Арон Гуревич,

«ломает заборы, традиционно разгораживавшие науку историю, взятую в целом, на историю экономики и историю культуры, историю религии и историю повседневной жизни, историю церкви и историю общества, историю литературы и историю искусства, историю техники и историю мысли... – заборы, воздвигнутые дифференциацией исторических дисциплин, а затем надолго закрепленные университетским образованием»⁸.

Благодаря этому подходу был восстановлен целостный взгляд на историю. Кроме того, для школы «Анналов» характерно использование методов таких смежных дисциплин, как социология, политическая экономия, психология, география и этнология. Ведь, как отметил один из основателей вышеназванного направления исторической науки Марк Блок, история является наукой «о людях во времени»⁹.

Важной составной частью цивилизационного подхода является теория модернизации. На протяжении длительного времени понятие «модернизация» воспринималось чаще всего как синоним «европеизации» или «вестернизации». Однако уже в 70-е годы XX столетия подобный взгляд начинает пересматриваться. Наиболее видные теоретики модернизации стали придавать большое значе-

⁵ Алаев Л.Б. О некоторых новейших цивилизационных подходах к России. Смутная теория и спорная практика // История России: Теоретические проблемы. Вып.1. Российская цивилизация: опыт исторического и междисциплинарного изучения. М., 2002. С. 74.

⁶ Ахиезер А.С. Динамика цивилизационного анализа российского общества // История России: Теоретические проблемы. Вып.1. С. 91.

⁷ Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 23.

⁸ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993. С. 6-7.

⁹ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 18.

ние проблеме сохранения цивилизационного своеобразия в ходе трансформации традиционного общества. Как отмечает американский политолог и социолог Самюэль Хантингтон,

«модернизация не обязательно означает вестернизацию. Не-западные общества могут модернизироваться и уже сделали это, не отказываясь от своих родных культур и не перенимая оптом все западные ценности, институты и практический опыт». Именно сохранение и учет своеобразия, соответствие избранного варианта модернизации традиционной культуре общества считается главным условием успеха данного процесса. Более того, модернизация усиливает эти культуры и сокращает относительное влияние Запада. В итоге «мир становится более современным и менее западным»¹⁰.

Чрезвычайно интересный подход для понимания истории человечества был предложен основателем теории постиндустриального общества Даниелом Беллом, сосредоточившим свое внимание «на влиянии технологии – не в качестве автономного фактора, но в качестве инструмента анализа, позволяющего проследить, к каким социальным изменениям приводят новые технологии и какие проблемы общество и его политическая система должны в результате решать»¹¹.

В качестве осевого фактора, позволяющего определить направление происходящих в обществе изменений, Д. Белл использует разработанный им социально-технологический подход¹². Смысл данного подхода состоит в том, что в отличие от сторонников социально-экономического подхода, берущих за основу своего анализа отношения собственности и выделяющих в качестве основных ступеней исторического развития первобытнообщинный строй, рабовладельческое общество, феодализм, капитализм и социализм, Д. Белл главное внимание уделяет развитию технологии. В соответствии с этим он выделяет в развитии человечества три основных этапа: доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный¹³.

Одной из ветвей постиндустриальной теории стала концепция информационного общества, сторонники которой рассматривают информацию и знание как непосредственную производительную силу, являющуюся важнейшим фактором современного хозяйства. Как отмечал Д. Белл,

«в наступающем столетии решающее значение для экономической и социальной жизни, для способов производства знания, а также для характера трудовой деятельности человека приобретает становление нового социального уклада, зиждущегося на телекоммуникациях. Революция в организации и обработке информации и знаний, в которой центральную роль играет компьютер, развертывается одновременно со становлением постиндустриального общества»¹⁴.

Синтез рассмотренных выше теорий помогает нам преодолеть старые догмы и по-новому взглянуть на историю островного мира северной части Тихого океана.

История Сахалина и Курильских островов чрезвычайно сложна, противоречива и запутана. Это объясняется тем, что, во-первых, источники по истории островов все еще недостаточно хорошо изучены. Во-вторых, и Сахалин, и Курильские острова в течение долгого времени являлись объектом острого территориально-

¹⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 112.

¹¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. С. CXLIX-CL.

¹² Там же. С. CXLVI.

¹³ Там же. С. XCVIII-XCIX.

¹⁴ Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технологическая волна на Западе. М., 1986. С. 330.

го спора между Российской империей (а также ее правопреемниками – СССР и Российской Федерацией) и Японией. В связи с этим многие, как российские, так и японские, исследователи не столько изучали историю островов, сколько подыскивали аргументы для своих правительств в их вековом споре. Вплоть до начала 90-х гг. XX столетия российские историки основное внимание уделяли поискам доказательств того, что «Сахалин и Курилы принадлежат нашей Родине по праву первооткрытия и первоисследования, по праву первоосвоения и первоприсоединения». Все то, что не укладывалось в данную, заранее заданную схему, игнорировалось, замалчивалось, объявлялось фальсификацией.

В настоящее время у российских историков появилась возможность попытаться воссоздать подлинную историю Сахалина и Курильских островов. Это стало возможным, прежде всего, благодаря смене в России политического режима и ликвидации старых идеологических служб (включая предварительную цензуру), облегчению доступа к материалам отечественных архивов и библиотек, развитию связей с зарубежными исследователями и организациями. В то же самое время в России пока отсутствуют влиятельные идеологические службы, способные полностью подавить историка, заставить его идти против своей совести, выполняя любой заказ власти.

Приступая к работе над объективной историей Сахалина и Курильских островов, российские исследователи должны отказаться от психологии первооткрывателей-первопроходцев. Необходимо понять, что к нашей стране были присоединены не какие-то никому не ведомые земли, а острова, населенные народами со своеобразной и древней культурой. Эта история не началась в тот момент, когда на островах появились первые русские или японцы. Ведь первые люди появились здесь более двухсот тысяч лет назад. В связи с этим крайне неубедительно выглядят попытки свести историю Сахалина и Курильских островов исключительно к истории освоения их Россией или Японией или истории векового противостояния двух держав. История Сахалина и Курильских островов – это история нивхов, айнов и ороков (уйльга), это часть истории китайцев и маньчжуров, монголов и корейцев, голландцев и французов, англичан и американцев. И конечно, это немаловажная часть истории народов России и Японии.

По нашему мнению, главное содержание истории Сахалина и Курильских островов – это процесс освоения данных земель человеком. В течение многих тысячелетий на островах зарождались и привносились извне, расцветали, приходили в упадок и гибли разнообразные культуры. На смену одним господствующим культурно-хозяйственным типам и цивилизациям приходили другие. И мы, так же как и представители других народов, не первые и, к сожалению, не последние в этой многотысячелетней истории борьбы, сосуществования и смены культур на наших островах.

Сахалин и Курильские острова интересны не только сами по себе. На протяжении своей многотысячелетней истории они (полностью или частично) побывали и составной частью огромного сухопутного моста, соединявшего Азию и Америку, и варварской периферией великой китайской цивилизации, и зоной влияния средневековых тунгусо-маньчжурских государств Дальнего Востока, и далекой окраиной Монгольской, Маньчжурской, Российской, Японской и

Советской империй. В связи этим история островов должна рассматриваться в контексте как истории России, так и всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

Новые подходы в значительной степени определили как содержание, так и структуру данной книги. Она состоит из предисловия, пяти частей и заключения. Первая часть посвящена российской историографии истории Сахалина и Курильских островов. Вторая – истории островов в эпохи древности и средневековья. Третья – истории Сахалина и Курил в новое время, которое, по мнению авторов, охватывает период с начала XVII столетия до русско-японской войны 1904-1905 годов. Четвертая часть посвящена новейшей истории островов, которая охватывает время с начала XX столетия до наших дней. Пятая часть посвящена этническому составу и этнической истории Сахалина и Курильских островов.

Кроме того, в работу включены список рекомендуемой литературы, указатели имен и географических названий.

Часть первая. РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

Глава 1

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

1.1. Зарождение российской историографии истории островов в северной части Тихого океана. Г.Ф. Миллер

Зарождение российской историографии истории островов в северной части Тихого океана тесно связано с именем выдающегося российского историка Герарда Фридриха Миллера.

Г.Ф. Миллер родился в 1705 году в Вестфалии. Образование получил сначала в гимназии, а затем в Рингельнском и Лейпцигском университетах, где ему была присвоена степень бакалавра. Как отмечал С. В. Бахрушин, «из немецких университетов он вынес, по-видимому, хорошие по тому времени лингвистические познания, знание классической литературы, знакомство с новейшими теориями в области лингвистики и этнографии»¹.

В 1725 году Г.Ф. Миллер был приглашен в Россию для работы в только что созданной Императорской Академии наук. В 1730 году он получил звание профессора и стал полноправным членом академии. Вскоре после приезда в Санкт-Петербург начинающий исследователь проявил интерес к самым дальним восточным владениям Российской империи. В 1728 году на страницах издававшегося Академией наук «Календаря или месяцослова исторического на лето от Рождества Господа нашего Иисуса Христа 1729» Г.Ф. Миллер начинает публикацию цикла статей, посвященных Камчатке. В «Календарях» на 1730, 1731 и 1732 годы публикация камчатского цикла была продолжена. В первых статьях было немало ошибок. Так, Г.Ф. Миллер отождествлял Камчатку с «Землей Ессо». Позднее данная ошибка будет им исправлена².

В очередной статье камчатского цикла, опубликованной в «Календаре или месяцослове историческом» на 1731 год, Г.Ф. Миллер напишет об экспедиции Владимира Атласова. Именно здесь он впервые упоминает об открытии русскими казаками Курильских островов:

«В бытность Володимерову при реке Камчатке тамошние обыватели сказывали ему, что прямо против той реки есть некоторый остров, на котором неизвестные люди живут. Такие же вести слышал он и в Курильской земле, будто многие острова и с городами напротив

¹ Бахрушин С. В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М., 1999. С. 27.

² Греков В.И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725-1765 гг. М., 1960. С. 323.

их имеются. Однако ж никакого известия он от курильцов больше получить не мог, токмо, что, они к курильцам ежегодно преизрядные сосуды и платье изполосатно и другога разных цветов штофа привозят»³.

В 1733 году, узнав о подготовке Второй Камчатской экспедиции под руководством В. Беринга, Г.Ф. Миллер выразил желание принять в ней участие. Данному решению было суждено сыграть важнейшую роль в его дальнейшей научной карьере. Те десять лет, которые Г.Ф. Миллер провел в Сибири, сыграли колоссальную роль в его становлении как ученого. Вот что писал об этом С. В. Бахрушин:

«В 1733 г. из Петербурга выезжал еще новичок, приступавший лишь к работе над историческими источниками. Через десять лет Миллер вернулся уже выдающимся специалистом не только в области истории, но и географии и этнографии. Десять лет непосредственной работы в архивах и наблюдений на месте дали ему не только обширные и всесторонние познания... За эти годы выработались его научные методы, его приемы работы над источниками, его принципиальные взгляды на задачи и приемы исторического исследования. Его научной лабораторией, в которой сложилась его научная техника и выкристаллизовывались его взгляды на задачи исторического труда, были сибирские архивы. С исключительной работоспособностью, с поразительной неутомимостью извлекал он из массы «архивных писем» необходимые ему данные и на ходу обрабатывал их... На живом деле сложился выдающийся исследователь, на непосредственной работе над источниками выросла отличавшая его высокая техника. Можно сказать, что десять лет Камчатской экспедиции создали Миллера как ученого европейского масштаба»⁴.

В 1733-1743 гг. Г.Ф. Миллер побывал практически во всех главнейших местностях Сибири от Березова до Якутска. Благодаря этому ему удалось собрать огромный материал по этнографии сибирских инородцев, местной археологии и современному состоянию края. Но самым важным итогом десятилетнего путешествия Г.Ф. Миллера стала огромная коллекция копий документов по русской и сибирской истории, которую он вывез из Сибири. Особую ценность этой коллекции (так называемым «портфелям Миллера») придает то обстоятельство, что многие архивы, в которых он побывал и обследовал и копирование документов которых организовал, в последующие годы погибли в пламени пожаров. И сегодня о многих событиях сибирской и дальневосточной истории конца XVI – начала XVIII вв. мы знаем исключительно благодаря «портфелям Миллера».

Для подавляющего большинства читателей имя Г.Ф. Миллера знакомо в основном в связи с его длительным конфликтом с великим русским ученым Михаилом Васильевичем Ломоносовым. На первый взгляд, остроту и продолжительность данного конфликта предопределило разное отношение двух исследователей к так называемой норманнской теории. Однако на самом деле все было гораздо глубже. Как отмечает А.Б. Каменский, «за спором двух, может быть, самых ярких личностей в Петербургской академии наук XVIII в. стояло разное понимание задач историка и целей исторического исследования...»⁵.

По глубокому убеждению М.В. Ломоносова, историограф должен быть «человек надежный и верный и для того нарочно присягнувший, чтобы никогда и никому не объявлять и не сообщать известий, надлежащих до политических дел практического состояния... природный россиянин... чтоб не склонен в своих исторических со-

³ Цитируется по: Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982. С. 46-48.

⁴ Бахрушин С. В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М., 1999. С. 28-29.

⁵ Каменский А.Б. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705-1783) // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. М., 1996. С. 383.

чинениях ко шпынству⁶ и посмеянию⁷. Его негативное отношение к Г.Ф. Миллеру определялось именно тем, что тот якобы был занят только тем, что выискивал «пятна на одежде российского тела»⁸. По существу, М.В. Ломоносов обвинял Г.Ф. Миллера в политической неблагонадежности. Однако, как отмечает тот же А.Б. Каменский, «нет никаких оснований подозревать Миллера в каких-либо антирусских настроениях и предубеждениях. Напротив, вся его жизнь и деятельность подтверждают слова Шлецера о том, что «в отношении достоинства России» он был «горячим патриотом». Дело было именно в понимании научной истины и ее значения. По мнению Миллера, она не должна была зависеть от политических пристрастий и конъюнктуры. Историк «должен казаться без отечества, без веры, без государя, – писал он, – все, что историк говорит, должно быть строго истинно и никогда не должен он давать повод к возбуждению к себе подозрения в лести»⁹. Этот конфликт не исчерпан до настоящего времени. Борьба между теми, чьим пером движет политическая целесообразность, и теми, кто занят поисками исторической истины, продолжается.

Огромный документальный массив, вывезенный Г.Ф. Миллером из Сибири, лег в основу целого ряда его научных трудов. Наиболее значительным из них является «История Сибири». К сожалению, в полном объеме этот труд до сих пор так и не увидел свет. При жизни автора был издан только первый том, впервые опубликованный на русском языке в 1750 году¹⁰. В 1764 году на страницах «Ежемесячных сочинений и известий о ученых делах» под заглавием «Сибирская история» будут опубликованы три главы из второго тома¹¹. Полностью второй том «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера увидит свет только в 1941 году¹², а третий том – в 2005 году¹³. На этом издание классического труда Г.Ф. Миллера пока приостановлено. Оставшиеся неопубликованными материалы «Истории Сибири» все еще ждут своего издателя.

Из материалов, опубликованных в третьем томе «Истории Сибири», нас более всего интересует глава «Древнейшая история Якутска и Якутского уезда. Основание ясачных зимовий и острогов: Жиганского, Усть-Киренгского, Олекминского, Бутальского и др. Открытия у Ледовитого океана, Охотского моря и по разным рекам». Пять параграфов вышеназванной главы (43-47) посвящены экспедиции И.Ю. Москвитина, в ходе которой русские казаки впервые вышли к Охотскому морю и собрали первые сведения о реке Амур¹⁴.

Кроме первого и части второго тома «Истории Сибири» при жизни Г.Ф. Миллера были опубликованы и другие работы, основанием которым послужили вывезенные из Сибири материалы. Так, материалы якутского архива были использованы им при подготовке статьи «История о странах, при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под российским владением», увидевшей свет в 1757 году на страницах основанного Г.Ф. Миллером научно-популярного журнала «Ежемесячные

⁶ Шпынство – ядовитые насмешки, колкие обиняки, попреки; шутовство, замашки, шутики и балагурство шута. См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4. М., 1991. С. 644.

⁷ Каменский А.Б. Указ. соч. С. 384.

⁸ Там же. С. 383.

⁹ Там же. С. 384.

¹⁰ Миллер Г.Ф. Описание Сибирскаго Царства и всех произшедших в нем дел, от начала а особливо от покорения его Российской Державе по сии времена. Кн.1. СПб., 1750. В 1787 году свет увидело второе издание первого тома.

¹¹ Миллер Г.Ф. Сибирская история // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. СПб., 1764. Т.20. Январь. С. 3-43; Февраль. С. 99-135; Март. С. 195-237; Апрель. С. 291-324; Май. С. 387-418; Июнь. С. 483-528.

¹² Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.2. М.; Л., 1941.

¹³ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.3. М., 2005.

¹⁴ Там же. С. 79-80.

сочинения, к пользе и увеселению служащие». В данной статье Г.Ф. Миллер уделяет большое внимание экспедициям русских казаков на Амур. В частности, в ней говорится об экспедиции В.Д. Пояркова, в результате которой в России была получена первая информация об острове, лежащем против Амурского устья¹⁵.

Особое внимание нам хотелось уделить большой статье Г.Ф. Миллера «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с российской стороны учиненных». Данная работа была опубликована в 1758 году на страницах вышеупомянутого журнала (только в то время он назывался «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие»)¹⁶.

В своем «Описании морских путешествий» Г.Ф. Миллер, опираясь на все известные ему документальные источники, а также на наиболее важные западноевропейские публикации, дал краткий обзор всех экспедиций по обследованию Курильских островов, имевших место в XVII и первой половине XVIII вв. Особо следует отметить тот факт, что при подготовке своей статьи Г.Ф. Миллер широко использовал практически все имевшиеся в середине XVIII века русские и западноевропейские карты северной части Тихого океана. Он анализирует карты И. Козыревского, И. Евреинова, Ж.Н. Делиля, Ж.Б. Дюгальда, Ж.-Б. Д'Анвиля, Ж.Н. Беллина, а также карты Второй Камчатской экспедиции (в том числе карты плаваний М. Шпанберга к берегам Японии в 1738-1739 гг.). Именно благодаря комплексному использованию всех видов источников Г.Ф. Миллер не только рассказал читателю об экспедициях М.Г. Фриза¹⁷, В. Атласова, Д. Анциферова и И. Козыревского, И. Евреинова и Ф. Лужина, М. Шпанберга, но и сумел объективно оценить вклад каждой в изучение островного мира северной части Тихого океана.

И, наконец, в своем «Описании морских путешествий» Г.Ф. Миллер делает попытку выяснить судьбу сподвижника Семена Дежнева Федота Алексеева, или, как его называют в более поздних публикациях, Федота Алексеева Попова, Федота Холмогорца, Федота Колмогорцева, Федота Кочевщика. Именно от Г.Ф. Миллера берет начало гипотеза, в соответствии с которой и сам Ф. Алексеев, и его люди окончили свои дни на Камчатке. Впоследствии данные рассуждения Г.Ф. Миллера лягут в основу версии о плавании Ф. Алексеева в 1649 году мимо мыса Лопатка (южной оконечности Камчатки) в Пенжинское (Охотское) море. В ходе этого плавания русские землепроходцы якобы впервые увидели Курильские острова.

Сибирские материалы Г.Ф. Миллера легли в основу целого ряда сочинений его современников. В частности, находившиеся у Г.Ф. Миллера копии документов якутского архива были использованы С. П. Крашенинниковым во время работы над главным трудом его жизни – «Описание земли Камчатки»¹⁸. Миллеровские копии

¹⁵ Миллер Г.Ф. *История о странах, при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под российским владением* // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1757. Т.VI. Июль. С. 3-39; Август. С. 99-130; Сентябрь. С. 195-227; Октябрь. С. 291-328.

¹⁶ Миллер Г.Ф. *Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с российской стороны учиненных* // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758. Т.VII. Январь. С. 3-27; Февраль. С. 99-120; Март. С. 195-212; Апрель. С. 291-325; Май. С. 387-409; Т.VIII. Июль. С. 9-32; Август. С. 99-129; Сентябрь. С. 195-232; Октябрь. С. 309-336; Ноябрь. С. 394-424.

¹⁷ Г.Ф. Миллер не упоминает имени руководителя данной экспедиции, а только называет его корабль «Кастриком» (точнее – «Кастрикум»).

¹⁸ Крашенинников С. П. *Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии наук профессором. Предисловие Г.Ф.Миллера. Т.1-2.* СПб., 1755. В 1786 году свет увидело второе издание: Крашенинников С. П. *Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии наук профессором. 2-м тиснением. Т.1-2.* СПб., 1786.

легли в основу четвертой части «Описания», названной С. П. Крашенинниковым «О покорении Камчатки, о бывших в разные времена бунтах, изменах, и о нынешнем состоянии тамошних российских острогов». В названной части среди прочего рассказывается об экспедиции В. Атласова¹⁹ и о походе на Северные Курилы камчатских казаков под предводительством Д. Анциферова и И. Козыревского²⁰. Значительный интерес представляют и те сведения о населении Курильских островов, которые были опубликованы С. П. Крашенинниковым в третьей, а также в первой частях его камчатского описания²¹.

Большое влияние на многих российских историков, которые в той или иной степени затрагивают в своих работах историю открытия Курильских островов, оказал первый абзац первой главы четвертой части «Описания земли Камчатки».

«Кто первой из российских людей был на Камчатке, о том не имею достоверного свидетельства – отмечает С. П. Крашенинников; – а по словесным известиям приписывается сие некакому торговому человеку Федоту Алексееву, по котораго имени впадающая в Камчатку Никул речка Федотовщиною называется: будто он пошел из устья реки Колымы Ледовитым морем в семи кочах, будто погодою отнесен от других кочей и занесен на Камчатку, где он и зимовал со своим кочем, а на другое лето обшед Курильскую лопатку дошел Пенжинским морем до реки Тигиля, и от тамошних коряк убит зимою со всеми товарищи...»²²

При работе над своей знаменитой книгой С. П. Крашенинников опирался также и на рукописные материалы своего коллеги Г.В. Стеллера.

Выдающийся российский натуралист и путешественник Георг Вильгельм Стеллер родился в 1709 году в небольшом немецком городке Виндсхейм. Образование получил в местной гимназии, а затем в университетах Виттенберга и Галле. В 1734 году переехал в Россию, где был принят на службу в Академию наук. Принял участие во Второй Камчатской экспедиции под руководством В. Беринга. В начале 40-х годов XVIII столетия ему удалось собрать чрезвычайно интересный материал о географии, геологии, климате, растительном и животном мире, населении и истории Камчатки. Кроме того, им были собраны материалы о курильцах (или куши), живших на островах, лежащих к югу-востоку от Камчатского полуострова. В 1744 году Г.В. Стеллер покинул Камчатку, но ему было не суждено вернуться в Санкт-Петербург. В 1746 году он умер в Тюмени.

Собранные Г.В. Стеллером коллекции, а также его рукописи были доставлены в Академию наук. Среди последних следует особо выделить фундаментальное исследование «Описание земли Камчатки», которое было опубликовано на немецком языке только через 28 лет после смерти ученого²³. Полный русский перевод этой замечательной книги увидит свет только в самом конце XX столетия²⁴.

Рукописи Г.Ф. Миллера были использованы также его коллегой по Санкт-Петербургской Академии наук И.Э. Фишером. Дело было в том, что, по мнению руководства академии, работа над «Историей Сибири» продвигалась крайне медленно, и оно поручило И.Э. Фишеру эту работу продолжить. Однако И.Э. Фишер ограничился тем, что подготовил к печати сокращенный пересказ сочинения Г.Ф. Миллера. При этом им были использованы не только уже опубликованные гла-

¹⁹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т.2. СПб., 1755. С. 192-194.

²⁰ Там же. С. 209, 214.

²¹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб., 1755. Т.2. С. 179-188; Т.1. С. 103-107.

²² Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб., 1755. Т.2. С. 190.

²³ Steller G.W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt am Main; Leipzig, 1774.

²⁴ Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1999.

вы «Сибирской истории», но и те, которые пока оставались в рукописном виде. По нынешним представлениям то, что сделал И.Э. Фишер, является плагиатом. Тем не менее его «Сибирская история» была издана в 1768 году на немецком²⁵, а в 1774 году – на русском языке²⁶. Сахалин в данной работе упоминается в связи с Амурской экспедицией В.Д. Пояркова²⁷.

Одним из наиболее значимых изданий последней четверти XVIII столетия стало фундаментальное исследование Иоганна Готлиба Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей». Сначала в 1776-1777 гг. в Санкт-Петербурге на русском языке свет увидели первые три части названного исследования²⁸. Практически одновременно труд И.Г. Георги был издан на немецком и французском языках. В 1780 году на немецком языке была опубликована четвертая часть книги, которой не было в первом русском издании. Уже в 1799 году свет увидело второе русское издание «Описания», в которое была включена и четвертая часть²⁹.

Фундаментальный труд И.Г. Георги, ставший первым сводным этнографическим описанием России, был высоко оценен как современниками, так и их потомками. «Описание» состоит из кратких очерков, посвященных каждому народу, проживавшему на огромной территории Российской империи. Каждый очерк включал в себя сведения о названии народа, области его расселения, его языке, религии, численности, хозяйственном укладе, одежде. Третья часть «Описания» содержит материалы, посвященные «семоядским, манджурским и восточным сибирским народам». В числе этих народов описаны и курильцы.

Очерк «Курильцы» начинается с описания Курильских островов, в число которых включен и «Матмай, лежащий от Японии только в 30 верстах». В очерке дается как краткая географическая характеристика островов, так и описание их растительного и животного мира. «Севернейшие острова повинуются российской, а южнейшие японской власти; многие независимы», – отмечает И.Г. Георги. Автор дает краткое описание внешнего вида курильцев, их нравов, занятий, лодок, жилищ, одежды, прически, пищи, торговли, внутрисемейных отношений. Особое внимание уделяется вопросу об отношениях между курильцами и японцами³⁰.

Следующий шаг в изучении истории Курил был сделан М. Татариновым. В 1785 году свет увидела его работа «Описание Курильских островов»³¹. В данной ста-

²⁵ Для немецкого издания лично И.Э. Фишером было написано предисловие и подробный указатель.

²⁶ Фишер И.Э. Сибирская История с самага открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием, сочиненная на немецком языке и в собрании Академическом читанная членом Санктпетербургской академии наук и профессором древностей и истории, так же членом Исторического Геттингенскаго собрания Иоганном Ебергардом Фишером. СПб., 1774.

²⁷ Там же. С. 577.

²⁸ Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 1-3. СПб., 1776-1777.

²⁹ Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 1-4. СПб., 1799.

³⁰ Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 3. Семоядские, манджурские и восточные сибирские народы. СПб., 1777. С. 85-88; Он же. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 3. О народах семоядских, манджурских и восточных сибирских, как и о шаманском законе. СПб., 1799. С. 78-80.

³¹ Татаринов М. Описание Курильских островов // Исторический и географический месяцеслов на 1785 год. СПб., 1785. С. 73-114. В 1790 году данный материал был переиздан. См.: Татаринов М. Описание Курильских островов // Собрание сочинений, выбранное из месяцесловов на разные годы. Ч. 6. СПб., 1790. С. 63-103.

ть, основанной на записках И. Черного, И. Очередина и И. Антипина, впервые в российской историографии рассказывалось о русских экспедициях на Южные Курилы в 60–70-е гг. XVIII столетия.

Материалы М. Татарина (или, может быть, материалы, легшие в основу статьи М. Татарина) были использованы Г.И. Шелиховым при составлении детального описания Курильских островов, опубликованного им на страницах изданной в 1791 году книги «Российского купца Григорья Шелехова странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному океану к Американским берегам и возвращение его в Россию»³².

Эти же материалы нашли отражение на страницах изданного в Москве в 1788–1789 годах шеститомного «Нового и полного географического словаря Российского государства» Л.М. Максимовича³³. Этот словарь стал самым первым русским справочным изданием, содержащим сведения как о Курильских островах и Хоккайдо, так и о народе, их заселявшем. В «Новом и полном географическом словаре Российского государства» были опубликованы статьи «Курильские острова»³⁴, «Еторпу»³⁵, «Кунасыр, или Кунашир»³⁶, «Матмай»³⁷ и «Курильцы»³⁸. Появление всех вышеназванных статей стало возможным благодаря тем исследованиям, которые были проведены россиянами на протяжении всего XVIII столетия. Но особую роль сыграл русский прорыв на Южные Курилы в конце 70-х годов XVIII века, благодаря которому эти острова на короткое время оказались в составе Российской империи.

Из всех перечисленных статей самой большой и содержательной является статья «Курильские острова». В самом ее начале Л.М. Максимович отмечает, что Курильские острова могут быть причислены к Иркутскому наместничеству. Таким образом, государственная принадлежность Курил в целом не вызвала у него каких-либо сомнений. Исключение составлял лишь остров Матмай (Хоккайдо), который, по мнению Л.М. Максимовича, входил в число Курильских островов. Этот остров отчасти принадлежал японцам, отчасти – никому не подвластным мохнатым курильцам. Большая часть статьи посвящена истории российских исследований на Курилах. При этом Л.М. Максимович чрезвычайно подробно (конечно, для справочного издания) описывает близкие ему по времени российские исследования 1775–1779 годов. В конце статьи Л.М. Максимович приводит практически полный список Курильских островов³⁹.

³² Шелихов Г.И. *Российского купца Григорья Шелехова странствование с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному океану к Американским берегам и возвращение его в Россию...* СПб., 1791. Два года спустя свет увидело второе издание книги. См.: Шелихов Г.И. *Российского купца именитого Рьльского гражданина Григорья Шелехова первое странствование...* СПб., 1793.

³³ Максимович Л.М. *Новый и полный географический словарь Российского государства или лексикон, описующий азбучным порядком географически, топографически, гидрографически, физические, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически, наместничества, области и уезды; города, крепости, редуты, форпосты, остроги, ясачные зимовья, станицы, местечки, села, погосты, ямы и слободы; соборы, церкви и монастыри; рудные и другие заводы и фабрики; реки, озера и моря; острова и горы; прежние и новые иностранные поселения; обитателей как природных российских, так и других народов, и прочие достопамятные места обширной империи Российской в нынешнем ее состоянии, в царствование императрицы Екатерины Великая ...* Ч. I–VI. М., 1788–1789.

³⁴ Максимович Л.М. *Указ. соч.* Ч. II. С. 346–349.

³⁵ Максимович Л.М. *Указ. соч.* Ч. I. С. 286–287.

³⁶ Максимович Л.М. *Указ. соч.* Ч. II. С. 341–342.

³⁷ Максимович Л.М. *Указ. соч.* Ч. III. С. 163–165.

³⁸ Максимович Л.М. *Указ. соч.* Ч. II. С. 349–350.

³⁹ Максимович Л.М. *Указ. соч.* Ч. II. С. 346–349.

Говоря о Курильских островах, Л.М. Максимович наибольший интерес проявляет к острову Матмай (Хоккайдо). Однако уже в самом начале статьи «Матмай» он сообщает, что не только не располагает какими-либо сведениями о размерах этого, но и вообще не знает, остров ли Матмай или часть материка, соприкасающаяся с китайскими владениями. Автор «Нового и полного географического словаря Российского государства» отмечал, что на южной оконечности острова находится японский город Матмай. Но, как пишет Л.М. Максимович, на весь остров японское владычество не распространялось. Матмаем владели «мохнатые курильцы, ни китайцам, ни японцам не подвластные». В заключение статьи автор дает краткую характеристику курильцев и их торговли. Он сообщает, что китайцы и японцы привозят на Матмай одежду из бумажных и шелковых тканей, лаковую посуду, рис, вино, табак, сабли, ножи, котлы, топоры и т.п. С Матмая же вывозятся шкуры каланов и нерп, меха, китовый жир и жир других морских зверей, рыба, орлиные перья и т.п.⁴⁰

Статья «Курильцы» стала своеобразным итогом почти столетнего изучения этого народа российскими исследователями. В ней Л.М. Максимович давал краткую характеристику аборигенам Курильских островов: описывал их внешний облик («никогда не бреются», «отращивают великую бороду, которая от самых глаз все лицо покрывает; по всему телу имеют мелкие волосы, а на грудях густы и черные; от чего и называются мохнатые»), нравы («курильцы, народ... хотя и во многом схож с камчадалами, однакож как от них, так и от других сибирских диких народов имеет ту отмену, что он добронравнее, осторожнее, постоянное и обходительнее»), одежду («богатые курильцы и начальники носят японские и китайские азамы, а прочие – шитое из кож медвежьих и диких коз платье, и тканое из лыка»), занятия, пищу («имеют пропитание по большей части от больших морских зверей и многих морских птиц»), отношения с соседями (как с японцами, так и с русскими), жилища («живут они в землянках, выкладенных снутри деревом» и «в балаганах, сделанных на столбах, окладенных и покрытых травой»), религиозные представления («о первичном существе никакого понятия не имеют, а объявляют, что в старину кто-то в тумане сходил с неба на землю: обожают птицу филина, имеют множество болванчиков»), похоронный обряд («мертвых зарывают в землю и верят, что они живут под землею»)⁴¹.

1.2. Российская историография истории Сахалина и Курильских островов в первой половине XIX века

В первой половине XIX века интерес как правящих кругов Российской империи, так и читающей публики к островному миру северной части Тихого океана значительно усиливается. Это было связано с целым рядом факторов. Во-первых, на рубеже XVIII-XIX вв. наблюдается активизация российской колонизационной политики на Дальнем Востоке и в Северо-Западной или Русской Америке (создание Российско-Американской компании, русские кругосветные экспедиции и т.п.). Во-вторых, Россия делает первые попытки преодолеть двухвековую самоизоляцию Японии и установить с ней торговые отношения. В-третьих, русская образованная публика проявляет большой интерес к появившимся в печати сообщениям о плаваниях и приключениях в да-

⁴⁰ Максимович Л.М. Указ. соч. Ч. III. С. 163-165.

⁴¹ Максимович Л.М. Указ. соч. Ч. II. С. 349-350.

леких морях Восточного океана западноевропейских мореплавателей Джеймса Кука и Жана Франсуа Лаперуза. И конечно, ее очень интересовали сообщения о не менее захватывающих приключениях отечественных мореплавателей.

И интерес читающей публики был в какой-то степени удовлетворен. Прежде всего следует отметить то обстоятельство, что в первой четверти XIX века одна за другой выходят и становятся весьма популярными книги, написанные российскими путешественниками, принявшими участие в российских кругосветных экспедициях. Именно на страницах этих книг российский читатель мог получить самую свежую и достоверную информацию об островном мире северо-западной части Тихого океана.

Появление самых первых публикаций такого рода было связано с первой кругосветной экспедицией россиян 1803-1806 гг. под руководством Ивана Федоровича Крузенштерна и неудачным посольством в Японию российского дипломата Николая Петровича Резанова.

Здесь прежде всего следует отметить увидевшую свет в 1809–1812 гг. книгу «Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах по повелению его императорского величества Александра Первого на кораблях «Надежда» и «Нева» под началом флота капитан-лейтенанта, ныне капитана второго ранга Крузенштерна Государственного адмиралтейского департамента и Академии наук члена»⁴². Данная книга хорошо дополняется изданным в 1813 году «Атласом к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна»⁴³. На страницах работы И.Ф. Крузенштерна были самым подробным образом описаны история российского посольства в Японию, пребывание участников первой русской кругосветной экспедиции в заливе Анива и исследование ими восточного и крайнего северо-западного побережья Сахалина. Кроме того, глава первой русской кругосветной экспедиции уделил внимание коренному населению острова (прежде всего айнам).

Важным дополнением к книге И.Ф. Крузенштерна стали публикации участника экспедиции Ф. Шемелина «Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара»⁴⁴ и «Историческое известие о первом путешествии россиян кругом света»⁴⁵, а также части дневников главы российского посольства в Японию Николая Петровича Резанова, рассказывавших о плавании русских моряков от Кронштадта до Камчатки⁴⁶.

Большой успех как у современников, так и их потомков имела публикация книг известного российского мореплавателя Василия Михайловича Головнина. Первой его книгой стали увидевшие свет в 1816 году увлекательные «Записки флота капи-

⁴² Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах по повелению его императорского величества Александра Первого на кораблях «Надежда» и «Нева» под началом флота капитан-лейтенанта, ныне капитана второго ранга Крузенштерна Государственного адмиралтейского департамента и Академии наук члена: В 3 Ч. СПб., 1809-1812.

⁴³ Атлас к путешествию вокруг света капитана Крузенштерна. СПб.: Гравировано и печатано при Морской типографии, 1813.

⁴⁴ Шемелин Ф. Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара, сочиненного под высочайшим его императорского величества покровительством Российско-Американской компании главным комиссионером московским купцом Федором Шемелиным. Ч. 1-2. СПб., 1816–1818.

⁴⁵ Шемелин Ф. Историческое известие о первом путешествии россиян кругом света // Русский Инвалид. 1823. №23-28, 31-36, 48-49.

⁴⁶ Резанов Н.П. Первое путешествие россиян около света, описанное Н. Резановым, чрезвычайным посланником ко двору японскому // Отечественные записки. 1822. Ч. 10. №25; Ч. 11. №27; Ч. 12. №30-32; 1823. Ч. 14. №36, 38; Ч. 15. №40; 1824. Ч. 20. №54-55; 1825. Ч. 23. №64; Ч. 24. №66-67.

тана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о японском государстве и народе»⁴⁷. На страницах головнинских «Записок» российский читатель смог впервые получить оригинальную информацию о Японии и японцах от своего соотечественника, который, хоть и не по своей воле, провел в этой замкнувшейся от внешнего мира стране более двух лет. Для нас определенным интерес представляет то обстоятельство, что В.М. Головнин был захвачен в плен во время посещения японской крепости на острове Кунашир.

Практически одновременно с вышеназванной книгой В.М. Головнина свет увидел целый ряд публикаций его товарища Петра Ивановича Рикорда, сыгравшего ключевую роль в освобождении русских моряков из японского плена. Сначала в 1815 году на страницах «Записок государственного адмиралтейского департамента» публикуются «Известия о капитан-лейтенанте Головнине, мичмане Муре и прочих россиянах, взятых в плен японцами на острове Кунашире»⁴⁸. Затем на страницах издававшегося известным российским журналистом Николаем Ивановичем Гречем журнала «Сын отечества» появляется цикл публикаций «Освобождение капитана Головнина из японского плена»⁴⁹. И наконец в 1816 году свет увидели «Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами»⁵⁰. На страницах названных публикаций рассказывалось о том, как русские моряки оказались в японском плену, и о том, что было сделано для их освобождения.

Интерес к морской истории вызвал появление целого направления, представители которого посвящали свои публикации как отдельным мореплавателям, так и наиболее известным экспедициям к Сахалину и Курильским островам.

Первый русско-японский вооруженный конфликт на Сахалине и Курильских островах в 1810 году привлек внимание видного историка русского военно-морского флота Александра Семеновича Шишкова. Так, в своем предисловии (предупреждении) к книге Г.И. Давыдова «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним» А.С. Шишков коротко рассказывает о сахалинской и курильской экспедициях двух русских мореплавателей и об их дальнейшей судьбе⁵¹.

Другой видный историк русского флота Василий Николаевич Берх в 20-е гг. XIX века публикует материалы, затрагивающие отдельные моменты истории Курильских островов и Сахалина. Среди них статьи, посвященные побегу с Камчатки знаменитого искателя приключений М. Бениовского⁵², первым русским посольствам в

⁴⁷ Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о японском государстве и народе. Ч. 1-3. СПб., 1816.

⁴⁸ Рикорд П.И. Известия о капитан-лейтенанте Головнине, мичмане Муре и прочих россиянах, взятых в плен японцами на острове Кунашире // Записки государственного адмиралтейского департамента. 1815. Ч. 3.

⁴⁹ Рикорд П.И. Освобождение капитана Головнина из японского плена // Сын отечества. 1815. Ч. 20. №10-12; Ч. 21. №21; Ч. 24. №35,37,38; Ч. 25. №39,40.

⁵⁰ Рикорд П.И. Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами. СПб., 1816.

⁵¹ Шишков А.С. Предупреждение // Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. Ч. 1. СПб., 1810.

⁵² Берх В.Н. Побег графа Беньовского из Камчатки во Францию // Сын Отечества. СПб., 1821. Ч. 71. №27-28; Записки канцеляриста Рюмина о приключениях его с Бениовским. СПб., 1822.

Японию⁵³, истории выхода русских казаков к берегам Восточного океана и открытия ими Амура и Сахалина⁵⁴, а также меховой торговле на Курильских островах⁵⁵.

Примерно в то же самое время к истории Курильских островов обращается известный историк Сибири и знаток сибирских архивов Григорий Иванович Спасский, посвятивший одно из своих исследований судьбе Ивана Козыревского⁵⁶. Определенный интерес представляет также статья названного автора «История плавания россиян из рек сибирских в Ледовитое море»⁵⁷. На страницах данной статьи на основании не дошедших до наших дней источников Г.И. Спасский пытается рассказать о последнем этапе жизни Федота Алексея Попова (Холмогорца). По версии Г.И. Спасского коч Ф. Алексея был занесен непогодой на Камчатку. «По наступлении лета он обошел Курильскую Лопатку и Пенжинским морем вошел в реку Тигиль, там и умер»⁵⁸.

В 30-е гг. XIX века внимание читающей публики привлекает судьба Григория Ивановича Шелихова, которому ряд своих публикаций посвятил видный исследователь истории Русской Америки Кирилл Тимофеевич Хлебников⁵⁹.

Для рассматриваемого периода характерна массовая публикация исторических источников. Начало ей было положено в царствование императора Николая I. В 1826-1830 гг. Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии под руководством выдающегося российского государственного деятеля Михаила Михайловича Сперанского осуществило беспрецедентный проект по подготовке и изданию первого «Полного собрания законов Российской империи». К началу апреля 1830 года свет увидели сорок пять томов, на страницах которых было опубликовано 30920 актов, начиная от Соборного уложения 1649 года и заканчивая кануном воцарения императора Николая I.

Среди многих тысяч актов в «Полное собрание» были помещены и те законы, в которых в той или иной степени затрагивались Курильские острова и Сахалин. Среди них особо следует отметить текст составленной Петром I «Инструкции Ивану Евреину и Федору Лужину, отправленным для описания мест около Камчатки и для решения вопроса: соединяется ли северо-восточная Азия с Америкою»⁶⁰, указы Екатерины II «О невзимании никаких податей с приведенных в подданство курильцев»⁶¹, «О пожаловании золотыми медалями и серебряными шпагами купцов Голикова и Шелехова за открытие островов на Восточном море...»⁶², «О даче компании именитых граждан Рыльского Шелехова и Курского Голикова из ссылочных

⁵³ Берх В.Н. Путешествие поручика Адама Лаксмана в Японию // Северный архив. СПб., 1822. №3; Он же. Сношения русских с Япониею, или образцы японской дипломатики // Северный архив. СПб., 1826. №22.

⁵⁴ Берх В.Н. Открытие казаком Москвитиним Восточного океана и путешествие письменного головы Василия Пояркова // Сын Отечества. СПб., 1823. №35. С. 49-59.

⁵⁵ Берх В.Н. Известие о меховой торговле, производимой россиянами, при островах Курильских, Алеутских и на северо-западном берегу Америки // Сын отечества. СПб., 1823. №39, 43, 44.

⁵⁶ Спасский Г.И. Монах Игнатий Козыревский // Сибирский вестник. 1823. Ч. 2.

⁵⁷ Спасский Г.И. История плавания россиян из рек сибирских в Ледовитое море // Сибирский вестник. 1821. Ч. 15.

⁵⁸ Там же. С. 239.

⁵⁹ Хлебников К.Т. Жизнеописание Г.И. Шелихова // Русский инвалид. СПб., 1838. №77-84. Два года спустя этот материал будет перепечатан. См.: Хлебников К.Т. Г.И. Шелихов // Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений. 1840. №89; и др.

⁶⁰ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. (Далее ПСЗРИ-1) Т.V. 1713-1719. СПб., 1830. №3266.

⁶¹ ПСЗРИ-1. Т.XX. 1775-1780. СПб., 1830. №14867.

⁶² ПСЗРИ-1. Т.XXII. 1784-1788. СПб., 1830. №16709.

до 20 мастеровых и хлебопашцев до десяти семей»⁶³, указ Павла I о привилегиях Российско-Американской компании, в числе которых было дозволение пользоваться всеми промыслами и заведениями на островах Алеутских и Курильских⁶⁴, указы Александра I о дозволении Российско-Американской компании учредить поселение на острове Сахалине⁶⁵, о признании алеут и курильцев наравне со всеми другими российскими подданными⁶⁶ и другие.

Значительную роль в публикации исторических источников в рассматриваемый период сыграла и Археографическая комиссия, созданная в 1834 году при министерстве народного просвещения. Среди проектов, осуществленных названной комиссией, следует отметить подготовку и издание таких сборников документов по истории России XII-XVII вв., как пятитомные «Акты исторические» (СПб., 1841-1843) и (особенно) «Дополнения к Актам историческим» (СПб., 1846-1875).

Именно на страницах «Дополнений к Актам историческим, собранных и изданных Археографическою комиссиею» увидели свет многие ранее не публиковавшиеся документы из знаменитых «портфелей Миллера». Среди них были и публикации, рассказывающие о первых русских экспедициях, которым удалось побывать как на Амуре, так и вблизи побережья Сахалина. Среди двенадцати томов «Дополнений» заметно выделяется третий том, в который были включены «Акты о плавании письменного головы Василия Пояркова из Якутска в Охотское море»⁶⁷, «Отписка служилого человека Ивана Уварова Якутскому воеводе Димитрию Францбекову о плавании для отыскания Ерофея Хабарова по реке Амуру к Восточному океану...»⁶⁸ и другие амурские документы.

1.3. Изучение истории Сахалина и Курил во второй половине XIX – начале XX вв.

Во второй половине XIX – начале XX вв. Сахалин и Курильские острова все чаще оказываются в зоне внимания российской общественности. Дело в том, что данный период стал поистине переломным в истории островного мира северной части Тихого океана. После длительного застоя события здесь начинают развиваться буквально в лихорадочном темпе. На островах происходит столкновение двух мощных колонизационных потоков, которые после нескольких столетий продвижения в восточном и северном направлении встретились на Сахалине и Курилах. Именно в этом свете следует рассматривать историю появления на Сахалине российских и японских воинских формирований и создание на острове сети военных постов, Симодский трактат и два десятилетия совместного управления Сахалином Россией и Японией, Санкт-Петербургский договор и обмен японских прав на Сахалин на российскую часть Курильских островов, русско-японская война 1904-1905 гг. и Портсмутский мирный договор, по которому Россия потеряла Южный Сахалин. Не могла пройти мимо внимания российской публики и история создания сахалинской каторги, а также появление на острове самых известных представителей преступного мира Российской империи, быстрое изменение на

⁶³ ПСЗРИ-1. Т. XXIII. 1789-1796. СПб., 1830. №17171.

⁶⁴ ПСЗРИ-1. Т. XXV. 1798-1799. СПб., 1830. №19233.

⁶⁵ ПСЗРИ-1. Т. XXX. 1808-1809. СПб., 1830. №23207а.

⁶⁶ ПСЗРИ-1. Т. XXXVII. 1820-1821. СПб., 1830. №28756.

⁶⁷ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т.3. СПб., 1848. С. 50-61.

⁶⁸ Там же. С. 354-356.

островах этнодемографической ситуации и превращение коренного населения в крайне незначительное национальное меньшинство. И было вполне естественно, что историки, журналисты, писатели, чиновники и военные разных рангов стремились как рассказать об этих изменениях, так и выявить их корни.

Во второй половине XIX – начале XX вв. была продолжена начатая ранее работа по изданию исторических источников. Вплоть до 1872 года Археографическая комиссия продолжает издавать очередные тома «Дополнений к Актам историческим», на страницах которых увидел свет целый ряд документов, рассказывающих о взятии ясака с гяляков⁶⁹ и освещающих деятельность русских казаков на Амуре в 40-50-е гг. XVII века⁷⁰.

После завершения данного проекта под редакцией члена Археографической комиссии Александра Ильича Тимофеева увидели свет две книги «Памятников Сибирской истории XVIII века», на страницах которых были изданы многие важные документы, отражающие историю открытия и исследования камчатскими казаками Курильских островов⁷¹.

В 1882 году Археографическая комиссия фотолитографическим способом издает рукописную «Чертежную книгу Сибири, составленную тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым»⁷². При подготовке к изданию этого одного из наиболее ценных источников по истории Азиатской России А.И. Тимофеев подготовил приложение, первый том которого включал текстовую часть атласа, а второй – указатели⁷³.

Большое значение для понимания истории народов Нижнего Амура и Сахалина имело введение в научный оборот текстов Тырских памятников, рассказывающих о китайских экспедициях на Нижний Амур первой трети XV века и дающих интересную информацию о жизни нивхов и айнов в конце позднего средневековья. Сначала в 1856 году об этих текстах сообщили известный русский миссионер, дипломат и востоковед архимандрит Аввакум (в миру – Дмитрий Семенович Честной)⁷⁴ и известный геолог Григорий Маркианович Пермикин⁷⁵. Позднее свои переводы надписей на Тырских памятниках опубликовали такие крупные российские китаеведы, как академик Василий Павлович Васильев⁷⁶ и член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук Павел Степанович Попов⁷⁷, а также автор фундаментальных трудов по монголоведению Алексей Матвеевич Позднеев⁷⁸.

Во второй половине XIX – начале XX вв. внимание издателей привлекают рукописи российского дипломата и ученого Николая Гавриловича Спафария (Милеску),

⁶⁹ Дополнения к Актам историческим. Т.4. СПб., 1851. С. 81-83; Т.6. СПб., 1857. С. 404; Т.8. СПб., 1862. С. 184, 267, 313; Т.10. СПб., 1867. С. 342.

⁷⁰ Дополнения к Актам историческим. Т.4. С. 27, 28, 31, 35, 81, 82, 94, 95, 176, 177, 278, 279, 325; Т.6. С. 153, 404; Т.7. СПб., 1859. С. 369-371; Т.8. С. 184, 294, 326; Т.9. СПб., 1865. С. 215; Т.10. С. 228-230, 235, 350.

⁷¹ Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн.1. 1700-1713. СПб., 1882; Кн.2. 1713-1724. СПб., 1885.

⁷² Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым. СПб., 1882.

⁷³ Тимофеев А.И. Приложение к Чертежной книге Сибири, составленной тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым. СПб., 1882. Т.1. Текст; Т.2. Указатели.

⁷⁴ Аввакум. О надписи на каменном памятнике, находящемся на берегу реки Амура, недалеко от впадения ее в море // Записки Сибирского отделения Императорского Русского географического общества. 1856. Кн.2.

⁷⁵ Пермикин Г.М. Путевой журнал плавания по реке Амуру от Усть-Стрелочного караула до впадения ее в Татарский пролив. СПб., 1856.

⁷⁶ Васильев В. Записка о надписях, открытых на памятниках, стоящих на скале Тыр, близ устья Амура // Известия Императорской Академии наук. СПб., 1896. Т.IV. №4.

⁷⁷ Попов П. О Тырских памятниках // Записки Восточного отделения императорского Русского археологического общества. Т.XVI. Вып.1. СПб., 1904.

⁷⁸ Позднеев А.М. Лекции по истории монгольской литературы, читанные ординарным профессором императорского С.-Петербургского университета А.М. Позднеевым в 1897/98 акад. году. Т.III. Владивосток, 1908.

совершившего в 1676 году во главе русского посольства путешествие в Китай. Составленные им «Сказание о великой реке Амуре»⁷⁹ и «Описание первые части вселенные, именуемые Азией, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями»⁸⁰ содержат чрезвычайно интересные сведения об обителях Нижнего Амура и Сахалина.

В тот же период издаются сборники документов, включающие договоры о пограничном размежевании между Россией и Японией и материалы к ним⁸¹, документы по управлению островом Сахалин⁸², а также отдельные документы по истории Сахалина⁸³. В 1875 году увидела свет «Записка о командировке на остров Сахалин капитан-лейтенанта Подушкина», подготовленная к печати замечательным любителем сибирской истории Василием Николаевичем Басниным⁸⁴. Определенный интерес представляет сборник документов, изданный исторической комиссией по описанию действий флота в войну 1904-1905 гг. при Морском генеральном штабе. В данном издании был впервые опубликован ряд документов о судьбе крейсера «Новик»⁸⁵.

Ценный материал содержат ежегодные отчеты по Главному тюремному управлению⁸⁶, сахалинские календари⁸⁷, обзоры острова Сахалина и Сахалинской области, приложения к всеподданнейшим отчетам и записки сахалинского губернатора⁸⁸.

⁷⁹ Спасский Г. Сведения русских о реке Амуре в XVII столетии // Вестник Императорского Русского географического общества. СПб., 1853. Т.7. Кн.2; Сказания о великой реке Амуре, которая разграничила русское селение с китайцы // Сибирь в XVII веке: Сборник старинных русских статей о Сибири и принадлежащих к ней землях. Составитель А.А. Титов. М., 1890; и др.

⁸⁰ Спафарий Н.Г. Описание первые части вселенные, именуемые Азией, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинции. Казань, 1910.

⁸¹ Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869; Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами. СПб., 1891; Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией, заключенного в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 года. СПб., 1906; Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора. СПб., 1906.

⁸² Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т.1-16. Иркутск, 1884-1902.

⁸³ Невельской Г.И. Рапорт капитана I ранга Невельского генерал-губернатору Восточной Сибири и командующему войсками, в оной расположенными, 16 октября 1853 года, по делу занятия острова Сахалина // Морской сборник. 1899. №12.

⁸⁴ Баснин В.Н. Восточная Сибирь. Записка о командировке на остров Сахалин капитан-лейтенанта Подушкина // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1875. Кн.2.

⁸⁵ Русско-японская война 1904-1905 гг. Действия флота. Документы. Отд. III. Вып.7. СПб., 1914.

⁸⁶ Отчет по Главному тюремному управлению за 1882 г. СПб., 1884; Отчет по Главному тюремному управлению за 1884 г. СПб., 1886; Отчет по Главному тюремному управлению за 1885 г. Ч. 1-2. СПб., 1887; Отчет по Главному тюремному управлению за 1886 г. СПб., 1888; Отчет по Главному тюремному управлению за 1887 г. СПб., 1889; Отчет по Главному тюремному управлению за 1888 г. СПб., 1890; Отчет по Главному тюремному управлению за 1889 г. СПб., 1891; Отчет по Главному тюремному управлению за 1890 г. СПб., 1892; Отчет по Главному тюремному управлению за 1891 г. СПб., 1893; Отчет по Главному тюремному управлению за 1892 г. СПб., 1894; Отчет по Главному тюремному управлению за 1893 г. СПб., 1895; Отчет по Главному тюремному управлению за 1894 г. СПб., 1896; Отчет по Главному тюремному управлению за 1895 г. СПб., 1897; Отчет по Главному тюремному управлению за 1896 г. СПб., 1898; Отчет по Главному тюремному управлению за 1897 г. СПб., 1899; Отчет по Главному тюремному управлению за 1898 г. СПб., 1900; Отчет по Главному тюремному управлению за 1899 г. СПб., 1901; Отчет по Главному тюремному управлению за 1900 г. СПб., 1902; Отчет по Главному тюремному управлению за 1901 г. СПб., 1903; Отчет по Главному тюремному управлению за 1902 г. СПб., 1904; Отчет по Главному тюремному управлению за 1903 г. СПб., 1905.

⁸⁷ Сахалинский календарь и материалы к изучению острова Сахалина. Б.м., 1895; Сахалинский календарь на 1897. Б.м., 1897; Сахалинский календарь на 1898 г. Б.м., 1898; Сахалинский календарь на 1899 г. Б.м., 1899.

⁸⁸ Обзор острова Сахалина за 1899 г. (Приложение к всеподданнейшему отчету). СПб., 1900; Обзор острова Сахалина за 1900 и 1901 годы. СПб., 1902; Сахалин. Приложение к всеподданнейшему отчету военного губернатора о Сахалина за 1907 г. Б.м., 1907; Обзор Сахалинской области за 1909 г. Пост Александровский, 1910; Обзор Сахалинской области за 1910 г. Пост Александровский, 1911; Обзор Сахалинской области за 1911 г. Пост Александровский, 1912; Обзор Сахалинской области за 1912 г. Пост Александровский, 1913; Обзор Сахалинской области за 1913 г. Пост Александровский, 1914; Обзор Сахалинской области за 1914 г. Пост Александровский, 1916; Григорьев Д. Записка о современном положении Сахалинской области и ее нуждах. Пост Александровский, 1911.

Важную информацию для исследователя содержат тетради Первой всеобщей переписи населения Российской империи⁸⁹. Данные материалы были тщательно изучены российским статистиком и этнографом Серафимом Кероповичем Паткановым, который на основании данных специальной разработки материалов переписи 1897 года подготовил «Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев». В третьем томе данной работы С. К. Патканова представлены сахалинские материалы⁹⁰.

Во второй половине XIX – начале XX вв. буквально массовый характер принимает публикация путевых заметок, отчетов, воспоминаний и дневников. Подавляющее большинство образованных людей, которые по своей или по чужой воле посетили Сахалин в рассматриваемый период, считали своим долгом написать воспоминания. И самые первые публикации такого рода были подготовлены участниками знаменитой Амурской экспедиции 1849-1855 гг.

Здесь прежде всего следует отметить публикации руководителя Амурской экспедиции Геннадия Ивановича Невельского. Первые годы после окончания Амурской экспедиции он ограничивался тем, что отвечал в печати на публикации своих соратников по экспедиции⁹¹ или иных авторов, писавших о ней⁹². Только в конце жизни он решил написать свои собственные воспоминания, работа над которыми была завершена незадолго до его смерти. В 1878 году книга Г.И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России» наконец увидела свет⁹³, а в 1897 году вышло в свет ее второе издание⁹⁴.

Воспоминания Г.И. Невельского являются чрезвычайно интересным и важным источником по истории Сахалина в один из ее ключевых моментов. Однако пользоваться этим источником следует осторожно. Дело в том, что руководитель Амурской экспедиции писал свою книгу будучи тяжело больным человеком. Кроме того, с момента его возвращения с Дальнего Востока прошло уже два десятилетия, и память иногда подводила Г.И. Невельского. В результате в тексте «Подвигов русских морских офицеров на крайнем востоке России» оказалось немало неточностей и ошибок.

И, наконец, как отмечал авторитетный специалист по истории Амурской экспедиции Александр Иванович Алексеев,

«есть в книге и такие места, происхождение которых трудно объяснить. Так, в нескольких местах настойчиво повторяется версия, что Н.К. Бошняк во время своего путешествия по Сахалину встретил на р. Тыми остатки русских поселенцев, матросов, якобы высаженных в 1806 г. Н.А. Хвостовым в заливе Анива, которые затем перешли на р. Тымь, и здесь лишь недавно последний из русских умер. На листке из акафиста Иисусу, купленном Бошняком у одной из жительниц селения, якобы сохранилась обо всем этом запись. Трудно сказать, как

⁸⁹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т.57. Остров Сахалин. Тетради 1-2. СПб., 1899-1904.

⁹⁰ Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материалов переписи 1897 г.). Т.3. СПб., 1912.

⁹¹ Невельской Г.И. Ответ на письмо г-на Бошняка в редакцию «Морского сборника» // Морской сборник. 1860. № 3; Он же. Замечания бывшего начальника Амурской экспедиции на статьи г. Фесуна, напечатанные в Морском сборнике за июль и август месяцы // Морской сборник. 1860. №13; Он же. По поводу воспоминаний Н.В.Буссе об острове Сахалине и экспедиции 1853 г. // Вестник Европы. СПб., 1872. №8.

⁹² Невельской Г.И. Обзор результатов действий русских на северо-восточных пределах России и участие офицеров нашего флота в деле восприсоединения Приамурского края к России // Морской сборник. СПб., 1864. № 6-8; Он же. Еще раз по поводу книги г. Тихменева: Историческое обозрение Российско-Американской компании. СПб., 1864.

⁹³ Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849-55 г. При-Амурский и При-Уссурийский край. Посмертные записки адмирала Невельского. СПб., 1878.

⁹⁴ Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. Издание 2, дополненное биографией и письмами Е.И. Невельской. СПб., 1897.

возникла эта версия, но она совершенно необоснованна, и Невельской не мог не знать об этом. Неправдоподобность ее подтверждается подлинным рапортом Бошняка Невельскому, к которому был приложен упоминавшийся листок из акафиста. Это подтверждается и корабельным журналом «Юноны», в котором такое важное событие, как оставление матросов на берегу, было бы непременно зафиксировано с точностью до минуты»⁹⁵.

Наряду с Г.И. Невельским свои воспоминания о деятельности Амурской экспедиции оставили такие его соратники, как Воин Андреевич Римский-Корсаков⁹⁶, Николай Константинович Бошняк⁹⁷, Николай Васильевич Буссе⁹⁸, Николай Васильевич Рудановский⁹⁹.

К вышеназванной группе источников примыкает книга Ивана Платоновича Барсукова «Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам»¹⁰⁰, представляющая собой сборник хорошо подобранных документов, значительная часть которых связана с историей организации и работы Амурской экспедиции.

Одним из важнейших последствий открытий Г.И. Невельского и вызванной ими значительной активизации России на Тихом океане стало заключение в 1855 году Симодского трактата между Россией и Японией, на два десятилетия определившего территориальную принадлежность Сахалина, а также зоны влияния на Курильских островах. Так получилось, что в составе русской дипломатической миссии, направленной в Японию для переговоров об установлении отношений между двумя странами, находился один из наиболее талантливых русских писателей XIX столетия Иван Александрович Гончаров. Впечатления, полученные им как во время путешествия, так и во время нахождения в Японии, легли в основу его «очерков путешествия в двух томах» «Фрегат Паллада»¹⁰¹. Однако самые первые очерки, посвященные данному путешествию, были опубликованы И.А. Гончаровым еще в 1855 году¹⁰². Кроме И.А. Гончарова воспоминания о путешествии в Японию оставили глава посольства Евфимий Васильевич Путятин¹⁰³ и протоиерей Василий Махов¹⁰⁴.

После истории с пленением В.М. Головнина русские путешественники вплоть до окончания второй мировой войны практически не посещали Южные Курилы. Одним из крайне редких исключений стало путешествие в 1898 году на острова Шикотан и Итуруп миссионера Русской Православной церкви архимандрита Сергия (в миру Ивана Николаевича Старгородского, в 1943-1944 гг. – патриарха Московского и всея Руси). Путевые впечатления русского миссионера нашли отра-

⁹⁵ Алексеев А.И. *Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки (до конца XIX века)*. М., 1982. С. 14.

⁹⁶ Римский-Корсаков В.А. *Случаи и заметки на винтовой шхуне «Восток» (Из воспоминаний командира)* // Морской сборник. СПб., 1858. №5,6,12.

⁹⁷ Бошняк Н.К. *Экспедиция в При-Амурском крае* // Морской сборник. СПб., 1858. № 12; 1859. № 1-3; Он же. *Занятие части о-ва Сахалина и зимовка в Императорской гавани* // Морской сборник. 1859. Т. 43. №9-10.

⁹⁸ Буссе Н.В. *Замечания на статью г-на Бошняка «Занятие Сахалина и зимовка в Императорской гавани»* // Морской сборник. СПб., 1860. № 7; Он же. *Остров Сахалин и экспедиция 1853-54 гг. Дневник Н.В. Буссе. 25 августа 1853 г. – 19 мая 1854 г.* СПб., 1872.

⁹⁹ Рудановский Н.В. *По поводу воспоминаний Н.В. Буссе об острове Сахалине и экспедиции 1853 года* // Вестник Европы. 1872. Кн.8.

¹⁰⁰ Барсуков И.П. *Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам: Материалы для биографии*. Кн.1-2. М., 1891.

¹⁰¹ Гончаров И.А. *Фрегат Паллада. Очерки путешествия*. Т.1-2. СПб., 1858.

¹⁰² Гончаров И. *Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов. (Из путевых заметок)*. СПб., 1855.

¹⁰³ Путятин. *Всепоходнейший отчет генерал-адъютанта графа Путятина о плавании отряда военных судов наших в Японию и Китай в 1852-1855 годах* // Морской сборник. 1856. №10.

¹⁰⁴ Махов В. *Фрегат «Диана» Путевые записки бывшего в 1854 и 1855 годах в Японии протоиерея Василия Махова*. СПб., 1867.

жение в записках «По Японии», которые были сначала в 1899 году опубликованы на страницах журнала «Богословский вестник», а в 1903 году увидели свет уже в виде отдельной книги¹⁰⁵. В своих записках архимандрит Сергей особое внимание уделил судьбе бывших российских курильцев и курильской православной общине.

После завершения работ Амурской экспедиции исследование Сахалина и омывающих его морей было продолжено. Во второй половине XIX века на острове побывал целый ряд российских исследователей (как профессиональных ученых, так и любителей). В научной и научно-популярной периодике, а также на страницах путевых очерков свои сахалинские впечатления опубликовали русский путешественник, художник и литератор Алексей Владимирович Вышеславцев¹⁰⁶, этнограф и ботаник А.Д. Брылкин¹⁰⁷, составитель «Айнско-русского словаря» Михаил Михайлович Добротворский¹⁰⁸, выдающийся русский гидрограф Константин Степанович Старицкий¹⁰⁹, начальник Сахалинского отряда подполковник Федор Михайлович Депрерадович¹¹⁰, начальник охраны острова Тюлений Сергей Селиверстович Россет¹¹¹ и другие. О первых шагах в деле колонизации Сахалина на страницах своей книги «Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении» поведал агроном Михаил Семенович Мицуль¹¹². В 1894 году ведомственный журнал «Тюремный вестник» опубликовал воспоминания о занятии русскими войсками южного Сахалина бывшего начальника второго (основанного в 1867 году) Муравьевского поста Валерия Карловича Швана¹¹³.

Среди названных исследователей особо выделяется Иван Семенович Поляков, который в 1881-1882 гг. изучал растительный мир и коренное население Сахалина, а также провел на острове первые профессиональные археологические изыскания¹¹⁴.

Учреждение сахалинской каторги привело к тому, что, начиная с 70-х гг. XIX века именно это учреждение начинает занимать центральное место практически во всех путевых заметках и очерках, отчетах и воспоминаниях о посещении острова. Материалы подобного рода оставили известный путешественник и врач Фома Матвеевич Августинович¹¹⁵, начальники Главного тюремного управления Михаил

¹⁰⁵ Сергей. По Японии. (Записки миссионера). Сергиев Посад, 1903.

¹⁰⁶ Вышеславцев А. Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах. СПб., 1862; 2-е издание. СПб.; М., 1867.

¹⁰⁷ Брылкин А. Письма с Сахалина // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск, 1864. Т.7.

¹⁰⁸ Добротворский М.М. Южная часть острова Сахалина // Известия Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск, 1870. Т. 1. № 2-3.

¹⁰⁹ Старицкий К.С. Письма лейтенанта Старицкого // Морской сборник. СПб., 1870. №8; Он же. Гидрографическая командировка в Восточный океан в 1865-1871 годах капитан-лейтенанта Старицкого // Морской сборник. 1872. №1; Он же. Несколько изменений больших глубин Охотского и Японского морей, Тихого и Индийского океанов. Грунты, водоросли // Морской сборник. 1873. №6.

¹¹⁰ Депрерадович Ф. Этнографический очерк Южного Сахалина // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1875.

¹¹¹ Россет С. С. Поездка на острова Тюлений и Сахалин в 1887 г. // Записки Общества изучения Амурского края. Т.1. Владивосток, 1888.

¹¹² Мицуль М.С. Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1873.

¹¹³ Шван В.К. Занятие южного Сахалина // Тюремный вестник. СПб., 1894. №8-9.

¹¹⁴ Поляков И.С. На Сахалине // Новь. СПб., 1885. Т.7. №1; Он же. Отчет об исследованиях на о-ве Сахалине, в Южно-Уссурийском крае и в Японии // Записки Императорской Академии наук. Т.40. СПб., 1884. №6; Он же. Путешествие на остров Сахалин // Известия Императорского Русского географического общества. Т.19. СПб., 1883. Вып.1-2; Он же. Сахалин // Живописная Россия. Т.ХII. Ч. 2. СПб., 1895.

¹¹⁵ Августинович Ф.М. Жизнь русских и инородцев на острове Сахалине // Всемирный путешественник. СПб., 1874. № 2; Он же. Извлечение из путевых записок доктора Августиновича, сопровождавшего минувшим летом партию ссыльнокопартных, отправленных на остров Сахалин морским путем. Пребывание на острове Сахалине в августе 1879 года. СПб., 1879; Он же. Заметки об острове Сахалине. СПб., 1880.

Николаевич Галкин-Враской¹¹⁶ и Александр Петрович Саломон¹¹⁷, выдающийся российский правовед Дмитрий Андреевич Дриль¹¹⁸ и криминалист Дмитрий Германович Тальберг¹¹⁹, географ и путешественник Андрей Николаевич Краснов¹²⁰, врачи Александр Викторович Щербак¹²¹ и Николай Степанович Лобас¹²², полковник генерального штаба А.Л. Гарнак¹²³, сахалинский чиновник Федор Ливин¹²⁴, кругосветный путешественник Иван Николаевич Акифьев¹²⁵, начинающий литератор Петр Сергеевич Уваров¹²⁶, судья Н.А. Преображенский¹²⁷, зоолог Петр Юльевич Шмидт¹²⁸, знаменитый журналист Влас Михайлович Дорошевич¹²⁹ и многие другие. Но, конечно, самые известные путевые записки о каторжном Сахалине принадлежат перу Антона Павловича Чехова¹³⁰.

Свои воспоминания о Сахалине оставили и те, кто оказался на каторжном острове не по своей воле. Среди данных работ особо выделяется книга бывшего государственного преступника Ивана Павловича Ювачева «Восемь лет на Сахалине», опубликованная им в 1901 году под псевдонимом Миролобов¹³¹. Позднее на страницах издававшегося Владимиром Львовичем Бурцевым журнала «Былое» увидели свет воспоминания политических ссыльных Ивана Львовича Манучарова¹³² и Михаила Николаевича Тригоны¹³³.

Ряд воспоминаний, опубликованных вскоре после окончания русско-японской войны, были написаны под впечатлением от тех событий, которые развернулись на Сахалине в 1904-1905 гг. Однако степень достоверности этих источников различна. Так, не вызывают каких-либо сомнений воспоминания о службе на крейсере «Новик» лейтенанта Андрея Петровича Штера¹³⁴, подписанный инициала-

¹¹⁶ Галкин-Враской М.Н. Записка начальника Главного тюремного управления тайного советника Галкина-Враского по командировке его в Сибирь и на остров Сахалин в 1881-1882 гг. Б.м., 1882; Он же. Записки по обозрению острова Сахалина в 1894 г. // Тюремный вестник. 1895. № 5; Он же. Остров Сахалин. Необходимые и желательные мероприятия. Записка бывшего начальника Главного тюремного управления действительного статского советника Галкина-Враского по обозрению острова Сахалина в 1894 году. СПб., 1899; Он же. Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881-1882 гг. Из путевого дневника М.Н. Галкина-Враского. СПб., 1901.

¹¹⁷ Саломон А.П. Доклад о современном положении ссылки и каторги в Сибири и на острове Сахалине. СПб, 1899; Он же. Ссылка в Сибирь. Очерки ее истории и современного положения. СПб., 1900; Он же. Остров Сахалин // Тюремный вестник. 1901. № 1-2;

¹¹⁸ Дриль Д. Каторга и ссылка на Сахалин, в Приамурский край и в Сибирь. СПб., 1898; Он же. Ссылка во Францию и России. (Из личных наблюдений во время поездки в Новую Каледонию, на о. Сахалин, в Приамурский край и Сибирь). СПб., 1899.

¹¹⁹ Тальберг Д. Ссылка на Сахалине // Вестник Европы. СПб., 1879. Кн. V.

¹²⁰ Краснов А.И. На острове изгнания. (Из поездки по островам Дальнего Востока) // Книжки недели. 1893. №8-9; Он же. На Сахалине. Из воспоминаний путешественника по востоку Азии // Исторический вестник. СПб., 1894. №2; Он же. По островам Дальнего Востока. Путевые очерки. СПб., 1895.

¹²¹ Щербак А.В. Перевозка ссыльнокаторжных на о. Сахалин морем // Тюремный вестник. СПб., 1893. №6-8.

¹²² Лобас Н.С. Остров Сахалин. К вопросу о телесных наказаниях. СПб., 1898; Он же. Условия жизни сахалинского арестанта и реакция на них его организма. СПб., 1899; Он же. Каторга и поселение на острове Сахалине. (Несколько штрихов из жизни русской штрафной колонии). Павлоград, 1903; Он же. Убийцы. М, 1913.

¹²³ Гарнак А.Л. Поездка на Сахалин в 1885-1886 гг. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 27. СПб., 1887.

¹²⁴ Ливин Ф. Записки сахалинского чиновника // Тюремный вестник. СПб., 1901. №9-10.

¹²⁵ Акифьев И.Н. На далекий Север. Из дневника кругосветного путешественника. СПб., 1904.

¹²⁶ Уваров П.С. Типы и нравы Сахалина. Т.1-2. М., 1904-1905; Он же. Сахалин и каторга. СПб., 1905.

¹²⁷ Преображенский Н.А. Проклятая боль. Сахалин в очерках бывшего мирового судьи. СПб., 1909.

¹²⁸ Шмидт П.Ю. Остров изгнания (Сахалин). СПб., 1905.

¹²⁹ Дорошевич В.М. Сахалин (каторга). Ч. 1-2. М., 1903; Он же. Как я попал на Сахалин. М., 1905.

¹³⁰ Чехов А.П. Остров Сахалин (Из путевых записок). М., 1895.

¹³¹ Миролобов (Ювачев) И.П. Восемь лет на Сахалине. СПб., 1901.

¹³² Манучаров И.Л. Мой процесс // Былое. 1906. №7; Он же. Эпизод из жизни в Шлиссельбургской крепости // Былое. 1906. №8; Он же. Из Шлиссельбурга на Сахалин // Былое. 1907. № 8.

¹³³ Тригона М. Мой арест в 1881 г. // Былое. 1906. № 3; Он же. После Шлиссельбурга // Былое. 1906. №9.

¹³⁴ Штер А.П. На крейсере «Новик». СПб., 1908.

ми П.В. рассказ о командировке на Сахалин в 1905 году¹³⁵, а также содержащие интереснейшие наблюдения записки сахалинских священников А. Кукольщикова¹³⁶ и А. Троицкого¹³⁷. Несколько меньше доверия вызывает написанный по свежим следам очерк М. Дикс о разгроме Сахалина японцами летом 1905 года¹³⁸. И наконец воспоминания С. М. Кукуниана «Последние дни на Сахалине»¹³⁹, опубликованные в 1910 году в Баку, вызывают слишком много вопросов. Практически все места данных воспоминаний, которые мы могли бы проверить по другим источникам, такой проверки не выдерживают.

В 1909 году в журнале «Исторический вестник» были опубликованы воспоминания А.П. Сильницкого, в которых он рассказал о разгроме японского десанта, высадившегося с Северных Курил на Южную Камчатку летом 1904 года¹⁴⁰.

В первые годы после русско-японской войны Сахалин уже не так часто привлекает к себе внимание любителей писать воспоминания и путевые очерки. Здесь заслуживают упоминания, прежде всего, материалы, написанные православными священниками, посетившими остров по долгу службы. Среди них особо выделяется книга епископа Киотского Сергия (Тихомирова) «На Южном Сахалине»¹⁴¹, увидевшая свет в 1914 году. Целый ряд материалов, рассказывавших о поездках сахалинских священников, был опубликован на страницах «Владивостокских епархиальных ведомостей»¹⁴².

Из других публикаций подобного рода следует отметить книги П.Г. Лилеева и В. Мельникова. Член российской Разграничительной комиссии полковник Генерального штаба П.Г. Лилеев на страницах небольшой книги «Остров Сахалин»¹⁴³ делится своими впечатлениями от посещения острова. То же самое делает и В. Мельников, побывавший на Дальнем Востоке по поручению Всероссийского съезда старообрядцев и написавший книгу «Дальний Восток, Амурская область и Сахалин»¹⁴⁴.

Из публикаций, в основе которых лежали путевые впечатления, следует отметить также книги и статьи российских геологов, ведших в период между русско-японской и первой мировой войнами изыскания на Северном Сахалине. Среди них наибольшее значение имеют работы Константина Николаевича Тульчинского¹⁴⁵, Эдуарда Эдуардовича Анерта¹⁴⁶, Дмитрия Владимировича Соколова¹⁴⁷, Петра Игнатьевича Полевого¹⁴⁸.

¹³⁵ П.В. Командировка на Сахалин в 1905 году. Воспоминания по письмам // Военный сборник. 1906. №11,12; 1907. №4,5.

¹³⁶ Кукольщикова А. Из записей сахалинского священника за 1905 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. №10-11.

¹³⁷ Троицкий А. Из воспоминаний о русско-японской войне на Южном Сахалине // Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. №3-4, 7, 18-20.

¹³⁸ Дикс М. Разгром Сахалина // Исторический вестник. СПб., 1906. Т. 12.

¹³⁹ Кукуниан С. М. Последние дни на Сахалине. Воспоминания. Баку, 1910.

¹⁴⁰ Сильницкий А.П. 14 месяцев службы на Камчатке // Исторический вестник. 1909. Т.11.

¹⁴¹ Сергий, епископ. На Южном Сахалине. М., 1914.

¹⁴² Городнов А. Поездка к крещёным инородцам сев. части острова Сахалин в феврале месяце 1908 г. // Владивостокские епархиальные ведомости. 1908. №12-13, 15, 17; Шастин А. Описание поездки к инородцам восточного побережья русского Сахалина // Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. №17, 20, 21.

¹⁴³ Лилеев П.Г. Остров Сахалин. Географический и статистический очерк. СПб., 1906.

¹⁴⁴ Мельников В. Дальний Восток, Амурская область и Сахалин. М., 1909.

¹⁴⁵ Тульчинский К.Н. Очерки полезных ископаемых русского Сахалина. СПб., 1907.

¹⁴⁶ Анерт Э.Э. Путешествие на восточное побережье русского Сахалина в 1907 г. // Известия Императорского Русского географического общества. СПб., 1908. Т.44. Вып.1-2.

¹⁴⁷ Соколов Д.В. Русский Сахалин. М., 1912.

¹⁴⁸ Полевой П.И. Русский Сахалин. Пг., 1914.

Чрезвычайно интересную информацию о коренном населении Сахалина содержит опубликованный в 1909 году отчет начальника оспенной экспедиции на Сахалине, врача Владимира Александровича Штейгмана¹⁴⁹.

Существенному расширению источниковой базы исследований по истории Сахалина и Курильских островов способствовала судебная реформа 1864 года. Одним из ее следствий стало перемещение в Москву и передача в Московский архив Министерства юстиции большого количества документов XVII-XVIII вв., которые ранее хранились в сибирских архивах (в том числе в Якутском архиве). Этот огромный массив в 80-90-е гг. XIX века был изучен и описан выдающимся российским архивистом и историком Николаем Николаевичем Оглоблиным. Результатом его колоссальной работы стало фундаментальное и не потерявшее своего значения и в наши дни «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа»¹⁵⁰. В период работы Н.Н. Оглоблина с документами Якутской приказной избы и других фондов им был выявлен ряд документов, затрагивавших отдельные важные моменты курильской и сахалинской истории. Данные материалы легли в основу опубликованного им цикла статей о В.В. Атласове¹⁵¹ и статьи «Нерчинский заговор о побеге на Амур на острова Восточного океана»¹⁵².

Введение в научный оборот значительного круга источников сделало возможным подготовку целого ряда крупных и содержательных работ по истории Курильских островов и Сахалина.

Как и в течение предыдущего периода, Курильские острова и Сахалин по-прежнему привлекают внимание историков флота. Важные сюжеты, связанные с историей Курильских островов, были освещены Александром Петровичем Соколовым на страницах его книги «Северная экспедиция. 1733-1743»¹⁵³. Однако самые интересные публикации названного автора по интересующей нас проблеме увидели свет в 1853-1854 гг. и были посвящены сахалинской и курильской экспедициям Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова¹⁵⁴. Важные моменты курильской истории затрагивает в своих публикациях Александр Степанович Сгибнев¹⁵⁵. Отдельные эпизоды островной истории в связи с историей русских кругосветных экспедиций рассматривают Феодосий Федорович Веселаго¹⁵⁶ и Николай Алексеевич Ивашинцов¹⁵⁷.

Большое количество публикаций было посвящено решению «амурского» и «сахалинского» вопросов экспедицией Г.И. Невельского.

¹⁴⁹ Штейгман. Экспедиция на север острова Сахалина для санитарных мероприятий и попутного сбора статистико-экономического материала. Б.м., 1909.

¹⁵⁰ Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768 гг.) Ч. 1-4. М., 1895-1901.

¹⁵¹ Оглоблин Н.Н. Новые данные о Владимире Атласове // Чтения в Императорском Обществе изучения древностей российских при Московском университете. 1888. Кн.1; Он же. Две «сказки» Вл. Атласова об открытии Камчатки // Чтения в Императорском Обществе изучения древностей российских при Московском университете. 1891. Кн.3; Он же. К биографии Владимира Атласова. М., 1894.

¹⁵² Оглоблин Н.Н. Нерчинский заговор о побеге на Амур на острова Восточного океана. Очерк из жизни XVII в. // Русская старина. 1896. Т.88.

¹⁵³ Соколов А.П. Северная экспедиция. 1733-1743. СПб., 1851.

¹⁵⁴ Соколов А.П. Хвостов и Давыдов // Записки гидрографического департамента морского министерства. СПб., 1852. Т. 10; Он же. Хвостов и Давыдов // Морской сборник. СПб., 1853. Т. 9. № 5.

¹⁵⁵ Сгибнев А.С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 г. // Морской сборник. СПб., 1869. Т.101. №4; Т.102. №5-6; Т.103. №7-8; Он же. Охотский порт с 1649 по 1852 гг. // Морской сборник. СПб., 1869. Т.105. №11-12; Сгибнев А.С. Бунт Беньковского на Камчатке в 1771 г. Очерк по документам сибирских архивов // Русская старина. СПб., 1876. Т.15. №3; и др.

¹⁵⁶ Веселаго Ф.Ф. Адмирал Иван Федорович Крузенштерн. СПб., 1869.

¹⁵⁷ Ивашинцов Н.А. Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 год. СПб., 1872.

В 1859 году на страницах журнала «Русское слово» увидела свет работа Дмитрия Ивановича Романова «Присоединение Амура к России»¹⁵⁸. Данная работа заслуживает особого внимания хотя бы потому, что является самым первым обобщающим трудом, посвященным истории появления и разрешения Амурской проблемы, появившимся после присоединения Приамурья к России. Данная работа была составлена Д.И. Романовым на основании многочисленных официальных документов (как правительственных, так и Российско-Американской компании), доступ к которым он имел как офицер особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н.Н. Муравьеве.

Следует отметить, что Д.И. Романов начинал свою работу над «Присоединением Амура к России» в то время, когда многие участники Амурской экспедиции еще и не думали приступить к написанию своих воспоминаний. Романов же имел счастливую возможность встретиться со многими участниками описываемых им событий и записать их воспоминания. Вот что отмечал сам Романов в предисловии к своей работе:

«Первые... деятели на устье Амура, преимущественно морские офицеры, не позаботились оставить для публики хоть какие-либо отрывочные сведения о своих действиях и исследованиях, считая их делом весьма обыкновенным и простым исполнением приказаний начальства. В последнее только время начали появляться в «Морском сборнике» отрывочные сведения о личных действиях некоторых офицеров, участников интереснейших событий в низовье Амура в последнее время. При таком положении дел весьма интересны и особенно драгоценны для будущей истории Амура изустные рассказы тех немногих деятелей амурских, которые еще остались на Амуре и в Сибири. Большая часть фактов и подробностей, передаваемая этими живыми свидетелями минувшего, не отыщется ни в каких официальных документах и бросает совершенно новый свет на совершившиеся события»¹⁵⁹.

Особенно много ценных сведений было сообщено Романову уже покинувшим к тому времени Дальний Восток Г.И. Невельским.

Следующей по времени работой, уделившей большое внимание истории исследования Сахалина российскими экспедициям, стала книга Петра Александровича Тихменева «Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени»¹⁶⁰ (две части этого труда увидели свет в 1861 и 1863 годах). В данной работе, написанной в основном на материалах архивов Российско-Американской компании и российского министерства иностранных дел, большое внимание уделено экспедиции 1846 года под командованием поручика Александра Михайловича Гаврилова и Амурской экспедиции под руководством Г.И. Невельского.

Из публикаций, последовавших за работами Д.И. Романова и П.А. Тихменева, заслуживает упоминания книга Александра Карловича Сиденснера «Адмирал Г.И. Невельской»¹⁶¹, изданная к столетнему юбилею руководителя Амурской экспедиции. Сильной стороной названной книги является то, что автор лично знал Г.И. Невельского и его семью и благодаря этому смог воспользоваться семейным архивом Невельских. Именно это в конечном счете и сделало книгу А.К. Сиденснера особенно интересной и оригинальной.

¹⁵⁸ Романов Д.И. Присоединение Амура к России // Русское слово. 1859. № 4, 6-8.

¹⁵⁹ Романов Д.И. Присоединение Амура к России // Русское слово. 1859. № 4. Отдел I. С. 179-180.

¹⁶⁰ Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. 1-2. СПб., 1861-1863.

¹⁶¹ Сиденснер А.К. Адмирал Г.И. Невельской. СПб., 1914.

Установление дипломатических и торговых отношений между Россией и Японией, совместное владение Сахалином, трудное решение пограничного вопроса, резкое обострение на рубеже XIX-XX столетий российско-японских отношений способствовали появлению целого ряда новых работ, в которых затрагивалась история Сахалина и Курильских островов в связи с непростой историей русско-японских отношений. Среди них обращают на себя внимание публикации Михаила Ивановича Вениюкова¹⁶², Константина Аполлоновича Скальковского¹⁶³, Константина Адамовича Военского¹⁶⁴, Станислава И. Новаковского¹⁶⁵ и других.

Из работ, посвященных сахалинским эпизодам русско-японской войны, заслуживает упоминания, прежде всего, статья «Оборона Сахалина в русско-японскую войну 1904-1905 гг.», опубликованная в одиннадцатом номере за 1909 год журнала «Военный сборник»¹⁶⁶. Составленная на основе документов военного министерства она дает в целом верную картину тех событий, которые происходили на острове в 1904-1905 годах. О боевых действиях на Сахалине рассказывается также на страницах последнего тома увидевшего свет в 1910 году девятитомного издания «Русско-японская война 1904-1905 гг.»¹⁶⁷, подготовленного специальной военно-исторической комиссией военного министерства. О боях на Сахалине рассказывает в своей книге «Русско-японская война 1904-1905 гг.» и военный историк Владимир Александрович Апушкин¹⁶⁸.

Последствия войны для Южного Сахалина сжато, но довольно образно описаны в книге Филиппа Петровича Купчинского «Новая Япония»¹⁶⁹.

Одной из наиболее существенных отличительных особенностей рассматриваемого периода историографии стало появление первых обобщающих трудов сначала по истории Курильских островов, а затем и по истории Сахалина. Одновременно ведется работа по подготовке целого ряда фундаментальных исследований по этнографии коренного населения Приамурья и Сахалина.

Первым таким обобщающим исследованием по истории Курильских островов стала книга Александра Семеновича Полонского «Курилы»¹⁷⁰, увидевшая свет в 1871 году на страницах «Записок Императорского Русского географического общества». Сильной стороной данной работы является хорошая источниковая база. В процессе работы над книгой А.С. Полонскому удалось выявить в архивах Восточной Сибири документы, рассказывавшие о наиболее важных событиях в истории Курил начиная с конца XVII и заканчивая началом XIX вв. Особый интерес представляют материалы, рассказывающие об экспедиции на Южные Курилы сотника Ивана Черного и связанного с ней следственного дела. Ведь в силу целого

¹⁶² Вениюков М. Обзорение Японского архипелага в современном его состоянии. СПб., 1871; Он же. Остров Сахалин // Военный сборник. СПб., 1872. №3; Он же. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873.

¹⁶³ Скальковский К. Русская торговля в Тихом океане. Экономическое исследование русской торговли и мореходства в Приморской области Восточной Сибири, Корею, Китае, Японии и Калифорнии. СПб., 1883.

¹⁶⁴ Военский К. Русское посольство в Японию в начале XIX века. (Посольство Резанова в Японию в 1803-1805 гг.) // Русская старина. СПб., 1895. №7, 10; Он же. Посольство Резанова в Японию в 1803-1805 гг. на судах первой русской кругосветной экспедиции под начальством Крузенштерна // Морской сборник. 1919. № 4.

¹⁶⁵ Новаковский С. И. Япония и Россия. Токио, 1918.

¹⁶⁶ Оборона Сахалина в русско-японскую войну 1904-1905 гг. // Военный сборник. 1909. № 11.

¹⁶⁷ Русско-японская война 1904-1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т.9. Второстепенные театры военных действий. СПб., 1910.

¹⁶⁸ Апушкин В.А. Русско-японская война 1904-1905 гг. М., 1910; 2-е издание. М., 1911.

¹⁶⁹ Купчинский Ф. Новая Япония. СПб., 1911

¹⁷⁰ Полонский А. Курилы // Записки Императорского Русского географического общества. По отделению этнографии. Т.4. СПб., 1871.

ряда причин часть использованных А.С. Полонским документов до нашего времени не сохранилась, и мы знаем о них исключительно благодаря его работе.

В качестве дополнений к работе А.С. Полонского можно рассмотреть ряд популярных биографических очерков, опубликованных Николаем Ивановичем Гречем (о В.М. Головнине)¹⁷¹, Григорием Ивановичем Спасским (о В.В. Атласове)¹⁷², Всеволодом Петровичем Мельницким¹⁷³ и Людмилой Ивановной Рикорд¹⁷⁴ (о П.И. Рикорде), Николая Петровича Боголюбова (о М. Бениовском)¹⁷⁵.

Начиная с 70-х гг. XIX века одна за другой появляются публикации, авторы которых стремились создать общий очерк истории Сахалина. Самые первые публикации такого рода принадлежат перу российского предпринимателя с весьма сомнительной репутацией Якова Николаевича Бутковского¹⁷⁶. Так, в его небольшой статье «Остров Сахалин», увидевшей свет в 1882 году на страницах журнала «Исторический вестник», дается краткая история Сахалина в период совместного управления им Россией и Японией.

В 1883 году свет увидел первый том фундаментального труда академика Леопольда Ивановича Шренка «Об инородцах Амурского края», на страницах которого была развернута краткая, но чрезвычайно яркая и насыщенная история Приамурья и Сахалина в XVII – первой половине XIX вв.¹⁷⁷

В 1889 году свой очерк сахалинской истории публикует российский зоолог Александр Михайлович Никольский. Данный очерк в качестве отдельной главы «История исследования о. Сахалина в связи с историей присоединения его к Российским владениям» был включен в книгу А.М. Никольского «Остров Сахалин и его фауна позвоночных животных»¹⁷⁸. Исторический очерк А.М. Никольского при всем желании трудно назвать научным исследованием. Перед нами – популярное изложение хорошо известных всем интересующимся историей Дальнего Востока фактов. При этом вся необходимая информация была найдена автором исключительно в уже опубликованных другими работами. Однако и удачный подбор фактов, и доступная манера изложения сделали очерк А.М. Никольского настоящей находкой для любого, кто хотел получить общее представление об истории Сахалина, не тратя при этом много сил и времени на поиск необходимых для этого материалов. Только этим можно объяснить то обстоятельство, что на протяжении нескольких десятилетий именно из вышеназванной книги А.М. Никольского черпали информацию об истории острова многие, кто считал необходимым поместить в свою сахалинскую книгу небольшой исторический очерк. Среди подобных заинтересованных читателей А.М. Никольского можно встретить А.П. Чехова, В.М. Дорошевича, П.Ю. Шмидта, К.Н. Тульчинского, Д.Н. Соколова, П.И. Полевого и многих других известных и совсем не известных авторов.

¹⁷¹ Греч Н.И. Жизнеописание Василия Ивановича Головнина. СПб., 1851.

¹⁷² Спасский Г. Владимир Атласов, покоритель Камчатки // Вестник Императорского Русского географического общества. Т.24. 1858. № 12.

¹⁷³ Мельницкий В. Адмирал П.И. Рикорд и его современники. СПб., 1856.

¹⁷⁴ Рикорд Л.И. Адмирал Петр Иванович Рикорд. СПб., 1875.

¹⁷⁵ Боголюбов Н.П. Граф Мориц Беньовский. М., 1894.

¹⁷⁶ Бутковский Я.Н. О Сахалине и его значении. СПб., 1873; Он же. Сахалин и его значение // Морской сборник. СПб., 1874. №4; Он же. Остров Сахалин // Исторический вестник. СПб., 1882. №10.

¹⁷⁷ Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Т. I. Части географическо-историческая и антропо-этнологическая. СПб., 1883.

¹⁷⁸ Никольский А.М. Остров Сахалин и его фауна позвоночных животных. СПб., 1889.

На этом фоне весьма солидно и вполне самостоятельно выглядят труды Николая Яковлевича Новомбергского «Остров Сахалин»¹⁷⁹ и Александра Алексеевича Панова «Сахалин как колония»¹⁸⁰. Названные публикации, увидевшие свет в 1903 и 1904-1905 гг., подводят итог первым десятилетиям российского присутствия на Сахалине. Вне всякого сомнения, названные книги являются важным источником для любого, кто интересуется историей колонизации острова (прежде всего в период существования сахалинской каторги). Вместе с тем нельзя не учитывать весьма критический настрой названных авторов к той политике, которую проводили на острове как центральное правительство, так и сахалинская администрация. Все это привело их к практически полному отрицанию каких-либо положительных итогов деятельности России на Сахалине.

Поражение в русско-японской войне 1904-1905 гг. заставило российских исследователей обратить внимание на работы своих японских коллег. Самый большой вклад в дело ознакомления российского читателя с результатами работы японских исследователей истории Сахалина, Курильских островов и Хоккайдо (т.е. территорий, которые традиционно обозначались ими как Север Японии) внес видный российский востоковед Дмитрий Матвеевич Позднеев.

Д.М. Позднеев родился в 1865 году. В 1893 году закончил факультет восточных языков Петербургского университета по китайско-монгольско-маньчжурскому разряду. Преподавал историю Китая и экономическую географию стран Востока в Петербургском университете и Восточном институте во Владивостоке.

В 1906 году Д.М. Позднеев уезжает в Японию, где проводит четыре года. За это время он не только основательно изучил японский язык, но и сумел самым тщательным образом познакомиться с японской литературой, посвященной истории Севера Японии. Сделанные Д.М. Позднеевым переводы отдельных фрагментов из целого ряда японских публикаций легли в основу большой книги «Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России», увидевшей свет в Иокогаме и Токио в 1909 году¹⁸¹. В первый том «Материалов» были включены «данные географические и этнографические». В первую часть второго тома вошли материалы, отражающие отношения населения Хоккайдо и Сахалина к народам Маньчжурии и «данные по истории Мацумаэского клана». Во второй части второго тома были помещены переводы, рассказывающие о «первых сношениях с Японией». И, наконец, в третьей части второго тома было показано, как отразились на Северной Японии первые сношения с Россией.

Следует отметить, что Д.М. Позднеев в своих «Материалах по истории Северной Японии» выступает не только в качестве переводчика. Ему, как русскому патриоту, часто сложно отказаться от комментариев по поводу тех текстов, которые он сам включил в свою книгу. Так, отмечая тенденциозность японских авторов во взглядах на Сахалин, как на часть Японской империи, он пишет:

«Несмотря на то, что японцы узнали о Сахалине сравнительно очень недавно, но с тех пор, как они прониклись до мозга костей идею о необходимости защиты всякими средствами своей империи от постоянно грезившихся им нападений России, они решили, что

¹⁷⁹ Новомбергский Н.Я. *Остров Сахалин. (Очерк сахалинской жизни)*. СПб., 1903.

¹⁸⁰ Сеич А. *Сахалин, как колония // Русская мысль*. М., 1904. №6-10; Панов А.А. *Сахалин, как колония. Очерки колонизации и современного положения Сахалина*. М., 1905.

¹⁸¹ Позднеев Д. *Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России*. Т.1. Иокогама, 1909; Т.2. Ч. 1. Токио, 1909; Т.2. Ч. 2. Иокогама, 1909; Т.2. Ч. 3. Иокогама, 1909.

Сахалин принадлежал искони веков Японии. В этом отношении им стало препятствием не только водворение на Сахалине России, но и прежняя зависимость, хотя бы номинальная, Сахалина от Китая. Отсюда возникло их стремление к искоренению всякого воспоминания о том, что Сахалин имел когда либо зависимые отношения к Китаю, приведшее писателей и деятелей их подтасовке исторических фактов и созданию самых фантастических объяснений географических имен»¹⁸².

Примерно в то же самое время, когда Д.М. Позднеев находился в Японии, где был занят переводом на русский язык японских работ по истории Сахалина, Курильских островов и Хоккайдо, в Санкт-Петербурге старший лейтенант А. Воскресенский по заданию Генерального штаба российского Военно-Морского Флота осуществлял перевод составленного японским морским генеральным штабом «Описания военных действий на море в 37-38 гг. Мейдзи (в 1904-1905 гг.)»¹⁸³. Четвертый том данного перевода, увидевший свет в 1910 году, был посвящен действиям военно-морского флота Японии против 2-й Тихоокеанской эскадры и овладению японцами островом Сахалином¹⁸⁴.

Одним из наиболее продуктивных направлений российской историографии рассматриваемого периода стало изучение истории и этнографии коренного населения Приамурья и Сахалина. Именно в этом направлении российские ученые, изучавшие Сахалин, добились наиболее существенных результатов. Их не очень многочисленные труды и сегодня не потеряли своего значения в качестве важнейших источников, без использования которых сложно воссоздать сахалинскую действительность второй половины XIX – начала XX вв.

Прежде всего необходимо отметить фундаментальный труд видного российского этнографа и зоогеографа академика Л.И. Шренка «Об инородцах Амурского края».

Леопольд Иванович Шренк (точнее, Петер Леопольд фон Шренк) родился в 1826 году. Его родители позаботились о том, чтобы он получил прекрасное образование. Сначала Л.И. Шренк учился в частном пансионе в Москве, а затем – в наиболее авторитетном в Российской империи Дерптском университете, где в 1850 году ему была присвоена ученая степень магистра зоологии. После окончания Дерптского университета Л.И. Шренк на два года уехал для продолжения обучения в Пруссию, где ему была присвоена ученая степень доктора философии Прусской Альбертинской академии.

В 1853 году руководство Академии наук включило молодого ученого в состав экспедиции, направлявшейся на Дальний Восток для изучения Приамурского края и Сахалина. Летом 1854 года Л.И. Шренк и его спутники добрались до Николаевска-на-Амуре, который почти на два года стал базой экспедиции. В течение этого времени участники экспедиции неоднократно посещали Сахалин. Работы по изучению Приамурья велись вплоть до весны 1856 года. В мае Л.И. Шренк покидает Николаевск-на-Амуре. Для возвращения домой был выбран сухопутный маршрут через Сибирь и только к началу следующего, 1857 года путешественники смогли добраться до Санкт-Петербурга.

В Приамурье и на Сахалине Л.И. Шренком был собран колоссальный материал, позволивший ему составить географическое, гидрологическое и метеорологичес-

¹⁸² Позднеев Д. *Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материке Азии и России*. Т.1. С. 403-404.

¹⁸³ *Описание военных действий на море в 37-38 гг. Мейдзи (в 1904-1905 гг.)*. Т.1-4. СПб., 1909-1910.

¹⁸⁴ *Описание военных действий на море в 37-38 гг. Мейдзи (в 1904-1905 гг.)*. Т.4. СПб., 1910.

кое описание края и омывающих его морей, дать характеристику растительного и животного мира. Но самое большое значение имели его работы в области этнографии. Именно они и сегодня не потеряли своего значения и являются важнейшим источником для каждого, кто изучает народы Приамурья и Сахалина. Особую ценность наблюдениям Л.И. Шренка придает то обстоятельство, что он оказался на Сахалине в тот период его истории, когда колонизация острова Россией и Японией только начиналась и влияние пришлого населения на гиляков-нивхов, айнов и ороков-уйльга было крайне незначительным.

При жизни Л.И. Шренка свет увидел только первый том его книги «Об инородцах Амурского края»¹⁸⁵. Он вышел в 1883 году. Второй и третий тома были опубликованы в 1899 и 1903 годах, уже после смерти автора. На страницах первого тома было дано общее обозрение туземных народов Амурского края и Сахалина, показаны границы их расселения, а также показано влияние на них китайцев, японцев и русских. Опираясь на русские, китайские и японские источники, Л.И. Шренк показывает передвижения и перемещения народов Амурского края в исторические времена. Большое внимание автор уделяет проблеме происхождения народов Приамурья и Сахалина. При этом выделяется группа палеоазиатских или краевых народов северо-восточной Азии, в число которых Л.И. Шренк включал гиляков и айнов. Второй том книги «Об инородцах Амурского края» был посвящен «главным условиям и явлениям внешнего быта»¹⁸⁶ и третий – «основным чертам семейной, общественной и внутренней жизни»¹⁸⁷.

С появлением на Сахалине первых русских постов на остров время от времени приезжают наблюдательные и неравнодушные люди, которые хотя и не были учеными, но стремились собрать материал, рассказывающий о жизни, культуре и языке коренного населения. Среди этих любителей-энтузиастов были врачи Михаил Михайлович Добротворский¹⁸⁸ и Николай Львович Зеланд¹⁸⁹.

На рубеже XIX–XX вв. наибольший вклад в изучение коренного населения Сахалина внесли исследователи, оказавшиеся на острове не по своей воле. Речь идет о «политических преступниках» Л.Я. Штернберге и Б.О. Пилсудском.

Лев Яковлевич Штернберг оказался на Сахалине в 1889 году. Он был сослан на Сахалин за участие в революционном движении и попытку воссоздания ранее разгромленной партии «Народная воля». На Сахалине недоучившийся студент юридического факультета Новороссийского университета довольно быстро нашел себе занятие, которое стало главным делом в его жизни. Л.Я. Штернберга увлекла задача изучения коренных народов Сахалина. При этом необходимо отметить, что сахалинская администрация, видя интерес политического ссыльного к сахалинским инородцам, создало ему все условия для успешной работы. Благодаря этому Л.Я. Штернберг сумел объехать практически весь Сахалин и познакомиться с жизнью гиляков, айнов и ороков. Кроме того, в 1895 году он с разрешения властей выехал на Нижний Амур, где сумел собрать интереснейший материал о жизни амурских гиляков.

¹⁸⁵ Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Т. I. СПб., 1883.

¹⁸⁶ Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Т. II. СПб., 1899.

¹⁸⁷ Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Т. III. СПб., 1903.

¹⁸⁸ Добротворский М.М. Русская протонародная медицина сравнительно с народной медициною сахалинских айнов. Казань, 1874; Он же. Айнско-русский словарь. Казань, 1875.

¹⁸⁹ Зеланд Н.Л. Быт гяляк и болезни их. СПб., 1882; Он же. О гяляках // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – Т.49. – Вып.3. – М., 1886.

Начиная с 1893 года, одна за другой выходят научные работы Л.Я. Штернберга, посвященные коренным народам Сахалина. Их сильной стороной является не только оригинальный фактический материал, но и стремление автора осмыслить те факты и явления, которые он наблюдал у сахалинских аборигенов, попытка соотнести их с подобными наблюдениями, сделанными другими авторами у других народов.

Так же как и Л.И. Шренк, Л.Я. Штернберг главное внимание уделяет гилякам. Именно этому народу были посвящены его основные труды как сахалинского, так и послесахалинского периода. Среди них опубликованные в 1893-1894 гг. в «Этнографическом обозрении» статьи «Сахалинские гиляки»¹⁹⁰ и «Гиляки. Происхождение, быт, семья, род и религия»¹⁹¹, книги «Образцы материалов по изучению гиляцкого языка и фольклора, собранные на острове Сахалине и в низовьях Амура» (1900)¹⁹², «Гиляки» (1905)¹⁹³ и «Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора» (1908)¹⁹⁴, и другие работы¹⁹⁵. Из публикаций, посвященных айнам, внимания заслуживает статья «Культу инау у племени айну», опубликованная в 1905 году в «Ежегоднике Русского антропологического общества»¹⁹⁶.

Бронислав Осипович Пилсудский оказался на Сахалине в 1887 году. Этому предшествовали учеба на первом курсе юридического факультета Санкт-Петербургского университета, участие в подготовке убийства российского императора Александра III, разоблачение группы заговорщиков, арест, суд, смертный приговор, замененный пятнадцатью годами сахалинской каторги.

Вывранный на многие годы из привычной среды Б. Пилсудский должен был найти применение своим силам. Вот что он сам написал об этом много лет спустя:

«Постоянно мечтая о возвращении на родину, я старался (насколько это возможно) избавиться от тягостного сознания того, что я – изгнанник, нахожусь в яре и оторван от всего самого дорогого мне. Поэтому я, естественно, чувствовал влечение к туземцам Сахалина, единственно питавшим искреннюю привязанность к этому краю, месту их обитания с незапамятных времен»¹⁹⁷.

Именно это влечение, в конечном счете, превратило бывшего члена террористической организации в одного из лучших специалистов по этнографии коренных народов Сахалина. Благо особый режим, который существовал в пенитенциарной системе Российской империи для политических, позволял Б.О. Пилсудскому успешно заниматься научными исследованиями.

В 1898 году в «Записках Приамурского отдела Императорского Русского географического общества» свет увидела первая научная публикация Б.О. Пилсудского «Нужды и потребности сахалинских гиляков»¹⁹⁸. В том же году он по ходатайству Общества изучения Амурского края получает разрешение покинуть Сахалин и переехать во

¹⁹⁰ Штернберг Л.Я. Сахалинские гиляки // Этнографическое обозрение. 1893. №2.

¹⁹¹ Штернберг Л.Я. Гиляки. Происхождение, быт, семья, род и религия // Этнографическое обозрение. 1894. №1-2.

¹⁹² Штернберг Л.Я. Образцы материалов по изучению гиляцкого языка и фольклора, собранные на острове Сахалине и в низовьях Амура. СПб., 1900.

¹⁹³ Штернберг Л.Я. Гиляки. М., 1905.

¹⁹⁴ Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. СПб., 1908.

¹⁹⁵ Штернберг Л.Я. Культурные домики близнецов у гиляков // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. III. СПб., 1916; и др.

¹⁹⁶ Штернберг Л.Я. Культ инау у племени айну // Ежегодник Русского антропологического общества. СПб., 1905. Т. I. Ч. 4.

¹⁹⁷ Пилсудский Б. Материалы для изучения айнского языка и фольклора // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. №7. Южно-Сахалинск, 2004. С. 27.

¹⁹⁸ Пилсудский Б.О. Нужды и потребности сахалинских гиляков // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 4. Вып. 6. Хабаровск, 1898.

Владивосток. Но в 1902-1905 гг. Б.О. Пилсудский снова оказывается на Сахалине. На этот раз он приехал на остров по поручению Академии наук для изучения сахалинских аборигенов. Именно тогда Б.О. Пилсудским был собран обширный научный материал, легший в основу его последующих научных публикаций. Среди них – книга «Материалы для изучения айнского языка и фольклора» (1912 год)¹⁹⁹, статьи «Аборигены о. Сахалина» (1909)²⁰⁰, «На медвежьем празднике айнов о. Сахалина» (1915)²⁰¹ и другие²⁰². К сожалению, многие материалы Б.О. Пилсудского при его жизни так и не были опубликованы.

В 1914 году были опубликованы статьи сотрудника этнографического отдела Русского музея Виктора Николаевича Васильева «Отчет о командировке к гилякам и орокам Сахалина» и «Краткий отчет о поездке к айнам Иесо и Сахалина»²⁰³. В основе данных публикаций лежат полевые материалы В.Н. Васильева, собранные им во время экспедиций по острову в 1910 и 1912 гг.

В 1916 году, в самом конце имперского периода развития российской историографии истории региона, в Хабаровске увидела свет книга Владимира Викторовича Солярского «Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края»²⁰⁴. На страницах этой книги автор показывал ту чрезвычайно сложную ситуацию, в которой оказались коренные народы Приамурья и Сахалина в результате российской колонизации.

И последней работой, которую следовало бы упомянуть в числе публикаций о коренных народах Сахалина и Курил, является реферат русского антрополога, географа, этнографа и археолога Дмитрия Николаевича Анучина «Племя айнов»²⁰⁵, увидевший свет в 1876 году на страницах «Известий общества любителей естествознания, антропологии и этнографии». Автор не имел возможности самостоятельно изучать тот народ, о котором поведал заинтересованному читателю. Его работа является добротной компиляцией, составленной на основе ранее изданных многочисленных публикаций об айнах. Вместе с тем подготовленный Д.Н. Анучиным материал может и сегодня оказаться весьма полезным для всех тех, кто хотел бы получить общее представление об истории изучения айнов европейцами.

Важной особенностью рассматриваемого периода стало появление на Сахалине первых периодических изданий, публиковавших на своих страницах наряду со статьями, отражавшими современность, материалы по истории острова и этнографии его коренного населения. Первым таким изданием стали выпускавшиеся в 1895-1899 годах в посту Александровском «Сахалинские календа-

¹⁹⁹ Pilsudski B. *Materials for the study of the Ainu language and folklore*. Cracow, 1912.

²⁰⁰ Пилсудский Б.О. *Аборигены о. Сахалина // Живая старина*. СПб., 1909. №2-3.

²⁰¹ Пилсудский Б.О. *На медвежьем празднике айнов о. Сахалина // Живая старина*. Пг., 1915. №1-2.

²⁰² Пилсудский Б.О. *Отчет Б.О. Пилсудского по командировке к айнам и орокам о. Сахалина в 1903-1905 гг. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях*. СПб., 1907. №7; Он же. *Краткий очерк экономического быта айнов на о. Сахалине // Записки Общества изучения Амурского края*. Т.10. Владивосток, 1907; Он же. *Некоторые сведения об отдельных айнских стойбищах на о. Сахалине // Записки Общества изучения Амурского края*. Т.10. Владивосток, 1907; Он же. *Роды, беременность, выкидыши, близнецы, уроды, бесплодие, плодовитость у туземцев о. Сахалина // Живая старина*. СПб., 1910. №1-2; и др.

²⁰³ Васильев В.Н. *Отчет о командировке к гилякам и орокам Сахалина*. СПб., 1914; Он же. *Краткий отчет о поездке к айнам Иесо и Сахалина*. СПб., 1914.

²⁰⁴ Солярский В.В. *Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края*. Хабаровск, 1916.

²⁰⁵ Анучин Д.Н. *Племя айнов // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии*. Т. XX. Труды антропологического отдела. Кн. 2. Вып. I. М., 1876. С. 79-204.

ри»²⁰⁶. В 1912-1913 годах сахалинская администрация делает попытку наладить выпуск нового издания, получившего название «Сахалин». Если первые два выпуска имели подзаголовок «Сборник статей по современным вопросам Сахалинской области»²⁰⁷, то третий сборник был назван «Сахалин. Сборник статей о прошлом и настоящем»²⁰⁸. Издание сборника «Сахалин» было прервано первой мировой войной.

Рассматриваемый период был временем, когда в распоряжении у российского читателя появилось немало обобщающих исследований по истории России. Однако авторы тех исследований, как правило, совсем не интересовались событиями, происходившими на крайнем востоке огромной империи. На этом фоне мы можем отметить только одно исключение. Но то исключение стоило всех остальных авторов, вместе взятых. Ведь автором, который проявил интерес к дальневосточным материалам и включил их в свой обобщающий труд по российской истории, был замечательный русский историк Сергей Михайлович Соловьев. На страницах его грандиозной «Истории России с древнейших времен»²⁰⁹ мы можем прочитать об амурских экспедициях В.Д. Пояркова и О. Степанова²¹⁰, плавании к берегам Курильских островов И.Б. Евреинова и Ф.Ф. Лужина²¹¹, а также о камчатском бунте А.-М. Бениовского²¹².

²⁰⁶ Сахалинский календарь и материалы к изучению острова Сахалина. Б.м., 1895; Сахалинский календарь на 1897. Б.м., 1897; Сахалинский календарь на 1898 г. Б.м., 1898; Сахалинский календарь на 1899 г. Б.м., 1899.

²⁰⁷ Сахалин. Сборник статей по современным вопросам Сахалинской области. Вып. I-II. Александровский, 1912.

²⁰⁸ Сахалин. Сборник статей о прошлом и настоящем. Вып. III. О. Сахалин, 1913.

²⁰⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 1-29. М., 1851-1879; и другие издания.

²¹⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 12. М., 1862.

²¹¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 16. М., 1866; Т. 18. М., 1868.

²¹² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 29. М., 1879.

Глава 2

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

2.1. Становление советской историографии истории региона

Социальные потрясения рубежа 10-20-х гг. XX столетия повлекли за собой глобальные изменения практически всех сторон жизни населения России. И вполне естественно, что смена идеологии самым кардинальным образом отразилась на состоянии российской исторической науки.

Вплоть до рубежа 80-90-х гг. XX века в России история Сахалина и Курильских островов могла изучаться исключительно в рамках направления, которое принято называть советской историографией. С первых дней своего существования данное направление находилось под колоссальным влиянием идей основателя большевистской партии и Советского государства Владимира Ильича Ульянова (Ленина).

Говоря об особенностях ленинских взглядов на историю, следует иметь в виду, что и основоположник ленинизма, и его последователи были абсолютно убеждены в том, что именно учение о классовой борьбе является той «путеводной нитью», без которой невозможно разобраться в сложном переплетении противоречивых исторических явлений и процессов. Именно этим объясняется то гипертрофированное внимание, которое советская историография всегда уделяла истории классовой борьбы и истории революционного движения. При этом классовая борьба выделялась как движущая сила, а история революционного движения – как основа российского исторического процесса.

Не менее важной особенностью ленинского взгляда на историю является его убежденность в так называемой партийности исторической науки. При этом и сам В.И. Ленин, и многие его последователи были искренне убеждены в том, что именно партийный подход историка-марксиста к явлениям прошлого (то есть подход к ним с позиций Коммунистической партии) означает соблюдение наиболее полной научной объективности.

Впоследствии некоторые ленинские положения были скорректированы его преемниками. В частности, на рубеже 30-40-х гг. Иосиф Виссарионович Сталин начинает практиковать классовый подход в сочетании с имперским мышлением, что помогает ему практически всегда оправдывать внешнюю экспансию дореволюционной России. Однако в целом и тогда, и позднее советская историография оставалась в рамках ленинской концепции.

В глазах советского руководства история всегда была одним из важнейших инструментов государственной политики, который использовался для борьбы с любым, как внутренним, так и внешним врагом. Весьма откровенно данную мысль выразил один из основоположников советской историографии академик Михаил Николаевич Покровский:

«Мы – историки-марксисты, как мы называем себя в СССР, мы являемся одним из отрядов ленинской армии, и положением фронта объясняются в целом и наши задачи. У нас на этом фронте есть свое определенное место, свои определенные противники, свои оп-

ределенные позиции, которые мы защищаем, и определенные позиции, которые мы штурмуем»¹.

В условиях абсолютной несвободы, тотального контроля партии и государства над системой образования, научными учреждениями, всеми без исключения средствами массовой информации, любым печатным словом советский историк мог работать только в рамках того направления, которое было одобрено властью. При этом следует иметь в виду, что требования власти к историку довольно часто претерпевали изменения (порой весьма существенные), и советский историк должен был обладать большой ловкостью для того, чтобы не ошибиться, следуя за постоянно меняющейся линией партии. Именно бросающаяся в глаза зависимость авторов исторических трудов от политической конъюнктуры превратила Россию в «великую страну с непредсказуемым прошлым».

Тотальная зависимость советской исторической науки от правящей партии приводила к тому, что даже ее лучшие представители вольно или невольно фальсифицировали историю, насаждали мифы и, в конечном счете, серьезно деформировали сознание людей. Любой историк, пытавшийся найти истину за пределами официальной точки зрения, рисковал как минимум остаться без работы. Ведь где бы ни работал советский историк, от него всегда в первую очередь требовалась политическая благонадежность. А политически благонадежными для правящей партии были лишь те историки, для которых самые последние ее решения всегда являлись истиной в последней инстанции.

Все вышесказанное дополнялось жесточайшей и всеобъемлющей цензурой, жесткими запретами на определенные темы и оценки российской истории, затруднением, а иногда и полным запретом доступа к материалам отечественных архивов и библиотек, интеллектуальной самоизоляции, возникшей в результате существенного ограничения связей с зарубежными исследователями и организациями, репрессиями против неугодных историков.

Конечно, и в советский период в России было немало сделано для изучения истории Сахалина и Курильских островов. Прежде всего следует отметить огромную работу по изучению и введению в научный оборот источников по истории островного мира северной части Тихого океана. Однако чем более злободневной была проблематика, которой занимались исследователи, тем большее внимание привлекали они со стороны властей и тем меньше у них оставалось свободы для маневра.

Становление советской историографии истории Сахалина и Курильских островов началось в середине 20-х гг. XX века. И самые первые ее шаги определялись общим для всей советской историографии того времени повышенным интересом к историко-революционной тематике. В связи с этим вполне естественно, что героями большого количества публикаций стали те участники российского революционного движения, которые отбывали наказание на сахалинской каторге. Так, уже в 1924 году в Ленинграде была опубликована книга народнойницы Людмилы Александровны Волкенштейн «Из тюремных воспоминаний»². В самом тексте воспоминаний, в основном посвященных тринадцатилетнему

¹ Покровский М.Н. Развитие современной исторической науки и задачи историков-марксистов // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн.4. М., 1967. С. 427.

² Волкенштейн Л.А. Из тюремных воспоминаний. Л., 1924.

заклучению Л.А. Волкенштейн в Шлиссельбургской крепости, история сахалинской каторги не затрагивается. О ее пребывании на Сахалине говорилось только во вступительной статье, подготовленной историком российского революционного движения Рувимом Моисеевичем Кантором. В начале 1925 года харьковский журнал «Пути революции» публикует статью В. Денисенко «Из жизни политических каторжан на Сахалине»³. Но самый существенный материал, посвященный сахалинской политической каторге, был опубликован в 1926 году на страницах журнала Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев «Каторга и ссылка». Тогда свет увидели воспоминания бывших сахалинских ссыльнокаторжных Гилярия Викентьевича Госткевича⁴ и Анатолия Ивановича Ермакова⁵, а также подготовленный Е. Никитиной «Список государственных преступников на острове Сахалине»⁶.

Материалы о судьбе политических ссыльных содержит книга А.И. Ермакова «Из быта Сахалинской каторги»⁷, увидевшая свет в 1929 году. Годом ранее были опубликованы воспоминания бывшего сахалинского ссыльного Льва Яковлевича Штернберга о своем товарище Петре Карловиче Домбровском⁸. Целый ряд воспоминаний был посвящен самому Л.Я. Штернбергу⁹. Отчасти автобиографический характер носит изданная в 1928 году книга бывшего ссыльнокаторжного Бориса Ивановича Еллинского «Сахалин – черная жемчужина Дальнего Востока»¹⁰.

К вышеназванным материалам примыкают воспоминания о поездке Антона Павловича Чехова на Сахалин, написанные его сестрой Марией Павловной и опубликованные в 1929 году в журнале «Красная панорама»¹¹.

В 1925 году увидела свет небольшая книжка известных на Дальнем Востоке геологов Дмитрия Владимировича Соколова и Николая Николаевича Тихоновича «Сахалин. (Природа, население, богатства)»¹². В ней была предпринята попытка дать самое общее представление об истории острова.

Во второй половине 20-х – начале 40-х гг. XX столетия советский Сахалин попадает в зону повышенного внимания московских и ленинградских писателей и журналистов, а также дальневосточных краеведов, которые в своих книгах и статьях обязательно касались определенного набора тем и сюжетов сахалинской истории. Особым вниманием пользовалась история сахалинской каторги, которая благодаря стараниям советских авторов превращалась в символ темного прошлого. Как писал один из таких авторов, «если царская Россия была тюрьмой народов, то Сахалин был самым гнусным ее олицетворением, где в самом сконцентрированном виде можно было увидеть все «прелести» царского режима»¹³. На этом без-

³ Денисенко В. Из жизни политических каторжан на Сахалине // Пути революции. Харьков, 1925. № 2.

⁴ Госткевич Г. Записки пролетариата // Каторга и ссылка. М., 1926. Кн.6 (27).

⁵ Ермаков А. Два года на сахалинской каторге // Каторга и ссылка. М., 1926. Кн.6 (27).

⁶ Никитина Е. Список государственных преступников на острове Сахалине // Каторга и ссылка. 1926. № 6 (27).

⁷ Ермаков А.И. Из быта Сахалинской каторги. М., 1929.

⁸ Штернберг Л. Петр Карлович Домбровский. Л., 1928.

⁹ Богораз В.Г. Л.Я. Штернберг как этнограф // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т.VII. Л., 1928; Штернберг С. А. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т.VII. Л., 1928; Кроль М.А. Воспоминания о Л.Я. Штернберге // Каторга и ссылка. 1929. № 57-58; Ратнер-Штернберг С. А. Л.Я. Штернберг и Ленинградская этнографическая школа 1904-1927 гг. (По личным воспоминаниям и архивным данным) // Советская этнография. 1935. № 2; и др.

¹⁰ Еллинский Б.И. Сахалин – черная жемчужина Дальнего Востока. М.; Л., 1928.

¹¹ Чехова М.П. Поездка А.П. Чехова на Сахалин // Красная панорама. 1929. № 28.

¹² Соколов Д.В., Тихонович Н.Н. Сахалин. (Природа, население, богатства). М., 1925.

¹³ Львов Л. Пятнадцать лет // Пятнадцать лет Дальневосточного Баку. Оха-на-Сахалине, 1940. С. 19.

радостном фоне успехи социалистического строительства на острове выглядели гораздо ярче.

Среди десятков мало отличающихся друг от друга, написанных как бы по единому шаблону, публикаций довольно сложно выделить основные. Тем не менее следует упомянуть такие книги, как «О советских далях. Сахалин, Камчатка, Чукотка, Колыма» Матвея Корна¹⁴, «Сахалин после Чехова и Дорошевича» Макса Леонидовича Поляновского¹⁵, «Сахалин. (Путевые заметки этнографа)» Льва Михайловича Пришвина (публиковавшегося под псевдонимом Л. Алпатов)¹⁶, «На Сахалине» Петра Владимировича Кудрявцева (публиковавшегося под псевдонимом П. Слетов)¹⁷, «Сахалинские очерки» Владимира Яковлевича Канторовича¹⁸, «Советские Сахалины» Василия Ефимовича Глуздовского¹⁹, Е.В. Лебедева²⁰, Н. Литвиненко²¹ и Г.Ф. Старикова²², а также посвященный истории сахалинской нефти сборник статей «Пятнадцать лет Дальневосточного Баку»²³. Еще меньшей оригинальностью отличались популярные статьи Зотика Николаевича Матвеева «К истории Сахалина»²⁴, А. Шурыгина и З. Карпенко «От каторги к социализму»²⁵, Ф. Третьякова «Остров Сахалин»²⁶ и многие другие публикации подобного рода.

Вышеназванные авторы, как правило, основное внимание уделяли историко-революционной проблематике: истории сахалинской политической каторги, героизму местных борцов за Советскую власть, успехам первых социалистических преобразований на острове. В их числе практически не было профессиональных историков, и главным источником сведений об истории острова были как публикации дореволюционных авторов, так и информация, полученная от людей, которые или являлись непосредственными свидетелями или участниками описываемых событий, или выдавали себя за таковых. Отсутствие у авторов критического подхода к используемым источникам, а также существенные пробелы в их образовании привели к появлению во многих публикациях 20-х – первой половины 40-х годов большого количества фактических ошибок. Кроме того, в некоторых книгах и статьях сложно не заметить наличия изрядной доли вымысла.

На фоне подобных работ заметно выделяется увидевшая свет в 1928 году книга Владимира Яковлевича Аболтина «Остров сокровищ. Северный Сахалин»²⁷. Конечно, автор, говоря об истории Сахалина, не смог избежать целого ряда распространенных шаблонов. Однако, рассказывая читателю об истории японской оккупации Северного Сахалина, о переговорах, которые вели с японскими представителями советские дипломаты, о возвращении японцами весной 1925 года российской части острова и о первых шагах на ней советской администрации, В.Я. Аболтин опирался как на добротный документальный материал, так и на лич-

¹⁴ Корн М. О советских далях. Сахалин, Камчатка, Чукотка, Колыма. Владивосток, 1926.

¹⁵ Поляновский М. Сахалин после Чехова и Дорошевича. М.; Л., 1929.

¹⁶ Алпатов Л. Сахалин. (Путевые заметки этнографа). М., 1930.

¹⁷ Слетов П. На Сахалине: Очерки. М., 1933.

¹⁸ Канторович В. Сахалинские очерки. М., 1932; 2-е издание. М., 1934; 3-е издание. М., 1935.

¹⁹ Глуздовский В.Е. Советский Сахалин. Владивосток, 1926.

²⁰ Лебедев Е.В. Советский Сахалин. М., 1933.

²¹ Советский Сахалин. Александровск-на-Сахалине, 1939.

²² Стариков Г.Ф. Советский Сахалин. Хабаровск: Дальневост. кн. изд-во, 1940.

²³ Пятнадцать лет Дальневосточного Баку. Оха-на-Сахалине, 1940.

²⁴ Матвеев З.Н. К истории Сахалина // Вестник Дальневосточного филиала АН СССР. 1935. №15.

²⁵ Шурыгин А., Карпенко З. От каторги к социализму // На рубеже. Хабаровск, 1935. № 5.

²⁶ Третьяков Ф. Остров Сахалин // Пропагандист-агитатор. Хабаровск, 1939. № 6.

²⁷ Аболтин В.Я. Остров сокровищ. Северный Сахалин. Хабаровск; Владивосток, 1928.

ные воспоминания о тех событиях, в которых он сам принимал участие как председатель Полномочной комиссии ЦИК СССР по принятию Северного Сахалина.

Следует также отметить небольшую работу Николая Алексеевича Гедройца «История сахалинских нефтяных месторождений. (К 50-летию сахалинской нефти)»²⁸, которая увидела свет в 1932 году в «Трудах нефтяного геологоразведочного института». Данная публикация выгодно отличается полным отсутствием классового подхода и стенаний по поводу беспросветного царского прошлого. В то же время автор прекрасно знает историю изысканий, проводившихся на Сахалине с конца XIX столетия как российскими, так и японскими геологами. Затрагиваются в работе и первые шаги в деле промышленного освоения нефтяных месторождений.

Чрезвычайно сложные, чреватые самыми серьезными осложнениями отношения между Советским Союзом и Японией в 20-30-е гг. XX столетия вызвали появление целого ряда работ, посвященных истории Сахалина в свете истории русско-японских конфликтов. Связанные с историей Сахалина события русско-японской войны 1904-1905 гг. нашли отражение в книге профессора Академии Генерального штаба РККА комбрига Николая Арсеньевича Левицкого²⁹, а также в статьях А.А. Степанова³⁰. Интересный материал, раскрывающий причины уступки Южного Сахалина на мирной конференции в Портсмуте, содержат изданные в 1923-1924 гг. воспоминания руководителя российской делегации на мирных переговорах в Портсмуте Сергея Юльевича Витте³¹, дневник секретаря С. Ю. Витте Ивана Яковлевича Коростовца³² и изданный в 1942 году перевод книги японского дипломата Кикудзиро Исии «Дипломатические комментарии»³³. Определенный интерес представляет также «Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842-1925)», составленный профессором Эрвином Давидовичем Гриммом³⁴. И, наконец, не была обойдена вниманием исследователей и японская оккупация Северного Сахалина в 1920-1925 гг.³⁵

В то время, когда та часть советских историков, которая занималась изучением истории классовой борьбы, революционного движения и Коммунистической партии, делала все возможное, чтобы порвать с дореволюционной историографией, в советской исторической науке постепенно укреплялись силы, которые воспринимали себя как носителей и продолжателей ее лучших традиций. И здесь, прежде всего, следует отметить работы видного российского историка, крупнейшего специалиста по историческому источниковедению и археологии XVII-XVIII вв. А.И. Андреева.

Александр Игнатьевич Андреев родился в 1887 году в Санкт-Петербурге в семье сторожа и прачки. Исключительные трудолюбие и способности позволили ему получить хорошее образование. А.И. Андреев закончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Среди его учителей был и такой выдающийся русский историк и археолог, как Александр Сергеевич Лаппо-

²⁸ Гедройц Н.А. История сахалинских нефтяных месторождений. (К 50-летию сахалинской нефти) // Труды нефтяного геологоразведочного института. Серия Б. Выпуск 9. М.; Л., 1932.

²⁹ Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904-1905 гг. М., 1935; 2-е издание. 1936; 3-е издание. 1938.

³⁰ Степанов А.А. Оборона Сахалина в русско-японскую войну // На рубеже. 1941. №1.

³¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т.1-3. М.; Пг., 1923-1924.

³² Коростовец И.Я. Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 г. Дневник секретаря С. Ю. Витте // Былое. Пг., 1918. № 1-3.

³³ Исии К. Дипломатические комментарии. М., 1942.

³⁴ Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842-1925) / Сост. Э.Д. Гримм. М., 1927.

³⁵ Об оккупации японскими войсками Северного Сахалина // Красный архив. 1937. Т.3 (82). С. 90-118.

Данилевский. С 1913 года А.И. Андреев работает в Постоянной исторической комиссии Академии наук, а с 1926 года – в Постоянной историко-археологической комиссии АН СССР.

В 1929 году А.И. Андреев, подобно многим другим видным российским историкам, был арестован по сфабрикованному ОГПУ так называемому «академическому делу» и сослан на пять лет в Восточно-Сибирский край. После возвращения из ссылки он немедленно приступил к реализации целого ряда чрезвычайно сложных и трудоемких проектов по изучению истории Сибири XVII-XVIII вв.

В 1935 году А.И. Андреев совместно с другим видным российским историком Сергеем Владимировичем Бахрушиным приступает к подготовке к изданию «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера. К сожалению, несмотря на все усилия А.И. Андреева и его коллег, этот труд так и не был опубликован в полном объеме. В 1937-1941 гг. свет увидели два первых тома этого ценнейшего источника³⁶. Для первого тома А.И. Андреевым была подготовлена большая вводная статья «Труды Г.Ф. Миллера о Сибири»³⁷. Одновременно с работой над Сибирской историей Г.Ф. Миллера А.И. Андреев публикует целый ряд материалов, посвященных С. П. Крашенинникову³⁸, В. Берингу³⁹ и другим исследователям северной части Тихого океана⁴⁰. В 1944 году свет увидел подготовленный А.И. Андреевым сборник документальных материалов «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII-XIX веках»⁴¹.

Однако самой важной для нас работой А.И. Андреева стал его фундаментальный труд «Очерки по источниковедению Сибири», первый выпуск которого, посвященный XVII веку, увидел свет в 1939 году⁴². На страницах «Очерков» А.И. Андреев дал блестящий обзор практически всех известных на момент издания источников по истории Сибири XVII столетия. При этом значительная часть документальных материалов, которые А.И. Андреев подверг анализу в своей книге, была или впервые введена в научный оборот, или получила в ней новое толкование и оценку. Благодаря выходу в свет «Очерков по источниковедению Сибири» накануне Великой Отечественной войны была заложена основа, на которой в послевоенный период успешно развивались исследования по истории русских географических открытий на Дальнем Востоке.

В начале 40-х гг. существенную роль в деле введения в научный оборот новых материалов по истории русских географических открытий на Тихом океане сыграли Николай Николаевич Степанов⁴³ и Александр Михайлович Покровский⁴⁴. Говоря об А.М. Покровском, необходимо особо выделить подготовленный им к печати и увидевший свет в 1941 году ценный сборник документов «Экспедиция Беринга»⁴⁵.

³⁶ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.I-II. Л., 1937-1941.

³⁷ Андреев А.И. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.I. Л., 1937.

³⁸ А.И. Андреев. Жизнь и научные труды Степана Петровича Крашенинникова // Советский Север. 1939. №2.

³⁹ Андреев А.И. Экспедиции В. Беринга // Известия Всесоюзного географического общества. 1943. Т.75. Вып. 2.

⁴⁰ Андреев А.И. Русские открытия в Тихом океане в первой четверти XVIII века // Известия Всесоюзного географического общества. 1943. Т.75. Вып.3.

⁴¹ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII-XIX веках. Сборник материалов. Под ред. А.И. Андреева. М.; Л., 1944.

⁴² Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л., 1939 (на переплете – 1940).

⁴³ Степанов Н.Н. Межплеменной обмен в Восточной Сибири, на Амуре и на Охотском побережье в XVII веке // Ученые записки ЛГУ. № 48. Серия историческая. Вып.5. Л., 1939; Он же. Первая экспедиция русских на Тихий океан // Известия Всесоюзного географического общества. 1943. Т.75. Вып.2.

⁴⁴ Покровский А.А. Беринг и его экспедиция (1725-1743) // Экспедиция Беринга. Сборник документов. М., 1941.

⁴⁵ Экспедиция Беринга. Сборник документов. Подготовил к печати А. Покровский. М., 1941.

Из других работ, посвященных истории русских географических открытий на Тихом океане, следует отметить прежде всего публикации видного российского географа и биолога Льва Семеновича Берга. В его книге «Открытие Камчатки и камчатские экспедиции Беринга»⁴⁶, впервые увидевшей свет в 1924 году, вопросу об открытии Курильских островов была отведена отдельная глава. При этом необходимо помнить, что в ее основе лежат исключительно литературные источники (работы Г.Ф. Миллера, С. П. Крашенинникова, А.С. Сгибнева, А.С. Полонского). В 1926 году в сборнике «Тихий океан. Русские научные исследования» публикуется статья «Открытия русских в Тихом океане»⁴⁷. В данной статье Л.С. Берг крайне лаконично упоминал об открытии людьми Василия Пояркова островов, где «живут многие гиляцкие люди сидячие улусами, а кормятся рыбою», а также рассказывал об открытии Северных Курил.

Об истории исследования русскими мореплавателями Курильских островов рассказывает научно-популярная книга С. С. Знаменского «В поисках Японии: Из истории русских географических открытий и мореходства в Тихом океане»⁴⁸. Историю изучения Сахалина и Курил в своих популярных книгах по истории русских кругосветных экспедиций затрагивает Николай Николаевич Нозиков⁴⁹.

Лучшие традиции дореволюционной историографии нашли свое продолжение в работах советских этнографов, изучавших в 20–30-е гг. XX столетия коренное население Сахалина. В рассматриваемый период продолжают публиковаться труды Льва Яковлевича Штернберга. В 1928 году на страницах «Сборника Музея антропологии и этнографии» публикуется его работа «Айнская проблема»⁵⁰, а в 1933 году в Хабаровске под редакцией и с предисловием Яна Петровича Алькора (Кошкина) издается сборник научных трудов Л.Я. Штернберга «Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны»⁵¹. В названный сборник были включены как ранее издававшиеся, так и неопубликованные работы. Среди них – «Гиляки», «Социальная организация гиляков», «Отдельные материалы по этнографии амурских гиляков», «Отдельные материалы по этнографии сахалинских гиляков», «Сахалинские гиляки», «Айнская проблема».

В 1926–1928 гг. на Сахалине работал ученик Л.Я. Штернберга советский лингвист и этнограф Ерухим Абрамович Крейнович. За это время им был собран исключительно ценный полевой материал, отражающий материальную и духовную культуру гиляков, их социальные отношения. В конце 20-х – 30-е гг. Е.А. Крейнович публикует незначительную часть своих материалов в журналах и сборниках⁵².

⁴⁶ Берг Л.С. *Открытие Камчатки и Камчатские экспедиции Беринга*. М.; Пг., 1924; Он же. *Открытие Камчатки и экспедиции Беринга*. 1725–1742. Л., 1935.

⁴⁷ Берг Л.С. *Открытие русских в Тихом океане* // *Тихий океан. Русские научные исследования*. Л., 1926.

⁴⁸ Знаменский С. С. *В поисках Японии: Из истории русских географических открытий и мореходства в Тихом океане*. Хабаровск, 1929.

⁴⁹ Нозиков Н. *На кораблях Крузенштерна. Первое путешествие русских вокруг света*. М.; Л., 1930; Он же. *Русские кругосветные мореплаватели*. М.; Л., 1941.

⁵⁰ Штернберг Л.Я. *Айнская проблема* // *Сборник Музея антропологии и этнографии*. Т.VIII. Л., 1928.

⁵¹ Штернберг Л.Я. *Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны*. Хабаровск, 1933.

⁵² Крейнович Е.А. *Очерк космогонических представлений гиляк о-ва Сахалина* // *Этнография*. 1929. №1; Он же. *Собаководство гиляков и его отражение в религиозной идеологии* // *Этнография*. 1930. №4; Он же. *Рождение и смерть человека по воззрениям гиляков* // *Этнография*. 1930. №4; Он же. *Морской промысел гиляков дер. Куль* // *Советская этнография*. 1934. № 5; Он же. *Промысел белухи у гиляков деревни Пуер* // *Советская этнография*. 1934. №5; Он же. *Пережитки родовой собственности и группового брака у гиляков* // *Вопросы истории доклассового общества*. Сборник статей к пятидесятилетию книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». М.; Л., 1936.

Кроме этого, им был собран разнообразный языковой материал, легший в основу целого ряда публикаций, а также диссертации «Фонетика нивхского (гиляцкого) языка», которую он не успел защитить. В мае 1937 года дальнейшие изыскания Е.А. Крейновича были прерваны арестом, а затем и приговором, по которому он был осужден на десять лет лагерей.

В 30-е гг. изучением народов Нижнего Амура занимается видный советский этнограф и историк первобытного общества Александр Михайлович Золотарев. Часть подготовленных им научных работ включала материалы, отражавшие социальную организацию гиляков⁵³. А в 1936 году в журнале «Советская археология» А.М. Золотаревым были опубликованы материалы сахалинских любителей-археологов, приславших в Музей антропологии в Москве сведения о произведенных ими исследованиях на территории Ногликской неолитической стоянки⁵⁴.

В 1928 году на Сахалине по командировке Центрального музея народоведения побывал известный религиозный деятель и этнограф Борис Александрович Васильев. Работая на восточном берегу острова, он провел сбор коллекций и информации, отражающей быт ороков (уйльта). О своих исследованиях Б.А. Васильев рассказал в статье «Основные черты этнографии ороков», опубликованной в 1929 году в журнале «Этнография»⁵⁵.

2.2. Советская историография истории Сахалина и Курильских островов в 1945-1985 гг.

2.2.1. Идеологические кампании второй половины 40-х годов и их воздействие на советскую историческую науку

Победное для СССР завершение второй мировой войны, одним из следствий которого стало существенное приращение его территории (среди прочих территорий был возвращен Южный Сахалин и получены Курильские острова), оказало большое влияние на советскую историографию истории региона.

Одной из наиболее характерных особенностей первых послевоенных лет стал целый ряд мощных идеологических кампаний, организованных руководством ВКП(б). В условиях разгоравшейся «холодной войны» советское руководство уделило большое внимание исторической науке, которая всегда рассматривалась им как важный участок идеологического фронта. Как отмечали авторы «Очерков истории исторической науки в СССР» (главный редактор академик М.В. Нечкина),

«в послевоенный период Коммунистическая партия провела большую работу по укреплению идеологического фронта, по обеспечению условий для подъема общественных наук (в том числе истории) на новую, более высокую ступень... В условиях обострения противоречий между империализмом и социализмом было важно провести четкое и последовательное противопоставление марксистско-ленинских принципов пролетарского интернационализма идеям буржуазного космополитизма и национализма. В решении этой большой политической задачи участвовали и историки»⁵⁶.

⁵³ Например, см.: Золотарев А.М. К вопросу о генезисе классового образования у гиляков // За индустриализацию советского Востока. 1933. №3.

⁵⁴ Золотарев А.М. Ногликская неолитическая стоянка (Восточный Сахалин) // Советская археология. 1936. № 1.

⁵⁵ Васильев Б.А. Основные черты этнографии ороков // Этнография. 1929. № 1.

⁵⁶ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. V. М., 1985. С. 12.

В январе 1949 года в обстановке общегосударственной кампании борьбы с космополитизмом было проведено общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки. Перед участниками данного мероприятия была поставлена цель «обсудить и выяснить общую методологию, главные линии и направления исследования по истории отечественной науки». Однако с самого начала работы общего собрания на передний план был выдвинут весьма спорный тезис о том, что «еще в XVIII в. вместе с новой западной наукой в Россию проникло позорное преклонение перед иностранной наукой, – во многих случаях только потому, что она иностранная, – и презрительное отношение к собственной науке»⁵⁷. Еще более спорным было заявление о том, что «нетерпимая и явно вредная недооценка достижений отечественной науки» намеренно культивировалась в дореволюционной России. Перед академией была поставлена задача «показать истинное высокое место отечественной науки в мировой культуре, восстановить и аргументировать многие ее несправедливо забытые приоритеты»⁵⁸.

Решениям общего собрания Академии наук сложно дать однозначную оценку. С одной стороны, призыв к изучению истории отечественной науки, инициированный высшим руководством страны, привел к значительной активизации усилий советских ученых на данном направлении. В результате проделанной ими работы в научный оборот было введено большое количество ранее неизвестных материалов, и свет увидело немало новых оригинальных исследований. С другой стороны, установка партийного руководства на доказательство русского приоритета практически во всех областях науки и техники фактически толкала некоторых исследователей на искажения, подтасовки, а то и прямую фальсификацию истории.

2.2.2. Школа Л.С. Берга, А.И. Андреева и А.В. Ефимова

Одним из первых направлений, которое могло бы пасть жертвой новых подходов, вполне могла бы стать историческая география. Однако к чести подавляющего большинства советских исследователей истории русских географических открытий следует отметить, что даже в самые тяжелые времена они не опустили до разоблачений «иностранного происхождения» в северной части Тихого океана. Именно научная объективность являлась одной из характерных черт того научного направления, которое может быть определено как школа Л.С. Берга, А.И. Андреева и А.В. Ефимова.

В этом отношении весьма показателен доклад академика Л.С. Берга «Ранние географические исследования в России», с которым он выступил на уже упомянутом общем собрании Академии наук⁵⁹. В названном докладе восхищение подвигами российских землепроходцев и мореходов сочеталось с глубоким уважением к достижениям европейской (т.е. западной) географической науки.

В своем докладе на общем собрании Академии наук в январе 1949 года Львом Семеновичем Бергом были в основном развиты те идеи, которые высказывались им в довоенных публикациях по истории русских географических открытий. Во

⁵⁷ Вавилов С. И. Вступительное слово // *Вопросы истории отечественной науки: Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки. 5-11 января 1949 г. М.; Л., 1949. С. 13.*

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Берг Л.С. Ранние географические исследования в России // *Вопросы истории отечественной науки: Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки. 5-11 января 1949 г. М.; Л., 1949.*

второй половине 40-х – первой половине 60-х гг. наиболее важные из старых работ Л.С. Берга были переизданы. Сначала в 1946 году увидело свет третье издание его книги «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга»⁶⁰, затем в 1946 и 1949 гг. публикуются первое и второе издания сборника «Очерки по истории русских географических открытий»⁶¹. Вскоре после смерти Л.С. Берга его наиболее значимые работы историко-географического характера были включены в первый том его избранных трудов⁶², а в 1962 году – в его книгу «История русских географических открытий»⁶³.

В рассматриваемый период были продолжены источниковедческие изыскания Александра Игнатьевича Андреева. В первые послевоенные годы им был написан целый ряд работ, оказавших существенное влияние на изучение истории русских географических открытий в северной части Тихого океана. Среди них следует отметить такие статьи, как «Экспедиции на восток до Беринга (в связи с картографией Сибири первой четверти XVIII века)»⁶⁴, «Роль русского военно-морского флота в географических открытиях XVIII и XIX—XX вв.»⁶⁵, «Русские открытия в Тихом океане в XVIII в. (Обзор источников и литературы)»⁶⁶. Последняя публикация была подготовлена А.И. Андреевым в качестве вводной статьи к сборнику документов «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке», увидевшему свет в 1948 году⁶⁷. Все названные материалы содержат ценные сведения по истории Курильских островов.

В конце 40-х гг. А.И. Андреев был обвинен в отсутствии марксистско-ленинской идеологии, «преклонении перед Западом» и «протаскивании на лекциях идей ученических, явно враждебных марксизму». В самый разгар мощной идеологической кампании, направленной против «низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной и современной реакционной культурой современного Запада», А.И. Андреев, отвечая своим оппонентам, говорил о том, что нельзя двигаться вперед, не освоив большую работу, проделанную западными учеными, и что, «не зная наследия Запада и нашего собственного, не стоит заниматься исторической наукой, которая не имеет грани, определяемой понятиями «Запада», «России»...»⁶⁸. Подобная позиция дорого обошлась ученому. После унижительных проработок он был вынужден уйти из Московского историко-архивного института, где возглавлял кафедру вспомогательных исторических дисциплин, а затем и уехать из Москвы.

В 50-е гг. А.И. Андреев продолжил начатую еще до войны работу над основным трудом всей своей жизни – фундаментальными «Очерками по источниковедению Сибири». В планы А.И. Андреева входила работа над четырехтомным исследованием, которое должно было охватить XVII–XIX вв. Однако он успел подготовить толь-

⁶⁰ Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. 1725–1742. М.; Л., 1946.

⁶¹ Берг Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л., 1946; 2-е издание. М.; Л., 1949.

⁶² Берг Л.С. Избранные труды. Т.1. История науки. М., 1956.

⁶³ Берг Л.С. История русских географических открытий. М., 1962.

⁶⁴ Андреев А.И. Экспедиции на восток до Беринга (в связи с картографией Сибири первой четверти XVIII века) // Труды историко-архивного института. Т.2. М., 1946.

⁶⁵ Андреев А.И. Роль русского военно-морского флота в географических открытиях XVIII и XIX—XX вв. // Морской сборник. 1947. № 4, № 7.

⁶⁶ Андреев А.И. Русские открытия в Тихом океане в XVIII в. (Обзор источников и литературы) // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948.

⁶⁷ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948.

⁶⁸ Сербина К.Н. А.И. Андреев – ученый и педагог: Из воспоминаний об учителе // Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1985. Т.17. С. 357.

ко первые два тома, посвященные сибирскому источниковедению XVII – первой половины XVIII вв.⁶⁹ Третий и четвертый тома «Очерков» так и остались незавершенными. Помешала смерть ученого.

Прежде всего А.И. Андреев подготовил к печати новое, существенно дополненное и переработанное издание первого выпуска данной работы, который увидел свет еще в 1939 году. В данном выпуске, посвященном источниковедению Сибири XVII века, большое внимание было уделено отпискам и расспросным речам служилых людей, открывавших новые земли на Дальнем Востоке, чертежам и картам XVII века, ясачным книгам, трудам Николая Спафария и Семена Ремезова.

Во втором выпуске «Очерков», увидевшем свет в 1965 году (через шесть лет после смерти автора), большое внимание было уделено хранящимся в российских архивах материалам по истории русских экспедиций на Тихом океане первой половины XVIII века. Благодаря фундаментальному труду А.И. Андреева в научный оборот было введено много новых источников по истории островного мира в северной части Тихого океана. Значительная часть ранее известных документальных материалов благодаря А.И. Андрееву получила новое истолкование и оценку. Особенно интересна названная книга тем, кто изучает историю Курильских островов. Ведь на ее страницах А.И. Андреев анализирует как новые, так и ранее публиковавшиеся источники, освещающие экспедицию И. Евреинова и Ф. Лужина, работу Второй Камчатской экспедиции В. Беринга (включая материалы о плаваниях М. Шпанберга к берегам Японии), а также труды С. П. Крашенинникова и Г.В. Стеллера.

Несколько позже А.И. Андреева к работе над источниками по истории русских географических открытий в северной части Тихого океана приступил видный советский историк А.В. Ефимов.

Алексей Владимирович Ефимов родился в 1896 году. После окончания в 1922 году факультета общественных наук Московского университета работал в Музее революции СССР. В 1926–1930 гг. учился в аспирантуре Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук в Москве. В 30-е гг. работал в Северо-Кавказском университете, в Московском отделении Академии материальной культуры, Институте истории АН СССР. В 1938–1945 гг. А.В. Ефимов преподает в Московском государственном университете. В МГУ он занимал должности заведующего кафедрой новой и новейшей истории и декана исторического факультета. В 1939 году он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. В 1945 году А.В. Ефимов был переведен на работу в Молотовский (ныне – Пермский) университет, где возглавлял кафедру новой истории. В 1947 году он вернулся в Москву, где получил работу в Институте методов обучения Академии педагогических наук РСФСР.

Вплоть до середины 40-х гг. А.В. Ефимов занимался в основном проблемами истории США, а также историей дипломатии. В 1940 году свет увидел написанный А.В. Ефимовым для средних школ учебник «Новая история», выдержавший в последующие годы более трехсот изданий.

Только после перехода в Академию педагогических наук А.В. Ефимов смог уделить внимание новому направлению научных исследований. Он всерьез увлекает-

⁶⁹ Андреев А.И. *Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Второе издание, исправленное и дополненное. Вып. I. XVII век.* М.; Л., 1960; Он же. *Очерки по источниковедению Сибири. Вып. II: XVIII век (первая половина).* М.; Л., 1965.

ся историей русских географических открытий. В 1948 году свет увидела его монография «Из истории русских экспедиций на Тихом океане. 1-я половина XVIII века»⁷⁰. Именно в данной работе автор знакомит читателя с разработанной им концепцией «великих русских географических открытий». Как отмечал А.В. Ефимов,

«имеются все основания для вывода о том, что в исследовании северной части Тихого океана русские «землепроходцы», мореплаватели и географы сделали огромный вклад в мировую науку. И вклад этот так велик, что можно говорить о великих русских географических открытиях, о ведущей роли русских исследователей и географов в разрешение данной задачи»⁷¹.

Уже в 1949 году словосочетание «великие русские географические открытия» выносятся на обложки новых работ А.В. Ефимова⁷².

С самого начала сильной стороной работ А.В. Ефимова была их превосходная источниковая основа. Характерной особенностью подавляющего большинства его публикаций было введение в научный оборот значительного количества недавно выявленных архивных документов.

При этом следует отметить, что А.В. Ефимов особое внимание обратил на рукописные карты северо-востока Азии XVII-XVIII вв., которые считал важнейшими историческими источниками. Так, в 1949 году им была опубликована статья «О картах, относящихся к великим русским географическим открытиям XVII и первой половины XVIII в.»⁷³, в 1950 году – монография «Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах»⁷⁴, а в 1958 году – статья «Из истории картографии Дальнего Востока»⁷⁵. В этих работах были впервые опубликованы найденные А.В. Ефимовым в советских архивах рукописные карты П.И. Годунова, С. У. Ремезова, И. Кирилова, Я.А. Ельчина, В.И. Казанцева, М.М. Евреинова, Ф. Вертлюгова, А.И. Чирикова, Академии наук, Морской академии, на которых были изображены Курильские острова и остров Сахалин.

В 1964 году свет увидел монументальный «Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII-XVIII вв.», подготовленный А.В. Ефимовым совместно с М.И. Беловым и О.М. Медушевской⁷⁶ под редакцией и с введением А.В. Ефимова⁷⁷. Из 194 включенных в атлас рукописных карт на 38 были изображены Курильские острова и Сахалин. Ряд карт, в частности карты М.П. Шпанберга, В. Казанцева, И. Антипина, И. Очередины и др., были опубликованы впервые. Значительный интерес вызывает «Карта с кораблем», приписываемая

⁷⁰ Ефимов А.В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. 1-я половина XVIII в. М., 1948.

⁷¹ Там же. С. 210.

⁷² Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1949; Он же. Великие русские географические открытия. (В XVII и первой половине XVIII в.) М., 1949.

⁷³ Ефимов А.В. О картах, относящихся к великим русским географическим открытиям XVII и первой половины XVIII в. // Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949.

⁷⁴ Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. М., 1950.

⁷⁵ Ефимов А.В. Из истории картографии Дальнего Востока // Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958.

⁷⁶ В 50-60-е гг. XX в. Ольга Михайловна Медушевская специализировалась на изучении истории русских географических открытий. Особое внимание уделялось картографическим источникам. См.: Медушевская О.М. Русские географические открытия на Тихом океане и в Северной Америке (50-е – начало 80-х годов XVIII в.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1952; Она же. Картографические источники XVII-XVIII вв. М., 1957; Она же. Картографические источники первой половины XIX века. М., 1959.

⁷⁷ Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII-XVIII вв. М., 1964.

Марко Поло⁷⁸. Некоторые данные этой карты стали известны в европейской картографии только в XVIII столетии.

Обилие введенных в научный оборот карт и архивных документов, новый подход к решению методологических вопросов истории географических открытий делает работы А.В. Ефимова ценнейшим источником для всех тех, кто интересуется историей открытия и исследования Сахалина и Курильских островов.

На рубеже 40-50-х гг. XX века одна за другой появляются работы, посвященные отдельным сюжетам истории исследования Курильских островов русскими людьми. Одной из первых в 1950 году свет увидела книга Олега Александровича Евтеева (в то время студента географического факультета МГУ) «Первые русские геодезисты на Тихом океане»⁷⁹, рассказывающая об экспедиции И.Б. Евреинова и Ф.Ф. Лужина на Курильские острова. Книга была написана в результате тщательного изучения материалов Центрального государственного архива Военно-Морского Флота и Центрального государственного архива древних актов. О.А. Евтеев показал цели и подготовку экспедиции, восстановил ее ход, впервые проанализировал карту и отчет И.Б. Евреинова. В 1953 году данные материалы будут использованы О.А. Евтеевым при подготовке диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук⁸⁰.

Одной из самых заметных архивных находок первого послевоенного десятилетия, позволившей во многом по-новому взглянуть на историю Курильских островов, стало обнаружение в Центральном государственном архиве древних актов ленинградским историком Иосифом Ивановичем Огрызко целого ряда рукописных материалов, связанных с деятельностью И.П. Козыревского. Особую ценность для исследователей представлял собственноручно составленный И.П. Козыревским в 1726 году «Чертеж Камчадальского носу и Морским островам» с чрезвычайно информативными текстами. В 1953 году данный документ был полностью опубликован И.И. Огрызко в его статье «Открытие Курильских островов»⁸¹.

Анализ как опубликованных, так, прежде всего, и неопубликованных архивных источников позволил И.И. Огрызко проследить первые шаги русских землепроходцев в деле исследования ими Курильских островов. Вместе с тем не все выводы, к которым пришел данный исследователь, бесспорны. Прежде всего вызывает большие сомнения утверждение И.И. Огрызко о том, что «первым русским человеком, который видел Курильские острова и положил начало их открытию, был не Владимир Атласов, а Федот Алексеев – организатор и руководитель знаменитой экспедиции Семена Дежнева. Федот Алексеев на двух кочах, в составе 17 человек, плывал к Курильским островам (и, возможно, высаживался на них) еще в 1649 г., т.е. за 48 лет до похода Атласова»⁸². А ведь именно данный вопрос, с точки зрения автора, является основным и в его статье «Открытие Курильских островов», и в на-

⁷⁸ Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII-XVIII вв. М., 1964. Карта 5.

⁷⁹ Евтеев О.А. Первые русские геодезисты на Тихом океане. М., 1950.

⁸⁰ Евтеев О.А. Первые русские геодезисты и их работы по созданию генеральной карты России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук. М., 1953.

⁸¹ Огрызко И.И. Открытие Курильских островов // Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А.А.Жданова. № 157. Серия факультета народов Севера. Вып.2. Языки и история народностей Крайнего Севера СССР. Л., 1953. С. 167-207.

⁸² Там же. С. 198-199.

писанной пятью годами ранее статье «Экспедиция Семена Дежнева и открытие Камчатки»⁸³.

Публикации И.И. Огрызко вызвали многолетнюю дискуссию, которая продолжается и в наши дни. Самым непримиримым критиком гипотезы об открытии Ф. Алексеевым Камчатки и Курильских островов стал М.И. Белов.

Михаил Иванович Белов являлся одним из наиболее заметных представителей научной школы, созданной усилиями Л.С. Берга, А.И. Андреева и А.В. Ефимова. Он родился в 1916 году. Вскоре после окончания в 1944 году Ленинградского государственного университета М.И. Белов приступил к работе над серией исследований, посвященных истории открытия пролива между Евразией и Америкой⁸⁴. Вполне естественно, что его интересовала судьба как самого Семена Дежнева, так и всех его сподвижников. И особое внимание всегда уделялось материалам, рассказывающим о судьбе Федота Алексеева. Именно анализ всех известных источников привел М.И. Белова к заключению о том, что известия о плавании людей Ф. Алексеева мимо крайней южной оконечности Камчатки в Охотское море не заслуживают доверия. Ведь, как отмечал М.И. Белов, «рассказ этот... появился в начале XVIII века, спустя полстолетия после отмеченных событий, и вызывает большие сомнения в своей правдивости»⁸⁵.

Столь же негативно отнеслись к гипотезе И.И. Огрызко Б.П. Полевой⁸⁶, Л.М. Демин⁸⁷ и другие исследователи, много лет отдавшие изучению истории экспедиции С. Дежнева. В частности, А.В. Ефимов в своей последней монографии «Из истории великих русских географических открытий», увидевшей свет в 1971 году, пришел к выводу о том, что плавание Ф. Алексеева вокруг Камчатки мимо Курильской лопатки «мало вероятно»⁸⁸.

Вместе с тем целый ряд авторов обобщающих публикаций по истории русских географических открытий вполне солидарны с И.И. Огрызко. Среди них такие авторитетные исследователи, как Л.С. Берг⁸⁹, А.И. Алексеев⁹⁰, Д.М. Лебедев⁹¹, В.А. Дивин⁹², И.П. Магидович и В.И. Магидович⁹³ и другие.

Важным событием в деле изучения истории первых русских экспедиций на Курильские острова стала капитальная монография Вадима Ивановича Грекова

⁸³ Огрызко И.И. Экспедиция Семена Дежнева и открытие Камчатки // Вестник Ленинградского университета. № 12. Л., 1948.

⁸⁴ Белов М.И. Семен Дежнев. 1648-1948. К 300-летию открытия пролива между Азией и Америкой. М., 1948; Он же. Историческое плавание Семена Дежнева // Известия Всесоюзного географического общества. 1949. Т.81. Вып.5; Он же. Семен Дежнев. М., 1955; Он же. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956; Он же. Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку // Летопись Севера. Т.2. М., 1957; Он же. Подвиг Семена Дежнева. М., 1973; и др.

⁸⁵ Белов М.И. Подвиг Семена Дежнева. С. 122-123.

⁸⁶ Полевой Б.П. К истории формирования географических представлений о северо-восточной оконечности Азии // Сибирский исторический сборник. Вып.3. М.; Л., 1964; Он же. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982; и др.

⁸⁷ Демин Л.М. Семен Дежнев. М., 1990.

⁸⁸ Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971. С. 96.

⁸⁹ Берг Л.С. Ранние географические исследования в России // Вопросы истории отечественной науки. М.; Л., 1949.

⁹⁰ Алексеев А.И. Сыны отважные России. Магадан, 1970. С. 12.

⁹¹ Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия с древних времен до 1917 года. М., 1971. С. 116-117.

⁹² Дивин В.А. Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII веке. М., 1971. С. 25.

⁹³ Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т.2. М., 1983. С. 294-296.

«Очерки истории русских географических исследований в 1725-1765 гг.»⁹⁴, увидевшая свет в 1960 году. На ее страницах были обобщены и проанализированы практически все выявленные в российских архивах на момент выхода книги материалы по истории экспедиций И.П. Козыревского, И.М. Евреинова и Ф.Ф. Лужина, А.Ф. Шестакова. Большое внимание в монографии В.И. Грекова было уделено Второй Камчатской экспедиции В. Беринга. Особая ценность данной работы состоит в том, что исследования Курильских островов русскими мореплавателями показаны на фоне достижений российской и мировой географической науки XVIII столетия.

Со второй половины 50-х гг. XX столетия советские историки наряду с историей открытия и исследования Курильских островов начинают изучать историю открытия и исследования Сахалина. Так, в сентябре 1956 года во Владивостоке состоялась объединенная сессия Отделения исторических наук и Дальневосточного филиала АН СССР. На сессии с докладом «Первоначальные этапы освоения острова Сахалина Россией (XVIII – начало XX в.)» выступил Иван Андреевич Сенченко⁹⁵. Та часть доклада, которая была посвящена истории открытия Сахалина, показывает, в каком плачевном положении может оказаться серьезный историк, пытающийся сказать что-то принципиально новое, не привлекая новых архивных источников. Не ссылаясь на какие-либо документы, И.А. Сенченко говорил: «Русские торговцы и «охочие» люди стали проникать на остров примерно в первой половине XVII в. Они приходили сюда из Якутии и Западной Сибири неофициально, без ведома царского правительства... Но русскому правительству стало известно о Сахалине только после официальной экспедиции В.Д. Пояркова в 1643-1646 гг.»⁹⁶ Далее: «В XVIII в. уже возникают постоянные русские поселения «колонии» на Сахалине»⁹⁷. Причем единственное доказательство этих заявлений выглядит довольно оригинально: «Факты свидетельствуют о наличии русских поселений на Сахалине в XVIII в. Правда, мы не приводим многочисленных доказательств этой точки зрения, так как документальные материалы архивов XVII-XVIII вв. совершенно не изучены и этот вопрос не является прямым предметом нашего исследования»⁹⁸.

На той же сессии с интересным докладом «Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам» выступил выдающийся российский этнограф Борис Осипович Долгих⁹⁹. Б.О. Долгих сообщил о найденной им в Центральном государственном архиве древних актов «Ясачной книги даурские и дучерские и гиляцкие земли... приказного человека Онуфрия Степанова» 1655 года. Позднее данный документ был использован Б.О. Долгих при написании как его докторской диссертации, так и фундаментальной монографии «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.»¹⁰⁰

⁹⁴ Греков В.И. *Очерки истории русских географических исследований в 1725-1765 гг.* М., 1960.

⁹⁵ Сенченко И.А. *Первоначальные этапы освоения острова Сахалина Россией (XVIII – начало XX в.)* // Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958.

⁹⁶ Там же. С. 276.

⁹⁷ Там же. С. 277.

⁹⁸ Там же. С. 268.

⁹⁹ Долгих Б.О. *Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам* // Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958.

¹⁰⁰ Долгих Б.О. *Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук.* М., 1958; Он же. *Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке.* М., 1960.

В ясачной книге имеются записи о том, что в октябре 1655 года нивхи Таунского, Дутмытского, Чагаданского и Маганзянского улусов привезли ясак приказному человеку Онуфрию Степанову. Сопоставив названия улусов, приведенные в ясачной книге, и названия нивхских селений середины XIX века по Л.И. Шренку¹⁰¹, Б.О. Долгих пришел к выводу, что вышеназванные улусы соответствуют четырем нивхским селениям на северо-западном побережье Сахалина: Танги, Дуи, Чангни, Мангаль¹⁰². Поэтому, составляя карту административного деления Сибири в XVII в., Б.О. Долгих включил в состав Албазинского уезда северо-западное побережье Сахалина¹⁰³.

В 50-е гг. XX века историей Сахалина, а затем и Курильских островов начинает заниматься ленинградский историк Б.П. Полевой.

Борис Петрович Полевой родился в 1918 году в семье известного российского геолога Петра Игнатьевича Полевого. В 1930 году по сфабрикованному обвинению в шпионаже и вредительстве П.И. Полевой был репрессирован, что оказало существенное влияние на дальнейшую судьбу будущего историка. В 1941 году Б.П. Полевой окончил исторический факультет Ленинградского университета. После окончания войны он поступил в аспирантуру, но защитить диссертацию ему помешала кампания борьбы с космополитизмом.

В 50-е годы Б.П. Полевой начинает свою работу по выявлению в центральных архивах материалов по истории русских географических открытий на Тихом океане. Эти материалы наряду с работами российских и советских историков легли в основу его многочисленных публикаций. Первой подобной публикацией стала статья «Этнографические наблюдения Г.И. Невельского»¹⁰⁴. В дальнейшем Б.П. Полевой посвятит руководителю Амурской экспедиции еще несколько публикаций¹⁰⁵. Особый интерес представляет статья «Новое о Г.И. Невельском». На ее страницах Б.П. Полевой убедительно показывает, что фрагмент воспоминаний Г.И. Невельского, где тот рассказывает о пяти матросах, якобы оставленных в 1806 году на Сахалине Н.А. Хвостовым, не имеет ничего общего с действительностью.

В 1959 г. вышла в свет монография Б.П. Полевого «Первооткрыватели Сахалина»¹⁰⁶. Несомненным достоинством данной работы является публикация и анализ значительного количества документов, найденных автором в Центральном государственном архиве древних актов, Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота, Архиве Академии наук СССР, Архиве внешней политики России, Архиве Географического общества СССР. Часть документов до того времени не была известна исследователям. В то же время Б.П. Полевой использовал большое количество русских и зарубежных литературных источников. Однако основные выводы монографии небесспорны.

Прежде всего это касается вопроса об открытии Сахалина участниками похода И.Ю. Москвитина. Единственными источниками, на основании которых мы можем восстановить маршрут экспедиции отряда Москвитина 1640 года, являются

¹⁰¹ Шренк Л. Об инородцах Амурского края. Т.1. СПб., 1883.

¹⁰² Долгих Б.О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам. С. 134.

¹⁰³ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. С. 18.

¹⁰⁴ Полевой Б.П. Этнографические наблюдения Г.И. Невельского (1849 год) // Советская этнография. 1955. №4.

¹⁰⁵ Полевой Б.П. Новое о Г.И. Невельском // Путешествия и географические открытия в XV-XIX веках. М.; Л., 1965. С. 93-108; Он же. Подробный отчет Г.И. Невельского о его исторической экспедиции 1849 года к о-ву Сахалину и устью Амура // Страны и народы Востока. Вып. XIII. М., 1972. С. 114-149; и др.

¹⁰⁶ Полевой Б.П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959.

расспросные речи И.Ю. Москвитина и его соратника Н.И. Колобова. Вот что рассказывал о плавании по Охотскому морю сам руководитель экспедиции:

«А морем шли с вожами¹⁰⁷ подле берег к гияляцкой орде к островам. И как немного островов гияляцкия орды не дошли... у них ушел вож. И оне, Ивашко с товарищи, после вожа до островов дошли. И гияляцкая земля объявилась и дымы оказались, и оне без вожей в нее итти не смели потому, что люди многия, и их голод изнял, и почали есть траву, и оне от голоду воротились назад. И пришли к берегу в речку и изымали мужика тунгуса и тому тунгусу стали сказывать про острова, где оне, Ивашко с товарищи, были. И тот тунгус им говорил, что были де оне тут, где гияляцкая орда, от коих островов воротились. И тот де тунгус сказывал им, за тем де островом пала в море река Омур»¹⁰⁸.

Сообщение И.Ю. Москвитина дополняется расспросной речью Н.И. Колобова:

«А гияляков, которые живут по островам, тех проходили. А сказывали те тунгусы, что от них морем до тех бородатых людей¹⁰⁹ недалече. А не пошли де они к ним морем за безлюдством и за голодом, что там, сказали, рыбы в тех реках нет. А то де амурское устье они видели через кошку^{110,111}.

По мнению Б.П. Полевого, данные сообщения свидетельствуют о том, что летом 1640 года И.Ю. Москвитину и его товарищам удалось дойти до устья Амура или, по крайней мере, до северного входа в Амурский лиман. Поэтому москвитинцы не могли не видеть северо-западного побережья Сахалина¹¹². Но все дело в том, что из-за неясности текстов расспросных речей в настоящее время практически невозможно установить, сами ли участники первой русской экспедиции на Тихом океане дошли до устья Амура и видели его «через кошку», или же только слышали об этом от тунгусов. Эта неясность становится очевидной при чтении самих документов, а не произвольно вырванных из них фрагментов. Что же касается Б.П. Полевого, то он в своей монографии «Первооткрыватели Сахалина» и ряде других работ цитирует только вырванную из контекста последнюю часть предложения¹¹³. Следовательно, вывод Б.П. Полевого о том, что Сахалин был открыт в 1640 году участниками экспедиции И.Ю. Москвитина, может рассматриваться исключительно как гипотеза.

Гипотеза Б.П. Полевого с самого начала вызвала неоднозначную реакцию у многих исследователей, занимавшихся историей русских географических открытий на Тихом океане. Дело в том, что столь вольно интерпретируемые им архивные документы к моменту выхода в свет «Первооткрывателей Сахалина» были уже хоро-

¹⁰⁷ Вожами называли проводников.

¹⁰⁸ См.: Полевой Б.П. Новый документ о первом русском походе на Тихий океан // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. VI. Вып. 2. Томск, 1963. С. 29.

¹⁰⁹ Весной 1640 года И.Ю. Москвитин, находившийся у устья реки Ульи, получил информацию от захваченного в плен тунгусского князца о «бородатых людях доурах», которые воевали с гияляками и якобы хорошо относились к русским: «русских де людей те бородатые люди называют себе братьями». См.: Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. М., 1952. С. 51-52. Б.П. Полевой считал, что в данном случае речь идет об айнах, и в значительной степени на этом основывал свои теоретические построения. См.: История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма. С. 26. Однако единственным доводом в пользу данной версии было наличие у «доуров» бород. Все остальное было против данной версии. И место, где проживали бородатые люди («к правой стороне в лето по Амуре реки», и занятия («и хлеб у них и лошади и скот и свиньи и куры есть и вино курят и ткут и прядут») явно не имели никакого отношения к сахалинским айнам. См.: Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. С. 52.

¹¹⁰ Речь идет о намытой рекой косе – низкой и узкой намывной полосе суши, соединенной одним концом с берегом, а другим выступающей в сторону моря.

¹¹¹ Цитируется по: Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. С. 52.

¹¹² Полевой Б.П. Первооткрыватели Сахалина. С. 14-16.

¹¹³ Полевой Б.П. Первооткрыватели Сахалина. С. 14; Он же. Доходил ли Иван Москвитин до устья Амура? // Материалы отделения истории географических знаний Географического общества СССР. Вып. 1. Л., 1962. С. 65; Он же. Отечественная историография открытия и первоосвоения дальневосточных земель русскими людьми в XVII в. // История, археология и этнография Дальнего Востока. Владивосток, 1973. С. 51; Он же. Об уточнении даты первого выхода русских на Тихий океан // Страны и народы Дальнего Востока. Вып. XX. М., 1979. С. 93; и др.

шо известны. И авторы первых публикаций расспросных речей как Н.И. Колобова, так и И.Ю. Москвитина считали, что отряд И.Ю. Москвитина не доходил до устья Амура и Сахалина. И Н.Н. Степанов¹¹⁴, и М.И. Белов¹¹⁵, и П.Т. Яковлева¹¹⁶ были уверены в том, что И.Ю. Москвитин и его товарищи получили информацию о реке Амур и населявших ее народах от тунгусов.

Одними из первых высказали сомнения в обоснованности построений Б.П. Полевого советские историки Д.М. Лебедев¹¹⁷ и А.И. Алексеев¹¹⁸. Позднее о слабых местах «Первооткрывателей Сахалина» в своей работе «Советская историография истории открытия и исследования Сахалина и Курильских островов» писал М.С. Высоков¹¹⁹.

Несмотря на то, что целый ряд российских историков полностью отрицают или высказывают сомнения в обоснованности построений Б.П. Полевого, они в качестве раз и навсегда доказанного факта вошли в энциклопедию¹²⁰ и многие научно-популярные издания¹²¹. Причем авторы статей «Сахалин» в третьем издании Большой советской энциклопедии и Советской военной энциклопедии пошли дальше Б.П. Полевого. Если автор «Первооткрывателей Сахалина» утверждал, что участники И.Ю. Москвитин и его товарищи только видели Сахалин, то они утверждают, что москвитинцы побывали на острове.

Что же касается вывода Б.П. Полевого о том, что «50-е гг. XVII века по праву могут считаться годами присоединения к России острова Сахалина»¹²², то он базируется исключительно на данных «ясачной книги даурские и дучерские и гиялтцкие земли... приказного человека Онуфрия Степанова», где, возможно, говорится о сборе ясака с четырех нивхских селений на северо-западном побережье Сахалина в 1655 г. Но эти данные позволяют высказать предположение о присоединении в 50-х годах XVII в. не всего острова, протянувшегося от мыса Елизаветы на севере до мыса Крильон на юге на 948 км, а только его северо-западного побережья.

В 1960-е гг. Б.П. Полевой издал целый ряд статей, на страницах которых пытался отстоять свои построения. Наибольший интерес среди них представляет публикация «Новый документ о первом русском походе на Тихий океан», на страницах которой Б.П. Полевой знакомит читателя с найденными им «расспросными речами» И.Ю. Москвитина и Д.Е. Копылова, записанными в Томске 28 сентября 1645 года¹²³.

¹¹⁴ Степанов Н.Н. Первая экспедиция русских на Тихий океан // Известия Всесоюзного географического общества. 1943. Т.75. Вып.2; Он же. Первые русские сведения об Амуре и гольдах // Советская этнография. 1950. №1; Он же. Первая русская экспедиция на Охотском побережье в XVII веке // Известия Всесоюзного географического общества. 1958. № 5; Он же. Русские экспедиции на Охотском побережье в XVII веке и их материалы о тунгусских племенах // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А.И.Герцена. Т.188. Историко-филологический факультет. Исторические науки. А., 1959.

¹¹⁵ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. С. 54.

¹¹⁶ Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958. С. 17-20.

¹¹⁷ Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия с древних времен до 1917 г. М., 1971. С. 106.

¹¹⁸ Алексеев А.И. О зарождении сельского хозяйства на Сахалине. История и культура народов Дальнего Востока. Южно-Сахалинск, 1973. С. 218; Он же. Береговая черта. Магадан, 1987. С. 24; и др.

¹¹⁹ Высоков М.С. Советская историография истории открытия и исследования Сахалина и Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1984.

¹²⁰ Часовникова Н.М. Сахалин // Советская историческая энциклопедия. Т.12. М., 1969. Стлб.580; Сахалин // Большая советская энциклопедия. Третье издание. Т.23. М., 1976. С. 7; Иванов П.А. Сахалин // Советская военная энциклопедия, т.7. М., 1979. С. 254.

¹²¹ Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т.2. М., 1983. С. 284-287.

¹²² Полевой Б.П. Первооткрыватели Сахалина. С. 101.

¹²³ Полевой Б.П. Новый документ о первом русском походе на Тихий океан («Расспросные речи» И.Ю. Москвитина и Д.Е. Копылова, записанные в Томске 28 сентября 1645 года) // Труды Томского областного краеведческого музея. 1963. Т.VI. Вып.2. Томск, 1963. С. 21-37.

В 1970 году Б.П. Полевой успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Сахалин в истории России середины XVII – начала XIX вв.»¹²⁴. В данной работе автор вновь повторял основные тезисы, выдвинутые ранее в «Первооткрывателях Сахалина».

В 1982 году Б.П. Полевой публикует свою монографию «Первооткрыватели Курильских островов»¹²⁵. История Курил интересовала его и раньше¹²⁶, но именно к началу 80-х гг. Б.П. Полевой завершил работу над обобщающим трудом, охватывающим историю российских исследований с конца XVII до конца XVIII вв.

В своей книге Б.П. Полевой обобщил всю выявленную на начало 80-х гг. XX столетия информацию по истории русских географических открытий в северной части Тихого океана. Источниковой основой книги стали как ранее опубликованные материалы, так и документы, выявленные автором в Центральном государственном архиве древних актов, Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР, Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР, Центрального государственного архива Военно-Морского Флота, Архива Географического общества СССР. Особое внимание автор уделяет вкладу в изучение Курил В.В. Атласова, И.П. Козыревского, И.Б. Евреинова и Ф.Ф. Лужина, М.П. Шпанберга, С. П. Крашенинникова, Г.Ф. Миллера, М.В. Ломоносова, И. Черного, И. Антипина, Г.И. Шелихова, А.К. Лаксмана и других российских землепроходцев, мореплавателей, ученых и предпринимателей. Вместе с тем вклад западноевропейских и японских исследователей в изучение островного мира северной части Тихого океана раскрывается исключительно с точки зрения борьбы российского государства с иностранными пройсками в своих владениях. Именно в этом ключе рассказывает Б.П. Полевой об экспедициях Д. Кука, Ж.Ф. Лаперуза, В.Р. Броутона, Могами Токуная. При этом абсолютно игнорируются любые сведения, свидетельствующие о японском проникновении на Южные Курилы до 80-х гг. XVIII века.

Некоторые сюжеты «Первооткрывателей Курильских островов» будут повторены Б.П. Полевым в материале «Первооткрыватели Камчатки», опубликованном в 1984 году в сборнике «Норд-Ост»¹²⁷.

В рассматриваемый период одной из наиболее популярных среди советских историков тем становится история разрешения «амурского» вопроса. Вскоре после окончания второй мировой войны одна за другой выходят рассчитанные на самую широкую читательскую аудиторию книги Николая Ивановича Рябова¹²⁸, Виталия Константиновича Тренева¹²⁹, Бориса Александровича Шлямина¹³⁰, Исидора Григорьевича Винокурова и Флоры Евсеевны Флорич¹³¹, Виктора Николаевича Бочкова¹³². К этому же периоду относятся значительно более серьезные диссертационные исследования истории «амурского» вопроса Петром

¹²⁴ Полевой Б.П. Сахалин в истории России середины XVII – начала XIX вв. (Историко-географические изыскания). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1970.

¹²⁵ Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982.

¹²⁶ Например, см.: Полевой Б.П. Григорий Шелихов – «Колумб российский». Магадан, 1960.

¹²⁷ Полевой Б.П. Первооткрыватели Камчатки // Норд-Ост. Петропавловск-Камчатский. 1984. С. 3-90.

¹²⁸ Рябов Н.И. Адмирал Невельской. Хабаровск, 1946.

¹²⁹ Тренев В.К. Амурская экспедиция Невельского. М., 1946; Он же. Путь к океану. М., 1949; Он же. Путь к океану. М., 1950; Он же. Г.И. Невельской. М., 1950; и др.

¹³⁰ Шлямин Б.А. Подвиг капитана Невельского. М., 1949.

¹³¹ Винокуров И., Флорич Ф. Подвиг адмирала Невельского. М., 1949; Они же. Подвиг адмирала Невельского. М., 1951; Они же. Подвиг адмирала Невельского. М., 1959.

¹³² Бочков В.Н. Открытие Невельского. Кострома, 1963.

Ивановичем Кабановым¹³³ и Валентины Петровны Барановской¹³⁴. Отдельные эпизоды Амурской экспедиции в своих трудах затрагивали Лев Михайлович Демин¹³⁵, Евгений Леонидович Беспрозванных¹³⁶ и другие.

Однако самый существенный вклад в изучение данной проблемы внес советский историк А.И. Алексеев.

Александр Иванович Алексеев родился в 1921 году. Получил хорошее военное образование. В начале 50-х гг. после окончания Военно-морской академии кораблестроения и вооружения имени А.Н. Крылова оказался на Дальнем Востоке в должности старшего офицера гидрографического отдела Северо-Тихоокеанской флотилии. За время службы хорошо изучил прибрежные воды Охотского и Японского морей (в особенности Татарский пролив и Амурский лиман). Одновременно А.И. Алексеев серьезно увлекается историей этих мест. В 1955 году увидела свет его первая книга «Н.К. Бошняк и открытие Советской Гавани»¹³⁷, а три года спустя – «Охотск – колыбель русского Тихоокеанского флота»¹³⁸.

В 1956 году после увольнения с военной службы А.И. Алексеев переезжает в Москву, где был принят на работу в Институт истории АН СССР. Три года спустя он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата географических наук, темой которой стали «Русские географические исследования Берингова, Охотского и Японского морей»¹³⁹.

С конца 50-х годов одна за другой выходят в свет работы А.И. Алексеева, посвященные исследованию Сахалина участниками Амурской экспедиции Г.И. Невельского. Сначала в 1959 году была издана книга «По таежным тропам Сахалина»¹⁴⁰, рассказывающая об участниках Амурской экспедиции Н.К. Бошняке, Д.И. Орлове, Н.В. Рудановском, В.А. Римском-Корсакове. В конце 60-х гг. была издана книга «Сподвижники Г.И. Невельского»¹⁴¹, а также предисловие к пятому изданию книги Г.И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России»¹⁴². А в 1969 году А.И. Алексеев завершил работу над докторской диссертацией «Амурская экспедиция (1849-1855 гг.)»¹⁴³, в которой подвел итог своим многолетним изысканиям.

После защиты докторской диссертации последовала публикация таких книг А.И. Алексеева, как «Сыны отважные России»¹⁴⁴, «Дело всей жизни»¹⁴⁵, «Амурская экспедиция 1849-1855 гг.»¹⁴⁶, «Русские географические исследования на Дальнем

¹³³ Кабанов П.И. Амурский вопрос и его разрешение. (Из истории советского Дальнего Востока в XIX в.) Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1948; Он же. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959.

¹³⁴ Барановская В.П. Амурский вопрос в 40-60-х гг. XIX в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1952.

¹³⁵ Демин Л.М. Новый документ Г.И. Невельского (продолжение архивной находки) // Страны и народы Востока. Вып. XXIV. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн.5. М., 1982. С. 48-55; Он же. Воин Андреевич Римский-Корсаков // Первопроходцы. М., 1983. С. 230-293.

¹³⁶ Беспрозванных Е.Л. «Амурская проблема» в конце XVII – середине XIX в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М, 1977.

¹³⁷ Алексеев А.И. Н.К. Бошняк и открытие Советской гавани. Хабаровск, 1955.

¹³⁸ Алексеев А.И. Охотск – колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958.

¹³⁹ Алексеев А.И. Русские гидрографические исследования Берингова, Охотского и Японского морей: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук. М., 1959.

¹⁴⁰ Алексеев А.И. По таежным тропам Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959.

¹⁴¹ Алексеев А.И. Сподвижники Г.И. Невельского. Южно-Сахалинск, 1967.

¹⁴² Алексеев А.И. Геннадий Иванович Невельский // Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. Хабаровск, 1969.

¹⁴³ Алексеев А.И. Амурская экспедиция (1849-1855 гг.) Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1969.

¹⁴⁴ Алексеев А.И. Сыны отважные России. Магадан, 1970.

¹⁴⁵ Алексеев А.И. Дело всей жизни. Хабаровск, 1972.

¹⁴⁶ Алексеев А.И. Амурская экспедиция 1849-1855 гг. М., 1974.

Востоке и в Северной Америке (XIX – начало XX в.)»¹⁴⁷, «Хозяйка залива Счастья»¹⁴⁸, «Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века»¹⁴⁹, «Геннадий Иванович Невельской»¹⁵⁰, «Утро Советской гавани: Книга об истории одного географического открытия»¹⁵¹, другие работы, посвященные Г.И. Невельскому и его соратникам¹⁵².

При написании названных работ А.И. Алексеев, конечно, использовал как труды Г.И. Невельского, так и его сподвижников – Н.К. Бошняка, В.Н. Буссе, В.А. Римского-Корсакова, В.Н. Рудановского и других. Но самую большую ценность в работах А.И. Алексеева представляют неопубликованные материалы, найденные автором как в центральных и местных архивах, так и у родственников участников Амурской экспедиции. Эти материалы позволили А.И. Алексееву показать подготовку, ход и результаты Амурской экспедиции, рассказать о судьбах ее участников. Многие вопросы были освещены по-новому.

Кроме вышеназванных исследователей в рассматриваемый период отдельные проблемы истории географического изучения Сахалина и Курильских островов в той или иной степени затрагивал целый ряд историков и географов.

Обобщающие труды по истории географических открытий опубликовали Дмитрий Михайлович Лебедев¹⁵³, Василий Алексеевич Есаков¹⁵⁴, Иосиф Петрович и Вадим Иосифович Магидович¹⁵⁵, Лев Георгиевич Каманин¹⁵⁶, Николай Николаевич Зубов¹⁵⁷, Раиса Всеволодовна Макарова¹⁵⁸, Василий Афанасьевич Дивин¹⁵⁹.

Исторической картографии посвятили свои исследования Сергей Ефимович Фель¹⁶⁰, Леонид Аркадьевич Гольденберг¹⁶¹ и Кирилл Евгеньевич Черевко¹⁶².

¹⁴⁷ Алексеев А.И. Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке (XIX – начало XX в.). М., 1976.

¹⁴⁸ Алексеев А.И. Хозяйка залива Счастья. Хабаровск, 1981.

¹⁴⁹ Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. М., 1982.

¹⁵⁰ Алексеев А.И. Геннадий Иванович Невельской. М., 1984.

¹⁵¹ Алексеев А.И. Утро Советской гавани: Книга об истории одного географического открытия. Хабаровск, 1984.

¹⁵² Например, см.: Алексеев А.И., Ардентов И.Н., Григоров А.А. Костромичи на Амуре. Ярославль, 1979; Алексеев А.И. Николай Николаевич Муравьев // Первопроходцы. М., 1983; и др.

¹⁵³ Лебедев Д.М. География в России XVII века (допетровский период). М.; Л., 1949; Он же. География в России петровского времени. М.; Л., 1950; Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725-1800 гг.). М., 1957; Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия с древних времен до 1917 года. М., 1971.

¹⁵⁴ Есаков В.А. География в России в XIX – начале XX века. М., 1978.

¹⁵⁵ Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий. М., 1949; Он же. Очерки по истории географических открытий. М., 1957; Он же. Очерки по истории географических открытий. М., 1967; Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. В 5-ти т. М., 1982-1986.

¹⁵⁶ Каманин Л.Г. Первые исследователи Дальнего Востока. М., 1946; Он же. Первые исследователи Дальнего Востока. М., 1951; Он же. Сибирь и Дальний Восток // История открытия и исследования Советской Азии. М., 1969. С. 202-374; Он же. Русская география XVII – начала XVIII в. и создание Академии наук // Известия АН СССР. Серия географическая. 1974. №3. С. 7-14.

¹⁵⁷ Зубов Н.Н. Отечественные мореплаватели – исследователи морей и океанов. М., 1954.

¹⁵⁸ Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века. М., 1968.

¹⁵⁹ Дивин В.А. Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII веке. М., 1971; Он же. Тихоокеанские экспедиции русского флота в XVIII в. и их значение для укрепления безопасности дальневосточных рубежей России: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1974.

¹⁶⁰ Фель С. Е. Картография России XVIII века. (Опыт исследования). Диссертация на соискание ученой степени доктора технических наук. М., 1953; Он же. Картография России XVIII века. М., 1960.

¹⁶¹ Гольденберг Л.А. Русские картографические материалы как исторический источник и их классификация. (По фондам центральных государственных исторических архивов СССР). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1958; Он же. Семен Ульянович Ремезов – сибирский картограф и географ. М., 1965; Он же. С. У. Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XVII – начала XVIII в. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1967; Он же. Изограф земли Сибирской: Жизнь и труды Семена Ремезова. Магадан, 1990.

¹⁶² Черевко К.Е. Курильские острова в русской и зарубежной картографии // Использование старых карт в географических исторических исследованиях. М., 1980. С. 161-174.

Свет увидели также многочисленные биографические очерки, посвященные российским мореплавателям. Среди них следует выделить работы, посвященные И.Б. Евреинову и Ф.Ф. Лужину (С. И. Баскин¹⁶³), Г.И. Шелихову (Аркадий Григорьевич Адамов¹⁶⁴), И.Ф. Крузенштерну (Владимир Васильевич Невский¹⁶⁵, П.Н. Пилатов¹⁶⁶, Владимир Семенович Лупач¹⁶⁷, Евгений Львович Штейнберг¹⁶⁸, Василий Михайлович Пасецкий¹⁶⁹), В.М. Головнину (Михаил Михайлович Ивашенко¹⁷⁰, Рувим Исаевич Фраерман и Павел Дмитриевич Зайкин¹⁷¹, Василий Афанасьевич Дивин¹⁷², Юрий Владимирович Давыдов¹⁷³), С. О. Макарову (Алексей Дмитриевич Добровольский¹⁷⁴, Борис Германович Островский¹⁷⁵, Сергей Николаевич Семанов¹⁷⁶, Ювеналий Павлович Потапов¹⁷⁷). Следует отметить также изданный в Южно-Сахалинске в 1961 году сборник биографических очерков «Исследователи Сахалина и Курил» (составитель Иван Андреевич Сенченко)¹⁷⁸. На его страницах были опубликованы статьи о Н.А. Хвостове и Г.И. Давыдове (И.А. Сенченко), Л.И. Шренке (А.И. Алексеев), И.С. Полякове и А.М. Никольском (А.И. Краев), С. О. Макарове (Н.Н. Матвеев-Бодрый), П.И. Полевом (Б.П. Полевой), Л.Я. Штернберге (Ч. М. Таксами).

В послевоенные годы был издан целый ряд сборников документов по истории русских географических открытий на Тихом океане, на страницах которых среди прочих публиковались и документы, в той или иной степени связанные с историей Сахалина и Курил. Среди них следует выделить следующие: изданный в 1948 году под редакцией А.И. Андреева сборник «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке»¹⁷⁹, изданный в 1951 году под редакцией А.В. Ефимова сборник «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII в. на Северо-Востоке Азии» (составитель Н.С. Орлова)¹⁸⁰, составленный М.И. Беловым сборник «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах»¹⁸¹.

В 1979 году вышел в свет сборник документов «Русская тихоокеанская эпопея»¹⁸², составленный В.А. Дивиным при участии К.Е. Черевко и Г.Н. Исаенко. В сборнике

¹⁶³ Баскин С. И. Путешествие Евреинова и Лужина в Курильский архипелаг (1719-1722) // Известия Всесоюзного географического общества. Т.84. Вып.4. 1952.

¹⁶⁴ Адамов А.Г. Колумб российский. Курск, 1948; Он же. Г.И. Шелихов – замечательный русский мореплаватель и исследователь. М., 1951; Он же. Г.И. Шелихов. М., 1952.

¹⁶⁵ Невский В.В. Первое путешествие россиян вокруг света. М., 1951; Он же. Вокруг света под русским флагом. М.; Л., 1953.

¹⁶⁶ Пилатов П.Н. Первое русское кругосветное плавание. Саратов, 1953.

¹⁶⁷ Лупач В.С. И.Ф. Крузенштерн и Ю.Ф. Лисянский. М., 1953.

¹⁶⁸ Штейнберг Е.А. И.Ф. Крузенштерн (1770-1846), Ю.Ф. Лисянский (1773-1837). Русские путешественники. М., 1950.

¹⁶⁹ Пасецкий В.М. Иван Федорович Крузенштерн. М., 1974.

¹⁷⁰ Ивашенко М.М. Адмирал Головнин. М.; Л., 1946.

¹⁷¹ Фраерман Р.И., Зайкин П.Д. Жизнь и необыкновенные приключения капитан-лейтенанта Головнина, путешественника и мореходца. М., 1946; Они же. Плавание В.М. Головнина. М., 1948; Они же. Жизнь и необыкновенные приключения капитан-лейтенанта Головнина, путешественника и мореходца. М., 1950; и другие издания этой книги.

¹⁷² Дивин В.А. В.М. Головнин. М., 1951; Он же. В.М. Головнин. М., 1952; Он же. Повесть о славном мореплавателе. К 200-летию со дня рождения В.М. Головнина. М., 1976.

¹⁷³ Давыдов Ю.В. Головнин. М., 1968.

¹⁷⁴ Добровольский А.Д. Адмирал Степан Осипович Макаров – выдающийся русский путешественник и океанограф. М., 1949.

¹⁷⁵ Островский Б.Г. Степан Осипович Макаров. 1848-1904. Л., 1951; Он же. Адмирал Макаров. М., 1954.

¹⁷⁶ Семанов С. Н. Адмирал Макаров. М., 1971; Он же. Макаров. М., 1972.

¹⁷⁷ Потапов Ю.П. Степан Осипович Макаров (1848-1904). Л., 1982.

¹⁷⁸ Исследователи Сахалина и Курил. Южно-Сахалинск, 1961. (На обложке – Исследователи Сахалина и Курильских островов).

¹⁷⁹ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948.

¹⁸⁰ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII в. на Северо-Востоке Азии: Сборник документов. М., 1951.

¹⁸¹ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке. Л.; М., 1952.

¹⁸² Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979.

были опубликованы документы и материалы Центрального государственного архива древних актов, Центрального государственного архива Военно-Морского Флота, Центрального государственного военно-исторического архива, Архива внешней политики России, Центрального государственного исторического архива СССР, Архива Академии наук СССР, Архива Всесоюзного географического общества, рукописных фондов Центральной государственной библиотеки имени В.И. Ленина, Государственной публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. Некоторые документы были опубликованы впервые. В трех из шести разделов сборника представлены материалы, рассказывающие об открытии и исследовании Сахалина и Курильских островов русскими людьми в XVII-XVIII вв. Каждому разделу предпослано введение. В конце разделов – краткие сведения об участниках событий, снабженные библиографией.

В начале 80-х гг. группа советских исследователей, специализирующихся на истории русских географических открытий, под руководством академика Алексея Леонтьевича Нарочницкого приступила к реализации проекта по изданию шеститомного сборника документов «Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в.». В 1984 году свет увидел первый том серии, получивший название «Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.»¹⁸³. Целый ряд материалов сборника отражает подготовку и проведение первых российских экспедиций к Курильским островам (И.П. Козыревского, И.Б. Евреинова, Ф.Ф. Лужина, М.П. Шпанберга). Часть из публикуемых документов были выявлены в ходе подготовки сборника в Центральном государственном архиве древних актов, Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота, Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР и впервые опубликованы в полном объеме. Особую ценность для исследователей представляют публикуемые копии вахтенного журнала бригаантини «Архангел Михаил» о плавании к берегам Японии в 1739 году.

В 50-е гг. было издано два сборника документов, включавших материалы по тем работам, которые проводил в северной части Тихого океана выдающийся российский мореплаватель Степан Осипович Макаров¹⁸⁴.

В послевоенный период советскими издательствами неоднократно переиздавались такие ценные источники по истории открытия и исследования Сахалина и Курильских островов, как труды С. П. Крашенинникова¹⁸⁵, Г.И. Шелихова¹⁸⁶, И.Ф. Крузенштерна¹⁸⁷, В.М. Головнина¹⁸⁸, Г.И. Невельского¹⁸⁹, В.А. Римского-

¹⁸³ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: Сборник документов. М., 1984.

¹⁸⁴ Макаров С. О. Океанографические работы. М., 1950; С. О. Макаров. Документы. Т.1-2. М., 1953-1960.

¹⁸⁵ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. К данному изданию были приложены рапорты, донесения и другие неопубликованные материалы. Там же были опубликованы вступительная статья Н.Н. Степанова «Степан Петрович Крашенинников и его труд «Описание земли Камчатки», а также статья А.В. Ефимова «О картах, относящихся к великим русским географическим открытиям XVII и первой половины XVIII вв.».

¹⁸⁶ Шелихов Г.И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам. Хабаровск, 1971.

¹⁸⁷ Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». М., 1950; Владивосток, 1976.

¹⁸⁸ Головнин В.М. Сочинения. М.; Л., 1949; Он же. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головкина в 1807-1811 годах. М., 1961; Он же. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о японском государстве и народе. Хабаровск, 1972.

¹⁸⁹ Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849-1855. Хабаровск, 1969. Редакция, предисловие и комментарий А.И. Алексеева.

Корсакова¹⁹⁰. Эти издания снабжены содержательными вводными статьями, библиографиями, комментариями, написанными такими советскими специалистами по истории географических открытий, как А.В. Ефимов, Л.Г. Каманин, В.А. Дивин, А.И. Алексеев, Б.П. Полевой и другие.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в некоторых случаях ценность подобных публикаций существенно снижается из-за стремления издателей «улучшить» публикуемый текст. Так, при переиздании в 1948 году «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова опубликован был не авторский текст, а подготовленный редакторами (Н.В. Думитрашко и Л.Г. Каманиным) его вольный пересказ¹⁹¹. То же самое произошло и с третьим (1947 года под редакцией Л.Г. Каманина)¹⁹² и четвертым (1950 года под редакцией А.И. Мельчина)¹⁹³ изданиями книги Г.И. Невельского. Причем в этом случае был не только существенно искажен язык книги, но и произведено изъятие целых фрагментов текста. Подобные изъятия характерны и для других изданий.

Несмотря на то, что Сахалин и Курильские острова изучались не только российскими исследователями, в СССР почти не издавалась литература, посвященная тем иностранным путешественникам, которые посещали острова в XVII-XIX вв. Одним из немногих исключений из этого правила была увидевшая свет в 1964 году книга известного советского востоковеда Константина Михайловича Попова «Япония. Очерки развития национальной культуры и географической мысли»¹⁹⁴. На ее страницах советский читатель мог узнать о таких видных японских исследователях Севера, как Могами Токунаи и Мамия Риндзо¹⁹⁵. Вместе с тем при чтении книги К.М. Попова создается впечатление, что до Могами Токунаи японцы никогда не бывали ни на Курильских островах, ни на Сахалине. Подобные взгляды были характерны и для дальневосточного историка Виктора Георгиевича Щебенкова¹⁹⁶. Начиная с 1972 года советский читатель мог получить информацию о Могами Токунае и Мамии Риндзо благодаря публикации главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» русского перевода книги американского японоведа Дональда Кина «Японцы открывают Европу. 1720-1830»¹⁹⁷.

О французском исследователе Сахалина можно было прочитать в небольшой книжке Анатолия Семеновича Варшавского «Лаперуз»¹⁹⁸. И, наконец, о плавании в районе Курильских островов английских мореплавателей вскользь упоминалось в изданном в 1971 году переводе материалов третьего кругосветного плавания капитана Джеймса Кука¹⁹⁹.

¹⁹⁰ Римский-Корсаков В.А. Балтика-Амур. Повествование в письмах о плаваниях и размышлениях командира шхуны «Восток». Хабаровск, 1980.

¹⁹¹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М., 1948.

¹⁹² Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. М., 1947.

¹⁹³ Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. Владивосток, 1950.

¹⁹⁴ Попов К.М. Япония. Очерки развития национальной культуры и географической мысли. М., 1964.

¹⁹⁵ Там же. С. 267-269.

¹⁹⁶ Щебенков В.Г. Первые сведения о Сахалине, полученные японскими исследователями XVIII века // Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1974.

¹⁹⁷ Кин Д. Японцы открывают Европу. 1720-1830. М., 1972. Ответственный редактор и автор послесловия В.А. Александров.

¹⁹⁸ Варшавский А. Лаперуз. М., 1957.

¹⁹⁹ Кук Д. Плавание в Тихом океане в 1776-1780 гг. М., 1971. Вступительная статья и комментарий Я.М. Света.

2.2.3. Изучение дипломатической и военной истории Сахалина и Курил дореволюционного периода

История присоединения Сахалина и Курильских островов к России была тесно связана с историей становления русско-японских отношений. В связи с этим немало материалов по истории островов можно найти в трудах советских японоведов и международных. Уже в 1945 году свет увидела книга Юрия Александровича Жукова «Русские и Япония»²⁰⁰. На ее страницах видный советский журналист ярко рассказывает как о японских происках на Сахалине и Курилах, так и о том, как эти происки были сорваны благодаря героизму и мужеству русских людей.

Несравненно большей сдержанностью и научной достоверностью отличались работы Эсфирь Яковлевны Файнберг²⁰¹. В 1955 году она успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук «Русско-японские отношения (1792-1875 гг.)»²⁰², значительная часть которой была посвящена проблеме становления границы между Россией и Японией. В 1960 году Э.Я. Файнберг публикует фундаментальную монографию «Русско-японские отношения в 1697-1875 гг.»²⁰³, в основе которой лежал текст ее докторской диссертации.

Сильной стороной работ Э.Я. Файнберг является прекрасная источниковая база. В отличие от многих как своих предшественников, так и последователей она показала не только прекрасное знание материалов, хранящихся в центральных архивах (Архиве внешней политики России, Центральном государственном архиве древних актов, Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота, Центральном государственном историческом архиве), но и блестящее знание историографии проблемы (причем не только русскоязычной). Вместе с тем работы Э.Я. Файнберг полностью принадлежат своему времени и содержат в себе целый ряд штампов, рожденных холодной войной. Только в условиях борьбы против «фальсификаций идеологов империализма» мог родиться тезис о том, что Санкт-Петербургский договор нанес существенный ущерб интересам России («одна русская территория была обменена на другую»²⁰⁴) и другие подобные заявления. В дальнейшем Э.Я. Файнберг будет эпизодически затрагивать в своих публикациях территориальную проблему между Россией и Японией²⁰⁵.

Целый ряд сюжетов, связанных с историей Сахалина и Курильских островов, нашел отражение в работах Алексея Леонтьевича Нарочницкого. В связи с этим особого упоминания заслуживает его фундаментальная монография «Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860-1895»²⁰⁶.

Отдельные вопросы становления и развития истории русско-японских отношений были затронуты в учебных пособиях Раисы Всеволодовны Макаровой²⁰⁷,

²⁰⁰ Жуков Ю. Русские и Япония. М., 1945.

²⁰¹ Файнберг Э.Я. Экспедиция Лаксмана в Японию (1792-1793) // Труды Московского института востоковедения. № 5. М., 1947; Она же. Внутреннее и международное положение Японии в середине XIX века. М., 1954; Она же. К истории установления официальных отношений между Россией и Японией // Советское востоковедение. 1955. № 3; и др.

²⁰² Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения (1792-1875 гг.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1955.

²⁰³ Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697-1875 гг. М., 1960.

²⁰⁴ Там же. С. 296.

²⁰⁵ Файнберг Э.Я. Исторические права советского народа на Курильские острова // Проблемы востоковедения. Вып. 1. М., 1970. С. 272-292.

²⁰⁶ Нарочницкий А.А. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860-1895. М., 1956.

²⁰⁷ Макарова Р.В. Внешняя политика России на Дальнем Востоке. Вторая половина XVIII в. – 60-е годы XIX в. М., 1974; Она же. Внешняя политика России на Дальнем Востоке (2-я половина XVIII – 70-е годы XIX в.). М., 1982.

а также работах Кирилла Евгеньевича Черевко²⁰⁸ и других авторов. Разоблачению японской экспансии в северном направлении посвятил свои исследования советский японовед Николай Самуилович Табачко²⁰⁹.

История Сахалина и Курильских островов в годы русско-японской войны в рассматриваемый период почти не привлекала к себе внимание исследователей. Исключением стали подготовленная Юрием Федоровичем Соколовым глава «Оборона дальневосточных рубежей» в коллективной монографии «История русско-японской войны 1904-1905 гг.»²¹⁰, статья советского географа, историка и этнографа Михаила Алексеевича Сергеева «Самураи на Камчатке»²¹¹, а также статьи сахалинского краеведа Владислава Михайловича Латышева, посвященные судьбе русского крейсера «Новик»²¹².

Гораздо больше внимания в рассматриваемый период было уделено истории заключения Портсмутского мирного договора, в соответствии с которым Россия утратила Южный Сахалин. Одной из первых работ в этом направлении стала кандидатская диссертация ставшего впоследствии выдающимся советским дипломатом Анатолия Федоровича Добрынина «Дальневосточная политика США в период русско-японской войны (1904-1905 гг.)»²¹³, которую он защитил в 1947 году в самом начале своей блестящей дипломатической карьеры. В 1952 году он публикует материалы своей диссертации под псевдонимом А. Добров²¹⁴.

Здесь же следует отметить блестящие работы выдающегося российского историка Бориса Александровича Романова. В послевоенные годы он публикует целый цикл исследований, в той или иной степени связанных с проблемой заключения Портсмутского мирного договора. В 1947 году свет увидело первое, в 1955 – второе издание его фундаментальной монографии «Очерки дипломатической истории русско-японской войны»²¹⁵. Во время работы над своими «Очерками» Б.А. Романовым был привлечен огромный документальный массив, показавший как условия, неотвратимо толкавшие обе стороны к заключению мирного договора, так и сам ход мирных переговоров. Работа Б.А. Романова существенно дополняет ту картину, которую рисует в своих воспоминаниях глава русской делегации на переговорах в Портсмуте Сергей Юльевич Витте, чьи воспоминания были переизданы в 1960 году²¹⁶.

Следующей работой, которая, вне всякого сомнения, заслуживает самого пристального внимания исследователей, стала монография видного советского дипломата и востоковеда Леонида Николаевича Кутакова «Портсмутский мирный договор. (Из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905-1945 гг.)»²¹⁷. На ее страни-

²⁰⁸ Черевко К.Е. Несостоятельность территориальных притязаний Японии к СССР. М., 1972; Он же. Как в Россию проникли первые сведения о Японии // Проблемы Дальнего Востока. 1976. № 4; и др.

²⁰⁹ Табачко Н.С. Хоккайдо как база японской экспансии на Севере Дальнего Востока (со времени ее зарождения до 1917 г.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1977.

²¹⁰ История русско-японской войны 1904-1905 гг. М., 1977.

²¹¹ Сергеев М.А. Самураи на Камчатке // Летопись Севера. 1964. Т.4.

²¹² Латышев В.М. Последний бой крейсера «Новик». Южно-Сахалинск, 1982; Он же. Подвиг крейсера «Новик» // Сахалин. Литературно-художественный сборник. Южно-Сахалинск, 1984. С. 157-170.

²¹³ Добрынин А.Ф. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны (1904-1905 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1947.

²¹⁴ Добров А. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М., 1952.

²¹⁵ Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895-1907. М.; Л., 1947; Он же. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895-1907. М.; Л., 1955.

²¹⁶ Витте С. Ю. Воспоминания. Т.1-3. М., 1960.

²¹⁷ Кутаков А.Н. Портсмутский мирный договор. (Из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905-1945 гг.) М., 1961.

цах автор проследил наиболее важные моменты истории Сахалина и Курильских островов в связи с крайне непростой историей российско-японских отношений.

2.2.4. Изучение истории Сахалина второй половины XIX – начала XX столетий

В рассматриваемый период большое количество трудов было посвящено истории Сахалина во второй половине XIX – начале XX вв. Самый существенный вклад в основательную проработку материалов в этом направлении внес советский историк И.А. Сенченко.

Иван Андреевич Сенченко родился в 1929 году. После окончания в 1952 году историко-филологического факультета Уральского университета был направлен на работу на Сахалин, где работал сначала в учительском, а затем педагогическом институте. Именно в это время молодой исследователь серьезно увлекся изучением истории Сахалина в XIX – первой четверти XX вв. В течение десятилетия, охватившего вторую половину 50-х – первую половину 60-х гг., он был занят выявлением материалов по истории Сахалина как в центральных, так и региональных архивах.

И.А. Сенченко сумел выявить материалы, многие из которых никогда ранее не вводились в научный оборот, в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, Центральном государственном историческом архиве, Архиве внешней политики России, Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота, Центральном государственном военно-историческом архиве, Центральном государственном архиве РСФСР Дальнего Востока, Центральном государственном архиве литературы и искусства, Государственном архиве Сахалинской области.

Промежуточным итогом упорной исследовательской работы стали монография «Очерки истории Сахалина (вторая половина XIX в. – начало XX в.)»²¹⁸ и диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Экономическое развитие и общественная жизнь острова Сахалина во второй половине XIX в. – начале XX в.»²¹⁹, которую И.А. Сенченко успешно защитил в 1957 году. Самое пристальное внимание И.А. Сенченко уделил истории революционного движения. В 1963 году выходит его монография «Революционеры России на Сахалинской каторге»²²⁰, на страницах которой даются краткие биографические очерки о большинстве политических каторжан и ссыльных, отбывавших наказание на Сахалине в конце XIX – начале XX вв. В 1966 году И.А. Сенченко защищает уже докторскую диссертацию по теме «История Сахалина и Курильских островов в эпоху капитализма (с середины XIX в. до установления Советской власти)»²²¹, на страницах которой он вновь вводит в научный оборот ранее неизвестные материалы по истории островов. Однако после защиты докторской диссертации И.А. Сенченко прекратил какие-либо работы по изучению истории Сахалина и надолго отходит от дальневосточной проблематики²²².

²¹⁸ Сенченко И.А. Очерки истории Сахалина (вторая половина XIX в. – начало XX в.) Южно-Сахалинск, 1957.

²¹⁹ Сенченко И.А. Экономическое развитие и общественная жизнь острова Сахалина во второй половине XIX в. – начале XX в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1957.

²²⁰ Сенченко И.А. Революционеры России на Сахалинской каторге. Южно-Сахалинск, 1963.

²²¹ Сенченко И.А. История Сахалина и Курильских островов в эпоху капитализма (с середины XIX в. до установления Советской власти): Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1966.

²²² Редкими исключениями из общего правила этого были следующие публикации: Сенченко И.А. Из истории Сахалинской политической каторги // Очерки социально-экономического развития и революционного движения в России. М., 1975. С. 323-348; Он же. Сахалинская каторга и ссылка // Большая советская энциклопедия. 3-е издание. Т.23. М., 1976. С. 8; Он же. Научные экспедиции на Северном Сахалине в 1906-1917 гг. // Страны и народы Востока. 1979. Вып.20. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн.4. С. 121-133.

И.А. Сенченко ввел в научный оборот большой массив данных. Вместе с тем он тщательно обходил стороной все сюжеты, которые не укладывались в схему «Сахалин и Курилы – старинное владение России, которая первая из всех стран открыла и присоединила эту территорию». Проблема японского присутствия на островах решалась им исключительно в ключе борьбы с японской агрессией, что существенно снижало научный уровень как его диссертационных исследований, так и опубликованных работ.

После отхода И.А. Сенченко от сахалинской проблематики вплоть до середины 80-х гг. в СССР не предпринималось попытки создать новое обобщающее исследование по истории освоения Сахалина Россией во второй половине XIX – начале XX вв. Вместе с тем отдельные вопросы истории социально-экономического развития острова в рассматриваемый период затрагивали в своих работах Владимир Максимович Кабузан²²³, Игорь Львович Клеопов²²⁴, Борис Николаевич Морозов²²⁵, Валентин Петрович Бянкин²²⁶, Александр Иванович Костанов²²⁷, Марина Ивановна Ищенко²²⁸, Михаил Станиславович Высоков²²⁹ и другие.

Попытка по-новому взглянуть на историю Сахалина была предпринята известным филологом (специалистом по русским говорам) Константином Макаровичем Браславецем, который не только привлек в качестве важного источника собранные им и его учениками материалы по речи русских старожилов Сахалина²³⁰, но выступил с серией публикаций по топонимике Сахалина и Курильских островов. В 1983 году свет увидела книга К.М. Браславца «История в названиях на карте Сахалинской области»²³¹.

Гораздо менее удачно сложилась судьба другой работы по топонимике Сахалина и Курил, которая в 70-е гг. была подготовлена известным сахалинским краеведом Святозаром Демидовичем Гальцевым-Безюком. Рукопись его «Топонимического словаря Сахалинской области» была издана только через одиннадцать лет после смерти автора (в 1992 году)²³².

История Сахалинской политической каторги, которую столь успешно разрабатывал И.А. Сенченко, в 60-70-е гг. привлекла внимание Станислава Сильвестровича Григорцевича²³³, Марка Вениаминовича Теплинского²³⁴, Самуила Владимировича Букчина²³⁵.

²²³ Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток. (Вторая половина XVII – начало XX в.) Хабаровск, 1973.

²²⁴ Клеопов И.А. И.А. Лопатин и его роль в научном изучении Сибири: Диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук. Л., 1969.

²²⁵ Морозов Б.Н. К истории развития капитализма на русском Дальнем Востоке (1861-1904 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Горький, 1973.

²²⁶ Бянкин В.П. Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке в эпоху капитализма и в первые годы Советской власти (1860-1925 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 1979; Он же. Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке (1860-1925 гг.). Владивосток, 1979; Он же. В дальневосточных морях. Владивосток, 1981.

²²⁷ Уголь Сахалина // Сахалин. Литературно-художественный сборник. Южно-Сахалинск, 1984. С. 194-197.

²²⁸ Ищенко М.И. Историография истории заселения и хозяйственного освоения Сахалина русскими людьми. Южно-Сахалинск, 1984.

²²⁹ Высоков М.С. Очерки истории почты и телеграфа на Сахалине. Южно-Сахалинск, 1984.

²³⁰ Браславец К.М. Речь русских старожилов Сахалина // Ученые записки Южно-Сахалинского государственного педагогического института. Вып. 4. Южно-Сахалинск, 1963.

²³¹ Браславец К.М. История в названиях на карте Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1983.

²³² Гальцев-Безюк С. Д. Топонимический словарь Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1992.

²³³ Григорцевич С. С. Из истории политической каторги и ссылки на Сахалине // Труды Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока. Т. I. Томск, 1960. С. 194-207.

²³⁴ Теплинский М. А.А. Волкенштейн и ее «Очерки сахалинской жизни» // Сахалин. Литературный сборник. Южно-Сахалинск, 1969. С. 188-193.

²³⁵ Букчин С. В. Последние письма Петра Домбровского // Белороссика: Книговедение, источники, библиография. Минск, 1980. С. 47-52; Он же. «Это очень милый и добрый человек» // Сахалин. Южно-Сахалинск, 1981. С. 110-146.

Среди работ, посвященных сахалинским политическим ссыльным и ссыльнокаторжным, особо выделяются работы о выдающихся исследователях народов Сахалина Л.Я. Штернберге и Б.О. Пилсудском, написанные Ниной Ивановной Гаген-Торн²³⁶ и Татьяной Сергеевной Шульгиной²³⁷.

В послевоенный период все большее внимание начинает привлекать история сахалинского путешествия А.П. Чехова, а также его книга «Остров Сахалин». В связи с этим необходимо прежде всего отметить ту огромную работу по созданию комментария к «Острову», которую в период подготовки к изданию полного собрания сочинений и писем А.П. Чехова проделала Мария Леонтьевна Семанова²³⁸. Письма А.П. Чехова, написанные им в период подготовки к путешествию, а также во время путешествия на Сахалин и обратно, были подготовлены к печати Елизаветой Николаевной Коншиной²³⁹.

На фоне этих фундаментальных работ весьма легковесно выглядит вводная статья к первому сахалинскому изданию чеховского «Острова Сахалина», подготовленная академиком Андреем Ивановичем Крушановым и сахалинским краеведом Алексеем Николаевичем Рыжковым²⁴⁰, и некоторые другие публикации подобного рода.

Существенный вклад в изучение истории сахалинского путешествия А.П. Чехова внесли Марк Вениаминович Теплинский и Борис Николаевич Бурятов²⁴¹, Андрей Федорович Захаркин²⁴², Самуил Владимирович Букчин²⁴³, Владимир Борисович Катаев²⁴⁴, Елена Николаевна Дунаева²⁴⁵ и другие исследователи.

Судьба и творчество автора книги «Сахалин (каторга)» В.М. Дорошевича, совершившего путешествие на каторжный остров через семь лет после А.П. Чехова, нашли отражение в цикле работ С. В. Букчина²⁴⁶.

²³⁶ Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975.

²³⁷ Шульгина Т.С. Б.О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина // История и культура народов Дальнего Востока. Южно-Сахалинск, 1973. С. 274-280.

²³⁸ Чехов А.П. Остров Сахалин // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. Серия 1. Сочинения. Т.10. М., 1948; Чехов А.П. Остров Сахалин // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. Сочинения. Т.14-15. М., 1978. Редактирование текста и комментарий М.А. Семановой. Перу М.А. Семановой принадлежит также целый ряд публикаций, посвященных сахалинскому путешествию А.П. Чехова. См.: Семанова М.А. Сахалинское путешествие Чехова // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института. Л., 1947. Т.43. С. 101-133; Она же. Общался ли Чехов на Сахалине с политическими ссыльными? // Русская литература. 1972. № 1. С. 146-157; Она же. О безымянных лицах в сахалинских очерках Чехова // Чеховские чтения. Ростов, 1974. С. 20-35.

²³⁹ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. Серия 2. Письма. Т.15. М., 1949. Подготовка текста и комментарий Е.Н. Коншиной.

²⁴⁰ Крушанов А.И., Рыжков А.Н. А.П.Чехов и его поездка на Сахалин // Чехов А.П. Остров Сахалин. Южно-Сахалинск, 1980. С. 5-14.

²⁴¹ Теплинский М.В., Бурятов Б.Н. А.П.Чехов на Сахалине. Южно-Сахалинск, 1957; Теплинский М.В. Материалы о помощи А.П.Чехова сахалинским школам // Статьи о литературе. Ученые записки Южно-Сахалинского государственного института. Т.II. Южно-Сахалинск, 1959. С. 187-200; Он же. Сахалинские путешествия. Южно-Сахалинск, 1962.

²⁴² Захаркин А.Ф. Антон Павлович Чехов. Очерк жизни и творчества. М., 1961; Он же. Сибирь и Сахалин в творчестве А.П.Чехова // Ученые записки (МПИ). Труды кафедры русской литературы. М., 1966. Т.248. Вопросы русской литературы. С. 291-332.

²⁴³ Букчин С. В. Дорогой Антон Павлович ... Очерки о корреспондентах А.П.Чехова. Минск, 1973.

²⁴⁴ Катаев В.Б. Автор в «Острове Сахалине» и в рассказе «Гусев» // В творческой лаборатории Чехова. М., 1974. С. 232-252; Он же. Проза Чехова: Проблемы интерпретации. М., 1979.

²⁴⁵ Дунаева Е.Н. К истории работы над книгой «Остров Сахалин». Фотографии для книги «Остров Сахалин». Плавание А.П.Чехова на пароходе «Петербург» // Литературное наследство. Т.83. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860-1890-х годов. М., 1977. С. 263-300.

²⁴⁶ Букчин С. В. В.М. Дорошевич. Творческая судьба. Мастерство. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Минск, 1972; Он же. Судьба фельетониста: Жизнь и творчество Власа Дорошевича. Минск, 1975.

2.2.5. Изучение проблем социально-экономического развития островов

В рассматриваемый период свет увидело довольно небольшое количество публикаций, авторы которых стремились проследить развитие той или иной отрасли на протяжении не одного отдельно взятого периода (досоветского, советского или японского), а на протяжении нескольких периодов сахалинской истории. К таким работам могут быть отнесены публикации Ивана Федоровича Панфилова, посвященные истории нефтяной промышленности острова²⁴⁷, книга Георгия Ивановича Чернявского «Заметки о развитии рыбной промышленности Сахалина и Курил»²⁴⁸, брошюра Александра Николаевича Базанова «Из истории печати Сахалинской области»²⁴⁹. Здесь же можно упомянуть небольшую обобщающую статью Кирилла Евгеньевича Черевко «Экономическое освоение Сахалина: история и современность», в которой он пытается окинуть взглядом сразу несколько столетий сахалинской истории²⁵⁰.

В первые послевоенные годы советские историки, географы и журналисты проявляли некоторый интерес к японскому периоду в истории Южного Сахалина и Курильских островов. Первой такой работой стала брошюра советского востоковеда Константина Михайловича Попова «Сахалин, Курильские острова (справочный материал)»²⁵¹. За ней последовали очерк журналиста Виктора Макаровича Малыгина «Южный Сахалин»²⁵², два издания книги советского географа Александра Ивановича Соловьева «Курильские острова»²⁵³, а также книга «Курильские острова» Михаила Алексеевича Сергеева²⁵⁴.

В 1949-1950 гг. по экономической истории Южного Сахалина были защищены две кандидатские диссертации. Сначала в Ленинградском государственном университете была защищена диссертация Алексея Ивановича Стадниченко «Южный Сахалин и его хозяйственные возможности»²⁵⁵, а затем диссертация К.Т. Перцевой «Сельскохозяйственная колонизация Японией Южного Сахалина»²⁵⁶.

После 1950 года интерес к данной теме стал заметно спадать. Только в 70-е гг. появляются новые исследования, посвященные японскому периоду в сахалинской и курильской истории. Прежде всего следует отметить кандидатскую диссертацию Ли Бен Дю «Южный Сахалин и Курильские острова в годы японского господства (1905-1945 гг.)»²⁵⁷, которая была успешно защищена им в 1975 году. Сильной стороной названной диссертации была неплохая источниковая база. Автор был первым советским исследователем, который имел возможность работать с хранящимися в Государственном архиве Сахалинской области японскими фондами и ввести часть их материалов в научный оборот. Кроме того, Ли Бен Дю использовал многочисленные источники, опубликованные как на японском, так и на корейском языках.

²⁴⁷ Панфилов И.Ф. Трудная нефть. Южно-Сахалинск, 1976; Он же. Нефть Сахалина // Вопросы истории. 1977. № 8. С. 106-113; Он же. Сахалинские нефтепроходцы // Дальний Восток. 1977. № 11. С. 123-125.

²⁴⁸ Чернявский Г.И. Заметки о развитии рыбной промышленности Сахалина и Курил. Южно-Сахалинск, 1958.

²⁴⁹ Базанов А. Из истории печати Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1970.

²⁵⁰ Черевко К.Е. Экономическое освоение Сахалина: история и современность // Проблемы Дальнего Востока. 1979. № 4. С. 10-19.

²⁵¹ Попов К. Сахалин, Курильские острова (справочный материал). М.; Л., 1945.

²⁵² Малыгин В.М. Южный Сахалин. Хабаровск, 1946.

²⁵³ Соловьев А.И. Курильские острова. М.; Л., 1945; Он же. Курильские острова. М.; Л., 1947.

²⁵⁴ Сергеев М.А. Курильские острова. М., 1947.

²⁵⁵ Стадниченко А.И. Южный Сахалин и его хозяйственные возможности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук. Л., 1949.

²⁵⁶ Перцева К.Т. Сельскохозяйственная колонизация Японией Южного Сахалина. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Л., 1950.

²⁵⁷ Ли Бен Дю. Южный Сахалин и Курильские острова в годы японского господства (1905-1945 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1975.

Практически одновременно с Ли Бен Дю проблемами истории Южного Сахалина начинает заниматься Александр Михайлович Лопачев²⁵⁸. Однако его успехи в данном направлении были значительно скромнее.

История социалистического строительства на Сахалине в основном разрабатывалась силами региональных историков. В разное время этой теме уделили внимание первый секретарь Сахалинского обкома КПСС Павел Артемович Леонов²⁵⁹, дальневосточный историк Георгий Александрович Унпелев²⁶⁰, сахалинские историки Владимир Сергеевич Кравцов²⁶¹, Александр Михайлович Пашков²⁶², Владислав Михайлович Латышев и Иван Федорович Панфилов²⁶³.

История социально-экономического развития Сахалинской области в послевоенный период в основном интересовала тех, кто специализировался на изучении истории Коммунистической партии Советского Союза. Среди исследователей, работавших на данном направлении, наиболее активными были Павел Артемович Леонов²⁶⁴, Николай Иванович Колесников²⁶⁵, Валентин Захарович Калинин²⁶⁶, В.П. Сологуб²⁶⁷, Т.И. Картавцева²⁶⁸, В.А. Войнилович²⁶⁹, Н.А. Беленицын²⁷⁰.

²⁵⁸ Лопачев А.М. Из истории японской колонизации на Южном Сахалине // Вопросы всеобщей истории. Хабаровск, 1972.

²⁵⁹ Леонов П.А. Очерк истории Сахалинской организации КПСС. Южно-Сахалинск, 1975; и др.

²⁶⁰ Унпелев Г.А. Деятельность Коммунистической партии по социалистической индустриализации Дальнего Востока. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1972; Он же. Партийное руководство индустриализацией Северного Сахалина в годы второй пятилетки // История и культура народов Дальнего Востока. Южно-Сахалинск, 1973. С. 23-32.

²⁶¹ Кравцов В.С. Коллективизация сельского хозяйства Северного Сахалина // История и культура народов Дальнего Востока. Южно-Сахалинск, 1973; Он же. Очерки истории крестьянства Сахалинской области в период социалистического строительства в СССР (1925-1958 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 1974; Он же. Крестьянство Северного Сахалина в период восстановления народного хозяйства Сахалинского округа (1925-1928 гг.) // Сельское хозяйство и крестьянство Дальнего Востока СССР в период строительства социализма и коммунизма. Хабаровск, 1984.

²⁶² Пашков А.М. Участие пограничников в социалистическом преобразовании сельского хозяйства Северного Сахалина (1925-1935 гг.) // История и культура народов Дальнего Востока. Южно-Сахалинск, 1973. С. 168-175; и др.

²⁶³ Латышев В., Панфилов И. Николай Худяков // За рабочее дело. Южно-Сахалинск: Сах. отд. Дальневост. кн. изд-ва, 1987. С. 45-91.

²⁶⁴ Леонов П.А. Сахалинская область и перспективы развития ее производительных сил в свете решений XXIV съезда КПСС. Южно-Сахалинск, 1972; Он же. Очерк истории Сахалинской организации КПСС. Южно-Сахалинск, 1975; и др.

²⁶⁵ Социалистическое строительство на Сахалине (1925-1945 гг.): Сборник документов и материалов. Главный редактор – Н.И. Колесников. Южно-Сахалинск, 1967; Колесников Н.И. Деятельность КПСС по повышению активности интеллигенции в коммунистическом строительстве (1956-1966 гг.) (На материалах Хабаровской краевой и Сахалинской областной партийных организаций). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1972; Он же. В одном строю с рабочими и крестьянами. Южно-Сахалинск, 1974.

²⁶⁶ Калинин В.З. Партийное руководство местными Советами депутатов трудящихся (1959-1970 гг.) (Из опыта работы Сахалинской областной организации КПСС). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 1970.

²⁶⁷ Сологуб В.П. О партийно-политической работе на территории Сахалинской области в 1945-1947 гг. // Вопросы истории советского Дальнего Востока. Вып.3. Владивосток, 1965. С. 109-112; Он же. Борьба Сахалинской областной партийной организации за восстановление народного хозяйства в 1945-1947 гг. // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Советской власти. Секция истории КПСС. Владивосток, 1968. С. 139-146.

²⁶⁸ Картавцева Т.И. Партийная организация Сахалинской области в борьбе за ускоренное промышленное развитие острова (1945-1965 гг.) // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Советской власти. Секция истории КПСС. Владивосток, 1968. С. 146-157; Она же. Деятельность Сахалинской партийной организации по развитию творческой инициативы трудящихся (1957-1968 гг.) // Ученые записки ДВГУ. Серия историко-партийная. Т.36. Владивосток, 1971. С. 69-76; Она же. Деятельность Сахалинской партийной организации по повышению общественно-политической активности рабочего класса в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму (1945-1971 гг.) // История и культура народов Дальнего Востока. Южно-Сахалинск, 1973. С. 43-50.

²⁶⁹ Войнилович В.А. Партийное руководство библиотеками Сахалинской области // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Сборник трудов. Вып. 17. Из истории книги и библиотечного дела Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 120-130.

²⁷⁰ Беленицын Н.А. Деятельность КПСС по развитию нефтяной промышленности Сахалина (1951-1965 гг.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1981; Он же. Деятельность КПСС по развитию нефтяной промышленности Сахалина (1951-1965 гг.). Владивосток, 1986.

В 1982 году свет увидел сборник документов «Социалистическое строительство на Сахалине и Курильских островах (1946-1975 гг.)»²⁷¹. Скорей всего его составители и редакторы планировали осветить наиболее важные события и процессы трех послевоенных десятилетий в истории Сахалинской области. Однако документы для данного сборника были отобраны так, что он скорее может запутать неопытного исследователя, чем помочь ему разобраться в том, что же на самом деле происходило на территории островной области.

2.2.6. Изучение истории Сахалина в годы революции и гражданской войны

Весьма популярна в рассматриваемый период была история борьбы за Советскую власть на Сахалине.

Первым монографическим исследованием, полностью посвященным данной проблеме, стала диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук В.Я. Столярова «Северный Сахалин в период интервенции и гражданской войны (1917-1925 гг.)»²⁷², успешно защищенная им в 1950 году. Автор названной диссертации в целом был знаком с материалами по теме исследования, хранящимися в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и Центральном государственном архиве РСФСР Дальнего Востока. Однако очень часто главным источником для работы В.Я. Столярова были не архивные документы, а печально известная «История ВКП(б). Краткий курс», работы В.И. Ленина и И.В. Сталина. Автор всячески стремился подогнать сахалинскую историю под заданную «Кратким курсом» схему. При этом В.Я. Столяров нисколько не заботился об исторической достоверности и временами просто додумывал некоторые необходимые ему для диссертации детали. В итоге созданная им картина существенно отличалась от реальности.

Это стало ясно сразу же после того, как сотрудники Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока В.А. Шарапов, С. Ш. Хаскина, Б.И. Мухачев, А.Л. Шалимова подготовили к печати сборник документов «Победа Советской власти на Северном Сахалине (1917-1925 гг.)»²⁷³. Введение к сборнику подготовил В.С. Флеров, примечания к документам – С.С. Григорьевич и В.А. Шарапов. Главным редактором издания был известный специалист по истории революционного движения И.М. Разгон.

Для своего времени появление названного сборника было существенным вкладом вперед в деле изучения истории Северного Сахалина в 1917-1925 гг. Во-первых, в сборнике был опубликован целый ряд ранее неизвестных материалов, хранившихся в Центральном государственном архиве РСФСР Дальнего Востока, Центральном государственном архиве Октябрьской революции, Архиве внешней политики России, Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Хабаровском краевом и Сахалинском областном партийных архивах, Государственном архиве Сахалинской области и Сахалинском областном краеведческом музее. Во-вторых, составители и члены редакционной коллегии попытались немного отойти от схемы, заложенной в кратком курсе «Истории

²⁷¹ Социалистическое строительство на Сахалине и Курильских островах (1946-1975 гг.): Сборник документов и материалов. Южно-Сахалинск, 1982.

²⁷² Столяров В.Я. Северный Сахалин в период интервенции и гражданской войны (1917-1925 гг.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1950.

²⁷³ Победа Советской власти на Северном Сахалине (1917-1925 гг.): Сборник документов и материалов. Южно-Сахалинск, 1959.

ВКП(б)». Вместе с тем в сборнике представлена только одна точка зрения – точка зрения той партии, которая одержала победу в гражданской войне.

Материалы сборника «Победа Советской власти на Северном Сахалине» были существенно дополнены благодаря началу публикации Министерством иностранных дел СССР многотомного сборника «Документы внешней политики СССР». На страницах семи томов сборника был помещен целый ряд документов, рассказывающих о японской оккупации Северного Сахалина, о борьбе советской дипломатии за возвращение данной территории в состав СССР, а также о тех переговорах, которые велись советским руководством с американским предпринимателем Синклером, а затем и с представителями Японии по поводу сахалинских концессий²⁷⁴.

Важным источником по истории борьбы за Советскую власть на Сахалине являлись воспоминания ветеранов. В 60–70-е гг. были опубликованы воспоминания бывшего председателя Полномочной комиссии ЦИК СССР по приему Северного Сахалина Владимира Яковлевича Аболтина²⁷⁵ и председателя исполкома Сахалинского островного Совета Соломона Израилевича Слепака²⁷⁶.

Архивные материалы и воспоминания ветеранов лежали в основе большинства работ В.М. Вишневого и Андрея Ивановича Крушанова²⁷⁷, Ивана Андреевича Сенченко²⁷⁸, Александра Михайловича Лопачева²⁷⁹, К.М. Князевой²⁸⁰, В.А. Шарапова²⁸¹, Александра Павловича Цилина²⁸², М.С. Высокова²⁸³. Определенный интерес представляли основанные главным образом на опубликованных материалах работы А.Е. Смирнова²⁸⁴.

Борьбе советской дипломатии за возвращение Северного Сахалина были посвящены работы М.Н. Микрюкова²⁸⁵, А.С. Степанова²⁸⁶, А.М. Лопачева²⁸⁷.

²⁷⁴ *Документы внешней политики СССР. Т.2-8. М., 1958-1963.*

²⁷⁵ Аболтин В.Я. Восстановление Советской власти на Северном Сахалине // *Вопросы истории. 1966. № 10; Он же. После освобождения Северного Сахалина // Вопросы истории. 1978. № 3. С. 70-80.*

²⁷⁶ Слепак С. И. За власть Советов на Сахалине // *Гражданская война на Дальнем Востоке (1918-1922). Воспоминания ветеранов. М., 1973. С. 225-232.*

²⁷⁷ Вишневский В.М., Крушанов А.И. К истории Северного Сахалина в период японской оккупации // *Труды Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР. Серия историческая. Т.2. Владивосток, 1961; Крушанов А.И. Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье (март 1917 – март 1920 гг.) Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1964.*

²⁷⁸ Сенченко И.А. Борьба за установление Советской власти на Северном Сахалине (март 1917 – апрель 1920 гг.) // *Сахалинская область. Южно-Сахалинск, 1960. С. 113-136.*

²⁷⁹ Лопачев А.М. Северный Сахалин в период японской оккупации (апрель 1920 – май 1925 гг.) // *Сахалинская область. Южно-Сахалинск, 1960. С. 137-156.*

²⁸⁰ Князева К.М. Восстановление Советской власти на Северном Сахалине в 1925 г. // *Труды Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР. Серия историческая. Вып. V. Благовещенск, 1963.*

²⁸¹ Шарапов В.А. Ян Фабрициус на Северном Сахалине // *Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Сборник статей. Вып.5. Томск, 1970. С. 159-165.*

²⁸² Цилин А.П. Знамя Советов на Сахалине. Исторический очерк. Южно-Сахалинск, 1967; Он же. Знамя Советов над островным краем: Очерк истории борьбы за власть Советов в Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1974.

²⁸³ Высоков М.С. Александр Трофимович Цапко: Краткий биографический очерк. Южно-Сахалинск, 1984.

²⁸⁴ Смирнов А.Е. Образование и деятельность первых Советов на Сахалине (1917-1920). Обзор исторической литературы // *Методология исследований и историография Дальнего Востока. Южно-Сахалинск, 1975; Он же. Сахалинский островной совет рабочих и солдатских депутатов в 1917-1918 гг. // Социалистическое строительство на Дальнем Востоке СССР. Хабаровск, 1981.*

²⁸⁵ Микрюков М.Н. Советская политика мира и провал империалистических планов США и Японии в отношении советского Дальнего Востока (октябрь 1922 – январь 1925 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1952.

²⁸⁶ Степанов А.С. Ленинская политика мира на Дальнем Востоке (1920-1922 гг.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1973; Он же. Чанчуньская конференция // *Из истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1978. С.91-108.*

²⁸⁷ Лопачев А.М. Борьба советской дипломатии за освобождение Северного Сахалина и Курильских островов от японских милитаристов // *Методология исследований и историография Дальнего Востока. Южно-Сахалинск, 1975.*

2.2.7. Изучение истории Сахалина и Курильских островов в годы второй мировой войны

На протяжении всего рассматриваемого периода советские историки уделяли большое внимание истории боевых действий на Южном Сахалине и Курильских островах в августе 1945 года. Здесь следует сразу же отметить, что Верховный Главнокомандующий Иосиф Виссарионович Сталин не стал доверять кому-нибудь создание концепции истории советско-японской войны, а разработал ее сам. Как показало время, данная концепция оказалась чрезвычайно живучей и именно на ее основе были созданы все без исключения исследования, посвященные последнему российско-японскому вооруженному конфликту, написанные в советский период, а также значительная часть работ постсоветского периода.

Сталинская концепция истории советско-японской войны была четко изложена автором в его знаменитом обращении к советскому народу 2 сентября 1945 года.

«...У нас есть ещё свой особый счёт к Японии, – говорил И.В. Сталин. – В феврале 1904 года... Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны, напала на нашу страну... В войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. Япония же воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на Востоке все выходы в океан ... Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь ее Дальний Восток.

... Поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старшего поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции.

Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу, и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии»²⁸⁸.

Сразу же после завершения советско-японской войны в штабах военных частей, участвовавших в боях на островах, началась работа по составлению отчетов, которые впоследствии были сданы на хранение в Архив Министерства обороны СССР и Центральный военно-морской архив. Именно эти материалы впоследствии лягут в основу наиболее интересных исследований по истории проведения Южно-Сахалинской и Курильской десантной операций. Однако подобные исследования появятся позднее (на втором этапе). Единственным исключением из общего правила тогда стала статья «Действия наших войск на Южном Сахалине (Карафуте)», опубликованная в конце 1945 года на страницах журнала «Военный вестник» командующим Южно-Сахалинской наступательной операцией генерал-майором Анатолием Александровичем Дьяконовым²⁸⁹.

Пока же основная масса публикаций, появившихся в открытой печати, принадлежала перу журналистов, находившихся в районах боевых действий по поручению редакций как центральных, так и местных газет, а также политработников. Самые первые статьи, посвященные героизму советских воинов, проявленному в

²⁸⁸ Сталин И.В. Обращение тов. И.В. Сталина к народу 2 сентября 1945 года // Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Издание пятое. М., 1952. С. 204–206.

²⁸⁹ Дьяконов А. Действия наших войск на Южном Сахалине (Карафуте) // Военный вестник. 1945. №23. С.2-8.

боях за Южный Сахалин и Курильские острова, появились уже в августе-сентябре 1945 года. Они публиковались на страницах газет «Красная звезда»²⁹⁰, «Правда»²⁹¹, «Известия»²⁹², «Советский Сахалин»²⁹³. С этого момента публикации о подвигах советских воинов на страницах областной и районной печати становятся традицией.

Уже в конце сентября 1945 года ряд материалов о боях за Южный Сахалин и Курильские острова, опубликованных ранее в центральных изданиях, был включен в сборник «Великая победа советских войск на Дальнем Востоке», подготовленный Главным политическим управлением Красной Армии²⁹⁴. Вскоре после этого свет увидит целый ряд книг, посвященных подвигам моряков-тихоокеанцев, подготовленных флотскими политработниками и журналистами. Одной из наиболее типичных изданий подобного рода стала брошюра В. Монастырского «Герой Советского Союза Николай Вилков», увидевшая свет в 1949 году²⁹⁵.

Одним из тех, кто в те дни писал о подвигах советских воинов, был и военный журналист А.Н. Рыжков.

Алексей Николаевич Рыжков родился в 1908 году. С июля 1944 года А.Н. Рыжков был ответственным секретарем газеты политотдела 79-й стрелковой дивизии «За Советскую Родину!». 79-я дивизия стояла на Северном Сахалине недалеко от границы с Японией. Ее штаб, политотдел и редакция дивизионной газеты находились в селе Онор. Главной задачей дивизии в годы войны была оборона советского Сахалина от японцев в случае их нападения на СССР. А главной задачей политотдела и дивизионной газеты – антияпонская пропаганда и идеологическая подготовка личного состава к войне с «японскими самураями».

11 августа 1945 года младший лейтенант Рыжков пересек границу на 50-й параллели вместе с кавалерийским эскадром старшего лейтенанта Литвицкого. В нескольких километрах от границы у японского полицейского поста Южная Хандаса эскадрон был обстрелян японскими пулеметами. Так А.Н. Рыжков первый раз в жизни попал под пули. В дальнейшем в течение всех боев за японский приграничный укрепрайон он постоянно был на передней линии. Статьи и заметки военного корреспондента Рыжкова о подвигах советских воинов сначала публиковались в дивизионной и фронтовой газетах, а затем и в газете «Советский Сахалин»²⁹⁶. Осенью 1945 года по заданию политуправления 2-го Дальневосточного фронта лейтенант А.Н. Рыжков был командирован в город Маока (современный Холмск), где составил военно-историческую справку о боях за этот город.

В 1954 году при газете «Советский Сахалин» была создана книжная редакция, впоследствии преобразованная в Сахалинское книжное издательство. Редактором краеведческой литературы туда был приглашен А.Н. Рыжков. Данное приглашение

²⁹⁰ Лисенко А. На Южном Сахалине // Красная звезда. 1945. 31 августа; Сергеев С. Выход в океан // Красная звезда. 1945. 5 сентября.

²⁹¹ Акулов П. Бои за Курильские острова // Правда. 1945. 6 сентября.

²⁹² Осипов И. Южнее пятидесятой параллели // Известия. 1945. 6 сентября.

²⁹³ Андреев Т. На Сахалинском участке фронта // Советский Сахалин. 1945. 21 августа; Он же. На подступах к Котону // Советский Сахалин. 1945. 24 августа; Он же. Пограничники в боях за Южный Сахалин // Советский Сахалин. 1945. 28 августа; Шпигарь В. Как мы научились бить японских «кукушек» // Советский Сахалин. 1945. 24 августа.

²⁹⁴ Великая победа советских войск на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1945.

²⁹⁵ Тихоокеанский флот в боях против японских захватчиков. Владивосток, 1946; Тихоокеанцы – герои Отечественной войны. Владивосток, 1946; Монастырский В. Герой Советского Союза Николай Вилков. М., 1949.

²⁹⁶ Рыжков А.Н. Станция Котон // Советский Сахалин. 1945. 28 октября; Он же. Леонид Смирных // Советский Сахалин. 1946. 3 сентября.

не было случайным. Дело в том, что к этому времени Алексей Николаевич был хорошо известен в Сахалинской области как прекрасный знаток и популяризатор истории Сахалина и Курильских островов. Одной из первых книг, выпущенных книжной редакцией при «Советском Сахалине», была работа А.Н. Рыжкова «Подвиги русских людей на Сахалине и Курилах», значительная часть которой была посвящена героической истории освобождения Южного Сахалина и Курильских островов²⁹⁷.

Начиная со второй половины 50-х годов, происходит значительное расширение источниковой базы работ советских историков, посвященных истории Сахалина и Курил в годы второй мировой войны. Кроме того, можно говорить о существенном увеличении количества рассматриваемых сюжетов.

Говоря о расширении источниковой базы, следует отметить введение в научный оборот новых материалов отдельными исследователями и публикацию источников в виде сборников документов и материалов²⁹⁸.

Особо следует остановиться на публикации такого чрезвычайно важного источника, как воспоминания участников и очевидцев описываемых событий. В рассматриваемый период свет увидели воспоминания и крупных военачальников, и рядовых участников событий. Так, о некоторых эпизодах боевых действий на Южном Сахалине и Курильских островах упоминают в своих воспоминаниях маршал Александр Михайлович Василевский²⁹⁹, адмиралы Николай Герасимович Кузнецов³⁰⁰ и Иван Степанович Юмашев³⁰¹.

Свои воспоминания об участии в Южно-Сахалинской наступательной операции оставили ее командующий генерал-майор Анатолий Александрович Дьяконов, командир 165-го стрелкового полка 79-й стрелковой дивизии Нигмат Джумакаевич Курманов, командир 2-го батальона 165-го стрелкового полка капитан Григорий Григорьевич Светецкий³⁰², командир топографического взвода 284-го артиллерийского полка 79-й стрелковой дивизии старший лейтенант Лев Михайлович Демин³⁰³, собственный корреспондент газеты «Известия» Иосиф Зиновьевич Осипов³⁰⁴, корреспондент дивизионной газеты «За Советскую Родину!» Алексей

²⁹⁷ Рыжков А.Н. Подвиги русских людей на Сахалине и Курилах. Южно-Сахалинск, 1955.

²⁹⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. В 2-х тт. Т.2. М., 1957 (В 1969 и 1976 годах увидело свет второе издание этого источника); Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т.2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.): Сборник документов. М., 1978; Т.4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4-11 февраля 1945 г.): Сборник документов. М., 1978; Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. С 25 янв.1943 г. по 3 сент. 1945 г. М., 1975; Социалистическое строительство на Сахалине (1925-1945 гг.): Сборник документов и материалов. Южно-Сахалинск, 1967; и др.

²⁹⁹ Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1974; 2-е издание. М., 1975; 3-е издание. М., 1978; 4-е издание. М., 1983; 5-е издание. М., 1984.

³⁰⁰ Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М., 1975.

³⁰¹ Юмашев И.С. Тихоокеанский флот в боях за Родину // Морской сборник. 1965. № 8; Он же. Тихоокеанский флот в боях за Родину // Освободительная миссия на Востоке. М., 1976; Он же. Выполняя боевой приказ // Слово о военачальниках Советской Армии – дальневосточниках. Кн.2. Хабаровск, 1982.

³⁰² Летопись героических дней: Воспоминания участников боев за освобождение Южного Сахалина и Курильских островов от японских захватчиков (август-сентябрь 1945 г.). Южно-Сахалинск, 1969.

³⁰³ Демин Л.М. Сахалинские записки. М., 1983.

³⁰⁴ Осипов И.З. Сахалинские записки. М., 1956; Он же. Встречи под открытым небом. М., 1969; и др.

Николаевич Рыжков³⁰⁵, командующий Северной Тихоокеанской военной флотилией вице-адмирал Владимир Александрович Андреев³⁰⁶ и многие другие.

О Курильской десантной операции весьма обстоятельно вспоминал ее командующий генерал-майор Алексей Романович Гнечко³⁰⁷, а также командир сводного отряда, первым высадившегося на остров Шумшу, майор Петр Иванович Шутов³⁰⁸, командир 101-й стрелковой дивизии генерал-майор Порфирий Иванович Дьяков и другие³⁰⁹.

В 1958 году увидела свет книга Георгия Михайловича Гельфонда «Советский флот в войне с Японией»³¹⁰. Данная публикация была основана главным образом на материалах Центрального военно-морского архива. Однако те страницы, которые были посвящены Южно-Сахалинской и Курильской десантной операциям, почти ничем не отличаются от многочисленных газетных публикаций, увидевших свет до появления работы Г.М. Гельфонда.

По-настоящему новаторской работой и самым ярким явлением рассматриваемого этапа историографии истории Сахалина и Курильских островов в годы второй мировой войны стала публикация в 1959 году книги военного историка В.Н. Багрова «Южно-Сахалинская и Курильская операции. (Август 1945 года)»³¹¹.

Во время советско-японской войны августа 1945 года Виктор Николаевич Багров был флаг-офицером командующего Тихоокеанским флотом. После войны учился на военно-историческом факультете Военной академии имени М.В. Фрунзе. В.Н. Багров был первым, кто вдумчиво и критично использовал для научной работы по истории Сахалина и Курил материалы Архива Министерства обороны СССР и Центрального военно-морского архива.

На страницах книги В.Н. Багрова были подробно рассмотрены общая обстановка к началу боевых действий на Сахалине и Курильских островах, планирование Южно-Сахалинской и Курильской десантной операций, подготовка к боевым действиям и сам ход боевых действий на Сахалине и Курилах. Сильной стороной книги является то, что автор сам прекрасно разбирается в вопросах тактики и может самостоятельно (а не слепо следуя за источником) оценить как замыслы руководителей обеих операций, так и то, как они были претворены в жизнь. Благодаря этому В.Н. Багрову в отличие от подавляющего большинства своих современников удалось показать существенные оперативно-тактические просчеты командующего Курильской десантной операцией, приведшие сначала к утрате преимуществ фактора внезапности, а затем и к фактической потере управления силами десанта³¹².

Работа В.Н. Багрова была выполнена на столь высоком профессиональном уровне, что она на долгие годы практически полностью закрыла тему. К сожалению, и

³⁰⁵ Рыжков А.Н. *Бои за родные острова: Дневники, воспоминания, встречи, письма, документы.* Южно-Сахалинск, 1980.

³⁰⁶ Андреев В.А. *Освобождение Южного Сахалина // Морской сборник.* 1975. № 9. С. 28-37; Он же. *Десант на Южный Сахалин // Сахалин.* Южно-Сахалинск, 1980. С. 178-187.

³⁰⁷ Воспоминания А.Р. Гнечко были подробно записаны Василием Семеновичем Акшинским. См.: Акшинский В.С. *Курильский десант. Петропавловск-Камчатский, 1984.* См. также: Гнечко А.Р. *Курильские острова – снова наши // Война. Народ. Победа. Статьи. Очерки. Воспоминания.* Кн. 4. М., 1984.

³⁰⁸ *Летопись героических дней...*

³⁰⁹ Дьяков П.И. *Капитуляция японских войск на Шумшу // Сахалин. Литературный сборник.* Южно-Сахалинск, 1975; *Слово освободителей...*

³¹⁰ Гельфонд Г.М. *Советский флот в войне с Японией.* М., 1958.

³¹¹ Багров В.Н. *Южно-Сахалинская и Курильская операции. (Август 1945 года).* М., 1959.

³¹² Там же. С. 40, 90-91, 111.

сам В.Н. Багров не продолжил столь успешно начатой работы, а ограничился только пересказом уже ранее опубликованных им ранее материалов. При этом наиболее острые и смелые мысли были сглажены³¹³. На протяжении следующих трех десятилетий ни одному автору, позднее обратившемуся к истории Южно-Сахалинской и Курильской десантной операций, не удалось добавить к книге В.Н. Багорова чего-либо принципиально нового. Советские историки или просто пересказывали эту книгу, или добавляли к ней мало значащие детали.

Практически ничего нового в изучение истории боевых действий на Южном Сахалине и Курильских островах не внесли ни шеститомная «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945»³¹⁴, ни оба издания историко-мемуарного очерка «Финал», ни два издания книги Леонида Николаевича Внотченко «Победа на Дальнем Востоке»³¹⁵, ни другие многочисленные публикации военных историков, политработников и журналистов. Все вышеназванные работы скорее были шагом назад, чем поступательным продвижением вперед в деле изучения истории военных действий на Сахалине и Курилах в августе 1945 года.

В период, охвативший 60-80-е годы, наиболее существенный после В.Н. Багорова вклад в разработку проблемы внес А.Н. Рыжков. Прежде всего он в те годы сделал более чем кто-либо для популяризации сахалинской и курильской истории среди жителей нашей области. Перу Рыжкова принадлежат главы, рассказывающие о Сахалине и Курилах в годы Великой Отечественной войны, в изданном в 1960 году сборнике статей «Сахалинская область» и в двух изданиях (1963 и 1981 годов) учебного пособия «История Сахалинской области». Значительное внимание военной проблематике уделяется А.Н. Рыжковым на страницах его книги «Памятники и памятные места Сахалинской области» и многих других публикаций³¹⁶.

Но самым существенным исследованием А.Н. Рыжкова по рассматриваемой проблеме стала диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Сахалин и Курильские острова в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941-1945)»³¹⁷, успешно защищенная им в 1967 году. Прежде всего необходимо отметить широкую источниковую базу данной диссертации. В ходе работы над ней автор сумел изучить материалы семнадцати архивов. Среди них наиболее существенное значение имели документы, хранящиеся в фондах Центрального партийного архива, Центрального государственного архива Октябрьской революции, Архива Министерства обороны СССР, Центрального военно-морского архива, Центрального государственного архива Дальнего Востока, Архива Хабаровского крайкома КПСС, Государственного архива Хабаровского края, Архива Сахалинского обкома КПСС, Государственного архива Сахалинской области и других.

³¹³ См.: История второй мировой войны 1939-1945 гг. Т.11. Поражение милитаристской Японии. Окончание второй мировой войны. М., 1980; Багров В.Н. Победа на островах. Южно-Сахалинск, 1985; Он же. Действия флота в Дальневосточной кампании // Морской сборник. 1975. №9; Он же. Героические десанты моряков-тихоокеанцев (август 1945 г.) // Морской сборник. 1985. № 9; и др.

³¹⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. В 6-ти тт. Т.5. М., 1963.

³¹⁵ Внотченко Л.Н. Победа на Дальнем Востоке. Военно-исторический очерк о боевых действиях советских войск в августе-сентябре 1945 г. М., 1966.

³¹⁶ Рыжков А.Н. Сахалин и Курильские острова в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941-1945 гг.) // Сахалинская область. Южно-Сахалинск, 1960; Он же. Сахалинская область в годы Великой Отечественной войны // История Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1963; Он же. Наша область в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // История Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1981; Он же. Памятники и памятные места Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1977.

³¹⁷ Рыжков А.Н. Сахалин и Курильские острова в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941-1945): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1967.

Диссертация А.Н. Рыжкова включала в себя две части. Первая часть «Вклад трудящихся Сахалина в разгром немецко-фашистских захватчиков» давала общую характеристику Северного Сахалина к началу войны, показывает деятельность партийных и комсомольских организаций по перестройке народного хозяйства области на военный лад, развитие экономики области в годы войны, трудовые подвиги сахалинцев, их помощь фронту. Значительное внимание уделено вопросам подготовки кадров для фронта и подвигам сахалинцев на фронтах Великой Отечественной войны.

Во второй части диссертации А.Н. Рыжкова «Освобождение Южного Сахалина и Курильских островов» были освещены такие вопросы, как «Южный Сахалин и Курильские острова – база японской агрессии», «Советские войска на охране границ Северного Сахалина и Камчатки», «Вступление СССР в войну с Японией и место Северного Сахалина на Дальневосточном театре военных действий», «Бои за освобождение Южного Сахалина», «Освобождение Курильских островов», «Героические будни сахалинцев и камчатцев в условиях прифронтовой полосы».

Одним из важных сюжетов дипломатической истории второй мировой войны стало решение о возвращении Советскому Союзу Южного Сахалина и передаче Курильских островов в качестве платы за вступление СССР в войну с Японией. Этот сюжет рассмотрен в работах Леонида Николаевича Кутакова³¹⁸, многоотомной «Истории дипломатии»³¹⁹, монографии Г.В. Ефимова и А.М. Дубинского «Международные отношения на Дальнем Востоке (1917-1945 гг.)»³²⁰

Отдельные вопросы истории Сахалина в годы Великой Отечественной войны рассматриваются в работах Т.И. Картавцевой³²¹, В.С. Кравцова³²², А.М. Пашкова³²³.

Наряду с научными работами, посвященными истории Сахалина и Курил в годы второй мировой войны, продолжается издание многочисленных журналистских публикаций. Среди последних заметное место занимают биографические очерки Николая Ивановича Фабричного³²⁴.

Целый ряд разных по объему публикаций в той или иной степени затрагивал проблему послевоенного урегулирования между СССР и Японией. Здесь прежде всего необходимо отметить сборники документов, в которых были опубликованы материалы мирной конференции в Сан-Франциско и Московская декларация

³¹⁸ Кутаков А.Н. Портсмутский мирный договор. (Из истории отношений Японии и России и СССР. 1905-1945 гг.) М., 1961; Он же. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962; и др.

³¹⁹ История дипломатии. Т.IV. Дипломатия в годы второй мировой войны. М., 1975.

³²⁰ Ефимов Г.В., Дубинский А.М. Международные отношения на Дальнем Востоке (1917-1945 гг.) Кн.2. М., 1973.

³²¹ Картавцева Т.И. Деятельность Сахалинской партийной организации по руководству народным хозяйством в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Вопросы истории Дальнего Востока. Вып.2. Хабаровск, 1972. С. 204-211.

³²² Кравцов В.С. Крестьянство Сахалинской области в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Вопросы истории и культуры народов Дальнего Востока.,1974. Вып.2. С. 35-43.

³²³ Пашков А.М. Страницы героической летописи: Исторический очерк о Сахалинском ордена Ленина пограничном отряде. Южно-Сахалинск, 1975; Он же. Бессмертие подвига. Исторические очерки о Героях Советского Союза, участниках Великой Отечественной войны, воспитанниках Краснознаменного Тихоокеанского пограничного округа. Южно-Сахалинск, 1978; Он же. В грозные дни войны // Сахалин. Литературный сборник. Южно-Сахалинск, 1979. С. 171-177.

³²⁴ Фабричный Н. Герои земли сахалинской. Южно-Сахалинск, 1971. Н.И. Фабричный является также автором малосодержательной и не очень оригинальной диссертации, имеющей к тому же довольно мало общего с описанной в ней сахалинской действительностью. См.: Фабричный Н.И. Деятельность Сахалинской партийной организации по военно-патриотическому воспитанию трудящихся в довоенный период и в годы Великой Отечественной войны (1925-1945 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1973.

1956 года³²⁵, а также работы Леонида Николаевича Кутакова³²⁶, Хаима Тевеловича Эйдуса³²⁷, Дмитрия Васильевича Петрова³²⁸, Кирилла Евгеньевича Черевко³²⁹. Кроме того, свет увидели несколько коллективных монографий, которые так или иначе касаются названной проблемы³³⁰.

2.2.8. Изучение проблем древней истории Сахалина и Курил

Одной из особенностей послевоенного периода в развитии советской историографии истории Сахалина и Курил было быстрое развитие на островах археологических исследований.

Первой крупной работой первого послевоенного десятилетия, в которой были опубликованы сведения об археологических памятниках Южного Сахалина и Курильских островов, стала диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук Михаила Васильевича Воробьева (впоследствии видного советского востоковеда) «Каменный век стран Японского моря»³³¹. Правда, сам М.В. Воробьев не вел раскопок на Сахалине и Курилах и опирался на те материалы, которые были ранее получены японскими археологами.

В 1954-1957 гг. раскопки на Сахалине вела ленинградский археолог Римма Васильевна Чубарова (впоследствии – Козырева). На основании результатов как собственных исследований, так и знакомства с коллекциями, собранными ранее японскими археологами, она сначала подготовила кандидатскую диссертацию³³², а затем и две монографии: «Древнейшее прошлое Сахалина»³³³ и «Древний Сахалин»³³⁴.

«Древний Сахалин» и сегодня остается одной из лучших книг по сахалинской археологии. Высокая квалификация автора позволила ей практически безукоризненно свести воедино почти все известные к середине 50-х гг. данные археологии, этнографии и фольклора и создать стройную теорию, показавшую, как и когда Сахалин впервые заселен человеком. По данным Р.В. Козыревой, это произошло во втором тысячелетии до н. э.

³²⁵ Сборник нот и заявлений правительств СССР, США, Китая, Англии и других стран по вопросу мирного урегулирования для Японии. Июль 1947 – июль 1951 г. М., 1951; Сборник документов и материалов по Японии. (Мирная конференция в Сан-Франциско, мирные договоры и другие соглашения с Японией, а также ноты и официальные заявления, касающиеся Японии.) 1951-1954 г. М., 1954; Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып.22. М., 1967.

³²⁶ Кутаков Л.Н. Восстановление исторических прав // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. Т.VIII. №2. М., 1951. С. 165-179; Он же. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962.

³²⁷ Эйдус Х.Т. СССР и Япония: Внешнеполитические отношения после второй мировой войны. М., 1964.

³²⁸ Петров Д.В. Внешняя политика Японии после второй мировой войны (1945-1963 гг.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1964; Он же. Внешняя политика Японии после второй мировой войны. М., 1965.

³²⁹ Черевко К.Е. США и так называемая «проблема северных территорий» // США: экономика, политика, идеология. 1981. № 9. С. 37-50; Он же. Русско-японские отношения: глубокие корни, давние традиции // Проблемы Дальнего Востока. 1984. № 4; и др.

³³⁰ История дипломатии. Т.5. Кн.1-2. М., 1974-1979; Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн.1-2. М., 1973; История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945-1977. Хабаровск, 1978; и др.

³³¹ Воробьев М.В. Каменный век стран Японского моря: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1953.

³³² Чубарова Р.В. Древняя история острова Сахалин. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1955.

³³³ Чубарова Р.В. Древнейшее прошлое Сахалина. Южно-Сахалинск, 1960.

³³⁴ Козырева Р.В. Древний Сахалин. Л., 1967.

Однако именно последнее утверждение оказалось тем слабым звеном, из-за которого до основания были разрушены все теоретические построения Р.В. Козыревой. В 1963 году научный сотрудник Сахалинского областного краеведческого музея Валентина Васильевна Вязовская открыла на Северном Сахалине памятник раннего неолита, а два года спустя сообщила о своем открытии на Дальневосточной научной конференции по проблемам истории, археологии и этнографии. Именно тогда впервые была высказана идея о том, что люди могли появиться на Сахалине еще в эпоху палеолита³³⁵. Вскоре смелые предположения В.В. Вязовской получают самое широкое распространение как среди сахалинских, так и сибирских специалистов³³⁶.

В 60-80-е гг. на Курильских островах, а затем и на Сахалине ведет археологические исследования Валерий Александрович Голубев. В 1972 году им была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Археология Курильских островов»³³⁷. Затем следуют книги «Археологические памятники Сахалинской области (V тыс. до н.э. – XVIII в. н.э.)»³³⁸, «Древние поселения на Сахалине (Сусуйская стоянка)» (в соавторстве с Р.С. Васильевским)³³⁹.

В 70-е гг. начинают свои исследования на Сахалине и Курилах сахалинские археологи Валерий Орионович Шубин, Ольга Алексеевна Шубина, Сергей Вячеславович Горбунов, Михаил Михайлович Прокофьев³⁴⁰. Тогда же сахалинские и курильские материалы были широко использованы известным новосибирским археологом Русланом Сергеевичем Васильевским³⁴¹, создавшим в своих публикациях впечатляющую картину развития и смены археологических культур на примыкающих к северной части Тихого океана прибрежных территориях Азии и Америки. И было вполне естественным, что Р.С. Васильевский проявил большой интерес к островному миру интересующего его огромного региона.

Говоря о представителях новосибирской школы, следует отметить, что они, несмотря на весьма сложные отношения, сложившиеся в 60-80-е гг. между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, активно использовали в своих ис-

³³⁵ Вязовская В.В. Неолитическая стоянка на р. Лютоге и микролитические пластинки Имчина // Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР. Владивосток, 1968; Она же. Микролиты Северного Сахалина // История и культура народов Дальнего Востока. Южно-Сахалинск, 1973.

³³⁶ Васильевский Р.С. Имчинский бескерамический комплекс на о. Сахалине // Известия Сибирского отделения АН СССР. Вып.2. № 6. Серия общественных наук. Новосибирск, 1973; Он же. Докерамические комплексы Сахалина и их корреляция с памятниками сопредельных областей // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1979; Салова О.А. К вопросу о палеолите Курильских островов // История и культура востока Азии. Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Новосибирск, 1976; Лавров Е.Л. Докерамический период Хоккайдо и сопредельных территорий. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Новосибирск, 1984; Он же. Первая стратифицированная стоянка палеолита Сокол II на юге Сахалина // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии. Новосибирск, 1984. Вып.2. № 9. С. 67-69; и др.

³³⁷ Голубев В.А. Археология Курильских островов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Новосибирск, 1972.

³³⁸ Голубев В.А. Археологические памятники Сахалинской области (V тыс. до н.э. – XVIII в. н.э.). Южно-Сахалинск, 1973.

³³⁹ Васильевский Р.С., Голубев В.А. Древние поселения на Сахалине (Сусуйская стоянка). Новосибирск: Наука, 1976.

³⁴⁰ Шубин В.О. Локальный вариант охотской культуры на о. Сахалине. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Новосибирск, 1977; Исследования по археологии Сахалинской области. Владивосток, 1977; Археология Амуро-Сахалинского региона. Владивосток, 1979; Шубин В.О., Шубина О.А., Горбунов С. В. Неолитическая культура на Южном Сахалине. Южно-Сахалинск, 1982; Шубин В.О., Прокофьев М.М., Шубина О.А. Раскопки поселения древнего человека Невельск II. Южно-Сахалинск, 1982; Шубин В.О., Шубина О.А. Новые радиоуглеродные датировки по археологическим памятникам Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1984.

³⁴¹ Васильевский Р.С. Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973; Он же. Древние культуры Тихоокеанского Севера. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Новосибирск, 1974; Он же. Памятники каменного века на Курильских островах // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 62-75; Васильевский Р.С., Лавров Е.Л., Чан Су Бу. Культуры каменного века Северной Японии. Новосибирск, 1982.

следованиях китайские источники эпох древности и средневековья³⁴². Это позволило им не только выявить самые ранние упоминания о народах Нижнего Амура и Сахалина, относящиеся к концу I тысячелетия до н.э. – I тысячелетию н.э., но и сопоставить их с данными археологии. Прежде всего подобный подход был характерен для Виталия Епифановича Ларичева³⁴³.

В связи с вышесказанным большое значение имела публикация в 1977 году главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» русского перевода такого чрезвычайно ценного источника, как древнекитайский географический трактат «Шань Хай Цзин» («Каталог гор и морей»), содержащего первые известные нам упоминания о народах Сахалина³⁴⁴.

2.2.9. Развитие антропологических и этнографических исследований на Сахалине

Послевоенный период в развитии советской историографии истории Сахалина стал временем быстрого развития антропологических и этнографических исследований.

Здесь прежде всего следует отметить классические работы Максима Григорьевича Левина, посвященные этнической антропологии и проблемам этногенеза народов Дальнего Востока³⁴⁵. На их страницах М.Г. Левин использовал материалы по коренным народам Нижнего Амура и Сахалина. В 70-80-е гг. проблемами этнической антропологии нивхов занимались Александр Григорьевич Козинцев³⁴⁶, В.Ю. Коваленко³⁴⁷ и Варвара Юрьевна Бахолдина³⁴⁸.

50-60-е гг. стали временем издания таких фундаментальных обобщающих исследований по этнографии народов Сибири, как «Народы Сибири»³⁴⁹ и «Историко-этнографический атлас Сибири»³⁵⁰ (оба издания вышли под редакцией М.Г. Левина и Леонида Павловича Потапова) и «Народы Восточной Азии» (под редакцией Николая Николаевича Чебоксарова)³⁵¹. В названных изданиях опубликованы материалы по этнографии нивхов, ороков и айнов. В середине 50-х гг. свет увидел труд известного советского этнографа и искусствоведа Сергея Васильевича Иванова «Орнамент на-

³⁴² Здесь мы можем говорить о продолжении традиций, заложенных такими российскими исследователями, как Никита Яковлевич Бичурин и Николай Васильевич Кюнер. См.: Кюнер Н.В. Китайские известия о народах южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

³⁴³ Ларичев В.Е. Путешествие в страну восточных иноземцев. Новосибирск, 1973; Он же. Народы Дальнего Востока в древности и средние века и их роль в культурной и политической истории Восточной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980.

³⁴⁴ Каталог гор и морей (Шань Хай Цзин). М., 1977.

³⁴⁵ Левин М.Г. Антропологические типы Сибири и Дальнего Востока. (К проблеме этногенеза народов Северной Азии) // Советская этнография. 1950. № 2; Он же. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1957; Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958; Он же. Этническая антропология Японии. М., 1971.

³⁴⁶ Козинцев А.Г. Статистические данные к проблеме происхождения краниологического типа айнов // Расогенетические процессы в этнической истории. Сборник памяти Георгия Францевича Дебеца. М., 1974. С. 229-242; Он же. Новые краниологические данные о происхождении айнов (частота заднескуловой щели) // Краткое содержание докладов научной сессии, посвященной основным итогам работы в десятой пятилетке. Л., 1983. С. 40-41.

³⁴⁷ Коваленко В.Ю. Соматологическая характеристика сахалинских нивхов // Вопросы антропологии. Вып.55. М., 1977. С. 96-113.

³⁴⁸ Бахолдина В.Ю. Антропология и популяционная генетика нивхов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата биологических наук. М., 1982.

³⁴⁹ Народы Сибири. М., 1956.

³⁵⁰ Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961.

³⁵¹ Народы Восточной Азии М.; Л., 1965.

родов Сибири как исторический источник»³⁵², при написании которого среди прочих были использованы материалы народов Нижнего Амура и Сахалина.

При подготовке вышеназванных обобщающих работ были использованы в основном те материалы, которые были собраны предыдущими поколениями исследователей. Вместе с тем в те же годы начинает свою плодотворную работу по изучению народов Нижнего Амура и Сахалина новое поколение этнографов, наиболее яркими представителями которого были А.В. Смоляк и Ч. М. Таксами.

Анна Васильевна Смоляк родилась в 1920 году. В 1946 году она закончила исторический факультет Московского государственного университета. Начиная с 1947 года и до середины 80-х гг. она приняла участие в семнадцати этнографических экспедициях. Практически все эти экспедиции были связаны с изучением Нижнего Амура и Сахалина. Проводя каждый раз в поле от двух до пяти месяцев, А.В. Смоляк собрала в ходе экспедиций богатейший материал, который и лег в основу ее многочисленных публикаций по самым различным проблемам этнической истории и культуры народов Нижнего Амура и Сахалина. Среди публикаций А.В. Смоляк особо следует отметить монографии «Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина»³⁵³ и «Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. (Середина XIX – начало XX в.)»³⁵⁴, а также многочисленные статьи, посвященные проблемам этногенеза, социальной организации и культуры нивхов и ороков³⁵⁵.

Чунер Михайлович Таксами родился в 1931 году в низовьях Амура в нивхском селе Кальма Хабаровского края. После окончания средней школы поступил на факультет народов Крайнего Севера Ленинградского государственного университета. В 1953 году, после того как факультет народов Крайнего Севера ЛГУ был соединен с Северным отделением Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена, Ч. М. Таксами продолжил обучение на историческом факультете университета. После окончания университета он был зачислен в аспирантуру Института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. Его научным руководителем был известный советский этнограф Л.П. Потапов.

В 1959 году Ч. М. Таксами завершил работу над диссертацией на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Жилье и хозяйственные постройки нивхов Амура и Амурского лимана»³⁵⁶. В том же году увидела свет его первая книга «Возрождение нивхской народности»³⁵⁷. За ней последовали монографии «Нивхи: Современное хозяйство, культура и быт»³⁵⁸ и «Основные проблемы

³⁵² Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. (По материалам XIX – начала XX вв.): Народы Севера и Дальнего Востока. М.; Л., 1963.

³⁵³ Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1984.

³⁵⁴ Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина (середина XIX – начало XX в.). М., 1975.

³⁵⁵ Смоляк А.В. К вопросу о происхождении ороков. (Историко-этнографический очерк об оленеводах-ороках о-ва Сахалина) // Краткие сообщения / Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. 1954. Т. 21. С. 33-38; Она же. Южные ороки. (Этнографические заметки) // Советская этнография. 1965. № 1. С. 28-42; Она же. Социальная организация народов Нижнего Амура и Сахалина // Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970; Она же. Родовой состав нивхов в конце XIX – начале XX в. // Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974; Она же. О взаимных культурных влияниях народов Сахалина и некоторых проблемах этногенеза // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975; Она же. Проблемы этногенеза тунгусоязычных народов Нижнего Амура и Сахалина // Этногенез народов Севера. М., 1980; и др.

³⁵⁶ Таксами Ч. М. Жилье и хозяйственные постройки нивхов Амура и Амурского лимана. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1959.

³⁵⁷ Таксами Ч. М. Возрождение нивхской народности. Южно-Сахалинск, 1959.

³⁵⁸ Таксами Ч. М. Нивхи: Современное хозяйство, культура и быт. Л., 1967.

этнографии и истории нивхов (середина XIX – начало XX в.)³⁵⁹, популярная книжка «От таежных троп до Невы»³⁶⁰, а также многочисленные статьи, посвященные различным проблемам этнографии и истории нивхов³⁶¹ и ороков³⁶². В 1977 году Ч.М. Таксами защитил докторскую диссертацию «Нивхи: Проблемы хозяйства, общественного строя и этнической истории (середина XIX – начало XX веков.)»³⁶³.

В 50-80-е гг. различными проблемами так называемого некапиталистического развития коренных народов Сахалина (в том числе и проблемами развития у них социалистической культуры) занимались Михаил Алексеевич Сергеев³⁶⁴, В.М. Мищенко³⁶⁵, В.М. Векслер³⁶⁶, Н.В. Исаков³⁶⁷.

В начале 70-х гг. после многолетнего перерыва к сахалинской проблематике возвращается Ерухим Абрамович Крейнович. В 1973 году вышла в свет его книга «Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура»³⁶⁸, основанная на богатейших полевых материалах, собранных автором во второй половине 20-х гг. XX века. После этого следует целый ряд не менее содержательных статей, посвященных пережиткам группового брака и медвежьему празднику у нивхов³⁶⁹.

Отдельными проблемами истории и этнографии коренных народов Сахалина в рассматриваемый период также занимались гениальный российский лингвист и этнограф Юрий Валентинович Кнорозов³⁷⁰, известный советский фоль-

³⁵⁹ Таксами Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов (середина XIX – начало XX в.). Л., 1975.

³⁶⁰ Таксами Ч. М. От таежных троп до Невы. Л., 1976.

³⁶¹ Таксами Ч. М. Селения, жилые и хозяйственные постройки нивхов Амура и западного побережья о. Сахалина // Сибирский этнографический сборник. Т. III. М.; Л., 1961; Он же. Географические представления нивхов и их использование русскими исследователями Сахалина и низовьев Амура // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 101. Вып. 1. 1969. С. 41-48; Он же. Некоторые вопросы фольклора и искусства нивхов: Из истории собирания и изучения фольклора // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена. 1969. Т. 383. С. 138-151; Он же. Первобытно-родовые отношения и религиозные верования нивхов // Страны и народы Востока. Вып. VIII. М., 1969. С. 53-69; Он же. Одежда нивхов // Одежда народов Сибири. Сборник статей Музея антропологии и этнографии. Л., 1970. С. 166-195; Он же. Охотники, рыболовы и собиратели Амурского бассейна и Сахалина // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972. С. 187-198; Он же. Современные и традиционные праздники народов Нижнего Амура и Сахалина // Страны и народы Востока. Вып. 13. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 2. М., 1972; Полевой Б. П., Таксами Ч. М. Первые русские сведения о нивхах-гиляках // Страны и народы Востока. 1975. Вып. XVII. М., 1975. С. 138-157; Таксами Ч. М. Некоторые общие черты летних средств передвижения у народов Нижнего Амура и Сахалина // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976; Он же. Система культов у нивхов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 33. Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л., 1977. С. 90-116; Он же. Влияние христианства на традиционные верования нивхов // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Л., 1979. С. 116-126; Он же. Проблемы этногенеза нивхов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 196-210; Он же. Изделия из рыбьей кожи у народов Приамурья и Сахалина в собрании МАЭ // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 35. Л., 1980; Он же. Нивхи // Расы и народы. 1981. Вып. 11. С. 212-220; Он же. Шаманство у нивхов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981. С. 165-177; и др.

³⁶² Таксами Ч. М. Ороки Сахалина. (Должено на заседании Восточной комиссии 14.12.64 г.) // Доклады Восточной комиссии. Л., 1967. Вып. 4. С. 33-53; Он же. Тунгусские народы на Сахалине // Страны и народы Востока. Вып. 6. М., 1968.

³⁶³ Таксами Ч. М. Нивхи: Проблемы хозяйства, общественного строя и этнической истории (середина XIX – начало XX веков): Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1977.

³⁶⁴ Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л., 1955.

³⁶⁵ Мищенко В. М. Переход сахалинских нивхов от патриархального уклада к социализму. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 1955.

³⁶⁶ Векслер В. М. Малье народности Северного Сахалина после освобождения от интервентов // Вопросы истории советского Дальнего Востока. Вып. 3. Владивосток, 1965. С. 55-68.

³⁶⁷ Исаков Н. В. Интеграция в сфере социалистической культуры народов Севера. (На материалах Якутской АССР и Сахалинской области). Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Новосибирск, 1983.

³⁶⁸ Крейнович Е. А. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М., 1973.

³⁶⁹ Крейнович Е. А. О пережитке группового брака у нивхов // Страны и народы Востока. Вып. 15. Африка и Азия. М., 1973. С. 224-233; Он же. Медвежий праздник у нивхов // Древняя Сибирь. Вып. 4. Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 339-349; Он же. О культе медведя у нивхов. (Публикация и анализ текстов) // Страны и народы Востока. Вып. XXIV. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 5. М., 1982. С. 244-283.

³⁷⁰ Кнорозов Ю. В., Спевковский А. Б., Таксами Ч. М. Пиктографические надписи айнов // Полевые исследования Института этнографии. 1980-1981. М., 1984. С. 226-233.

клорист Владимир Яковлевич Пропп³⁷¹, специалист по первобытным обществам Владимир Рафаилович Кабо³⁷², дальневосточные этнографы Юрий Александрович Сем³⁷³, Петр Яковлевич Гонтмахер³⁷⁴, Татьяна Сергеевна Шульгина³⁷⁵ и Елена Григорьевна Демидова³⁷⁶, известный специалист по нивхскому языку и фольклору Галина Александровна Отаина³⁷⁷, сахалинские краеведы Валентина Васильевна Вязовская³⁷⁸, Валерий Орионович Шубин, Галина Ивановна Косухина, Михаил Михайлович Прокофьев³⁷⁹, Тамара Викторовна Пенская³⁸⁰, Сергей Вячеславович Горбунов³⁸¹ и другие³⁸². В 80-е гг. сахалинских эвенков изучала ленинградский этнограф Надежда Всеволодовна Ермолова³⁸³.

В 60-70-е годы была начата работа по изданию научного наследия крупных советских исследователей, чья исследовательская деятельность трагически оборвалась в результате репрессий 30-40-х гг. XX столетия.

Среди подобного рода публикаций особо следует отметить изданный в 1972 году труд выдающегося российского япониста, тангутоведа и китаевода Н.А. Невского «Айнский фольклор»³⁸⁴.

Николай Александрович Невский родился 1892 году. В 1914 году он окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, где среди его преподавателей был Л.Я. Штернберг. В 1915 году Н.А. Невский был направлен на двухгодичную стажировку в Японию. Однако революция в России и начавшаяся вскоре кровавая гражданская война помешали его возвращению в Россию. За те четырнадцать лет, которые Н.А. Невский провел в Японии, он не только в совершенстве изучил японский язык, но и стал высококвалифицированным лингвистом и этнографом. В 1919-1922 гг. он работал в Высшем коммерческом институте в го-

³⁷¹ Пропп В.Я. Чукотский миф и гилацкий эпос // *Фольклор и действительность*. М., 1976.

³⁷² Кабо В.Р. Айнская проблема в новой перспективе // *Советская этнография*. 1975. № 6. С. 42-50.

³⁷³ Сем Ю.А. Проблема происхождения ороков Сахалина // *Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока (с древнейших времен до наших дней)*. Владивосток, 1965. С. 79-87.

³⁷⁴ Гонтмахер П.Я. О национальном своеобразии народного искусства нивхов // *История и культура народов Дальнего Востока*. Южно-Сахалинск, 1973. С. 281-289; Он же. *История культуры нивхов*. (На примере декоративно-прикладного искусства XIX – середины XX в.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 1974; и др.

³⁷⁵ Шульгина Т.С. История изучения малых народов южной части Дальнего Востока СССР (1860-1917 гг.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 1977.

³⁷⁶ Демидова Е.Г. Исследования Бертольда Лауфера на Сахалине // *Культура народов Дальнего Востока СССР (XIX-XX вв.)*. Владивосток, 1978; Она же. Проблемы истории и культуры малых народов юга Дальнего Востока СССР в англо-американской буржуазной историографии: (Вторая половина XIX в. – 70-е годы XX в.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 1983.

³⁷⁷ Отаина Г.А. Нивхские народные песни // *Этнография и фольклор народов Дальнего Востока*. Владивосток, 1981. С. 110-124; Она же. Отражение мифологических и религиозных представлений в нивхском языке // *Культура народов Дальнего Востока. Традиции и современность*. Владивосток, 1984. С. 157-164; и др.

³⁷⁸ Вязовская В.В. Амулеты ороков Сахалина // *Сахалин-76. Литературно-художественный сборник*. Южно-Сахалинск, 1976. С. 127-129.

³⁷⁹ Шубин В.О., Косухина Г.И., Прокофьев М.М. *Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея на Северном Сахалине (1978, 1980-1981 гг.)*. Южно-Сахалинск, 1984.

³⁸⁰ Пенская Т.В. Из истории этнографического изучения ороков Сахалина // *Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея*. Южно-Сахалинск, 1984. С. 42-49.

³⁸¹ Горбунов С. В. *Этнографические наблюдения на Северном Сахалине. Из полевого дневника (1976-1982 гг.)* // *Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея*. Южно-Сахалинск, 1984; Он же. *О морском зверобойном промысле аборигенов Сахалина* // *Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея*. Южно-Сахалинск, 1985.

³⁸² Высоков М.С. Передача сообщений на расстояние в жизни малых народов Дальнего Востока // *Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея*. Южно-Сахалинск, 1984. С. 17-25.

³⁸³ Ермолова Н.В. *Эвенки Приамурья и Сахалина. Формирование и культурно-исторические связи*. XVII – начало XX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1984.

³⁸⁴ Невский Н.А. *Айнский фольклор*. М., 1972.

роде Отару (остров Хоккайдо). Именно в этот период им были собраны уникальные материалы по языку и фольклору айнов. В 1929 году Н.А. Невский, поддавшись уговорам своих советских коллег, вернулся на родину, где вплоть до 1937 года работал в Институте востоковедения АН СССР и Государственном Эрмитаже. В 1937 году он был арестован по сфальсифицированному обвинению в шпионаже в пользу Японии и казнен.

Богатейший архив Н.А. Невского каким-то чудом в основном сохранился. В 60-е гг. началась его постепенная публикация. В 1972 году дошла очередь и до материалов по фольклору айнов, благодаря чему наконец увидели свет как записанные Н.А. Невским тексты, так и их переводы на русский язык.

В 1964 году увидела свет книга Александра Михайловича Золотарева «Родовой строй и первобытная мифология»³⁸⁵. В основе данной публикации лежала написанная А.М. Золотаревым в конце 30-х гг. докторская диссертация «Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний (исследование по истории родового строя и первобытной мифологии)». При работе над текстом диссертации А.М. Золотарев среди прочих использовал и материалы по фольклору гиляков (нивхов), собранные им в 30-х гг. во время экспедиций на Нижний Амур.

2.2.10. История Сахалина и Курильских островов в научно-популярных обобщающих изданиях

Уже в первые послевоенные годы сначала в провинциальных, а затем и центральных издательствах одна за другой начинают появляться популярные публикации, авторы которых с разной степенью литературного таланта рассказывали об истории Сахалина и Курил. Одним из первых сахалинскую и курильскую тематику затронул в своих публикациях известный советский писатель Сергей Николаевич Марков³⁸⁶. За этим последовали рассчитанные на широкую читательскую аудиторию книги Владимира Владимировича Лешкевича и Геннадия Самойловича Гора³⁸⁷, Юрия Константиновича Ефремова³⁸⁸, Ирины Игоревны Михайловской³⁸⁹ и других советских писателей и журналистов.

В 50-е гг. популярную литературу по истории Сахалинской области начинают издавать и в Южно-Сахалинске. В 1955 году свет увидела первая книга сахалинского краеведа Алексея Николаевича Рыжкова «Подвиги русских людей на Сахалине и Курилах»³⁹⁰. На страницах этой книги в доступной форме рассказывалось о тех персонажах сахалинской истории, которые, по мнению автора, сыграли в ней самую заметную роль.

Следующим обобщающим трудом по истории Сахалина и Курил, подготовленным силами местных специалистов, стал сборник статей «Сахалинская область»³⁹¹,

³⁸⁵ Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

³⁸⁶ Марков С. Русские люди на Курильских островах. Пенза, 1946; Он же. Курильские острова // Вокруг света. 1946. № 1. С. 60-62; Он же. Соколинный остров // Вокруг света. 1946. № 3-4. С. 54-59.

³⁸⁷ Лешкевич В. Сахалин. Хабаровск, 1947; Гор Г., Лешкевич В.В. Сахалин. М.; Л., 1949.

³⁸⁸ Ефремов Ю.К. Курильское ожерелье. М., 1951; Ефремов Ю.К. Курильское ожерелье. М., 1953; Ефремов Ю.К. Курильское ожерелье. М., 1962.

³⁸⁹ Михайловская И.И. Далекий остров: Рассказы о Сахалине. Пособие для учащихся. М., 1965.

³⁹⁰ Рыжков А.Н. Подвиги русских людей на Сахалине и Курилах: К истории географических названий Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1955.

³⁹¹ Сахалинская область: Сборник статей. Южно-Сахалинск, 1960.

увидевший свет в 1960 году в Сахалинском книжном издательстве. В числе материалов, опубликованных на его страницах, были статьи А.Н. Рыжкова «Из истории открытия, исследования и освоения Сахалина и Курильских островов», И.А. Сенченко «Северный Сахалин в 1905-1916 гг.», И.А. Сенченко и П.А. Лебедева «Борьба за установление Советской власти на Северном Сахалине (март 1917 – апрель 1920 гг.)», А.М. Лопачева «Северный Сахалин в период японской оккупации (апрель 1920 – май 1925 гг.)», Е.В. Мушкаревой «Восстановление и упрочение Советской власти на Северном Сахалине (1925-1928 гг.)», П.А. Лебедева «Экономика и культура Северного Сахалина в годы довоенных пятилеток», А.Н. Рыжкова «Сахалинская область в годы Великой Отечественной войны», Д.Н. Трубачева, Т.И. Картавцевой, Б.Н. Бурятова и А.П. Цилина «Экономика и культура области в послевоенный период».

Общий тон сборнику задавала статья А.Н. Рыжкова «Из истории открытия, исследования и освоения Сахалина и Курильских островов». Именно в ней были заложены те принципы, которые определили развитие региональной историографии на последующие два с половиной десятилетия. Суть концепции А.Н. Рыжкова была изложена в первых строках статьи:

«Все острова Сахалинской области принадлежат нашей Родине по праву первооткрытия, первозаселения, первоисследования и первоприсоединения. Эти острова никогда по справедливости не принадлежали ни одной державе, кроме России, хотя, пользуясь слабостью царского правительства, на них неоднократно хозяйничали японцы, пытались захватить американцы, англичане и французы... История открытия, исследования, освоения и обороны островов – это история подвигов русских людей, на примере которых воспитывается наша советская молодежь»³⁹².

Издание сборника «Сахалинская область» положило начало целой серии научно-популярных публикаций, в доступной форме рассказывающих о ратных и трудовых подвигах русских людей на Сахалине и Курилах. В 60-х – первой половине 80-х гг. свет увидели два издания учебного пособия «История Сахалинской области» (1963³⁹³ и 1981³⁹⁴ гг.), сборник «Сахалин, Курилы – родные острова»³⁹⁵, в работе над которыми принимали участие практически все ведущие сахалинские краеведы.

В 1970-1979 гг. одно за другим появляются три издания книги «Область на островах»³⁹⁶, подготовленной весьма влиятельным авторским коллективом, в состав которого входили первый секретарь Сахалинского обкома КПСС Павел Артемович Леонов, заведующий отделом пропаганды обкома КПСС Иван Васильевич Панькин и руководитель сахалинской писательской организации Иван Емельянович Белоусов. «Область на островах» трудно назвать самостоятельным исследованием. Концептуально она почти не отличалась и от сборника статей «Сахалинская область», и от сборника «Сахалин, Курилы – родные острова». Исключение составлял только ранее неиздававшийся очерк истории Сахалинской организации КПСС.

³⁹² Рыжков А.Н. Из истории открытия, исследования и освоения Сахалина и Курильских островов // Сахалинская область. С. 43.

³⁹³ История Сахалинской области. Учебное пособие по краеведению для учащихся VII-VIII классов. Южно-Сахалинск, 1963.

³⁹⁴ История Сахалинской области. Учебное пособие по краеведению для учащихся VII-X классов. Южно-Сахалинск, 1981.

³⁹⁵ Сахалин, Курилы – родные острова. Южно-Сахалинск, 1967.

³⁹⁶ Леонов П.А., Панькин И.В., Белоусов И.Е. Область на островах. Южно-Сахалинск, 1970; 2-е издание. М., 1974; 3-е издание. М., 1979.

У подавляющего большинства специалистов, которые серьезно интересовались историей Сахалина и Курильских островов, целый ряд положений новой книги вызвал чувство недоумения. Авторы явно не очень много читали и весьма мало знали о многих сюжетах весьма сложной и запутанной истории области на островах. Во всем этом не было бы большой беды, если бы не то высокое положение, которое занимали два из трех членов авторского коллектива. Именно это обстоятельство практически полностью исключало какую-либо дискуссию по поводу вышеназванной книги. Вплоть до середины 80-х гг. основные положения, изложенные в «Области на островах», считались на Сахалине и Курилах каноническими и не подлежали открытому обсуждению и какой-либо критике.

2.3. Советская историография истории Сахалина и Курильских островов в период «перестройки»

Весной 1985 года на мартовском пленуме Центрального Комитета КПСС, состоявшемся сразу же после смерти очередного престарелого советского лидера К.У. Черненко, новым генеральным секретарем ЦК был избран М.С. Горбачев. Сегодня об этом мало кто помнит, но тогда с личностью нового лидера связывались большие надежды. Страна с нетерпением ждала перемен. И первое время казалось, что эти ожидания не беспочвенны. На апрельском пленуме ЦК Горбачев провозгласил курс на перестройку. Можно по-разному относиться как к «перестройке», так и ее творцу. Однако, вне всякого сомнения, новый курс стал началом конца той тирании, которая на протяжении почти семи десятилетий душила любую свободную мысль, тирании, которая мешала подавляющему большинству российских историков честно делать свое дело. И, в конечном счете, именно запущенные М.С. Горбачевым процессы демократизации и гласности привели к падению коммунистического режима в нашей стране. Правда, одним из следствий падения коммунистического режима стал и развал созданной им Советской империи.

На рубеже 80-90-х годов XX века российская историческая наука оказалась в эпицентре острой политической борьбы, охватившей все слои российского общества. Одним из следствий этой борьбы стало начало пересмотра целого ряда базовых представлений о российской истории в целом и отдельных ее периодов в частности.

Главным положительным моментом периода, начавшегося весной 1985 и закончившегося в декабре 1991 гг., было сначала постепенное, а затем и все более существенное ослабление того тотального контроля, который мешал свободной работе советских историков. Конечно, провозглашенная руководством КПСС «гласность» не была равнозначна свободе слова, но после семи десятилетий тотальной диктатуры советские историки смогли без опасений за свою дальнейшую судьбу не обращать внимания на многие ранее существовавшие запреты и старые оценки российской истории.

Итак, во второй половине 80-х годов прошлого столетия начался принципиально новый этап в изучении сахалинской и курильской истории. Однако первое время, казалось, мало что изменилось. Сила инерции была еще велика. Так, вплоть до рубежа 80-90-х годов некоторыми сахалинскими исследователями продолжали создаваться весьма далекие от реальной жизни труды, рассказывавшие о не-

давшей (вторая половина 60-х – первая половина 80-х годов) истории региона. Читая некоторые из них, нельзя избавиться от впечатления, что авторы просто никогда не бывали в Сахалинской области и понятия не имели о ее реальных проблемах³⁹⁷.

Представлениями, сложившимися в предшествующий период (в основном во времена холодной войны), в значительной степени была определена и позиция целого ряда исследователей, опубликовавших во второй половине 80-х годов целый ряд работ по истории российско-японских отношений, где затрагивались наиболее сложные моменты сахалинской истории. Среди работ этого направления особого упоминания заслуживают две монографии, подготовленные видными советскими японоведами: «Россия и Япония» Леонида Николаевича Кутакова³⁹⁸ и «СССР и Япония»³⁹⁹, написанная авторским коллективом в составе уже упомянутого Л.Н. Кутакова (он рассказал о развитии советско-японских отношений в 1917-1941 гг.), А.Е. Жукова (1941-1945 гг.), С. И. Вербицкого (1945-1972 гг.), В.В. Денисова и А.Н. Панова (с 1973 года). Ответственным редактором монографии «СССР и Япония» был известный советский журналист и японовед Игорь Александрович Латышев. Из работ, подготовленных сахалинскими авторами, можно отметить книгу Александра Михайловича Лопачева «Освобождение Северного Сахалина»⁴⁰⁰, увидевшую свет в 1989 году. Несмотря на весьма заметную разницу в профессиональном уровне московских и региональных авторов, вышеназванные публикации роднит общий взгляд на Японию, как на вечного агрессора, издавна стремившегося к территориальным захватам, а также стремление оправдать любые действия России и СССР, направленные на приобретение новых территорий.

Заметную печать предшествующих этапов развития российской историографии несут на себе и подготовленные Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР под руководством видного дальневосточного историка академика Андрея Ивановича Крушанова первый и второй тома обобщающего четырехтомного исследования «История Дальнего Востока СССР от эпохи первобытного общества до 80-х годов XX века». На страницах первых двух томов названного исследования рассматривается история региона вплоть до февральской революции 1917 года⁴⁰¹.

К работе над данными томами, занявшей почти два десятилетия, А.И. Крушановым были привлечены наиболее квалифицированные и опытные специалисты как самого Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, так и других научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений

³⁹⁷ Например, см.: Тварковский А.С. Деятельность Советов народных депутатов Дальнего Востока по повышению уровня жизни советских людей в годы девятой и десятой пятилеток: (На материалах Приморского края и Сахалинской области). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 1987; Иванов Г.Г. Развитие трудовой активности молодежи Дальнего Востока в 1966-1975 гг.: (На материалах Приморского края и Сахалинской области). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 1987; и др. Основные направления исследований по истории Дальнего Востока, проводившихся в нашей стране в 80-е годы, прекрасно показаны в восьмом выпуске «Библиографического указателя работ по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока» (Владивосток, 1992). На страницах данного выпуска даны сведения обо всех защищенных в СССР в 1980-1990 годах диссертациях по истории, археологии, этнографии и филологии Дальнего Востока России.

³⁹⁸ Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988.

³⁹⁹ СССР и Япония. М., 1987.

⁴⁰⁰ Лопачев А.М. Освобождение Северного Сахалина. Южно-Сахалинск, 1989.

⁴⁰¹ История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. М., 1989; История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М., 1991.

СССР. Подготовленные ими материалы были неоднократно апробированы на разных научных конференциях, на страницах научных сборников и монографий. Наконец в 1974-1981 гг. было выпущено одиннадцать книг так называемого макета «Истории Дальнего Востока СССР»⁴⁰². Отдельные книги макета были разосланы в ведущие научно-исследовательские организации исторического профиля и высшие учебные заведения. Их читали и обсуждали самые авторитетные специалисты по истории советского Дальнего Востока. По всем признакам такая грандиозная работа не могла не увенчаться успехом. Однако внимательный читатель не мог не заметить, что целый ряд опубликованных в первом и во втором томах материалов устарел задолго до выхода их в свет. К сожалению, в этих обобщающих работах практически не заметно присутствия ни новых подходов, ни новых материалов как по истории Сахалина, так и по истории других регионов Дальнего Востока.

Причины столь очевидной неудачи много лет спустя попытался объяснить новый главный редактор проекта и новый директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН Виктор Лаврентьевич Ларин. В предисловии к первой книге третьего тома «Истории Дальнего Востока России», увидевшей свет двенадцать лет спустя после выхода второго тома, он написал:

«Общие особенности развития исторической науки в Советском Союзе это время⁴⁰³, как и идеологический уклон, директивно приданный институту с момента его создания, и во многом диктовавший стиль и направления его исследований, предопределили особый угол зрения, под которым рассматривались события не только второй половины XIX – начала XX в., но и далекого прошлого, глубину и характер оценок фактов, явлений, исторических персонажей»⁴⁰⁴.

Ничего кроме недоумения не может вызвать попытка авторов первого тома, осведомившего историю Дальнего Востока с древнейших времен вплоть до XVII века, практически полностью игнорировать влияние великой китайской цивилизации, а также Японии и других стран на населявшие Сахалин народы. В связи с этим авторы первого тома не только обходят стороной имеющиеся в распоряжении исследователей довольно скудные письменные источники, но и тщательно избегают описания известных им, но входящих в противоречие с общей концепцией тома археологических материалов. Только поэтому им пришлось продлить сахалинский неолит практически вплоть до начала нового времени (т.е. до прихода на Дальний Восток русских землепроходцев)⁴⁰⁵.

Главной причиной этих искусственных построений было стремление авторов «Истории Дальнего Востока СССР», во-первых, доказать абсолютную самостоятельность экономического и культурного развития населявших Сахалин народов, а также их полную независимость от древних и средневековых государств региона, которую они якобы сохраняли вплоть до того момента, как у берегов острова появились русские исследователи. Во-вторых, авторы создавали тот исторический фон, на котором как само собой разумеющееся воспринимался тезис о том, что

⁴⁰² История Дальнего Востока СССР. (От эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней). Кн.1-11. Владивосток, 1974-1981.

⁴⁰³ Имеется в виду время, когда велась работа над первыми двумя томами «Истории Дальнего Востока». – М.В.

⁴⁰⁴ См.: Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. (История Дальнего Востока России. Т.3. Кн.1). Владивосток, 2003. С. 5.

⁴⁰⁵ См.: «Заключение» первого тома: «Особенностями неолита на о. Сахалине, Курильских островах и на Северо-Востоке Азии является затяжной его характер. Археологические культуры этого региона и Дальнего Востока (? – М.В.) сохраняли неолитический облик вплоть до прихода русских в XVII веке». История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. С. 369-370.

«добровольное вхождение нерусских народностей и племен Сибири и Дальнего Востока в состав России – прогрессивный акт»⁴⁰⁶. Ведь к феодальной России присоединялись земли, населенные народами, которые только что вышли из каменного века.

Следует отметить, что опубликованные в первом томе «Истории Дальнего Востока СССР» сахалинские материалы (подготовлены Русланом Сергеевичем Васильевским, Риммой Васильевной Козыревой, Валерием Александровичем Голубевым и Ириной Сергеевной Жущиховской) были довольно прохладно встречены сахалинскими археологами и уже в 1990 году подверглись обстоятельной критике в местной исторической периодике⁴⁰⁷.

Справедливости ради следует отметить, что практически одновременно с рассматриваемым томом сотрудниками Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР под руководством Эрнста Владимировича Шавкунова был выпущен сборник статей «Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР»⁴⁰⁸. Этот небольшой сборник содержал в себе целый ряд чрезвычайно плодотворных идей, которым было суждено оказать заметное воздействие на изучение как дальневосточной, так и сахалинской истории.

Особое значение имела концепция, изложенная в предисловии к сборнику. В частности, в нем говорилось, что

«эпоха средневековья, когда южная часть Дальнего Востока СССР входила либо в состав, либо в сферу политического, культурного и социально-экономического влияния государства Бохай (698-926 гг.), а затем Золотой империи чжурчженей (1115-1234 гг.) оставила заметный след в материальной и духовной культуре многих современных народов Приморья и Приамурья. В связи со сказанным достаточно будет отметить, что многие виды декоративно-прикладного искусства, религиозные представления, конструкции жилых и хозяйственных построек, способы ведения охотничье-промыслового хозяйства и многое другое содержат в себе настолько общие черты, что порой даже складывается впечатление, будто между эпохой раннего средневековья и XIX столетием не было никакого хронологического разрыва. Все это свидетельствует о том, что истоки материальной и духовной культуры современных народов юга Дальнего Востока СССР в подавляющем большинстве своими корнями уходят в эпоху средневековья. Становится также очевидным, что без изучения археологических памятников эпохи средневековья на территории Приморья и Приамурья, без всестороннего анализа и сопоставления данных археологии и летописных источников нельзя правильно объяснить характер и специфику тех историко-культурных процессов, конечным итогом которых было появление на рассматриваемой территории большой группы современных народов с их самобытной и во многих отношениях оригинальной культурой»⁴⁰⁹.

Несмотря на то, что ни в предисловии, ни в статьях «Материалов по средневековой археологии и истории» Сахалин даже не упоминается, идеи, изложенные в нем, имели весьма большое значение для реконструкции средневековой истории Сахалина.

⁴⁰⁶ См.: «Заключение» первого тома: «Особенностями неолита на о. Сахалине, Курильских островах и на Северо-Востоке Азии является затяжной его характер. Археологические культуры этого региона и Дальнего Востока (? – М.В.) сохраняли неолитический облик вплоть до прихода русских в XVII веке». *История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века*. С. 371.

⁴⁰⁷ См.: Шубина О.А. *История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века*. М.: Наука, 1989 // *Краеведческий бюллетень*. 1990. № 1; Горбунов С. В., Прокофьев М.М. *История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века*. М.: Наука, 1989 // *Краеведческий бюллетень*. 1990. № 1.

⁴⁰⁸ *Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР*. Владивосток, 1990.

⁴⁰⁹ Предисловие // *Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР*. Владивосток, 1990. С. 3.

Не менее важное значение для изучения средневековой истории народов Нижнего Амура и Сахалина имели публикации новосибирского исследователя Виталия Епифановича Ларичева. В частности, интереснейшие материалы содержит его во многом новаторская статья «Письменные источники о племенах Нижнего Амура и прилегающих к нему территорий в эпоху раннего средневековья»⁴¹⁰.

Довольно сложные чувства вызывает второй том «Истории Дальнего Востока СССР», охватывающий почти три столетия от начала XVII века до февральской революции 1917 года. И хотя данный том был опубликован в 1991 году, он в основном отражает те концепции, которые сложились и получили широкое распространение в 50–70-е годы и в значительной степени отражали реалии периода «холодной войны». Большой вред рассматриваемой работе нанесло стремление авторов подчинить свою работу определенной идее. При этом все, что не укладывалось в ее довольно узкие рамки, игнорировалось и отсекалось.

Так, вопреки многочисленным фактам авторы второго тома стремились показать преимущественно мирный и добровольный характер присоединения дальневосточных народов к России. Большое сомнение вызывают и тезисы о том, что благодаря вхождению в состав России «аборигенные (палеоазиатские и тунгусо-язычные) народы получили огромный стимул для экономического, социального и политического развития»⁴¹¹, а также о «постепенном складывании общности интересов русского и аборигенного населения»⁴¹².

Однако самые большие нарекания вызывают те разделы второго тома, в которых говорится об истории открытия и исследования Сахалина. Так, автор главы «Открытие и начало присоединения Дальнего Востока к Российскому государству» Борис Петрович Полевой продолжил начатые им еще в 50-е годы попытки доказать приоритет России в деле открытия Сахалина. Следует отметить, что Б.П. Полевой являлся в то время одним из наиболее авторитетных российских специалистов по истории русских географических открытий на Дальнем Востоке⁴¹³. Почти за полвека своей научной работы ему удалось выявить и ввести в научный оборот немало источников по истории Дальнего Востока XVII – первой половины XIX века. Основные итоги исследований Б.П. Полевого были обобщены им в успешно защищенной в 1986 году диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук⁴¹⁴. Но, несмотря на все усилия, Б.П. Полевому так и не удалось найти в российских архивах материалы, которые позволили бы ему радикально переписать историю Сахалина и Курил XVII–XVIII столетий.

В связи с этим он был вынужден ограничиться исключительно толкованием (на наш взгляд, весьма вольным) тех источников, которые были введены в научный оборот его многочисленными предшественниками. Результат такого обращения с источниками – гипотеза об открытии Сахалина экспедицией И.Ю. Москвитина

⁴¹⁰ Ларичев В.Е. Письменные источники о племенах Нижнего Амура и прилегающих к нему территорий в эпоху раннего средневековья // *Восточная Азия и соседние территории в средние века*. Новосибирск, 1986.

⁴¹¹ *История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма*. С. 427.

⁴¹² Там же. С. 16.

⁴¹³ Более подробно о Б.П. Полевом см.: Высоков М.С. Историк Дальнего Востока России: К 75-летию со дня рождения Бориса Петровича Полевого // *Краеведческий бюллетень*. 1994. № 1. С. 171–190. Критика гипотезы Б.П. Полевого о том, что экспедиции И.Ю. Москвитина удалось добраться до устья Амура и берегов Сахалина, изложена в: Высоков М.С. Советская историография истории открытия и исследования Сахалина и Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1984.

⁴¹⁴ Полевой Б.П. *Русские географические открытия на Дальнем Востоке с 30-х гг. XVII в. до 60-х гг. XIX в.*: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1986.

в 1640 году. «Москвитинцы, – отмечает Б.П. Полевой, – не только видели берега Сахалина, но даже высаживались на остров и, следовательно, открыли Сахалин за три года до появления у его берегов голландской экспедиции де Фриза»⁴¹⁵. Вместе с тем приведенные автором доказательства звучат убедительно только для тех, кто плохо знаком с источниками XVII столетия.

В связи с вышесказанным вывод Б.П. Полевого о том, что впервые русские увидели сахалинское побережье в 1640 году, т.е. на три года раньше участников голландской экспедиции де Фриза, пока остается не очень убедительно аргументированной гипотезой. Что же касается заявления о том, что москвитинцы высаживались на Сахалине, то это скорее относится к числу домыслов, которыми так богата наша историческая литература. К авторским фантазиям может быть отнесена и встреча кочей Москвитина с большим скоплением нивхских лодок, из-за чего якобы казаки «не решились войти в устье из-за своего «безлюдства»⁴¹⁶.

Кстати, и сам Б.П. Полевой видел уязвимость своей аргументации. Вероятно, именно в связи с этим он выдвинул предположение (на страницах «Истории Дальнего Востока СССР» оно выглядит как утверждение) о том, что поскольку москвитинцы «рассчитывали организовать новый поход, они предпочли скрыть ... часть сведений о морском пути к устью Амура и умолчать об островах «сидячих гиляк»⁴¹⁷. Однако и данное утверждение также не находит подтверждения в источниках и, вероятнее всего, является авторской фантазией.

Высокий авторитет Б.П. Полевого как одного из самых квалифицированных в России специалистов по истории русских географических открытий привел к тому, что его бездоказательные утверждения по поводу итогов экспедиции И.Ю. Москвитина получили довольно широкое распространение как в популярной⁴¹⁸, так и в научной литературе⁴¹⁹. В частности, простым пересказом работ Б.П. Полевого (естественно, со ссылками на источник информации) является значительная часть книги известного якутского историка Федора Григорьевича Сафронова «Тихоокеанские окна России»⁴²⁰.

Уделяя столь пристальное внимание вряд ли вообще имевшей место в действительности русской экспедиции на Сахалин, якобы состоявшейся в 1640 году, авторы второго тома «Истории Дальнего Востока СССР» ни слова не говорят о роли японских и китайских исследователей в изучении острова. Так, на страницах тома ни разу не упомянуты ни Р. Мамия, ни Т. Могами, ни другие японские исследователи. Не заинтересовала авторов тома и китайская экспедиция 1709-1710 годов, направленная на Нижний Амур и Сахалин по указу императора Канси. Ни одно-

⁴¹⁵ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма. С. 26.

⁴¹⁶ Там же.

⁴¹⁷ Там же.

⁴¹⁸ Так, И.Д. Саначев в своем лекционном курсе, изданном Дальневосточным государственным университетом, отмечает: «Пройдя на утлом речном суденышке вдоль Охотского побережья, Москвитин с сотоварищи открыл реку Охоту, затем построил два коча на р. Улье, поворотил к Амуру. Достичь Амура он, судя по всему, не сумел, но открыл нынешние Шантарские острова и впервые из европейцев высадился на Сахалине». См.: Саначев И.Д. История Дальнего Востока. Курс лекций для студентов гуманитарных факультетов. Ч. 1. Владивосток, 1997. С. 61.

⁴¹⁹ См.: История казачества Азиатской России. Т.1. Екатеринбург, 1995. С. 244; Зувев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002. С. 190; Сергеев О.И., Чернавская В.Н. Экспедиция В.Д. Пояркова на Амур (1643-1646) в отечественной историографии // Вопросы истории Дальнего Востока России дооктябрьского периода в историографии и источниковедении. Владивосток, 2002. С. 7; и др.

⁴²⁰ Сафронов Ф.Г. Тихоокеанские окна России. Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. Хабаровск, 1988.

го слова в данном труде не говорится и о том, что в середине XVIII столетия сахалинские племена были покорены Цинским Китаем и вплоть до начала XIX века находились в зависимости от него. Голландская экспедиция М.Г. Фриса (де Фриза) 1643 года, французская экспедиция Ж.-Ф. Лаперуза 1787 года, английская экспедиция В.Р. Броутона 1797 года упомянуты мельком исключительно в связи с теми ошибками, которые были ими допущены. При этом ни слова не говорится о том, что нового удалось внести этим исследователям в изучение северо-западной части Тихого океана⁴²¹.

Вместе с тем ради справедливости следует отметить, что в 1990 году (т.е. за год до выхода в свет второго тома «Истории Дальнего Востока СССР») Б.П. Полевой опубликовал вполне уважительную статью, посвященную экспедиции М.Г. Фриса к берегам Курильских островов и Сахалина⁴²². И вполне вероятно, что тексты, подготовленные Б.П. Полевым для «Истории Дальнего Востока», время от времени правила безжалостная рука опытного редактора.

В то время, когда второй том «Истории Дальнего Востока СССР» еще готовился к печати, в Хабаровске увидела свет книга известного дальневосточного этнографа Вадима Александровича Тураева «И на той Улье реке... Русский землепроходец И.Ю. Москвитин: правда, заблуждения, догадки»⁴²³. Послесловие к названной книге было подготовлено известным дальневосточным топографом и краеведом, бывшим заместителем начальника топографической службы Дальневосточного военного округа Григорием Григорьевичем Левкиным.

По нашему мнению, вплоть до настоящего времени данная публикация может считаться лучшей из всего того, что написано о москвитинской экспедиции. Во-первых, и автор книги, и автор послесловия прекрасно знают все документальные источники по теме исследования (тексты наиболее важных документов публикуются в приложении) и относятся к ним весьма уважительно. Во-вторых, В.А. Тураев, в отличие от многих других авторов, которые писали о первой русской экспедиции к берегам Охотского моря, сидя дома, в библиотеке или в архиве, от начала до конца сам прошел по тому самому маршруту, по которому в 1639 году шли казаки И.Ю. Москвитина. В-третьих, автором послесловия к книге В.А. Тураева стал опытный дальневосточный топограф, великолепный знаток как побережья Охотского моря, так и внутренних районов Дальнего Востока Г.Г. Левкин. И его трактовка многих неясных мест в текстах документов москвитинского похода позволяет по-новому оценить аргументы сторонников гипотезы Б.П. Полевого о том, что И.Ю. Москвитину удалось дойти до устья Амура и острова Сахалина. Все вышесказанное делает чрезвычайно интересной и плодотворной ту дискуссию, которую на глазах у читателя ведут два исследователя.

Говоря об изучении истории Сахалина и Курильских островов в период «перестройки», хотелось бы сначала отметить некоторый рост источниковой базы исторических исследований.

⁴²¹ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма. С. 26, 105.

⁴²² Полевой Б.П. Плавание М.Г. де-Фриса в северных водах Тихого океана (1643 г.) // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1990. № 3. С.3-38.

⁴²³ Тураев В.А. И на той Улье реке... Русский землепроходец И.Ю. Москвитин: правда, заблуждения, догадки. Послесловие Г.Г. Левкина. Хабаровск, 1990.

Среди других документальных публикаций рассматриваемого периода особого внимания заслуживают издание русского перевода материалов японского исследователя Р. Мамия⁴²⁴, записок об айнах, сделанных участником первого российского кругосветного путешествия Е.Е. Левенштейном⁴²⁵, публикация материалов посетившего Южный Сахалин вскоре после русско-японской войны епископа Сергия⁴²⁶, ранее не публиковавшихся писем и рапортов исследователя сахалинских айнов М.М. Добротворского⁴²⁷, писем сахалинского политкаторжанина И.Л. Манучарова⁴²⁸, материалов российского этнографа Б.О. Пилсудского⁴²⁹, дневников и отчетов сахалинского врача Я.А. Воловика⁴³⁰, фрагментов дневников Е.А. Крейновича⁴³¹, материалов исследователя сахалинских айнов Б.А. Жеребцова⁴³² и других.

Во второй половине 80-х гг. была продолжена реализация проекта по изданию шеститомного сборника документов «Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в.». В 1989 году свет увидел второй том серии, включивший материалы о русских экспедициях, изучавших северную часть Тихого океана во второй половине XVIII века⁴³³. Среди документов, опубликованных в данном томе, большой интерес представляют материалы русских экспедиций, которые в 60-70-х гг. XVIII века побывали на южных Курильских островах и не только обследовали их, но и сделали попытку присоединить их к России.

Досоветский и советский периоды охватывает подготовленный сотрудниками Государственного архива Сахалинской области сборник документов и материалов «Административно-территориальное деление Сахалинской области»⁴³⁴.

В рассматриваемый период были переизданы некоторые ранее издававшиеся источники по истории Сахалина периода каторги. Прежде всего речь идет о книге

⁴²⁴ Мамия Р. Описание Северного Эдзо, сделанное Мамия Риндзо. Перевод В.В. Переславцева // Краеведческий бюллетень. 1990. № 2.

⁴²⁵ Шафрановская Т.К., Комиссаров Б.Н. Айны на страницах дневника Е.Е. Левенштейна // Советская этнография. 1985. № 1. С. 80-87.

⁴²⁶ Сергий, епископ. На Южном Сахалине (из путевых заметок) // Краеведческий бюллетень. 1991. № 1.

⁴²⁷ Костанов А.И. М.М. Добротворский: неопубликованные письма, рапорты // Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1986.

⁴²⁸ Манучаров И. Письма с каторги // Публикация и предисловие Г.П. Аникиной // Дальний Восток. 1989. № 2.

⁴²⁹ Латышев В.М. Проект Б.О. Пилсудского об устройстве управления айнов о.Сахалина // Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1986; Пилсудский Б.О. Из поездки к орокам Сахалина в 1904 г. Южно-Сахалинск, 1989; Он же. Поэзия гиляков. Перевод В.М. Дракунова. Предисловие В.М. Латышева // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1990. № 1. С. 76-111; Он же. Некоторые ответы на программу сведений по вопросам первоначального физического воспитания у гиляков о.Сахалина // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1990. № 3. С. 64-66; Он же. Шаманизм у аборигенов Сахалина // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1990. № 3. С. 67-95; Он же. Мифологические тексты нивхов. Подготовка к изданию и предисловие А.Б. Островского // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1991. № 3. С. 8-52; Он же. Фольклор айнов. Перевод В.М. Дракунова // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1991. № 3. С. 69-84; Он же. Прокказа у гиляков и айнов. Перевод В.М. Дракунова // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1991. № 3. С. 85-97; Он же. Отчеты об айнских школах на Южном Сахалине. Подготовка к изданию и предисловие В.М. Латышева // Краеведческий бюллетень. 1991. № 3; и др.

⁴³⁰ Пенская Т.В. В поисках орокских захоронений (из полевого дневника 1982-1983 гг.) // Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. Южно-Сахалинск, 1985. С. 46-55; Она же. Малые народы Сахалина в 1927-1928 годах (по страницам дневников врача Я.А. Воловика) // Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1986.

⁴³¹ Крейнович Е.А. Этнографические наблюдения у нивхов в 1927-1928 гг. // Страны и народы Востока. Вып. 25. М., 1987. С. 107-123.

⁴³² Материалы исследований Б.А. Жеребцова по этнографии айнов Южного Сахалина (1946-1948 гг.). Южно-Сахалинск, 1988.

⁴³³ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.: Сборник документов. М., 1989.

⁴³⁴ Административно-территориальное деление Сахалинской области. Документы и материалы. Южно-Сахалинск, 1986.

Антон Павлович Чехова «Остров Сахалин», которая неоднократно выпускалась как в составе собраний сочинений Чехова, так и отдельными изданиями⁴³⁵. Здесь снова следует отметить весьма тщательно подготовленный Марией Леонтьевной Семановой 14-15-й том 30-томного полного собрания сочинений и писем А.П. Чехова, включающий в себя тексты очерков «Из Сибири» и книги «Остров Сахалин». Во второй половине 80-х гг. переиздавались сахалинские очерки Власа Михайловича Дорошевича⁴³⁶.

Проводившаяся в горбачевский период политика «гласности» сделала возможной публикацию целого ряда документов советской эпохи, появление которых в открытой печати ранее было просто исключено. Так, в 1991 году сахалинским архивистом Галиной Ивановной Дударец были подготовлены к печати материалы о разрушительном северокурильском цунами 1952 года⁴³⁷.

Но самая заметная документальная публикация рубежа 80-90-х гг. была подготовлена к печати сахалинским историком Александром Михайловичем Пашковым. Ему удалось получить в Сахалинском областном управлении Комитета государственной безопасности СССР расстрельные списки, включавшие имена более двух тысяч жителей Сахалинской области, казненных на острове в 1932-1938 гг. по политическим мотивам. Эти чудовищные документы были опубликованы А.М. Пашковым в изданной им в 1990 году книге «Боль и память»⁴³⁸.

Не менее жуткое впечатление произвели на читателей документы, опубликованные сахалинским журналистом Михаилом Войниловичем на страницах его небольшой книги «Дело № СУ-3246 (Жизнь и смерть комбрига Дрекова)»⁴³⁹. Так же, как и А.М. Пашкову, М. Войниловичу удалось получить доступ к материалам архивов КГБ (прежде всего к следственному делу бывшего начальника сахалинского управления НКВД комбрига Владимира Михайловича Дрекова). И он эти материалы не пересказывает своими словами, а обильно цитирует целыми страницами.

На этом фоне как-то удручающе старомодно выглядит подготовленный группой сахалинских архивистов сборник документов и материалов «Страницы истории рыбной промышленности Сахалинской области (1925-1987 годы)»⁴⁴⁰, увидевший свет в 1989 году.

Одной из важнейших особенностей рассматриваемого периода является зарождение исторической периодики на Сахалине. Сначала в Южно-Сахалинске издавалась серия сборников статей под общим названием «Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея» (составитель М.С. Высоков). На страницах выпусков этой серии (всего их вышло семь) публиковались материалы полевых исследований сахалинских исследователей, изучавших как коренное, так и пришлое население Сахалина. Одним из самых заметных выпусков этой се-

⁴³⁵ Чехов А.П. Из Сибири. Остров Сахалин /Вступительная статья и примечания М.Л. Семановой. М., 1985: Он же. Из Сибири. Письма. Рассказы /Составление, послесловие и примечания В.К. Гайдук. Иркутск, 1985; Он же. Из Сибири. Остров Сахалин /Составление и примечания М.Л. Семановой // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. Сочинения. Т. 14-15. М., 1987; и др.

⁴³⁶ Дорошевич В.М. Рассказы и очерки /Составление и вступительная статья А.П. Карелина. М., 1987.

⁴³⁷ Тайна цунами 1952 года. Вступительная статья, примечания и подготовка текста к публикации Г.И. Дударец // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1991. №4. С. 81-103; Соловьев А.В. Комментарии к публикации документов о цунами 1952 года // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1991. №4. С. 104-107.

⁴³⁸ Пашков А.М. Боль и память. Южно-Сахалинск, 1990.

⁴³⁹ Войнилович М. Дело № СУ-3246 (Жизнь и смерть комбрига Дрекова). Южно-Сахалинск, 1991.

⁴⁴⁰ Страницы истории рыбной промышленности Сахалинской области (1925-1987 годы): Сборник документов и материалов. Под общей редакцией А.И. Крушанова. Составитель Г.И. Дударец и др. Южно-Сахалинск, 1989.

рии стали «Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области» и тематический сборник «Айны»⁴⁴¹.

Успех серийного исторического издания подтолкнул М.С. Высокова к мысли о необходимости создания сахалинского исторического журнала, который выходил бы четыре раза в год. Заручившись поддержкой В.М. Латышева, А.И. Костанова и других сахалинских историков и краеведов, М.С. Высоков осенью 1989 года приступил к подготовительным работам по данному проекту.

Самым сложным было получить разрешение Сахалинского областного управления по охране государственных тайн в печати (так называлась цензура). Без разрешающего штампа цензуры ни одна рукопись в СССР не могла быть принята к изданию. Конечно, никаких тайн в подготовленной рукописи первого номера «Краеведческого бюллетеня» не было и быть не могло. Но для образования нового журнала в то время нужно было решение Центрального Комитета КПСС⁴⁴². Казалось, что положение безвыходное: шел уже пятый год перестройки. Все (в том числе и цензоры) понимали, что рано или поздно предварительной цензуре придет конец. В конце концов, руководитель сахалинской цензуры сказал М.С. Высокову, что он поставит разрешающий штамп на рукопись первого номера журнала «Краеведческий бюллетень» в том случае, если получит на этот счет указание из отдела пропаганды Сахалинского обкома КПСС. Вскоре автор настоящего сообщения смог встретиться с секретарем Сахалинского обкома КПСС по идеологии В.И. Белоносовым, и тот обещал помочь решить вопрос о создании сахалинского исторического журнала.

Вот как вспоминал об этом эпизоде сам В.И. Белоносов:

«... научная общественность областного центра настойчиво добивалась создания регионального журнала «Краеведческий бюллетень». По действовавшему в те годы закону любое новое издание в СССР разрешалось только специальным решением ЦК КПСС. Причем на Старой площади в Москве учреждали не только партийные, но и все другие издания. В.С. Бондарчук⁴⁴³, поддерживающий необходимую дружескую оперативную связь со многими коллегами в идеологическом отделе ЦК КПСС, меня расстроил, когда я собрался в командировку решать данный вопрос: «Это практически невозможно». В те годы учреждали только новые издания партийного характера, рассуждая: в СССР и так полно «желтой» прессы. Федеральное государственное учреждение по цензуре (обллит), с разрешения которого выходили в свет большинство публикаций, к этому времени почти свернуло свою деятельность. ЦК КПСС не мог определиться в провозглашенной перестройке и демократии, что из публикаций является поклепом на государственный и партийный строй СССР, а что является гласностью, отражением действительно имевшегося негативного события, не укрепляющего и не подтверждающего руководящую и направляющую роль КПСС. В этой неразберихе удалось убедить Первого, всех членов бюро обкома под мою ответственность самим принять решение об открытии этого журнала»⁴⁴⁴.

⁴⁴¹ Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. Южно-Сахалинск, 1984; Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. Южно-Сахалинск, 1985; Русские люди на Сахалине и Курильских островах в XVIII – начале XX вв. Южно-Сахалинск, 1985; Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1986; Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. Южно-Сахалинск, 1987; Айны: Проблемы истории и этнографии. Южно-Сахалинск, 1988; Полевые исследования на Сахалине и Курильских островах. Южно-Сахалинск, 1989.

⁴⁴² Порядок выпуска журналов в СССР был изложен в постановлении ЦК КПСС от 29 января 1966 года «Об оплате труда работников редакций журналов». В соответствии с этим постановлением «создание новых журналов, увеличение их объемов и изменение их периодичности, реорганизация и ликвидация действующих журналов производится ЦК КПСС». См.: Цензура в Советском Союзе. 1917-1991. Документы. М., 2004. С. 467.

⁴⁴³ В 1988-1989 годах В.С. Бондарчук был первым секретарем Сахалинского обкома КПСС.

⁴⁴⁴ Белоносов В.И. Сахалин: 1963-2000. (Воспоминания) // Краеведческий бюллетень. 2003. № 4. С. 113-114.

Вмешательство В.И. Белоносова все решило: разрешающий штамп на рукопись «Краеведческого бюллетеня» был поставлен, и весной 1990 года первый номер нового журнала увидел свет.

В рассматриваемый период (1985-1991 гг.) были продолжены археологические изыскания как на Сахалине, так и на Курильских островах. Наиболее важные материалы довольно оперативно публиковались как в сахалинских, так и в иных изданиях. В 1988 году в Новосибирске свет увидела обобщающая монография, посвященная каменному веку Сахалина, подготовленная известным сахалинским археологом Валерием Александровичем Голубевым и новосибирским исследователем Евгением Львовичем Лавровым⁴⁴⁵. Несмотря на то, данная монография, а немного позднее и первый том «Истории Дальнего Востока СССР» были подвергнуты довольно резкой критике со стороны ряда сахалинских исследователей⁴⁴⁶, В.А. Голубев по-прежнему оставался одним из наиболее авторитетных археологов на Сахалине⁴⁴⁷. Однако теперь он в основном занимается вопросами истории археологических исследований на Сахалине.

В рассматриваемый период на Сахалине появляются новые молодые исследователи, которым в ближайшем будущем предстояло коренным образом изменить представления о древнейшем прошлом острова. Среди них заметно выделялись Александр Александрович Василевский⁴⁴⁸ и Ольга Алексеевна Шубина⁴⁴⁹, работы которых сразу же привлекли внимание археологического сообщества, а также Сергей Вячеславович Горбунов, Виктор Яковлевич Горобец⁴⁵⁰, Михаил Михайлович Прокофьев⁴⁵¹.

Из публикаций сахалинских археологов особого внимания заслуживают работы, посвященные результатам археологических исследований на месте долго-

⁴⁴⁵ Голубев В.А., Лавров Е.Л. Сахалин в эпоху камня. Новосибирск, 1988.

⁴⁴⁶ См.: Горбунов С. В. В.А. Голубев, Е.Л. Лавров. Сахалин в эпоху камня. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988 // Краеведческий бюллетень. 1990. № 3.

⁴⁴⁷ Среди работ рассматриваемого периода можно выделить: Голубев В.А., Кононенко Н.А. Докерамические комплексы Сахалина в свете трасологических исследований // Методы естественных наук в археологическом изучении древних производств на Дальнем Востоке СССР. Владивосток, 1986. С. 23-32; Голубев В.А., Василевский А.А. Новые данные по археологии Сахалина: (Неолитическое поселение Кузнецово) // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986. С. 208-212; Голубев В.А. Археологические источники изучения древней истории Сахалина и Курильских островов // Проблемы археологических исследований на Дальнем Востоке СССР. Владивосток, 1986. С. 12-27; Голубев В.А., Жушиховская И.С. Неолитическая культура Южного Сахалина в свете анализа керамических комплексов // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1987. С. 25-33; Голубев В.А. Из истории сотрудничества Р.В.Козыревой с краеведческим движением на Сахалине // Исследования по археологии Сахалина и Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1989. С. 3-5; Он же. Р.В.Козырева и ее роль в археологии Сахалинской области // Краеведческий бюллетень. 1991. № 2. С. 5-9; и др.

⁴⁴⁸ Василевский А.А. Формирование охотской культуры на Сахалине (I тыс. до н.э.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Кемерово, 1990.

⁴⁴⁹ Шубина О.А. Типология каменного инвентаря неолитического поселения Имчин XII на Северном Сахалине. Южно-Сахалинск, 1986; Она же. Жилища поселений имчинской неолитической культуры (Северный Сахалин). Южно-Сахалинск, 1987; Она же. Каменный век Северного Сахалина (Имчинская неолитическая культура). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1990; Она же. Современное состояние археологической изученности Сахалина и задачи сахалинской археологии // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1990. № 4. С. 106-119.

⁴⁵⁰ Горбунов С. В., Горобец В.Я. Новые памятники палеолита Сусунайской долины на Сахалине // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986. С. 202-205; Горбунов С. В. Памятники докерамического периода на Сахалине // Древности Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987. С. 89-95; Горбунов С. В., Горобец В.Я. О состоянии изученности палеолита и мезолита на Сахалине // Проблемы изучения памятников каменного века и палеометалла Дальнего Востока и Сибири. Владивосток, 1989. С. 11-14; Горбунов С. В., Горобец В.Я. Новая группа донеолитических памятников на юге Сахалина // Краеведческий бюллетень. – 1991. № 2. С. 84-90; и др.

⁴⁵¹ Прокофьев М.М. К вопросу о типологической классификации костяных наконечников гарпунов охотской культуры (Сахалин, Курильские острова). Южно-Сахалинск, 1986.

временного русского поселения на острове Уруп, которое получило в литературе название Курилороссия. Многолетним руководителем экспедиций на остров Уруп являлся сахалинский археолог Валерий Орионович Шубин. Именно ему, а также Ольге Алексеевне Шубиной принадлежит основное количество научных публикаций о Курилороссии.

Важной отличительной чертой данных работ стало комплексное использование вышеназванными авторами как материалов археологических исследований, так и тех материалов по теме исследования, которые были выявлены ими в архивах. В результате авторам удалось буквально до мелочей воссоздать историю колонизации русскими людьми той части Курильского архипелага, которая лежит к северу от пролива Фриза⁴⁵².

Продолжались в рассматриваемый период и исследования вклада различных народов в освоение Сахалина. Особое внимание российские исследователи традиционно уделяли коренному населению Сахалина. Здесь необходимо отметить крупную научную конференцию, на которой рассматривались проблемы этнографии народов Сахалина, поводом для которой стал юбилей Б.О. Пилсудского (состоялась в 1991 году)⁴⁵³.

На Сахалине была продолжена работа по антропологическому изучению нивхов и ороков (публикации А.Г. Козинцева⁴⁵⁴, В.Ю. Бахолдиной, В.А. Шереметьевой⁴⁵⁵).

Во второй половине 80-х – начале 90-х гг. изучением самых разнообразных проблем истории и этнографии коренного населения Сахалина в годы перестройки занимались как опытные, так и начинающие исследователи.

В 1990 году один из опытных российских этнографов Анна Васильевна Смоляк защитила докторскую диссертацию по теме «Проблемы этнической истории и этногенеза народов Нижнего Амура и Сахалина»⁴⁵⁶. На страницах диссертации были обобщены результаты той огромной работы, которая была начата автором еще во второй половине 40-х гг. и в ходе которой был собран богатейший материал. Большой интерес вызвала также книга А.В. Смоляк «Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Амура)», увидевшая свет в 1991 году, и другие ее работы⁴⁵⁷.

⁴⁵² Шубин В.О., Шубина О.А. Курилороссия // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 184-189; Шубин В.О., Шубина О.А. Русское поселение Курилороссия на острове Уруп // Краеведы ведут поиск. Южно-Сахалинск, 1985. С. 43-50; Шубин В.О., Шубина О.А. Жилье и хозяйственные постройки русских в бухте Алеутка на острове Уруп (XVIII-XIX вв.) // Русские люди на Сахалине и Курильских островах в XVIII – начале XX в. Южно-Сахалинск, 1985. С. 15-37; Шубин В.О., Шубина О.А. К истории освоения русскими острова Уруп (XVIII – I-я половина XIX века) // Проблемы археологических исследований на Дальнем Востоке СССР: Материалы XIII Дальневосточной научной конференции по проблемам отечественной и зарубежной историографии. Владивосток, 1986. С. 100-109; Шубин В.О. К вопросу о сборе ясака с жителей Курильских островов // Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области (Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. Вып.4). Южно-Сахалинск, 1986. С. 114-120; Он же. К вопросу о переселении «курильцев» // Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. Вып.5. Южно-Сахалинск, 1987. С. 19-25; Он же. Курильские айны под властью русских // Новое в дальневосточной археологии. Владивосток, 1989. С. 47-51; и др.

⁴⁵³ Б.О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина: материалы международной научной конференции. 31 октября – 2 ноября 1991 г. Т.1-2. Южно-Сахалинск, 1992.

⁴⁵⁴ Козинцев А.Г. Оценка расовой, половой и возрастной изменчивости описательных признаков // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М., 1986. С. 93-101.

⁴⁵⁵ Бахолдина В.Ю., Шереметьева В.А. Миграционная структура как элемент адаптационной системы популяции (на примере нивхов Нижнего Амура и Сахалина) // Вопросы антропологии. Вып.82. М., 1989. С. 3-12.

⁴⁵⁶ Смоляк А.В. Проблемы этнической истории и этногенеза народов Нижнего Амура и Сахалина: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1990.

⁴⁵⁷ Смоляк А.В. Пережитки древних традиций в семье у народов нижнего Амура (нивхи, нанайцы, ульчи) // Семья: Традиции и современность. М., 1990. С. 110-124; Она же. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Амура). М., 1991; и др.

Были продолжены научные изыскания и Чунером Михайловичем Таксами. Правда, он все чаще выступает или в качестве редактора монографий и научных сборников, или как автор популярных и научно-популярных работ, предназначенных скорее для широкой публики. Среди последних особо хотелось бы отметить такие его книги, как «Живые родники»⁴⁵⁸ (1989 год) и «Кто вы, айны? Очерк истории и культуры»⁴⁵⁹. Последняя книга увидела свет в 1990 году и была написана Ч.М. Таксами в соавторстве с его аспирантом Валерием Дмитриевичем Косаревым, который во второй половине 80-х гг. выступил с целым рядом интересных работ о традиционном природопользовании народов Сахалина⁴⁶⁰.

В 1988 году при участии Ч. М. Таксами и под руководством новосибирского исследователя Владимира Ивановича Бойко свет увидела коллективная монография «Нивхи Сахалина: Современное социально-экономическое развитие»⁴⁶¹. Сахалинские материалы были также использованы В.И. Бойко в его работе «Численность, расселение и языковая ситуация у народностей Севера на современном этапе»⁴⁶² и других публикациях.

В рассматриваемый период было продолжено изучение различных аспектов культуры нивхов. В 1988 году Петр Яковлевич Гонтмахер публикует свои очерки о декоративном искусстве нивхов «Золотые нити на рыбьей коже»⁴⁶³, а три года спустя защищает докторскую диссертацию «Декоративное искусство народностей Дальнего Востока России: проблема истории и теории (середина XIX – XX вв.)»⁴⁶⁴. Материалы по магии нивхов легли в основу интересного исследования Александра Борисовича Островского⁴⁶⁵. Об истории изучения нивхского фольклора рассказывает Галина Александровна Отаина⁴⁶⁶. Об изменениях в языковой ситуации в районах проживания сахалинских нивхов пишет М.С. Высоков⁴⁶⁷. Со своими полевыми материалами знакомит читателя Александр Семенович Колосовский⁴⁶⁸ и Михаил Михайлович Прокофьев⁴⁶⁹. О нивхской одежде в собраниях Сахалинского областного краеведческого музея рассказывает Татьяна Петровна Роон⁴⁷⁰.

⁴⁵⁸ Таксами Ч. М. Живые родники. Южно-Сахалинск, 1989.

⁴⁵⁹ Таксами Ч. М., Косарев В. Д. Кто вы, айны? Очерк истории и культуры. М., 1990.

⁴⁶⁰ Косарев В. Д. Рациональное и иррациональное в традиционном природопользовании у малых народов Приамурья и Сахалина // Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. Вып.5. Южно-Сахалинск, 1987. С. 35-44; Он же. Этнические аспекты традиционного природопользования народов Сахалина. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1989; и др.

⁴⁶¹ Нивхи Сахалина: Современное социально-экономическое развитие / В.И. Бойко, Ч. М. Таксами, В.С. Золототрубов и др. Отв. ред. В.И. Бойко. Новосибирск, 1988.

⁴⁶² Бойко В.И. Численность, расселение и языковая ситуация у народностей Севера на современном этапе. Новосибирск, 1988.

⁴⁶³ Гонтмахер П.Я. Золотые нити на рыбьей коже: Очерки о декоративном искусстве нивхов. Хабаровск, 1988.

⁴⁶⁴ Гонтмахер П.Я. Декоративное искусство народностей Дальнего Востока России: проблема истории и теории (середина XIX – XX вв.): Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Владивосток, 1991.

⁴⁶⁵ Островский А.Б. Образ медведя в лечебной магии народов Амура и Сахалина (на основе коллекции ГМЭ народов СССР) // Религиоведческие исследования в этнографических музеях. Л., 1990. С. 68-82.

⁴⁶⁶ Отаина Г.А. История собирания и изучения нивхского фольклора // Вопросы изучения народов Дальнего Востока СССР в отечественной и зарубежной литературе. Хабаровск, 1985. С. 110-119.

⁴⁶⁷ Высоков М.С. Современная языковая ситуация в районах проживания сахалинских нивхов // Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. Южно-Сахалинск, 1985; Высоков М.С. Научное наследие Б.Пилсудского и судьбы малых народов Сахалина // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1991. № 3. С. 110-127.

⁴⁶⁸ Колосовский А.С. О музыкальных инструментах сахалинских нивхов // Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. Южно-Сахалинск, 1985. С. 56-70; Он же. Применение лекарственных растений аборигенами о. Сахалина // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1990. № 4. С. 120-142.

⁴⁶⁹ Прокофьев М.М. Материалы к изучению погребальных обрядов нивхов Северного Сахалина (на примере селения Унди Александровск-Сахалинского района) // Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1986. С. 23-56; и др.

⁴⁷⁰ Роон Т.П. Одежда нивхов Сахалина в собраниях Сахалинского областного краеведческого музея // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1991. № 4. С. 29-52.

В рассматриваемый период весьма популярными становятся исследования по различным проблемам истории и культуры айнов. Так, в 1988 году в серии «Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея» свет увидел сборник «Айны»⁴⁷¹, а в 1990 году – уже упомянутая книга Ч. М. Таксами и В.Д. Косарева «Кто вы, айны? Очерк истории и культуры»⁴⁷². Но самый существенный прорыв в этом направлении был сделан ленинградским этнографом Александром Борисовичем Спеваковским. Во второй половине 80-х – начале 90-х гг. он публикует множество разнообразных материалов, посвященных драматичной судьбе айнов⁴⁷³. Но самым заметным вкладом А.Б. Спеваковского в изучение айнов стала его монография «Духи, оборотни, демоны и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айнском обществе)»⁴⁷⁴, увидевшая свет в 1988 году.

Во второй половине 80-х гг. пиктографическая письменность айнов по-прежнему привлекает внимание Юрия Валентиновича Кнорозова⁴⁷⁵.

Вопросами истории айнов занимались не только этнографы, которые в лучшем случае имели возможность работать с музейными коллекциями или архивными материалами. Существенный вклад в изучение этого древнего народа внесли археологи. Так, Эрнст Владимирович Шавкунов выступил с интересной гипотезой о возможности идентифицировать легендарных сушеней из древнекитайских хроник как проайнов⁴⁷⁶. Проблему крайнего северного расселения айнов с помощью данных археологии пыталась разрешить Тамара Митрофановна Дикова⁴⁷⁷. Александр Александрович Василевский и Николай Владимирович Плотников с помощью метода перекрестного использования данных археологии, истории и этнографии смогли убедительно доказать, что айны пришли на Сахалин не в XVII, а, по крайней мере, в XIII веке⁴⁷⁸. Айнские захоронения изучали Валерий Орионович Шубин⁴⁷⁹ и Ольга Алексеевна Шубина⁴⁸⁰. О морском зверобойном промысле айнов Южного Сахалина писала Гюльнара Д. Салимова⁴⁸¹. Кроме вышеназванных авторов отдельным проблемам древней истории айнов посвятили свои исследования Михаил Михайлович Прокофьев и Александр Петрович

⁴⁷¹ Айны: Проблемы истории и этнографии. Южно-Сахалинск, 1988.

⁴⁷² Таксами Ч. М., Косарев В.Д. Кто вы, айны? Очерк истории и культуры. М., 1990.

⁴⁷³ Спеваковский А.Б. Айны // Вопросы истории. 1985. № 3. С. 180-188; Он же. Айнская терминология родства // Советская этнография. 1986. № 2. С. 45-56; Он же. Айны: Судьба древнего этноса // Расы и народы. Вып. 15. М., 1986. С. 185-193; Он же. Аборигены Японских островов // Глобус. 1986. А., 1986; С. 156-162; Он же. Проблема происхождения айнов и роль айнских компонентов в этнической истории тунгусо-маньчжурских народностей Дальнего Востока // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. С. 140-148; Он же. Айны (проблемы истории и современности) // Айны: Проблемы истории и этнографии. Южно-Сахалинск, 1988. С. 6-20; Он же. Этногенез айнов в свете этнической истории Дальнего Востока. М., 1988; Он же. Древнее погребение на о. Шикотан и проблема этногенеза айнов // Советская этнография. М., 1989. № 5. С. 50-63; и др.

⁴⁷⁴ Спеваковский А.Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айнском обществе). М., 1988.

⁴⁷⁵ Кнорозов Ю.В., Соболева Е.С., Таксами Ч. М. Пиктографические надписи айнов // Этническая семиотика. Древние системы письма. М.: Наука, 1986. С. 268-295.

⁴⁷⁶ Шавкунов Э.В. Сушени – праайны: (К постановке проблемы). Владивосток, 1990.

⁴⁷⁷ Дикова Т.М. Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М., 1983.

⁴⁷⁸ Василевский А.А., Плотников Н.В. Периодизация айнской культуры на Сахалине // Пилсудский – исследователь народов Сахалина. Материалы международной научной конференции. 31 октября – 2 ноября 1991 г. Южно-Сахалинск, 1992. Т.2. С. 119-124.

⁴⁷⁹ Шубин В.О. Погребальный обряд айнов Южного Сахалина // Айны: Проблемы истории и этнографии (Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. Вып.6.) Южно-Сахалинск, 1988. С. 104-130.

⁴⁸⁰ Шубина О.А. Новые материалы к проблеме погребальной обрядности сахалинских айнов // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1990. №1. С. 34-37.

⁴⁸¹ Салимова Г.Д. Орудия и способы ведения морского зверобойного промысла айнов Южного Сахалина // Проблемы технологии древних производств. Новосибирск, 1990. С. 173-186.

Кондратенко⁴⁸². Среди работ последнего следует особо выделить его кандидатскую диссертацию «Этнокультурные контакты древних айнов»⁴⁸³, успешно защищенную в 1990 году.

Отдельным вопросам этнографии ороков (уйльга) посвятили свои публикации Михаил Михайлович Прокофьев⁴⁸⁴, Татьяна Юрьевна Сем⁴⁸⁵, Алексей Иванович Кузнецов и Людмила Ивановна Миссонова⁴⁸⁶.

Историей изучения коренного населения Сахалина занимались Елена Григорьевна Демидова⁴⁸⁷, Татьяна Сергеевна Шульгина (особо следует отметить ее монографию «Русские исследователи культуры и быта малых народов Амура и Сахалина (конец XIX – начало XX в.)», изданную во Владивостоке в 1989 году)⁴⁸⁸ и Владислав Михайлович Латышев, приступивший к реализации обширной программы по изучению научного наследия Б.О. Пилсудского⁴⁸⁹.

В рассматриваемый период начали тщательно изучаться проблемы истории и этнографии пришлого населения. Самый существенный вклад в изучение русского старожильческого населения Сахалина принадлежит Марине Ивановне Ищенко⁴⁹⁰. Здесь нужно, прежде всего, отметить ее диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Этнография русского населения Сахалина (конец XIX – начало XX вв.)»⁴⁹¹, успешная защита которой состоялась в 1988 году.

В 1989 году свет увидела первая изданная на русском языке монография, посвященная корейской диаспоре Сахалина: книга сахалинского экономиста и общественного деятеля Бок Зи Коу «Сахалинские корейцы: проблемы и перспективы»⁴⁹².

О сахалинских эвенках писал известный нанайский ученый Сулунгу Николаевич Оненко⁴⁹³.

⁴⁸² Прокофьев М.М. Сахалинские айны в 1945–1948 гг. // Айны: Проблемы истории и этнографии. Южно-Сахалинск, 1988. С. 65–81; Кондратенко А.П., Прокофьев М.М. Проблемы этнической антропологии и этнографии айнов. Ч. 1–4. Южно-Сахалинск, 1989; и др.

⁴⁸³ Кондратенко А.П. Этнокультурные контакты древних айнов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Новосибирск, 1990.

⁴⁸⁴ Прокофьев М.М. Материалы к изучению погребальных обрядов нивхов Северного Сахалина (на примере селения Унди Александровск-Сахалинского района) // Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1986. С. 23–56; Он же. Из жизни ороков Сахалина // Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. Вып. 5. Южно-Сахалинск, 1987. С. 3–11.

⁴⁸⁵ Сем Т.Ю. О погребальной обрядности ороков (по материалам экспедиции 1986 года) // Полевые исследования на Сахалине и Курильских островах. Южно-Сахалинск, 1989.

⁴⁸⁶ Кузнецов А.И., Миссонова Л.И. Ороки Сахалина: проблемы современного развития // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1991; и др.

⁴⁸⁷ Демидова Е.Г. Культура народностей Нижнего Амура и Сахалина в буржуазной историографии. Владивосток, 1987.

⁴⁸⁸ Шульгина Т.С. Русские исследователи культуры и быта малых народов Амура и Сахалина (конец XIX – начало XX в.) Владивосток, 1989.

⁴⁸⁹ Латышев В.М. Проект Б.О.Пилсудского об устройстве управления айнов о. Сахалина // Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1986. С. 127–147; Он же. Б.О. Пилсудский и айнские школы на Сахалине // Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. Вып. 5. Южно-Сахалинск, 1987. С. 12–19; Он же. Айнский словарь Н.В. Рудановского // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1991. № 4. С. 108–123.

⁴⁹⁰ Ищенко М.И. Жилье и хозяйственные постройки русского населения Северного Сахалина (конец XIX – начало XX вв.) // Русские люди на Сахалине и Курильских островах в XVIII – начале XX в. Южно-Сахалинск, 1985. С. 44–65; Она же. Роль рыбного промысла в жизни русских Сахалина (конец XIX – начало XX вв.) // Материалы к истории и этнографии населения Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1986. С. 81–98; Ищенко М.И. Некоторые вопросы семейного строя русских Сахалина // Полевые исследования на Сахалине и Курильских островах. Южно-Сахалинск, 1989; Она же. Формирование постоянного русского населения Сахалина (конец XIX – начало XX в.) // Советская этнография. М., 1991. № 3; и др.

⁴⁹¹ Ищенко М.И. Этнография русского населения Сахалина (конец XIX – начало XX вв.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1988.

⁴⁹² Бок Зи Коу. Сахалинские корейцы: проблемы и перспективы. Южно-Сахалинск, 1989.

⁴⁹³ Оненко С. Н. Эвенки на Нижнем Амуре и на Сахалине // Формирование культурных традиций тунгусо-маньчжурских народов. Новосибирск, 1985. С. 52–63.

Большой интерес представляют работы Валерия Орионовича Шубина, посвященные истории и культуре группы алеутов, завезенных Российско-Американской компанией на Курильские острова⁴⁹⁴.

В рассматриваемый период заметно продвинулись и исследования по истории Сахалина во второй половине XIX – начале XX вв. Из работ данной группы, прежде всего, нужно отметить содержательные публикации сахалинского исследователя Александра Ивановича Костанова⁴⁹⁵. В 1987 году А.И. Костанов успешно защитил кандидатскую диссертацию «История освоения Сахалина в эпоху российского капитализма», легшую в основу целого ряда других его работ⁴⁹⁶. Кроме того, следует обратить внимание на публикации Александра Ивановича Алексеева и Бориса Николаевича Морозова⁴⁹⁷, а также уже упомянутые исследования М.И. Ищенко. Проблемы демографической истории Сахалина в рассматриваемый период решал в своих исследованиях Владимир Максимович Кабузан⁴⁹⁸. Отдельные аспекты сахалинской истории второй половины XIX – начала XX в. в своих работах затрагивали также Наталья Анатольевна Троицкая⁴⁹⁹, М.С. Высоков⁵⁰⁰, Борис Николаевич Болгурцев⁵⁰¹, Вадим Николаевич Рыхляков⁵⁰² и другие авторы.

Целый ряд исследователей посвятил свои работы истории Сахалинской каторги. Здесь для начала нужно обратить внимание на исследования Александра Александровича Плотникова, который в своей диссертации и ряде публикаций создает несколько искаженное представление о сахалинской каторге как каторге преимущественно политической⁵⁰³. И это в то время, когда общая численность политических преступников, отбывавших наказание на Сахалине, составляла около

⁴⁹⁴ Шубин В.О. Алеуты на Курильских островах. Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. Вып.2. Южно-Сахалинск, 1985. С. 14-27; Он же. Новые данные о культуре алеутов на Курильских островах // Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. Вып.5. Южно-Сахалинск, 1987. С. 26-35; и др.

⁴⁹⁵ Костанов А.И. Русские вольные поселенцы на Сахалине во 2-й половине XIX века // Русские люди на Сахалине и Курильских островах в XVIII – начале XX в. Южно-Сахалинск, 1985. С. 65-76; Он же. Русские солдаты – пионеры освоения Сахалина // Краеведы ведут поиск. Южно-Сахалинск, 1985. С. 50-54; Он же. М.М. Добровольский: неопубликованные письма, рапорты // Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1986; Он же. Промышленное освоение Сахалина во второй половине XIX – начале XX в. // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма. Владивосток, 1989; Он же. «Витязь» у берегов Сахалина // Краеведческий бюллетень. 1990. №1. С. 12-19; и др.

⁴⁹⁶ Костанов А.И. История освоения Сахалина в эпоху российского капитализма: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 1987. Основные материалы своей диссертации А.И. Костанов позднее опубликует в монографии «Освоение Сахалина русскими людьми». Южно-Сахалинск, 1991.

⁴⁹⁷ Алексеев А.И. Вторая родина. Южно-Сахалинск, 1986; Он же. Береговая черта. Магадан, 1987; Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока, конец XIX в. – 1917 г. М., 1989.

⁴⁹⁸ Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640-1917): Историко-демографический очерк. М., 1985.

⁴⁹⁹ Троицкая Н.А. Русская буржуазия на острове Сахалин. Материалы к биографиям // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1991. № 1. С. 8-14.

⁵⁰⁰ Высоков М.С. Русская деревня на Северном Сахалине в 1917 году (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи 1917 г.) // Русские люди на Сахалине и Курильских островах в XVIII – начале XX в. Южно-Сахалинск, 1985. С. 37-44; Он же. Первые русские радиостанции на Дальнем Востоке. Южно-Сахалинск, 1985; Он же. Очерки истории связи на Дальнем Востоке (30-е гг. XVIII – начало XX вв.) Южно-Сахалинск, 1985; Он же. История почты и телеграфа на Дальнем Востоке России (40-е гг. XVII – начало XX в.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 1987; и др.

⁵⁰¹ Болгурцев Б.Н. Рядом с Невельским. Л., 1990.

⁵⁰² Рыхляков В.Н. Алексей Александрович фон-Фрикен // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1991. № 4. С. 3-14.

⁵⁰³ Плотников А.А. Об условиях отбывания каторги на Сахалине за бродяжничество в XIX веке // Организационно-правовые и управленческие проблемы борьбы с правонарушениями среди лиц, ведущих антиобщественный образ жизни. Хабаровск, 1985. С. 150-157; Он же. Сахалинская политическая каторга и ее антинародная сущность. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1986; Он же. Сахалинская каторга (конец XIX – начало XX вв.) Хабаровск, 1992.

60 человек, или 0,2 % от общей численности ссыльнокаторжных, прошедших через сахалинскую каторгу. Данное направление представлено также небольшим исследованием Викторией Михайловны Крамовой, посвященным непростой судьбе сахалинской политической ссыльной Людмилы Александровны Волкенштейн⁵⁰⁴.

В истории Сахалина конца XIX столетия особое место занимает сахалинское путешествие Антона Павловича Чехова. Наиболее интересным из появившихся в течение рассматриваемого периода исследованием по этой проблеме стала книга Марка Вениаминовича Теплинского «А.П. Чехов на Сахалине»⁵⁰⁵.

Названная публикация положила начало целому ряду исследований, на страницах которых рассматриваются как история чеховского путешествия, так и различные проблемы, связанные с прочтением и пониманием текста чеховского «Острова Сахалина»⁵⁰⁶. В 1990 году в Южно-Сахалинске были проведены сразу две научные конференции, посвященные сахалинскому путешествию А.П. Чехова и его книге⁵⁰⁷. Именно с этого времени чеховские конференции на Сахалине становятся традиционными.

Чеховское путешествие по-прежнему привлекает внимание журналистов и писателей. О нем пишут Михаил Петрович Финнов⁵⁰⁸, Борис Давыдович Лищинский⁵⁰⁹ и другие⁵¹⁰. И, наконец, сахалинскую тематику традиционно затрагивают авторы биографий А.П. Чехова (Борис Моисеевич Шубин⁵¹¹ и др.).

Как и в предыдущий период развития советской историографии истории региона, существенное влияние было уделено истории советского периода. Так, в 1987 году свет увидела книга «За рабочее дело», на страницах которой было опубликовано два биографических очерка. Первый очерк, подготовленный Галиной Александровной Цапко, был посвящен ее отцу – первому председателю Сахалинского ревкома Александру Трофимовичу Цапко⁵¹². Второй очерк, подготовленный сахалинскими краеведами Владиславом Михайловичем Латышевым и Иваном Федоровичем Панфиловым, был посвящен видному советскому военачальнику и одному из создателей советской нефтяной промышленности на Сахалине Николаю Акимовичу Худякову⁵¹³.

Японскому оккупационному режиму на Северном Сахалине свою статью посвятил В.В. Сонин⁵¹⁴. Некоторые проблемы экономического развития Северного Сахалина в советский период затронули в своих работах Иван Васильевич

⁵⁰⁴ Крамова В.М. Счастливая каторжанка. Вступительная статья В. Астафьева. М., 1990; и др.

⁵⁰⁵ Теплинский М.В. А.П. Чехов на Сахалине. Южно-Сахалинск, 1990.

⁵⁰⁶ См.: Латышев В.М. А.П. Чехов и Сахалин (краткий обзор литературы) // «Быть может, пригодятся и мои цифры»: Материалы Сахалинской переписи А.П.Чехова. 1890 год. Южно-Сахалинск, 2005.

⁵⁰⁷ Читая «Остров Сахалин»...: Доклады и сообщения участников историко-краеведческой конференции, посвященной 100-летию путешествия А.П.Чехова на остров Сахалин. Ч. 1-2. Южно-Сахалинск, 1990; Сибирь и Сахалин в биографии и творчестве А.П. Чехова. Южно-Сахалинск, 1993.

⁵⁰⁸ См.: Финнов М.П. Дальняя дорога Антона Чехова. М., 1991.

⁵⁰⁹ Лищинский Б.Д. Путешествие с Чеховым. Владивосток, 1989.

⁵¹⁰ Остров Чехова: От Мелихова до Сахалина: люди, судьбы, встречи. М., 1990.

⁵¹¹ Шубин Б.М. Доктор А.П.Чехов // Шубин Б.М. Дополнение к портретам. М., 1989; и др. издания.

⁵¹² Цапко Г. Александр Цапко // За рабочее дело. Южно-Сахалинск, 1987. С. 3-44.

⁵¹³ Латышев В., Панфилов И. Николай Худяков // За рабочее дело. Южно-Сахалинск, 1987. С. 45-93.

⁵¹⁴ Сонин В.В. Японский оккупационный режим на Северном Сахалине (1920-1925 гг.) // Империалистическая интервенция на Советском Дальнем Востоке (1918-1922). Владивосток, 1988. С. 62-72.

Лифенцев⁵¹⁵ и Марина Ивановна Ищенко⁵¹⁶. Принципиально новый взгляд на историю коллективизации содержит работа Галины Ивановны Дударец и А.А. Страхова «Из истории раскулачивания на Северном Сахалине»⁵¹⁷.

Гораздо слабее был изучен японский период истории Сахалина. Различными аспектами истории губернаторства Карафуто в разное время занимались Александр Михайлович Лопачев и Бок Зи Коу⁵¹⁸, а также М.С. Высоков⁵¹⁹.

На рубеже 80-90-х гг. происходит всплеск интереса к проблеме территориального урегулирования между СССР и Японией. При этом впервые за многие десятилетия советские историки и журналисты получили возможность иметь собственное мнение по чрезвычайно острой внешнеполитической проблеме. От неожиданности многие просто растерялись и неоднократно меняли свою точку зрения по данному вопросу.

Именно в этот период начинается эволюция Бориса Николаевича Славинского, который довольно быстро прошел путь от полной поддержки любых действий СССР на внешней арене до попытки самостоятельно разобраться в причинах, делающих чрезвычайно сложным урегулирование советско-японского территориального спора⁵²⁰.

Разнообразных аспектов территориальной проблемы между СССР и Японией касаются в своих работах Кирилл Евгеньевич Черевко⁵²¹, Александр Иванович Алексеев⁵²², Александр Изяславич Штейнгауз⁵²³, Николай Самуилович Табачко⁵²⁴, Владимир Васильевич Кожевников⁵²⁵, Александр Михайлович Лопачев⁵²⁶, Валерий Орионович Шубин⁵²⁷.

⁵¹⁵ Лифенцев И.В. Деятельность Коммунистической партии по индустриализации Дальнего Востока. 1937 – июнь 1941 гг. (На материалах Колымы, Чукотки, Камчатки, Северного Сахалина). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Иркутск, 1985.

⁵¹⁶ Ищенко М.И. Экономическое освоение Северного Сахалина в период строительства социализма. Южно-Сахалинск, 1985.

⁵¹⁷ Дударец Г.И., Страхов А.А. Из истории раскулачивания на Северном Сахалине // Краеведческий бюллетень. 1990. №1. С. 20-29.

⁵¹⁸ Лопачев А.М., Бок М.И. Из истории японской колонизации на Южном Сахалине // Краеведы ведут поиск. Южно-Сахалинск, 1985.

⁵¹⁹ Высоков М.С. Южный Сахалин и Курильские острова в системе японских колоний // Краеведы ведут поиск. Южно-Сахалинск, 1985; Он же. Почта и телеграф на Южном Сахалине в 1905-1945 гг. // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1991. № 4.

⁵²⁰ Славинский Б.Н. Внешняя политика СССР на Дальнем Востоке, 1945-1986 гг. М., 1988; Он же. На пути к советско-японскому мирному договору // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 3. С. 132-145; Он же. Сан-Францисская мирная конференция 1951 г. // Проблемы Дальнего Востока. М., 1991. № 3. С. 73-82; № 4. С. 75-84; Кимура Х., Саркисов К.О., Славинский Б.Н. СССР – Япония: есть ли выход из «территориального тупика»? // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 1. С. 69-80.

⁵²¹ Черевко К.Е. Япония на Дальневосточных рубежах России и СССР (XVII-XX вв.) М., 1987; Он же. Свидетельства японских историков о принадлежности Сахалина и Курильских островов (XVIII – первая половина XX в.) // Внешняя политика России. Источники и историография. М., 1991. С.182-197. и др.

⁵²² Алексеев А.И. Курилы: Русско-японский рубеж. Южно-Сахалинск, 1991.

⁵²³ Штейнгауз А.И. Япония и русско-японские отношения 1855-1894 гг. в освещении русской прессы и публицистики: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томск, 1989.

⁵²⁴ Табачко Н.С. Японские авторы о роли японских «исследователей Севера» Могами Токунай, Кондо Дзюдзо и Мамия Риндзо в открытии Курильских островов и Сахалина (на рубеже XVIII-XIX вв.) // Японская историография отношений России с сопредельными странами на Дальнем Востоке. Владивосток, 1986. С. 59-79.

⁵²⁵ Кожевников В.В. Несостоятельность аргументов японской официальной пропаганды по вопросу о «северных территориях» // Японская историография русско-японских и советско-японских отношений XIX-XX веков. Владивосток, 1987. С. 91-103; Он же. Советско-японские отношения: из прошлого в будущее? // Дальневосточная панорама. 1991. С.30-35.

⁵²⁶ Лопачев А.М. К истории возвращения Южного Сахалина и Курильских островов на заключительном этапе второй мировой войны // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1990. №2. С. 11-20.

⁵²⁷ Шубин В.О. К вопросу о формировании границы между Россией и Японией в XVIII-XIX вв. // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1990. № 2. С. 5-10.

Проблемы военной истории Сахалина и Курил освещены также в работах Валерия Орионовича Шубина⁵²⁸ (события Крымской войны на Курильских островах), Владислава Михайловича Латышева⁵²⁹, Виктора Яковлевича Горобца и Сергея Владиславовича Горбунова⁵³⁰, Александра Александровича Аллилуева⁵³¹ (события русско-японской войны 1904-1905 гг. на Сахалине), В.И. Семенова⁵³² (разгром японского десанта, высадившегося с Курильских островов на Камчатку во время русско-японской войны 1904-1905 гг.), Анатолия Александровича Никифорова и Александра Михайловича Пашкова⁵³³ (вторая мировая война) и других.

Кроме истории Сахалина в целом сахалинские историки изучали историю отдельных территорий и населенных пунктов острова. Эти материалы содержатся в работах Владислава Михайловича Латышева (особенно следует выделить его работу «Муравьевский пост. 1853-1854 гг.»)⁵³⁴, Василия Васильевича Чесалина⁵³⁵, Александра Ивановича Костанова⁵³⁶.

⁵²⁸ Шубин В.О. Малоизвестный эпизод Крымской (Восточной) войны 1853-1856 гг. Южно-Сахалинск, 1989.

⁵²⁹ Латышев В.М. Боевые действия на Южном Сахалине в 1905 г. // Краеведы ведут поиск. Южно-Сахалинск, 1985. С. 55-67.

⁵³⁰ Горобец В.Я., Горбунов С. В. Партизанский отряд штабс-капитана Б.В. Гротто-Слепиковского: поиски и находки. // Краеведческий бюллетень. 1990. № 1. С. 7-12.

⁵³¹ Аллилуев А.А. Крейсер «Новик» // Гангут. Вып.2. СПб., 1991. С. 13-24.

⁵³² Семенов В.И. Некоторые события на Камчатке в период русско-японской войны 1904-1905 гг. // Вопросы географии Камчатки. Вып. 9. Петропавловск-Камчатский, 1985; Он же. Оборона Камчатки в период русско-японской войны 1904-1905 гг. // Норд-ост. Петропавловск-Камчатский, 1985.

⁵³³ Пашков А.М. За край родной – Дальневосточный: О деятельности Коммунистической партии и Советского правительства по организации и усилению охраны Государственной границы СССР на Дальнем Востоке (1920-1941 гг.) Южно-Сахалинск, 1985; Никифоров А.А., Пашков А.М. Эстафета мужества. Южно-Сахалинск, 1988; и др.

⁵³⁴ Латышев В.М. Муравьевский пост. 1853-1854 гг. Южно-Сахалинск, 1986.

⁵³⁵ Чесалин В. Здесь начиналась история. Южно-Сахалинск, 1987.

⁵³⁶ Костанов А.И. Страницы истории города Холмска. Южно-Сахалинск, 1990; и др.

Глава 3

ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

3.1. Общая характеристика современного этапа в развитии отечественной историографии

Начиная работу над главой о постсоветской историографии истории Сахалина и Курил, мы должны, прежде всего, иметь в виду то обстоятельство, что сегодня крайне сложно рассказать о только что начавшемся постсоветском этапе в развитии отечественной историографии как российской истории в целом, так и региональной истории в частности. Одним из главных условий, обязательное соблюдение которого дает нам шанс создать объективную и относительно полную картину развития историографии, является наличие определенной временной дистанции. Именно временная отдаленность позволяет нам относительно спокойно и уверенно рассуждать об историографических проблемах XVIII – начала XX столетий. Уже о советской историографии нам говорить несравненно сложнее. Ну а для того, чтобы спокойно и беспристрастно оценить нынешний, современный нам период в развитии отечественной историографии, должно смениться хотя бы одно поколение. Должны хоть немного утихнуть страсти, потерять былую остроту дискуссии, которые все еще волнуют наше общество и очень часто раскалывают его на несколько непримиримых лагерей. Потому-то, исходя из вышесказанного, мы, не претендуя на абсолютное знание, попытаемся сделать самый общий обзор тех работ, которые увидели свет в 1992-2007 гг.

Говоря о постсоветской историографии, мы должны иметь в виду, что ее появление происходило на фоне невиданных качественных сдвигов во всех областях жизни нашей страны, которые, начиная с рубежа 1991-1992 гг., буквально перевернули все наши представления как о прошлом, так и о настоящем. Любая революция несет с собой и положительные, и отрицательные моменты. Говоря о революции в российской историографии, следует отметить, что главными положительными моментами ее настоящего этапа являются:

- исчезновение ранее существовавших запретов на определенные темы и оценки российской истории и отсутствие предварительной цензуры;
- облегчение доступа к материалам отечественных архивов и библиотек, что позволило значительно расширить источниковую базу исторических исследований;
- беспрепятственное развитие связей с зарубежными исследователями и организациями.

Наряду с названными положительными моментами нельзя не отметить и появление в российской исторической науке некоторых негативных тенденций, сказывающихся на развитии исторических исследований как в стране в целом, так и в ее отдельных регионах. Среди таких тенденций наиболее заметны:

- невероятная путаница в вопросах методологии и методики, которая началась с конца 80-х годов и продолжается вплоть до настоящего времени;

- резкое падение научного уровня значительной части публикаций, вызванное коммерциализацией издательского дела и тем, что сегодня практически любой текст можно издать за деньги;
- широчайшее распространение целого ряда исторических мифов, в создании которых приняли участие и талантливые профессионалы, и амбициозные дилетанты.

Одним из наиболее талантливых и высокопрофессиональных российских мифотворцев, оказавшим в рассматриваемый период весьма существенное влияние на многих (особенно начинающих) гуманитариев, был видный российский историк и оригинальный мыслитель планетарного масштаба Лев Николаевич Гумилев. Его яркие, написанные прекрасным литературным языком книги и статьи на рубеже 80-90-х годов минувшего столетия оказали огромное влияние на интересующую историей читающую публику. Литературную одаренность Л.Н. Гумилев явно унаследовал от родителей: гениальной Анны Андреевны Ахматовой и прекрасного русского поэта Николая Степановича Гумилева. Кстати, кроме широко известных работ по истории степных народов, теории этногенеза и истории России перу Л.Н. Гумилева принадлежат также стихи, драматические произведения, проза¹. Но все-таки наибольший успех у читателей имели неоднократно издававшиеся большими тиражами книги «Этногенез и биосфера Земли», «Древняя Русь и Великая степь», «От Руси к России». Успех был всеобъемлющим и шумным, но десятилетие спустя после смерти ученого ажиотаж вокруг его многочисленных публикаций несколько утих. Этому было несколько причин.

Во-первых, работы Л.Н. Гумилева подверглись обстоятельному разбору целым рядом авторитетных российских историков, довольно убедительно показавших существенные недостатки доказательной базы его глобальной теории. Ведь Л.Н. Гумилев временами довольно свободно обращался с историческими источниками и в случае необходимости обоснования тех или иных положений своей теории с легкостью, присущей талантливому художнику, мог додумать нужную ему деталь.

Во-вторых, самый большой вред делу дальнейшего широкого распространения гумилевских идей нанесли его многочисленные последователи и поклонники, читавшие в высших учебных заведениях России курсы этнологии. В современных российских университетах с учением Гумилева случилось примерно то же самое, что несколькими десятилетиями ранее произошло с учением Карла Маркса в высших учебных заведениях Советского Союза. Ведь именно безудержное опошление марксизма советскими обществоведами стало одной из главных причин того, что очень многие российские историки на десятилетия вперед абсолютно потеряли вкус к любой теории.

Что же касается Л.Н. Гумилева, то его блестящие гипотезы стараниями тысяч восторженных поклонников (среди которых встречалось немало представителей естественных наук) были превращены в мертвые догмы, а многие ранее не сразу бросавшиеся в глаза нестыковки были буквально доведены до абсурда. Не обладая и тысячной долей литературного дара, эрудиции и обаяния Л.Н. Гумилева, его верные последователи гораздо быстрее многочисленных научных оппонентов суме-

¹ См.: Гумилев Л.Н. Дар слов мне был обещан от природы: Литературное наследие. Стихи. Драммы. Переводы. Проза. СПб., 2004.

ли скомпрометировать гумилевское учение об этносах и этногенезе. Типичным примером подобного обращения с гумилевским наследием стали публикации сахалинских почитателей Л.Н. Гумилева З.И. Жуковой и Владимира Михайловича Дуничева².

Вне всякого сомнения, указанные негативные тенденции оказывают определенное влияние на развитие исторических исследований. Однако, оглядываясь на предшествующий период, мы не можем не признать, что в нашей стране вот уже два десятилетия существуют довольно благоприятные возможности для плодотворной работы историков. Конечно, события последнего времени внушают нам некоторые опасения за судьбу свободы творчества российских историков. Но еще и сегодня тот, кто хочет написать правдивую историю своей страны, такую возможность пока не потерял.

3.2. Рост источниковой основы исследований

Говоря об изучении истории Сахалина и Курильских островов в 1992-2007 гг., следует прежде всего отметить буквально взрывной рост источниковой базы исследований. На наших глазах произошло невиданное расширение возможностей для работы в отечественных архивах, существенная часть которых ранее была закрыта как для отечественных, так и зарубежных историков. За национализацией архивов КПСС последовало рассекречивание значительной части их фондов.

Так были рассекречены многие документы бывшего Центрального партийного архива, в котором имеется немало сахалинских материалов. В частности, благодаря рассекречиванию увидели свет материалы Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) (в том числе материалы так называемой «особой папки»). Среди публикаций подобного рода следует прежде всего отметить сборники документов «ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917-1941 гг.»³ (увидел свет в 2001 году), «Москва – Токио: политика и дипломатия Кремля. 1921-1931 годы»⁴ (2007 год). Вышеназванные издания, а также целый ряд других документальных публикаций содержат материалы, рассказывающие об обсуждении весной 1923 года высшим партийным руководством вопроса о продаже Северного Сахалина Японии, о переговорах по вопросу о возвращении северной части острова под юрисдикцию РСФСР и СССР, об эвакуации японских войск с северной части острова в 1925 году, о деятельности японской концессии на Северном Сахалине и другие сведения⁵. Кроме этого, была издана переписка Иосифа Виссарионовича Сталина и Георгия Васильевича Чичерина с полпредом в Китае Львом Михайловичем Караханом, в которой наряду со многими другими проблемами затрагивались вопросы о японских интересах на Сахалине, о переговорах с Японией о концессии на Сахалине, а также о подобных переговорах с компанией Синклера⁶. Переговоры с компанией Синклера освещаются также на страницах сборника документов «Советско-американские отношения. Годы непризна-

² См.: Жукова З.И., Дуничев В.М. Этногенез. Т.1. Алгоритм этногенеза. Учебник для студентов педагогических вузов. Южно-Сахалинск, 1994; Дуничев В.М. Англичане, русские, японцы: (Появление и развитие этносов). Южно-Сахалинск, 2001.

³ ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917-1941 гг. М., 2001.

⁴ Москва – Токио: политика и дипломатия Кремля. 1921-1931 годы. Кн.1-2. М., 2007.

⁵ См.: Кацура Таро, Гото Симпей и Россия. Сборник документов, 1907-1929. М., 2005; Хромов С. С. Иностранные концессии в СССР. Исторический очерк. Документы. Ч. 1-2. М., 2006; и др.

⁶ Из переписки И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом в Китае Л.М. Караханом (август 1923 г. – сентябрь 1926 г.) // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 3. С. 149, 151-153.

ния. 1918-1926 гг.»⁷. Отдельные важные моменты новейшей истории Сахалина и Курил освещаются в недавно опубликованных черновых протокольных записях заседаний Президиума ЦК КПСС за 1954-1964 годы⁸.

Особый интерес для всех тех, кто интересуется дипломатическими аспектами истории Сахалина и Курил, представляют материалы, опубликованные на страницах журнала в журнале «Старая площадь: Вестник Архива президента Российской Федерации» (данное издание входит в качестве составной части в журнал «Источник»). В частности, в 1995 году были опубликованы такие ранее абсолютно недоступные историкам документы, как записка заместителя наркома иностранных дел СССР Соломона Абрамовича Лозовского от 26 декабря 1941 года на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова, в которой ставился вопрос о возможности изменения границы с Японией в случае ее нападения на СССР, а также записка крупного советского дипломата и общественного деятеля академика Ивана Михайловича Майского от 11 января 1944 года на имя В.М. Молотова, в которой ставился вопрос о том, что в результате военного разгрома Японии союзниками СССР должны «вынести из этой войны» Южный Сахалин и Курильские острова⁹. В 1996 году там же были опубликованы документы, рассказывающие о том, как высшее советское руководство готовилось к подписанию советско-японской декларации 1956 года¹⁰.

Была рассекречена и значительная часть документов бывшего Партийного архива Сахалинской области (в настоящее время Сахалинский центр документации новейшей истории¹¹). В 90-е годы минувшего столетия началось рассекречивание и передача в Государственный архив Сахалинской области документов жителей Сахалинской области, в разное время репрессированных по политическим мотивам. Более доступными стали материалы, хранящиеся в архивах Министерств обороны и иностранных дел, других государственных и ведомственных архивах. Именно благодаря рассекречиванию был опубликован целый ряд тематических подборок документов, посвященных тем или иным проблемам сахалинской истории¹².

Среди других документальных публикаций рассматриваемого периода особое внимания заслуживает издание русских переводов материалов западноевропейских исследователей Сахалина и Курильских островов Маартена Герритсена

⁷ Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918-1926 гг. М., 2002.

⁸ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т.1. М., 2003.

⁹ «Заняться подготовкой будущего мира» // Источник. Документы русской истории. 1995. № 4 (17). С. 114-115, 124-144.

¹⁰ «Соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и Сикотан». Как готовилась советско-японская декларация 1956 г. // Источник. Документы русской истории. 1996. № 6 (25). С. 107-136.

¹¹ На сегодняшний день наиболее полный обзор фондов бывшего Партийного архива Сахалинского обкома КПСС см.: Сахалинский центр документации новейшей истории: Краткий указатель фондов. Составители О.Н. Максименко, Е.Ф. Назарова, Г.А. Шалкус. Редакционная коллегия М.С. Высоков, Н.И. Колесников, А.И. Костанов. Предисловие А.И. Костанова; вступительная статья Н.И. Колесникова. Южно-Сахалинск, 1992.

¹² «Совершенно секретно». Из истории Северного Сахалина во второй половине 20-х – первой половине 30-х годов. Вступительная статья М.С. Высокова. Подготовка текста к публикации и примечания М.С. Высокова, Г.И. Дударец, Г.А. Шалкус // Краеведческий бюллетень. 1994. № 4; Документы по истории сахалинских концессий. Публикацию подготовили Н.И. Колесников, А.И. Костанов, Г.А. Шалкус. Вводная статья и примечания Н.И. Колесникова и Г.А. Шалкус // Краеведческий бюллетень. 2000. № 1; Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930-1953. М., 2005; Сахалинские корейцы: История и современность. (Документы и материалы. 1880-2005). Автор-составитель А.Т. Кузин. Южно-Сахалинск, 2006; и др.

Фриса¹³, Жана Франсуа Лаперуза¹⁴ и Вильяма Роберта Броутона¹⁵. Для всех тех, кто изучает историю коренного населения Сахалина и Курильских островов в XVII столетии, большое значение имеет публикация перевода фрагментов из книги Николааса Витсена «Северная и Восточная Татария»¹⁶.

Для тех, кто изучает историю Сахалина рубежа XIX–XX столетий, некоторый интерес представляют опубликованные в последние годы переводы путевых очерков английского путешественника Чарльза Генри Хоуза¹⁷ и американца английского происхождения Бенджамина Ховарда¹⁸.

Говоря о наиболее ранних источниках по истории изучения Сахалина Россией, нельзя не отметить осуществленное в последние годы издание бесценных чертежных книг сибирского картографа Семена Ульяновича Ремезова. В 2003 году Федеральной службой геодезии и картографии России была издана его «Чертежная книга Сибири»¹⁹. А в 2006 году свет увидела «Служебная чертежная книга»²⁰, комментарий к которой был подготовлен известными сибирскими филологами и археографами, видными специалистами по истории сибирского летописания Еленой Ивановной Дергачевой-Скоп и Владимиром Николаевичем Алексеевым.

Не менее важными для реконструкции истории наших островов были публикации сборников документов, посвященных деятельности Российско-Американской компании в северной части Тихого океана в 1799–1815 и 1815–1841 годах²¹.

Заинтересованный читатель сможет найти и другие публикации исторических источников, посвященные истории Сахалина и Курил в XIX–XX веках. Среди них хотелось отметить такие документальные публикации, как материалы сахалинской и курильской экспедиций Николая Александровича Хвостова и Гавриила Ивановича Давыдова²², отчеты участника Амурской экспедиции Николая Васильевича Рудановского²³, дневники архиепископа Николая Японского²⁴, записки посетившего в самом конце XIX столетия Южные Курилы архимандрита

¹³ Кун К.Я. К 350-летию плавания голландской экспедиции под руководством Маартена Герритсена Фриса у берегов Сахалина и Курильских островов. Из журнала старшего штурмана Корнелиуса Янсона Куна. Вступительная статья, подготовка текста перевода к печати и примечания М.С. Высокова // Краеведческий бюллетень. 1993. № 4.

¹⁴ Лаперуз Ж.-Ф. Путешествие Лаперуза в Южном и Северном Тихом океане. Перевод с французского, вступительная статья, подготовка текста к печати и примечания М. Севелы // Краеведческий бюллетень. 1995. № 1.

¹⁵ Броутон В.Р. Путешествие в Северный Тихий океан, в ходе которого берега Азии от 35-й до 52-й параллели, берег Инсу (более известный как земля Иезо), северный, южный и восточный берег Японии, Аяочао и прилегающие к ним острова, равно как и берега Кореи, были исследованы и описаны на шлюпе Его Величества «Провиденс» и его тендере в 1795, 1796, 1797, 1798 годах Уильямом Робертом Броутоном. Вступительная статья, перевод с английского и примечания И. А. Самарина // Краеведческий бюллетень. 1995. № 2.

¹⁶ Грааф Т. де, Наарден Б. Описание нивхов и айнов и территорий их проживания в XVII веке по книге Н. Витсена «Северная и Восточная Татария» // 2005. №4. С. 3–62.

¹⁷ Хоуз Ч. На восточной окраине. Южно-Сахалинск, 2003.

¹⁸ Ховард Б. Узники России. Жизнь среди сибирских дикарей. Южно-Сахалинск, 2007.

¹⁹ Ремезов С. У. Чертежная книга Сибири: Составлена тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Т.1–2. М., 2003.

²⁰ Служебная чертежная книга. Семен Ремезов и сыновья. Комментарии: Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев. Тобольск, 2006.

²¹ Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера. 1799–1815: Сборник документов. М., 1994; Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера. 1815–1841: Сборник документов. М., 2005.

²² Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера. 1799–1815: Сборник документов. М., 1994; Командор: Страницы жизни и деятельности двора его император. величества действительного камергера, руководителя первой русской кругосветной экспедиции Н. П. Резанова. Красноярск, 1995.

²³ «Поездки мои по острову Сахалину я делаю осенью и зимою...»: Отчеты лейтенанта Н.В. Рудановского. 1853–1854 гг. Подготовка к печати И.А. Самарина // Вестник Сахалинского музея. № 10. 2003; и др.

²⁴ Дневники Святого Николая Японского. Т.1–V. СПб., 2004.

Сергия (Старогородского, в дальнейшем Святейшего Патриарха Московского и всея Руси)²⁵, воспоминания о каторжном Сахалине врача Леонида Васильевича Поддубского²⁶, сотрудника приамурской администрации Альфреда Кейзерлинга²⁷ и русского моряка Дмитрия Владимировича Никитина²⁸, письма сахалинского политкаторжанина Ивана Павловича Ювачева²⁹, воспоминания участников русско-японской войны³⁰ и последовавшего за ней территориального разграничения³¹, воспоминания участников второй мировой войны³², дневники и отчеты сахалинского краеведа Алексея Николаевича Рыжкова³³, археолога Ленины Степановны Грибановой³⁴, воспоминания свидетелей последствий разрушительного Нефтегорского землетрясения 1995 года³⁵, автора оригинального исследования по истории Сахалина американского историка Джона Стефана³⁶, дневники сахалинского краеведа Александра Семеновича Колосовского³⁷, воспоминания археолога Валерия Александровича Голубева³⁸, историка Александра Михайловича Пашкова³⁹, предпринимателя и общественного деятеля Юрия Михайловича Тена⁴⁰, перевод опубликованных ранее в Японии воспоминаний представителя корейской диаспоры на Сахалине Пак Хен Чжу⁴¹ и других.

В рассматриваемый период был переиздан целый ряд работ известных исследователей XVIII–XIX вв., которые в более позднее время легли в основу подавляющего большинства публикаций по истории Курильских островов и Сахалина и которые до недавнего времени были не очень доступны рядовому читателю. Среди этих переизданий следует особо отметить знаменитое «Описание земли Камчатки» Степана Петровича Крашенинникова⁴², избранные сочинения Герарда Фридриха

²⁵ Архимандрит Сергий (Старогородский). По Японии (Записки миссионера). М., 1998.

²⁶ Поддубский Л.В. Заметки о сахалинской каторге и ссылке. Подготовка текста и публикация В.М. Латышева // Вестник Сахалинского музея. № 11. 2004; Он же. Сахалинские дети. Подготовка текста и публикация В.М. Латышева // Вестник Сахалинского музея. № 11. 2004.

²⁷ Кейзерлинг А. Воспоминания о русской службе. М., 2001.

²⁸ Никитин Д.В. На Южном Сахалине // Вестник Сахалинского музея. № 7. 2000.

²⁹ Ювачев И.П. Письма с Сахалина. Подготовка текста и публикация И.А. Цупенковой // Известия Института на- следия Бронислава Пилсудского. № 5. 2001.

³⁰ Фрейлихман А.В. Последний поход «Новика». Вводная статья И. Франкьен и А.А. Хисамудинова. Подготовка к печати и примечания А.А. Хисамудинова // Краеведческий бюллетень. 1998. № 4; Штер А.П. Последний бой крейсера «Новик». Вступительная статья и примечания И.А. Самарина // Краеведческий бюллетень. 1994. № 3.

³¹ Одзима К. Установление границы на Карафуто. Перевод с японского А. В. Фетисова. Подготовка к печати, предисловие и примечания И.А. Самарина // Краеведческий бюллетень. 1998. № 2.

³² Додонов М.Г. Записки на перекидном календаре за август 1945 года. Вступительная статья, подготовка к публикации и примечания В.М. Латышева // Вестник Сахалинского музея. № 2. Южно-Сахалинск, 1995; Долода А.Я. Дважды рожденная. Кемерово, 2000; Болотников А.Ф. 50-я параллель. Воспоминания. Южно-Сахалинск, 2001; и др.

³³ Высоков М.С. Из поездки А.Н. Рыжкова к нивхам Сахалина // Вестник Сахалинского музея. № 3. Южно-Сахалинск, 1996.

³⁴ Грибанова Л.С. Отчёт о раскопках айских погребений в селе Парусное Красногорского района в мае 1955 г. // Вестник Сахалинского музея. № 5. 1998; Она же. Материалы этнографического изучения нивхов села Некрасовка Охинского района // Вестник Сахалинского музея. № 5. 1998.

³⁵ Агличев С. Р. Нефтегорск. 1995 год // Краеведческий бюллетень. 1995. № 3. С. 3–42; Белоносов В.И. Нефтегорск: 28.05–10.06. 1995 г. Страницы из рабочей книжки // Краеведческий бюллетень. 1996. № 3.

³⁶ Стефан Д. Сахалин за горизонтом. Исповедь фальсификатора // Вестник Сахалинского музея. № 7. 2000.

³⁷ Колосовский А.С. Из поездки к орокам Сахалина в 1977–1980 годы // Краеведческий бюллетень. 2002. № 4; Он же. Из полевой тетради сахалинского краеведа (анахронизм конца XX века) // Краеведческий бюллетень. 2000. № 2.

³⁸ Голубев В.А. Зов угасших очагов // Краеведческий бюллетень. 1998. № 4; 1999, № 1, 2, 3; Он же. Зов угасших очагов. Нижний Новгород, 2004.

³⁹ Пашков А.М. Здесь, на острове... (Воспоминания о делах и людях, которые всегда со мной). Южно-Сахалинск, 2001.

⁴⁰ Тен Ю.М. Сахалин – моя родина. М., 2000.

⁴¹ Пак Хен Чжу. Репортаж с Сахалина. Историческое эссе. 2004.

⁴² Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т.1–2. СПб.; Петропавловск-Камчатский, 1994.

Миллера⁴³, «Курилы» Александра Семеновича Полонского⁴⁴, а также цикл статей Александра Степановича Сгибнева «Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 г.»⁴⁵

Здесь же особо следует выделить большую работу по переизданию и публикации материалов известных российских этнографов Иоганна Готлиба Георги⁴⁶, Бронислава Осиповича Пилсудского⁴⁷, Льва Яковлевича Штернберга⁴⁸ и Ерухима Абрамовича Крейновича⁴⁹, а также издание перевода фундаментального труда Георга Вильгельма Стеллера «Описание земли Камчатки»⁵⁰.

В 2007 году были переизданы и опубликованные в 70-х годах XIX столетия материалы Фомы Матвеевича Августиновича о жизни русских и инородцев на острове Сахалине⁵¹.

Определенный интерес представляют материалы, рассказывающие об имевшем весьма тяжелые последствия для дальнейшего развития Сахалина визите на остров осенью 1954 года первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева⁵², воспоминания руководителя гражданского управления Южного Сахалина Дмитрия Николаевича Крюкова⁵³, видного деятеля сахалинской администрации Валерия Ивановича Белоносова⁵⁴, руководителя угольной промышленности Сахалина Георгия Антоновича Ревнивых⁵⁵.

Целый ряд воспоминаний был посвящен, пожалуй, самому успешному из руководителей Сахалинской области – Павлу Артемовичу Леонову. Здесь следует отметить сборник воспоминаний «Товарищ Леонов», авторы которого попыта-

⁴³ Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. М., 1996; Он же. Избранные труды. М., 2006.

⁴⁴ Полонский А.С. Курилы. Подготовка текста к печати В.О. Шубина и Н.Ф. Грызуновой, вступительная статья и примечания В.О. Шубина // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1994. № 3. С. 3-86; № 4. С. 3-105.

⁴⁵ Сгибнев А.С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 г. // Вопросы истории Камчатки. Вып. 1. Петропавловск-Камчатский, 2005; Вып. 2. Петропавловск-Камчатский, 2006.

⁴⁶ Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 2005.

⁴⁷ Пилсудский Б.О. Предварительный отчет о поездке к айнам о. Сахалина в 1902-1903 гг. Б. Пилсудского. Публикация текста, примечания и приложение В.М. Латышева // Вестник Сахалинского музея. № 3. 1996; Он же. «Дорогой Лев Яковлевич ...». Составление, подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии В.М.Латышева. Южно-Сахалинск, 1996; Он же. Сахалинский дневник // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 1. 1998; Он же. Проект правил об устройстве быта и управления айнов с краткими объяснениями отдельных пунктов // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 4. 2000; Он же. Фольклор сахалинских айнов // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 5. 2001; Он же. Фольклор сахалинских нивхов // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 6. 2002; Он же. Материалы для изучения айнского языка и фольклора // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 7. 2004; и др.

⁴⁸ «Тылгур» из фонда Л.А. Штернберга. Вводная статья, публикация, перевод с нивхского языка, словари и примечания Г.Д. Лок // Вестник Сахалинского музея. № 6. 1999; Штернберг Л.А. Письма на Сахалин // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 5. 2001; Он же. Дневник путешествия к восточным гилякам и орокам // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 5. 2001; Он же. Путешествие от Александровска до Сортуная (Краткий предварительный отчет) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 5. 2001; и др.

⁴⁹ Крейнович Е.А. Нивхгу. Южно-Сахалинск, 2001.

⁵⁰ Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1999.

⁵¹ Августинович Ф.М. Жизнь русских и инородцев на острове Сахалине. Южно-Сахалинск, 2007.

⁵² Хрущев Н. С. Выступление Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева перед трудящимися г. Южно-Сахалинска 23 октября 1954 г. Вступительная статья и подготовка текста к публикации М.С. Высокова // Краеведческий бюллетень. 1993. № 2; Рафиков Г.А. Воспоминания о визите Н.С. Хрущева на Сахалин. Вступительная статья и подготовка текста к публикации Е.В. Зарембо // Краеведческий бюллетень. 1994. № 4; Хрущев Н.С. Воспоминания: избранные фрагменты. М., 1997; Он же. Время, люди, власть: воспоминания. Кн.1-4. М., 1999.

⁵³ Крюков Д.Н. Гражданское управление на Южном Сахалине и Курильских островах в 1945 – 1948 гг. (Воспоминания) // Краеведческий бюллетень. 1993. № 1. С. 7-44; № 2. С. 3-24; № 3. С. 3-40.

⁵⁴ Белоносов В.И. Сахалин: 1963-2000 (воспоминания) // Краеведческий бюллетень. 2000. № 2, 3, 4; 2003. № 3; Он же. Пирамиды власти, или Там, на шахте угольной. Южно-Сахалинск, 2004.

⁵⁵ Ревнивых Г.А. Жизнь – на-гора! Южно-Сахалинск, 2004.

лись воссоздать образ идеального руководителя области на островах⁵⁶, а также воспоминания бывшего второго секретаря Сахалинского обкома КПСС Николая Григорьевича Смирнова «На выражах времени», на страницах которых П.А. Леонов предстает в гораздо менее привлекательном виде⁵⁷.

В рассматриваемый период были переизданы некоторые ранее издававшиеся источники по истории Сахалина периода каторги. Прежде всего речь идет о книге Антона Павловича Чехова «Остров Сахалин», которая неоднократно выпускалась отдельными изданиями⁵⁸.

Много раз переиздавались сахалинские очерки Власа Михайловича Дорошевича⁵⁹. Здесь особо следует отметить прекрасную работу по подготовке как отдельных очерков В.М. Дорошевича⁶⁰, так и самого полного издания его книги «Сахалин»⁶¹, проделанную известным белорусским исследователем Самуилом Владимировичем Букчиным.

В 90-е годы начинают переиздаваться очерки сахалинского политкаторжанина Ивана Павловича Ювачева (Миролюбова)⁶².

Из последних проектов по изданию источников по сахалинской истории наибольший интерес представляет подготовка к печати группой исследователей под руководством Александра Ивановича Костанова материалов переписи населения Сахалина, проведенной Антоном Павловичем Чеховым в 1890 году⁶³.

Большой интерес представляет опубликованный в 2006 году документальный сборник «Русско-японская война 1904-1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России: Факты и комментарии»⁶⁴. Данный сборник включает в себя две части. В первой части, подготовленной к печати специалистом по русской военной истории Валерием Васильевичем Глушковым, опубликован целый ряд документов, освещающих вопрос о том, какое воздействие на позиции российской делегации в Портсмуте оказала японская оккупация Сахалина. Во второй части, подготовленной известным российским японоведом Кириллом Евгеньевичем Черевко, впервые в полном объеме на русском языке публикуются протоколы Портсмутской

⁵⁶ Товарищ Леонов: Воспоминания. Южно-Сахалинск, 1998.

⁵⁷ Смирнов Н.Г. На выражах времени. Южно-Сахалинск, 2005.

⁵⁸ Чехов А.П. Из Сибири. Остров Сахалин /Вступительная статья и примечания М.Л. Семановой. М., 1985; Он же. Из Сибири. Письма. Рассказы /Составление, послесловие и примечания В.К. Гайдука. Иркутск, 1985; Он же. Из Сибири. Остров Сахалин /Составление и примечания М.Л. Семановой // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. Сочинения. Т. 14-15. М., 1987; Он же. Остров Сахалин: (Из путевых записок). Репринтное воспроизведение первого издания /Вступительная статья В.Б. Катаева. Южно-Сахалинск, 1995; Он же. Остров Сахалин /Примечания М.Л. Семановой. Сургут, 1996; Он же. Остров Сахалин /Вступительная статья И.А. Цупенковой. Южно-Сахалинск, 2005; и др.

⁵⁹ Дорошевич В.М. Сахалин: Рассказы. М., 1996; Он же. «ГУЛАГ» царской России. (Сахалин. Каторга. Кн. 1). М., 2001; Он же. «Добрый человек». (Сахалин. Каторга. Кн. 2). М., 2001; Он же. «Сахалинское Монте-Карло». (Сахалин. Каторга. Кн. 3). М., 2001; и др.

⁶⁰ Дорошевич В.М. Солонина (картинка административных нравов). Вступительная статья и подготовка текста С.В. Букчина // Вестник Сахалинского музея. № 12. 2005; и др.

⁶¹ Дорошевич В.М. Сахалин /Вступительная статья, составление, подготовка текста и комментарий С. В. Букчина. Т.1-2. Южно-Сахалинск, 2005.

⁶² Ювачев (Миролюбов) И.П. Между миром и монастырём: Очерки и рассказы. М., 1998; Он же. Восемь лет на Сахалине. Южно-Сахалинск, 2000; и др.

⁶³ «Быть может, пригодятся и мои цифры»: Материалы Сахалинской переписи А.П.Чехова. 1890 год / А.И. Костанов (главный редактор), В.Б.Катаев (научный редактор) и др. Составители А.И. Костанов, В.М. Латышев, И.А. Цупенкова, М.В. Гридьева, Т.А. Мущенко, Е.И. Савельева. Южно-Сахалинск, 2005.

⁶⁴ Русско-японская война 1904-1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России: Факты и комментарии. М., 2006.

мирной конференции 1905 года. Данные материалы прекрасно дополняют хорошо известные «Воспоминания» Сергея Юльевича Витте⁶⁵.

Обзор и анализ источников, выявленных в ходе работы над сахалинской и курильской историей, в рассматриваемый период производился в основном сахалинскими архивистами. Здесь следует, прежде всего, отметить многочисленные работы Александра Ивановича Костанова⁶⁶, проведшего огромную работу по выявлению архивных материалов по истории Сахалина и Курильских островов как в региональных, так и федеральных архивах. Итогом этой работы стало появление в 2007 году монографии А.И. Костанова «Документальная история Сибири. XVII – середина XIX вв.»⁶⁷, куда среди прочих были введены сведения об архивных собраниях, включающих сахалинские и курильские материалы.

Гораздо в меньшем объеме подобная работа выполнялась также Галиной Ивановной Дударец⁶⁸, М.С. Высоковым⁶⁹, О.Т. Базалийской⁷⁰, Людмилой Ивановной Галлямовой⁷¹, Ларисой Валентиновной Драгуновой⁷², Еленой Ивановной Савельевой⁷³, Еленой Федоровной Назаровой⁷⁴, Владимиром Леонидовичем Подпечниковым⁷⁵, Галиной Анатольевной Шалкус⁷⁶, Мариной Ивановной

⁶⁵ В 1994 году свет увидело новое издание этого интересного источника: Витте С. Ю. Воспоминания. Т.1-3. М.; Таллин, 1994.

⁶⁶ Костанов А.И. Документальные источники по истории открытия Сахалина и Курильских островов (XVII – первая половина XIX вв.) // Краеведческий бюллетень. 1992. №1. С. 22-45; Он же. Архивное дело и исторические исследования на Северном Сахалине в 20-30-е годы // Краеведческий бюллетень. 1993. №2. С. 64-84; Он же. Источники по истории Сахалина и Курил в фондах и коллекциях личного происхождения. Конец XVIII – начало XX вв. Южно-Сахалинск, 1994; Он же. Архивные источники о сибирском путешествии А.П.Чехова // А.П.Чехов и Сахалин: Доклады и сообщения международной научной конференции. 28-29 сентября 1995 г. Южно-Сахалинск, 1996; Он же. Архивы Русской Православной церкви на Дальнем Востоке (XVII – начало XX веков) // История государственности и церкви на Сахалине. Южно-Сахалинск, 2001; Он же. Архивы сахалинской каторги // А.П.Чехов и Сахалин на пороге третьего тысячелетия: Материалы международной научной конференции (29-30 сентября 2000 г.). Южно-Сахалинск, 2001; Он же. Архивные источники о поляках, репрессированных на Сахалине в годы советской власти // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002.

⁶⁷ Костанов А.И. Документальная история Сибири. XVII – середина XIX вв. Владивосток, 2007.

⁶⁸ Дударец Г.И. Обзор японских фондов Государственного архива Сахалинской области // Краеведческий бюллетень. 1995. № 2; Она же. Эпистолярное наследие узников сахалинской каторги (по письмам Л.А. Штернберга, И.П. Ювачева и других политических ссыльных) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 8. 2004; и др.

⁶⁹ Высоков М.С. Документы о депортации корейцев Северного Сахалина в Казахстан и Узбекистан в 1937 году в фондах Сахалинского центра документации новейшей истории // Корейский полуостров в новой международной обстановке. Сеул, 1992.

⁷⁰ Базалийская О.Т. Краткий обзор документов Государственного архива Иркутской области по истории вольного заселения Сахалина на рубеже 60-70-х гг. XIX в. // Краеведческий бюллетень. 1994. № 2.

⁷¹ Галлямова Л.И. Источники по истории социально-экономического развития Южного Сахалина и Курильских островов (2-я половина XIX – начало XX в.) // Исторические чтения: Ежегодник. Труды Государственного архива Сахалинской области. № 2. Южно-Сахалинск, 1997.

⁷² Драгунова Л.В. Обзор фондов Государственного архива Сахалинской области по истории малых народностей Севера // Исторические чтения: Ежегодник. Труды Государственного архива Сахалинской области. № 1. Южно-Сахалинск: Сахалинское областное книжное издательство, 1995.

⁷³ Савельева Е.И. История гражданского управления на Южном Сахалине и Курильских островах в документах Государственного архива Сахалинской области // Исторические чтения: Ежегодник. Труды Государственного архива Сахалинской области. № 2. Южно-Сахалинск, 1997.

⁷⁴ Назарова Е.Ф. Из опыта подготовки краткого указателя фондов Сахалинского центра документации новейшей истории // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1995. № 3. С. 183-187; Она же. Личный фонд А.И. Алексеева в Сахалинском центре документации новейшей истории // Краеведческий бюллетень. 1996. № 4; Она же. Личный фонд сахалинского губернатора В.П. Федорова в Сахалинском центре документации новейшей истории // Краеведческий бюллетень. 1998. № 2; Она же. Обзор источников по истории возрождения Русской Православной церкви на Сахалине и Курильских островах // Краеведческий бюллетень. 2000. № 1.

⁷⁵ Подпечников В.А. Японское население на Южных Курилах после второй мировой войны: перечень документов Государственного архива Сахалинской области и Сахалинского центра документации новейшей истории // Краеведческий бюллетень. 1996. № 1.

⁷⁶ Шалкус Г.А. Документы о японских храмах на Южном Сахалине после второй мировой войны в Сахалинском центре документации новейшей истории // Краеведческий бюллетень. 1996. № 2.

Шубиной⁷⁷, Натальей Дмитриевной Корсунской⁷⁸ и другими. Документальные коллекции музеев показали в своих публикациях Владислав Михайлович Латышев⁷⁹ и Татьяна Петровна Роон⁸⁰.

3.3. Историческая периодика на Сахалине

Одной из важнейших особенностей рассматриваемого периода является начавшийся на рубеже 80-х – 90-х годов настоящий расцвет исторической периодики на Сахалине. В это время на Сахалине выходило несколько периодических изданий.

С 1990 до конца 2005 гг. один раз в три месяца выходил журнал «Краеведческий бюллетень: Проблемы истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий». За это время свет увидели шестьдесят четыре номера журнала, на страницах которых было опубликовано более шестисот материалов: книг, статей, сообщений, рецензий, подборок документов, обзоров. Публикация на страницах «Краеведческого бюллетеня» как ранее неопубликованных источников, так и оригинальных исследований отечественных и зарубежных историков⁸¹ позволила нам вплотную приблизиться к пониманию целого ряда наиболее сложных вопросов истории российских островных владений в северной части Тихого океана. Этому же способствовали материалы дискуссий по спорным вопросам нашей истории, которые время от времени публиковались «Краеведческим бюллетенем».

В 1994 году Владиславом Михайловичем Латышевым было основано новое периодическое издание – ежегодник «Вестник Сахалинского музея». В 1994-2006 годах свет увидели тринадцать номеров ежегодника⁸².

С 1998 года под руководством В.М. Латышева стало выходить новое издание, получившее название «Известия Института наследия Бронислава Пилсудского». На конец 2007 года свет увидели десять номеров «Известий». На их страницах регулярно публикуются материалы научного наследия видного исследователя коренного населения Сахалина Б.О. Пилсудского и других российских этнографов (в частности Л.Я. Штернберга, Е.А. Крейновича), полевые материалы современных исследователей⁸³. На сегодняшний день «Известия Института наследия Бронислава

⁷⁷ Шубина М. И. Документы Сахалинского центра документации новейшей истории по истории японских концессий на Северном Сахалине // Краеведческий бюллетень. 1995, № 2; Она же. Документы о школьном образовании у коренных народов Сахалина в 1925-1940 гг. в Сахалинском центре документации новейшей истории // Краеведческий бюллетень. 1996. № 2.

⁷⁸ Корсунская Н.Д. Метрические книги православных церквей острова Сахалина как источник информации и влияния российской колонизации на коренное население Сахалина // Славяне на Дальнем Востоке: Проблемы истории и культуры: доклады и сообщения научной конференции. Южно-Сахалинск, 7-8 октября 1993 г. Южно-Сахалинск, 1994; Корсунская Н.Д. Метрические книги церквей острова Сахалина как источник информации о народах Севера // Исторические чтения: Ежегодник. Труды Государственного архива Сахалинской области. № 1. Южно-Сахалинск, 1995.

⁷⁹ Латышев В.М. Научное наследие Бронислава Пилсудского в музеях и архивах России // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 1. 1998.

⁸⁰ Роон Т.П. Личный архив Ю.А. Крейновича // Вестник Сахалинского музея. № 4. 1997.

⁸¹ Особо хочется отметить публикацию переводов работ Д. Стефана и Т. Акидзуки. См.: Стефан Д. Курильские острова: русско-японский рубеж на Тихом океане. Перевод В.В. Переславцева // Краеведческий бюллетень. 1990. № 1-4; Он же. Сахалин: История. Перевод В.В. Переславцева // Краеведческий бюллетень. 1992. № 1-4; Он же. Стефан Д. Сахалин и Курильские острова в зеркале американских иллюзий // Краеведческий бюллетень. Перевод Е.С. Златогорской. 1992. № 3; Акидзуки Т. Японо-российские отношения и остров Сахалин. Перевод с японского и вводная статья А.В. Трёхсвяцкого // Краеведческий бюллетень. 2002. № 1-3; и др.

⁸² Вестник Сахалинского музея: Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. № 1-13. Южно-Сахалинск, 1994-2006.

⁸³ Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 1-10. Южно-Сахалинск, 1998-2006.

Пилсудского» являются наиболее интересным издающимся на Сахалине периодическим изданием исторического профиля.

В 1994 году выпуск своего ежегодника «Исторические чтения» пытается начать Государственный архив Сахалинской области. Однако за 1994-1997 гг. свет увидело только два выпуска «Чтений». Первый выпуск содержал публикации документальных материалов о судьбе коренного населения Сахалина в XX столетии, второй был посвящен истории Южного Сахалина⁸⁴. После выхода в свет второго номера данного интересного издания руководство архива потеряло к нему какой-либо интерес, и скорее всего мы уже не увидим его продолжения.

В 1999 году по инициативе Александра Александровича Василевского было основано издание «Ученые записки Сахалинского государственного университета». В 1999-2006 годах увидели свет шесть выпусков «Ученых записок». Исторические изыскания занимают только незначительную часть этого издания. Тем не менее на его страницах опубликованы интереснейшие оригинальные материалы по истории Сахалина в эпохи древности и средневековья, а также по островной истории XIX столетия⁸⁵.

3.4. В поисках новой концепции истории островов

Введение в научный оборот значительного количества архивных и полевых материалов, а также издание на русском языке переводов ранее не публиковавшихся в России источников о вкладе в сахалинскую историю народов Восточной Азии и Западной Европы позволило сахалинским исследователям подойти к разработке новой концепции истории Сахалина.

Одним из первых о новом видении древней и средневековой истории Сахалина заявил в своих новаторских публикациях сахалинский археолог Александр Александрович Василевский⁸⁶. В частности, говоря об особенностях островной археологии, А.А. Василевский выступает с концепцией «контактных зон» и «ниш стабильности». По его мнению,

«в островном мире дальневосточных морей следует выделять переходную и собственно островную сушу. Для первой характерна более устойчивая связь с материком, для второй – более высокая эндемичность. На их стыке, как и на стыке с материком, во все времена первобытной эпохи формировались «контактные зоны», характеризующиеся высокой эклектикой этнического и культурного характера... Для островного мира в целом характерна более жесткая, чем на материке, связь компонентов в системе «природа-социум». Следствием этой связи является... на Сахалине и Хоккайдо – переход от сухопутной экономики к специализированному морскому промыслу. Флуктуации климата и ограниченные возможности свободных откочетов и миграций требовали от социумов быстрой адаптивной реакции. Высокая продуктивность прибрежной зоны – основное условие, способствовавшее формированию монокультурности в палеоэкономических системах Сахалина и Хоккайдо. Комплексность этих систем обусловлена естественным распределением объектов промысла в сезонном кольце... Наряду с наличием контактных зон на стыке островного мира и материка, отдельных островов, отметим и своеобразные «ниши стабильности». К таким следует относить культуры, существовавшие тысячи лет... Вероятно, что «ниши

⁸⁴ Исторические чтения: труды Государственного архива Сахалинской области. № 1-2. Южно-Сахалинск, 1994-1997.

⁸⁵ Ученые записки Сахалинского государственного университета. Вып. 1-6. Южно-Сахалинск, 1999-2006.

⁸⁶ Василевский А.А. Особенности историко-культурных процессов в зоне перехода от материковой к островной суше (о. Сахалин, эпоха первобытности) // Краеведческий бюллетень. 1993. № 4; Он же. Размышления о городищах империи Цзинь, древних народах и эпохе средневековья на Сахалине // Краеведческий бюллетень. 1994. № 2; Он же. Заметки о до- и протоистории острова Сахалин // Краеведческий бюллетень. 1996. № 1; и др.

стабильности» — результат относительной изоляции островного мира в силу недостаточно высокого развития средств мореплавания и эпизодических контактов между территориями в отдельные периоды истории»⁸⁷.

В дальнейшем А.А. Василевский развивает данные идеи и высказывает мысль о подвижности контактных зон, которые смещаются по линии «север-юг», в зависимости от изменений в климате, цивилизационных сдвигах и прочих внешних и внутренних процессах.

Одновременно с А.А. Василевским с основными положениями новой концепции сахалинской истории выступают М.С. Высоков и Марина Ивановна Ищенко. Они сделали попытку проанализировать процесс освоения человеком островных территорий в северной части Тихого океана (в частности Сахалина, Хоккайдо и Курильских островов). По их мнению, в истории островов имеется немало общих, существенных черт, без понимания которых сложно понять особенности исторических процессов, происходивших в этом регионе нашей планеты.

«Мир островов – это особый мир. Здесь все процессы более динамичны. Территории и их ресурсы более доступны, чем в глубинных районах материков. И в то же время последствия человеческого вторжения более остры и разрушительны. Сегодня очевидно, что коренное население рассматриваемых островов умело жить в гармонии с природой. Колонизация островов... неизбежно привела к краху культур местных аборигенов. Практически все острова данного региона не сохранили культур коренного населения, которое унесло с собой и чрезвычайно интересный опыт поддержания равновесия с природой. Мир островов – это мир людей с особым психологическим складом. Нельзя не заметить, что не только люди... осваивали острова, но и острова в очень сильной степени влияли на людей... Выбора не было. Или психологически приспособиться, переориентировать хозяйственную деятельность, сменить трудовые навыки, или покинуть острова... Как это ни удивительно, но островитяне разных стран и даже рас могут по многим показателям быть более близкими между собой, чем со своими соотечественниками...»⁸⁸

Год спустя свою концептуальную работу «История Сахалина и Курил в самом кратком изложении» публикует М.С. Высоков. Прежде всего автор заявлял о необходимости преодоления психологии «первооткрывателей-первопроходцев», которая в значительной мере сужала возможности для понимания истории островов.

«...Необходимо понять, что к нашей стране были присоединены не какие-то никому неизвестные земли, а острова с населяющими их народами, имеющими своеобразную и древнюю историю. По моему мнению, главное содержание истории Сахалина и Курильских островов – это процесс освоения данных земель человеком. В ходе этого многовекового процесса на островах зарождались и привносились извне, расцветали, приходили в упадок и гибли разные культуры. На смену одним господствующим культурно-хозяйственным типам приходили другие. И россияне (так же, как и представители многих других народов) были не первыми и, конечно, будут не последними в этой многотысячелетней истории борьбы, сосуществования и смены культур на наших островах»⁸⁹.

В 1995 году группа сахалинских историков в составе Валерия Александровича Голубева, М.С. Высокова, Александра Михайловича Лопачева, Льва Савельевича Тварковского и Николая Ивановича Колесникова подготовила новое (третье в истории региона) издание учебного пособия «История Сахалинской области с древ-

⁸⁷ Василевский А.А. Особенности историко-культурных процессов в зоне перехода от материковой к островной суше. С. 66–67.

⁸⁸ Высоков М.С., Ищенко М.И. Опыт освоения человеком островных территорий в северной части Тихого океана: исторический и этнологический аспекты (к постановке проблемы) // Исторический опыт освоения восточных районов России: Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Кн.2. Владивосток, 1993. С. 17–18.

⁸⁹ Высоков М.С. История Сахалина и Курил в самом кратком изложении. Южно-Сахалинск, 1994. С. 4.

нейших времен до наших дней»⁹⁰. В основу этого издания легла концепция, изложенная М.С. Высоковым за год перед этим в книге «История Сахалина и Курил в самом кратком изложении».

Выход данного учебного пособия не остановил работы по разработке новой концепции сахалинской истории. Осмысление исторических процессов на нашем острове было продолжено в работах Александра Александровича Василевского⁹¹, Марины Ивановны Ищенко⁹² и других исследователей.

Одной из главных причин, подталкивающих нас к дальнейшей работе над концептуальными вопросами сахалинской истории, является тот существенный прорыв, который был сделан в последние годы в изучении эпохи древности⁹³. Благодаря этому А.А. Василевскому и его коллегам удалось сделать сахалинскую историю гораздо более древней, чем могли предположить его предшественники. Кроме того, накопленный в эти годы материал позволил поставить под сомнение само существование широко признанной и в России, и в Японии охотской культуры⁹⁴.

Главным обобщающим трудом, в котором подведены итоги археологических исследований, проводившихся в последние два десятилетия, стала монография А.А. Василевского «Каменный век острова Сахалин»⁹⁵. В данной работе представлены результаты изучения каменного века нашего острова в широком хронологическом диапазоне: от нижнего палеолита до позднего неолита. Анализируются реконструированные по археологическим данным историко-культурные процессы. Предлагается решение проблемы периодизации и корреляции этапов каменного века. Освещаются вопросы взаимодействия человека и природной среды плейстоцена и голоцена в островном и прибрежном мире северного региона Восточной и Северо-Восточной Азии.

Существенный прорыв был сделан и в изучении истории Сахалина в средние века. В 90-е годы в сахалинской исторической периодике был опубликован целый ряд переводов японских исследователей, изучавших сахалинскую историю эпохи средневековья⁹⁶. Данные публикации и (что самое главное) полевые исследования позволили существенно дополнить наши знания о тысячелетии, предшествующем появлению европейцев в северной части Тихого океана. Среди работ этого направления наиболее заметны публикации А.А. Василевского⁹⁷, Михаила Михайловича

⁹⁰ История Сахалинской области с древнейших времен до наших дней. Учебное пособие для учителей, учащихся общеобразовательных школ, ПТУ, студентов средних специальных учебных заведений и вузов /М.С. Высоков, В.А.Голубев и др. Южно-Сахалинск, 1995.

⁹¹ Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Новосибирск, 2003.

⁹² Ищенко М.И. Сахалинцы: к истории формирования региональной идентичности // Краеведческий бюллетень. 2000. № 4.

⁹³ См.: Василевский. Каменный век острова Сахалин. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук.

⁹⁴ Василевский А.А. Парадокс охотской культуры – прощание с великой легендой // Краеведческий бюллетень. 2005. № 2.

⁹⁵ Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск, 2008.

⁹⁶ См.: Ито Нобуо. Земляные укрепления китайского типа на Карафуту // Вестник Сахалинского музея. № 3. 1996; Сиратори Куракити. О Сахалине в китайскую эпоху Тан // Краеведческий бюллетень. 1997. № 2; Кимура Синроку. О чаше на Карафуту // Вестник Сахалинского музея. № 4. 1997; Хиракава Есиага, Ямада Горо. О современном состоянии земляной крепости Сирануси // Вестник Сахалинского музея. № 4. 1997; и др.

⁹⁷ Василевский А.А. Факторы естественной защиты в сусуйской и охотской фортификации // Вестник Сахалинского музея. № 3. 1996; и др.

Прокофьева⁹⁸, Олега Юрьевича Дедахина⁹⁹, Ольги Алексеевны Шубиной и Игоря Анатольевича Самарина¹⁰⁰.

Немало новых материалов появилось и по истории XX столетия¹⁰¹.

3.5. Изучение истории и культуры коренного населения Сахалина и Курильских островов

Так сложилось, что одной из наиболее заметных черт отечественной историографии истории Сахалина и Курильских островов является устойчивый интерес к изучению вклада различных народов в освоение Сахалина.

Как и в предыдущие периоды, большее внимание российских исследователей традиционно привлекало коренное население острова. В частности, проблемы истории и культуры активно обсуждались участниками международной научной конференции, которая проходила в Южно-Сахалинске в октябре 2001 года и была посвящена 140-летию со дня рождения Льва Яковлевича Штернберга¹⁰².

Общие проблемы истории и этнографии коренных народов Нижнего Амура и Сахалина нашли отражение в последних публикациях Анны Васильевны Смоляк¹⁰³, трудах Николая Владимировича Кочешкова¹⁰⁴, Юрия Александровича Сема¹⁰⁵, Владимира Викторовича Подмаскина¹⁰⁶, Сергея Васильевича Березницкого¹⁰⁷, Татьяны Петровны Роон¹⁰⁸, Валерия Дмитриевича Косарева¹⁰⁹, М.С. Высокова¹¹⁰,

⁹⁸ Прокофьев М.М. Фортификация в эпоху палеометалла и средневековья на Южном Сахалине: история, факты, открытия // Вестник Сахалинского музея. № 3. 1996; Он же. Кимура Синроку и его роль в изучении древних укрепленных поселений и средневековых крепостей-городищ на Южном Сахалине (1933-1934 годы) // Вестник сахалинского музея. № 4. 1997.

⁹⁹ Дедахин О.Ю. Внешние связи народов Сахалина в VII-XIV вв. (обзор археологических и летописных материалов) // Ученые записки Сахалинского государственного университета. Вып.1. Южно-Сахалинск, 2000; Вып. 2. Южно-Сахалинск, 2001; и др.

¹⁰⁰ Шубина О.А. Отчет о полевых археологических исследованиях поселения Белокаменная-часы в Корсаковском районе Сахалинской области в 1993 г. по Открытому листу № 548, по форме 1 // Вестник Сахалинского музея. № 2. 1995; Самарин И.А., Шубина О.А. Современное состояние городища Сирануси // Вестник Сахалинского музея. № 4. 1997; и др.

¹⁰¹ См. например: Высоков М.С. Сахалин и Курильские острова: Хроники XX столетия // «Южно-Сахалинск». 1998-2001.

¹⁰² Народы и культуры Дальнего Востока: взгляд из XXI века: доклады международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Л.Я. Штернберга (г. Южно-Сахалинск, 9-11 октября 2001 г.). Южно-Сахалинск, 2003.

¹⁰³ Смоляк А.В. Народы Нижнего Амура и Сахалина: Фотоальбом. М., 2001; и др.

¹⁰⁴ Кочешков Н.В. Декоративное искусство народов Нижнего Амура и Сахалина XIX-XX вв.: Проблемы этнических традиций. СПб., 1995; Он же. Сахалинские тропы этнографов // Исторические чтения. Труды Государственного архива Сахалинской области. № 2. 1997; Он же. Проблемы этнокультурных связей народов Нижнего Амура (основы теоретической концепции) // Этнология и образование: Проблемы интеграции академической науки и высшей школы. Материалы научно-практической конференции. Владивосток 12-15 ноября 2002 г. Владивосток, 2002; и др.

¹⁰⁵ Сем Ю.А. Леопольд Иванович Шренк (1826-1894 гг.): Жизнь и деятельность исследователя Приамурья, Приморья и Сахалина. Южно-Сахалинск, 2003.

¹⁰⁶ Подмаскин В.В. Народные знания в традиционной культуре тунгусо-маньчжуров и нивхов Нижнего Амура и Сахалина, середина XIX-XX вв.: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Владивосток, 2002; Он же. Народные знания в традиционной культуре тунгусо-маньчжуров и нивхов. Владивосток, 2006; и др.

¹⁰⁷ Березницкий С. В. Этапы освоения русскими Приамурья и Сахалина (XVII-XIX вв.) // Народы Сибири в составе Государства Российского (очерки этнической истории). СПб., 1999; Он же. Влияние китайской цивилизации на культуру коренных народов Нижнего Амура и Сахалина // Традиционная культура востока Азии. Вып.3. Благовещенск, 2001; Он же. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов амуро-сахалинского региона. Владивосток, 2003; и др.

¹⁰⁸ Роон Т. П. Мистический образ одежды (по материалам нивхского и уильтинского шаманства) // Вестник Сахалинского музея. № 1. Южно-Сахалинск, 1995; Она же. Промышленное освоение и правовые проблемы коренных народов Сахалина (90-е годы) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 1. Южно-Сахалинск, 1998; Она же. Экономические изменения у коренных народов Сахалина в XX веке // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 3. Южно-Сахалинск, 1999; Она же. Изменения в экономике коренных народов Сахалина в XX в. // Расы и народы. Вып. 28. М., 2002; Она же. Джебуповская экспедиция на Амуре и Сахалине (1898-1899 гг.) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 10. 2006; и др.

¹⁰⁹ Косарев В.Д. Судьбы малочисленных народов Севера: взгляд через природопользование коренного населения Сахалина // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 10. 2006.

¹¹⁰ Высоков М.С. Научное наследие Б. Пилсудского и современное положение коренного населения Сахалина // Б.О.

Олеси Владимировны Барзаковской¹¹¹, Михаила Михайловича Прокофьева¹¹², Владимира Леонидовича Подпечникова¹¹³ и других.

Традиционно центральное место в деле изучения коренного населения острова занимали работы, посвященные истории и культуре сахалинских и амурских нивхов. Здесь следует прежде всего выделить оригинальные и обстоятельные исследования Александра Борисовича Островского¹¹⁴, посвященные мифологии и верованиям нивхов. Сильной стороной работ А.Б. Островского, выгодно отличающей его от многих российских коллег, является блестящая теоретическая подготовка. Именно это позволило ему по-новому подойти к предмету своего исследования.

Проблемами мифологии нивхов занимались также Сергей Нестерович Скоринов¹¹⁵, Галина Александровна Отаина¹¹⁶, Андрей Евгеньевич Меняшев¹¹⁷. Отдельные вопросы этнографии нивхов в своих работах рассматривали Чунер Михайлович Таксами¹¹⁸, Петр Яковлевич Гонтмахер¹¹⁹, Александр Семенович Колосовский¹²⁰, Ирина Валерьевна Трутнева¹²¹, Н.А. Мамчева¹²², Татьяна Петровна Роон¹²³, Виктор Иванович Прокопенко¹²⁴, Галина Демьяновна Лок¹²⁵, Марина Григорьевна Тэмина¹²⁶ и другие.

Пилсудский – исследователь народов Сахалина. Т. I. Южно-Сахалинск, 1992; Он же. К проблеме преподавания в школе языков аборигенов Сахалина // Краеведческий бюллетень. 1995. № 1; Он же. Коренное население Сахалина на пороге третьего тысячелетия // Краеведческий бюллетень. 1999. № 4; Он же. Проблема сохранения этнического своеобразия коренного населения Сахалина // Bronislaw Pilsudski and Futabatei Shimei – an excellent charter in the history of polish-japanese relations. Materials of the third international conference of Bronislaw Pilsudski and his scholarly heritage. Poznan, 2001; и др.

¹¹¹ Барзаковская О.В. Политика советского государства в отношении коренных малочисленных народов Приамурья, Приморья и Северного Сахалина (ноябрь 1922 года – конец 1930-х годов). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Комсомольск-на-Амуре, 2005.

¹¹² Прокофьев М.М., Павлюченко Ю.Н. Водный транспорт аборигенов Сахалина // Вестник Сахалинского музея. № 2. 1995; и др.

¹¹³ Подпечников В.А. Размышления о судьбах коренных народов Сахалина в двадцатом столетии // Краеведческий бюллетень. 1998. № 4.

¹¹⁴ Островский А.Б. Мифология и верования нивхов. М., 1997; Он же. Мифология и верования нивхов: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук в форме научного доклада. М., 1998; Он же. Религиозные верования нивхов. Южно-Сахалинск, 2005; и др.

¹¹⁵ Скоринов С. Н. История обрядовой культуры нивхов, середина XIX – 80-е годы XX века: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 1996; Он же. Мифологическая культура тунгусо-маньчжуров и нивхов Нижнего Амура и Сахалина XIX-XX вв. М.; Хабаровск, 2005; Он же. Мифотворчество как феномен культуры тунгусо-маньчжуров и нивхов юга Дальнего Востока России XIX-XX вв. Диссертация на соискание ученой степени доктора культурологических наук. М., 2005.

¹¹⁶ Отаита Г.А. Фольклор в народной педагогике нивхов // Семья и семейный быт в восточных регионах России. Владивосток, 1997; и др.

¹¹⁷ Меняшев А.Е. Мифологическое в структуре этнического сознания коренных народов о. Сахалин. Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Хабаровск, 2005.

¹¹⁸ Таксами Ч. М. Введение в палеоазиатоведение: Учебно-методическое пособие для студентов Института народов Севера. СПб., 2002; и др.

¹¹⁹ Гонтмахер П.Я. Нивхи: этнографические тетради. Хабаровск, 1999; и др.

¹²⁰ Колосовский А.С. Из полевой тетради сахалинского краеведа (анахронизм конца XX века) // Краеведческий бюллетень. 2000. № 2; Он же. Лица нивхских предков // Краеведческий бюллетень. 2003. № 1; Он же. Растительная символика в ритуалах медвежьего праздника у нивхов // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 8. 2004; и др.

¹²¹ Трутнева И.В. Влияние билингвизма на формирование образа мира коренных народов Сахалина: На материалах нивхов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Хабаровск, 2004; Она же. Нивхи. Психологическая адаптация. Этническая идентификация. Южно-Сахалинск, 2005; и др.

¹²² Мамчева Н.А. Нивхская музыка как образец раннефольклорной монодии. Южно-Сахалинск, 1996; Она же. Обрядовые музыкальные инструменты аборигенов Сахалина. Южно-Сахалинск, 2003; и др.

¹²³ Роон Т. П. Система промысловых культов в традиционной культуре нивхов // Краеведческий бюллетень. 1993. № 2; и др.

¹²⁴ Прокопенко В.И. Игры и национальные виды спорта нивхов Амура и Сахалина: Учебно-методическое пособие. Екатеринбург, 1993.

¹²⁵ Лок Г.Д. Растения и корнеплоды, используемые нивхами в пищу // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 6. 2002.

¹²⁶ Тэмина М.Г. Медвежий праздник нивхов: Вторая половина XIX в. – начало XX в.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 2006.

В рассматриваемый период самое пристальное внимание исследователей привлек народ уйльта, или ороки. В 1996 году свет увидела работа Татьяны Петровны Роон «Уйльта Сахалина: Историко-этнографическое исследование традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII – середины XX вв.»¹²⁷. Названная работа стала первым в отечественной историографии монографическим исследованием, посвященным орокам-уйльта. В том же году Т.П. Роон успешно защитила кандидатскую диссертацию «Традиционное хозяйство и материальная культура ороков, XVIII – первая половина XX в.»¹²⁸.

В 90-е – начале 2000-х гг. комплексное исследование всех сторон жизни уйльта было проведено московским этнографом Людмилой Ивановной Миссоновой¹²⁹. В 2004 году она защитила кандидатскую диссертацию «Этнокультурная динамика жизнедеятельности уйльта. (Конец XIX – начало XXI вв.)»¹³⁰, а в 2006 году свет увидела ее монография «Уйльта Сахалина: большие проблемы малочисленного народа»¹³¹. Сильной стороной данных работ было то, что в основе их лежали добротные полевые материалы, собранные автором в районах проживания уйльта.

Кроме вышеназванных исследователей на рубеже столетий свои работы, посвященные уйльта, опубликовали также Алексей Иванович Кузнецов¹³² и Александр Семенович Колосовский¹³³.

Из работ, посвященных айнам, особого упоминания заслуживает докторская диссертация «Айны: Проблемы истории и традиции этноса»¹³⁴ Александра Борисовича Спеваковского, которую он успешно защитил в 1992 году. В том же году свет увидела научно-популярная книга известного российского этнографа Сергея Александровича Арутюнова и дальневосточного историка Виктора Георгиевича Щебенкова «Древнейший народ Японии: Судьбы племени айнов»¹³⁵. А в 2006 году во Владивостоке были представлены сразу две кандидатские диссертации: Марина Викторовна Осипова защитила работу «Обычаи и обряды айнов в системе культурного взаимодействия с аборигенами Нижнего Амура и о. Сахалин»¹³⁶, а Александр Геннадьевич Лебедев – диссертацию «Традиционная одежда айнов: XIX – начало XX вв.»¹³⁷.

¹²⁷ Роон Т.П. Уйльта Сахалина: Историко-этнографическое исследование традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII – середины XX вв. Южно-Сахалинск, 1996. До выхода в свет названной монографии Т.П. Роон опубликовала ряд статей, посвященных уйльта-орокам. См.: Роон Т.П. Традиционная система оленеводства ульта // Краеведческий бюллетень. 1994. № 3; Она же. Традиционные жилые и хозяйственные постройки ульта (ороков) (XIX – начало XX века) // Краеведческий бюллетень. 1995. № 3; и др.

¹²⁸ Роон Т.П. Традиционное хозяйство и материальная культура ороков, XVIII – первая половина XX в.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 1996.

¹²⁹ Миссонова Л.И. Этнонимия ульта Сахалина // Имя и этнос. М., 1996; Она же. Уйльта Сахалина: основные проблемы исследования // Этнографическое обозрение. 2002. № 5; Она же. Уйльта Сахалина в конце второго тысячелетия // Краеведческий бюллетень. 2002. № 4; Она же. Малочисленный этнос Сахалина уйльта (орочоны) в переписях XIX–XX столетий // Краеведческий бюллетень. 2003. № 3; Она же. Остров Сахалин: современные проблемы жизнедеятельности уйльта (орочонов). М., 2004; и др.

¹³⁰ Миссонова Л.И. Этнокультурная динамика жизнедеятельности уйльта. (Конец XIX – начало XXI вв.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2004.

¹³¹ Миссонова Л.И. Уйльта Сахалина: большие проблемы малочисленного народа. М., 2006.

¹³² Кузнецов А.И. Ульта (ороки) // Сибирь: этносы и культуры. Вып. 4. Народы Сибири в XIX в. М.; Улан-Удэ, 1999; и др.

¹³³ Колосовский А.С. Из поездки к орокам Сахалина в 1977–1980 годы // Краеведческий бюллетень. 2002. № 4; и др.

¹³⁴ Спеваковский А.Б. Айны: Проблемы истории и традиции этноса: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 1992; и др.

¹³⁵ Арутюнов С. А., Щебенков В.Г. Древнейший народ Японии: Судьбы племени айнов. М., 1992.

¹³⁶ Осипова М.В. Обычаи и обряды айнов в системе культурного взаимодействия с аборигенами Нижнего Амура и о. Сахалин. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 2006.

¹³⁷ Лебедев А.Г. Традиционная одежда айнов: XIX – начало XX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 2006.

Кроме названных исследователей отдельным вопросам истории и этнографии айнов посвятили свои исследования Юрий Валентинович Кнорозов, Михаил Михайлович Прокофьев¹³⁸, А.Ю. Акулов¹³⁹ и другие.

3.6. Изучение проблем истории и этнографии пришлого населения Сахалина и Курил

Впервые за время изучения сахалинской истории стали тщательно изучаться проблемы пришлого населения. Так, исключительно данной проблематике была посвящена проходившая в Южно-Сахалинске 7-8 октября 1993 года научная конференция «Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры»¹⁴⁰.

Большая роль в изучении истории и этнографии славянских народов Сахалина принадлежит Марине Ивановне Ищенко. Материалы ее многолетних исследований были обобщены в цикле статей¹⁴¹, опубликованных на страницах журнала «Краеведческий бюллетень» и других изданий.

В 2007 году увидела свет монография М.И. Ищенко «Русские старожилы Сахалина»¹⁴². В этой работе впервые в отечественной историографии была комплексно проанализирована локальная группа русских, уроженцев разных губерний России, сложившаяся в последней трети XIX – начале XX века из подневольных мигрантов, высланных на Сахалин для отбывания наказания, а также их жен и детей, последовавших за ними добровольно. В отношении этой группы островного населения сложились стереотипные подходы, заданность, стремление показать лишь темные стороны жизни и отрицательные качества людей. Основное внимание автор уделяет не истории сахалинской каторги, но рассказу о тех, кто прочно осел на новом месте, сроднился с далеким островом. М.И. Ищенко показывает, чем занимались и как адаптировались к непривычным условиям сахалинские старожилы. Но главное для нее – чем был для сахалинских старожилов Сахалин. Только лишь местом изгнания или новой родиной? В работе анализируется роль семьи в колонизационном процессе, специфика нецерковных браков. На широкой источниковой базе проводится реконструкция сухопутного и морского пути доставки

¹³⁸ Кнорозов Ю.В. Селения айнов на острове Итуруп: по материалам экспедиции 1989 г. // *Материалы полевых этнографических исследований 1988-1989 гг.* СПб., 1992; Кнорозов Ю.В., Прокофьев М.М. *Формула возрождения у айнов (опыт расшифровки знаков-пиктограмм на могильных столбах-асъны из фондов Сахалинского областного краеведческого музея)* // *Вестник Сахалинского музея.* № 2. 1995; и др.

¹³⁹ Акулов А.Ю. О типологической характеристике языка айнов в контексте установления его возможного родства // *Краеведческий бюллетень.* 2005. № 2; Он же. *История языка айну* // *Краеведческий бюллетень.* 2005. № 3; Он же. *Реконструкция традиционных представлений айнов о пространстве: по результатам анализа фольклорных текстов хоккайдских айнов* // *Краеведческий бюллетень.* 2005. № 3; Он же. *Краткий очерк грамматики языка текстов «Айнского фольклора» Н.А. Невского – диалекта Сару* // *Краеведческий бюллетень.* 2005. № 4.

¹⁴⁰ *Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры. Доклады и сообщения научной конференции, 7-8 октября 1993 г.* Южно-Сахалинск, 1994.

¹⁴¹ Ищенко М.И. *Досуг русского сельского населения Сахалина* // *Краеведческий бюллетень.* 1992. № 2; Она же. *Русские сельские поселения на Сахалине (конец XIX – начало XX в.)* // *Краеведческий бюллетень.* 1993. № 2; Она же. *Занятия и хозяйственные традиции русского населения Сахалина (конец XIX – начало XX в.)* // *Краеведческий бюллетень.* 1993. № 3; Она же. *Дом и двор русских Сахалина (конец XIX – начало XX в.)* // *Краеведческий бюллетень.* 1993. № 4; Она же. *Типология русских сельских поселений Сахалина конца XIX в.* // *Ученые записки Сахалинского государственного университета. Вып. 1.* 1999; Она же. *Поляки на сахалинской каторге* // *Сибирь в истории и культуре польского народа.* М., 2002; Она же. *Сравнительный опыт колонизации Сахалина и Хоккайдо: историко-этнологический аспект* // *Япония и Россия: диалог и взаимодействие культур. Материалы международной научно-практической конференции.* Южно-Сахалинск, 2003; Она же. *Дорога на каторгу* // *Краеведческий бюллетень.* 2005. № 4; и др.

¹⁴² Ищенко М.И. *Русские старожилы Сахалина.* Южно-Сахалинск, 2007.

мигрантов на остров. Работа написана на материалах полевых исследований автора, широких архивных изысканий в центральных и местных архивах.

Существенный вклад в изучение истории славян на Южном Сахалине в японский период его истории внес Сергей Петрович Федорчук. В 90-е гг. одна за другой выходят его книги «Тохара глазами россиян», «Поляки на Южном Сахалине» и «Русские на Карафуту»¹⁴³.

Из других этнических групп Сахалина внимание исследователей постоянно привлекают сахалинские корейцы, различные проблемы которых изучали Пак Хен Чжу¹⁴⁴, Бок Зи Коу¹⁴⁵, Анатолий Тимофеевич Кузин¹⁴⁶, а также Александр Иванович Костанов и Ирен Федоровна Поддубная¹⁴⁷, М.С. Высоков¹⁴⁸, Инга Анатольевна Цупенкова¹⁴⁹ и другие.

Проблемы исторической демографии в своих публикациях решали Николай Семенович Шевченко¹⁵⁰, Виктор Владиславович Щеглов¹⁵¹, Марина Владимировна Гридяева¹⁵², Марина Ивановна Ищенко¹⁵³. Она же одной из первых уделила внимание гендерным исследованиям¹⁵⁴.

3.7. Изучение истории освоения Россией Курильских островов

В рассматриваемый период развития отечественной историографии появилось немало работ, посвященных истории Курильских островов. Однако только незначительная часть является оригинальными самостоятельными исследованиями, имеющими большое значение для историографии вопроса.

¹⁴³ Федорчук С. П. Тохара глазами россиян. Южно-Сахалинск, 1994; Он же. Поляки на Южном Сахалине. Южно-Сахалинск, 1994; Он же. Русские на Карафуту. Южно-Сахалинск, 1996; и др.

¹⁴⁴ Пак Хен Чжу. Репортаж с Сахалина. Историческое эссе. 2004.

¹⁴⁵ Бок Зи Коу. Корейцы на Сахалине. Южно-Сахалинск, 1993.

¹⁴⁶ Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Южно-Сахалинск, 1993; Он же. Корейская эмиграция на русском Дальнем Востоке: 1860-1937: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Южно-Сахалинск, 2001.

¹⁴⁷ Костанов А.И., Поддубная И.Ф. Корейские школы на Сахалине: Исторический опыт и современность. Южно-Сахалинск, 1994.

¹⁴⁸ Высоков М.С. Перспективы решения проблемы репатриации сахалинских корейцев в свете опыта Израиля, Германии и других стран // Краеведческий бюллетень. 1999. № 2.

¹⁴⁹ Цупенкова И.А. Забытый театр. (Из истории Сахалинского корейского драматического театра. 1948-1959 гг.) // Вестник Сахалинского музея. № 4. 1997.

¹⁵⁰ Шевченко Н.С. Население Сахалинской области: Учебное пособие для учителей. Южно-Сахалинск, 1992.

¹⁵¹ Щеглов В.В. Эволюция государственной политики формирования населения Сахалинской области (1925 – 1998 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Южно-Сахалинск, 1999; Он же. Развитие миграционно-демографической ситуации в Сахалинской области в 90-е годы // Краеведческий бюллетень. 1999. № 4; Он же. Миграционная ситуация на Северном Сахалине в 1905-1917 годах по материалам публикаций сахалинских краеведов и историков // Краеведческий бюллетень. 2000. № 2; Он же. Советская колонизация Северного Сахалина (1925-1941 гг.) // Краеведческий бюллетень. 2000. № 3; Он же. Переселение советских граждан на Южный Сахалин и Курильские острова в середине 40-х – начале 50-х гг. XX века // Краеведческий бюллетень. 2000. № 4; Он же. Обострение миграционной ситуации в Сахалинской области в 50-60-е гг. XX столетия // Краеведческий бюллетень. 2001. № 1; Он же. Развитие государственных мер по преодолению миграционного кризиса в Сахалинской области в 50 – 80-е годы XX столетия // Краеведческий бюллетень. 2001. № 2; Он же. О мотивации российского продвижения «Встречь солнцу» в конце XVI-XVII вв. (попытка осмысления проблемы) // Краеведческий бюллетень. 2002. № 2; Он же. Население Сахалинской области в XX веке. Южно-Сахалинск, 2002.

¹⁵² Гридяева М.В. Демографические процессы, административное управление и становление социальной сферы на острове Сахалин в середине XIX – начале XX века: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Южно-Сахалинск: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2003.

¹⁵³ Ищенко М. И. Формирование русского населения Сахалина (конец XIX – начало XX в.) // Краеведческий бюллетень. 1993. № 1.

¹⁵⁴ Ищенко М. И. Семья русских Сахалина (конец XIX – начало XX в.) // Краеведческий бюллетень. 1994. № 1; Она же. Польские женщины на сахалинской каторге // Краеведческий бюллетень. 1999. № 2; Она же. Специфика брачных отношений на Сахалине (конец XIX – начало XX в.) // Семья и семейный быт в восточных регионах России. Владивосток, 1997.

В связи с вышесказанным особо следует отметить исследования Валерия Орионовича Шубина. Его публикации, основанные на материалах многолетних археологических раскопок русского поселения КурилоРоссия, проводившихся на острове Уруп, а также на малоизвестных архивных документах, позволяют по-новому взглянуть на историю Курильских островов в XIX столетии. Из работ В.О. Шубина особо следует выделить цикл статей, опубликованных в 1992 году на страницах журнала «Краеведческий бюллетень». Тогда свет увидели следующие работы: «История поселений Российско-Американской компании на Курильских островах», «Курильские острова в период 1867–1877 гг.», «Новые материалы о переселении «курильцев» на Камчатку» и «Жизнь «курильцев» на Камчатке в 1877–1888 гг.»¹⁵⁵. Этот цикл, наряду с некоторыми другими публикациями В.О. Шубина¹⁵⁶, на сегодняшний день является лучшей работой по истории Курильских островов в XIX столетии.

Некоторые вопросы, связанные с деятельностью на Курильских островах Российско-Американской компании, затрагивает петербургский исследователь Андрей Вальтерович Гринев¹⁵⁷.

История открытия Курильских островов рассматривается в целом ряде публикаций, увидевших свет в связи с трехсотлетием присоединения к России Камчатки. Среди них особого упоминания заслуживают книга «Новое об открытии Камчатки»¹⁵⁸ хорошо известного нам Бориса Петровича Полевого и книга «Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки» московского историка Галины Александровны Леонтьевой¹⁵⁹.

Исключительно богатая приключениями биография М.-А. Бениовского, сыгравшего существенную роль в активизации японской политики в северном направлении, привлекла внимание московского историка Всеволода Львовича Керова¹⁶⁰. Этому же герою посвятил свою работу М.С. Высоков¹⁶¹.

3.8. Изучение истории Сахалина второй половины XIX – начала XX века

В рассматриваемый период заметно продвинулись и исследования по истории Сахалина во второй половине XIX – начале XX века. Из работ данной группы – прежде всего уже упомянутые исследования М.И. Ищенко и других. Целый ряд исследователей посвятил свои работы истории сахалинской каторги. В 1992 году свет уви-

¹⁵⁵ Шубин В.О. История поселений Российско-Американской компании на Курильских островах // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1992. № 3. С. 12-64; Он же. Курильские острова в период 1867–1877 гг. // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1992. № 4. С. 3-14; Он же. Новые материалы о переселении «курильцев» на Камчатку // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1992. № 4. С. 15-36; Он же. Жизнь «курильцев» на Камчатке в 1877–1888 гг. // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1992. № 4. С. 37-52.

¹⁵⁶ Шубин В.О. Русские поселения XVIII–XIX веков на Курильских островах // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. Владивосток, 1992. № 1–2; Он же. Русские поселения на Курильских островах в XVIII–XIX веках // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX веках. Историко-археологические исследования. Владивосток, 1994. С. 141–150; и др.

¹⁵⁷ Гринев А.В. Торгово-промысловая деятельность Российско-Американской компании в 1825–1840 гг. // История Русской Америки (1732–1867). Т.3. М., 1999. С. 28–29.

¹⁵⁸ Полевой Б.П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 1–2. Петропавловск-Камчатский, 1997.

¹⁵⁹ Леонтьева Г.А. Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки. Предисловие В.А. Липинской. М., 1997.

¹⁶⁰ Керов В.Л. Граф Бениевский в России. М., 1997; Он же. Морис Август Беневицкий: искатель приключений или политический деятель? // Диалог со временем. Вып. 8. Персональная история и интеллектуальная биография. М., 2002. С. 187–212; Он же. Французская колонизация Мадагаскара и граф Беневицкий. М., 2003; и др.

¹⁶¹ Высоков М.С. Жизнь и невероятные приключения графа Морица-Августа Бениовского // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 2002. № 1. С. 3–20.

дела книга Александра Александровича Плотникова «Сахалинская каторга»¹⁶². Как и ранее защищенная автором кандидатская диссертация, его книга дает несколько искаженное представление о сахалинской каторге как каторге преимущественно политической. Точнее в своих оценках Константин Климентьевич Кораблин, рассматривающий сахалинскую каторгу как составную часть пенитенциарной системы Российской империи¹⁶³. Отдельные сюжеты, связанные с историей сахалинской каторги, рассматривали в своих работах Владислав Михайлович Латышев¹⁶⁴, Марк Вениаминович Теплинский¹⁶⁵, Нина Ивановна Дубинина¹⁶⁶ и другие.

В 2005-2006 годах свет увидели многостраничные монографии Ивана Андреевича Сенченко «История Сахалина и Курильских островов: к проблеме русско-японских отношений в XVII-XX веках» и «Сахалин и Курилы – история освоения и развития»¹⁶⁷. В основе обеих монографий лежит защищенная автором в 1966 году диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук «История Сахалина и Курильских островов в эпоху капитализма (с середины XIX в. до установления Советской власти)»¹⁶⁸. Вне всякого сомнения, в свое время работы И.А. Сенченко сыграли очень важную роль в становлении советской историографии истории Сахалина и Курильских островов. Именно он был первым, кто буквально в массовом порядке вводил в научный оборот материалы центральных архивов. Кроме того, в начале 60-х гг. XX столетия И.А. Сенченко лучше, чем кто-либо из отечественных специалистов знал историографию изучаемых им проблем.

При всем желании нельзя не заметить, что с момента написания докторской диссертации И.А. Сенченко прошло больше четырех десятилетий и в деле изучения сахалинской и курильской истории произошли самые кардинальные изменения. Однако, судя по тексту изданных в 2005-2006 годах книг, автор почему-то не захотел воспользоваться многими сотнями как отечественных, так и зарубежных публикаций, увидевших свет с середины 60-х гг. XX столетия. Исключение было сделано автором только для изрядно политизированных работ Игоря Александровича Латышева, главным занятием которого в рассматриваемый период было разоблачение японских экспансионистов и их российских пособников.

Итак, готовя к изданию свои новые книги, И.А. Сенченко не стал вносить в текст своей диссертации каких-либо существенных изменений. В связи с этим источни-

¹⁶² Плотников А.А. Сахалинская каторга (конец XIX – начало XX вв.) Хабаровск, 1992.

¹⁶³ Кораблин К.К. Пенитенциарная система России: Формирование и механизм функционирования тюремного ведомства на территории Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в.: историко-правовой аспект. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2001; Он же. Становление и развитие системы пенитенциарных учреждений российского государства на территории Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX века: Историко-правовое исследование. Хабаровск, 2002; Он же. Пенитенциарная система на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2004. № 6; Он же. Каторга на Сахалине как опыт принудительной колонизации // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2005. № 2.

¹⁶⁴ Латышев В.М. Сахалин после А.П.Чехова (ревизия сахалинской каторги генералом Н.И. Гродековым в 1894 году) // Вестник Сахалинского музея. № 7. 2000; и др.

¹⁶⁵ Теплинский М.В. Доктор А.А. Волкенштейн (штрихи к портрету обыкновенного порядочного человека) // Вестник Сахалинского музея: Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. № 4. Южно-Сахалинск, 1997.

¹⁶⁶ Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков. Хабаровск, 2002; Она же. О судьбе ссыльно-поселенцев Сахалина после русско-японской войны // Дальневосточные архивы: от прошлого к будущему. Материалы симпозиума историков и архивистов Дальневосточного региона. Владивосток, 2003.

¹⁶⁷ Сенченко И.А. История Сахалина и Курильских островов: к проблеме русско-японских отношений в XVII-XX веках. М., 2005; Он же. Сахалин и Курилы – история освоения и развития. М., 2006.

¹⁶⁸ Сенченко И.А. История Сахалина и Курильских островов в эпоху капитализма (с середины XIX в. до установления Советской власти). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1966.

ковая и историографическая основа названных книг осталась на уровне рубежа 50-60-х годов прошлого века. В начале же XXI столетия подобный подход к изданию рукописей почти полувековой давности, не сопровождаемых хорошей вступительной статьей и мощным комментарием, может восприниматься скорее как курьез.

В истории Сахалина конца XIX столетия особое место занимает сахалинское путешествие Антона Павловича Чехова. Этому путешествию и книге А.П. Чехова «Остров Сахалин» посвящаются регулярно проводимые научные конференции¹⁶⁹. Кроме того, в последние годы текст чеховского «Острова Сахалина» привлекает пристальное внимание филологов, посвятивших ему свои диссертации (Марина Юрьевна Чотчаева¹⁷⁰, Татьяна Владимировна Иванова¹⁷¹, Хуршуд Неждат кызы Кушваха¹⁷²).

3.9. Изучение истории Карафуто и Тисима

Гораздо слабее в рассматриваемый промежуток времени был изучен японский период истории Сахалина. Различными аспектами истории губернаторства Карафуто в разное время занимались Александр Михайлович Лопачев¹⁷³, Бок Зи Коу¹⁷⁴ и М.С. Высоков¹⁷⁵. Однако их публикации содержали довольно беглый взгляд на предмет исследования.

Гораздо больших успехов на этом участке сумели достичь И.А. Самарин, М.М. Прокофьев, С. П. Федорчук и Е.А. Иконникова.

Игорь Анатольевич Самарин в целом ряде своих публикаций уделил большое внимание истории архитектуры и истории синтоизма на Карафуто¹⁷⁶.

¹⁶⁹ Сибирь и Сахалин в биографии и творчестве А.П. Чехова. Южно-Сахалинск, 1993; А.П. Чехов и Сахалин: Доклады и сообщения международной научной конференции. Южно-Сахалинск, 1996; Чеховские чтения. 29-30 января 1998 года. Южно-Сахалинск, 1998; Чеховские чтения. 29 января 1999 года. Южно-Сахалинск, 1999; Чеховские чтения. Книга «Остров Сахалин» и ее значение в науке и мировой культуре (к 105-летию выхода первого издания книги). 28 января 2000 года. Южно-Сахалинск, 2000; А.П. Чехов и Сахалин на пороге третьего тысячелетия: Материалы международной научной конференции (29-30 сентября 2000 года). Южно-Сахалинск, 2001; Чеховские чтения. А.П. Чехов и сахалинское образование. 29 января 2001 года. Южно-Сахалинск, 2001; Чеховские чтения. Сахалинское чеховедение: исторический опыт, современные проблемы. 29 января 2002 г. Южно-Сахалинск, 2002; Чеховские чтения. А.П. Чехов и театр. 28 января 2003 г. Южно-Сахалинск, 2003; Чеховские чтения. Слово и мысль А.П. Чехова в культурном пространстве XX века. 29 января 2004 г. Южно-Сахалинск, 2004; Чеховские чтения. Проблемы современного освоения творческого наследия А.П. Чехова (к 110-летию выхода книги «Остров Сахалин»). 28 января 2005 г. Южно-Сахалинск, 2005; и др.

¹⁷⁰ Чотчаева М.Ю. Художественная концепция человека в творчестве Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова: На материале произведений «Записки из Мертвого дома» и «Остров Сахалин»: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Краснодар, 2001.

¹⁷¹ Иванова Т.В. Книга А.П. Чехова «Остров Сахалин»: проблематика и значение: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Саратов, 2004.

¹⁷² Кушваха Хуршуд Неждат кызы. «Остров Сахалин» А.П. Чехова: история создания, поиски жанра и стиля: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2005; и др.

¹⁷³ Лопачев А. М. Сельское хозяйство Южного Сахалина в период японского господства (1905-1945 годы) // Краеведческий бюллетень. 2002. № 3.

¹⁷⁴ Экономической истории Карафуто Бок Зи Коу посвятил отдельную главу учебного пособия «Экономика Сахалина». См.: Экономика Сахалина. Южно-Сахалинск, 1998; Экономика Сахалина. Южно-Сахалинск, 2003.

¹⁷⁵ Высоков М.С. Почта и телеграф на Южном Сахалине в 1905-1945 гг. // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1991. № 4.

¹⁷⁶ Самарин И.А. Магическая символика в японской архитектуре периода Карафуто // Краеведческий бюллетень. 1998. № 2; Он же. Кура — традиционные японские склады на Южном Сахалине // Краеведческий бюллетень. 2002. № 2; Он же. Жилье дома на Южном Сахалине периода Карафуто (1905-1945 годы) // Краеведческий бюллетень. 2003. № 1; Он же. «Путь богов» по островам: Синтоистские храмы Южного Сахалина и Курильских островов. Хабаровск, 2005.

Михаил Михайлович Прокофьев посвятил цикл статей, а затем и монографию японским исследователям, изучавшим в эпохи Мэйдзи, Тайсё и Сёва древнюю и средневековую историю Сахалина и Курил, а также жизнь их коренного населения¹⁷⁷.

Уже упоминавшийся Сергей Петрович Федорчук опубликовал целый ряд работ, в которых рассказал читателю о жизни славянского населения Южного Сахалина в японский период¹⁷⁸.

Елена Александровна Иконникова на страницах своей книги «Литературное краеведение Сахалинской области: «восточный» компонент»¹⁷⁹ рассказала о литературном наследии японских писателей, чья жизнь так или иначе была связана с Сахалином.

3.10. Изучение экономической истории Сахалина и Курильских островов

Преобразования в сфере экономики, начавшиеся в рассматриваемый период, вызвали дополнительный интерес к проблемам экономической истории Сахалина и Курильских островов. Так, истории народного хозяйства Сахалинской области посвящена значительная часть двух изданий учебного пособия для высших учебных заведений «Экономика Сахалина»¹⁸⁰.

Первая попытка рассказать о начальной истории предпринимательства на Сахалине была сделана владивостокским историком Натальей Анатольевной Троицкой. В первой половине 90-х гг. ею был опубликован целый ряд биографических очерков, посвященных первым сахалинским предпринимателям¹⁸¹.

Большую работу по выявлению и проверке данных сахалинской экономической статистики за 1925-1995 годы проделала Галина Анатольевна Шалкус¹⁸². Вопросами существования порто-франко на Северном Сахалине интересовался Константин Геннадьевич Карлин¹⁸³.

Историей рыбной промышленности Сахалина занимался Анатолий Тимофеевич Мандрик¹⁸⁴, угольной промышленности – Марина Вячеславовна Тетюева¹⁸⁵, сельского хозяйства – Петр Гаврилович Бубнов¹⁸⁶; историей сахалинских бан-

¹⁷⁷ Прокофьев М.М. Японские археологи и этнологи – исследователи Южного Сахалина и Курильских островов. Материалы к биографиям ученых // Краеведческий бюллетень. 1999. № 2-4; 2000. № 2-4; 2001. № 1-4; 2002. № 3,4; Он же. Японские ученые – исследователи Южного Сахалина и Курильских островов (конец XIX – первая половина XX вв.) Биобиблиографические очерки. Кн.1. Южно-Сахалинск, 2006.

¹⁷⁸ Федорчук С. П. Тохара глазами россиян. Южно-Сахалинск, 1994; Он же. Поляки на Южном Сахалине. Южно-Сахалинск, 1994; Он же. Русские на Карафуте. Южно-Сахалинск, 1996; Он же. Римско-католическая церковь на Сахалине. Южно-Сахалинск, 1998.

¹⁷⁹ Иконникова Е.А. Литературное краеведение Сахалинской области: «восточный» компонент. Южно-Сахалинск, 2007.

¹⁸⁰ Экономика Сахалина / Бок Зи Коу, М.С. Высоков и др. Южно-Сахалинск, 1998; Экономика Сахалина / Бок Зи Коу, М.С. Высоков и др. Южно-Сахалинск, 2003.

¹⁸¹ Троицкая Н.А. Русская буржуазия на острове Сахалин. Материалы к биографиям // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1991. № 1. С. 8-14; Она же. Адольф Васильевич Даттан: биография предпринимателя // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1994. № 3. С. 184-188.

¹⁸² Шалкус Г.А. Промышленность Северного Сахалина в 1925-1945 годах // Краеведческий бюллетень. 1996. № 1; Она же. Основные показатели развития промышленности Сахалинской области в 1946 – 1995 годах // Краеведческий бюллетень. 1996. № 4.

¹⁸³ Карлин К.Г. Порто-франко на Северном Сахалине // Краеведческий бюллетень. 1999. № 4.

¹⁸⁴ Мандрик А.Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока: 50-е годы XVII – 30-е годы XX вв.: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Владивосток, 1998; и др.

¹⁸⁵ Тетюева М.В. История формирования и развития угольной промышленности на Сахалине (середина XIX в. – 1945 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 2003.

¹⁸⁶ Бубнов П.Г. Корпус директорский. Южно-Сахалинск, 1995.

ков – Юрий Юрьевич Алин¹⁸⁷, транспорта – Людмила Михайловна Медведева¹⁸⁸ и Александр Иванович Костанов¹⁸⁹, связи – М.С. Высоков¹⁹⁰, историей охраны морских ресурсов – Лев Савельевич Тварковский и Игорь Георгиевич Минервин¹⁹¹.

В связи с начавшимся в последние годы освоением сахалинского шельфа особое внимание уделяется истории нефтяной промышленности Сахалина. Этой отрасли посвящали свои исследования Виктор Иванович Ремизовский¹⁹², Галина Анатольевна Шалкус¹⁹³, И.П. Сорокина¹⁹⁴ и другие.

Вопросы истории японских концессий на Северном Сахалине рассматривают в своих трудах Владимир Николаевич Косторниченко¹⁹⁵, Наталья Викторовна Марьясова¹⁹⁶, Виктор Иванович Ремизовский¹⁹⁷, Юрий Николаевич Жуков¹⁹⁸, Александр Алексеевич Иголкин¹⁹⁹, Семен Спиридонович Хромов²⁰⁰.

¹⁸⁷ Алин Ю.Ю. Организация деятельности денежно-кредитной системы Южного Сахалина в переходный период (1945–1946 годы) // Краеведческий бюллетень. 2000. № 2; Он же. Развитие банковской системы Сахалинской области в 1947–1964 годах // Краеведческий бюллетень. 2001. № 4; Он же. Развитие банковской системы Сахалинской области в 1965–1985 годах // Краеведческий бюллетень. 2002. № 2; Он же. Банковская система Сахалинской области в 1985–1991 годах // Краеведческий бюллетень. 2001. № 1; Он же. Становление современной банковской системы Сахалинской области в 1992–1995 гг. // Краеведческий бюллетень. 2002. № 3.

¹⁸⁸ Медведева Л.М. Развитие транспорта на Сахалине (конец XIX – 60-е годы XX века). Исторический очерк. Южно-Сахалинск, 1994; Она же. Развитие транспорта и его роль в освоении Дальнего Востока СССР (20–30-е годы XX века). Владивосток, 2002; Она же. Роль транспорта в освоении Дальнего Востока СССР. Октябрь 1922 г. – 1945 г. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Владивосток, 2003; Она же. Транспорт Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) Владивосток, 2005.

¹⁸⁹ Костанов А.И. Самая восточная дорога России. Очерки истории Сахалинской железной дороги. М., 1997.

¹⁹⁰ Высоков М.С. История почты, телеграфа и радио на Дальнем Востоке России (40-е гг. XVII – начало XX в. Южно-Сахалинск, 2004; и др.

¹⁹¹ Тварковский Л.С., Минервин И.Г. Охрана живых морских ресурсов российского Дальнего Востока (вторая половина XIX – XX в.). Нижний Новгород, М., 2002; и др.

¹⁹² Ремизовский В.И. Петр Игнатьевич Полевой: биографический очерк // Краеведческий бюллетень. 1995. № 4; Он же. Главный геолог треста «Сахалиннефть» Михаил Григорьевич Танасевич // Краеведческий бюллетень. 1996. № 1; Он же. Хроника сахалинской нефти. Ч. 1. Хабаровск, 1999; Ремизовский В.И., Кандиусова З.Р. Хроника сахалинской нефти. Ч. 2. Хабаровск, 2004; Ремизовский В.И. Охинцы 20-х – 60-х годов: краткие биографические сведения о геологах, геофизиках и нефтяниках Северного Сахалина. Хабаровск, 2001; Он же. Нефть Сахалина в судьбах: Сборник документальных биографических очерков. Ч. 1–2. Хабаровск, 2001–2002; и др.

¹⁹³ Шалкус Г.А. Из истории деятельности японской нефтяной концессии на Северном Сахалине // Краеведческий бюллетень. 1998. № 2; Она же. У истоков сахалинской нефти // Краеведческий бюллетень. 2000. № 4; Она же. Исследование Северного Сахалина советскими геологами в 1925–1941 годах // Краеведческий бюллетень. 2002. № 2; Она же. Нефтепоисковые и нефтеразведочные работы на Северном Сахалине в годы Великой Отечественной войны // Краеведческий бюллетень. 2003. № 1; Она же. История становления и развития нефтяной промышленности на Сахалине (1879–1945 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 2004.

¹⁹⁴ Сорокина И.П. Открытие сахалинской нефти. История одной семьи // Краеведческий бюллетень. 1993. № 1.

¹⁹⁵ Косторниченко В.Н. Иностранный капитал в советской нефтяной промышленности. Волгоград, 2000; Он же. Иностранный капитал в советской нефтяной промышленности, 1918–1932 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. Волгоград, 2001; Он же. Концессионная политика советского руководства в нефтяной промышленности в 20–30-е гг. XX века // Нефть страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917–1991 гг.). М., 2005. С. 261–350.

¹⁹⁶ Марьясова Н.В. Концессионная политика Советского государства на Дальнем Востоке России в 1920-е – 1930-е годы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 1992; Она же. Иностранный капитал на Дальнем Востоке России в 20–30-е годы (концессии и концессионная политика Советского государства). Владивосток, 2000; и др.

¹⁹⁷ Ремизовский В.И. Кита Карафуто Секию Кабукии Кайша: страницы истории японской нефтяной концессии на Северном Сахалине, 1925–1944 гг. Хабаровск, 2000.

¹⁹⁸ Жуков Ю.Н. Нефтяной фактор в политике советской правящей элиты (1921–1929 гг.) // Нефть Страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917–1991 гг.). М., 2005. С. 44–104.

¹⁹⁹ Иголкин А.А. Советская нефтяная промышленность в 1921–1928 годах. М., 1999; Он же. Нефтяная промышленность России – СССР в 1917–1928 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2000; Он же. Особенности развития нефтяной промышленности СССР в годы первых пятилеток (1928–1940 гг.) // Нефть Страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917–1991 гг.). М., 2005. С. 105–191; Он же. Нефтяная политика СССР в 1928–1940 годах. М., 2005; и др.

²⁰⁰ Хромов С. С. Иностранная концессии в СССР. Исторический очерк. Документы. Ч. 1. М., 2006.

На этом фоне не совсем успешной представляется попытка сахалинской исследовательницы Ларисы Петровны Протасовой осветить отдельные социально-экономические аспекты развития Сахалинской области в 70-80-е годы XX века²⁰¹.

3.11. Изучение истории культуры

Не меньший интерес в последние годы вызывает история культуры. История сахалинского театра была освещена в работах Александра Ивановича Костанова²⁰² и Инги Анатольевны Цупенковой²⁰³. Истории сахалинских музеев посвящены публикации А.И. Костанова, Марины Ивановны Ищенко, Игоря Анатольевича Самарина и других²⁰⁴.

Истории образования на Сахалине посвятили свои работы Софья Чунуновна Лим²⁰⁵, Ирина Робертовна Скоробач²⁰⁶, Марина Владимировна Фалей и Ольга Владимировна Соколова²⁰⁷, Александр Иванович Костанов и Ирен Федоровна Поддубная²⁰⁸, Иван Иванович Балицкий²⁰⁹ и другие. Среди работ данного направления нельзя не отметить чрезвычайно слабую монографию Валентины Васильевны Колегановой «История подготовки педагогических кадров на Сахалине (конец XIX – начало XX вв.)»²¹⁰, увидевшую свет в 2002 году в издательстве Сахалинского государственного университета. В названной работе просто поражают сочетание скудной источниковой базы, слабое знание литературы по теме исследования и просто обилие фактических ошибок.

Не так много работ было посвящено истории развития на Сахалине здравоохранения. Данная тема нашла отражение лишь в обстоятельной работе Александра Александровича Мошенского и Игоря Леонидовича Золотухина²¹¹.

²⁰¹ Протасова Л.П. Социально-экономические аспекты развития Сахалинской области в 70-80-е годы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Южно-Сахалинск, 1992.

²⁰² Псевдонимом – А.И. Краев.

²⁰³ Цупенкова И.А. Из истории Сахалинского областного драматического театра в 1940-1960 гг. (по материалам Сахалинского областного краеведческого музея) // Краеведческий бюллетень. 1996. № 4; Она же. Забытый театр. (Из истории Сахалинского корейского драматического театра. 1948-1959 гг.) // Вестник Сахалинского музея. № 4. 1997; Она же. История театральной культуры Сахалинской области (конец XIX – XX вв.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 2005; Краев А.И., Цупенкова И.А. Долгая дорога к большой сцене. Очерки истории театра на Сахалине. Южно-Сахалинск, 2004; и др.

²⁰⁴ Костанов А.И. Юбилей Сахалинского музея // Вестник Сахалинского музея. № 3. 1996; Ищенко М. И. К юбилею Сахалинского музея // Краеведческий бюллетень. 1996. № 4; Самарин И.А. Музей губернаторства Карафуто: история и архитектура // Вестник Сахалинского музея. № 12. 2005.

²⁰⁵ Лим С. Ч. История развития школьной системы на Сахалине (1855-1945 гг.): Сравнительное исследование государственной политики России, Японии и СССР в деле развития школьной системы на Сахалине. М., 1999; Она же. Школьные учреждения Сахалина в период колонизации острова Россией (вторая половина XIX века – 1914 год) // Краеведческий бюллетень. 2001. № 3; Она же. Развитие школьного образования в период колонизации Южного Сахалина Японией (1905-1945 годы) // Краеведческий бюллетень. 2002. № 2.

²⁰⁶ Скоробач И.Р. Становление народного образования на Сахалине во второй половине XIX – первой четверти XX века: Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. М., 2002.

²⁰⁷ Фалей М.В. История становления и развития педагогического образования на Сахалине: 1925-2002 гг.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Комсомольск-на-Амуре, 2004; Фалей М.В., Соколова О.В. История становления педагогического образования на Сахалине (1925-1950). Южно-Сахалинск, 2002.

²⁰⁸ Костанов А.И., Поддубная И.Ф. Корейские школы на Сахалине: Исторический опыт и современность. Южно-Сахалинск, 1994.

²⁰⁹ Балицкий И.И. Развитие школьного образования Сахалинской области в 40-70-х годах XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2005.

²¹⁰ Колеганова В.В. История подготовки педагогических кадров на Сахалине (конец XIX – начало XX вв.) Южно-Сахалинск, 2002.

²¹¹ Мошенский А.А., Золотухин И.А. Очерки истории здравоохранения Сахалинской области. Владивосток, 1995.

Важной составной частью культуры является религиозная жизнь общества. Данной проблематике был посвящен специальный сборник «История государственности и церкви на Сахалине», увидевший свет к двухтысячелетнему юбилею христианства²¹².

Первым среди сахалинских историков религиозной проблематикой занялся Александр Иванович Костанов. В 1992 году увидела свет его монография «Русская православная церковь на Сахалине и Курильских островах»²¹³, за которой последовали другие работы²¹⁴. Историю деятельности на Сахалине и Курилах Русской православной церкви и других религиозных конфессий изучали также Александра Александровна Ипатьева²¹⁵, Наталья Владимировна Потапова²¹⁶, Елена Федоровна Назарова²¹⁷, Виктор Васильевич Маленков²¹⁸, Елена Ивановна Савельева²¹⁹. Сахалинским католикам посвятил свое исследование Сергей Петрович Федорчук²²⁰. А Игорь Анатольевич Самарин в 2005 году издал книгу «Путь богов» по островам²²¹, посвященную синтоистским храмам Южного Сахалина и Курильских островов.

3.12. Изучение проблем дипломатической и военной истории

Среди российских историков традиционно особым вниманием пользуется военная и дипломатическая история. Это тем более понятно, что минувшее XX столетие было временем бесконечных войн и потрясений, а территориальная проблема омрачает российско-японские отношения на протяжении почти всего послевоенного периода²²².

Здесь сильнее, чем где-либо, сказались и значительное расширение источниковой базы, и снятие ранее существовавших запретов. В связи с вышесказанным необходимо прежде всего остановиться на монографии Бориса Николаевича Славинского «Советская оккупация Курильских островов»²²³. По своей сути данная

²¹² История государственности и церкви на Сахалине / Ответственный редактор М.С. Высоков. Южно-Сахалинск, 2001.

²¹³ Костанов А.И. Русская православная церковь на Сахалине и Курильских островах. Исторический очерк. Южно-Сахалинск, 1992.

²¹⁴ Костанов А.И., Кузнецов О.П. Храмы Сахалина и Курил. Южно-Сахалинск, 2000; и др.

²¹⁵ Ипатьева А.А. Русское православное духовенство на Северном Сахалине в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. // А.П. Чехов и Сахалин: Доклады и сообщения международной научной конференции. 28–29 сентября 1995 г. Южно-Сахалинск, 1996.

²¹⁶ Потапова Н. В. Старообрядчество на Сахалине во второй половине XIX–XX веках // Краеведческий бюллетень. 2001. № 1; Она же. Материалы к биографиям православных священнослужителей Сахалина второй половины XIX – начала XX в. // Краеведческий бюллетень. 2002. № 4; Она же. Деятельность христианских конфессий на Сахалине после второй мировой войны (1945–1991 годы) // Краеведческий бюллетень. 2003. № 1; Она же. Религиозная жизнь населения Сахалина на современном этапе (90-е годы XX – начало XXI века) // Краеведческий бюллетень. 2003. № 2; Она же. Религиозная жизнь Сахалина (во второй половине XIX – начале XXI в.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 2004; и др.

²¹⁷ Назарова Е.Ф. Русская православная церковь в Сахалинской области в 1989–1999 гг. // Духовная жизнь Дальнего Востока России. Материалы региональной научно-практической конференции. Хабаровск, 2000; Она же. Религиозное образование в Южно-Сахалинской и Курильской епархии Русской православной церкви (1989–2002 гг.) // Краеведческий бюллетень. 2003. № 2.

²¹⁸ Маленков В.В. Государственная политика в области религии на Дальнем Востоке России (1917–1937 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Южно-Сахалинск, 2004; Он же. Государство и церковь на Дальнем Востоке России (1917–1937 гг.). Южно-Сахалинск, 2006; Он же. Сахалинская ойкумена (краткий историко-религиозный справочник). М., 2006.

²¹⁹ Савельева Е. И. Власть и вероисповедание на Сахалине в 40-е годы XX в. // Краеведческий бюллетень. 1999. № 3.

²²⁰ Федорчук С. П. Римско-католическая церковь на Сахалине. Южно-Сахалинск, 1998.

²²¹ Самарин И.А. «Путь богов» по островам: Синтоистские храмы Южного Сахалина и Курильских островов. Хабаровск, 2005.

²²² Довольно неполный обзор русскоязычной литературы по территориальной проблеме дан в не очень удачной диссертации А.А. Мякотина. См.: Мякотин А.А. Отечественная историография проблемы Курильских островов: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: М., 2006.

²²³ Славинский Б.Н. Советская оккупация Курильских островов (август–сентябрь 1945 года). М., 1993.

работа является продолжением тех изысканий, которые были начаты еще в 50-е гг. советским военным историком Виктором Николаевичем Багровым. Благодаря открытию доступа к ранее закрытым документам Центрального военно-морского архива и Архива Министерства обороны Б.Н. Славинский смог в значительной степени по-новому взглянуть на проблему освобождения Южного Сахалина и занятия Курильских островов советскими вооруженными силами в августе-сентябре 1945 г. Ему удалось убедительно показать тесную связь планов советского руководства по отношению к Сахалину и Курилам с так и не реализованными планами по оккупации острова Хоккайдо.

Столь же новаторскими стали изданные Б.Н. Славинским следом за вышеназванной монографией работы по дипломатической истории советско-японской войны 1945 года²²⁴. Во всех этих работах в той или иной степени затрагиваются вопросы истории Сахалина и Курильских островов. Высказанные в работах Б.Н. Славинского взгляды и выявленный им фактический материал довольно сильно отличались от того, что можно прочесть на страницах изданной в 1987 году коллективной монографии «СССР и Япония»²²⁵.

Непростая история русско-японских отношений, история формирования российско-японской границы и послевоенного территориального спора нашла отражение в фундаментальных работах Кирилла Евгеньевича Черевко²²⁶. Говоря о них, особо следует отметить его обстоятельную диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук «Территориально-пограничные вопросы в отношениях России и СССР с Японией»²²⁷. Наиболее сильными сторонами этой работы являются хорошая источниковая основа и прекрасное знание как российской, так и зарубежной (прежде всего японской и англоязычной) историографии вопроса.

В 2006 году свет увидела обстоятельная монография «Советско-японская война (9 августа – 2 сентября 1945 г.). Рассекреченные архивы (предыстория, ход, последствия)»²²⁸, подготовленная К.Е. Черевко в соавторстве с российским японоведом Алексеем Алексеевичем Кириченко. Несмотря на свое название, книга посвящена скорее дипломатической истории войны, чем боевым действиям. И вполне естественно, что важное место на ее страницах заняли сахалинский и курильский вопросы.

Изыскания К.Е. Черевко нашли продолжение в работах целого ряда российских историков. Хорошая источниковая база позволяет нам выделить работы Алексея Юрьевича Плотникова (определенный интерес представляет его кандидатская диссертация «Русско-японские отношения в период их становления. Посольство Н.П. Резанова и экспедиция 1806-07 годов») ²²⁹ и Анатолия Владимировича

²²⁴ Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941-1945 гг. М., 1995; Он же. Ялтинская конференция и проблема «северных территорий». М., 1996; Он же. СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история, 1937-1945 гг. М., 1999.

²²⁵ СССР и Япония. М., 1987.

²²⁶ Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений. XVII-XIX века. М., 1999; Он же. Серп и молот против самурайского меча. М., 2003; и др.

²²⁷ Черевко К.Е. Территориально-пограничные вопросы в отношениях России и СССР с Японией: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1992.

²²⁸ Черевко К.Е., Кириченко А.А. Советско-японская война (9 августа – 2 сентября 1945 г.) Рассекреченные архивы (предыстория, ход, последствия). М., 2006.

²²⁹ Плотников А.Ю. Русско-японские отношения в период их становления. Посольство Н.П. Резанова и экспедиция 1806-07 годов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1994; Он же. Русская дальневосточная граница в XVIII – первой половине XX века: двести пятьдесят лет движения России на Восток. М., 2007.

Трехсвятского (кандидатская диссертация «Сахалин в системе русско-японских отношений в XIX столетии») ²³⁰.

Вместе с тем не так много нового в дело изучения проблемы добавили работы Бориса Ивановича Ткаченко ²³¹, Владимира Васильевича Кожевникова ²³², Елены Анатольевны Сысоевой ²³³, Ирины Борисовны Стрижовой ²³⁴, Виталия Николаевича Елизарьева ²³⁵.

Об истории посольства Н.П. Резанова в Японию и организованной им экспедиции Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова подробно рассказывает видный российский историк академик Николай Николаевич Болховитинов. Данным вопросам он посвятил целую главу в подготовленной под его руководством фундаментальной «Истории Русской Америки» ²³⁶. В этом добротном материале нас смущает только то, что автор вслед за Э.Я. Файнбергом в очередной раз повторяет рассказ о том, что Н.А. Хвостов основал на Сахалине русскую колонию, якобы просуществовавшую на острове вплоть до 1847 года ²³⁷. Ведь история происхождения данной легенды еще в 50-е годы была самым подробным образом изучена Б.П. Полевым, который на хорошем документальном материале убедительно показал ее полную несостоятельность.

Говоря об истории Сахалина и Курил в связи с историей русско-японских отношений, следует отметить, что для целого ряда авторов данная проблематика стала не столько объектом научного исследования, сколько поводом для перманентных идеологических кампаний. Наиболее яркими примерами подобного подхода являются работы журналиста Олега Ярославича Бондаренко ²³⁸ и японоведа Игоря Александровича Латышева ²³⁹. Для обоих названных авторов история русско-японских отношений является, прежде всего, удобным поводом для разоблачений. Только первый занят разоблачением агрессивной политики России, а второй – разоблачением агрессивной политики Японии. При этом ни первого, ни второго

²³⁰ Трехсвятский А.В. Сахалин в системе русско-японских отношений в XIX столетии: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 2003; Он же. Сахалин в системе русско-японских отношений в XIX столетии // Краеведческий бюллетень. 2003. № 2; 3; 4; 2004. № 2, 4.

²³¹ Ткаченко Б.И. Проблемы эффективности внешней политики России на Дальнем Востоке. Владивосток, 1996.

²³² Кожевников В.В. Советско-японские политические отношения во второй половине 80-х годов XX в. (апрель 1985 г. – апрель 1991 г.). Владивосток, 1992; Он же. Российско-японские отношения в XVIII-XIX веках. Владивосток, 1997; Он же. Российско-японские отношения на современном этапе: Проблемы и поиски решений. Владивосток, 1997; Он же. Проблема Сахалина и Курильских островов в российско-японских отношениях // Исторические чтения. Труды Государственного архива Сахалинской области. № 2. Южно-Сахалинск, 1997; и др.

²³³ Сысоева Е.А. Сахалин и Курильские острова в русско-японских отношениях 1855-1875 гг. (От Симодского трактата до Петербургского договора): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 2004.

²³⁴ Стрижова И.Б. Русско-японские отношения XVIII – начала XIX вв.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саранск, 2003.

²³⁵ Елизарьев В.Н. Южный Сахалин и Курильские острова в российско-японских отношениях: XVIII – середина XIX вв.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2003; Он же. История Сахалина и Курильских островов в российско-японских отношениях. Кн.1-3. Южно-Сахалинск, 2002-2006.

²³⁶ Болховитинов Н.Н. Н.П. Резанов и первое русское путешествие россиян (1803-1806) // История Русской Америки (1732-1867). Т.2. М., 1999. С. 84-114.

²³⁷ Там же. С. 108.

²³⁸ Бондаренко О.Я. Неизвестные Курилы: Серьезные размышления о статусе Курильских островов. М., 1992.

²³⁹ Латышев И.А. Покушение на Курилы. Южно-Сахалинск, 1992; Он же. Япония, японцы и японоведы: Как складывались и освещались в печати во второй половине XX в. советско-японские и российско-японские отношения. М., 2001; Он же. Россия и Япония в тупике территориального спора: 4 года невнятной дипломатии В. Путина, 2000-2004. М., 2004; Он же. Путин и Япония. Будут ли уступки? М., 2005.

совершенно не интересует все то, что не укладывается в их собственную схему. В подобном ключе написана и книга «Русские Курилы: История и современность»²⁴⁰.

На этом фоне весьма респектабельно смотрится составленная российским японистом Юрием Владимировичем Георгиевым обстоятельная подборка высказываний по территориальному вопросу между Россией и Японией как российских, так и зарубежных исследователей, опубликованная в книге «Курилы – острова в океане проблем»²⁴¹.

Возвращаясь к военной истории Сахалина, следует отметить ряд работ, посвященных истории боевых действий на Сахалине в период русско-японской войны. В рассматриваемый период данной темой занимались Игорь Анатольевич Самарин²⁴² и Виталий Николаевич Елизарьев²⁴³.

Следует отметить также работу Владислава Михайловича Латышева и Олега Павловича Кузнецова, подготовивших к печати впервые переведенное на русский язык исследование австрийского военного историка С. Н. Урсун-Прушински «Бои на острове Сахалине во время русско-японской войны»²⁴⁴.

В 2005 году увидело свет подготовленное М.С. Высоковым при участии Елены Ивановны Савельевой и Марины Владимировны Гридяевой переиздание книги воспоминаний С. Кукуниана «Последние дни на Сахалине»²⁴⁵. По мнению М.С. Высокова, изложенному в послесловии, данная книга скорее всего является обыкновенной мистификацией. Это тем более интересно, что информация, которая содержится в данной публикации, два десятилетия тому назад получила чрезвычайно широкое распространение. Материал С. Кукуниана был использован в качестве достоверного источника одним из популярнейших российских писателей 70-80-х гг. Валентином Савичем Пикулем при работе над романом «Каторга».

Из работ сахалинских авторов, посвященных истории Сахалина и Курил в годы второй мировой войны, существенно выделяются публикации Николая Васильевича Вишневого²⁴⁶. Особого упоминания заслуживает его книга «Смерть в четырех шагах», посвященная подвигам русских солдат на Сахалине в августе 1945 года. Содержание и общая направленность книги в значительной степени определялись источниками, которые автор пользовался при ее написании. А одним из главных источников Н.В. Вишневого стали воспоминания рядовых участников войны. И оказалось, что солдатская правда не всегда совпадает с правдой

²⁴⁰ Русские Курилы: История и современность /В.К. Зиланов, А.А. Кошкин, И.А. Латышев, А.Ю. Плотников, И.А. Сенченко. М., 1995; Русские Курилы: История и современность /В.К. Зиланов, А.А. Кошкин, И.А. Латышев, А.Ю. Плотников, И.А. Сенченко. М., 2002.

²⁴¹ Курилы – острова в океане проблем. М., 1998.

²⁴² Самарин И.А. Боевые действия на Северном Сахалине во время русско-японской войны 1904-1905 гг. // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1993. № 3. С.72-108; Он же. Боевые действия российской подводной лодки «Кета» в Татарском проливе летом 1905 г. // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1994. № 2. С.32-40; и др.

²⁴³ Елизарьев В.Н. Русско-японская война 1904-1905 гг. и ее последствия для освоения и заселения острова Сахалина. Южно-Сахалинск, 2005.

²⁴⁴ Урсун-Прушински С. Н. Бои на острове Сахалине во время русско-японской войны. Перевод с немецкого Т.Г. Ладонцевой. Вступительная статья и примечания В.М.Латышева. Подготовка текста к печати О.П. Кузнецова // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1995. № 3. С. 43-81.

²⁴⁵ Кукуниан С. Последние дни на Сахалине. Воспоминания. Подготовка текста к печати и послесловие М.С. Высокова, примечания М.С. Высокова, Е.И. Савельевой и М.В. Гридяевой // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 2005. № 4. С. 63-99.

²⁴⁶ Вишневский Н.В. Отасу. Южно-Сахалинск, 1994; Он же. Смерть в четырех шагах. Южно-Сахалинск, 1995; Он же. Сахалин и Курильские острова в годы второй мировой войны: Краткий энциклопедический справочник. Южно-Сахалинск, 2000.

генералов, офицеров и политработников, часто и обстоятельно вспоминая о событиях военного времени. Данные особенности книги Н.В. Вишневого вызвали отрицательные эмоции у одного из самых заслуженных участников боев на Южном Сахалине Героя Советского Союза Григория Григорьевича Светецкого, который резко выступил против автора не понравившейся ему книги. На страницах «Краеведческого бюллетеня» были опубликованы материалы дискуссии, развернувшейся между Г.Г. Светецким, Н.В. Вишневым и ставшим на защиту его книги Б.Н. Славинским²⁴⁷.

Проблемы военной истории Сахалина и Курил освещены также в работах Константина Ерофеевича Гапоненко²⁴⁸, Владислава Михайловича Латышева²⁴⁹, Игоря Анатольевича Самарина²⁵⁰, других авторов.

Среди этих других особо следует выделить появившиеся в последнее время публикации Александра Борисовича Широкограда, посвященные военным конфликтам между Россией и Японией. Дело в том, что те страницы его книг, на которых освещается история боевых действий на Сахалине в августе 1945 года, демонстрируют читателю, что автор просто не знаком ни с документами, ни с основной литературой по данному вопросу²⁵¹.

Завершая обзор публикаций, посвященных военной истории Сахалина, необходимо сказать о сахалинской Книге Памяти²⁵². Начиная с конца 80-х гг., Александр Михайлович Пашков и возглавляемый им коллектив проделали огромную кропотливую работу по подготовке ряда книг, на страницах которых представлены сведения о подавляющем большинстве сахалинцев, погибших на фронтах Великой Отечественной войны и во время боев за освобождение Южного Сахалина и Курильских островов в августе 1945 года. Вместе с тем данными книгами нужно пользоваться осторожно из-за целого ряда имеющихся в них существенных ошибок, которые не были выявлены в процессе их подготовки к изданию²⁵³.

²⁴⁷ Светецкий Г.Г. Критические замечания к книге Н. В. Вишневого «Смерть в четырех шагах» // Краеведческий бюллетень. 1996. № 4; Славинский Б.Н. Рецензия на книгу Николая Вишневого «Смерть в четырех шагах» // Краеведческий бюллетень. 1996. № 4; Вишневский Н. В. Не могу согласиться с героем // Краеведческий бюллетень. 1996. № 4.

²⁴⁸ Гапоненко К.Е. Трагедия деревни Мидзухо. Южно-Сахалинск, 1993; Он же. Болят старые раны. Южно-Сахалинск, 1995; Он же. Жернова. Южно-Сахалинск, 1995; и др.

²⁴⁹ Латышев В.М. Порт-Артур-Сахалин. (Крейсер «Новик» в русско-японской войне 1904-1905 гг.) Южно-Сахалинск, 1994; и др.

²⁵⁰ Самарин И.А. Боевые действия на Северном Сахалине во время русско-японской войны 1904-1905 гг. // Краеведческий бюллетень. 1993. № 3; Он же. Корабли десанта: Аннотированный список боевых кораблей и вспомогательных судов, принимавших участие в десантах на Сахалине и Курильских островах в августе 1945 года // Вестник Сахалинского музея. № 3. 1996; Он же. Тайна гибели «А-19» // Краеведческий бюллетень. 1996. № 4; Он же. Оборона устья Амура в годы русско-японской войны // Краеведческий бюллетень. 1997. № 4; Он же. Схема артиллерийского контроля над проливом Лаперуза (Соя-кайю) в конце второй мировой войны // Краеведческий бюллетень. 1998. № 4; и др.

²⁵¹ Широкоград А.Б. Русско-японские войны, 1904-1945 гг. Минск, 2003. С. 638-646; Он же. Дальневосточный финал. М., 2005. С. 255-267.

²⁵² Книга Памяти. Российская Федерация. Сахалинская область. Южно-Сахалинск, 1994; Книга Памяти. Российская Федерация. Сахалинская область. Т.2. Южно-Сахалинск, 1995; Россия помнит имена: Участники Великой Отечественной войны, воины-афганцы – призывники Сахалинской области 1941-1945 гг.; 1978-1987 гг. Южно-Сахалинск, 1996; Сахалинская областная Книга Памяти. Т.13. Южно-Сахалинск, 2003; Сахалинская областная Книга Памяти. Т.20. Южно-Сахалинск, 2006; и др.

²⁵³ Более подробную оценку данной работы см.: Высоков М.С. История Сахалина и Курильских островов в годы второй мировой войны в освещении отечественной историографии // Сахалин и Курилы в войнах XX века: Материалы научной конференции (7-10 июня 2005 г.) Южно-Сахалинск, 2005; Он же. Боевые действия на Южном Сахалине и Курильских островах в августе 1945 года в освещении современной отечественной историографии // Краеведческий бюллетень. 2005. № 3.

Владимир Леонидович Подпечников²⁵⁴ и Марина Александровна Кузьмина²⁵⁵ рассмотрели в своих публикациях проблемы репатриации с территории Южного Сахалина гражданского населения и военнопленных.

Отдельного упоминания заслуживает небольшая публикация Александра Ивановича Костанова, осветившая один из эпизодов противостояния спецслужб СССР и США после окончания второй мировой войны. В своей публикации А.И. Костанов, опираясь на недавно рассекреченные архивные материалы, рассказал о судьбе заброшенного на Сахалин агента американской разведки Е.Г. Голубева²⁵⁶.

3.13. Изучение истории государственного и муниципального управления

На рубеже XX-XXI столетий самое пристальное внимание было уделено истории властных структур Сахалинской области.

Первым губернаторам Сахалина были посвящены статьи владивостокского историка Натальи Анатольевны Троицкой²⁵⁷.

Истории Сахалинского ревкома, управлявшего Сахалинским округом в 1925-1928 гг., посвятил свое исследование Анатолий Тимофеевич Кузин²⁵⁸.

В связи с тем, что на протяжении всего советского периода реальная власть находилась в руках у партийных органов, сахалинские историки должны были изучить механизм действия этой власти. И здесь следует отметить ту большую работу, которую провел Николай Иванович Колесников. Сначала на страницах журнала «Краеведческий бюллетень» им были опубликованы биографии всех руководителей сахалинской окружной, а затем и областной организации ВРК(б)-КПСС, а затем данные материалы были изданы в виде отдельных книг «Они правили областью» (увидела свет в 1995 году) и «Время и власть (руководители Сахалинской области советского периода. 1925-1991)» (2001 год)²⁵⁹.

В 2000 году свет увидел сборник «Губернаторы Сахалина»²⁶⁰, включавший биографические очерки всех глав сахалинской администрации в имперский, советский и постсоветский периоды. Правда, рассказывая о советском периоде, составители сборника посчитали, что здесь нужно рассказать о председателях Сахалинского облисполкома. Однако для всех, кто знает историю советского периода, ясно, что реальным главой исполнительной власти на местах был руководитель местного партийного комитета. На уровне области это был первый секретарь обкома партии. Именно его с полным основанием можно было называть губернатором Сахалинской области. Что же касается председателя исполнительного комитета Сахалинского областного Совета, то он в соответствии с советской табелью о рангах являлся сначала вторым, а потом и третьим лицом в руководстве Сахалинской области.

²⁵⁴ Подпечников В.А. Репатриация // Краеведческий бюллетень. 1993. № 1. С.102-118.

²⁵⁵ Кузьмина М.А. Японские военнопленные на Сахалине // Вестник Сахалинского музея. № 4. 1997.

²⁵⁶ Костанов А.И. Неизвестный эпизод «холодной войны» на Дальнем Востоке (дело агента американской разведки Е.Г. Голубева) // Вестник Сахалинского музея. № 9. 2002.

²⁵⁷ Троицкая Н. А. Сахалинские губернаторы // Краеведческий бюллетень. 1998. № 1. С. 92-94; № 2. С. 49-53.

²⁵⁸ Кузин А.Т. Сахалинский ревком: документально-исторический очерк. Южно-Сахалинск, 2000.

²⁵⁹ Колесников Н.И. Они правили областью. Южно-Сахалинск, 1995; Он же. Время и власть (руководители Сахалинской области советского периода. 1925-1991). Южно-Сахалинск, 2001.

²⁶⁰ Губернаторы Сахалина. Южно-Сахалинск, 2000.

Особого упоминания заслуживает оригинальное исследование Анатолия Викторовича Ремнева «Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков», на страницах которого на основе управленческо-регионального подхода освещается история имперской политики в регионе (в том числе и на Сахалине)²⁶¹.

3.14. Изучение преступлений сталинского режима

Начавшиеся в середине 80-х годов политические процессы неизбежно привели российское общество к пониманию до конца разобраться с историей преступлений сталинизма против всех народов нашей страны. Сахалин был одним из тех мест, где репрессии приняли просто чудовищный размах. Об этом свидетельствуют Книги Памяти жертв политических репрессий, подготовленные сахалинскими историками Александром Михайловичем Пашковым и Владимиром Леонидовичем Подпечниковым²⁶². Кроме вышеназванных авторов историю политических репрессий на Сахалине изучали Людмила Михайловна Медведева²⁶³, Виктор Иванович Ремизовский²⁶⁴ и другие.

Марина Александровна Кузьмина посвятила целый ряд исследований использованию принудительного труда на так называемых «великих стройках сталинских пятилеток»²⁶⁵.

М.С. Высоков, основываясь на материалах, выявленных им в Российском государственном архиве социально-политической истории и Сахалинском центре документации новейшей истории, показал, как на рубеже 20–30-х гг. XX столетия в высшем руководстве СССР шло обсуждение вопроса о превращении Северного Сахалина в место массовой высылки осужденных²⁶⁶.

3.15. Изучение истории отдельных территорий и населенных пунктов

Кроме истории Сахалина и Курил в целом сахалинские историки изучали историю отдельных территорий. Так, истории острова Монерон посвятил свою книгу Игорь Анатольевич Самарин²⁶⁷.

²⁶¹ Ремнев А.В. *Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков.* Омск, 2004.

²⁶² Пашков А.М. *Боль и память.* Южно-Сахалинск, 1990; *Книга Памяти жертв политических репрессий в Сахалинской области.* Пашков А.М., Подпечников В.Л. Южно-Сахалинск, 1996; *Список репрессированных из числа коренных народов Сахалина и других народов Севера.* Составитель В. Л. Подпечников // *Краеведческий бюллетень.* 1999. № 1; *Книга Памяти о корейцах Сахалинской области, пострадавших от политических репрессий и депортации.* Пашков А.М., Подпечников В.Л. Южно-Сахалинск, 2000; *Книга Памяти жертв политических репрессий в Сахалинской области.* Пашков А.М., Подпечников В.Л. Южно-Сахалинск, 2000; *Сахалинская областная Книга Памяти («Возвращенные имена – жертвы политических репрессий»).* Пашков А.М., Подпечников В.Л. Южно-Сахалинск, 2003; *Книга Памяти о калмыках – спецпереселенцах на острове Сахалин.* Пашков А.М. Элиста, 2003; Пашков А.М. *Немцы – спецпереселенцы на Сахалине: политические, исторические и источниковедческие аспекты* // *Вестник Сахалинского музея.* № 10. 2003; *Сахалинская областная Книга Памяти («Возвращенные имена – жертвы политических репрессий»).* Пашков А.М., Подпечников В.Л. Южно-Сахалинск, 2004; и др.

²⁶³ Медведева Л. М. *Из истории сахалинских лагерей* // *Краеведческий бюллетень.* 1992. № 2.

²⁶⁴ Ремизовский В. И. *Донос* // *Краеведческий бюллетень.* 1994. № 3; Он же. *Репрессированные геологи Дальнего Востока: краткие биографические сведения с указанием первоисточников.* Хабаровск, 2001.

²⁶⁵ Кузьмина М.А. *Стройка № 15* // *Краеведческий бюллетень.* Южно-Сахалинск, 1997. № 4; 1998. № 1–4; Она же. *Использование принудительного труда заключенных на «великих сталинских стройках» в Нижнем Приамурье (1929–1955 гг.).* Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Комсомольск-на-Амуре, 2004; и др.

²⁶⁶ Высоков М.С. *Советская колонизация Сахалина на рубеже 20–30-х гг.: выбор пути* // *Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры.* Южно-Сахалинск, 1994. С. 99–104.

²⁶⁷ Самарин И.А. *История острова Монерон.* Южно-Сахалинск, 1996.

Целый ряд сахалинских историков и краеведов приняли участие в написании истории отдельных населенных пунктов. Истории города Южно-Сахалинска посвятили свои работы и Сергей Петрович Федорчук²⁶⁸, Анатолий Тимофеевич Кузин²⁶⁹, Александр Иванович Костанов и Владимир Владимирович Семенчик²⁷⁰. Перу А.И. Костанова принадлежат исторические очерки о городе Холмске и поселке Ноглики²⁷¹. История города Невельска нашла свое отражение в книге Александра Михайловича Лопачева и Льва Савельевича Тварковского²⁷².

Одной из важных особенностей современного этапа в развитии историографии истории региона является быстрый рост интереса к истории небольших населенных пунктов. Поселкам и селам Сахалина посвятили свои исследования Владимир Леонидович Подпечников²⁷³, Игорь Анатольевич Самарин²⁷⁴, Надежда Ивановна Шаброва²⁷⁵, Юрий Александрович Вакуленко²⁷⁶ и другие авторы.

Из самых последних публикаций этого направления хотелось бы выделить брошюру А.И. Костанова и И.А. Самарина «Пост в заливе Делангля», посвященную 150-летию русского военного поста Кусунай²⁷⁷.

3.16. Основные итоги

Итак, за полтора последних десятилетия российские историки сумели довольно далеко продвинуться в изучении истории Сахалина и Курил. В научный оборот введен мощный пласт новых, до недавнего времени неизвестных источников. Немало сделано и для их осмысления. Однако впереди еще очень много дел. На очереди подготовка фундаментального исследования, в основу которого должны лечь как российские, так и японские, китайские и иные источники. А для этого необходимо создание международного авторского коллектива, включающего как минимум российских, японских и китайских специалистов.

Новое поколение историков пойдет дальше нас. И мы надеемся, что настоящий обзор хоть немного поможет этому поколению в определении (а быть может – и решении) стоящих перед ним задач.

²⁶⁸ Федорчук С. П. Тохара глазами россиян. Южно-Сахалинск, 1994.

²⁶⁹ Кузин А.Т. Южно-Сахалинск: с вершины века. Исторический очерк. Южно-Сахалинск, 1996; Он же. Летопись Южно-Сахалинска. 1882-2005. Южно-Сахалинск, 2006; и др.

²⁷⁰ Костанов А.И., Семенчик В.В. Южно-Сахалинск: Три цвета времени. Владивосток, 2002; и др.

²⁷¹ Костанов А.И., Семенчик В.В. Южно-Сахалинск: Три цвета времени. Владивосток, 2002; Морские ворота Сахалина. Хабаровск, 2005; Ноглики: Время больших перемен. Владивосток, 2005; и др.

²⁷² Лопачев А.М., Тварковский Л.С. Город Невельск: Исторический очерк. Южно-Сахалинск, 1993.

²⁷³ Подпечников В.Л. История Погиби // Краеведческий бюллетень. 1995. № 4; Он же. Поселок у мыса Иль-Ыл // Исторические чтения: Труды Государственного архива Сахалинской области. № 1. 1995; Он же. История таежного села // Вестник Сахалинского музея. 1995. № 1; Он же. История населенных пунктов Рыбновского побережья // Краеведческий бюллетень. 1997. № 2; Он же. На берегах Сахалина: Историко-краеведческие очерки. Южно-Сахалинск, 2001; Он же. Поселения острова: Очерки истории Сахалина. Южно-Сахалинск, 2003.

²⁷⁴ Самарин И.А. Посёлок Амбецу // Вестник Сахалинского музея. № 6. 1999; и др.

²⁷⁵ Шаброва Н.И. История села Березняки. Южно-Сахалинск, 2003.

²⁷⁶ Синегорск – Каваками: возвращение в XX век: Историческая судьба шахтерского поселка на юге Сахалина глазами школьников из детского историко-этнографического клуба «Наследие». Хабаровск, 2003; Вакуленко Ю.А. Поселок Синегорск (исторический очерк) // Вестник Сахалинского музея. № 11. Южно-Сахалинск, 2004.

²⁷⁷ Костанов А.И., Самарин И.А. Пост в заливе Делангля (к 150-летию русского военного поста Кусунай). Южно-Сахалинск, 2007.

Часть вторая. САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Глава 4

САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В ЭПОХУ ПАЛЕОЛИТА (200-12 тыс. лет назад)

4.1. Синантроп и первоначальное заселение Сахалина

Впервые наши далекие предшественники проникли на Сахалин около двухсот тысяч лет назад. В это время одним из главных очагов развития рода *Номо* (Человек) наряду с Африкой и Ближним Востоком была Восточная и Юго-Восточная Азия. В начале XX века недалеко от города Пекин археологи открыли ныне известную на весь мир пещеру Чжоукоудянь. В ней в эпоху раннего палеолита обитали синантропы – прямоходящие человекообразные существа ростом 160-170 см, относящиеся, как и мы, к роду Человека, но во многом отличающиеся от нас, в том числе и меньшим объемом головного мозга – до 1400 куб. см. Их осанка, нехарактерная для обезьян, и дала название этому виду – Человек Прямоходящий (*Homo Erectus*).

Прямоходящего, чьи останки были впервые найдены на о. Ява, назвали питекантропом. В Китае по месту находки (China) его нарекли синантропом, то есть китайским или пекинским. А в Европе – по тому же принципу – гейдельбергским человеком. Возраст культурного слоя пещеры, где были обнаружены кости синантропов, огромен, он составляет от 450 до 230 тысяч лет. Эти люди были современниками саблезубого тигра, мамонта и шерстистого носорога. Но они уже жгли огонь и изготавливали орудия труда из камня. Вероятно, овладев огнем, Прямоходящие стали распространяться в ранее недоступные им районы Северо-Восточной Азии. Предположительно это произошло более 200 тысяч лет назад, то есть на рубеже раннего и среднего палеолита, когда люди достигли больших результатов и в обработке камня и дерева, и научились охотиться на животных, как методом загона, так и с помощью заостренных бамбуковых и деревянных копий. Эти успехи привели к увеличению добываемой пищи и, как следствие, численности самого Человека Прямоходящего.

Хотя заметим, менялся и сам Человек. Соотношение между развитием культуры палеолита и изменением физического облика человека еще не совсем ясный для науки вопрос. Возможно, что происхождение культуры рубежа раннего и среднего палеолита связано с синантропом. Для Восточной Азии этот вопрос еще не решен, но на Ближнем Востоке, в Средней Азии и в Европе в указанный период на смену Прямоходящим приходит неандерталец. Правда, по другой теории, неандерталец не был нашим предком и сосуществовал, а затем был вытеснен более развитым

существом – своего рода промежуточным звеном между Homo Erectus и Homo Sapiens.

Увеличение численности людей автоматически приводило к необходимости миграции человеческих коллективов в ранее неосвоенные районы Севера. Достиженные человеком результаты в развитии древнейших технологий обработки природных материалов и освоение огня мы относим к внутренним условиям его экспансии на Север. К внешним условиям его экспансии можно отнести существенное потепление климата в условиях межледникового периода.

Самая жгучая проблема заключается в том, к какому антропологическому типу принадлежал этот человек. Был ли он Прямоходящим, либо соответствовал неандертальцу, либо это была уже сапиентная форма, пока не ясно. В ближайших к Сахалинской области районах России стоянки раннего и среднего палеолита удалось обнаружить на Алтае, Ангаре, в Красноярском крае и в Якутии.

4.2. Стоянка Сенная-1

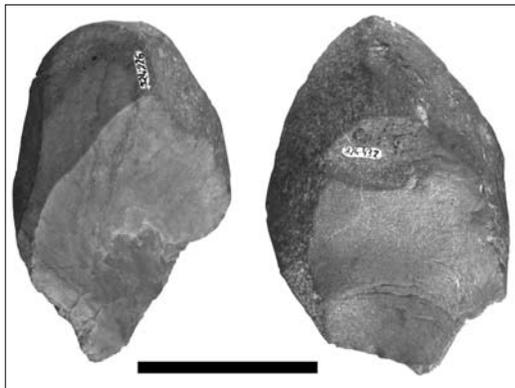


Рис. 1. Галечные орудия с шипом и скребловидным краем с краевой ударной ретушью. Эпоха нижнего палеолита. Стоянка Сенная-1

На Сахалине стоянка, датированная эпохой раннего палеолита, обнаружена вблизи села Советское Долинского района. Она располагается в предгорьях Долинского хребта на берегу реки Сенной, впадающей в озеро Лебяжье. На стоянке Сенная-1 во время раскопок археологи нашли грубые орудия труда. Среди каменных изделий преобладают массивные скребла – универсальные орудия нижнего и среднего палеолита. Люди разделявали ими туши животных, выскребали шкуры, затачивали деревянные изделия – копыя, дубинки. Еще одна разновидность каменных орудий – остря. Вероятнее всего, их также

использовали для разных трудовых операций, в том числе в качестве проколов и ножей. Все орудия на стоянке Сенная-1 изготовлены из кварцита, необычайно твердого и крепкого камня. Эти орудия называют галечными, потому что заготовками для них служили гальки. Люди собирали их на речном берегу – археологам удалось установить это по характеру отложений на стоянке – находки обнаружены в слоях спрессованного песка, суглинков, речного ила и гальки.

Древние слои сохраняют свою первоначальную намагниченность и прочую весьма полезную информацию. Например, химико-физическими методами посредством сравнения магнитных характеристик древних отложений можно выявить их «возраст». Это позволяет довольно точно подсчитать и время существования стоянок древнего человека, погребенных в этих слоях. На стоянке Сенная-1 вычисленный возраст культурных слоев № 3, 4, 5 и 6 соответственно составил 197000 ± 32000 , 175000 ± 28000 , 167000 ± 19000 , 154000 ± 15000 лет. Возраст этого многослойного памятника заполнил хронологический интервал от 229 до 139 тысяч лет. Это самые древние даты, полученные на стоянке Человека на Дальнем

Востоке России, и одни из древнейших в нашей стране. Предположительно люди посещали местность в течение многих десятков тысяч лет – культурный слой, содержащий орудия труда, глубокий – более двух метров. Но следов жилищ и костров не обнаружено. То ли они не сохранились от времени, то ли главную стоянку, на которой обитали Прямоходящие, археологи еще просто не нашли.

Климат в то время был несколько теплее, чем ныне. Об этом свидетельствует выделенная при промывке культурного слоя пыльца древних теплолюбивых растений – липы, дуба, вяза, сосны, кедра, водного папоротника. В то же время в образцах с Сенной встречена и пыльца холодостойких растений – березы и ольхи. Сахалин входил в то время в зону темнохвойно-широколиственных лесов, весьма благоприятную для Человека. В ту пору в Северо-Восточной Азии обитали тигр, пещерный лев, пантера, пещерный медведь, слон Наумана, мамонт, шерстистый носорог, а также гигантские олени, дикие лошади и другие, как ныне живущие, так и давно вымершие животные.

Люди в то время жили небольшими группами и вели преимущественно кочевой образ жизни, занимаясь собирательством и охотой. Постоянно передвигаясь в поисках пищи, они шли от стоянки к стоянке, останавливались в местах удачной охоты и для изготовления орудий труда на месторождениях кварцита и кремня. Осенью уходили на юг, летом продвигались далеко на север. Судя по самому изученному памятнику той эпохи – описанной пещере Чжоукоудянь, осенью и зимой они укрывались в пещерах, где огонь спасал их от стужи. Праобщина представляла собой группу родственников, включавшую, вероятнее всего, около десяти-пятнадцати человек трех поколений (старшие, средние и младшие) и управлявшуюся вожаком – самым сильным мужчиной группы. Отношения регулировались законами стаи. Так поддерживается порядок у многих коллективных, в т.ч. хищных, животных. Человек, несомненно, был хищником, который наряду с собирательством жил за счет охоты. Он был рад любой добыче, в еду шло все – и жук, и корни и травы, и мыши, и зайцы, и олени, а если повезет – и более крупные животные. Как все хищники, люди эпохи палеолита чаще всего добывали раненых, ослабевших от голода или жажды, больных, старых животных, детенышей. На тихоокеанском побережье, в том числе на Сахалине, их не могли не привлекать легко доступные в период нереста лососи в ручьях, корюшка и селедка, мечущая икру у берега моря, крабы, моллюски, морская трава и, несомненно, стада тюленей. Морской берег был притягателен для Человека всегда, здесь всегда была еда. И поэтому люди шли к океану во все эпохи, невзирая на преграды и расстояния.

4.3. Сухопутные мосты

На Сахалин, Хоккайдо и Курилы люди попадали по сухопутному мосту, который время от времени соединял острова с континентом. Перемычки появлялись в холодные ледниковые эпохи и исчезали в морских водах в периоды межледниковых потеплений. Сахалин был своеобразным мостом, через который транзитом проходили на о. Хоккайдо и далее на Южные и Малые Курилы животные, а вслед за ними – и Человек. Острова Итуруп, Уруп и Симушир в позднем плейстоцене, по крайней мере в последние 150 тысяч лет, были изолированы от континента. А северные острова – Шумшу и Парамушир – были частью Камчатского полуострова, и их флора и фауна формировались под иным влиянием, нежели на юге цепи. В связи с этим археологи считают, что в эпоху верхнего палеолита северная часть



Рис. 2. Колебания уровня Мирового океана и формирование проливов в Японском и Охотском морях (по: "Геологическое развитие Японских о-вов". – М:Мир, 1968)

архипелага была заселена выходцами с Камчатки, а южная – жителями Сахалина и Хоккайдо.

В течение последнего миллиона лет потепления и похолодания с определенной цикличностью меняют друг друга. При этом разница между пиками холода и тепла по степени воздействия на среду обитания Человека грандиозна. Например, в ледниковом периоде, около двадцати тысяч лет назад, на месте современного города Южно-Сахалинска простиралась тундра. И, напротив, в периоды глобальных потеплений, в т.ч. в последний раз, в VI тысячелетии до нашей эры здесь произрастали хвойно-широколиственные леса, наряду с елью и пихтой распространялись бук, клен, дуб, вяз, орех. Причины периодичности потеплений и похолоданий еще не до конца изучены, но по современным представлениям, они имеют планетарный характер и зависят от степени воздействия на Землю различных космических факторов, прежде всего силы солнечного излучения. Последствия периодических колебаний климата особенно ощутимы в островных условиях. В ледниковые эпохи значительная часть вод Мирового океана переходит в твердое состояние и по-полняет ледовые шапки на полюсах нашей планеты. Поэтому в ходе последнего, самого сильного оледенения уровень Мирового океана, по разным оценкам, был ниже современного на 120-140 метров. Это означает, что море уходило от современного берега на десятки километров, и на месте современных морских заливов простиралась заболоченные низменности. Таковы, например, равнины Терпения и Анива, располагавшиеся на месте одноименных заливов в период от 22 до 15 тысяч лет назад. В периоды потеплений ледовые шапки Земли отдают воду в Мировой океан, и она подтапливает прибрежную зону островов, в том числе на Сахалине и Курилах. Образовывались теплые морские заливы и фьорды, перешеек между Сахалином и материком исчезал под морскими волнами. Вполне понятно, что, не обладая искусством мореплавания, человек не мог достичь средних Курильских островов. Однако на Южные Курилы и Хоккайдо, судя по некоторым находкам на этом острове, Человек проникает в самом начале позднего палеолита, между 30-20 тыс. лет. Эти вопросы еще не до конца изучены учеными и требуют своего дальнейшего глубокого исследования методами современной науки.

4.4. Сахалин и Курильские острова в эпоху позднего палеолита. Заселение территории Человеком современного вида

Около 25 тысяч лет назад на Земле началось очередное похолодание климата, которое достигло своего апогея 20 тысяч лет назад. В этот период, как бы это ни казалось странным, на Земле происходит расцвет культуры человеческого общества верхнего палеолита. Что же произошло? Ученые считают, что в период похолодания жизненное пространство на Земле сузилось из-за того, что с севера на юг наступал ледник, который уничтожал все на своем пути. Сокращение благоприятной для древних людей климатической зоны повлекло за собой борьбу между первобытными коллективами за выживание. При этом значительная часть древнего населения вынуждена была уйти и проживать в условиях приледниковой тундры и лесотундры. Сахалин и Курилы в силу своего прибрежного положения сохранили более мягкий климат и весьма благоприятные условия проживания животных и людей, нежели континентальные районы Северо-Восточной Азии.

Во-первых, оледенение здесь коснулось только высокогорных районов Камышового хребта и Восточно-Сахалинских гор. Хотя на крайнем севере влияние ледни-

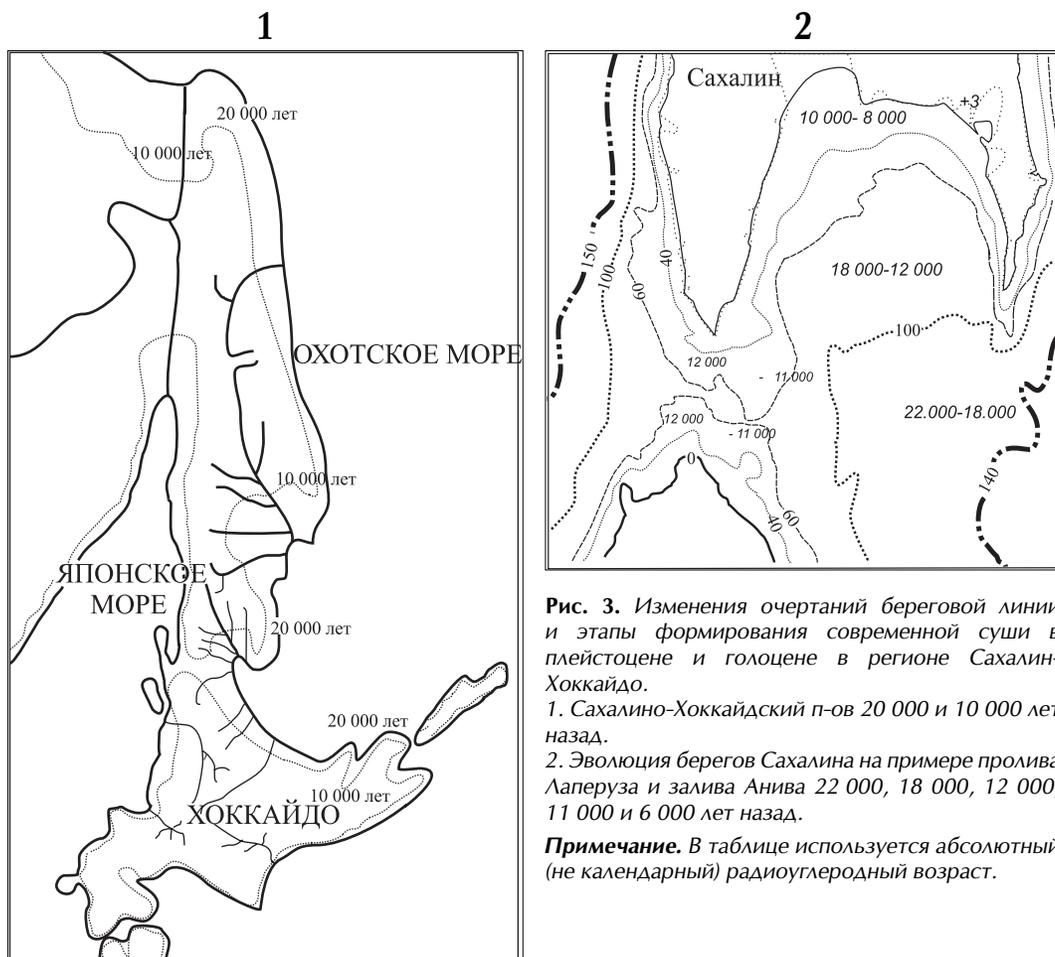


Рис. 3. Изменения очертаний береговой линии и этапы формирования современной суши в плейстоцене и голоцене в регионе Сахалин-Хоккайдо.

1. Сахалино-Хоккайдский п-ов 20 000 и 10 000 лет назад.

2. Эволюция берегов Сахалина на примере пролива Лаперуза и залива Анива 22 000, 18 000, 12 000, 11 000 и 6 000 лет назад.

Примечание. В таблице используется абсолютный (не календарный) радиоуглеродный возраст.

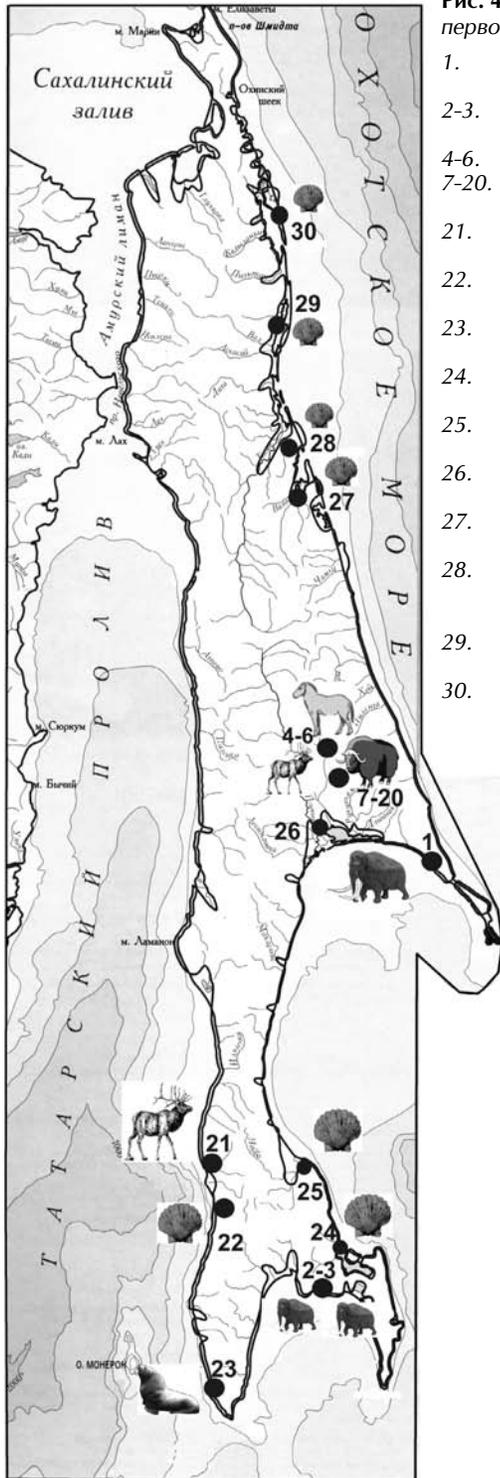


Рис. 4. Находки ископаемой фауны позднего плейстоцена и первой половины голоцена на о-ве Сахалин.

1. Зуб *Mammuthus Primigenius* у пос.Владимирово. Залив Терпения.
- 2-3. Зуб и нижняя челюсть *Mammuthus Primigenius* на берегу залива Анива.
- 4-6. Пещеры горы Орёл. Массив Гомон.
- 7-20. Пещеры горы Вайда. Массив Окадский. Поздний плейстоцен-голоцен.
21. Кости оленя- *Rangifer Tarandus*- на стоянке Пионер-1. Культура Сони.
22. Кости млекопитающих и раковины моллюсков на стоянке раннего неолита Правда-1.
23. Кости морского зверя на поселении Кузнецово-3. Культура Сони.
24. Керамика с примесью раковины. Поселение Седых-1. Средний неолит.
25. Керамика с примесью раковины. Поселение Стародубское-3.
26. Керамика с примесью раковины. Стоянка Бердянское-1.
27. Керамика с примесью раковины. Поселение Набиль-1.
28. Керамика с примесью раковины. Поселение Имчин-2,12. Ныйво-1. Ранний и средний неолит.
29. Керамика с примесью раковины. Поселение Чайво-6. Средний неолит.
30. Керамика с примесью раковины. Поселение Лебединый-1. Средний неолит.

Условные знаки

- | | |
|---|---|
|  | <i>Mammuthus Primigenius</i>
мамонт |
|  | овцебык |
|  | <i>Equus sp.</i> лошадь |
|  | <i>Rangifer Tarandus</i>
сев. олень |
|  | морские животные |
|  | раковины и керамика
с примесью ракушки |

ка ощущалось очень сильно – исчезла вся древесная растительность, уступив место кустарникам, мхам и лишайникам. Во-вторых, на Сахалино-Хоккайдском полуострове всегда сохранялась возможность длительных перекочетов с севера на юг. Таким образом, летом люди могли мигрировать в тундре в погоне за северным оленем и мамонтом, а зимовать в теплых межгорных районах крайнего юга полуострова.

Новые данные о возможностях передвижения человека в эпоху палеолита позволяют предполагать, что в конце палеолита люди были способны пересекать проливы на лодках и продвигаться от острова к острову. Подтверждением древнейших связей между Камчаткой и Хоккайдо является необычайная близость культуры верхнего палеолита обеих территорий уже 12-11 тысяч лет назад. К сожалению, ни на юге, ни на севере Курильского архипелага культура верхнего палеолита еще не обнаружена. Но ученые не сомневаются в ее существовании и предполагают, что она должна быть одновременной культуре Сахалина и Хоккайдо. К концу эпохи позднего палеолита Человек осваивает все уголки нашей планеты, включая изолированные островные цепи.

4.5. Поселение Огоньки-5. Раннеродовая община

Доказательством стабильного зимнего проживания человеческих коллективов на юге Сахалина уже 20 тысяч лет назад является поселение Огоньки-5, расположенное в 5 км на юг от современного одноименного села в Анивском районе.

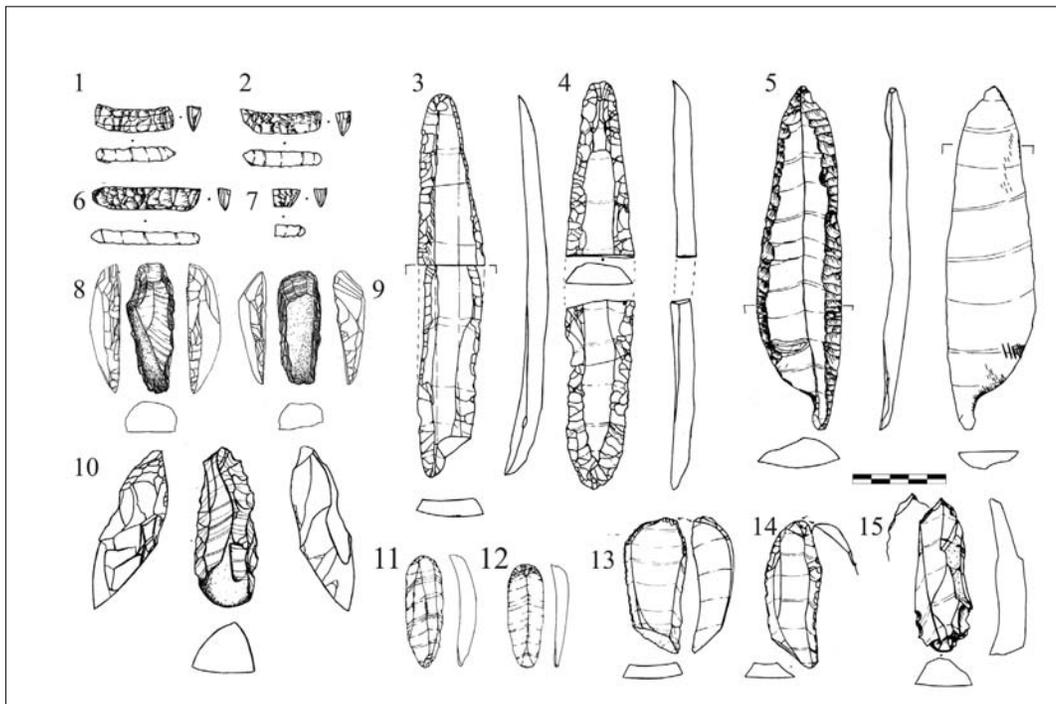


Рис. 5. Артефакты эпохи позднего палеолита.

Поселение Огоньки-5. Слой 3. 1-2,6,7 – ладьевидные клиновидные микронуклеусы, 3-5 – ножи на макропластинах, 8-9 – тесловидно-скребловидные орудия, 10 – шлифованное тесло, 11-12 – концевые скребки, 13-14 – резцы, 15 – комбинированное орудие (резец-скребок)

Поселение приурочено к высокой древней террасе на левом берегу реки Лютоги на площадке между двумя чистыми ручьями. Здесь во время раскопок выявлено два древних жилища, в которых люди в течение длительного времени обитали одновременно. Жилища в древности в плане имели круглую форму диаметром 6-8 метров. Напротив входа на небольшом возвышении располагался очаг, недалеко от него – площадки, на которых мастера при свете огня изготавливали орудия труда из камня, женщины обрабатывали шкурки добытых животных, шили одежду. Здесь, на небольшом пространстве в 10-12 кв. м люди проводили много времени – в центре жилища пол особенно плотный, черный, в нем много находок, втоптаных в землю древними людьми. В обоих жилищах вместе, по подсчетам ученых, предположительно, обитало около 30-40 человек взрослых и детей. Эти люди, несомненно, были одним коллективом, в котором все принадлежало всем.

Доказательства этого были найдены во время раскопок. Археологам удалось подобрать друг к другу и склеить между собой до исходного размера десятки заготовок, поломанных и целых орудий из камня, пластин, отщепов и чешуек. В итоге выяснилось следующее. Во-первых, стала понятна технология изготовления орудий труда верхнего палеолита. Орудия изготовлены по так называемой технологии пластин. С большого куска породы – нуклеуса (обычно это был базальт, кремь или сланец) мастер скалывал длинные ровные пластины – заготовки будущих ножей, острий, скребков, пилок, сверл и пр. Их края обрабатывались – мастер заострял их, отжимая от лезвия при помощи рогового стержня тонкие чешуйки. Это техника отжимной ретуши. Теперь нет нужды, как в галечной технике раннего палеолита, неэкономно отсекал затупленный край ножа, достаточно лишь заточить его роговым стержнем. Такой же техникой пользовались люди верхнего палеолита во Франции, Средней Азии, на Ангаре, в Китае, Корее, на Японских островах, в Приморье, на Камчатке. И, на удивление, на стоянке Блэкуотэр в штате Аризона США. Без сомнения, «мода» на орудия из пластин распространилась в Америку через Восточную Азию.

Еще важнее второе наблюдение. Склеив куски нуклеуса, мы восстанавливаем и главное правило пользования сырьем. Оно следующее – несомненно, ценный, особенно в зимних условиях, кусок кремня передавался из рук в руки – куски одного и того же камня находим на разных рабочих площадках в обоих жилищах. Кроме того, не раз находили два ножа, изготовленные из одной пластины, но использованные разными людьми в разных жилищах. Значит, сырье для изготовления орудий было общим. Это признак коллективной собственности. Хотя, вероятно, какие-то вещи имели и конкретных хозяев. То есть были именной, личной собственностью. Это относится к одежде, обуви, вероятно, орудиям охоты.

Мы не можем утверждать, что люди, жившие на поселении верхнего палеолита Огоньки-5, были родственниками, для этого у нас нет антропологических находок, и мы не можем провести уместный в таких случаях генетический анализ. Но предположительно люди верхнего палеолита проживали раннеродовой общиной, основой которой были кровнородственные связи. По современным представлениям, это был коллектив родственников, живших в одном поселении и имевших коллективную собственность на все окружающее, включая промысловые угодья, добычу жилища, сырье. Они вели происхождение от общего предка, обычно это был какой-то тотем – медведь, кабан или иное животное или растение, которого люди считали своим прародителем.

Самая большая неожиданность на этом поселении, которая поразила археологов, – древнейшие тёсла – орудия для обработки дерева. Они были изготовлены методом шлифовки камня – техники, которая получит развитие лишь десять тысяч лет спустя. В отличие от тундровых районов европейского и сибирского палеолита, на юге Сахалина шлифованные каменные тесла появляются не 8, а 20 тысяч лет назад. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, в этом районе росли леса, а значит, была необходимость и возможность обрабатывать дерево (лучше всего это делать теслом с гладким шлифованным лезвием). Во-вторых, ученые считают, что именно здесь, на востоке Азии, люди очень рано освоили искусство мореплавания. А для выдалбливания лодок также были нужны шлифованные тесла. Предположительно древнейшие плоты и лодки появились в Восточной Азии уже около 20 тысяч лет назад. На это указывает история обмена сырьем между удаленными друг от друга поселениями верхнего палеолита. Но об этом подробнее в следующем разделе.

4.6. Obsидиановый путь. Стоянка Сокол

Поскольку в эпоху палеолита камень был основным материалом для изготовления орудий труда, качественное пластичное сырье, например хороший кремний, яшма, обсидиан¹, ценилось очень высоко. Ради них люди проделывали длительные путешествия, в обмен за них охотники отдавали меха и кость, бивни мамонта и оленин рог. Источники сырья – месторождения – высоко ценились у людей каменного века, и не исключено, что владевшие ими племена охраняли их от соседей. В островном мире Восточной Азии было несколько основных месторождений обсидиана, согласно исследованиям ученых, они являлись центрами обмена. Крупнейшие месторождения обсидиана располагаются в местности Сиратаки, в среднем течении реки Юбецу в горах о. Хоккайдо. Исследования показывают, что впервые обсидиан с месторождений Сиратаки появляется на Сахалине на поселении Огоньки-5 около 20 тысяч лет назад. Заметим, что расстояние между источником сырья и поселением составляет около 400 км.

Согласно одной точке зрения, на месторождениях Сиратаки проживали группы палеолитического населения, которые специализировались на изготовлении заготовок орудий из обсидиана для обмена. Вероятно, заготовки – полуфабрикаты (нуклеусы, пластины) и готовые орудия мастера специально изготавливали для обмена, затем их перевозили в лодках вниз по течению, нести камни на спине было бы не очень легко. На побережье, вероятно, существовали места встреч, своего рода торжки, на которых и происходил обмен. Далее товар, а обсидиан в этом случае, несомненно, становился товаром, переходил из рук в руки и уходил за многие сотни километров от первоисточника.

Согласно другой точке зрения, люди время от времени заходили на месторождения или совершали туда специальные походы, пополняли припасы и, уходя, уносили столько изделий, сколько могли унести на себе или увезти в лодке. Так это было или иначе, но исследования показывают, что на Сахалин и даже до нижнего течения реки Амур, т.е. на расстояние до полутора тысяч километров, за период с двадцати до двух тысяч лет назад были перенесены десятки тонн этого ценного камня.

¹ Obsидиан – вулканическое стекло, полудрагоценный минерал, обычно черного цвета, иногда красного, реже зеленого цвета. Характеризуется высокой пластичностью, легко поддается обработке. При расщеплении получаются тонкие, чрезвычайно острые сколы.

Показательной в этом смысле является стоянка верхнего палеолита – начального неолита Сокол, расположенная к востоку от одноименного поселка на левом берегу реки Белая. Ее исследования впервые заставили ученый мир обратить внимание на обсидиановый обмен между Хоккайдо и Сахалином в древности. Здесь археологи собрали несколько сотен изделий из обсидиана, их общий вес достигает нескольких килограммов. Любопытно, что на стоянке Сокол встречаем изделия, выполненные в той же манере, теми же приемами, какие применялись на стоянках-мастерских на о. Хоккайдо. Кроме того, среди находок много заготовок и крупных изделий из вулканического стекла. Это прямо указывает на постоянную связь стоянки с месторождением.

Хотя обсидиан встречается и на стоянках на крайнем севере Сахалина, все-таки основной зоной его потребления был юг острова, где не хватало качественного сырья каменной индустрии. На Северном Сахалине люди каменного века широко применяли местные кремни и яшмы сургучного, белого и зеленого цвета, и они тоже были продуктом обмена между группами островного населения. Таким образом, обмен, как вид деятельности древних людей, уже имел место в островном регионе в эпоху верхнего палеолита. Достоверно известно, что усиление сырьевого обмена произошло в конце палеолита и в начале эпохи неолита, около 12 тысяч лет назад. Это было связано с расцветом техники микропластин, ставшей частью революционных изменений в жизни людей на планете на фоне резкого изменения окружающей среды послеледниковья.

4.7. Техника микропластин

Одно из крупнейших открытий каменного века – вкладышевая техника с использованием тонких каменных сменных лезвий в костяных и деревянных орудиях – произошло около сорока тысяч лет назад. Древнейшие микропластинчатые лезвия впервые появились, как реакция на истощение запасов камня, около 40 тысяч лет назад. Но расцвет этой техники расщепления камня приходится на период от 18 до 7 тысяч лет назад в связи с резким увеличением населения и, как следствие, сырьевым голодом. Техника микропластин позволяет изготавливать из одного куска качественного кремня или обсидиана 50-60, а иногда и больше тонких обоюдоострых лезвий длиной 3-5 см. Совокупная длина полученного таким образом рабочего края достигает трех метров. Это значит, что сменными микролезвиями, полученными из камня размером с человеческую ладонь, можно оснастить шесть длинных, по 25 см каждый, составных костяных кинжалов или наконечников копий. Техника пластин, при которой из такого же камня можно было получить пятьдесят пластин больших размеров, таким образом, становилась слишком материалоемкой. Она постепенно начала уступать место технике микропластин. Экономия сырья является основным достоинством техники микропластин. Второе достоинство – острота микропластин, сопоставимая с таковой у современных бритвенных лезвий. Третье достоинство связано со сменным характером микропластин – затупившееся лезвие выбрасывалось и заменялось.

На Сахалине известны стоянки, на которых в период около 12 тысяч лет назад люди изготавливали тысячи микропластин из обсидиана. Это стоянка Олимпия, расположенная на южной окраине города Южно-Сахалинска, а также все та же стоянка Сокол. При раскопках обнаружены заготовки и полностью истощенные

нуклеусы-ядрища, при расщеплении которых получали заветные микропластины. Зародившись в эпоху позднего палеолита, микропластинчатая техника становится доминирующей в эпоху перехода от палеолита к неолиту и особенно в раннем неолите, 12-7 тысяч лет назад. Поскольку лучшие микропластинки получались именно из вулканического стекла, развитие новой технологии обусловило и расцвет обсидианового обмена именно в этот период. Самым парадоксальным является то, что пик обмена сырьем в островном мире приходится на время после появления морских проливов между Сахалином, Хоккайдо и Курильскими островами. Это еще раз указывает на значение новой технологии в жизни древних островитян.

Глава 5

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ ЭПОХА В ОСТРОВНОМ МИРЕ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (12-3 тыс. л.н.)

5.1. Последледниковье. Формирование современной окружающей среды

В результате глобального потепления на планете в конце эпохи плейстоцена (15-12 тысяч лет назад) началось таяние ледников и вечной мерзлоты. Это привело к катастрофическому подъему уровня Мирового океана, который достиг своего пика около семи тысяч лет назад. В течение пяти тысяч лет растаял, ни много ни мало, ледовый щит Евразии, и вода в Мировом океане поднялась более чем на сто метров. В так называемом бореальном периоде голоцена, шесть с половиной тысяч лет от наших дней, уровень океана был на три метра выше современного. В результате были затоплены и превратились в теплые мелководные заливы устья рек. В горах и на равнинах образовались многочисленные озера и болота, водная флора и фауна рек, озер и морей вступили в период благоденствия – произошло многократное расширение территории, занятой водой. И напротив, крупные животные, например мамонт и гигантский олень, вымерли, не выдержав резкой смены условий обитания. Гибель и сокращение количества крупных животных на фоне резких колебаний климата и изменений привычных ландшафтов привели к возникновению серии экологических кризисов, следовавших один за другим в течение нескольких тысяч лет.

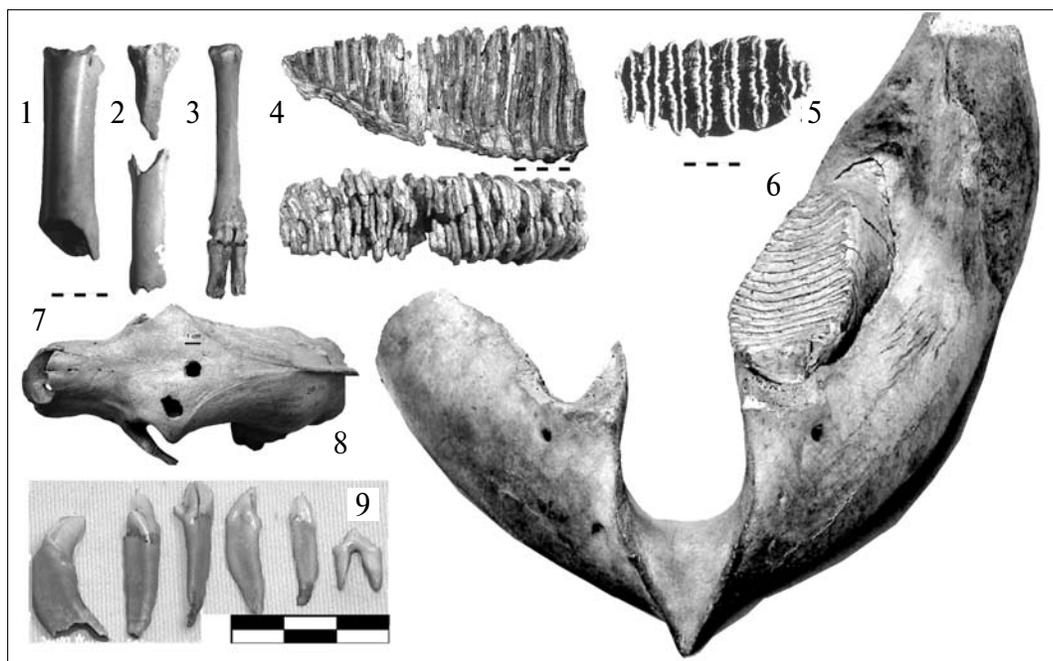


Рис. 6. Кости позднеплейстоценовых животных, найденные на Сахалине (1-4,6,9) и Хоккайдо (5). 1,2,7 – овцебык; 3 – северный олень; 4 – мамонт; 5 – слон Наумана; 6 – мамонт; 8 – медведь; 9 – волк. 1-2,7,8 – пещера Останцевая; 3,9 – грот Тронный; 4,6 – сборы 1930-х гг. на берегу залива Анива (4 – СОКМ; 6 – городской музей Хакодате); 5 – Юбари, Хоккайдо

Например, в островном мире Восточной и Северо-Восточной Азии произошли такие глобальные события, как формирование и резкое расширение проливов Цусима, Симоносеки, Лаперуза, Измены и Первого Курильского. Острова Курильской гряды, отделившись от Камчатки и Хоккайдо и разделившись между собой, приобрели близкие к современным очертания. Около восьми тысяч лет назад, то есть в шестом тысячелетии до н. э., появился пролив между Сахалином и материком. Сахалин вновь стал островом, каковым он был несколько раз задолго до ледникового периода. Около шести тысяч лет назад началось постепенное понижение уровня Мирового океана, в результате которого и сформировались современные очертания суши.

В период глобального потепления произошла миграция теплолюбивой флоры и фауны в северные широты. Граница буковых лесов сместилась с Хоккайдо на острова Сахалин и Итуруп, вяза и дубы произрастали севернее 50-й параллели, в том числе и там, где сейчас господствует лесотундровый ландшафт, например, на Северном Сахалине. В этом районе преобладала темнохвойная растительность. И Сахалин, и Курильский архипелаг были в период климатического оптимума (VII-IV тыс. до н.э.) чрезвычайно благоприятным в климатическом отношении районом Восточной Азии. Но колебания климата и разрыв связи территории с материком имели и негативные последствия – началось оскудение биоресурсов суши. Люди, чья экономика была основана на лесной и горной охоте, уничтожали животных, которым в условиях горного рельефа и глубокоснежья выжить было непросто.

Раскопки пещер в Восточно-Сахалинских горах недалеко от села Первомайское показали, что этот район был местом обитания человека не менее десяти тысяч лет назад. В известняковых пещерах на горах Орел и Вайда археологи обнаружили многочисленные свидетельства обитания человека – очаги, каменные орудия, расщепленные кости животных. В пещере Тронной найдены кости волка, северного и пятнистого оленя, снежного барана, волка, кабарги и суслика, обитавших в этих горах 12-8 тысяч лет назад. В пещере Останцевой получены кости животных периода 16-7 тысяч лет, включая останки овцебыка, дикой лошади, песца, медведя, лемминга. Особо отметим находку молочного зуба детской особи рода *Panthera* – детеныша тигра или пещерного льва, что вполне допустимо для того периода – аналогичные находки известны из пещеры Географического общества в Приморье.

В черепе медведя из пещеры Останцевая обнаружен застрявший наконечник дротика, изготовленного семь тысяч лет назад. В пещере Медвежьих Трагедий обнаружен скелет медведя с застрявшим в нем копьём из моржовой кости. Длинный наконечник имел два продольных, взаимно параллельных паза, снаряженных тонкими микропластинчатыми лезвиями. Владелец копья, судя по всему, вел подвижный образ жизни и охотился на крупного зверя и в горах, и на морском побережье.

Вероятно, экологический кризис, в результате которого размеры популяций промысловых сухопутных животных на Сахалине и Курилах резко уменьшились, заставил человека добывать себе пропитание в постоянном поиске, перекочевывая с места на место. Но так не могло продолжаться всегда, и постепенно человеческие коллективы выработали новые механизмы адаптации к новым условиям, которые и составили существо неолитической революции.

5.2. Неолитическая революция. Открытия эпохи неолита

Понятие неолитической революции впервые предложил в XX веке английский ученый Гордон Чайлд. В его понимании переход от палеолита к неолиту имел для человечества революционное значение – возникновение производящего хозяйства в форме земледелия и пастушества полностью изменило человеческое общество.

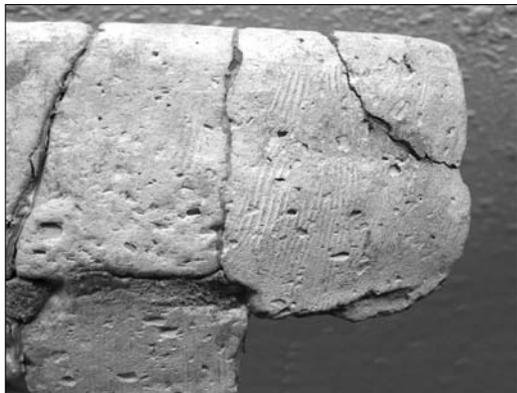


Рис. 7. Древнейшая керамика рубежа начального неолита о-ва Сахалин. Адо-Тымово-2

Нововведения неолита привели к коренным изменениям в жизни людей по всей планете. В мире в силу естественных географических различий произошло разделение на племена земледельцев, степных охотников и пастухов, лесных охотников и собирателей, прибрежных рыбаков и зверобоев. Кроме того, в содержание неолитической революции входит изобретение каменных шлифованных орудий обработки дерева (топора, тесла и долота), керамики, а также каркасного деревянного жилища, лодок и многого другого, что определило лицо новой эпохи.

О шлифованных каменных топорах уже говорилось выше. Керамика, внедрение которой в жизнь изменило способ приготовления пищи человека, требует отдельного освещения. Здесь лишь заметим, что древнейшая керамика в мире возникла в Восточной и Северо-Восточной Азии – глиняные горшки со стоянок в Китае, на реке Амур и островах Японского архипелага датированы возрастом до 13 тысяч лет. Одно из объяснений этого феномена в том, что в этих районах главным продуктом была рыба. А для ее приготовления нет ничего лучшего, чем глиняный горшок. И хотя на Сахалине, Хоккайдо и Курилах пока не найдено керамики древнее девяти тысяч лет, вероятно, здесь она появилась в столь же ранний период.

В островном регионе Охотского и Японского морей переход к неолиту ознаменовался формированием комплексного хозяйства, основой которого была сезонная промысловая специализация. Зимой охотники били нерпу на льду, весной выходили на лодках в море и добывали морского зверя между льдами, с мая по ноябрь длилась лососевая путина, осень была богата и охотой, и лесными плодами. Такая экономическая модель сформировалась как реакция первобытных коллективов на катастрофические изменения емкости среды. Потеряв обычные источники пищи – мамонтов, гигантских оленей, лосей, – люди были вынуждены найти новые ниши, освоить новые ресурсы. В конечном итоге это позволило им стабилизировать экономику и перейти к оседлому образу жизни вблизи побережий.

Культура раннего неолита на Сахалине изучена недостаточно, хотя уже известно около пятидесяти стоянок этого периода и некоторые из них раскопаны археологами. Наиболее известные стоянки начального и раннего неолита – это поселение Стародубское-3 (нижний слой) и Поречье-4 на юге Сахалина, стоянки Имчин-1 и Одопту-1 на севере, пещера Останцевая на горе Вайда в центральной части острова. Их изучение показало следующее:

- Как и в эпоху позднего палеолита, для изготовления промысловых орудий люди использовали вкладышевую технологию с использованием микропластин.

На побережьях северной части Японского и вокруг Охотского моря, от Сахалина до Камчатки и от Курил до юга Хоккайдо наконецники стрел изготавливали из микропластинок по технологии, пришедшей на Дальний Восток из Сибири.

- Для материальной культуры становится характерной керамика – первый на планете искусственный материал. Так же как и в окружающем регионе, это были плоскостонные сосуды с ребристой поверхностью – оттисками, нанесенными краем раковины или щепкой на стенки изделия для их уплотнения.

- Люди вели кочевой образ жизни, так как следы их пребывания встречаются повсюду – от морских побережий до высоких гор.

- Самые крупные стоянки обнаружены на берегах морских заливов, и это означает, что все большую роль в жизни людей начинает играть море. На это же указывает и большое количество инструментов для обработки дерева – люди строили лодки.

Одним из вариантов реакции приспособления была сезонная миграция части населения. Например, уже шесть тысяч лет назад неолитическое население юго-запада Сахалина совершало сезонные поездки для добычи морских животных на мелкие острова. Об этом свидетельствует абсолютное сходство каменных орудий и керамики со стоянок островов Сахалин и Монерон. Прибрежная экономика спасла население островного края и сыграла в его жизни такую же революционную роль, что земледелие в Китае, Индии и Египте. Изобретение поворотного гарпуна, плавающей остроги, грузил, линия, поплавков, морской лодки, рыболовной сети, технологий морского промысла и рыболовства стало таким же революционным нововведением для жителей островов, как мотыга и соха для земледельца, а колесо, аркан, седло хомут и технология выпаса животных – для скотовода. Таково содержание неолитической революции в островном регионе Восточной и Северо-Восточной Азии. Труднее всего понять, какие социальные механизмы помогли неолитическому населению островного мира преодолеть кризисные явления. Но все же попытаемся смоделировать некоторые из них.

5.3. Механизмы адаптации

В изучаемый отрезок времени 12-2,5 тысячи лет в островном мире дальневосточных морей наиболее представлены стоянки периодов 12-11, 8-6 и 3,7-2,5 тысячи лет назад. Вероятно, в эти периоды население острова резко увеличивалось, что можно объяснить лишь стабильностью его жизни. Это закономерное следствие действия механизмов адаптации. Демографическую стабильность может обеспечить только полное приспособление к среде. Кроме того, рост населения островов происходил и за счет мигрантов из соседствующих менее благополучных территорий. Так или иначе, но люди истребляли ресурсы в ранее освоенных нишах и вступали в борьбу за них между собой. Это вынуждало их к поиску новых ресурсов и даже бегству в чужие земли.

Вполне естественно, что время от времени сокращение количества добываемой пищи и угроза голодной смерти приводили к значительному оттоку островного населения во внешний мир. Но мир в эпоху неолита в основном уже был заселен, происходило формирование родовой и племенной собственности на уголья. И никто не хотел ими делиться. Чтобы спастись от голода, мигранты должны были вступать в войну, и последствия были абсолютно непредсказуемы. Поэтому, зачастую, уходить было просто некуда. Островитяне находили спасение в приспособлении – в поисках пищи создавались новые механизмы адаптации. Самым простым из этих меха-

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭПОХА		ГОЛОЦЕН		ПОЗДНИЙ ПЛЕЙСТОЦЕН	
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭПОХА		НЕОЛИТ		ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ	
ПАМЯТНИКИ САХАЛИН	Старошеница-1	11480±100	ОСТА НЦЕВАЯ	17860±120	ОГОНЬКИ 5,8
	Климентьев-1	17860±120	ОГО НЬКИ 6,7	19440±140	ОГОНЬКИ 5
ТЫСЯЧ ЛЕТ НАЗАД (С14)	Климентьев-2	17860±120	Олимпия 5	19380±180	31130±440 (?)
Климентьев-3	17860±120	Олимпия 5	Читинка	19380±180	
ПАМЯТНИКИ ХОККАЙДО	Дзёмон	Хигаси Рокуго	Оаса	Сирагати-1	КАСИВАДАЙ-1
	5000	10000	12000	15000	20790±160
ПРОЛИВЫ	НЕВЕЛЬСКОГО	ЛАПЕРУЗА	САХАЛИН-ХОККАЙДО-КУРИЛЫ		КАСИВАДАЙ-1
ОСТРОВ ПОЛУОСТРОВ	ОСТРОВ САХАЛИН	ПАЛЕОСУША САХАЛИН-МАТЕРИК	ПАЛЕОСУША "МАТЕРИК-САХАЛИН-ХОККАЙДО-КУРИЛЫ"		ПАЛЕОСУША САХАЛИН-МАТЕРИК
КЛИМАТ	ТЕПЛО	КОЛЕБАНИЯ КЛИМАТА	ПОТЕПЛЕНИЕ	ХОЛОД	ПОХОЛОЖДЕНИЕ
ФАУНА	СОВРЕМЕННАЯ ФАУНА	МАМОНТОВАЯ ФАУНА			
ФЛОРА	ЛЕСА	ЛЕСА.....лесо-тундра.. ТУНДРА ЛЕСО-ТУНДРАЛЕСА			
ЭКОНОМИКА ОБРАЗ ЖИЗНИ	ПРИМОРСКАЯ АДАПТАЦИЯ, РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ, ПРИМОРСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ, ОСЕДЛОСТЬ, МОРЕРПРОДУКТЫ	ОХОТА, СОБИРАТЕЛЬСТВО, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО МЯСНАЯ И РАСТИТЕЛЬНАЯ ПИЩА, СЕЗОННЫЕ МИГРАЦИИ			
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	КЕРАМИКА	ШЛИФОВАННЫЕ ТЕСЛА		?	
	МЕТАЛЛЕЧНЫЕ ОРУДИЯ	?		?	
МОРЕХОДСТВО.....	СЫРЬЕВОЙ ОБМЕН В РЕГИОНЕ		?		
ПОЛУЗЕМЛЯНКА.....	НАЗЕМНЫЕ ЗИМНИЕ ЖИЛИЩА:		?		

Рис. 8. Синхронизация событий в системе "социум-природная среда" в позднем палеолите и первой половине голоцена (в неолите) на Сахалино-Хоккайдском п-ове в хронологическом интервале 35-5 тысяч радиоуглеродных лет

низмов было сокращение численности населения за счет естественной убыли населения, а также геронтицида и инфантицида. Такова же стратегия, предполагавшая выработку общественных законов ограничения промысла, распределения и потребления. Соответственно, стоянок от таких периодов почти не осталось. Более эффективным способом выживания был поиск и выработка новых, ранее недоступных технологий добычи рыбы и зверя. В эпоху неолита в дополнение к речному возникает морское рыболовство и зверобойный промысел. На неолитических стоянках региона встречаем кости глубоководных морских рыб и животных – трески, акулы, нерпы, сивуча, дельфина и т.д. Чтобы добыть их, надо было выйти в море, а для этого пришлось изменить не только способы, но и сами орудия лова и средства транспорта. Изменился и сам образ жизни людей: оседлость, рост населения и оформление социальных структур, распределение собственности на уголья в островном регионе формировались на основе прибрежного комплексного хозяйства, требовавшего упорядочения и четкой структуризации природной и социальной среды.

5.4. Позднеродовая община и племя. Локальные археологические культуры и региональные историко-культурные общности

Особо важную роль в формировании механизмов адаптации играли способы регулирования отношений между людьми в обществе. Для эпохи неолита характерно усложнение социальной структуры. Естественный рост населения заставлял разросшиеся родовые общины делиться на более мелкие коллективы. В то же время вооруженная борьба с соседями за уголья требовала объединения. И соседствующие родовые группы объединялись в племена, способные противостоять пришельцам или же в свою очередь завоевывать соседнюю территорию.

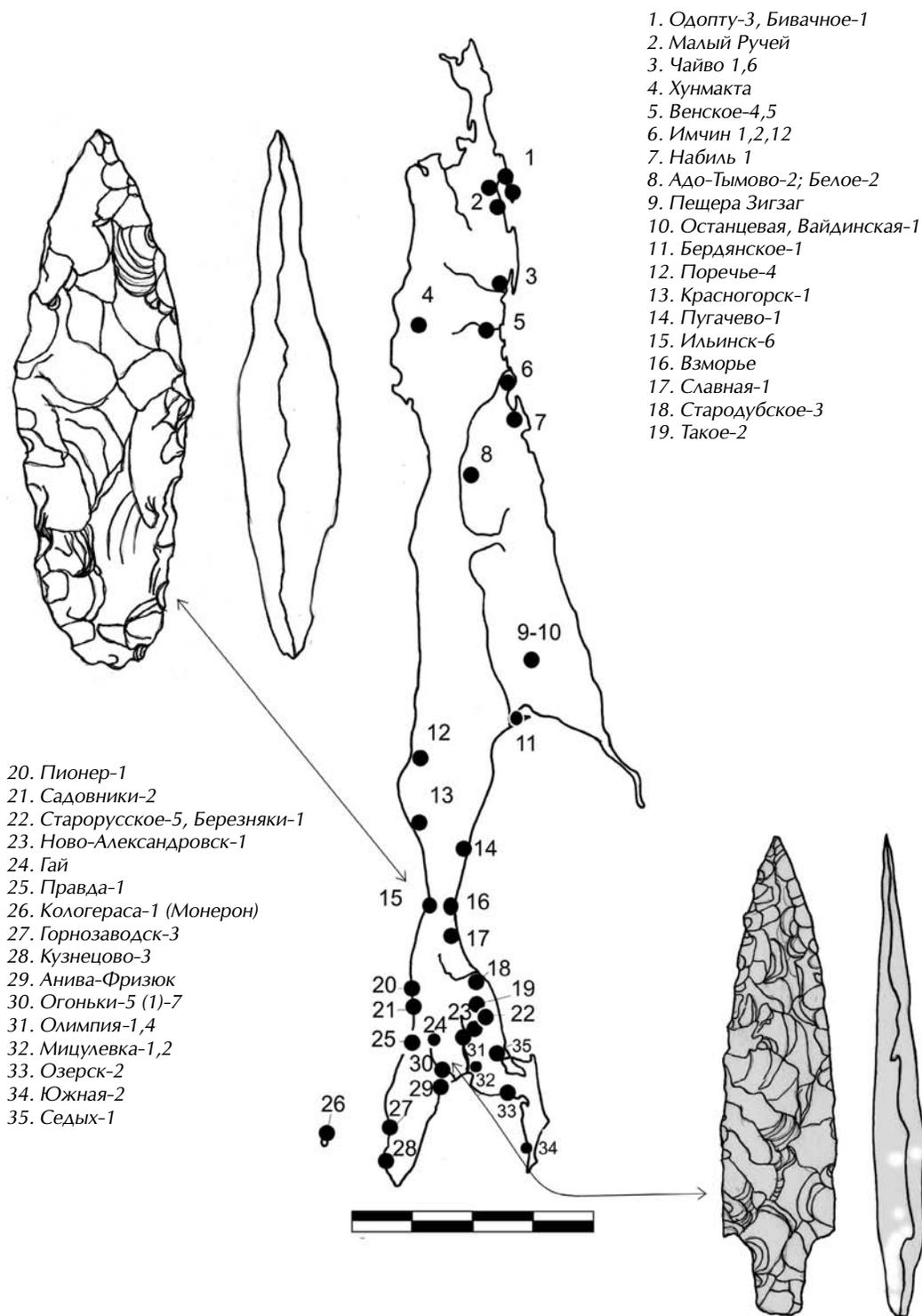


Рис. 9. Опорные памятники эпохи неолита на о-ве Сахалин

Для описания социальной структуры островных обществ в данном случае используем принятую в таких случаях терминологию. Без лишней детализации и изначально отказываясь от дискуссии, используем традиционные для отечественной науки понятия «род», «племя», «социум», «этнос», что позволит выстроить более или менее стройную картину социальных и политических отношений между людьми в эпоху неолита, как мы ее видим, исходя из археологических источников.

Социум высшего порядка эпохи неолита – племя состояло из нескольких, как правило, близких по происхождению микросоциумов – родовых групп – жителей нескольких поселков, которые контролировали ресурсы в рамках большого участка побережья острова, долины крупной реки, небольшого островка или группы островов. Каждый поселок состоял из нескольких жилищ, в которых проживали также родственные друг другу большие семьи. Такие семьи принято называть патриархальными, так как во главе каждой из них стоял патриарх – старейший мужчина. Позднеродовая община, таким образом, была союзом больших патриархальных семей. Основой их союза были истинные либо сформированные для укрепления отношений так называемые лжеродовые представления об общем предке – тотеме, групповая собственность на уголья. Наконец, объединения требовала экономика, сложно вести промысел рыбы и зверя поодиночке. Основой единства племени, более крепкой, чем общность происхождения, была необходимость воспроизводства жизни. Последняя обеспечивалась объединением перед лицом внешней угрозы и обеспечивала защиту и сохранение промысловых угодий для потомков.

Единство родовых общин в рамках племени фиксируется археологами по единообразию форм жилищ, планировке поселений, формам украшений и особенно по орнаменту на керамике. Если применить математическое понятие к систематике археологических данных, множество, обладающее устойчивым набором признаков материальной культуры, локализованным во времени и пространстве, воспринимается археологами как общность высокого порядка и называется локальной археологической культурой. Родственные друг другу археологические культуры формируют устойчивую общность более высокого порядка, которую принято называть историко-культурной. Такие общности, вероятно, отражают историю формирования племен в эпоху неолита. Одни археологи называют их археологическими культурами, другие общностями. Например, на Нижнем Амуре выделена вознесеновская культура (в другом прочтении – историко-культурная общность), на Японском и Курильском архипелагах – такова культурная общность дзэмон¹. На Сахалине в отдельные периоды неолита прослеживается влияние обеих указанных общностей, о чем пойдет речь ниже. Однако некоторые из локальных неолитических культур изучены более или менее хорошо и известны только на Сахалине, поэтому начнем изложение с них, так как они могут быть охарактеризованы подробно.

5.5. Культура развитого неолита на Южном Сахалине. Поселение Кузнецово-3

Археологические культуры принято называть по местам первых находок. Описываемая ниже культура получила название Сони по одноименной речке и

¹ Данную точку зрения автора на вознесеновскую и дзэмон, как на историко-культурные общности, а не культуры, разделяют не все археологи (примечание автора).

местности у поселка Кузнецово² на полуострове Крильон. Самые известные памятники культуры Сони – это поселения Кузнецово-3 и 4, Садовники-2, Бухта Кологераса-2, Пионер-1, Стародубское-3. Они очерчивают выявленный археологами ареал ее основной концентрации на Южном Сахалине, что обусловило ее второе название – южно-сахалинская неолитическая. Но фактическая география находок типичной для культуры керамики Сони с квадратным дном значительно шире, она захватывает и большую часть среднего и Северного Сахалина. Вероятно, носители культуры Сони пытались освоить весь остров.

Еще не ясно, появилась ли эта культура на Сахалине в результате миграции переселенцев из каких-то соседствующих районов, или новая археологическая культура сформировалась на месте в результате нововведений эпохи неолита. Археологи отмечают ее появление на острове около семи тысяч лет назад, то есть в пятом тысячелетии до нашей эры, и исчезновение через восемьсот – тысячу лет. Пережив пору расцвета, культура Сони исчезает, причины этого события не ясны. Заметим, что время ее существования, по радиоуглеродным датировкам оно составляет 6740 ± 150 – 5648 ± 490 лет назад, то есть 7–6 тысяч лет назад, в целом совпадает с датировками климатического максимума голоцена – самого теплого периода за последние десять тысяч лет. Это совпадение не случайно, видимо, в нем и кроется загадка культуры Сони.

Приметой появления ее культуры на Сахалине стало временное, резкое и неожиданное сокращение обсидианового обмена с о. Хоккайдо, что указывает на инородность пришельцев по отношению к хоккайдским соседям. Материальная культура Сони принципиально отличается от культуры племен раннего неолита Сахалина и Хокайдо. Вместо пластин и микропластинок ее носители изготавливали орудия труда из отщепов – тонких осколков овальной формы с острыми краями, как будто бы срезанных ударом отбойника с поверхности нуклеуса. Впрочем, техника отщепов почти одновременно распространяется по всему миру, не стали исключением Сахалин, Курилы и Хоккайдо. Эта технология – один из признаков нового, развитого этапа эпохи неолита.

Керамика Сони необычна, она изготавливалась из глины с примесью травы – прием, типичный для жителей других районов мира. Соседи людей Сони и с севера, и с юга примазывали к глиняному тесту толченую ракушку. Наконец, самой яркой чертой этой культуры были горшки. Они имели не округлый, как обычно, а четырехугольный резервуар, что до сих пор приводит в изумление археологов. По углам сосуды украшались треугольными выступами, характерными для керамики Восточной Азии. Две особенности – примесь травы и рельефный орнамент – указывают на происхождение гончарной традиции в рамках южного региона. Глубокие жилища и география распространения – на адаптацию к северным условиям. Свободное владение морскими промыслами и приуроченность стоянок к побережью подтверждают морской характер культуры.

В отличие от людей общности дземон – жителей о. Хоккайдо и Курил – люди культуры Сони не строили круглых домов. Их полуподземные жилища имели четыре угла, четырехскатную крышу и очаг, расположенный в центре либо у северной стены. В одном из таких очагов на поселении Стародубское-3 археологам удалось найти кожуру орехов, горелые кости морских животных и птиц. Недалеко от

² По-айнски Сони, что означает переволок лодок.

очага лежали каменные наконечники острог, точильные бруски, грузило и челнок для шитья для сетей, скребок и нож из камня. На стоянке у села Пионеры найдены кости оленя, а на поселении Кузнецово-3 – позвонки крупной рыбы и тюленя. Все это красноречиво рассказывает о занятиях населения Южного Сахалина средней поры неолита.

Поселения культуры Сони состояли из пяти-шести домов площадью от 40 до 80 кв. м каждый. Жилища располагались в одну-две линии или гнездом, одно возле другого, обязательно на берегах лагун, заливов или в устьях рек. Находки костей рыбы и нерпы и связь поселений с побережьем – неопровержимые свидетельства приморской направленности экономики.

По подсчетам ученых, жители одного такого поселка контролировали около пятидесяти километров побережья с четырьмя-пятью промысловыми реками. В одном поселке проживало от 50 до 200 человек. Как и сейчас, люди расселялись на побережьях неравномерно, заселялись устья богатых рек, берега лагун и морских заливов, морские мысы с залежками морского зверя, а непромысловые участки пустовали. Предположительно на побережьях Сахалина в V-IV тыс. до н.э. могло проживать около семи-восьми тысяч человек. Меньше людей проживало в долинах крупных рек. В периоды благоденствия население острова максимально могло составлять двенадцать-пятнадцать тысяч человек. Бедствия, мор и голодовки могли приводить почти к полному запустению территории на многие годы, когда население уменьшалось многократно и не превышало двух-трех тысяч жителей.

5.6. Неолитическая культура на Северном Сахалине. Поселение Имчин-12

Практически всю обозримую историю неолитической эпохи население Северного Сахалина находилось под культурным влиянием приамурских племен. Такова была роль бассейна Амура, что вдоль берегов этого естественного пути различные племена продвигались с запада на восток. В конце их пути находился остров Сахалин, поэтому вполне естественно, что археологические культуры эпохи неолита на Нижнем Амуре и на Северном Сахалине необычайно близки друг другу. Самая изученная культура эпохи позднего неолита в этом регионе – имчинская, названная так по одноименной реке – притоку р. Тымь.

Самый известный памятник этой культуры, полностью изученный сахалинским археологом О.А. Шубиной, – это поселение Имчин-12, расположенное недалеко от поселка Ноглики. При раскопках на поселении обнаружено 8 жилищ округлой формы. Конечно же, не все они были одновременны друг другу, скорее всего поселок состоял из двух-трех домов. Место на островке в древнем устье реки было удобным, и люди здесь селились не раз и не два. На полу жилищ остались следы столбов, поддерживавших кровлю, в центре размещалась утоптанная площадка – здесь находился выход; для того чтобы покинуть дом зимой, нужно было выйти на середину пола, влезть по наклонному столбу с зарубками наверх и выползти через дымовое отверстие. Путь нелегкий, но оправданный – так люди выбирались после пурги. Кроме того, такой выход экономил тепло. Если не открывать дверь, то дом выстуживается не так скоро. Весной, летом и осенью северяне выходили через другую дверь, расположенную в стене дома.

Имчинские поселения ныне располагаются на берегах рек. Тогда же в этих местах плескались волны полусоленых лагун и эстуариев рек – уровень моря был выше современного на три-пять метров. Как и другие жители побережий, имчинцы были рыбаками и охотниками на морского зверя. Большим подспорьем была охота на оленя и медведя, перелетную и боровую дичь и, конечно же, собирательство.

Для орнаментации гончарных изделий люди имчинской культуры использовали гребенчатые штампы, изготовленные из кости и дерева. Горшки были простой формы, исключительно плоскодонные, изготовленные без гончарного круга, вручную. Орнаментация керамики, найденной на поселении, полностью совпадает с узорами на сосудах некоторых локальных культур вознесенновской общности эпохи развитого и позднего неолита на Нижнем Амуре. Рецепт приготовления глиняного теста, в состав которого входил мелко толченный моллюск с раковиной не был изобретением имчинцев. Его использовали в эпоху неолита большинство дальневосточных племен – от Амура до Курильских и Японских островов.

Надо иметь в виду, что в тот же период, в III –II тысячелетии до н. э., в Африке и Евразии, от Атлантики до Тихого океана, особенно там, где добывали медь и олово, в связи с расцветом первобытной металлургии получили развитие культуры бронзового века. Вся Евразия пришла в движение – начало эры металла ознаменовалось развитием земледелия, быстрым ростом населения, обострением межплеменных конфликтов и, с другой стороны, небывалым развитием культуры и расширением обмена. Нельзя не отметить, что изменения на материке не сказались на жизни островитян. Однако, ввиду отсутствия на островах дальневосточных морей месторождений руд, необходимых для металлургии бронзы, последняя не получила здесь своего развития. Этот момент следует считать поворотным в истории региона – с него развитие социумов континента и островов пошло разными путями. В эпоху бронзы происходит дальнейшая дифференциация населения Земли в связи с разными условиями доступа к таким важнейшим ресурсам, каковыми являются рудные месторождения, плодородные земли и благоприятный для производящей экономики климат.

Именно в бронзовом веке зародились первые великие цивилизации Востока и Средиземноморья. Наиболее близким к Амуре, Приморью и островам Дальнего Востока центром такого развития в бронзовом веке стал Китай, где в III –II тысячелетии до н. э. развитие цивилизации пошло ускоренными темпами в связи с расцветом металлургии бронзы. До некоторых пор на Нижнем Амуре, в Приморье, а также на Сахалине и островах Курильского и Японского архипелагов сохранялся типичный уклад жизни, характеризующий финальный этап каменного века. Каменная индустрия достигла высочайшего развития – люди могли изготавливать орудия из любого, в том числе самого некачественного, камня. Технология расщепления для получения тонких пластинчатых отщепов овальной формы, из которых впоследствии делали ножи, скребки, наконечники стрел, была совершенной и экономичной. Первобытные коллективы эпохи позднего неолита в островном мире Восточной и Северо-Восточной Азии были полностью адаптированы к жизни в островных условиях.

Однако социумы юга Японского архипелага, а также Приморья и Нижнего Амура испытывали очень сильное давление со стороны продвигавшегося в регион населения Китая и Сибири, где в результате роста производящего хозяйства и

металлургии отмечается рост населения и демографическая напряженность. Во многом это и обусловило продвижение первобытных племен с Нижнего Амура и о. Хоккайдо в III-II тысячелетии до н. э. навстречу друг другу. Объектом их экспансии был Сахалин. О продвижении амурских племен на север Сахалина во втором тысячелетии до нашей эры свидетельствуют многочисленные поселения имчинской культуры. На юге острова доказательством экспансии с континента является многослойное поселение Седых-1, где обнаружена керамика с орнаментом, точно копирующим рисунки на гончарных изделиях Вознесенской общности Нижнего Амура. Одновременно отмечаем проникновение южных – дзэмонских элементов к северу и востоку от Хоккайдо.

5.7. Поселение Седых-1.

Седыхинская неолитическая культура позднего неолита

Группа доисторических поселений Седых-1 располагается близ одноименного пресного озера на окраине села Охотское на древней песчаной косе, образованной столкновением волн Охотского моря и лагуны Тунайча. По мнению геологов, изучавших природные процессы древности вместе с археологами, в период более пяти тысяч лет назад уровень Мирового океана превышал современный на 3-5 метров. Тунайча представляла собой глубокий морской залив, соединенный с Охотским морем тремя широкими проливами. Люди жили на островках. На месте села Охотское была песчаная отмель, перемываемая волнами моря. В примыкающих долинах рек господствовали темнохвойно-широколиственные леса с участием дуба, вяза, клена, ореха и бука. Культура этого периода изучена недостаточно хорошо. Предположительно племя, обитавшее вокруг озера Тунайча, в основном специализировалось на рыболовстве.

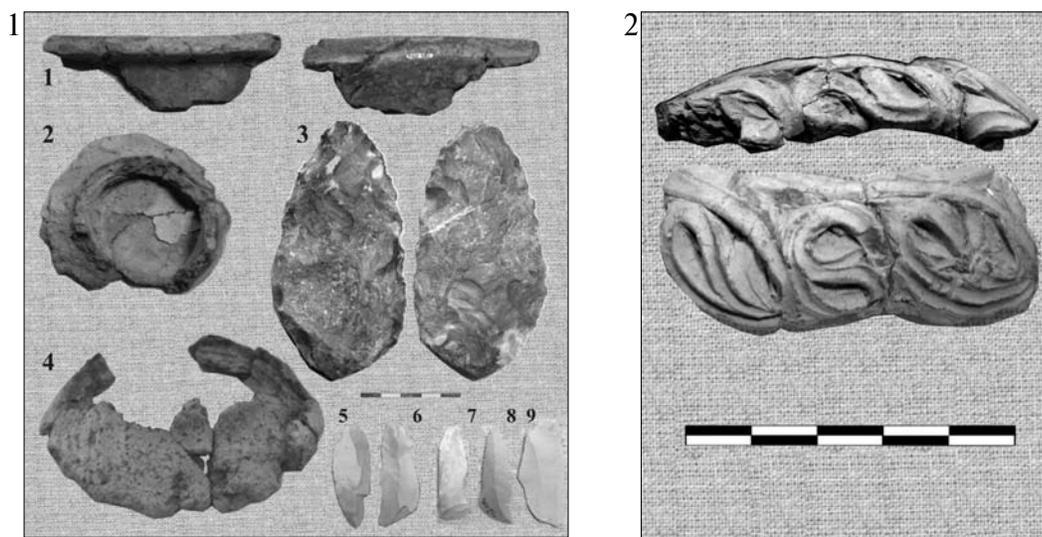


Рис. 10. Артефакты из раскопок на поселении Седых-1.

1. Ранний комплекс с керамикой типа Тунайча.

2. Фрагмент венчика сосуда, украшенный спиралевидным орнаментом, выполненного в виде фризовой барельефной композиции

В период между 5400-4300 радиоуглеродных лет, что при пересчете календарного возраста дает IV тысячелетие до н.э., уровень моря в результате похолодания понизился на 3-4 метра, и произошло формирование современного ландшафта. Тунайча стала озером, на ее берегах выросли березовые леса, в низинах образовались заболоченные озера. В период между 4300 и 2300 лет, то есть в III – начале I тысячелетия до н.э., климат вновь становится теплее: уровень моря повышается до современных отметок, также происходит развитие лесной растительности. В этой благоприятной обстановке по берегам озера Тунайча широко расселялись переселенцы с севера – носители вознесеновской культурной традиции. Их жилища погребены в песчаных береговых косах озера Тунайча на самой окраине села Охотское. Благодаря археологическим раскопкам мы знаем, что основное ядро поселения Седых-1 располагалось у протоки, соединявшей пресное озеро Седых с лагуной Тунайча. По одноименному озеру эта культура называется седыхинской. Радиоуглеродные датировки позволяют пометить культуру периодом в семьсот лет – от 4200 до 3500 лет, в границах календарного возраста от 30 до 23 века до н.э.

Неолитический поселок насчитывал несколько десятков жилищ. Его население в лучшие годы достигало полутора-двухсот человек. Всего же в окрестностях лагуны Тунайча в тот период обитало до полутора-двух тысяч человек. Дома, судя по раскопкам, представляли собой полуземлянки с двускатной крышей, поддерживаемой столбами, вкопанными в песчаный пол. Внутри жилища располагался очаг, по углам лежанки, кроме того, в полу устроены хранилища пищи. В холодном песке в глиняных горшках пища могла храниться дольше, чем на поверхности. Среди находок, обнаруженных при раскопках поселения, – наконечники стрел и дротиков, скребки, ножи и орудия для обработки дерева – топоры, тесла, долота. Для их изготовления в основном применялись халцедоновые гальки, которые люди собирали тут же, на лагунных отмелях. Редко встречаются орудия из кремня, и еще реже – из обсидиана. Все указывает на то, что более важную роль для жителей селения играли не каменные, а другие – костяные, деревянные орудия и, конечно же, сети.

Носители седыхинской культуры, несомненно, были рыбаками, рыболовство составляло самую суть их жизни. Их поселок стоял в довольно прохладном, продуваемом всеми ветрами месте, и его единственным преимуществом была близость к богатейшему источнику пищи – проливу, соединяющему лагуну Тунайча с Охотским морем. Не ясно, какую роль в рационе седыхинцев играла мясная пища, наверное, они добывали и морского зверя – нерпу и сивуча. Но отсутствие жирового нагара на найденных при раскопках горшках указывает на преимущественное использование рыбы. Такие племена обычно относят к ихтиофагам, то есть поедающим рыбу. Ихтиофагия характерна для всего прибрежного населения региона, от Нижнего Амура до самых южных островов Японского архипелага. Вероятно, миграция населения с нижнего Амура в третьем тысячелетии до н.э. на Сахалин привела к возникновению поселков ихтиофагов на берегах озер Южного Сахалина.

Седыхинская культура тесно связана с нижнеамурскими неолитическими культурами вознесеновской общности. На это указывают прежде всего формы и орнаментация гончарных изделий. Горшки, найденные на поселении Седых-1, имеют характерную усеченно биконическую форму тулова и плоское дно. Криволинейный орнамент, имитирующий морские волны, солнце, поднимающееся из моря, наносился краем раковины. Узоры на керамике поселения Седых полностью повторяют вознесеновские. В состав керамики, кроме глины, также входил толченый моллюск,

еще одна черта амурской традиции. Такие же параллели ученые прослеживают по устройству жилищ и способам изготовления топоров. Историю седьмидесятилетней культуры позднего неолита, как и многое другое в доисторическом прошлом Сахалина и Курил, еще предстоит написать, ныне известны лишь отдельные эпизоды ее зарождения и развития.

5.8. Неолитическая культура на Курильских островах

До сегодняшнего дня Курильские острова остаются малоизученной территорией, несмотря на то, что археологические исследования на архипелаге продолжают-ся вот уже более 100 лет. Археология Курильских островов отличается своеобразием, богатством и многообразием стоянок, яркой индивидуальностью находок. Все известные памятники эпохи неолита на Курилах относятся к кругу историко-культурной общности дземон. Ядро этой общности располагалось на острове Хонсю. Ее влияние в позднем неолите достигало о. Тайвань на юге и Камчатки на севере. Ближайшие родственные черты неолитической культуры Курильского архипелага находим на востоке о. Хоккайдо.

Суммируя все имеющиеся данные, можно в общих чертах нарисовать общую картину и выделить этапы эпохи неолита на Курильских островах. Как говорилось выше, ученые предполагают, что Человек проник на отдельные Курильские острова в период не менее двадцати тысяч лет назад. Но на сегодняшний день самые древние археологические находки относятся лишь к эпохе раннего неолита, а самые древние археологические поселения – к рубежу раннего и среднего неолита. Среди них стоянки Янкито и Куйбышево на о. Итуруп, а также Серноводское у озера Песчаного на о. Кунашир. Радиоуглеродная датировка стоянки Янкито на о. Итуруп составляет 6980 ± 50 лет, то есть она относится к периоду не позднее 5000 лет до н.э.³ На стоянке Куйбышево археологи обнаружили изделия, схожие с микропластинками – их могли использовать как вкладыши в составные орудия из кости, а также орудия на микропластинках и пластинчатых отщепах, напоминающие ранне-неолитические изделия. На поселении Серноводское на о. Кунашир найдена керамика возрастом не менее пяти тысяч лет, характерная для раннего и среднего неолита о. Хоккайдо. Она украшена оттиском толстого шнура, прокат которого по поверхности сосуда создает узор, напоминающий циновку, сплетенную из веревки. Самая древняя керамика, возраст которой может достигать девяти тысяч лет, обнаружена на стоянке Китовое на о. Итурупе. Период практически не изучен.

Средний и поздний неолит в рамках абсолютных датировок $4220 \pm 160 - 2030 \pm 40$ лет наиболее полно представлен на многослойных поселениях Касатка-Благодатное, Танковое, Куйбышево (о. Итуруп), Алехино (о. Кунашир). Большинство из этих памятников располагаются на средневысотных приморских террасах и дюнах и состоят из культурных слоев, разделенных прослойками вулканического пепла и погребенных жилищных западин. Характерны типичные для позднего и финального дземона о. Хоккайдо толстостенные плоскодонные сосуды, изготовленные с примесью органических веществ. Как правило, керамика украшалась композициями из веревочных оттисков, лепных украшений, выступов на кромке

³ Вместе с тем это не значит, что все находки на этой стоянке можно отнести к периоду раннего или среднего неолита. Есть там и более поздние находки раннего железного века и даже средневековья.

венчика и т.д. Каменная индустрия развивалась в русле технологических схем культур позднего дзэмона.

Типичные для неолита орудия – ножи с пропеллеровидным сечением, ножи – сэкихи с кнопчатым основанием, круглые скребки, наконечники копий, дротиков и стрел, дрели и проколки – изготовлены методами скола и двусторонней ретуши из пластинчатых отщепов. Рубящие орудия – хорошо шлифованные топоры, тесла, долота. Используемое в индустрии сырье – хоккайдский обсидиан, а также местная яшма, кремль, сланец, андезиты. В середине – начале 1 тысячелетия до н.э. на юге Курильского архипелага на смену неолитической культуре приходит культура постдзэмона. Ее памятники широко распространяются на островах и наиболее многочисленны. Предположительно, это культура раннего железного века.

Показательным и одним из самых загадочных памятников эпохи неолита на Курильских островах является многослойное поселение, расположенное в живописном месте у большого пресного озера Куйбышевское, также известное под местным названием Танковое. Кроме жилищ и культурных слоев различной древности там обнаружены могильник и святилища эпохи финального неолита. Погребения по обряду труположения в скорченном виде сопровождалась погребальным инвентарем и каменными кольцевыми кладками.

Интерес представляют каменные костровые кладки круглой формы диаметром около трех метров. В профиле они имеют вид усеченного конуса, обложенного по периметру окатанными морскими гальками. В этих кладках выявлены слои древесных углей, из которых взяты образцы для радиоуглеродного датирования. Анализ показал, что кострища были сооружены между 400 и 600 гг. до н. э. По мнению известного историка и этнографа Ю.В. Кнорозова, эти каменные кладки предназначались исключительно для «праздничных костров» и в иных целях не использовались. Озеро Куйбышевское – необычное место, здесь действительно сосредоточены необычные сооружения. Вышеописанные кострища в отличие от Ю.В. Кнорозова и М.М. Прокофьева один из авторов учебника склонен считать просто искусно выложенными кострищами, так как похожие костровые кладки обнаружены на сезонной стоянке анивской культуры у озера Хазарское на о. Сахалине.

Но на озере Куйбышевское также обнаружена чрезвычайно загадочная керамика и еще один объект, который без сомнений имел ритуальное значение. Глиняный сосуд, найденный у озера Куйбышевское, представляет собой плоскодонную емкость ведерного объема, украшенную затейливым рисуночным орнаментом. На сосуде выделяется три зоны декора: нижняя, символизирующая подземный мир; средняя – мир человека; верхняя – мир неба. В средней зоне симметрично напротив друг друга располагаются два человека, что сразу же напоминает о древнейших мифах – для них характерна парность всего сущего, от человека до облака: «облако-муж, облако-жена, ворон-муж, ворон-жена».

Фигура человека выполнена стилизованно в весьма условной манере кубического стиля, что вообще характерно для древнего искусства общности дзэмон: четко видны взметнувшиеся к небу руки, ноги упираются в землю, два центра жизни – в брюшной полости, и в голове, изображены в виде прямоугольников, заключенных один в другом. Эти изображения очень похожи на глиняные фигурки «догу», характерные для общности дзэмон Японского архипелага. Сфера жизни человека, тот самый мир, который человек на сосуде обнимает руками, представлена еще одним

типичным для дземо́на мотивом – спиралевидными шнуровыми оттисками, имитирующими пространство. Композиция, таким образом, имеет ярко выраженный космогонический характер. Не менее загадочен и солярный декор на круглом дне сосуда, найденного поблизости от вышеописанного. Выемка в центре композиции на круглом дне сосуда символизирует светило, а точки вокруг нее – звезды.

Под стать этой керамике и загадочный каменный круг с «солнечными часами», найденный здесь же, на дюнах у озера. Круг находится в 47 м к северо-востоку от одной из каменных костровых кладок. Он представляет собой кладку с кольцевой структурой размерами 1,25 x 1,29 x 0,19 м, камни в которой уложены по периметру окружности. В центре круга в вертикальном положении установлен менгир – большой камень удлиненно-овальной формы. Внутри расположена груда мелких камней круглой, овальной и уплощенной формы, а между ними – древесные угли. Часть камней с западной стороны имеет характерный красновато-бурый цвет вследствие воздействия огня. В кладке прослеживается четыре кольцевых структуры, причем раскладка камней производилась от центра к периферии. Менгир обложен по окружности кольцом из семи мелких камней. Неясно, насколько описанные кладки являются одновременными.

По своему устройству описанный выше каменный круг с менгиром в центре напоминает каменные лабиринты Северной Европы, но еще больше – «солнечные часы», впервые описанные японским археологом Коно Цунэкичи в 1917 г. Благодаря его трудам такие объекты в Японии были введены в научный оборот и с этого времени получили статус государственных памятников. До недавнего времени эти сооружения были известны лишь на о. Хоккайдо и на севере о. Хонсю. И вот теперь их удалось обнаружить и на южных Курильских островах – на о. Итуруп. Это позволяет утвердительно решать вопрос о культурном единстве неолитических традиций севера Японского архипелага и Курильских островов.

Несмотря на слабую изученность, имеющиеся материалы позволяют с уверенностью говорить об общности неолитических культур Курильского архипелага и неолита северо-восточной части о. Хоккайдо и в некоторой степени, особенно в области каменной индустрии, с культурами позднего неолита полуострова Камчатка. Представляется, что эти культуры формировали некую островную общность эпохи неолита, где Курильские острова естественным образом играли роль контактной цепи, по которой в меридиональном направлении проходили культурные импульсы в цепи «островной мир – континент».

Глава 6

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК НА САХАЛИНЕ И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ

6.1. Открытия бронзового и железного века.

Переход от камня к металлу в северной части Восточной Азии

Открытие металлургии – важнейшая веха в истории человечества. Впервые изделия из меди появились в Западной Азии около 10 тысяч лет назад почти одновременно с земледелием. Чуть позже возникли центры металлургии в Южной и Восточной Азии. Но в зону присваивающей экономики – на берега северных морей и в лесную зону – медь и бронза приходят много позже – во втором тысячелетии до н.э., в то время как в районах традиционной металлургии люди уже изобрели сыродутный способ получения железа. В Приморье и Приамурье бронзовый век датирован вторым тысячелетием до нашей эры. Но надо помнить, что в эпоху бронзы эти территории не были центрами производства изделий из металла. Население Приморья и Приамурья в бронзовом веке являлось потребителями этого ценнейшего по тем временам товара, который они получали с юга и запада. На Сахалине, Хоккайдо и Курилах бронзовый век не выделен.

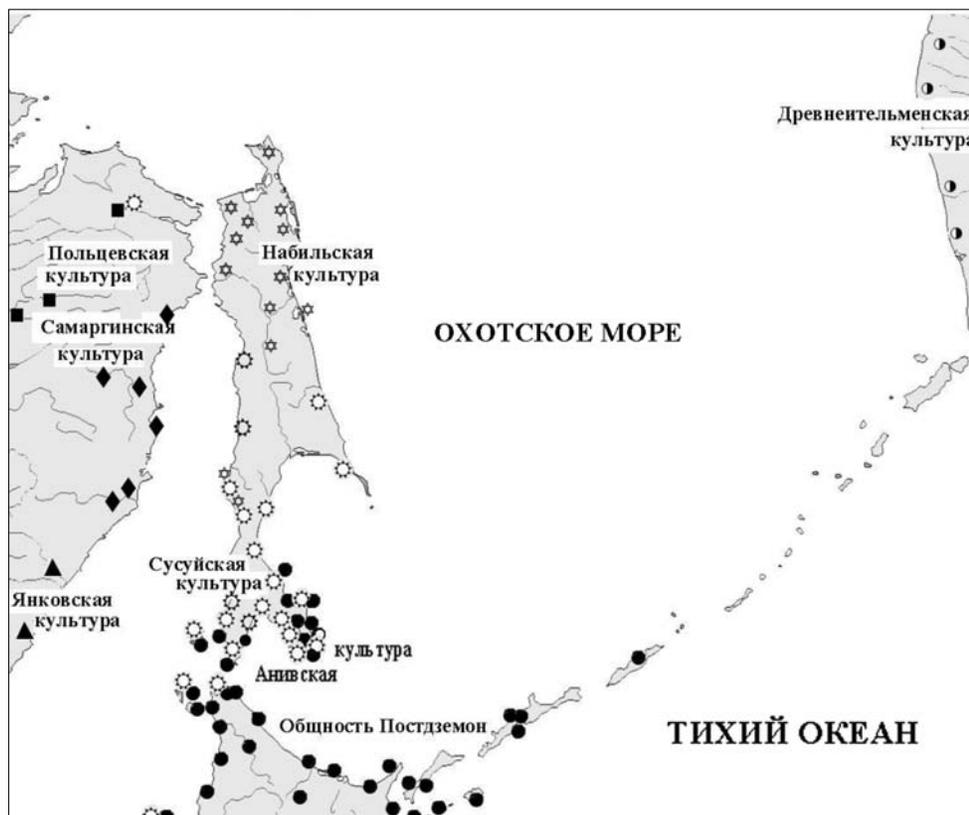


Рис. 11. Ареалы культур раннего железного века Дальнего Востока (I тыс. до н. э. – середина I тыс. н.э.)

Как писалось выше, ближайшие к островному миру Восточной и Северо-Восточной Азии центры древней металлургии располагались в Китае и на Корейском полуострове, а с изобретением металлургии железа – также в Приморье и Приамурье. Во многих металлургических центрах Восточной Азии в I тыс. до н.э. мастера плавил руду и из полученного металла изготавливали ступицы колес, сошники, серпы, ножи, мотыги, а также предметы вооружения, украшения и домашнюю утварь. Наряду с железом широко применялись цветные металлы. Товары из этих центров расходились далеко за пределы зоны развитой металлургии. На ее периферии, то есть там, где пока не добывали руду и не плавил металлы, ремонтировали, переделывали и изготавливали из старого лома те же предметы кузнецы. Перековка лома становится обычным делом, она сыграла большую роль в распространении достижений эры металлов в островной зоне Тихого океана. Не менее важную роль сыграло открытие метода получения железа из болотной руды. Оно позволило автономно получать этот ценный металл даже там, где никогда не было месторождений железной руды.

В раннем железе в Приморье возникают кроуновская (12-5 вв. до н.э.), янковская (7 в. до н.э. – 1 в.н.э.), самаргинская (1 тысячелетие до н.э.), а в Приамурье – урильская (11-7 вв. до н.э.), а также польцевская (5 в. до н.э. – 4 в.н.э.) и соседствовавшая с последней талаканская культура железного века. Эти культуры характеризуются сочетанием в быту и производстве камня, металла и керамики, а в хозяйстве – производящих и присваивающих форм¹. Это означает, что наряду с земледелием и скотоводством жители прилегающей к островному миру части материка занимались собирательством, рыболовством и охотой.

Для железного века Приморья и Приамурья характерна высокая степень единства традиций материальной и духовной культуры, высокая степень концентрации поселений и высокая демографическая устойчивость. Достаточно сказать, что население обычного поселка польцевской культуры составляло до 500 человек. Все это позволяет ученым предполагать в I тысячелетии до н.э. на соседствующих с нашей областью территориях формирование племенных союзов, развитие процессов классообразования и развитие различных институтов общественных отношений до предгосударственного уровня. Люди янковской и кроуновской культур Приморья, а также урильской и польцевской культур Приамурья наряду с железом использовали медь, бронзу и камень. В их полуподземных домах обнаружены керамические сосуды для хранения зерна в рост человека, а также орудия земледелия, охоты и рыболовства, кузнечные инструменты и другие свидетельства первобытной металлургии железа.

Распространение железа и бронзы в долине реки Амур позволяет прямо ставить вопрос и об эпохе древнего металла на Сахалине. Точно так же ареал влияния культуры раннего железа Японии Яёй на о. Хонсю позволяет ставить вопрос о раннем железном веке Хоккайдо и Курильских островов. Еще дальше на север, на Камчатке, на хронологическом рубеже неолита и раннего железа сформировалась древнеителменская культура. По сути, народы Сахалина, Хоккайдо и Курил в эпоху раннего железа оказались в своеобразном коридоре между двумя мирами металлургов и земледельцев. В эпоху раннего железа островные и полуостровные районы Северо-Восточной Азии становятся периферией древних цивилизаций.

¹ За исключением талаканской культуры, которая не знала производящей экономики.

На юге региона начинается ускоренное развитие земледельческого центра, на его фоне становится отчетливым технологическое и культурное отставание далекой периферии, игравшей на тот момент вторичную роль по сравнению с древними цивилизациями. Отставание выражалось в замедлении трансформации традиционного образа жизни населения Сахалина, Хоккайдо, Хонсю, Курил, Камчатки и более далеких северных регионов. В то же время в соседствующих южных регионах развитие производящей экономики и металлургии, а следовательно, и связанных с ними инноваций железного века шло ускоренными по сравнению с островным миром темпами.

Ранний железный век – это племенные союзы и ранняя государственность, ремесло и торговля, древние города, отделение умственного труда от физического, зарождение письменности, формирование системных религий, философии, медицины и т.д. Но все это имело место преимущественно в зоне производящей экономики на континенте. На островных территориях внедрение производящей экономики было затруднено ввиду низкого уровня технико-технологического развития, неблагоприятного климата, отсутствия традиций земледелия в критической зоне и обилия ресурсов присваивающей экономики прибрежного типа. Обилие рыбы позволяло создавать довольно устойчивые сообщества островитян. Тем более что продукты земледелия и металлургии в нужном количестве можно было получать от соседей путем обмена.

Отсутствие острой необходимости в развитии металлургии не способствовало поступательному развитию техники, хозяйства и общества. Но процессы постепенного внедрения в жизнь достижений древней металлургии и производящей экономики хотя и значительно медленнее, чем на континенте, все-таки имели место на островах. Ученые считают, что в то время как в соседних регионах возникали первые государства, здесь господствовали родоплеменные отношения. Культурное влияние соседствующих цивилизаций на население Сахалина и Курильских островов в эпоху раннего железного века выражалось в том, что на острова с континента поступают готовые изделия из железа и бронзы. Затем островитяне осваивают технологию обработки черных и цветных металлов холодной и горячей ковкой. Отдельные находки железа и трубки для подачи воздуха в печь на стоянках I тысячелетия до н.э. на Сахалине позволяют предполагать это. О сыродутном производстве железа в это время на Сахалине, Курилах и Хоккайдо пока ничего не известно. Здесь следует говорить о кузнечном ремесле, не более.

Хронологические рамки раннего железа на Сахалине определяются датировками сусуйской культуры и началом эпохи средневековья, т.е. от 5 в. до н.э. до 12 в. н.э. На Курильских островах ранний железный век наступает несколько позже, не ранее начала новой эры. Там он связан с культурой общности постдземон востока Хоккайдо и Курильских островов. На севере Курильского архипелага ранний железный век изучен слабо, вероятнее всего, там формировались культуры, родственные древнеительменской и постдземонской, так как острова находятся в зоне постоянного контакта двух территорий – островного и полуостровного мира Северо-Восточной Азии.

Открытие и внедрение железа имело глобальные последствия не только для земледельческого и скотоводческого мира, но и для рыболовов и охотников островов в северной части Тихого океана. Историки отмечают совпадения хроно-

логии, синхронность крупных тенденций, этапов и событий в развитии общества в степном, земледельческом и островном мире, что указывает на формирование центров и периферийных районов мировой системы. Почти так же, как в степном мире, в переходное время и в раннем железе на Сахалине и Курилах хронологически выделяем два более или менее отчетливых хронологических времени (периода): анивское (8-3 вв. до н.э.) и сусуйское (5 в. до н.э. – 5 в.н.э.). Хронологически они почти соответствуют скифской (7-2 вв. до н.э.), гунно-сарматской (3-2 в. до н.э. - 4 в.н.э.) и яёйской (3 в. до н.э.- 3 в. н.э.) эпохам.

6.2. Анивская культура (8-3 вв. до н.э.)

В ходе общего потепления климата в первом тысячелетии до нашей эры на Сахалин с Хоккайдо переселяются палеоайнские племена – носители традиций историко-культурной общности дземон. Их вторжение было ограничено южными побережьями острова Сахалин в рамках Тонино-Анивского полуострова и полуострова Крильон, а также островом Монерон. Одновременно отмечается расцвет и увеличение числа поселений культуры финального дземона на о. Хоккайдо и Курильских островах. На Северном и среднем Сахалине отмечаем распространение пильгунской культуры, традиционно близкой культурам поздней бронзы – начала раннего железа Приамурья.

Одним из географических и культурных вариантов общности финального дземона – раннего постдземона Хоккайдо – Южного Сахалина является анивская культура, названная так в связи тем, что география ее памятников связана с побережьями Анивского залива и Тонино-Анивского полуострова. Для данной культуры характерны поселения из пяти-шести жилищ, располагающихся двумя рядами либо кольцом. Самый изученный памятник анивской культуры – поселение Южная-2, состоит из четырнадцати жилищ. Они располагаются на большой поляне, одно возле другого, формируя разомкнутый круг – подкову с площадкой посередине. «Подкова» обращена к заливу, что подчеркивает его роль в жизни людей. Два жилища изучены методом археологических раскопок. В них выявлены следы укрепления стен плетнем и обмазки белой глиной, на полу располагался очаг, выложенный валунами и сопровождающийся канавкой. Назначение ее неясно, то ли она отводила от очага воду, капающую с крыши, то ли служила для поступления воздуха к огню. Вход в дом был сделан в виде небольшого внутреннего коридорчика – сеней, пол в нем укреплен камнями, образующими подобие пологого внутреннего крылечка-спуска. Пол располагался на 20-30 см ниже поверхности земли, поэтому такие дома называют полуземлянками. Крыша дома держалась на нескольких опорных и наклонных столбах каркаса, связанных между собой ремнями или веревками из растительных волокон.

Жители поселка пользовались каменными орудиями, основной материал для изготовления копий, ножей, скребков – обсидиан. Применение вулканического стекла характерно для всех поселений анивской культуры. Оно предполагает постоянные контакты и меновую торговлю с носителями культур общности постдземон острова Хоккайдо. Находки в жилищах украшений из янтаря – шлифованных подвесок и бус с отверстиями – указывает на отношения с людьми, владевшими крильонскими или стародубским месторождениями «солнечного камня». Глиняная посуда поселения Южная-2 выполнена в характерной для постдземона традиции

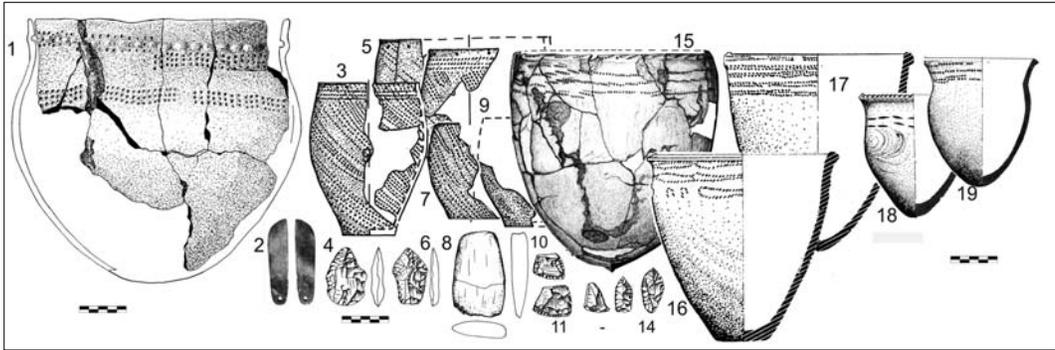


Рис. 12. Керамика и каменные орудия культур раннего железного века (I тыс. до н.э.).
1-2 – пильгунская, 3-14 – анивская, 15 – набильская, 16-19 – сусуйская культура

– все сосуды плоскодонные, с выпуклым туловом и украшены типичным декором – косыми веревочными оттисками.

Конечно, по уровню развития технологий эта культура может быть отнесена к финальной стадии каменного века. Но по хронологии (8-3 вв. до н.э.) и общим признакам, таким, как тонкостенная керамика, шлифовка тесел, напоминающих металлические образцы, эту культуру следует относить к переходному периоду от камня к железу. На раннем этапе (8-6 вв. до н.э.) анивская культура сосуществовала с пильгунской, а на позднем (5-3 вв. до н.э.) – с сусуйской и набильской культурами раннего железного века. Сусуйцы поглотили либо вытеснили с острова носителей анивской культуры. Последние оказали большое влияние на сусуйский керамический стиль. Вместе с тем не исключено, что на крайнем юге острова сусуйская и анивская культуры соседствовали дольше, чем мы предполагаем.

6.3. Пильгунская культура (10 – 4 вв. до н.э.) Поселение Кашкалебагш-2

Пильгунская культура наиболее полно изучена на побережьях заливов Пильгун и Чайво на северо-востоке Сахалина, опорными памятниками являются многослойные поселения Кашкалебагш-2 и Чайво-1. Отметим особенности распространения стоянок пильгунской культуры – зимние поселения с долговременными жилищами тяготеют к западным побережьям заливов и устьям лососевых рек. Вероятно, здесь они имели возможность добывать осеннего лосося и заготавливать его на зиму, а также выходить на зимнюю охоту в горы. Сезонные же стоянки, где люди жили в легких летних жилищах, располагались на песчаных косах между заливами и Охотским морем. Залив не был препятствием для людей, напротив, водный путь соединял хозяйственные угодья.

Без сомнения, заливы и реки являлись главной ценностью племен эпохи раннего железа, собственность на этот ресурс свято охранялась. Выдвижение людей на песчаные косы в весеннее и летнее время объясняется и тем, что там проходят маршруты перелетных птиц, туда же от гнуса уходят стада северного оленя, вдоль кос проходят фарватеры, в границах которых мигрируют косяки рыбы. Лосось не сразу идет в реку, сначала он нагуливается в заливе, за ним идут нерпа и сивуч. Люди наблюдали природу, они точно знали сроки движения животных, их хозяйствен-

ный календарь включал сезонные циклы, в рамках которых можно было безбедно существовать в непростых климатических условиях сахалинского Севера.

На поселении Кашкалебагш-2, а также в нижнем слое поселения Чайво-1 обнаружены западины жилищ-полуземлянок четырехугольной формы, обнесенные невысоким валом. Длина стен этих домов колебалась от 5 до 8 метров. Пильгунские жилища окружали ямы диаметром около двух и глубиной до полутора метров. Есть разные предположения об их назначении. Одни ученые считают, что ямы служили для отвода грунтовых вод от полуземлянки, так как они были вырыты глубже их пола. Обнаружение керамики, а также украшений и каменных орудий в ямах вокруг пильгунских жилищ наводит на мысль о том, что некоторые из них могли служить и в ритуальных целях. Другие ученые считают, что это ямы для хранения припасов – не случайно в некоторых из них найдены керамические сосуды. В горшке, найденном в яме на поселении Кашкалебагш-2, обнаружена вязкая масса черного цвета. Полоски этого вещества находим на керамике пильгунской культуры – это древний клей органического происхождения. Предположительно он изготовлен из смолы с какими-то неизвестными нам примесями, допустим, рыбьим клеем или лососевой икрой. Клей, подобный пильгунскому, встречаем и на остродонных сосудах набильской культуры. Из этого факта проистекает два вывода. Во-первых, керамика раннего железного века на Северном Сахалине была крайне непрочной – качественное сырье было неизвестно пильгунским гончарам. Поэтому-то и приходилось проклеивать трещины на сосудах для хранения сыпучих тел. А во-вторых, бытование одной и той же технологии скрепления сосудов клеем на керамике пильгунской и набильской культуры указывает на их сосуществование.

Последнее обстоятельство подтверждает и взаимное наложение радиоуглеродных дат обеих культур. Радиоуглеродные даты ограничивают существование пильгунской культуры в период с 10 до 4 вв. до н.э., а набильской – 8 в. до н.э. – 3 в. до н.э. Фактическая длительность этих культур должна быть несколько меньше, но нельзя не отметить совмещения их хронологических рамок в диапазоне 8-4 вв. до н.э. Это означает, что в середине первого тысячелетия до н.э. племена носителей пильгунской и набильской культур соседствовали. Предположительно, набильское население вскоре вытеснило либо поглотило пильгунское. Довольно часто жилища набильской культуры построены посредством переустройства пильгунских. Скорее всего пильгунцы ушли на юг Сахалина, в зону сусуйской культуры. Не случайно на прибрежных стоянках сусуйского времени в одних и тех же слоях встречаем не только остродонную, но и круглодонную керамику с гребенчатыми оттисками.

6.4. Сусуйское время (5 в. до н.э.- 5 в.н.э.)

Сусуйская культура возникла на стыке двух миров – южных островов Японского архипелага и северных побережий Сахалина. Первый представлен культурами позднего дзедмона – раннего постдзедмона (например анивской), второй – пильгунской и набильской культурами. Самая яркая ее черта – остро- и круглодонная керамика, черты, характерные в широком смысле для бронзового и раннего железного века Восточной Сибири. Эта традиция указывает на север. Вторая, противоположная первой традиции – шнуровой орнамент, указывает на юг – в зону шнуровой керамики Японского архипелага и Курил.

Название сусуйская культура получила по ее самой известной стоянке, расположенной в устье реки Сусуя. Территориально сусуйская культура занимала большую часть Сахалина и была известна на крайнем севере о. Хоккайдо. Находки керамики типа Сусуя также известны на Нижнем Амуре, и у юго-западного побережья о. Хоккайдо, на острове Окусири. Ядро формирования сусуйских культурных традиций связано с южной частью о. Сахалин.

Сусуйская культура, сформировавшись на Южном Сахалине, в 5-4 вв. до н.э. поглотила постдземонские культуры и расширила свою территорию на юг, захватив северную часть о. Хоккайдо, а также острова Монерон, Ребун и Рисири. О влиянии сусуйской культуры на север говорит то, что характерная остродонная керамика с веревочным оттиском найдена на стоянке Малая Гавань на Нижнем Амуре. Что же отражает этот археологический феномен? Вероятнее всего, сусуйская культура – не что иное, как вещественное отражение существовавшего в 5 в. до н.э. – 5 в. н.э. союза палеоазиатских племен, сложившегося на стыке континентального и островного мира Северо-Восточной Азии. На Сахалине и Хоккайдо известно около 50 стоянок и поселений этой культуры. Все они связаны с морским побережьем. Самые известные из них – Стародубское-2, Кузнецово-1, Озерск-1, Белинское-1, Усть-Айнское-1, Чиркова-1 (Сахалин), Онкороманай (Хоккайдо).

Но самой изученной является Сусуйская стоянка, расположенная в устье одноименной реки на берегу бухты Лососей залива Анива.

На Сусуйской стоянке обнаружены целые слои, сформированные раковинами моллюсков. В них найдены кости нерпы, сивуча, кита, оленя, медведя, птиц и рыб. Эти раковинные кучи образовались во время обитания стоянки людьми. Благодаря присутствию большого количества природной извести в них сформировалась нейтрально-щелочная среда, которая замедляет разрушение почвенными кислотами древних предметов из органических материалов. На стоянке обнаружены костяные гарпуны, остроги, футляры для иголок, наконечники стрел, шилья, рыболовные крючки, а также характерные глиняные сосуды с острым, круглым и плоским дном, каменные рыбные ножи с изогнутым лезвием и вытянутой рукоятью, копья, скребки с округлым и прямым рабочим краем, шлифованные топоры, расщепляющие массивные тесла, долота.

Индустрия обработки камня в сусуйское время достигла своего апогея, люди могли изготовить любое нужное им орудие. На полу жилища на поселении Усть-Айнское был найден железный нож с рукоятью из рога оленя, а на поселении Чиркова-1 – несколько неопределимых корродированных железных предметов. Трудно сказать, когда сусуйцы начали обрабатывать железо, ведь древняя металлургия – наименее изученный вопрос доисторического прошлого на Сахалине. Еще одним свидетельством того, что сусуйцы хорошо знали металл, являются изменения в способах обработки камня. Например, каменные топоры сусуйской культуры имеют гладкую шлифованную поверхность и четкое четырехугольное сечение с прямыми углами, характерные для орудий из железа и бронзы. Поселения сусуйского времени состояли из нескольких больших полуподземных домов. Обычно летники располагались на песчаных косах в устье реки в непосредственной близости от берега моря. Зимние поселки отстояли чуть поодаль от берега моря, в закрытых от штормовых ветров долинах.

По нашим подсчетам, в каждом поселке жило до 150-200 человек. Сусуйское население в лучшие годы могло составлять до 20-25 тысяч человек. Южными соседями сусуйцев были племена протоайнов, а северными – палеоазиаты – носители набильской культуры. Пока еще неясно, на что указывают многочисленные находки круглодонной и остродонной керамики с гребенчатыми оттисками на сусуйских поселениях. Они могут, с одной стороны, указывать на культурное влияние, а с другой – на прямое вторжение северных – набильских – племен на юг. Вопрос открыт.

6.5. Набильская культура.

Поселения на Круглой Сопке и на побережье залива Чайво

Ранее считалось, что географический ареал набильской² культуры связан с Северным Сахалином, поэтому ее называли северосахалинской. Существовало мнение, что она относится к эпохе неолита. Но при последующем изучении выяснилось, что некоторые ее стоянки датированы радиоуглеродным методом первыми веками нашей эры. Значит, набильская культура не только географически, но и хронологически была близка сусуйской. Вполне вероятно, что они родственны друг другу и имеют общие корни, на что указывает их необычайная близость. Не исключаем, что степень близости данных культур на начальном этапе их расхождения из одного источника в середине I тысячелетия до н.э. можно было бы интерпретировать и как локальные варианты одной культуры. Впрочем, изучение их еще впереди.

Недалеко от села Ныш в Тымовском районе есть приметная сопка, которую местные жители называют Круглой. Близ нее река Ныш выходит из распадка в широкую долину Тыми. Поселение располагается высоко над водой – люди боялись наводнений. Западины десятков жилищ хорошо видны на поверхности, большинство из них имеет четырехугольную форму. На обрыве у поселения много находок – обломки остродонных сосудов, украшенных гребенчатыми узорами, ножи, скребки и наконечники стрел из красного кремня.

Такие находки археологи обнаружили на многих поселениях Северного Сахалина, от полуострова Шмидта до села Адо-Тымово. А керамику с оттисками гребня в виде гусениц, параллельных штамповых точечных оттисков и криволинейных узоров находим и в сусуйской культуре, и это одна из самых интересных загадок эпохи раннего железа на Сахалине. В набильской культуре нет шнурового орнамента, и горшки приземистее и шире сусуйских. Такая керамика обнаружена и на многослойном поселении Чайво-1.

При раскопках набильских поселений выявлены одно- и двухкамерные полуземлянки четырех- и пятиугольной формы с наземным входом и очагом – кострищем в центре пола. Судя по обнаруженным следам столбовых ямок вокруг дома, у некоторых домов кровля была двухслойной, что объясняется холодным климатом Севера. На поселении Чайво-1 выкопано зимнее жилище, состоявшее из двух камер. Северная, большая, камера – четырехугольная, почти квадратная в плане яма размерами 10x10x0,7 м. Южная камера пятиугольная. Ее размеры 5 x 3,5-3 x 0,6-0,8 м. Жилище вытянуто по длинной оси в направлении север – юг. Камеры соединились между собой узким подземным коридором, перекрытым навесом. Этот переход мож-

² Набильской эта культура названа здесь по одному из ее самых характерных памятников – дюнной стоянке Старый Набиль, расположенной на восточном побережье одноименного залива.

но считать тоннельным, так как он проходил большей частью под землей. Коридор был узким, человек проходил по нему из одной камеры в другую, касаясь стен плечами. Длина тоннеля – три, ширина – один метр. В свое время этнограф Рюдзо Тории, описывая многокамерные жилища айнов Северных Курил в своем академическом труде «Курильские айну», упоминал занавеси из шкур морского зверя на переходах из одного помещения в другое. Очаг расположен в центре северной камеры. Предполагаем его устройство на деревянных плахах. На северо-восточном побережье острова наиболее сильны и опасны юго-восточные ветры. Поэтому острым углом малой камеры дом направлен именно в эту сторону. Полагаем, что камера служила не только для выхода после зимних буранов, но также для хранения припасов, так как она примыкает к южной части дома и входит в зону интенсивного обитания, на что указывают концентрации находок артефактов именно в этой части сооружения.

Наиболее типична стоянка на полуострове Старый Набиль, приуроченная к берегу протоки, соединяющей одноименный залив с Охотским морем. Она располагается на дюнах, где прямо на поверхности обнаружены древние очаги, а вокруг них многочисленные развалы остродонных сосудов и каменные орудия. Стоянка на Набиле по своему расположению и составу типична для раннего железного века. Такие же стоянки обнаружены по берегам большинства морских заливов Сахалина.

Поселение на Круглой Сопке – типичный зимник. Таковы же поселения у сел Адо-Тымово и Ясное Тымовского района. Это основные стойбища, где их жители проводили осень и зиму. Весной и летом они мигрировали на побережье. Парность стоянок – зимника и летника – в сусуйской и набильской культурах указывает на сезонную специализацию хозяйства, характерную для прибрежных культур эпохи раннего железа. Вероятно, с мая по сентябрь люди жили у моря, кормясь за счет рыбы и сбора дикоросов, не чуждаясь лесной охоты; сентябрь–ноябрь – время заготовки юколы, заготовки ягод и других припасов на зиму. Зимой били нерпу на льду, ловили рыбу сетями и крючками подо льдом, поднимали медведя из берлоги, добывали оленя, пушных зверей. Основу существования составляли запасы юколы из осенней кеты. Таков был хозяйственный календарь большинства народов Северо-Восточной Азии вплоть до начала XX века. Предположительно он был выработан еще людьми эпохи неолита.

Как уже говорилось, в сусуйское время население Сахалина выросло настолько, что часть его продвинулась на юг, завоевав север о. Хоккайдо. Вероятно, время от времени и сусуйцы, и набильцы воевали как между собой, так и с соседями и с континента, и с островов. Свидетельством этого являются укрепленные поселения этого времени.

6.6. Острожок Асанай. Противостояние Сусуи и постдземона

Недалеко от города Невельска на берегу Татарского пролива располагается острожок сусуйского времени Асанай-часи³. Несмотря на современную застройку, здесь отчетливо видны следы валов и рвов. А со стороны моря он защищен неприступным обрывом. На этом памятнике обнаружены находки керамики сусуйского типа, каменные ножи, топоры и наконечники стрел, а также втульчатый наконеч-

³ Асанай – старое название поселка Заветы Ильича в Невельском районе. Часи означает по-айнски «укрепленное место». Хотя Асанай и не типичная айнская крепость, но так назвал этот памятник культуры его первооткрыватель японский археолог из г.Хонто (Невельск) Кимура Синроку.

ник копья, изготовленный из железа. Трудно сказать, к какому времени относится последняя находка, скорее всего она была оставлена на острожке позднее, в эпоху средневековья, но все остальные находки типичны для сусуйской культуры. Известны десятки укрепленных поселений сусуйского времени и эпохи средневековья, на которых находим следы простейшей фортификации. В сусуйское время наибольшее число укрепленных поселений располагалось на границе с постдзёмонскими племенами протоайнов на крайнем юго-западе Сахалина. Это означает, что отношения между соседями были чрезвычайно обостренными и нередко заканчивались войной. Экспансия сусуйской культуры хорошо прослеживается по расширению зоны находок сусуйской керамики от Нижнего Амура до о-ва Окусири. Но, в свою очередь, сусуйская культура, пройдя пору расцвета, и на Сахалине, и на Хоккайдо к VI веку уступает место культуре Тowaда.

6.7. Проблема этнической принадлежности древнего населения Сахалина, Хоккайдо и Курильских островов. Антропологические, археологические и фольклорные данные. Легенды о коропоктуру, тончах и тоисэкуру

Этническая принадлежность древних обитателей Сахалина, Хоккайдо и Курильских островов пока ясна не до конца. Для решения данной проблемы в принципе уже сейчас достаточно материалов, имеющихся в распоряжении исследователей. Но для детализации требуются систематические данные антропологических исследований.

Вместе с тем близость неолитических Сахалина и Нижнего Амура предполагает, что древнее население острова по своему происхождению всегда было связано с неолитическими племенами Нижнего Амура. Если рассмотреть вопрос подробнее, следует учесть три основных положения, считающихся опорными и не вызывающих сомнения.

Во-первых, население Приморья и Приамурья в течение, по крайней мере, IV–I тыс. до н.э. составляли племена палеоазиатов- монголоидов, близкие большинству современных малых народов Дальнего Востока. Опорным памятником, давшим эту информацию, является могильник в бухте Бойсмана в Приморье, относящийся к IV тыс. до н.э. А.Н.Поповым там обнаружены останки людей, определенные антропологами как монголоиды байкальского типа. Ранее подобную точку зрения на происхождение неолитического населения Приамурья и островов выдвигал С. Д.Тернер, изучавший зубные системы древних людей. В неолите в Приморье и Приамурье, по его мнению, жили так называемые синадонты, для которых была характерна связанная с преобладанием растительной пищи редукция зубной системы. Выходцы из Китая, они сначала расселились в Приморье и бассейне реки Амур, а впоследствии мигрировали на север и дали там начало эскимосам и алеутам. Антрополог Хаджиме Исида помещает современное и доисторическое население Амурского региона между азиатскими и североамериканскими монголоидами. Очевидным доказательством того, что на среднем и Нижнем Амуре, а также на Сахалине в позднем неолите жили монголоиды, предки современных народов Северо-Восточной Азии и Северной Америки, подтверждается и антропоморфными изображениями, найденными на памятниках неолита региона. Например, на Нижнем Амуре А.П.Окладниковым описаны личины IV–II тыс. до н.э. – изображения людей с узким разрезом глаз и плоскими лицами, найденные среди петрогли-

фов Сикачи-Аяна. Похожие лики на сосудах вознесеновской культуры III-II тыс. до н.э. описывает В.Е. Медведев. На поселениях эпохи неолита Кондон и Сучу обнаружены глиняные фигурки амурских Венер с характерными признаками монголоидного типа лица. Похожая фигурка, изготовленная из камня, обнаружена на окраине г. Долинска. Продвижение вознесеновских этносов на Сахалин в III-II тыс. до н.э. прямо указывает на общность населения Амуро-Сахалинского региона в тот период.

Во-вторых, начиная со среднего неолита, то есть последние шесть тысяч лет, на Хоккайдо и Курильских о-вах жили люди дземон, имеющие прямое отношение к происхождению айнов. По своим истокам они относятся к тихоокеанским сундантам – жителям древнейшего материка Сунда в Юго-Восточной Азии.

В-третьих, на Сахалине, а также на Курилах шло постоянное смешение монголоидов и людей дземон. По определению Торрии Рюдзо и В.И. Иохельсона, волны палеоайнов постоянно проникали с Хоккайдо на север, оставаясь и смешиваясь там с местным населением. Этническая обстановка на островах обуславливалась столкновением двух потоков древнего населения, продвигавшегося с юга на север по островам и с запада на восток по бассейну реки Амур. Курильские о-ва были своего рода мостом между Японским архипелагом и Камчаткой. Таким образом, встречное движение тихоокеанских этносов и континентальных монголоидов, в треугольнике Нижний Амур – Сахалин – Хоккайдо – Курилы формировало восходящее продвижение Человека на крайний Северо-Восток и в Северную Америку.

На протяжении многих тысячелетий древние культуры Сахалина и Курил самым тесным образом были связаны с Японским архипелагом. Поэтому любой исследователь, изучающий древнюю историю Сахалина и Курил, не может пройти мимо имеющихся в нашем распоряжении материалов по истории Японских островов.

Археологическое изучение Японии началось с того, что в 1877 г. американский исследователь Эдвард Морзе, изучавший брахиоподов (плеченогих) прибрежных вод Японского архипелага, проезжая по местности Аомори (равнина Канто на острове Хонсю), обратил внимание на выходящие на поверхность земли крупные скопления раковин. Совместно с японцами он провел в Аомори раскопки и обнаружил там древнее поселение с раковинными кучами. Во время раскопок наряду с превосходно изготовленными каменными орудиями и керамическими сосудами были найдены фрагменты человеческих костей. Данные кости были расколоты так, как будто из них извлекался костный мозг. Основываясь на этом, Э. Морзе пришел к выводу, что он раскопал стоянку древних каннибалов (людоедов). А так как каннибализм не был известен ни айнам, ни японцам, американский исследователь выдвинул гипотезу о том, что стоянка Аомори принадлежала неизвестным доайнским племенам, которые он назвал протоайнами.

Гипотеза Э.Морзе о том, что Японские острова первоначально были заселены предшественниками айнов, нашла подтверждение в айнском фольклоре. Так, во второй половине XIX в. на Хоккайдо была записана айнская легенда о народе кропокуру.

«При переселении айну с острова Хонсю на Эзо (Хоккайдо. – **М.В.**), на острове этом жил народ ростом меньше айну, безбородый. Народ этот жил в земляных юртах, крыши которых были покрыты главным образом листьями лопуха; они употребляли каменные орудия и глиняную посуду. Первоначально он поддерживал с айну мирные отношения и обменивался с ними товарами; но позднее у них в Токачи (местность на тихоокеанском побережье

Хоккайдо. – М.В.) произошли раздоры, они не хотели более оставаться по соседству с айну и постепенно перекочевали на север. Они приспособили себе из легкого материала челноки, в которых переправлялись по воде, по земле же они их переносили. Обыкновенно они носили одежду, но в юртах, может быть, ходили иногда голыми; об их прическе достоверно ничего не известно, но женщины, по-видимому, отчасти носили волосы срезанными, как и женщины айну; женщины татуировались вокруг рта, на кистях рук и до локтя; чему женщины айну стали подражать».

Подобная легенда в конце XIX века была записана и на Итурупе. На этот раз доисторический народ носил название тоисэкуру. Примерно в то же самое время на Южном Сахалине в разных вариантах была записана легенда о народе тончи (тонци, тонти). Приводим данную легенду в изложении российского исследователя Бронислава Осиповича Пилсудского.

«Когда айны приехали на Сахалин, то застали там племя, живущее в землянках и делавшее горшки из земли. Называло оно себя «тонцями». Они были невысокого роста, но не совсем малы, волосы и глаза имели черные и не сильно отличались внешним видом от айнов. Женщины не татуировались. Платье носили короткое из звериных шкур или из маньчжурских материй; обувь была из нерпы. (Ни собак, ни оленя не держали – вариант). Рыбу ловили крючками, а не неводом. На соболя петель не ставили, а настаивали на зверя самострелы и ловушки. Тонци ездили в лодках, похожих на теперешние, гилякские, в Маньчжурию и привозили оттуда маньчжурские товары... От них айны узнали дорогу в Маньчжурию. Тонци были вороваты и особенное пристрастие имели к аинским женщинам, которых увлекали к себе, но еще чаще (впрочем, только на севере) насильовали и убивали. Это прощать айны уже не могли и время от времени с тонцями воевали... Вражда и войны с айнами заставили тонцей удалиться, и они уехали на своих лодках с острова».

На рубеже 70-80-х гг. XIX века взгляды Э.Морзе были развиты английским исследователем Джоном Милном, считавшим, что народ коропоктуру действительно существовал и в древности населял остров Хоккайдо. По мнению Д. Милна, коропоктуру были вытеснены оттуда айнами и заселили Сахалин, Курильские острова и юг Камчатки. В конце 80-х гг. XIX – начале XX вв. айнские предания о коропоктуру наряду с материалами первых археологических и антропологических исследований на Японских островах стали основой для теории профессора антропологии Токийского университета Сегоро Цубои, считавшего, что древнее население Японских островов не было связано ни с айнами, ни с японцами. С. Цубои считал, что айны никогда не знали каменных орудий и керамических сосудов, не жили в землянках и не употребляли в пищу человеческое мясо. Орнамент на древней керамике не был похож на айнский. Сильно отличалось и строение скелетов древних людей и современных С. Цубои айнов.

Особое внимание С. Цубои уделял небольшим глиняным скульптурам, найденным в Японии на памятниках каменного века. Японский исследователь различал среди них мужские и женские фигурки. На мужских фигурках не было бород, волосы завязывались узлом, вокруг глаз – снеговые очки. Женские фигурки имели сложную прическу, лица были закрыты масками. Фигурки были одеты в рубахи глухого покроя и штаны. Для украшения были использованы лабретки. По мнению С. Цубои, все вышеназванные особенности с одной стороны резко отличали изображенных древними скульпторами людей от айнов, а с другой – делали их похожими на эскимосов. Это проявлялось в физическом типе (безбородые круглые лица), в прическе и покрое одежды, в употреблении снеговых очков и масок, в обычае носить лабретки. Подобно эскимосам, древнее население Японских островов жило в землянках и пользовалось каменными и костяными орудиями. Вместе с тем С. Цубои видел между

эскимосами и коропоктуру определенные различия и не рассматривал первых в качестве прямых потомков последних. Однако связь между ними не вызывала у него никаких сомнений. Уже в конце XIX – начале XX вв. гипотеза С. Цубои была подвергнута убедительной критике со стороны японского исследователя Есикио Коганеи.

Вместе с тем вполне вероятно, что в фольклоре сахалинских, хоккайдских и курильских айнов нашел отражение тот факт, что айнская колонизация островов, лежавших к северу от Хонсю, проходила в несколько этапов и заняла сотни (если не тысячи) лет, как об этом писали Тории Рюдзо и В.И.Иохельсон. Под влиянием как внешних (экспансия японцев), так и внутренних (напряженная демографическая ситуация на Японских островах) факторов айны с Хонсю переселялись на Хоккайдо, а отсюда на Сахалин и Курильские острова. В этом случае и тончи, и коропоктуру, и тоисэкуру могут быть представителями предыдущих колониционных волн палеоайнов, смешавшихся с монголоидными соседями. Эти волны были отделены друг от друга сотнями лет. Поэтому локальные группы палеоайнов, разобщенные в силу географической удаленности и особенностей исторического и культурного развития, часто не признавали друг друга за представителей одного народа. Понимая, что состав этноса не ограничивается лишь общими биологическими характеристиками, заметим важнейшую роль материальной и духовной культуры, которая зачастую значила больше, чем происхождение от одного предка.

6.8. Первые письменные известия о народах Сахалина: Шань Хай Цзин о царствах волосатых, черноногих и народе Лао

Практически вся известная нам информация о древней истории Сахалина и Курильских островов получена благодаря усилиям археологов. За те полтора столетия, как на Сахалине и Курилах ведутся археологические исследования, были обнаружены и исследованы тысячи памятников различных древних культур. Кроме того, на какие-то вопросы мы можем ответить благодаря данным этнографии и фольклора. Однако при всей важности таких источников, как данные археологии и фольклора, они далеко не всегда могут служить целям непосредственного изучения ранних этапов истории народов, заселявших Сахалин и Курильские острова.

«Поэтому, – как отмечал ведущий российский востоковед Н.В. Кюнер, – в большинстве случаев более надежным источником для ознакомления с минувшими этапами развития этих народов оказываются письменные сообщения о них, сохранившиеся у более развитых в культурном отношении соседей».

Таковыми соседями для народов Сахалина и Курильских островов были китайцы. Анализ древнекитайских хроник и трактатов позволяет внимательному читателю из-под многочисленных наслоений извлечь крупинцы информации о древней истории предков айнов, нивхов и уильга.

Первый такой источник, благодаря которому мы можем получить подробные сведения о древнем населении Сахалина, найдем в древнекитайском географическом трактате «Шань Хай Цзин» («Каталог гор и морей»). Время составления этого памятника может быть определено лишь приблизительно. Наиболее ранние упоминания о нем в китайской исторической литературе относятся ко II–I вв. до н.э. Таким образом, «Шань Хай Цзин» отражает географические представления китайцев периода правления династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г.), а возможно, и более раннего времени. По содержанию трактат можно разделить на две части. Первая

содержит описание континентального Китая, вторая – сведения о землях и народах, находившихся за его пределами.

В главе (или точнее, в свитке – цзюане) 9-й «Шань Хай Цзин» сообщается, что к северо-востоку от Китая находится Сюаньгуго – «царство Черноногих», а к северу от нее – Маоминьго – «царство Волосатых» и лаоминь – народ лао.

Информация о «царстве Черноногих» чрезвычайно лаконична: «Его люди одеваются в рыбью кожу, питаются чайками. Пара птиц прислуживает им». Присутствие в трактате такой чрезвычайно интересной детали, как использование «черноногими» для изготовления одежды обработанных рыбьих кож, позволяет нам предположить, что в древнекитайском документе речь идет о предках народов Нижнего Амура и Сахалина. Ведь еще совсем недавно подобную одежду носили нивхи, айны, нанайцы, некоторые другие народы Дальнего Востока.

Не менее интересно упоминание о птицах, «прислуживающих» черноногим. Действительно, и нивхи, и айны выращивали в своих селениях птиц.

«Гиляки предпочитают добывать еще не оперившихся птенцов и воспитывать их, – отмечал российский исследователь народов Приамурья Леопольд Иванович Шренк. – Для этого они срубают высокие деревья с недостигаемыми вершинами, где орлы (речь идет о двух видах орланов или морских орлов – орлане белоплечем и орлане белохвостом. – М.В.) выют свои гнезда. Выбранные оттуда орлята содержатся в рыбных сушильнях и кормятся отбросами рыбы, пока не оперятся. Тогда их убивают, а перья из хвоста тщательно сохраняют между двумя пластами березовой коры и в таком виде пускают в продажу».

Таким образом, становится более понятной фраза из китайского трактата: «Пара птиц прислуживает им».

Не менее специфична другая особенность, о которой сообщает «Шань Хай Цзин»:

«В царстве Волосатых, к северу от [царства Черноногих] у людей на теле растет шерсть».

Ведь к северо-востоку от Китая только один народ отличался от всех своих соседей обильным волосатым покровом. Имя этого народа – айны. Поэтому, вероятнее всего, Маоминьго – это страна айнов, которые задолго до прихода на Дальний Восток европейцев населяли Сахалин, Курильские острова и Хоккайдо.

Народ лао упоминается в «Шань Хай Цзин» следом за Волосатыми. Японский исследователь Куракити Сиратори считает, что слово «лао» переводится с нивхского языка как «великая река». Если это так, то вполне вероятно, что в данном случае речь может идти о предках нивхов.

Несмотря на крайнюю лаконичность сведений, приведенных в «Шань Хай Цзин», их важность трудно переоценить. Они свидетельствуют о том, что, по крайней мере, уже две тысячи лет назад на Нижнем Амуре и Сахалине среди других народов обитали и те, что и в XVII в., когда регион стал исследоваться европейцами.

6.9. Сыма Цянь о сушениях и стрелах из дерева ку

В труде выдающегося древнекитайского историка Сыма Цяня «Шицзи» («Исторические записки») имеется сообщение о том, что ко двору императора Шуня (последнего из легендарных пяти императоров, правивших в Китае в конце III тысячелетия до н.э.) приходило посольство от племени сунень, жившего к севе-

ру от Китая. Послы преподнесли императору Шуню стрелы с грубыми каменными наконечниками.

Много столетий спустя, в 551 году до н.э. в царстве Лу (одном из многих царств, на которые в тот период был раздроблен Китай) в обедневшей аристократической семье родился ребенок, которому было суждено прославиться и войти в историю под именем учитель Кун (Кунцзы) или Конфуций. В молодости он был мелким чиновником, а затем организовал и возглавил первую в Китае частную школу. В ней преподавались мораль и политика, язык и литература. Вскоре Конфуций приобрел репутацию самого лучшего учителя во всем Китае. В зрелом возрасте учитель Кун снова пошел на государственную службу. Он занимал должности хранителя складов, смотрителя пастбищ, смотрителя общественных работ, начальника судебного приказа царства Лу. Однако вследствие интриг Конфуций был вынужден оставить службу. В 492 году он покидает родину и в течение тринадцати лет путешествует по Китаю. «Не имея даже времени согреть циновку, на которой он сидел», учитель Кун разъезжал с проповедью своих идей по правителям отдельных царств и княжеств. Во время этого путешествия с ним произошел случай, представляющий для нас определенный интерес.

Однажды, когда Конфуций находился в княжестве Чэнь, где он гостил у местного князя Миньгуна, во внутренний двор княжеского дворца упала стая кречетов, сраженных стрелами с каменными наконечниками. Удивленный князь приказал своим слугам подобрать птиц вместе со стрелами, отнести их к Конфуцию и спросить знаменитого мудреца, что это за диковины упали к нему на двор. Гость осмотрел птиц и стрелы и сразу же дал ответ: «Птица – род кречета, происходящего из страны Сушень, а стрелы с каменными наконечниками тоже доставлялись издалека, они употреблялись сушенями». Далее Конфуций рассказал хозяину дворца старую историю о том, как сушени преподнесли в дар чжоускому царю Увану (правил в 1027-1025 гг. до н.э.) стрелы, изготовленные из дерева ку с наконечниками из камня ну. Уван очень гордился подарком из далекой страны, считая его знаком признания его царственных добродетелей со стороны окружавших Китай стран и народов, и в назидание потомкам приказал сохранить стрелы. Позже, выдавая свою дочь замуж за Ху Гуна, назначенного главой княжества Чэнь, он подарил ей часть хранившихся в царской сокровищнице сушенских стрел. В заключение рассказа Конфуций предложил Миньгуну, чтобы он отдал распоряжение своим чиновникам порыться в кладовых, поскольку там непременно должны были храниться сушенские стрелы. И действительно, к большому удивлению князя, чиновники вскоре обнаружили в сокровищнице золотой ящик с сушенскими стрелами.

В настоящее время трудно установить, что представлял из себя этот народ и где находилась страна Сушень. Слишком незначительна дошедшая до нас информация. Мы знаем только то, что сушени жили на севере и что дерево, из которого они делали свои стрелы, называлось «ку». Слово «ку» имеется в языках многих народов, живших к северу от Китая. У народов, относящихся к тунгусо-маньчжурской языковой группе, это слово означает «сажа», «нести». В то же самое время у нивхов слово «ку» означает «стрела», а у айнов – лук. Это позволило российским исследователям А.В. Смоляк и В.Е. Ларичеву связать сообщения древних китайских хроник с народами, обитавшими на Сахалине. При этом следует сразу отметить, что автор настоящих строк вовсе не уверен в том, что современная транскрипция точно отражает правильное произношение данного слова.

6.10. Буддийский монах Хуай Шей о стране Фусан

В начале первого тысячелетия н.э. в Китай проникает и получает широкое распространение буддизм. В этот период благодаря деятельности буддийских миссионеров, проповедовавших учение Будды, как в Китае, так и за его пределами, китайцам становятся известны новые сведения о территориях, расположенных к востоку от их страны. Так, в «Лян шу» («Истории династии Лян», правившей в Китае в 502-557 гг.) помещен рассказ буддийского монаха Хуай Шея, побывавшего в 499 году в стране Фусан.

«Царство Фусан расположено более чем в 20000 ли⁴ к востоку от Таханя⁵ ... Оно лежит также на восток от Китая. В той стране растет много деревьев фусан, и по ним она получила свое название. Своими листьями фусан походит на тунговое дерево. Выходит оно из земли наподобие побегов, которые туземцы употребляют в пищу. Плоды этого дерева красного цвета и похожи на груши. Из его коры изготовляют ткань для одежды и вату. Люди строят свои жилища из досок. Города не обнесены валами. Там пользуются письменами, а бумагу изготавливают из коры дерева фусан. Войска у них никакого нет, и поэтому им неведома война...

Когда правитель покидает свой дворец, об этом извещают барабаны и трубы. Его сопровождает охрана. Сообразно с годами цикла властитель меняет свое одеяние... У тамошних быков необычайно длинные рога... В повозки впрягают лошадей, быков, оленей. Туземцы разводят оленей в качестве домашнего скота, подобно тому, как в Китае разводят коров. Из молока этих животных изготовляют масло. Там растут тутовые и грушевые деревья, которые сохраняют листву в течение всего года. Кроме того, имеется в изобилии виноград. В этой стране нет железа, но зато есть медь. Золото и серебро там совсем не ценятся. На рынках не знают ни налогов, ни твердых цен ... Когда на престол вступает новый правитель, он в течение трех лет не занимается никакими государственными делами. Раньше учения Будды в этой стране не знали...»

Вот уже более двухсот лет идет оживленный спор по вопросу о том, где же была расположена страна Фусан. Практически все серьезные исследователи сходятся во мнении, что речь идет об острове (или островах), лежащем к востоку от Китая. При этом большинство склоняется в пользу Японии (например, Генрих Клапрот и Вивьен де Сен-Мартен). В конце XIX века голландский исследователь Г. Шлегель выдвинул предположение, что страна Фусан была расположена на Сахалине. При этом самым убедительным аргументом в пользу Сахалина является упоминание о разведении туземцами страны Фусан оленей и об использовании их в упряжке. Только северные олени относятся к числу одомашненных человеком. Между тем на островах Восточной Азии северный олень не водится нигде, кроме Сахалина. Япония же никогда не знала оленеводства. Что же касается Сахалина, то в центральных и северных районах острова китайские, а затем европейские и японские исследователи в XVIII-XIX вв. застали племя уйльга (или ороков) – единственный в этой части планеты островной народ, занимавшийся оленеводством. И если предположить, что уйльга живут на Сахалине по крайней мере последние полторы ты-

⁴ Ли – китайская мера длины, согласно современным представлениям, составляет 576 метров. Однако в древности ее величина могла быть несколько иной.

⁵ По Нань ши (китайская династийная хроника VII в.), царство Тахань или Дахань находилось в 5000 с лишним ли на восток от царства татуирующихся людей. Последнее же лежит в 7000 ли на северо-восток от Японии. Таким образом, по подсчетам Н.Я. Бичурина (Иакинфа), страна Фусан лежит на расстоянии в 17 тысяч верст (примерно 18 тысяч километров) к северо-востоку от Японии. Следует отметить, что столь большие расстояния в китайских династийных историях не следует воспринимать буквально. Многие тысячи ли скорее следует понимать просто, как «очень далеко».

сячи лет, то вполне вероятно, что буддийский миссионер Хуай Шей побывал именно здесь.

Вместе с тем в рассказе Хуай Шея приведен целый ряд деталей, которые не имеют какого-либо отношения к Сахалину, но вполне могли иметь место в Японии. Имеются здесь и сведения, которые в одинаковой степени подходят и для Сахалина (вернее – для его южной части), и для более южных островов: использование туземцами коры (волокон луба) для изготовления тканей, обилие дикого винограда и др. Думается, что в сообщении буддийского миссионера в единое целое переплелись как сообщение о Сахалине, так и сообщение о Японских островах.

Глава 7

САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

7.1. Степи Евразии и Дальний Восток на пороге средневековья

В IV-V веках нашей эры степи Евразии пришли в движение – началось Великое переселение народов, событие, которое потрясло весь Старый Свет. Одним из важнейших событий в середине IV века стало объединение в степях между Уралом и Волгой хунну- тюркоязычных выходцев с северных рубежей Китая и угорских племен. Разгромив хозяев степей – аланов, орды гуннов ринулись на запад и, по свидетельству средневековых хронистов, к середине V века дошли до берегов Атлантического океана. От Сирии до Западной Европы они «произвели невероятное избиение людей, и все наполнили резней и ужасом». Нашествия варваров разорили Рим и привели к образованию Западной и Восточной Римской империй.

Китай также разорили междоусобные войны и опустошительные вторжения кочевников. До своего ухода на запад хунну регулярно разоряли северную часть страны. Осевое событие эпохи в Поднебесной империи – вторжение сяньбийских племен тоба (367 г.) и воцарение на севере иноземной династии Северных Вэй (386-534 гг.). Казалось, что под ударами варваров страна должна распасться. Однако, несмотря на войны и бедствия, даже раздробленный на части, Китай сохранил за собой роль восточноазиатского ядра мир-системы, культура и политика которого в эпоху раннего средневековья во многом определяли облик цивилизации на огромных пространствах на востоке Евразии.

В III–IV вв. н.э. резко усилилось древнекорейское государство Когурё, власть которого охватывала значительную площадь полуострова. С его образованием Корея включилась в широкую систему международных отношений и стала играть пока не очень большую, но все же собственную роль в восточноазиатской части мир-системы. Однако, несмотря на всю мощь Когурё, с ним соперничали королевства Пэкче и Силла. В 70-х гг. IV века, когда сяньбийцы завоевали Северный Китай, а войска гуннов далеко на западе прорвались в Европу, на западе Кореи усилилось государство Пэкче. Вскоре оно стало играть собственную роль в международных отношениях в Восточной Азии. В начале VI века лидером на полуострове становится Силла, король Силла вводит буддизм и создает копию китайского мироустройства в Корею.

В Японии IV и V века также стали рубежными, они положили конец периоду федераций раннеземледельческой цивилизации Яёй. Именно в эту эпоху, названную историками «Кофун»¹ (300-710 гг.), в среде японской элиты быстро распространяется культура континентального происхождения, несущая отпечаток мира евразийских кочевников-воинов. Войны на юге Кореи, массовые переселения населения с континента, воцарение так называемой «корейской династии», первые

¹ Курган (япон. яз.)

города, курганы, сбор налогов, принятие буддизма (VI век) – изменения, породившие первое японское государство Ямато, ставшее предтечей государства Нихон.

Политическая нестабильность была характерна для всего степного коридора Евразии в раннее средневековье – от Средиземного до Японского моря. На Нижнем Амуре и в северном Приморье четвертый век – время гибели польцевской историко-культурной общности ранних земледельцев в результате вторжения с запада многочисленных племен тунгусо-маньчжурского происхождения, получивших в китайских хрониках имя «мохэ». Экспансия мохэ знаменует начало новой политики в этом отдаленном районе на стыке Восточной и Северной Азии.

Малоизвестные дотолле народы региона втягиваются в орбиту отношений Китая с «варварами четырех стран света», происходит формирование новых союзов, идет интенсификация торговых отношений между далекой периферией и ядром великой цивилизации Востока. В конечном итоге можно говорить об отсчете новой эпохи раннего средневековья в данном регионе именно от этого события. Значение его трудно переоценить, так как на основе консолидации южных мохэских племен к концу первого этапа раннего средневековья на юге Дальнего Востока сформировалось государство Бохай (698-926 гг.).

Великое переселение народов стало рубежным событием повсеместно, положив конец старым и породив новые реальности мировой политики начального периода раннего средневековья. На смену рухнувшим колоссам на арену истории выходят новые племенные союзы, народы и государства. Формируются новые отношения между крупнейшими цивилизациями и их периферией, раннее средневековье – это новый этап расширения мир-системы, в которую втягиваются и народы Дальнего Востока.

7.2. Воцзюй и фуюй

Появление и укрепление государств Тан, Бохай, Силла, Когурё, Пэкче, Нихон знаменует повышением интереса правящих элит к окружающим эти страны народам. Следствием и доказательством такого интереса являются многочисленные записи о племенах Приморья и Приамурья. Эти записи встречаем на страницах китайских, корейских и японских средневековых хроник. Благодаря содержащимся в них сведениям, а также на основе данных археологии и исторических преданий народов Дальнего Востока мы можем реконструировать сложную этническую, политическую и социальную обстановку, которая сложилась на Дальнем Востоке в середине I тысячелетия н.э.

В южном Приморье между Когурё и землей сушеной до мохэ жили племена воцзюй и фуюй. Ученые относят воцзюй к кроуновской и янковской культуре раннего железа на юге Приморья, в северной Корее и Северо-Восточном Китае. Воцзюй и фуюй не только рыболовы и пастухи, но и земледельцы. Экономический календарь этих племен хорошо изучен археологами. В строго определенные месяцы они выходили на рыболовный или зверобойный промысел в море, собирали ракушки и морские водоросли, травы и коренья, охотились в тайге. Они также успешно разводили домашних животных, выращивали злаки и огородничали. Устойчивость экономики обеспечивалась комплексным хозяйствованием, в котором сочетались элементы присваивающей и производящей экономики.

Данные археологии находят подтверждение и дополнение в китайских письменных источниках. Так, в «Хоу Хань шу» (написанной в V-VI вв. «Истории Поздней Ханьской династии») рассказывается, что земля в стране Воцзюй «тучная, ... способна к произращению пяти хлебов». Воцзюй «хорошо знают земледелие. Имеют начальников в селениях. По природе прямодушны, сильны, храбры. Пешие искусно владеют копьем в сражениях».

В стране Фууй «почва способна к произращению всякого хлеба. Сия страна производит красный мрамор, соболей, крупный жемчуг... Города обносят надолбами. Имеют здания, казнохранилища, хлебные магазины, тюрьмы. Жители крепки, рослы, храбры и добродушны; не производят набегов и грабежей. Оружие их состоит из лука со стрелами, меча и копья».

Согласно средневековым хроникам, воцзюй и фууй страдали и от регулярных набегов сушеней, и от натиска государства Когурё. Государственности у них еще не было, но зачатки ее формировались – в летописях упоминаются торговля, войско, общественные хлебные запасы, тюрьмы и иные общественные здания. Однако в середине I тыс. н.э., также как и в Приамурье, племена мохэ, сломив воцзюй и фууй, расселяются на их землях. Воцзюй и фууй, как и другие народы Дальнего Востока, жившие здесь до тунгусо-маньчжурского нашествия, условно принято считать палеоазиатами. Хотя в науке также существует мнение, что и в раннем железе в Приамурье с палеоазиатами соседствовали отдельные тунгусо-маньчжурские племена. Сам факт массового вторжения тунгусо-маньчжуров в середине I тыс. н.э. с запада считается доказанным и не вызывает возражений историков.

7.3. Проблема этнонимов «сушень» и «илоу»

В китайских хрониках в первые века нашей эры в районе распространения условно палеоазиатской по происхождению польцевской культуры среднего и Нижнего Амура упоминаются многочисленные племена земледельцев илоу. В древнем источнике пишется:

«илоу не имеют вождя, в каждом их селении есть большой человек. ... любят на судах вторгаться и грабить. Северные ... очень боятся их... Их старики говорят, что как-то добывали в море (в Японии? – **А.В.**) одежду из полотна».

У илоу не было центральной власти. Большинство ученых полагает, что этим понятием летописцы обозначали целую группу палеоазиатских приамурских и приморских племен – носителей польцевской культуры раннего железного века. Однако чуть ли не с XI-VIII вв. до н.э., то есть гораздо раньше, чем «илоу», в документах и сочинениях о «восточных иноземцах» в древней китайской традиции использовали этноним «сушень».

Сушени, по мнению большинства ученых – синоним этнонима илоу. Вместе с тем, как выяснил востоковед В.Е. Ларичев, эта, казалось бы, непреложная истина может быть оспорена. Рассматривая эту проблему, надо иметь в виду некоторые обстоятельства.

Во-первых, для понимания истории племен Северной, Восточной и Центральной Азии надо твердо усвоить, что, как писал об этом Л.Н. Гумилев, национальных названий там долгое время просто не было. Объединение обычно называлось по самоназванию племени-гегемона. Гегемония весьма переменчива, одно племя не могло долго удерживать ее. Поэтому зачастую, однажды узнав о том или ином вы-

дающемся племени, китайские хронисты заносили его в документы и, в силу традиции, тиражировали в границах читающего мира того времени. Однако через какое-то время их послы, придя в те же места, не находили этого народа и в помине. Но однажды вошедшее в письменную традицию самоназвание сохранялось в ней еще долгое время, каждому императору хотелось, чтобы ему подчинялись, хотя бы и на бумаге, племена, известные из ранних документов легендарных правителей. Так произошло и с этнонимом «сушень».

Вполне очевидно, что племя сушеней не могло удерживать гегемонию в течение чуть ли не двух тысяч лет, как о том писали китайские хроники. Скорее всего для раннего средневековья «сушени» – понятие во многом обобщенное, на что указывают выводы В.Е. Ларичева. Древнекитайские летописцы использовали этноним «сушень» собирательно – в традиции придворных хроник было использование упоминания покорности сушеней тому или иному государю в качестве доказательства значимости его правления. В течение полутора тысяч лет упоминалось, что сушени приходили ко двору правителя и приносили в подарок деревянные стрелы с каменными наконечниками. Это предание можно найти и в историях о Конфуции. Любопытно, что понятие «илоу» все тех же хроник настолько совпадает по всем параметрам с «сушень», что издавна востоковеды считают их синонимами. Китайские записи о сушенях и илоу имеют ключевое значение для реконструкции образа жизни дальневосточных племен до середины I тыс. н.э. Проблема «сушени-илоу» все еще не решена и требует дальнейшего исследования.

7.4. Китайские династийные хроники о стране и народе Сушень

Как сообщает В.Е. Ларичев, в средневековом китайском трактате «Цзинь ши», при общей оценке территории, которую контролировали сушени, отмечается, что земли их простирались с востока на запад и с севера на юг на несколько тысяч ли². Климат и почвы в тех местах холоднее, чем в стране племени фууй. Описание географических особенностей страны Сушень скупы и однообразны. Скалистые труднопроходимые хребты перемежаются узкими долинами. Путешествие небезопасно, ибо дороги там круты, «коварны» и затруднены для проезда. Из страны Сушень удобно плавать на судах, чем сушени и пользуются, осуществляя военные вторжения в пределы воцзюй.

В хрониках «Хоу Хань шу» и «Вэйчжи» сообщается, что по языку они полностью отличаются от всех окружающих их восточных иноземцев, главным образом тех, кто относился к корейским родоплеменным группам вэймо, соседствовавшим с ними на юге – фууй, воцзюй, когурё. Строй языка сушэней тунгусо-маньчжурский. Речь их обращала на себя внимание краткостью и сдержанностью. По сообщению «Вэйчжи», по внешнему облику они не отличались от фууй. Интрига заключается в том, насколько сушени были носителями польцевской культуры и насколько верно, в этом свете, мнение о том, что польцевцы – палеоазиаты.

Сушени сеяли пшеницу, гаолян, просо, рис и сою, разводили свиней, крупный рогатый скот и лошадей. Ткани изготавливали из пеньки, щетины свиней. Важнейшей отраслью хозяйства оставалась также охота, в частности промысел пушного зверя,

² Китайская мера длины, согласно современным представлениям, составляет 576 метров, однако в древности ее величина могла несколько отличаться от указанной.

особенно соболя. Длина луков сушеной составляла более метра. По дальности боя и убойной силе – до 400 шагов – они не уступали такому совершенному типу оружия, каким считался на востоке Азии рубежа нашей эры арбалет или самострел. В хрониках говорится о том, что соседи боялись их луков и стрел. Достаточно сказать, что сушени при стрельбе стрелами на большом расстоянии могли намеренно целить и попадать в глаз человеку. Если стрела поражала врага, то такое древко старались вернуть назад, чтобы снова использовать его в бою. В сражениях тела воинов сушеной защищали доспехи из шкур животных, железа, кости и рога.

Родоплеменные коллективы сушеной возглавляли вожди, избранные собранием либо получившие власть по наследству, что свидетельствовало о господстве патриархально-общинного строя. К концу третьего века нашей эры сушени объединяются под властью «Великого предводителя» – главы племенного союза, настоятельная необходимость создания которого в тот период диктовалась политической обстановкой на Дальнем Востоке. Очевидно, что за этими описаниями кроются не только собственно сушени или илоу, но и многие соседствующие с ними племена, жившие в Приамурье на рубеже раннего железного века и средневековья.

Начиная с IV века название «сушень» почти исчезло со страниц китайских хроник и сочинений-описаний «восточных иноземцев». А со второй половины V века его эпизодическое появление на страницах хроник нельзя не рассматривать как анахронизм, ибо в Китае уже знали, что в тех местах, где, как считалось ранее, живут сушень-илоу, в действительности обитают уцзи – мохэ. В источниках танской (618–907 гг.) и последующих эпох посольства сушеной больше не упоминались. Виной тому не только появление нового названия маньчжурских и дальневосточных племен – уцзи, но, главным образом, агрессивная, по отношению к народам северо-востока, политика правительства Танской империи. Любопытно, что этноним «сушень» в VII веке ошибочно использовался японцами, о чем подробнее будет сказано ниже.

7.5. Семь племен Мохэ

По современным представлениям, мохэ, или уцзи, – это обобщенное древнекитайское название десятков племен, обитавших в раннем средневековье к северу от Китая. Первоначально их основу составляли тунгусо-маньчжурские племена. Выходцы из степных районов Северного Китая в эпоху Великого переселения народов, то есть в IV–V вв., они расселились на территории палеоазиатских племен, изгнав либо поглотив последних. В большинстве научных исследований XX века начало мохэской культуры датируется именно IV веком. Данный рубеж определен по сообщению письменных источников об уцзи и мохэ эпохи Южных и Северных династий (IV–VI вв.) в Китае и радиоуглеродным датам мохэских памятников Приморья и Приамурья.

Благодаря китайским династийным хроникам (прежде всего «Суй шу» – «Исторические записки о династии Суй», написанные в VII веке, и «Тан шу» – «Исторические записки о династии Тан», написанные в X–XI веках, и др.) мы имеем представление о примерной численности, расселении и общественном устройстве племенных объединений мохэ.

Хроники говорят о том, что все племена мохэ входили в состав семи основных групп (родов, поколений, объединений, племен, племенных союзов): сумо (лимо)

мохэ, хэйшуй мохэ, байшань мохэ, гудо (бодо, боду, гольдур) мохэ, аньчэгу (аньцзюйгу) мохэ, фуне мохэ, хаоши (гуши) мохэ. О численности отдельных племен мы можем судить по количеству воинов, которые эти племена могли выставить. Так, гудо мохэ могли выставить семь тысяч строевого войска, сумо мохэ – пять, байшань мохэ – три тысячи. Всего, по подсчетам Н.Н. Крадина, мохэские племена могли одновременно выставить от 30 до 40 тысяч воинов. Если же исходить из того, что число воинов должно составлять примерно 20 % от общей численности племени, то общая численность мохэ должна была составлять от 150 до 200 тысяч человек, то есть от 10-15 до 20-30 тысяч человек на племя. Отдельные племена были независимы друг от друга. Как отмечали хроники, «в каждом городе и селении есть начальник». Во главе племен у мохэ стояли вожди, власть которых уже в VII веке была наследственной. Авторы хроник отмечают воинственный характер мохэ: «Люди сильные и здоровые. Искусно сражаются пешими, отчего повсеместно страдают от них». Мохэские племена вели войны практически со всеми соседями: с корейцами на юго-востоке, киданями – на западе, китайцами – на юге. Мохэ принимали участие во внутрикорейских войнах, которые вели друг против друга государства Когурё и Силла.

«Суй шу» дает краткую, но довольно красочную характеристику и страны, и народа мохэ:

«Местоположение низкое и мокрое. Сбивают землю наподобие плотины, и в ней выдалбливают пещеры для жития. Отверстие делают сверху, а спускаются и выходят по лестнице. Пашут двумя скотинами. Земля более родит просо и пшеницу. Испарения рек солоноваты. Соль садится на коре древесной. Из домашнего скота более водят свиней. Вино делают из риса, и оно пьяно. Женщины носят одеяние из холста, а мужчины – из свиных и собачьих кож. Умываются своею мочою, и из всех иноземцев считаются неопрятнейшими. Распутны и ревнивы. Если жена сделает блуд, а кто-нибудь со стороны скажет мужу, то муж прежде убивает жену, а потом, раскаиваясь, непременно убьет и доносчика; и посему блудные дела почти никогда не открываются. Более занимаются звероловством. Луки для стрельбы роговые... Обыкновенно в седьмой и восьмой луне составляют яд и намазывают им стрелы для стрельбы птиц и зверей. Пораненное животное немедленно умирает».

Определенный интерес представляет и описание похоронной обрядности мохэ. Если человек из племени мохэ умирал весной или летом, «для умершего вырывают в земле яму и закапывают его в ней, бросая землю прямо на покойного, так как не имеют гробов. Убивают лошадь, на которой ездил. Перед покойным ставят угощение и приносят жертву». Поверх могилы сооружался небольшой деревянный домик. Если же умирал осенью или зимой, то тело покойного не предавали земле, а помещали в лесу на специально сооруженный помост. Вокруг помоста мохэ ставили ловушки на соболей, которые ели мясо покойников и «попадались в большом количестве».

В пределах Приморья и Приамурья расселялись две самые крупные ветви мохэ, соответственно сумо и хэйшуй. Хэйшуй мохэ обитали по Амуру ниже места впадения в него Усури и Сунгари. Исследования ряда некрополей на территории Приамурья и Приморья антропологами показали следующее. Изученные по Троицкому могильнику бохайские сумо мохэ, переселившиеся на Амур из Маньчжурии, принадлежали к монголоидной расе, байкальской группе популяции. Группа населения, оставившая могильник Шапка, идентифицируясь в этнокультурном отношении с племенами хэйшуй мохэ, характеризуется иными расо-

выми особенностями, нежели известные по Троицкому могильнику представители бохайских мохэ. Антропологические признаки хэйшуй мохэ складываются в комплекс, характерный для дальневосточной расы. В расовом отношении племена мохэ были неоднородны и генетически могли быть связаны с населением континентальной зоны Восточной Сибири от Байкала до Восточной Маньчжурии, Приморья и Приамурья. По мнению большинства ученых, мохэ были предками чжурчжэней, а также современных маньчжуров, эвенков, нанайцев, орочей и уйльта. В VII-VIII вв. их соседями на Нижнем Амуре и Сахалине были племена, известные под названием цзюньли, кушо и мойцзэ.

7.6. Королевство Бохай

В танское время (VII-X вв.) из семи ранее называвшихся в китайских хрониках мохэских племен на континенте осталось только два: хэйшуй и сумо. Это указывает на консолидацию мохэ. Хэйшуй мохэ на западе граничили с монголами – шивэй, на северо-востоке они достигали моря, на юге соседствовали с сумо мохэ. Существует мнение о том, что уже примерно к середине VII века, то есть за полвека до официального провозглашения государства Бохай, общество сумо мохэ достигло уровня раннего государства и у древних тюрков было известно как «Боклийский каганат». Возможно, что именно оно и стало провозвестником государства Бохай.

По мнению приморского археолога А.Л. Ивлиева, именно производящее хозяйство – земледелие и животноводство – стало экономической основой, на которой сложилась ранняя бохайская государственность у мохэских племен. Однако непосредственным толчком к объединению мохэ в союз, а затем в государство, послужило военное давление со стороны соседей – прежде всего Когурё и империи Тан. В первой половине VII века китайцы начали активные завоевательные войны против народов Центральной Азии, Маньчжурии и Кореи. В 630 году был уничтожен Первый тюркский каганат, в 668 году пало государство Когурё.

Переселенная после разгрома Когурё в северные пограничные районы Китая часть сумо мохэ после тридцати лет жизни в китайском плену воспользовалась восстанием племени киданей в 696-697 гг. и ушла на северо-восток в свои исконные земли. Эта группа сумо мохэ и часть бежавших с ними когуресцев стала тем военно-политическим ядром, вокруг которого произошло объединение мохэ. Они успешно отразили посланное покарать их китайское войско, и в 698 году их вождь Да Цзожун провозгласил образование государства Чжэнь. В 713 году, после нормализации отношений с китайской империей Тан, государство получило новое название Бохай, под которым оно вошло в историю.

Как отмечал крупный советский специалист по средневековой истории Дальнего Востока Э.В. Шавкунов,

«мохэское государство Чжэнь, переименованное впоследствии в Бохай, с первого же дня своего существования было независимым, суверенным государством, правители которого проводили самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, с которой вынуждены были считаться даже китайские императоры».

Бохайские правители поддерживали политические и торговые отношения с Китаем, Японией, Силла и тюркским каганатом. В 720 году король Уи (второй король из династии бохайских королей) принял решение о введении на территории королевства своего девиза правления. До этого подобным правом обладали только

китайский и японский императоры. Введение собственной системы летосчисления отражало стремление бохайских королей на равных общаться со своими могущественными соседями.

Королевство Бохай стало первым раннегосударственным образованием на территории российского Дальнего Востока. Конечно, сами мохэ вначале не могли обладать какими-либо навыками государственного управления. Однако они оказались чрезвычайно восприимчивы к опыту соседей. На бохайскую систему управления огромное влияние оказали примеры Танского Китая и государств Корейского полуострова. Во главе государства находился король из династии Да, основанной в 698 году первым бохайским королем Цзожуном. Трон передавался по наследству (от отца к старшему сыну). Власть монарха была абсолютной. «Указы государя имели силу закона, и ничего не приводилось в исполнение без его утверждения». Исполнительная власть в королевстве была сосредоточена в Левом и Правом министерствах. Исполнительная власть на местах осуществлялась или назначенными чиновниками, или представителями старых племенных или родовых структур.

В период наивысшего расцвета мохэского государства под властью бохайских королей из династии Да были объединены территории нынешней Маньчжурии, Северной Кореи, Приморья и части Приамурья. Страна Бохай протянулась с севера на юг и с востока на запад на две тысячи ли. Этнический состав населения королевства не был однородным – в его пределах соседствовали мохэ, когуре, кидани, тюрки, а в северной части и палеоазиатские племена. На севере королевство соседствовало с хэйшуй мохэ, на северо-западе – с шивэй, на юго-западе – с киданями, а на юге – с корейским государством Силла.

Особый интерес для нас представляет то обстоятельство, что в числе территорий, на некоторое время входивших в состав королевства Бохай, был и Нижний Амур. Как отмечал Э.В. Шавкунов, в этой части королевства было образовано два административных округа: Тэли и Мойдзе (включал земли, примыкающие к устью Амура и побережью Татарского пролива). Китайские хроники свидетельствуют, что среди племен, некоторое время плативших дань бохайским королям, были племена цзюньли и кушо. Вероятнее всего, в данном случае речь идет о протонивхах и протоайнах. Хотя данных о проживании протоайнов в этот период на Сахалине и тем более на континенте современная археология не дает. Не исключаем, что, услышав от хэйшуй мохэ о кушо либо встретив их представителей на торжке, китайские хронисты упомянули их для усиления впечатления читателя о масштабах власти Бохая. Еще одно, более вероятное объяснение – данью китайцы могли традиционно называть товары, которые издалека цзюньли и кушо привозили на бохайские торжки на обмен. Кто такие мойцзе, неизвестно.

В начале X века на Дальнем Востоке происходят события, коренным образом изменившие геополитическую обстановку во всей Восточной Азии. В 907 году в результате внутренних смут прекратила существование могущественная династия Тан, правившая в Китае с 618 года. В 916 году талантливый киданьский полководец Елюй Абаоцзи провозглашает себя императором и образует империю Ляо. В 918 году на севере Корейского полуострова также возникает новое государство Корё. И «железная империя» Ляо, и Корё с самого начала претендовали на бохайские территории. Поведение киданей определялось непомерным честолюбием их императора. Что же касается Корё, то его правители считали себя законными наследни-

ками земель Когурё, оказавшихся в составе Бохая. Поэтому корё с самого начала приступили к захвату бохайских территорий. Но поистине смертельный удар был нанесен королевству Бохай киданями. В 919 году они захватывают часть бохайских земель на юго-западе страны. В 925 году кидани снова вторглись в пределы королевства, и в 926 году Бохай прекратил свое существование как независимое государство. Наиболее богатые и развитые в экономическом и культурном отношении части королевства были присоединены к империи Ляо и королевству Корё либо вошли в состав зависимого от киданей государства Восточный Дань. Что же касается наименее развитых северных территорий, то они распались на ряд независимых племенных объединений, не подчинявшихся киданям.

7.7. Хэйшуй мохэ в VII-X вв.

Сложная политическая обстановка, сложившаяся на Дальнем Востоке в конце VI – начале VII вв., явилась причиной переселения части хэйшуй мохэ на Нижний Амур. Образование государства Бохай этот процесс только усилило. Часть земель хэйшуй мохэ (берега озера Ханка, долины рек Уссури, Сунгари, Муданьцзян, Ашихэ) была подчинена Бохаю. По мнению С. П. Нестерова, «юрисдикция Бохая» могла распространяться и на правобережье Амура. Несмотря на потерю значительной территории и части населения, хэйшуй мохэ составляли значительную оппозицию Бохайскому царству. Этим воспользовался китайский император Сюань-цзун, спровоцировав агрессию бохайцев против хэйшуй мохэ.

Нестабильная политическая обстановка и обострение противоречий хэйшуй мохэ и государства Бохай, способствовали миграционным процессам, в результате которых беженцы – хэйшуй появились на берегах Амура, к западу от Малого Хингана. Так, одна из групп мохэ, следы которой обнаружены при раскопках могильника у села Найфельд на среднем Амуре, достигает побережья Охотского моря и здесь необычайно усиливается. Следы найфельдской гончарной традиции фиксируются на памятниках раннего средневековья не только среднего и Нижнего Амура, но также Сахалина, Хоккайдо и даже Курильских островов.

Согласно японской летописи «Нихон секи» IX века, сусени, по-японски сюкусин, в VII веке прибыли на Сахалин и Хоккайдо. Археологи отмечают продвижение с Амура на Сахалин и Хоккайдо культуры с керамикой типа Найфельд. Это означает, что уже в VII веке часть мохэ ушла с Амура на восток и в течение нескольких лет сумела завоевать островной мир, продвинувшись до средних Курильских островов. Это событие в корне изменило всю обстановку в островном мире на стыке Восточной и Северной Азии.

Покорение Сахалина, восточной части Хоккайдо и Южных Курил произошло очень быстро, оно было хорошо организованным, а дружины мохэ – «сюкусин» были многочисленны, достаточно вспомнить приведенные выше цифры их племенных формирований. По описанию средневековых китайских историков, мохэ «искусно сражаются пешими, отчего повсеместно страдают от них. В обычае заплетать косу. Из составленных вместе клыков кабана и фазаньих хвостов делают украшение для своих головных уборов, по которым отличают своих среди остальных племен». Изучение хэйшуй мохэ имеет значение для реконструкции исторических событий в огромном регионе Дальнего Востока. Важно соотнести друг с другом понятия хэйшуй мохэ и люгуй, еще одним ключевым понятием в средневековой истории Северной Азии.

7.8. Страна Люгуй

В династийных хрониках «Синь Тан шу», «Вэньсянь тункао» и «Тун дян» имеются сведения о стране Люгуй. Данная страна располагалась «прямо на северо-востоке от хэйшуй-мохэ, на север от Северного моря. Люди живут разбросанно по островам». Многие ученые считают, что под островами в этом случае подразумеваются Шантарский архипелаг, Сахалин, Монерон, Ребун, Рисири, Хоккайдо. Есть также предположения, что страна Люгуй была расположена на Камчатке и Курильских островах.

В хрониках говорилось, что добраться до страны Люгуй можно после пятнадцатидневного плавания на корабле через Северное (или Малое) море (скорее всего речь идет о Японском или Охотском море). Танские историки сообщали, что страна Люгуй богата рыбой и солью. В ней много топких болот. Климат ее суров. Зимы наступают рано. Снега выпадает очень много. Для передвижения по льду и снегу жители страны Люгуй привязывали к ногам «куски дерева».

Главные занятия люгуй – охота и рыболовство. В селениях держали много собак. Летом люгуй одевались в одежду, сшитую из рыбьей кожи, зимой – из меха, а также собачьих, оленьих или свиных шкур. Для пошива одежды использовались и материи, сотканые из смеси растительного волокна и собачьей шерсти. Земледелием в стране Люгуй не занимались: здесь не росли ни овощи, ни фрукты, ни хлебные злаки. В связи с этим любопытно упоминание, что люди Люгуй едят просо, похожее на чумизу. Лошадей не знали. Поселки люгуй не были окружены крепостными стенами. Жилища строились из бревен. Своих умерших люгуй погребали в земле. Над могилой насыпали холм и высаживали деревья. Единого для всей страны правителя у люгуй не было.

«Войска 10000 с лишним человек³. Когда с грабежами вторгаются в их пределы, созывают всех. Луки в длину 4 с лишним чи⁴, стрелы сходны с теми, что в Срединном царстве⁵, а наконечники стрел делают из кости и камня».

Династийные хроники доносят до нас сведения о том, что в начале VII века хэйшуй мохэ ездили к Люгуй торговать, то есть тогда хэйшуй не жили в Люгуй. Есть там и свидетельства о контактах страны Люгуй с Китаем. Так, некто Кэейю – сын вождя люгуй Мэнбан – побывал с посольством при дворе императора Танского Китая примерно в 640 году, передал тому собольи меха. В награду посол был пожалован почетным воинским званием. После этого сообщения о стране Люгуй в китайских династических историях уже не появляются. Авторы хроник не причисляли люгуй к мохэ. Это в основном совпадает с современными представлениями археологов о палеоазиатском, домохэском происхождении населения островного мира Японского и Охотского морей. Однако это может означать и то, что Люгуй – это Курилы и Камчатка. Таким образом, истинное положение Люгуй также остается загадкой.

7.9. «Сюкусин» и Ямато. Эмиси, Эдзо и Нихон

Согласно японским летописям раннего средневековья, в 660 году полководец Абэ но Хирафу в погоне за эмиси столкнулся с «сюкусин»-сушенями, разгромил их и взял крепость приступом. По современным археологическим данным, это могло прои-

³ В древних текстах такие числа обычно обозначали понятие «много».

⁴ Чи – древнекитайская мера длины, составляет 32 см.

⁵ Имеется в виду Китай эпохи Тан.

зойти на островах в Японском море недалеко от Хоккайдо, например на острове Окусири, где имеются укрепленные средневековые поселения, или несколько севернее, на острове Ребун. По археологическим данным, на этих островах в VII–VIII вв. не было иных переселенцев, кроме мохэ. Поэтому и существует мнение, что японскому войску удалось разгромить авангард пришедшего с Сахалина мохэского войска.

Потерпев поражение, мохэ остановили продвижение вдоль побережья Японского моря. Зато восточное – охотоморское – побережье острова Хоккайдо и острова Курильского архипелага были завоеваны ими стремительно. Это позволяет считать, что пришельцы с континента предпочитали воевать не с государством Нихон, а с разрозненными айнскими племенами.

Как сказано выше, в японской истории эти переселенцы с материка известны под названием сюкусин (сушени). Причина этого очевидного анахронизма, на наш взгляд, проста – японские географы и историки черпали свои знания о народах континента в старокитайских книгах. Отсюда народ, подходящий по описанию под этноним «сушени», был так ими и идентифицирован. Ведь на материке в VII веке ни о каких сушенях уже не было слышно.

В V–VI вв. древнеяпонское государство Ямато лишь частично контролировало северную часть о. Хонсю – Тохоку, где проживали непокорные эмиси. По современным представлениям, эмиси – полиэтнические группы, образовавшиеся при смешении протоайнских племен и независимых переселенцев с юга – японцев, не признававших власть центрального правительства. В связи с укреплением государственной власти в конце VII и особенно в начале VIII века позиции центра на севере усилились. Согласно данным исторических хроник, под натиском войск южан часть эмиси на время подчиняется, часть погибает, а часть уходит через Сангарский пролив на Хоккайдо. Однако, как сообщает изучивший японские хроники историк и этнограф Ч. М. Таксами, в 709 г. на подавление эмиси Муцу и Этиго, которые «сделались буйными и беспорядочными», были посланы два сёгуна⁶. В 720 г. эмиси Муцу убили императорского сановника, и на этот раз их усмиряли три сёгуна во главе войск, собранных из девяти японских провинций. А через четыре года восстали эмиси прибрежной области Муцу и провинции Дэва. Их усмиряли полководцы Фудзивара-но Умакаи и Оно-но Усикаи. В усмиренных районах появились гарнизоны и крепость Тага. Видимо, эти гарнизоны не раз погибали: в 774 г. после очередного восстания, которое подавлял сёгун Отомо-но Суругамаро, «по императорскому указу в восьми провинциях Бандо, вплоть до Муцу на севере, были расставлены войска». Этот год памятен тем, что эмиси взяли приступом крепость близ г. Сэндай. А на следующий «усилившиеся в своем могуществе и дерзости мятежники» восстали в Дэва и разбили армию Нихон. Влияние эмиси и северный сепаратизм были сильны настолько, что даже сами завоеватели – японцы – самурайский клан северных Фудзивара, вассалы самурайского дома Минамото, даже в XII веке называли себя «эмиси». Генетическое исследование проблемы показало японское происхождение Фудзивара.

По данным археологии, в VII веке на севере Хонсю сформировалась культура охотников, рыболовов и земледельцев, получившая название Сацумон⁷, соответ-

⁶ В данном случае данный термин означает буквально «военачальник» и отличается от более позднего смысла этого понятия «военный правитель страны», которое оно приобретает лишь в конце XII века с установлением кланом Минамото первого сёгуната Камакура. Например, титул VIII века «тиндзюфу сёгун» означает «военачальник по покорению варваров Севера».

⁷ Сацумон – это название характерно для керамики данной культуры геометрического резного орнамента.

ствовавшая территории расселения эмиси. В том же столетии названная культура смещается на Хоккайдо, где в то время проживали «северные варвары», или эдзо (эзо). Так в Японии назывались жившие на севере протоайнские племена. Для японцев – народа, имевшего свою письменность, города, государство, законы и даже историю и географию, жители севера, конечно же, были пугающими их варварами, жителями далеких диких стран. Это восприятие полностью соответствовало господствовавшим в то время геополитическим представлениям и китайской культурной традиции, берущим начало со времен Конфуция. На средневековом рисунке, посвященном победе Тамурамаро Саканоэ в 801 году, бегущие от японцев эмиси изображены как страшные демоны, не имеющие каких-либо этнических признаков. На более поздних японских рисунках Эдзо показаны более реалистично. Это люди с густой растительностью на лице, одетые в характерные одежды, что и позволяет идентифицировать их как протоайнов.

«Айну» по-айнски означает «человек». Это понятие издревле использовалось ими для самоидентификации. Так, уже в эпоху раннего средневековья имена айнских вождей имели окончание – «айну», что имеет однозначную этническую трактовку. При этом каждое племя и каждый род эмиси и эдзо также имели самоназвания, отделявшие их от других протоайнов. Нет сомнения, что, несмотря на непримиримую взаимную рознь, враги воздействовали друг на друга. Эмиси, а позднее эдзо в течение столетий испытывали мощное влияние японской культуры. То же следует сказать о влиянии протоайнов на японцев. Северный антропологический тип японцев, известный под названием Тохоку, характеризуется очевидной айнской примесью, что доказывает, что между японцами и айнами была не только вражда. Трагедия айнов заключалась еще и в том, что на севере, куда они отступали под натиском Нихон, усиливались позиции воинственных племен-мигрантов с континента.

7.10. Культура товада

Исторические судьбы Сахалина, отделенного от материка лишь узким проливом, в значительной степени зависели от событий, происходивших на материке. В самом конце сусуйского времени, то есть в конце V – начале VI века, на Сахалине появляется новая для островного региона локальная археологическая культура, известная под названием товада⁸.

Люди товада селятся на тех же местах, что и сусуйцы. Их жилища – большие слабо углубленные полуземлянки, в быту сохраняются расщепляющие тесла и шлифованные топоры из камня, известны костяные и каменные орудия промысла. По следам на костяных орудиях видно, что новые островитяне постоянно использовали железные орудия труда, прежде всего ножи. Четкие отличия от господствовавшего до этого сусуйского стиля видим в керамике. Сосуды товада – крупные емкости с выпуклым туловом. Придонная часть – усеченно-конической формы, дно плоское и узкое, похожее на кубок. Керамика лепная. Гончарный круг им не известен. Отсутствует шнуровой орнамент, но сохраняются характерные гребенчатые узоры в виде гусениц, популярны лепные валики, имитирующие толстый шнур, устье сосудов украшают параллельные ряды «жемчужин» – шишечек, выдавленных изнутри палочкой.

⁸ Название культуре дано по характерному для нее типу керамики, которую, в свою очередь, в 30-х гг. XX века профессор Ито Нобуо (Япония) назвал по месту находки в селе Товада (ныне Перепутье Невельского района).

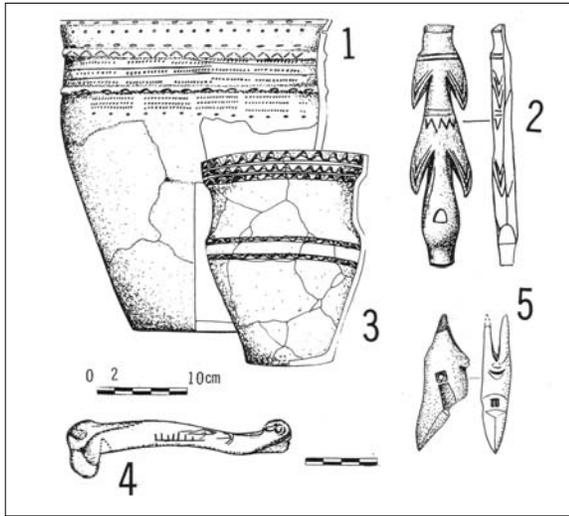


Рис. 13. *Керамика (1,3) и изделия из кости (2,4-5) эпохи раннего средневековья. Сосуды типов Товада (1) и Эноура (3), наконечник зубчатого гарпуна, 4 – кость с рисунком, 5 – наконечник поворотного гарпуна. О-в Сахалин*

Одновременно или несколько раньше культуры товада на всей территории острова распространилась другая, пока еще совсем неизученная культура. Для нее характерны круглодонные сосуды, с гребенчатым орнаментом, вероятно, отражающие влияние более ранней северной традиции. А на юго-западе Сахалина, а также островах Монерон, Ребун и Рисери господствует новый гончарный стиль товада.

Какое-то очень короткое время, не более ста лет, культура товада сосуществует с культурами круглодонной и остродонной керамики на Сахалине, а в северной части о. Хоккайдо она соседствует с протоайнской культурой Кохоку. Считается, что в VI в. культура товада занимала довольно компактный район на побережьях в северной

части Японского моря и залива Анива. Антропологам удалось обнаружить всего два скелета человека культуры товада – на островах Ребун и Рисери. Оба они определены как скелеты монголоидов, что подтверждает предположение о миграции культуры товада с континента. Вместе с тем ученые отметили в них и явную протоайнскую примесь, что указывает на процессы ассимиляции и сближения разных народов в контактной зоне в северной части островного мира Японского моря.

Пока еще неясно, к какому народу относились люди товада, но вслед за археологом с острова Хоккайдо Аmano Тэцую предполагаем, что это было племя, мигрировавшее на острова с континента под давлением более могущественных соседей. Не случайно в одной из сказок, записанных В.К. Арсеньевым в начале XX века, описаны миграции родовых групп орочей на Сахалин из района рек Копи и Самарга через Татарский пролив и айнского населения в обратную сторону. Наверное, это объясняет, почему керамика типа товада во многом напоминает керамику с «жемчужинами» коппинско-самаргинского типа северного Приморья, от которой, как считается, она и производна. Миграция части населения с континента на Сахалин скорее всего связана с какими-то событиями в северном Приморье или на Нижнем Амуре. Не исключаем, что она произошла в связи с военной активностью мохэских племен, данные о которой имеются в китайских хрониках, где также есть и упоминания о народах Сахалина.

7.11. Охотская (мохэская) культура на Сахалине (VII – X вв.)

В середине VII века разразилась война между империей Тан и королевством Когурё. В конце того же столетия возникает королевство Бохай, по сути, занявшее нишу Когурё к северу от Китая. Расширение границ Бохая на север приводит в движение народы Приморья и Приамурья и прежде всего амурские племена хэйшуй

мохэ. Ученые предполагают, что именно в это время происходит миграция части хэйшуй мохэ на Сахалин. Еще не до конца ясно, каковы были отношения между пришлыми и местными племенами. Вероятнее всего, более многочисленные пришельцы частью уничтожили, а частью подчинили островитян. В результате этих крупных перемен на Сахалине возникает и получает широкое распространение новая культура, которую принято называть охотской. В связи с новыми открывшимися археологическими и антропологическими фактами автор определяет ее как мохэскую, то есть считает ее создателями амурские племена хэйшуй мохэ.

Поскольку изучение охотской культуры имеет собственную, довольно длительную и непростую историю, следует уделить особое внимание этому историографическому феномену. Все началось с того, что в 30-60-е гг. XX века сначала японские, а затем российские, американские и европейские ученые объединили в рамках одной археологической культуры все прибрежные археологические комплексы, найденные на Сахалине, Хоккайдо и Курилах. По имени моря, к побережью которого были привязаны найденные комплексы, выделенную культуру назвали «охотской». Данное понятие впервые предложил Хиромити Коно. Оно хорошо прижилось в японской историографии, а впоследствии получило широкое признание и во всем мире. Главное, что в глазах ученых объединяло «охотские» археологические комплексы, было их отличие от распространенной на Японском архипелаге протоайнской культурной традиции. К началу XXI века стало ясно, что данная трактовка может рассматриваться лишь как временный – начальный вариант идентификации археологических культур северного региона, обусловленный во многом недостаточным, предварительным характером их изучения в XX веке.

При анализе археологических, антропологических и письменных исторических источников и в Японии, и в России выяснилось, что объединенные ранее в рамках одной культуры комплексы имеют разный вещественный состав. А антропологи стали различать разные антропологические группы в составе средневековых культур на островах. Выяснилось, что отличаются друг от друга жилища, гончарные, костяные, каменные и металлические изделия. Археологи отмечают и разные культурные традиции, и даже разную хронологию, и разное происхождение исследуемых комплексов. В последнее десятилетие XX века из состава охотской культуры ученые сначала выделяют сусуйскую, а затем и культуру товада. Собственно охотскими стали считать лишь прибрежные стоянки VII-XIII вв., сосуществовавшие на юге с протоайнской культурой сацумон. Далее, в связи с изучением исторических хроник и получением новых данных в области антропологии и археологии, возникли сомнения в единстве комплексов VII-X и X-XIII вв. На рубеже XX и XXI вв. в науке возникла проблемная ситуация, для которой характерно одновременное применение разными учеными и старых, и новых подходов и названий средневековых культур Сахалина, Хоккайдо и Курил. Новые подходы обусловлены редкой возможностью «оживления» археологического материала методом перекрестного сравнения и взаимного дополнения данных археологии, истории и антропологии. Старые – оправданной консервативностью исторической науки, которой присуще как перманентное состояние дискуссии, так и упорное сохранение традиции. На наш взгляд, ныне теория охотской культуры имеет, в большей степени, историографическое значение для изучения истории островной археологии.

Одним из важнейших признаков появления новой культуры на Сахалине, Хоккайдо и Южных Курилах стало распространение в VII веке керамики най-

фельд-эноура. Найфельдской называют мохэскую керамику на среднем и Нижнем Амуре, такт как впервые она обнаружена при раскопках могильника хэйшуй мохэ⁹ в районе одноименного села. Ито Нобуо, открывший в 1933-1934 гг. аналогичную керамику на Сахалине, назвал ее в честь близлежащего поселка Эноура¹⁰. В литературе можно встретить оба названия. Керамика описываемого типа – это лепные плоскодонные сосуды, украшенные в венечной части лепным фризом с барельефным изображением волны. Волна – главный элемент декора, она представлена разными средствами лепной орнаментации и отражает разное состояние воды. Люди – носители этой традиции долгое время жили на Амуре и на островах и хорошо знали лики водной стихии, что отразилось в их орнаментальном стиле.

Распространение керамики найфельдского типа со среднего Амуре в островной мир по времени совпадает с натиском Китая, а затем и Бохая и вызванной этим восточной миграцией хэйшуй мохэ. Лучше всего охотская (мохэская) культура VII-X вв. на Южном Сахалине изучена на поселениях Озерск-1, Свободное-1 и Стародубское-3. На основе этих исследований в 70-е гг. XX века Р.С. Васильевским и В.А. Голубевым выделен озерский этап охотской культуры, а В.О. Шубиным – локальный вариант охотской культуры. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. появилась точка зрения о локальной культуре типа Озерск-1 или Эноура в составе охотской историко-культурной общности. В данном учебном пособии высказывается новая модификация последней версии.

Первоначально культура хэйшуй мохэ характеризуется относительно высокой степенью единства на всей завоеванной территории – от Нижнего Амуре до острова Хоккайдо и южных Курильских островов. Это и позволило археологам относить все памятники этого периода к одной археологической культуре – культуре Охотского моря или охотской. Данные археологии позволяют говорить о сферах, локальных вариантах и даже локальных культурах племен тунгусо-маньчжурского происхождения VII-X вв., составляющих единую по происхождению историко-культурную общность, которую для данного времени вернее было бы называть не охотской, а мохэской. Однако, поскольку исторически название «охотская» прижилось как в научной, так и научно-популярной и учебной литературе, его резонно оставить в качестве общего понятия, обозначающего группу неайнских культур раннего средневековья на Сахалине, Хоккайдо и Курилах в VII-X вв.

Поскольку на Сахалине эта культура появляется в связи с миграцией мохэ, резонно применять к ней и название мохэская, что укажет на ее связь с известной исторической группой племен. Родство приамурского и сахалинского и раннего хоккайдского (Эноура В) вариантов мохэской культуры в границах традиций гончарства Найфельд-Эноура (VII в.) очевидно и не оспаривается. На востоке Хоккайдо и южных Курильских островах после первого вторжения мохэ – носителей культуры Эноура В раннего типа формируются несколько иные, но все-таки имеющие происхождение из того же источника культуры. По традиции также называем их охотскими, подчеркивая родство их происхождения, близость культуры и географическое единство в рамках побережий Охотского моря и принадлежность к единой охотской историко-культурной общности. Различия между культурами про-

⁹ Село Найфельд расположено в среднем течении Амуре (современная Еврейская автономная область).

¹⁰ Ныне село Озеречкое Анивского района.

слеживаются по орнаменту на керамике, особенностям изготовления гарпунов из кости, особенностям устройства жилищ и иным деталям материальной культуры.

Во время раскопок ученым удалось точно установить основные черты устройства поселений и жилищ сахалинского варианта охотской (мохэской) культуры типа Найфельд – Эноура VII-IX вв. Выявлено четыре типа поселений:

- Базовое стойбище племени обычно состояло из нескольких больших жилищ и расположенных в радиусе нескольких километров сети стоянок и поселений-спутников. Как правило, размеры жилищ от 6 x 8 до 18 x 18 м. Племенные центры располагались в самых рыбных местах, как правило, недалеко от устья самой продуктивной реки либо в горловине крупного залива, как правило, в самом лучшем для жилья месте. Число жителей – взрослых и детей – несколько сотен человек. Ныне на Сахалине известен ряд крупных средневековых поселков, где кроме других типов найдена керамика типа найфельд-эноура, в т.ч. на лагунах Пильгун, Чайво, Невское, Лебяжье, Тунайча, Буссе и Птичьё. Но были и крупные поселения, где найдена только керамика указанного типа, например на реке Лютога у г. Анива и у села Петропавловское.

- Родовое стойбище. Состоит из нескольких жилищ размерами от 3 x 4 до 8 x 10 м. Располагалось в небольшом распадке на возвышенности на второстепенной реке. Предполагаемое число жителей – от 10-15 до 30-40 человек. Такие поселения известны в регионе повсеместно.

- Укрепленное поселение – острожок. Как правило, это поселок из немногих жилищ средних размеров, расположенных на неприступном месте – высоком обрывистом мысе или отдельной скале. Такие острожки использовались во время междоусобных войн и при нашествии чужеземцев. Самая обычная находка в таких местах – наконечники стрел. Скорее всего на Сахалине мохэ воевали между собой. Например, известна находка скелета воина мохэ, пораженного двумя костяными и двумя каменными стрелами. На Хоккайдо и Курилах противниками мохэ также были кувэй – протоайны.

- Стоянка у берега моря. Следов жилищ, как правило, нет. Характерны раковинные кучи, в которых кроме обычных костей морских животных преобладают кости свиньи и собаки. Это сезонные стойбища, где проходила жизнь племени в теплое время года. Люди жили в этих местах в легких жилищах наподобие шалашей.

Жилища на постоянных поселениях охотской (мохэской) культуры напоминают шестиугольные сусуйские землянки. Но в отличие от последних они имеют более вытянутые пропорции. Дома мохэ VII-X вв. на Сахалине внешне напоминали большие перевернутые вверх дном корабли. В прибрежных поселениях все они ориентированы строго в одну сторону, противостоя господствующим морским ветрам. На поселении Свободное-1 раскопано три таких жилища, два из них имели стены длиной 12 и 18 метров, а третье – 6 и 10 м. Большие жилища были углублены в щебенистый грунт террасы на 0,8-1,2 м, малое – на 0,4-0,5 м. Выяснилось, что пространство между деревянными и земляными стенами прокладывалось сухими водорослями. Морская трава обеспечивала тепло и, поглощая влагу, предотвращала гниение древесины. В основе конструкции жилища лежали два противоположных строительного-архитектурных принципа – жесткости угловых опор и подвижности каркаса. Шестой угол, укрепленный самым мощным наклонным столбом каркаса, был нежилым. Задача этой части конструкции – снижение парусности стен, для

того чтобы дом не разрушился ни под ударами жестоких тайфунов, ни под тяжестью мокрого и тяжелого мартовского снега. Эта треугольная пристройка придавала конструкции обтекаемость и жесткость. Противоположный ей пятый угол был менее важен, предположительно в этой части дома, то есть с подветренной стороны, мог располагаться вход в виде сеней. Под пятки столбов и наклонных стропил подкладывались позвонки кита или плоские камни. Они укрепляли опоры и защищали их от гниения. Самые длинные опоры и стропила изготавливались из нескольких кусков древесины. Во время ветра сложносоставные стропила пружинили и гасили механическое напряжение конструкции. Подвижность и составная конструкция кровли спасала столбы от перелома в критический момент. Для этих же целей служили П-образные подпорки под стропильными конструкциями, подставки и распорки, укрепляющие крышу и стены. Невольную принципиальную аналогию описанной конструкции находим в способе устройства подвижного каркаса с жесткими элементами в байдарах народов северной части Тихого океана. Сверху конструкция закрывалась тонкими стволами молодых деревьев, положенной слоями травы. Крыши зимних домов также перекрывались сверху дерном. Такой дом прогревался в течение часа, но к утру, когда очаг окончательно затухал, в жилище становилось холодно. Люди спали на нарах ближе к стенам: каждая семья имела свой угол, и там спали все вместе, укрывшись выделанными шкурами животных. Нехитрый скарб семьи хранился под нарами. Здесь, под стенами домов, на поселении Стародубское-3 археологи обнаружили стоявшие вместе сосуды, в которых когда-то хранили припасы.

В жилищах охотской культуры на Хоккайдо пол подмазывался глиной. В углу дома располагалось ритуальное место, где находились священные символы, в том числе медвежья черепа, а также, вероятно, украшения, идолы и т.д. При раскопках домов мохэ на Амуре находили деревянные куклы – онгоны, символизировавшие образы богов. Увеличение площади домов и размеров поселений мохэ VII – X вв. по сравнению с сусуйским временем отражает значительный рост населения.

Мохэские племена были многочисленны. Придя со среднего Амура и расселившись в низовьях и по притокам этой реки и далее по всему Сахалину, они хорошо знали прибрежную жизнь. Это позволило им быстро адаптироваться к островным условиям. Скорее всего они ассимилируют, или подчиняют себе прежнее население региона. Господство мигрантов обеспечивало несколько факторов. Во-первых, их было много, они действовали против разрозненных групп жителей островных поселков как хорошо организованная сила. Отступить им было некуда, так как там, откуда они пришли, распространялась власть Бохая. Во-вторых, более высокий уровень развития военного дела и материальной культуры обеспечивал мигрантам технологическое превосходство над аборигенами островов. В-третьих, их экономика была сильнее, в ней присутствовали элементы производящего хозяйства. Конечно, промысел китообразных и тюленей имел в своей основе очень сложную зверобойную технологию, основанную на древних традициях палеоазиатских культур островного мира. Как сказано выше, жители Амура хэйшуй мохэ хорошо знали, как ловить рыбу и бить тюленей, и то и другое широко представлено на этой реке. Однако без местных жителей им было бы не обойтись, морской промысел был сложнее речного. И в охотской (мохэской) культуре на Сахалине причудливо сочетаются традиционная для островного мира прибрежная экономика и новые, принесенные с континента элементы производящего хозяйства – свиноводство,

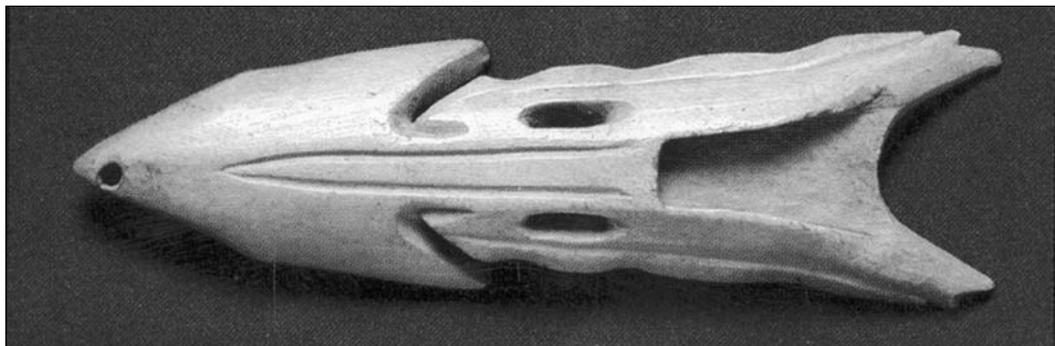


Рис.14. Костяной гарпун эпохи средневековья, использовавшийся с металлическим наконечником. О-в Сахалин

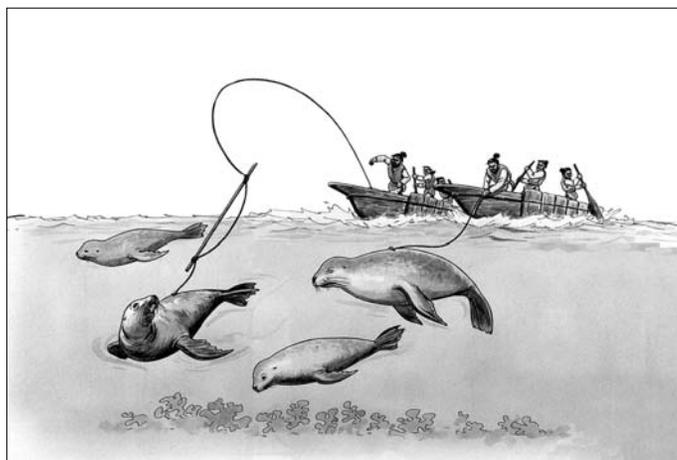


Рис.15. Гарпунная охота на морского зверя в эпоху средневековья

разведение собак на мясо, птицеводство и, возможно, огородничество. Особенно необычным для Сахалина было свиноводство. Лучше всего рацион средневекового населения острова характеризует содержимое раковинных куч на прибрежных стоянках. Вместе с раковинами устрицы и гребешка находим кости всех видов рыб – бычков, сельди, трески, палтуса и др. Здесь же кости китов, тюленей, кабаньи и медвежьи клыки, челюсти свиней, со-

бачьи черепа, рога оленя. Редкой находкой являются кости домашней курицы, значительно больше костей дикой птицы – от чайки и баклана до рябчика и вороны. Структура питания охотского населения изучалась хоккайдскими учеными изотопным методом. Исследовался коллаген в зубах и костях из погребений так называемых охотских людей. Выяснилось, что в основе их питания было потребление мяса морских млекопитающих и рыба. В реальности в этот рацион наряду со свиной входила всевозможная рыба, морепродукты и мясо лесных зверей – оленей и медведей. В охотских культурах широко известен культ медведя, породивший медвежий праздник. Медведь выращивался в деревянной клетке, его мясо могло стать серьезным подспорьем в конце зимнего сезона, когда другой еды не хватало.

Кроме того, в пищу использовались многочисленные травы, лесные орехи, плоды актинидии, клубни сараны, а в южном ареале культуры – и дикий виноград. Однако витаминов средневековому населению островов не хватало. Наряду с влажным и холодным климатом Сахалина и Курил во многом новая для пришлого населения структура питания вызывала стресс и способствовала развитию ряда болезней. На это указывают новейшие исследования антропологов. Жирная пища, малое количество витаминов и потребление крахмала (клубни сараны) вызывали ранние

болезни суставов, внутренних органов и системы кровообращения. Большое количество островного населения страдало от болезней зубов и десен, иногда даже приводивших людей к преждевременной смерти. Невысокий уровень адаптации организмов вновь прибывших на острова людей с континента указывает на высокую вероятность адаптационного кризиса. Одним из существенных последствий такого кризиса могла стать высокая смертность и, соответственно, снижение демографической устойчивости социумов, их зависимость от колебаний климата и изменения ресурсной базы хозяйства и в конечном итоге – потеря доминантной роли в регионе. Исследования погребений древних мигрантов и в других районах мира с экстремальными условиями жизни подтверждают наши наблюдения – на адаптацию социума к резкой смене среды требуется много времени и обязательное использование опыта предшественников – аборигенов.

Новым для региона видом деятельности становится меновая торговля изделиями из металлов, оружием, тканями, мехами, злаками и прочими товарами. Население Сахалина, играло роль посредника между племенами континента и острова Хоккайдо. Изделия с материка и зерно особенно широко распространяются на островах в IX и X вв. К этому периоду относятся самые ранние находки деталей наборных поясов с бляшками, предметов воинского вооружения, бус из стекла и т.д. Самыми популярными злаками были просо и ячмень. Учеными установлено, что мохэ везли товары на о-в Хоккайдо с территории Бохайского царства, то есть из Приморья, а протоайны – кувэй – с о-ва Хонсю. Существование торговых отношений должно было обеспечиваться гарантиями. Такие гарантии могли дать сильная власть и отношения между элитами соседствующих племен. Но торговля идет лишь время от времени, северный торговый путь из Китая в Японию только зарождается, и больших богатств эта торговля пока не приносит, играя вспомогательную роль. Тем более что морской путь был предпочтительнее сухопутного ввиду опасности последнего из-за отсутствия на островах гаранта мирной торговли в лице государства.

Надо иметь в виду, что в период существования Бохая в Нихон прибыло более тридцати посольств с торговыми и дипломатическими целями. Из них около тридцати прибыло южным, а меньшая часть – северным путем, через Хоккайдо. Север Японского моря не был пустыней, как это могло бы показаться читателю. Шла эпоха средневековья, активно формировалась мир-система, в ее границах широко общались между собой не только государства, но и небольшие местные народы. Расселение в новые земли, новая среда, а также столкновения и постоянные контакты с островным населением влекли за собой изменения в жизни тунгусо-маньчжурских (мохэских) племен. Их культура на Сахалине, Хоккайдо и Курилах получает целый ряд новых черт. Археологи считают, что под воздействием местных условий на островах формируются родственные друг другу локальные культуры эпохи средневековья, которые можно было бы условно относить к одной – охотской (мохэской) историко-культурной общности, имеющей северное происхождение.

7.12. Охотская общность на Хоккайдо и Курильских островах (VII-XI вв.)

Уже в конце VII века на смену культуре Товада на севере о-ва Хоккайдо приходит так называемая охотская культура, носители которой переселились туда с Сахалина. Как сказано выше, считаем, что с севера на Хоккайдо переселяются тунгусо-маньчжуры, которых в литературе принято называть обобщенным поня-

тием мохэ (маккацу – япон. яз.) В этот период стратегия жизнеобеспечения мохэ предполагала расширение сферы влияния и подчинение соседних племен. По своему духу мохэ были воинами, и их культуре была свойственна экспансия. Не совсем ясно, каковы были их взаимоотношения с хорошо адаптировавшимися к островной жизни людьми культуры товада. В этом смысле важно учесть, что на Хоккайдо отмечается антропологическое и культурное смешение товада и протоайнской культуры кохоку. Протоайны на Хоккайдо в VII веке были сильнее, чем люди товада. Новые мигранты – мохэ в кратчайшие сроки вытеснили протоайнское население с северо-западного и восточного побережий Хоккайдо и переселились далее – на Курильские острова. Их влияние достигало самого севера архипелага. Археологи называют вариант охотской культуры этого времени Эноура В, что соответствует раннему этапу (VII-VIII вв.). Далее начинается изменение материальной культуры под воздействием местного населения и, вероятно, племен с Камчатки и Северных Курил. Не случайно в составе антропологического материала охотской культуры на востоке Хоккайдо генетики отмечают постороннюю, северную примесь, не характерную для северного ареала. Это указывает на контакт в районе Курил и востока Хоккайдо мохэских и камчатских северо-азиатских племен. На Курильских островах известны десятки поселений и стоянок охотской культуры VII-X вв. На острове Итуруп располагаются самые известные из них – поселение на территории города Курильска и стоянка Рейдово-1.



Рис.16. *Керамика эпохи раннего средневековья. Охотская культура на Курильских о-вах*

охотской культуры на Курильских островах характерны находки раковин моллюсков, костей рыб, морских зверей, птиц. Наряду с железными носители охотской культуры использовали каменные и костяные орудия. В том числе боевые топоры, расщепляющие тесла, скребки для выделки шкур, наконечники стрел, копий и гарпунов. Каменные наконечники стрел пробивали кожаные и металлические панцири, хотя по крепости и долговечности они уступали железным. Широко известна костяная индустрия охотской культуры. На всем протяжении Курильской гряды, от о. Шикотан до о. Шумшу, в раковинных кучах находят искусно вырезанные гарпуны, остроги, рыболовные крючки, костяные трубчатые игольники, фигурки и т.д.

В VIII -IX вв. отмечено два всплеска глобального потепления. В эти периоды в южной части Охотского моря под воздействием теплого климата должны были исчезать

Здесь обнаружены плоскодонные сосуды с выпуклым туловом, украшенным волнообразными лепными валиками и резными насечками. Уникален сосуд со стоянки Рейдово-1, на котором изображен рунный ход лососей, которых преследует черепаха. Рисуночные композиции, а также лепные фигурки медведей, рыб, черепах, лягушек – особенность декоративного стиля охотской культуры Южных Курил и востока о-ва Хоккайдо. Он возник при смешении гончарных традиций коренного и пришлого населения островов. Также для стоянок

ледовые поля, столь необходимые для зимнего промысла морского зверя. Лед приносило с севера лишь на самый краткий период. Это осложняло обычный для этих мест зимний промысел нерпы на льду. Столь характерный для охотской культуры на востоке Хоккайдо и на южных Курилах, этот тип промысла в теплые периоды в VIII-IX вв. был ограничен. Предполагаем, что значительная в поисках морского зверя часть переселенцев продвигалась на север Курильской гряды. Другая часть ушла на север Хоккайдо, что подтверждается соответствующими находками на о. Ребун. В этот же период под давлением Нихон усиливается приток протоайнов – кувэй с Хонсю. Археологи указывают на их продвижение с юга острова Хоккайдо на север и восток региона. Часть населения охотской культуры мигрировала под их натиском, другая смешалась с кувэй – носителями культуры сацумон и переняла их культуру. Результатом слияния стала культура Тобинитаи, возникшая в IX веке и распространившаяся на востоке Хоккайдо и Южных Курилах, включая Шикотан, Кунашир и Итуруп.

Как указывалось выше, у островных племен появляется новое, довольно устойчивое занятие, приносящее не меньшее количество продовольствия, чем морской зверобойный промысел. Это торговля. Так же как и сахалинские племена, население охотской культуры на восточном побережье Хоккайдо и Южных Курилах было посредником в торговле между Камчаткой, Курилами и Хоккайдо. Ее предметом было оружие, изделия из металлов, в том числе драгоценных, а также зерно, меха, ловчие птицы и морепродукты. Торговыми партнерами охотского населения на острове Хоккайдо были кувэй; товары шли через них дальше, на остров Хонсю. Установлено, что морские транспортные средства в X веке были значительно лучше, и торговля в островном регионе имела больший размах, чем предполагалось ранее. Достаточно заметить, что в прибрежном айнском поселении Оогава на юго-западе острова Хоккайдо обнаружена не только японская керамика раннего средневековья, что легко объяснимо близостью Хонсю, но также керамика VII века из государства Бохай и гончарные изделия с Корейского п-ова.

В айнском эпосе «юкар» сохранились легенды о боях между людьми суши «яункур» и «репункур» – людьми моря. Вероятнее всего, эти легенды родились в X веке, когда, судя по данным археологии, сначала культура тобинитаи, а затем и сацумон полностью вытесняют охотскую с острова Хоккайдо и с южных Курильских островов. Чрезвычайно информативным в этом плане является могильник, раскопанный этнографом А.Б. Спесваковским в 1985 г. на острове Шикотан в районе бухты Дельфин. Это был замечательный памятник эпохи средневековья – несколько западин древних жилищ, раковинная куча и могильник. Во время раскопок в слоях раковинной кучи обнаружены кости кита, ластоногих, медведя, лисицы, собаки, а также рыб и птиц, раковины моллюсков и панцири иглокожих. Найдены и многочисленные орудия промысла, в т.ч. гарпуны поворотного типа, наконечники стрел, каменные грузила для сетей, костяные лопаты для выкапывания моллюсков, а также орнаментированные украшения из кости, металлические ножи. Особо интересна ложка, искусно вырезанная из кости. На ней размещена фигурка лисицы, вытаскивающей из воды детеныша нерпы.

В той же раковинной куче обнаружен могильник эпохи раннего средневековья, состоявший из шести погребений. Лучше других сохранился скелет, располагавшийся в слое раковин в анатомическом порядке, головой на север. Погребенный, мужчина лет сорока, среднего роста, лежал на спине, ноги подогнуты к грудной клетке, руки согнуты в локтях. Такая поза была характерна для погребений разных культур и в том числе общности дземон. В области грудной клетки погребенного

располагались большие плоские камни, положенные намеренно – обычно так поступали айны, когда хоронили шамана или знахаря, которого они побаивались как знатока потустороннего мира. Голова человека была накрыта большим глиняным сосудом, кроме того, еще два малых сосуда располагались с восточной части головы.

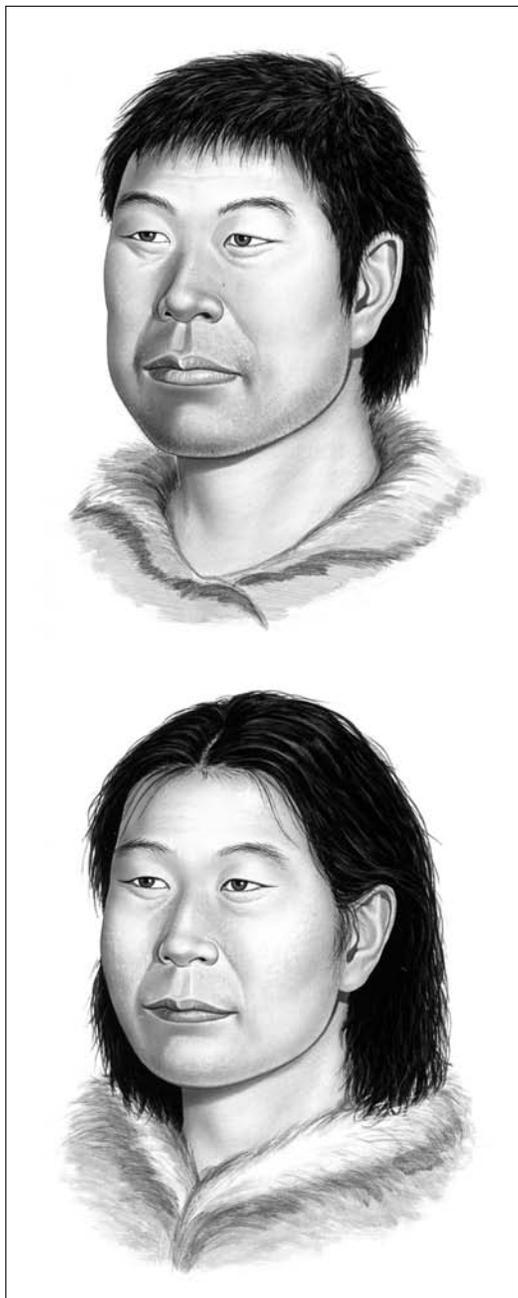


Рис. 17. Реконструкция облика носителей охотской культуры на о-ве Хоккайдо и Курильских о-вах. Раннее средневековье

Обычай закрывать покойному голову керамическим сосудом был также присущ протоайнским погребениям на острове Хоккайдо. Сосуды украшены декором, характерным для второго этапа охотской культуры – тонкими лепными полосками, внешне напоминающими вермишель и имеющими в японской археологической литературе именно такое название «сомэмон». У головы обнаружены два костяных наконечника стрел и гарпун поворотного типа, а также несколько лопат-мотыг из кости.

Изучение черепа из погребения на о. Шикотан показало, что по большинству антропологических признаков население бухты Дельфин отличается от протоайнов. Но по характеристике зубной системы шикотанский образец, тем не менее, более сходен с протоайнскими, нежели с северомонголоидными эталонами. В целом исследования, проведенные в отделе антропологии Музея антропологии и этнографии Российской академии наук, позволяют сравнивать шикотанский череп с краниологическими материалами, относящимися к центрально-азиатскому антропологическому типу.

На основе изучения всего комплекса находок в бухте Дельфин А.Б. Спешаков пришел к следующим выводам:

1) Объединяющей основой охотской культуры Курильских островов были этнические традиции протоайнского населения, заимствованные в результате переселения и контактов на островах. Одинаковый уровень социально-экономического развития не препятствовал аккультурации пришельцев. От протоайнов люди охотской культуры заимствовали, хозяйственные навыки, орудия морского зверобойного промысла,

производство керамики, внеся в нее свои особенности, способ погребения (в раковинных кучах в скорченном положении и с сосудом на голове), украшения, резьбу по кости и т.д.

2) Носители охотской культуры не были однородны в этническом и расовом отношении. Нельзя идентифицировать скелеты с Сусуйской стоянки¹¹ на Сахалине или из бухты Дельфин на Шикотане со скелетами со стоянки Оомисаки на Хоккайдо. В разное время и на разных территориях расселялись этнические группы, объединенные в наше время одним общим условным названием, но различные по своим антропологическим особенностям. В Оомисаки жило население, у которого преобладал амурский (тунгусо-маньчжурский) компонент, в бухте Дельфин – морские охотники, по краниологическим особенностям близкие к центрально-азиатскому антропологическому типу. Объяснить это можно тем, что в результате этнических процессов из континентальных районов Восточной Азии на острова неоднократно вытеснялись группы древнего населения.

3) При численном превосходстве протоайнов над пришлым населением последнее приспособлялось к местным условиям, заимствуя особенности хозяйства и элементы культуры. Мигрантов ожидала одна и та же участь – небольшие по численности этнические группы постепенно подвергались ассимиляции и аккультурации. В конечном итоге мигранты растворились в протоайнском массиве без следа, прекратили свое существование как общность или группа общностей, не оставив населения, которое могло бы считаться их потомками.

Таковы на сегодня взгляды многих ученых, которые отрицают ранее непререкаемый постулат о единстве охотской культуры. На современном этапе исследования идее пережиточного каменного века и первобытнообщинного строя, господствовавшей в XX веке, мы противопоставляем оценку событий в островном мире с позиций мир-системного анализа. На основе сопоставления источников разного характера изучаются не абстрактные культуры, а общества и исторические этносы, существовавшие на периферии средневековых цивилизаций Восточной Азии. При этом подходе археология предоставляет информацию истории для оценки событий эпохи средневековья в большей степени с исторических, нежели археологических позиций. В связи с чем понятие «археологическая культура» имеет для данного периода весьма условное значение. Уточнение в границах определенных историко-географических районов происходит естественным образом, в связи с развитием науки и получением учеными все больших объемов новой информации. Однако для систематизации информации на первичном уровне археологами по-прежнему используются наиболее приемлемые в данной ситуации понятия, в том числе упомянутые выше «локальная археологическая культура» и «историко-культурная общность», которые имеют весьма условный характер.

7.13. Культуры тобинитаи и сацумон на Хоккайдо и Курильских островах

Как уже указывалось выше, в VII веке северная часть острова Хонсю становится ареной ожесточенных сражений между японцами и эмиси. В результате происходит

¹¹ На Сусуйской стоянке в раковинных кучах неоднократно находили скелеты монголоидов байкальского типа, однако неясно, к какому слою они относятся – сусуйскому или вышележащим. Поэтому до некоторых пор вопрос об их идентификации остается открытым. На стоянке Оомисаки обнаружены скелеты так называемых «охотских людей» Хоккайдо, которые считаются в науке эталонными для охотской культуры.

консолидация эмиси в районе современной провинции Аомори на севере Хонсю и на юге Хоккайдо. Это событие зафиксировано археологами благодаря появлению новой культуры, получившей название сацумон. Этнической основой культуры сацумон были протоайнские племена, известные под историческим названием кувэй.



Рис. 18. Железные изделия эпохи раннего средневековья. О-в Хоккайдо.

1 – меч с папоротниковидной рукоятью.
2-3 – орудия обработки земли

Хозяйство протоайнов базировалось на сочетании мотыжного земледелия, охоты, рыболовства и собирательства. Они выращивали рис, пшеницу, различные виды проса, гречихи, бобы, коноплю и другие культуры. Протоайны были прекрасными кузнецами. Они изготавливали оружие, орудия труда, украшения и другие изделия из железа и цветных металлов. Для получения железа перековывали изделия, импортированные из Нихон и с континента, также плавляли болотную руду. Железо варили сыродутным (кричным) способом в глинобитных печах. Одежду шили из самотканого полотна, полученного из конопли, крапивы и других растительных волокон и шерсти животных.

Натиск государства Нихон на север вынудил мигрировать протоайнские племена на остров Хоккайдо, где культура сацумон замещает культуры постдзёмона. Произошло слияние двух ветвей протоайнов: северной и южной. Для культуры сацумон характерны небольшие четырехскатные каркасные жилища наземного типа или слегка углубленные в землю. В таких жилищах располагались печи каминного типа. Здесь находят типичную для культуры сацумон керамику – высокие, хорошо профилированные горшки с узким плоским

дном и широким устьем с сильно отогнутым венчиком. Резной орнамент в виде ромбов и параллельных скрещивающихся линий украшал не только венчик, но и тулово таких сосудов. Следует отметить, что для орнаментации керамики сацумон характерен геометрический стиль, также как и для декора на керамике минамикайзука и в искусстве амурских чжурчжэней.

В IX веке влияние культуры сацумон достигает не только востока острова Хоккайдо, но и острова Итуруп. В это время в районе южных Курильских о-вов и на востоке Хоккайдо формируется новая культура, которая сочетает в себе черты двух других: охотской и сацумон. Прямое свидетельство смешения и взаимной ассимиля-

ции двух разных по происхождению народов. Так сформировалась культура, известная в науке по месту находки под названием тобинитаи. Одним из центров тобинитаи, а затем и сацумон на острове Кунашир было поселение на реке Рудная, где выше слоя охотской культуры обнаружена характерная керамика указанных обоих типов. Ныне эта коллекция хранится в Южно-Курильском краеведческом музее.

На о-ве Хоккайдо культура, в конце концов, сацумон вытесняет и охотскую культуру, и тобинитаи. Аналогичный процесс происходил и на Курильском архипелаге. Опираясь на земледельческую экономику и относительно развитую для того времени металлургию железа, культура сацумон имела большую адаптивную силу по сравнению с местными культурами. Немалую роль играли давние торговые связи с государством Нихон и торговцами в северных портах острова Хонсю. Носители культуры сацумон – протоайны – имели большой боевой опыт, они вели длительные войны с японцами и, вероятно, с успехом применяли его против населения охотской культуры. Следует отметить, что антропологическое изучение проблемы показывает сильное смешение и постепенную ассимиляцию и поглощение тунгусо-маньчжурского населения охотской культуры протоайнами. К XI веку охотская культура окончательно исчезает и на севере Хоккайдо, замещенная протоайнской культурой эпохи раннего средневековья – сацумон. Некоторые археологи считают, что большая часть северного населения ушла с Курил и востока Хоккайдо назад на север Хоккайдо и Курилы в связи с экологическим кризисом, вызванным перенаселением и потеплением в VIII в. На своем пути им пришлось вести войны не только с протоайнами – кувэй, но и со своими северными родственниками. Следы таких столкновений видим в материалах могильников в северной части Хоккайдо, где обычные находки – железное оружие, а часть скелетов принадлежит воинам, погибшим в бою от стрел с каменными и костяными наконечниками и мечей.

Другая часть охотского населения на п-ове Сиретоко и отдельных островах какое-то время оставалась на месте, пока не растворилась среди айнов. История экспансии, скоротечного завоевания территории, быстрого роста населения и такого же быстрого регресса, каковые показывает нам охотская культура на Хоккайдо и Курильских о-вах, – пример прямого отражения в островной истории событий на континенте. Вторжение мохэских племен в островной мир полностью изменило здесь ход истории и состав населения. Именно с ним следует связывать первый этап вхождения этого мира в состав средневековой мир-системы.

Глава 8

НАРОДЫ САХАЛИНА, ХОККАЙДО И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ В X–XIII ВВ.

8.1. Археологические данные о народах Сахалина, Хоккайдо и Курильского архипелага на рубеже I и II тысячелетия

В результате расселения на удаленных друг от друга территориях островного мира, на которых в течение долгого времени уже проживали палеоазиатские народы, племена мигрантов мохэ постепенно удалялись друг от друга в культурном и этническом отношении. Это очень хорошо заметно по археологическим источникам, которые позволяют говорить о наличии в изучаемом регионе, как минимум, четырех локальных культур. Вероятно, они соответствовали каким-то потестарным образованиям, каковыми, как нам кажется, являлись племенные союзы X–XIII вв.

Наиболее активно ассимилятивные процессы протекали на стыке отдельных регионов. На Северном Сахалине и Нижнем Амуре, а также на стыке Сахалина и Хоккайдо, Хоккайдо и Хонсю, на средних Курилах, а также Курильских островов и Камчатки возникли контактные зоны интенсивного культурного и этнического обмена. С севера и запада отмечается влияние государств континента, а с юга – усиливающееся воздействие Нихон и протоайнов – кувэй. На смену керамике Эноура приходит керамика минами-кайзука, деградация охотских культур отражает очередной рубеж смены господствующего населения на островах. В X веке происходит формирование новых локальных центров: на севере, в средней части, а также на юге и западе острова Сахалина. Различия между этими центрами-культурами выделены прежде всего по археологической керамике. Каково было этническое содержание этих локальных культур в X–XIII вв., можно судить в большей степени по историческим источникам, о чем речь пойдет ниже. С археологических позиций можно утверждать, что в X веке в регионе появляются новые по сравнению с предыдущим периодом культуры, отличающиеся по комплексу признаков от культуры типа Найфельд-Эноура на Курилах и востоке Хоккайдо. Объединять локальные культуры VII–X и X–XIII вв. в рамках одной охотской культуры нельзя – они сходны лишь по северному источнику происхождения. Вместе с тем надо помнить и то, что какая-то часть местного населения всегда сохранялась в составе племен вновь прибывших переселенцев, что естественным образом отражалось в археологических источниках.

Локальная культура Северного Сахалина X–XIII вв. представлена плоскодонными сосудами с прочерченным орнаментом, она наиболее широко представлена на стоянках по берегам заливов Чайво и Пильгун на северо-востоке острова. Керамика среднего Сахалина представлена другим типом – также плоскодонными сосудами с плоским дном и сетчатым орнаментом, иногда крестами, оттисками в виде медвежьих лап и т.д. Центр данной культуры приурочен к озеру Невскому, которое айны называли Тарайка. Такое же имя получила в 30-е гг. XX в. и найденная здесь керамика. Штамповая керамика характерна и для амурской тэбаховской культуры рассматриваемого периода. Это означает, что изменения декоративного стиля в быто-

вом искусстве Сахалина происходит в одном русле с аналогичными процессами в Приамурье, где на историческую сцену выходят чжурчжэни и цзилями.

На юге и западе Сахалина почти повсеместно, а также неожиданно в Тымовской долине и на Нижнем Амуре была обнаружена самая многочисленная керамика этого периода, известная в науке под названием «минами кайзука»¹. Она имеет ряд принципиальных отличий от предшествующей ей керамики Найфельд-Эноура. Минами кайзука – это плоскодонные сосуды биконической или усеченно-конической формы. Венчик у них плоский, ровный, налицо отказ от вычурной лепнины керамики Эноура в пользу рельефа, выполненного оттисками штампа и прочерчиванием. Культура минами кайзука распространилась на большой территории от Нижнего Амура до о-ва Монерон стремительно, что указывает на скачкообразный характер изменений. Предполагаем, что это связано с продвижением на Сахалин группы племен с Нижнего Амура. Однако на ряде стоянок видим смешение стилей прежнего и нового периода. Предполагаем, что описанные выше локальные культуры северного и среднего Сахалина сосуществовали с господствующей культурой минами кайзука, и это отражает совместное проживание в X–XIII вв. на острове разных этносов. Характерный для новой керамики орнамент в виде параллельных линий и треугольников отмечен в смешении с лепным орнаментом типа Найфельд-Эноура на поселении Свободное-1 на юго-востоке Сахалина. Поэтому некоторые ученые считают оба типа керамики родственными друг другу и располагают их в рамках одной охотской культуры.

Мы же считаем, что изменение керамического стиля в X в. должно было отражать новые этнические и культурные веяния, вызванные крупными историческими событиями. По одному мнению, керамический стиль нового типа впервые возникает на Нижнем Амуре, так как там тоже найдена такая керамика, другие помещают центр его формирования на Сахалин, где он распространен наиболее широко. Поселения новой сахалинской культуры наиболее многочисленны, они встречаются почти на каждой речушке, что прямо указывает на перенаселенность острова. Радиоуглеродные даты этой культуры лежат в рамках X–XIII вв. Характерной чертой являются шестиугольные жилища, но не вытянутой, как в охотской культуре, а почти округлой формы. На поверхности эти полуземлянки выглядели как большие шатры с перекрытием из тростника или дерна. Некоторые из жилищ глубокие, до полутора-двух метров, – это зимние землянки, особенно характерные для Северного Сахалина. В XII веке в сахалинских жилищах появляются глинобитные печи каминного типа. Вместе с тем в центре пола, как и раньше, располагался очаг, который служил главным местом в доме. Эту новинку скорее всего принесли на Сахалин кувэй, переселившиеся с Хоккайдо. Для протоайнской культуры сацумон печи были типичны, они располагались в каждом доме.

Протоайны были не единственным народом, мигрировавшим на этом этапе на Сахалин. В связи с гибелью Бохайского царства в 926 году и возникновением государства воинственных кочевников – киданей Ляо (916–1125 гг.), в Приамурье на какое-то время возникает своеобразный вакуум власти. Кидани совершают ряд карательных операций на север, и, вероятно, из-за этого племена амурских чжур-

¹ Минами кайзука по-японски означает «южная раковинная куча». Памятник с таким названием располагается на окраине села Соловьевка, поэтому и керамика, собранная здесь впервые в 1930-е гг., по правилам археологической науки получила аналогичное название.

чжэней приходят в движение. Археологи отмечают, что на всех трех территориях – Сахалине, Хоккайдо и Курилах – в X-XIII вв. широко распространяются изделия с материка – бронзовые наборные пояса, колокольчики и зеркала, мечи, станковая керамика² и т.д. Кроме того, мы находим на Сахалине совершенно новое для него явление – погребение по обряду кремации – влияние с континента. Обязательной частью погребального инвентаря становятся бронзовые бляшки наборных поясов – характерная деталь одежды воина-наездника. Самые ранние из этих изделий датируются X веком. Вероятно, острова неоднократно становились местом, где спасались от преследования киданей дружины амурских племен. На этом этапе раннего средневековья на острове становится больше поселений, укрепленных валами и рвами. Население Сахалина вновь становится объектом экспансии и покорения воинскими дружинами. Новая страница в истории острова связана с чжурчжэнями, цзилеми и кувэй.

8.2. Чжурчжэни и империя Цзинь

Разгромив королевство Бохай, империя Ляо не смогла обеспечить спокойствие на захваченной территории. На протяжении большей части X в. и даже в XI в. кидани сталкивались с упорным сопротивлением мохэских племен. Именно в это время в письменных источниках появляются упоминания о чжурчжэнях. Типичными чертами чжурчжэньской культуры были: коневодство, выращивание пшеницы и развитая металлургия черных и цветных металлов, собственная письменность, а также развитая торговля с соседями и высокий уровень военного дела и воинского искусства. Характерна любовь чжурчжэней к золоту.

Основная масса исследователей сходится во мнении, что чжурчжэни ведут свое происхождение от мохэ и являются предками маньчжуров и современных народов Приамурья. Однако, на наш взгляд, этнический состав чжурчжэней был несколько сложнее. Как отмечает Э.В. Шавкунов, первое достоверное сообщение о чжурчжэнях относится к началу X века. Оно связано с антикиданьским восстанием бохайцев, разгоревшимся в 929 году. После подавления восстания по указу киданьского императора было переселено в районы южнее Ляояна несколько тысяч семей повстанцев. Эти переселенцы получили название хэсугуаньских чжурчжэней. По мысли Э.В. Шавкунова, этноним «чжурчжэнь» не является самоназванием, а имеет киданьское происхождение. В переводе на русский язык оно значит «непокорный народ». В XI веке среди многочисленных чжурчжэньских объединений заметно выдвигается ведущий происхождение из мохэ род ваньянь, территория которого располагалась в самом центре современной Маньчжурии. Выдвижению этого рода в значительной степени способствовали следующие факторы. Во-первых, как отмечал М.В. Воробьев, следует обратить внимание на исключительно выгодное географическое положение территорий, занимаемых ваньянь. Они были расположены достаточно далеко от империи Ляо и королевства Корё, чтобы от них исходила непосредственная угроза внезапного нападения. В то же время, расстояние не препятствовало тесным экономическим и политическим связям с этими развитыми в экономическом и культурном отношении государствами. Во-вторых, род ваньянь проводил осторожную, прагматичную и гибкую политику, направленную на кон-

² Станковая керамика – глиняные сосуды, изготовленные на станке – гончарном круге.

солидацию чжурчжэньских племен. Как отмечал Э.В. Шавкунов, «признавая на словах свою зависимость от киданей, они, действуя якобы в интересах последних, интригами, а иногда и силой постепенно подчиняли себе ближайшие к ним племена». В конце XI века племенной союз, во главе которого стоял род ваньянь, стал доминирующей военной и политической силой среди чжурчжэней. К началу XII века ваньянь готовы к внешней экспансии. Первый удар был нанесен по государству Корё, на которое ваньянь напали в период правления вождя Уясу (1103-1113). Результатом успешных войн стало приобретение владений на Корейском полуострове.



Рис. 19. Чжурчжэни

В 1113 году во главе рода ваньянь и подвластного ему союза племен становится выдающийся военачальник и политик Агуда. С первых же дней своего правления он начинает готовиться к войне с империей Ляо, которая стояла на пути дальнейшей консолидации чжурчжэньских племен и создания их собственного государства. В 1114 году Агуда начинает военные действия против киданей, наносит им сокрушительное поражение и занимает большую часть Маньчжурии. Война с киданями будет продолжаться больше десяти лет, и к 1125 году с империей Ляо будет покончено, а все ее территории перейдут под контроль чжурчжэней.

Первые успехи настолько воодушевили Агуду, что в 1115 году он провозгласил себя императором и дал своей династии имя Цзинь («Золотая»). По-маньчжурски это название звучит «Айджин». После смерти Агуды в 1123 году его наследники продолжили завоевания. Теперь объектом для нападения стала Китайская империя, от которой были отторгнуты колоссальные территории с многомиллионным населением. Так была создана могущественная империя чжурчжэней, в состав которой входили Северо-Восточный и Северный Китай, значительная часть Внутренней Монголии, а также Приморье и Приамурье. В конце XII века население империи превышало 45 миллионов человек. Империя Цзинь быстро становится самым сильным государством во всем дальневосточном регионе. Сунский Китай, страшась нового цзиньского вторжения, ежегодно выплачивал своим северным соседям огромную дань.

Для внешней политики империи Цзинь основным было южное направление. Однако и север, и северо-восток привлекали внимание чжурчжэней. Как свидетельствует хроника «Цзинь ши», «на крайнем востоке» империя Цзинь граничила с «дикарями цзилеми». Здесь мы снова встречаемся с информацией о протонивхах. Более подробно об этом будет сказано ниже.

Судьба империи Цзинь сложилась трагично. Каждый новый военный успех чжурчжэней приближал гибель их огромной империи. Это было многонацио-

нальное государство, в котором чжурчжэни составляли незначительное меньшинство. Основную массу населения империи составляли китайцы, ненавидевшие завоевателей. В числе владений чжурчжэней были и обширные степи, на которых кочевали многочисленные монгольские племена. К началу XIII века большая часть монголов объединились под руководством талантливого и жестокого военного предводителя Тэмуджина (Темучина). В 1206 году представители монгольских племен, собравшись на съезд (курултай) у истоков реки Онон, провозгласили Тэмуджина Великим предводителем монголов (Чингисханом). Чингисхану удалось объединить в единое государство разрозненные и враждующие монгольские кочевые племена. Едва родившись, Монгольская кочевая империя приступила к внешним завоеваниям. Одной из первых нападению подверглась империя Цзинь. Чжурчжэни воевали с монголами с 1211 по 1234 гг., оказав им упорное сопротивление, но в конце концов были разгромлены. В 1234 году империя Цзинь прекратила существование. В северных провинциях было создано еще одно чжурчжэньское государство – наследник Цзинь – Восточное Ся (Дунь Ся), оказавшее воздействие на исторические судьбы народов Приморья, Приамурья и островного региона.

8.3. Появление чжурчжэней на Амуре и на Сахалине

По мнению С. П. Нестерова, до VIII века в Приамурье существовало этнокультурное равновесие. Монголоязычные шивэйские племена северной группы (носители михайловской археологической культуры) занимали территорию к западу от Малого Хингана. А хэйшуй мохэ (найфельдская группа мохэской культуры) расселялись к востоку от этого хребта. В VIII веке происходит продвижение на Амур большой группы населения из пределов Бохайского царства. Различия, наблюдаемые в погребальном обряде и в предметном комплексе пришлых бохайских племен, свидетельствуют об их сложном этнокультурном составе при господстве племен сумо мохэ.

В результате контакта с коренным населением Приамурья бохайские сумо мохэ претерпели некоторые изменения, в результате чего сложился археологический облик троицкой группы мохэской культуры и культуры амурских чжурчжэней³. И лишь в X веке с переселением по Сунгари на Амур очередной волны южно-маньчжурского (бохайского) населения, которое к этому времени уже стало называться чжурчжэнями, в Приамурье появляется этноним «чжурчжэнь» или «нуйжэнь»⁴. В дальнейшем имя «чжурчжэнь» широко распространилось по Амуру, в том числе и на пришедших в VIII веке в западное Приамурье хэйшуй мохэ. Это обстоятельство хорошо объясняет, каким образом новое население быстро распространилось на Сахалине – они шли на земли, уже населенные известными им племенами.

По данным археолога В.Е. Медведева, на Нижнем Амуре в раннем средневековье широко распространяются небольшие курганы – невысокие погребальные насыпи, в которых чжурчжэни хоронили умерших соплеменников. Подобные же курганы археологи отмечают и на северном и среднем Сахалине. На Дальнем Востоке

³ По другой, менее популярной гипотезе амурские чжурчжэни – не кто иные, как монголоязычные племена шивэй (шибэры).

⁴ Как писалось выше, Э.В. Шавкунов считает, что «чжурчжэнь» – не самоназвание, а киданьское понятие, означающее «непокорный народ».

в период средневековья отмечается постоянное смешение – ассимиляция и консолидация племен палеоазиатского и тунгусо-маньчжурского происхождения. При сохранении у предшественников амурских чжурчжэней – племен хэйшуй мохэ – относительно монолитности в культурном отношении, отмечается их антропологическая неоднородность. Антропологические признаки дальневосточной расы начинают формироваться еще во времена хэйшуй мохэ, то есть в раннее средневековье. На наш взгляд, амурские чжурчжэни – это достаточно обобщенное понятие. Оно обозначало группу дальневосточных племен различного тунгусо-маньчжурского и палеоазиатского происхождения. Думается, что само понятие чжурчжэни имело на Амуре скорее политическое и культурное, нежели этническое содержание. Соотношение между археологическими культурами и историческими этносами средневековья – крупнейшая проблема исторических исследований. Это в равной степени относится и к средневековым культурам Хоккайдо и Курил.

8.4. Нихон, эмиси и кувэй в X–XIII вв.

Протоайнские племена, известные в начале II тысячелетия под обобщенными названиями эмиси и кувэй, обладали как высоким военным потенциалом, так и способностью к экспансии. Объединяющей их идеей было общее понятие об «айнумосири» – земле айнов. В довольно короткий период времени предки айнов завоевывают северные побережья Хоккайдо и южную часть Сахалина, а затем остров за островом отвоевывают весь Курильский архипелаг, пересекают Курильские проливы и захватывают южную часть полуострова Камчатка. Дружины кувэй передвигались от острова к острову на парусно-гребных лодках с нашитыми бортами, защищавшими гребцов от морских волн. Во главе флотилии шла большая расписная лодка, на которой находился ниспа – вождь и единоличный судья айнов. На своих лодках кувэй совершали дальние походы, например от Хоккайдо до Нижнего Амура и от Южных Курил до Камчатки.

Таким образом, во второй половине XIII в. – первой половине XIV в. они обосновываются на огромной территории, от равнины Исикари на Хоккайдо до Налычевского озера на Камчатке и от мыса Крильон до озера Тарайка-Невское на среднем Сахалине. В середине XIII века о них уже известно не только местным народам Нижнего Амура, но также чжурчжэням, монголам и китайцам. О распространении кувэй свидетельствуют многочисленные находки протоайнской керамики сацумон (VII–XIII вв.), а также жилища с глинобитными печами каминного типа и протоайнской керамикой найдзи (XIII–XVI вв.)

В 878 году в местности Акита на севере Хонсю был заключен договор между японцами и эмиси из Ватаришима (Хоккайдо) и Цугару (Хонсю). Закрепленное этим договором хрупкое равновесие продолжалось вплоть до середины X века. Договор предполагал согласие между японцами и эмиси в обеспечении мира и порядка при прохождении торговых операций между Японией и северными островами. Контроль касался в первую очередь торговли с Хоккайдо. В отличие от японцев у эмиси не было центральной власти, и каждый вождь стремился собственноручно получить контроль над торговым путем, что вызывало между ними постоянные распри и междоусобицы. Хотя и в этом вопросе есть любопытный нюанс. Жившие среди протоайнов японцы, даже княжеского происхождения, например князь из дома Северных Фудзивара, жившие в г. Хирайзуми на реке Китами, называли себя «эмиси». Вероятно для того, чтобы обезопасить себя от нападений

протоайнов и в то же время не иметь оснований для подчинения центральному японскому правительству. Созданные для междоусобных войн и отпора правительственным войскам дружины эмиси требовали добычи, которую можно было получить либо в войне, либо обложив данью соплеменников. Большого богатства ни у эмиси, ни у кувэй не было, поэтому наиболее заманчивыми были бы доходы от посреднической торговли. Воевать с японцами было трудно и бессмысленно, ведь именно от них эмиси и кувэй получали продукты сельского хозяйства, а также оружие, металлы, качественные ткани, украшения и другие товары. Гораздо эффективнее было начать натиск на север и перехватить у цзилями возможность контролировать торговлю с чжурчжэнями.

Условия для активизации и экспансии протоайнских племен эмиси и кувэй на севере сложились только к XII в. Для того чтобы понять, как они возникли, необходимо сделать краткий экскурс в социальную и экономическую историю Японии рубежа раннего и развитого средневековья.

В XI-XIII вв. в Японии происходит заметное укрепление самурайского сословия. Развивается раннефеодалная военно-ленная собственность на землю в форме сёэн. В связи с этим в сельском хозяйстве страны происходят большие изменения, которые повлекли за собой увеличение объема производства товаров. Одновременно отмечается значительный прогресс в развитии ремесла и торговли и высокий уровень общественного разделения труда. Ремесло и торговля окончательно отделяются от земледелия. Происходит изменение функций городов и начинается их подлинный расцвет. Функции городов как административно-политических центров ослабевают. При этом существенно усиливается их хозяйственная и культурная роль. В Японии к XIII вв. изменяется и содержание, и характер ремесла и торговли. В предшествующий период истории страны японские ремесленники работали на императора, его окружение, а также выполняли государственные заказы и обслуживали буддистские храмы. Однако уже в XI веке ремесленники становятся владельцами собственных мастерских, в которых они трудятся как свободные производители и значительную часть своей продукции вывозят на рынок. Еще более важным шагом стало появление в конце XI и XII вв. ремесленных цехов – дза. В городах возникает корпоративная собственность мелких самостоятельных производителей. Появление в Японии относительно свободных ремесленников-производителей товаров приводит к расширению рынка и развитию торговли, как внутренней, так и внешней.

Основные объемы торговых операций в Нихон имели место на юге и в центре страны, а также на южных торговых путях. Как уже указывалось, в период существования государства Бохай тридцать три посольства, выполнявшие наряду с дипломатическими задачами функцию торговых миссий, достигали Японии морем. Тридцать из них пришли вдоль южных берегов, и только три – северным путем, вдоль берегов Сахалина и Хоккайдо. После падения королевства Бохай, в связи с расцветом империи Цзинь, торговля японцев с чжурчжэнями и китайцами могла приобрести большое значение. Но этого не произошло, так как на пространстве между севером Хонсю и землями чжурчжэней отсутствовала единая политическая власть – острова заселяли никому не подчинявшиеся племена цзилями и протоайнов-кувэй. Первоначально чжурчжэням было просто не до Сахалина, слишком много врагов они имели на континенте, от монголов и тангутов до киданей и китайцев.

Мы знаем о проникновении чжурчжэней на Сахалин в XII-XIII вв., но крепости их были удалены друг от друга, да и существовали не настолько долго, чтобы предполагать

их постоянную власть в островном регионе. Поэтому говорить о северном торговом пути между Японией и континентом в раннем средневековье было бы некорректно – при всем желании сторон его еще не было. Хотя какие-то товары из Северного Китая все-таки проникали в Японию через Нижний Амур и Сахалин и в это время. Разрыв проходил по Сахалину, где сталкивались интересы цзилями и кувэй. Северная торговля Японии в IX–XI вв. в основном была нацелена на Хоккайдо и лишь с XII–XIII вв., – возможно, на Курилы и Сахалин. Нам пока еще не совсем понятны объемы и номенклатура товаров в этой торговле, но предположительно с севера на юг шли экзотические товары, в том числе, вероятно, некоторые морепродукты, пушнина и перо, а также ловчие птицы для охоты и т.д. Соответственно на север шли продукты цивилизации, пользовавшиеся большим спросом у жителей островов. Однако тунгусо-маньчжурские племена Сахалина, Хоккайдо и Курил VII–X вв., известные в научной литературе как население охотской культуры, вели торговлю с континентом. По сути, они стояли на пути южан и препятствовали их гегемонии в регионе. Стремление протоайнов к экспансии ради гегемонии в регионе во многом объясняется их соперничеством с северными соседями – мохэ, влияние которых на островах к тому времени сильно ослабло, а территория значительно уменьшилась. Таким образом, натиск кувэй на север был обусловлен прежде всего внешними причинами. А именно – продвижением на север границ японского государства, ослаблением мохэ и развитием северной торговли. Участие эмиси в северной политике Японии породило изменения в их обществе. Укрепляется институт вождества и, возможно, княжеской власти, формируются военные дружины. Наряду с традиционными занятиями получают развитие ранее не характерные для эмиси торговля и военное дело, как новые источники доходов.

Непосредственной причиной, обусловившей переселение значительной части эмиси на Хоккайдо, стало усиление натиска самурайских дружин в XII веке. Во вто-



Рис. 20. Японцы преследуют эмиси. Средневековая японская живопись

рой половине XII века западные самураи под водительством клана Тайра захватили власть в стране. Это резко ограничило влияние и доходы восточных самураев во главе с кланом Минамото. В столице пограничного княжества Осю на севере Хонсю правили уже упоминавшиеся выше князья из северного дома Фудзивара – вассалы Минамото. Север в тот период существовал, по сути, отдельно от центра – Осю лишь номинально подчинялось Киото. В связи с победой сторонников Минамото в гражданской войне 1180-1185 гг., в конце XII века в Нихон окончательно укрепляется характерная для развитого феодализма военно-ленная система. Становятся популярными идеи завоевания севера, покорения «варваров» и быстрого обогащения за счет получения больших земельных угодий. В связи с отсутствием на севере сильной власти, захват новых земель становится актуальным, а новые феодалы – желанными и прибыльными. Новый правитель страны – сегун Ёритомо – посылает в Осю войска, и князь Фудзивара с многочисленной дружиной бежит на Хоккайдо. К концу XII века процесс захвата японцами севера Хонсю и переселения эмиси на Хоккайдо, по сути, был закончен. Начался новый процесс – освоение юга Хоккайдо японцами и отступление под их натиском протоайнских племен на север.

Эмиси были земледельцами. Как и на Хонсю, на Хоккайдо они расселялись в широких долинах на юге и западе острова. Эмиси владели важнейшими средневековыми технологиями, которые они переняли у японцев. В том числе эмиси достигли больших результатов в металлургии. Их социальная организация и уровень развития военного дела были значительно выше, чем у их северных соседей, а также родственных им хоккайдских кувэй. Колонизация юга Хоккайдо эмиси, по сути, сформировала благоприятную среду для начала переселения туда имевших отношения с ними японских рыцарей-самураев из северных кланов. Тем более что Фудзивара, как и многие северяне-японцы, также считали себя эмиси. Кувэй, в свою очередь, приходилось уходить на север и восток Хоккайдо, где они волей-неволей сталкивались со значительно ослабевшими и зачастую объединившимися с кувэй племенами охотской культуры. Оторванные от сородичей на континенте, охотцы были, очевидно, слабее своих традиционных врагов. Соотношение сил было не в их пользу, чем и воспользовались кувэй. 1200 год условно считается рубежом, после которого хозяевами на Курилах оставались только кувэй, а на Хоккайдо они делили территорию с новым для островов народом- японцами.

8.5. Археологические и фольклорные данные о населении Сахалина в X-XIII вв.

В период максимального потепления климата, которое пришлось на IX – начало XI вв., уровень моря повысился против современного более чем на два метра, и в устьях рек образовались теплые мелководные лагуны и эстуарии. Климат стал не только теплым, но и более влажным. Обводнение и потепление способствовали развитию рыболовства. Однако значительная подвижка границы дрейфующего льда на север снизила эффективность морского зверобойного промысла, особенно на юге региона. Последнее обстоятельство, как сказано выше, подорвало основной источник питания мохэ на Курилах и Хоккайдо и вызвало их отток на север. В то же время изменения климата, очевидно, способствовали расселению новых групп населения с континента на Сахалин, которые, также как пришедшие на острова ранее племена мохэ – носители охотских культур, наряду с рыболовством и охотой

занимались свиноводством и огородничеством. Распространение на остров новой культуры связано и с политическими переменами на континенте – возвышением чжурчжэней и созданием в ходе их экспансии империи Цзинь. Северные границы этого государства в XII веке не фиксировались, но граница влияния чжурчжэней на востоке включала не только Нижний Амур, но и Сахалин.

Как указывалось в предшествующей главе, археологи фиксируют практически одновременное распространение в X-XI вв. одинаковой керамики – плоскодонных сосудов с плоским венчиком и треугольными штампами – к северу и к востоку от Нижнего Амура, на континенте и на всем Сахалине. Ранее эту культуру интерпретировали как финальный этап охотской культуры. Но впоследствии выяснилось, что степень ее близости культурам Сусуя, Товада и Эноура не высока, и говорить об одной археологической культуре не приходится. Об общности островных культур бассейна Амура, Сахалина, Хоккайдо и Курил в VII-XIII вв. следует говорить лишь в наиболее общем смысле, на уровне не ниже понятий «монголоиды байкальского типа», «северные монголоиды» и т.д. В XI- XII в. культура минами кайзука переживала период своего расцвета. Поселения располагались не только на побережьях, но также в долинах рек, где кормиться можно было лишь рыболовством, огородничеством и свиноводством. Они многочисленны и известны везде, от крайнего юга до крайнего севера острова. В первой половине XIII в., на фоне пришедшего на смену теплу глобального похолодания и натиска чжурчжэней и кувэй, она проходит ряд изменений. Холод и сопутствующие ему подвижки ландшафтов, изменение состава растительности и животного мира подрывали экономику сахалинских племен. На более холодный климат по сравнению с предшествующим периодом указывает появление в шестиугольных жилищах наряду с очагами глинобитных печей. Набор инвентаря в погребениях указывает на сильное влияние соседей с севера – обнаружены бронзовые ременные пряжки и бляхи, в точности копирующие изделия амурских чжурчжэней.

В конце XIII или начале XIV вв. культура минами кайзука на Южном Сахалине как будто бы неожиданно исчезает. Главной причиной оттока северных народов сначала с Хоккайдо и Курил, а затем и с Южного Сахалина является вторжение кувэй. На большинстве средневековых поселений культурные слои минами кайзука перестилаются протоайнскими. Не совсем ясно, что же произошло с доайнским населением островов. Наиболее вероятно, что, потерпев цепь поражений и уменьшившись числом, северяне либо были ассимилированы кувэй, либо мигрировали на север, где присоединились к своим сородичам. Последняя версия наиболее правдоподобна. Она имеет подтверждения и в айнском героическом эпосе о завоевании Сахалина. Согласно айнским преданиям, до них на Хоккайдо обитали карлики – коропоктуру, которые якобы жили под лопухами и были вороваты. Согласно легенде, кража айнских жен стала причиной войны, в ходе которой коропоктуру были изгнаны прочь. Легенда о тончах – предшественниках айнов на Сахалине – почти в точности повторяет вышесказанное. Разница лишь в том, что здесь в роли коренного населения острова выступают не коропоктуру, а тончи – люди, живущие в землянках. По сахалинской легенде, побежденные айнами тончи бежали с острова в море на лодках. Причем айны упорно не признавали древние земляные жилища своими и называли их жилищами тончей. Кто же такие тончи? Действительно ли на Сахалине жил народ с таким названием, или это имя искажено айнским произношением? Вероятнее всего, действительно существовал. В фольклоре орочей есть мужское имя Тончи. Например, в записанном В.К. Арсеньевым

предании об ороческих родах один из последних мужчин ороческого рода Бочинка носит это имя. В основу айнской легенды о тончах легло самоназвание одного из родов, противостоявших им наиболее сильно, а потому и запомнившихся им. Имя тончи больше нигде не встречается, зато речка с названием Бачинка есть на берегу залива Анива – в самом центре распространения культуры минами кайзука.

У версии об ассимиляции северного населения племенами кувэй есть веские доказательства. Антропологические исследования конца XX века показывают: айны Сахалина чрезвычайно метисированная группа, по своему физическому строению они значительно отличаются от сородичей с о-ва Хоккайдо. То же отмечаем на Камчатке и Северных Курилах – проникшие на север протоайны смешались с местным монголоидным населением. Из описаний русских путешественников известно, что на севере Курильского архипелага проживали люди, внешне и по языку отличавшиеся от айнов Хоккайдо. В 1622 году итальянский миссионер де Анжелис, побывав на острове Хоккайдо, написал следующее: «...туземцы (айны) ездят на три острова, удаленные от о. Хоккайдо, закупать черепа морской выдры. Жители этих островов не имеют бород и говорят на совершенно другом языке».

Представляется, что это и есть ответ на загадку о тончах – монголоидное население завоеванных протоайнами островов влилось в состав племен победителей. Почему же протоайны не уничтожили своих предшественников до конца? Дело в том, что в боях между племенами Дальнего Востока и Сибири мужчин-воинов обычно убивали, а женщин и детей, как большую ценность, забирали себе. Пленники впоследствии жили под одной крышей с хозяевами; служили домашними рабами, которые со временем превращались в домочадцев и родственников – членов большой патриархальной семьи. Таков механизм ассимиляции коренного населения пришлыми группами, в которых, как правило, преобладали мужчины-воины. Не исключено, что где-то кувэй и северяне были соседями и жили чересполосно. Однако в XIII веке кувэй становятся самым многочисленным и сильным народом в северной части островного мира. Археологи отмечают исчезновение северных культур, например минами кайзука, и широкое распространение протоайнской культуры найдзи.

Протоайнская культура со специфическим названием «найдзи» была выделена японскими археологами в 30-х гг. XX века. Территория этой культуры совпадает с ареалом проживания протоайнских племен в XIII-XVI вв. Таковы же ее датировки. В самом конце XII века японцы проникают на Хоккайдо. В это же время наибольшего могущества достигает чжурчжэньская империя Цзинь, активизируется торговля между континентом и островным миром. Под влиянием восточноазиатской цивилизации происходят изменения в культуре островного населения. Археологи фиксируют их по составу находок, в том числе отмечается резкое увеличение количества предметов из железа, бронзы, стекла, а также полный отказ от каменных орудий труда. Наиболее заметным для археологов является быстрое замещение керамики сацумон железными и глиняными котлами типа найдзи, напоминающими глубокие сковороды с массивными внутренними ручками – ушками – «найдзи» для подвешивания над огнем⁵. Поэтому-то и сама культура протоайнов XIII – XVI вв. получила соответствующее название. Подробнее содержание этой археологиче-

⁵ К этим ручкам привязывалась веревка, скрученная из крапивных нитей, положение веревки внутри котла препятствовало ее пережиганию огнем.

ской культуры описано в следующей главе. Здесь лишь заметим, что средствами археологии распространение протоайнского влияния в XIII веке лучше фиксируется на Курилах и хуже на Сахалине. Зато летописные сведения говорят именно об этой дате нового появления предков айнов на обеих территориях.

8.6. Летописные данные о населении Сахалина и Курил в X-XIII вв.: цзиньли, цзилеми, цзюньли, цзилиякэ

Впервые упоминание о цзиньли, которые считаются далекими предками нивхов, появляется в китайской династийной хронике «Синь Тан шу» («Новая история династии Тан»), составленной в середине XI века и описывавшей период династии Тан (VII-IX вв.). Их земли располагались в 10 днях пути на северо-восток от племени сумо мохэ. Это описание вполне соответствует Нижнему Амуру и Сахалину. В династийной хронике «Цзинь ши» («Исторические записки о династии Цзинь», XIV век), рассказывающей о правлении чжурчжэньской династии, описываются «дикари цзилеми». И здесь речь явно идет о гиляках-нивхах. Цзилеми-гиляки-нивхи – палеоазиаты, коренной этнос региона. Даже после прихода хэйшуй мохэ они не мигрировали, а оставались в местах своего постоянного проживания, что говорит об их устойчивости и высокой степени адаптации к региону и к внешнему воздействию. Цзиньли не подчинялись Бохаю, цзилеми не были подвластны государству киданей Ляо. Но чжурчжэням, а за ними и монголам они подчинились и стали их вассалами.

Первоначально восточные пределы империи Цзинь, согласно «Географическому описанию» «Цзинь ши», заканчивались на границе «диких людей цзилеми и удэгай». Удэхэ, удигай – буквально «дикие люди», предположительно предки удэгэ также долгое время были независимы от Цзинь. Но после карательной экспедиции чжурчжэней на Нижний Амур и учреждения там цзиньской губернии Хулигай вошли в ее состав. В «Географическом описании» «Цзинь ши» говорится:

«Губерния Хулигай, в начальный период государства учредили ваньху (тысячедворку), Хайлин упразднил ваньху, затем преобразовал, учредив цзедуши (генерал-губернаторство). На запад до Верхней столицы 630 ли, на север до пограничной тысячедворки Хэлибиньтэ 1500 ли».

Таким образом, империя Цзинь в начале XIII века подчинила соседствующие племена удихэ, а за ними и цзилеми, которые стали ее северными вассалами. В летописи «Юань и тунчжи» пишется, что Цзинь устроила административный центр на Нижнем Амуре. Раскопки А.Р. Артемьева на утесе у современного поселка Тыр в Хабаровском крае показывают наличие в культурном слое китайских и чжурчжэньских монет XI-XII вв.

Разгромив к 1234 г. чжурчжэней, монголы унаследовали от них власть над цзилеми и использовали последних в своей политике на Нижнем Амуре и Сахалине, особенно против кузэй. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные записи о должностных лицах юаньского времени – цзилеми, выезжавших на Сахалин по делам службы. В минской⁶ летописи «Описание Ляодуна» написано буквально следующее:

«Цзилеми находятся по соседству с ку (кузэй. – Прим. авт.), в их землях мало мужчин и много женщин. ...Много мужчин, имеющих до десяти жен».

⁶ Эпоха правления династии Мин в Китае (1368-1644).

Неясно, насколько цзилями можно считать прямыми предками нивхов. Нам кажется, что корректнее было бы называть их протонивхами. Хотя и здесь остаются некоторые сомнения. Какая же археологическая культура эпохи средневековья соответствует им? Предполагаем, что цзилями не были одним народом. Даже сегодня четко фиксируются две крупные группы – нижеамурских и сахалинских нивхов, имеющих значительные взаимные отличия в материальной и духовной культуре и языке. На наш взгляд, территории расселения племен цзилями соответствовали, как минимум, ареалы двух локальных родственных друг другу археологических культур X-XIII вв. Одна из них – культура минами кайзука, носителями которой были не только цзилями, но и остатки населения охотской культуры. А вторая – это пока еще слабо изученная культура, для которой характерна плоскодонная лепная керамика с прочерченным орнаментом типа Чайво. Стоянки этой культуры найдены на поселениях у залива Чайво, Венское, а также на мысе Погиби и в других районах северного Сахалина.

Ранние сведения о цзилях были известны автору текста, сохранившегося на знаменитом Тырском камне-памятнике начала XV века. Там написано: «..владение Нургань на северо-востоке, путь к нему за тремя станциями, его население называется дикими людьми разных народов цзилями, живущими вперемешку⁷. Все они слышали о благотворном влиянии императора, но не могли прибыть ко двору сами. К тому же их земли не родят пять злаков, не производят полотно и шелка, из животных выращивают только собак. Некоторые дикие люди выращивают упряжных. Перевозят всякие вещи⁸ либо занимаются рыбной ловлей, едят рыбье мясо и одеваются в рыбью кожу, хорошо владеют луком и стрелами. Всех их тягот с пищей и одеждой не передать словами». Из этих описаний явствует, что китайские хронисты называли «цзилями» (цзиньли, цзюньли, цзилиякэ) не какой-то один народ, а целую группу дальневосточных племен, живших в раннем средневековье на Нижнем Амуре и Сахалине. Поэтому жестко увязывать этноним «цзилями» с какой-то одной археологической культурой не удастся. Для этого у нас все еще недостаточно данных. Но наиболее близкими претендентами следует считать две культуры, указанные выше.

8.7. Летописные данные о населении Сахалина и Курил в X-XIII вв.: кувэй, вэйгу, кушо, куи

Во всех приведенных этнонимах присутствует слог ку (гу), а приставки «вэй», «и», «шо» – не что иное, как разновременные и разноязычные обозначения понятия для обозначения этноса. Сами же «ку» использовали в качестве приставки к мужским именам слово «айну», что позволяет без колебаний считать их предками айнов. Надо лишь иметь в виду, что ку не были монолитным этносом, сохранявшимся с раннего средневековья до новейшего времени неизменным. Каждый раз, когда в хрониках или описаниях истории Нижнего Амура, Сахалина, Хоккайдо и Курильского архипелага всплывали эти этнонимы, они обозначали разные группы, антропологически или культурно близкие обобщенному понятию «протоайны». Оно настолько же общее, как и понятия «славяне» или «германцы». Это не более

⁷ Это скорее всего означает чересполосное проживание разных народов на Нижнем Амуре.

⁸ Это означает, что цзилями занимаются на перевозку товаров и поклажи, то есть участвуют в перевозках по торговым путям.

чем родственные друг другу по происхождению протоайнские племена – наследники историко-культурной общности дземон в ее северном регионе.

Как уже писалось, неапонское население северного Хонсю, Хоккайдо и Курил в средневековой Японии именовали, соответственно, эмиси и несколько – эзо (эдзо). Кушо наряду с цзилями упоминаются в хрониках с VII века. Бохайцы, плавая по Японскому морю в Нихон, сталкивались с протоайнами. Известия об этом северном народе доходили до Китая и через японцев, которые знали их довольно хорошо. Границы земель, в той или иной степени контролируемых чжурчжэнями, на Сахалине примыкали к землям ку – в XIII веке их разделял только пролив Лаперуза. Предположительно кушо-кувэй в раннебохайское время нередко бывали и на Сахалине, но найти следы их пребывания здесь пока так и не удалось, если не считать несколько находок керамики типа сацумон на полуострове Крильон и побережье залива Анива. Вместе с тем в ходе раскопок в окрестностях села Охотское неожиданно было открыто несколько типичных айнских жилищ с печами, датированными по радиоуглероду в рамках XI–XII вв. Там же найдена сунская монета 960–1127 гг., подтверждающая указанную датировку. Не исключено, что некоторые группы kuvэй могли жить на юге Сахалина чересполосно с мохэ и позднее – с цзилями задолго до времени основных миграций XIII – XVII вв.

Из ранних хроник, наиболее полно «ку» описываются в юаньской летописи «Кайюань синь чжи» («Новое описание Кайюань»)⁹, где сказано следующее:

«Ку находятся к востоку от Нурганьского моря, на теле людей много волос, носят медвежьи шкуры, одеваются в узорчатые ткани, их оружие крепкое и острое. При смерти родственника у него удаляют кишки и желудок, тело сушат на солнце и носят с собой, при еде и питье следует приносить им жертвы, по прошествии трех лет оставляют его».

Действительно, в особых случаях у айнов имел место обряд мумификации тела. Хотя, по археологическим данным, преобладал обряд захоронения умершего в земле головой на север-северо-восток.

Описания ку в хрониках династии Мин повторяют сказанное в более ранней летописи, но добавляют любопытные детали:

«...тело одевают в цветные материи, имеют лук и стрелы из дерева длиной в чи с лишним. Наконечники стрел покрывают ядом¹⁰, при попадании жертва обязательно умирает. Их оружие крепкое и острое».

По сообщению востоковедов и переводчиков старинных документов Казуюки Накамура и А.Л. Ивлиева, в летописи «Юань вэнь лэй», «Цзинши дадянь»¹¹ записано:

«В 10-й год Чжи-юань (1273 год) пограничный воевода по привлечению и наказанию мятежников, Покоритель Востока Тасяла доложил: ранее из-за сильного ветра и волнения на море, через него было трудно переправиться, карательный поход не достиг земель тайинь¹², цзилями и вэйгу (кувэй). Во время прошлогоднего похода дошли до земель Нуэргэ¹³, спрашивали, как достичь тех земель, человек удэгэ Яньсе сказал, что при желании идти походом на kuvэй, следует собрать войска и дожидаться, когда в зимние месяцы узкий переход через малое море Сайгэ замерзнет, и тогда только можно будет идти вперёд по льду.

⁹ Кайюань («Открытое начинание») – один из девизов правления императора Лунци (династия Тан). Также название города в провинции Ляонин в Северном Китае. В описываемый период средневековья Кайюань – северная область, включавшая Приморье и Приамурье.

¹⁰ Из данных этнографии известно, что айны использовали стрелы, отравленные ядом из корней аконита.

¹¹ Большой словарь управления (кит. яз.)

¹² В другом прочтении дэкин.

¹³ Нургань.

Сначала дойдёте походом до тайинь и цзилями, и только после этого достигнете границы кувэй (вэйгу)».

Под малым морем Сайгэ надо понимать Амурский лиман и пролив Невельского, а под вэйгу-кувэй – протоайнов Сахалина. Кто же такие тайинь, неясно. Этот народ упоминается только в цитируемом документе. Предположительно тайинь проживали на северо-западном Сахалине, несколько ближе к континенту, чем цзилями, но севернее вэйгу: «сначала дойдёте походом до тайинь и цзилями, и только после этого достигнете границы вэйгу».

8.8. Летописные данные о населении Сахалина в X-XIII вв.: илиюй и вочжо (вочжэ)

Этноним «илиюй» встречаем в хронике правления Ши-цзу в «Юань ши» (часть II): «в день синь-сы 11 месяца первого года правления Чжи-юань (30 ноября 1264 года), пошли войной на кувэй. До этого цзилями приняли вассальную зависимость и сообщили, что на восток от их владения есть два племени – кувэй и илиюй, они ежегодно вторгаются в их пределы, поэтому направили войско в поход против них». Это означает, что илиюй жили недалеке от кувэй, то есть на южном или среднем Сахалине.

В летописи «Юань ши» дважды встречаются и упоминания о народе вочжо (вочжэ):

- «два ляодунских народа – вочжо и цзилями много раз совершали вторжения с грабежами...»
- «Вочжо, цзилями живут в отдалении на морском острове, не ведают правил приличия, а охраняющие их, управляя, своевольничают, вследствие чего [дело] доходит до разбоя».

Было бы очень заманчиво определить вочжо как воцзюй, но возможна и более прозаическая и точная трактовка вочжэ – вэйгу (кувэй) и она кажется более верной, так как впоследствии рядом с цзилями в документах всегда упоминается только народ кувэй, кушо и т.д. Как видим, возможно несколько трактовок легендарных этнонимов «тайинь», «вочжо» и «илиюй», и все они спорны. Вопрос может решиться лишь на основе изучения комплекса различных источников.

8.9. Проблема этнического состава населения островного мира дальневосточных морей в XI-XIII вв.

Судя по историческим документам и данным археологии, в XI-XIII вв. в регионе Сахалин-Хоккайдо-Курилы проживали одновременно: цзилями (протонивхи), кувэй или вэйгу (протоайны), илиюй, тайинь, вочжо. Кроме того, в нескольких крепостях на Сахалине располагались отряды чжурчженей, а позднее и монголы и их вассалы – воины цзилями. В местности Оосима на юге Хоккайдо с конца XII века обосновались самураи из северного клана Фудзивара, бежавшие из Осю. В эпоху позднего средневековья на юге Хоккайдо японцы построили двенадцать крепостей для того, чтобы обороняться от эдзо-айнов. Если вочжо это также протоайны, остается четыре, если нет, в островном регионе в XIII веке насчитываем пять аборигенных (цзилями, кувэй, илиюй, тайинь, вочжо) и три пришлых (чжурчжэни, монголы, японцы) этноса. Какие археологические культуры соответствовали им?

Какие народы были носителем культуры минами кайзука? Не до конца ясно, какой из указанных выше летописных народов соответствует тончам айнских легенд.

Тем не менее в сложившейся источниковедческой ситуации возникает возможность для довольно обоснованного исторического обобщения. В XI–XIII вв. в северной части островного региона существовали две противоположные по происхождению общности. Первая может быть определена как Северная. Она возникла в результате сложных этнических процессов – взаимной ассимиляции пришлых мохэских (тунгусо-маньчжурских) и местных (палеоазиатских) племен с участием отдельных протоайнских родов. В специальной литературе XX века эту общность традиционно называли охотской культурой.

Вторая общность – Южная. Эта протоайнская общность связана с Хоккайдо и Курилами. Здесь нельзя не учитывать, что в ходе экспансии протоайны ассимилировали на Хоккайдо и Курилах этносы, составлявшие охотскую культуру и культуру тобинитаи, то есть приобрели тунгусо-маньчжурскую и палеоазиатскую примесь.

Северная общность с X до середины XIII века территориально располагалась на Сахалине и в бассейне Нижнего Амура. По данным археологии это соответствует ареалу керамики минами кайзука. Северяне, судя по крепостям, имеющимся в четырех местах на Сахалине, входили в состав владений чжурчжэней и были частью дальневосточного мира на стыке континента и островов. Хотя «живут в отдалении на морском острове, не ведают правил приличия, а охраняющие их, управляя, своевольничают, вследствие чего [дело] доходит до разбоя». Поскольку археологическая культура минами кайзука на Сахалине являлась явной доминантой, предполагается, что ее носители составляли основу позднего местного населения острова, что соответствует тончам айнских легенд. Четких данных антропологии по данному периоду на Сахалине пока нет. Северное средневековое население VII–X вв. было континентальными монголоидами байкальского типа. Новейшие данные антропологии показали, что население охотской культуры, называемое здесь мохэ, было неоднородным. Северная группа мохэ Хоккайдо антропологически сближается с сахалинскими охотцами и отличается от охотского населения востока Хоккайдо и Курил. Последние формировали своеобразную группу, отличную от северян.

Генетик Рюичи Масуда показал, что из 16 генетических параметров восемь специфичны для охотских людей и не найдены среди современных народов. Остальные восемь показывают близость к современным нивхам, уйльта, негидальцам, корякам и эвенкам. При этом максимальная близость охотцев отмечается с двумя первыми из приведенного списка этносов – нивхами и уйльта. Кроме того, по ряду показателей отмечено смешение охотского населения с протоайнами. Таким образом, этническое содержание мохэской (охотской) культуры VIII–X вв. неоднородно, что подтверждает современные представления о мохэ как группе смешанных тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских племен Дальнего Востока в эпоху раннего средневековья.

Чжурчжэни являлись потомками тунгусо-маньчжуров мохэ. Несколько непросто объяснить понятие «цзилями». Если понимать цзилями исключительно как предков нивхского народа, вопрос запутывается и становится тупиковым. Однако вспомним, что в китайских источниках цзилями – не один этнос, а группа племен Приамурья и Сахалина. Учитывая все эти разночтения, решить вопрос соответ-

ствия данных летописных, фольклорных, этнографических и археологических источников на сегодня можно лишь в общих чертах.

Данные археологии неполны, но они указывают на присутствие одновременно с минами кайзука на Сахалине еще как минимум двух локальных культур, представленных керамикой типов Чайво и Тарайка с прочерченным орнаментом, а также узорами из крестов и зооморфных штампов¹⁴. Из данных этнографии хорошо известно, что три сахалинских народа – нивхи, айны и уйльта – в исторически обозримое время имели очень тесные родственные связи, которые отразились в их материальной и духовной культуре. Так, в новое время айнские родовые группы переселялись на континент и даже входили в состав объединений орочей. То же самое отметим в отношениях айнов и нивхов, уйльта и айнов. Поэтому не исключаем, что каждое локальное проявление самобытности средневековой керамики на разных памятниках указывает на какие-то особенности локальных этносов острова. Но пока эти проявления известны лишь частично. Данный вопрос сильно запутан ввиду фрагментарности и противоречивости источников, несовершенства методов и требует дальнейшего прояснения средствами всех научных дисциплин, способных дать качественно новую информацию о средневековой истории региона.

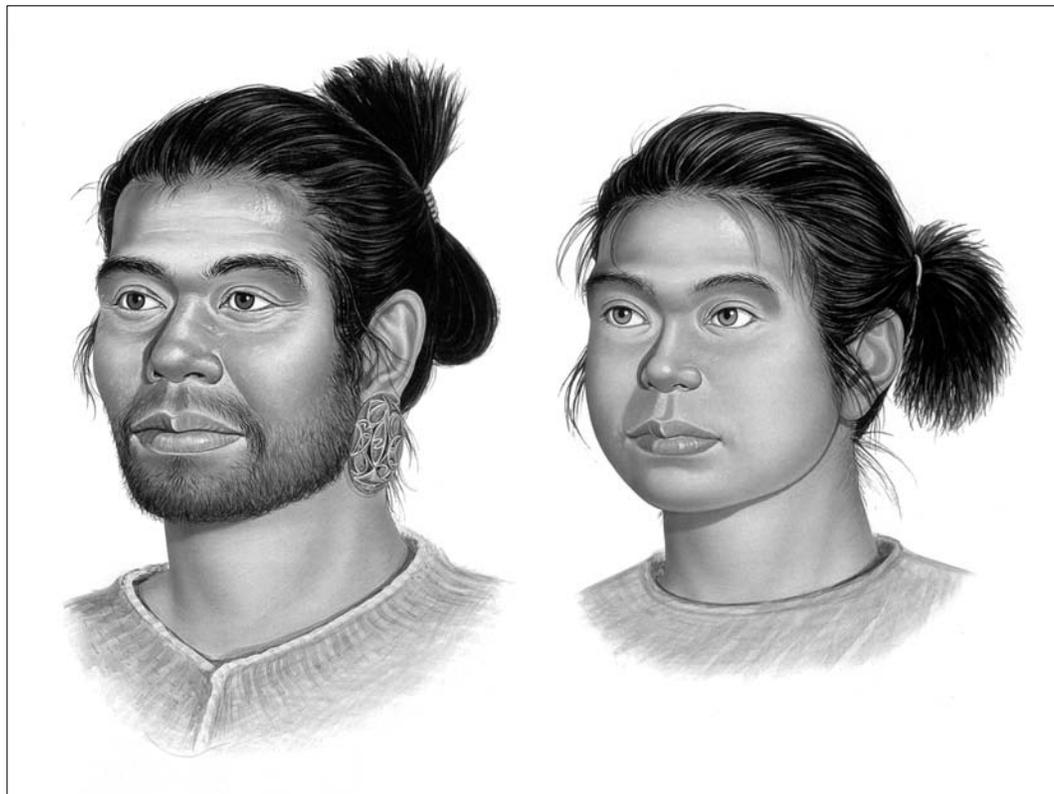


Рис. 21. Реконструкция облика палеоайнов.
Эпоха палеометалла – раннее средневековье

¹⁴ По-айнски озеро Невское называлось Тарайка. В 30-е гг. XX века Ито Нобу выделил тип Хигаси Тарайка, что в переводе означает «восточная Тарайка».

Южная (протоайнская) общность, захватившая в период с XII по XV вв. огромные пространства на Хоккайдо, Курилах, Камчатке и Сахалине, представлена, как минимум, четырьмя локальными группами, которые имели как антропологические, так и археологические особенности. Сами айны именовали все эти земли Айнумосири, то есть землей, населенной айнами.

Северная айнская группа была территориально связана с Камчаткой и Северными Курилами. Наряду с обычными для айнов чертами материальной культуры для нее характерны многокамерные жилища с переходами-тоннелями между ними, а также одежда из птичьего пера и развитый морской промысел. Антропологически северная группа занимает промежуточное положение между айнами и ительменами в результате метисации названных народов в контактной зоне. Вторая группа – протоайны Южных Курил и восточной части о-ва Хоккайдо. Особенности их культуры неясны, но исторически это та самая группа, которая ассимилировала население охотской культуры названного района. Третья группа – айны южной и средней частей Хоккайдо. Эта группа в культурном отношении была ближе всех к японцам. Веками южане граничили и общались с японскими колонистами. И хотя политически вплоть до середины XV века большая часть представителей группы была независимой, их материальная и духовная культура испытала большое влияние со стороны японцев. Айны северной части Хоккайдо получили большую примесь монголоидной крови от поглощенного ими раннесредневекового населения охотских поселений и естественным образом была ближе всего к сахалинским айнам.

И, наконец, четвертая группа – сахалинские айны, культура которых распространялась далеко на север. Как уже говорилось, сахалинские айны были наиболее сильно метисированы в результате чересполосной жизни с другими сахалинскими этносами. Также известно об айнах с озера Кизи на Нижнем Амуре. Это отдельная субэтническая группа, во многом оторванная от своего народа и позднее давшая начало айнско-орочским родам. Ввиду активного продвижения протоайнов кузэй на север айнская примесь имеет широкое распространение среди народов Дальнего Востока.

8.10. Археологические свидетельства иноземных нашествий на Сахалин. Городища и острожки XII-XIII вв.

Как указывалось выше, на Сахалине, Хоккайдо и Курильских островах издавна известны древние оборонительные сооружения – крепости и острожки. Они выделяются на местности крепостными валами и рвами, с ними связаны легенды и предания. Как правило, русские старожилы ныне относят их к своим предшественникам – японцам. Те же в свою очередь приписывали какие-то из сооружений русским, какие-то айнам. В свою очередь айны всегда четко показывали, какие из «часи» были построены их предками, какие – тончами, а какие – другими народами. Археологами названные оборонительные сооружения разделяются на те, что были построены местными народами, и те, которые принадлежали иноземным завоевателям.

Сооружения, построенные сахалинскими аборигенами, обычно представляют собой небольшие площадки на отрогах гор или на обрывистых морских мысах, защищенные с одной, реже с двух сторон прямым, реже округлым, валом и рвом. Небольшие крепости местных народов почти всегда сопровождаются жилищны-

ми западинами. Это указывает на долговременный характер военных действий эпохи средневековья, когда люди должны были постоянно жить на высоких кручах гор, за крепостными стенами, чтобы отразить нападение в любой момент. Их расположение в регионе указывает на то, что военные конфликты происходили повсеместно. Но тот факт, что наибольшее число оборонительных сооружений было размещено в контактных зонах между островами, прямо указывает на основные направления экспансии и ожидаемых противников. Такие небольшие крепости обычно принадлежали одному племени, которое собиралось в них на время войны. Русские землепроходцы XVII-XVIII вв. во время продвижения к Тихому океану и покорения сибирских и дальневосточных племен повсеместно встречали подобные укрепления. Они называли их острожками. Уменьшительная форма указывала на несовершенство конструкции данных сооружений и размеры, меньшие по сравнению с русскими острогами. На Сахалине и Курильских островах известно более тридцати острожков. Довольно интересно, что большинство из них не было приспособлено к отражению больших сил и к долгой осаде. На наш взгляд, эти укрепления имели в большей степени символический характер, обозначая место проживания вождя с его дружиной и сбора дани. Несовершенство фортификации подчеркивает более низкий уровень развития военного дела у местных племен по сравнению с чжурчжэнями и монголами.

Иноземные крепости на Сахалине в отличие от острожков были построены по всем правилам средневековой восточной фортификации. В российской архе-

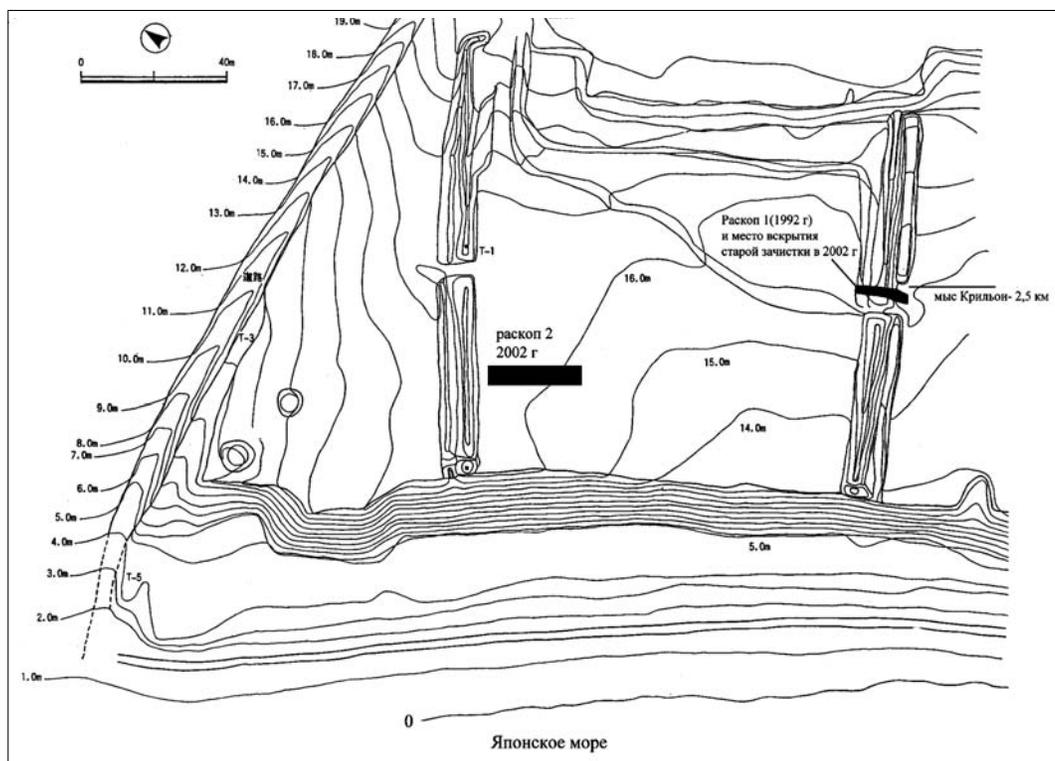


Рис. 22. План руин Крильонского городища. Эпоха средневековья.
Снято в 2002 г.

ологии такие сооружения принято называть городищами. Всего на территории Сахалинской области известно три таких объекта. Речь идет об Александровском, Пугачевском и Крильонском городищах.

Первые два из них, Александровское и Пугачевское, в XX веке были разрушены до основания. Но до наших дней дошли их описания да отдельные находки, подтверждающие их происхождение. Городище на мысе Крильон хотя и пострадало от времени, сохранилось и в настоящее время исследуется археологами. Поскольку все три городища были известны до XIX века, каждое из них также имеет прежнее название на айнском языке. Крильонское городище называлось по-айнски Той-часи, по-японски – Гуй и Сирануси, а Пугачевское, по айнскому топониму – Могунтан, как производное от названий айнских поселков Мошн-котан и Гун-котан.

Крильонское городище ныне представляет собой укрепление, состоящее из валов высотой до двух метров и опоясывающих их рвов шириной до четырех и глубиной до полутора метров. Первоначально было три вала, так как четвертая, морская, сторона была защищена обрывом, и вал там не обустраивался. Длина трех валов, окружающих площадку городища, варьирует от 112 до 115 метров. Таким образом, площадь Крильонского городища составляет почти 13 тысяч квадратных метров. Это самое крупное искусственное сооружение эпохи средневековья на острове Сахалин. Хорошо сохранились два вала – северный и южный. Еще один – восточный – частично поврежден и засыпан вместе со рвом в середине XX века. В средней части каждого вала находятся следы ворот, в начале XX века они имели ширину около пяти метров.

Пугачевское городище было вдвое меньше копией описанного: длина одной стороны у него составляла около 55 метров. Высота валов и глубина рвов та же, что и описана выше. Еще в конце XIX века по углам Пугачевского городища наблюдались следы оборонительных башен.

Александровское городище представляло собой четырехугольник со сторонами длиной 55 и 70 метров. В остальном же схема строительства была та же. Это подразумевает единую, весьма развитую технологию фортификации всех трех городищ. Изучение Крильонского городища показало, что стены крепости были насыпаны с использованием характерной для военной архитектуры того времени, но неизвестной местным народам технологии «ханту». Надо помнить, что законодателями фортификации в Восточной Азии в эпоху средневековья были китайские инженеры. Их знания и искусство переняли фортификаторы чжурчжэньских государств Цзинь и Восточное Ся, которые, в свою очередь построили десятки городищ и редутов в Приморье, Приамурье и на Сахалине. Китайские же инженеры сопровождали войска монголов в их походах в Азии и Восточной Европе (в том числе и на Руси). Монголы, как правило, использовали в своих войсках инженеров и воинов разбитых армий и покоренных народов. Привлекали они и китайских и чжурчжэньских солдат, военачальников и фортификаторов.

Во время раскопок Крильонского городища стало ясно, что его строители сначала провели разметку крепости на плоской террасе на берегу моря. Затем они сняли дерн по периметру квадрата со стороной более 110 метров. Снятым дерном выложили основание будущего вала, обозначая разметку будущего сооружения. После этого, судя по расположению и форме слоев в разрезе вала и рва, установлены плетеные фашины, своего рода опалубка будущей конструкции. Набив опа-

лубку земель изо рва, строители утрамбовали ее, затем подняли фашины выше, и все повторялось вновь около пяти раз. Таким образом, был вырыт ров и построена прочная высокая стена из утрамбованной земли.

С внутренней стороны земляной стены обычно располагались деревянные конструкции. Это позволяло защитникам крепости быстро подниматься на стены для отражения штурма. С внешней стороны вал почти отвесно нависал над рвом. Благодаря этому штурмующие крепость враги должны были сначала оказаться на дне рва, а потом им предстояло карабкаться на пятиметровую высоту. Но там наверху располагался еще и тын – частокол из заостренных бревен. Прикрываясь тыном, через бойницы защитники вели стрельбу из луков по противнику. Стена на крепости строилась дважды, на это указывает подсыпка вала, причем четко видно, что южный вал выше северного. Это означает, что врага ждали именно с юга. Таким врагом могли быть только кувэй – протоайны.

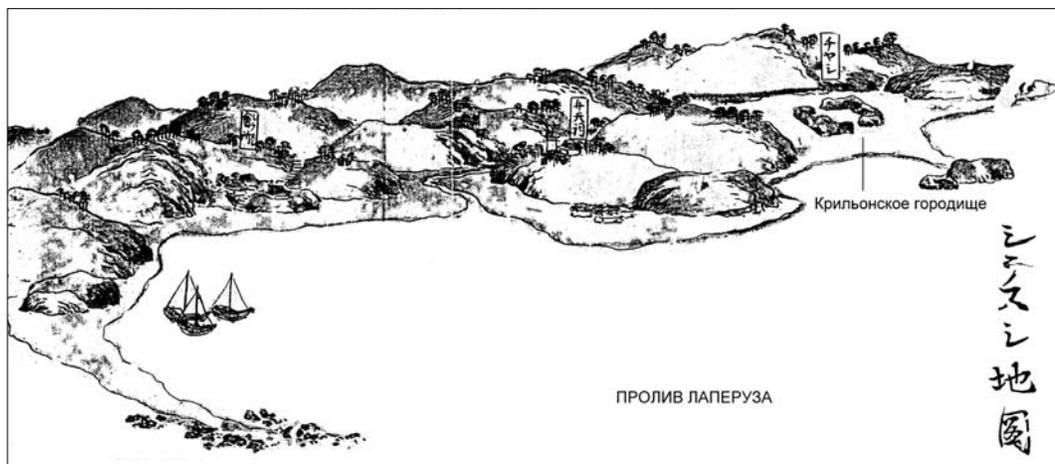


Рис. 23. Окрестности мыса Крыльон и Крыльонское городище (Сирануси). Рисунок 1799 г.

В раскопках на Крыльонском городище археологами найдена типичная для средневековой культуры чжурчжэней станковая¹⁵ керамика, а также типичное для народов Приамурья миниатюрное грузило для рыболовной сети и точильный брусок. Вся керамика, обнаруженная в раскопках на Крыльонском городище, стандартная. Примесь мелкого песка хорошо отсортирована, сосуды изготовлены на круге и обожжены равномерно в специальной печи. Это, вне всякого сомнения, ремесленное изделие. Ведь оно изготовлено в соответствии с четко выраженным стандартом. Черепок серого цвета, однородный по толщине, характеру обработки поверхности, цвету и составу теста. Судя по найденным в крепости фрагментам разных сосудов, они имели четкий профиль, венчик отогнут наружу, шейка суженная, украшенная узким тонким лепным аркатурным пояском. Тулово выпуклое, дно плоское. На большинстве фрагментов есть следы работы шпателем в виде сетчатого оттиска – типичный признак керамики чжурчжэней. Любопытно, что такой же сетчатый оттиск встречается и на лепной керамике типа тарайка на среднем

¹⁵ Станковая керамика – это керамика, изготовленная ремесленным способом на станке – гончарном круге.

Сахалине. Исторически этот сетчатый штамп наследует сетчатым (вафельным) оттискам амурской мохэской керамики.

В раскопе на руинах Александровского городища археолог С. В. Горбунов нашел обломки изделий из бронзы и железа и также чжурчжэньскую лепную и станковую керамику, сопоставимую и с крильонской. Керамика из Александровского городища имеет ряд типологических сходств и отличий от описанной керамики с Крильона. Общее для них – способ изготовления на круте, высокое качество, превосходящее все местные образцы, а также типичная отсортированная примесь и, наконец, использование сетчатого штампа. Керамика из Александровска, по сравнению с крильонской, более ранняя. Она имеет типологические соответствия типичной мохэской керамике с фризовыми налестками. Крильонская ближе керамике мианами кайзука. Моделью для населения Сахалина в XII–XIII вв. стала привозная керамика, доставляемая по торговому пути с континента на остров чжурчжэнями и их вассалами цзилеми.

Предполагаем, что Александровское городище построено раньше, а Крильонское позже – соответственно в XII и в XIII вв. Это хорошо согласуется с надписью на стеле на могиле юаньского командира, сотника высшего ранга Чжан Чэна:

«В 12-й месяц 22 года (Чжи-юань) [1285 г.] ...было приказано во главе своего войска, вместе с женой и детьми... отправиться в шуйдада, где устроить военно-земледельческое поселение (дунтянь) и нести охрану [этих земель]. В третий месяц следующего года, достиг крайних пределов на северо-восток от Хэйлунцзяна, где построил лагерь [военно-земледельческого] поселения».

Исследования городищ продолжаются. Все вышеописанные факты неоспоримо свидетельствуют о том, что, как минимум, две крепости построены чжурчжэнями в эпоху раннего средневековья, не позднее XIII века. Вероятно, таково же происхождение и пугачевского городища. Предположительно крепость на Крильоне построена чжурчжэнями и восстановлена после разорения монголами при участии покоренных ими чжурчжэней. Несмотря на то, что перед археологами стоит еще немало вопросов, их исследования позволяют по-новому взглянуть на летописные известия о завоевании Сахалина иноземными войсками в XIII веке.

В конце XX века близ села Охотское Корсаковского района открыто укрепление, перепопоясывающее перешеек между озером Седых и протокой из озера Тунайча. В комплекс защитных сооружений входило три основных объекта. Первое сооружение – это эскарп шириной четыре метра. Речь идет об эскарпированном (особым образом срытом, перерезанном) обрыве к озеру. Он отрезал обход крепости с западного фланга по берегу озера Седых и делал невозможным для противника выход в тыл поселку по долине. Эскарп – достижение военной инженерии, которое не было известно местным народам. Второе сооружение – ров шириной три и глубиной полтора метра. Третье – вал высотой от одного до полутора метров и длиной 42 м. Вал и ров располагаются на склоне, перекрывая сообщение между устьем протоки Красноармейской и мысом Бауэра.

Во время раскопок на месте оборонительного сооружения выяснилось, что при строительстве крепостного рва в эпоху средневековья людьми было разрушено жилище. В этом жилище наряду с очагом располагалась глинобитная печька каминного типа, конструкция каркаса кровли опиралась на четыре крупных центральных столба. Обнаружение печи позволяет датировать ров в отсчете от XII–XIII вв.

включительно. Как уже сказано, печи появляются на острове под влиянием культуры сацумон позднего периода. Эта датировка подтверждается радиоуглеродной датой – вторая половина XII – первая половина XIII вв., полученной по обугленному слою однолетних растений под валом крепости. Ров располагается южнее вала, это значит, что также, как на Крильоне, врага ждали не с севера, а с юга. В тот период уровень моря, лагуны Тунайча и озера Седых был несколько выше, чем ныне, и вода омывала обрывы у крепости, делая ее малопрístupной. Вероятным противником оборонявшихся могли быть только кувэй, которые наступали с юга. Расположение вала показывает, что тропа с мыса на север шла примерно в том же месте, что и современная дорога. Где-то в месте ее пересечения и должны были располагаться южные ворота крепости. Наша гипотеза происхождения и устройства крепости Седых как будто бы имеет один большой минус. На первый взгляд, неясно, почему крепость не имеет сплошной стены и почему отсутствует стена на севере. Однако данное противоречие может быть легко объяснено. Во-первых, строителям просто могло не хватать сил на возведение стен с обеих сторон, и проще было построить частокол, перегородив врагам путь к поселку. Во-вторых, данная крепость могла иметь в большей степени символическое, чем военное значение. Она являлась символом власти людей, владевших самым большим богатством этого места – устьем протоки из лагуны Тунайча – здесь проходила вся рыба района. Да и сама протока была своеобразным географическим барьером на пути север – юг. В-третьих, недалеко от крепости располагаются сопутствующие ей сооружения – редуты квадратной формы, с высокими валами. Внешне они похожи на жилища, но они не выкопаны, а насыпаны. Высота стен колеблется от одного до двух с половиной метров. Из общего числа сооружений выделяется восемь, размерами по внешнему контуру вала от 18 до 25 метров. Внутренний диаметр редутов от стены до стены – от 12 до 18 метров. В трех редутах видим западины небольших жилищ, построенных под защитой стен.

Такие большие и сложные земляные работы, которые требовались для строительства редутов и крепости, могли выполняться только большими коллективами людей, находившихся под единым руководством. Все это указывает на возможную датировку исследуемых объектов в рамках эпохи средневековья, сопоставимой с периодом строительства крепости. Вероятнее всего, крепость Седых была построена чжурчжэнями или монголами. Именно они воевали с южанами – кувэй. Время строительства крепости совпадает с активизацией переселения протоайнов с о-ва Хоккайдо и завоевания ими Сахалина. Причина, по которой строительство крепости не было закончено стеной с севера, остаётся загадкой.

Таким образом, к концу XIII века на Сахалине в очередной раз обострились межэтнические отношения, народы острова опять пришли в движение и стали объектом экспансии одновременно, с севера и с юга, монголами и кувэй.

Глава 9

НАРОДЫ САХАЛИНА, ХОККАЙДО И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

9.1. Особенности исторического процесса в островном мире северно-западной части Тихого океана в позднее средневековье

Начало позднего средневековья отмечается на Сахалине, Хоккайдо и, в меньшей степени, Курильских островах резким изменением политической обстановки. Основанием для проведения рубежа, с которого мы бы могли начать новый этап и четко отделить его от предшествующего, является крупнейшее событие, изменившее как весь дальнейший ход мировой истории в целом, так и на островных территориях Дальнего Востока. Речь идет о монгольском нашествии, вызвавшем падение целого ряда государств Евразии и принципиально изменившем расстановку сил в мировой политике. Оно отозвалось повсеместно и в том числе в островном мире.

В рамках позднего средневековья в островном регионе относительно четко выделяются два этапа – вторая половина XIII – XIV и XV–XVI вв. Первый этап связан с возвышением и падением монгольского влияния и самым большим за всю историю островов расширением границ айнумосири. Айнский этнос расселяется на огромной территории от реки Амур до реки Исикари и от лагуны Сарома на Хоккайдо до Нальчевского озера на Камчатке. Второй этап был связан с усилением внешнего воздействия на народы островного региона. На Хоккайдо оно выразилось в обострении японо-айнских отношений и резком усилении позиций нового феодального клана Мацумаэ. На рубеже XVI–XVII вв. почти половина острова Хоккайдо официально переходит под юрисдикцию Японии. При этом народы, населявшие Сахалин и Курильские острова, оставались свободными. Они не подчинялись власти каких бы то ни было государственных образований. Однако обострение обстановки на Хоккайдо и смена власти в Китае оказывают и на них косвенное влияние через перерывы в торговле, изменения цен на товары, появление новых партнеров в торговле, противников и т.д.

В результате к концу эпохи средневековья на Сахалине, Хоккайдо и Курильских островах сложилась та этнокультурная обстановка, которая сохранялась здесь вплоть до прихода японцев и русских. Самыми большими и сильными этносами региона в позднем средневековье были протоайны – кувэй и их соперники и соседи цзилеми – протонивхи, а также возможные предки уйльта – илиюй. Кроме того, на Сахалине и Курилах жили и другие, более мелкие этнические группы, которые к началу нового времени были поглощены более сильными этносами. Сахалин, Хоккайдо и северные Курильские острова, таким образом, были местом активных контактов между народами континента и островного мира.

С XIII века в связи с активными попытками государств Восточной Азии подчинить острова резко усиливается начавшийся на предыдущем этапе процесс вхождения тунгусо-маньчжурских, палеоазиатских и протоайнских племен региона Нижнего Амура, Сахалина, Хоккайдо и Курил в круг цивилизаций Восточной Азии. Развитие международной торговли в эпоху средневековья позволяет племенам, обитавшим на периферии великой восточно-азиатской цивилизации, получить

больший, чем ранее, доступ к материальным и духовным достижениям соседних государств.

Для народов, заселявших острова, изделия цехового ремесленного производства оказались намного практичнее и дешевле, чем собственные. Конечно, это не означало, что айнские и нивхские кузнецы разучились ковать железо, а ткачихи – ткать ткани. Собственные промыслы, хотя и изменились под влиянием достижений высокоразвитого ремесла стран Восточной Азии, все-таки сохранялись у народов региона вплоть до начала XX века. Однако новый уровень, на котором сосуществовали и конкурировали между собой национальные и наднациональные черты материальной и духовной культуры, предполагает забвение целого ряда древних традиций, и торжество, и быстрое усвоение новаций.

Этот перелом отмечает начало перехода племенных обществ Дальнего Востока в круг средневековых цивилизаций и их присоединение к мировой системе хозяйства и географического разделения труда. Какова была эта роль, можно судить по китайским и японским хроникам эпохи средневековья и археологическим находкам этой поры. Мир, лежавший к северо-востоку от Китая и к северу от Японии, традиционно упоминается в хрониках как источник мехов, ловчих птиц и иных естественных ресурсов, которые высоко ценились в странах Восточной Азии. Одновременно это был и рынок сбыта товаров из городов Восточной Азии.

Следовательно, первая функция региона – источник естественных ресурсов, сырьевой придаток и одновременно рынок сбыта товаров из восточноазиатского ядра мир-системы. Вторая функция проистекает из географического положения Нижнего Амура, Сахалина, Хоккайдо и Курил. Это транзит товаров по малолюдным районам Приамурья и Сахалина между Северным Китаем и Северной Японией, Китаем и Севером, Японией и Севером. И все события, и сама судьба населения островных и прибрежных районов Северо-Восточной Азии с этого времени оказались в прямой зависимости от большой экономики и политики указанных государств и от мир-системы в целом. Все крупные события и тенденции уже в раннем средневековье в той или иной мере обязательно отражались на жизни островитян. Еще более эти тенденции усилились в позднем средневековье.

Значит ли это, что объемы и значение торговых перевозок между этими странами в средневековье через север были настолько велики? И да, и нет.

Во-первых, население региона было относительно малочисленным, и любое вторжение цивилизации и тем более возможность приобщения к ее достижениям играли огромную роль в его жизни. Простейшим примером являются последствия того, что эмиси, получив в VII-X вв. доступ к японскому ремеслу, оружию и военной тактике Ямато-Нихон, в краткий период завоевали весь север островного мира. Возникла возможность для расширения экспансии и получения доходов от нападений на менее сильного противника.

Во-вторых, возможность контроля торговых перевозок из Северного Китая в Японию, пусть даже они были невелики по объему, давала устойчивую возможность обогащения вождям племен и их дружинам.

В-третьих, важность этого пути подтверждается мерами, которые сначала китайцы, а затем чжурчжэни и монголы предпринимали для обеспечения его стабильного контроля. В XIII веке они пошли на прямую агрессию на Сахалин, на короткое время установив здесь свою власть. С этого времени начинается история не только

косвенной, но уже и прямой зависимости островной территории от соседних государств и второе включение населяющих ее народов в большую политику. События, во многом близкие сахалинским, произошли несколько ранее, в конце XII – начале XIII вв. на о-ве Хоккайдо. С этого времени начался постепенный переход острова под контроль Японии, завершившийся только в самом конце XVIII века.

Тот факт, что население охотской культуры даже на Хоккайдо получало зерно с материка, указывает на наличие в рассматриваемый период на островах элементов товарного хозяйства. Со стороны соседних государств товаром выступали различные блага цивилизации, например металл, стекло, зерно, одежда, оружие и т.д. Со стороны населения островного региона, т.е. кувэй, илиюй и цзилями, как явствует из материалов Э.В. Шавкунова, Р. Сиддла, И. Кикучи, С. Сасаки и других, товаром были транспортные услуги, меха животных и морепродукты, ловчие птицы, редкие животные, а также люди. Широко известно, что даже в Новое время маньчжурские купцы забирали у островитян за долги членов их семей, которые становились заложниками и слугами.

Таким образом, к XIII веку на Сахалине, Хоккайдо и островах Курильского архипелага отмечаем переход общества на новую по сравнению с предыдущей эпохой ступень, характерную для варварской периферии средневековых цивилизаций. Общественное устройство островных народов этого времени следует оценивать как слабо стратифицированные племенные союзы с ведущей ролью того или иного социума, важной ролью институтов вождества и родоплеменной демократии. В условиях столкновения со средневековыми цивилизациями Восточной Азии на этапе позднего средневековья у народов региона разрушается привычный образ жизни, возникают новые экономические, социальные и политические реальности, начинается разложение родоплеменных отношений.

9.2. Монголы на Дальнем Востоке

События, происходившие в степном коридоре на рубеже раннего и позднего средневековья, в которых сформировался монгольский этнос, оказали существенное влияние на жизнь сотен больших и малых народов Евразии. По Л.Н. Гумилеву, в VI веке на востоке в степях обитали три народа: жившие по западным склонам Хингана татабы (по-китайски – хи); кидани, занимавшие степную часть Маньчжурии, к северу от реки Ляохэ, и 30 татарских племен, получивших у китайских географов название «шивэй». В истории династии Суй (581–618) сообщается, что шивэйцы «относятся к ветви киданей: живущие на юге называются киданями, на севере – шивэйцами». Одна из ветвей шивэйцев называлась мэнгу-шивэй, этот этноним считают первым достоверным упоминанием о монголах.

Появление понятия «монгол» в VII веке описывается в священной книге монголов «Сокровенное сказание». Агрессия китайцев, а затем усиление киданей заставили кочевавшие в степи тюркские племена оставить монгольские степи и бежать на север и запад. На освободившиеся земли из Маньчжурии и Приамурья выдвигаются монгольские племена. Ассимилируя остатки тюркских племен, они постепенно меняют тип хозяйствования на кочевой, переняв у тюрков почти все, связанное с кочевым образом жизни. Даже названия этих предметов имеют тюркскую языковую основу. Исход части шивэй, живших в верхнем течении реки Амур, в IX веке в западное Прибайкалье и в верховья Енисея подтверждают исследова-

ния известного этнолога Г.О. Авляева. В борьбе с Ляо в X–XI веках объединяются многие племена. Известны наиболее сильные степные племена керситов, найманов, меркитов. Выдающийся персидский историк и государственный деятель Рашид-ад-дин сообщал о керейтах: «Они представляют собой род монголов; их обиталища есть по рекам Онону и Керулену, земля монголов... Они славны многочисленным племенем, войсками и древними государями, имели сходство с монгольскими племенами, и их обычаи, нравы, наречия и словарный состав – близки друг другу». Из «Сокровенного сказания» следует, что керейты общались с монголами Чингисхана на одном языке и другого языка не знали. Г.О. Авляев считает монголоязычными также найманов и меркитов. В начале II тыс. н.э. монголы ассимилировали остатки окружавших их тюрок и других народов и стали одним из наиболее сильных этносов степного коридора Евразии. Достаточно сказать, что их соперничество с чжурчжэнями длилось больше ста лет, от основания до падения империи Цзинь в 1234 году.

Монголы были одним из главных, наиболее сильных народов обширного региона евразийских степей и лесостепей, а Амур был главным путем, своего рода артерией для огромной территории на границе степи и тайги в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. С одной стороны, верховья Амура были прародиной монголов, с другой, по Амуру шел путь к последним крепостям чжурчжэней, отступивших после падения Цзинь на север и создавших там государство Восточное Ся. Монголы никогда не оставляли врага, преследуя его до конца. Поэтому их появление на Нижнем Амуре и впоследствии на Сахалине нисколько не удивительно.

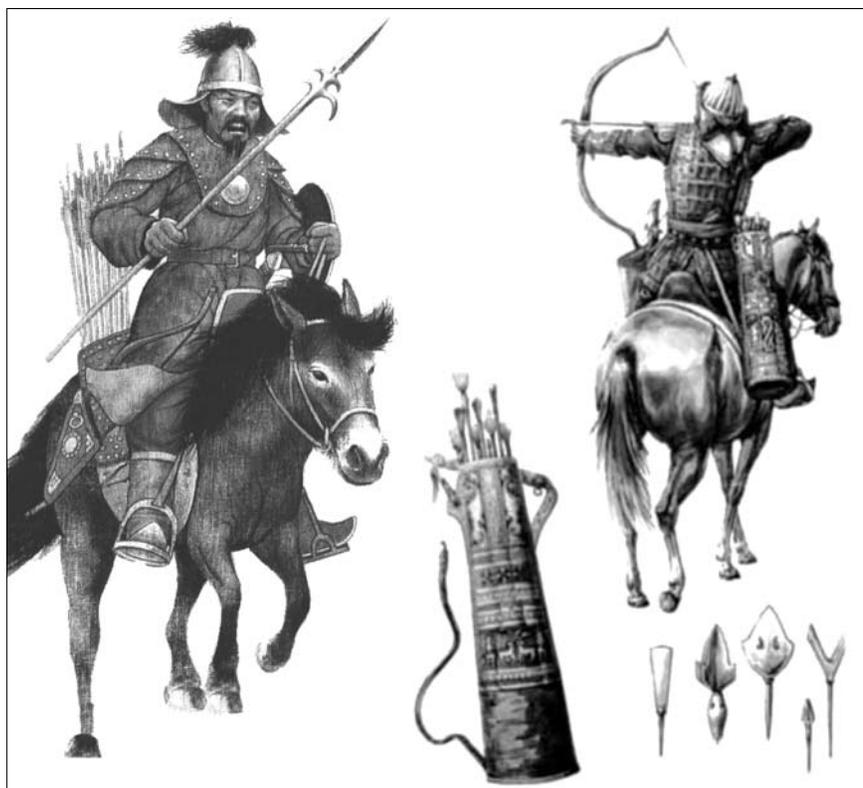


Рис. 24.
Монгольские
воины XIII века

История созданного Чингисханом Ехе Монгол улус (Великого Монгольского государства) в XIII веке была наполнена непрерывными завоевательными войнами. Весь народ был превращен в умелых и дисциплинированных воинов, а созданное великим завоевателем государство становится единым военным лагерем. Идейным обоснованием монгольской экспансии стала вера в «избранность Вечным небом» Чингисхана как хана всех народов. «Неупорядоченные и безрассудные народы, – отмечал Рашид-ад-дин, – подлежали подчинению силой оружия и управления ими с помощью «Ясы». В течение нескольких десятилетий монголы разгромили, уничтожили или подчинили себе большинство государств Азии и Восточной Европы. Чингисхан и его наследники захватили тангутское государство Си Ся (Западное Ся), империю чжурчженей Цзинь, огромную империю хорезмшахов, Тибет, покорили Корею, разгромили русские княжества, разорили польские, чешские, словацкие, венгерские, хорватские, сербские, болгарские и молдавские земли.

К 1279 году монголами после трех десятилетий войн была полностью завоевана китайская империя Южная Сун. Незадолго перед этим (в 1271 году) внук Чингисхана великий монгольский хан Хубилай провозгласил себя императором и основал династию Юань. Вплоть до 1368 года эта династия правила огромной империей, включавшей в свой состав Монголию, Китай и другие территории. Столицей империи стал город Ханбалык (Пекин). Хубилай не удовлетворился покорением Китая. Завоевательные походы были продолжены, и монголы завоевали территорию современной Кореи, Бирмы, Камбоджи, островные земли Юго-Восточной Азии.

В 60-е годы XIII века Хубилай обращает внимание на Японию. Сначала через короля Корё были направлены письма Великого хана, адресованные «королю» Японии. В одном из этих писем, доставленном сначала в ставку сегуна в город Камакура, а затем и в императорскую столицу Киото, говорилось:

«С незапамятных времен правители небольших государств стремились поддерживать дружеские отношения друг с другом. Мы, Великая Монгольская империя, получили мандат Неба и стали править миром. Поэтому многочисленные страны в отдаленных землях стремились установить отношения с нами. Как только я занял трон, я прекратил войну с Корё и восстановил их землю и народ. В благодарность и правитель, и народ Корё стали нашими, их радость напоминает радость детей в отношении отца. Япония расположена около Корё и со времени своего основания несколько раз направляла послов в Серединное королевство. Однако такого не случалось с начала моего правления. Это, возможно, из-за того, что вы недостаточно осведомлены. Поэтому я настоящим посылаю к вам специального посла, чтобы сообщить о нашем желании. Отныне давайте установим дружеские отношения друг с другом. Никто не хочет прибегать к оружию».

Послание Хубилая было оставлено без ответа. Подобное поведение японских властей было вызвано тем, что они были неплохо информированы о событиях на континенте и знали, что представляют собой монголы и их повелители. Источниками данной информации были, во-первых, пользовавшиеся в Японии большим влиянием буддистские монахи из секты Дзэн. Многие из них были выходцами из Южного Китая, много лет воевавшего с монголами. Во-вторых, о монголах немало рассказывали часто посещавшие Японию купцы из империи Южная Сун. И, в-третьих, объективная информация о монголах поступала из Кореи. В связи со всем вышеизложенным японское военное правительство предпочло не вступать в переговоры, а начать подготовку к обороне от возможного вторжения.

Не получив ответа на свое письмо, Хубилай посылает в Японию еще несколько посольств. Определенный интерес представляют впечатления о Японии и ее народе, которые вынес из поездки руководитель одного из посольств:

«Если говорить об обычаях этого народа, то он жесток и храбр, любит убивать, не знает любви между родителями и детьми, почитания между высшими и низшими. В этой земле много гор и воды, обработка полей и выращивание тутовых деревьев не дают прибыли. Если захватить таких людей, пользы от них не будет, если заполучить эту землю, то богатства не прибавится. При плавании туда на судах через море всегда дует неудобный морской ветер, трудно подсчитать ущерб от таких плаваний».

Не добившись от японцев какого-либо ответа на свои письма, Хубилай начинает готовить вторжение на Японские острова. В 1274 году к берегам Японии направился флот с многочисленным десантом. На девятистах кораблях находилась почти сорокатысячная монголо-корейская армия. Соотношение сил было явно не в пользу японцев. Монголы на голову превосходили японцев в вопросах военного строительства, стратегии и тактики ведения войны, вооружении войска, способе ведения боя. Их военачальники обладали принципиально иным уровнем военного мышления. Они не бросались в бой, а управляли войсками. Первые боестолкновения высадившихся на острова монголов и самураев показали неспособность последних противостоять новому искусству ведения войны. Монголы засыпали противника стрелами, вели маневренную войну. Молниеносные конные атаки, сочетание ударов с флангов и с тыла, окружение противника, наконец, применение огнестрельного оружия, своевременное использование разных родов войск – все это не оставляло шансов японским дружинам, разрозненно прибывавшим к месту высадки и погибавшим в одиночку. Самураи могли побеждать в поединках, монголы были непобедимы в сражениях. На ночь после каждого боя монголы и их союзники возвращались на корабли. От поражения японцев спас обычный для лета и осени в этих местах тайфун, разметавший и утопивший значительную часть кораблей. Оставшиеся на суше небольшие отряды, потеряв поддержку основных сил, были перебиты самураями. Всего во время первой экспедиции против Японии монголы и корейцы потеряли больше тринадцати тысяч человек. Тайфун, спасший Японию от разгрома и порабощения, получил название «камикадзе», что в переводе на русский означает «божественный ветер».

Летом 1281 года Хубилай посылает против Японии новую, по сути, карательную экспедицию. На этот раз он собрал значительно большие силы. Сто сорок тысяч монголов, китайцев и корейцев, конников, лучников и копейщиков на 4400 судах были направлены к берегам Японии. Японии было нечего противопоставить столь внушительным силам. Ни крепостей, ни сильного флота, ни новой тактики у них не было. Самураи по-прежнему были готовы сражаться насмерть, опираясь на собственную доблесть. Однако и на этот раз «божественный ветер» спас Японию от разгрома и оккупации монгольскими войсками. Потеряв значительную часть флота и сто семь тысяч воинов, Хубилай был вынужден отказаться от дальнейших попыток атаковать Японию с юга. Но был еще северный путь. Мы допускаем с большой степенью вероятности, что монголы знали об этом пути от китайцев и чжурчжэней, так как те не только вели северную торговлю, но даже имели на Сахалине свои опорные пункты.

9.3. Вторжение монголов на Нижний Амур и Сахалин. Борьба народов островного мира против завоевателей

Примерно в то же самое время, когда монголы вели подготовку к вторжению на Японские острова с юго-запада и юга, они развернули экспансию в районе, лежащем далеко на севере от японских владений. Среди многочисленных китайских источников (хроник, писем, указов, надписей на памятниках), сохранившихся со времен династий Юань и Мин, исследователям удалось выявить несколько, имеющих прямое отношение к истории Сахалина. Прежде всего речь идет о таких работах, как «Юань ши» («История Юань», составлена в 1370 году), «Юань вэнь лай» («Большой словарь управления династии Юань»).

Источники свидетельствуют, что покорение монголами ляодунских племен вочжо и цзилеми произошло не раньше 1260 года. Во главе монгольского государства тогда стоял великий хан Хубилай, а Ляодун являлся самой северной провинцией его огромной империи. Из приводимых здесь документов следует, что в состав Ляодуна также входили Нижний Амур и Сахалин. Хотя не исключено, что хронист выдавал желаемое за действительное. К Нижнему Амуру и побережью Татарского пролива относилось понятие «шуйдада», которое может быть переведено как «речные татары». Впоследствии европейцы называли эти районы Татарией, а пролив – Татарским, что соответствует средневековому «дада».

Монголы стремились унаследовать не только земли, ранее подконтрольные чжурчжэням, но и их сюзеренитет по отношению к народам Приамурья. Судя по летописям, сами монголы не знали точного пути в Шуйдада и должны были узнавать его у местных жителей. Например, об этом свидетельствуют записи хроник, относящиеся к 1272 году. Тогда монголам удалось дойти до Нургани (предположительно до низовьев Амура). Во время экспедиции от удэгейца по имени Яньсе монголы получили информацию о землях вэйгу (кувэй). Яньсе, в частности, сказал, что если монголы хотят идти в поход на вэйгу (кувэй), им следует собрать войска и дожидаться, когда в зимние месяцы замерзнет узкий переход через малое море Сайгэ (речь явно идет об Амурском лимане, проливе Невельского и северной части Татарского пролива). Тогда только можно будет идти вперед по льду. До 1264 года планирование похода на Ляодун оправдывалось необходимостью наказания племен вочжо и цзилеми, которые «много раз совершали вторжения с грабежами». Поэтому, сообщает летопись, «следует направить высокопоставленного приближенного, чтобы он растолковал им волю императора». Однако незадолго до 1264 года цзилеми покорились монголам. При этом они сообщили своим новым покровителям, что на восток от их владения есть два племени – кувэй и илиюй, которые ежегодно вторгаются в их пределы. И 30 ноября 1264 года, уже под предлогом умиротворения мятежников и защиты своих вассалов – цзилеми, монгольские войска впервые выступили в поход на кувэй.

Неясно, удалось ли им тогда попасть на Сахалин. Скорее всего нет. Хотя время для наступления выбрано правильно, реки замерзали, и войско на конях со специальными подковами на шипах (монголы широко использовали это снаряжение) легко могло спуститься по Амуру до его устья и перейти на остров по льду. После этого путь на юг в земли кувэй был бы открыт. Тем более что непроходимые для конницы болота Нижнего Амура и Северного Сахалина в этот период также промерзали и представляли собой идеальный путь для конницы. Монголы всегда шли

в поход тогда, когда их кони были сыты после летнего нагула. Еще важнее было то, что жители поселений зимой были дома, и их запасы хранились там же. Это также учитывалось монголами при планировании вторжений. Летопись не сообщает о том, что произошло дальше. Скорее всего в 1264 году монгольские войска ограничили оккупацией бассейна Нижнего Амура. Кувэй же остались без наказания, потому что уже 21 марта 1265 года они сами напали на союзников монголов воинов цзилями и перебили их. Предположительно война против кувэй и илиюй первоначально велась руками местных племен. Не случайно после их поражения от кувэй император пожаловал потерпевшим казенное зерно, луки и доспехи. Что же касается кувэй, то им тогда удалось сохранить независимость от монголов. Об илиюй же в хрониках далее не сообщается.

Как указывалось выше, в летописи есть смутное упоминание об очередном походе на кувэй в 1272 году. Предполагается, он был также неудачен, так как в 1273 году на просьбу начальника пограничного управления по привлечению к суду и наказанию мятежников и покорению Востока Тасяла пойти походом на племя кувэй император ответил отказом.

Согласно «Юань ши» 29 июля 1283 года неких людей освободили от воинских поставок и повинностей, связанных с походом на кувэй. Это означает, что после покорения Южного Сун и провала двух экспедиций в Японию в окружении Хубилая возродилась идея покорения Сахалина. В данном случае говорилось только о походе на кувэй. Ни о Японии, ни о цзилями не сообщается. В 1283 году цзилями уже давно были вассалами Юань, служили в монгольских войсках, получали титулы, звания, жалованье. Район проживания западных цзилями – Нижний Амур – в то время уже также контролировался монголами.

В этой цепи усматривается и скрытая информация: предполагаем, что ранее кувэй жили чересполосно с цзилями не только на Сахалине, но, видимо, и в низовьях Амура. А с приходом войск Юань, судя по отсутствию каких-либо упоминаний о кувэй на Амуре к 1283 году, они ушли назад на остров. Для кувэй это характерная реакция. Так они поступили в VIII-IX вв., когда поняли, что не устоят против японцев на острове Хонсю. Дружины кувэй в принципе не могли противостоять монголам в открытом бою. И ни о каких «дерзких десантах» кувэй против монголов, о которых пишет в своей книге «Сахалин. История» Д. Стефан, не могло быть и речи. Речь могла идти только о партизанских вылазках, набегах на союзников монголов и разгром небольших отрядов. Силы были просто несопоставимы, и кувэй спасала только труднодоступность Сахалина.

Завоевав в период безвластия северо-запад Сахалина, а может быть, и часть Нижнего Амура, кувэй либо не захотели становиться вассалами монголов, либо испугались мести цзилями за нападение на их селения и ушли к югу. Но монголы, взявшись преследовать кувэй, более не отступили. Они перенесли агрессию с Амура на островной мир. Об этом свидетельствуют китайские источники (прежде всего «Юань ши»). 16 сентября 1284 года начальник пограничного управления по привлечению к суду и наказанию мятежников по покорению Востока Негудай доложил императору о том, имея указ двинуть войска карательным походом на кувэй, он несколько запоздал с выходом. Причиной задержки было то, что к месту сбора опоздали три отряда возглавляемые Алихая, Доладаем и Юйдянем. После седьмого месяца «поднялся морской ветер, нагруженные провиантом и оружием

суда тяжелы, сидят глубоко, опасались, что будет большая беда, поэтому следовало бы немного отсрочить поход». Судя по записи в «Юань ши», император последовал этому совету, и поход на кувэй был отложен в очередной раз. Очевидно, что северная политика Юань предполагала не набег, а оккупацию островной территории. В источнике описываются дорогостоящие мероприятия по подготовке похода с участием флота и продуманным тыловым обеспечением. Ведь на Сахалине, в отличие от зерновых районов Китая и Приморья, было нелегко прокормить войско, и требовалось заранее заготовить необходимое количество провианта.

После того как приготовления к экспедиции были завершены, монгольские войска выступили против кувэй. Поход начался 25 ноября 1284 года. Из последующих сообщений ясно, что этот поход стал началом большой кампании по покорению Сахалина. Так, в марте 1285 года полководец Янзулудай был назначен «пограничным воеводой – усмирителем мятежников в карательном походе против кувэй с пожалованием на пояс тигровой верительной бирки с двумя жемчужинами». 4 ноября 1285 года было «велено пограничным воеводам – усмирителям мятежников по покорению Востока Татардаю и Янзулудаю идти походом на кувэй с войском в десять тысяч человек». В связи с этим Янзулудаю пожаловали тигровую верительную бирку с тремя жемчужинами и назначили его комиссаром по умиротворению Востока, военным губернатором.

В декабре 1285 года, сообщается в надписи на стеле в честь «юаньского командира, сотника высшего ранга Чжан Чэна», ему было приказано во главе своего войска, вместе с женой и детьми, следуя за тысячником князем Юэгуном, командующим Абачи, отправиться в Шуйдада, где устроить военно-земледельческое поселение (дуньянь) и нести охрану этих земель. В марте 1286 года он «достиг крайних пределов на северо-восток от Хэйлунцзяна (Амур), где построил лагерь военно-земледельческого поселения».

Сопоставление всех приведенных выше источников показывает, что в походе 1284-1286 гг. участвовало несколько тысяч человек под общим руководством полководца, вероятно, темника Негудая. Ему подчинялись командиры отрядов Янзулудай и Татардай. Переход войск до «крайних пределов» (Крильонское городище?), начавшись в декабре 1285 года, длился три-четыре месяца. Предполагаем, что войска двигались по льду, в соответствии с описанной выше зимней тактикой монголов, когда применялись подковы с шипами. Зимний переход нескольких тысяч человек от Амура до полуострова Крильон (расстояние – около тысячи километров) был весьма не простым делом. Скорее всего монгольское войско проходило в день от 15 до 20 километров. В связи с этим на весь переход должно было уйти около двух месяцев.

К весне 1286 года монгольские войска оккупировали земли, лежавшие к востоку от Амура, на острове. Там они и закрепились во вновь построенных крепостях. Вероятно, местное население не оказало пришельцам серьезного сопротивления. Силы противников были несопоставимы, и кувэй, не вступая в открытые сражения, могли позволить себе лишь отдельные вылазки. И все же кувэй не сдались. Об этом свидетельствуют источники. Вероятно, после зимнего похода большая часть монгольской армии вернулась назад. Но это оказалось преждевременным. Как сообщает «Юань ши», уже 3 ноября 1286 года полководцы Татардай и Янзулудай получили новый приказ идти походом на кувэй. В очередной поход на Сахалин вышло войско численностью в десять тысяч человек. Флот состоял из одной тысячи судов. Столь

большие цифры могут быть объяснены или чрезвычайно маленькими размерами судов (это могли быть небольшие джонки для перевозки людей, лошадей и припасов) или тем, что автор записи «Юань ши» хотел сказать, что войско и флот были очень большими. Цифра в десять тысяч соответствует высшей организационно-тактической единице монгольского войска – тумену¹. Но возможна и другая трактовка исторического источника. Вызывают вопросы даты распоряжений о начале походов на Сахалин. Первое датировано 4 ноября 1285 года, второе – 3 ноября 1286 года. Не вкралась ли здесь ошибка и не идет ли речь об одном и том же походе? Это так же возможно, как и то, что в источниках все-таки речь идет о двух походах, следовавших друг за другом.

Итак, несмотря на некоторую противоречивость источников, мы можем прийти к следующим выводам. К середине 80-х гг. XIII века идея покорения кувэй и, как думается, ограничения северной торговли Японии с островным миром получила поддержку в правительственных кругах империи Юань. Целями сахалинских походов была колонизация острова и обложения данью его населения. Монголов вполне могли заинтересовать меха, ловчие птицы и иные товары. Однако столь большие затраты, которые требовались на организацию и проведение сахалинских экспедиций, не могли быть оправданы только призрачной перспективой покорения Сахалина и наказания кувэй. Большой доход мог принести контроль северных торговых связей Японии. Версия о стремлении монголов перехватить северную торговлю Японии выглядит очень привлекательно. Вполне возможно, что монголы хотели таким образом обойти ненавистную непокоренную страну с севера. Но для захвата Хоккайдо и уж тем более Хонсю у них просто не хватило сил и времени. Амур и Сахалин составляли очень длинное и опасное транспортное плечо, которое было не под силу даже монголам. Да и сама Япония была менее привлекательна, чем, например, уже покоренная Корё. А контроль ранее завоеванных территорий требовал новых и новых сил.

Тем не менее, начиная с 1284 года, экспедиции на Сахалин совершались ежегодно и в них участвовали большие силы. Это указывает на значение, которое юаньские политики придавали низовьям Амура и Сахалину. Вероятно, в это время при юаньском дворе возникает самостоятельное направление – Ляодунская политика правительства, цели которой указаны выше. Иначе бы не было столь дорогих и сложных мероприятий, каковыми были описанные походы и строительство, и функционирование новых крепостей. Во второй половине 90-х гг. XIII века Управление пограничных воеводств по привлечению и наказанию мятежников сообщило в ставку хана об измене сотников – цзилями Гайфэнь и Бухусы, которые «бежали в [крепость] Нэйхотуань, соединились с мятежниками, предались вэйгу, стали чинить вред». Попытки вернуть их на службу были безрезультатны. Из сообщения следует, что крепость Нэйхотуань находилась в руках «мятежников». Также следует, что часть цзилями объединяются с вэйгу против монголов. В мае 1297 года

«разбойник вэйгу В-айну на построенном цзилями судне «хуанвоэр» переплыл море, прибыл в Чжилимацзуйцзы и учинил беспорядки. В восьмой месяц цзилями Нумаши-ци переплыл море, прибыл в крепость Вэйцзы-чжай, встретился с людьми из Нэйхотуаня и сообщил, что, по словам цзилями Ячиму, разбойники вэйгу вместе с Бухусы хотят, когда

¹ Тумен (тумэн) – высшая организационно-тактическая единица монголо-татарского войска в XII–XIV вв. численностью 10 тыс. воинов; подразделялся на тысячи, а они – на сотни и десятки; возглавлялся темником.

замерзнет море в этом году, перейти в Гохо и захватить в плен охотников за соколами², просил покарать их».

Из сказанного ясно, что дружины кувэй во главе со своими военными вождями совершали набеги в низовьях Амура. Кувэй мешают единоличной власти Юань не только на Сахалине, где они вместе с мятежниками овладевают крепостью Нэйхотуань, но и на Амуре, разоряя цзилями. В мае 1287 года многие из цзилями, служившие монголам, изменили им и вместе с кувэй во главе все с тем же В-айну пересекли Татарский пролив, напали на монгольские посты, а также грабили население по рекам. Правительственные войска дважды – в июне и в августе – наносили им поражения в крепости Сицыхотуань (Силахотуань) и на реке Фулихэ. В первом случае предполагаем, что события должны были происходить на Сахалине. Победы правительственных войск привели к тому, что цзилями, во главе которых стоял сотник Уцюаньцзи, разорвали союз с В-айну и вернулись под защиту монголов. За это они получили «рыбу, зерно, сети и веры», их «окружили заботой и вниманием, на аудиенции посадили в соответствии со званиями, дали письменное уведомление Управлению десятитысячника учжэ, цзилями (Учжэ цзилями ваньхуфу), чтобы взяли их на попечение».

В результате побед правительственных войск империи Юань над В-айну на Сахалине на целых восемнадцать лет наступил мир. Он продолжался до тех пор, пока вместо погибших не выросли новые воины. И в 1305 году отряды кувэй вновь напали на селения цзилями на континенте. Их дружины прошли по нескольким рекам, вероятно, используя переволоки. Правительственные войска пытались догнать нападавших, но безрезультатно. Это вызвало гнев монголов и вскоре им удалось заставить кувэй просить о милости. Нам не ясно, каким образом это удалось сделать. Но, как сообщает «Юань ши», в 1308 году

«сотник цзилями Цишицинай сообщил, что вэйгу Юйшаньну (Юйш-айну?), желая сдать-ся (представителю) юаньской империи, направил в Нэлигань (Нургань) Дахэша. Также, как говорили люди цзилями Дошэньну и Ицзину, Юйшаньну и В-айну просят принять их сдачу. Держа в руках меч и доспехи, вместе с десятником Писяньцзи, ещё сказали, что ежегодно будут подносить превосходные меха. Вернутся летом, когда пойдёт рыба далабуой».

Итак, в 1308 году вожди айнов Вайну и Юйшаньну (Юйш-айну?) присягнули оружием монголам и обязались приносить им дань мехами. Вероятнее всего, на этом этапе кувэй попытались установить торговые связи с юаньским Китаем. Позиции Юань на Северо-Востоке усилились, и не оставалось ничего иного, как заключить мир и стать их вассалами. Но ненадолго. Уже в 1317-1357 гг., согласно надписи на стеле, ни вочжо, ни цзилями никому не подчинялись:

«Путь в Управление воеводы-усмирителя востока труден и опасен, скалы и камни стоят беспорядочно. В разгар лета река приходит в движение, тогда можно плыть на лодке, зимой же можно ехать по льду на санях, которые тащат собаки. В тех землях нет чумизы и проса (?), пищей служит рыба. Что касается рельефа из гор и рек, прокладывают дороги для сообщения, люди считают это удобным. Вочжо, цзилями живут в отдалении на морском острове, не ведают правил приличия, а охраняющие их, управляя, своевольничают, вследствие чего дело доходит до разбоя».

Таким образом, судя по хроникам, до 1260-х годов народы Сахалина не подчинялись иноземцам. Никаких чжурчжэньских отрядов к этому периоду на остро-

² По данным, собранным О.Ю. Дедахиным, китайцы и чжурчжэни традиционно посылали специальные отряды в низовья Амура и на острова за ловчими птицами, которые ценились очень высоко.

ве не было, о них не говорится. А вот две крепости – Нэйхотуань и Сицыхотуань (Силахотуань?) – упоминаются постоянно, это значит, что они существовали и ранее. Сопоставление данных раскопок и летописной информации позволяет сделать следующие выводы. Покорение Сахалина в раннем средневековье имело три реалистичные цели: контроль северной торговли, сбор дани мехами и ловчими птицами и защиту северо-востока от набегов кувэй. Вероятно, эти цели преследовали и чжурчжэни, и монголы. Имели ли монголы планы по северному варианту вторжения в Японию, остается лишь гадать, это нам не известно. Из летописей также не совсем ясно, каков был этнический состав армии вторжения на Сахалин. Но все-таки есть упоминание об отряде цзилими. Кроме того, раскопки на Крильонском городище дают основания считать, что оно было построено по тем же принципам, что применяли кидани, чжурчжэни и монголы – стены строили способом «хан-ту» с использованием плетеных фашин. На двух городищах – в Александровске-Сахалинском и на мысе Крильон – обнаружена чжурчжэньская керамика, типичная для покровской культуры Нижнего Амура. Культурный слой обоих городищ очень тонок и беден, все говорит о недолгом периоде их обитания. То же следует сказать и о Пугачевском городище, где на разрушенной площадке характерных находок нет. Кроме того, на Крильонском городище в культурном слое четко видны следы пожара. Также видно, что крепость достраивалась вторично, южный вал ремонтировался, подсыпался. Но завершить реконструкцию, видимо, не удалось. Это прямое подтверждение того, что колонизация острова, хотя и состоялась в XIII веке, была краткосрочной и не совсем удачной. Слишком долгим, сложным и опасным был путь «в Управление воеводы-усмирителя Востока». Идея создания военно-земледельческих поселений дуньянь не оправдала себя, наверное, этому препятствовал и климат, и отсутствие на острове средств для длительного поддержания войска. У местных племен уклад жизни был иной, нежели у завоевателей, земледельцев среди них не было и зерна, необходимого для войска, просто не было.

Сахалинские цзилими и кувэй подчинялись монголам неохотно, их предписания часто не выполнялись. Те же чиновники, которых посылали на остров (вероятно, это были либо чжурчжэни, либо те же цзилими) вели себя по своему усмотрению, преследуя цели личного обогащения. Иначе говоря, твердая власть Юань на острове не удержалась, местные жители – кувэй и цзилими – сразу же забывали о верности присяге, как только монгольские войска покидали остров. Решительный отпор, данный племенами кувэй и цзилими юаньским войскам, и постоянные набеги дружин кувэй сыграли свою роль в том, что присоединение Сахалина к империи Юань оказалось лишь кратким и не самым удачным эпизодом монгольского завоевания Евразии. Согласно письменным источникам, кувэй смогли удержать свои позиции на Сахалине. Более того, археологические источники позволяют говорить о наращивании их влияния в северной части островного мира.

9.4. Протоайнская культура найдзи

Вплоть до недавнего времени в отечественной литературе айнская культура найдзи датировалась в рамках XVI-XVII вв. Однако перекрестный анализ радиоуглеродных дат, а также археологических и летописных источников позволил российским ученым в начале 1990-х гг. сформулировать новую точку зрения, согласно которой айнская культура в своем развитии прошла через два этапа: протоайнский («найдзи»),



Рис. 25. Айнский воин в кожаных латах. Снимок 1930-х гг.

охватывающий XIII-XVI вв. и неояинский, рассматриваемый в рамках XVII-XIX вв. В данном случае интересуют первый из них.

Археологи выявили следующие категории памятников протоайнской культуры найдзи, распространившейся на Хоккайдо, Сахалине, Курилах и Камчатке в позднем средневековье (XIII-XVI вв.):

- долговременные поселения с остатками жилищ,
- сезонные прибрежные стоянки открытого типа с временными очагами,
- грунтовые могильники,
- «часи» – острожки с несложными оборонительными сооружениями.

Часи не являлись неприступными крепостями. Скорее, они играли роль символа княжеской власти, обозначая место пребывания главы племени и место

сбора дани. Но часи не только резиденция вождя. Это также место проведения политических и религиозных церемоний, которые подкрепляли идею единства и самоидентификации рассеянных на большой территории социумов.

Благодаря участию островных народов в международной торговле в период позднего средневековья они получают более широкий доступ к новинкам культуры передовых народов Восточной Азии. Старые традиции отмирают. Они становятся ненужными. По сути, деградирует гончарство. Уходят из обихода заменяемые привозными ремесленными изделиями, предметы обихода собственного изготовления. Широко распространяются глинобитные печи, появившиеся на предшествующем этапе. Происходит значительное сближение материальной и духовной культуры народов региона, начинается процесс утраты национальных особенностей во многих сферах жизни. Поэтому многие признаки культуры найдзи в позднее средневековье с равным успехом можно найти в других культурах региона. Установлено, что культура найдзи возникла на основе видоизменения под внешним воздействием культуры сацумон, наследницей которой она была во всех отношениях.

Центром первоначального формирования культуры найдзи был остров Хоккайдо, а ее дальнейшие этапы были связаны со всей территорией «айнумосири»

– земли айнов, то есть Хоккайдо, Курилами, Камчаткой и Сахалином. На Сахалине, по находкам керамики найдзи, в качестве протоайнских идентифицированы лишь отдельные участки и жилища поселений Стародубское-3³, Найбучи-1, Южная-1, Озерск-1⁴, Охотское-3, Седых-1, а также ряд поселений и могильников на озерах Невское и Айнское, а также реках Богатая и Бочинки (Починки). Также к айнской культуре отнесен ряд сезонных стоянок без видимых следов жилищ, в том числе на мысе Тонин, у озера Птичьё, на острове Монерон и т.д. В тех же местах обнаружены соответствовавшие жилым комплексам могильники – Кузнецово-1, Пензенское, Парусное-1, Усть-Айнское, Богатая, Кирпичное, Свободное, Южная-8. В целом они объективно очерчивают ареал распространения айнских селений на Сахалине. Вместе с тем отдельные находки керамики найдзи обнаружены и много севернее.

Памятники культуры найдзи известны на всей протяженности Курильской гряды, а также на восточном побережье Камчатки вплоть до города Петропавловска-Камчатского. Самые известные из них – это поселение на Нальчевском озере (Камчатка), стоянки Байково на острове Шумшу, Уратман на острове Симушир, Благодатное на острове Итуруп. В начале нынешнего столетия О.А. Шубина и И.А. Самарин открыли и описали на Курилах более десятка айнских острожков – часы.

Информация, полученная методами разных наук, зачастую противоречит друг другу. Анализируя радиоуглеродные даты памятников археологии, надо иметь в виду, что они отражают абсолютный возраст конкретных образцов – углей, древесины, торфа, но никак не всего памятника и не всей культуры. Кроме того, абсолютный, то есть вычисленный в ходе анализа, возраст образца обычно «омоложен», по сравнению с истинным – календарным возрастом. Немногие имеющиеся радиоуглеродные датировки айнских поселений на Сахалине соотносятся с календарным возрастом XV-XIX вв. На Курилах они пока не выделены. Даты северных – мохэских культур, предшествующих вторжению протоайнов, на Сахалине ограничиваются XIII веком, а на Курилах и Хоккайдо – X-XI вв. Это предполагает, что активная экспансия протоайнской культуры на Сахалине и Камчатке начинается не ранее XIII-XIV вв. XII век был временем распространения господства протоайнских социумов на севере и востоке Хоккайдо и в южной части Курильского архипелага. Хотя, как писалось выше, находки типично айнских жилищ с печами, датированных IX-XII вв., позволяют предполагать и существование отдельных айнских поселков на острове и до времени главного вторжения XIII века.

На многослойных поселениях Найбучи-1, Стародубское-3, Седых-1 и Охотское-3 выявлены западины слабоуглубленных в землю каркасных жилищ квадратной формы, принадлежавших айнам. Судя по данным этнографии, вход в жилище размещался не вверху, а в одной из стен дома, рядом с печью, и обустроивался сенями. Внутри жилища наряду с каркасными глинобитными печами полуоткрытого типа также имелись жаровни и очаги. Судя по находкам шлака с высоким содержанием железа в жилище на поселении Стародубское-3 и согласно описанию путешественника Мамяя Риндзо, еще в начале XIX века именно такие печи использовались и для обогрева дома, и для кузнечного дела. Среди находок в айнских жилищах – те-

³ Радиоуглеродные датировки слоя – ТИГ250 382 84 лет – $t cal - 1438-1556$ гг.; 1642-1647 гг., то есть календарный возраст образца ограничен XV-XVII вв.

⁴ Радиоуглеродные датировки слоя – МАГ668 300±100 – $t cal - 1460-1680$ гг.; 1766-1798 гг., то есть календарный возраст образца ограничен XV-XVIII вв.

рочные и точильные, шлифовальные плитки, редко керамика найдзи, обломки железных котлов, многослойные узколезвийные ножи, глиняные курительные трубки (появились не ранее XVII века).

Айнские жилища необычайно бедны находками. Это объясняется тем, что керамика используется много меньше, чем в предшествующие периоды, а каменные орудия и вовсе забыты. Железо же, как правило, не выбрасывалось, а многократно перековывалось. Потому-то так редки в домах находки изделий из железа. На поселении Кузнецово-1 обнаружено полустгнившее перекрытие айнского жилища, изготовленное из трав – бамбука Саза, гречиши сахалинской, морских водорослей.

Сезонные стоянки айнов обустроивались непосредственно у пляжа на месте промысла и разделки туш морского зверя и рыбы. Соответственно, они содержат значительную информацию об айнской экономике. По составу обнаруженных в культурных слоях костей ясно, что в отличие от мохэ и чжурчжэней, ни свиней, ни лошадей, ни птицы айны не держали. Зато в раковинных кучах айнской культуры широко представлены кости морского и лесного зверя, а также рыбы и раковины моллюсков.

На Хоккайдо и прилегающих к нему островках типичны многометровые раковинные кучи. Таковы верхние слои стоянки Хаманака на острове Ребун и Аосиманай на полуострове Сиретоко. Моллюски являлись предметом экспорта в Японию. Эти раковинные кучи в данном случае не только свидетельства собирательства, как одного из занятий айнов Хоккайдо, но и доказательства формирования у них товарного хозяйства в XVI-XVII вв.

Айнская стоянка на острове Монерон наиболее типична для культуры рубежа позднего средневековья – начала нового времени. Здесь вперемешку залежали кости различных видов рыб и морских млекопитающих. Среди последних преобладали сивуч и нерпа. Кроме того, были найдены кости морских птиц, раковины моллюсков, а также обломки различных костяных предметов. Любопытна находка костяного наконечника гарпуна поворотного типа, которая напоминает такие же гарпуны у их предшественников. Стоянка просуществовала до конца нового времени, о чем свидетельствует фотография конца XIX века, на которой на пляже под ней изображены сахалинские айны на месте разделки туш.

На стоянке Тонин-1 вместе с развалом сосуда найдзи найдены ракушки, позвонок кита, железный флейшерный нож, а также молоток и железные скобы. Наличие продукции кузнечного ремесла указывает на уровень развития материальной культуры, характерный для позднего средневековья. Протоайны в этот период находились под очень сильным влиянием японской и китайской культур, что объясняется их участием в перевозке товаров по торговому пути между Северным Китаем и Японией, о чем речь пойдет несколько позже. Из письменных источников известно, что наряду с рыболовством, морским промыслом, охотой и собирательством они занимались огородничеством. Наиболее богатыми были те айнские роды, которые контролировали перевозку товаров на своей, завоеванной у северян части упомянутого торгового пути и получали от этого немалую прибыль.

Наиболее яркие представления о материальной и духовной культуре айнов получаем из айнских грунтовых могильников. На Сахалине пока обнаружены лишь могильники нового и новейшего времени, датируемые по монетам не ранее XVII-XVIII вв. Анализ топографии этих могильников показывает следующее. Они распо-

лагались на возвышенности недалеко от моря к западу или к северу от поселения. На могильнике Южная-8 погребения размещаются на искусственных террасах, вырезанных на склоне сопки. Кузнецовский могильник располагался на прибрежной террасе в устье одноименной реки. По наиболее древнему обряду покойного укладывали набок в скорченном («эмбриональном») положении, а в новое время – на спину. Глубина погребения минимальная – около полуметра. Типичный инвентарь этих погребений – обернутые в бересту однолезвийные мечи-палаши с бронзовой гардой и в деревянных ножнах, а также узколезвийные ножи, бусы из голубого и желтого стекла, составные бронзовые курительные трубки с миниатюрной чашечкой для опиума или табака, кисет из волокон крапивы, серебряные височные кольца с бусинами-навершиями.

В богатых погребениях представлены бронзовые бляхи, медальоны, подвески, бронзовые монеты, лаковая деревянная посуда с росписью. Известна находка фрагментов праздничного парчового халата – типичного предмета торговли с маньчжурами. В погребении кузнеца была обнаружена каменная льячка для разлива цветного металла. В могильнике на реке Богатая найдены десятки бронзовых украшений – медальонов, календарей, колокольчиков, подвесок, пряжек и т.д. Большинство описанных находок относится к позднему периоду культуры айнов XVI–XIX вв., когда керамика уже не использовалась.

Судя по тому, что в могильниках айнов встречаются бедные и богатые погребения, в эпоху средневековья их общество было стратифицированным, что подтверждается как данными этнографии, так и историческими документами. В каждой местности, где проживали соплеменники, управляли князья-«ниспа». Они осуществляли суд над преступниками, а в случае войны командовали сводными отрядами из нескольких селений. Они же получали львиную долю добычи на войне и при сборе дани дружиной. Роль князя менялась в зависимости от политической обстановки. Она усиливалась в военное время и ослабевала в мирное. Но, судя по данным этнографии, решения князя были обязательными для исполнения соплеменников. Вместе с тем власть ниспа у айнов была ограничена мнением социума – главного института родовой демократии.

Вплоть до конца 1990-х гг. традиционно считалось, что сооружение всех острожков «часи» – укрепленных поселений, огороженных с одной стороны валом и рвом – являлось делом рук айнов. Действительно, на полуострове Камчатка такие острожки появляются только с приходом айнов, в XIV веке. Из японских летописей известно, что айны обязательно строили такие небольшие крепости невдалеке от своих поселений. В айнском фольклоре рассказы о «часи» являются одними из самых любимых. Айны воспевали их красоту и надежность. Однако в ходе исследований в конце XX века выяснилось, что острожки принадлежат разным средневековым народам и в том числе айнам.

Вероятно, на Сахалине и Курилах протоайны переняли от своих побежденных предшественников не только их земли, но и крепости-острожки. Искусство фортификации в северный регион островного мира в свое время было принесено мохэ и чжурчжэнями. Айны же почерпнули большой опыт в военной области и от японцев, и от чжурчжэней, и от монголов. На острове Хоккайдо «часи» были востребованы до XVII века включительно. Лишь к середине эпохи Эдо (XVIII век) японцам удалось полностью подчинить эдзо. Последний раз горные «часи» использова-

лись на Хоккайдо в айнском восстании 1789 года. На Сахалине же после событий XIII-XIV вв. острожки были не востребованы, так как вплоть до прихода японцев и русских их территория не была объектом экспансии. Конфликты же с соседями на рубеже эпохи средневековья и нового времени имели локальный характер, и оборонительные сооружения не могли играть в них большой роли. Примерно в XVII веке культура айнов видоизменяется под воздействием внешних факторов в неоайнскую.

9.5. Экспансия династии Мин на Нижнем Амуре и Сахалине

После свержения в Китае монгольской династии Юань на смену ей пришла династия Мин (1368-1644 гг.). В начале своего правления новая династия проводила активную внешнюю политику. Пик внешнеполитической активности Минов приходится на период правления императора Чэнцзу (1402-1424 гг.). «После того как Чэнцзу ... утвердился в Поднебесной, – говорится в китайской хронике «Мин шу» («Истории династии Мин», XVII-XVIII вв.), – он вознамерился подчинить своей власти десять тысяч стран и разослал послов во все четыре стороны света для привлечения иноземцев ко двору».

В период правления императора Чэнцзу Китай подчиняет Вьетнам, наносит поражение монголам и японским пиратам, посылает посольства в Самарканд, Тибет, Индию и многие другие страны.

Наибольшую известность получили экспедиции китайского флота под руководством дипломата и путешественника Чжэн Хэ. С 1405 по 1433 гг. он совершил семь экспедиций в районы Западных морей (так в период правления династии Мин называли моря, расположенные к западу от острова Калимантан). В ходе этих плаваний Чжэн Хэ посетил многие страны и города Индокитайского полуострова и Зондского архипелага, Индии и Цейлона. Китайские корабли достигли берегов Аравии и Восточной Африки. Поражает размах, с которым готовились и осуществлялись экспедиции. Так, в ходе первой экспедиции под командой Чжэн Хэ находился флот из шестидесяти двух кораблей. На их борту находилось двадцать семь тысяч восьмьсот человек. Самые большие корабли достигали 140 метров в длину и 58 метров в ширину. Корабли средней величины – соответственно 108 и 48 метров.

В этот же период Китай пытается распространить свое влияние и на народы Нижнего Амура и Сахалина. В 1412 году император Чэнцзу принимает решение о направлении на Нижний Амур крупной китайской экспедиции. Ее руководителем был назначен евнух Ишиха. Об этом человеке нам известно крайне мало. Мы знаем, что Ишиха происходил из знатного чжурчжэньского рода. В 1395 году во время китайско-чжурчжэньского сражения он попал в плен. Вскоре пленник был оскотлен и получил место при императорском гареме. Благодаря этой службе Ишиха быстро выдвинулся. Дело в том, что в минском Китае евнухи дворцового гарема традиционно занимали видное положение. Именно они получали высокие должности и ответственные поручения. (Кстати, и знаменитый китайский флотоводец Чжэн Хэ начал свою карьеру в качестве придворного евнуха).

Подготовка экспедиции заняла несколько месяцев. В распоряжении Ишиха находилось более тысячи воинов (солдаты, сотники, начальники гарнизонов, тысячники, начальник военного округа). Кроме воинов в отряд входили лекари, архи-

тектор, писцы, скульптор, кузнец, мастер по изготовлению кирпича, каменщик. Весной 1413 года отряд на 25 больших лодках отправился в путь. В том же году китайцы достигли низовьев Амура.

Земля эта «не родит хлеба, не производит полотна и шелка и жители ее разводят только собак ... занимаются рыболовством, питаются мясом и одеваются в шкуры». На Нижнем Амуре китайцы встретились с племенем цзилеми (гиляков-нивхов) и представителями племени «заморских куисцев» (айнов). Ишиха «пожаловал» как местных жителей, так и куисцев «платьем и утварью, дал им хлеба, угостил их вином и кушаньями». От имени китайского императора туземным старейшинам были вручены властные дощечки (пайцзы), бунчуки, печати и бумажные деньги.

В местности Тыр на высоком утесе китайцы соорудили буддистский храм Вечного спокойствия, скульптуру Будды и памятник с надписями на китайском, тибетском, монгольском и чжурчженском языках. Надписи рассказывали об экспедиции, строительстве храма, восхваляли китайского императора.

Одним из результатов китайской экспедиции 1413 года явилось эпизодическое появление при минском дворе представителей племен цзилеми и куи. Вместе с тем у нас нет никаких причин для того, чтобы утверждать, что в результате экспедиции Ишиха Нижний Амур и Сахалин вошли в состав Минской империи. В начале правления нового минского императора Сюаньцзун (1425-1435 гг.) Ишиха опять побывал на Нижнем Амуре. Однако на этот раз итоги экспедиции были значительно скромнее. Китайские источники упоминают лишь о том, что Ишиха украсил построенный в 1413 году храм.

В 1432 году император Сюаньцзун снова направляет Ишиха на Нижний Амур. На этот раз на 50 больших лодках туда направлялся отряд численностью в две тысячи человек. Прибыв в местность Тыр, китайцы застали здесь только основание уничтоженного местными жителями буддистского храма. Как говорят источники, цзилеми «пришли в трепет, опасаясь, что минский посланник казнит их». Но Ишиха, «удостоив их вином», отдал приказ восстановить храм. К весне 1434 года и храм, и статуя Будды были восстановлены.

Как отмечает японский историк Т. Акидзуки, в начальный период эпохи Мин на Сахалине появляются три китайских сторожевых поста. Первый был расположен на морском побережье напротив устья реки Амур, второй – в бассейне реки Тымь, а третий – в бассейне реки Поронай. Китайцы назначили старейшин местных племен на чиновничьи должности и обещали награду всем тем, кто исправно платил им дань.

То были последние заметные успехи минского Китая в Приамурье. Уже во второй четверти XV века позиции Минской империи на международной арене начинают ослабевать. Дальнейшая поддержка своего влияния за пределами Китая (в том числе на Нижнем Амуре и Сахалине) становится для минского правительства непосильным бременем. В результате вплоть до XVII века народы, населявшие данный район, оставались независимыми.

9.6. Начало японской колонизации Хоккайдо и ее роль в истории айнов

Одним из наиболее сложных вопросов истории Сахалина и Курильских островов является вопрос о том, когда именно Япония приступила к исследованию территорий, лежащих к северу от Хоккайдо. Дело в том, что, несмотря на относитель-

ную близость к Сахалину и Курилам, японцы сравнительно поздно приступили к их освоению. Конечно, технически далекое северное путешествие было вполне возможно для них еще в середине первого тысячелетия. Однако в силу целого ряда причин (как внешних, так и внутренних) данная возможность была использована японцами значительно позднее.

Дело в том, что борьба японского народа за острова, которые в настоящее время носят название Японских, заняла почти полторы тысячи лет. Его победа в этой борьбе не была легкой. И японский народ, и японское государство не раз стояли на краю гибели.

«Две опасности в течение веков постоянно угрожали стране ... – писал видный японский дипломат Исии Кикудзиро. – По традиции считается, что эти две опасности угрожают самому существованию империи. Мысль о них проникла до мозга костей японского народа ... Первая опасность угрожала со стороны северных врагов, первобытных айну».

Рождение и становление японского государства проходило в ходе изнурительных войн с племенами эбису или эмиси (так в средневековых японских хрониках назывались айны). Позднее японцы и айнов, и земли, которые те заселяли, стали называть термином «эдзо». Еще в начале первого тысячелетия племена айнов занимали почти весь остров Хонсю, а также земли, лежащие к северу от него. Так, уже в китайской хронике «Сун шу» («Истории династии Сун», V век), цитируются слова японского царя Юряку (правил в 457-479 гг.), который в послании к сунскому императору писал, что его «предки, вооружившись, ... завоевали 55 стран волосатых людей на востоке».

В японских хрониках сообщения об айнах также чаще всего носят военный характер. В них говорится о многочисленных войнах, которые велись японцами в центральных и северных районах Хонсю, строительстве на покоренных землях японских замков, айнских восстаниях и набегах. К VII веку под властью японцев находилось уже почти три четверти острова Хонсю. В дальнейшем граница между владениями японцев и айнов подвергалась частым колебаниям и передвигалась как к северу, так и к югу. Причем эти колебания в значительной степени зависели от степени консолидации японского государства. В периоды, когда власть центрального правительства усиливалась, айнские племена на севере Хонсю присягали ему на верность. В периоды смут и гражданских войн, которые без конца потрясали японское общество, на севере страны немедленно вспыхивали мятежи. Айны устраивали опустошительные набеги на заселенные японцами провинции, сжигали японские селения, замки и города. При этом и отдельные айнские племена, и целые племенные союзы нередко принимали самое активное участие во внутрияпонских конфликтах на стороне той или иной феодальной группировки.

Вплоть до конца XVI века японцы не были в состоянии полностью контролировать даже весь север Хонсю. Так, в 1565 году прекрасный знаток Японии и японской истории португальский католический миссионер Луиш Фроиш (или Людовик Фроэс) в своем донесении руководству ордена иезуитов писал:

«На севере от Японии ... находится обширная страна, населенная дикими людьми. Народ этот пристрастен к вину, храбр на войне, и японцы его очень боятся». В той стране «находится японский город Акита (город на северо-западном побережье Хонсю. – Прим. авт.), куда сходятся туземцы для торговли; со своей стороны, жители города также ездят к ним, но реже, так как отправляющиеся туда часто убиваются туземцами».

Японское проникновение на Хоккайдо началось в XII веке. История японской колонизации острова Хоккайдо относительно неплохо освещена в средневековых хрониках. Они свидетельствуют, что вплоть до конца XII века большую роль в северной политике и торговле Японии играл северный дом Фудзивара из Осю. После его падения с японской стороны торговлю с чжурчжэнями и сахалинскими племенами через Тохоку и Хоккайдо контролировал японский княжеский род Андо. Именно в это время значительно возросла роль расположенного на северо-западном (япономорском) побережье острова Хонсю города Тосаминато. Вероятно, через этот порт долгое время в обе стороны шли товары. Таким образом, Андо вплоть до эпохи Эдо могли легко воздействовать на северный торговый путь. Впоследствии северную торговлю перехватывают купцы из Сендая – главного города северо-восточной части острова Хонсю.

Следует особо остановиться на вопросе об основных этапах японского продвижения на север. В 1192 году после кровопролитных междоусобиц в Нихон восстает центральная власть. Наряду с императором-гэнно появляется военный правитель-сёгун Ёритомо Минамото. Последнего поддерживает самурайское сословие (особенно его восточная ветвь). Воспользовавшись им же организованным убийством брата Ёсицунэ, сёгун посылает войска на север в город Хирайзуми, княжество Осю. Спасаясь от гнева нового правителя, Ясухиро Фудзивара со своей дружиной в несколько сот воинов бежит через пролив Цугару на остров Хоккайдо. Он высаживается в местности Оосима и основывает там первое японское поселение. Построив в неприступном месте свой замок, Ясухиро Фудзивара становится главной фигурой на юго-западе Хоккайдо.

Первые японские колонисты в Оосима принимали к себе практически всех, кто бежал с Хонсю. А то были в основном или самураи – сторонники потерпевших поражение в междоусобной борьбе феодальных группировок, или разорившиеся крестьяне и ремесленники, или беглые преступники. Все они оседали на крайнем юге острова. Здесь, в местности Матомай на полуострове Оосима, возник их главный опорный пункт. Впоследствии его название было изменено на японский лад – Мацумаэ. По мере роста численности японского населения Оосима коренные жители вытеснялись на север.

Первоначально японские колонисты вели относительно мирную политику по отношению к айнам. Обеим сторонам была выгодна торговля. Правда, мирное сосуществование не было вечным: время от времени оно прерывалось кровавыми стычками. Тем не менее японская колония на крайнем юге Хоккайдо росла, и к началу XV века здесь насчитывалось уже двенадцать японских крепостей и соответствовавших им поселков. Колонисты занимались земледелием, добывали руды и выплавляли металлы, в том числе золото и железо. В Японию вывозились морепродукты, в том числе сушеная морская капуста, рыба, мясо морских животных, моллюски и другие товары.

Однако относительно спокойная жизнь переселенцев не могла длиться бесконечно. Ведь айны были недовольны усилением позиций японцев и распространением их власти на своем острове и мечтали избавиться от непрошенных соседей. В 1456 году хоккайдские айны во главе с вождем Косям-айну восстали и попытались уничтожить пришельцев. Как отмечается в японских источниках, первое время ус-

пех был на стороне айнов. Они «произвели нашествие на страну с большой свирепостью» и уничтожили десять из двенадцати японских поселений на крайнем юге Хоккайдо. Вполне возможно, что японские переселенцы были бы или полностью истреблены, или принуждены бежать на Хонсю. Однако один из переселенцев по имени Нобухиро Такэда, оказавшийся хорошим организатором и военачальником, сумел не только избежать гибели, но и объединить незначительные силы колонистов. В результате невероятных усилий ему удалось разгромить айнов.

Нобухиро Такэда в полной мере воспользовался обстоятельствами, сделавшими его единственным предводителем эдоских самураев. Гибель большинства колонистов от рук айнов позволила ему без труда узурпировать власть над японской колонией Оосима. А вскоре Т. Нобухиро берет себе фамилию знатного самурайского рода Какидзаки и объявляет себя Ками но Куни, то есть Верховным князем страны⁵. Правда, глава самураев Хоккайдо формально находился в вассальной зависимости у клана Андо. Но эта зависимость была номинальной: фактически клан Какидзаки правил на юге Хоккайдо самовластно. Это в конечном счете позволило ему взять под контроль существенную часть северной торговли.

Однако и род Андо стремился вернуть себе утраченный контроль над северным торговым путем. Столкновение экономических интересов двух самурайских кланов привело к войне, которая с перерывами длилась почти полвека. В конце концов к 1514 году наследники Нобухиро Такэда одержали полную победу, и его потомок Мицухиро Какидзаки по праву, завоеванному силой оружия, воцарился на полуострове Оосима в селении Одатэ. С этого времени начинается новый этап освоения японцами острова – угнетение коренного населения и расширение владений колонистов.

Правда, в течение большей части XVI столетия власть семьи Какидзаки фактически не распространялась за пределы крайней южной оконечности Хоккайдо. Это в значительной степени предопределялось теми событиями, которые происходили в то время в Японии. Как отмечал российский японист А.А. Искендеров,

«основное содержание всей политической жизни страны в эпоху, охватывающую почти целиком два столетия – XV и XVI, составляли беспрерывные междоусобные войны, которые вели феодалы против центральной власти и друг с другом ради расширения своего влияния, укрепления военно-экономического могущества и утверждения своего независимого положения».

И это обстоятельство не могло не оказывать решающего влияния на всю японскую политику на севере. Ни о какой экспансии к северу от полуострова Осима не могло быть и речи. Главной задачей японских колонистов на Хоккайдо в тот период было сохранение своих владений.

Ситуация начинает меняться только в конце XVI века. К 1590 г. выдающийся японский полководец Токатоми Хидэеси объединил под своей властью всю страну. Наследники Нобухиро Такэда сумели верно сориентироваться в новой обстановке и в ходе борьбы за власть выступили на стороне всесильного правителя Японии. Благодаря этому в 1593 году центральное правительство признало права клана Какидзаки на Хоккайдо. Он официально получает «документ с красной печатью»,

⁵ В то время слово «куни» означало страну в средневековом понимании, которое сопоставимо с понятием «княжество».

подтверждающий независимость от клана Андо, из рук верховного правителя Японии Тоётоми Хидэеси.

А вскоре после прихода к власти сегуна Токугава Иэясу (династия сегунов Токугава правила в Японии в 1603-1867 гг.) клану Какидзаки удалось заручиться и его поддержкой. В 1604 году потомки Нобухиро Такэда получают от сегуна Токугава Иэясу «документ с черной печатью», провозглашающий новое княжество и князей Мацумаэ во главе с Ками но Сима – Властелином острова. С этого момента глава клана Какидзаки получает фамилию Мацумаэ и входит в число японских даймэ (так в Японии называли крупных феодалов).

Усиление японцев на Хоккайдо имело своим следствием айнскую эмиграцию с Хоккайдо. Даже не очень сильный натиск японцев в Эдзо после событий 1456-1514 гг. вынудил айнов к исходу на Сахалин, Курильские острова и Камчатку. А в дальнейшем натиск только усиливался. Поэтому в XVI-XVII вв. айнское население земель, лежавших к северу от Хоккайдо, резко увеличивается. Айны теснят к северу своих соседей – нивхов и уйльга.

События на Хоккайдо отозвались далеко за его пределами, на севере островного мира. В средней части и на севере Сахалина произошло несколько сражений между племенами, в ходе которых дальнейшее продвижение айнов было остановлено. О боях уйльга и нивхов с айнами рассказывают и легенды островных народов, и некоторые географические названия. Несколько географических названий на севере Сахалина – мыс и река Уанди, мыс и река Уанга, а также бухта Вангалу и река Ванга-меха, селение Вангрк-во образованы от нивхских слов «ва» – военный, «вадь», «ванг» – воевать.

Еще в XIX веке айны с озера Тарайка рассказывали этнографам о своих боях с оленными людьми – уйльга. В том же веке небольшая группа одетых в древние доспехи айнов из Маука⁶ выступила в поход против айнов из Рутака⁷ из-за медведя, убитого на спорной территории. Наверное, эта безуспешная попытка возрождения межродовой войны была последней у айнов.

9.7. Первые сведения об островах в северной части Тихого океана в Европе

Первые сведения о восточной оконечности великого Евразийского материка проникают в Европу относительно поздно. Так, для греческого географа и историка Гекатея из Милета (VI-V века до н.э.) Азия заканчивалась персидскими владениями, омывавшимися с севера водами Каспийского моря. Для Геродота (V век до н.э.) последней обитаемой страной на востоке была Индия. «Отец географии» Эратосфен (III век до н.э.) считал восточной границей ойкумены Бенгальский залив. В начале I тысячелетия н.э. в Римскую империю проникают первые, довольно смутные сведения о Китае. В трудах Клавдия Птолемея (II век н.э.) имеются упоминания о серах и синах, живших на крайнем востоке обитаемой земли.

Крушение античного мира и наступление эпохи средневековья ознаменовались некоторым регрессом в развитии географических представлений о крайнем востоке Азии. На европейских картах раннего средневековья у самого восточного края Земли обычно помещали библейский рай. Более точные сведения о Дальнем

⁶ Ныне район г. Холмска

⁷ Ныне район г. Анива.

Востоке появились в Европе благодаря арабским путешественникам и ученым. В VII-IX веках арабские купцы неоднократно посещали Китай. Причем они добирались до него как морским, так и сухопутным путем. В середине XII века арабский географ ал-Идриси составил для сицилийского короля Рожера II карту всех известных ему земель. На ней были изображены не только хорошо известный арабам Китай, но и Япония.

Во второй половине XIII века в Европу проникают более подробные сведения о восточной оконечности Азиатского континента, а также об островах, расположенных в северной части Тихого океана. Это стало возможным благодаря монгольским завоеваниям в Азии и Европе. При Чингисхане и его преемниках Монгольская империя достигла размеров, неслыханных в истории человечества. Под монгольским контролем оказались огромная территория, включавшая Китай, Южную Сибирь, Среднюю Азию, Иранское нагорье, Месопотамию, Закавказье и Восточную Европу. На сравнительно короткий промежуток времени и Восточная Азия, и значительная часть Европы оказались в составе одной империи. Именно в этот период впервые создаются исключительно благоприятные условия для проникновения на Дальний Восток европейских купцов и дипломатов. Как отмечал американский исследователь истории средневековой науки Джон Райт,

«немногим более чем на столетие занавес Дальнего Востока был отдернут, но отдернут лишь для того, чтобы снова задернуться, когда вместе с крушением Монгольской империи и появлением турок-османов все сухопутные дороги оказались перекрытыми».

Одной из главных причин, побуждавших европейских монархов посылать своих послов к монгольским ханам, была надежда найти в них союзников в борьбе против более близкого и чрезвычайно опасного врага – мусульман. Эта надежда основывалась на возникшей в середине XII века и получившей широкое распространение в Западной Европе во второй четверти XIII века легенде о находящемся далеко на востоке могущественном христианском государстве во главе с царем-священником Иоанном (попом Иваном). Данные слухи были не совсем беспочвенны. Действительно, в то время среди целого ряда народов Центральной и Восточной Азии было распространено христианство несторианского толка. Немало христиан было среди монголов. Так, христианкой была сноха Чингисхана Соркуктани-беги, жена его старшего сына Толуя, мать будущих великих ханов Мункэ и Хубилая.

В 1252 году французский король Людовик IX направляет посольство ко двору великого хана Мункэ. Во главе посольства был поставлен францисканский монах фламандец Виллем Рейсбрук (более известный под именем Гильом Рубрук или Рубруквис). В апреле 1254 года он добрался до столицы Монгольской империи города Каракорума. Здесь Г. Рубрук остановился в доме уроженца Парижа, золотых дел мастера Вильгельма Бушье. Золотых дел мастер немало рассказал посланнику французского короля о жизни столицы самой обширной в мире империи. В том числе он рассказал Г. Рубруку о том, что

«видел послов некоторых народов, по имени Кауле и Манзе, живущих и на островах, но море там зимою замерзает, так что татары могут тогда направляться к ним. Эти народы предлагают ежегодно тридцать две тысячи туменов яскотов, лишь бы их оставили в мире».

Автор примечаний к книге Г. Рубрука считал, что в данном случае речь идет о Корее и части Китая к югу от Желтой реки. Однако данное заключение входит в противоречие с утверждением о том, что Каули и Манзе живут на островах и что море между островами и материком зимою замерзает так, что появляется возможность посещать их. Несомненно, что в данном случае речь идет об островах, лежащих значительно севернее и Китая, и Кореи.

В книге Г. Рубрука встречается также упоминание об айнах. В частности, там говорится о том, что во время нахождения французского посольства в Каракоруме они встретили одного китайского священника, рассказавшего Рубруку о волосатых карликах, которые живут на островах за пределами Китая.

В 1271-1295 гг. по странам Восточной и Центральной Азии путешествовал венецианец Марко Поло. Более 15 лет он провел в Китае, находясь на службе у монгольского хана Хубилая. Благодаря этому он получил уникальную для европейца XIII столетия возможность хорошо изучить как Китай, так и сопредельные страны, а также познакомиться с географическими представлениями монголов и китайцев. В 1295 году после долгих странствий Марко Поло вернулся в Венецию. Через три года после возвращения на родину Марко Поло принял участие в войне, которая разгорелась между его родной Венецией и Генуей. Венецианский флот был разгромлен, а Марко Поло попал в плен и оказался в генуэзской тюрьме. Здесь он и продиктовал одному из товарищей по заключению рассказ о своем путешествии на Восток. Этот рассказ лег в основу знаменитой «Книги Марко Поло», оказавшей огромное влияние на географические представления европейцев.

Именно замечательный венецианский путешественник открыл для европейцев далекий и таинственный мир Дальнего Востока. Он заставил европейцев сначала задуматься, а потом и предпринять конкретные действия для поиска кратчайшего и удобнейшего пути на Восток. Одним из последствий таких поисков стало великое открытие Христофора Колумба.

В числе стран, о которых европейцы узнали благодаря Марко Поло, была и Япония. Описанию этой страны в «Книге Марко Поло» была посвящена отдельная глава.

«Остров Чипунгу на востоке, в открытом море; до него от материка тысяча пятьсот миль.

Остров очень велик: жители белы, красивы и учтивы; они идолопоклонники, независимы, никому не подчиняются. Золота, скажу вам, у них великое обилие: чрезвычайно много его тут, и не вывозят его отсюда: с материка ни купцы, да и никто не приходит сюда, оттого золота у них, как я вам говорил, очень много.

Опишу вам теперь диковинный дворец здешнего царя. Сказать по правде, дворец здесь большой, и крыт чистым золотом, так же точно, как у нас свинцом крыты дома и церкви. Стоит это дорого – и не счесть! Полы в покоях, а их тут много, покрыты также чистым золотом, пальца два в толщину; и все во дворце, и залы, и окна покрыты золотыми украшениями.

Дворец этот, скажу вам, безмерное богатство, и диво будет, если кто скажет, чего он стоит!

Жемчугу тут обилие; он розовый и очень красив, круглый, крупный; дорог он так же, как и белый. Есть у них и другие драгоценные камни. Богатый остров и не перечесать его богатства».

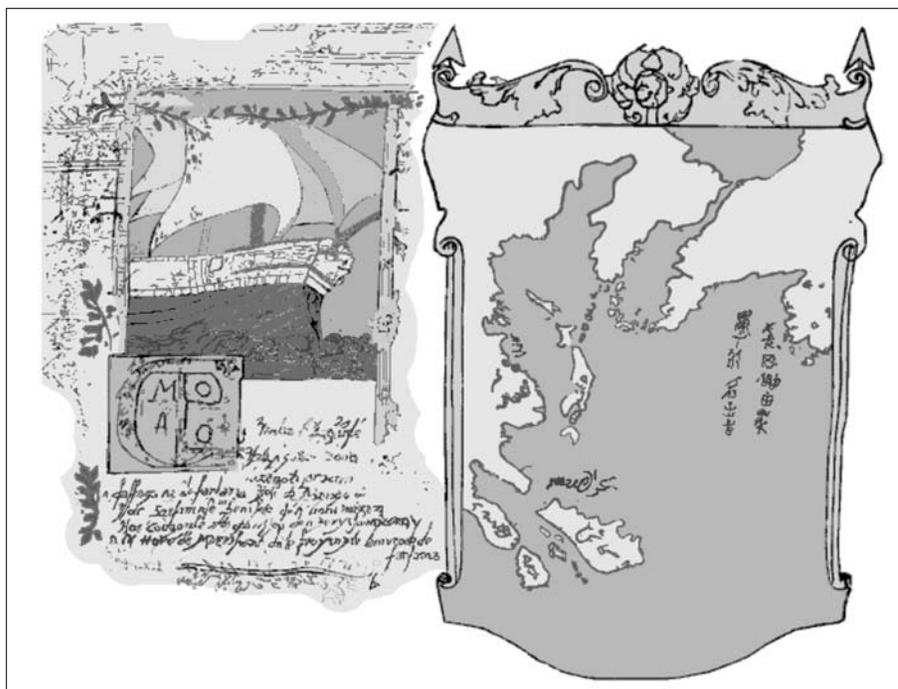


Рис. 26. Карта с кораблем. XIII век.

На карте довольно точно отражено географическое положение Сахалина и Курильских островов

Из своего путешествия на Восток Марко Поло привез ряд карт. Некоторые из них сохранились до наших дней. Одна из карт (так называемая «Карта с кораблем») представляет для нас особый интерес. На ней мы можем увидеть довольно точное изображение Сахалина, Курильских островов и Хоккайдо. Кстати, на этой же карте изображены северо-западное побережье Охотского моря, Камчатка, Чукотка, пролив, отделяющий Азию от Америки, Алеутские острова, Аляска и другие земли и моря в северной части Тихого океана. Необходимо отметить, что авторы данной карты довольно точно представляли географическое положение Большой Курильской гряды относительно Хоккайдо, Сахалина и Камчатки. Подобная точность была характерна для большинства как западноевропейских и российских, так и японских карт конца XVIII – начала XIX века.

Многим, как российским, так и японским, исследователям сложно поверить в подлинность описываемой карты. Но вот что говорил о «Карте с кораблем» один из крупнейших российских специалистов по исторической картографии А.В. Ефимов:

«Ряд карт, приписываемых Марко Поло, или скорее позднейшие копии – варианты этих карт – сохранились в личном архиве Марциала Ф. Росси. Они были получены по его данным, через наследников друга Поло, адмирала Руджери Сансеврино. По заключению американских экспертов, из серии карт, имеющих у Росси, подлинной является «Карта с кораблем».

Появление подобной карты в XIII столетии может показаться невероятным. Однако хотелось бы напомнить, что самые первые сведения об обитателях Сахалина и Курильских островов появляются в китайских хрониках уже в период раннего средневековья.

9.8. Первые европейские корабли в морях Дальнего Востока

Открытие Америки Христофором Колумбом, открытие Васко да Гама морского пути из Европы в Индию, первое кругосветное путешествие под руководством Фернана Магеллана положили начало эпохе Великих географических открытий, в ходе которой была исследована большая часть поверхности нашей планеты. Открытие европейцами новых стран и новых торговых путей качественным образом меняет характер торговли, которая начинает охватывать весь мир. Именно в это время мир постепенно начинает становиться единым. Завершается эпоха средневековья. Великие географические открытия и вызванные ими изменения во всех сферах жизни положили начало Новому времени. Правда, цена этих изменений была поистине огромна. И заплатить эту цену пришлось тем народам Азии, Америки и Африки, которые вскоре стали объектом безжалостной колониальной эксплуатации.

Эпоха Великих географических открытий породила новый тип человека – бесшабашного искателя приключений, исследователя и авантюриста. Об этом типе людей, без которых были бы невозможны все великие открытия, хорошо сказал видный российский историк Евгений Викторович Тарле:

«Далекие и опасные географические экспедиции финансировались, как правило, осторожными и алчными политиками с холодной головой и холодной душой... или столь же сухо и точно высчитывавшими свои прибыли – амстердамскими, мадридскими или лиссабонскими банкирами и лавочниками, а пускались в беспредельные океаны и складывали там свои буйные головушки часто люди совсем другого склада, удальцы, в которых не всегда разберешь, что их больше привлекало – золото, или опасности, которые нужно преодолеть, чтобы до этого золота добраться, или, помимо золота, жажда все новых и новых впечатлений, или привычка жить не в тех условиях, в каких живут все, а в каких-то вечно новых, вечно меняющихся кадрах непрерывно развертывающейся занимательной сказки, в которую они превратили свою жизнь».

Именно такие люди в XVI веке начинают исследовать дальневосточные моря. Сначала здесь оказались португальцы. В 1516 году они достигают берегов Китая, в 1542 году – Японии.

Одним из первых в этих странах побывал португальский путешественник, купец и пират Фернан Мендиш Пинту. Ф.М. Пинту удалось в течение длительного времени путешествовать по внутренним районам Китая. По возвращении в Португалию (в 1558 году) им была написана книга, в которой содержались ценные сведения о различных странах Азии (в частности о Китае и Японии). В 1614 году она была опубликована в Лиссабоне под названием «Странствования Фернана Мендиша Пинту». По мнению немецкого исследователя А. Вирта Ф.М. Пинту смог побывать на Амуре и Сахалине. Дело в том, что в книге Ф.М. Пинту встречаются упоминания о народе гигаухос (А. Вирт считал, что речь идет о гиляках-нивхах) и стране Гангтиана (в названии которой немецкому исследователю слышалось одно из тунгусских названий Сахалина Энгис-пал). Впрочем, аргументы А. Вирта не кажутся нам достаточно убедительными.

Начиная с 1543 года визиты португальских кораблей к японским берегам становятся частыми. Португальцы везли сюда огнестрельное оружие и порох, табак и католических миссионеров. Они научили японцев строить европейские корабли, познакомили их с европейской картографией, навигацией и медициной. Португальские путешественники старательно изучали Японию. Они были первы-

ми, кто сумел дать европейцам довольно верные представления о географическом положении и экономике, истории и культуре этой страны.

Вместе с тем иногда именно от португальцев исходили самые фантастические истории как о самой Японии, так и об окружающих ее морях. В середине 80-х гг. XVI века появилась легенда о золотом и серебряном острове. Известны португальская и испанская версии этой легенды. Согласно им, португальский (или испанский) корабль, плывший из Малакки в Макао (по испанской версии – из Манилы в Мексику), был унесен сильным штормом далеко на восток от Японии. Когда погода прояснилась, взору моряков предстал большой остров. На этом острове, населенном «белым, красивым, дружелюбным и цивилизованным народом», они якобы увидели огромное количество серебра и золота.

Если сравнить данный текст с тем фрагментом из «Книги Марко Поло», где рассказывается о Японии, то мы поймем, что именно данная книга послужила основой для рассказа о золотом и серебряном острове.

Данной легенде было суждено сыграть видную роль в истории географических открытий в северной части Тихого океана. На протяжении последующих двух столетий миражи золотых и серебряных островов вдохновляли моряков и предпринимателей разных стран на поиски богатства и славы. Именно жажда золота и серебра в конце концов привела европейские корабли к сахалинским и курильским берегам.

Часть третья. САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В НОВОЕ ВРЕМЯ

Глава 10

САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В XVII ВЕКЕ

10.1. Изменения в геополитической обстановке на Дальнем Востоке в начале нового времени

XVII столетие вошло в историю как эпоха великого перелома, когда на огромных территориях Восточной Азии появились новые могучие силы, которым было суждено самым кардинальным образом изменить геополитическую обстановку в этом регионе.

Прежде всего необходимо отметить новое появление на исторической арене уже хорошо известных нам тунгусо-маньчжурских племен, которым ранее дважды удавалось создавать на Дальнем Востоке могущественные государственные образования (королевство Бохай и империю Цзинь). К началу XVII столетия потомки чжурчжэней сумели полностью оправиться от последствий того страшного поражения, которое их предкам нанесли когда-то орды Чингисхана и Угэдея, и в очередной раз воссоздать свою государственность.

Исключительно важную роль в этом сыграл один из многочисленных чжурчжэньских вождей Нурхаци. Разнообразные источники свидетельствуют о том, что Нурхаци сочетал в себе таланты политика, дипломата и полководца. Именно это, а также благоприятное стечение обстоятельств позволило ему где уговорами, а где нужно и силой постепенно объединить вокруг себя разрозненные тунгусо-маньчжурские племена.

В 1616 году Нурхаци объявляет о создании нового маньчжурского государства. Нурхаци искренне верил, что как подлинный Сын Неба он обладает исконными правами на верховную власть над всем земным пространством. Поэтому он немедленно приступил к территориальным захватам. Прежде всего он продолжил подчинение тех чжурчжэньских племен, которые все еще отказывались ему подчиняться, а с 1618 года он начинает боевые действия против Китая, чье могущество в то время еще казалось несокрушимым. Войну с Китаем Нурхаци будет вести вплоть до самой своей смерти в 1626 году.

Нурхаци считал, что его род ведет происхождение от императоров уничтоженной монголами династии Цзинь. Поэтому новая, основанная Нурхаци династия получила название Хоу Цзинь (Поздняя Цзинь или Поздняя Золотая). При этом Первой или Ранней Цзинь называли династию чжурчжэньских императоров, правившую в 1115-1234 гг. В 1636 году преемник Нурхаци Абахай провозглашает себя

императором и принимает решение о переименовании династии Хоу Цзинь в Дай Цин (Великая Чистая).

Другим важным фактором, оказавшим существенное влияние на геополитическую обстановку во всей Восточной Азии стал мощный структурный кризис, охвативший китайскую мир-систему. На рубеже XVI-XVII столетий столь эффективный ранее китайский государственный аппарат начал подавать признаки разложения. Всеобщая коррупция и некомпетентность неизбежно вели к росту социальной напряженности. Все больше китайцев, отчаявшись найти справедливость в государственных органах, принимают решение отстаивать свои интересы с оружием в руках. Всю страну охватывают восстания, справиться с которыми центральная власть не могла. К началу 40-х гг. XVII века отдельные мятежи перерастают в крупномасштабную гражданскую войну.

Все это дополнялось новой внешней угрозой, которая исходила от молодого и чрезвычайно агрессивного маньчжурского государства. Китайская армия не смогла оказать маньчжурам эффективного сопротивления. В армии растет дезертирство. На сторону врага вместе со своими частями один за другим переходит целый ряд китайских военачальников.

Результатом данного кризиса стало не только крушение династии Мин в Китае, но и покорение страны воинственными северными соседями. В 1644 году маньчжуры захватывают столицу Китайской империи и провозглашают своего малолетнего императора Шуньчжи правителем всего Китая. Более чем на два с половиной столетия (вплоть до 1911 года) над региональной сверхдержавой установилось господство потомков Нурхаци – маньчжурской династии Цин.

Следующим важным фактором, оказавшим чрезвычайно важное влияние на многие процессы в Восточной Азии, стало чрезвычайно быстрое продвижение через Сибирь русских землепроходцев, завершившееся их выходом на побережье Тихого океана в 1639 году. С этого момента начинается растянувшийся более чем на два столетия процесс завоевания Россией дальневосточных земель.

Несравненно меньшим был уровень воздействия на геополитическую обстановку в Восточной Азии в целом со стороны Японии. Здесь нужно иметь в виду, что после неудачной попытки завоевания Кореи в 90-х гг. XVI столетия Япония надолго сосредоточилась исключительно на решении своих внутренних проблем. Именно это обстоятельство позволило Японии не только добиться окончательного замирения айнов, но и, в конце концов, выйти к землям, лежавшим к северу от Хоккайдо.

На рубеже XVI-XVII столетий в жизни Японии произошли кардинальные изменения. После нескольких столетий непрерывных войн в стране наконец наступил мир. Сражение при Сэкигахара (1600 год) стало последней битвой в той беспощадной борьбе за власть, которую вел выдающийся государственный деятель, военачальник и дипломат Токугава Иэясу. Победа в том сражении сделала его всемогущим правителем Японии. В 1603 году Токугава Иэясу добивается у императора присвоения ему титула сегуна, который будет передаваться по наследству. Вплоть до 1867 года род Токугава будет удерживать власть над Японией. Это время войдет в историю Японии как период Эдо¹.

¹ В замке Эдо была расположена резиденция Токугава. В настоящее время – Токио.

Сегуны Токугава смогли железной рукой поддерживать мир и порядок в стране. На протяжении двух с половиной столетий ни один японский даймэ и подумать не мог как о возможности мятежа против центральной власти, так и о войне против соседнего княжества. Одновременно сегуны Токугава проводили политику, направленную на сохранение Японией национального суверенитета. Это было тем более важно, что в эпоху Великих географических открытий европейские страны сумели захватить и превратить в свои колонии огромные территории в Азии, Африке и Америке. Именно для того, чтобы Япония избежала подобной судьбы, сегуны Токугава сначала ограничили, а потом и полностью запретили пребывание иностранцев на японской земле.

10.2. Первые японские экспедиции к северу от Хоккайдо

Преодоление раскола страны и создание единого централизованного государства позволили японцам раз и навсегда решить айную проблему как на севере Хонсю, так и на Хоккайдо. В результате уже к концу XVII века клан Мацумаэ, опираясь на поддержку центрального правительства, поставил под свой контроль большую часть Хоккайдо. Главным средством умиротворения острова он избрал политику безжалостного истребления айнов. Именно эта политика, сделавшая путешествия на север относительно безопасными, позволила японцам приступить к освоению Сахалина и Курильских островов.

Сведения об островах, лежащих к северу от Хоккайдо, начали поступать в Японию задолго до появления в том районе европейцев. Однако только с XVII века японцы приступают к их изучению и хозяйственному освоению. Главную роль в организации первых экспедиций по изучению Севера сыграли правившие на Хоккайдо князья из рода Мацумаэ.

Так, в 1635 году глава клана Мацумаэ Кимихиро организует экспедицию, целью которой было обследование земель, лежавших к северу от его владений. В том году работы проводились как в северной части Хоккайдо, так и на Сахалине. Побережье Хоккайдо изучал Мураками Камондзаэмон, а на Сахалин были направлены Сато Камозэмон и Какидзаки Курандо. Они переправились через пролив, отделяющий Сахалин от Хоккайдо, и высадились на южную оконечность Сахалина в местности Уссияму, расположенной в районе мыса Ноторо (Крильон). Однако дальше Уссияму Сато Камозэмон и Какидзаки Курандо идти не решились и вскоре вернулись на Хоккайдо.

В 1636 году на Сахалин отправился вассал князя Мацумаэ Кондо Седзаэмон. Как и его предшественники, он переправился через пролив, который сейчас носит имя Лаперуза (в Японии его называют пролив Соя) и высадился в местности Уссияму. Здесь Кондо Седзаэмон перезимовал и весной 1637 года отправился на северо-восток. Несмотря на все трудности, которые японский исследователь испытывал во время путешествия по абсолютно незнакомой местности, ему удалось дойти до залива Терпения.

В 1644 году по итогам экспедиций 1635-1637 гг. на Хоккайдо была составлена первая японская карта Сахалина и Курильских островов. В ее основе лежали записи и карты Кондо Седзаэмона, которые он делал во время путешествия по Сахалину и Хоккайдо. Данная карта сохранилась до наших дней в копии, подаренной в 1700 году сегуну кланом Мацумаэ. Судя по ней, японцы уже в то время относительно не-

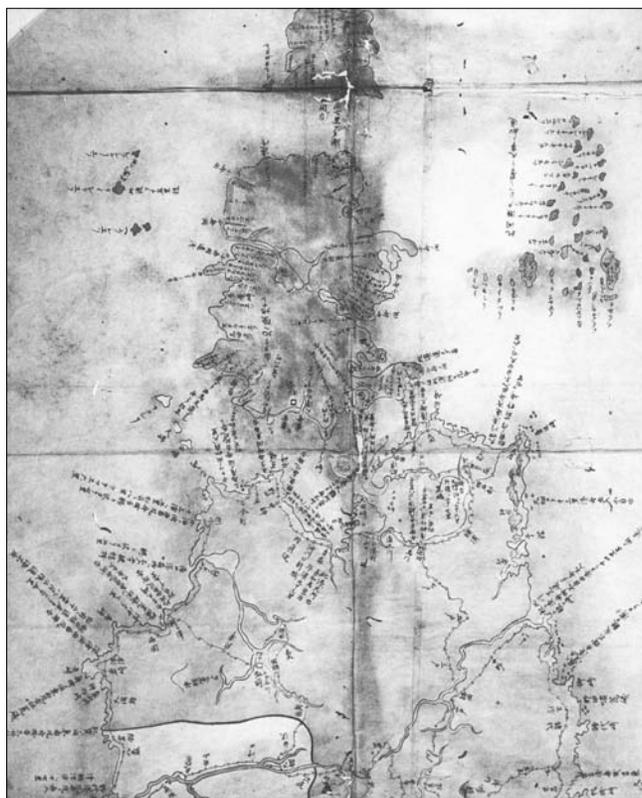


Рис. 27. Карта страны Мацумаэ и Эдзо. Вторая половина XVII века. Составлена на основе несохранившейся японской карты 1644 года. В центральной части карты изображен остров Хоккайдо. На севере от него лежит Сахалин. К востоку от Хоккайдо изображено скопление множества небольших островов

плохо представляли географическое положение Сахалина. Они знали, что это остров, расположенный к северу от Хоккайдо. На карте довольно точно изображены Анивский залив, крайние юго-запад и юго-восток Сахалина, залив и даже мыс Терпения. Имеется также изображение острова Монерон. Вместе с тем Курильские острова составители карты представляли весьма смутно (на карте изображена небольшая группа островов к востоку от Хоккайдо) и скорее всего знали о них исключительно со слов хоккайдских айнов.

В 30-е гг. XVII века режим Токугава начинает проводить политику самоизоляции страны или, как ее называли в Японии, «сакоку» (в буквальном переводе на русский язык это означает «страна на замке»). В 1633-1639 гг. была издана серия указов, сначала ограничивших, а затем и категорически запретивших выезд японских подданных за преде-

лы страны. Тех же, кто, покинув Японию, все-таки осмеливался вернуться обратно, ждала смертная казнь. Было запрещено также строительство пригодных для дальних плаваний больших кораблей. И, наконец, все японские порты были закрыты для иностранных судов. Иностранцам же было запрещено появляться в Японии. Исключение было сделано только для китайцев и голландцев. В дальнейшем доступ в японские порты получили также суда Кореи, Рюкю, некоторых стран Юго-Восточной Азии.

Первое время указы о «закрытии страны» выполнялись в Японии чрезвычайно строго. Их нарушение было равносильно самоубийству. Так, в августе 1640 года было практически полностью истреблено большое португальское посольство, прибывшее в Японию из Макао. Всем послам и большей части их свиты отрубили головы. В живых было оставлено только несколько низших служителей. Впоследствии они смогли вернуться в Макао и рассказать о страшной судьбе посольства.

И все же политика самоизоляции, проводившаяся японским правительством, не остановила деятельность клана Мацумаэ на севере. В «Краткой хронике мятежа в Эдзо», посвященной описанию восстания хоккайдских айнов под руководством

Сякусяина, которое с большим трудом было подавлено японцами в 1669 году, говорится о том, что в том же году из Мацумаэ на Сахалин было направлено судно. Тогда японцы привезли с Сахалина «груз лечебных грибов, растущих на елях и лиственницах».

Подобные поездки, которые в других регионах Японии могли бы иметь самые плачевные для путешественников последствия, ни в коем случае не рассматривались правительством Токугава как нарушение каких-либо запретов. Дело в том, что и клан Мацумаэ, и центральное правительство традиционно рассматривали все айнские земли как свои собственные. Конечно, и в XVII веке, и даже многим позже данные претензии ничего общего не имели с реальным положением дел. Это была скорее программа действий на отдаленную перспективу.

10.3. Начало европейского проникновения на острова, лежащие к северу от Японии

С начала XVII века европейцы начинают проникать на Хоккайдо. В 1618 и 1621 гг. там побывал итальянский католический миссионер-иезуит Джироламо (Иероним) де Анжелис. Главной задачей миссионера являлась проповедь христианства среди населения Хоккайдо. Во время путешествий по острову ему удалось собрать чрезвычайно интересные сведения об айнах.

Вот что писал Д. де Анжелис в 1622 году в своем письме, адресованном главе ордена иезуитов:

«Они (айны. – **Прим. авт.**) крепкого сложения и росту выше обыкновенного. Цвет кожи приближается скорее к белому, нежели к темному. Они носят длинные бороды, иногда достигающие до середины туловища. Волосы на голове они бреют спереди, так что до макушки голова у них голая ... Уши у всех проткнуты ... вместо серег они носят серебряные кольца ... Богатые носят платье из шелковых и бумажных материй или полотна, вышитые шелком и украшенные шелковыми же нашивками в форме крестов или роз ... Менее же достаточные одеваются в платье из звериных и рыбьих кож или из тканей самой грубой работы ... Из оружия употребляют они: стрелы, луки, копья и мечи ... Вместо лат употребляют они короткие кафтаны, вроде фуфаек, с нашитыми на них дощечками ... Они имеют отравленные стрелы, производимые которыми раны смертельны ... Они приносят на продажу рыбу, как свежую, так и сушеную, звериные шкуры, также соколов, орлов и других птиц, китовый жир и прочее, а также и готовые платья».

Особую ценность для нас представляет следующее сообщение Д. де Анжелиса:

«Морская выдра (калан. – **Прим. авт.**) отсутствует на Хоккайдо, по этой причине туземцы ездят на три острова, удаленные от Хоккайдо, закупать черепа морской выдры. Жители этих островов не имеют бород и говорят совершенно на другом языке».

Данное сообщение перекликается с уже упоминавшимися айнскими легендами о тончах, коропокгуру и тоисэкуру. И если предположить, что речь идет о южных Курильских островах (а именно здесь в тот период в огромных количествах обитала морская выдра-калан), то можно прийти к выводу, что айны сравнительно недавно (не ранее XVII века) появились на этих островах.

Среди документов, дошедших до наших дней от Д. де Анжелиса, большой интерес представляет его карта острова Иесо. На этой карте, составленной Д. де Анжелисом в 1621 году, к северу от Хонсю был изображен огромный остров Иесо (Эдзо). На западе и севере от острова Иесо изображен Азиатский материк, отделенный от Иесо узкой полосой воды. На востоке от Иесо находится Американский

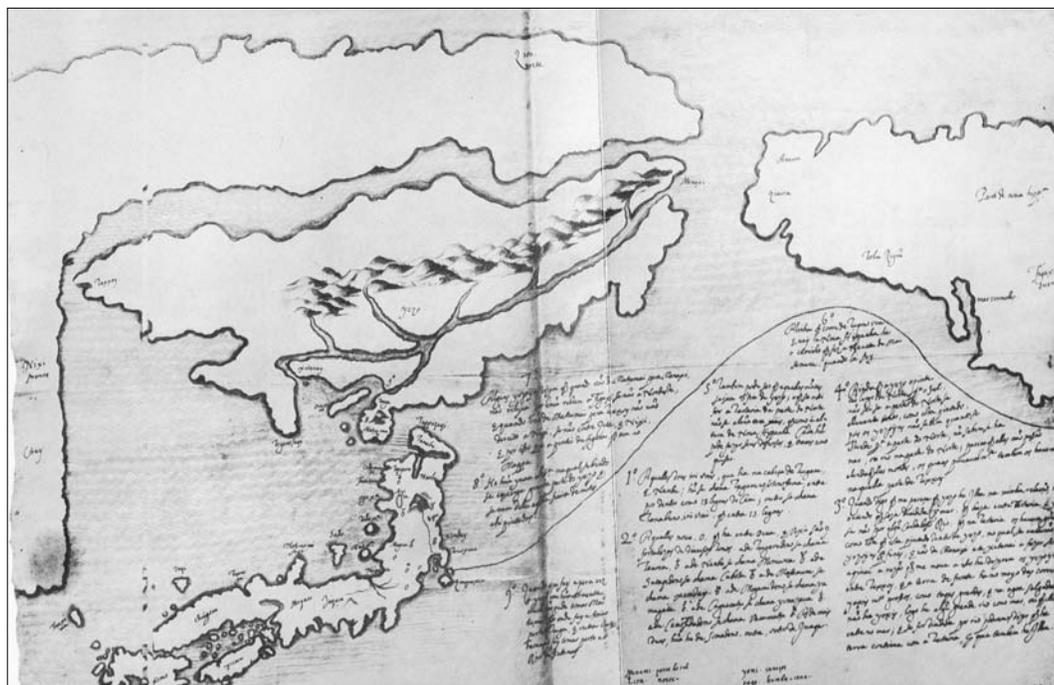


Рис. 28. Карта острова Иесо Д. де Анжелиса. 1621 год

континент. Таким образом, по представлениям Д. де Анжелиса, все пространство к северу, северо-западу и северо-востоку от острова Хонсю занимал остров Иесо. Для каких-либо других географических объектов просто не оставалось места. Географические представления Д. де Анжелиса оказали сильное влияние на европейскую картографию северной части Тихого океана на протяжении значительной части XVII столетия.

Дальнейшая судьба Д. де Анжелиса сложилась трагично. Покинув Хоккайдо, он продолжил миссионерскую деятельность в Японии. Однако в тот период проповедь христианства в Японии была категорически запрещена, и на христиан обрушились жестокие репрессии. Д. де Анжелис был схвачен и в 1623 году вместе с одним испанским миссионером и группой японских христиан заживо сожжен в Эдо (современный Токио).

10.4. Северная часть Тихого океана привлекает внимание Голландии

Первым европейцем, который, несомненно, побывал у берегов Сахалина и Курильских островов (и, что самое главное, впоследствии сумел рассказать об этом), является голландский мореплаватель Маартен Герритсен Фрис (в подавляющем большинстве русскоязычных публикаций его фамилия пишется «де-Фриз»). Как оказались голландские моряки так далеко от своей родины и что они здесь искали?

По определению крупнейшего исследователя европейского капитализма Карла Маркса, «Голландия была образцовой капиталистической страной XVII столетия». В этот период она обладала самой высокоразвитой в Европе промышленностью. На ее мануфактурах делали превосходные шерстяные ткани, шелк и бархат. На ее

верфях строили великолепные, знаменитые на всю Европу корабли (в том числе флейты – маневренные трехмачтовые суда, обладавшие очень вместительными трюмами). И отнюдь не случайно то, что молодой русский царь Петр I (стремившийся создать в России мощный военно-морской и торговый флот) сначала поехал изучать кораблестроение именно в Голландию.

Однако, несмотря на успехи в развитии промышленности, основу голландской экономики составляла внешняя торговля. В середине XVII века торговый флот Голландии почти вдвое превосходил флоты Англии и Франции, вместе взятые, и играл первостепенную роль в развитии мировой торговли.

В XVII веке голландцам удалось создать огромную колониальную империю, включавшую владения в Африке, Америке и Азии, на островах Индийского и Тихого океанов. На некоторое время под контролем Голландии оказались острова Тайвань и Цейлон, юго-западное и юго-восточное побережья Индии, ряд важнейших пунктов на западном побережье и крайнем юге Африки, часть восточного побережья Северной Америки, остров Святой Елены в Южной Атлантике, ряд островов в Карибском море, Гвиана, большая часть побережья Бразилии. Однако подлинной жемчужиной голландской колониальной империи стали богатейшие острова Малайского архипелага (Нидерландская Индия, с 1945 года – Индонезия).

«Колонии обеспечивали рынок сбыта для быстро развивающихся мануфактур, а монопольное обладание этим рынком обеспечивало усиленное накопление. Сокровища, добытые за пределами Европы посредством прямого грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут превращались в капитал. Голландия, которая первой полностью развила колониальную систему, уже в 1648 г. достигла высшей точки своего торгового могущества», – отмечал К.Маркс в своем классическом труде «Капитал».

Могуществу голландских купцов XVII века была посвящена не только сухая проза, но и замечательные стихи. Вот как воспел его величайший голландский поэт Йост ван ден Вондел в оде, написанной по случаю посещения главной конторы Ост-Индской компании в Амстердаме французской королевой Марией Медичи:

В самой Голландии победу одержав,
Пустились мы к брегам неведомых держав,
К Востоку, чтоб вовек бежала ночи тьма
От Солнца Доблести! Отчизны закрома
Хранят теперь блаженное зерно:
В далеких Индиях произросло оно!
И Север, вдалеке от собственной земли,
Зерном восточных жатв наполнил корабли;
Вот Принц Зимы стручком свои уста обжег
И восхвалил в душе сей перечный стручок.
Под Солнцем Юга зреют для него
Все пряности и терпкое вино.
Аравия нам шлет камедь и фимиам,
За ситцами плывем мы к Персии сынам,
У них же мы шелка скупаем и ковры,
И остров Ява нам несет свои дары!
И свой фарфор Китай шлет нашим городам.
Покинув свой родимый Амстердам,
Твоих сынов сребролюбивый стан
Бродяжит там, где Ганг впадает в океан!
Туда свой держат курс скитальцы-корабли,
Где ждет товар купцов и прибыль им сулит...

Именно любовь к прибыли вела многочисленные голландские корабли за тысячи миль от родных берегов навстречу гибели или богатству. Еще в 1596 году голландцы достигли острова Ява, и с этого момента началась их быстрая экспансия в Юго-Восточной Азии, на Тихом и Индийском океанах.

В 1602 году была образована голландская Ост-Индская компания, сфера действия которой охватывала огромный район от мыса Доброй Надежды до Магелланова пролива. С 1619 года администрация компании находилась в Батавии (на острове Ява, современная Джакарта). Именно отсюда на поиски новых богатых земель в Индийском и Тихом океанах отправлялись многие голландские экспедиции.

В 1636 году генерал-губернатором Нидерландской Индии становится Антонио Ван-Димен – одна из наиболее колоритных фигур в истории голландской экспансии на Тихом и Индийском океанах. Будучи еще совсем молодым человеком, он приехал из Голландии на Яву и поступил на службу в Ост-Индскую компанию. Здесь, благодаря своей неразборчивости в средствах, А. Ван-Димен быстро занимает видное положение в администрации компании и становится ближайшим доверенным лицом одного из создателей голландской колониальной империи генерал-губернатора Нидерландской Индии Яна Питерсзона Куна. О том, насколько высоко ценил генерал-губернатор своего помощника, говорит следующая история. Однажды Я.П. Кун получил из Голландии предписание немедленно выслать на родину некоего проходимца, скрывающегося под именем Ван-Димен. Оказалось, что данный человек проник на службу в Ост-Индскую компанию, присвоив не только чужое имя, но и чужие деньги, и что в Амстердаме его вот уже несколько лет тщетно разыскивают кредиторы. Однако Я.П. Кун не только не дал делу ход, но и, умирая, указал на А. Ван-Димена как на своего преемника. И он не ошибся. На посту главного правителя богатейшей голландской колонии А. Ван-Димен показал замечательные организаторские способности и немало сделал для увеличения мощи и богатства Ост-Индской компании.

Антонио Ван-Димен был сторонником широчайшей военной и торговой экспансии. И, защищая интересы своей компании, он не останавливался ни перед чем. А. Ван-Димен отобрал у португальцев Малакку и Цейлон, захватил Тайвань, укрепил голландские позиции в Японии и Индии, жестоко расправился со всеми конкурентами Ост-Индской компании (как с португальцами и англичанами, так и со своими соотечественниками – представителями других компаний), самым свирепым образом подавил антиголландские восстания на островах Малайского архипелага.

Для осуществления грандиозных планов генерал-губернатора во все стороны света направлялись отлично организованные экспедиции во главе с самыми опытными и способными моряками. На первых порах подобная политика находила самую горячую поддержку руководства Ост-Индской компании. Вот что говорилось в адресованном А. Ван-Димену письме совета директоров компании от 16 сентября 1638 г.:

«Ваша милость действует мудро, уделяя большое внимание открытию ... золотоносных островов, которые были бы весьма полезны компании, чтобы возместить ей тяжелое бремя и дать реальное ощущение доходности ост-индской торговли».

В 1639 году А. Ван-Димен послал на поиски богатых серебром и золотом островов, которые по рассказам испанских и португальских моряков якобы находились к востоку от Японии, корабли «Ангел» и «Графт». Предполагалось также, что на об-

ратном пути голландские корабли попытаются обогнуть Японию с севера и завязать торговые отношения с Татарией и Кореей. Руководителем экспедиции был назначен капитан Маттиас Кваст. Командиром «Ангела» (на нем находился М. Кваст) стал Лукас Альбертсен, капитаном «Графта» – Абел Янсзон Тасман (в дальнейшем прославленный исследователь Австралии и Океании).

Корабли экспедиции покинули Батавию 2 июня 1639 года. Сначала они шли на север, исследуя встречавшиеся им на пути острова, а затем, достигнув 37-го градуса северной широты, повернули на восток. Однако М. Кваст напрасно искал здесь богатые острова. В конце концов, вспыхнувшая на кораблях эпидемия заставила его прекратить поиски и вернуться в Батавию.

10.5. Экспедиция М.Г. Фриса у берегов Курильских островов и Сахалина

Неудача экспедиции М. Кваста не заставила руководство Ост-Индской компании отказаться от поисков загадочного острова. В начале 1643 года Антонио Ван-Димен принимает решение направить «для исследования неизвестного восточного побережья Татарии, королевства Китая и западного побережья Америки, а также островов восточнее Японии, богатых золотом и серебром» два корабля: флейт «Кастрикум» (водоизмещением около 400 тонн) и яхту «Брескенс» (водоизмещением около 300 тонн).

Руководителем экспедиции был назначен опытный моряк Маартен Герритсен Фрис. М.Г. Фрис родился в городе Харлинген (провинция Фрисланд, Нидерланды) примерно в 1600 году (к сожалению, точная дата его рождения нам пока не известна). В 1622 году в качестве простого матроса он прибыл в Батавию. Работал в Ост-Индской компании в качестве картографа, затем шкипера и капитана. В 1640-1641 гг. служил на острове Тайвань. Создал хорошую карту Тайваня и лоцию для плавания от Батавии до Японии. В 1642 году отличился при захвате испанской крепости Квелонг на Тайване.

3 февраля 1643 года флейт «Кастрикум» (им командовал сам М.Г. Фрис) и яхта «Брескенс» (под командой Хендрика Корнелисена Схаапа) вышли из Батавии. Старшим штурманом на «Кастрикуме» был Корнелис Янсен Кун. В течение всего плавания он вел журнал, ставший главным источником, рассказывающим о плавании М.Г. Фриса.

20 мая 1643 года голландские корабли оказались у южных берегов Японии. На следующий день сильная буря разлучила суда, и далее они шли раздельно. М.Г. Фрис повел «Кастрикум» вдоль восточного берега острова Хонсю и 6 июня оказался у южного берега Хоккайдо. Здесь голландцы впервые повстречали айнов.

Следуя далее в северо-восточном направлении, 13 июня 1643 года «Кастрикум» достиг островов Малой Курильской гряды. В море недалеко от острова Шикотан голландцы встретили три небольших суденышка. Находившиеся на них айны поднимались на борт «Кастрикума». Вот как описывает К.Я. Кун первую встречу голландских моряков и курильских аборигенов. Оказавшись на борту корабля, айны тут же

«попросили табак. У них было с собой несколько прекрасных шкур. Насколько мы могли понимать, это были шкуры морской выдры², туземцы хотели их обменять, но просили за

² Калана.

них много. Несколько шкур тюленей и медвежью шкуру они обменяли на табак. Пили у нас хмельной напиток из риса – sake и были очень дружелюбны и веселы ... У некоторых из них в ушах большие серебряные серьги, они хорошо знают золото и серебро, медь презируют, носят с собой кремь и огниво, чтобы добывать огонь, при себе у них маленькие дощечки из пористой древесины с отверстиями, кроме того есть у них тонкие короткие палочки. Когда они хотят добыть огонь, то, обмакнув палочку в расплавленную серу, которую держат поблизости, вставляют ее в отверстие и трут в ладонях так, чтобы она поворачивалась вперед-назад, огонь быстро загорается ... В сумках из кожи принесли рыбий жир, тоже для обмена. Видя, что мы собираемся продолжать плавание, они покинули судно ...»

14 июня 1643 года голландцы увидели берега Кунашира, который приняли за часть Хоккайдо. Отсюда они двинулись в северо-восточном направлении и 20 июня оказались между островами Итуруп и Уруп. Пролив между названными островами был назван именем руководителя голландской экспедиции и сейчас называется проливом Фриза.

М.Г. Фрис принял остров Уруп за часть Американского континента. Главной причиной этой ошибки голландского мореплавателя была вера в истинность сообщений испанских исследователей о том, что побережье Америки к северу от Калифорнии резко поворачивает на запад в сторону Азии.

20 июня голландские моряки на лодке и баркасе направились к берегу Урупа. Приблизившись к берегу, они

«увидели замечательную, хорошо скрытую бухточку, куда подошли наши лодка и баркас, обогнув несколько высоких скал ... Высадились на землю все вместе, там никаких следов присутствия человека мы не нашли, но видели двух не слишком смущавшихся рыжих лис, оказалось, что здесь уже весна, начинала цвести ольха, приятен был вид зеленой травы, зацветали небольшие цветы, чудесно пели жаворонки. Дальше, в распадках высоких гор, видели прекрасные долины, деревьев там кроме ольхи не было, быстро все рассмотрев, отправились на корабль, обо всем доложили командиру. У этой земли не было прибрежной полосы, не было крутых скал, бесполезные нагромождения которых встречались нам во всех прочих местах, а было великое множество елей и других деревьев, выброшенных штормом».

22 июня на Урупке была найдена земля, «похожая на руду, которая, казалось, содержит серебро». На следующий день, 23 июня 1643 года, поднявшись на высокую гору с плоской вершиной, М.Г. Фрис в присутствии членов экипажа «Кастрикума» установил там деревянный крест и объявил эту землю собственностью Ост-Индской компании.

Покинув пролив Фриза, «Кастрикум» вошел в Охотское море. 1 июля голландцы увидели северо-западную оконечность острова Кунашир и крайний юг острова Итуруп. Здесь они в течение восьми дней проводили обследование берегов, пытались (но безуспешно) осмотреть пролив между Кунаширом и Итурупом.

14 июля «Кастрикум» оказался в заливе Анива. Голландцы увидели берега Сахалина на северо-западе и северо-востоке и Хоккайдо на юго-западе. Однако из-за густого тумана они не заметили пролива между островами. Поэтому М.Г. Фрис сделал вывод, что Сахалин является частью Хоккайдо. 16 июля «Кастрикум» бросил якорь у айнского селения в северной части залива Анива. Вновь возвращаемся к журналу К.Я. Куна.

«Утром – все еще туман, но кое-где проясняется, увидели, что стоим на якоре в большом заливе. Спустили парусные шлюпки и на веслах пошли к берегу сделать промер глубин и узнать, подходящее ли дно. Подходя к берегу, обнаружили, что глубина уменьшается до 10 саженей, дно держит якорь. Затем, в полулье от берега глубина все меньше,

но дно каменистое, рифы тянутся вдоль берега. С судна, шедшего к берегу под парусами, нам дали сигнал, пошли к нему навстречу. Увидели, что нас догоняют 3 лодки, но мы продолжали лавировать. Немного погодя, когда мы были уже на борту, эти 3 лодки прошли вдоль борта. В каждой – 5, 6, 8 человек. Люди такие же, каких мы встречали раньше, они кричали ... и терли ладони одна о другую так, что вся рука двигалась назад и вперед. Они подавали знаки, спрашивая, можно ли подняться на борт, командир жестом разрешил им, после чего лодки подошли вплотную к борту, и несколько человек быстро оказались на судне. Люди эти были одеты в грубое платье из небеленых нитей конопля, кое-где прошитое красными и синими бумажными нитками, в ушах – похожие на бусы разноцветные серьги. Люди вели себя дружелюбно, были веселы и показывали жестами, что судно можно подойти ближе, указывали на землю, где мы увидели деревню в долине, деревню они называли Томари. Но поскольку ничего примечательного в этих людях не было, только немного рыбы с собой, да серебряные серьги в ушах у одного из мужчин, мы стали отходить в море. Когда глубина была 9 сажений, дно каменистое, к борту подошли уже 11 лодок с людьми. Ветер юго-восточный, держим курс на юго-юго-запад. Туземцы, увидев, что мы собираемся отходить, отплыли от борта и направились к берегу. Среди них был очень дряхлый старик, которого мы уже видели у нас на судне, почти слепой от старости, сгорбленный, он опирался на палку, волосы и длинная борода – белы, как лен. Ветер сменился южным, штиль. Не дойдя две третьих лье до берега, 3 лодки повернули и стали грести к нашему борту, подошли, дали нам много свежего и вяленого лосося, вяленой селедки, правда, все несоленое. Среди этих людей было несколько человек с большими серебряными серьгами в ушах, видели также женщину, которая сидела в большой лодке с парусом, женщина белая с длинными распущенными черными волосами, в каждом ухе – большое серебряное кольцо, на шее – длинная нитка синих бусин, среди которых попадались бусины и другого цвета, но она не пожелала выйти из лодки. У мужчин на поясах – мечи, лезвия которых оправлены серебром со всех сторон, оправлены серебром и ножны по краям, очень изысканно, на рукоятках мечей – тоже изящная кузнечная работа серебром. В обмен на их рыбу мы дали рис и железные крючки. Когда командир увидел такое изобилие серебра, он решил идти к поселению Томари и расспросить, откуда у них серебро, обмен закончился, люди шумели и показывали нам, чтобы мы снова повернули к берегу ... Решили бросить там якорь до вечера ... Деревня Томари в двух третьих лье от нас на северо-востоке ... Тот уже упомянутый старик снова прибыл на судно, был он в синем бумажном платье, на спине в большом квадрате золотом были вытиснены японские знаки. Платье было прошито и отделано хлопковыми нитями разных цветов; старик поворачивался к нам спиной, говоря, то есть показывая, чтобы мы прочли знаки, но никто не мог понять их. Мы угостили старика и мужчин, которые сопровождали его, хмельным напитком из риса, что они очень любили ... Вечером они покинули судно, были веселы и пели песни».

Утром 17 июля несколько голландских моряков на шлюпке направились к берегу. Им было поручено расспросить айнов, где они берут серебро. Айны чрезвычайно тепло встретили пришельцев. На берегу собралось много людей, как мужчин, так женщин и детей. Голландских моряков пригласили в гости.

«Дом стоял на зеленой лужайке, чуть выше, но совсем недалеко от берега, и был окружен частоколом с решетчатой дверью. В доме на приподнятых над полом сиденьях, покрытых циновками, сидел ... человек ... Он был одет в синее с белым платье из холста, его жена сидела слева от него, платье на ней было все в узелках и крестиках, вышитых разноцветными хлопковыми нитями; платье эти были похожи на японские. Туземцы жестами показали, что мне следует сесть справа от хозяина, сиденье было в футах полутора от земли, сидели по японскому подобию, на циновках, которыми было устлано все в доме. Мне показалось, что это самый главный человек в деревне. Сидя, мы на жестах вели разговор. В каждом ухе у хозяина было по большому серебряному кольцу, а у жены его только одно, но побольше».

Попытки выяснить у айнов, откуда они берут серебро, успехом не увенчались. Раздав туземцам подарки, голландские моряки вернулись на корабль.

17 июля голландцы получили от айнов информацию, на которую нам хотелось бы обратить внимание читателей. Снова предоставляю слово К.Я. Куну:

«Один из туземцев несколько раз сказал мне *спанола*³. Я не ответил ему, молчал, но мне пришла в голову мысль, что может быть в прошлом сюда приплывали испанцы».

20 июля «Кастрикум» обогнул юго-восточную оконечность Сахалина и, повернув на север, прошел вдоль сахалинского берега до мыса Терпения. 27 июля на берегу залива Терпения голландские моряки в последний раз вступили в контакт с сахалинскими айнами. 28 июля «Кастрикум» оказался рядом с «большой скалой или маленьким островком». На скалах и в воде голландские моряки увидели тысячи морских котиков. Этот остров был назван М.Г. Фрисом островом Тюленей. Вскоре после этого голландцы повернули на юго-восток и 5 августа вышли проливом Фриза в Тихий океан.

Что же касается Х.К. Схаапа и его яхты «Брескенс», то он, потеряв «Кастрикум», пошел в северном направлении и, вероятно, достиг средней части Большой Курильской гряды.

Руководство Ост-Индской компании было удовлетворено итогами экспедиции под руководством М.Г. Фриса. В дальнейшем ему довелось сыграть видную роль в борьбе против испанцев, которую в тот период вела Ост-Индская компания в восточной части Тихого океана. В 1644-1647 гг. он неоднократно ходил к Филиппинским островам, где господствовали испанцы, и принимал участие в боевых действиях против них. В 1647 году М.Г. Фрис, под командованием которого находилось девять кораблей, пытался захватить центр испанских владений на Филиппинских островах – Манилу. Однако данная попытка была неудачной. Начавшаяся на голландских кораблях эпидемия привела к гибели многих моряков. В числе умерших был и М.Г. Фрис.

В целом успешная экспедиция 1643 года не имела продолжения. Дело в том, что уже к середине 40-х гг. XVII века голландская Ост-Индская компания сумела захватить столько богатейших земель, что теперь она была больше озабочена тем, чтобы удержать их за собой, чем поисками новых владений. В связи с этим грандиозные экспансионистские идеи А. Ван-Димена перестали находить поддержку в Голландии. Тон писем руководителей Ост-Индской компании, адресованных этому деятельному и удачливому администратору, становится сдержаннее. Теперь в ответ на очередную программу поисков драгоценных металлов генерал-губернатору Нидерландской Индии сообщают:

«Золото и серебро, которое наивыгоднейшим образом может быть использовано компанией, уже найдено. Мы имеем в виду нашу торговлю со всей Индией и особенно с Тайванем и Японией, торговлю, которая будет развиваться и впредь, ежели Господь не оставит нас своими милостями».

Вместе с тем собранные в ходе экспедиции 1643 года сведения оказали большое воздействие на европейскую географическую науку как XVII, так и последующего XVIII столетия. Дело в том, что уже в 1658 году материалы данной экспедиции (включая ее итоговую карту) были опубликованы в Голландии и стали широко известны в Европе. Еще долго и на западноевропейских, и на русских картах северной

³ Выделено автором.



Рис. 29. Земля Иесо, Земля Компании и Земля Штатов на карте М.Г. Фриса. 1643 год

части Тихого океана к северу от Японии будет помещаться изображение огромной «Земли Есо» с хорошо узнаваемыми Анивским заливом и заливом Терпения и широким перешейком, соединяющим Сахалин и Хоккайдо.

10.6. Русское продвижение на восток и начало покорения Сибири

Во второй половине XV – первой трети XVI вв. в Восточной Европе начался процесс, которому было суждено привести к грандиозным изменениям во всей геополитической обстановке на огромных пространствах Евразии. В результате объединения русских земель вокруг Москвы образовалось единое централизованное Российское государство.

Образование и становление нового государства проходило в обстановке острой борьбы с татарским миром, образовавшимся в результате татаро-монгольских завоеваний в Азии и Европе. Эта борьба облегчалась тем, что в 20–60 гг. XV века основанная внуком Чингисхана Батыем могущественная татарская империя Золотая Орда, в вассальной зависимости от которой находились русские княжества, распалась на целый ряд независимых государств.

Решив проблему национального объединения и сбросив татаро-монгольское иго, молодое, стремительно набиравшее силу Русское государство сразу же начинает экспансию на восток и одно за другим поглощает государства, образовавшиеся в результате распада Золотой Орды. Уже в царствование Ивана Грозного (1533–1583 гг.) в результате успешных войн с Казанским и Астраханским ханствами к России было присоединено Среднее и Нижнее Поволжье. С этого времени для

России был открыт удобный путь на Урал и в Сибирь. А в 80-90-е гг. XVI века было покорено Сибирское ханство.

Завоевание Сибирского ханства явилось переломным событием в исторических судьбах Северной Азии. С этого момента продвижение русских людей на Восток шло с небывалой быстротой. За какие-то полвека они прошли через всю Сибирь и вышли к побережью Тихого океана. В поисках богатых соболями еще не покоренных земель малочисленные русские отряды преодолевали огромные расстояния. Промышленники и купцы, служилые люди и беглые преступники проникали в далекие неведомые земли, основывали там города и селения, воевали с местными племенами и приводили их в российское подданство, брали у покоренных племен аманатов (заложников) и ясак (дань), промышляли соболя, торговали, строили речные и морские суда, обустроивали дороги, делали великие открытия. Их вела за собой алчность и жажда воли, стремление послужить своей стране и своему государю.

Столь стремительное продвижение русских людей по Сибири объясняется целым рядом факторов.

Анализируя роль каждого из этих факторов, следует, прежде всего, особо отметить ту огромную потребность, которую испытывало Российское государство в пушнине. Спрос на пушнину был традиционно велик как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Однако несколько столетий активного промысла привели к тому, что уже к XVI столетию на территории Русского государства практически полностью были истреблены наиболее ценные виды пушных зверей. В России хорошо знали о пушном изобилии Сибири. Ведь еще на заре русской государственности новгородские купцы торговали с сибирскими племенами и вывозили из-за Урала бесценные соболиные шкурки, которые с большой выгодой для себя продавали в странах Западной Европы. Ликвидация Сибирского ханства открыла русским промышленникам путь на восток. Ринувшиеся в Сибирь на рубеже XVI-XVII столетий русские промысловики и сборщики ясака в течение всего шести десятилетий выбили сибирского соболя как промысловый вид. И это не случайно. Ведь только в 40-е гг. XVII века среднегодовая добыча соболя в Сибири составляла более 140 тысяч шкурок за сезон, а в отдельные годы здесь уничтожалось свыше 300 тысяч соболей.

В первую очередь наиболее ценные виды пушных зверей были истреблены на территории Западной Сибири. Потому-то уже в 20-е гг. XVII века сотни охотников за пушниной уходили все дальше и дальше на восток вслед за исчезающим соболем. На этом трудном пути русские землепроходцы открывали и присоединяли к России все новые и новые земли, пока их дальнейшему продвижению не положила конец водная преграда. Они дошли до восточного края Евразии, и дальше был только Тихий океан с его островным миром.

Среди факторов, определявших ту стремительность, с которой шло продвижения русских землепроходцев на восток, следует отметить и крайнюю малочисленность населения Сибири. В XVII столетии на огромной территории, площадь которой составляла почти десять миллионов квадратных километров, проживало всего 230 тысяч человек. На всей этой территории после гибели Сибирского ханства Кучума не осталось каких-либо государственных образований, способных сплотить сибирские народы для борьбы с завоевателями. Более того, сибирские народы были ослаблены постоянными межплеменными и межродовыми конфликтами. Данным обстоятельством часто пользовались русские, используя силу

одних сибирских народов для покорения других. Кроме того, русские люди обладали огнестрельным оружием, дававшим им на первых порах некоторое (не очень значительное) превосходство над туземцами.

Первостепенное значение имеет тот факт, что в течение нескольких десятилетий беспрестанных боев и лишений в массе сибирского казачества вырабатывался особый тип человека. Лев Николаевич Гумилев назвал бы этих людей пассионариями. То были сильные воины, умелые и неустрашимые. Документы сибирской истории изобилуют массой примеров, когда русские одерживали победы над противником, имевшим многократное численное превосходство. Они шли все дальше и дальше на восток и на северо-восток казавшегося бескрайним Евразийского континента, покоряя огромные сибирские просторы. Их не пугали ни тяжелый изматывающий путь, ни голод, ни лишения. Не боялись они ни своей, ни тем более чужой смерти.

Не зная жалости к себе, они не знали ее и по отношению к другим. Они были жестоки и, если это было нужно для того, чтобы заставить сибирские племена покориться и платить дань (ясак), не задумываясь, мучили и убивали туземцев (как мужчин, так женщин и детей). То же самое они делали для того, чтобы обогатиться самим. Столь же безжалостны они были и по отношению к тем своим соотечественникам, которых считали конкурентами в борьбе за пушнину или продовольствие. И в то же время они могли отдать последнее добро, а то и саму жизнь для того, чтобы спасти своих товарищей.

Для того чтобы обезопасить себя от мятежей покоренных народов, а также для того, чтобы платеж ясака был в должном размере и в должное время, широко применялась система заложничества (аманаты). Суть ее состояла в том, что знакомство с новым сибирским племенем начиналось с того, что русские захватывали в плен или родового старейшину, или его ближайших родственников. При этом покоренные народы прекрасно знали, что в том случае, если они поднимут мятеж, первыми его жертвами будут их сородичи, которые находились в русских острожках в качестве заложников.

И, наконец, нельзя забывать о том, что с самого начала покорения Сибири вся эта на первый взгляд неуправляемая казачья вольница находилась под контролем Российского государства. Государство внимательно следило за тем, чтобы собранный казаками ясак исправно поступал в казну, а сами герои-землепроходцы хранили ему верность. И в случае необходимости Российское государство могло жестоко покарать всех тех, кто был настолько безрассуден, чтобы выступить против него. Вместе с тем именно русское государство в случае необходимости в тяжелую минуту приходило на помощь тем землепроходцам, которые сталкивались или с яростным сопротивлением туземцев, или с внешней угрозой.

Именно благодаря всем вышеизложенным факторам малочисленным отрядам русских людей удалось в чрезвычайно короткие сроки присоединить к России и удержать под своим контролем огромные территории от Урала до Тихого океана.

10.7. Выход русских людей к Тихому океану

Первыми русскими людьми, вышедшими к берегам Тихого океана, были казаки из отряда Ивана Юрьевича Москвитина. Их появлению на тихоокеанском побережье предшествовали следующие события. В начале 20-х гг. XVII века русские про-

мышленники и служилые люди впервые проникают в бассейн реки Лены. В 30-е гг. того же столетия начинается присоединение Якутии к России. В 1638 году был образован Якутский уезд и назначены первые якутские воеводы.

В феврале 1636 года из Томска в Якутию отправился отряд русских казаков во главе с атаманом Дмитрием Епифановичем Копыловым. Летом 1638 года на реке Алдан (в восточной части Якутского уезда) Д.Е. Копыловым был основан Бутальский острожек. Бутальский острожек стал опорным пунктом для покорения русскими людьми местных тунгусских и якутских родов. Казаки захватывали у них аманатов и принуждали платить ясак. От аманатов русские получили сведения о близлежащих и самых отдаленных землях.

Один из таких аманатов, тунгусский шаман князец Томкони рассказал Д.Е. Копылову, что

«есть де блиско моря река Чиркол, а на той реке Чирколе гора, а в ней серебряная руда, а окол тое руды живут в орде сидельные многие люди, а живут домами своими, устроены дворы, а городов у них никаких нет и иных никаких крепостей нет же, а ис той руды плавают серебро. А у тех сиделых людей во всех деревнях устроены пашни и лошадей и всякой животины много».

Позднее тунгусский князец по приказанию якутского воеводы Петра Петровича Головина был доставлен в Якутск и здесь повторил свой рассказ о горе с серебряной рудой. Правда, на этот раз название реки, близ которой была расположена данная гора, несколько изменилось. Теперь вместо названия «Чиркол» появляется «Шилкар». По мнению советского исследователя Бориса Петровича Полевого, в данном случае речь шла об Амуре. Ведь еще в середине XIX века жившие на Амуре тунгусские племена называли его Шилкар, Шилкир, Силкар, Силкир, а иногда и Сиркал.

Сообщение о находящейся вблизи моря горе с серебряной рудой чрезвычайно заинтересовало атамана Д.Е. Копылова. Дело в том, что еще весной 1638 года в низовьях реки Май (приток Алдана) его люди встретили большую группу тунгусов, пришедших сюда «из-за камени с Ламы» (т.е. из-за хребта Джугджур с побережья Охотского моря). После трехдневного боя казаки одолели тунгусов и нескольких из них захватили в плен. От пленников русские и узнали о пути «на Большое море-океян». Таким образом, казалось, что гора с серебряной рудой находится совсем близко.

Поэтому Д.Е. Копылов принимает решение послать «проведовать про серебряную руду и про земли, которые сидят около серебряные руды и которые земли блиско моря, которых мочно привести под ево государеву высокою рукою» отряд казаков во главе с Иваном Юрьевичем Москвитиным. В отряд вошло двадцать томских и одиннадцать иркутских казаков. В мае 1639 года они вышли из Бутальского острога. По рекам Алдан, Мая, Нудыми казаки добрались до хребта Джугджур. Перевалив через хребет, они оказались у верховьев реки Ульи. Спустившись вниз по реке, отряд в августе 1639 года вышел к Охотскому морю. Здесь, вблизи устья Ульи русские люди построили зимовье с острожком.

Оказавшись на реке Улье, казаки немедленно приступили к приведению в российский подданство живших там тунгусских родов. В устье Ульи они захватили первых заложников (среди них был сын одного из наиболее влиятельных на Охотском побережье тунгусских князцов Ковыри) и приступили к сбору ясака.

В октябре 1639 года И.Ю. Москвитин оставил в зимовье на устье Ульи десять человек, а сам с двадцатью казаками отправился по морю на север к устьям рек Охота

и Урак. Там русские люди встретили и сделали попытку подчинить тунгусский род шелганов (один из родов эвенов или ламутов Охотского побережья). «На Охоте погромили шесть юрт, а в них побили сорок человек, а на Ураке две юрты, а в них побили двадцать человек». Несколько тунгусов было захвачено в плен. После этого вместе с пленниками казаки вернулись в устье Ульи.

Вскоре после возвращения русских с устья реки Охоты тунгусы сделали попытку освободить своих соплеменников. «Шелганския земли князцы с своими людьми, взяв с собою шестьсот человек», пришли к зимовью и попытались взять его штурмом. Несмотря на то, что соотношение сил было явно не в пользу русских, казаки сделали вылазку и разбили тунгусов, а их «лучшего князца» Томканея взяли в плен. После этого шелганам было предложено, «чтоб оне были под государевою рукою и ясак дали». Однако тунгусы решили «государю ясак не давать и под государевою рукою не быть». Этим они подписали своему «лучшему князцу» смертный приговор. Как и полагалось в таких случаях, пленник был повешен.

Зима 1639-40 гг. прошла относительно спокойно. Казаки продолжили сбор ясака. Всего за время похода на Охотское побережье ими было взято у местных тунгусов 11 сороков (440) соболей. Планируя отправиться летом 1640 года в плавание по Охотскому морю, казаки начали строительство двух морских судов-кочей «по осьми сажень» (около 17 метров) каждый.

Внешние покорность и миролюбие тунгусов обманули И.Ю. Москвитина и его людей. Рассчитывая, что страх за жизнь заложников не позволит тунгусам напасть на пришельцев, казаки «жили небрежно, без караулов». Поэтому появление у русского зимовья крупного (в девятьсот человек) отряда тунгусов во главе с князем Ковырей было для них полной неожиданностью. Нападение произошло в начале апреля 1640 года. Тунгусы атаковали русских в тот момент, когда почти половина казаков была занята на строительстве кочей.

Бой был жестоким. Восемь казаков получили ранения, а один из них был убит. Потери тунгусов были значительно больше. Благодаря неосторожности казаков и фактору внезапности нападавшим удалось освободить сидевших в русском остроге заложников (в том числе и сына князца Ковыри). Однако, в конце концов, казаки сумели не только отбить нападение, но и захватили семь новых пленников.

Пленники были допрошены. От одного из них (тунгусского князца) И.Ю. Москвитин и его спутники получили чрезвычайно интересные сведения о народах, живших далеко к югу от устья реки Ульи. Пленный князец рассказал казакам, что «от них направо в летнюю сторону на море по островам живут тунгусы гиляки сидячие, а у них медведи кормленные». Вероятнее всего, в данном случае речь идет о Сахалине. Ведь вплоть до середины XIX века гиляки составляли главное население северной части острова. В своих селениях они с древних времен до середины XX века выращивали медведей, которых затем во время специальных медвежьих праздников убивали.

От того же тунгуса казаки узнали и о «бородатых людях доурах». Вот как выглядит данный рассказ в изложении одного из участников экспедиции Нехорошко Ивановича Колобова:

«И тех де гиляков до их приходу побили человек с пять сот на усть Уды реки, пришед в стругах, бородатые люди доуры ... А побили де их оманом: были у них в стругах в однодеревых и в гребцах бабы, а они сами человек по сту и по осьмьюдесят лежали меж тех баб и как пригребли х тем гиляком и, вышод ис судов, и тех гиляков так и побили. А бой де у

них топорки, а сами были все в кукках збруйных. А русских де людей те бородатые люди называют себе братьями. А живут де те бородатые люди х той же к правой стороне в лето по Амуре реки, дворами и хлеб у них и лошади и скот и свиньи и куры есть и вино курят и ткут и прядут со всего обычая с русского ... И про серебро де сказывал, что у тех же де бородатых людей у даур есть, и те де будто дауры русских людей желают видеть для того, что называютца им братьями».

По мнению Б.П. Полевого, в этом рассказе смешаны воедино сведения как о живших на Амуре земледельцах даурах, так и об отличавшихся обильным волосным покровом айнах. Сведения о серебре и живущих рядом с ним народах не могли не заинтересовать И.Ю. Москвитина. Ведь главной задачей экспедиции был именно поиск серебряной руды.

К лету 1640 года строительство морских судов было завершено. Взяв с собою проводников, казаки отправились в плавание по Охотскому морю к островам гиляков. К сожалению, сегодня в нашем распоряжении нет источников, которые позволили бы абсолютно точно установить, насколько далеко продвинулись в южном направлении кочи И.Ю. Москвитина. Вот что рассказывал об этом сам руководитель экспедиции:

«А морем шли с жожами⁴ подле берег к гилятцкой орде к островам. И как немного островов гилятцкия орды не дошли за днище на берег и грешною мерою у них ушел вож. И оне, Ивашко с товарищи, после жожа до островов дошли. И гилятцкая земля объявилась и дымы оказались, и оне без жожей в нее итти не смели потому, что люди многия, и их голод изнял, и почали есть траву, и оне от голоду воротились назад. И пришли к берегу в речку и изымали мужика тунгуса и тому тунгусу стали сказывать про острова, где оне, Ивашко с товарищи, были. И тот тунгус им говорил, что были де оне тут, где гилятцкая орда, от коих островов воротились. И тот де тунгус сказывал им, за тем де островом пала в море река Омур».

Сообщение И.Ю. Москвитина дополняется расспросной речью другого участника экспедиции – Н.И. Колобова:

«...А гиляков, которые живут по островам, тех проходили. А сказывали те тунгусы, что от них морем до тех бородатых людей недалече. А не пошли де они к ним морем за безлюдством и за голодом, что там, сказали, рыбы в тех реках нет. А то де амурское устье они видели через кошку (речь идет о намытой рекой косе. – М.В.)».

По мнению Б.П. Полевого, данные сообщения свидетельствуют о том, что летом 1640 г. И.Ю. Москвитину и его товарищам удалось дойти до устья Амура и при подходе к нему увидеть берег Сахалина. Не исключено, что так оно и было. Вместе с тем, некоторые исследователи считают, что под «островами гилятцкой орды» подразумевались Шантарские острова.

Наиболее убедительно данная точка зрения была защищена видным дальневосточным топографом и краеведом Григорием Григорьевичем Левкиным. Вот что писал он в своем послесловии к книге дальневосточного этнографа В.А. Тураева «И на той Улье реке... Русский землепроходец И.Ю. Москвитин: правда, заблуждения, догадки»:

«Как следует из документов, москвитинцы повернули вспять от «островов гилятцкой орды». В этом Москвитин с Колобовым единодушны. О каких же островах идет речь? Здесь возможны два варианта. Либо это Шантарские острова, и тогда все разговоры об увиденном Амуре – вымысел. Либо – Сахалин и лежащие напротив него острова Чкалова и Байдукова...

⁴ Проводниками.

Известно, что москвитинцы плыли вдоль берега материка. Не заметить Шантарских островов они не могли, так как пролив Линдгольма, отделяющий острова Малый Шантар и Беличий от Тугурского полуострова на материке, всего-то 7-10 км шириной, а высота гор на Малом Шантаре – до 224 м, на Беличем – до 453 м. Впрочем, не могли казаки не заметить и Большой Шантар. Расстояние до него от материка (между мысами Бол. Дуганджа на материке и Радужный на острове) всего около 30 км, а наивысшая отметка на острове (гора Веселая) – 720 м. Почти так же удален Большой Шантар и от Тугурского полуострова.

Но, по утверждению Б.П. Полевого и В.А. Тураева, получается, что москвитинцы не заметили Шантарского архипелага. Не отметить в своих рассказах увиденные острова казаки просто не имели права. Предположить, что они плыли в тумане, вряд ли отважится самый тенденциозный исследователь. Называть острова Удд и Лангр (Чкалова и Байдукова) «гиллятцкими островами» тоже можно лишь для развития версии о достижении москвитинцами Сахалина.

Остров Чкалова (Удд) является своеобразным естественным продолжением материковой Петровской косы, а Байдукова (Лангр) – продолжением острова Чкалова. Совместно они образуют материковый залив Счастья... Предположим, казаки проплыли мимо Шантарских островов, не заметив их, несмотря на расположенные на них высокие горы. Но шли-то они вдоль берега на удалении 2-3 км – в этом единодушны все историки. Значит, острова Чкалова и Байдукова должны были оказаться по правую сторону от них, а Сахалин – по левую.

В этом случае расстояние от острова Чкалова до Сахалина более 30 км, а от Байдукова – около 25 км (в самом узком месте Амурского лимана). Но это до плоского берега, а до высшей точки Сахалина в этом районе (гора Байкал с отметкой 105 м) оказывается около 45 км. Только из-за кривизны земли, ее шарообразности, москвитинцы, находясь на коче, не могли видеть низменный берег Сахалина...

Предположим, что высота коча с учетом роста человека равна 4 м. Высота берега на Сахалине тоже равна 4 м. Тогда получится, что казаки могли увидеть берег не далее чем с 15,4 км. Но как говорилось выше, кратчайшее расстояние от острова Байдукова до Сахалина 25 км.

Может появиться возражение, что есть же на берегу Сахалина более высокие точки, выше 4 м. Разумеется, есть, и я умышленно назвал гору Байкал, чтобы посчитать и этот вариант. В этом случае она видна с расстояния в 46 км, то есть на самом пределе. Попробуйте за 45 км на море увидеть макушечку горы! А потом примите решение о плавании к ней! И это, следуя логике рассуждений Б. П. Полевого и В. А. Тураева, пройдя мимо Шантарского архипелага?!»

Подводя итог имеющимся в нашем распоряжении материалам, мы не можем не признать, что из-за неясности текстов расспросных речей участников похода И.Ю. Москвитина в настоящее время практически невозможно установить, сами ли участники первой русской экспедиции на Тихом океане дошли до устья Амура и видели его «через кошку», или же только слышали об этом от тунгусов.

Поэтому вывод Б.П. Полевого о том, что «впервые русские увидели сахалинское побережье во второй половине лета 1640 года, т.е. на три года раньше участников голландской экспедиции Де-Фриза», является не чем иным, как не очень убедительно обоснованной гипотезой.

Как бы то ни было, именно поход И.Ю. Москвитина положил начало освоению русскими людьми крайнего северо-востока Евразии, в ходе которого они узнали об островном мире северной части Тихого океана. Рано или поздно значительная часть этого островного мира окажется в сфере влияния России.

10.8. Экспедиция В.Д. Пояркова собирает первые сведения об Амуре и Сахалине

Первыми русскими людьми, которые, вне всякого сомнения, видели и устье Амура и сахалинский берег, были участники амурского похода под руководством письменного головы Василия Даниловича Пояркова. В.Д. Поярков был направлен «на Зею и на Шилку реку для государева ясачного сбора, и для прииску вновь неясашных людей, и для серебряной, и медной, и свинцовой руды, и хлеба...» якутским воеводой Петром Петровичем Головиным. В проводники В.Д. Пояркову был дан тот самый тунгусский шаман Томкони, который еще летом 1638 года был захвачен на Алдане казаками атамана Д.Е. Копылова и первый рассказал русским людям о горе с серебряной рудой на реке Чирколе. Летом 1643 года отряд численностью в сто тридцать три человека вышел из Якутского острога.

Экспедиция длилась почти три года. Казаки шли по неведомым для них землям, преодолевая упорное сопротивление амурских народов, уничтожая непокорных, погибая от рук аборигенов, болезней и голода. Виновником гибели многих из них стал сам руководитель похода. Вот что рассказывали впоследствии о поведении В.Д. Пояркова его спутники:

«Служилых людей он бил и мучил напрасно и, пограбя у них хлебные запасы, из острожка их вон выбил, а велел им идти есть убитых иноземцев, и служилые люди, не желая напрасною смертью помереть, съели многих мертвых иноземцев и служилых людей, которые с голоду померли, приели человек с пятьдесят; иных Поярков своими руками прибил до смерти, приговаривая: «Не дороги они служилые люди! Десятнику цена десять денег, а рядовому два гроша». Когда он плыл по реке Зие, то жители тамошние его к берегу не припускали, называя русских людей погаными людоедами. Когда весною в устье Амура снег с лугов сошел и трава обтаяла, то остальные служилые люди начали корень травной копать и тем кормиться, но Поярков велел своему человеку выжечь луга, чтобы служилые люди покупали у него запас дорогою ценою».

В конце лета 1644 года уменьшившийся более чем в два раза отряд В.Д. Пояркова (в нем осталось около шестидесяти человек) добрался до Нижнего Амура и оказался в земле гиляков. Вот что рассказывал В.Д. Поярков, вернувшись летом 1646 года в Якутск:

«А гиляки сидячие, живут по обе стороны Амура и до моря улусами, да и на море по островам и губам живут многие же гиляцкие люди сидячие улусами, а кормятся рыбою, ясаку они, гиляки, хану не дают».

В начале сентября казаки увидели Амурское устье. Здесь отряд В.Д. Пояркова провел зиму 1644-45 гг. Отсюда русские люди впервые наблюдали северо-западное побережье Сахалина.

Амурские гиляки сообщили казакам много интересных сведений как о самом острове, так и о населявших его народах.

«Гиляки сказывали, – вспоминал в ноябре 1645 года один из участников амурского похода Микула Тимофеев, – есть де на усть Амуре реки в губе остров, а на том де острову двадцать четыре улуса, а живут де гиляки ж, а в улусе де юрт есть по сту и по пятидесяти...»

Он же сообщил, что

«от усть Амура реки до острова до гиляцково мерзнет, лед ставает вовсе. А на острову де рыбы много ж всякой и соболи де на острову у гиляков есть ж. А промышляют де они гиляки соболей на острову мало потому что де они гиляки ни с кем не торгуют».

Тогда же В.Д. Поярков и его спутники получили сведения об айнах:

«Да гиляки де сказывали им служилым людям: есть де подле моря черные люди. А называют де их куями. А живут де они подле моря по правую сторону. А какой де у них товар есть и того де они не ведают».

10.9. Первая попытка присоединения страны гиляков к России

Зимой 1644–45 гг. В.Д. Поярков приступает к сбору ясака с амурских гиляков. С этой целью уже в конце 1644 года казаки захватили первого заложника и взяли с его сородичей ясак. В связи с тем что гиляки не оказали пришельцам какого-либо сопротивления, казаки решили захватить в плен еще несколько гиляков, в том числе пользовавшегося влиянием среди гиляков «лучшего мужика» Балия. Балий не мог примириться с тем, что русские взяли его «в железа» (т.е. заковали в кандалы), и на их глазах отсек топором свою закованную ногу. Этот поступок произвел на В.Д. Пояркова настолько сильное впечатление, что он, опасаясь выступления гиляков против своего небольшого отряда, приказал отпустить почти всех пленников. В дальнейшем, однако, практика захвата заложников была продолжена. Ведь без этого было практически невозможно обеспечить исправную выплату гиляками ясака. Всего в земле гиляков В.Д. Поярковым было взято 12 сороков (480) соболей и 6 соболевых шуб. В начале лета 1645 года, захватив с собой трех пленных гиляков, В.Д. Поярков покинул Нижний Амур.

В течение семи лет после экспедиции В.Д. Пояркова русские не проникали в землю гиляков. Только летом 1652 года здесь оказался отряд казаков во главе с Иваном Антоновичем Нагибой. Гиляки, вероятно, хорошо помнили предыдущий визит русских казаков на Нижний Амур и встретили пришельцев крайне враждебно. Благо русский отряд был крайне малочисленным: в нем было всего двадцать семь человек. Гиляки «на многих стругах» вышли навстречу русским лодкам. «На берег не допустят и ни вниз, ни вверх не пропустят, – вспоминал впоследствии один из участников похода Иван Уваров. – И мы в осаде на якоре простояли две недели, и пить и есть стало нечего... горько было! А запаса было взять мало, и тот запас весь приели, и есть стало нечего – помирали напрасною голодною смертью. И мы, холопы государевы, увидели на юртах рыбу провесную и напустились на те юрты великою нужею, голодные, и вышли за щитами и на улус напустились». С большим трудом казакам удалось пробиться в Амурский лиман. Здесь на них снова «гиляцкие мужики напустились боем на многих стругах». Во время боя русские смогли «один струг пробить и в стругу мужиков побить человек с сорок». Лишь после этого отряд И.А. Нагибы смог уйти в Охотское море.

Иначе встретили гиляки отряд казаков во главе со Степаном Поляковым. Ведь этот отряд насчитывал уже сто тридцать два человека. С. В. Поляков и его товарищи оказались на Нижнем Амуре осенью 1652 года. Казаки построили «в середе Гиляцкой земли» острог, захватили заложников у девяти гиляцких родов и начали сбор ясака. В дальнейшем эта история повторялась: гиляки практически всегда нападали на малочисленные русские отряды (так, зимой 1654–55 гг. был полностью истреблен небольшой отряд якутских казаков во главе с Оником Логиновым) и покорялись сильным. В феврале 1653 года острог С. В. Полякова был сожжен по приказу Ерофея Павловича Хабарова.

Осенью 1655 года на Нижнем Амуре оказался крупный, насчитывавший более шестисот человек, отряд русских казаков во главе с Онуфрием Степановым Кузнецом. Вскоре казаки произвели захват заложников среди большинства гилякских родов и возобновили сбор ясака. Вероятно, что уже тогда им удалось захватить в плен нескольких сахалинских гиляков (сахалинские гиляки довольно часто приезжали по торговым и иным делам на Амур) и принудить их роды к выплате ясака.

До наших дней сохранилась «Ясачная книга даурские и дучерские и гилятцкие земли» за 1655-1656 гг. В книге имеются записи о том, что в октябре 1655 года гиляки Таунского, Дутмытского, Чагаданского и Маганзьянского улусов привезли О. Степанову ясак. Сопоставив приведенные в «Ясачной книге» названия улусов и названия гилякских селений середины XIX в., российский исследователь Борис Осипович Долгих пришел к выводу, что названные в ней улусы соответствуют расположенным на западном побережье Северного Сахалина селениям Танги, Дуи, Чангни и Мангаль. Никаких сведений о высадке казаков из отряда О. Степанова на Сахалине в «Ясачной книге» нет. Сбор ясака в земле гиляков продолжался и в 1657-1658 годах.

10.10. Появление острова Сахалина на русских картах

Информация о Сахалине, полученная от экспедиций, исследовавших Амур и собравших информацию о лежащем против его устья острове в 40-50-е годы XVII столетия, далеко не сразу была использована при составлении русских карт Сибири. Пожалуй, впервые изображение маленького островка, расположенного в самом устье Амурского моря, было помещено на «Чертеже древнем всея Сибири» 1667 года (так называемом Годуновском чертеже Сибири). Этот остров был настолько мал, что составители следующего «Чертежа всея Сибири» 1673 года забыли о его существовании. На данном чертеже ни в амурском устье, ни вблизи него вообще нет какого-либо острова.

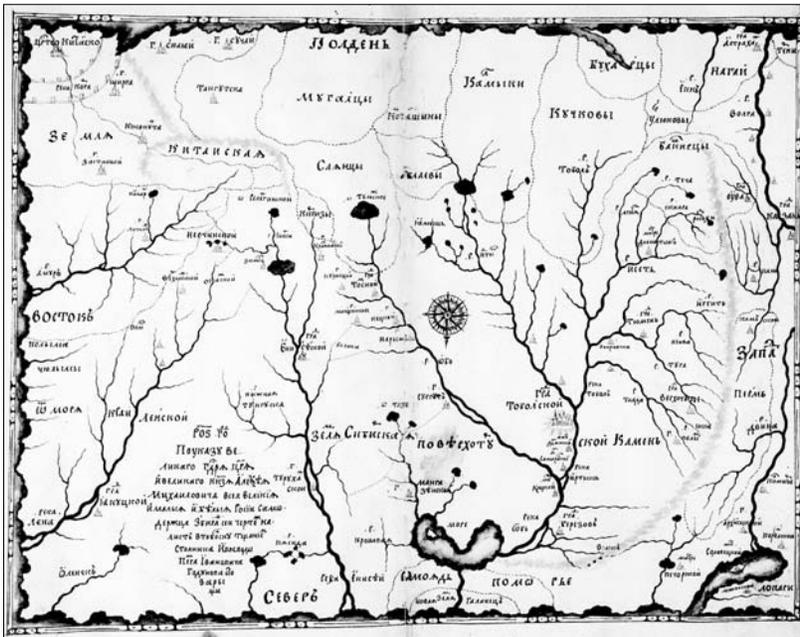


Рис. 30. Чертеж древний всея Сибири (Годуновский). 1667 год. В устье Амурского моря изображен небольшой остров

Однако пройдет еще одно десятилетие, и изображение маленького островка против амурского устья вновь появится. На этот раз Сахалин будет изображен на чертеже Сибири, составленном в 1684 или в 1685 году сибирским картографом Семеном Ульяновичем Ремезовым. Правда, следует отметить, что в следующих чертежах, составленных С. У. Ремезовым, остров, расположенный в устье Амура, то появляется, то исчезает. Это говорит о том, что знаменитый русский картограф не придавал информации о данном острове какого-либо значения.

10.11. Начало маньчжурской экспансии в Приамурье

Едва начавшийся процесс освоения Россией Приамурья и Сахалина был прерван маньчжурами. Маньчжуры крайне враждебно отреагировали на российскую колонизацию Приамурья. Ведь еще в 30-е гг. XVII века они начали свою экспансию в данном районе. Правда, потом, занятые покорением Китая, маньчжуры на некоторое время ослабили давление на север. Однако уже в 50-е гг. здесь начинаются боевые действия между россиянами и маньчжуро-китайскими войсками.

Соотношение сил в Приамурье складывалось явно не в пользу России. Сил отряда О. Степанова хватило на покорение туземных племен Приамурья и Сахалина. Однако их было совершенно недостаточно для борьбы хорошо вооруженным и организованным маньчжурским войском. Еще весной 1655 года О. Степанов доносил в Якутск о том, что на Амур прислано маньчжурское войско, и о сильных столкновениях с «богдойскими воинскими людьми». Руководитель русского отряда просил у якутской администрации помощи людьми и боеприпасами.

В конце концов в июне 1658 года на среднем Амуре недалеко от устья Сунгари произошла встреча между отрядом О. Степанова и маньчжурским войском. В ходе развернувшегося сражения «богдойские люди в 47 бусах (судах. – **М.В.**) с вогняным (огненным. – **М.В.**) боем, с пушками и пищальми» окружили и разгромили отряд О. Степанова. В жестоком бою погибли и сам командир, и 220 служилых людей.

После этого значительная часть среднего и весь Нижний Амур оказались под контролем маньчжуров. Уже в 1659 году в маньчжурских источниках появляются первые сведения о жившем на Нижнем Амуре племени фияка (фэйяка). Это племя было покорено маньчжурами и было вынуждено платить им дань. Российский исследователь Леопольд Иванович Шренк считал, что термином «фияка» маньчжуры называли целый ряд народов Приамурья (в том числе гиляков-нивхов). В соответствии с Нерчинским договором, заключенным между Россией и цинским Китаем в 1689 году, России пришлось почти на полтора века покинуть Приамурье. В итоге Сахалин надолго оказался вне сферы российского влияния.

Гиляки приняли самое деятельное участие в изгнании россиян с Нижнего Амура. Немало казаков погибло в их засадах. Вот что рассказывали в конце XIX века амурские гиляки российскому исследователю Льву Яковлевичу Штернбергу: «Однажды маньчжу преследовали русских, но часть оставили. Возвращаясь, русские решили напасть на Тыр ... Гиляки на доски положили камни и привязали их. Когда русские подошли к утесу, они отпустили веревку; и все русские погибли ...»

Главной причиной враждебности гиляков были жестокость и алчность казаков. Даже два с половиной столетия спустя после вынужденного ухода россиян с Нижнего Амура гиляки рассказывали: «Русские жарили детей на штыках и кушали их мясо, женщинам отрезали головы». Вместе с тем не меньшую роль сыграла при-

вычка гиляков (кстати, как и многих других народов Дальнего Востока) рассматривать каждый оказавшийся в их землях малочисленный отряд как свою законную добычу.

После гибели отряда О. Степанова боевые действия между русскими и маньчжурами переместились в район русской крепости Албазин, которая была расположена на берегу реки Амур, приблизительно в двухстах километрах ниже того места, где эта река образуется слиянием Аргуни и Шилки. В 1684 году названная крепость стала центром Албазинского уезда. Летом 1685 года маньчжурам даже удалось взять и разорить Албазин. Однако не прошло и года, как этот оплот и символ русского присутствия в Приамурье был восстановлен казаками под руководством воеводы Алексея Ларионовича Толбузина и «служилого немца» Афанасия Бейтона. В 1687 году маньчжуры снова осаждали Албазин, но на этот раз успеха не добились.

В конце концов судьбу русского Приамурья определило стремление российского руководства, готовившегося к решению целого ряда важнейших внешнеполитических задач на юго-западных и западных границах страны, любой ценой добиться нормализации отношений с Цинской империей. Вот как выглядели аргументы сторонников компромисса с маньчжурами в изложении выдающегося русского историка Сергея Михайловича Соловьева:

«Сближаясь с Западом, вступая в священный союз христианских держав против неверных, чтоб окончательно стряхнуть позорные остатки татарского ига, спешили, разумеется, прекратить столкновения на отдаленном Востоке, столкновения с китайцами, происшедшие вследствие занятия козаками стран приамурских, которые богдыхан считал своими. Прекратить эти столкновения было необходимо и потому, что государство не имело никакой возможности посылать значительные рати за Камень⁵, в неведомые страны, а козацкие отряды, способные принуждать к ясаку малочисленные, разбросанно живущие роды сибирских туземцев, оказывались несостоятельными пред многочисленными ополчениями Срединного государства».

После чрезвычайно сложных переговоров, сам ход которых в значительной степени определялся существенным военным превосходством маньчжур, в городе Нерчинске 27 августа 1689 года полномочными представителями России и Цинской империи был подписан договор. В соответствии с этим договором русские были вынуждены оставить Приамурье, которое надолго отошло к маньчжурам.

⁵ Уральские горы.

Глава 11

САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В XVIII ВЕКЕ

11.1. Маньчжуры на Сахалине

11.1.1. Маньчжурская экспедиция 1710 года и карта императора Канси

Выиграв битву за Амур, маньчжуры вскоре распространяют свое влияние и на Сахалин. Начало этого было положено в те времена, когда в Китае правил император Канси.

Этого китайского императора довольно часто сравнивают с российским императором Петром Великим. Действительно, правление Канси и Петра I пришлось примерно на одно и то же время (соответственно 1661-1723 и 1682-1725 годы). Оба были возведены на престол в весьма юном возрасте (соответственно в шесть и десять лет). Оба, взяв в свои руки реальную власть, безжалостно подавляли как реально угрожавшие им заговоры и мятежи, так и вообще любое противодействие своей воле внутри страны. Оба вели активную внешнюю политику, направленную на захват и присоединение новых земель. И в результате оба вошли в историю своих стран как мудрые и просвещенные правители. И, конечно, что самое главное, и тот и другой были выдающимися реформаторами своих стран, широко привлекавшими на службу квалифицированных иностранных специалистов из стран Западной Европы.

Именно такие специалисты вошли в состав экспедиции, которая в 1709 году была по указу императора Канси направлена на Нижний Амур. То были находившиеся на маньчжурской службе католические миссионеры, члены общества Иисуса французы Регис и Жарту и немец Фриделли.

Во время пребывания на Нижнем Амуре участники экспедиции получили от его жителей следующую информацию:

«...Они первые сообщили нам о том, чего мы не знали, а именно: что в устье Сагальен Ула¹ есть большой остров, на котором живут похожие на них люди. Император послал в те места маньчжуров, которые переправились туда на лодках этих ке ченг тасе², живущих на берегу моря и торгующих с жителями западной части этого острова. Если бы эти господа, проходя [его] южную часть, измерили бы [ее], как они это сделали, продвигаясь на восток, а также возвращались через север к тому месту, откуда они начали свой путь, мы имели бы полные сведения об этом острове; но они не сообщили ни названий деревень, ни измерений южной стороны; поэтому, намечая очертания южной части, мы основывались лишь на сведениях нескольких жителей, а также исходя из того, что за 51 [параллелью] мы не видели никакой твердой земли вдоль берега, хотя таковая и должна быть, если остров длиннее. Жители континента его называют по-разному, в зависимости от деревень, куда они обычно ездят, но общее название, которое ему подошло бы, – «Сагальен Анга Хата», остров в устье Черной реки; именно этим выражением они называют его. Название «Хюйе», данное ему некоторыми жителями Пекина, совершенно неизвестно континентальным татарам, а также островитянам.

¹ Речь идет о реке Амур.

² Вероятнее всего, речь идет об амурских нивхах.

Посланные туда маньчжуры узнали лишь названия тех деревень, в которых сами побывали, а отсутствие удобств заставило их вернуться раньше, чем они сего пожелали. Они рассказывают, что островитяне не разводят ни лошадей, ни других вьючных животных, но в некоторых местах у них есть нечто вроде домашнего оленя, который тянет их сани, которые по описанию маньчжуров похожи на те, которыми пользуются в Норвегии...»

На основании отчета, подготовленного участниками экспедиции на Сахалин, католические миссионеры смогли составить карту, которая была включена в качестве составной части в знаменитую «Карту императора Канси» (большой многолистной карты Китайской империи). На этой карте напротив устья Амура был изображен небольшой остров, южная оконечность которого была расположена на 50-м градусе северной широты. Столь большая погрешность (на самом деле координаты самой южной оконечности Сахалина – мыса Крильон – 45-й градус 54-я минута северной широты) может иметь два объяснения. Или маньчжуры еще плохо владели методиками определения широты, или они исследовали только ту



Рис. 31. Остров Сахалин в атласе д'Анвиля

часть острова, которую заселяли гилияки, а идти в земли айнов они просто не решились.

Из других достижений экспедиции 1709-1710 годов следует отметить то, что на Сахалине маньчжурами была впервые собрана информация об уйльта – оленеводческом народе, жившем в центральных и северных районах Сахалина.

«Карта императора Канси» вызвала значительный интерес у европейских ученых. Уже в 20-е годы XVIII века она попала в Россию и в течение долгого времени использовалась при составлении карт северной части Тихого океана. В 30-е годы XVIII в. «Карта императора Канси» была использована французским географом и картографом Жаном Батистом д'Анвилем при составлении своего атласа, опубликованного в Париже в 1737 году. В данном атласе рядом с изображением Сахалина французский картограф поместил надпись:

«Имя, которое обычно дают этому острову, «Сагалиен-Анга-Хата», что означает остров устья Черной (реки)».

11.1.2. Маньчжуры покоряют народы Сахалина

В XVIII – начале XIX века между Китаем и народами Сахалина интенсивно развивался торговый обмен. С острова в Китай вывозились в основном меха (соболь, выдра, лисица). Из Китая на Сахалин ввозились разнообразные ткани (прежде всего парча, а также шерстяные и хлопчатобумажные материи), шелковые нитки, табак и курительные трубки, водка, пшено, ячмень, просо, бобы, разнообразная посуда, бусы, бисер, иглы и т.п. Часть завезенных из Китая товаров на Сахалине перепродавалась японским торговцам и затем вывозилась в Японию.

Маньчжурское проникновение на Сахалин закончилось тем, что население острова попало в зависимость от новых пришельцев. Это произошло не позднее середины XVIII века. Во время своего путешествия по Сахалину (в 1808-1809 годах) японский исследователь Мамия Риндзо попытался «узнать корни зависимости местных вождей от Маньчжурии».

Вот что услышал он от сахалинских гиляков:

«В старые времена ... какие-то чужеземные корабли ... ежегодно заходили на остров для пушной торговли. С этих кораблей на берег сходили жестокие люди, наводившие ужас на всех островитян. Однажды (по мнению Риндзо, в 1747 или 1748 году, поскольку им обнаружены куски пожелтевшей маньчжурской парчи и документы, датированные 1747 годом) на остров прибыл большой отряд маньчжуров. Островитяне по ошибке приняли их за жестоких чужеземных охотников за пушниной и ушли в горы. Маньчжуры поговорили с оставшимися в поселении туземцами, и этот разговор имел весьма существенные последствия. В поселении Итой на западном берегу острова (более 360 миль к северу от Сирануси³) мужчина по имени Торухэну был назначен «харата» (вождем). Такую же должность в поселении Кауто (около 120 миль севернее Итой) получил туземец Урутого. В Довака (называемом также Мерукоа), который расположен на восточном берегу в 50 милях от Нотэто, был назначен свой «харата». Кроме того, маньчжуры назначили немало «касинта» (помошников) ... Все они совершали ежегодные поездки в Маньчжурию для уплаты дани. Маньчжуры покинули остров, пообещав на прощание, что будут давать один рулон парчи за одну шкурку соболя и станут торговать с аборигенами на выгодных для островитян условиях».

В айнских селениях, расположенных на западном побережье Сахалина, Р. Мамия в 1809 году от нескольких стариков (им было от 70 до 75 лет) услышал несколько иную историю о происхождении традиции «ездить в Маньчжурию для уплаты дани».

«Когда они были детьми, вождя в Наеро⁴ звали Яэнхиракан (возможно это был прадедушка нынешнего вождя Яэнкуру). И по натуре он был хитрым и жестоким человеком. Он убил более десятка сантанов и сумеренкуру⁵, приехавших на остров из Маньчжурии по торговым делам, и присвоил все их товары. Все это довольно долго хранилось в тайне, поскольку убийство с целью ограбления считалось наиболее тяжким преступлением. Но уцелевшим сантанам удалось вернуться в Маньчжурию и рассказать обо всем тамошним властям. На следующий год маньчжуры нагрянули в Наеро. Они прибыли на трех боевых кораблях, вместе с ними приехали сантаны и сумеренкуру. Все виновные в прошлогоднем преступлении были сурово наказаны. Вождей оставили в живых, взяв с них выкуп ... Главного виновника преступления Яэнхирикана они заставили отдать им в заложники двух сыновей ... С тех пор местные жители сами стараются ежегодно платить дань маньчжурам и не осмеливаются выказывать непослушание ... Спустя некоторое время после этого инцидента долги были оплачены и заложники вернулись домой, имея на руках документы с

³ Селение на крайнем юго-западе Сахалина.

⁴ Айское селение на западном побережье Сахалина.

⁵ Речь идет о гиляках и ольчах.

печатами. Согласно этим документам, они назначались «харата». Здесь же говорилось, что им в помощь назначены «касинта».

Сообщение Р. Мамяя подтверждается и другими исследователями. Так, российский ботаник, геолог и палеонтолог Федор Богданович Шмидт в 1860 году познакомился в Наеро со стариком Сетакуреро, который показал ему грамоту на маньчжурском языке. Грамота свидетельствовала, что отец старика был назначен маньчжурами айнским старшиной.

11.2. Первые русские экспедиции к Курильским островам

11.2.1. Экспедиция В.В. Атласова и открытие Северных Курил

Потеряв Приамурье, Россия, тем не менее, во второй половине XVII – XVIII вв. смогла присоединить к себе и удержать огромные территории на крайнем северо-востоке Азии, а также многие острова в северной части Тихого океана.

Одним из наиболее важных событий в деле освоения этих земель был камчатский поход под руководством Владимира Владимировича Атласова.

Отзывы о В.В. Атласове довольно противоречивы. По мнению видного русского исследователя академика Льва Семеновича Берга,

«Атласов представляет собой личность совершенно исключительную. Человек малообразованный, он вместе с тем обладал недюжинным умом и большой наблюдательностью, и показания его... заключают массу ценнейших этнографических и вообще географических данных. Ни один из сибирских землепроходцев XVII и начала XVIII в., не исключая и самого Беринга, не дает таких содержательных отчетов».

Благодаря исследованиям русского историка Бориса Петровича Полевого сегодня известно, что будущий исследователь и покоритель Камчатки родился в Якутске в семье якутского казака Владимира Тимофеева Отласа в период от 1659 до 1664 года. В 1682 году сразу после смерти отца В.В. Атласов был поверстан в казаки и начал государственную службу.

Первое время он служил в бассейне реки Алдан и на реке Уде. В декабре 1696 года небольшой отряд В.В. Атласова (в него входили около шестидесяти русских казаков и примерно столько же юкагиров) отправился в поход, положивший начало завоеванию Камчатки.

В ходе экспедиции от камчатских «иноземцев» были получены сведения об островах, лежащих к югу от Камчатки, а в 1697 году с юго-западного побережья Камчатки русские люди впервые могли увидеть их сами. Вот что рассказал об этом в феврале 1701 года сам руководитель похода:

«А против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть, и иноземцы сказывают, что там острова есть, а на тех островах города каменные и живут люди, а какие – про то иноземцы сказать не умеют. А с тех де островов к курильским иноземцам приходит ценинская⁶ посуда и платье даб⁷ полосатых и пестрых, китаек⁸ и лензовые азямы⁹. И сказывали те курильские иноземцы, что де тою посуду и одежду дают им даром, а ни на что не покупают. А на чем с тех островов к курилам приходят, того иноземцы сказать не умеют».

⁶ Фаянсовая и фарфоровая.

⁷ Из грубой хлопчатобумажной ткани.

⁸ Из хлопчатобумажной ткани.

⁹ Шелковые халаты.

Во время похода по западному побережью Камчатки В.В. Атласов обнаружил в одном из камчадалских родов пленника. Им оказался японец по имени Дэнбей. За несколько лет до появления В.В. Атласова на Камчатке у ее берегов потерпело крушение японское судно. Из всей команды сумел спастись только Дэнбей. В.В. Атласов отобрал его у камчадалов. Японец был сначала доставлен в Якутск, а затем и в Москву. 8 января 1702 года в селе Преображенском его принимал сам Петр I. Рассказ Дэнбея о Японии и ее богатствах (опять речь шла о столь желанных золоте и серебре) заинтересовал русского царя. Поэтому в том же 1702 году Сибирским приказом от имени Петра I была составлена грамота, предписывавшая Якутской воеводской канцелярии послать на Камчатку сотню искусных в военном деле людей во главе с приказчиком. Одной из главных целей отряда должен был стать поиск путей в Японию, выяснение состояния японского вооружения и установление российско-японской торговли. Поиск путей в Японию неизбежно должен был привести Россию на Курильские острова.

11.2.2. Экспедиции Д.Я. Анциферова и И.П. Козыревского на Шумшу и Парамушир

В 1706 году камчатский приказчик Василий Колесов направил на юг полуострова для покорения «немирных людей» Михаила Наседкина с пятидесятью казаками. В ходе экспедиции казаки сумели добраться до южной оконечности Камчатки – Камчатского Носа.

«А от того де места дале земли в Нос нет, пришло море, только видеть в море за переливками земля, – рассказывал впоследствии М. Наседкин, – а проведать де той земли не на чем, судов морских и судовых припасов нет и взять негде, потому что де лесу близко нет, и снести и якорей взять негде».

В 1710 году якутская администрация, руководствуясь указаниями Петра I «о проведыванье Японского государства и учинении с ним торгов», предписывает камчатским приказчикам,

«поделав суды, какие прилично, за переливками на море земли и людей всякими мерами, как мочно проведывать; и буде явятся на той земле люди, и тех людей великого государя под царскую высокосамодержавную руку вновь как мочно, всякими мерами, по тамошнему смотря, приводить и ясак с них собирать с великим радением, и той земли учинить особый чертеж».

В 1711 году русские люди впервые вступили на курильскую землю. Этому событию предшествовал кровавый мятеж камчатских казаков. В январе-марте 1711 года бунтовщики одного за другим убили трех камчатских приказчиков (в том числе и В.В. Атласова). Однако вскоре казаки поняли, что за убийство приказчиков им рано или поздно придется заплатить собственными головами. Поэтому они решили заслужить прощение царя, совершив путешествие на Курильские острова.

В августе 1711 года отряд камчатских казаков под руководством Данилы Яковлевича Анциферова и Ивана Петровича Козыревского высадился на Шумшу – самом северном острове Большой Курильской гряды. Жившие на Шумшу айны попытались оказать казакам сопротивление, но были разбиты. По рассказу казаков, вслед за Шумшу они смогли побывать и на втором Курильском острове – Парамушире. Целью посещения было приведение населения острова в российское подданство. Однако туземцы встретили казаков в таком множестве, что те «не

решились вступить с ними в сражение; а на ласковое, мирное предложение – дать ясак – казаки получили от курильцев отказ».

Вскоре после возвращения казаков из похода они имели беседу с четырьмя японцами, корабль которых за год перед этим был принесен бурей от Хонсю к берегам Камчатки, где и разбился. После того как японцы рассказали о своей стране, у казаков сложилось впечатление, что Япония находится совсем близко от Камчатки. «А стоит их государство против Камчадальского носу на Пенжинском море¹⁰ на острове», – писали камчатские казаки в своей челобитной царю.

В 1712 году вновь назначенный камчатским приказчиком В. Колесов приказал И.П. Козыревскому отправиться «провесть от Камчатского Носу за переливами морские острова и Апонское государство». Летом 1713 года отряд в составе пятидесяти пяти русских казаков и промышленных людей, а также одиннадцати камчадалов вышел из Большерецка. После непродолжительной остановки на Шумшу отряд И.П. Козыревского высадился на Парамушире.

Парамуширские айны сделали попытку отстоять свою независимость и дали казакам три жестоких боя. Однако военное счастье было на стороне завоевателей, и в конце концов жителям Парамушира пришлось заплатить ясак и признать власть России. Собрав ясак, казаки вернулись на Камчатку. С собой они захватили в качестве заложников двух парамуширских айнов.

На Парамушире казаки захватили в плен одного итурупского айна по имени Шитанай, который на свою беду оказался на Северных Курилах. Именно от Шитаная И.П. Козыревский получил подробные сведения о большинстве Курильских островов и острове Хоккайдо. Вот что вспоминал об этом много лет спустя сам И.П. Козыревский:

«И сказывал он¹¹ про дальние большие острова, а имянно сказывал: с Матманского де острова¹² приходят иноземцы на Кунашир остров и привозят товары шелковые, ис китайки, дабы, и сабли, и котлы, табак и всякую посуду левкашеную¹³. А оные кунашарцы в подданстве или нет к Матмаю, про то я у ытурпанского иноземца не спрашивал. А на Кунашир остров приходят де они со оного Ытурпы острова и с кунаширцы торгуют и покупают у них оные товары, выменивают на бобры, и на лисиц, и на орлы, и орловые перья, а мы де итурупинцы, со оными товары ходим по островам к Каменной земле¹⁴ бобров и лисиц и бобрового перья».

На основании этих сведений, а также благодаря рассказам занесенных бурей к берегам Камчатки японцев И.П. Козыревскому удалось составить свой «Чертеж морским островам», включавший разнообразную информацию о большинстве Курильских островов, а также о Хоккайдо и Японии. В связи с исключительной важностью данного материала мы хотели бы привести ту часть текста И.П. Козыревского, которая посвящена Курильским островам без существенных сокращений.

«Остров первой Шумчю¹⁵. На сем острову живут иноземцы званием курила, и на дальние острова которые ходят, и те головы свои бреют до затылку по тамошнему обычаю и кланяют-

¹⁰ Охотском море.

¹¹ Шитанай.

¹² Речь идет об острове Хоккайдо.

¹³ Лакированную посуду.

¹⁴ Камчатке.

¹⁵ Остров Шумшу.



Рис. 32. Чертеж вновь Камчадалские земли и моря. Служебная Чертежная книга С. Ремезова и сыновей. Первая русская карта, на которой изображены лежащие к югу от Камчатки Курильские острова и Япония

копья и сабли, и в кюках¹⁸. И на сем острове у пристани, откуда походят на Мушу¹⁹ остров, дали иноземцы бой крепкий и на разговор не дались, и ушло 12 байдар, а другие со служилыми бились крепко до меня и отбили пять байдар, а иные прежде нашего приходу за год ушли. И с сего острова в сентябре месяце в прошлом 713 году назад возвратился на Большую реку.

Сей легкими байдарами наскоре до полудни, а с грузом с женами и с детьми день ходу в тихое время.

Малой остров Сиринки²⁰. Люди не живут, токмо ради промыслов приезжают (что и на большую сопку) морских зверей и бобров, и земнаго плоду и птицы.

Остров третей Муша, он же Онникутан. Живут иноземцы, что и на другом острове, – те ж курила. И остров столь же велик. И кропивные товары делают, бобры и лисицы промышленяют. А соболей на сих трех островах нет. И на побочные острова²¹ ради промыслу с сих островов ходят. Також и на дальние острова и на Камчатскую землю ради покупки бобров и лисиц и прочаго, и многие Большой реки язык знают, понеже с носовыми иноземцами торгуют и женятся.

ся на коленках, також из дальних островов приходят ради покупки бобров и лисиц, и орлов, и орлового перья.

Сей перелев, например, версты две или меньше тысячных.

Уякпула¹⁶ остров – великая и высокая сопка. С Большой реки, с устья в тихое время видеть. А люди не живут, токмо с первого и другого острова приезжают ради промыслу. И носовые иноземцы бывают, и земной плод – сарану и коренья – копают, и птицу промышленяют, и зимуют, також и морских зверей.

Остров второй Пурумушир¹⁷. Живут иноземцы, что и на первом острове. Язык имеют один и веру, и кропивные товары делают, и отчасти камчатое и дабинное покупают. На дальние острова ходят и з дальних островов приходят иноземцы с товарами шелковыми и бумажными, також привозят котлы и сабли, а у сабель, круги медные, обогнуты края кованым серебром, и всякую посуду левкашеную. И к воинскому делу курила зело искусны: поступают о трех боях, имеют луки со стрелами,

¹⁶ Остров Алаид.

¹⁷ Остров Парамушир.

¹⁸ Панцирях.

¹⁹ Остров Онекотан.

²⁰ Остров Ширинки.

²¹ Речь идет об островах Маканруши, Экарма и других.

Сей уже и с грузом к полудни переходят.

Малой же остров Кукумива²². Люди не живут и ради промыслу приезжают, что и на большую сопку. На сем острове служилые были, которых я посылал, были в погоне, которые дали бой и ушли с другога острова на Мушу остров, а иные врознь по островам, и другие в камень и на горы, в лес.

Остров Арамакутан²³. Горит и люди не живут.

И сей таков же.

Остров Сияскутан²⁴. На сем острове малые люди живут, понеже с дальних островов встречают и своих людей провожают, и перелев широк, налегке вешним временем едва могут в судах к половину дни перебраться, а с грузом, с женами и с детьми целой день на Шококи остров переходят.

Икарма остров малой, таж ради промыслу и земнаго плоду приезжают, что и на Сиринки.

Малой остров Игайту²⁵. Люди не живут.

Остров Шококи²⁶. Остров Мотого²⁷. Остров Шашово²⁸. Остров Ушиширь²⁹.

Меж сими островами перелевы не широки. Скорым путем в легких байдарах ходят иноземцы скорее полдня, а с грузом – в полдень и позже, а иной и ранее. Но токмо трудно мелкими судами – быстрина в пролевах великая на упалой и прибылой воде и сулои великие бывают. А по скаским же иноземским, многие в сулоях и тонут. И когда бывает ветер, то относит в море и погибают. Того ради проходят взад и вперед весною рано в тихое время, а летом поздно некоторыми делы мелкими их иноземскими байдарами нельзя. И люди не живут, разве кого невремя захватит осеннее и ветры.

Да сказывали ж полонные островные ж иноземцы, большими де судами ходят парусами и на большую землю, в город возят камень и копают в земле нифонцы, а какое камень, и того толмачи камчадалским языком перевести не знают, понеже никаких руд не видали, а откуду и в какой город оное камень возят, и о том недоумением не спрашивал, понеже и я никаких руд не видал и не знаю, кроме железной...

Остров Машаучю³⁰. Приезжают с Сияскута острова и с третьего ради промыслов и земнаго плода. А у промыслу захватят ветры и осеннее время, и зимуют на сем острове.

Остров Китуй³¹. На сем острове камыш растет. Вода убудет, то сухо бывает. И камышевые у иноземцов стрелы я брал.

Остров Шимушир³². На сем острове живут курила те ж, что и на другом и третьем острове. А величеством малым больше оных островов, но токмо людей больше и язык, и вера одна, и конечной остров курильского роду. И с сего острова на Итурпу³³ остров перелев малым пошире вышепоказаннаго. И с грузом, и с женами днем перебрегают, а налегке и скорее.

Остров Чиркуй³⁴. Великая сопка, против проливы стоит. А приезжают ради промыслу с Шимушира, Итурпы островов. Зверей морских и птицу промышляют же. И сказывали, на сем острове бусу розбило, а людей в Матмай³⁵ на выкуп отдали.

Остров Итурпу³⁶. Живут иноземцы, свой род званием гых курила, а матмайским и нифонским языком – Езо, называл тако полонянин урожением города Кинокуни званием Сан,

²² Остров Авось.

²³ Остров Харимкотан.

²⁴ Остров Шиашкотан.

²⁵ Речь идет об одном из небольших островов группы Ловушки в проливе Мушир.

²⁶ Остров Райкоке.

²⁷ Остров Матуа.

²⁸ Остров Расшуа.

²⁹ Остров Ушишир.

³⁰ Остров Чиринкотан.

³¹ Остров Кетой.

³² Остров Симушир.

³³ Остров Итуруп.

³⁴ Остров Чирпой.

³⁵ Остров Хоккайдо.

³⁶ И.П. Козыревский ошибочно поместил остров Итуруп к северу от Урупа.

которой был со мною на островах, а сего острова уроженца званием Шитаная полонил я с другими иноземцами на другом острове. И сказывал он: на сем острове людей многое число, и язык, и вера своя, и всякие звери – и лесные медведи и другие, и всякой лес большой, и реки, и на устьях у рек отстой морским судам можно быть. А по показанным островам лесов больших и рек, и добрых отстоев большим судам нет до сего острова. А к воинскому делу жестоки: поступают о трех же боях, что и на первых островах, но токмо жесточае и искуснее. А на разговор больше даются.

Сей перелев не широк. Таков же и другой.

Остров Уруп. Живут те ж гых курила, что и на Итурпе острове, и головы бреют, и кланяются на коленках, и вера, обычай один и язык; и кропивные товары ткнут, а шелковые и бумажные покупают на Кунашире острове; и носят платье по своей вере с нашивками разных цветов; и к камчатской стороне с покупными товарами ходят: на первой и другой остров бывають большими байдарами, и купят бобры и лисицы и прочее, и орлы, и перья покупают же.

Остров Кунашир. Живут иноземцы те ж, что и на Итурпе и Урупе; и вера одна, а язык один или свой имеют, и о том не уведомился; и на Матмайской остров ходят, на котором стоит город Матмай, и с Матмайского к ним приходят с городовыми товарами и торгуют. И сей остров больше Итурпы и Урупа и многонароден. А в подданстве ли оные кунаширцы к Матмаю городу или нет, и о том в достаток не уведомился. А итурпинцы и урупцы самовластно живут и не в подданстве и торгуют невольню. А с Кунашира на Матмайской остров о перелевной ширине не уведомился забвением.

На сих трех островах многое число Камчадальной земли уроженцев обретается у них в холопстве, таков и в Матмае городе есть де мужеска полу и женскаго. И называл показанной Шитаная своим языком Матмайского города владетеля Матома Уйтон, а на Нифоне острове большого владетеля Камуй. И оной де Камуй матмайскому владетелю велит с нами повольно торговать, а ясаку де по вашему с нас не берут. Понеже я на первом и на другом острове и в Камчадальском Носу с самовластных показанных курил в том походе ласкою и приветом, а иных воинским порядком вновь в ясачной платеж привел и в казну блаженной и вечнодостойной памяти е.и.в. 11 пластин красных лисиц да две выдры в пластинах же собрал. И о том зборе ведомо в Якуцкой воеводской канцелярии.

Караул крепкой. Матмайской остров. На сем конце стоит Матмай город по край проливы, а по скаскам полоненных иноземцов Кистя, Ширюкея, Сана и других построен вновь не из давних лет; а которые люди явятца в каких винностях; а с тех с Нифона острова ссылают в Матмай город в ссылку. И Матмайского города жители всякое ружье при себе имеют ради оберегательства, а в городе пушки, и ружье, и всякой снаряд. И меж Матмайским и Нифоном островами в проливе с обоих земель прилегли носы, и когда бывает ветер боковой, а вода прибулая или упала, и тогда в пути бусам их великая нужда, а иногда и разбивает, понеже против де носов нешироко и место каменное де. О означенном сим письмом таковым образом объявляя вышеписанной Кисть Матмайской остров на полуострове к камчатской стороне и сказывал, что де иноземцы их званием Езо с Матмайского и с других островов приходят в Матмай город с рыбою, и с китовым жиром, и с кожами звериными и знаются де Матмайского города с жителями, и по своему языку с ними говорят, и к ним из Матмая ходят. И мы де, нифонцы, далее Матмая в северную сторону на иные острова не ходим.

И на сем конце острова караул же».

11.2.3. Первые русские геодезисты у Курильских островов

В начале 1719 года Петр I принял решение о направлении на Тихий океан правительственной экспедиции, в состав которой были включены геодезисты (или навигаторы) И.Б. Евреинов и Ф.Ф. Лужин.

Иван Борисович Евреинов (настоящее имя Иоганн Родилгус) родился в 1694 году в Швеции. В 1709 году в пятнадцатилетнем возрасте попал в русский плен. В следующем, 1710 году в составе группы пленных шведов был отправлен в город Енисейск. В годы Северной войны российское руководство довольно активно ис-

пользовало грамотных шведских военнопленных для выполнения тех или иных поручений в восточных регионах страны. В их числе оказался и Иоганн Родилгус, получивший новое имя – Иван Борисович Евреинов – и ставший служить новой стране. В 1714 году он был направлен в Школу математических и навигацких наук в Москве. Затем учился в геодезическом классе Морской академии в Санкт-Петербурге, который успешно окончил в 1718 году. Вместе с И.Б. Евреиновым в Школе математических и навигацких наук и Морской академии учился и Федор Федорович Лужин.

Задачи для И.Б. Евреинова и Ф.Ф. Лужина были определены лично Петром I. В собственноручно подписанной русским царем 2 января 1719 года инструкции говорилось:

«Ехать вам до Тобольска и от Тобольска, взяв провожатых, ехать до Камчатки и далее куды вам указано, и описать тамошние места: сошлася Америка с Азиєю, что надлежит зело тщательно сделать не только зюйд и норд³⁷, но и ост и вест³⁸, и все на карте исправно поставить ...»

В российской исторической литературе вот уже два с половиной столетия идет спор о подлинных целях экспедиции И.Б. Евреинова и Ф.Ф. Лужина. Так, крупнейший исследователь истории Сибири Герард Фридрих Миллер (кстати, не знавший об инструкции Петра I) не верил слухам о том, что И.Б. Евреинов и Ф.Ф. Лужин ездили по Восточному морю «дабы сумнение о соединении или отдалении Азии и Америки оным решено было». Он считал, что подлинной целью геодезистов был поиск драгоценных металлов на Курильских островах.

Российский естествоиспытатель Карл Максимович Бэр полагал, что Петром I перед экспедицией была поставлена секретная задача – исследовать Курильские острова и собрать сведения о Японии. Эта точка зрения нашла большое количество последователей. Некоторые из них высказывали предположение о наличии у И.Б. Евреинова и Ф.Ф. Лужина особой секретной инструкции, в которой была изложена настоящая цель экспедиции. Документального подтверждения данная гипотеза пока не нашла.

Другие исследователи полагали, что настоящая цель экспедиции содержалась в самой инструкции Петра I. Выдающийся российский историк Сергей Михайлович Соловьев писал:

«Петр хлопотал о переводе географических книг на русский язык, но относительно географии русской иностранными сочинениями пробавляться было нельзя; надобно было самим русским изучать ее и для себя, и для других. В конце 1720 года отправлены были ученики петербургских школ для сочинения ландкарт, но еще прежде, в январе 1719 года, дана была инструкция геодезистам Евреинову и Лужину, которые отправлялись для описания мест около Камчатки и для разрешения вопроса, соединяется ли Северо-Восточная Азия с Америкой?»

Наиболее убедительно данную точку зрения обосновали советские историки Вадим Иванович Греков и Борис Петрович Полевой. И тот и другой исследователи отмечали, что в то время, когда Петр I принял решение о направлении на Тихий океан двух российских геодезистов, у очень многих «существовали представления о возможной связи Камчатки с Америкой». При этом В.И. Греков ссылался на «Карту Якуцкая и Камчатцкому мысу и прежнего пути на Камчатский мыс також и но-

³⁷ Юг и север.

³⁸ Восток и запад.

вой». Данная карта была в 1718 году отправлена в Сенат якутским воеводой Яковом Агеевичем Ельчиным, и Петр I имел возможность с ней познакомиться еще до того, как написал свою инструкцию. На карте был изображен перешеек, примыкающий к Камчатке и уходящий от нее на юго-восток. На перешейке помещена надпись:

«По скаске камчатского казака Ивана Енисейского с товарищи, что в левую сторону пошла великая земля и людна. Между теплым и студеным морями, и иноземцы многие им сказывали, что из моря в море чрез тою землю пролива не знают».

Б.П. Полевой считает, что на Петра I оказали большое влияние географические представления голландского географа, картографа и политического деятеля Николая Корнелия Витсена. Н.К. Витсен был другом (если вообще можно говорить о том, что у русского императора могли быть друзья) и многолетним корреспондентом русского царя. В 1705 году в Амстердаме увидело свет второе издание его книги «Север и Восток Татарии». Петру I эта книга была несомненно знакома. Тем более, что она была ему посвящена. В своей книге Н.К. Витсен доказывал, что в северной части Тихого океана берега Америки и Азии должны близко подходить друг к другу. При этом голландский исследователь, как казалось, опирался на самые последние достижения тихоокеанской географии.

Н.К. Витсену было известно, что еще в XVII веке испанцы получили от индейцев сведения о том, что к северу от Калифорнии американский берег резко поворачивает на запад и идет в этом направлении весьма далеко. Это сообщение вроде бы подтверждалось и японскими источниками. Так, в конце 80-х годов XVII века в Голландию поступила информация об одной японской экспедиции. В 1684 году от берегов Хонсю отошло японское судно.

«После долгого плавания к востоку, – излагал Н.К. Витсен данную информацию в своей книге, – между 40 и 50 широтами пристали к твердому берегу, который приняли за Америку. Там они перезимовали в заливе, собрали неопределенные сведения о местоположении северо-западного побережья. После этого в Японии решили не исследовать эти чужие области».

И, наконец, в распоряжении Н.К. Витсена были материалы голландской экспедиции 1643 года в северной части Тихого океана. Руководивший данной экспедицией М.Г. Фрис принял западный берег острова Уруп за берег Северной Америки. Поэтому Н.К. Витсен (не имевший каких-либо причин для того, чтобы сомневаться в правдивости информации своего соотечественника) пришел к выводу, что пролив между Землей Компании (островом Урупом) и Землей Штатов (островом Итурупом) является легендарным проливом Аниан (тем самым проливом, который отделяет Азию от Америки). При этом Н.К. Витсену казалось, что существует прямая связь между названиями Аниан и Анива (залив у южного побережья Сахалина, в котором побывал М.Г. Фрис).

Итак, получив от Петра I эту довольно расплывчатую инструкцию, И.Б. Евреинов и Ф.Ф. Лужин отправились в путь и осенью 1720 года достигли Камчатки. 22 мая 1721 года они на лодии «Восток» вышли из Большерецка и отправились к Курильским островам. В качестве кормщика в этом плавании принимал участие известный знаток северо-западной части Охотского моря Кондратий Мошков. Следуя вдоль островов Большой Курильской гряды, первые русские геодезисты смогли дойти только до шестого острова (Симушира – ?). Здесь их судно попало в сильный шторм. Паруса были разорваны ветром, саму лодию сорвало с якоря и носило по морю целую неделю. В конце концов переменившийся ветер принес путешественников

к Парамуширу. Здесь им удалось запастись продовольствием и водой. Однако на этом исследование Курильских островов было прекращено: буря сильно повредила судно. В конце июня 1721 года И.Б. Евреинов и Ф.Ф. Лужин благополучно вернулись на Камчатку.

Главным итогом экспедиции стала составленная И.Б. Евреиновым карта Камчатки и Курильских островов. На ней нанесено четырнадцать крупных и несколько мелких островов, расположенных к югу от Камчатки. В ноябре 1722 года И.Б. Евреинов был принят Петром I и лично вручил ему свою карту и отчет. Император «с великим любопытством препровел несколько времени с ним в разговорах и с удовольствием рассматривал сочиненную им и товарищем его Лужиным карту Камчатки и помянутым островам и описание всего их вояжа».

Главная ценность карты И.Б. Евреинова состоит в том, что она значительно дополняла те сведения, которые были собраны о Курильских островах В.В. Атласовым и И.П. Козыревским. Вместе с тем следует отметить, что при определении координат южной оконечности Камчатки и Курильских островов автором карты были допущены существенные ошибки. Так при определении широты крайней южной оконечности Камчатки (мыс Лопатка) и Северных Курил И.Б. Евреинов ошибся на два градуса. Еще хуже обстояло дело с определением долготы. Здесь погрешность составила целых пятьдесят градусов. Кроме того, в отчете И.Б. Евреинова было существенно преувеличено расстояние между отдельными островами. В частности, в нем показано, что расстояние между островами Шумшу и Парамушир составляет сорок семь миль (на самом деле – всего одну милю). Мало общего с действительностью имеет и изображение береговой черты Северных Курил.

11.3. Исследование Курильских островов и Сахалина Второй Камчатской экспедицией под руководством В. Беринга

Важную роль в изучении Курильских островов сыграли капитан-командор В.Й. Беринг и его соратники.

Витус Йонссен (или Иван Иванович) Беринг родился в 1681 году в Дании. С юных лет принимал участие в плаваниях (в том числе в 1701-1703 годах принимал участие в путешествии к берегам Ост-Индии). В 1703 году был приглашен на службу в русский военно-морской флот. В 1704 году приехал в Россию. Принимал участие в плаваниях на Балтике, на Азовском море и на Русском Севере. В 1725-1730 годах руководил Первой Камчатской экспедицией, главной задачей которой было изучение крайнего северо-востока Азии и выяснение вопроса о том, соединяются ли берега Азии и Америки.

Вернувшись из своей первой экспедиции, В.Й. Беринг уже в декабре 1730 года представил в российский сенат свои «Нижайшие помышления», в которых говорил о необходимости поиска морского пути из Охотска или Камчатки до устья Амура и далее до Японских островов с целью установить торговые отношения с Японией. Данное предложение нашло поддержку, и 2 мая 1732 года сенат принимает указ, предписывающий адмиралтейств-коллегии «построить суда и идтить для проведения новых земель, лежащих между Америкою и Камчаткою, также от Камчатского Носа островов, продолжающихся к Японии, и особливых Шинтарских. На открытых землях заботиться о установлении торгов или где неподвластные – о взятъе

ясаку». Для выполнения данного указа была организована Вторая Камчатская экспедиция во главе с В.И. Берингом.

Как отмечал Вадим Иванович Греков,

«деятельность В. Беринга во время Первой Камчатской, а впоследствии и во время Второй Камчатской экспедиции характеризует его как исполнительного, умного и мужественного офицера, благожелательного к подчиненным, по отношению к которым он, может быть, был даже слишком мягок и доверчив. Вместе с тем В. Беринг избегал риска и ответственности и не проявлял достаточной решительности в трудные моменты. Не имея широкой научной подготовки и склонностей исследователя, он не особенно увлекался открытием новых земель и островов и выполнял эти задачи в той мере, в какой это было необходимо, чтобы отчитаться в соблюдении данной ему инструкции».

28 декабря 1732 года императрица Анна Иоанновна утвердила правила, данные В.И. Берингу относительно его плавания в Восточном океане. Пункт 7 этого документа предписывал «ради обсервации и изыскания пути в Японию» построить на реке Камчатке «один бот с палубой и две дупель-шлюпки» и под командой помощника В.И. Беринга М.П. Шпанберга отправить «к тем островам, кои пошли от Камчатскаго полуденного Носу к Японии».

Мартын Петрович Шпанберг родился в Дании примерно в 1700 году. В 1720 году поступил на русскую службу. Под командой В.И. Беринга принял участие в Первой и Второй Камчатской экспедициях. Источники, имеющиеся в нашем распоряжении, рисуют весьма противоречивый портрет этого, вне всякого сомнения, крупного исследователя. С одной стороны, перед нами предстает «хороший практический моряк, горячий и деятельный», с другой – грубый, жестокий, безмерно честолюбивый и жадный к приобретениям человек.

Подготовка к плаванию в Японию заняла несколько лет. Только 13 июля 1738 года капитан М.П. Шпанберг с тремя кораблями (бригантином «Архангел Михаил» под командой М.П. Шпанберга, дубель-шлюпкой «Надежда» под командой лейтенанта Вилима Вальгона и ботом «Святой Гавриил» под командой мичмана Алексея Елизаровича Шельтинга) вышел из Охотска и направился в Большерецк. Оттуда отряд М.П. Шпанберга вышел 15 июля. Вскоре корабли потеряли друг друга и далее шли раздельно. Бот «Святой Гавриил» повернул обратно и уже 6 августа вернулся в Большерецк. «Архангел Михаил» сумел дойти только до Итурупа. Дубель-шлюпка «Надежда», вероятно, смогла дойти до Хоккайдо. 24 августа все корабли собрались в Большерецке. Первое плавание российских кораблей к берегам Японии не назовешь успешным. До Японии они не дошли, а представление о Курильских островах в конце лета 1738 года у российских моряков оставалось столь же смутным, как и раньше.

21 мая 1739 года отряд М.П. Шпанберга в составе четырех кораблей (зимою на Камчатке был построен шлюп «Большерецк») вновь отправился в поход к берегам Японии. 14 июня снова отстал от отряда и далее следовал отдельно бот «Святой Гавриил» под командой В. Вальгона. На этот раз плавание М.П. Шпанберга было более успешным. 16 июня русские впервые увидели японскую землю и вступили в контакт с японцами. Правда, М.П. Шпанберг так и не решился отпустить своих людей на берег и даже не сделал попытки установить с японцами торговые отношения.

В начале июля корабли повернули на северо-восток и уже 3 июля оказались у островов, названных М.П. Шпанбергом Фигурным, Трех сестер и Цитронным. Вероятнее всего, что остров Фигурный – это Шикотан, а Трех сестер и Цитронный –

Итуруп, который командир отряда российских кораблей посчитал за два острова. На Шикотане российские моряки пополнили запасы воды, собрали образцы растений. 7 июля был замечен остров Зеленый. Далее «Архангел Михаил» и «Надежда» приступили к исследованию побережья Хоккайдо. Здесь они впервые вступили в контакт с хоккайдскими айнами. 29 августа 1739 года М.П. Шпанберг вернулся в Охотск.

Более удачным было самостоятельное плавание бота «Святой Гавриил». В. Вальгон не только сумел пройти дальше к югу, чем его непосредственный начальник М.П. Шпанберг, но и в отличие от него решился совершить высадку на побережье острова Хонсю. Более тщательно были описаны им и Курильские острова.

Особый интерес представляют собранные В. Вальгоном сведения об острове Кунашире и его населении.

«Жители сего острова ... – рассказывал впоследствии В. Вальгон, – ходят в долгом шелковом и китайском платье, имеют великие бороды, не наблюдают никакой чистоты и питаются рыбою и китовым жиром ... Государя над собою никакого не знают, хотя живут и близко от Японии. Японцы приезжают к ним ежегодно... на мелких судах и привозят железные всякие вещи, медные котлы, деревянные лаковые подносы и чашки, листоват табак и шелковые и бумажные парчицы, а меняют их на китовый жир и на лисицы, которые там ловятся, токмо оные в рассуждении камчатских малы и худы». Кунаширские айны предупредили россиян, чтобы те «береглись матмайских обывателей, для того что у них большие пушки».

Походы 1738 и 1739 годов были важными шагами как в поиске новых путей в Японию, так и в деле изучения Курильских островов. Однако рапорты и журналы М.П. Шпанберга и В. Вальгона, а также составленная на основании собранных ими сведений карта



Рис. 33. «Карта Курильских островов с окололежащими местами» Г.Ф. Миллера. Не позднее 1755 года.

Карта составлена Г.Ф. Миллером по результатам открытий, сделанных участниками Второй Камчатской экспедиции во время двух попыток отыскать путь в Японию

вызывали слишком много вопросов. Как отмечал один из лучших знатоков истории Курил Александр Семенович Полонский,

«японская экспедиция Шпанберга вообще не имела успеха, и вся заслуга его состояла в составлении карты Курильских островов, которых он принимал числом 31. Из журналов экспедиции нельзя было извлечь сведений ни о жителях, ни о удобствах и неудобствах проходов в проливах, глубине, грунте. И после дорогой Японской экспедиции исследование Курильской гряды оставалось тою же только что начатою задачею».

Примерно так же оценивает результаты походов и Вадим Иванович Греков:

«Плавания, произведенные под командой человека

с ограниченным кругозором, не дали того, что могли бы дать. Курильские острова были осмотрены и описаны поверхностно и в значительной мере неверно».

В июле 1742 года М.П. Шпанберг отправляет дубель-шлюпку «Надежда» описать берега Охотского моря от реки Уды до устья Амура. Командиром «Надежды» был мичман А.Е. Шельтинг. В том плавании приняли участие штурман Василий Алексеевич Ртищев и знаменитый русский геодезист Михаил Спиридонович Гвоздев, совершивший еще в 1732 году плавание к берегам Америки.

В начале августа «Надежда» подошла к сахалинскому берегу в районе мыса Терпения. Две недели российские мореплаватели пытались исследовать восточное побережье острова. Однако сильные ветры и густые туманы крайне затруднили описание берегов. Вероятно, «Надежде» удалось дойти до пролива Лаперуза. 20 августа «за великим в судне течением и за недостатком морского провианта» А.Е. Шельтинг принимает решение прекратить плавание и 10 сентября возвращается в Охотск.

11.4. Российское продвижение к югу от острова Парамушир в 30-е – начале 70-х годов XVIII века

Покорение и присоединение к России островов Шумшу и Парамушира первоначально не привело к резкому ухудшению положения местного населения. Ясачные сборщики, ездившие с Камчатки на Курильские острова, посещали только два северных острова и не делали попытки к «осмотру и покорению дальнейших». Однако в 30-е годы XVIII в. положение меняется. 22 июля 1731 года для сборщиков ясака на Курильских островах Сибирским приказом была составлена особая инструкция. Данная инструкция предписывала «переписать и вновь обложить каждого по бобру» население четырех северных Курильских островов, а также «привести в подданство неясачных и на других островах».

Претворение в жизнь данной инструкции имело совершенно неожиданные последствия. Ведь она абсолютно не учитывала того обстоятельства, что подавляющее большинство населения Северных Курил было сосредоточено на острове Парамушире. В связи с тем, что данный остров не мог прокормить всех постоянно проживавших на нем айнов, они то «расходились за добычею кормов и для промыслов по разным островам», то возвращались обратно. Ясачные же сборщики, проникая все дальше к югу и стараясь как можно больше найти новых плательщиков, часто вписывали в окладные книги уже ранее обьясаченных жителей Парамушира. Теперь с них взыскивали ясак и на Парамушире, и на том острове, где они имели несчастье вновь встретиться с ясачным сборщиком. Таким образом, «вскоре приходилось одному курильцу платить по несколько ясаков за себя и за отсутствующих, при усвоенном сборщиками правиле – не справляясь, взыскивать весь ясак с одних наличных». Для того чтобы удержать курильских айнов в повиновении, практиковался захват заложников.

«Тягостная уже сама по себе ясачная повинность и кроме того своеволие и грабежи, под видом взыскания собственных долгов, приезжавших за сбором ясаков, стали стеснительны для курильцов и были причиною, что эта горсть людей, для которых до того не существовали слова – подчиненность, закон, наказание – стали избегать сборщиков и вместе своих кредиторов».

Под предлогом производства промыслов северокурильские айны покидали острова, находившиеся в сфере влияния России, и уходили далеко на юг (на средние Курилы). Стремление вернуть «сошлых курильцев» (так называли беглецов) заставило российскую администрацию обратить внимание на средние, а затем и Южные Курилы.

Идя следом за беглецами, заведовавший островами Шумшу и Парамушир тойон (староста) Николай Сторожев в 1750 году дошел до Симушира. Здесь он застал сошлых и так называемых «мохнатых курильцев» (айнов с Южных Курил). Н. Сторожеву удалось уговорить «несколько человек мохнатых» уплатить ясак. Северокурильские айны отнеслись к своему тойону значительно хуже. Поначалу они согласились вернуться обратно на Парамушир. Однако вскоре категорически отказались, «укоряли Сторожева за прежние строгие с ними поступки и обман и наконец до того озлобились, что чуть было не убили его». По возвращении северокурильский тойон рассказал, что южнокурильские айны «склонны к дружеству и если будет употреблено хорошее средство, то легко их привести в подданство». Попытки вернуть на Северные Курилы сошлых, а заодно и привести в российское подданство мохнатых курильцев на дальних островах продолжались и в 50-е, и первой половине 60-х годов XVIII века. Однако они не имели успеха.

В середине 60-х годов с инициативой совершить путешествие на дальние острова с целью возвращения сошлых и «для уговора мохнатых в подданство» выступил парамуширский тойон Никита Чикин-Новограбленный. При этом он попросил камчатскую администрацию отпустить с ним сотника Ивана Черного и тойона Шумшу Петра Чупрова. Большерецкая канцелярия поддержала инициативу парамуширского тойона. 25 января 1766 года для него была составлена особая инструкция. Н. Чикину предписывалось «идти ... на дальние Курильские острова ... к мохматым по крайней мере на двух или трех байдарах с вольножелающими»; узнать «о числе островов и живущих на них, оружии их, имеют ли начальников, живут в довольстве ли, у кого в подданстве и какую дань платят, имеют ли с кем торговлю»; постараться уговорить мохнатых курильцев принять российское подданство; возвратить сошлых курильцев обратно на Парамушир. 22 мая 1766 года камчатская администрация принимает решение о направлении на помощь Н. Чикину сотника И. Черного с двумя казаками.

Весной 1766 года не дождавшись решения о направлении на дальние острова сотника И. Черного, Н. Чикин и П. Чупров отправились на юг. К лету 1767 года им удалось добраться до острова Ушишир. Здесь они встретили двух мохнатых курильцев с дальних островов. Мохнатые по уговору северокурильских тойонов не только дали ясак, но и согласились проводить их на остров Симушир для уговора в подданство находившихся там мохнатых. На Симушире Н. Чикину удалось собрать ясак. Однако на третий день пребывания на острове он внезапно умер. В тот же день П. Чупров отправляется обратно на север. Вскоре он встретил небольшой отряд И. Черного и присоединился к нему. Таким образом, сотник И. Черный оказался во главе экспедиции на Южные Курилы.

Следуя от острова к острову в южном направлении, И. Черный отправлял обратно на север найденные им немногочисленные группы сошлых курильцев. На островах Расшуа и Ушишир им также были найдены беглые. Однако, «опасаясь их

многолюдства», И. Черный «не употреблял строгих мер к возвращению на прежнее место жительства и даже обещал оставить их в настоящих местах». Обрадованные обещанием сотника, сошлые курильцы не только заплатили ясак, но и согласились сопровождать И. Черного в его экспедиции на дальние острова.

Зиму 1767-68 года отряд провел на Симушире. 2 июня 1768 года И. Черный добрался до Урупа. Вскоре ему удалось не только собрать ясак с находившихся там мохнатых курильцев, но и склонить в российское подданство приехавших на Уруп на промысел итурупских айнов. 11 июня отряд переправился через пролив и высадился на Итурупе. Здесь успех И. Черного превзошел все ожидания. Всего за одну неделю ему удалось склонить в российское подданство часть итурупских айнов, а также оказавшихся на этом острове двух жителей Кунашира.

18 июня 1768 года отряд И. Черного отправился обратно на север. При расставании главный тойон Итурупа обещал сотнику к следующему его прибытию привести в российское подданство айнов Кунашира, Шикотана и даже Хоккайдо. При этом тойон попросил И. Черного ни в коем случае не ходить на восточное побережье острова Уруп. Ведь там находились промысловые угодья итурупских айнов, где они охотились на каланов. Сотник дал обещание. Однако он и не подумал его выполнять. Вместо того чтобы следовать на Камчатку, И. Черный со всеми своими людьми остался зимовать на Урупе, где занялся промыслом каланов. Такое поведение привело к ссоре с мохнатыми курильцами.

Кроме того, во время зимовки 1768-69 гг. в полной мере раскрылся неистовый характер руководителя экспедиции. И. Черный и раньше не отличался кротким нравом. Однако теперь, «гордый успехом приведения в подданство 83 мохнатых, Черный не знал пределов своему самовластию». Все участники похода были заняты на работах: строили избу для руководителя экспедиции, занимались добычей каланов, выдeldывали полозья из китовых костей, шили одежду. А в это время И. Черный «пил с избранными вино своего изделия и в безумии от опьянения или наказывал плетью курильцов, или наслаждался сладострастными удовольствиями камчадала в составленном нарочно для него гареме».

9 мая 1769 года И. Черный наконец покинул Уруп и отправился дальше на север. В дороге истязание айнов было продолжено. Видя покорность и непротивление сошлых курильцев, И. Черный счел возможным не выполнять данное им обещание оставить их на дальних островах. Сошлых силой заставили следовать на север. Ответом на мольбы была поголовная порка как мужчин, так и женщин.

Необузданная жестокость и алчность И. Черного вызвали у подавляющего большинства курильских айнов (как сошлых, так и мохнатых) глубокое недоверие к русским и злобу против них. Это отношение вскоре было поддержано новыми случаями бесчинств и грабежей. В 1770 году вдоль Курильских островов совершило плавание судно купцов Протодяконова и Оконишникова «Святой Прокопий» под командой боцманмата А.Сапожникова. Остановившись на зимовку на Урупе, русские промышленники попытались взять у находившихся в то время на острове мохнатых курильцев ясак и заложников. В результате айны лишились не только добытых ими каланов, но и запасов продовольствия и многих своих вещей. При этом один из айнских старейшин был убит.

Бесчинства промышленников на Урупке продолжались и в 1771 году. Привожу рассказ о нападении на айнское стойбище, составленный со слов очевидцев:

«Несколько десятков русских ... прибыли сюда на лодках из кожи. Стреляя из ружей, они высадились на берег. Оставшиеся при домах женщины и дети разбежались тогда в разные стороны, слабые же по-прежнему оставались лежать в своих домах. Русские в числе нескольких десятков человек устремились на маленькие дома и забрали себе все найденные там предметы. Потом они отыскивали спрятанные ... в песке драгоценные вещи и, не оставив ничего, все их захватили. Дальше ненужные вещи они все побросали в море и наконец возвратились на лодках».

Захват российскими промышленниками наиболее богатых промысловых угодий на Урупке нанес сильный удар по хозяйству итурупских айнов. Ведь во многом благодаря охоте на каланов они имели возможность вести торговлю с японцами на Хоккайдо, приобретая у них многие необходимые товары. Поэтому итурупские айны приняли решение уничтожить всех находящихся в районах их промыслов русских. Для этого ими были изготовлены отравленные стрелы, собраны пики, к ножам были приделаны длинные рукоятки. Весной 1771 года мохнатые курильцы совместно с сошлыми убили на острове Чирпой группу из девяти промышленных людей во главе с передовщиком Грачевым. За этим последовало убийство еще четырех человек из команды «Святого Прокопия» на Урупке. Следующей весной айны убили здесь еще восемь человек. Оставшиеся в живых промышленники вернулись на Камчатку только осенью 1772 года.

Таким образом, бесчинства сотника И. Черного и промышленных людей боцманмат А. Сапожникова фактически привели к утрате Россией большинства своих позиций на Южных Курилах. Они почти на десятилетие отсрочили новые шаги по присоединению данного региона и, в конечном счете, привели к его потере для России.

11.5. Попытка присоединения Южных Курил к России

Камчатская администрация с большим беспокойством встретила сообщения о крайне нежелательных для России последствиях экспедиций сотника И. Черного и бесчинств людей боцманмат А. Сапожникова. Вскоре ею были приняты меры к нормализации отношений как с сошлыми, так и с мохматыми курильцами. Бесчинствовавшие на Курильских островах промышленники были наказаны, а отобранное у мохнатых курильцев имущество возвращено владельцам через население Северных Курил. Сотник И. Черный попал под следствие и нам неизвестно, как сложилась бы его дальнейшая судьба, если бы он не умер во время эпидемии оспы в Иркутске.

В 1772 году в качестве главного командира на Камчатку был направлен премьер-майор Матвей Карлович Бем. При назначении новый глава камчатской администрации получил от иркутского губернатора генерал-поручика Адама Ивановича Бриля инструкцию, предписывавшую ему найти желающих построить за свой счет небольшое судно и отправить его «под видом для звериных промыслов» вдоль Курильских островов вплоть до «японского Матмая». Дальних мохнатых курильцев было велено стараться привести в российское подданство.

Довольно долго М.К. Бем не мог найти желающих за свой счет организовать экспедицию к Южным Курилам. Наконец в 1774 году якутский купец Павел Сергеевич Лебедев-Ласточкин согласился взять на себя это предприятие. Подготовка к плава-

нию началась с неудачи. У берегов Камчатки разбился казенный транспорт «Святая Екатерина» с закупленным для экспедиции снаряжением на борту. В результате настоятельных просьб М.К. Бема П.С. Лебедев-Ласточкин не отказался от дальнейших работ по организации экспедиции и пригласил к участию в ней рыльского купца Григория Ивановича Шелихова. Для плавания к Южным Курилам компаньонами был приобретен бот «Святой Николай». Во главе секретной экспедиции по предложению камчатской администрации был поставлен толмач японского языка, сибирский дворянин Иван Михайлович Антипин. Перед выходом «Святого Николая» в море главный командир Камчатки специально прибыл из Большерецка в Петропавловскую гавань и 8 июля 1775 года вручил руководителю экспедиции подробную инструкцию.

Инструкция предписывала И.М. Антипину, приняв на себя командование судном, при первом ветре покинуть Петропавловскую гавань и следовать прямо на остров Уруп. Здесь участники экспедиции должны были найти удобную гавань и построить рядом с ней небольшую крепость. После этого предписывалось послать людей для сбора информации о местных жителях. Учитывая предшествующий негативный опыт общения российских промышленников с мохнатыми курильцами, глава камчатской администрации отмечал, что если «найдутся какие островные люди, то при первом случае оказать им приветствие и ясаку с них никакого и аманатов ни под каким видом усильно не брать и не требовать ... , а приводить их ласковостию и приветствием в знакомство и дружество».

Убедившись в том, что со стороны местных жителей «никаких вредительских случаев произойти уже не может», И.М. Антипин был должен «следовать байдарою чрез пролив» на остров Итуруп, «где мохнатые курильцы жительство имеют», а после установления с ними дружеских отношений – отправиться на следующие далее к югу острова. В том случае, если мохнатые курильцы никому не подвластны, следовало склонять их «ласкою и доброхотством» («а не усильным и не принужденным ... образом») в российское подданство и платеж ясака, обещая им за то защиту от соседей. При встрече с японцами участникам экспедиции предписывалось попытаться получить от них сведения о Японии. Перед И.М. Антипиным была также поставлена задача выявить на Южных Курилах удобные для земледелия и скотоводства места и произвести там пробные посевы ржи, пшеницы, ячменя, овса и конопли.

24 июня 1775 года «Святой Николай» вышел из Петропавловской гавани и взял курс на Курильские острова. В конце июля бот подошел к Урупу. После долгих поисков И.М. Антипин нашел, как ему казалось, безопасную бухту на северной стороне острова. 9 августа команда высадилась на берег и приступила к строительству зимовья. Из-за недостатка леса для покати мореплаватели не смогли вытащить свой бот на берег. Из-за этого бот вскоре был разломан штормом. Это происшествие крайне затруднило дальнейшую работу экспедиции. Однако, получив известие о гибели «Святого Николая», П.С. Лебедев-Ласточкин сначала отправил на помощь И.М. Антипину несколько байдар с продовольствием, а в сентябре 1777 года – арендованную им казенную бригантину «Святая Наталья».

Находясь на Урупе, И.М. Антипин сделал все от него зависевшее для того, чтобы наладить испорченные в прошлом отношения с мохнатыми курильцами. В 1776-1777 годах он время от времени встречался с приезжавшими на Уруп итуруп-

скими и кунаширскими айнами, одаривал их подарками. Сам же на юг не ездил. Наконец 31 мая 1778 года небольшой (численностью в 32 человека) отряд русских людей под руководством Дмитрия Яковлевича Шабалина отправился на южные острова. Сначала отряд добрался до крайнего южного мыса Урупа и провел там несколько дней в ожидании прибытия двух итурупских тойонов. 5 июня встреча с мохнатыми курильцами состоялась. Д.Я. Шабалину удалось убедить итурупских тойонов принять российское подданство и уплатить ясак. Затем русский отряд побывал на Итурупе, Кунашире и Хоккайдо. В результате этого похода многие южно-курильские айны приняли российское подданство.

Таким образом, процесс покорения курильских айнов русскими был, казалось бы, в основном завершен. Однако удержать за собой острова, лежащие к югу от Урупа, Россия не смогла. В чрезвычайно короткие сроки к империи были присоединены огромные территории. Но осуществлять эффективный контроль за ними центральное правительство было явно не в состоянии. Казаки, промышленники, купцы часто вели себя на покоряемых землях так, как будто они были полностью независимы от Санкт-Петербурга. На окраинах великой империи творились неслыханные злоупотребления. Прямой грабеж, вымогательство, захват промысловых угодий, жестокое обращение влекли за собой выступления против россиян коренного населения вновь приобретенных земель. Подавить же эти выступления силой российское правительство часто было не в состоянии. Так же как и защищать новые владения от притязаний со стороны других стран.

Все это, в конечном итоге, и привело к появлению в 1779 году высочайшего повеления российской императрицы Екатерины II:

«По затруднительности наблюдения за покоренными землями и злоупотреблениям, приведенных в подданство мохнатых курильцев оставить свободными и никакого сбора с них не требовать, да и впредь обитающих там народов к тому не принуждать; но стараться дружелюбным обхождением и ласковостью, для чаемых выгод в промыслах и торговле, продолжать заведенное с ними знакомство».

Девять лет спустя (в 1788 году) следует новый указ Екатерины II:

«Подтвердить накрепко вообще промышленникам касательно Курильских островов, чтобы с китайцами (так в тексте. – М.В.) не заводили о владении споров, и равномерно не касались островов, под ведением других держав находящихся».

11.6. «Предупреждение» М. Бениовского

В то время, когда на Урупе бесчинствовали промышленные люди боцманмата А. Сапожникова, на Камчатку в составе группы ссыльных был доставлен уроженец Австрийской империи М.-А. Бениовский. В дальнейшем этому человеку было суждено сыграть видную роль в формировании японской политики к северу от Хоккайдо. В связи с этим о нем нужно рассказать поподробнее.

Российская история XVIII столетия чрезвычайно богата на авантюристов. То было время, когда, казалось бы, для решительных и смелых людей не было ничего невозможного. Отчаянная смелость в сочетании с удачей могла в считанные часы вознести человека на немислимую высоту. Именно надежда на успех порожидала заговоры, мятежи, самозванство. Все было очень быстро. Удачный переворот не означал окончательного и безоговорочного успеха. Победитель не мог хоть на минуту забыть об опасности. Он должен был находиться в постоянной готовно-

сти, для того чтобы встретить и отразить смертельный удар. Лучше всего об этом говорит начало царствования Екатерины II. Вот что писал о том времени Василий Осипович Ключевский:

«Удача одних кружила головы другим, подстрекала к повторению, поддерживала ропот, а предлог для ропота был налицо. Екатерина совершила двойной захват: отняла власть у мужа и не передала ее сыну, естественному наследнику отца. В гвардии бродили тревожные для Екатерины толки о возведении на престол Иванушки, так звали бывшего императора Ивана VI³⁹, также о том, зачем цесаревич Павел не коронован».

Граф Мориц-Август Бениовский родился в 1741 году в северо-восточной части многонациональной Австрийской империи в семье профессионального военного. В весьма юном возрасте М.-А. Бениовский в чине поручика австрийской армии принимал участие в Семилетней войне, где приобрел первый боевой опыт. Затем учился морскому делу и совершил целый ряд плаваний на Балтике. В 1767 году судьба заносит М.-А. Бениовского в Польшу. В этот момент в Речи Посполитой начиналась очередная смута. Значительная часть польской шляхты, образовав так называемую Барскую конфедерацию, поднялась против российского ставленника польского короля Станислава Понятовского. Король Польши в борьбе со своими подданными опирался в основном на русские войска. М.-А. Бениовский поступил на службу к польским конфедератам и получил у них чин полковника. Вскоре благодаря присущей ему энергии и незаурядной смелости Бениовский обратил на себя внимание руководителей Барской конфедерации. К 1768 году он уже имеет генеральский чин и занимает важное место в командовании конфедератов.

В 1768 году М.-А. Бениовский был взят в плен и отпущен на свободу под честное слово, что не будет больше сражаться против русских. Однако Бениовский не сдержал слова и, получив свободу, снова оказался в рядах армии мятежников. В мае 1769 года он опять попадает в плен к русским. На этот раз пленника не отпускают, а отправляют сначала в Киев, а уже оттуда ссылают на жительство в Казань. В планы Бениовского не входило длительное пребывание в России. Вскоре он тайно покидает Казань и вместе с одним из своих товарищей по несчастью бежит сначала в Москву, а затем в Санкт-Петербург. Из столицы Российской империи Бениовский планировал уехать за границу на одном из голландских торговых судов, которые часто посещали Петербургский порт. Однако беглецам не повезло. Шкипер голландского корабля, с которым они пытались договориться о содействии в осуществлении своих планов, выдал их русской полиции.

Бениовский и его товарищ были немедленно арестованы. После непродолжительного разбирательства по повелению Екатерины II от 14 ноября 1769 года пленные конфедераты были сосланы на Камчатку с тем, чтобы «кормиться трудами рук своих». В одно время с Бениовским на Камчатку был сослан целый ряд других государственных преступников.

Еще по дороге Бениовский вместе со своими друзьями по несчастью стал обдумывать план захвата судна, которое должно было доставить их из Охотска на Камчатку, и побега на нем до испанских владений в Америке. Однако короткое се-

³⁹ Император Иван VI в ноябре 1740 года в соответствии с завещанием императрицы Анны Иоанновны в двухмесячном возрасте был возведен на российский престол. В ноябре 1741 года он был лишен короны в результате дворцового переворота, приведшего к власти Елизавете Петровне. В 1756 году был заключен в Шлиссельбургскую крепость. В 1764 году был убит охраной во время неудачной попытки подпоручика В.Я. Мировича освободить бывшего императора, для того чтобы возвести его на престол.

верное лето было уже на исходе. Поэтому ссыльные государственные преступники не решились привести в исполнение свой дерзкий план.

Оказавшись на Камчатке, М.-А. Бениовский немедленно приступает к подготовке нового побега. Для этого он организует заговор, в который были вовлечены многие ссыльные, некоторые купцы, моряки, служилые и работные люди, камчадалы. По словам руководителя заговора, главной его целью было свержение императрицы Екатерины II и возведение на престол великого князя Павла Петровича. В апреле 1771 года заговорщики захватили власть в Большерецке. Немногочисленное население камчатской столицы было приведено к присяге на верность новому императору Павлу Петровичу.

На этом политическая программа заговора была исчерпана, и в мае 1771 года мятежники на захваченном ими галиоте «Святой Петр» покинули Камчатку. В начале июля, после почти двухмесячного путешествия, они оказались у берегов Японии. Здесь беглецы получили от местных властей продовольствие и воду, а М.А. Бениовский передал в адрес голландской фактории в Нагасаки несколько писем. Эти письма были переведены голландцами на японский язык и переданы японским властям. Одно из них получило впоследствии широкую известность как «предупреждение Бениовского» и вот уже почти два столетия не дает покоя как исследователям, так и политикам. Вот полный текст данного документа:

«Высокочитимые и благородные господа офицеры славной республики Нидерландов!

Жестокая судьба, долгое время носившая меня по морям, вторично привела меня в японские воды. Я сошел на берег в надежде, что мне, быть может, удастся встретиться здесь с вашими превосходительствами и получить вашу помощь. Я поистине весьма огорчен, что не имел возможности переговорить с вами лично, ибо располагаю важными сведениями, которые хотел вам сообщить. Высокое уважение, которое я питаю к вашему славному государству, побуждает меня поставить вас в известность, что в этом году два русских галиота и один фрегат, выполняя тайный приказ, совершили плавание вокруг берегов Японии и занесли свои наблюдения на карту, готовясь к наступлению на Мацума и прилегающие к нему острова, расположенные на 41°38' северной широты, наступлению, намеченному на следующий год. С этой целью на одном из Курильских островов, находящемся ближе других к Камчатке, построена крепость и подготовлены снаряды, артиллерия и провиантские склады.

Если бы удалось переговорить с вами лично, я рассказал бы больше, нежели то, что можно доверить бумаге. Пусть ваши превосходительства примут те меры предосторожности, какие сочтете необходимыми, но, как ваш единовец и ревностный доброжелатель вашего славного государства, я советовал бы по возможности иметь наготове крейсер.

На этом позволю себе отрекомендоваться и остаюсь, как следует ниже, вашим покорным слугой.

Барон Аладар фон Бенгоро, армейский военачальник в плену.

20 июля 1771 года, на острове Усма.

P.S. Я оставил на берегу карту Камчатки, которая может сослужить вам пользу».

Настоящий документ примечателен тем, что в нем нет ни единого слова правды.

«Вызывает недоумение, какую цель преследовал Бениовский, сообщая голландцам столь фальшивые сведения, – отмечал американский исследователь Дональд Кин. – В недостоверности их не может быть никакого сомнения. Далекое от каких-либо агрессивных замыслов в отношении Японии, русские напрягали все усилия, чтобы сохранить свои тихоокеанские владения ... Бениовский, несомненно, знал действительное положение вещей, но любовь к правде никогда не входила в число его добродетелей. Может быть, он рассчитывал выслужиться перед голландцами, разоблачив перед ними вымышленный заговор русских».

Вместе с тем довольно широкое распространение получило предположение, что сам М.-А. Бениовский и не является подлинным автором знаменитого «предупреждения». Ряд исследователей не сомневается в том, что появление «предупреждения» было вызвано опасениями сотрудников фактории голландской Ост-Индской компании в Нагасаки, боявшихся возможной конкуренции со стороны русских. «Хотя и нельзя отрицать существования писем Беневского, но возникает подозрение, не подправил ли их содержание голландский переводчик», – отмечал японский исследователь Накамура Синтаро.

Однако данная точка зрения не находит подтверждения в голландских источниках. Скорее наоборот. Как отмечает Кирилл Евгеньевич Черевко, руководители голландской фактории в Нагасаки сразу же выразили сомнение в правдивости автора «предупреждения». В частности, директора фактории писали:

«Мы считаем, что его письмо содержит заявление, не имеющее под собой никакого основания, и все в нем предоставляется несуразным и трудно поддающимся проверке. Новый директор фактории выехал из Европы лишь прошлым летом, но он не слышал ничего о тех слухах, о которых утверждается в этом письме».

11.7. Начало систематического изучения японцами Сахалина и Курильских островов в 80-е годы XVIII века

Как бы то ни было, «предупреждение Бениовского» заставило японцев по-новому взглянуть на проблемы национальной безопасности. «Предупреждение» попало на довольно хорошо подготовленную почву. Дело в том, что, с одной стороны, проводившаяся японским правительством политика самоизоляции была основана на глубоком недоверии к иностранцам (прежде всего европейцам), с другой – на протяжении столетий среди образованных японцев традиционно существовал и культивировался жгучий интерес ко всему иностранному.

«Пресловутая самоизоляция Японии от внешнего мира, установленная в 30-х годах XVII в. и поддерживаемая в XVIII в., не была такой непроницаемой, какой ее часто изображают историки, – отмечал видный советский востоковед Николай Иосифович Конрад. – Мысль о том, что внешний мир следует знать и не только знать, но и общаться с ним ... в XVIII в. становилась уже вполне ощутимой».

Как и предыдущий период, в XVIII веке проводившаяся японским правительством политика самоизоляции не препятствовала продолжению проникновения клана Мацумаэ и связанных с ним японских купцов к северу от Хоккайдо. В 1731 году старейшины айских родов Кунашира и Итурупа впервые привезли дань клану Мацумаэ. В 1754 году японский торговец Хидая Кюбэй учредил торговую факторию на крайнем юге Кунашира.

В 1751 году после длительного перерыва администрация княжества Мацумаэ вновь обращает внимание на Сахалин. В том году служащий фактории в Соя (на крайнем северо-западе Хоккайдо) Като Кахэй на судне «Эйфуку-мару» пересек пролив, отделяющий Хоккайдо от Сахалина, и высадился в местности Сирануси. Там он должен был начать лов трепангов, а также изучить возможности для торговли. По японским данным, в этой торговле были заинтересованы сахалинские айны.

В 1772 году администрация княжества Мацумаэ приказывает мацумайскому торговцу Мураяма Дэмбэй отправить на Сахалин два судна для торговли и занятия

рыболовным промыслом. В 1777 году торговлей с жителями Сахалина начал заниматься Нитта Рюсукэ.

Однако систематическое изучение японцами Сахалина и Курильских островов начинается только после плавания у берегов Японии М.-А. Бениовского.

Первое время японское правительство пыталось сохранить «предупреждение Бениовского» в секрете. Но вскоре сведения о нем получили довольно широкое распространение. Дело в том, что и японские переводчики, и сотрудники голландской фактории в Нагасаки рассказывали о «предупреждении» своим знакомым, и вскоре многие заинтересованные лица знали о его содержании. Одним из таких людей стал японский врач Кудо Хэйсукэ. В начале 80-х годов XVIII века им была написана книга «Размышления о красноволосых эдзо». Эта книга стала первым в Японии исследованием, посвященным России. В ней Кудо Хэйсукэ одним из первых в Японии обратил внимание на русское продвижение вдоль Курильских островов. Он писал:

«Если мириться с тем, что происходит, то вся земля Эдзо станет русской территорией. Поэтому в качестве предупредительной меры необходимо разрабатывать богатства Эдзо, мобилизовать государственные ресурсы, умело вести дела на севере. Если поступить таким образом, то проникновение России, видимо, будет предотвращено».

Вскоре книгу Кудо Хэйсукэ прочел глава японского правительства Танума Окицугу, и она произвела на него сильное впечатление. В 1784 году автор «Размышлений о красноволосых эдзо» был приглашен в Эдо (до 1868 года – резиденция сегуна, с 1868 года – резиденция императора Токио) и предстал перед всемогущим правителем Японии. В конце концов скромный врач убедил правительство империи пересмотреть свою политику по отношению к северу. Для начала О. Танума затребовал сведения об этом крае от клана Мацумаэ. Однако представленный Мацумаэ доклад был составлен в крайне туманных выражениях и не удовлетворил правительство. Поэтому О. Танума принимает решение направить на север небольшую экспедицию для исследования Хоккайдо, Курильских островов и Сахалина.

В конце апреля 1785 года правительственная экспедиция в составе тридцати человек прибыла во владения клана Мацумаэ на Хоккайдо. Вскоре после этого, разделившись на два отряда, японские исследователи отправились дальше на север.

В том же 1785 году первый отряд экспедиции по обследованию Севера во главе с правительственным чиновником Ихара Яроку переправился на Сахалин и обследовал юго-западное побережье острова, а также добрался до восточного побережья и исследовал мыс Анива.

После этого первый отряд вернулся на Хоккайдо, где зазимовал в фактории Соя на крайнем северо-западе Хоккайдо. Та зима стала для Ихара Яроку и пяти сопровождавших его самураев из Мацумаэ последней. Все они умерли от цинги. Однако это печальное событие не стало концом сахалинского отряда. В 1786 году на Сахалин был отправлен новый отряд во главе с правительственным чиновником Ооиси Иппэй.

Японцы высадились на юго-западном побережье острова. Здесь они встретили группу «сантанцев», которые прибыли на Сахалин из района озера Кизи (Нижний Амур). С помощью переводчика-айна Ооиси Иппэй расспросил «сантанцев» об их

земле, а также о северной части Сахалина. «Сантанцы» весьма подробно описали путь, который они проделали для того, чтобы попасть на Сахалин. Кроме того, они рассказали японцам о том, как добраться от озера Кизи до маньчжурских постов. Согласно рассказам «сантанцев», они подчиняются маньчжурам. Однако те бывают в их землях довольно редко.

После встречи с «сантанцами» Ооиси Иппэй отправился вдоль западного побережья Сахалина на север и дошел до айнских селений Наёро и Кусюннай. В Наёро от местного старейшины Яэнкуру и других сахалинских айнов Ооиси Иппэй получил детальное описание Сахалина. Айны рисовали остров на песке, давая пояснения о расстояниях от одного пункта до другого. В результате Ооиси Иппэй сумел сделать географическое описание южной части острова.

Второй отряд правительственной экспедиции по обследованию Севера под руководством чиновника Ямагути Тэцугоро должен был провести изучение южных Курильских островов. В состав этого отряда входил молодой путешественник Могами Токунай. Этому человеку было суждено сыграть видную роль в исследовании островов к северу от Хоккайдо. В конце зимы 1786 года Могами Токунай на айнской лодке переправился на остров Кунашир. 18 апреля он высадился на

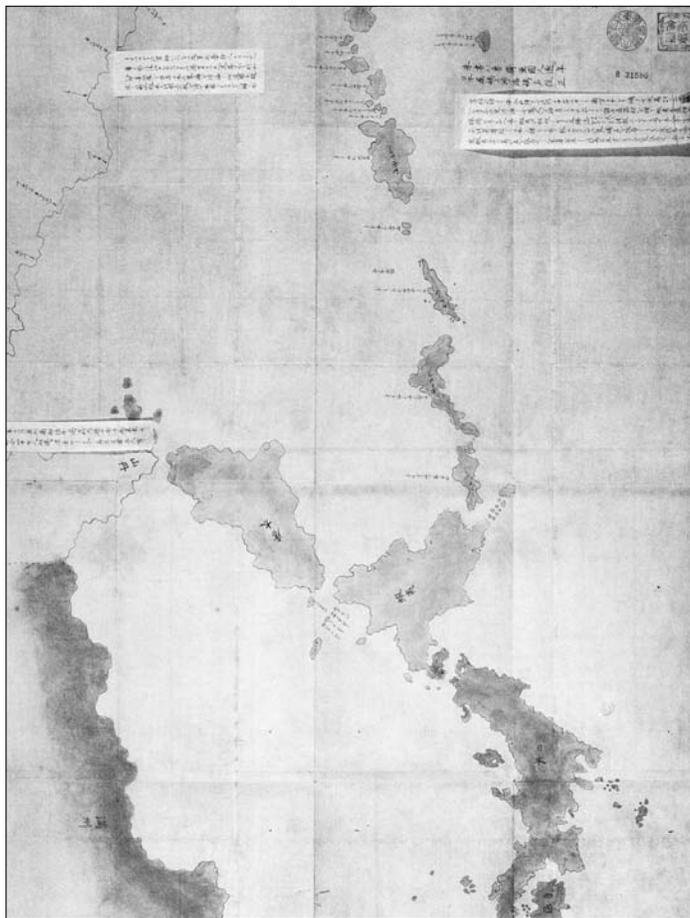


Рис. 34. Карта Эдзо Могами Токунай. 1790 год

Итурупе. Здесь он услышал от айнов о трех русских людях, которые бежали сюда с Урупа после ссоры со своими начальниками. Могами Токунай встретился с ними. Русские рассказали японскому исследователю о Курильских островах и Камчатке. После этого Могами Токунай сделал попытку добраться до Камчатки, но из-за штормов не смог пройти далее северной оконечности Урупа и был вынужден вернуться на Хоккайдо.

Успешная работа экспедиции была прервана вскоре после отстранения от власти организовавшего ее Танума Окицугу. В 1786 году главой правительства Японии стал Мацудайра Саданобу. Он не проявил интереса к продолжению исследований на севере, и экспедиция была прекращена.

11.8. Антияпонское восстание айнов на острове Кунашир

Японская экспансия на Курильских островах сопровождалась закабалением коренного населения. И дело не ограничивалось только уплатой дани. И сам клан Мацумаэ, и его вассалы не утруждали себя сбором дани с подвластных им айнов Хоккайдо, Кунашира и Итурупа. Все права на это продавались купцам-откупщикам. Получая от откупщиков основные средства к существованию, представители клана Мацумаэ практически полностью передали им власть над айнами. В условиях бесконтрольного господства откупщиков всевозможным злоупотреблениям не было конца. Айнов истощали непосильными работами, спаивали спиртными напитками, отбирали у них наиболее красивых и молодых женщин.

Подобное положение вызывало сопротивление айнов. Наиболее сильно это проявилось летом 1789 года во время восстания айнов на Кунашире. Восстанию предшествовали следующие события. В 1786 году из-за неурожая по всей Японии был сильный голод. Цены на рис резко возросли. Вследствие этого плата айнам за работу на рыбных промыслах (оплата производилась рисом) резко сократилась. В следующие годы она так и не увеличилась. Это усугублялось поведением находившихся на Кунашире японских надсмотрщиков и переводчиков. Они жестоко обращались со стариками и детьми, насиловали айнских женщин. Ругань в адрес айнов была самым обычным делом. Однако именно она в конце концов и привела к восстанию.

Однажды японский откупщик, ругая айнов за лень, пригрозил им, что японцы отравят всех айнов Кунашира. А в это время случилось, что один больной айн, «получивши из конторы откупщика сакэ и выпив его, умер». Тогда же умерла одна айнка. Незадолго перед смертью она была в конторе откупщика и поела там рис. Вероятнее всего, что и в том и в другом случае смерть последовала от естественных причин. Однако кунаширские айны увидели во всем этом начало выполнения страшной угрозы.

Более двухсот кунаширских айнов напали на контору откупщика и захватили имевшееся там оружие. Практически все находившиеся на острове японцы (более семидесяти человек) были убиты. Только два японских переводчика сумели бежать на Хоккайдо и спаслись. Они и рассказали в Мацумаэ о случившемся. Для подавления восстания на Кунашир был послан большой отряд солдат. Восставшие были разгромлены и сдались на милость победителей. После расследования всех обстоятельств дела японцы казнили тридцать семь айнов (их посчитали руководителями восстания), а остальных отпустили.

11.9. Колонизация японцами Южного Сахалина и Южных Курил в 90-е годы XVIII века

На рубеже 80-90-х годов XVIII столетия администрация княжества Мацумаэ от эпизодических экспедиций на Сахалине переходит к постоянному присутствию на острове. Так, в 1790 году на остров были направлены вассал клана Мацумаэ Такахаси Сэйдзаэмон и подрядчик Мураяма Дэмбэй. Перед ними были поставлены две задачи: провести новое обследование острова и организовать здесь первый рыболовный участок, который должен был существовать на постоянной основе.

Мураяма Дэмбэй организовал в Сирануси постоянную торговую факторию, вскоре ставшую одним из важнейших центров экономической жизни Сахалина. Для заключения торговых сделок с японцами сюда приезжали айны, нивхи (как амурские, так и сахалинские), другие народы Приамурья, а также китайско-маньчжурские купцы. Аборигены Сахалина, а также народы Приамурья привозили в Сирануси для продажи японцам пушнину (шкуры речной выдры, соболя, лисы), осетровые и калужьи хрящи, вязигу и пузыри этих рыб, орлиные перья. Кроме того, народы Приамурья и Сахалина служили посредниками в торговле между Китаем и северными районами Японии. Они привозили в Сирануси для перепродажи японцам ряд китайских товаров: парчу, плоские барабаны, пятиструнные арфы, кожаные пояса с застежками, мечи. Японцы привозили на Сахалин шелковые и бумажные ткани, готовые шелковые и парчовые халаты, табак, металлические изделия, чугунные котлы, украшения, рис.

В том же 1790 году в местностях Тоннай (район современного Холмска) и Кусюнкотан (современный Корсаков) были построены японские торговые склады.

В то время, когда Мураяма Дэмбэй закладывал основы экономического господства Японии на Южном Сахалине, Такахаси Сэйдзаэмон проводил исследование как побережья, так и внутренних районов острова. На основе собственных наблюдений, а также тех сведений, которые ему удалось получить от местных жителей, Такахаси Сэйдзаэмон составляет оригинальную карту Сахалина. Особый интерес представляет его карта восточной части острова, на которой побережье прослежено до устья реки Тымь. Благодаря встрече на юго-западном побережье Сахалина с группой «сантанов» он получил новые сведения о так называемой «сантан-торговле», а также о Нижнем Амуре и Северном Сахалине. В частности, он узнал о том, что за несколько лет до его путешествия у сахалинского берега в районе, расположенном немного южнее устья реки Тымь, потерпело крушение большое русское судно. Во время кораблекрушения сумело спастись только пять человек, которые стали жить у гиляков.

Обо всем этом Такахаси Сэйдзаэмон написал в своей книге «Заметки об острове Карафуто». Эта книга интересна также тем, что на ее страницах автор поместил целый ряд чрезвычайно информативных иллюстраций. Среди них портреты «сантанов», рисунки их вещей, а также карты Нижнего Амура.

В 1791 году администрация княжества Мацумаэ направляет на Сахалин группу исследователей, в которую входили Мацумаэ Хэйкаку, Аояма Соноэмон, Такахаси Сэйдзаэмон, Судзуки Кумадзо. Пройдя по западному побережью острова вплоть до Котантору, а по восточному – до мыса Терпения, они составили подробное описание Сахалина. Особое внимание было уделено географии, климату, населению и промыслам. О тех районах, которые находились к северу от Котантору, японские исследователи получили информацию от находившегося в Наёро «сантанца» Фянку. Для российского читателя чрезвычайно интересно сообщение Мацумаэ Хэйкаку о его встрече с тремя русскими, которые якобы добрались до Сахалина через земли «сантанцев» с Камчатки.

Как отмечал известный японский исследователь Акидзуки Тосиюки, в отчете экспедиции 1791 года

«привлекают внимание следующие моменты: 1) крайний северо-запад Сахалина, который называется «Нанио» (район нынешнего Рыбновска), выдается в море; выше его можно повернуть на восток (что означает, что Сахалин – остров). 2) «Сантанцы» находятся в вас-

сальной зависимости от Маньчжурии, как Эдзо от Мацумаэ. 3) «Сантан-торговля» происходит по следующей схеме: «сантанцы» берут в долг у маньчжуров, испытывающих большой интерес к мехам, нефритовые украшения, ножи, табак, женские украшения, везут их на Сахалин и выменивают у айнов на меха (чернобурка, рыжая лиса, песок, морской котик, выдра). 4) Зимой «сантанцы» кочуют в места, где живут «роча» (оросия) и охотятся вместе с русскими на пушного зверя («сантанцы» – с луками и петлями, русские – с ружьями)».

В 1792 году центральное правительство Японии вновь направляет на Север экспедицию. Перед группой правительственных чиновников, в составе которой были Могами Токунай, Вада Хэйдаю и Кобаяси Гэнносукэ, была поставлена задача изучить ту ситуацию, которая сложилась на Хоккайдо, Южных Курилах и Сахалине после подавления известного Кунаширского восстания.

На Сахалине Могами Токунай, беседуя как с сахалинскими айнами, так с гиляками и ороками, получил новую информацию о бассейне реки Тымь, о Нижнем Амуре и Маньчжурии. Именно Могами Токунай был первым японцем, который увидел «маньчжурское письмо», которое хранилось у старейшины Наёро Яэнкороайну и услышал о вассальной зависимости сахалинских айнов от Маньчжурии. Тогда же японцы узнали о том, что одним из следствий той торговли, которую жители Сахалина вели с «сантанцами», стал буквально массовый увод местного населения на Нижний Амур за долги. Тогда же Могами Токунай записал сказание айнов о земляной крепости «той-часи», остатки которой он видел южнее фактории Сирануси. По словам айнов, прямоугольные земляные валы по 180 метров каждый были насыпаны в старину японскими воинами.

Когда участники экспедиции 1792 года прибыли в Кусюннай, они встретили там русского по фамилии Иванов, который попал на остров в результате кораблекрушения у восточного побережья Сахалина (южнее устья реки Тымь).

Во время путешествия по Сахалину один из участников экспедиции 1792 года, Кобаяси Гэнносукэ, постоянно рисовал. В дальнейшем эти рисунки вошли в целый ряд интереснейших альбомов: «Растительный мир Эдзо», «Зарисовки западного и восточного побережья острова Карафуто», «Продукты и утварь Эдзо».

В апреле 1798 года японское правительство направило на север новую экспедицию. Для исследования Хоккайдо и южных Курильских островов был сформирован отряд численностью более ста восьмидесяти человек. Одна из партий экспедиции во главе с правительственным чиновником Кондо Сигэтоси и Могами Токунаем в конце июля 1798 года посетила Итуруп. 28 июля японцы установили здесь столб с надписью: «Эторофу – владение Великой Японии».

Одной из задач, которые стояли перед экспедицией 1798 года, было изучение возможностей для установления непосредственного управления центральным правительством северными землями. Уже в 1799 году Восточный Эдзо (тихоокеанское побережье Хоккайдо) и Южные Курилы были переведены под непосредственное управление Эдо. В результате на рубеже XVIII-XIX веков на Кунашире, Итурупе и крайнем юге Сахалина появляются японские правительственные чиновники и сторожевые посты.

Благодаря существованию в Нагасаки голландской торговой фактории японцы были знакомы с результатами исследований европейских мореплавателей в северной части Тихого океана. Однако в конце XVIII века знакомство с самыми последними достижениями европейской географии внесло некоторую путаницу в

географические представления японцев. Так в Японии получила распространение теория о полуостровном положении Сахалина.

11.10. Экспедиция французского мореплавателя Ж.Ф. Лаперуза у берегов Сахалина и Курильских островов

В конце XVIII века интерес к Сахалину и Курильским островам снова проявляют западноевропейские мореплаватели.

В июле-сентябре 1787 года в Японском и Охотском морях вела исследования французская экспедиция под руководством Ж.Ф. Лаперуза.

Граф Жан Франсуа де Гало Лаперуз родился в 1741 году. С ранних лет он служит во французском военно-морском флоте. Участник Семилетней войны и других военных конфликтов, в ходе которых Франция вела войны с владычицей морей Англией. К началу 80-х годов XVIII столетия Ж.Ф. Лаперуз имел репутацию одного из самых опытных, умелых и смелых моряков французского военно-морского флота. Именно это обстоятельство сыграло решающую роль при решении вопроса о назначении его в 1785 году руководителем французской кругосветной экспедиции.

Принимая решение об организации этой экспедиции, Франция снова заявляла о своей претензии на победу над своим вечным противником Англией. Ведь господство на морях должно было, в конечном счете, привести к созданию французской колониальной империи. Но именно здесь на пути у французов все время становились англичане. В большинстве наиболее важных в стратегическом отношении районах Мирового океана они один за другим создавали опорные пункты, вокруг которых вскоре вырастет огромная британская колониальная империя. Англичане захватывают созданные ценой невероятных усилий и жертв французские колонии в Америке и Азии. Их корабли бороздят все моря Мирового океана, и казалось, что уже нет места, где бы не знали, как выглядит британский флаг. Огромную славу и пользу Англии принесли три кругосветных плавания Джеймса Кука, в ходе которых были открыты многочисленные ранее неизвестные европейцам земли. Конечно, все это требовало адекватного французского ответа.

С самого начала главной целью экспедиции стала демонстрация всему миру как морского, так и научного превосходства Франции. Потому-то на первый план и были выдвинуты чисто научные задачи. Прежде всего участники экспедиции были должны уточнить карту Мирового океана. Король Франции Людовик XVI, лично разрабатывавший план будущей экспедиции, считал, что французы должны «заполнить все белые пятна, оставленные Куком». В числе многочисленных задач, которые были поставлены перед Ж.Ф. Лаперузом, был поиск пролива между землей Иессо (со времен экспедиции М.Г. Фриса данная земля изображалась на европейских картах на том месте, которое должны были занимать остров Хоккайдо и южная часть Сахалина) и азиатским материком, а также изучение Курильских островов. Кроме того, участники экспедиции должны были собрать данные о климате, растительном и животном мире, коренном населении тех земель, на которые еще не ступала нога европейца. При этом экспедиции предписывалось строить свои отношения с туземцами исключительно на мирных основаниях.

Самое активное участие в подготовке экспедиции приняла Французская академия наук. Ею были составлены программы научных работ по физике, астрономии,

географии, минералогии, метеорологии, ботанике, медицине. Кроме того, академией наук были рекомендованы ученые, которые в дальнейшем примут участие в экспедиции.

Экспедиция отправилась в кругосветное плавание из Бреста в августе 1785 года на фрегатах «Буссоль» (под командованием Ж.Ф. Лаперуза) и «Астролябия» (под командованием Поля Антуана Флерио де Лангля). После почти двухлетнего плавания по малоизученным районам Тихого океана корабли Ж.Ф.Лаперуза в июле 1787 года оказались в северной части Японского моря и вскоре подошли к сахалинскому берегу. О первых впечатлениях французского мореплавателя хорошо говорит его дневник, который он вел в течение всего путешествия:

«С виду земля эта весьма отличалась от Татарии – видны были лишь голые скалы, в чьих углублениях еще лежал снег, но мы находились слишком далеко, чтобы видеть низины, которые, подобно континентальным, могли быть все в деревьях и зелени. Самую высокую из этих гор, чья вершина подобна печной отдушине, я назвал пик Ламанона из-за ее вулканической формы и потому, что физик, носящий это имя, сделал особое исследование различных материй, сплавленных вулканическим огнем...»

Первое время руководитель экспедиции считал, что его корабли находятся не у берегов Сахалина, который на всех европейских картах помещался гораздо севернее, а на западе земли Иессо, восточную часть которой когда-то посетили голландцы.

«Нам лишь оставалось узнать, – записал Ж.Ф. Лаперуз в своем дневнике, – остров ли Иессо или полуостров, составляющий вместе с китайской Татарией приблизительно такую же форму, как Камчатка с русской Татарией».

Однако очень скоро Ж.Ф. Лаперуз понял, что на европейских картах этой части Тихого океана слишком много ошибок и географических фантазий. 12 июля 1787 года французы приняли решение высадиться на берег для того, чтобы «обследовать местность и узнать, есть ли надежда получить какие-нибудь сведения от жителей». Первым на сахалинский берег сошли люди командира фрегата «Астролябия» де Лангля.

«Они нашли всего две лачуги в этой бухте и те брошенными, но совсем недавно, т. к. в них еще горел огонь; ничто из вещей тронато не было; они увидели кучку еще слепых щенят (лай матери доносился из леса) – это говорило о том, что хозяева были невдалеке. Г-н де Лангль оставил там топоры, всякие железные инструменты, бисер и, вообще, все то, что счел нужным и приятным этим островитянам. Он был уверен, что обитатели хижин вернутся к себе после его ухода, а подарки докажут им нашу дружелюбность. Одновременно он распорядился, чтобы протянули невод, и, забросив дважды сети, поймал больше лосося, чем весь экипаж мог употребить за неделю. В тот момент, когда он уже собрался вернуться на борт, он увидел пристающую к берегу пирогу и в ней семерых человек, которых наше присутствие, казалось, совсем не испугало. Они посадили свою лодочку на песок и уселись на циновки среди наших матросов с уверенным видом, который очень располагал к себе. Среди них были два старца с белыми длинными бородами, одетыми в рогожную ткань... У двоих других были одежды из синей ватной нанки, мало чем отличающиеся от китайской. На остальных же было лишь длинное платье, которое застегивалось с помощью пояса и пары маленьких пуговиц и тем самым избавляло их от ношения штанов. Головы их были непокрыты, у двоих-троих обвязаны лишь повязкой из медвежьей шкуры; макушка и виски у них были выбриты, а волосы сзади опущены на 8 или 10 пядей... Все были обуты в сапоги из кожи тюленя, мастерски выточенные на китайский манер. Оружие их состояло из луков, копий и стрел с железными наконечниками. У самого старого из них, к которому остальные проявляли наибольшее почтение, глаза были в очень плохом состоянии; вокруг головы он носил козырек, чтобы предохраняться от слишком яркого света. Манеры этих людей были степенны, благородны и очень сердечны. Г-н де Лангль отдал им все, что у него оставалось,

и дал им жестами понять, что ночь вынуждает его вернуться на корабль, но что он очень желал бы с ними вновь увидеться завтра, чтобы заново одарить их. Они в свою очередь показали, что ночуют поблизости и на встречу не преминут прийти.

Мы решили, что они владельцы рыбного склада, стоящего на колах в 4-5 футах от земли, на который мы натолкнулись на берегу реки. Де Лангль, заходя в него, ничего не тронул, как и в брошенных хижинах; он нашел в нем лососину, сельдь, сушеную и копченую, с пузырьками, полными жира, а также лососиные шкурки, тонкие, как пергамент. Склад этот был слишком большой для пропитания одной семьи, и он решил, что эти люди торговали разными этими предметами».

Утром 13 июля Ж.Ф. Лаперуз сам высадился на берег и встретился с группой сахалинских айнов.

«Перед тем, как приступить к беседе с туземцами, им были преподнесены всевозможные подарки. Они, казалось, ценили только полезные вещи – особенно успех имели железо и ткани; металлы они знали не хуже нас, предпочитали серебро меди, медь – железу и т. д. Были они весьма бедны, лишь у троих или четверых в ушах висели золотые серьги, украшенные голубым бисером... Другие их мелкие украшения были из меди...; их огниво и курительные трубки выглядели китайскими или японскими – из серебросодержащей меди, прекрасно выполненные. Указывая рукой на запад, они дали нам понять, что синяя нанка, которая была на некоторых из них, а также бисер и огниво взялись у них из страны маньчжуров, и имя это они произносили в точности, как мы».

Французские мореплаватели постарались расспросить туземцев о том районе, где они в настоящее время находились. И те дали французам чрезвычайно точную информацию как о своем острове, так и о материковом берегу Татарского пролива и амурском устье.

«Один из старцев поднялся и острием своей трубки начертил татарский берег, идущий на западе примерно с севера на юг, а против него, к востоку и в том же направлении, он изобразил свой остров, и, приложив руку к груди, он дал нам понять, что начертил свою страну. Между Татарией и своим островом он оставил пролив и, повернувшись к нашим суднам, которые были видны с берега, провел линию, показывая, что мы можем там проплыть. К югу от острова он начертил еще один и, оставив пролив, указал, что и это тоже проход для наших судов. Его мудрость отгадывать наши вопросы была велика, но все же меньше, чем у другого островитянина лет тридцати, который, увидев, что линии на песке стирались, взял у нас карандаш и бумагу и начертил свой остров. Он назвал его Чока и черточкой обозначил речку, на берегу которой мы находились, поместив ее на две трети по длине острова с севера на юг. Затем он нарисовал землю маньчжуров, оставив, как и старик до него, пролив на дне воронки, а также, к большому нашему удивлению, прибавил реку Сегальен⁴⁰, название которой они произносят, как и мы. Устье реки он поместил чуть южнее северного мыса своего острова...»

После этих разъяснений Ж.Ф. Лаперуз понял, что, вероятнее всего, его суда находятся у берегов острова Сегальен (Сахалин), который французские географы на своих картах располагали значительно севернее.

14 июля Ж.Ф. Лаперуз отдал распоряжение своим кораблям двигаться далее на север. Идя в северном направлении, он старался как можно тщательнее нанести на карту как побережье Сахалина, так и материковый берег. Однако найти проход между Сахалином и материком французскому мореплавателю не удалось.

У входа в узкую часть пролива глубина стала быстро уменьшаться, сахалинский и материковый берега сошлись на горизонте.

«Никакого течения не было заметно, и этот застой представлялся доказательством того, что фарватер не существовал и являлся явной причиной совершенной ровности ската».

⁴⁰ Речь идет о реке Амур.

Ж.Ф. Лаперуз не решился идти далее и послал для измерения глубины два гребных судна. Однако, зафиксировав дальнейшее быстрое уменьшение глубины, гребные суда из-за наступившей темноты и сильного волнения на море были вынуждены вернуться. В конце концов, падение глубин подвело французского исследователя к предположению о существовании между Сахалином и материком перешейка.

Дополнительные доказательства существования перешейка между Сахалином и материком французы получили от туземцев, живших на берегу бухты де Кастри. Вот что писал об этом сам Ж.Ф. Лаперуз:

«Мы пустили в ход всю нашу ловкость, выпрашивая их о местной географии: на бумаге мы начертили побережье Татарии, реку Сегальен и одноименный остров – они тоже называют его Чока – напротив этого самого побережья, оставив проход между ними. Они взяли у нас карандаш и черточкой соединили остров с континентом. Затем, протасив свои пироги по песку, они дали нам понять, что, выйдя из рек, именно так они тащили свою лодку по песчаной мели, которая соединяет остров с континентом. После этого, нарвав в море водорослей (которыми заполнено верховье этого залива), они воткнули их в песок, показывая тем, что такие же были на мели, которую пересекали».

Данная информация окончательно развеяла все сомнения Ж.Ф. Лаперуза. Правда, ему пришлось как-то соотнести сообщения, полученные им от туземцев, живших на берегу залива де Кастри, собственные наблюдения и те сведения, которые были ранее получены от айнов. В конце концов Ж.Ф. Лаперуз пришел к выводу о том, что Сахалин является островом,

«отделенным от Татарии проливом, который заканчивается на севере банками, между которыми кораблю пройти невозможно, но где, вероятно, есть фарватер для пирога, среди этих крупных водорослей, загромождающих пролив».

2 августа 1787 года французские корабли повернули на юг. Двигаясь в этом направлении, французские мореплаватели смогли проследить более семисот километров сахалинского побережья вплоть до крайней юго-западной оконечности острова, которая получила название мыс Крильон. После кратковременной стоянки у мыса Крильон «Буссоль» и «Астролябия» прошли из Японского моря в Охотское по проливу между Сахалином и Хоккайдо, исправив ошибку, сделанную в свое время голландцами. В настоящее время этот пролив носит имя Лаперуза.

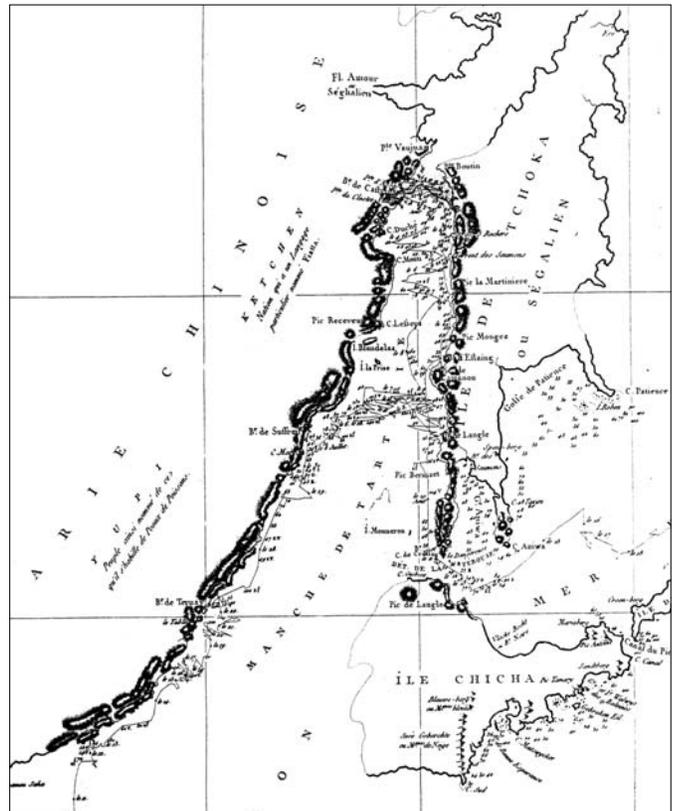


Рис. 35. Сахалин на карте Лаперуза. 1787 год

Выйдя из пролива между Сахалином и Хоккайдо, корабли Ж.Ф. Лаперуза взяли курс на Курильские острова. Однако из-за встречных ветров французы сумели дойти до острова Уруп только 20 августа. Остров произвел на французов самое неблагоприятное впечатление:

«Эта земля, без деревьев и зелени, показалась нам необитаемой и непригодной для жизни».

В числе задач, стоявших перед экспедицией, было и исследование Курильских островов. Однако сильные туманы сделали невозможной любую работу. «За десять дней нам выдалось лишь 24 погожих часа», – отмечал в своем дневнике руководитель экспедиции. Время, пригодное для исследований в этих широтах, стремительно подходило к концу, и Ж.Ф. Лаперуз был вынужден принять решение отменить исследование Северных Курил и взять курс на Камчатку.

11.11. Экспедиция английского мореплавателя У.Р. Броутона исследует Курильские острова и Сахалин

В 1796-1797 гг. Курильские острова и Сахалин исследовал английский мореплаватель У.Р. Броутон.

Уильям Роберт Броутон родился в 1762 году. В 12 лет поступил на службу в английский военно-морской флот. Принимал участие в боевых действиях, которые Англия вела против своих североамериканских колоний. Затем плавал в водах Ост-Индии. В начале 90-х годов XVIII века принял участие в экспедиции Джорджа Ванкувера, в которой командовал одним из судов. Принял участие в исследованиях северо-западного побережья Северной Америки (в частности в устье реки Колумбия), а также юго-западной части Тихого океана.

В 1793 году У.Р. Броутон был командирован в Англию, где получил под свою команду шлюп «Провиденс», которому предстояло присоединиться к кораблям Д. Ванкувера и идти к американским берегам. Однако «Провиденс» не успел к месту встречи кораблей экспедиции, и У.Р. Броутон вопреки вековым традициям британского флота, требовавшим неукоснительного соблюдения инструкций, решился на то, чтобы самостоятельно определить свой дальнейший маршрут.

Посоветовавшись с офицерами шлюпа «Провиденс», У.Р. Броутон принял решение не заниматься поисками кораблей Д. Ванкувера, а заняться описанием берега Азии, «начиная с острова Сагалин, расположенного на 52-й параллели в южной части Охотского моря, и закончить на реке Нанкин, лежащей на 30-м градусе северной широты. В мое намерение также входило описать близлежащие острова, то есть Курильские, и острова, которые расположены рядом с Иезо и Японией».

Корабль У.Р. Броутона оказался у Курильских островов в начале октября 1796 года и провел в этом районе почти три недели, пройдя от Хоккайдо до острова Симушир. Здесь сразу же следует отметить, что английский мореплаватель выбрал для своих исследований не самое удачное время. Об этом свидетельствуют уже первые записи, сделанные У.Р. Броутоном в районе островов Малой Курильской гряды: «Несколько низменных плоских островков появилось между нами и берегом, однако из-за тумана мы не смогли рассмотреть их подробно». Еще менее любезно встретил их Итуруп: «Всю ночь бушевал шторм, ... мы стояли носом на остров, неясно видневшийся на северо-востоке-востоке». В районе острова Симушир: «В полночь – сильные порывы ветра, и мы пошли на восток, убрав рифы на марселе».

Рядом с островом Броутона: «На рассвете увидели на востоке маленький круглый высокий островок. Погода не менялась, дымка мешала нам разглядеть берега острова... Сильный бриз, штормит... Вечером ветер усилился, начался сильный ливень».

В конце концов, приближающаяся зима заставила У.Р. Броутона прекратить плавание вдоль Курильского архипелага и повернуть на юг. В декабре 1796 года шлюп «Провиденс» прибыл в Макао. Здесь У.Р. Броутона и его людей ждали крупные неприятности. Из полученной почты они узнали, что английское адмиралтейство, явно недовольное самоуправством У.Р. Броутона, приказало ему сдать корабль и расформировать команду.

Выполнив указание адмиралтейства, У.Р. Броутон принял решение продолжить исследования в интересующем его районе на свой страх и риск. За свой счет им была приобретена небольшая шхуна, на которой английские моряки снова отправились в район, лежавший к северу от «острова Инсу»⁴¹.

Пройдя вдоль западного побережья Хоккайдо, англичане 8 сентября 1797 года оказались вблизи острова Монерон. Увидев в тот же день на востоке какую-то большую землю, У.Р. Броутон сделал следующую запись:

«На своей карте японцы указывают на существование протяженного острова, лежащего к северу от Инсу, который я соотношу с обнаруженной нами землей. Ее южная часть достаточно высокая, но и, скалистая... Так как ветер мешал нашему продвижению на восток для исследования береговой черты и пролива, отделяющего, как я полагаю, эту землю от Инсу, мы были обязаны сделать это на западной стороне, поэтому в полночь мы продолжили наш путь в северо-восточном направлении».

Вплоть до середины сентября 1797 года У.Р. Броутон безуспешно пытался найти пролив между «протяженным островом» и Татарией. В конце концов 16 сентября он сделал следующую запись:

«Глубины продолжали уменьшаться и, когда мы поменяли галс, составили менее двух сажней. В это время мы ясно видели очень низменную землю, простирающуюся к северо-востоку от того, что штурман посчитал проходом к морю: ближайшая часть суши виднелась от нас к северо-востоку и востоку в 3-4 милях, а оттуда к северу, образуя южный входной мыс залива

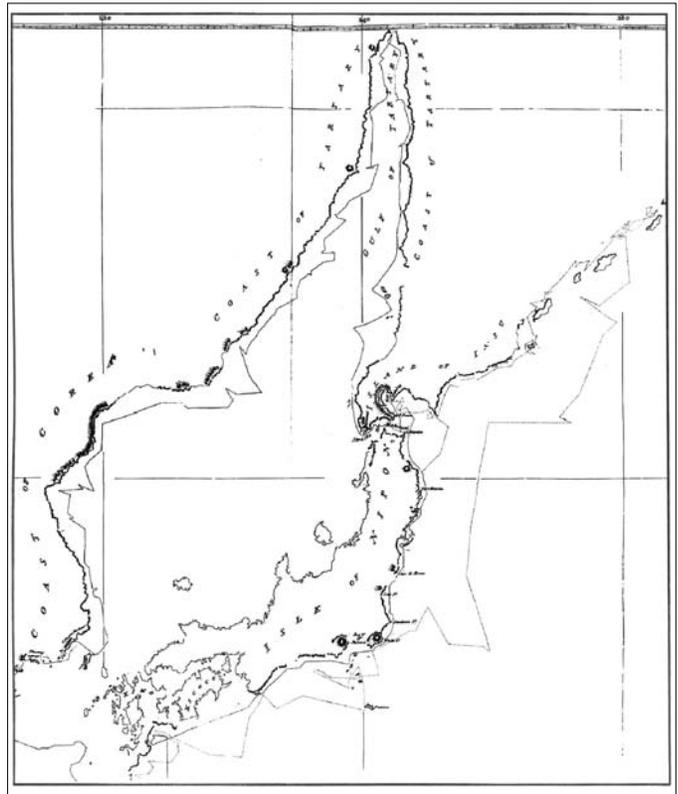


Рис. 36. Сахалин и Курильские острова на карте Броутона. 1797 год

⁴¹ Острова Хоккайдо.

Чэпмена, названного так по имени штурмана, продолжалась в виде песчаных кос, едва видневшихся над водой. Сейчас мы ясно видели, что прохода к морю в этом направлении не существовало, местность была перекрыта низменностью, за которой мы видели в северо-восточном направлении несколько холмов. Даже если в этот залив и впадает река, то она наверняка небольшая, так как мы не наблюдали приливов или других признаков, указывающих на присутствие рек на этом берегу. Так же, как и штурман, я считал этот залив очень неудобным и узким, чтобы ввести туда корабль без особого риска. Отсутствие местных жителей, у которых можно было бы получить информацию об этой стране, а также приближение времени равноденствия заставили меня не терять времени и повернуть на юг, вниз по заливу, в который мы так далеко забрались, не ожидая плохой погоды».

Так возникла и вскоре получила широкое распространение теория о полуостровном положении Сахалина.

Глава 12

САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ

12.1. Организация первой русской кругосветной экспедиции и посольство Н.П. Резанова в Японию

В начале XIX века Сахалин и Курильские острова становятся ареной первого русско-японского вооруженного конфликта. Этому конфликту предшествовали следующие события.

8 июля 1799 года российский император Павел I подписал указ о создании Российско-Американской компании. Этой компании было суждено сыграть видную роль в приобретении и освоении Россией колоний в северной части Тихого океана. Высочайше пожалованные компании привилегии позволяли ей «пользоваться ... всеми промыслами и заведениями» на Курильских островах.

При участии Российско-Американской компании был организован ряд крупных экспедиций. Наиболее известной среди них являлась первая русская кругосветная экспедиция на шлюпах «Надежда» и «Нева» под руководством И.Ф. Крузенштерна.

Иоганн-Антон (Иван Федорович) Крузенштерн родился в 1770 году в Эстляндии. В пятнадцатилетнем возрасте был определен для учебы в Морской кадетский корпус. В 1787 году начал службу на Балтийском флоте. Участвовал в русско-шведской войне 1788-1790 годов.

В 1793-1799 годах в составе группы русских морских офицеров находился в командировке в Англии, где проходил обучение на лучшем в то время английском королевском флоте. В течение шести лет он на английских кораблях сумел совершить целый ряд плаваний в Атлантическом и Индийском океанах, Южно-Китайском море, побывал в Северной Америке, Вест-Индии, Южной Африке, Ост-Индии и Китае. Приобретенный за время далеких плаваний опыт помог ему понять те огромные выгоды, которые могла бы получить Россия в результате установления морского сообщения между европейской частью страны и ее дальневосточными и американскими владениями. Чрезвычайно заинтересовал российского моряка и опыт английской торговли со странами Востока.

Результатом этих размышлений стала записка, в которой И.Ф. Крузенштерн изложил свои взгляды на развитие российской морской торговли и доказывал необходимость организации дальних плаваний. В частности, молодой морской офицер предложил

«послать из Кронштадта к Алеутским островам и к северо-западному берегу Америки два корабля, нагрузив оные всякими к построению и оснащению судов нужными припасами, и отправить при сем случае к селениям Американской компании искусных кораблестроителей, разных мастеровых и учителей мореплавания, снабдив их морскими картами, книгами и астрономическими инструментами, словом, привести купцов в состояние строить там хорошие суда, кои бы управлялись искусными начальниками для того, чтобы отвозили

после мягкую рухлядь¹ в Кантон прямо... и по получении там нужных товаров возвращались бы обратно».

Вернувшись в 1799 году в Россию, он направляет свою записку одному из влиятельнейших деятелей павловского царствования вице-президенту адмиралтейств-коллегии адмиралу Григорию Григорьевичу Кушелеву. Однако последнего предложения И.Ф. Крузенштерна не заинтересовали, и записка осталась без ответа.

С началом нового царствования И.Ф. Крузенштерн перерабатывает свою записку и в 1802 году направляет ее новому вице-президенту адмиралтейств-коллегии адмиралу Николаю Семеновичу Мордвинову. На этот раз предложения И.Ф. Крузенштерна были поддержаны, как руководством военно-морского ведомства, так и влиятельнейшим министром коммерции Николаем Петровичем Румянцевым, и 26 июля 1802 года И.Ф. Крузенштерн был назначен «начальником над двумя кораблями, которые назначено отправить в Камчатку и к северо-западным берегам Америки».

Подготовка к экспедиции заняла целый год. За это время в Англии были приобретены два шлюпа, а затем и сформированы их команды. Корабли вышли из Кронштадта 26 июля 1803 года. На борту шлюпа «Надежда» (им командовал Иван Федорович Крузенштерн) находилась дипломатическая миссия во главе с уполномоченным Российско-Американской компании в колониях Николаем Петровичем Резановым. Перед миссией стояла задача «открыть торг с Японией». Задача эта была чрезвычайно сложной. Ведь начиная с XVII века Япония проводила политику самоизоляции. Вопреки довольно широко распространенному мнению японская самоизоляция не была абсолютной. Однако торговля с внешним миром была в значительной степени ограничена. Только Китай, Корея, острова Рюкю, Голландия и ряд стран Юго-Восточной Азии могли присылать в Японию свои торговые корабли.

Н.П. Резанову предписывалось попытаться убедить японские власти предоставить русским свободу торговли и право направлять в Нагасаки несколько судов ежегодно. В случае несогласия японцев на прямую торговлю Н.П. Резанов должен был добиться разрешения на обмен товаров между Россией и Японией при посредничестве айнов Урупа и Сахалина. Кроме того, российскому посланнику поручалось собрать дополнительные сведения об устье Амура и Сахалине.

26 сентября 1804 года «Надежда» вошла в Нагасакский залив. Почти полгода ожидало российское посольство ответа японского правительства на предложение начать переговоры. В конце концов 23 марта 1805 года Н.П. Резанову было объявлено, что правительство Японии не может принять посла России и не желает установления с ней торговых отношений. Россиянам предписывалось немедленно покинуть Японию.

Реакция Н.П. Резанова на данное решение японского правительства была крайне болезненной. Прежде всего он подготовил и вручил японским представителям меморандум, составленный в самых резких тонах. В связи с тем, что вскоре Н.П. Резанов сделает попытку претворить в жизнь некоторые идеи, изложенные в данном документе, мы приводим его без каких-либо сокращений.

¹ Пушнину.

«Я, нижеподписавшийся всепресветлейшаго государя императора Александра 1-го действительный камергер и кавалер Николай Резанов объявляю японскому правительству:

1. Что в бытность мою в Нагасаки просил я именем всепресветлейшаго государя о торге, на которой посыланому в 1792 году Лаксману японское правительство дало позволение и потому происками министра...² переменило слово свое и отказало.

2. Таковой поступок принудил меня показать японскому правительству, что российскому императору немного надобно способов привести сию империю в те правила, которых требует уважение к соседственной дружбе столь высокога лица, каково Всероссийскаго императора всемилостивейшаго государя моего.

3. Известно мне, что неприятность между двумя империями произошла против воли Тензин-кубосского величества³, а единими хитростями сказанного министра, то чтоб остановить несчастныя последствия требую я, чтоб..., как нарушитель спокойствия народнаго, был лишен места, примерно наказан, и чтоб японский двор посредством голландской фактории доставил в С.-Петербург немедленно ко всемилостивейшему государю моему извинение, в то же время назначило на Матмае порт, в который можно приходить для торга обеих подданным не возбранно, два места для учреждения российской фактории, обещая японской империи, что утвердя торг к удовольствию обеих держав подданных, христианская религия не будет никакими наружными знаками отправляемы и все узаконения Японской империи строго будут соблюдаемы, что доказал я шестимесячным моим в Японии пребыванием.

4. Чтобы Японская империя далее северной оконечности острова Матмая отнюдь владений своих не простирала, поелику все земли и воды к северу принадлежат моему государю.

5. Японское правительство должно принять умеренность мою единым уважением моим к высокому лицу Тензин-кубосского величества.

6. В противном случае, буде никакого отзыва в С.-Петербург доставлено не будет и бездельник... не будет наказан, то не может японское правительство ничего иного ожидать, как что вторичное неуважение заставит меня принять те меры, которые в народе будут гибельны и не возвратныя произведут потери».

Время показало, что угрозы, содержащиеся в меморандуме русского посла, не были пустым звуком. Именно тогда он впервые задумался о том, что Япония любой ценой должна быть открыта для русской торговли. Но все это прояснится позже. А пока «Надежда» была приготовлена к дальнейшему плаванию и 6 апреля 1805 года оставила Нагасаки и двинулась в направлении Сахалина.

12.2. Шлюп «Надежда» у берегов Сахалина

Пройдя вдоль западного побережья островов Хонсю и Хоккайдо, экипаж «Надежды» 1 мая 1805 года впервые увидел сахалинский берег. На следующий день российский корабль бросил якорь в заливе Анива против небольшого японского селения.

В том селении постоянно находились два японских офицера. На них лежала обязанность «смотреть за торговлею, производимую японцами с айнами». Дома офицеров, а также хозяйственные постройки были совсем новые. Заметив это, И.Ф. Крузенштерн пришел к выводу, что «японцы поселились здесь недавно». У берега рядом с селением стояло на якоре японское торговое судно. Утром 3 мая И.Ф. Крузенштерн и Н.П. Резанов посетили японский корабль. Корабельщик сообщил путешественникам, что пришел к Сахалину из города Осака с грузом риса и соли. С острова он собирался вывезти пушнину и сушеную рыбу.

² В документе имя министра не указано.

³ От словосочетания Тэндзин-Кубо – Государь-небожитель.

В тот же день русские моряки высадились на берег и приступили к изучению восточной части залива Томари-Анива, а также посетили айнское селение. На И.Ф. Крузенштерна данная местность сразу же произвела самое благоприятное впечатление:

«Позади залива Лососей лежит великая долина, орошаемая извиною речкою... Долина сия весьма удобна для земледелия. В лесах, находящихся по обеим сторонам залива, должно быть много прекрасных сосновых деревьев, в чем удостоверились мы довольно японскими строениями. Они могут быть употребляемы и на строение кораблей. Японские плоскодонные грузовые лодки, верно, сделаны в здешнем месте. У берегов водятся устрицы и раки в изобилии. Дикие птицы привитают здесь в ненарушаемом покое. Айны и начальники их японцы не имеют ни одного ружья, по крайней мере мы того не видали. Они бы не упустили показать нам оного, так как то сделали они со своими копьями для возбуждения в нас к ним уважения. Рыба... составляет здесь великое богатство. Японцы для чищения и сушения оной употребляют около 400 айнов, которые также питаются только одною рыбою. Образ ловли служит тому еще большим доказательством. Сетей и неводов не употребляют, но во время низкой воды при отливе черпают ведрами. Торговля рыбою столь важна и для бедных северных жителей Японии так необходима, что ни самое строжайшее запрещение правительства не могло бы удержать их от плавания в залив Аниву для получения оной».

Кроме того, как военный моряк И.Ф. Крузенштерн не мог не оценить стратегическое значение южной части Сахалина для России. Вскоре после завершения кругосветного плавания он поставил вопрос о возможности изгнания японцев из Анивского залива и основании на крайнем юге острова российского селения. Вот как выглядят его рассуждения на страницах опубликованной в Санкт-Петербурге в 1810 году второй части книги «Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах»:

«Чтож касается до овладения Анивою, то оно может произведено быть без малейшей опасности; поелику японцы, имея крайний недостаток в оружии всякого рода не возмужают и подумать о сопротивлении; по овладении же европейцами сим местом еще труднее будет японскому правительству покуситься на обратное оного отнятие; ибо ему, во-первых, нельзя ожидать никаких в том успехов, во-вторых, оно должно опасаться, чтоб не подать народу случая помыслить о слабости его могущества, что для него гораздо вреднее, нежели потеря всего Ессо⁴. Но положение, что японское правительство захотело бы употребить все силы (чего никак полагать не можно) к изгнанию оттуда европейцев; то при совершенном недостатке во пособиях нельзя успеть ему в том ни мало. Без военных кораблей и артиллерии не могли бы японцы отнять и у айнов земли ни на шаг, если бы последние храбро им сопротивлялись. Двух 16-ти пушечных катеров и 120 человек достаточно уже к тому, чтобы при свежем ветре потопить весь флот японский, хотя бы было на нем и 10000 войска. Итак, овладение Анивою не сопряжено ни с малейшей опасностью. Я уверен, что оно не стоило бы ни одной капли крови. Удержание же овлажденного места было бы также не трудно, и потому, что в северной части Ессо не содержат японцы никакого войска; может быть и в южной оного очень мало. Большая часть острова сего пуста, необработана и покрыта высокими горами; почему поход армии из Матсумая в северную сторону Ессо должен быть чрезвычайно затруднителен. Впрочем препятствие сие не есть непреодолимо; ибо от одной только воли Еддоского монарха⁵ зависит, чтобы принести в жертву многие тысячи; но перевоз армии в Аниву вовсе для японцев не возможен. Один малый европейский корабль достаточен в сем случае к уничтожению всех военных сил японских, а одной малой батареи о 12 пушках довольно уже к удержанию войск от покушения к выходу на берег. Бесспорно, что многие не одобряют предполагаемого мною насильственного овладения сим местом. Однако почему преимущественнейшее право должны иметь японцы на владение Сахалином, нежели какая-либо европейская держава? Но главное дело справедливости состоит в том, чтоб

⁴ Имеются в виду земли, лежащие к северу от Хонсю.

⁵ Речь идет о сегуне.

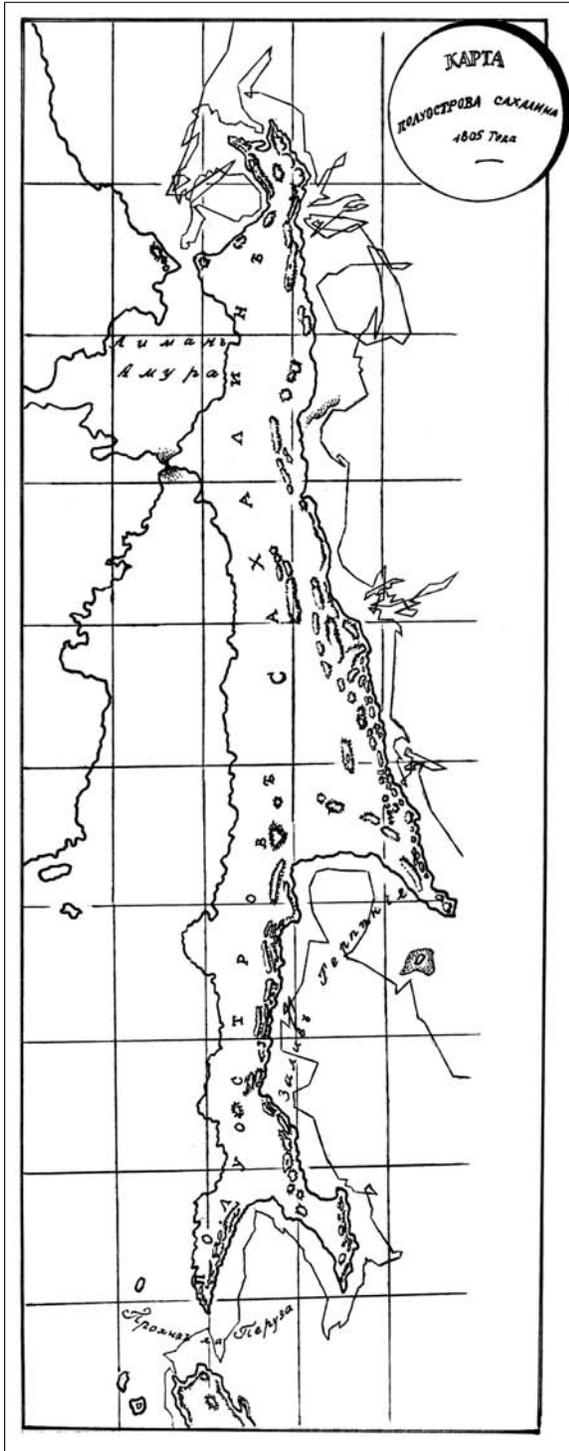


Рис. 37. Карта полуострова Сахалина
И.Ф. Крузенштерна. 1805 год

овладение Анивою не произведено было без согласия настоящих жителей аинов, которые признаться откровенно, едва ли выиграли что либо при такой перемене. Мне показалось, что японцы поступают с ними человеколюбиво. Но во всяком случае зависит от правительства, принять такие меры, чтобы у аинов не была похищена свобода, и чтоб они не подвергались насилиям и притеснениям. Поелику предполагаемое поселение европейцев на острове Сахалине, как единственное средство к участию в японской торговле, если она найдется выгодною, уповательно скоро последует; то и почел я за нужное упомянуть здесь в кратких словах о возможности такого предприятия. Англичане из Ост-Индии, а гишпанцы с Филиппинских островов удобно могли бы на сие решиться; россиянам же способнее всего приступить к тому из Камчатки или восточного края Сибири, но они предпринять сего на первый случай, кажется, не могут; как по причине неустроившегося еще непрерывного сообщения морем между европейскими и северо-восточными азиатскими их владениями, так и наипаче по недостатку в людях, которых в восточной Сибири и Камчатке чрезвычайно мало. Но если Россия будет иметь способы и возможности приступить к тому; то я полагаю гораздо выгоднее завести селение на берегах Анивы, нежели на Урупe».

4 мая «Надежда» снялась с якоря и, обогнув мыс Анива, двинулась на север вдоль восточного побережья острова. Мощные льды в северной части залива Терпения заставили И.Ф. Крузенштерна на некоторое время прервать исследование Сахалина. 25 мая «Надежда» доставила посольство Н.П. Резанова в Петропавловский порт.

Вскоре после этого «Надежда» вернулась к побережью Сахалина и продолжила его изучение. Сначала 7 июля 1805 года она приблизилась к мысу Терпения. После проведения измерительных работ, в ходе кото-

рых было точно определено положение названного мыса, русские моряки продолжили плавание вдоль сахалинского берега в северном направлении.

28 июля «Надежда» достигла крайней северной оконечности Сахалина. Здесь И.Ф. Крузенштерн увидел два мыса, которые были названы им в честь жены и матери императора Александра I Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны.

«Сии обе конечности... достойны особого примечания... Между мысами... находился великий залив, углубляющийся довольно во внутренность берега⁶».

Изучив залив и прилегающую к нему местность, И.Ф. Крузенштерн пришел к выводу, что

«если бы вознамерилась когда-либо Россия завести селение в северной части Сахалина, то залив сей есть удобнейшее место к совершению такого предприятия».

Здесь экипаж «Надежды» провел три дня. Недалеко от берега залива «в прелестнейшей долине» российские путешественники увидели гилияцкое селение, с жителями которого попытались установить контакт. Однако когда к россиянам приблизилась толпа вооруженных кинжалами и саблями нивхов, они поспешили вернуться на корабль.

31 июля «Надежда» вошла в Сахалинский залив. На следующий день с корабля был замечен берег материка. Ширина пролива в том месте (как показалось И.Ф. Крузенштерну) составляла всего 5 миль. Это был вход в Амурский лиман. Вести корабль далее в южном направлении И.Ф. Крузенштерн из-за мелководья не решился. На разведку было послано небольшое гребное судно. Вскоре оно вернулось. Разведка показала, что глубина канала между Сахалином и материком постоянно уменьшается. Вода в Амурском лимане была абсолютно пресной. Это свидетельствовало о близости устья Амура. Основываясь на своих собственных наблюдениях, а также на выводах Ж.Ф. Лаперуза, И.Ф. Крузенштерн

«уверился ... точно, что к S⁷ от устья Амура не может быть прохода между Татарию и Сахалином».

12.3. Экспедиция Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова к Южному Сахалину и Курильским островам

Неудача миссии Н.П. Резанова, казалось, надолго похоронила надежды на установление торговых отношений между Россией и Японией. Однако сам Н.П. Резанов считал, что еще не все потеряно. Он был уверен, что японский народ «желал торга сего» и в связи с этим ему нужно только усилить то недовольство, которое было вызвано в японском обществе отказом правительства начать торговлю с Россией. И если не удалось решить поставленную перед посольством задачу путем переговоров – следует применить силу.

«Надеюсь, – писал Н.П. Резанов, – что внутренний ропот скорее принудит горделивую державу сию к снисканию торговых связей с нами, когда сама она увидит, что вредить нам не в силах, но чувствовать от нас вред всегда должна будет не имея при том ни малейших к отвращению оного способов...»

Так появился план военной экспедиции против японских поселений на Сахалине. Следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что, принимая данное

⁶ Северный залив

⁷ Югу.

решение, Н.П. Резанов не имел на это никаких полномочий от российского правительства и по российским законам вполне мог понести самое суровое наказание. Кстати, сам несостоявшийся посол это прекрасно понимал. Лучше всего об этом говорят его письма, направленные в Санкт-Петербург вскоре после возвращения из Японии.

«Я не думаю, чтобы Ваше Величество вменили мне в преступление, когда, имев теперь достойных сотрудников... пушусь на следующий год к берегам японским разорить на Матсмае селение их, вытеснив их с Сахалина и разнести по берегам страх, дабы, отняв между тем рыбные промыслы и лиша 200 000 человек пропитания, тем скорее принудить их к открытию с нами торга... – пытается объяснить Н.П. Резанов Александру I свои предстоящие действия. – Накажите меня как преступника, что не сождав повеления, приступаю я к делу: но меня еще совесть более упрекать будет, ежели пропущу я понапрасну время...»

Примерно те же настроения заметны в письмах Н.П. Резанова министру коммерции Николаю Петровичу Румянцеву:

«Может быть, почтен я буду преступником, что приступил к началу сего проекта моего, но готов я принять наказание, а объясню здесь, что побужден был к тому славою государя и любовью к отечеству, для которых всегда собою жертвовал...»

Для исполнения своего не санкционированного российским руководством плана Н.П. Резанов выбирает двух исполнительных, инициативных, необыкновенно смелых и в то же время несколько наивных морских офицеров, находившихся на службе в Российско-Американской компании. Этими офицерами были командир брига «Юнона» лейтенант Николай Александрович Хвостов и командир тендера «Авось» Гавриил Иванович Давыдов.

8 августа 1806 года Н.П. Резанов вручает Н.А. Хвостову секретную инструкцию, основная часть которой была посвящена Сахалину.

«На Сахалине обитает весьма добронравной и одинаковой с жителями северной части Матмая народ айно, которой японцы совершенно поработили. В губе сей имеют они на обоих сторонах ея фактории для рыбной ловли и не более как с 1796 г. водворились. Приезжают в половине апреля, обирают зимою добытой жителями звериной промысел и, употребляя их в работы свои, живут до октября, пока лов производится. Компания купцов из Осаки приняла торг сей и правительство на правом со входа берегу содержит двух офицеров с некоторым числом военнослужащих для караула, которых на лето из Матмая посылаются, но никогда не зимуют. Главное селение сие лежит при одной бухточке, содержит казармы офицерския и купеческия, кумирню и 8 обширных магазинов. Пушек они не имеют. Далее во внутренность губы на другом берегу при устье речки лежит другая фактория, состоящая из одной огромной казармы и 8 магазинов. В лесу вокруг обоих селений разбросаны временныя юрты сахалинцов, из которых некоторых японцы вооружили копьями.

Во всей губе жителей до 500 человек. Дав вам понятие о состоянии острова сего, предписываю:

1. Войти в губу Анива и, буде найдете японские суда, истребить их; людей, годных в работу и здоровых, взять с собою, а неспособных, отобрав, позволить им отправиться на северную оконечность Матмая, сказав, чтоб никогда они Сахалина, как российского владения, посещать иначе не отваживались, как приезжая для торга, к которому всегда россияне готовы будут. В числе пленных стараться брать мастеровых и ремесленных.

2. Взятых оттуда японцов иметь вам в строгом присмотре на судне вашем, но не огорчать их, уверяя, что для их будет счастливее прежней, и потому сохранить им их собственность и всех их доставить в Ново-Архангельск.

3. Ежели силы позволят вам сделать высадку, то в таком случае стараться обласкать сахалинцов, уверить их, что принадлежат они такому монарху, под защитою которого всегда спокойными быть должны; отличить старшин медалями, которых дватцать вам вручаю здесь, и одарить их сукном, капотами и другими вещьми на судне вашем имеющимися,

о которых реестр вам прилагаю, а между тем произвестъ с ними мену, чтоб узнать образ оной.

4. Что найдете в магазинах, как-то: пшено, соль, товары и рыбу, как принадлежащее целому купеческому обществу, взять все с собою, а последней сколько можно, буде же которых магазины будут ею наполнены и одалъ строения, таковыя эжечь, оставляя казармы и всякое строение в целости впредь для удобнейшаго соотчичам нашим водворения.

5. Из кумирни забрать все идолы и, захватя одного бооза или должность его отправляющаго, взять с собою в Америку, где японцы, при свободном отправлении веры их более к водворению найдут удовольствия и впоследствии времени обзаведясь, будут нам привлекать своих соотчичей. Исполня же все сие, следовать вам в порт Ново-Архангельск обоими судами.

6. В разсуждении сахалинцов и японцов всюду, где ни встретите вы их, стараться первых привлекать ласками, а вторым делать вред изстреблением судов их, но всюду сколько можно сохранять человечество, ибо весь предмет жестокости не против частных людей обращен быть должен, но против правительства, которое, лишая их торговли, держит в жестокой неволе и бедности и, следовательно, всякое японцам зделанное снисхождение обратит их более к заключениям о россиянах, что они великодушны, и тогда столько же из страха, сколько из благодарности принужденными найдутся искать торговли...

8. Ежели, паче чаяния, великое количество японских судов превзойдет силы ваши, то само по себе следует, что лишитесь вы возможности исполнить предписанное. Между тем, не менее будет ваше дело стараться, буде можно истребить суда их, поступая с японцами как в четвертом и пятом пункте означено.

9. Стараться у японцов разведать, где имянно они на других островах гряды Курильской водворились, какая получают звери, на какие товары меняют, куда збывают мягкую рухлядь, в каком количестве какой зверь у них расходиться может, сколько судов в которое время куда отправляются, и есть ли у них по гряде где селения и способный гавани. Для лучшаго к получению сведений облегчения прилагаю вам словарь японскаго и небольшой сахалинскаго, предоставляя вам последней умножить новым собранием слов, стараясь весьма верно записывать выговор их, и оныя доставить...

11. По прибытии нашем в Охотск обязать на судне нашем всех подпискою, чтоб никто не разглашал о намерениях экспедиции сей и чтоб исполнение ея в совершенной тайне было».

Кроме сахалинской экспедиции Н.А. Хвостову было поручено провести «обозрение» 18-го Курильского острова (Уруп) и выяснить судьбу русского поселения, основанного там в 1795 году.

В конце сентября 1806 года бриг «Юнона» под командой Н.А. Хвостова вышел из порта Охотск и взял курс на Сахалин. 6 октября 1806 года русский бриг бросил якорь в заливе Анива. На следующий день часть экипажа высадилась на берег и посетила селение Кусюнкотан (по русским источникам – Томари-Анива), которое являлось важнейшим рыболовным промыслом японцев на Сахалине.

8 октября Н.А. Хвостов провозгласил Сахалин владением России. Вот как описывает эту церемонию сам командир «Юноны»:

«В 8-мь часов пополуночи отправились на двух судах я, лейтенант Карпинский и корабельный подмастерье Корекин к тому же селению, подъезжая к берегу подняли на шлюпке военный, а на баркасе купецкий флаги; добрые аины встретили суда уже в большем числе и присели на колени когда мы вышли на берег, старались объяснить кое-какими словами, что мы россияне и друзья их; я приказал на берегу поставить флагшток, на котором подняли оба флага как военный, так и коммерческий. Показывая на судно, одарил всех платками и разными безделицами, на тоена или старшину селения надел лучшие капот и медаль на владимирской ленте при троекратном из шести ружей выстреле, с судна на каждый залп ответствовано из одной пушки. Здесь должно заметить, что ружейная стрельба не произвела на аинов ни малого страха, но когда увидели огонь и звук пушек, то ужаснулись и приклонили головы. Старшине при медали дал лист на котором написано: «1806 года октя-

бря __ дня⁸. Российский фрегат «Юнона» под начальством флота лейтенанта Хвостова, в знак принятия острова Сахалина и жителей оного под всемилостивейшее покровительство российского императора Александра первого, старшине селения, лежащего на восточной стороне губы Анивы, пожалована серебряная медаль на владимирской ленте. Всякое другое приходящее судно как российское, так и иностранное просим старшину сего признавать за российского подданного».

После этого российские моряки разорили все найденные ими на берегу залива Анива японские магазины и фактории, захватили в плен четверых японцев. Находившиеся на японских складах товары были частично захвачены (всего на «Юнону» было погружено до 1000 пудов риса, до 100 пудов соли, а также невода, посуда, другие предметы), частично по предложению Н.А. Хвостова разграблены айнами. Затем все японские постройки и запасы строевого леса были сожжены. 16 октября «Юнона» покинула залив Анива и отправилась на Камчатку, где соединилась с тендером «Авось» под командованием мичмана Г.И. Давыдова.

Перезимовав на Камчатке, 1 мая 1807 года «Юнона» и «Авось» покинули Авачинский залив и взяли курс на Курильские острова. Перед Н.А. Хвостовым и Г.И. Давыдовым стояла задача обследовать остров Уруп и выяснить судьбу основанного там русского поселения. Однако из-за штормов и туманов русские корабли прошли мимо названного острова и в середине мая оказались у берегов острова Итуруп.

19 мая русские моряки высадились на берег, где нашли небольшое японское селение.

«Заведение сие было для соления рыбы, работы отправлялись курильцами, а малое число японцев надсматривало только над ними, – отмечал Г.И. Давыдов. – Два магазейца, сделанные из травы и жердей, были набиты солью, соленою и сушеною рыбою и жиром рыбьим в бочонках или закупоренных кадках... Около селения находилось до 15-ти Курильских юрт... Небольшое число курильцов обрity были по-японски и когда я сказал им, что этот обычай не хорош, то курильцы говорили весьма худ, но японцы их к тому принуждают. «Остров Итуруп, – сказал я, – принадлежит не Японии, а природным только жителям и японцов отсюда выгонять, а естли россияне и будут здесь жить, то не станут ничего от вас требовать, так как японцы теперь делают». В доказательство я роздал им подарки».

20 мая русские моряки захватили в плен живших в селении японцев, а их имущество раздали айнам. Само же селение было предано огню.

24 мая русские корабли атаковали Сяна – самое крупное поселение японцев на Итурупе. Сравнительно многочисленный гарнизон Сяна (не менее 300 человек) был разгромлен. Магазины японских купцов и промышленников были разграблены, а само поселение сожжено.

27 мая русские корабли покидают Итуруп. Посетив Уруп, «Юнона» и «Авось» 10 июня вошли в залив Анива. Предав огню оставшиеся на анивском побережье японские строения, Н.А. Хвостов и Г.И. Давыдов двинулись в направлении Хоккайдо. В районе небольшого острова Пик-де-Лангль (у северо-западной оконечности Хоккайдо) они встретили и сожгли четыре японских судна. Находившийся на судах груз (рис, рыба, соль) был захвачен.

⁸ Так в документе.

12.4. Последствия экспедиции Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова

Своевольные действия Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова не были поддержаны российской администрацией. Н.П. Резанов, на котором лежала главная ответственность за организацию экспедиций по уничтожению японских селений на Сахалине и Курильских островах и захвату и уничтожению японских судов у побережья Хоккайдо, уже не мог что-либо сказать в защиту как своего предприятия, так и его исполнителей. По дороге из Охотска в Санкт-Петербург он серьезно заболел и 1 марта 1807 года умер в Красноярске.

Что же касается Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова, то сразу же после возвращения из своей секретной экспедиции они были арестованы начальником Охотского порта И.Н. Бухариным. Последний считал, что самовольные действия против японцев нанесли ущерб интересам России. А в конце 1808 года император Александр I накажет Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова за самовольство тем, что откажется наградить их боевыми орденами за исключительную храбрость, проявленную во время войны со Швецией, куда наши герои попали сразу после возвращения из Сибири.

Однако в Японии обо всем этом не знали. Японцы считали, что военный конфликт с Россией только начинается.

«Значение поступков Хвостова и Давыдова для истории русско-японских отношений, – отмечал российский востоковед Д.М. Позднеев, – было в полном смысле слова катастрофическим. Мы произвели буйство на чужой территории и предали дело полному забвению. Нелепость подобного поведения русских властей находила себе одно только извинение в отсутствии у них всякого представления о том, что такое японцы. Они не знали, что это народ старой культуры, самолюбивый, никогда не видевший на своей территории неприятельских войск и чрезвычайно гордившийся этим».

Дерзкие действия двух русских офицеров были восприняты в Японии как вызов и предупреждение всему японскому народу. «Вся страна, объятая жаждой мести, пришла в движение». Впервые в истории Японии на повестку дня был поставлен вопрос о войне с Россией. При этом мысль о войне оборонительной сразу отвергалась.

В специальном докладе «Общие соображения об обороне морского побережья» видный политический деятель Японии Мацудайра Саданобу ставил вопрос о нанесении ответного удара.

«Если иностранцы (т.е. русские) должны будут двинуться сюда, то они прежде приготовят суда, выяснят всю свою силу, и только потом определят, должно ли быть выполнено известное дело. Они, конечно, не будут более действовать так, как они поступали в отдаленных Эдзосских землях⁹ с одним или двумя судами. Тем более, следуя прецеденту, они не произведут неожиданного нападения на Нагасаки. С нашей стороны также, не зная во всех подробностях неприятеля, как можно организовать и строить оборону? Так, если бы имелось в виду издать распоряжение о том, чтобы произвести нападение на Россию, то на подвластные ей острова Эдзосские¹⁰ или Камчатку можно было бы устроить такое неожиданное нападение с небольшим числом солдат, посаженных на одно или два судна. Однако, если будет издано предписание о том, чтобы войти в гавань столицы России и захватить ее, то это едва ли возможно будет выполнить с одним или двумя судами. Во всяком случае для этой цели необходимо будет приготовить людей и суда. Хотя бы это и было бесполезно, но если уже посылать в русскую столицу и ее гавань одно или два судна, то необходимо прямо избрать лиц, обречших себя на верную смерть, без этого идти туда невозможно».

⁹ Южном Сахалине и Итурупe.

¹⁰ Речь идет о Северных Курилах.

Практически одновременно в правительство со своим проектом отмищения русским обратился самурай Хираяма Кодзо.

«Безобразные варвары не больше, как животные. Если же они животные, то и нападение на них нельзя применять обычно практикующихся правил. Они недостойны того, чтобы из-за них беспокоить высоких людей, высоких чиновников и употреблять в дело военных советников и солдат... Хотя мы живем ... в просвещенное царствование, но ... во всех провинциях и городах существуют люди испорченные, упорные в своих преступных привычках, которые не могут быть исправлены. Если мы заставим их сражаться с варварами, то это и будет равносильно древнему сказанию, что «нужно пользоваться варварами, чтобы разбивать варваров же». Прошу поэтому разрешения, чтобы ... мне было дано предписание исправить разбойников, негодных хулиганов, воров и лиц, подобных потерянному азартным игрокам, и просить о назначении им жалованья. Заключение в тюрьмы преступники, осужденные на смертную казнь или ссылку, должны быть прощены и обращены в солдаты. Сердца их очень злы и испорчены и они нисколько не заботятся о смерти и жизни. Если только им будет обещана хотя бы небольшая выгода, они нисколько не будут заботиться о себе и беречь себя. Если будет 1000 таких солдат, то их окажется совершенно довольно, чтобы прогнать разбойников, которые вторглись в страну и возвратит обратно тех, кто захвачен в плен на восточных границах Эдзосских земель. Я ... утверждаю, что буду в состоянии охранить страну только с 1000 человеками своих солдат. Если мне будет разрешено идти, то я или умру, или возвращусь с победою, но клянусь, что не буду стоять с русскими разбойниками под одним небом».

К счастью, данные проекты, в конце концов, не нашли поддержки в японском правительстве и так и не были осуществлены. Тем не менее ответные действия имели место. В Эдо прекрасно понимали, что тех незначительных сил, которыми располагали князя Мацумаэ, было явно недостаточно для борьбы с внешней угрозой, ярким показателем которой стали события 1806-1807 годов. Поэтому центральное правительство Японии в 1808 году принимает решение отобрать у клана Мацумаэ земли Эдзо¹¹ и принять на себя непосредственное управление ими. В том же 1808 году японцы возвращаются на Сахалин, а также восстанавливают разрушенные укрепления на Итурупе. Таким образом, следствием «подвигов» Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова стало значительное усиление японского военного присутствия на южных Курильских островах: уже в 1808 году здесь появляется тысяча японских воинов.

Кроме того, были сорваны планы Российско-Американской компании по колонизации Сахалина. Дело в том, что в августе 1808 года руководству Российско-Американской компании удалось получить разрешение императора Александра I на учреждение своих поселений на острове. Однако воспользоваться этим разрешением компания не сумела. Сначала не нашлось подходящего для доставки на Сахалин переселенцев судна. Затем экспедиции помешали переговоры о возвращении из японского плена русского мореплавателя В.М. Головнина. Ведь подобная операция могла бы сорвать переговоры.

Василий Михайлович Головнин родился в 1776 году. В пятилетнем возрасте был записан сержантом в Преображенский полк. Очень рано потеряв родителей, был определен в Морской кадетский корпус. Еще будучи гардемаринном принял участие в русско-шведской войне. В январе 1793 года был произведен в офицеры и с тех пор практически без перерывов находился в походах. В 1802 году был командирован в Англию, где почти четыре года служил на судах королевского фло-

¹¹ По японским представлениям, помимо Хоккайдо в число этих земель входили остров Сахалин и Южные Курилы.

та. В числе его командиров был выдающийся английский флотоводец Горацио Нельсон. Вскоре после возвращения в Россию В.М. Головнин был назначен командиром шлюпа «Диана», отправлявшегося для исследования северной части Тихого океана.

В 1810 году Адмиралтейский департамент принял решение поручить В.М. Головнину описание южных Курильских островов, Татарского берега и Шантарских островов. Однако полностью выполнить данное поручение В.М. Головнину не удалось.

Дело в том что, проведя весьма результативные исследования ряда островов Большой Курильской гряды, расположенных к югу от пролива Надежды, русские моряки подошли к берегам острова Кунашир. Именно в это время на шлюпе «Диана» возникают проблемы с продовольствием, и В.М. Головнин, узнав о том, что на крайней южной оконечности Кунашира есть небольшая японская крепость, направляет туда свой корабль. Войдя в залив, который в дальнейшем на русских картах будет назван заливом Измены, и поставив шлюп «Диана» недалеко от японской крепости, В.М. Головнин делает попытку договориться с ее обитателями о приобретении у них питьевой воды, продовольствия и дров. После нескольких неудачных попыток начать диалог с японцами русские моряки наконец получают приглашение посетить стоявшую на берегу залива небольшую крепость Томари. И 11 июля 1811 года командир «Дианы» в сопровождении шести членов экипажа и переводчика айна высадился на берег и направился для переговоров с японцами.

«Пристали мы к берегу подле самой крепости... – вспоминал впоследствии сам В.М. Головнин. – Войдя в ворота, я удивился множеству представившего мне народа – одних солдат, вооруженных ружьями, стрелами, копьями, было от 300 до 400 человек. Они сидели вокруг довольно пространной площади на правой стороне ворот, а великое множество курильцев с луками и стрелами окружали палатку, из бумажной полосатой материи сделанную, которая стояла против площади на левой стороне ворот, в расстоянии от оных шагов в тридцать. Мне в голову никогда не приходила мысль, чтоб в такой маленькой крепостце могло быть столько вооруженных людей. Надобно думать, что пока мы были в сей гавани, они собирали их из всех ближних мест».

После почти трехчасовых переговоров, в ходе которых японцы выспрашивали своих гостей о русских силах на Дальнем Востоке, начальник японского гарнизона внезапно заявил, что «ничем снабдить нас не может без повеления матсмайского губернатора... а пока на донесение его не последует решения, он хочет, чтобы один из нас оставался в крепости аманатом». Такое развитие событий оказалось полной неожиданностью для русских моряков. В.М. Головнин категорически отказался выполнить требование японцев и сделал попытку покинуть крепость. Однако данная попытка была пресечена японцами, которые быстро захватили в плен всех столь неосмотрительно пришедших в их крепость русских моряков.

В.М. Головнин и его товарищи провели в японском плену более двух лет. Они были освобождены в значительной степени благодаря настойчивости помощника В.М. Головнина Петра Ивановича Рикорда и редким душевным качествам японского купца Такадая Кахэй.

Стремясь хоть как-то повлиять на японцев, удерживавших в плену его командира, П.И. Рикорд в сентябре 1812 года захватил у берегов Кунашира японское торговое судно и взял в заложники Такадая Кахэй и нескольких его матросов. Однако вскоре японский купец проникся большим сочувствием к русским морякам, которые

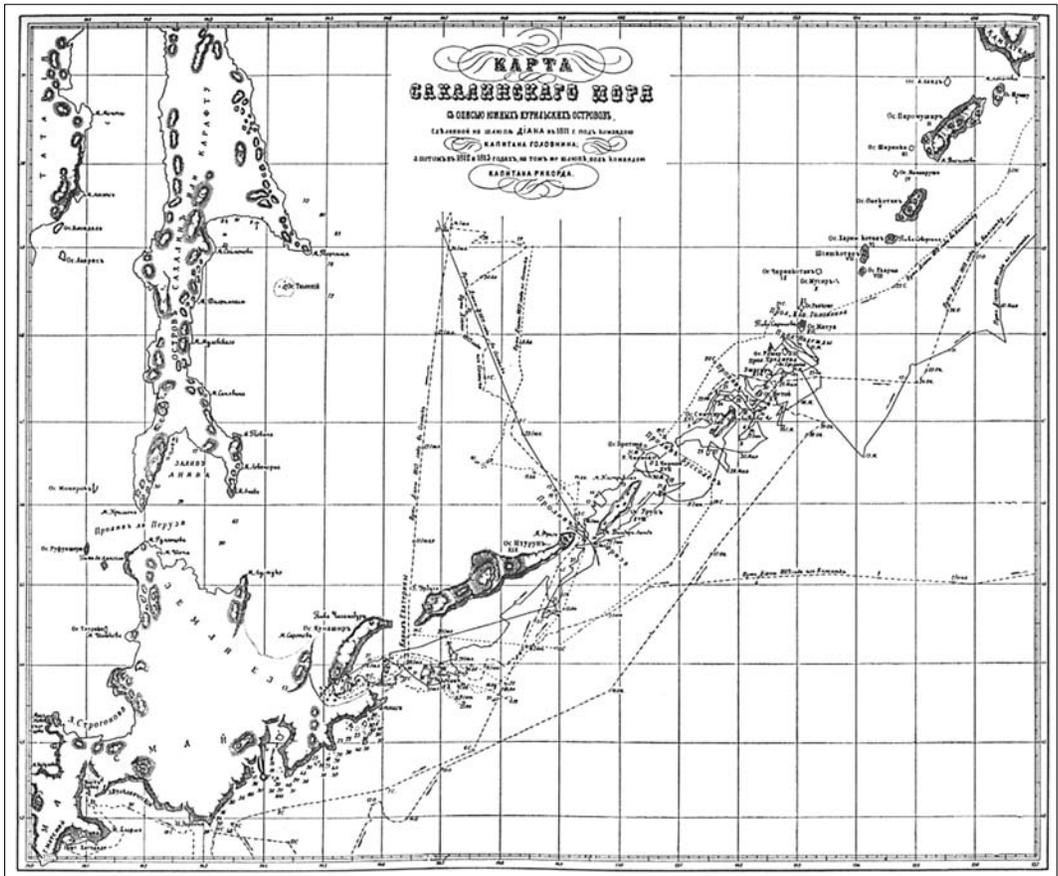


Рис. 38. «Карта Сахалинского моря с описанием южных Курильских островов» В.М. Головнина и П.И. Рикорда. Карта составлена по результатам исследований, проведенных в 1811–1813 гг. российским шлюпом «Диана» сначала под командованием Василия Михайловича Головнина, а после пленения последнего японцами – под командованием Петра Ивановича Рикорда. Благодаря исследованиям Головнина и Рикорда с российских, а затем и европейских карт навсегда исчезают ошибки и географические фантазии исследователей XVII–XVIII вв. С появлением «Карты Сахалинского моря» была в целом решена задача правильного географического описания Курильских островов

не имели никакого отношения к бесчинствам Н.А. Хвостова, и сделал все возможное, чтобы убедить в этом японскую администрацию. В конечном счете, именно Такадая Кахэй сыграл ключевую роль в урегулировании конфликта между Россией и Японией. Получив от представителей сибирской администрации (начальника Охотского порта М.И. Миницкого и иркутского губернатора Н.И. Трескина) заверения в том, что набеги на Сахалин и Итуруп носили самочинный характер, японцы в октябре 1813 года отпустили русских моряков.

Конфликт был исчерпан. Россия была вынуждена признать, что на Курильских островах существует японская сфера влияния, в которую ей лучше не вторгаться, и недвусмысленно четко обозначить южную границу своих владений на Курильских островах. В новых привилегиях, дарованных Российско-Американской компании 13 сентября 1821 года императором Александром I, крайним владением Российской империи на Курилах был назван южный мыс острова Уруп.

Таким образом, организованная Н.П. Резановым авантюра закончилась полным провалом: Япония не только осталась, но и укрепила свои позиции на Сахалине и Курильских островах; первый русско-японский торговый договор был заключен только полвека спустя; отношения между Россией и Японией с самого начала были омрачены территориальной проблемой.

12.5. Исследование Мацуда Дензюро и Мамия Риндзо на Сахалине. Экспедиция Мамия Риндзо в Приамурье

Одним из последствий резановской авантюры было то, что, в ожидании нового русского вторжения, правительство сегуна направило для изучения Сахалина новую экспедицию. В ее задачи входило выяснить, насколько глубоко удалось проникнуть русским в те районы, которые традиционно считались зоной влияния маньчжур. Кроме того, участники экспедиции должны были собрать сведения о рельефе Сахалина, а также выяснить, является ли Сахалин островом, и насколько соотносятся между собой Сахалин с карты китайского императора Канси и земля Есо с карты М.Г. Фриса.

В состав экспедиции были включены правительственные чиновники Мацуда Дензюро и Мамия Риндзо.

В связи с тем, что именно Мамия Риндзо сыграл важную роль в истории изучения Сахалина и Приамурья, нам хотелось бы сказать о нем несколько слов. Будущий знаменитый исследователь Севера родился примерно в 1780 году¹² в провинции Хитати (остров Хонсю) в обедневшей самурайской семье. Начальное образование получил в школе, работавшей при буддистском храме. Многие в жизни Мамия Риндзо определила встреча с ученым географом Мураками Симанодзё, который обратил внимание на способного мальчика, сделал его своим учеником и забрал в Эдо¹³. Именно в Эдо Мамия Риндзо приобретает навыки, необходимые для работы землемера и картографа.

Примерно в 1800 году состоялась еще одна встреча, которая сыграла исключительно важную роль в жизни начинающего землемера. Он знакомится с выдающимся японским географом и картографом Тадатака Ино, который в это время приступил к составлению подробного атласа Японской империи¹⁴. Частью этого грандиозного проекта должна была стать и новая карта Эдзо, которую Тадатака Ино доверяет составить своему новому знакомому. С этого момента начинается работа, ставшая для Мамия Риндзо главным делом его жизни.

Сначала Мамия Риндзо работает на Хоккайдо, а с 1803 года занимается картографированием южных Курильских островов. Весной 1807 года, работая на острове Итуруп, он стал свидетелем набега Н.А. Хвостова, в ходе которого была уничтожена крепость Сяна. Сам Мамия Риндзо принимал участие в неудачной попытке отразить нападение русских моряков и даже получил ранение. Вскоре после этого он покинул Курильские острова и уехал в Эдо.

¹² В разных источниках называются разные даты рождения Мамия Риндзо: 1775, 1780 и 1781 годы.

¹³ Резиденция сегунов Токугава, фактическая столица Японии. В настоящее время – Токио.

¹⁴ Работа над атласом «Дайниппон энкай ёти дзэндзу» будет завершена в 1821 году.

Однако пребывание в Эдо было недолгим. Вскоре Мамия Риндзо получил задание снова направиться на Север. На этот раз вместе с правительственным чиновником Мацуда Дензюро он должен был ехать на Сахалин.

В начале апреля 1808 года японские путешественники прибывают в селение Сирануси, которое являлось главным японским торговым центром на юго-западном побережье Сахалина. Отсюда они направились в северном направлении. Однако каждый путешественник пошел по своему собственному маршруту: Мацуда Дензюро – вдоль западного побережья Сахалина, Мамия Риндзо – вдоль восточного.

Следуя по западному побережью, Мацуда Дензюро сумел пройти вплоть до мыса Лах. Дальнейшему продвижению на север помешали многочисленные болота. Поэтому до побережья Амурского лимана Мацуда Дензюро так и не дошел. Однако это не помешало ему сделать вывод о наличии пролива между Сахалином и материком.

Мамия Риндзо, следуя по восточному побережью, сумел дойти только до мыса Синносирэтоко¹⁵. Не сумев обогнуть этот труднопроходимый мыс, он повернул на юг и в самом узком месте Сахалина совершил переход с восточного берега острова на западный. Следуя далее на север по маршруту, по которому недавно прошел Мацуда Дензюро, Мамия Риндзо также сумел добраться до мыса Лах.

После этого японские путешественники возвращаются на Хоккайдо и в конце июня 1808 года оказываются в селении Соя¹⁶. Здесь Мамия Риндзо встретился с губернатором Мацумаэ Кавадзири Харуюки и получил у него разрешение на обследование северных районов Сахалина.

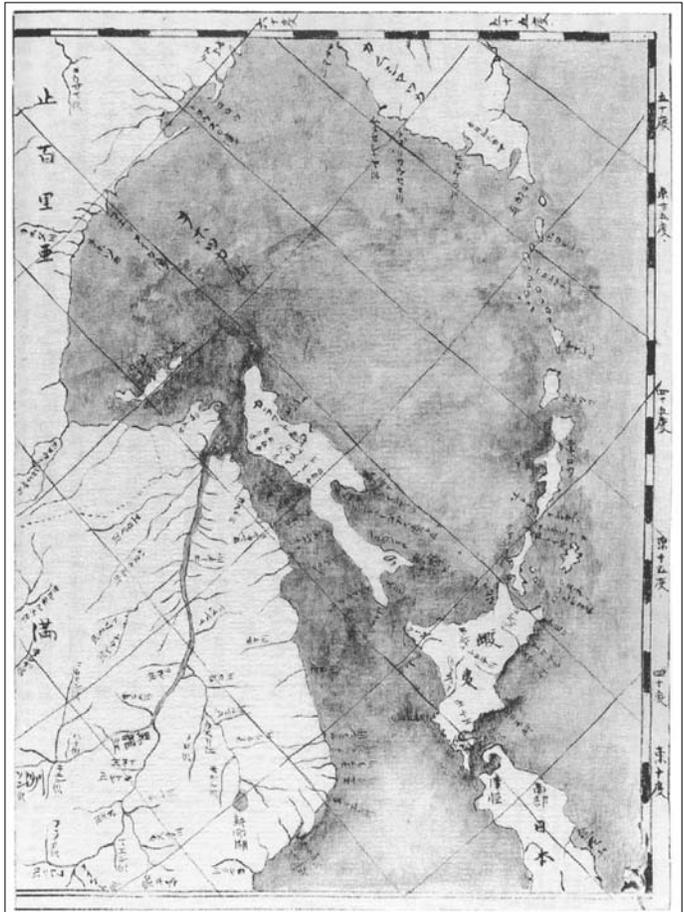


Рис. 39. «Новая карта Северных земель» Баба Садзюро. 1809 год. Карта, составленная на основе как японских, так и европейских данных, в целом верно дает общую географическую характеристику земель, лежащих к северу от Хоккайдо

¹⁵ Мыс Терпения.

¹⁶ Крайний северо-запад Хоккайдо.

В июле 1808 года Мамия Риндзо снова на Сахалине. Однако на этот раз он сумел добраться только до местности Тоссёкау¹⁷. Дальнейшему путешествию на север помешали холода и нехватка продуктов. Но самое главное – наотрез отказались продолжать путь проводники-айны. Поэтому Мамия Риндзо принимает решение вернуться в айнское селение Тоннай¹⁸, где и провел зиму 1808-09 года.

В начале апреля 1809 года на гилияцкой лодке в сопровождении шести айнов Мамия Риндзо снова отправился на север. На этот раз ему удалось дойти до Амурского лимана. Он увидел, что западное побережье Сахалина постепенно поворачивает на северо-восток, а к северу простирается море. Именно теперь Мамия Риндзо окончательно установил, что находится на острове, отделенном от материка узким проливом. Мамия Риндзо хотел продолжить путешествие, чтобы добраться до восточного побережья острова. Однако проводники категорически отказались идти с ним, и он был вынужден отказаться от своей затеи.

Вскоре Мамия Риндзо узнал о том, что группа гилияков из селения Нотэто, расположенного на берегу залива Тык, собирается отправиться в Маньчжурию. Получив согласие старейшины селения, японский путешественник присоединяется к гилиякам. Переплыв через пролив и оказавшись в заливе Де-Кастри, группа гилияков и японский путешественник перебираются на озеро Кизи, а затем оказываются на Амуре. Вскоре Мамия Риндзо добирается до поста Дерен, являвшегося административным и экономическим центром маньчжуров в этой части Амурского бассейна. Собрав интереснейшую информацию о ситуации на Нижнем Амуре в целом и об отношениях между народами Приамурья и маньчжурами в частности, японский путешественник отправляется в обратный путь. Во время возвращения на Сахалин он смог познакомиться с низовьями Амура и Амурским лиманом. Это позволило ему составить точную карту западного (материкового) и восточного (сахалинского) побережий лимана. Осенью 1809 года путешествие было завершено, и уже в ноябре Мамия Риндзо вернулся в Эдо.

12.6. Южный Сахалин и Южные Курилы после урегулирования первого русско-японского конфликта

После урегулирования первого русско-японского вооруженного конфликта обе стороны вплоть до середины 40-х годов XIX века не стремились к расширению своих сфер влияния на Курильских островах и Сахалине. В зону влияния России входили острова, лежащие к северу от пролива Фриза (от острова Шумшу до острова Уруп включительно); в зону влияния Японии – острова, лежащие к югу от пролива Фриза (острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и группа Хабомаи). На Сахалине в тот период зоны влияния России еще не было. Япония же контролировала только крайний юг острова (юго-западное побережье и залив Анива).

Убедившись в отсутствии угрозы со стороны России, японское правительство надолго потеряло какой-либо интерес и к Сахалину, и к Курильским островам. Уже в 1814 году Япония вывела отсюда свои войска. В 1821 году сегунат, который с 1808 года осуществлял непосредственное управление землями Эдзо, вернул их под управление князей Мацумаэ.

¹⁷ Устье реки Агнево, Северный Сахалин.

¹⁸ На территории современного Холмска.

После этого японская активность к северу от Хоккайдо в течение длительного времени ограничивается в основном деятельностью частных торговцев и промышленников. Без реальной угрозы с севера и японское правительство, и администрация княжества Мацумаэ не видели весомых причин для того, чтобы расходовать значительные средства на колонизацию Сахалина и Курильских островов. Вплоть до конца 30-х годов XIX столетия для охраны и поддержания порядка на острове Кунашир в летние месяцы прибывали 13 вассалов клана Мацумаэ (4 старших офицера, 3 младших офицера, 4 пехотинца и 2 врача), а на остров Итуруп – 14 вассалов клана (5 старших офицеров, 3 младших офицера, 4 пехотинца и 2 врача). Позднее численность охраны несколько выросла: кунаширского отряда – до 65 человек, итурупского – до 104. При этом почти половина охраны была сформирована из местных жителей, которые являлись обычными сторожами. Численность пограничной стражи на Сахалине была еще меньше. Так, в 1846 году на Сахалин отправился отряд из Мацумаэ, состоявший из двадцати трех человек (самураи клана, солдаты, слуги).

О том, что происходило в той части Сахалина, которая находилась в зоне влияния Японии, хорошо рассказывается в «Записках о повторном посещении Эдзо» известного японского исследователя Мацуура Такэсиро. В 1846 году он приехал на Сахалин и совершил путешествие по юго-восточному побережью острова. В «Записках» Мацуура Такэсиро не только описываются те места, которые посетил японский путешественник, но и самым подробным образом описываются отношения между японцами и айнами.

Как отмечал Мацуура Такэсиро, в летние месяцы одна тысяча айнов (почти 40 % всего айнского населения Сахалина) за самое незначительное вознаграждение трудилась на японских рыболовецких участках, расположенных на побережье Анивского залива. Кроме того, айны работали и на японских участках на юго-западном побережье острова. Таким образом, подавляющее большинство трудоспособного айнского населения во время путины было сосредоточено на японских рыбалках. Поселения айнов вдоль побережья опустели и заброшены, или же в них остались только старики и дети.

Мацуура Такэсиро весьма критически относился к тому, как вели себя на Сахалине его соотечественники. Ведь японцы относились к айнам почти как к заключенным. Для того чтобы заставлять айнов работать дни и ночи напролет, они прибегали к самому грубому насилию. Также с помощью насилия они забирали у айнов понравившихся им жен и дочерей. Мацуура Такэсиро отмечал, что жестокость японцев когда-нибудь может привести к самым печальным последствиям. Он предупреждал, что в случае появления у берегов Сахалина русских японцам придется покинуть остров.

12.7. Северные Курилы после урегулирования первого русско-японского конфликта

В 20-е годы XIX века на той части Курильских островов, которая находилась под российским управлением, вновь активизирует свою деятельность Российско-Американская компания. Первые признаки этой активности появляются в 1823 году, когда Главное правление компании обратилось к только что назначенному

на пост министра финансов Егору Францевичу Канкрину с предложением о вторичном заселении острова Уруп.

Как отмечал Валерий Орионович Шубин, который, вне всякого сомнения, является одним из лучших знатоков истории колонизации Российско-Американской компанией Курильских островов, «суть проекта основывалась на старой идее Г.И. Шелихова об использовании Урупа в качестве сельскохозяйственной колонии». Первенствующий директор и крупнейший акционер Российско-Американской компании Михаил Матвеевич Булдаков следующим образом обосновывал данный проект:

«... остров сей находится в широте 46° и по опытам учиненным Звездочетовым, весьма удобен к плодородию. Климат там умерен: лето начинается в апреле, а зима в декабре. Воздух очень чист, свеж, и, хотя туманы случаются нередко, но не приносят никакого вреда ни людям, ни произрастаниям. Словом, местное его положение таково, что он может некогда сделаться житницей бесплодного Охотского края и всего полуострова Камчатка».

Для успешной реализации проекта руководство компании просило министра финансов дать разрешение на приобретение у помещиков десяти семейств хлебопашцев. В дальнейшем предполагалось обратить купленных компанией крепостных в свободное состояние и, освободив на десять лет от платежа податей, направить их на остров Уруп. При этом компания брала на себя обязательство снабдить переселенцев семенами, скотом, орудиями труда и другими необходимыми для жизни вещами. Вслед за первой партией переселенцев на Уруп компания планировала послать еще две, с тем чтобы довести русское население Урупа до тридцати семейств. Как отмечает В.О. Шубин, автор проекта М.М. Булдаков был уверен, что «через несколько лет дело пойдет успешно и хлеб можно будет вывозить в колонию».

Проект по заселению Урупа был рассмотрен министерством финансов и министерством внутренних дел. Признав идею о заселении Урупа полезной, руководители названных министерств нашли «способ, для того предлагаемый» неудобным. Дело в том, что по российским законам Российско-Американская компания не имела права покупать крестьян в собственность.

Появление столь экзотического проекта, вызванного скорее энтузиазмом, чем зрелым размышлением, было связано с целым рядом факторов. Прежде всего следует иметь в виду, что территории, находившиеся под контролем Российско-Американской компании, постоянно испытывали нужду в продовольствии. А в некоторые годы положение становилось просто катастрофическим. Так, в 1823 году главному правителю русских колоний было предложено опираться на собственные силы, а не ждать помощи из России. Именно в свете политики «опоры на собственные силы» и следует понимать проект по созданию на Урупе земледельческой колонии. Кроме того, хорошей питательной почвой для всякого рода аграрных фантазий служила крайне слабая изученность климата, рельефа и почв Урупа. Глядя на географическую карту и вдохновляясь тем, что остров Уруп находится на одной широте с самыми плодородными регионами России, прожекторы фантазировали на тему снабжения американских колоний России выращенным здесь хлебом. Только с началом колонизации Урупа выяснится его абсолютная непригодность для создания земледельческой колонии.

Гораздо более серьезными оказались проекты, связанные с созданием Российско-Американской компанией на Курильских островах своих промысловых

поселений. В середине 20-х годов XIX века Главное правление компании получает сведения о том, что в районе Курил наблюдается появление большого количества каланов. Это сообщение не могло не заинтересовать руководство компании. Ведь именно каланы являлись наиболее ценным объектом промысла в северной части Тихого океана. По данным Николая Николаевича Болховитинова цена одной шкуры морского бобра (так тогда называли каланов) колебалась от 100 до 300 рублей. Однако особенно качественные шкуры стоили гораздо дороже. Их цена доходила до тысячи рублей. В связи с этим руководство компании самым внимательным образом отнеслось к полученной информации.

16 апреля 1826 года Главное правление Российско-Американской компании направило Главному правителю российских колоний в Америке Матвею Ивановичу Муравьеву письмо, которое, по мнению В.О. Шубина, «на многие годы предопределило дальнейшую судьбу освоения русской части Курильских островов вообще и острова Уруп в частности».

В письме, в частности, говорилось:

«...по всей гряде Курильских островов компания не имеет ни одного заселения, хотя с достоверностью полагать можно, что в тамошних водах много водится морских бобров и что от заведения там промышленности должно ожидать значительных выгод: там умеренный климат, и на полуденной стороне если не хлеб, то по крайней мере огородные овощи могут родиться в изобилии; не может быть недостатка в рыбе и дичи... Неудачи прежде бывшего на 18 острове отряда приписать должно единственно тому, что не было там вопреки предложениям покойного Г.И. Шелихова алеутов с байдарками, без которых всякое покушение на промысел в Курилах будет бесполезно, при том же главным предметом тогдашнего в Курилах отряда, было разведение там хлебопашества, но теперь, по полной безнадёжности своей, не должно иметь здесь места. Намерение Главного правления состоит единственно в том, чтобы сделать на одном из Курильских островов прочную оседлость, к чему без сомнения 18 остров (Уруп) может быть самым удобным, и производить там промыслы морских и земноводных зверей».

М.И. Муравьеву предписывалось сформировать в Ново-Архангельске из кодыжских алеутов с байдарками Курильский отряд, снабдить его всем необходимым «для первого обзаведения и промышленности» и на специальном судне отправить на Курильские острова.

Данное указание руководства компании будет выполнено уже новым Главным правителем колоний Петром Егоровичем Чистяковым. В мае 1828 года П.Е. Чистяков направил к берегам острова Уруп бриг «Байкал» под командованием мичмана Адольфа Карловича Этолина. На борту «Байкала» находился Курильский отряд, включавший 12 русских промышленников и 49 алеутов. Руководителем отряда был назначен опытный промысловик Сысой Слободчиков.

В июне 1828 года бриг «Байкал» подошел к океанскому берегу острова Уруп и высадил Курильский отряд на берегу бухты, которая впоследствии получит название «бухта Алеутка». Для строительства нового поселения Российско-Американской компании были выгружены строевой лес и доски. Для обороны от возможного нападения со стороны японцев отряд получил четыре небольшие пушки. Кроме того, Курильский отряд получил рассчитанный на два года запас провизии, две большие байдары для перевозки грузов и двадцать байдарок для промысла, другие товары и припасы. И русские, и алеуты были вооружены исправными ружьями.

Новое русское поселение на Уруп сразу же оправдало все затраты, связанные с его созданием. Уже через год после высадки Курильского отряда на этот остров

оттуда было вывезено пушнины (прежде всего меха калана) на колоссальную по тем временам сумму в восемьсот тысяч рублей ассигнациями.

В связи с тем, что калан является одним из наиболее редких и ценных морских млекопитающих, обитающих на территории Сахалинской области, было бы полезным дать читателям более подробную информацию об этом животном. Одно из лучших описаний калана (или морского бобра) принадлежит Георгу Вильгельму Стеллеру, который в 1741-1742 годах имел возможность изучить это крайне редкое животное. Вот что писал о калане этот талантливый естествоиспытатель:

«Мех морского бобра, кожа которого слабо прилегает к телу и во время бега колыхается во все стороны, настолько превосходит по длине, красоте и темному цвету мех речного бобра, что последний не может выдержать с ним никакого сравнения...

По образу жизни морской бобр так же интересен и приятен, как весел и забавен по нраву; к тому же это очень ласковое и влюбчивое животное. Когда он бежит, блеск его меха превосходит самый черный бархат. Каланы предпочитают держаться семейно: самец лежит с самкой, тут же полувзрослые детеныши, или кошлаки, и маленькие сосуны – медведки. Любовь родителей к детенышам так велика, что ради них они готовы подвергаться явной, смертельной опасности, и если у них отнимут маленьких, то они громко рыдают, почти как дети. Тоска их бывает так велика, что они в неделю-две делаются больными, слабыми и не хотят уходить с берега. Самок морских бобров можно круглый год видеть с детенышами. Они мечут зараз только по одному... Детеныши рождаются зрячими и всеми зубами. Самки носят их во рту, а в море – лежа на спине и обхватив передними лапами. Они играют с ними, как любящая мать, подбрасывают вверх и ловят, словно мячик, толкают в воду, чтобы те учились плавать, берут опять к себе, когда те устанут, и целуют совершенно как люди. Как бы охотники ни преследовали самку в воде или на суше, она не выпустит изо рта детеныша, разве только в крайности или в минуту смерти... Если же самке удастся счастливо избегнуть опасности, то она, достигнув моря, начинает так забавно насмехаться над своими преследователями, что без улыбки удовольствия нельзя смотреть на нее. В таких случаях самки становятся в воде на дыбы, подобно человеку, и прыгают в волнах, то приставив передние лапы ко лбу, как будто защищая ими от солнца глаза, то ложатся на спину и гладят себе передними лапами живот или бросают в воду маленьких и снова ловят их и т.п.

Если калана настигнут и ему не удастся убежать, он фыркает и шипит, подобно кошке. Если его ударить при этом, он ложится на бок, подгибает задние ноги, а передними закрывает глаза и таким образом готовится умереть. Мертвым он лежит, как человек, вытянувшись и крестообразно сложив на груди передние лапы...

Движения морских бобров необыкновенно грациозны и быстры: они отлично плавают и очень быстро бегают, и нет ничего красивее этого животного, когда оно бежит. Замечательно, что животное бывает тем бодрее, умнее и проворнее, чем прекраснее у него мех. Совсем седые, по-видимому, очень старые бобры необыкновенно умны, вследствие чего их крайне трудно ловить. Самые плохие, имеющие одноцветно-бурый мех, большей частью неповоротливы, сонливы и глупы. Во время сна они лежат на земле свернувшись, как собаки; а выходя из воды, отряхиваются и чистятся передними лапами, как кошки.

Калан, которого по качеству его меха несправедливо считают за бобра, называя камчатским бобром, в сущности, настоящая выдра и от речной выдры отличается только тем, что живет в море, почти вдвое больше ее, но по красоте меха он действительно напоминает бобра...

Охотились мы на них следующим образом: обыкновенно вечером или ночью мы выходили по двое, по трое или по четыре человека вместе с длинными крепкими дубинами и шли к берегу против ветра, по возможности осторожно, внимательно озираясь во все стороны. Как только мы усматривали спящего калана, один из нас тихонько отделялся и подползал к животному на четвереньках; другие же тем временем заграждали ему дорогу к морю. Когда калан настолько был уже близок к нам, что его можно было настигнуть одним прыжком, мы разом кидались на него и убивали несколькими ударами по голове. Если

же он удирал от нас, прежде чем мы успевали окружить его, то мы пускались вдогонку и загоняли его от берега в глубь острова, так что, наконец, как бы скоро и ловко животное ни бегало, оно все-таки утомлялось, и тогда его легко можно было убить. Когда мы напали на целое стадо каланов, что случалось нередко, – то каждый охотник выбирал животное, которое было к нему ближе, и дело шло еще успешнее...

Жители Курильских о-вов отправляются весной в легких лодках, на которых сидит по шесть гребцов, одному рулевому и одному стрелку, на 10 и более верст в море. Заметив калана, они начинают изо всех сил грести на него, но животное, в свою очередь, удирает от них. Когда лодка приблизится, рулевой и сидящие впереди стрелки пускают в животное стрелы. Если при этом они не попадают в цель, то все-таки вынуждают нырнуть и потом подкарауливают, когда оно снова покажется на поверхности, чтобы пустить в него новую стрелу. По поднимающимся пузырькам туземцы вполне могут следить за направлением бобра, и рулевой по этому следу направляет лодку... Когда преследуемое животное так утомится, что совсем уже не состоянии нырять, охотники убивают его или стрелой, или, когда оно близко, копьем. Если каланам случится попасть в сети, которыми их также ловят, они приходят в такое отчаяние, что даже начинают грызть друг друга. Иногда они сами себе откусывают ноги с отчаяния, что видят их запутанными...

Ничего не может быть ужаснее, как охотиться за каланами во время ледохода, когда за ними приходится гнаться по плывущим льдам и убивать дубинами. Обыкновенно в это время бывает такая буря и метель, что едва можно держаться на ногах, и все-таки охотники не боятся даже ночью ходить на такую охоту».

Успехи Курильского отряда в охоте на каланов привели к тому, что кроме промыслового поселения на острове Уруп Российско-Американская компания создает свои селения и фактории на островах Симушир, Шумшу и Парамушир.

12.8. Исследования А.М. Гаврилова у устья Амура

В 40-е годы XIX века Сахалин вновь привлек внимание России. Это внимание было следствием целого ряда событий, которые в этот период происходили на Дальнем Востоке. Ослабление Китая и начавшаяся в Тихоокеанско-Азиатском регионе экспансия Великобритании, Франции и Соединенных Штатов Америки подталкивали Россию к ревизии Нерчинского договора и пересмотру границ с Китаем. При этом российское правительство поначалу действовало чрезвычайно осторожно.

12 декабря 1844 года российское Министерство иностранных дел сообщило председателю главного правления Российско-Американской компании Фердинанду Петровичу Врангелю, что

«по всеподданнейшему докладу об удобнейших способах к приведению имевшегося предположения об исследовании р. Амура, Государь Император повелел снестись с компанией: не примет ли она на себя означенного дела, отправив для сего одно из своих судов к о.Сахалину и произведя там нужные исследования, с соблюдением возможных предосторожностей, дабы не встревожить китайцев».

В ответ на это Ф.П. Врангель сообщил, что Российско-Американская компания «почтет священным долгом принять на себя выполнение Высочайшей воли».

Вскоре руководство Российско-Американской компании поручило главному правителю колоний капитану II ранга Михаилу Дмитриевичу Тебенкову снарядить к весне 1846 года и отправить для исследования устья Амура парусное судно. Для выполнения этого задания был выбран бриг «Константин» под командой подпоручика корпуса флотских штурманов Александра Михайловича Гаврилова. Экипаж

судна состоял из 22 человек. Бриг был снабжен всем необходимым для проведения исследований (в том числе пятимесячным запасом продовольствия).

Из-за опасений осложнить отношения с Китаем экспедиция была тайной. Секретный характер экспедиции прекрасно виден из инструкции, собственноручно составленной М.Д. Тебеньковым для А.М. Гаврилова. В ней говорилось:

«От тунгусов, скитающихся по берегам Охотского моря, правительство наше известно, что многие из русских перебежчиков или бродяг-беглецов, преследуемые или законом, или по бродяжнической жизни, перебрались на устье р. Амура и основали там свои поселения. Конечно вам не известны события такого рода в начале 18-го столетия, когда подобные люди, также на реке Амур, основали город Албазин и укрепив его стали наносить вред китайцам, чем причинили большое беспокойство и правительству китайскому, подозревавшему, что мы таким средством желаем расширения своих владений; и правительству нашему ... По сей причине правительство наше, чтобы подавить такого рода скопище в самом начале, предложило главному правлению р. а. компании снарядить из колоний судно, которое вошло бы в устье р. Амур и удостоверилось бы на месте: действительно ли подобные поселения русских находятся там, – и если есть, то в какой степени опасности относительно могущих быть беспокойств? Но чтобы и самое ваше появление не могло причинить какое-либо подозрение китайцам и тому скопищу беглецов вы должны показаться туда не русским бригом: устранив все, что только могло бы обличить в вас русское судно или русских людей. На сей конец вы бриг свой приготовьте так, чтобы не было в нем ни малейшего обличения русского судна. Флаг примите от меня и подымайте, начиная от Сахалина, сигнальный. Экипаж ваш составлен так, что трудно будет узнать по нем, – старайтесь только формировать его в нужных случаях на посылках сообразно предлагаемой выше необходимости: не обличить в себе русского. При таких откомандировках ваших гребных судов приказывайте строго, чтобы не разлучались между собою на большие расстояния: дабы избежать, по возможности, внезапных нападений со стороны туземцев. Сношений с ними сколько возможно избегайте и старайтесь не иметь, ни сами, ни гребные ваши суда. В неизбежных же случаях оказывайте дружелюбие и подавайте вид, что производите рыбную ловлю и с этою целью отыскиваете глубокую струю. В случаях опасных прикажите вашим гребным судам тотчас возвращаться к судну. Употребите всю осторожность, чтобы ни коем образом не могли попасть с судна вашего какие-нибудь вещи к туземцам. Даже и тогда, когда они стали бы привозить к вам рыбу или что другое, и если паче чаяния в этом будет вам какая необходимость, то делайте это не иначе, как при своем присутствии и покупайте на такие вещи, которые всем европейским народам общи. Главнейшая потребность туземцев – табак, употребляйте его в промен виргинский, а не черкасский.

Определив таким образом цель вашего назначения и осторожность, чтобы не сделать это гласным или известным китайцам, я предписываю вам войти в лиман реки Амура и отыскать ее устье...

По достижении цели удостоверьтесь действительно ли на реке Амур есть поселения русских? Если есть, то повторяю, старайтесь быть для них совершенно чуждым, чтобы они нисколько не подозревали в вас русского и не делайте к ним ни малейших притязаний. Постарайтесь только сообразить: в каком они количестве. В сношениях с ними (необходимых только) говорите, что русскому языку научились на берегу Охотского моря от русских, промышляя ловлею рыбы, за которою пробираетесь и в Амур ...

...Я рекомендую вам назначение свое... не только не обнаруживать никому, но даже по выходе из Аяна, приступив к исполнению его, возьмите все на себя, дабы устранить и помощников ваших от известности в каком месте вы будете плавать. Само собою разумеется сделать это надобно под каким-нибудь благовидным предлогом...»

29 июля 1846 года бриг «Константин» вошел в Амурский лиман. До 14 августа продолжались работы по исследованию лимана, устья Амура (участникам экспедиции удалось подняться вверх по реке на 12 миль) и сахалинского фарватера. Основываясь на результатах исследований, А.М. Гаврилов пришел к выводу, что в северную часть лимана могут входить небольшие суда, а вход в Амур сопряжен с

большими трудностями и опасностями. Южную часть Амурского лимана экспедиции исследовать не удалось. Во время пребывания брига в Амурском лимане к нему дважды подплывали лодки гиляков. А.М. Гаврилов подарил им немного табаку. Туземцы были настроены дружелюбно. Однако из соображений секретности А.М. Гаврилов не стал расспрашивать у них о направлении фарватера к Амуру. «Иначе команда его могла бы весьма легко догадаться, в каком месте находится судно». Поэтому А.М. Гаврилов ограничился только расспросами о названиях некоторых селений на Сахалине.

Материалы экспедиции А.М. Гаврилова были изучены Ф.П. Врангелем, и опытный мореплаватель и географ сделал вывод о несудоходности Амура. В декабре 1846 года российский министр иностранных дел Карл Васильевич Несельроде изложил доклад Ф.П. Врангеля императору Николаю I. На докладе царь начертил резолюцию: «Весьма сожалею. Вопрос об Амуре как о реке бесполезной оставить».

12.9. Экспедиция Г.И. Невельского к устью Амура и Сахалину

Неудача экспедиции А.М. Гаврилова, казалось бы, надолго (если не навсегда) отбила у русских моряков какой-либо интерес к Амуру. Однако уже в 1847 году появляется новый проект исследования этой великой реки. Авторами проекта стали А.П. Баласогло и Г.И. Невельской.

Геннадий Иванович Невельской родился в 1813 году в Костромской губернии. В пятнадцатилетнем возрасте был определен в Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге. После окончания кадетского корпуса он был оставлен для продолжения образования в офицерские классы. По окончании учебы плавал на Балтийском, Баренцевом, Белом и Средиземном морях. Одним из первых командиров Г.И. Невельского стал видный российский мореплаватель и ученый-гидрограф Федор Петрович Литке.

Будущий исследователь довольно рано стал проявлять интерес к Дальнему Востоку. Как отмечал один из лучших знатоков истории Амурской экспедиции Александр Иванович Алексеев, еще во время учебы в Морском кадетском корпусе Г.И. Невельской знакомится с литературой по амурскому вопросу и приходит к мысли о том, что «такая полноводная и могучая река не может теряться в наносных песках и должна иметь выход в океан».

В 1841 году русская эскадра под командованием Ф.П. Литке посетила Голландию. В городе Лейдене группа русских офицеров, в составе которой был и Г.И. Невельской, имела встречу с известным исследователем Японии Филиппом Францем Зибольдом. В 1823-1829 годах Ф.Ф. Зибольд в качестве врача голландской Ост-Индской компании находился в Японии. Вскоре после возвращения в Голландию опубликовал целый ряд карт Японии, в числе которых были и карты, основанные на материалах Мамя Риндзо.

В 1846-1847 годах абстрактный интерес к амурской проблематике начинает превращаться у Г.И. Невельского в конкретные планы. Этому в значительной степени способствовало общение с А.П. Баласогло, с которым Г.И. Невельской близко сошелся в 1846 году.

Александр Пантелеймонович Баласогло родился в том же самом 1813 году, что и Г.И. Невельской. С 13 лет служил на Черноморском флоте. Участвовал в русско-турецкой войне 1828-1829 годов. В 1829 году переведен на Балтийский флот. С 1835

года в отставке. Изучал восточные языки. Писал своеобразные по форме стихи, главной темой которых было одиночество непонятого толпой мыслящего человека. С 1845 года был регулярным посетителем «пятниц» в доме Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевского (так называемые «петрашевцы»), что в 1849 году привело его к аресту и ссылке. С 1841 года служил в Главном архиве Министерства иностранных дел, где заинтересовался дальневосточными проблемами. Одним из следствий этого интереса стал написанный А.П. Баласогло исторический очерк «Восточная Сибирь». Другим следствием – подготовка проекта экспедиции по изучению Амура.

Проект Амурской экспедиции А.П. Баласогло и Г.И. Невельской разрабатывали вместе. По мысли авторов экспедиция должна была состоять из двух отрядов. Первый отряд под руководством А.П. Баласогло должен был осуществить плавание по Амуру, а второй под руководством Г.И. Невельского – исследовать устье Амура и Амурский лиман.

О своих планах Г.И. Невельской рассказал председателю Морского ученого комитета Ф.П. Литке, с которым его давно связывали самые теплые отношения. Следствием этой беседы стало назначение Г.И. Невельского командиром транспорта «Байкал», который должен был в 1848 году направиться из Кронштадта в Петропавловск и Охотск с грузом для Российско-Американской компании. В связи с предстоящим путешествием на Дальний Восток Г.И. Невельской добывается разрешения на исследование юго-западного побережья Охотского моря, лимана и устья Амура, а также Сахалина. В этом Г.И. Невельского поддержали начальник Главного морского штаба Александр Сергеевич Меньшиков и генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев.

21 августа 1848 года транспорт «Байкал» вышел из Кронштадта. 12 мая 1849 года транспорт бросил якорь в Петропавловской гавани. Сдав груз, Г.И. Невельской отправляется к Сахалину. 12 июня «Байкал» оказался у восточного побережья Северного Сахалина. Двигаясь вдоль сахалинского берега, российские моряки 27 июня вошли в северную часть Амурского лимана. Здесь «Байкал» встает на якоре. Дальнейшие исследования проводились на шлюпках и байдарках. В результате проведенных работ русскими моряками был найден южный вход в Амурский лиман – пролив между Сахалином и материком¹⁹.

Вот как описал это выдающееся событие сам Г.И. Невельской:

«22-го июля 1849 года достигли того места, где этот матерой берег сближается с противоположным ему сахалинским. Здесь-то, между скалистыми мысами на материке, названными мною Лазарева и Муравьева, и низменным мысом Погоби на Сахалине, вместо найденного Крузенштерном, Лаперузом, Броутоном и в 1846 году Гавриловым низменного перешейка, мы открыли пролив шириною в 4 мили и с наименьшею глубиною 5 саж. Продолжая путь свой далее к югу и достигнув 24 июля широты 51°40', т. е. той, до которой доходили Лаперуз и Броутон, мы возвратились обратно и, проследовав открытым нами Южным проливом, не теряя нити глубин, выведших нас из Татарского залива в лиман, направились вдоль западного берега Сахалина».

Удачным дополнением к открытию судоходного пролива между Сахалином и материком стали найденные русскими моряками фарватеры, по которым в устье Амура могли бы заходить морские суда как с севера, так и с юга.

¹⁹ *Существование пролива к этому времени было секретом только для европейских географов. В Китае и Японии прекрасно знали о его существовании.*

Удачная экспедиция Г.И. Невельского положила начало новому этапу в деле распространения российского влияния в Приамурье и на Сахалине. Однако первое время правительство России действовало чрезвычайно осторожно. Для подготовки правительственных решений по амурскому вопросу был создан Особый комитет. В комитет вошли высшие чиновники Российской империи (министр иностранных дел, военный министр, начальник Главного морского штаба, министр внутренних дел и другие). Комитетом было подготовлено постановление, утвержденное императором 3 февраля 1850 года. Постановление предписывало:

«1) В заливе Счастья, или в какой-либо местности на юго-восточном берегу Охотского моря, но отнюдь не в лимане, а тем более на реке Амуре, основать зимовье.

2) В зимовье том Российско-Американской компании производить расторжку с гиляками, но ни под каким видом и предлогом не касаться лимана и р. Амура».

Выполнение данного постановления было возложено на Г.И. Невельского. Однако капитан первого ранга Г.И. Невельской вел себя на Амуре так, как будто не существовало ни Особого комитета, ни утвержденного российским императором решения по амурскому вопросу. Уже в июле 1850 года Г.И. Невельской с небольшой группой (шестью матросами, двумя гиляками и топографом) на вельботе и байдаре совершает плавание по Нижнему Амуру. Путешественники поднялись по реке до местности Тыр (примерно 70 миль от устья Амура). Здесь они встретили маньчжуров.

Вот как описал эту замечательную встречу сам Г.И. Невельской:

«...Я подошел к старшему из маньчжуров... Он важно и дерзко спросил меня, зачем и по какому праву я пришел сюда. В свою очередь и я спросил маньчжура, зачем и по какому праву он здесь находился. На это маньчжур с еще большею дерзостью отвечал, что никто из посторонних, кроме них, маньчжуров, не имеет права являться в эти места. Я возразил ему, что так как русские имеют полное и единственное право быть здесь, то я требую, чтобы он, маньчжур, со своими товарищами маньчжурами немедленно оставил эти места. На это маньчжур, указывая на окружавшую его толпу, потребовал от меня, чтобы я удалился и что в противном случае он принудит меня сделать это силою, ибо никто без дозволения их, маньчжуров, не может сюда являться. Вместе с этим он дал знак окружавшим его маньчжурам, чтобы они приступили к исполнению его требования. В ответ на эту угрозу я выхватил из кармана двустольный пистолет и, направив его на маньчжура, объявил, что если кто-либо осмелится пошевелиться, чтобы исполнить его дерзкое требование, то в одно мгновение его не будет на свете. Вооруженные матросы по моему знаку немедленно явились ко мне. Такой, совершенно неожиданный для всех поступок так ошеломил всю эту толпу, что маньчжуры сейчас же отступили...»

После столь решительных (и как оказалось впоследствии – весьма эффективных) действий Г.И. Невельской от имени своего правительства объявил маньчжурам и гилякам, что побережье Татарского пролива «и весь приамурский край, до корейской границы, с островом Сахалин, составляют российские владения». Затем русские моряки спустились вниз по Амуру до мыса Куегда. Здесь 1 августа 1850 года Г.И. Невельской поднял российский флаг. Так было положено начало Николаевскому военному посту и российскому владычеству на Амуре.

Действия Г.И. Невельского (конфликт с маньчжурами, провозглашение Приамурья и Сахалина владениями России, основание Николаевского поста) не только не были предусмотрены в полученных им инструкциях, но и входили с ними в самое вопиющее противоречие. Поэтому в декабре 1850 года самовольные действия капитана первого ранга Г.И. Невельского были рассмотрены на заседании Особого комитета. Часть членов комитета (министр внутренних дел Лев

Алексеевич Перовский, генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев и начальник Главного морского штаба А.С. Меньшиков) поддержала Г.И. Невельского. Однако большинство членов комитета «признали, что эти действия чрезвычайно дерзки и навлекают ...строжайшее наказание, так как они противны Высочайшей воле и, кроме того, могут иметь вредное влияние на дружеские отношения наши с Китаем...». Комитет предложил: Николаевский пост снять и в дальнейшем вести торговлю с «гиляками и другими инородцами, обитающими на юго-восточном берегу Охотского моря, отнюдь не касаясь реки Амура, ее бассейна, Сахалина и берегов Татарского залива». Самого же Г.И. Невельского Особый комитет предложил разжаловать в матросы.

Предложения Особого комитета (будь они утверждены императором) означали бы фактический отказ России от приобретения Приамурья и Сахалина. Однако генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву удалось убедить Николая I не утверждать решения Особого комитета. В итоге российский император назвал поступок Г.И. Невельского «молодецким, благородным и патриотическим» и сказал: «Где раз поднят русский флаг, он уже спускаться не должен».

Глава 13

САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

13.1. Амурская экспедиция Г.И. Невельского 1851-1855 гг.

13.1.1. Организация Амурской экспедиции

Географические открытия, сделанные в 1849 году экипажем транспорта «Байкал», а также решительные действия Геннадия Ивановича Невельского на Нижнем Амуре летом 1850 года заставили российское правительство пересмотреть свое отношение к амурской проблеме. Важную роль в этом сыграл генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев. Решительный и энергичный администратор, генерал Н.Н. Муравьев был горячим патриотом, остро сознававшим необходимость урегулирования пограничных вопросов России с Китаем и Японией. В 50-е годы XIX века при его заинтересованной поддержке развернулись работы по всестороннему изучению южной части Дальнего Востока. Ключевая роль в этом принадлежала Амурской экспедиции, официально образованной 12 февраля 1851 года. Ее начальником стал капитан 1-го ранга Г.И. Невельской. Сначала основной состав экспедиции включал небольшую группу морских офицеров, отряд казаков и нескольких служащих Российско-Американской компании.

13.1.2. Путешествие по Сахалину Н.К. Бошняка

Значительное место в планах Амурской экспедиции отводилось Сахалину, внутренние районы которого были практически неизвестны в мировой географии. Прежде всего Г.И. Невельского заинтересовали сообщения аборигенов о находках каменного угля на острове. Как опытный моряк он понимал – заканчивается эпоха парусников, на смену им идет паровой флот, развитие которого на Тихом океане будет зависеть от наличия топливной базы.

В феврале 1852 года он направил на Сахалин самого молодого из своих сотрудников – лейтенанта Николая Константиновича Бошняка, поручив ему прояснить вопрос об угольных месторождениях, а также изучить внутренние районы северной части острова. К сожалению, обеспечить Амурскую экспедицию необходимым снаряжением правительство не смогло. Поэтому на первых порах Г.И. Невельскому и его офицерам приходилось терпеть нужду в самом необходимом. Лейтенант Бошняк позднее писал, что, отправляясь на Сахалин, он получил нарты с собачьей упряжкой, «дней на 35 сухарей, чаю да сахару, маленький ручной компас, а главное – крест капитана Невельского и ободрение, что если есть сухарь, чтобы утолить голод, и кружка воды напиться, то с Божиею помощью дело делать еще возможно». Надежным помощником Николая Константиновича Бошняка в этой поездке был его проводник – нивх Позвейн.

Тяжелейшие условия и опасности зимнего путешествия по необжитой местности не остановили юного офицера. На западном побережье Сахалина Н.К. Бошняк обнаружил выходящие к поверхности пласты каменного угля хорошего качества.

Затем совершил труднейший переход в долину реки Тымь и далее к ее устью, где описал Ныйский залив.

Исследования Н.К. Бошняка отличало исключительно добросовестное отношение к порученному делу. Описания посещенных им мест пунктуальны и широки: здесь наблюдения климата, месторождений полезных ископаемых, колебаний уровня моря в бухтах, растительного и животного мира и т.д.

Еще более ценными оказались сведения Н.К. Бошняка о жителях местности, которую он называл «землей гиляков на Сахалине». Посетив десятки туземных стойбищ, он насчитал в них 1090 мужчин, 1308 женщин и 872 детей, проживавших в 218 домах. В рапорте Г.И. Невельскому он сообщал, что сахалинские нивхи живут свободно, так же, как и их амурские сородичи:

«Сколько я ни старался узнать, нет ли здесь какого-нибудь влияния китайского или японского правительства, все мои розыски оказались совершенно безуспешными; ...даже маньчжурские торгоши не ездят сюда для торгова, несмотря на огромное количество пушных товаров, от которых бы они могли получить значительные выгоды».

Местные жители поведали русскому офицеру, что иногда берега Сахалина «посещаются китоловами и страх жителей к судам так велик, что, где я ни проезжал, везде меня спрашивали с заметным беспокойством, не придет ли на будущий год судно». Боязнь эта «происходила от бесчинств, производимых на этих берегах» экипажами иностранных китобойных судов.

13.1.3. Историческое плавание шхуны «Восток» в 1853 году

Особое внимание Г.И. Невельской уделял изучению Татарского пролива. Дело в том, что географическое положение Сахалина, протянувшегося более чем на 900 километров с севера на юг, а также ряд исторических причин способствовали тому, что в XVIII и начале XIX вв. русские мореплаватели смогли обследовать только его восточное побережье и северную оконечность, прилегающую к устью Амура. Поэтому по указанию Г.И. Невельского летом 1852 года штурман А.И. Воронин описал западное побережье острова от мыса Погиби до залива Виахту. Еще через несколько месяцев лейтенант Н.К.Бошняк, исследуя материковый берег Татарского пролива, открыл прекрасный глубоководный залив со множеством бухт, названный Императорской (ныне – Советская) гаванью.

Первым российским судном в водах Татарского пролива была винтовая шхуна «Восток» из эскадры адмирала Е.В.Путягина, находившейся тогда в Японии. 18 августа 1853 года «Восток» вышел из Нагасаки и взял курс на север. Командир шхуны капитан-лейтенант Воин Андреевич Римский-Корсаков писал об этом походе:

«В одиннадцать дней перешел я Японское море и 30 августа вечером в первый раз увидел южный мыс Сахалина, а ночью вошел в Татарский залив, или, по-нынешнему, пролив. Тот клочок моря, который Лаперуз и Броутон отрекомендовали таким негостеприимным, ветреным и туманным, встретил меня как нельзя ласковее, наряженный в ясную теплую погоду, угощал бодреньким попутным ветерком вместо хлеба с солью».

Дважды В.А. Римский-Корсаков высаживался на сахалинский берег и встречался с айнами. У мыса Дуэ экипаж шхуны обнаружил пласты отличного угля и пополнил им свой трюм, положив тем самым начало использованию угольных богатств Сахалина. Затем корабль направился в Петровское зимовье. Это плавание шхуны «Восток» справедливо называют историческим. Впервые морское судно прошло проливом, разделяющим Сахалин и материк, по южному фарватеру достиг-

ло устья реки Амур, доказав практическое значение для мореплавания открытия Г.И. Невельского. Таким образом Воин Андреевич Римский-Корсаков совершил то, что не удалось его предшественникам – выдающемуся французскому мореплавателю Ж.Ф. Лаперузу и английскому капитану У.Р. Броутону.

13.1.4. Основание Муравьевского поста в заливе Анива

В Санкт-Петербурге внимательно следили за действиями Амурской экспедиции. Основываясь на донесениях Г.И. Невельского, в апреле 1853 года правительство приняло указ о передаче Сахалина в управление Российско-Американской компании и создании здесь русских военных постов. 22 сентября (4 октября) того же года Г.И. Невельской основал на берегу залива Анива в айновском селении Кусун-Котан (территория современного города Корсаков) пост Муравьевский. Название пост получил в честь генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева.

Начальником поста был назначен майор Николай Васильевич Буссе, а его заместителем – лейтенант флота Николай Васильевич Рудановский. Наступали холода, и небольшой гарнизон, состоявший из матросов Сибирской флотилии и нескольких казаков, приступил к возведению домов, батареи и укреплений. Вскоре пост приобрел вид небольшого, хорошо укрепленного военного форта, над которым развевался флаг Российско-Американской компании. Предосторожности оказались нелишними, поскольку оставшиеся на зиму в Кусун-Котане японцы вели себя не вполне дружелюбно.

13.1.5. Исследования Н.В. Рудановского на юге Сахалина

Уже через несколько дней после учреждения Муравьевского поста лейтенант Н.В. Рудановский приступил к изучению побережья и внутренних районов южной части Сахалина. В начале октября 1853 года он отправился в плавание вверх по реке Сусуе. Таким образом, его можно считать первым европейцем, ступившим на землю, где спустя десятилетия раскинулся современный Южно-Сахалинск.

За полтора столетия облик этой местности почти полностью изменился. Неизменным элементом ландшафта остались, пожалуй, лишь контуры сопок, окружающих Сусунайскую низменность. О своих наблюдениях Рудановский сообщал Г.И. Невельскому:

«По качеству почвы (большей частью черноземной), по изобилию леса, превосходных лугов и обилию в реке всякого рода рыбы, долина реки Сусуя весьма удобна для основания земледельческих поселений, в особенности между Кой и Экураки¹, где берега ровные, возвышенные и, по словам жителей, никогда не заливаемые весной».

Река Сусуя, пересекающая Южно-Сахалинск с севера на юг, дала наименования горному хребту и долине, где расположен город. Поэтому стоит сказать хотя бы кратко о происхождении ее названия. Когда-то сахалинский краевед Алексей Николаевич Рыжков высказал предположение, что айновское название «Сусуя» или «Сусунай» означает: «река, поросшая тальником, из которого туземцы делали орудия лова».

Однако более убедительным представляется другое объяснение, которое дал ученый-филолог Константин Макарович Браславец. «Сусу» в переводе с айновско-

¹ Названия айновских стойбищ.

го значит «проход», а «я» – земля, скалистый берег, горный хребет. Следовательно: Сусуя – «проход к высокому скалистому берегу» или же «проход меж горных хребтов». Это объяснение соответствует географии бассейна реки, имеющей более 20 притоков, стекающих с окружающих долину хребтов. Кроме того, в те времена река Сусуя, несомненно, являлась для аборигенов наиболее удобной транспортной артерией для передвижения от берега Анивского залива на север.

Второе путешествие Н.В. Рудановского продолжалось с 29 октября по 14 ноября. На шлюпке с гребцами и проводником-айном он прошел вдоль побережья залива Анива далеко на юг. Ночевали, как правило, в стойбищах айнов, которые радушно встречали путешественника. Н.В. Рудановский записывал все, что наблюдал: жилища, обряды, внешний вид айнов и их язык. В каждом селении он вел своеобразную перепись населения. В эту поездку ему удалось добраться почти до самого мыса Анива, описать и нанести на карту все побережье, вдоль которого он прошел.

В третью поездку Н.В. Рудановский описал окрестности Муравьевского поста и сделал промеры глубин близлежащих бухт. Наконец, четвертое, и главное, свое путешествие он совершил по зимней дороге с 20 декабря 1853 по 18 января 1854 года. На сей раз с казаком Савватеем Березкиным и проводником-айном Серипонку он проехал на берег Охотского моря до перешейка Поясок. Затем перевалил через хребет к берегу Татарского пролива, по которому двинулся на юг, до мыса Крильон. На обратном пути путешественник снова перевалил через Западно-Сахалинский хребет и вернулся в Муравьевский пост.

С особой тщательностью Н.В. Рудановский описал юго-западное побережье, где имелись бухты, пригодные для стоянки морских судов и которые очень интересовали Г.И. Невельского. Н.В. Рудановский дал им общее название – залив Невельского; особенно выделив две из них – Такмака и Маока. Он составил их подробные планы. В наши дни здесь находится порт Холмск – главные морские ворота Сахалина.

В каждой поездке Н.В. Рудановский вел метеорологические наблюдения, подробно описывал пройденный путь. В выборе маршрутов ему помогали айны. Важным итогом его исследований стали первая карта Южного Сахалина и перепись аборигенного населения. По данным 1854 года, дополненным в 1857 году, на юге острова насчитывалось 95 айнских стойбищ, в которых проживало 2479 человек. Общая картина расселения туземцев выглядела следующим образом. На побережье залива Анива находилось 35 стойбищ, по берегу Охотского моря – 22, по берегу Татарского пролива – 35. Внутренние пространства на юге Сахалина оставались почти не заселенными. Только в Сусунайской долине было три небольших айнских селения, насчитывавших всего 60 жителей. Кроме айнов на острове проживало некоторое количество японцев, занимавших в 1854 году 44 пункта, в основном на юго-западном побережье и в заливе Анива. Эти сведения Н.В. Рудановского крайне важны, ибо они характеризуют население Южного Сахалина в период, непосредственно предшествующий началу русской колонизации.

13.1.6. Историческое значение Амурской экспедиции

Деятельность Г.И. Невельского и его соратников по Амурской экспедиции оказала огромное влияние на судьбу российского Дальнего Востока, в том числе и Сахалина.

Исследования на транспорте «Байкал» в 1849 году позволили опровергнуть мнение о полуостровном положении Сахалина и доказать, что Амур доступен для мор-

ских судов. В течение пяти лет участники Амурской экспедиции детально изучили бассейн Нижнего Амура, начали топографическую съемку этой местности, собрали ценные сведения о населении, флоре и фауне Приамурья и Приморья, об их внутренних водных и сухопутных маршрутах. Офицеры экспедиции впервые правильно нанесли на карты материковый и сахалинский берега Татарского пролива, устранив неточности и ошибки иностранных мореплавателей конца XVIII века.

В ходе исследований на Сахалине были открыты месторождения каменного угля, описано побережье, составлены первые карты южной и средней части острова, начаты метеорологические наблюдения. Офицеры экспедиции провели перепись аборигенного населения Сахалина – нивхов и айнов, положив начало изучению их быта, языка и культуры.

Своими действиями Амурская экспедиция создала предпосылки для дальнейшего научного изучения, заселения и экономического освоения Приамурья, Приморья и Сахалина.

13.2. Сахалин и Курильские острова в международных отношениях на Дальнем Востоке. 1855-1875 гг.

13.2.1. Симодский договор 1855 года и его последствия

Успешные труды Амурской экспедиции, ее научные открытия и меры по первоначальному освоению Приамурья и Сахалина Россия стремилась закрепить дипломатическим путем, установив официальную границу с Японией. Для этого на Дальний Восток была направлена миссия во главе с адмиралом Ефимом Васильевичем Путятиным. Кругосветное плавание русского дипломата и начальный этап переговоров ярко описаны участником этих событий, будущим известным писателем Иваном Александровичем Гончаровым в книге «Фрегат «Паллада».

10 августа 1853 года русская эскадра вошла в гавань Нагасаки. Японцы встретили посла России с крайней настороженностью и всячески затягивали переговоры, целью которых было установление государственной границы, дипломатических и торговых отношений между двумя странами.

Ход переговоров значительно осложнила Крымская (Восточная) война, в которой России противостояла коалиция в составе Турции, Англии и Франции. Две последние отправили на Тихий океан мощную военную эскадру, чем распространили боевые действия на северную часть Тихого океана. Появилась реальная угроза захвата кораблей русской миссии, и Е.В. Путятин вынужден был покинуть Нагасаки. А в октябре 1854 года на фрегате «Диана» он отправился из Императорской (ныне Советской) гавани для возобновления переговоров. Местом их проведения японское правительство назначило порт Симода. Здесь Е.В. Путятин и команду «Дианы» ждали новые испытания. 11 декабря город Симода был почти полностью разрушен сильным землетрясением, сопровождавшимся волнами цунами. Пострадал и вскоре затонул фрегат «Диана». В деревушке Хэда на полуострове Идзу русские моряки с помощью местных жителей построили новый корабль – шхуну «Хэда».

Тем временем переговоры продолжались. Усилия Е.В. Путятина по установлению мирных дружественных отношений с Японией завершились подписанием первого в истории российско-японского договора, состоявшего из 9 статей и дополнения к нему. Официально он назывался «Трактат о торговле и границах, заключенный 26 января

1855 года между Его Величеством Императором Всероссийским и Его Величеством Великим повелителем всей Японии». Во 2-й статье договора говорилось о том, что граница между двумя государствами устанавливается по проливу Фриза. Это означало, что Россия признавала права Японии на острова Итуруп и Кунашир, а также Малую Курильскую гряду. Что же касается острова Сахалин, то он «остается неразграниченным между Россией и Японией, как было до сего времени». Таким образом, Япония сумела использовать те затруднения, которые в тот момент испытывала Россия на Дальнем Востоке, и не дала ей взять весь остров под свой полный контроль.



Рис. 40. Граница между Российской империей и Японией по Симодскому договору. 1855 год

Нерешенность вопроса о статусе Сахалина в течение двух десятилетий осложняла русско-японские отношения. Дальнейшие действия России в отношении Сахалина определялись следующими факторами: во-первых, необходимостью поддержания здесь русского влияния по условиям Симодского договора; во-вторых, стремлением оградить Сахалин от вторжения третьих стран и решить проблему мирным путем; в-третьих, потребностями хозяйственного освоения острова и прежде всего его угольных месторождений – основной топливной базы Сибирской флотилии.

В апреле 1856 года генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев приказал направить на Сахалин команду матросов с целью добычи каменного угля для парохода «Америка», отправлявшегося с миссией

Е.В. Путятин в Китай в будущем году. Возглавил экспедицию на остров капитан-лейтенант Н.М. Чихачев, который 16 июля 1856 года основал у мыса Дуэ одноименный пост. Ныне это один из старейших населенных пунктов нашей области – село Дуэ Александровск-Сахалинского района, с которым связаны многие страницы сахалинской истории.

Дипломатические усилия России в это время были направлены на то, чтобы добиться осуществления полного суверенитета над Сахалином. При этом российская сторона стремилась обеспечить точное исполнение условий Симодского до-

говора японской стороной. В 1857 и 1858 годах Е.В. Путятин вновь посетил Страну восходящего солнца, где был подписан ряд важных торговых соглашений.

Вскоре в городе Хакодате открылось первое русское консульство во главе с Иосифом Антоновичем Гошкевичем. Ему предписывалось соблюдать принцип невмешательства и проводить миролюбивую линию в отношении Японии. В инструкции Министерства иностранных дел русскому консулу говорилось:

«Мы желаем единственно упрочения и распространения нашей торговли с Японией. Всякие другие виды, всякая мысль о вмешательстве во внутренние ее дела чужды нашей политике. Старайтесь убедить в том японское правительство и наблюдайте, чтобы неприязненные внушения² не дали ему превратного понятия о наших намерениях».

Порт Хакодате не случайно стал местом резиденции российского консула. Он находился ближе всего к Сахалину. Министр иностранных дел А.М. Горчаков писал об этом городе: «Хакодате, по самому положению своему, вблизи от наших владений и на севере, где единственно сосредоточиваются все наши политические интересы, имеет, по моему мнению, неоспоримые для нас преимущества».

13.2.2. Борьба России за решение «сахалинского вопроса»

После подписания Айгунского (1858 год) и Пекинского (1860 год) договоров территория российского Дальнего Востока составила 3,9 миллиона квадратных километров. Она включала земли восточнее озера Байкал, Приамурье, Приморье, Охотское побережье, Чукотку, Камчатку, Командорские острова и часть Большой Курильской гряды. В административном отношении эти территории относились к образованной в 1856 году Приморской области с центром в городе Николаевске. До 1867 года Россия владела Аляской и Алеутскими островами, которыми управляла Российско-Американская компания, имевшая также свои фактории на Курильских островах. В связи с заключением Симодского договора царским указом от 9 апреля 1856 года Сахалин из ведения компании был передан в подчинение генерал-губернатора Восточной Сибири.

Поскольку Сахалин оказался в совместном владении России и Японии, это породило ряд проблем во взаимоотношениях между двумя странами. Неопределенность русско-японской границы сдерживала освоение природных богатств острова и прежде всего месторождений каменного угля, который был так необходим для развития русского судоходства на Тихом океане. В стратегическом отношении России крайне важно было обеспечить контроль над проливом Лаперуза.

В декабре 1858 года генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский получил распоряжение отправиться в Японию для установления границы на Сахалине. Как опытный дипломат он понимал сложность своей миссии, о которой писал в одном из писем великому князю Константину Николаевичу:

«...я сам вызвался на это дело потому в особенности, чтобы оно кончилось без промедления, пока англичане не водворились в Епонию и не вздумали еще захватить уголок на Сахалине».

12 июня 1859 года Н.Н. Муравьев-Амурский прибыл в Японию. На переговорах в столице сегунов Эдо (ныне Токио) он поставил вопрос о признании за Россией права владения всем Сахалином. Японская сторона, отклонив это предложение, настаивала

² Иностранцев.

на сохранении прежнего статуса острова. В связи с этим Муравьев-Амурский сообщал министру иностранных дел Александру Михайловичу Горчакову:

«Принимая в соображение, что остров этот по обоим своим названиям – Сахалин и Карафутто – ничего японского в себе не заключает, я не мог согласиться ни на какое разделение его между Японией и нами, и особенно в тех видах, что по слабости Японии всякое иностранное государство легко может овладеть той частью, которая будет признана японскою, утвердиться в ней и нанести нам тем существенный вред на все будущие времена, особенно в отношении Лаперузова пролива, который составляет ближайший и единственный выход для наших судов из Татарского пролива в Восточный океан».

Н.Н. Муравьев-Амурский просил добиться разрешения императора Александра II о занятии открытием предстоящей навигации русскими войсками южной оконечности Сахалина и «устройства там укрепления для пристанища судами нашими, которые будут проходить Лаперузовым проливом и по буквальному смыслу трактата 1855 года».

Такое разрешение было получено, и летом 1860 года небольшой отряд русских войск, высадившись в устье реки Кусунай, приступил к возведению военного поста. (Ныне это рабочий поселок Ильинский Томаринского района). Одновременно был усилен и русский гарнизон поста Дуэ.

В августе 1862 года в Санкт-Петербурге состоялись переговоры уполномоченного русского правительства Николая Павловича Игнатьева с членами японской миссии о проведении границы по проливу Лаперуза. Японские дипломаты опять предложили установить границу по 50-й параллели, выдвинув аргументы в пользу «исторических прав» Японии на Южный Сахалин. В результате переговоры зашли в тупик. 30 июля 1863 года российский консул в Хакодате И.А. Гошкевич известил японское правительство, что император Александр II уполномочил адмирала П.В. Казакевича продолжить переговоры о Сахалине. Однако японцы уклонились от диалога, рассчитывая выиграть время, чтобы обосноваться на острове. Весной 1864 года они заняли местность на реке Пильво в средней части острова и собирались учредить свой пост близ устья реки Поронай.

В январе 1865 года генерал-губернатор Восточной Сибири Михаил Семенович Корсаков представил правительству записку «Обзор действия и настоящего положения дел относительно владения островом Сахалином», где отмечал стремление японцев уклониться от переговоров и захватить южную часть, поставив Россию перед свершившимся фактом. М.С. Корсаков предложил ряд мер по укреплению русских позиций на Сахалине, получивших одобрение царя.

Расположенная в Дуэ рота 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона в августе 1865 года была преобразована в Дуйскую постовую команду в составе 5 офицеров и 220 солдат. Было решено усилить команды сахалинских постов, передислоцировав сюда из Николаевска остальные подразделения этого батальона. Гарнизоны военных постов объединились в Сахалинский отряд, подчинявшийся одному начальнику – офицеру по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири, который представлял на острове военную и гражданскую власть. С 1865 по 1868 год эту должность занимал полковник В.П. Де-Витте, а затем его сменил майор Ф.М. Депрерадович.

В июле 1867 года военная шхуна «Сахалин» доставила в бухту Буссе роту солдат 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона при двух медных десантных орудиях. Здесь они заложили пост Муравьевский, первым начальником которого был подпоручик В.К. Шван. В июле 1869 года Федор Михайлович Депрерадович с отря-

дом солдат высадился в аинском селении Кусун-Котан на берегу залива Анива, где основал пост Корсаковский. 9 августа того же года в устье реки Поронай был учрежден пост Тихменевский (ныне город Поронайск). 21 августа 1870 года подпоручик В.Т. Фирсов основал на юго-западном побережье русский пост Маука (ныне город Холмск). Всего же к этому времени на Сахалине насчитывалось до 20 русских населенных пунктов: военных постов и крестьянских селений. Самым крупным из них был пост Дуэ, где проживало около тысячи человек – солдат, офицеров, чиновников, ссыльных и их семей.

Обеспечив фактическое занятие острова, русское правительство активизировало дипломатические усилия по окончательному решению «сахалинского вопроса».

13.2.3. Санкт-Петербургский договор 1875 года

На российско-японских переговорах в Токио в 1872-1873 годах стороны не пришли к соглашению. Япония предложила России продать часть Сахалина, но получила отказ. Тогда японское правительство заявило об отказе от своих прав на Сахалин при условии, если Россия представит ему свободу рук в Корее. В Петербурге от-



Рис. 41. Граница между Российской империей и Японией по Санкт-Петербургскому договору. 1875 год

вергли и это предложение, отказавшись содействовать какому-либо иностранному вторжению в Корею. В итоге Япония решила отказаться от претензий на Сахалин взамен передачи ей всей Курильской гряды. Россия торопилась с решением «сахалинского вопроса» ввиду осложнившихся отношений на Балканах и поэтому пошла навстречу японским предложениям. 25 апреля (7 мая) 1875 года А.М. Горчаков и Эномото Такэаки подписали в Санкт-Петербурге договор, по которому за Россией остался весь Сахалин в обмен на 18 Курильских островов, отходивших к Японии. Граница между государствами устанавливалась по Первому Курильскому проливу и проливу Лаперуза. Японские суда имели право в течение десяти лет посещать без уплаты пошлин порт Корсаков. Японским

купцам и рыбопромышленникам предоставлялось право наибольшего благоприятствования в портах и водах Охотского моря и на Камчатке. В июле 1876 года на Сахалине в посту Корсаковском было открыто японское вице-консульство (с 1889 года – консульство).

Итак, «сахалинский вопрос» был решен в пользу России. Однако те, кто принимал решение об обмене японских прав на Сахалин на принадлежавшие России Курильские острова, оказались не в силах предвидеть даже не очень отдаленное будущее. Они даже представить не могли, что небольшая и не очень сильная страна в считанные десятилетия превратится в великую державу и сможет бросить дерзкий вызов сначала Китаю, а потом и России.

Переход всех островов Курильского архипелага в руки Японии создавал определенную угрозу дальневосточным границам России, поскольку оказались закрытыми удобные выходы для ее судов в Тихий океан. Кроме того, японская сторона сумела использовать все права и привилегии, которые были предоставлены ей на Южном Сахалине, для укрепления своих позиций на острове. В дальнейшем это обстоятельство облегчило захват Сахалина в 1905 году в ходе русско-японской войны.

13.3. Заселение и хозяйственное освоение Сахалина Россией в последней трети XIX – начале XX вв.

13.3.1. Создание ссыльнокаторжной колонии на Сахалине

Во второй половине XIX – начале XX века Сахалин занимал важное место не только во внешней, но и внутренней политике России, вступившей в эпоху капитализма. Как известно, отмена крепостного права в 1861 году дала мощный стимул развитию производительных сил страны. Но «великая реформа» имела и иные последствия: обезземеливание и бунты крестьянства, всплеск революционного движения. Приток в города выходцев из деревни сопровождался их обнищанием и ростом преступности. Ссылка на восточные окраины империи расширялась. Так, например, с 1853 по 1862 год в Сибирь было сослано 101,2 тысячи, а с 1863 по 1872 год – 146,4 тысячи человек. В поисках новых мест для ссыльных поселений правительство обратило взор на Сахалин.

Первый каторжник оказался на Сахалине еще в 1858 году. Известно и его имя – Иван Лапшин. Он служил у одного из горных инженеров, занимавшихся изучением угольных месторождений. Позднее каторжан доставляли в Дуэ небольшими партиями. Отработав в шахте один-два года, они возвращались на материк.

18 апреля 1869 года Александр II утвердил «Положение Комитета об устройстве каторжных работ», которым Сахалин официально определялся как место каторги и ссылки. Эта дата считается официальным началом каторги, «прославившей» остров в России и за ее пределами на долгие времена.

Впрочем, каторга как средство освоения отдаленных территорий не была российским изобретением. Можно вспомнить опыт Англии при освоении Нового Света в XVII-XVIII веках или не менее драматическую историю заселения Австралии, начавшуюся в 1788 году, когда флотилия капитана А. Филиппа доставила в Новый Уэльс группу ссыльных, основавших на берегу залива Порт-Джексон первый европейский поселок – будущий Сидней. Почти восемь десятилетий «старая добрая



Рис. 42. Александровская тюрьма

Англия» колонизировала целый континент, создавая военно-каторжные поселения и сослав туда до 1868 года около 155 тысяч человек.

По масштабам ссылки Сахалин, несомненно, уступал Австралии. Первые годы каторжан доставляли сюда небольшими этапами: в 1870 году – 250, в 1871 году – 165 человек и т.д. В этот период целью ссылки было не наказание, а добыча угля для Сибирской флотилии. Пост Дуэ стал своеобразной каторжной «столицей» Сахалина. Здесь находилась канцелярия специального чиновника – заведующего ссыльнокаторжными Приморской области, и в 1876 году была построена первая тюрьма.

Наряду с учреждением каторги были и попытки переселения на Сахалин свободных крестьян. В том же 1869 году сюда доставили более 20 семей из Тобольской и Иркутской губерний. На юге острова они основали три селения: Воскресенское, Станционное (Такоэ) и Новоалександровское. В 1871 году в них побывал ученый-агроном М.С. Мицуль, который описал опыт крестьян по ведению сельского хозяйства.

Переселенцы принадлежали к малоимущей прослойке сибирской деревни. Их обустройство требовало немалых забот, но администрация не смогла создать условий для их закрепления на острове. В 1886 году они переселились в Южно-Уссурийский край. Позднее Антон Павлович Чехов писал:

«Итак, вольную колонизацию на юге Сахалина следует признать неудавшеюся. Виноваты ли в этом естественные условия, которые на первых же порах встретили крестьян так сурово и недружелюбно, или же все дело испортили неумелость и неряшливость чиновников, решить трудно, так как опыт был не продолжителен...».

13.3.2. Управление Сахалином в период каторги

В 1875 году, после заключения Санкт-Петербургского договора, в административном отношении Сахалин был разделен на Южно-Сахалинский и Северо-Сахалинский округа, начальники которых подчинялись военному губернатору Приморской области.

В 1879 году при Министерстве внутренних дел (МВД) было образовано Главное тюремное управление (ГТУ), ведавшее всей пенитенциарной системой империи, в том числе и ссылкой. 13 мая 1880 года было утверждено положение «О штатах управления каторжными тюрьмами на о-ве Сахалине». Оно предусматривало строительство трех новых тюрем: Александровской, Тымовской и Корсаковской.

Заселение Дальнего Востока породило ряд проектов по его административному устройству. Наконец в 1884 году правительство провело реформу управления краем, образовав Приамурское генерал-губернаторство с центром в городе Хабаровске. В него вошли Амурская, Забайкальская, Приморская области и остров Сахалин, имевший несколько особенный статус.

По «Положению об управлении о. Сахалином» от 15 мая 1884 года главное руководство всеми сахалинскими делами принадлежало генерал-губернатору, а местное вверялось начальнику острова, назначаемому из военных генералов. При нем имелась канцелярия и небольшой штат чиновников: заведующий медицинской частью, инспектор сельского хозяйства, горный инженер, архитектор, землемер, переводчики и др. Начальник острова (с 1894 года – военный губернатор), резиденция которого находилась в посту Александровском, обладал правами губернатора и иных губернских учреждений, установленных для Европейской России. На него же возлагались обязанности политического надзора за частными лицами, с правом их высылки «в случае замеченного вредного влияния на каторжных и ссыльнопоселенцев».

Остров делился на три округа: Александровский, Тымовский и Корсаковский. Округ соответствовал уезду. В ведении начальников округов и окружных полицейских управлений находились поселения и тюрьмы.

В декабре 1895 года с передачей ГТУ Министерству юстиции Сахалин оказался в двойном подчинении: МВД – по вопросам развития промышленности, транспорта, устройства свободного населения и Министерству юстиции – по делам ссылки. Это положение сохранялось до официальной отмены каторги в 1906 году.

В рассматриваемый период администрацию Сахалина возглавляли генералы Андрей Иванович Гинце (1884-1888 гг.), Владимир Осипович Кононович (1888-1893 гг.), Владимир Дмитриевич Мерказин (1893-1898 гг.) и Михаил Николаевич Ляпунов (1898-1905 гг.) Каждый из них оставил заметный след в истории Сахалина. Несмотря на различие личных и деловых качеств, все они являлись проводниками официальной политики правительства.

13.3.3. Заселение и создание русских населенных пунктов

Сначала каторга не оказывала заметного влияния на заселение острова. С 1868 по 1878 гг. ссыльные основали всего два селения: Мало-Александровку (1869 год) и Ново-Михайловку (1872 год). Это объяснялось трудностями доставки ссыльных, которые шли этапами из Сибири полтора-два года. Поэтому в МВД возникла идея отправлять каторжников на Сахалин кругосветным морским путем. По соглашению с ГТУ их доставку взяло на себя Общество Добровольного флота. Первый рейс, или как тогда говорили – «сплав», на Дальний Восток сделал пароход «Нижний Новгород». Он вышел из Одессы 7 июня 1879 года, имея на борту 600 каторжан и казенные грузы для тюремного ведомства.

В дальнейшем «добровольцы» доставляли будущих сахалинских колонистов регулярно – весной и осенью. На линии Одесса – Сахалин курсировали пароходы «Нижний Новгород», «Кострома», «Петербург», «Владивосток». В 1893 году в Англии построили пароход «Ярославль», специально оборудованный для перевозки крупных партий заключенных. Это была настоящая плавучая тюрьма, приспособленная для кругосветных морских переходов.

24 января 1880 года начальник ГТУ М.Н. Галкин-Враской издал распоряжение, запрещающее перевод на материк лиц, окончивших срок каторжных работ. Ссылка на Сахалин практически становилась безвозвратной. Каторжане, отбыв наказание в тюрьме, переходили в категорию ссыльнопоселенцев. Они-то и составляли основной «колониционный элемент» заселения острова.

Выход каторжан на поселение в 80-90-х гг. XIX века составлял около 800 человек в год, и селения на Сахалине стали появляться одно за другим. Так, если за двенадцать лет (1874-1885 гг.) было основано 21 селение, то за последующий аналогичный период (1886-1897 гг.) – ровно 100 селений. К 1898 году на острове было более 130 русских селений, в том числе в Александровском округе – 37, Тымовском – 28, Корсаковском – 68 селений. После этого «увлечение колонизацией» закончилось, и новые селения почти не появлялись.

Жизнь в сахалинских поселениях, возникавших среди нехоженой тайги, во многом зависела от путей сообщения и связи. В 1881 году телеграфный кабель соединил Дуэ с материком. Через три года линию телеграфа провели от поста Александровского до селения Рыковского, а к 1892 году – до поста Корсаков. Но в целом сообщения внутри острова были развиты плохо. К 1900 году лишь 80 из более 130 селений соединялись проезжими дорогами протяженностью около 600 верст. Без нормального сообщения, кроме узких лесных просек, оставались 52 селения, отрезанных от цивилизованных мест большую часть года. Отсутствие дорог тормозило заселение Сахалина и ставило администрацию в безвыходное положение по снабжению строящихся селений.

По данным Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года на Сахалине проживало 28,1 тысячи человек, в том числе в Александровском округе – 11,1 тысячи, Тымовском – 8,4 тысячи, Корсаковском – 8,6 тысячи человек. Влияние каторги отразилось на демографических характеристиках населения, 72,8 % которого составляли мужчины и только 27,2 % – женщины, что неблагоприятно сказывалось на «приживаемости» населения и его бытовом укладе.

По национальному признаку население Сахалина было представлено почти всеми народами империи. Большинство составляли русские – 56,3 %, затем украинцы – 8,4 %, поляки – 5,8 % и т.д. Всего на острове проживали представители 20 национальностей. Около 15 % населения составляли коренные малочисленные народности: нивхи – 7,1 %, айны – 5,1 %, уйльта – 2,5 %.

В начале XX века население Сахалина превысило 40 тысяч человек. При этом доля ссыльных уменьшилась и выросло число свободных крестьян и мещан из ссыльных, которыми становились бывшие каторжники. В 1904 году пришлось закрыть тюрьмы в Дуэ и Онорах. Каторга как средство освоения острова явно себя изжила, и правительство готовилось ее упразднить. 18 августа 1904 года наместник на Дальнем Востоке адмирал Е.И. Алексеев поручил Приамурскому генерал-губернатору подготовить вопрос об открытии Сахалина «для вольной колонизации». Разработку

мероприятий по отмене каторги поручили губернатору Сахалина М.Н. Ляпунову с участием представителей министерств юстиции, внутренних дел, финансов и т.д. Однако события русско-японской войны опередили планы бюрократической машины царизма – летом 1905 года японская армия оккупировала Сахалин.

13.3.4. Экономическое освоение Сахалина в период каторги

Хозяйственное освоение Сахалина неразрывно связано с процессом становления капиталистических отношений в России.

Угольная промышленность – старейшая отрасль экономики острова, зародившаяся в 50-е годы XIX века. Почти полвека Сахалин являлся основным угледобывающим районом российского Дальнего Востока. Главными потребителями сахалинского угля были порты Владивосток и Николаевск, военный и торговый флот.

Одним из первых сахалинских углепромышленников был купец Андрей Степанович Буоров. Его имя мы встречаем среди участников Амурской экспедиции Г.И. Невельского. В 1860 году он приступил к добыче угля на реке Сортунай, близ нынешнего Лесогорска (Углегорский район). Хорошие качества сахалинского угля привлекли внимание иностранного капитала. В этой же местности пытались организовать добычу ряд американских компаний. Наиболее крупные разработки в начале 1870-х годов вела фирма «Олифант и К», на шахтах которой работало более сотни рабочих.

Поскольку «сахалинский вопрос» еще не был окончательно решен, в 1872 году деятельность иностранных фирм на острове была запрещена. Горное дело почти полностью перешло к русскому частному капиталу. Основным местом угледобычи оставался Дуйский рудник, где общество «Сахалин» имело две шахты, на которых работало до 400 каторжников. Вырубка и подъем угля велись вручную. За смену каторжник добывал 10-15 пудов угля. Рудник обслуживало две тюрьмы – Дуйская и Воеводская и военная команда в 340 человек. Побывав в Дуэ, А.П. Чехов писал о тяжелейших условиях жизни и труда каторжан. Побег и иные нарушения жестоко преследовались. Набор наказания зависел от воли тюремного начальства: карцер, кандалная тюрьма, битье кнутом или розгами, приковывание к тачке на длительное время.

В начале XX века с Сахалина вывозилось 45-47 тысяч тонн угля, что составляло четверть его годового потребления в Приамурском крае. Развитие отрасли сдерживалось недостатком рабочей силы и отсутствием портов. Ввоз иностранных рабочих правительство не разрешало, компенсируя дефицит трудовых ресурсов расширением каторги.

Следующей по значению отраслью экономики Сахалина была добыча рыбы и морепродуктов. Во второй половине XIX века сложился сахалинский рыбодобывающий район, который активно втягивался в общероссийский рынок. Однако по сравнению с другими регионами Приамурского края доля его поставок на внутренний рынок была ниже. Причина этого – засилье японского капитала, вывозившего продукцию сахалинских морских промыслов в Японию.

Первым предпринимателем, рискнувшим преодолеть монополию японцев в рыбной промышленности Дальнего Востока, стал купец Яков Лазаревич Семенов. В 1878 году, начав добычу морской капусты на юго-западном побережье Сахалина, он успешно сбывал ее в Китай. В селении Маука (Холмск) разместилась главная факто-

рия фирмы «Семенов и К^о», на промыслах которой работало до 700 восточных рабочих – корейцев, китайцев, айнов. Морская капуста и ценные породы рыб – кета, горбуша, а также сельдь – были основной продукцией семеновских промыслов.

Интересы Я.Л. Семенова не ограничивались коммерцией. Он изучал акватории Сахалина и их биоресурсы. Общество изучения Амурского края опубликовало его работу «Промысел морской капусты в Японском море» (1885 год). Вскоре на Всероссийскую рыбопромышленную выставку в Петербурге он представил свой товар – морскую капусту и рыбопродукты. Экспертная комиссия, пораженная компетентностью и деловой хваткой «сахалинского гостя» присудила ему диплом и большую серебряную медаль. Продукция фирмы «Семенов и К^о» приобрела известность в России, о чем свидетельствовала золотая медаль Нижегородской выставки, полученная ею в 1896 году.

В 60-70-е гг. XIX века на Сахалине зародилась новая и очень важная отрасль экономики – сельское хозяйство. Создавая сельскохозяйственную колонию, правительство преследовало цель обеспечения поселенцев продовольствием и закрепления их для постоянного жительства на острове.

По переписи 1897 года, земледелием занималось 5,6 тысячи хозяйств, или 35,7 % сахалинских поселенцев. Средний земельный надел не превышал 1,5 десятин, на которых выращивались рожь, пшеница, овес, гречиха, картофель и овощи. Основными орудиями крестьянского труда были легкий плуг, соха, топор и мотыга. Наиболее успешно вели сельское хозяйство жители Тымовского округа, где наряду с земледелием развивалось животноводство.

Несмотря на огромные затраты в период каторги, прочной сельскохозяйственной базы на Сахалине не сложилось. Местные хозяйства давали только 30 % потребного количества зерна, и население почти полностью зависело от завоза продовольствия. Но, несмотря на это, опыт ведения сельского хозяйства в условиях Сахалина был очень важен для последующих поколений.

Таким образом, можно сказать, что включение острова в состав России стало поворотным пунктом его истории, положив начало промышленному освоению природных богатств. В целом это был прогрессивный процесс. Труд десятков тысяч ссыльных, крестьян, солдат, матросов, представителей интеллигенции стал материальной предпосылкой закрепления острова за Россией. Но Сахалин так и не стал российской «Австралией», то есть процветающей колонией могучей империи. Печален, прежде всего, итог заселения Сахалина посредством каторги. Объяснялось это не столько географическим положением и природно-климатическими условиями, сколько плохой организацией переселенческого дела и неблагоприятным влиянием внешнеполитических факторов.

13.4. Культурная и общественная жизнь Сахалина в конце XIX – начале XX вв.

13.4.1. Духовная жизнь населения Сахалина в период каторги

Распространение отечественной культуры на пространстве от Урала до Тихого океана – уникальное явление мировой истории, уходящее корнями в эпоху русских землепроходцев. Во второй половине XIX века очагами культуры и просвещения на Дальнем Востоке стали города Владивосток, Хабаровск, Благовещенск.

Каторжный Сахалин заметно отставал в культурном отношении от областей Приамурского края.

Ссылная колония наложила неизбежный отпечаток на все стороны жизни острова. Ее мрачная слава отразилась в судьбе нескольких поколений сахалинцев, сложивших о том времени горькие пословицы: «Кругом море, а посередине – горе»; «Вокруг вода, а посередине – беда».

И все-таки было бы неправильно воспринимать Сахалин той поры как сплошное «темное царство». Зачатки культурной жизни отмечались и здесь. Первая школа на острове появилась в 1875 году в посту Корсаковском (на год раньше, чем здесь появилась первая тюрьма). Ее учащимися были дети солдат и ссыльных, а учителями – офицеры местного гарнизона и священник Симеон Казанский.

Каторга – не лучшее место для воплощения идей гуманизма. Но и здесь находились люди, пытавшиеся облегчить участь ссыльных. Так, например, в 1888 году в посту Александровском состоялась постановка пьесы Н.В. Гоголя «Женитьба». Этот спектакль, организованный в благотворительных целях, долго потом вспоминали зрители и самодеятельные артисты. Деньги, вырученные от спектакля, распределили поровну на три школы: в Александровске, Дуэ и Рыковском, где обучались дети ссыльных.

В середине 90-х гг. XIX века на острове было 39 школ, из них 23 сельских (5 двухклассных и 18 одноклассных). Только около половины детей имели возможность постоянно посещать школу, но тем не менее уровень грамотности сахалинцев был выше, чем в других регионах империи. По переписи 1897 года, 26,8 % жителей Сахалина были грамотны, в то время как в Сибири грамотных было всего 11,5 %, а в Европейской России – 22,5 %.

Досуг поселенцев скрашивали вечерки, посиделки, да еще церковные праздники. Своеобразным народным театром были святочное ряжение, проводы Масленицы и другие традиции, уходящие в глубь веков. Иногда по праздничным дням в окружных центрах устраивались гулянья с качелями и балаганами кукольных театров, привлекавшие зрителей из всех слоев населения. Например, в конце 1890-х годов театральный балаган в селении Рыковском содержала лавочница Софья Блювштейн, более известная как «Сонька Золотая ручка».

Заметная роль в духовной жизни населения принадлежала Русской Православной церкви. В конце XIX века на Сахалине действовало полтора десятка православных церквей, которые содержались на средства тюремного ведомства. Богатством и пышностью сахалинские храмы не отличались, но были среди них и подлинные шедевры деревянного зодчества. Украшением поста Александровского считалась Покровская церковь, построенная в 1893 году по проекту выпускника Академии художеств И.А. Чарушина, впоследствии крупного архитектора. В селении Рыковском жителями был возведен великолепный храм в честь Казанской иконы Божьей матери. Звон церковных колоколов среди тайги дикого, малообитаемого острова был чем-то роднящим опостылевшую кандаальную действительность с далекой Россией.

В религиозном отношении многонациональное население каторжного населения Сахалина было неоднородно, и это учитывала местная администрация. В посту Александровском, наряду с православными приходами, беспрепятственно действовали молитвенные дома лютеран и католиков, а также мусульманская мечеть, построенная в 1890 году на средства магометан.

13.4.2. Научное изучение Сахалина

Вступление России в эпоху капитализма открыло новый этап изучения Дальнего Востока, в том числе и Сахалина. Главной задачей многочисленных экспедиций было выявление природных богатств края с целью их промышленной эксплуатации. Оно сопровождалось изучением его географии, климата, флоры и фауны, традиционной культуры и языка аборигенного населения, картографированием и поисками полезных ископаемых.

К этому времени в изучение Сахалина включается Академия наук и Русское географическое общество (РГО), в частности его Сибирский отдел, открывшийся в Иркутске в 1851 году. Четкого разделения наук еще не было, но труды дореволюционных ученых нельзя считать поверхностными. Им присущи исключительная добросовестность, широта обобщений и выводов.

Комплекс исследований в Приамурье и на Сахалине провела в 1854-1856 гг. экспедиция Академии наук во главе с Леопольдом Ивановичем Шренком. Дав подробное описание самобытной культуры аборигенных племен, он первый ввел в научный оборот понятие «палеоазиатских народов» как древнейшего населения Северо-Востока Азии. Метеорологические наблюдения Л.И. Шренка позволили ему сделать правильный вывод об особенностях сахалинского климата: континентального в центральных районах (Тынь-Поронайская низменность) и морского на юге острова.

На севере Сахалина находится полуостров Шмидта, названный так в честь академика Федора Богдановича Шмидта. В 1860-1861 гг., будучи молодым ученым, он руководил амуро-сахалинской экспедицией РГО. Ее участники выполнили большой объем географических и этнографических исследований, описали и нанесли на карту малоизученные районы острова. В 1867-1868 гг. здесь работал геолог Иннокентий Александрович Лопатин, открывший ряд месторождений каменного угля, перспективных для промышленной добычи. Его именем названа гора Лопатина – самая высокая точка Сахалина (1609,0 м).

В 1871 году для проверки каторжной колонии на Сахалин прибыла комиссия МВД. Один из ее участников – агроном Михаил Семенович Мицуль посетил все посты и селения, дав их описание и оценку колонизационных возможностей. Особенно полезными оказались его опыты по выращиванию зерновых и огородных культур. В 1873 году он издал книгу «Очерк острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении», которую А.П.Чехов назвал «длинной одой в честь сахалинского плодородия». Увлеченный идеей создания сельскохозяйственных ферм, М.С. Мицуль впоследствии служил на острове до 1883 года. Тяжкие условия жизни и болезнь преждевременно свели его в могилу. Похоронен он был в посту Александровском.

Освоение Сахалина зависело от развития судоходства. Это выдвинуло задачи детального изучения в его акватории. В 60-90-е гг. XIX века русские гидрографы составили подробные морские карты побережья Сахалина и омывающих его морей. Один из них – будущий известный флотоводец Степан Осипович Макаров. С 1886 по 1889 гг., командуя корветом «Витязь», он провел широкие океанологические исследования в Охотском и Японском морях, неоднократно посещал берега Сахалина. Музею Общества изучения Амурского края С. О. Макаров подарил собранные на Сахалине геологические и этнографические коллекции.

13.4.3. Научно-просветительская и общественная деятельность сахалинской интеллигенции

Немалый вклад в накопление знаний о нашем крае, развитие просвещения и культуры внесла местная интеллигенция – офицеры, чиновники, врачи, политические ссыльные.

Интересные сведения о языке и быте айнов собрал военный врач Михаил Михайлович Добротворский. Он же открыл в посту Корсаковском первую аптеку для аборигенов и русских поселенцев. Сам М.М. Добротворский на Сахалине тяжело заболел и скончался в 1874 году, а через год был издан его капитальный труд – «Айнско-русский словарь», не утративший своего значения по сей день.

Необычно начал путь в науку Лев Яковлевич Штернберг, сосланный на Сахалин за участие в народовольческой организации. Здесь бывший студент увлекся этнографией аборигенов. Одно из его открытий – описание древней формы семьи, сохранившейся у нивхов. Не менее крупные открытия, обогатившие мировую науку исследованиями родоплеменных отношений, фольклора и культуры сахалинских аборигенов, связаны с именем Бронислава Осиповича Пилсудского. Причастность к покушению на императора Александра III обернулась для него в 1887 году 15-летней ссылкой в каторжные работы. Почти двадцать лет отдал Б.О. Пилсудский изучению этнографии народов Дальнего Востока.

Ссылные революционеры оставили глубокий след в истории Сахалина. Они преподавали в местных школах, занимались просветительством и медициной.

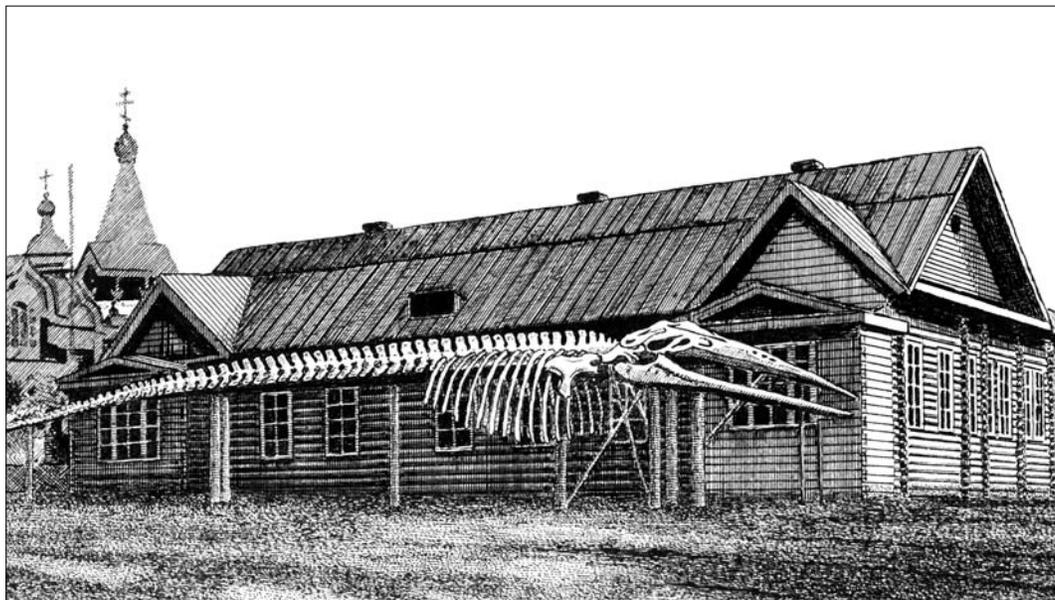


Рис. 43. Музей в посту Александровском

В декабре 1896 года в посту Александровском открылся музей. В числе его создателей и сотрудников были политические ссыльные Л.Я. Штернберг, Б.О. Пилсудский, Б.И. Еллинский, М.Н. Тригони, врачи Р.А. Погаевский, В.Я. Сцепенский, Н.С. Лобас, агроном А.А. Фрикен и другие представители местной интеллигенции. Музей имел широкие связи с научными обществами и музеями не только в России, но и за рубежом.

Кроме музея в посту Александровском была общественная библиотека, насчитывавшая более 2,5 тысячи книг. Библиотеки были и в других окружных центрах – посту Корсаковском и селении Рыковском, а также в местных воинских командах. В 1895 году жителями острова выписывалось 112 наименований газет и журналов.

С 1895 года началось издание сборников, известных как «Сахалинские календары». В них публиковались официальные документы администрации, а также очерки и научные статьи. Их авторами являлись чиновники, предприниматели и даже «государственные преступники».

13.4.4. Сахалинская каторга в творчестве русских писателей и публицистов

С созданием каторги росло внимание к Сахалину демократических кругов российского общества. Отражением этого стал ряд художественных и публицистических произведений, принадлежавших перу известных писателей. Их обращение к сахалинской тематике происходило различными путями.

Для автора знаменитых «Морских рассказов» К.М. Станюковича это связано с юностью, когда он в звании гардемарина участвовал в кругосветном плавании и служил на кораблях Сибирской флотилии в 1860-1863 гг. Сюжетной основой его рассказа «Ужасный день» послужил реальный исторический факт – крушение клипера «Гайдамак» на Дуйском рейде 28 августа 1861 года. Авторский вымысел коснулся лишь внешних деталей: названия корабля (в рассказе это клипер «Ястреб») и имен персонажей. В остальном – это документально точный пересказ происшедшего, свидетельствующий о мужестве русских моряков, их верности долгу.

Большое впечатление на российское общество произвел опубликованный в 1885 году рассказ В.Г. Короленко «Соколинец». Его герой – Василий, сибирский бродяга, бежавший некогда с сахалинской каторги. Вся его жизнь, тяжелая и порой беспросветная, наполнена тягой к свободе и обретению человеческого достоинства. Таких, как Василий, было немало, и каторжная молва слагала о них легенды. О таких, как он, пели в народной песне:

Глухой, неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной,
Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой.
Шумит, бушует непогода,
Далек, далек бродяги путь.
Укрой, тайга, его глухая,
Бродяга хочет отдохнуть...

В 1890 году Сахалин посетил А.П. Чехов. Итогом его путешествия явилась книга «Остров Сахалин (Из путевых записок)». Обычно ее называют энциклопедией сахалинской жизни. Так много в ней фактов, имен, событий. Работая над книгой, Антон Павлович проявил себя не только как выдающийся писатель-гуманист, но и ученый с широчайшим кругозором. Он исходил и изъездил по острову сотни верст, посетил большинство селений и сделал перепись их жителей. Многим писателю оказывал медицинскую помощь.

На страницах книги предстает целый мир судеб, страстей и «невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный». Основной вывод, к которому пришел А.П. Чехов, – экономическая невыгодность и бессмысленность существования каторги на Сахалине, с одной стороны, и с дру-

гой – то большое значение, которое может иметь остров для России в исторической перспективе.

Спустя семь лет после Чехова на острове побывал известный журналист В.М. Дорошевич. Его особенно интересовали «знаменитые преступники», и описанию их историй он посвятил немало места в своей книге «Сахалин. Каторга». В.М. Дорошевича называли «королем фельетонистов». Реалистические картины жизни каторги, воспроизведенные его блестящим талантом, не просто потрясли общество, но и вызвали резкие нападки со стороны правительственной цензуры.

Роль отечественной литературы для исторических судеб Сахалина огромна. Благодаря литераторам и публицистам в стране распространялись настроения протеста против произвола властей, бесправного положения каторжан и ссыльных, против самой идеи принудительной колонизации, тормозившей нормальное развитие не только Сахалина, но и всей Сибири.

13.4.5. Театральная жизнь Сахалина

Власу Михайловичу Дорошевичу мы обязаны интересными заметками о сахалинском каторжном театре, в котором наряду с актерами-любителями играли и бывшие профессионалы сцены, попавшие на остров не по своей воле. Весной 1897 года В.М. Дорошевич явно удивился, увидев в посту Корсаковском на всех столбах и углах расклеенные афиши, извещавшие, что «в театре Лаврова, с дозволения начальства, в неделю св. Пасхи даются утренние и вечерние спектакли». Театр представлял собой маленький, кое-как сколоченный балаганчик, принадлежавший местному булочнику Лаврову, явно прогоравшему на своем начинании. Таким увидел В.М. Дорошевич этот удивительный «каторжный театр», поражавший свежего человека буквально всем своим антуражем.

Традиционный «Петрушка» везде и всюду на Руси – лукавый плут и проказник, попав на каторгу, «осахалинился». Здесь он еще и отцеубийца. Бродяга Федоров, служивший когда-то при театре парикмахером, на мотив из «Боккачио» исполнил куплеты на местные «злобы дня». Другой артист, такой же каторжник, по фамилии Сольский, сидевший еще вчера в «кандалной», читает «Записки сумасшедшего». И тут, как пишет В.М. Дорошевич, происходит чудо, тронувшее даже зачерствевшие души бритоголовых зрителей:

«С этой «каторжной сцены» пахнуло настоящим искусством. Этот бродяга, видимо, когда-то любил искусство, интересовался им, от его игры веет не только талантом, но и знанием сцены, – он видал хороших исполнителей и удачно подражает им».

Затем следует небольшая импровизированная сценка под названием «Седина в бороду, а бес – в ребро». Это живая, меткая, полная юмора и горькой правды картинка из поселенческого быта. И, наконец, «гвоздь» программы – пьеса «Беглый каторжник». Это чисто сахалинская драматургия, рожденная тюрьмой. На сцене нет ничего бутафорского: каторжники, кандалы, халаты – все как в жизни. Зрителям нравится все. И удачное бегство, и то, что беглый каторжник находит себе счастье, и то, что «порядочные люди» говорят с ним вежливо «на вы», как с человеком, и то, что их не отталкивает от падшего даже совершенное им тягчайшее преступление. Адский, невероятный хохот и шквалы восторга сопровождают многие реплики. Это излюбленная пьеса каторги, ее детище, ее греза.

Гастролировавшие по Приамурью в те годы театральные труппы каторжный остров мало привлекал, главным образом из-за плохих сборов, чрезвычайно высоких расходов на дорогу и дороговизны жизни. Антрепренер В.В. Тальзати, объездивший в 1894-1896 гг. почти весь Дальний Восток с «Товариществом драматических и оперных артистов», в своих заметках писал:

«На Сахалине много служащих, рады всякому артисту, все сделают, что смогут, – но ехать туда в состоянии лишь турист, путешествующий для своего удовольствия».

Для сахалинцев же каждые гастроли профессиональных артистов становились крупным событием. В сентябре 1901 года петербургская газета «Новое время» под заголовком «Нам пишут с Сахалина» опубликовала интересную заметку:

«В конце июня к нам, заброшенным судьбой на суровый остров, неожиданно приехало товарищество артистов под управлением г-жи Северской-Сигулиной. Товарищество дало несколько спектаклей, доставив сахалинцам давно не испытанное ими удовольствие. Особого зала для спектаклей не было, и поэтому пришлось воспользоваться для них канцелярией губернатора. Спектакли делали все время полный сбор. Были поставлены: комедия «В бегах», несколько водевилей и, между прочим, драматический этюд «Без имени», принадлежащий перу самой г-жи Северской. Труппа была, конечно, маленькая, и пришлось привлечь любителей и любителей. Тем не менее представления прошли очень гладко, а публика была крайне благодарна за редкое развлечение».

В начале XX века А.М. Северская-Сигулина была известна на Дальнем Востоке как актриса, антрепренер и драматург. Зимние сезоны она обычно проводила в Благовещенске, а летом разъезжала со своей труппой по всему Приамурскому краю. Во время русско-японской войны эта энергичная дама выезжала с труппой на фронт и даже удостоилась военных наград.

В ходе освоения Россией Дальнего Востока шел процесс взаимопроникновения и взаимообогащения славянской культуры и в корне отличной от нее, очень своеобразной и древней, культуры аборигенов Северо-Восточной Азии. Это позволяет говорить о том, что уже в XIX веке стало складываться особое дальневосточное поликультурное пространство, базирующееся на русской национальной культуре.

13.5. Сахалин и Курильские острова в русско-японской войне 1904-1905 гг.

13.5.1. Сахалин накануне войны

В начале XX века соперничество России и Японии за влияние в Северо-Восточном Китае и Корее привело к обострению международной обстановки на Дальнем Востоке. В ночь на 27 января (9 февраля) 1904 года японские миноносцы внезапно атаковали корабли русской эскадры на внешнем рейде Порт-Артура. Началась русско-японская война, открывшая счет крупным международным конфликтам и войнам XX столетия.

Главной ареной сражений стали Маньчжурия и Ляодунский полуостров, где японские войска осадили крепость Порт-Артур. В довоенных планах командования военных и морских сил России территория Приморья, Сахалин и Камчатка рассматривались как второстепенный театр военных действий. Отчасти поэтому к началу XX века Сахалин оказался без надежного прикрытия армии. Четыре местные воинские команды – Дуйская, Александровская, Тымовская и Корсаковская, численностью около полутора тысяч человек, – предназначались только для конвоирования ссыльнокаторжных и несения караульной службы.

В 1903 году, после посещения Сахалина военным министром А.Н. Куропаткиным, был разработан план обороны острова. Он предусматривал возведение укреплений близ поста Корсаковского, строительство госпиталя в селении Владимировка, а также подготовку к обороне постов Найбучи и Тихменевского. Но проект этот так и остался в основном на бумаге.

28 января 1904 года на острове были объявлены мобилизация и формирование вольных дружин. Для ссыльнокаторжных и поселенцев, вступавших в дружины, устанавливались льготы и сокращались сроки наказания. Для них даже ввели специальную форму: серый бушлат, шаровары и шапка с высокой тульей, верх которой крестообразно обшивался красной тесьмой. Вместо кокарды шапку украшал ополченческий крест. Снаряжение дружинника включало вещевой мешок, лопату или топор, устаревшую винтовку системы Бердана с патронташем.

Ввиду слабости войск общий замысел обороны заключался в том, чтобы, избегая решительных столкновений с противником на побережье, отступать с боями в глубь острова и вести партизанские действия. Общее руководство обороной Сахалина осуществлял военный губернатор генерал-лейтенант М.Н. Ляпунов. Прослужив долгое время по Министерству юстиции, он не имел практического военного опыта, к тому же управление войсками и дружинами затрудняло отсутствие дорог и надежной связи между постом Александровским и южной частью острова.

13.5.2. Курилы – плацдарм японского вторжения на Камчатку

Базой для первого в истории японского вторжения на российские земли стали Курильские острова. Еще в 90-е годы XIX века отставной офицер флота Гундзи Сагэтада создал Патриотическое общество, целью которого было освоение северных Курил, и основал на острове Шумшу небольшое поселение. Японские колонисты занимались рыболовством и добычей морского зверя.

Узнав о войне с Россией, лейтенант Гундзи, жаждущий самурайских подвигов, решил напасть на русское побережье. Сформировав отряд добровольцев, он 6 (19) мая 1904 года на свой страх и риск высадился на юго-западном берегу Камчатки близ села Явино и захватил его. Но торжество пришельцев оказалось недолгим.

На борьбу с захватчиками выступили местные жители – казаки, крестьяне и бывалые камчатские охотники. Их возглавлял начальник Петропавловского округа А.П. Сильницкий, смелый и деятельный человек. 16 (29) июля он внезапно атаковал японский лагерь. Большинство незваных гостей в панике бежало на Шумшу, а несколько участников этой авантюры, в том числе и сам лейтенант Гундзи, попали в плен.

13.5.3. Подвиг крейсера «Новик»

Сахалинцы с тревогой следили за газетными публикациями и телеграфными сообщениями «с кровавых маньчжурских полей». Скоро эхо боев у стен Порт-Артура докатилось до острова. 7 августа 1904 года на рейде поста Корсаковского неожиданно появился военный корабль. Оказалось, что это крейсер «Новик» из состава порт-артурской эскадры. Его моряки принесли страшную весть – пытаясь прорваться во Владивосток, почти вся порт-артурская эскадра погибла. В бою был убит и командующий эскадрой адмирал В.К. Витгефт.

Легкий крейсер «Новик» был одним из лучших кораблей своего времени. Великолепно обученный и сплоченный в жарких баталиях экипаж возглавлял капитан 2-го ранга Михаил Федорович Шульц. Он смог оторваться от преследования и, обогнув Японию с океанской стороны, пришел к родным берегам. Паровые котлы «Новика», еще недавно самого быстроходного крейсера российского флота, были изношены до предела, а угольные ямы пусты.

Закипела работа. Солдаты и жители поста дружно взялись помогать команде, жадно расспрашивая моряков о событиях в Порт-Артуре. Погрузка угля завершилась, когда радиотелеграф крейсера перехватил в эфире сигналы японцев. Стало ясно, что не менее двух кораблей противника ищут русский крейсер. Срочно выбрав якоря, «Новик» вышел в море и вечером того же дня в проливе Лаперуза вступил в неравную схватку с тяжелым японским крейсером «Цусима».

Артиллерийская дуэль была короткой и жестокой. На борту «Цусимы» вспыхнул пожар, и с мощными повреждениями он ретировался с поля боя. Его место занял крейсер «Читозе». На «Новике» тоже считали потери и пробоины. С поврежденным рулевым управлением пробиваться дальше было невозможно, и М.Ф. Шульц повел израненный крейсер на Корсаковский рейд.

Чтобы избежать пленения корабля и экипажа, командир принял последнее и самое тяжкое для моряка решение – затопить свой корабль. В бою двое моряков из команды «Новика» были убиты и четырнадцать ранены, некоторые – тяжело. Большинство раненых отправили во Владимировку. Погибших и умерших от ран с почестями похоронили в посту Корсаковском.

Корабль жив, пока существует его экипаж, и героическая эпопея «Новика» на этом не завершилась. Снятыми с крейсера орудиями укрепили оборону поста Корсаковского. При них осталась команда артиллеристов во главе с мичманом А.П. Максимовым. Менее чем через год они приняли здесь свой последний бой, отражая превосходящие силы японского десанта.

Остальные 270 членов экипажа «Новика» выступили в поход через весь Сахалин. В селениях моряков встречали хлебом-солью и чествовали как настоящих героев. Через 45 суток, испытав немало приключений в сахалинской тайге, но не потеряв ни одного человека, экипаж «Новика» прибыл в пост Александровский, а затем через Николаевск и Хабаровск – во Владивосток.

Память о русских моряках, повторивших у берегов Сахалина подвиг легендарного крейсера «Варяг», увековечена в названии поселка Новиково Корсаковского района.

13.5.4. Боевые действия на Сахалине в 1905 году

С падением Порт-Артура и поражением русского флота при Цусиме, пробил час Сахалина. Для его захвата на Хоккайдо была сформирована 13-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта К. Харагучи, насчитывавшая более 14 тысяч штыков, 36 орудий и 12 пулеметов. Для высадки десанта предназначалась эскадра вице-адмирала Катаока – 20 транспортов, 2 броненосца, 7 крейсеров, 4 канонерки и несколько миноносцев, всего 53 вымпела. 24 июня 1905 года эта армада обрушилась на Сахалин.

Сохранились архивные документы, свидетельствующие, что еще за месяц до этого русское командование располагало точными данными о планах противни-

ка. Эти сведения смогли добыть русские разведчики, тайно работавшие в Китае и Корее. К сожалению, их информация не получила должной оценки. К отражению нападения Сахалин оказался почти не готов.

На юге Сахалина русские силы под командованием полковника И.А. Арцишевского были разделены на пять партизанских отрядов общей численностью 1200 человек при 10 орудиях и 4 пулеметах. Получив донесение конной разведки о высадке японского десанта у селения Мерея³, И.А. Арцишевский приказал поджечь пост Корсаковский и отходить на позиции у селения Соловьевка.

Появившиеся с моря японские миноносцы артиллеристы «Новика» встретили метким огнем. Расстреляв все снаряды, моряки взорвали орудия и присоединились к основным силам.

Отступая, партизаны вступали в стычки с противником у селений Соловьевка, Хомутовка и Большая Елань. 27 июня отряд Арцишевского, заняв позицию у села Дальнее, выставил заслоны у селений Владимировка, Ближнее и Троицкое. После перестрелки у Большой Елани дружинники опять отступили, заманивая за собой японцев. У околицы Владимировки их ожидала засада. Японцы рассчитывали с ходу ворваться в село, но попали под плотный прицельный огонь винтовок и пулемета. Бой разгорелся у моста через речку Рогатку (ныне центральная часть города Южно-Сахалинска). В тот же день в селении Ближнем (ныне западная часть улицы Сахалинской) дружинники штабс-капитана Карепина отбили еще одну атаку японцев, задержав их наступление.

Бои в окрестностях сел Владимировка и Дальнее продолжались 28-29 июня. Потеряв убитыми и ранеными до полутора сотен человек, отряд И.А. Арцишевского попытался уйти в горы. Среди погибших были крестьяне из Владимировки, вышедшие защищать родное село. Потери японцев составили 4 офицера и 70 нижних чинов.

У села Дальнее японцам удалось окружить отряд полковника И.А. Арцишевского, и 3 июля он сдался в плен. После этого японское командование получило возможность атаковать Северный Сахалин, направив туда эскадру и большую часть своих войск.

На рассвете 11 июля 1905 года около 40 японских кораблей при мощной поддержке артиллерии высадили десант у поста Александровского. На севере острова русские силы были более многочисленны. На базе регулярных войск и дружин здесь было сформировано четыре крупных отряда общей численностью около 5400 человек. Три из них занимали оборону по побережью в постах Дуэ, Александровский и у селения Арково, а четвертый находился в Тымовской долине. Однако численность японских войск была по крайней мере вдвое больше.

Уже к исходу первого дня возникла опасность расчленения русских сил, оборонявших побережье. Поэтому генерал М.Н. Ляпунов решил отойти в глубь острова, взрывая мосты, устраивая заслоны и засады на пути противника. В боях на Камышовом перевале, у селений Рыковское и Дербинское русские войска, понесли большие потери и продолжали отступать. Их боевой дух падал, начиналась паника. Дружинники из бывших каторжников бросали оружие и разбежались.

³ Селение Мерея находилось в 15 км южнее поста Корсаковского.

Боевые действия на Северном Сахалине велись восемь дней. 19 июля у села Онор главные силы русских войск под командованием генерал-лейтенанта М.Н. Ляпунова сложили оружие и капитулировали. И хотя японские войска оккупировали фактически весь остров, сопротивление захватчикам продолжалось.

Неравные бои в окружении вели отдельные партизанские отряды, не желавшие сдаваться на милость победителей. На южном берегу озера Тунайча занимал оборону небольшой отряд под командованием штабс-капитана Бронислава Владиславовича Гротто-Слепиковского. Только 20 июля японцы смогли его обнаружить и двинули на его уничтожение около 400 солдат. Весь день шел жаркий бой, и японцы отступили. 28 июля крейсер «Адзума» подошел к протоке, соединяющей Тунайчу с Охотским морем, и спустил два паровых катера с 4 орудиями на каждом. Несколько сот японских солдат окружили лагерь. Много часов продолжался обстрел позиций партизан, но они не сдавались. Одним из снарядов был убит Б.В. Гротто-Слепиковский. Маленький отряд, сковав крупные силы противника, полностью выполнил свой долг. После окончания боев и заключения мира никто из этой дружины не вернулся.

Совершив тяжелейший переход, с боями смогли пробиться на материк отряды капитанов В.П. Быкова, Б.А. Стерлигова и другие. Спустя много лет память о защитниках Сахалина в русско-японскую войну была увековечена в географических названиях. В честь капитана Василия Петровича Быкова назван рабочий поселок в Долинском районе. В Холмском районе есть мыс Слепиковского, названный так в честь доблестного офицера, похороненного со своими дружинниками в братской могиле на живописном берегу озера Тунайча.

13.5.5. Портсмутский мирный договор

На Сахалине еще сражались партизанские отряды, а правительства Японии и России уже приступили к мирным переговорам. Местом их проведения стал город Портсмут в США.

Обе воюющие державы устали от войны, измотавшей до предела их материальные, финансовые и моральные ресурсы. В России полыхала революция, подстегнутая поражениями на Дальнем Востоке и страшными событиями «кровавого воскресенья» 9 января 1905 года. Положение Японии, несмотря на военные успехи, было немногим легче. Падал боевой дух армии. Страну охватывали антивоенные настроения. В какой-то мере их выразила известная поэтесса Есано Акико в стихотворении «Не отдавай, любимый, жизнь свою!». Оно посвящалось брату, воевавшему в Маньчжурии:

Нет, не родители твои вложили
Меч в руку сына, чтоб разить людей!
Не для того они тебя растили,
Чтоб дать наказ: погибни, но убей!

Русскую делегацию на переговорах, проходивших очень напряженно, возглавлял председатель Комитета министров Сергей Юльевич Витте. Хотя наиболее амбициозные требования японцев, например о контрибуции, ему удалось отклонить, но в конечном итоге все-таки пришлось пойти на серьезные уступки. 23 августа (5 сентября) 1905 года Россия и Япония заключили мирный договор. Россия признала Корею сферой японского влияния и уступила ей свои арендные права на

Ляодунский полуостров с городами Порт-Артур и Дальний. К Японии отходила также часть острова Сахалина к югу от 50-й параллели.

Это означало крутой поворот в судьбе десятков тысяч сахалинцев. Одни охотно покидали каторжный остров, другие с болью оставляли обжитые места, родные могилы, многолетним трудом нажитое добро и возделанные пашни. И хотя, по выражению С. Ю. Витте, война закончилась «благоприятным миром», это не могло заслонить в сознании общества факт тяжелейшего военного поражения, понесенного Россией.

В последующие сорок лет исторические пути развития южной и северной частей острова далеко разошлись, чтобы вновь объединиться в пламени боев на завершающем этапе второй мировой войны.



Рис. 44. Граница между Российской империей и Японией по Портсмутскому мирному договору. 1905 год

Часть четвертая. САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В XX – НАЧАЛЕ XXI СТОЛЕТИЯ

Глава 14

СЕВЕРНЫЙ САХАЛИН МЕЖДУ ПОРТСМУТСКИМ МИРОМ И СОВЕТСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНОЙ (1905-1945 ГОДЫ)

14.1. Северный Сахалин после отмены каторги. 1906-1917 гг.

14.1.1. Упразднение сахалинской каторги

Русско-японская война и Портсмутский мирный договор стали еще одним важным рубежом в истории Сахалина. После 1905 года жизнь северной и южной частей острова в течение сорока лет шла совершенно разными путями. Динамичное развитие экономики и колонизационных процессов на Южном Сахалине были резким контрастом тому, что происходило на Северном Сахалине, сотрясавшемся от социальных катаклизмов, охвативших в эти годы Россию.

Пока шли переговоры в Портсмуте, Япония стремилась как можно скорее утвердиться на Сахалине. Гражданское население японские власти спешно постарались «эвакуировать» на материк через Де-Кастри и Николаевск. Небольшую часть сахалинцев, главным образом чиновников, пароходами вывезли в Одессу.

В октябре 1905 года каторжники, воспользовавшись отсутствием охраны и властей, учинили беспорядки в посту Александровском, подожгли тюрьму и здание окружного полицейского управления. Чиновники генерал-губернаторства прилагали отчаянные усилия для рассредоточения «опасного сахалинского элемента» в Приморской и Амурской областях. Крестьян из ссыльных отправляли в Западную Сибирь. Из небольшого количества оставшихся к 1905 году каторжан около 500 человек отправили в Забайкалье на Нерчинскую каторгу.

Переход к нормальной жизни на Северном Сахалине шел медленно. Обезлюдели селения, а некоторые из них и вовсе были заброшены. Так, в Александровском округе из 37 осталось только 14 селений, а в Тымовском – 23 селения из 28. Замерла добыча угля на шахтах. Проложенные каторжным трудом дороги разрушались, зарастая лесом и покрываясь оврагами. До Сахалина у правительства руки не доходили. Потрясенная военным поражением, Россия оказалась ввергнутой в водоворот революционных событий 1905-1907 годов. Казалось, что остров, с его богатейшими природными ресурсами, забыт правящими кругами империи.

Осенью 1905 года на остров прибыл новый военный губернатор – полковник Генерального штаба Аркадий Михайлович Валуев, имевший немалый административный опыт. К этому времени на Северном Сахалине насчитывалось 5,5 тысячи

русских жителей и около 2 тысяч аборигенов. «Такое бегство объясняется паническим страхом, наведенным минувшей войной, упорно держащимся в населении слухом о новой грядущей войне и вечной мечтой населения о материке как о земле обетованной», – писал в своем первом отчете А.М. Валуев.

Тюрьмы и каторжные работы перестали существовать. Жители «свободного состояния» составляли 79 % населения, ссыльнопоселенцы – 20 % и только 1 % – каторжные. В конце концов законом от 10 апреля 1906 года каторга на Сахалине была официально отменена.

14.1.2. Начало свободного заселения и административное переустройство Северного Сахалина

Заселение русской части Сахалина было главной проблемой дальнейшего развития острова. При этом упор по-прежнему делался на сельскохозяйственную колонизацию. В апреле 1907 года, при рассмотрении этого вопроса в Совете министров было отмечено, что данные, имеющиеся о Сахалине, «не дают возможности ныне же придти к какому-либо определенному заключению о степени пригодности этого острова к земледельческой культуре». Только 13 марта 1908 года император Николай II утвердил положение Совета министров об открытии Сахалина для свободного заселения.

В стране шла аграрная реформа, начатая выдающимся государственным деятелем России Петром Аркадьевичем Столыпиным. Особая роль в ее осуществлении отводилась «переселенчеству». Благодаря свободному выходу из общины и праву легально продать земельный надел, расширились масштабы переселения сельской бедноты из европейских губерний в восточные регионы. С 1906 по 1916 гг. в Сибирь, Среднюю Азию и другие окраины империи переселилось 3,079 миллиона человек. Но Северный Сахалин оставался в стороне от этих процессов.

Наследие каторги мешало заселению и развитию экономики. С 1906 по 1908 гг. население острова увеличилось лишь на 359 человек и составляло около 8 тысяч жителей. Во «Всеподданнейшем отчете» за 1908 год А.М. Валуев с огорчением отмечал:

«Закон о вольном (неорганизованном) заселении Сахалина на практике оказался почти неприменим. Переселенцы неохотно едут на Сахалин по своему почину, за отдаленностью острова, в силу дурной его славы, отсутствия предприимчивости и т.п. За год переселилось всего 10 семейств, часть которых сахалинские же ссыльные».

Очередной отчет сахалинского губернатора заканчивался красноречивым обращением:

«Ваше Императорское Величество! Презрите заброшенную на край света область в ее вопиющих нуждах: 1) Дайте жизнь обильной естественными богатствами области, в видах развития разработки их и поднятия промышленности, привлечением в область всего до 500 семейств переселенцев. 2) Окажите помощь устройством на первое время, хотя бы пристани, обеспечивающей беспрепятственную нагрузку и выгрузку».

Проектов улучшения жизни сахалинцев хватало в избытке, но «за неимением средств» все они, как правило, тонули в бюрократическом море бумаг. Один из таких проектов возник в 1907 году. Его суть сводилась к тому, чтобы образовать в составе Приамурского края Охотскую область, куда Северный Сахалин вошел был под названием Невельского уезда, а центром области сделать город Невельской, пе-

реименовав пост Александровский. Авторы проекта мотивировали это необходимостью заменить «страшное в народном сознании инородческое имя «Сахалин».

Проект правительство отклонило, но необходимость реорганизации системы управления островом была очевидной. 17 июня 1909 года был принят закон «Об административном переустройстве Приморской области и острова Сахалина». Была образована Сахалинская область Приамурского края, состоящая из двух участков: Александровского и Тымовского. Управлял областью не военный, а гражданский губернатор. С 1911 по 1916 гг. эту должность занимал действительный статский советник Дмитрий Дмитриевич Григорьев.

В феврале 1914 года границы Сахалинской области расширились за счет территории Нижнего Амура, включавшей Удский уезд с городом Николаевском.

14.1.3. Социально-экономическое развитие Северного Сахалина в предреволюционный период

Главным фактором некоторого оживления экономической жизни Северного Сахалина в предреволюционные годы стали не усилия правительства, а проявление деловой активности российских предпринимателей, рискнувших вкладывать свой капитал в освоение природных ресурсов острова. Прежде всего это касалось развития рыбной промышленности и в меньшей мере – разведки и добычи полезных ископаемых: угля, нефти, золота и т.п.

Наследие каторги тормозило развитие сельского хозяйства и промышленности. Даже спустя три года после ее отмены, в 1909 году А.М. Валуев писал:

«Ссылное население не устроено ни в правовом, ни в земельном отношении. Оно не имеет ни прав сельских обывателей, ни земельных наделов. Устройство старожилов необходимо произвести теперь же, во избежание столкновений с переселенцами. Надо признать за старожилами право на те именно участки, которые находятся в фактическом их пользовании, и дать права сельских обывателей на время проживания их в области».

Вопрос об устройстве на Сахалине сельских обществ «решался» с 1892 года. Наконец 10 апреля 1910 года был принят закон о предоставлении крестьянских прав бывшим ссыльнопоселенцам и участию их в сельском самоуправлении. Они получили право заниматься свободным предпринимательством и передвигаться в пределах острова, но если они выезжали на материк, то эти права теряли силу. Лишь в феврале 1913 года сахалинские старожилы были полностью уравнены в правах с остальными подданными Российской империи.

Постепенно отстраивались разоренные войной селения и возникали новые. Главным районом размещения переселенцев стало прежде пустынное северо-западное побережье Сахалина, прилегающее к лиману Амура. В 1909-1910 годах здесь появились селения рыбаков-переселенцев: Рыбное, Астрахановка, Валуево, Верещагино, Лангры, Невельское, Успенка. В 1911-1915 гг. были основаны селения Дмитрие-Григорьевское, Луполово, Наумовка, Суворовка. К 1913 году на Северном Сахалине проживало 10,4 тысячи человек, в том числе 2,3 тысячи человек – народности Севера и 869 иностранцев.

В целом переселение на остров шло медленно. Для этого имелись объективные причины: суровый климат, сложности доставки переселенцев, отсутствие дорог, портов и как следствие – нехватка рабочих рук в промышленности и невозможность сбывать свою продукцию в сельском хозяйстве. Но были и причины субъек-

тивного характера – слово «Сахалин» в России без малого полвека считалось синонимом «ада на земле».

Неблагоприятно влияла на экономическое развитие и нестабильность международной обстановки накануне мировой войны. Периодически в прессе появлялись «сообщения» о планах продажи Сахалина. Затем следовали опровержения этих слухов. Но купцов и предпринимателей, имевших возможности приложения своих капиталов, а также переселенцев отпугивало то, что «факт принадлежности нам половины Сахалина представляется весьма непрочным», и в случае новой войны он вновь будет захвачен Японией.

К 1917 году по всему Северному Сахалину насчитывалось 48 русских населенных пунктов. В них проживало 7250 человек. В деревнях и хуторах числилось 5380 человек (остальные составляли население города Александровска). По волостям русское население распределялось следующим образом: Михайловская – 818 человек, Тымовская – 2824 человека, Рыбновская – 1738 человек.

Данные Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи 1917 года говорят о том, что на острове сложился контингент постоянного русского населения. Из 1104 крестьянских хозяйств (без города Александровска) – 41,9% было образовано до русско-японской войны; 301 (27,4%) крестьянское хозяйство существовало на Сахалине более 20 лет, то есть было образовано до 1896 года. Это был неплохой признак.

Сельское хозяйство с упразднением каторги получило более естественные условия для развития. В 1913 году на 737 крестьянских хозяйств приходилось 1129 лошадей и 3243 головы крупного рогатого скота. Жилые и хозяйственные постройки средней крестьянской семьи оценивались на сумму 505 рублей, а мертвый инвентарь – в 133 рубля. Из сельскохозяйственных орудий имелись в достаточном количестве лишь самые простые: плуги, бороны, косы, мотыги. Машин было мало: сенокосилок 7, конных граблей 6, жаток 3, веялок 20. Это объяснялось трудностями доставки и, главное, небольшими размерами земельных участков. Перевозочные средства – телеги и сани – имела каждая семья.

Центром сельского хозяйства была Тымовская волость. Здесь в среднем одно хозяйство имело 4,9 десятины пашни и 6,4 десятины хороших сенокосов. Из переселенцев выделялись своей зажиточностью старообрядцы, которых на Северном Сахалине в 1908 году насчитывалось более сотни семей. Обычно они оседали по 2-3 семьи в каждом селении. Наемный труд в сахалинских селах использовался мало. В той же Тымовской волости только 46 хозяйств (7,8%) имели батраков. Значительно шире использовался наемный труд в Рыбновской волости на местных рыбных промыслах. Если в крупных селениях и были зажиточные крестьяне, то источником их состояния служило не земледелие, а мелкая лавочная торговля. Можно сказать, что социальные противоречия в сахалинской деревне не имели ярко выраженного классового характера. Общественные различия были скорее между старожилыми «осторожного закала» и новоселами-переселенцами.

Угольная промышленность Сахалина после 1905 года переживала трудные времена, ибо закрылись шахты тюремного ведомства. Лишь в Дуэ и Мгачи работали два рудника товарищества «И.О. Маковский и К^о». Большинство рабочих на них были китайцы. В 1907 году И.О. Маковский продал 13,3 тысячи тонн угля по очень высокой цене, но на следующий год истек срок аренды, и добыча полностью прекратилась. Данные

исследований Геологического комитета в 1907-1910 гг. вновь обострили внимание промышленных кругов к полезным ископаемым острова, перешедшее в настоящий ажиотаж. Только за 1910 год поступило свыше 500 заявок на право заниматься горным промыслом на Сахалине, впятеро больше, чем в 1909 году. Но большинство из них носило чисто спекулятивный характер с целью «застолбить» участок, а потом его перепродать. Таких бизнесменов без капиталов называли «столбопромышленниками».

С 1910 года шахты «Воевода» (Дуэ) и «Семеновская» (Мгачи) арендовал торговый дом «В.А.Кузнецов и К^о», обязавшийся поставлять сахалинский уголь во Владивосток. Владелец фирмы, горный инженер В.А. Кузнецов, нанял около 360 рабочих-китайцев и провел некоторую реконструкцию шахты в Дуэ, в частности установил паровую лебедку для подъема угля. За 12-часовую смену шахта давала на-гора до 100 полутонных вагонеток. Анастасиевские копи в Мгачи арендовал известный горнопромышленник А.В. Даттан, а рудник Половинка – предприниматель А.А. Эриксон. Казенные разработки Дуйских копей велись в небольших размерах для нужд поста Александровского.

Общий объем добычи угля на Северном Сахалине с 1913 по 1917 гг. упал с 15,4 до 9,5 тысячи тонн. Главные причины этого – нехватка рабочей силы и отсутствие порта, что усложняло доставку оборудования и вывоз продукции. Накануне первой мировой войны правительство планировало строительство крупного порта в посту Александровском, чтобы иметь возможность вывозить высококачественный сахалинский уголь. Но после 1914 года этот проект был заморожен, а потом грянула революция, и он почти окончательно заглох.

Между прочим, тогда же родилась идея соединить Сахалин с материком постоянным железнодорожным сообщением. Можно сказать, что она прямо-таки витала в воздухе. Небольшая ширина и глубина пролива Невельского многих подталкивали к мысли о сравнительной легкости и дешевизне соединения острова с материком. Одним из первых ее публично высказал штурман дальнего плавания Н.М. Осташевский. В 1915 году он обратился к Приамурскому генерал-губернатору Н.Л. Гондатти с докладной запиской, в которой предлагал возвести соединительную дамбу между Сахалином и материком. Даже по нынешним меркам это был довольно широкий проект с устройством шлюзов и постройкой на мысе Лазарева большого порта.

Генерал-губернатор поручил оценить достоинства проекта специалистам, которые подвергли его серьезной критике, ссылаясь на слабую изученность гидрологических условий Татарского пролива и высокие затраты. Поэтому Н.Л. Гондатти наложил на проекте Н.М. Осташевского резолюцию: «Оставить без последствий». Но идея соединить остров и материк надежным транспортным сообщением не умерла. На протяжении XX столетия к ней еще неоднократно будут возвращаться отечественные инженеры.

Следует отметить, что обеспечение надежной и устойчивой транспортной связи с материком будет важнейшей проблемой для развития Сахалина на протяжении всего XX столетия. Не менее, а даже более острой она остается и в наши дни. На ее кардинальное решение нужны государственная воля, всесторонне обоснованное инженерно-техническое решение и финансовые ресурсы, которых в российской казне для острова всегда не хватало.

Рыбная промышленность играла важную роль в экономике острова, но с утратой южной его части значение сахалинского рыбопромышленного района для

России снизилось. Рыбные промыслы севера Сахалина тяготели к Николаевскому рыбопромышленному району. Их влияние на экономику острова было слабым опять-таки из-за отсутствия транспортных связей. В 1905-1906 годах поручик Г.Я. Седов, будущий известный полярный исследователь, добивался от казны субсидии в 150 тыс. рублей на организацию пароходного сообщения между Сахалином и городом Николаевском для обслуживания рыбных промыслов, но ему было отказано.

В 1913-1914 гг. рыбаки Дальнего Востока добывали 10-12 миллионов пудов рыбы и морепродуктов на сумму 35 миллионов рублей, что составляло 14-15 % общероссийской добычи. Из этого количества на добычу в Амурском лимане приходилось 33 %, в акваториях Камчатки – 61,1 %, Северного Сахалина – 5,2 %, в заливе Петра Великого – 0,7 %. Столь незначительную роль острова в структуре быстро развивающейся на капиталистических началах рыбной отрасли Дальнего Востока тоже можно считать одним из последствий русско-японской войны.

Подписав в 1907 году рыболовную конвенцию с Японией, Россия экономически расплачивалась за свое военное поражение. Японские рыбопромышленники захватили в свои руки большую часть промысловых акваторий. Так, например, в 1909-1911 гг. из 218 заторгованных промысловых участков 183 взяли японцы и только 35 – русские. Рыбные богатства Сахалина, Камчатки, Амурского лимана и Охотского побережья подвергались опустошительному разорению. Ценные породы рыб (лосось, треска, сельдь) в огромных количествах потекли на японский рынок.

Нефтяная промышленность пребывала по-прежнему в эмбриональном состоянии. Из архивных документов следует, что первые сведения о наличии нефти на севере Сахалина относятся к 1879 году. С этого времени внимание к ней русских и иностранных предпринимателей то возрастало, то угасало. На свой страх и риск в 80-90-е гг. XIX века пытался организовать изучение нефтяных месторождений отставной лейтенант флота Г.И. Зотов. В его работах участвовали известный исследователь Приамурья В.П. Маргаритов и горный инженер Л.Ф. Бацевич. Тогда же этой проблемой заинтересовалась английская компания «Ройял датч петролеум», которую представлял на острове инженер Ф.Ф. Клейе. В 1902 году он создал в Лондоне «Сахалинский и Амурский горнопромышленный синдикат» с капиталом в 100 тысяч фунтов стерлингов. Но до промышленной разработки дело так и не дошло.

Бездорожье, слабая населенность и суровый климат создавали непреодолимые препятствия для разведочного бурения, не говоря о промышленной добыче этого ценного топлива. Лишь после русско-японской войны изучением сахалинской нефти серьезно занялся Геологический комитет Министерства торговли и промышленности. С 1907 года на острове практически постоянно работали его научные экспедиции. В результате были открыты и обследованы Охинское, Пильгунское, Дагинское, Набильское и ряд других нефтяных месторождений. В полном смысле слова отцами сахалинской нефтяной промышленности были выдающиеся русские геологи Эдуард Эдуардович Анерт и Петр Игнатьевич Полевой.

Разработка сахалинских нефтяных месторождений была делом дорогостоящим, непосильным для мелких предпринимателей и карликовых компаний, сменявших друг друга с головокружительной быстротой. Промышленная добыча нефти началась только в 20-е гг. XX века при совершенно иных исторических обстоятельствах.

Таким образом, после 1905 года правительству не удалось организовать массовое свободное заселение Северного Сахалина. К 1917 году более чем скромно выглядели и показатели экономического развития Сахалинской области, прежде всего в эксплуатации морских, угольных и нефтяных ресурсов. Именно в этот период на природные богатства русской части острова впервые серьезное внимание обратил иностранный капитал.

Добыча угля, рыбная промышленность и сельское хозяйство развивались медленно. Однако появление крепких и даже преуспевающих «старожильческих» хозяйств в окрестностях поста Александровского и особенно в долине реки Тымь свидетельствовало о формировании нового типа жителей острова, который резко контрастировал с бесправными поселенцами эпохи каторги. Теперь главной фигурой на острове стал русский крестьянин, пустивший здесь крепкие корни. Сложившаяся сельскохозяйственная база и серьезные перспективы по углю и нефти обещали Северному Сахалину второе рождение. Но этому помешала мировая война, революция с ее кровавой междоусобицей «красных» и «белых», а затем – иностранная интервенция.

14.2. Северный Сахалин в период борьбы за власть на Дальнем Востоке. Февраль 1917 – январь 1920 гг.

14.2.1. События февральской революции на Северном Сахалине

В конце 1916 – самом начале 1917 года на Дальнем Востоке ничто не предвещало революционного смерча. Даже в Хабаровске – столице Приамурского края – не было практически ни одной оформленной политической партии. Общественно-политическая жизнь Северного Сахалина тем более пребывала в затишье. Первым отзвуком событий в Петрограде стало известие о роспуске Государственной думы, пришедшее в край 28 февраля. Уже на следующий день генерал-губернатор Н.Л. Гондатти и командующий Приамурским военным округом генерал А.Н. Нищенков выехали во Владивосток, где находились флот, крепостная артиллерия и довольно много рабочих. Эта срочная поездка была вызвана опасением царской администрации края, что в именно этом городе вновь могут вспыхнуть революционные беспорядки, подобные тем, что произошли в 1905-1907 гг.

Тем временем телеграфные сообщения звучали все тревожнее. И 3 марта грянул гром – пришла весть об отречении Николая II. Радикально настроенной частью хабаровчан создается Комитет общественной безопасности с «неограниченными полномочиями» под председательством социал-демократа А.И. Мальшева. В ночь с 5 на 6 марта он арестовал вернувшихся в Хабаровск Н.Л. Гондатти и командующего военным округом. Таким образом, всего за несколько дней без какого-либо кровопролития власть монархии на Дальнем Востоке России была низложена. Народ ликовал под звуки «Марсельезы». Арестовывали полицейских и жандармов, захватывали их архивы.

Рожденные в ходе февральской революции Комитеты общественной безопасности (КОБы) являлись чрезвычайными органами власти Временного правительства на местах. 6 марта 1917 года собрание граждан поста Александровского избрало островной (уездный) КОБ, который возглавил Александр Трофимович Цапко, служивший на Сахалине начальником радиостанции.

К этому времени политическая власть в Сахалинской области перешла в руки Временного исполнительного комитета, избранного в городе Николаевске, а Александровский комитет получил права уездного (островного) органа власти. Первым делом в Александровске были отстранены от должности вице-губернатор Ф.Ф. Бунге, начальник жандармской команды Н.М. Будаков и еще несколько чиновников, олицетворявших старый царский режим.

С этого момента на острове, прежде далеком в прямом и переносном смысле, от политических бурь развернулась нешуточная борьба. Следует отметить, революционные события на Северном Сахалине оставили мало документов, но много загадок и простора для фантазии историков. Позднее стремление советских авторов непременно втиснуть эти события в жесткие рамки идеологизированных схем лишь затушевывали весьма своеобразную картину революционных событий на острове в 1917-1920 годах и порой с точностью до наоборот сместили акценты в поступках реальных исторических персонажей.

Известия из Петрограда и Хабаровска всколыхнули сонную жизнь сахалинского захолустья. В посту Александровском возникают профсоюзы учителей, почтово-телеграфных служащих. На волне общественной активности 4 апреля 1917 года на митинге в Народном доме избирается Рабочее бюро. Оно начало с того, что потребовало введения 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы для отдельных категорий трудящихся, установления твердых оптовых и розничных цен; повело борьбу с безработицей и увольнениями, учредив с этой целью забастовочный фонд. Очень скоро это профсоюзное объединение перешло от экономических требований к политическим, сделав заявку на участие в борьбе за власть.

На митинге 25 апреля председатель правления Рабочего бюро горный штейгер И.М. Манаев выступил с докладом о «переименовании такового в Совет рабочих и солдатских депутатов». Долгое время с этой датой связывалось зарождение Советов как органов пролетарской диктатуры и даже чуть ли не складывание двоевластия на Сахалине. Однако многое остается неясным в истории создания сахалинских Советов. Ведь Советы, как известно, формировались путем выборов, а не записью на митингах, как было при создании Рабочего бюро. Можно предположить, что в Совет трансформировалось только его правление как выборный орган, состоявший из одиннадцати человек. В литературе отсутствуют сведения о структуре возникшего Совета рабочих и солдатских депутатов, очень мало известно и о его конкретных мероприятиях с апреля 1917 по март 1918 гг., нет полных данных о персональном и партийном составе. Но все авторы определяют политическое лицо островного Совета как соглашательского, в котором преобладало эсеро-меньшевистское влияние.

Все это позволяет утверждать, что никакого двоевластия на Северном Сахалине в 1917 году не возникло. Здесь отсутствовала социальная база, которая бы позволила находившимся на острове нескольким большевикам сделать Совет инструментом своего влияния и захвата власти, как это было в европейских губерниях, а также в областях Сибири и Дальнего Востока.

В начале мая 1917 года А.Т. Цапко, оставив обязанности председателя КОБа, выехал на краевой съезд почтово-телеграфных служащих. Затем он отправляется в Москву, где на Всероссийском съезде своего профсоюза избирается в его ЦК. А 15 ноября 1917 года он даже получает удостоверение члена ВЦИК, подписанное Я.М. Свердловым. Но едва ли в этот период его взгляды резко «полевели». В одном из

писем на Сахалин он писал: «Как-то больно и обидно за все, что творится в России... А тут еще голод надвигается».

Как председатель островного КОБа А.Т. Цапко заявлял, что «принципиально» не желает связывать себя ни с одной политической партией. Вернувшись через год в Александровск, он приступил к своим прежним обязанностям на радиостанции и вновь окунулся в политическую борьбу, но уже в совершенно иных условиях.

К лету 1917 года влияние КОБов в городах Приамурского края заметно ослабло. Как органы власти переходного периода они выполнили свои функции и в августе были повсеместно упразднены, а городские думы полностью восстановлены в правах. Выстраивая новую вертикаль исполнительной власти, Временное правительство учредило комиссариат по управлению Сибирью, а уполномоченным по Дальнему Востоку назначило А.Н. Русанова, бывшего депутата IV Государственной думы. Сахалинским областным комиссаром стал эсер В.М. Порватов, а на Северном Сахалине уездным комиссаром был назначен Иосиф Карлович Русланов.

И.К. Русланов происходил из семьи состоятельного александровского торговца, в юности сочувствовал эсерам и прежде не имел опыта государственной службы. Но, очевидно, И.К. Русланов пользовался популярностью среди горожан, избравших его членом КОБа, где он возглавил продовольственный отдел.

К этому времени некоторые изменения претерпело административное устройство острова. В апреле 1917 года распоряжением Временного правительства центр Сахалинской области был официально перенесен в город Николаевск, а летом туда переехали все областные учреждения. Пост Александровский стал центром Сахалинского уезда в составе трех волостей: Михайловской, Рыковской (Тымовской) и Рыбновской. Но как бы в компенсацию за понижение административного статуса 3 июня последовало распоряжение Временного правительства о преобразовании поста Александровского в город. Осенью 1917 года на острове прошли выборы в волостные земские собрания и Александровскую городскую думу.

На события 3–4 июля в Петрограде, когда большевики в первый раз попытались прорваться к власти, дальневосточники отреагировали негативно, расценив их действия как стремление «ничтожного меньшинства продиктовать вооруженною рукою волю всей стране». Такие настроения витали и на Северном Сахалине. Например, 9 июля Рыковский волостной КОБ просил уездного комиссара удалить из волости врача Александра Матвеевича Криворучко как большевистского агитатора, сеявшего рознь среди населения, натравливая его на членов комитета.

14.2.2. Северный Сахалин после октября 1917 года

Утверждения в советской исторической литературе о том, что начавшееся с октябрьских событий в Петрограде «триумфальное шествие Советской власти» к февралю-апрелю 1918 года достигло Северного Сахалина, – не что иное, как дань догматической большевистской концепции Октябрьской революции.

Победу Ленина и его сторонников сахалинцы не приняли. 27 октября 1917 года в Александровске состоялось чрезвычайное заседание городской думы, Михайловского волостного земства, Сахалинского Совета рабочих и солдатских депутатов, при участии начальника гарнизона, представителей партий эсеров и социал-демократов, а также целого ряда общественных организаций. Собравшиеся единодушно осудили свержение демократического правительства и захват влас-

ти партией большевиков. Краевому комиссару Временного правительства в Хабаровске и областному комиссару в Николаевске ушла телеграмма, в которой говорилось о том, что собрание «шлет свое проклятие кучке преступников, безумцам, дерзнувшим поднять руку на Временное правительство».

Опасаясь анархии и хаоса, И.К. Русланов дал указание почтово-телеграфной конторе не оглашать телеграфных сообщений из Петрограда, но изменить ситуацию было не в его силах. Не владел обстановкой и комиссар Временного правительства в Приамурском крае А.Н. Русанов. Его воззвание к населению и здравые доводы не были услышаны. Хабаровский гарнизон, распропагандированный большевиками, перешел на их сторону. 23 ноября 1917 года чрезвычайное собрание Хабаровского Совета рабочих и солдатских депутатов решило отвергнуть требование Ленина о взятии власти. Это не устраивало большевиков, и они, опираясь на солдат, добились переизбрания Совета, обеспечив в нем свое преимущество.

Пытаясь переломить ход борьбы, 11 ноября А.Н. Русанов собрал совещание земств и городов края. Оно избрало временное краевое бюро, которому он и передал свои властные полномочия, фактически уже утраченные в результате свержения правительства А.Ф. Керенского. В январе 1918 года намечалось собрать краевой съезд земств и городов с целью выборов Временного правительства Дальнего Востока. Но большевики действовали более напористо, и к тому времени реализовать этот демократический сценарий развития событий было уже некому.

Ночью 14 декабря 1917 года проходивший в Хабаровске III краевой съезд Советов признал Совет народных комиссаров РСФСР «единственной центральной властью», декреты и распоряжения которой Советы должны проводить неуклонно в жизнь. Двое суток в городе люди стихийно протестовали, выражая недовольство этим решением. Характерно, что депутатов от крестьянства на съезде вообще не было. Съезд завершил работу 20 декабря избранием краевого исполнительного комитета (Дальсовнаркома), который возглавили большевики: председатель Абрам Краснощеков (Тобельсон) и секретарь Моисей Губельман.

В Александровске решения хабаровских большевиков упорно игнорировали почти три месяца. Из документов видно, что сахалинцев больше волновали насущные жизненные проблемы, а отнюдь не политические лозунги. Так, в январе 1918 года Михайловское земство в наказе делегатам I-го чрезвычайного Сахалинского областного земского собрания ставило вполне реальные вопросы, касавшиеся правильного налогообложения, использования природных ресурсов, строительства дорог, создания школьных и медицинских учреждений, сокращения ввоза из Японии контрабандных товаров, особенно спирта и т.п. Но за Татарским проливом обстановка складывалась иначе, и в азарте политических дискуссий, перетекавших в вооруженные схватки, избранников народа уже никто не слушал.

В Николаевске 18 февраля 1918 года В.М. Порватов вынужден был сложить с себя обязанности областного комиссара Временного правительства и «до организации в области коалиционной власти» передать полномочия президиуму исполкома Сахалинского Совдепа. В Александровске местный Совдеп также домогался власти, но встретил противодействие уездного комиссара И.К. Русланова, Михайловского земства и городской думы.

Характерная деталь – председатель думы акцизный надзиратель В.И. Осташевский был членом Совдепа, а председатель островного Совдепа почтово-телеграф-

ный чиновник А.П. Ельяшевич был гласным Александровской думы. 21 февраля они заявили о сложении с себя звания гласных, но дума проявила политическую принципиальность и исключила обоих из своего состава, как перешедших «на сторону большевизма, губящего свободную Россию».

По существу, местные власти Сахалинского уезда оказались не только в географической, но и политической изоляции, в результате конфронтации и противодействия большевистским Советам в крае и области. Вообще на Дальнем Востоке возникла крайне опасная ситуация, когда в городах и земствах одновременно функционировали властные учреждения неодинаковой, зачастую противоположной, политической ориентации. Это был кризис, чреватый гражданской войной, которая уже стучалась в каждую дверь.

По всей вероятности, это понимал И.К. Русланов, остававшийся на острове представителем уже не существующего Временного правительства. При этом сдавать власть пробольшевистскому Совдепу он не собирался. Только 12 марта 1918 года И.К. Русланов издал свой последний приказ о сложении с себя обязанностей уездного комиссара и передаче полномочий председателям городской думы и земских собраний.

14.2.3. Северный Сахалин под управлением демократической коалиции и администрации адмирала Колчака

Весной 1918 года, когда зарево гражданской войны уже вовсю занималось над Россией, ее «медвежий угол» – Северный Сахалин вдруг оказался островком политического плюрализма, где в тесноте и обиде, но в общем-то без кровопролития, сосуществовали нахрапистые революционные радикалы, мало искушенные в политике демократы и махровые реакционеры-монархисты.

20 марта 1918 года власть в Александровске и уезде принял коллектив самоуправления острова Сахалина, избранный накануне из представителей городской думы, Совдепа, Михайловского и Тымовского волостных земств. 4 июня областной Совет категорически телеграфировал из Николаевска в Александровск: «Земство и дума распустить, что сделано у нас и во всем крае. Образовать Совет. Инструкции почтой». Почту на острове читали, но не больше. В последующие месяцы ситуация принимала порой трагикомические обороты. Дальсовнарком забрасывал Александровск приказами и осведомительными телеграммами, но на острове никто не собирался исполнять указания хабаровских большевиков, ибо коллектив самоуправления не признавал законной Советскую власть во главе с коммунистами.

Придерживавшийся большевистской платформы член коллектива самоуправления учитель И.В. Харитонов был скорее источником мелких политических раздоров, чем авторитетным проводником партийных идей. В августе 1918 года Дальсовнарком попытался придать ему официальный статус и назначил комиссаром народного просвещения на Сахалине. Но вскоре после этого И.В. Харитонов был арестован и выслан с острова.

Из некоторых документов за подписью А.М. Краснощекова видно, что в этот период вынашивался замысел – «ввиду обособленности» Сахалина выделить его в отдельную административную единицу Дальнего Востока. Но выработать какую-либо определенную линию в отношении «диких» сахалинцев Дальсовнарком

так и не успел. В течение августа-сентября 1918 года Приамурский край и часть Восточной Сибири были оккупированы войсками иностранных интервентов.

Кардинально расклад противоборствующих сил на всей территории Сибири изменился в результате переворота, совершенного адмиралом А.В. Колчаком. Он объявил себя Верховным правителем России и сделал своей столицей город Омск.

7 сентября 1918 года в Николаевске Сахалинский областной Совет рабочих и крестьянских депутатов мирным путем сдал свои полномочия городскому и земскому самоуправлениям. В принятой по этому случаю совместной резолюции говорилось: «Вступившей власти не предпринимать никаких репрессий по отношению к советским деятелям, за исключением лиц, за которыми числятся уголовные преступления». Но через день в городе высадился японский десант и начались обыски, аресты, дознания. Местные большевики бежали в тайгу и в районе села Керби стали накапливать силы для партизанской борьбы.

Прибывший 26 октября в Николаевск бывший сахалинский вице-губернатор Ф.Ф. Бунге стал областным комиссаром Сибирского Временного правительства. Неделями раньше в Александровске прекратил существование коллектив самоуправлений Сахалина, и к исполнению обязанностей уездного комиссара приступил Г.В. Реут, известный сахалинцам еще со времен каторги. Так на острове был установлен белый режим А.В. Колчака.

Японская интервенция в Приморье, безусловно, обострила и без того сложную обстановку в Сахалинской области, которая до осени 1918 года переживала «розовый» период борьбы за власть. Можно сказать, что Северному Сахалину в этом отношении повезло еще больше. В 1918 и 1919 гг., когда Россия взошла на пик ожесточения гражданской войны, жители острова не познали на себе, что такое продразверстка, «красный террор» и голод. Здесь не свирепствовала белая контрразведка, хотя население порой отказывалось поддерживать мероприятия властей и открыто выражало недоверие колчаковскому ставленнику Г.В. Реуту. Он доносил, что в газете «Вестник о. Сахалина» сотрудничают люди, чьи взгляды «частью большевистские, противоположительственные», но пресечь этого не мог. В марте 1919 года жители Михайловской волости отказались отдавать парней в колчаковскую армию, но массовых преследований за этим не последовало.

В Николаевске охлаждение населения к политике колчаковских властей чувствовалось еще острее. Поэтому в апреле 1919 года на территории Сахалинской и Камчатской областей было введено военное положение. Но заниматься серьезно внутренними проблемами острова правительство А.В. Колчака не собиралось. Зато в Омске внимательно наблюдали и довольно быстро реагировали на то, что происходило вокруг Северного Сахалина в международном плане.

14.2.4. Северный Сахалин в политике «открытых дверей» правительства А.В. Колчака

Многочисленные публикации о Сахалине рассматриваемого периода упускают одно обстоятельство. Япония, развязав весной 1918 года широкомасштабную интервенцию на востоке России, почему-то не ввела войска на Северный Сахалин, где имела особые экономические интересы и где также проживали ее подданные.

Японский историк Теруюки Хара в одной из своих недавних работ объясняет это тем, что японцы четко придерживались своей внешнеполитической доктрины-

ны, выработанной еще в 1907 году. Похоже, это близко к истине. Иначе не понять, почему «алчные японские империалисты» не захватили сразу вожаделенных месторождений угля и нефти на Северном Сахалине, ставших после 1918 года козырной картой в крупной политической игре, затеянной в Омске, Москве, Токио и Вашингтоне. Запах сырой нефти и дух политических антагонизмов придали этой игре необычайную остроту и драматизм.

30 мая 1918 года министерство военно-морского флота Японии направило в МИД свои предложения о выходе на нефтяные запасы русского Сахалина при первой возможности, «тем или иным способом». Но японские деловые круги были энергичнее своего правительства, и десятью днями раньше мощная финансовая группа (дзайбацу) «Кухара» заключила контракт о совместной деятельности с концерном «И.Стахеев и К^о», имевшим в своих руках 540 заявок на нефть всех северосахалинских месторождений. Сразу после этого «Кухара» направляет экспедицию на север острова для обследования Охинской, Нутовской и Боатасинской нефтяных площадей.

В качестве компенсации за военную помощь в борьбе с большевиками Япония рассчитывала на ряд уступок со стороны правительства А.В.Колчака, в том числе – продажу Северного Сахалина. Но в Омске эти домогательства отвергли. Провозглашенный А.В. Колчаком принцип «открытых дверей» стимулировал интерес иностранного капитала к природным ресурсам Северного Сахалина. Кроме японцев в начале 1919 года за получением угольных концессий и разрешением на строительство порта в Александровске обратились представители двух крупных английских компаний – горнопромышленной и паровой. 28 марта 1919 года при обсуждении вопроса о концессии Совет министров решил, что «отдача ее в руки Японии на основах экономической привилегии по многим соображениям нежелательна».

Между тем японцы концентрировали свои политические и финансовые усилия в отношении Северного Сахалина. 16 мая японское правительство решило признать правительство Колчака, и через четыре дня была подписана резолюция, указывавшая на необходимость «сделать приоритетной для Империи и ее подданных разработку нефтяных полей и угольных шахт на русском Сахалине». В это же время фирма «Кухара», объединившись с четырьмя крупными компаниями, создает консорциум «Хокусин-Кай» («Полярная звезда»), тесно связанный с министерством военно-морского флота. В дальнейшем именно «Хокусин-Кай» взял в свои руки все работы по исследованию и эксплуатации нефтяных и угольных месторождений Северного Сахалина. В июне 1919 года консорциум направил на остров около 200 рабочих-нефтяников и четыре геологические партии под общим руководством вице-директора Геологического комитета Японии Гиичиро Кобаяси. На угольных месторождениях близ Александровска и Агнево съемки вела большая группа геологов и инженеров фирмы «Мицубиси».

Когда в марте 1920 года А.Т. Цапко и И.К. Ольшевский отправились в район Охинского месторождения, то обнаружили здесь четыре жилых дома и склад, построенные японцами. Так зародился будущий город Оха.

14.2.5. Свержение колчаковского режима на острове

Сахалинское население не ощутило на себе в полной мере голодных лет гражданской войны. И тем не менее в середине 1919 года жители Александровска и окрестных сел стали испытывать ухудшение снабжения предметами первой необходимости.

При этом в лабазах местных торговцев имелось достаточно товаров, но в предчувствии грядущих потрясений они либо старались его припрятать, либо перепродавали по весьма высоким ценам. Барыши текли к ним рекой, опустошая карманы сахалинских обывателей и сказываясь на их политических настроениях. Недовольство охватывало даже людей, далеких от большевизма. В условиях полной безопасности, при бессилии колчаковского представителя Г.В. Реута, в Александровске возникла небольшая подпольная группа противников белого режима, состоявшая из интеллигенции, нескольких солдат воинской команды и представителей земства.

К осени 1919 года под ударами Красной Армии положение правительства А.В. Колчака в Сибири резко пошатнулось. В ноябре Александровская тюрьма приняла 18 заключенных – сторонников Советов, осужденных во Владивостоке колчаковскими властями к каторжным работам. Среди них были коммунисты Г.Н. Войтинский, С. И. Слепак, А.Ф. Макаров, П.Т. Горшков. Тюремные условия на Сахалине были вполне либеральными, и политзаключенные очень скоро смогли наладить контакты с группой местных подпольщиков, возглавляемых А.Т. Цапко. Сообщения о поражениях колчаковской армии в Сибири убеждали в непрочности режима, и подпольщики совместно с владивостокскими большевиками начали готовиться к перевороту.

В ночь на 14 января 1920 года, под новогодний праздник по старому стилю, вооруженные подпольщики арестовали верхушку колчаковской администрации. Управление островом взял на себя Временный революционный комитет (ревком) под председательством А.Т. Цапко. При этом об установлении власти Советов на острове речи еще не шло. Видимо, сахалинцы пытались вникнуть в расклад политических сил на Дальнем Востоке, выглядевший необычайно пестро.

Во Владивостоке большевистская организация подготовила восстание гарнизона и 26-31 января 1920 года при поддержке партизанских отрядов свергла представителя колчаковского правительства генерала С. Н. Розанова. Это был «розовый» переворот, так как власть перешла к Временному правительству Приморья – областной земской управе во главе с правым эсером А.С. Медведевым. В декларации от 31 января оно заявило, что распространяет свою власть на всю Приморскую, Амурскую, Сахалинскую и Камчатскую области и полосу отчуждения КВЖД. В Москве в это время правительство В.И. Ленина приступило к реализации своего плана создания на Дальнем Востоке «буферного государства». 25 февраля газета «Красное знамя» опубликовала заявление ВЦИК о признании Приморского земского правительства Советской Россией.

По такому же сценарию развивались события на Северном Сахалине, где 1 февраля был образован Временный коалиционный исполнительный комитет. В него вошли члены ревкома и представители земских органов Х.Ф. Бавбек, Т.Е. Чумаков, И.С. Дежурнюк. Александр Трофимович Цапко, имевший наибольший авторитет среди александровцев, был избран председателем исполкома, а его заместителем стал коммунист Г.Н. Войтинский.

Представители свергнутой колчаковской администрации пребывали в местной тюрьме. Никаких иных репрессий в отношении недавних политических противников А.Т. Цапко и его товарищи не предпринимали. Возглавляемый им Временный коалиционный исполком занимался насущными делами – восстановил 8-часовой рабочий день для рабочих и служащих, реорганизовал Александровскую военную команду, поставив ее под контроль солдатского комитета, а прежнюю милицию заменил добровольной дружиной для охраны в городе общественного порядка. В отдаленные

туземные стойбища был организован завоз продовольствия. Крестьяне в окрестных селениях готовились к весенним работам. Но звон ранней капели радовал, наверное, только детей. В Татарском проливе за кромкой льдов маячили мрачные силуэты японских крейсеров, а из Николаевска и самой северной на острове Рыбновской волости доходили неясные телеграфные сообщения и настолько страшные слухи, что в них не хотелось верить. Тревогу чувствовали даже привыкшие ко всему старые сахалинцы, помнившие каторгу и вторжение японцев в 1905 году. На острове ждали беды.

14.3. События гражданской войны в Сахалинской области. Январь-апрель 1920 года

14.3.1. Рост партизанского движения на Нижнем Амуре в начале 1920 года

Агония армии А.В. Колчака активизировала деятельность красных партизан в Забайкалье, Амурской области и Приморье. Их отряды вышли из тайги и один за другим занимали дальневосточные города. В ноябре 1919 года на совещании городских подпольщиков и представителей партизанских отрядов в селе Анастасиевка под Хабаровском было решено «поднять массовое восстание против белых и интервентов». С целью установления Советской власти в низовьях Амура был направлен отряд из 35 партизан во главе с Я.И. Тряпицыным. Ему поручалось всколыхнуть антиколчаковское выступление в Сахалинской области и взять в свои руки ее административный центр – город Николаевск.

Хабаровским большевикам-подпольщикам и местным партизанам Яков Иванович Тряпицын был почти не знаком. Они знали только, что незадолго до этого он сражался в одном из партизанских отрядов в Приморье. Впрочем, и по сей день биография этого двадцатитрехлетнего крестьянского парня из Муромского уезда Владимирской губернии освещается в основном с его слов и содержит немало сомнительных эпизодов. Называя себя анархистом-индивидуалистом, он выделялся даже среди бывалых партизан какой-то особенно бесшабашной отвагой и замашками лихого вожака.

За два месяца успешного рейда по нижеамурскими селам отряд Тряпицына вырос до нескольких тысяч бойцов. 19 января 1920 года в селе Личи совет командиров решил преобразовать повстанческие отряды в полки Красной Армии. В начале февраля Тряпицын окружил Николаевск, где находился небольшой отряд белых, лишенный связи с уже несуществующим командованием войск Колчака, и японский гарнизон численностью до шестисот штыков. Они наотрез отказались пустить партизан в город, а парламентарии Тряпицына были убиты.

До описываемых событий население Николаевска, как и всей Сахалинской области, в общем-то не ощущало на себе кровавых катаклизмов и социальных бурь, оставаясь несколько в стороне от главных фронтов гражданской войны. Это был богатый и мирный город с 20-тысячным населением, многонациональным по составу.

Вместе с русскими здесь проживали поляки, немцы, корейцы, китайцы, а также довольно большая и состоятельная японская община. Рыболовство, лесоразработка, торговля, охота на пушного зверя и добыча золота формировали доходные статьи городского хозяйства и намного превышали расходы на его содержание. После Владивостока это был второй по значению порт России на Тихом океане, откуда осуществлялись прямые торговые контакты не только со странами тихоокеанского бассейна, но и с Германией, Норвегией, Англией, Данией.

На Николаевск традиционно были ориентированы населенные пункты и богатейшие рыбные промыслы северо-западного побережья Сахалина, относившиеся к Рыбновской волости. Экономика Николаевска крепилась капиталами местных купцов, четырех иностранных торговых фирм, пяти собственных банков и обществ взаимного кредита, чей оборот до революции составлял более 50 миллионов золотых царских рублей.

Для красных захват Николаевска был важен не только в политическом и экономическом, но и в военно-стратегическом отношении. Рядом с городом находилась крепость Чныррах, позволявшая контролировать устье Амура. Для этого в крепости имелась мощная артиллерия, а также значительные запасы военного имущества, боеприпасов и взрывчатки.

Почти весь февраль красные партизаны держали город в кольце, не решаясь идти на штурм. Захватив батарею в крепости Чныррах, они обстреляли город из тяжелых орудий, вызвав многочисленные пожары и жертвы среди мирного населения. 25-28 февраля представители японского гарнизона вели переговоры с Тряпицыным, который требовал сдать город и выдать ему всех белогвардейцев. Японцы были вынуждены подписать соглашение о нейтралитете, на основании которого 29 февраля партизаны вошли в город. Власть в Николаевске перешла в руки Временного исполкома Советов Сахалинской области.

Изменение политической ситуации на Нижнем Амуре и Северном Сахалине сразу же получило международный резонанс. Штаб японских войск во Владивостоке отправил на пароходе отряд из двухсот солдат для охраны японцев, проживающих в Александровске, но высадиться на сахалинский берег им помешали льды. Председатель островного исполкома А.Т. Цапко по телеграфу сообщил об этом в Москву и Владивосток. В ответ, по указанию В.И. Ленина, нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин направил по радио ноты протеста правительствам Японии и стран Антанты.

Тем временем положение на Северном Сахалине было относительно спокойным, и немногочисленным японским гражданам в самом Александровске действительно ничто не угрожало. Совершенно иная обстановка сложилась в Николаевске, занятом армией Тряпицына. Волна арестов и казней прокатилась по городу. В госпитале Тряпицын и его люди насмерть забили шомполами раненых и больных офицеров, а затем устроили дикие издевательства над медицинским персоналом. В первые же дни были арестованы все члены областной земской управы и городской думы, чиновники государственных учреждений, мировые судьи, врачи, нотариусы и крупные домовладельцы. В скором времени все они были зверски убиты без суда. Среди них был и последний сахалинский губернатор Ф.Ф. Бунге, представлявший до ареста правительство Колчака в Сахалинской области.

Не прекращавшиеся грабежи, мародерство и насилия повергли в ужас население Николаевска и окрестных селений Нижнего Амура. Слухи об этом очень быстро докатились и до Сахалина, где на восточном побережье, в районе Чайво, находились японские рабочие-нефтяники. Несмотря на сильные морозы и бездорожье, они в панике бросились к границе с Карафуто. Во время этого бегства случилось непоправимое – в тайге замерзло около ста человек. Сахалинские власти не имели отношения к этой трагедии, ставшей следствием событий на Нижнем Амуре в февралю-марте 1920 года.

14.3.2. Первый Сахалинский (островной) съезд Советов

К этому времени Северный Сахалин оказался в зоне действия армии Тряпицына. Следует отметить, что в его отрядах было немало сахалинцев, в основном из Рыбновской волости. В феврале островной исполком установил связь с его штабом и даже выслал вооруженный отряд под командованием В.Е. Дубовика, участвовавший в осаде Николаевска. В свою очередь из Де-Кастри на Сахалин отправился отряд лыжников под командованием А.М. Фомина (Востокова) и личный представитель Тряпицына некто А. Кривулин, также причислявший себя к партии анархистов. Прибыв в Александровск, они добились ликвидации коалиционного исполкома и фактического отстранения от принятия решений А.Т. Цапко как деятеля слишком умеренных и демократических взглядов.

Это произошло в середине марта, когда в Александровске собрался 1-й Сахалинский (островной) съезд Советов. Под влиянием «делегатов Николаевского фронта», то есть представителей Тряпицына, съезд избрал исполком островного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, председателем которого стал большевик Соломон Израилевич Слепак. Явного сопротивления установлению власти Советов на острове не было. Солдаты местной воинской команды послушно сменили погоны на красные банты и стали называться красноармейцами. 15 марта Александровская городская дума, собравшись на чрезвычайное заседание, передала «всю полноту власти на острове» вновь избранному Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В последующие дни исполком принял ряд неотложных решений социально-экономического характера, касавшихся временных мер по упорядочению денежного обращения, создания лечебниц на рудниках Эриксона и Стахеева, передачи свободных домов и городских земельных угодий трудовым коммуна и т.п. Но, к сожалению, документальных сведений о деятельности исполкома островного Совдепа в марте-апреле 1920 года сохранилось очень мало. По всей вероятности, его роль в политической жизни Александровска и всего Северного Сахалина была все-таки вторичной. Главные решения принимались военно-революционным штабом во главе с А. Кривулиным, а его правой рукой был А.М. Фомин (Востоков), который называл себя командующим войсками Северного Сахалина. Оба действовали с оглядкой на Николаевск, где ситуация приняла в эти дни угрожающий характер.

14.3.3. Николаевские события 12-15 марта 1920 года

Тряпицын, безусловно, чувствовал опасность со стороны японского гарнизона, который засел в зданиях японского квартала, и, не рассчитывая на скорую помощь главных сил экспедиционного корпуса, придерживался линии вооруженного нейтралитета. Однако, решив обезвредить себя со стороны интервентов, Тряпицын поступил очень своеобразно. 11 марта он предъявил японцам ультиматум с требованием немедленной сдачи оружия, пообещав, что ничего с ними не случится и, при первой возможности, они смогут эвакуироваться на родину. Японцы, видимо, поняли, что представляет собой Тряпицын, и пошли на отчаянный шаг. Ранним утром следующего дня они атаковали его штаб. В перестрелке Тряпицын был ранен, но сумел бежать. Когда японцы попытались освободить тюрьму, тряпицынцы без суда расстреляли всех заключенных. Трое суток на городских улицах шли ожесточенные бои, в которых красные имели численный перевес.

Уцелевшие японские солдаты и офицеры с небольшой группой местных жителей-японцев укрылись в помещении консульства. 15 марта озлобленный Тряпицын приказал атаковать японский квартал. При обстреле здание консульства загорелось. Видя безысходность положения, японцы во главе с генеральным консулом Ишида решились на крайность. Взорвав здание, они погибли в огне. Часть гарнизона, засевшая в казармах, сдалась. Когда бои закончились, в плену у красных оказалось 128 японцев, в том числе 11 женщин. (В мае перед уходом Тряпицына из города все они будут расстреляны). В тот же день Тряпицын телеграфом известил СНК РСФСР и «все Советы страны» о событиях в Николаевске, свалив всю вину за инцидент на японцев.

22 марта нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин направил МИД Японии ноту, в которой, выразив сожаление по поводу жертв, предложил начать мирные переговоры. Японцы же сделали ставку на броненосцы, но пробиться в Николаевск или Александровск они пока не могли, так как в Татарском проливе стояли льды. Это был первый этап «николаевской трагедии», отзвуки которой достигли Москвы и Токио, а реальные последствия ощутили на себе жители Приморья и Северного Сахалина.

14.3.4. Сахалинская область на этапе создания ДВР

Разгромив колчаковские войска в Сибири, Красная Армия остановилась у ворот Забайкалья. Измученная войнами Республика Советов не могла одновременно биться на два фронта: на западе, где назревала война с Польшей и собирал силы для удара барон П.Н. Врангель, и на Дальнем Востоке, где еще имелись крупные силы белых, поддерживаемых интервентами. В этой обстановке, по указанию В.И. Ленина, большевики края приступили к созданию Дальневосточной республики (ДВР) – своеобразного буферного государства буржуазно-демократического типа. В Москве полагали, что этот политический маневр позволит добиться прекращения японской интервенции мирными средствами. Для реализации ленинского плана 6 марта 1920 года было образовано Дальбюро РКП(б). Часть его членов во главе с А.М. Краснощековым находилась в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ) и претендовала на верховную власть в крае. Другая часть членов Дальбюро РКП(б) во главе с П.М. Никифоровым, проживавшая во Владивостоке, поддерживала в тот момент Временное правительство Приморья.

Однако усилия Дальбюро РКП(б) по созданию ДВР оказались в значительной мере дискредитированы нижнеамурскими событиями и тем, что большевики Сахалинской области, оказавшиеся в ближайшем окружении Тряпицына, повели линию на немедленное установление Советской власти. С 16 по 28 марта в Николаевске проходил 1-й съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Сахалинской области. На него прибыло 155 делегатов, в том числе с Северного Сахалина. Избранный на съезде исполком возглавил Федор Железин, в прошлом сельский учитель, работавший в союзе кооперативов Николаевска. Этот неприметный и тщедушный человек (его изматывала чахотка) называл себя большевиком. Важнейшие комиссариаты исполкома также возглавили большевики: О.Х. Ауссем – промышленности, И.А. Будрин – горный, Д.С. Будрин – финансов, Ф.В. Железин – просвещения, А.К. Иваненко – социального призрения, Г.Н. Корнев – рыбной промышленности.

Позднее документы съезда по вопросам социально-экономической и культурной жизни Сахалинской области легли в основу аргументации историков, пытавшихся хоть как-то оправдать Тряпицына и тех большевиков, которые стали вольными или невольными соучастниками его авантюры и преступлений.

В своих действиях Тряпицын опирался на Военно-революционный штаб, который с середины марта фактически возглавляла Н.М. Лебедева, принадлежавшая к крайне радикальной группе эсеров-максималистов. В их руках были издававшаяся с 1 апреля газета «Призыв» и телеграф, которым никто не имел права воспользоваться без ведома Тряпицына и Лебедевой.

Анархо-максималисты носились с идеей создания на территории Сахалинской области «трудовой республики». В этих целях они решили ликвидировать частную торговлю и национализировали кооперацию, отменили деньги, ввели уравнилельное снабжение продуктами, широко применяли конфискацию имущества и ценностей. Историки называют это попыткой ввести в городе «казарменный коммунизм», но в реальности все выглядело как полнейшая анархия. Один из участников событий вспоминал: «Как они делали? Скажем, захватывают склад Амурского флота, там лежит 300 тысяч пар сапог, открывают склад... и бери кто что хочет. В буквальном смысле дальневосточная форма махновщины».

Идею создания «красного буфера» Сахалинский областной съезд Советов не поддержал и осудил сотрудничество большевиков с эсеров-меньшевистскими земствами. Политическая линия самого Тряпицына отличалась непоследовательностью, граничащей с лицемерием. Так, в телеграмме Ленину от 27 марта он просил помощи «руководящими указаниями и моральной поддержкой» Москвы, а на деле шел против линии ЦК РКП(б) по вопросу о ДВР. Безусловно, причины непонимания буферного маневра Ленина крылись в необычайно сложной и меняющейся обстановке на Дальнем Востоке, сбивавшей с толку даже закаленных партийцев. Например, антибуферная интонация сквозит в ответе Тряпицыну председателя Иркутского губернского комитета Я.Д. Янсона: «Приказ Москвы мир с Японией, признание демократического буфера на Востоке мы проводим в силу партийной дисциплины...».

Но все это никак не оправдывает Тряпицына, который, пользуясь географической недостижимостью, не признавал над собой никакой власти и по существу установил в Сахалинской области личную диктатуру. Упиваясь собственной значимостью и безнаказанностью, он в течение трех месяцев чинил суд и расправу над жителями Николаевска и уезда.

В это же время, 28 марта 1920 года, в Верхнеудинске собрался съезд трудящихся и партизан Забайкалья. 6 апреля, после многодневных дебатов, его делегаты приняли историческую резолюцию об образовании ДВР, объединившей Забайкальскую, Амурскую, Приамурскую, Сахалинскую и Камчатскую области.

В противовес ДВР Я. Тряпицын и Н. Лебедева выдвинули авантюристическую идею создания Дальневосточной советской республики, «охватывающей район Николаевска, Охотска, Керби и острова Сахалина». Тем самым они давали еще один повод для расширения интервенции Японии, которой с выводом войск Антанты и чехословацкого корпуса было все труднее обосновывать свое военное присутствие на русском Дальнем Востоке. Сценарий, разработанный в Токио, предусматривал активизацию сил экспедиционного корпуса, включая захват Северного Сахалина. Подливая масло в огонь общественного мнения, японская пресса бушевала по по-

воду «николаевского инцидента», ставшего главным поводом для нового этапа интервенции.

В ночь на 5 апреля 1920 года японские части внезапно напали на гарнизон Владивостока, захватили суда Сибирской флотилии, обстреляли из орудий городские кварталы и захватили здание Приморского правительства. Были арестованы, а затем убиты руководители партизанского движения в Приморье С. Г. Лазо, А.Н. Луцкий и В.М. Сибирцев. В боях, развернувшихся от Никольска-Уссурийского до Хабаровска, погибло около семи тысяч бойцов и мирных жителей. Жестокость интервентов настроила против них большинство населения края. Поэтому японское командование согласилось сохранить власть Приморской земской управы, заключив с ней 29 апреля соглашение, фактически закрепившее полуоккупационный режим во Владивостоке и в 30-километровой зоне по обе стороны вдоль Уссурийской железной дороги.

Временное правительство ДВР во главе с А.М. Краснощековым реально влиять на эту ситуацию не могло, поскольку находилось в Верхнеудинске, отрезанном от Дальнего Востока белыми частями атамана Семенова и генерала Каппеля.

Радиостанции Николаевска и Александровска работали в эти дни с необычайным напряжением. От руководства Сахалинской области одновременно требовали подчинения два правительства – ДВР и Приморское земское. Но сахалинские большевики и Тряпицын ориентировались на Советскую власть, как это было в Амурской области, на Камчатке и в Охотске. Содержание телеграмм и иных документов свидетельствует, что руководство нижнеамурских партизан так и не поняло всей опасности своей тактики, обернувшейся стратегическим поражением.

14.3.5. Отзвуки авантюры Тряпицына на Северном Сахалине

Формальное провозглашение Советской власти в Александровске и Николаевске в марте 1920 года стало ширмой для политического бандитизма, мутной волной накатившегося на Сахалинскую область с отрядами Тряпицына. Можно сказать, что облисполком в Николаевске действовал только номинально. К тому же в апреле, в результате возникшего конфликта, Тряпицын расстрелял четырех членов исполкома, пытавшихся противостоять разгулу анархизма и террора. Вся власть перешла к Военно-революционному штабу Тряпицына, грозившего призывами «объявить войну Японии». В Александровске А. Кривулин, подражая диктаторским замашкам Тряпицына, также почти перестал считаться с островным исполкомом при принятии решений. Тряпицын требовал от сахалинцев в случае высадки на острове японского десанта взорвать шахты, пристань и все крупные здания Александровска, расстрелять арестованных в тюрьме и, захватив семьи японцев в заложники, отступить в тымовскую тайгу, чтобы развернуть там партизанскую войну.

На шахты уже завозили динамит, но многие члены островного исполкома воспротивились этой аванюре. Ведь взрывы, расстрелы и японские заложники были бы только на руку интервентам. К тому же вернувшийся в Александровск делегат областного съезда Советов И.С. Дежурнюк рассказал об установке ЦК РКП(б) на создание ДВР, нездоровой обстановке в штабе самого Тряпицына и разгуле репрессий в областном центре. Было решено, что партизаны, местные красногвардейцы и советские активисты должны эвакуироваться. Вскоре большевик С. Слепак и анар-

хист А. Кривулин, покинув остров, по льду Татарского пролива достигли Де-Кастри и прибыли в Николаевск. Командир партизанского отряда А.М. Фомин (Востоков), не выполнивший приказаний Тряпицына об уничтожении Александровска, возвращаться в Николаевск не решился и ушел в подполье, а с открытием пароходного сообщения тайно перебрался во Владивосток.

Во главе островного исполкома остался А.Т. Цапко, хотя официальных документов о его избрании на должность председателя в архивах не обнаружено. Таким образом, начиная с 1917 года, ему довелось в третий раз фактически возглавить на Северном Сахалине исполнительную власть. Был ли А.Т. Цапко непреклонным сторонником Советов и большевизма, как это на протяжении десятилетий подавалось в нашей исторической литературе?

Едва ли. Нет никаких документальных свидетельств его принадлежности к партии большевиков, убеждения и политическую практику которых он, как известно, не разделял. Но как общественный деятель демократических взглядов А.Т. Цапко пользовался авторитетом и популярностью в различных кругах населения города Александровска и всего Северного Сахалина.

Следует подчеркнуть, что за три года участия в политической жизни Сахалинской области, отмеченных для России самыми жестокими социальными потрясениями, А.Т. Цапко никоим образом не был замешан в кровопролитии. Возможно, это придавало ему чувство внутренней уверенности в те дни, когда пришлось взять на себя бремя ответственности за судьбы сахалинцев и всего острова, который, как он считал, должен остаться неотъемлемой частью России. Была и еще одна причина, не позволившая Александру Трофимовичу бежать из Александровска с большевиками-исполкомовцами и партизанами Тряпицына. В городе оставалась его жена, которую он очень любил, и дочь-малютка. Бросить на произвол судьбы семью и жителей Александровска, многие из которых не раз выражали ему доверие, он просто не мог.

Под прицелами тяжелых орудий японских крейсеров, появившихся вскоре на рейде, маленький и как-то сразу притихший Александровск был абсолютно беззащитен. Короткий и драматический этап гражданской войны на острове, охватывающий события с января по апрель 1920 года, завершился поражением крайне радикальных революционных сил в виде союза местных большевиков и анархистов, выступавших в Сахалинской области под знаменем Советской власти.

14.4. Японская оккупация Северного Сахалина. Апрель 1920 – май 1925 гг.

14.4.1. Японский десант на Северном Сахалине

Орудийные залпы во Владивостоке 4-5 апреля 1920 года прогремели прелюдией нового этапа японской интервенции в России. Теперь в Токио готовились к захвату Северного Сахалина. 18-19 апреля броненосец «Микасо» и крейсер «Мисими», оснащенные гидроаэропланами, вышли из порта Отару на север, взяв курс на Николаевск. Ссылаясь на то, что льды закрыли им проход в устье Амура, 21 апреля японские корабли стали на рейде Александровска. Это был расчетливый ход с целью выяснить обстановку на материковой части Сахалинской области, занятой армией Тряпицына, и заодно установить контроль над Северным Сахалином.

По поручению исполкома островного Совета крейсер «Мисими» посетила делегация во главе с А.Т. Цапко и заявила протест по поводу вторжения. Хотя командиру крейсера было заявлено, что жизнь и имущество японских подданных в абсолютной безопасности, все проживавшие в Александровске японские семьи ушли к вечеру на корабль, будто бы на устраиваемый для них спектакль. Смысл этих действий прояснился на следующее утро, когда на берег сошел двухтысячный японский десант. Не встречая сопротивления, японские патрули сразу же заняли почту, телеграф, административные здания и иные важнейшие пункты города, напомнившего теперь военный лагерь. Командующий десантом полковник Э. Тамон приказал обыскать дом А.Т. Цапко, но его самого пока не трогали. Началась конфискация имевшегося у населения оружия.

Перед высадкой японцев исполком выпустил из тюрьмы колчаковцев, арестованных 14 января, и представители японского командования с ними тоже встречались. В первый же день они любезно приняли у себя И.А. Карповича, бывшего в 1918-1919 гг. городским головой Александровска. На другой день в людных местах были расклеены извещения о том, что временно, до выборов в думу, власть переходит к «комиссии городского самоуправления». Вместе с Карповичем в комиссию вошли торговцы Петровский и Русланов, бывший офицер Филиппов и ряд других местных деятелей. Однако всем было ясно, что японцы на этом не остановятся.

14.4.2. Провал плана создания «Сахалинского автономного государства» под протекторатом Японии

Вскоре по Александровску пошли слухи, что на острове объявился уволенный в 1916 году губернатор Д.Д. Григорьев. Но скоро эти слухи подтвердились. Бывший камергер императорского двора собственной персоной появлялся в городе и окрестных селениях, выступая перед оторопевшими жителями с идеей провозглашения «Сахалинского автономного государства».

Судя по всему, Григорьев сам инициировал эту акцию перед высшим японским генералитетом. После отставки, пережив революцию в Петрограде, он оказался в Лондоне, а потом добрался до Токио, где встретился со своим старым знакомым Симادا Гентаро. Этот крупный предприниматель из Николаевска имел широкие связи в консорциуме «Полярная звезда» и кругах, близких к японскому генштабу. Видимо, идея экс-губернатора о «независимом» Сахалине под протекторатом Японии их заинтересовала, и в итоге Григорьев оказался вместе с интервентами на Сахалине.

По сообщению хабаровской газеты «Вперед» от 10 июня 1920 года, он так разъяснял свои планы сахалинцам:

«Зачем нам правительство с уплатой налогов... Мы сами себе можем быть полными хозяевами, будем иметь свои законы, свои средства. У нас имеется несколько тысяч промышленных заявок, их мы продадим, получим валюту в золоте или иенах».

В поездках по Северному Сахалину Григорьева сопровождал юркий бизнесмен по имени Мияке. По крайней мере, так он представлялся всем, даже японским офицерам. Его подлинное имя знали немногие. Это был майор Мияке Казуо, приставленный японским командованием наблюдать за действиями Д.Д. Григорьева.

По одним сведениям президентом «Сахалинской республики» он видел себя, по другим – предлагал этот пост известному геологу Петру Игнатьевичу Полевому,

находившемуся в то время в Александровске. Однако Петр Игнатьевич высмеял авантюрный план отторжения острова от России и категорически отказался содействовать ему в любой форме. Сахалинские крестьяне и городские обыватели тоже слушать не хотели бывшего губернатора. На сельских сходках Д.Д. Григорьева встречали свистом и насмешливыми репликами. Идея создания марионеточного государства на русском Сахалине выглядела настолько неуклюже, что в японском генштабе решили от нее отказаться, и через месяц, 22 мая, ее автор покинул Александровск.

Д.Д. Григорьев полностью разочаровал своих японских хозяев не только из-за полного провала своих замыслов. Им стало известно, что тот как-то неосторожно заявил, что бельгийский капитал на острове был бы уместнее японского. Кроме того, он критиковал «некомпетентность» И. Стахеева и настаивал на перераспределении его нефтяных полей между прежними владельцами. Компания И. Стахеева, имевшая свои интересы на Северном Сахалине, к этому времени была тесно связана с консорциумом «Полярная звезда». Когда информация о заявлениях Д.Д. Григорьева дошла до министра иностранных дел Учида Ясуя, он заметил, что такие мысли «чинят препятствия деятельности ассоциации «Полярная звезда» и поэтому правительство «должно отнестись к этому серьезно». В Токио считали Северный Сахалин с его природными ресурсами своим главным трофеем и делиться им ни с кем не собирались.

14.4.3. Свержение Советской власти на Северном Сахалине и гибель А.Т. Цапко

Политическая ситуация в Сахалинской области к началу мая 1920 года выглядела необычайно сложно. В областном центре городе Николаевске, где формально была Советская власть, всеми делами фактически заправлял Военно-революционный штаб анархиста Я.И. Тряпицына, который вел себя как диктатор. На Северном Сахалине всю хозяйничали войска японского экспедиционного корпуса, но в городе Александровске не прекратил своей деятельности исполком островного Совета во главе с А.Т. Цапко. Конечно, такое положение не могло сохраняться длительное время.

Намек на готовившееся свержение исполкома в Александровске виден из заметки газеты «Владиво-Ниппо» от 13 мая 1925 года. В ней А.Т. Цапко назван большевиком, который все еще удерживает власть на Сахалине, а «бывшие городские деятели под угрозой оружия стараются его сместить».

На самом деле избавиться от А.Т. Цапко японцы не спешили, пытаясь, видимо, разобраться в обстановке. Почти месяц он оставался на свободе, продолжая протестовать против действий интервентов. За ним установили слежку, а командование японского гарнизона демонстративно игнорировало его как законного представителя русских властей. В этот период японцы еще делали ставку на «миссию» Д.Д. Григорьева и наращивали свои военные силы на острове, превратив его в плацдарм для удара через Де-Кастри на Николаевск. Кроме того, в Токио выжидали, как будут реагировать на захват Северного Сахалина общественность страны и правительства союзников. Пока же японские военные вели разведку местности, оборудовали в Александровске свою радиостанцию и мобилизовали у русского населения лошадей с телегами для перевозки военного имущества в ходе предстоящего наступления.

На 20 мая были назначены выборы в Александровскую городскую думу. Японское командование готовилось провести их по своему сценарию и за три дня до этого начало аресты членов исполкома, бывших красногвардейцев и иных «неблагонадежных» лиц, замеченных в симпатиях к Советам. Поздно вечером 17 мая японские солдаты арестовали А.Т. Цапко и увели его на военный корабль, стоявший на рейде Александровска.

Через несколько месяцев японцы выпустили из тюрьмы под поручительство сельских обществ большинство арестованных советских работников. Однако А.Т.Цапко среди них не было. Конкретные обстоятельства его гибели до сих пор не известны. Возможно, ключ к этой тайне хранится где-то в японских архивах. Вместе с Цапко жертвами японской военщины стали командир красногвардейского отряда К.И. Кондрашкин и член исполкома Т.Е. Чумаков. Их судьбу долгое время пытались выяснить родные, а после 1925 года – сотрудники ОГПУ, но все их усилия были тщетны.

Между тем главные причины гибели Цапко в общем-то известны. Будучи безусловно честным человеком, он иногда допускал политические компромиссы. Поэтому и отошел на вторые роли, когда лидерство на островном съезде Советов захватили большевики и ставленники Тряпицына, а ему оставили должность заведующего финансово-экономическим отделом исполкома. Но пойти на сотрудничество с интервентами, как это делали некоторые местные деятели, он не мог ни при каких условиях. Для расправы с Цапко у японцев были и иные основания. Как член исполкома и к тому же начальник радиостанции, он, несомненно, лучше других был осведомлен о положении в Николаевске и о том, куда ушли партизаны и большевики-исполкомовцы из Александровска. Об этом представители японского командования прямо заявили его жене через несколько дней после ареста, объяснив, что сочли «нужным для ликвидации николаевских ужасов взять его с собою как свидетеля». Что пережил в последние дни или часы своей жизни Александр Цапко, наверное, мы никогда не узнаем, но имя его навсегда вошло в историю Сахалина как одно из самых ярких и достойных.

После гибели А.Т. Цапко правительство Приморской земской управы, пытаясь обозначить присутствие русских властей на Северном Сахалине, временно назначило своим уполномоченным в Александровске бывшего начальника городской милиции С. А. Филиппова, который 9 июня издал приказ о вступлении в эту должность. Это выглядело как политический жест, ибо реальных сил для противодействия интервенции на острове у ДВР не было.

14.4.4. Развал красного партизанского движения в Сахалинской области

События на острове в апреле и мае 1920 года хронологически совпали с заключительным актом трагедии в Николаевске, жертвами которой стали сотни японцев и тысячи русских – мирных жителей Сахалинской области.

22 апреля 1920 года, на следующий день после занятия японцами Александровска, главком Народно-революционной армии ДВР Г.Х. Эйхе назначил Тряпицына командующим Охотским фронтом. Но рассчитывать на военную помощь ДВР сахалинским партизанам не приходилось. Они оказались заложниками военного и политического авантюризма Тряпицына, восстановившего против себя значительную часть населения и даже недавних соратников.

Продолжая наращивать свои силы в Сахалинской области, 14 мая японское командование высадило в заливе Де-Кастри пять тысяч солдат, начавших наступление на Николаевск. Из Хабаровска вниз по Амуру вышли японские канонерки с десантом. 15 мая Г.Х. Эйхе приказал Тряпицыну оставить Николаевск во избежание столкновений с японцами. Но прежде чем отступить, Тряпицын решил «хлопнуть дверью». По его приказу расстреляли всех арестованных в городской тюрьме, как японцев, так и русских. Вакханалия убийств, насилия и грабежей охватила город. Людей, хоть в чем-либо заподозренных или просто спасавших свое добро, красные партизаны расстреливали, рубили шашками, а потом стали просто забивать, как скот. Приговоренных к смерти по одному выводили к пристани на берегу Амура и там убивали ударом большого деревянного молота-кувалды по голове. Тела сбрасывали в темные, холодные воды реки.

По приказу штаба Тряпицына около пятнадцати тысяч жителей Николаевска покинули свои дома. Перегруженные сверх меры караваны катеров и барж везли людей вверх по Амгуни до селения Керби (ныне поселок имени Полины Осипенко), расположенного у северо-восточной границы тогдашней Сахалинской области. От Николаевска до Керби свыше пятисот километров, из которых четыреста – по Амгуни. Часть жителей уходила пешком по левобережью Амура и Амгуни или разбегалась в панике по тайге. 30 мая эвакуация была закончена, и в ночь на 1 июня весь Николаевск был во власти огня. В крепости Чныррах имелись огромные склады взрывчатки: одного только пороха в руки тряпицынцев попало до трех тысяч пудов. Все это они использовали для уничтожения богатого, мирного города и порта, возведенного за семь десятилетий трудом нескольких поколений дальневосточников. Один из современников писал, что от пожара «было светло, как днем. Пламя отражалось в могучей реке, окрашивало воду в багряно-красный цвет, и казалось, что течет не вода, а кровь...». Трое суток пылал покинутый город. Даже японские войска, стоявшие у самых подступов к Николаевску, не рисковали войти в полыхающие кварталы.

Отступая, партизаны сжигали селения и рыбалки. Еще недавно грозная армия Тряпицына разлагалась день ото дня. Бойцы грабили население, недовольных жителей расстреливали, командиры отрядов затевали стычки между собой. С прибытием в Керби Тряпицына и его начальника штаба Нины Лебедевой бесчинства и репрессии обрушились на жителей села и окрестных приисковых поселков. Фронт был брошен. Лишь немногие боеспособные группы партизан прикрывали отступление. Как ни странно, но японцы не ударили в тыл развалившейся партизанской армии.

Вскоре в Керби вспыхнул мятеж против Тряпицына. По некоторым источникам, первым выступил и затем активно участвовал в перевороте взвод сахалинских партизан под командованием Ивана Водянова. Возглавил восстание бывший офицер-артиллерист Иван Тихонович Андреев. Ранее он служил в крепости Чныррах и примкнул к партизанам в дни штурма Николаевска. 7 июля 1920 года в селе Керби из партизан и местных жителей был создан суд в составе 103-х человек. Прозаседав всего один день, суд приговорил к смертной казни 23 человека, в том числе Я.И. Тряпицына, Н.М. Лебедеву, Ф.В. Железина, которые обвинялись в диктаторстве и дискредитации Советской власти, уничтожении мирного населения Сахалинской области, расстрелах коммунистов и пленных японцев, сожжении Николаевска и иных преступлениях.

После расстрела Тряпицына командующим Охотским фронтом стал И.Т. Андреев. Однако реально противодействовать японским войскам партизанская армия была

неспособна. Началась массовая эвакуация населения по тракту Керби-Экимчан в Амурскую область. Только поздней осенью 1920 года, претерпев неимоверные лишения, тысячи беженцев из Сахалинской области достигли Благовещенска. Вернуться домой к разоренным очагам позднее смогли из них лишь очень немногие. Некоторые из жителей Николаевска бежали не в Амурскую область, где была Советская власть, а на Северный Сахалин, занятый японцами. Среди них был и И.Т. Андреев с семьей.

Кровавые события в Сахалинской области весной 1920 года вошли в историю под названием «николаевского инцидента», жертвами которого стали более 700 японцев из числа как военных, так и гражданских лиц, а также несколько тысяч русских, главным образом мирных жителей. По некоторым оценкам население Сахалинской области к концу 1920 года сократилось почти наполовину. «Николаевский инцидент» стал главным поводом для введения оккупационного режима на территории Сахалинской области, занятой японскими войсками. Оккупация явилась новым этапом интервенции с целью аннексии и колонизации Северного Сахалина с его богатейшими природными ресурсами.

Следует подчеркнуть, что на протяжении последующих пяти лет японской оккупации в нормативных актах ДВР, а с конца 1922 года – РСФСР и СССР, Северный Сахалин рассматривался как неотъемлемая часть России. В начале августа 1920 года в поселке Керби состоялся съезд трудящихся Сахалинской области, который принял решение о вхождении области в состав ДВР. В ноябре того же года на территории ДВР были созданы две области: Прибайкальская с центром в Верхнеудинске и Приамурская с центром в Хабаровске, к которой относилась северная часть Сахалина.

После разгрома белогвардейцев и вывода японских войск из Приморья Народное собрание ДВР 14 ноября 1922 года приняло постановление о самороспуске и воссоединении ДВР с Советской Россией, уже 16 ноября ВЦИК объявил о включении в состав РСФСР Дальневосточной республики «в теперешних ее пределах, включая оккупированную иностранными войсками зону...». На территории бывшей ДВР была образована Дальневосточная область, состоявшая из шести губерний: Прибайкальской, Забайкальской, Амурской, Приамурской, Приморской и Камчатской. К Приморской губернии относился и занятый японцами Северный Сахалин, который в этот период не выделялся в самостоятельную административную единицу. 18 февраля 1924 года Президиум ВЦИК постановил:

«...Удско-Кербинский уезд Приморской области переименовать в Николаевский с центром в г. Николаевск-на-Амуре. К Николаевскому уезду причислить северную половину о. Сахалин».

Издание названных нормативных актов свидетельствовало о том, что ни ДВР, ни СССР не собирались отказываться от своих прав на Северный Сахалин, ставший в эти годы объектом упорной дипломатической борьбы.

14.4.5. Северный Сахалин в годы японской оккупации

Сообщения о николаевской расправе породили в Японии волну националистических и антибольшевистских настроений. Под шквал призывов об отмщении, разразившийся в прессе, 29 июня 1920 года японское правительство решило оккупировать весь Сахалин в качестве гарантии «удовлетворительного решения николаевского дела». Официально об этом было объявлено 3 июля, когда по решению кабинета на Северный Сахалин был направлен дополнительный воинский контингент.

В городе Александровске разместилось военно-административное управление, ведавшее всеми вопросами экономической и общественной жизни Северного Сахалина. Как бы подчеркивая причины оккупации, в Александровск из Николаевска доставили прах жертв кровопролития в марте и мае 1920 года. До октября 1924 года его хранили в штабе экспедиционной армии, а затем перевезли в один из буддистских храмов в городе Отару на Хоккайдо. Порт Отару избран местом захоронения не случайно. Именно он служил воротами для убывающих в Николаевск и Александровск частей японской армии.

Введение оккупационного режима означало широкомасштабную японизацию Северного Сахалина. Сюда начали прибывать переселенцы с Карафуто (Южный Сахалин) и из самой Японии. К осени 1920 года только в Александровске проживало более 1650 японцев. Улицы переименовали на японский лад. 24 сентября 1920 года главный колониальный банк Японии – Чосен Гинко (Корейский банк) открыл здесь свой филиал.

На этом этапе оккупации японское правительство рассматривало Северный Сахалин не как временно оккупированную, а как свою собственную территорию. С этой целью в первые месяцы деятельности военно-административного управления был издан ряд постановлений, ограничивающих права русского населения относительно владения и распоряжения земельными участками, введен жесткий контроль за горными и рыбными промыслами, запрещен вывоз на материк добытого угля и т.д. В итоге немногочисленные русские предприниматели скоро были вытеснены из экономической жизни острова, а наиболее доходные шахты, рыболовные участки и лесоразработки оказались в руках японцев.

Наибольшие выгоды и преимущества от эксплуатации природных ресурсов Северного Сахалина получили военно-промышленные круги Японии. Под их влиянием кабинет министров уже 16 июля 1920 года уведомил свой МИД, армию и министерство сельского хозяйства, что полный контроль за разработкой сахалинских месторождений угля и нефти возлагается на военно-морские силы. Вслед за этим ВМС выделили консорциуму «Полярная звезда» 1,4 миллиона иен на проведение буровых работ.

До 1925 года правительство наращивало субсидии этому консорциуму и ВМС с целью увеличения добычи нефти. Однако за все время оккупации японцы добыли на Северном Сахалине не более 20 тысяч тонн нефти. То была весьма скромная прибавка в топливном балансе Японии, где среднегодовая добыча нефти сократилась с 400 тысяч (1914–1918 гг.) до 270 тысяч тонн. В 1925 году Япония потребляла 840 тысяч тонн нефти, большую часть которой она импортировала из Калифорнии, Мексики и Индонезии. На этом фоне роль Северного Сахалина выглядела пока еще скромно, но японские геологи, промышленники и адмиралы не теряли оптимизма. Тесное сотрудничество частных нефтяных компаний и японских ВМС продолжалось и позднее, когда их работы на нефтяных месторождениях острова велись на условиях концессионного договора между СССР и Японией.

Энергичные меры принимались оккупационной администрацией по развитию транспорта сообщений и связи, как главного условия экономического освоения Северного Сахалина. Японцы строили мосты, дороги, пристани, трубопроводы, радиостанции, телефонно-телеграфные линии. К середине 1922 года была проложена узкоколейная железная дорога от Тымовского округа до села Корсаковка

под Александровском протяженностью около 70 км. Агентство «Дальта» сообщало, что главное назначение этой дороги – обслуживание оккупационных войск. Одновременно строились технологические железнодорожные линии по северо-западному побережью, где находились месторождения нефти. К 1925 году между заливом Уркт и Охинским нефтепромыслом японцы проложили узкоколейную железную дорогу длиной в одиннадцать км. Такого же типа линия, длиной пять км, соединила Набильский залив с нефтепромыслом Катангли. Основными объектами промышленного строительства были нефтехранилища, электростанции, механические мастерские и лесопилки, рыбозаводы и даже лисьи питомники.

Размах деловой активности на Северном Сахалине в первые два-три года оккупации свидетельствовал о том, что уходить отсюда Япония не собирается. Эта мысль звучала в документах оккупационной администрации, установившей для русского населения жесткие правила в экономической, политической и повседневной жизни. В 1921 году под наблюдением японцев прошли выборы старост в туземных стойбищах острова. С 1 апреля 1922 года была введена налоговая система, включавшая три основные группы налогов: 1) квартирный, 2) промысловый и 3) разных категорий, касающийся в основном индивидуальной трудовой деятельности.

Японские власти запретили почтово-телеграфную связь с материком, и русские жители, оказавшись в изоляции, ощущали себя иностранцами на своей земле. Компания «Мицубиси» завезла на шахты корейских рабочих, оставив без заработков местных шахтеров. Японский язык преподавался в школах как основной. Унизительными для русских были правила, которые обязывали их отдавать почести офицерам, сняв шапку и по-японски низко кланяясь, но еще тяжелее был произвол японских солдат и чиновников.

По сведениям, опубликованным оккупационными властями, в 1923 году на Северном Сахалине проживало 15,2 тысячи человек. Из них русские составляли около 50 процентов, остальные – японцы, китайцы, корейцы. К тому времени политика оккупационных властей в отношении русского населения становится более либеральной и терпимой. Это объяснялось усилением дипломатической активности СССР и его возросшим международным авторитетом. Постепенно японское правительство склонялось к выводу, что Северный Сахалин рано или поздно придется оставить, пойдя на политические уступки во имя экономической выгоды.

14.4.6. Дипломатическая борьба за освобождение Северного Сахалина

Пятилетняя японская оккупация Северного Сахалина происходила на фоне обострения политических и экономических противоречий в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Кроме РСФСР и ДВР протест по этому поводу заявили также Соединенные Штаты. Уже 16 июля 1920 года японский МИД получил ноту госсекретаря США Бэйнбриджа Колби, в которой выражалось сомнение относительно связи между «николаевскими событиями» и необходимостью высадки японского десанта на русской части острова. В ответ японцы заявили, что Николаевск – центр Сахалинской области и Северный Сахалин будет под оккупацией до тех пор, пока русские не искупят вину за кровавые деяния Тряпицына. Спустя полгода правительство США вновь выразило озабоченность действиями Японии, направив ей 31 января 1921 года ноту, в которой отмечалось, что «дальнейшая оккупация только усилит беспорядки в Приморье и на Сахалине».

Внимание Вашингтона к событиям на Сахалине было объяснимо. Как раз в это время американская нефтяная компания «Синклер ойл» пыталась начать переговоры с японским правительством о совместном освоении нефтяных месторождений на острове, но получила довольно резкий отказ. Неудача не обескуражила американских предпринимателей. Они обратились со своими предложениями к правительству ДВР и почти сразу нашли у него заинтересованное понимание.

На переговорах в Дайрене (26 августа 1921 года) делегация ДВР потребовала от японской стороны вывода оккупационных войск со всей территории края, включая Северный Сахалин. Но японская делегация согласилась на это только при условии предоставления острова в аренду на 80 лет в качестве компенсации за ущерб, причиненный в Николаевске.

7 января 1922 года правительство ДВР подписало договор с американской фирмой «Синклер ойл», дававшее ей право разрабатывать до 1969 года сахалинские нефтяные месторождения между 51-м и 52-м градусами северной широты. Соглашение могло быть аннулировано, если правительство США в течение пяти лет не признает Дальневосточную республику. Это был ловкий политический ход властей ДВР. Уступая «Синклер ойл» нефтяные площади на неподконтрольной им оккупированной территории, они рассчитывали поссорить японцев и американцев. И эта цель была достигнута. Северный Сахалин на несколько лет стал камнем преткновения японо-американских противоречий.

На проходившей в это время Вашингтонской конференции (12 ноября 1921 – 6 февраля 1922 гг.) Япония испытала сильнейший нажим со стороны США и Великобритании, крайне недовольных активностью Японии на русском Дальнем Востоке и в Китае. Сложной была обстановка и самой Японии, которая оставалась единственной страной, державшей здесь свои войска, и это ложилось тяжелым бременем на ее государственный бюджет. За прекращение интервенции в России высказывалась не только общественность, но даже деловые и военные круги. Однако дипломатическая борьба за Северный Сахалин, подогреваемая интересами японских монополий, по-настоящему только начиналась.

На конференции в китайском городе Чанчуне (4-26 сентября 1922 г.) объединенная делегация РСФСР и ДВР добивалась от японской стороны вывода оккупационных войск со всей территории российского Дальнего Востока. Но японская делегация согласилась сделать это только в отношении Приморья, заявив, что оккупация Северного Сахалина будет продолжаться до «разрешения Николаевского инцидента». На этом переговоры были прерваны.

Вскоре Япония приступила к выводу своих войск из Приморья. 25 октября 1922 года Народно-революционная армия ДВР вступила во Владивосток. «Буферное» образование, каковым была ДВР, выполнило свою историческую миссию, и 15 ноября территория республики вошла в состав РСФСР. С этого момента «сахалинский вопрос» стал одной из главных проблем двухсторонних переговоров Советской России (с декабря 1922 года – Союза Советских Социалистических Республик) и Японии, вступивших на путь дипломатического сближения. Заметную роль в этом играли деловые круги и среди них – «Союз японских рыбопромышленников в русских водах», связанные экономическими интересами с Дальним Востоком России.

Нежелание японского МИДа официально сделать первый шаг к межгосударственным переговорам с СССР привело к тому, что эта роль де-факто оказалась до-

верена частному лицу, занимавшему, однако, высокое общественное положение, – мэру Токио и председателю Русско-Японского общества Симпюю Гото. В начале 1923 года он пригласил советского полпреда в Китае Адольфа Абрамовича Иоффе посетить Японию «для лечения, могущего прояснить существующее непонимание между нашими странами».

Как опытный политик Гото понимал, что главным тормозом нормализации советско-японских отношений является сахалинский вопрос. Поэтому он сразу же предложил его урегулировать путем продажи Северного Сахалина Японии за 100 миллионов иен. В Москве информация А.А. Иоффе об этом предложении не встретила принципиальных возражений. На заседании Политбюро ЦК РКП(б) 3 мая 1923 года, где рассматривался вопрос о переговорах с Японией, ему было поручено продолжить переговоры «в направлении продажи о. Сахалина, причем сумму в один миллиард (золотых рублей. – **А.К.**) считать минимальной». Всю сумму или, как минимум, 90 процентов от нее, в Москве рассчитывали получить наличными и при условии, что на эти деньги «не могут быть обращены никакие расчеты между Японией и Россией».

28 июня 1923 года в Токио начались переговоры между А.А. Иоффе и представителем японского правительства Каваками. Вновь возникла тема продажи Северного Сахалина, но сумму в 1 миллиард, запрошенную советской стороной, японцы сочли слишком высокой и предложили 150 миллионов иен. В случае если правительство СССР откажется продать северную часть острова за эту сумму, японская сторона предложила предоставить ей долгосрочные концессии (55-99 лет) на эксплуатацию нефтяных, угольных и лесных ресурсов Северного Сахалина, а также на строительство железных дорог. В итоге стороны не смогли договориться, и переговоры были прерваны.

Только через год «сахалинский» вопрос сдвинулся с мертвой точки. Произошло это под влиянием обстоятельств, заставивших Японию умерить свои требования. Во-первых, к 1924 году СССР заметно укрепил свои позиции на западе и на востоке, установив дипломатические отношения с рядом европейских стран (Англией, Францией, Италией, Швецией и др.) и подписав договор о дружбе с Китаем. В Токио возникла тревога о том, что могут пострадать его «специальные интересы» в Китае. Во-вторых, в Японии все больше осознавали необходимость урегулировать отношения с СССР по экономическим причинам.

14 мая 1924 года в Пекине начались официальные переговоры о нормализации отношений между СССР и Японией, которые вели советский полномочный представитель в Китае Лев Михайлович Карахан и посланник К. Есидзава. К началу переговоров у японской стороны созрело понимание, что рано или поздно ей придется возвратить СССР Северный Сахалин и вывести оттуда свои войска. Но при этом японское правительство стремилось добиться права распоряжаться его природными ресурсами. Поэтому ее делегация главное внимание уделяла проблеме концессий, добиваясь права на эксплуатацию 60 % всех нефтеносных площадей Северного Сахалина, а также угольных копей в Дуэ.

Наконец 20 января 1925 года в Пекине был заключен договор, называвшийся «Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией». С его подписанием официально устанавливались дипломатические отношения между странами. Это означало юридическое признание Советской России японс-

ким правительством, которое обязалось до 15 мая вывести свои войска с Северного Сахалина. Это был крупный успех советской внешней политики, отрывший перспективы развития политических и экономических отношений с Японией.

Для принятия Северного Сахалина была образована Полномочная комиссия ЦИК СССР. Ее председателем назначили 26-летнего дипломата Владимира Яковлевича Аболтина. Комиссии совместно с членами вновь образованного Сахалинского ревкома предстояло на месте решить практические вопросы, связанные с выводом японских войск, принятием имущества и созданием советских органов власти.

Более месяца в Александровске шли упорные переговоры с представителями японского командования, завершившиеся 1 мая 1925 года подписанием детального соглашения о передаче Северного Сахалина и порядке вывода оккупационных войск в течение двух недель. В этот же день вышел в свет первый номер газеты «Советский Сахалин».

Ранним утром 14 мая 1925 года был спущен флаг над зданием штаба японского командования. После обмена почестями между советским и японским военными отрядами на пристани Александровска состоялось подписание завершающего документа – Акта уполномоченных СССР и Японии о выводе оккупационных войск и восстановлении на Северном Сахалине суверенитета СССР. В 9 часов 40 минут последний японский солдат покинул русскую часть острова. Японская военная интервенция на Дальнем Востоке России была полностью ликвидирована.

14.5. Северный Сахалин в 1925-1945 годах

14.5.1. Административное устройство и советская система управления на Северном Сахалине

После гражданской войны социально-экономическое и политическое развитие Северного Сахалина происходило на фоне коренных преобразований, затронувших все стороны жизни страны. В сфере политической это было время становления и укрепления сталинской тоталитарной системы, с безграничной диктатурой партийных органов и репрессивного аппарата ОГПУ-НКВД. В экономическом укладе жизни кардинальные перемены выразились в насильственной коллективизации, уничтожившей миллионы крестьян, и форсированной индустриализации.

15 мая 1925 года в Александровске официально приступил к работе Сахалинский революционный комитет (ревком). Его председатель, активный участник партизанского движения в Приморье, Рафаил Абрамович Шишлянников прибыл в составе Полномочной комиссии ЦИК СССР, он же являлся уполномоченным Дальбюро ЦК РКП(б) на Северном Сахалине. Сахалинский ревком подчинялся напрямую Дальревкому в Хабаровске, хотя Северный Сахалин считался волостью Николаевского уезда ДВО. Эта особенность управления островом на начальном этапе советского строительства была связана со сложной политической обстановкой в регионе. Как известно, ревкомы были чрезвычайными (неконституционными) органами власти в местностях, находившихся в период гражданской войны на военном положении. Летом 1925 года на Северном Сахалине прошли первые выборы в сельские и поселковые Советы рабочих и крестьянских депутатов. Но всей политической и хозяйственной жизнью Северного Сахалина по-прежнему руко-

водил чрезвычайный орган советской власти – ревком, который сохранял свои полномочия еще более трех с половиной лет.

Декретом ВЦИК от 4 января 1926 года был образован Дальневосточный край (ДВК) с центром в Хабаровске. Прежнее деление Дальнего Востока на губернии и уезды было упразднено и в составе ДВК образовано девять округов, в том числе Сахалинский округ с центром в Александровске. Он объединял четыре района: Александровский, Рыковский, Охинский и Рыбновский. К концу 1927 года в Сахалинском округе было образовано 30 сельских и 3 поселковых Совета. Завершением начального этапа советского строительства на Северном Сахалине можно считать 1-й окружной съезд Советов, проходивший в Александровске 20 января 1929 года. На нем был избран окружной исполком, которому Сахалинский ревком передал свои полномочия.

Сложившаяся к тому времени в СССР жесткая вертикаль власти делала окрисполком крайне зависимым в решении насущных проблем Северного Сахалина. По выделению бюджетных средств на содержание местных Советов, учреждений народного образования, здравоохранения и культуры последнее слово оставалось за Далькрайисполкомом. Главные политические и кадровые вопросы местной жизни решали партийные органы – Далькрайком ВКП(б) и руководители Сахалинской партийной организации.

15 июня 1925 года для руководства партийными организациями северной части острова было образовано Сахалинское бюро РКП(б) во главе с Н.Г. Рудаковым. Первая партийная ячейка в Александровске состояла из членов Полномочной комиссии ЦИК СССР и прибывших с ней пограничников. В 1926 году окружная партийная организация насчитывала 123 коммуниста. Через членов партии возглавляемый Сталиным ЦК ВКП(б) руководил политической и хозяйственной жизнью страны в центре и на местах. Поэтому именно в руках окружного (с 1932 г. – областного) комитета партии сосредоточилась реальная власть, волю и решения которой местные Советы призваны были беспрекословно исполнять, облекая в государственно-правовую форму. Вплоть до падения в 1991 году коммунистического режима в СССР через партийные комитеты и их секретарей осуществлялось руководство всей общественно-политической и экономической жизнью острова.

С целью вовлечения аборигенного населения в социалистическое строительство в декабре 1929 года был образован Восточно-Сахалинский национальный район с центром в стойбище Ноглики. С 1931 по 1934 год существовал также Западно-Сахалинский национальный район с центром в стойбище Вискво.

В октябре 1932 года в связи с реорганизацией административного деления края была образована Сахалинская область в составе ДВК. И хотя в постановлении 1-го областного съезда Советов от 20 января 1932 года это отмечалось как факт «большого политического и хозяйственного значения», фактически создание области не повлияло на роль местных Советов в социально-экономической жизни Северного Сахалина, который, превратившись в сырьевой придаток индустриальных центров ДВК, получал крохи краевого бюджета на решение своих острейших проблем.

Развитие нефтяной промышленности и рост населения Охинского района стали поводом к тому, чтобы 19 февраля 1933 года президиум облисполкома придал статус города рабочему поселку Оха, но юридически это было закреплено только Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 ноября 1938 года. В 1938 году

ДВК был разделен на Приморский и Хабаровский края, к которому до 1947 года относилась и Сахалинская область. К началу 1940-х годов в Сахалинской области было пять районов: Охинский, Рыбновский, Кировский, Восточно-Сахалинский и Широкопадский.

14.5.2. Советская переселенческая политика на Северном Сахалине

В 20-30-е годы XX века международное положение СССР было чрезвычайно сложным. В экономических и военно-политических планах советского руководства Дальнему Востоку отводилась роль стратегического рубежа, или как тогда говорили – «аванпоста социализма на Тихом океане». Но создать такой рубеж на обширной территории ДВК, с его крайне редким населением, было непросто. Для этого требовались значительные материальные, финансовые и людские ресурсы. По данным 1926 года, в ДВК проживало около 1,3 миллиона человек, и проблема заселения края считалась одной из приоритетных.

С середины 1920-х годов население ДВК увеличивалось очень быстро. Так, если население РСФСР за период с 1926 по 1939 год возросло на 16,9 %, то население Дальнего Востока – на 89,3 %. Этот впечатляющий показатель советской переселенческой политики едва ли удастся превзойти в обозримой исторической перспективе. В основе планов экономического освоения Дальнего Востока тех лет лежала прогрессивная идея рационального размещения производительных сил, сформулированная основателем советского государства В.И. Лениным. В огромной стране с колоссальными природными ресурсами она обещала хорошие перспективы, но стратегия ее реализации не была глубоко проработана. В первых пятилетних планах ДВК отводилась, как правило, роль поставщика сырьевых ресурсов. Эта тенденция характерна и для Северного Сахалина, ставшего регионом интенсивного экономического освоения и массового переселения.

По данным за январь 1926 года, на Северном Сахалине проживало всего 10,2 тысячи человек. В основном это были русские старожилы (67,9 %), многие из которых вели родословную от сахалинских ссыльнопоселенцев. Второй по численности группой населения были иностранцы (17,1 %) – китайцы, корейцы и японцы. Представители коренных народностей – нивхи, ороchonы, тунгусы и якуты – составляли 15 %. В городе Александровске насчитывалось 2,5 тысячи жителей. Переселение на Северный Сахалин в довоенный период можно разделить на два этапа, различающихся по масштабам, а также формам и методам.

На первом этапе (1926-1929 гг.) главный упор делался на крестьянское переселение с целью обеспечить сельскохозяйственную базу развития экономики. За три года активных переселенческих мероприятий население округа почти удвоилось и на 1 января 1929 года составляло 26,5 тысячи человек. Но для развития промышленности этих трудовых ресурсов было недостаточно. Поэтому наряду с переселением не исключалось принудительное заселение Северного Сахалина. Известно, что в 1929-1930 годах Политбюро ЦК ВКП(б) и правительство изучали вопрос о применении на острове в широких масштабах труда заключенных. По ряду причин от этих планов пришлось отказаться, и в советскую эпоху остров не стал местом массовой ссылки, передав историческую эстафету Колымскому краю.

На втором этапе (1929-1940 гг.) преобладало промышленное переселение, проводившееся интенсивными методами в виде краткосрочной вербовки на 2-3 года

и сезонного завоза рабочих. Население Северного Сахалина увеличивалось неравномерно и по хронологии, и по географии размещения. Так, например, с 1925 по 1933 гг. оно выросло почти в 6 раз и составило 75 тысяч человек. Население Александровска выросло в 7-8 раз, а центра нефтяной промышленности – поселка Оха – только за 1929-1933 гг. выросло почти в 9 раз, с 2,5 до 22 тысяч человек. По всей стране шла вербовка рабочих на сахалинские шахты, в леспромхозы, на нефтяные и рыбные промыслы. Но быстрый рост населения был связан не только с развитием экономики острова. Успех вербовочной кампании в значительной мере объяснялся началом сплошной коллективизации и ее последствиями – голодом и массовым бегством крестьян из деревни.

Одной из форм промышленного переселения были общественные призывы. По партийно-комсомольской мобилизации в рыбную, угольную и лесную промышленность Сахалина прибыла тысяча человек. По путевкам ЦК ВКП(б) было направлено свыше 100 коммунистов. В 1930 году на остров по призыву ЦК ВЛКСМ прибыли комсомольцы в счёт «1200», по призыву Далькрайкома ВЛКСМ – в счёт «500». В областном краеведческом музее хранятся документы комсомольцев Г.А. Вальчука, И.С. Бурилова, К.Е. Загоруйко, Г.А. Бондарева, которых в те годы знал весь Сахалин. Много добровольцев направлялось в лесную промышленность. В селе Агнево был создан комсомольский леспромхоз для поставки на экспорт сахалинской древесины. Для треста «Сахалиннефть» завозились рабочие и специалисты из нефтедобывающих районов Баку и Грозного.

К 1937 году на территории области имелось 384 населенных пункта. Можно было бы сказать, что далекий остров наконец-то приобретал обжитой вид. Но в реальности все выглядело не совсем так. Крупными населенными пунктами, по сахалинским меркам, были города Александровск-Сахалинский (17,3 тысячи человек) и Оха (18,9 тысячи), рабочие поселки Дуэ (2,9 тысячи), Мгачи (2,0 тысячи), Октябрьский (1,9 тысячи), села Дербинское (1,5 тысячи), Кировское (1,2 тысячи). Большинство же сахалинских поселков правильнее было бы назвать местами временного проживания. Это туземные стойбища, лесоучастки, блокпосты, разъезды, заимки, поселки при шахтах и рыбокомбинатах. Их создавали по производственной необходимости и спустя какое-то время они исчезали, не оставляя следа на карте.

Чтобы реально оценить жизнь сахалинцев в годы «сталинских пятилеток», стоит сказать о том, что до 1935 года на острове была карточная система снабжения продовольствием и промышленными товарами. Строительство благоустроенного жилья почти не велось. Основным типом жилья были бараки: 20-30-комнатные сооружения, без элементарных сантехнических удобств, с общей на весь барак плитой и без каких-либо подсобных построек. Средний размер жилой площади на одного сахалинца составлял около 3 кв. метров! И в такой обстановке люди жили годами.

Антисанитарное состояние населенных пунктов было скорее нормой, чем исключением. Именно тогда сформировался своеобразный психологический тип жителя Сахалина – тип временщика. В декабре 1933 года на 2-й областной партконференции в докладе секретаря обкома ВКП(б) отмечалось:

«На всех наших городах и поселках лежит печать временности, сезонности. Как будто люди приехали на несколько месяцев, чтобы потом уехать и никогда не возвращаться».

Жизнь сахалинцев в суровых климатических условиях осложнялась продовольственными трудностями. Отсутствие свежих продуктов приводило к массо-

вым заболеваниям, самым распространенным из которых была цинга. Все это не способствовало трудовому подъему и качественной работе. К этому следует прибавить низкую квалификацию рабочих, ехавших на «остров сокровищ», и нехватку опытных специалистов, которых зачастую замещали полуграмотные выдвиженцы. Все это порождало невиданную текучесть кадров, которую промышленность Северного Сахалина не смогла преодолеть в довоенные годы. Даже в 1940 году пароходы, привозившие в порт Москальво рабочих для нефтепромыслов, уходили переполненными такими же рабочими, приехавшими на остров годом раньше.

С 1925 по 1940 гг. численность жителей в Сахалинской области увеличилась в десять раз и составила 110 тысяч человек. Наряду с развитием некоторых отраслей промышленности (нефтяной, угольной, лесодобывающей) это был один из основных результатов советской политики освоения Дальнего Востока в довоенный период, достигнутый путем огромных усилий и жертв.

14.5.3. Промышленное освоение Северного Сахалина

Перспективы экономического развития Северного Сахалина зависели от решения ряда проблем: 1) обеспечения промышленности и сельского хозяйства трудовыми ресурсами; 2) изучения полезных ископаемых; 3) налаживания транспортно-экономических связей с материком; 4) развития собственной продовольственной базы; 5) создания необходимой социальной и транспортной инфраструктуры внутри острова.

Первыми крупными мероприятиями по освоению Северного Сахалина стала организация экспедиций для изучения его природных ресурсов. В 1925 году по распоряжению президиума Высшего совета народного хозяйства СССР на остров прибыла комплексная горно-геологическая экспедиция. Ее возглавлял Николай Акимович Худяков, в прошлом известный красный командарм. При обследовании нефтеносных районов главное внимание уделялось Охинскому месторождению, которое подробно описал А.И. Косыгин, позднее – известный геолог-нефтяник. Группа экспедиции во главе с профессором Б.А. Ивашкевичем обследовала леса Северного Сахалина и дала ориентировочную характеристику их запасов для промышленной разработки. В следующем году на острове работала переселенческая экспедиция Наркомата земледелия СССР под руководством профессора А.А. Красюка. Она изучала почвы и природные условия в бассейнах рек Тыми и Пороная с точки зрения развития здесь сельского хозяйства.

В дальнейшем научные исследования на Северном Сахалине приняли планомерный характер, что позволило обозначить ближайшие перспективы освоения природных богатств (нефть, уголь, лес, рыба и морепродукты) и наметить основные направления переселенческой политики. К сожалению, рекомендации ученых не всегда учитывались при принятии конкретных решений московских, краевых и местных властей.

Для руководства освоением дальневосточных окраин в 1929 году при Совете Труда и Обороне (СТО) СССР был учрежден Комитет по делам Камчатки и Сахалина, который возглавил Анастас Иванович Микоян. В том же году постановлением СТО СССР было учреждено Акционерное Сахалинское общество (АСО), объединившее управление лесной, угольной и рыбной промышленностью, переселенческим делом, строительством и т.д. В газетах тех лет Северный Сахалин часто называли «ва-

лютным цехом» страны. Не случайно АСО подчинялось сначала Наркомату внешней торговли, а затем – Наркомату снабжения СССР. В ноябре 1931 года АСО было ликвидировано, а на базе его предприятий созданы государственные отраслевые тресты «Сахалинуголь», «Сахалинлес», «Сахалинснаб» и «Сахалингосрыбтрест».

Новой для Сахалина отраслью экономики была нефтяная промышленность. 10 августа 1928 года решением СТО СССР было образовано государственное объединение – трест «Сахалиннефть», включенный в список предприятий союзного значения. Это был пятый нефтяной трест в СССР. В октябре 1928 года дала промышленную нефть первая советская нефтяная скважина. На следующий год были сданы в эксплуатацию еще 11 скважин, и годовая добыча составила 26 тысяч тонн. В сентябре 1932 года был открыт пласт, из которого ударил первый нефтяной фонтан. Поселок Оха превращался в важный промышленный центр ДВК. Но суровый климат, отсутствие дорог и надежной связи создавали немало проблем первостроителям «Дальневосточного Баку». В 1930 году в невероятно трудных условиях была проложена железнодорожная линия, а в 1931 году – нефтепровод между Охой и портом Москальво, откуда танкеры и баржи везли сырую нефть на материк. В Хабаровске для ее переработки был построен нефтеперегонный завод. Часть сахалинской нефти до 1937 года шла на экспорт в Японию.

Рост нефтедобычи происходил за счет освоения новых месторождений: в 1938 году начал давать нефть промысел Эхаби, а на следующий год – промысел Катангли. В 1940 году нефтяная промышленность Северного Сахалина впервые преодолела полумиллионный рубеж годовой добычи «черного золота». Всего за 1928-1945 гг. трест «Сахалиннефть» добыл около 6 млн. тонн нефти.

Угольная промышленность, будучи старейшей отраслью экономики Сахалина, после 1925 года переживала значительные трудности. Плохая техническая оснащенность старых шахт и острая нехватка квалифицированных кадров горняков не позволяли развернуть добычу угля, которая в 1927 году упала до небывало низкого уровня – 1,8 тысячи тонн. В последующие годы вступили в строй новые угольные предприятия: шахты «Октябрьская», «Макарьевка», «Мгачи», «Арково», на которых добыча угля велась почти полностью вручную. Внедрение новой техники – врубовых машин и пневматических отбойных молотков, – начавшееся с 1933 года, позволило повысить производительность сахалинских шахт. В 1937 году предприятия треста «Сахалинуголь» добыли 319 тысяч тонн, а в 1941 году – 644 тысячи тонн угля. Однако в годы Великой Отечественной войны объемы угля вновь заметно сократились, составив к 1945 году 310 тысяч тонн.

Рыбодобывающая промышленность Северного Сахалина была представлена двумя типами предприятий: 1) государственные заводы и промыслы «Сахгосрыбтреста»; 2) рыболовецкие артели и колхозы. До середины 1930-х годов основным промысловым районом были прилегающие к Амурскому лиману акватории северо-западного побережья острова, где в больших объемах добывалась кета, горбуша и сельдь, успешно развивался зверобойный промысел.

«Сахгосрыбтрест» имел в своем составе 19 заводов по добыче и переработке рыбы. В поселке Най-Най на верфи «Кунгасстрой» строились маломерные суда – кунгасы, кавасаки и т.п. По мере технического перевооружения промыслового флота сахалинские рыбаки осваивали не только прибрежные участки, но переходили к глубинному лову. В Александровском и Рыбновском районах было по-

строено три крупных береговых консервных завода, оборудование для которых закупили в США. Важную роль в развитии отрасли играли 27 рыболовецких колхозов, дававших примерно две трети общего объема добычи рыбы и морепродуктов. Для их обслуживания были созданы четыре моторно-рыболовные станции (МРС), оснащенные катерами и дрейфтерами. Средний среднегодовой объем добычи рыбы на Северном Сахалине с 1930 по 1940 год колебался от 150 до 270 тысяч центнеров и затем значительно увеличился в период Великой Отечественной войны. В 1943 году улов сахалинских рыбаков составил 359,3 тысячи центнеров рыбы.

Промышленное освоение острова, резко повысив спрос на пиломатериалы, стимулировало развитие лесной промышленности. Одним из первых крупных предприятий этой отрасли был Агневский леспромхоз, продукция которого шла на экспорт. Наибольший объем лесозаготовок на Северном Сахалине пришелся на 1932 год, когда было заготовлено 450,9 тысячи кубических метров древесины. В дальнейшем объем лесозаготовок постепенно снижался и составил в 1939 году только 138,0 тысяч кубических метров. Кроме поставок на материк, сахалинская древесина служила основным материалом на объектах промышленного и гражданского строительства. За весь довоенный период на Северном Сахалине было возведено только одно кирпичное здание в городе Александровске, где разместились обком партии и облисполком.

14.5.4. Японские концессии на Северном Сахалине

В декабре 1925 года в Москве представители правительств СССР и Японии подписали концессионные договоры на эксплуатацию в течение 45 лет нефтяных и угольных месторождений Северного Сахалина. По договору восемь нефтяных месторождений (Оха, Нутово, Пильгун, Эхаби, Чайво, Ныйво, Уйглекуты, Катангли) в северной части острова общей площадью 4,8 тысячи десятин были разбиты на участки. 50 % этих участков в шахматном порядке отходило японской стороне, 50 % – советской. В качестве платы за концессию японцы были обязаны отчислять советскому правительству от 5 до 45 % валового дохода. Кроме того, концессионер платил государственные и местные налоги, а также арендную плату.

Для эксплуатации нефтяных месторождений японские предприниматели в 1926 году создали Северо-Сахалинскую акционерную нефтяную компанию. В том же году компания приступила к эксплуатации Охинского нефтяного месторождения и разведке других отведенных ей участков. Добыча нефти довольно быстро росла и к 1933 году достигла 195 тысяч тонн. Однако вслед за этим показатели сначала стабилизировались на уровне 160-180 тысяч тонн в год, а с началом японо-китайской войны (1937 год) начался спад, который продолжался вплоть до ликвидации концессий в 1944 году. Причиной спада было резкое ухудшение советско-японских отношений во второй половине 30-х годов и постоянные требования правительства СССР ликвидировать концессии. Кроме того, в 1937 году работа концессионеров была существенно затруднена повальными арестами по обвинению в шпионаже как занятых на концессиях советских граждан, так и японских подданных.

Всего за время существования концессии японцы добыли на Северном Сахалине и вывезли в Японию более 2 миллионов тонн нефти.

В соответствии с концессионным договором японцы получили также ряд угольных месторождений Северного Сахалина: Дуйское (площадь 21 кв. км), Владимирское (16,5 кв. км), Мгачинское (27,4 кв. км) и Агневское (56 кв. км). Кроме того, японцы получили под разведку угля еще 25 кв. км. Для эксплуатации угольных месторождений, переданных японской стороне в соответствии с концессионным договором, была образована Северо-Сахалинская горнопромышленная компания. Однако из-за трений с советской стороной японская компания не смогла полностью воспользоваться предоставленными ей договором правами и с 1939 года практически прекратила деятельность на Северном Сахалине.

14.5.5. Сельское хозяйство Северного Сахалина в годы коллективизации

Приход советской власти на седьмом году Октябрьской революции всколыхнул патриархальную жизнь сахалинской деревни. Об аграрной политике большевиков сахалинские крестьяне знали понаслышке, но встретили новые веяния с утрюмой настроенностью. В сельскохозяйственном отношении Северный Сахалин явно отставал от других округов ДВК. С 1913 по 1925 год посевные площади на острове не увеличивались и составляли чуть более 2 тысяч десятин. Большинство крестьянских хозяйств, а их насчитывалось около 1,2 тысячи, обрабатывали землю силами семьи. Основными районами земледелия и животноводства были Рыковский и Александровский.

Индустриальное развитие острова настоятельно требовало создания собственной продовольственной базы. Для этого планировалось за десять лет переселить 2,5 тысячи крестьянских семей численностью 12,5 тысячи человек. 26 октября 1926 года с целью ускорить этот процесс, а также «для облегчения переселенцам устройства и укрепления хозяйств» СНК РСФСР принял постановление о льготах переселяющимся на Северный Сахалин. Постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1927 года давало дополнительные льготы сахалинским переселенцам, освободив их от призыва в армию, а также от обложения единым сельскохозяйственным и промысловым налогами на срок от 10 до 15 лет.

Первые 24 семьи переселенцев прибыли на остров в мае 1926 года из Новосибирского округа. На следующий год приехало еще 250 семей, осевших в Александровском, Рыковском и Рыбновском районах, где они образовали несколько сельскохозяйственных артелей («Сахалинский пионер», «Пчелка», «Красная заря» и др.). Эта форма обустройства новоселов считалась предпочтительной, поскольку артели и коммуны имели право на льготные ссуды до 15 лет из расчета 2,5 % годовых.

Условия жизни переселенцев были тяжелыми. Получив участки земли, они сами корчевали лес, строили дома, расчищали от заносов дороги. Не хватало строительных материалов и посевного зерна. Зачастую переселенцы, не сумев укорениться и истратив государственную субсидию, возвращались на материк. В те годы был даже такой термин «обратничество». Но уезжали переселенцы из родных мест на далекий остров тоже не от хорошей жизни, и, потерпев неудачу, люди впадали в отчаяние. Был случай, когда 18 семей переселенцев из Амурской области не смогли устроиться и просили отправить их на японский Сахалин.

В 1928 году при ЦИК СССР был создан Всесоюзный переселенческий комитет. Расширились льготы переселенцам, но в целом начальный этап сельскохозяйственного переселения на Северный Сахалин потерпел неудачу. В 1928-1929 го-

дах доля «обратничества» достигала 25 %, но вскоре власти нашли выход, сделав основной упор на колхозное переселение.

Судьбу российской деревни определил курс на коллективизацию, принятый в декабре 1927 года XV съездом ВКП(б). Декрет о земле, позволивший большевикам в 1917 году привлечь на свою сторону миллионы крестьян, был отброшен. Приступая к коллективизации, ЦК ВКП(б) требовал от местных партийных органов провести ее в сжатые сроки, «опираясь на бедноту, крепя союз с середняком и ведя решительную борьбу против кулака». По этой классификации на Северном Сахалине 35 % крестьянских хозяйств были бедняцкими, на долю середняков приходилось 55 % хозяйств и 10 % числились как кулацкие, которые надо было уничтожить.

Как и всюду, массовая коллективизация развернулась на острове с 1929 года, затронув не только село, но и индивидуальные хозяйства рыбаков, а также стойбища туземцев-оленоводоов. К концу 1931 года в Сахалинском округе было создано 42 сельскохозяйственных, рыболовецких и оленеводческих колхоза. Это были маломощные, почти карликовые хозяйства, которые в дальнейшем неоднократно укрупнялись. 15 июля 1931 года окрисполком утвердил мероприятия «по ликвидации кулачества в округе», выполнение которых было возложено на сельские Советы и органы ОГПУ. Сотни крестьянских семей были раскулачены и высланы за пределы острова. Затем развернулась кампания по «долишению прав кулаков» и чистке колхозов от «контрреволюционного элемента», вылившаяся в аресты наиболее работящих и зажиточных крестьян. К 1932 году более 80 % крестьянских дворов вошли в колхозы. В селе Воскресеновка Рыковского района была создана межколхозная машинно-тракторная станция, имевшая более двух десятков тракторов. По сравнению с индивидуальными хозяйствами урожайность зерновых, картофеля и овощей в колхозах была ниже. Но применение сельскохозяйственной техники позволило более чем в два раза увеличить посевные площади на острове и тем самым несколько увеличить объем сельскохозяйственного производства.

Газеты превозносили достижения сталинских колхозов, но жизнь людей не становилась легче. В 1933 году заработок колхозника на трудодень в лучших хозяйствах («Труд», «Новый Сахалин», «Чиррож») составлял 8-10 рублей, включая оплату натурой – 1,8 кг сена, 0,7 кг соломы и 2,7 кг картофеля. Низкие личные доходы подменялись моральными стимулами в виде грамот, ценных подарков, медалей и дипломов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. За успехи в картофелеводстве Ксения Бородина, первой среди тружеников сельского хозяйства Сахалина, удостоилась высшей правительственной награды – ордена Ленина. С 1933 по 1939 год продажа государству картофеля увеличилась с 14,6 до 58,4 тысячи центнеров, овощей – с 9,6 до 35,5 тысячи центнеров.

К 1940 году на Северном Сахалине было 20 колхозов, в том числе 2 оленеводческих, и 7 совхозов. Эти хозяйства имели 93 трактора, 8 комбайнов, 14 тракторных молотилок. Индивидуальных крестьянских хозяйств на острове практически не осталось. Но успехи колхозного строя не решили задачи создания прочной сельскохозяйственной базы для Северного Сахалина. Рост численности населения опережал темпы развития сельского хозяйства, и Сахалинская область по-прежнему зависела от завоза продовольствия.

14.5.6. Развитие транспорта на Северном Сахалине в 30-е годы

Отсутствие портов и надежной связи с материком сдерживало экономическое развитие советской части острова. Несмотря на заметный прогресс в развитии промышленности, остройшей проблемой Северного Сахалина оставалось бездорожье. Планы крупного железнодорожного строительства начала 1930-х годов так и остались на бумаге. Единственная железнодорожная линия Оха – Москальво протяженностью 34,5 км использовалась в основном как технологическая. Большую часть года нефтепромышленные районы северо-западного побережья были отрезаны от областного центра. Единственная автомобильная дорога соединяла Александровск с Тымовской долиной. Между остальными населенными пунктами движение совершалось по разбитым проселкам, лесным тропам, на речных плотах и судах вдоль морского побережья.

Крупным событием для Северного Сахалина явилось открытие авиационного сообщения с материком. Первый полет на остров совершил в январе 1930 года летчик М.В. Водопьянов. От Хабаровска до Охи, с тремя промежуточными посадками, он летел три дня. Позднее перевозки пассажиров и срочных грузов осуществлялись в основном на гидросамолетах. Летнюю навигацию 1935 года пилот И.П. Мазурук открыл успешным скоростным перелетом по маршруту Москва – Александровск-Сахалинский на гидросамолете «СССР Л-995». 16 мая он вернулся в Хабаровск, а уже с 18 мая на этом же самолете пилот А.И. Иванов начал регулярные почтово-пассажирские рейсы на Сахалин. Первые гражданские летчики сахалинских авиалиний работали в неимоверно тяжелых условиях, без радиомаяков и навигационных приборов. Это были настоящие асы, смелые и решительные. Не случайно в 1935 году трое из них – И.П. Мазурук, А.И. Иванов и А.Я. Иванов – были награждены орденами Красной Звезды. Михаил Васильевич Водопьянов и Илья Павлович Мазурук одними из первых в стране удостоились звания Героя Советского Союза. Первый – за спасение челюскинцев в 1934 году, второй – за успешную высадку первой научной экспедиции на Северный полюс.

Несмотря на бесчисленные предложения и огромную переписку с правительством построить обустроенный порт с причалами для морских судов в Александровске так и не смогли. Небольшой порт Москальво обслуживал только потребности нефтедобывающих предприятий Охи и никак не был связан с центральными районами Северного Сахалина из-за отсутствия дорог. Крайне медленно развивался трубопроводный транспорт. Создание современной транспортной инфраструктуры требовало крупных капиталовложений и привлечения рабочей силы, которой на Северном Сахалине постоянно не хватало. Здесь не было крупных концлагерей, подобных тем, что появились на строительстве Байкало-Амурской магистрали или в Колымском крае. Первая «сталинская стройка» с использованием труда заключенных началась на острове после того, как 5 апреля 1940 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление о строительстве нефтепровода Оха – Циммермановка (поселок в 206 километрах к северо-востоку от Комсомольска-на-Амуре). Историю этого строительства несколько поколений советских людей воспринимали по версии известного романа Василия Ажаева «Далеко от Москвы». Его герои – бодрые энтузиасты-комсомольцы, преодолевая любые невзгоды, прокладывают нефтепровод с острова Тайсин (так автор назвал Сахалин) на материк. На самом деле в конце 1940 года из 2600 человек, занятых на строительстве № 15 – так

назывался этот объект, более 90 процентов составляли заключенные и «спецпереселенцы», то есть ссыльные. Стройку удалось завершить с большим трудом лишь в начале Великой Отечественной войны.

14.5.7. Политические репрессии на Северном Сахалине

Преследования по политическим мотивам на Сахалине начались с первых месяцев установления Советской власти в 1925 году и не прекращались практически до падения коммунистического режима в стране. Менялись только масштабы, формы и методы репрессий в отношении инакомыслящих.

Одним из первых проявлений репрессивной политики, с которым столкнулись сахалинцы, было лишение избирательных прав по классовому признаку. Эта норма содержалась в Конституции СССР 1924 года. Но, попав в поле зрения ОГПУ, «лишенцы» неизбежно превращались в кандидатов для будущих арестов. Первая волна открытых репрессий прокатилась по Северному Сахалину в годы «великого перелома» в виде закрытия церквей, преследования верующих и высылки так называемых кулаков и членов их семей.

Как и по всей стране, эта политика на Северном Сахалине проводилась не только органами ОГПУ-НКВД, но и местным партийным руководством. Под их жестким контролем первичные парторганизации служили главным инструментом искоренения «оппортунизма» и морально-психологического террора, одной из форм которого были так называемые партийные чистки. Исключение из партии означало политическое недоверие и тоже было поводом для репрессий. С 1933 по 1938 год областная партийная организация сократилась более чем наполовину, с 2325 до 1090 человек. Были арестованы и расстреляны многие руководители области, включая первого секретаря обкома партии П.М. Ульяновского. Но абсолютное большинство жертв репрессий были ни в чем не повинные люди, простые сахалинцы – рабочие, колхозники, представители интеллигенции.

Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» украшал заголовки всех коммунистических изданий, но на деле нескрываемая подозрительность к иностранцам и советским гражданам, так или иначе с ними соприкасавшимися, была одной из пружин, двигавших маховик репрессий. Ярлык шпиона и «японофила» на острове можно было навесить без труда каждому, кто пережил интервенцию или работал на японских концессиях. По указанию партии одна за другой шли оголтелые политические кампании по борьбе с троцкистами, оппортунистами, вредителями и прочими врагами. Поселяя в человеческих душах страх и подозрительность, режим находил самооправдание за нечеловеческие условия жизни, нищенскую зарплату и пустые прилавки магазинов. На Сахалине, как и всюду в СССР, аресты проводились, как правило, по ночам. Человек исчезал с невнятным объяснением – арестован как враг народа, и это был еще один приговор, на сей раз его родным и близким. Почти никто не знал тогда, что формулировка «осужден на 10 лет без права переписки» означала обычно смертный приговор.

Расстрелы проводились не только в городе Александровске, но и в Охе, Ногликах, Оноре. В сахалинских сопках с тех пор остались сотни безымянных могил, местонахождение которых тщательно скрывалось. Известны факты «захоронения» расстрелянных в море и кремации тел казненных. Одно из мест массовых расстрелов находилось в долине реки Пиленги, в 7-8 километрах от села Верхний Армудан

Тымовского района. Здесь был совхоз погранотряда, строения которого приспособили под концлагерь и куда привозили смертников. Апогей репрессий пришелся на 1937-1938 годы, когда аресты и расстрелы приобрели массовый характер. В актах исполнения приговоров «тройки» имеются списки на расстрелы одновременно 148 человек (24 октября 1937 года), 167 человек (11 января 1938 года), 219 человек (8 апреля 1938 года), 270 человек (16 апреля 1938 года) и т.д.

События тех страшных лет в памяти многих сахалинцев и их потомков отложились под названием «дрековщины». В.М. Дреков с 1931 по 1938 год был начальником Сахалинского пограничного отряда и возглавлял окружной отдел ОГПУ (с 1934 г. – областное управление НКВД). Именно им на Северном Сахалине претворялись в жизнь самые бесчеловечные указания центра, связанные с раскулачиванием крестьян, арестами, пытками и расстрелами тысяч ни в чем не повинных людей. В сентябре 1938 года его арестовали в ходе очередной «чистки» органов НКВД, и он сам оказался в роли жертвы. В феврале 1940 года комбрига Дрекова расстреляли по приговору военной коллегии Верховного суда СССР. Но энергичных и исполнительных палачей не становилось меньше, и репрессии продолжались.

По архивным документам установлено, что в 1930-е годы на Северном Сахалине по решениям внесудебных органов было расстреляно 2246 человек. (Для сравнения: безвозвратные потери советских войск в Южно-Сахалинской и Курильской операциях августа 1945 года составили 1043 человека). Но фактически расстрелянных сахалинцев, видимо, еще больше, поскольку в это количество не входят казненные за пределами области, например в Хабаровске. Тысячи людей были брошены в концлагеря или отправлены в ссылку. Общее число репрессированных в Сахалинской области в годы сталинщины до сих пор требует уточнения. Известно, что только в довоенный период на Северном Сахалине по ст. 58 УК РСФСР репрессиям подверглось от восьми до десяти тысяч человек, то есть почти каждый десятый житель области.

14.5.8. Северный Сахалин в советско-японских отношениях перед второй мировой войной

После вывода оккупационного корпуса с Северного Сахалина правящие круги Японии не отказались от своих агрессивных замыслов в отношении российского Дальнего Востока. «Азия для азиатов» – этот определяющий принцип ее внешней политики породил цепь локальных войн и конфликтов, предшествовавших новой мировой войне.

Захватив в 1931 году Маньчжурию и вплотную приблизившись к границам СССР, Япония разместила здесь свою Квантунскую армию. Второй этап захватнической войны начался летом 1937 года, когда Квантунская армия перешла к широкомасштабному наступлению в южном направлении с целью захвата всего Китая и превращения его в японскую колонию. Между СССР и Китайской республикой 21 августа 1937 года был подписан договор о ненападении, а также соглашение о поставках вооружений и подготовке военных специалистов. В небе Китая сражались советские летчики.

Все это не могли не чувствовать на себе жители Северного Сахалина, который занимал важное место в советско-японских экономических и политических

отношениях. Достаточно сказать, что в середине 1930-х годов поставки нефти с Северного Сахалина играли довольно существенную роль в удовлетворении потребностей Японии в этом стратегическом сырье. Ведь главным потребителем сахалинской нефти был императорский военно-морской флот.

Начиная с 1935 года, Япония попыталась поставить под сомнение статус Северного Сахалина. Министр иностранных дел Хирота Коки публично заявил о новой позиции правительства по этому вопросу, намекая на мнимое обещание Москвы продать северную часть острова Японии. Как отметил Дж. Стефан,

«внеся в проблему нефтяной концессии элемент территориальных притязаний, Япония пошла на риск превращения Северного Сахалина в арену серьезных обострений».

Антикоминтерновский пакт, подписанный Германией и Японией 25 ноября 1936 года в Берлине, еще более осложнил советско-японские отношения. Эхо этих событий мгновенно отдалось на острове, где советские власти развернули кампанию вытеснения концессионеров. Трест «Сахалиннефть» объявил, что прекращает им продажу нефти с 1937 года, и наложил запрет на просьбу японцев о строительстве дополнительных нефтехранилищ и нефтепровода для заливки танкеров. Мутная волна политических репрессий получила дополнительный стимул, и органы НКВД начали повальные аресты советских рабочих на охинской концессии. Когда же по обвинению в шпионаже были арестованы несколько японских рабочих, концессионеры ответили массовыми увольнениями. Объем добычи на нефтяных скважинах резко снизился.

В сентябре 1937 года трест «Сахалинуголь» заявил о ликвидации японской угольной концессии на реке Агнево. Советская сторона ссылаясь на то, что «Мицубиси майнинг компани» якобы нарушила соглашение 1925 года, заморозив разработку агневских шахт, что привело к безработице и финансовым убыткам. В ответ концессионеры предприняли решительное увольнение советских рабочих на шахтах в Дуэ, почти вдвое сократив добычу. С 1939 года концессия в Дуэ вообще прекратила операции, хотя формально она еще оставалась в руках японцев на протяжении пяти лет.

В феврале 1939 года несколько членов японского парламента публично потребовали военной оккупации Северного Сахалина. 27 апреля Япония направила советскому МИД меморандум по поводу ограничений прав концессионеров. Москва, выдержав томительную паузу, в июле его отклонила.

Напряженность в советско-японских отношениях по вопросу о сахалинских концессиях нарастала и 24 июля 1939 года почти достигла предела, когда адмирал Енаи Мицумаса заявил об отправке к берегам Северного Сахалина морской эскадры в знак готовности Японии защитить свои нефтяные и угольные концессии.

Необычайную остроту ситуации придавало то, что у границы МНР на реке Халхин-Гол в это время уже шли ожесточенные сражения на земле и в воздухе. Нападения на Северный Сахалин не последовало, поскольку советско-монгольские войска под командованием комкора Георгия Константиновича Жукова нанесли японской армии сокрушительный удар, ставший своего рода прологом к событиям августа 1945 года.

Советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 года и нападение Германии на Польшу 1 сентября, втянув Европу во вторую мировую войну, времен-

но ослабили советско-японскую конфронтацию. Но трения между СССР и Японией на Северном Сахалине продолжались, как на границе вдоль 50-й параллели, так и по проблеме нефтяных концессий.

14.5.9. Сахалинская область в годы Великой Отечественной войны

Дождливым воскресным вечером 22 июня 1941 года пришла в Александровск весть о нападении фашистской Германии. С первых дней войны в военкоматы области поступили сотни заявлений сахалинцев с просьбой направить их на фронт, туда, где решалась судьба страны. Один за другим уходили во Владивосток пароходы с призывниками и добровольцами. Они направлялись на материк в войска Дальневосточного фронта, где шло формирование маршевых подразделений для действующей армии. Только за 1941 год в армию ушло 7094 сахалинца, а всего с 1941 по 1945 год было призвано 18,9 тысячи жителей области, в том числе 449 женщин.

Не все сахалинцы вернулись с полей сражений. По уточненным данным, собранным при составлении Книги Памяти уже в наши дни, более 2,4 тысячи призывников Сахалинской области пали на фронтах Великой Отечественной войны.

Ратные подвиги многих сахалинцев были отмечены высокими боевыми наградами. Один из них – тымовчанин Николай Данилович Грищенко, удостоенный посмертно звания Героя Советского Союза. В сентябре 1943 года командир минометного расчета Н.Д. Грищенко погиб в боях за освобождение Белоруссии.

Сводки Совинформбюро и солдатские письма ждали почти в каждой сахалинской семье с замиранием сердца. «Все для фронта, все для победы!» – под таким девизом жила огромная страна, превратившаяся в единый военный лагерь. Международная обстановка на Дальнем Востоке в 1941-1945 годах была очень сложной. Существовала реальная опасность агрессии со стороны милитаристской Японии, являвшейся союзницей фашистской Германии. Учитывая пограничное положение Сахалинской области, советское правительство не проводило эвакуацию из западных регионов на Северный Сахалин, хотя потребность в кадрах для островной промышленности крайне обострилась. Мужчин, ушедших воевать, заменили на производстве женщины и подростки. Они овладевали новыми профессиями – слесарей, шоферов, токарей, рыбаков, трактористов, шахтеров. В главных отраслях промышленности Северного Сахалина работало до 40 % женщин. На предприятиях, в колхозах и совхозах создавались молодежные фронтовые бригады, трудившиеся по двенадцать и более часов в сутки, значительно перекрывая дневные нормы.

Важный вклад в дело победы внесли сахалинские нефтяники, добывшие в 1941-1945 годах около трех миллионов тонн нефти. Они впервые освоили методы турбинного бурения скважин, приступили к добыче природного газа. Начиная с 1942 года сахалинская нефть шла на материк по нефтепроводу Оха – Софийское-на-Амуре. Более двух миллионов тонн каменного угля дали стране горняки треста «Сахалинуголь». Среди экипажей рыболовецких судов зародилось движение «тысячников», подхваченное рыбаками Дальнего Востока. Оно означало, что экипаж сейнера или бригада рыбаков берет обязательство добыть за путину свыше тысячи

центнеров рыбы. Всего же за годы войны сахалинские рыбаки добыли 1,2 миллиона центнеров рыбы.

Одной из форм всенародной помощи фронту стал сбор средств в Фонд обороны, а также на боевую технику и оружие для Красной Армии. За счет их были построены эскадрильи боевых самолетов «Советский Сахалин» и «Охинский нефтяник». За годы войны трудящиеся Сахалинской области внесли в Фонд обороны Родины 456 миллионов рублей, собрали несколько килограммов драгоценных металлов, отправили свыше сорока тысяч коллективных посылок фронтовикам.

В целях укрепления обороноспособности Северного Сахалина в 1942-1944 годах была построена военно-полевая железная дорога, связавшая Александровский порт с Тымовской долиной, где шло развертывание боевых частей. В июне 1943 года Особый стрелковый корпус со штабом в Николаевске-на-Амуре был реорганизован в 16-ю армию, предназначенную для обороны Северного Сахалина, Камчатки и Охотского побережья. Одновременно на Северном Сахалине был сформирован 56-й стрелковый корпус под командованием Героя Советского Союза генерал-майора А.А. Дьяконова.

Сражения второй мировой войны охватили к этому времени уже половину планеты, от Атлантики до Тихого океана. И напряженная тишина, нависшая над лесной просекой по 50-й параллели, казалась очень ненадежной людям по обе стороны этого единственного участка сухопутной границы между СССР и Японской империей.

Глава 15

ЮЖНЫЙ САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА МЕЖДУ ПОРТСМУТСКИМ МИРОМ И СОВЕТСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНОЙ (1905-1945 ГОДЫ)

15.1. Эволюция управления и административно-территориального деления

Получив Курильские острова и захватив Южный Сахалин, японское правительство создает здесь идентичные с Японией административное деление, органы самоуправления, избирательную систему.

Первые шаги по созданию японской администрации на Южном Сахалине были сделаны сразу же после его оккупации японскими войсками. Правда, сначала вся власть находилась исключительно в руках военного командования. Военное положение действовало на Южном Сахалине с того самого момента, когда в июле 1905 года здесь высадились дивизия генерала Харагучи. Ситуация не изменилась и после подписания мирного договора с Россией. Правда, численность японских военнослужащих на острове была относительно невелика. Большая их часть была выведена с острова вскоре после окончания военных действий. В 1906 году на Южном Сахалине оставался только один сводный полк под командованием генерал-майора Ямада, которого впоследствии сменил генерал-майор Кусуноэ.

Еще до окончания русско-японской войны на Сахалине начинают формироваться более подходящие для мирного времени органы управления. Так, 28 августа 1905 года в посту Александровском было учреждено Гражданское управление, которому была передана часть властных полномочий. После заключения Портсмутского мирного договора и возвращения России Северного Сахалина Гражданское управление Карафуто было расположено в посту Корсаковском и имело отделения или конторы во всех основных населенных пунктах южной части острова. Главой Гражданского управления был назначен советник министерства внутренних дел Японии Кумагай.

В ходе боев за Южный Сахалин здесь было уничтожено немало жилых и общественных строений. Особенно сильно пострадал Корсаковский пост. Он был практически полностью сожжен отступающими русскими войсками. От старого поста уцелело очень мало построек. В их числе – дом смотрителя Корсаковского округа. Именно в этом здании было расположено Гражданское управление Карафуто.

Гражданское управление сразу же приступило к изданию собственной газеты, которая получила название «Карафто кампо» – «Правительственный вестник Карафуто». На страницах этого издания публиковались распоряжения как центрального правительства, так и местных властей.

Вскоре после занятия Южного Сахалина японская администрация обратила внимание на русское село Владимировка, находившееся примерно в сорока километрах к северу от поста Корсаковского. Японцы быстро поняли, что это село расположено в чрезвычайно удобном месте (центр обширной равнины, орошаемой рекой Сусуей и ее притоками). В связи с этим уже в 1906 году перед правительством был поставлен вопрос о перенесении во Владимировку административного центра Карафуто. Однако еще до принятия какого-либо решения к югу от русского се-

ления началось строительство нового города. Среди его новостроек необходимо отметить большой буддистский храм, заложенный летом 1906 года.

14 марта 1907 года император Муцухито подписал указ об образовании на территории Южного Сахалина губернаторства Карафуто. С 1 апреля 1907 года вся власть на территории губернаторства была передана Главному управлению Карафуто.

Территория губернаторства была разделена на три административных округа (ситё): Корсаковский (административный центр пост Корсаковский), Маука (административный центр село Маука) и Владимировский (административный центр село Владимировка).

Главой администрации Карафуто являлся губернатор, наделенный обширными полномочиями. В его ведении находились вопросы сбора налогов, деятельность полиции, колонизация, работа почты, телеграфа и телефона, строительство, образование и другие вопросы жизни колонии.

Первым губернатором Карафуто был назначен генерал-майор Юкихико Кусуносэ, проработавший на этом посту немногим более года. После того как он покинул остров, на должность губернатора Карафуто назначались только гражданские лица. Всего на этом посту успело побывать пятнадцать человек. Последним губернатором Карафуто стал Оцу Тосио, назначенный на этот пост 1 июля 1943 года. В своей деятельности губернатор был подотчетен только Токио. В разные годы он подчинялся премьер-министру Японии, министру внутренних дел и министру по делам колонизации. Губернатор назначался на должность тем министерством, в ведение которого на момент назначения входило губернаторство Карафуто. Однако данное назначение должно было оформляться императорским указом.

Административным центром нового японского губернаторства в первый год его существования был город Отомари (так японцы стали называть пост Корсаковский). Однако уже в августе 1905 года японская администрация начинает задумываться о переносе административного центра Карафуто во Владимировку.

На момент оккупации Южного Сахалина Владимировка была крупным русским селом. Здесь, по японским данным, насчитывалось около 200 дворов. В 1906 году сюда пришла железная дорога. В мае того же года японцы приступили к сооружению к югу от русского села будущего административного центра. В 1908 году селение Владимировка получило статус города¹. При этом населенный пункт получил новое название – Тоёхара. Это было частью кампании по замене на Южном Сахалине российских географических названий на японские. Вместе с тем японцы практически не тронули старинные айньские названия.

В июле 1908 года Тоёхара становится центром губернаторства Карафуто. Сюда переводятся из Отомари все главные административные и судебные учреждения. Таким образом, к осени 1908 года в Тоёхаре находились Главное управление Карафуто, военный штаб, окружной суд, центральная почтово-телеграфная контора, тюрьма и т.п. В конце 1908 года в Тоёхаре насчитывалось уже 999 домов. Население города было невелико – 3737 человек. Это меньше, чем в Отомари (там проживало 5500 человек), но больше, чем в Маока (3668 человек).

Интересное описание молодого города Тоёхара оставил епископ Сергей (в миру Сергей Тихомиров), в 1908 году направленный в Японию руководством

¹ Точнее – городского поселения. Статус города Тоёхара получила только в 1937 году. Все прочие населенные пункты так и остались городскими поселениями и селами.



Рис. 45. Административный центр губернаторства Карафутто город Тоёхара. 30-е годы XX столетия

Русской православной церкви. Здесь епископ Киотосский, а с 1931 года митрополит Японский проработал вплоть до своей смерти в 1945 году. Летом 1909 года он побывал в губернаторстве Карафутто.

«Тоёхара – административный центр японского «Карафутто», местопребывание японского губернатора. Во время русского владения здесь был русский поселок «Владимировка». Дома русской постройки сохранились еще и теперь. Покосившаяся на юго-восточный угол, с неснятым еще крестом, стоит и большая церковь. Всюду полуразвалившиеся заборы, брошенные дворы.

К «Владимировке» с южной части примыкает правильно распланированный новый японский город... Широкие улицы; ...всюду новые дома; красиво отстроенные присутственные места (управление островом, дом губернатора, почта); на всех углах улиц – колодцы, с тесовыми шатрами над ними; несколько в стороне – дымящиеся трубы завода; казармы местного гарнизона ... Масса магазинов ... Словом, настоящий город! Правда, пока есть лишь 300 домов; правда, не все улицы мощеные; конечно, – масса еще пустырей ... Но, видимо, администрация верит в возможное развитие города, ибо распланированные улицы тянутся далеко к югу».

Несмотря на колониальный статус губернаторства Карафутто, его административно-территориальное деление в целом было идентичным с общепонским. Это было связано с тем, что с самого начала на территории губернаторства японское население численно значительно (в десятки раз) преобладало как над коренными народами острова (айнами, уйльга и нивхами), так и над иностранцами (к ним относили оставшихся в южной части острова русских и поляков).

Территория губернаторства была разделена на округа. Сначала таких округов было всего три: Корсаковский, Маука и Владимировский. Быстрое заселение новых районов острова, создание городских поселений и сел привело к тому, что

административно-территориальное деление Южного Сахалина все более усложнялось. К концу 20-х годов территория губернаторства была разделена уже на семь округов. В 1942 году округа были укрупнены. В результате к 1945 году губернаторство Карафуто делилось на четыре округа: Тоёхара, Маока, Эсутору и Сикука. Последние в свою очередь делились на 42 городских и сельских поселения.

Округ Тоёхара был разделен на шестнадцать городских и сельских поселений: городские – Тоёхара, Отиай, Отомари, Рудака и села – Тоёкита, Каваками, Сакаэхама, Сирануи, Титосэ, Фуками, Нагаханама, Тобучи, Сирэтоко, Тоннай, Ноторо, Санго.

Округ Маока включал тринадцать городских и сельских поселений: городские – Хонто, Найхоро, Нода, Томариору, Маока и села – Кони, Кайба, Хирочи, Рандомари, Симудзу, Коноторо, Наёри, Кусюннай.

В округ Эсутору входили шесть городских и сельских поселений: городские – Тиннай, Эсутору, Торо, Наёси и села – Усиро, Нисисакутан.

В округ Сикука входили городское поселение Сикука и три села – Чириэ, Найро, Томаригиси. Кроме того, к этому округу примыкало городское поселение Сиритору и два села – Могодомари и Хоёри.

Главное отличие губернаторства Карафуто от других колоний Японии состояло в том, что здесь существовала та же система местного самоуправления, что и в метрополии. Правда, вводилась она на острове постепенно: сначала в части населенных пунктов и с некоторыми ограничениями, с 1923 года – по всей территории губернаторства. В 1929 году полномочия органов местного самоуправления были расширены. Во всех округах действовали избиравшиеся населением городские и сельские собрания. Как и в метрополии, в выборах могли участвовать только мужчины в возрасте свыше 25 лет и прожившие в одном месте более года или двух лет. В избирательных правах были ограничены лица, жившие на пособие от государства или от частных лиц, недееспособные, а также те, кто в течение года не имел каких-либо занятий.

Во главе городских и сельских администраций стояли мэры и старосты, которые сроком на четыре года избирались городскими и сельскими собраниями, а в небольших населенных пунктах назначались губернатором из числа избранных населением депутатов названных собраний. В распоряжении мэров и старост находился небольшой штат чиновников. В своей деятельности они подчинялись непосредственно губернатору или главе округов. В состав окружных управлений обычно входили отделения общих дел, налоговое, учета, земледелия и животноводства, леса, политических дел и другие. В наиболее важных населенных пунктах имелись полицейские управления, которые подчинялись полицейскому отделу. Городские и сельские власти были относительно самостоятельны при решении вопросов развития своего муниципального образования. Правда, при этом они должны были оставаться в рамках собственного бюджета. А размер бюджета всецело зависел от собственных доходов и общегубернских программ.

В течение трех с половиной десятилетий губернаторство Карафуто формально считалось колонией Японии. 11 сентября 1942 года правительство Японии принимает решение об изменении статуса Карафуто: из колонии он превратился в составную часть собственно Японии. В ноябре того же года администрация губернаторства была выведена из подчинения министерству колоний. С этого момента губернатор Карафуто был подчинен министру внутренних дел Японии. В течение следующего года в целом была завершена интеграция бывшей колонии с метрополией. В ведение

соответствующих министерств в Токио были переданы налоговая система, почтовая служба, финансы, железные дороги и полиция Карафуто. В период Тихоокеанской войны правящие круги Японии стремились укрепить властную вертикаль. Именно в связи с этим нужно рассматривать императорский указ от 20 июня 1943 года об объединении всех японских префектур в семь больших округов. В соответствии с этим указом губернаторство Карафуто стало частью Первого округа, в который вошло также губернаторство Хоккайдо, включавшее в свой состав Курильские острова.

Курильские острова были интегрированы в состав Японии значительно раньше Карафуто и в рассматриваемый период входили в систему управления губернаторства Хоккайдо. Они являлись составной частью округа Нэмуру, административным центром которого являлся одноименный город, расположенный на востоке Хоккайдо. Из четырнадцати уездов (гун), включенных в состав названного округа, восемь находилось на островах Большой Курильской гряды. На острове Кунашир находился уезд Кунасири. На острове Итуруп было расположено четыре уезда: Эторофу, Фурэбэцу, Сяна, Сибэторо. Уезд Уруппу включал в свой состав острова от Урупа до Броутона. Уезд Симусиру – острова от Симушира до Райкоке. Уезд Шумшу – острова от Шиашкотана до Шумшу. Острова Малой Курильской гряды входили в состав уездов Ханасаси и Сикотан.

15.2. Визит на Южный Сахалин принца-регента Хирохито

Одним из важнейших событий в жизни японской колонии стал визит принца-регента Хирохито, который посетил Южный Сахалин в августе 1925 года. Визит начался с того, что военный корабль, на котором находились принц, его жена и сопровождающие их лица, прибыл в порт Отомари². Отсюда Хирохито направился в административный центр губернаторства Карафуто город Тоёхару. 10 августа принц-регент посетил расположенный вблизи города главный синтоистский храм Южного Сахалина «Карафуто дзинзя».

После этого высокие гости посетили города Маока³, Томариору⁴, Сикука⁵, Отиай⁶. Повсюду принцу-регенту устраивалась пышная встреча. По пути следования высоких гостей воздвигались триумфальные арки, города украшались цветами и разноцветными фонариками. В честь принца и его жены устраивались фейерверки. Однако поездка на Карафуто не носила чисто развлекательный характер. Принц-регент посещал и осматривал бумажные заводы, рыбопромысловые участки, фермерские хозяйства.

Пройдет немногим более года, и принц-регент Хирохито станет императором Японии. Судьба этого человека, на исходе первой четверти XX столетия посетившего Сахалин, заслуживает внимания.

Хирохито прожил 87 лет. 62 года из них он был императором Японии. Хирохито родился 29 апреля 1901 года. Он был первенцем в семье наследного принца Ёсихито. Будущему императору дали имя Хирохито, которое в довольно вольном переводе с японского означает «широкая благожелательность». В 1921 году Хирохито, буду-

² Корсаков.

³ Холмск.

⁴ Томари.

⁵ Поронайск.

⁶ Долинск.

чи наследным принцем, первым из императорской семьи покидает Японию и отправляется в полугодовое путешествие по Европе. В ходе этой поездки он посетил Великобританию, где был гостем королевской семьи. Вскоре после возвращения из Европы Хирохито из-за душевной болезни отца – императора Ёсихито – был вынужден фактически возглавить страну, став принцем-регентом.

25 декабря 1926 года после смерти отца Хирохито становится императором Японии. Правление Хирохито (или эра Сева) может быть условно разделено на два периода: 1926-1945 и 1945-1989 годы.

В течение первого периода император Хирохито в соответствии с японской конституцией 1889 года обладал огромной властью. Только он имел право объявлять войну и заключать мир, назначать и увольнять всех высших гражданских и военных должностных лиц, созывать и распускать парламент. Кроме того, именно император являлся верховным главнокомандующим японскими армией и флотом. При этом следует подчеркнуть, что японский император был не просто главой государства, но и главой государственной религии синто. Согласно официальной японской идеологии, император являлся потомком верховной богини синтоистского культа – богини Солнца Аматаэрасу. В глазах миллионов японцев Хирохито был живым богом.

От его воли зависела вся внутренняя и внешняя политика Японии накануне и в годы второй мировой войны. Именно он принимал окончательные решения, имевшие колоссальное значение для судеб человечества. Именно он принял решение о согласии Японии на заключение агрессивного японо-германо-итальянского союза (ось Рим-Берлин-Токио). Именно он принимал окончательные решения о нападении на Китай в 1937 году, нанесении ударов по США и тихоокеанским владениям Великобритании.

После поражения Японии во второй мировой войне над Хирохито нависла вполне реальная угроза. Ведь он, как глава государства и верховный главнокомандующий, нес всю ответственность за развязывание войны на Тихом океане и за те преступления, которые совершила японская военная машина против народов многих стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Однако союзники, в конце концов, решили не признавать Хирохито военным преступником. Американские оккупационные власти ограничились тем, что повесили нескольких особо ревностных исполнителей монаршей воли и взяли курс на превращение Японии в светское демократическое государство. Институт монархии был сохранен, но права императора были практически сведены на нет. В соответствии с японской конституцией 1947 года император перестал быть главой государства и превратился в «символ государства и единства народа».

1 января 1946 года Хирохито был вынужден обратиться к японскому народу с заявлением о том, что он не имеет божественного происхождения.

После этого Хирохито прожил еще 44 года. Все эти годы он был надежно изолирован от какой-либо политической и государственной деятельности. Главным занятием Хирохито в эти годы становится морская биология. Практически каждый день он проводил многие часы в специально оборудованной на территории императорского дворца лаборатории, где изучал морских обитателей. Император является автором значительного количества научных трудов. 7 января 1989 года император Хирохито умирает.

15.3. Население Карафуто и Тисима

В ходе боевых действий на Южном Сахалине и в первые недели после их окончания большая часть российского населения покинула остров. В этом им очень помогли японские военные власти. Всех желающих (да и не очень желающих) выехать на родину вывозили в Россию.

В условиях военного положения права гражданских лиц были в значительной степени ограничены. Всякий желающий посетить Южный Сахалин был обязан получить особый пропуск от военного министерства Японии. Такой пропуск выдавался прежде всего японским подданным. Иностранцам же (в том числе русским) в выдаче подобных пропусков почти всегда отказывали.

К весне 1906 года в южной части Сахалина осталось только 500 российских подданных. В основном это были зажиточные крестьяне, имевшие на Сахалине хорошие крепкие хозяйства. Однако в течение весны и лета 1906 года почти три четверти русских, оставшихся в японской части острова, были вынуждены распродать свое имущество и выехать в Россию.

Вот что писал об этих людях русский консул в Хакодате В.В. Траутшольд:

«Хотя эти сахалинцы и утверждали, что японцами они не обижены, но все-таки из распросов получалась картина такая, что они хотя и добровольно оставляют остров, распродав свои дома, скот и имущество, но к этому они вынуждены обстоятельствами – всяческим старанием японцев их выжить, с одной стороны, и сознанием, с другой стороны, полной бесполезности долее оставаться на своих местах, невозможности существовать при новом режиме и немыслимости конкурировать с пришлым японским элементом в чем бы то ни было, в торговле ли, рыбной ловле или найме на работы. Как я мог убедиться из распросов и подаваемых мне жалоб, в большинстве случаев приходилось отдавать дома, скот и имущество за бесценок, причем, конечно, японцы широко пользовались беззащитным и затруднительным положением оставшихся на Южном Сахалине русских поселенцев».

К концу 1906 года, по данным российского консульства в Хакодате, в южной части острова осталось 123 русских.

На место выехавших русских на Сахалин ехали японские переселенцы. С самого начала колонизации губернаторства Карафуто этот процесс опирался на мощную поддержку Токио. Правительством Японии были выделены на колонизацию значительные средства, которые тратились на исследование новой территории, на портовое строительство, на создание разветвленной дорожной и железнодорожной сети. Близкая к правительству печать развернула мощную пропагандистскую кампанию, направленную на создание положительного облика новой колонии, переселение в которую представлялось патриотическим долгом. Сначала на Хоккайдо, а затем и в других префектурах страны были созданы переселенческие бюро, помогавшие желающим выехать на постоянное жительство на Сахалин.

Переселенцев стремились заинтересовать материально. Был принят целый ряд поощрявших переселение законов и постановлений. Так, в апреле 1907 года появляются «Правила об аренде государственных земель», которые гарантировали переселенцам право на получение участка размером в тысячу цубо⁷ для строительства жилища, тридцать тысяч цубо для занятий земледелием и пятьдесят тысяч цубо под пастбища. Таким образом, каждая переселенческая семья могла получить

⁷ 1 цубо = 3,305 квадратного метра.

от государства весьма крупный по японским понятиям земельный участок общей площадью почти в 27 гектар.

Переселение японцев на Южный Сахалин было неплохо организовано и осуществлялось довольно быстрыми темпами. Так, если в начале 1906 года здесь проживало менее двух тысяч японских подданных (1633 мужчины и 356 женщин), то к концу 1907 года постоянное население Карафуто составило уже 20469 человек (12458 мужчин и 8011 женщин). В 1910 году численность постоянного населения Карафуто составила 31017 человек (17693 мужчины и 13324 женщины), в 1912 году – 42138 человек (23903 мужчины и 18235 женщин). Подавляющее большинство переселенцев являлось выходцами с острова Хоккайдо или северной части острова Хонсю. Данное обстоятельство объясняется тем, что для выходцев из южной части Японии природно-климатические условия Карафуто были абсолютно неприемлемы.

В последующие годы по мере создания на Южном Сахалине новых отраслей промышленности, постоянно требовавших все большего количества рабочих рук, рост численности населения губернаторства Карафуто ускорился. В 1920 году, по данным первой японской всеобщей переписи населения, на территории губернаторства проживало около 106 тысяч человек. К 1930 году население Карафуто выросло почти в три раза и составило 295 тысяч человек. В последующем темпы роста населения Южного Сахалина существенно снизились. Тем не менее к 1940 году здесь постоянно проживало более 415 тысяч человек.

Следует иметь в виду, что на остров переселялись не только выходцы из Японии, но и из Кореи, которая в 1910-1945 годах являлась японской колонией. Причем вплоть до конца 30-х годов корейцы приезжали на Сахалин добровольно, и их численность была относительно невелика. Так, в 1940 году корейцы составляли менее четырех процентов от общей численности населения губернаторства Карафуто (японцы – 94,5%).

Однако с началом Тихоокеанской войны в Корею (в основном в ее южных районах) одна за другой проводятся массовые принудительные мобилизации молодых мужчин для работы на шахтах и разного рода промышленных предприятиях, а также на строительстве целого ряда объектов инфраструктуры Южного Сахалина.

Постоянное гражданское население Курильских островов росло крайне медленно. Чрезвычайно сложные природные условия островов очень часто становились непреодолимым препятствием для любого, кто хотел бы остаться здесь навсегда. Особенно тяжело шла колонизация северной части Курильского архипелага, куда в 30-е годы на время путины для обработки рыбы приезжало из Японии до шестнадцати тысяч рабочих. В конце 30-х годов число японцев, которые проводили зиму на Шумшу и Парамушире, составляло около двухсот человек. При этом постоянными жителями этих островов считались только одиннадцать человек.

Значительно лучше шло заселение Южных Курил, где к 1939 году постоянно проживало восемнадцать тысяч человек. Наиболее заселены были острова Кунашир (8341 человек постоянного населения) и Итуруп (5742 человека). Самым крупным японским населенным пунктом на Курильских островах был поселок

Томари⁸ на Кунашире с постоянным населением численностью 5597 человек. Далее следовали селения на Итурупе: Рубецу⁹ с населением 2690 человек и Сяна¹⁰ с населением 1448 человек.

15.4. Экономическое развитие

15.4.1. Создание условий для успешной колонизации Южного Сахалина

Приступая к колонизации Южного Сахалина, японское правительство с самого начала стремилось получить самую подробную информацию о своей новой территории. В связи с этим на остров был направлен целый ряд научных экспедиций, в ходе которых были изучены и описаны растительный и животный мир острова, его рельеф и береговая черта, полезные ископаемые, климат, почвы и другие вопросы, важные для правильной организации колонизации. На эти экспедиции отпускались значительные средства. Так, при принятии бюджета губернаторства Карафутто на 1907 финансовый год, на изыскательские работы была выделена довольно крупная по тем временам сумма в 74 тысячи иен, что составило 15 % от всей расходной части бюджета.

Следующей задачей, которую пришлось решать японскому правительству буквально с самого начала колонизации Карафутто, было создание на Южном Сахалине развитой инфраструктуры. Ведь среди проблем, с которыми столкнулась японская администрация на Сахалине, самой сложной было бездорожье и полное отсутствие портов. На острове предстояло построить разветвленную дорожную и железнодорожную сети, целый ряд портов. В уже упоминавшемся бюджете Карафутто на 1907 год на дорожное строительство были отпущены 140 тысяч иен, или 28,3 % всех бюджетных расходов губернаторства. В дальнейшем расходы японского бюджета на создание и поддержание в рабочем состоянии инфраструктуры Карафутто вырастут в десятки раз.

В первую очередь за счет государственного бюджета были построены шоссейные дороги, соединившие наиболее важные в стратегическом и экономическом отношении пункты острова: Корсаковский пост, Владимировку и Найбучи; Корсаковский пост и мыс Ноторо; Владимировку и Маока. В дальнейшем на Южном Сахалине были построены западная и восточная дорожные магистрали, которые шли вдоль морского побережья от крайнего юга острова до японо-российской границы. Названные магистральные линии были соединены двумя поперечными магистралями: Маока – Тоёхара и Ваарэ–Кусюннай¹¹.

Железнодорожное строительство начинается на Южном Сахалине уже в 1906 году. Первая на острове железная дорога соединила пост Корсаковский и селение Владимировку. Строительство велось силами железнодорожного батальона, включавшего в свой состав трех офицеров и 102 нижних чина, а также 500 чернорабочих. Железная дорога была построена в кратчайшие сроки, и уже осенью 1906 года по ней было открыто движение. На всем пути было открыто шесть железнодорожных станций. Все строительство обошлось японской казне в 270 тысяч иен.

⁸ В настоящее время Головинно.

⁹ После второй мировой войны – Куйбышево.

¹⁰ Курильск.

¹¹ Арсентьевка – Ильинский.

В январе 1911 года начались, а в конце года были завершены работы по сооружению железнодорожной линии Тоёхара-Сакаэхама¹². Новая железная дорога прошла через районы интенсивной колонизации. Именно с ее появлением получают быстрое развитие районы, лежавшие к северу от административного центра Карафуто. Первыми преимущества новой железной дороги оценили рыбопромышленники. До 1911 года им приходилось до 10 дней ждать парохода в Отомари для поездки на восточное побережье. Теперь два раза в день между Отомари и Сакаэхама ходили поезда. Время в пути составляло 4-5 часов.

В 1914 году была построена железнодорожная ветка от станции Канума (Новоалександровск) до поселка Каваками (Синегорск), где была расположена единственная в тот период угольная шахта Карафуто.

Начавшаяся после завершения первой мировой войны интенсивная колонизация Карафуто потребовала значительного расширения железнодорожной сети. В 1917 году парламент Японии принял закон о пятилетнем плане строительства железных дорог на Карафуто. В соответствии с ним на западном побережье была сооружена железнодорожная линия Хонто – Маока – Нода – Томариору¹³. Успешному началу работ на Карафуто способствовало бесперебойное финансирование железнодорожного строительства из японского бюджета. В 1937 году западная железнодорожная магистраль дошла от города Томариору до Кусюннай¹⁴. Следующим пунктом на западном побережье Южного Сахалина, куда должна была прийти железная дорога, был порт Эсутору¹⁵. Однако завершению этого проекта помешала война.

В 1921 году после длительных дискуссий о месте проведения соединительной железнодорожной линии между западным и восточным побережьями Сахалина было начато строительство линии Тоёхара-Маока¹⁶. Первоначально японским парламентом было принято решение о строительстве соединительной линии Кайдзука-Тараннай-Хонто¹⁷. Однако к 1921 году возобладала точка зрения о необходимости соединения прямым железнодорожным сообщением наиболее динамично развивавшихся районов Карафуто. Строительство железной дороги между Тоёхара и Маока было завершено 3 сентября 1928 года.

То было одно из наиболее сложных технических сооружений, когда либо построенных на Сахалине. Несмотря на относительно короткое расстояние между городами Тоёхара и Маока, работы на линии велись целых семь лет. Ведь железная дорога прошла по чрезвычайно сложной местности. Строители прокладывали путь сквозь горы (Мицүльский и Южно-Камышовый хребты, Южно-Прибрежную горную цепь), многочисленные реки и непроходимую тайгу. На всем протяжении железной дороги пришлось построить пятнадцать тоннелей общей протяженностью более пяти километров и тридцать пять мостов общей длиной более тысячи метров. В некоторых особо труднопроходимых местах железнодорожная линия напоминала спираль. Новая железная дорога, соединив западную и восточную железнодорожные линии, сыграла исключительно важ-

¹² Южно-Сахалинск – Стародубское.

¹³ Невельск – Холмск – Чехов – Томари.

¹⁴ В настоящее время поселок Ильинский.

¹⁵ Углегорск.

¹⁶ Южно-Сахалинск – Холмск.

¹⁷ Соловьевка – Таранай – Невельск.

ную роль в подъеме экономики Южного Сахалина. К сожалению, в 1990-е годы это замечательное техническое сооружение было заброшено и очень быстро пришло в негодность.

В 1927 году восточная железнодорожная магистраль от Отиай¹⁸ дошла до города Сиритору¹⁹, в 1936 году – до города Сикука²⁰, а в 1944 году – до местности Котон²¹. Последний участок не имел большого хозяйственного значения. Главной его задачей было обеспечение обороны южной части острова.

Одной из самых существенных проблем, мешавших успешной колонизации Южного Сахалина Россией, было отсутствие здесь морского порта. Японцы учли это, и в 1909 году были начаты работы по созданию порта в Отомари²². В том же году Отомари начинает принимать морские суда, а к 1912 году здесь были сданы в эксплуатацию северный и южный пирсы. Эти портовые сооружения в значительной степени сохранились и поныне. Все строительство стоило около 500 тысяч иен и велось как на бюджетные, так и частные средства. В том же году был сооружен и порт Маока. В 1926 году было завершено строительство порта в Хонто²³.

Губернаторство Карафуто было связано с метрополией регулярным паромным сообщением Вакканай – Отомари. Порт Вакканай на Хоккайдо был обязан своим появлением именно потребности установления регулярного сообщения с Сахалином. Строительство порта началось в 1920 году и заняло почти 13 лет. С 1933 года поезда, отправлявшиеся на Сахалин, со специально оборудованного мола въезжали на паром и на нем перевозились до Отомари. По большому (длиной почти один километр) молу проходила железнодорожная линия, соединенная с сетью железных дорог Сахалина. Паромная переправа между Хоккайдо и Сахалином действовала в течение всего года. Зимой суда проводились в порт Отомари с помощью ледокола.

В 1935 году было положено начало регулярному авиационному сообщению между Южным Сахалином и Японией. Была открыта воздушная линия Саппоро – Тоёхара. Если иметь в виду, что к этому времени уже давно действовала воздушная линия Токио – Сендай – Аомори – Саппоро, то присоединение к этой линии административного центра Карафуто сделало возможным перелет с Сахалина до столицы Японии. На территории губернаторства начинается сооружение аэродромов, число которых к 1945 году достигло тринадцати. Правда, многие из них были предназначены для военных самолетов.

Практически одновременно с дорожной и железнодорожной сетью на Южном Сахалине велось сооружение телеграфных и телефонных линий. Сразу же после окончания военных действий через пролив Соя²⁴ был проложен подводный кабель, соединивший Сахалин через Хоккайдо с общепонской телеграфной сетью. Была восстановлена поврежденная во время боевых действий телеграфная линия Корсаковский пост – Тихменево, а также построена линия мыс Ноторо²⁵ – Рудака²⁶ –

¹⁸ Долинск.

¹⁹ Макаров.

²⁰ Поронайск.

²¹ Победино.

²² Бывший пост Корсаковский, ныне город Корсаков.

²³ Невельск.

²⁴ Так в Японии называют пролив Лаперуза.

²⁵ Мыс Крильон.

²⁶ Ныне – город Анива.

Тоёхара. В 1914 году был восстановлен телеграфный обмен между северной и южной частями Сахалина. В дальнейшие годы телеграфные линии соединили практически все города Карафуто.

15.4.2. Зарождение частного предпринимательства

Сразу же после заключения Портсмутского мирного договора на Южный Сахалин устремились сотни мелких и средних предпринимателей, стремившихся к тому, чтобы основать свой бизнес на новой территории. Первое время наиболее динамично развивалась торговля и сфера услуг. Именно сферы приложения труда и капитала давали самый быстрый оборот. Сначала новые сахалинские предприниматели обслуживали исключительно армию и отдельных военнослужащих. Однако очень скоро круг потребителей их товаров и услуг значительно расширился.

Центрами деловой жизни Карафуто в 1906-1907 годах были пост Корсаковский, а также селения Маука и Владимировка. О том, насколько активной была деятельность японских предпринимателей, говорит тот факт, что только в трех названных населенных пунктах в течение одного 1906 года было зарегистрировано свыше тысячи двухсот разного рода промышленных, ремесленных, торговых и культурно-развлекательных предприятий. Среди них было: фабрик – 39, пароходных агентств – 15, транспортных контор – 12, складов – 2, торговых фирм – 44, лавок – 439, подрядчиков – 123, ссудных касс – 7, типографий – 3, фотографов – 8, портных – 6, прачечных – 8, бань – 15, парикмахеров – 45, мясников – 22, гостиниц – 54, ресторанов – 100, чайных домов – 76, увеселительных заведений – 13, гейш – 103, актеров – 26, извозчиков – 62, омнибусов – 11, рикш – 5, владельцев лодок – 17.

Пройдет совсем немного времени, и на Южном Сахалине появятся более солидные предприниматели. Они будут вкладывать свои капиталы в добычу, переработку и хранение рыбы и морепродуктов, в производство сакэ, в пищевую промышленность, в лесную, деревообрабатывающую и целлюлозно-бумажную отрасли, в угольную промышленность, производство жидкого топлива из угля, производство строительных материалов, промышленное и жилое строительство, транспорт и другие отрасли экономики Карафуто.

В 10-30-е годы на Южный Сахалин приходят крупнейшие японские корпорации (такие, как Мицуи, Мицубиси, Одзи, и другие), вложившие в его экономику многие сотни миллионов иен. Так, в 1939-1940 финансовом году японские капиталовложения в экономику Южного Сахалина составили семьсот миллионов иен. Для сравнения: в том же году японские капиталовложения в экономику Кореи составили 3,5 миллиарда иен, Тайваня – 2 миллиарда иен, Китая – 7,6 миллиарда иен, стран южных морей – 365 миллионов иен.

15.4.3. Развитие промышленности на Южном Сахалине и Курильских островах

Начиная колонизацию Южного Сахалина и Курильских островов, японское правительство прекрасно понимало, что одним из самых важных богатств данных территорий являются биологические ресурсы моря. В связи с этим в первые годы промышленной колонизации на первый план выходит именно рыбная промышленность.

Лов рыбы и добыча морепродуктов в водах, омывающих Южный Сахалин, могли производиться только после получения лицензии от администрации губерна-

торства. Такие же лицензии (только полученные от администрации Хоккайдо) требовались и на Курильских островах. Однако и здесь, и там наряду с разрешенным ловом имело место браконьерство, с которым власти как Карафуту, так и Хоккайдо боролись всеми доступными для них способами.

Среди японских колоний Южный Сахалин по лову рыбы занимал второе место после Кореи, в водах которой вылавливалось до 1,6 миллиона тонн в год. Добыча рыбы и морепродуктов в водах, омывающих южную часть острова, не была стабильной. Максимальный улов приходится на 1931 год, когда было добыто около 620 тысяч тонн. В дальнейшем добыча рыбы в водах Южного Сахалина резко снижается. В период Тихоокеанской войны (1941-1945 годы) улов колебался от 250 до 370 тысяч тонн.

Главными объектами промысла для рыбаков губернаторства Карафуту являлись сельдь, треска, сима, салака, минтай, кета, камбала, горбуша, краб, а также моллюски, морская капуста и водоросли. Кроме того, велась охота на морского зверя. Основное количество выловленной рыбы в свежем, замороженном или переработанном виде вывозилось в Японию. Часть улова шла на экспорт. Особенно большим спросом выловленная у берегов Сахалина рыба (прежде всего треска) стала пользоваться в годы первой мировой войны, когда боевые действия в северной части Атлантики нанесли колоссальный ущерб рыбной промышленности стран Северной Европы. И Япония с удовольствием стала захватывать чужие рынки сбыта трески и в Америке, и в Европе.

На те же годы приходится значительный подъем рыбной промышленности и на Курильских островах. Начиная с 1915 года японцы постоянно наращивают уловы трески у берегов островов Онекотан и Парамушир. Выловленная рыба в основном вывозилась в страны Северной и Южной Америки.

В начале 30-х годов рыбная промышленность Северных Курил вступила в период быстрого роста. Это было связано с тем, что в 1929 году администрация Хоккайдо (которой подчинялась администрация Курил) отменила все запреты на прибрежный лов. В течение 1930 и 1931 годов на островах Парамушир и Шумшу были развернуты крупные рыбозаводы. Ежегодно с началом путины от двадцати до тридцати тысяч сезонных рабочих прибывали на Северные Курилы для удовлетворения огромной потребности этих островов в рабочих руках.

В обычные годы в акватории Курильских островов вылавливалось от 30 до 80 тысяч тонн рыбы. Но в 1939 году, ставшем самым удачным годом в истории японского рыболовства у Северных Курил, здесь было выловлено почти 137 тысяч тонн рыбы. На Северных Курилах ловили в основном кету, горбушу, кижуч, треску и камбалу. Большое значение имел также китобойный промысел. Южные Курилы были важнейшим центром по добыче морской капусты. Именно на этот регион приходилось до 80 % всего японского производства этого ценного продукта.

Другим ценным природным ресурсом Карафуту стал уголь. После проведения геологических изысканий японские специалисты пришли к выводу, что в недрах Южного Сахалина скрыты значительные запасы этого ценного топлива (примерно 1,6 миллиарда тонн). По мнению ряда японских геологов, Карафуту по угольным запасам значительно превосходило другие японские колонии.

Промышленная разработка угля на Южном Сахалине началась в 1909 году. Добыча росла быстрыми темпами. Если в 1909 году было добыто 4,6 тысячи тонн

угля, то в 1920 году – 154 тысячи тонн, 1930 году – 645 тысяч тонн, 1940 году – почти 6,5 миллиона тонн. Своего пика добыча достигла в 1941 году, когда всеми шахтами Карафуто было добыто 6,6 миллиона тонн угля. В том же году Тайвань дал 2,8 миллиона тонн, Корея – 6,8 миллиона, Маньчжурия – 24 миллиона. Таким образом, перед началом Тихоокеанской войны Южный Сахалин дал 16,4% добычи угля всех японских колоний, заняв среди них третье место. Очень весомой была доля сахалинского угля в японском импорте. Так, в 1941 году Япония ввезла с Южного Сахалина 3,3 миллиона тонн угля, что составило 34,5% японского импорта угля или 64,7% импорта из колоний.

С началом Тихоокеанской войны вывоз угля с Южного Сахалина начинает быстро сокращаться. В 1944 году на Японские острова было ввезено всего 807 тысяч тонн сахалинского угля (по сравнению с 1941 годом меньше в 4 раза). Такой стремительный спад был вызван отнюдь не сокращением потребности Японии в топливе. Главной причиной этого стали огромные потери, которые в годы войны понес японский торговый и транспортный флот. Американские подводные лодки контролировали большинство морских коммуникаций, по которым шло снабжение Японии топливом, сырьем и другими товарами. Японский же военно-морской флот не мог помешать американцам топить значительную часть транспортов, направлявшихся к японским берегам. В связи с этим японское руководство приняло решение значительно сократить вывоз угля с Южного Сахалина и бросить все наличные силы на обеспечение ввоза угля из Северного Китая. Данное решение привело к резкому сокращению добычи топлива в губернаторстве Карафуто. В 1944 году было добыто всего 2678 тысяч тонн (в 2,4 раза меньше, чем в 1941 году). Всего же вплоть до 1945 года японцы добыли на Южном Сахалине более 48 миллионов тонн угля. 18 миллионов тонн было вывезено в Японию.

Много капиталов, сил и энергии было потрачено японским правительством, администрацией губернаторства, частными компаниями и японскими геологами на поиски нефти на Карафуто. В период между двумя мировыми войнами на острове работал целый ряд экспедиций, перед которыми стояла задача выяснить нефтяные перспективы Южного Сахалина. Однако все попытки найти нефть на территории губернаторства оказались безрезультатными.

Огромная потребность в нефти, которую испытывала Япония, в конце концов заставила японцев приступить к производству нефтепродуктов из угля. Для этого в Найхоро²⁷ и Хигаси-Найбути²⁸ были построены заводы по изготовлению искусственного жидкого топлива, на которых в результате глубокой переработки каменного угля производили бензин, солярное масло, мазут, парафин, а также полукокс. Оба завода стали крупными потребителями южносахалинского угля. Их суммарная мощность была доведена до полутора тысяч тонн перерабатываемого угля в сутки. Продукция названных заводов в основном вывозилась в Японию.

Особую роль в экономике Карафуто играла лесная промышленность. Эта отрасль была одной из самых перспективных. Ведь в распоряжение Японии попали практически не тронутые человеком леса. Запасы древесины в них исчислялись японскими специалистами в 834 миллиона кубических метров. При грамотной эксплуатации подобных запасов должно было хватить на многие сотни лет. Ведь следует помнить,

²⁷ Горнозаводск.

²⁸ Углезаводск.

что лес является восполняемым ресурсом. Однако неисчерпаемые запасы сахалинской древесины были подорваны всего за три десятилетия. При этом рубки наносили сахалинскому лесу самый незначительный ущерб.

Огромный вред лесам губернаторства Карафуту наносили пожары, в огне которых ежегодно исчезало значительно больше древесины, чем ее заготавливали лесорубы. Настоящей катастрофой для сахалинской тайги стало нашествие в 1919-1922 годах на юг острова сибирского шелкопряда.

«В период максимального размножения в 1921 году гусеницы шелкопряда, переходя с одного дерева на другое, образовали слой толщиной до 10 сантиметров. Размножение было настолько массовым, что в городах и селах ночью нельзя было открывать окна, а под большими уличными осветительными лампами к утру образовывались кучи из погибших бабочек. Так за одну ночь на одном месте скапливалось до 50 и более литров погибших бабочек».

В результате этой невиданной в истории сахалинской тайги катастрофы полностью погибло 220 тысяч гектаров леса с запасом древесины 25 миллионов кубических метров. В связи с тем что данная древесина могла быстро утратить свои деловые качества, в губернаторстве Карафуту начались интенсивные лесозаготовительные работы. Именно в этот период от одной трети до половины всего леса, обращавшегося на японских лесных рынках, составлял южносахалинский лес.

В дальнейшем японские власти организуют огромную работу по восстановлению лесов Южного Сахалина. На острове при участии преподавателей и студентов Токийского, Киотского, Хоккайдского и других императорских университетов создаются опытные лесные участки, сыгравшие важную роль в организации лесовосстановительных работ. Однако конечные результаты всех этих усилий окажутся весьма скромными. Ведь в то время, когда немногочисленные энтузиасты восстанавливали сахалинскую тайгу, на острове продолжались и лесные пожары, и интенсивные рубки.

Главным потребителем южносахалинского леса была созданная японскими предпринимателями целлюлозно-бумажная промышленность Карафуту. Начиная с 1914 года здесь было построено десять целлюлозно-бумажных фабрик. В некоторые годы эти фабрики давали до 70 процентов японского производства целлюлозы. В 1941 году в южной части острова было произведено 214 тысяч тонн целлюлозы и 201 тысяча тонн бумаги. Большая часть продукции вывозилась в Японию.

15.5. Превращение Курильских островов в базу японской агрессии на Тихом океане

15.5.1. Залив Хитокаппу – Перл-Харбор

Южный Сахалин и особенно Курильские острова имели чрезвычайно важное стратегическое значение. Обладание ими позволяло Японии практически полностью контролировать основные морские пути, связывавшие южную часть Дальнего Востока СССР с внешним миром, угрожать безопасности тихоокеанских владений США. Япония построила на Курильских островах и Южном Сахалине многочисленные военные объекты, разместила здесь сравнительно крупный (выросший к лету 1945 года до 100 тысяч солдат и офицеров) воинский контингент.

Правда, Япония только однажды использовала Курильские острова для проведения крупной наступательной операции. Но это была операция огромного стратегического значения. Данная операция была спланирована, подготовлена и осуществлена под руководством одного из наиболее выдающихся флотоводцев XX столетия адмирала Ямамото Исороку.

Ямамото Исороку родился 4 апреля 1884 года в Нагаоке (префектура Ниигата). По окончании военно-морской академии принял участие в русско-японской войне. В 1936-1939 годах был заместителем морского министра Японии. С августа 1940 года командовал военно-морским флотом. Ямамото Исороку стал первым японским адмиралом, понявшим значение авианосцев в современной войне. В связи с этим к началу войны на Тихом океане Япония обладала самым мощным в мире авианосным соединением. Кроме того, стараниями адмирала Ямамото в японском флоте были созданы условия наибольшего благоприятствования для сторонников применения авианосцев. Ямамото Исороку лучше, чем кто-либо, понимал, что уничтожение американского флота на Гавайских островах станет началом затяжной войны на Тихом океане.

«Нам недостаточно взять Гуам и Филиппины, даже Гавайи, Сан-Франциско. Нам потребуется взять Вашингтон и подписать мирный договор в Белом доме».

Но на это у Японии не было сил. В связи с этим Ямамото предупреждал руководство Японии о том, что победа в будущей войне с США отнюдь не гарантирована. Так, незадолго до начала войны он заявил премьер-министру Коноэ:

«Если мне скажут воевать, тогда в первые шесть – двенадцать месяцев войны против США и Англии я буду действовать стремительно и продемонстрирую непрерывную цепь побед. Но должен предупредить: если война продлится два или три года, я не уверен в конечной победе».

Однако чувство долга для адмирала Ямамото было превыше всего. Получив приказ уничтожить главные силы американского флота на Тихом океане, он стал готовить операцию по налету на Перл-Харбор. Командующий флотом хорошо по-

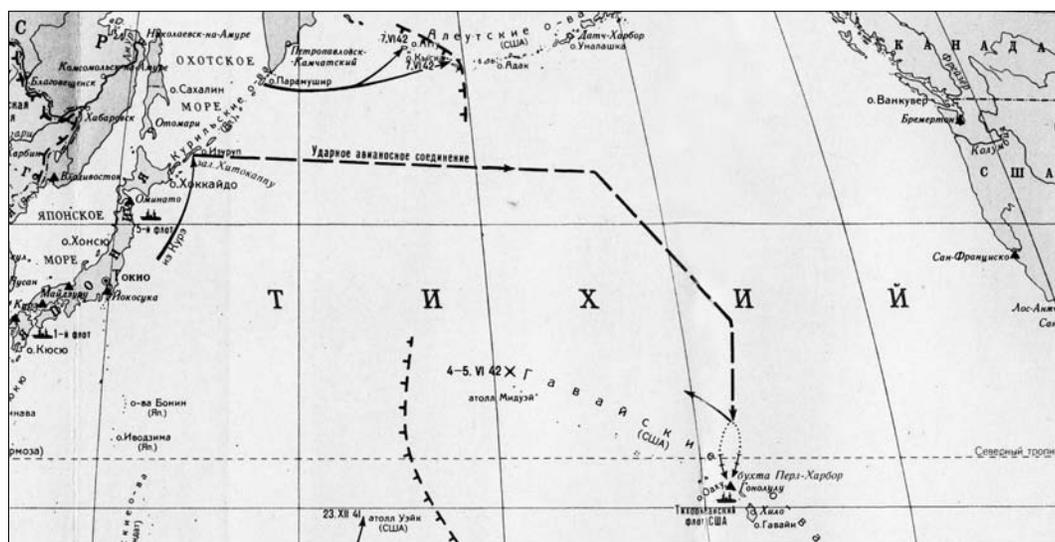


Рис. 46. Курильские острова как база японской агрессии на Тихом океане. 1941-1942 годы

нимал, что одним из главных условий успеха является внезапность. В связи с этим он принимает решение тайно сосредоточить японское авианосное соединение в том месте, где его наиболее сложно обнаружить. Для этой цели лучше всего подходил находившийся в стороне от морских путей залив Хитокаппу у острова Итуруп. По приказу адмирала Ямамото с 17 по 22 ноября 1941 года ударное авианосное соединение (шесть авианосцев, два линкора, три тяжелых и один легкий крейсер, девять эсминцев, три подводных лодки и восемь танкеров) сосредоточилось у берегов острова Итуруп. 26 ноября японские корабли отправились от места сбора к Гавайским островам. 7 декабря самолеты, поднявшиеся с японских авианосцев, разгромили в гавани Перл-Харбор одно из крупнейших соединений военно-морского флота США. Так началась война на Тихом океане.

15.5.2. Удар по Алеутским островам

В 1942 году японские войска впервые вступили на территории Соединенных Штатов Америки. Удар был нанесен по Алеутским островам. В ходе операции были захвачены два западных острова Алеутского архипелага: Атту и Кыска. При подготовке захвата острова Кыска силы вторжения (21-я дивизия крейсеров и отряд морской пехоты) использовали в качестве плацдарма остров Парамушир. 8 июня 1942 года операция по захвату островов Атту и Кыска была успешно осуществлена. Этим японцы создали существенную угрозу как всем прочим Алеутским островам и Аляске, так и северным коммуникациям США.

Сразу же после того, как в июне 1942 года японцы захватили острова Атту и Кыска (западная часть Алеутского архипелага), американское командование стало готовить операцию по освобождению своей территории. Американские корабли и подводные лодки препятствовали снабжению японских гарнизонов продовольствием, боеприпасами и подкреплением. Так, 19 февраля 1943 года американцы потопили японский транспорт, направлявшийся на остров Атту. В связи с этим японцы начинают направлять свои суда на Алеутские острова только в сопровождении конвоев. Первый такой конвой совершил успешный переход с острова Парамушир на остров Атту в марте 1943 года.

Воодушевленные удачей первого конвоя с Парамушира на Атту, японцы в 20-х числах марта направляют на Алеутские острова новый конвой. Однако 27 марта 1943 года японские транспорты с материалами для сооружения военно-воздушной базы на острове Атту были встречены отрядом американских кораблей в районе Командорских островов. В ходе четырехчасового морского сражения сопровождавшие транспорты японские боевые корабли вынудили американцев отступить. Однако и японцы не решились продолжить путь к Алеутским островам и вернулись к острову Парамушир. С этого момента судьба японских гарнизонов на оккупированных Алеутских островах была предпрешена.

11 мая 1943 года американцы начинают высадку десанта на острове Атту. Бои за Атту продолжались до конца мая. Несмотря на подавляющее превосходство противника, японцы отчаянно оборонялись. Из 2500 оборонявшихся Атту японцев в плен сдалось только 29 человек. Остальные предпочли плену смерть.

Потеря острова Атту сделала абсолютно безнадежным положение японского гарнизона на острове Кыска. Понимая это, японское командование еще 21 мая 1943 года приняло решение о его срочной эвакуации на Курильские острова и ост-

ров Хоккайдо. План эвакуации был разработан в начале июня. Суть плана состояла в том, чтобы под прикрытием густого тумана скрытно вывезти японский гарнизон на подводных лодках. Однако американцам удалось потопить большинство подводных лодок, которые были направлены японцами в район Алеутских островов. В связи с этим японское командование меняет план, и эвакуация гарнизона с острова Кыска (5639 человек) была проведена с помощью надводных кораблей.

22 июля 1943 года девятнадцать кораблей 5-го японского флота вышли от острова Парамушир и 29 июля подошли к острову Кыска. В течение 45 минут корабли приняли на борт весь гарнизон и 31 июля и 1 августа уже были у Северных Курил. Успех операции по эвакуации гарнизона острова Кыска на Курильские острова объясняется как географическими и климатическими особенностями этого района, так и просто везением.

Операция по освобождению острова Кыска продемонстрировала неудовлетворительную работу американской военной разведки. Американцы не заметили уход японцев с Кыски и с 1 по 15 августа 1943 года непрерывно бомбили и обстреливали остров. Только после того как 15 августа на Кыску высадился 34-тысячный десант, американцы поняли, что на острове нет ни одного японца.

15.5.3. Передовой рубеж обороны Японской империи

Потеря островов Атту и Кыска превратила Курилы в передовой рубеж обороны Японской империи. В связи с этим японское командование начинает принимать меры по их укреплению. Ведь Алеутские острова составляли наиболее удобный плацдарм для возможного американского наступления сначала на Курилы, а потом и далее на юг. Поэтому уже летом 1943 года японцы приступают к чрезвычайно интенсивным работам по строительству оборонительных сооружений на Курильских островах. На Шумшу и Парамушире в сжатые сроки силами военнослужащих, а также японских и корейских рабочих создаются мощные долговременные укрепления. 10 июля 1943 года американцы провели первый воздушный налет на Курильские острова. Американские бомбардировщики, поднявшиеся с авиабаз только что освобожденного острова Атту, нанесли удар по японским объектам на острове Парамушир. За все время после начала Тихоокеанской войны это был второй удар, нанесенный непосредственно по японской территории.

Вот что вспоминал о налетах на Курилы американский адмирал Фредерик Шерман:

«С о. Атту знаменитые морские самолеты «Ventura» начали непрерывные налеты на Курильские острова. Эти самолеты, несмотря на то, что им приходилось брать очень большой груз – бензин и бомбы, – регулярно вылетали на бомбардировку о. Парамушир и прилегающего района. Если один из двух моторов выходил из строя, это означало гибель. Так погибло много отважных летчиков. Самолетам не хватало бензина для того, чтобы оставаться над целью продолжительное время. Часто они брали пеленги по русским радиомаякам на Камчатке и, достигнув цели по числению, сбрасывали бомбы на объекты через сплошной слой облаков. Русские радиомаяки, которые действовали в течение всей войны, оказывали значительную помощь. Несмотря на тяжелые потери, часто случавшиеся не в бою, самолеты-бомбардировщики продолжали свою опасную работу до самого конца войны. На более поздних этапах вместе с нами в атаках участвовали армейские бомбардировщики В-24 и «Liberator», действовавшие с аэродрома на о. Шемяка. Военные действия среди штормов и туманов Алеутских и Командорских островов заставили противника держать

в своем северном районе большие оборонительные силы, что оказало влияние на тактику ведения действий на юге и ускорило конечную капитуляцию противника».

В 1944 году американцы продолжили давление на Японию в районе Курильских островов. Особое беспокойство японцам доставляли американские подводные лодки, топившие морские японские суда, доставлявшие на Курилы войска, военное снаряжение и продовольствие. В 1944 году почти одна десятая часть направившихся на Курилы японских солдат погибла, так и не добравшись до цели. Продолжила бомбардировки Курильских островов американская авиация, базировавшаяся на Алеутских аэродромах. И это при том, что из-за огромных потерь на южном направлении японское командование в 1944 году было вынуждено снять с Курильских островов все боевые самолеты.

В 1944 году покинули Курилы и ранее прикрывавшие их с моря корабли 5-го флота Японии. Конечно, японское командование прекрасно понимало, что через Курильские острова лежит кратчайший путь из Америки в Японию. Однако Япония уже не в состоянии вести войны на всех направлениях одновременно.

После успешного завершения операции по освобождению Алеутских островов американское командование стало рассматривать вопрос о возможности вторжения на Японские острова с севера. Первым шагом на этом пути должно было стать занятие Курильских островов. Летом 1943 года генерал Джон Девитт представил в Объединенный комитет начальников штабов план операции против японских войск на Курилах. План генерала Девитта предусматривал высадку на Курилах весной 1944 года с целью создания плацдарма для дальнейшего продвижения в направлении Хоккайдо и Хонсю. Девитт и поддерживавшие его генералы видели в Курилах «ключ к быстрой победе над Японией».

Однако вышеназванный проект не нашел поддержки у командования военно-морскими силами. И главнокомандующий военно-морскими силами США адмирал Эрнест Джозеф Кинг, и командующий Тихоокеанским флотом США адмирал Честер Уильям Нимиц не считали целесообразным производить переброску на север военно-морских и сухопутных сил из центральных и южных районов Тихого океана. Ведь на юге американцы уже имели успех и медленно, но верно вытесняли японцев. К войне же в суровых условиях тихоокеанского севера американский флот не был готов.

15.6. На пути к Ялте: вопрос о Южном Сахалине и Курильских островах в межсоюзнических и советско-японских отношениях в период второй мировой войны

15.6.1. Сахалинский вопрос в советско-японских отношениях накануне войны на Тихом океане

Готовясь к нанесению удара против Великобритании и США, Япония стремилась обеспечить дружеский нейтралитет СССР. Для достижения вышеназванной цели весной 1941 года были продолжены начавшиеся годом ранее советско-японские переговоры о заключении пакта о ненападении. Данный вопрос обсуждался в марте и апреле 1941 года во время визитов в Москву министра иностранных дел Японии Мацуока Йосукэ. При этом, как и в 1940 году японская дипломатия стремилась не только обезопасить свои северные границы, но и добиться согласия совет-

ского руководства на продажу северной части Сахалина или, по крайней мере, на сохранение там своих концессий.

Вот что говорил по этому поводу Й. Мацуока наркому иностранных дел СССР Вячеславу Михайловичу Молотову во время встречи 7 апреля 1941 года:

«Предоставление Японии концессий на Северном Сахалине связано с николаевским инцидентом и, следовательно, имеет большое отношение к национальным чувствам японского народа ... Кроме того, Япония получила эти концессии примерно 15 лет тому назад, и японцы думают, что, если бы в течение этого периода не было различных препятствий с советской стороны, то японские концессионеры смогли бы полностью использовать концессии».

Далее, говоря о намерениях Японии купить у СССР Северный Сахалин, Мацуока отметил, что

«в XVI веке японцы пришли на Сахалин. Однако в начале эры Мэйдзи²⁹ Россия отняла у них Сахалин. Таким образом, у японского народа осталось такое чувство, что когда-нибудь нужно Сахалин вернуть Японии. По Портсмутскому договору половина Сахалина была возвращена. Японский народ думает вернуть и вторую половину Сахалина ... Для сближения двух народов и в интересах ликвидации такого положения, которое задевает национальные чувства японского народа, нужно как-то разрешить вопрос о Северном Сахалине. Продажа Северного Сахалина для Советского Союза, занимающего огромную территорию, не будет представлять ничего особенного, так как по сравнению с огромной территорией Советского Союза Северный Сахалин является каплей в море. Япония смогла бы купить Северный Сахалин за соответствующую плату».

Выслушав аргументы японской стороны, глава советской дипломатии заявил, что предложение о продаже Северного Сахалина он рассматривает

«лишь в качестве невероятного или просто как шутку. У нас никто не понял бы сейчас продажу Северного Сахалина, поскольку все помнят, что только в результате поражения в 1905 г. Россия была вынуждена отдать южную часть Сахалина. Нашему общественному мнению было бы более понятно, если бы в исправление Портсмутского договора, как договора, заключенного после поражения, был поставлен вопрос о покупке южной части Сахалина, причем вопрос о цене мог бы быть разрешен по соглашению. Теперь более правильно было бы поставить вопрос о покупке у Японии не только южной части Сахалина, но и некоторой группы северных Курильских островов. Это было бы вполне понятно. Теперь спрашивается, надо ли все эти вопросы сейчас ворошить и будет ли это способствовать быстрому улучшению отношений между СССР и Японией на длительный срок. Советское правительство предполагает, что ставить сейчас вопрос о покупке группы северных Курильских островов или о покупке северной части Сахалина и другие аналогичные вопросы вряд ли будет целесообразным, так как для этого многое не подготовлено».

Молотов связывает вопрос о заключении пакта о нейтралитете с проблемой ликвидации японских концессий на Северном Сахалине

Важное место на переговорах Молотова с Мацуока вновь занял вопрос о судьбе японских концессий на Северном Сахалине. Во время встречи с министром иностранных дел Японии глава советской дипломатии заявил:

«Если ... японское правительство хочет сделать крупный политический шаг в отношении СССР, а советское правительство в свою очередь желает этого, то в данный момент обе стороны могли бы договориться о заключении пакта о нейтралитете, и тогда вопросы, требующие длительного обсуждения, не нужно было бы затрагивать. При этом пришлось бы договориться только о ликвидации нефтяной и угольной концессий на Северном Сахалине с компенсацией за те вложения, которые там сделаны японскими концессионерами, и с

²⁹ Официальное название времени правления императора Муцухито, охватившего 1867-1912 годы.

обязательством Советского Союза о поставках Японии определенного количества нефти в течение ряда лет ...

Без подписания протокола о ликвидации концессий будет невозможно подписать пакт о нейтралитете».

12 апреля 1941 года министра иностранных дел Японии принял И.В. Сталин. Во время этой встречи Мацуока развернул захватывающую картину изгнания англичан и американцев из Азии и будущего раздела Британской колониальной империи.

«Коренное разрешение отношений между Японией и СССР нужно разрешить под углом зрения больших проблем, имея в виду Азию, весь мир, не ограничиваясь и не увлекаясь мелочами. Если так подходить к коренному разрешению японо-советских отношений, то мелкие вопросы могут быть разрешены с течением времени и мелкими вопросами можно будет даже пожертвовать. Если бы такой маленький островок, как Сахалин ... потонул в море, то это не оказало бы влияния на японо-советские отношения...»

Если ... подойти под углом зрения больших проблем к случаю, когда СССР будет стремиться выйти через Индию к теплым водам Индийского океана, то он считает, что это можно допустить, и если СССР хочет иметь порт в Карачи, то Япония будет закрывать на это глаза ...»

Для того чтобы освободить Азию, нужно избавиться от англосаксов, а потому, перед такой задачей, нужно отказаться от мелких вопросов и сотрудничать в больших вопросах ...»

Однако Сталин не дал увлечь себя миражами будущих завоеваний. Выслушав Мацуока, он заявил, что

«СССР считает принципиально допустимым сотрудничество с Японией, Германией и Италией по большим вопросам. Об этом тов. Молотов уведомил Гитлера и Риббентропа, когда он был в Берлине и когда стоял вопрос о том, чтобы пакт трех сделать пактом четырех. Но Гитлер заявляет ..., что пока не нуждается в военной помощи других государств ... Только в том случае, если дела у Германии и Японии пойдут плохо, может встать вопрос о пакте четырех и о сотрудничестве СССР по большим вопросам. Поэтому ... мы и ограничиваемся теперь вопросом о пакте нейтралитета с Японией. Этот вопрос, безусловно, назрел. Это будет первый шаг, и серьезный шаг к будущему сотрудничеству по большим вопросам».

Далее Сталин подошел к карте и, указывая на Приморье и его выходы в океан, сказал:

«Япония держит в руках все выходы советского Приморья в океан, – пролив Курильский у южного мыса Камчатки, пролив Лаперуза к югу от Сахалина, пролив Цусимский у Кореи. Теперь вы хотите взять Северный Сахалин и вовсе закупорить Советский Союз. Вы что, – сказал Сталин улыбаясь, – хотите нас задушить? Какая это дружба?»

Мацуока пытался возразить. Однако в ответ на это Сталин заявил:

«Взять Северный Сахалин – значит мешать Советскому Союзу жить».

В конце концов, стороны смогли договориться. Советское руководство согласилось подписать пакт о нейтралитете. Японское руководство согласилось на ликвидацию сахалинских концессий.

13 апреля 1941 года в Москве советско-японский пакт о нейтралитете был подписан.

15.6.2. Советское руководство размышляет о возможности войны с Японией

Так случилось, что начало Тихоокеанской войны совпало с началом визита в СССР министра иностранных дел Великобритании Антони Идена. В инструкции,

направленной Идену премьер-министром Великобритании У. Черчиллем, отмечалось, что

«объявление Россией войны Японии было бы для нас очень выгодным при условии – но только при том условии, – если русские уверены в том, что это не отразится на положении на их Западном фронте теперь или будущей весной».

Во время одной из бесед Идена со Сталиным, состоявшейся в ночь на 18 декабря 1941 года, советский вождь коснулся положения на Дальнем Востоке.

«Сталин заявил, что Япония, конечно, может иметь некоторые первоначальные успехи, но что, в конечном счете, через несколько месяцев Япония должна потерпеть крах.

Иден ответил, что слова Сталина сильно поднимают его дух, ибо он привык с большим уважением относиться к его суждениям.

Тов. Сталин тогда спросил Идена: если его ожидания в отношении Японии действительно оправдаются, и если наши войска успешно будут оттеснять немцев на западе, не думает ли Иден, что создадутся условия для открытия второго фронта в Европе, например на Балканах?

Иден ответил, что он готов обсуждать данный вопрос ... Один из мотивов, заставляющих британское правительство вести операции в Ливии, сводится как раз к тому, чтобы подготовить возможности для наступательных операций в Европе. Затем Иден спросил т. Сталина, действительно ли он думает, что Япония может крахнуть³⁰, скажем, в течение ближайших шести месяцев?

Тов. Сталин ответил, что он действительно так думает, ибо силы японцев очень истощены, и они долго не смогут держаться. Если вдобавок японцы вздумают нарушить нейтралитет и атаковать СССР, то конец Японии придет еще скорее.

Иден высказал сомнение в том, что японцы рискнут нас атаковать. Они были бы сумасшедшими, если бы это сделали.

Тов. Сталин, однако, вновь заявил, что такая возможность отнюдь не может считаться исключенной».

К обстановке на Дальнем Востоке Сталин и Иден вернулись во время встречи вечером 20 декабря.

«Иден попросил Сталина сказать, может ли и когда Англия рассчитывать на известную помощь ей против Японии. Иден понимает, что такая помощь в настоящий момент для нас едва ли мыслима. Но как будет обстоять дело, например, весной?

Сталин ответил, что если СССР объявил бы войну Японии, то ему пришлось бы вести настоящую, серьезную войну на суше, на море и в воздухе. Это ведь не то, что декларация войны, которую Японии могла бы объявить Бельгия или Греция. Стало быть, советское правительство должно тщательно учитывать возможности и силы. В настоящее время СССР еще не готов для войны с Японией. Значительное количество наших дальневосточных войск в последнее время было переброшено на Западный фронт. Сейчас на Дальнем Востоке формируются новые силы, но потребуются еще не меньше четырех месяцев, прежде чем СССР будет надлежащим образом подготовлен в этих районах. Сталин высказал мнение, что было бы гораздо лучше, если бы Япония напала на СССР. Это создало бы более благоприятную политическую и психологическую атмосферу в нашей стране. Война оборонного характера была бы более популярна и создала бы монолитное единство в рядах советского народа. Лучшей иллюстрацией тому является война СССР против гитлеровской агрессии. Сталин заявил, что нападение Японии на СССР возможно и даже вероятно, если немцы начнут терпеть поражения на фронте. Тогда Гитлер пустит в ход все средства нажима для того, чтобы вовлечь Японию в войну с СССР».

26 декабря 1941 года заместитель народного комиссара иностранных дел СССР Соломон Абрамович Лозовский направил на имя председателя Государственного

³⁰ Так в протоколе.

комитета обороны И.В. Сталина и народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова записку. В этой записке С. А. Лозовский отмечал:

«Хотя война в полном разгаре и неизвестно, когда она кончится, но исход войны уже ясен. Германия, Япония, Италия и их союзники будут разгромлены. В связи с этим пора уже начать подготовку мирной конференции ...Сложность обстановки будет заключаться в том, что из строя выйдут четыре великих державы (Германия, Япония, Италия и Франция) и решать дело придется СССР, Великобритании и Соединенным Штатам. Решающее слово на этой мирной конференции будет за той страной, которая в экономическом и военном отношении окажется к концу войны наиболее сильной. Мы будем иметь против себя на конференции не только блок Соединенных Штатов и Великобритании, но и другие капиталистические государства ...

Три группы вопросов нам нужно тщательно подготовить и разработать:

1) Нужно учесть нанесенный нам Германией, Венгрией, Румынией и Финляндией финансово-экономический ущерб ...

2) Надо уже сейчас продумать весь вопрос о наших границах. Мы не можем дальше терпеть, чтобы японские военные корабли могли в любой момент отрезать нас от Тихого океана и наших портов и закрыть Лаперузов пролив, Курильские проливы, пролив Сангарский и Цусимский пролив. Никак нельзя оставить старое положение на Балтийском и Черном морях. Вопрос о наших сухопутных и морских границах надо будет продумать под углом зрения безопасности и свободы коммуникаций.

3) Надо подготовить вопрос, как обезвредить Германию и ее союзников. Это включает и вопросы границ, и вопросы промышленности, финансов, судоходства и проч. и государственное устройство побежденных стран, прежде всего – Германии ...

Само собой разумеется, что если Япония ввяжется в войну против нас, то придется в обеих комиссиях подумать и о послевоенных отношениях между Советским Союзом и Японией и особенно о нашей дальневосточной границе и о свободе коммуникаций между портами Советского Союза и портами тихоокеанского побережья».

Заявление Сталина о готовности через несколько месяцев вернуться к обсуждению вопроса о вступлении СССР в войну с Японией было вызвано некоторой эйфорией, которая охватила советское руководство после блестящего успеха контрнаступления Красной Армии в битве под Москвой. Однако надежды Сталина на быструю победу не оправдались. Поражение Красной Армии на Керченском полуострове и Харьковская катастрофа надолго отодвинули вступление СССР в войну против Японии. К этому вопросу советское руководство вернется позднее. Только после блестящих успехов Красной Армии под Сталинградом и на Курской дуге Сталин сможет всерьез задуматься о своих старых счетах с Японией.

28 ноября – 1 декабря 1943 года в Тегеране состоялась встреча руководителей стран антигитлеровской коалиции – президента США Франклина Рузвельта, премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля и председателя Совета Народных Комиссаров СССР Иосифа Виссарионовича Сталина. Уже в первый день работы конференции советский лидер заявил о своем принципиальном согласии на вступление СССР в войну с Японией после капитуляции Германии. Условия советского участия в войне будут определены позднее.

15.6.3. Правящие круги Японии начинают искать пути к мирному урегулированию

В 1944 году экономическое и военное положение Японии начинает стремительно ухудшаться. Это обстоятельство, а также быстро приближающийся крах ее главного союзника Германии заставляли наиболее дальновидных представителей японского руководства начать поиски путей к миру. При этом большие надежды возлагались на Советский Союз.

12 сентября 1944 года в Токио, в министерстве иностранных дел Японии, состоялось совершенно секретное совещание. На этом совещании министр иностранных дел Японии Мамору Сигэмицу представил для обсуждения свой проект предварительного плана для будущих переговоров с СССР. Главной целью этих переговоров должны были стать «сохранение нейтралитета и улучшение дипломатических отношений между Японией и Советским Союзом, осуществление мира между Германией и Советским Союзом и, наконец, улучшение положения Японии при помощи Советского Союза, если Германия выйдет из настоящей войны». Для этого японская дипломатия должна была добиться или продления пакта о нейтралитете, или заключения пакта о ненападении.

Наиболее интересной для нас в проекте Сигэмицу является часть, где он пытается предвидеть, какую плату за свой нейтралитет может потребовать Советский Союз. Максимально возможный список претензий, по мысли японского министра иностранных дел, выглядел следующим образом:

- «1. Разрешение на проход советских торговых судов через пролив Цугару.
2. Заключение между Японией, Маньчжоу-Го и Советским Союзом соглашения о торговле.
3. Расширение советского влияния в Китае и других районах «сферы процветания».
4. Демилитаризация советско-маньчжурской границы.
5. Использование Советским Союзом Северо-Маньчжурской железной дороги.
6. Признание советской сферы интересов в Маньчжурии.
7. Отказ Японии от договора о рыболовстве.
- 8. Уступка Южного Сахалина³¹.**
- 9. Уступка северных Курильских островов³².**
10. Отмена Тройственного пакта.
11. Отмена антикоминтерновского пакта».

Сигэмицу считал, что Япония может пойти на принятие всех требований СССР только «в том случае, если Германия потерпит поражение или заключит сепаратный мир и будет заключен общий мир при посредничестве Советского Союза». Однако и в том случае, если резко ухудшатся японо-советские отношения и возникнет опасность «вступления Советского Союза в войну против Японии», был возможен отказ Японии от Южного Сахалина и Северных Курил.

Сигэмицу удалось только сделать первые шаги по реализации своего проекта. Для начала он обратился к шведскому посланнику в Токио Видару Багге, которого попросил выступить в качестве посредника на возможных японо-советских переговорах. Однако в связи с уходом в отставку японского правительства дальше этого дела не пошло.

Пока наиболее дальновидные представители правящих кругов Японии обдумывали, какой ценой они смогут сохранить советский нейтралитет, советское руководство просчитывало цену своего участия в войне с Японией.

15.6.4. Цена участия в войне

В июле 1944 года советский посол в Токио Яков Александрович Малик направил руководству Народного комиссариата иностранных дел СССР доклад «К вопросу о советско-японских отношениях (в настоящее время и в свете перспектив войны

³¹ Выделено нами.

³² Выделено нами.

на Тихом океане между Японией, США и Англией)». На страницах данного доклада ставились вопросы «о возвращении Советскому Союзу Южного Сахалина – этого основного клапана для закрытия наших коммуникаций с Тихим океаном» и «о передаче Советскому Союзу всей гряды Курильских островов, преграждающих путь для выхода России в Тихий океан».

Доклад Я.А. Малика, вне всякого сомнения, оказал определенное влияние на решения руководства СССР о цене советского участия в войне с Японией.

В октябре-ноябре 1944 года в государственном департаменте США на заседании межведомственного регионального комитета по Дальнему Востоку обсуждался вопрос о будущем Курильских островов. Участниками обсуждения были выделены южные, центральные и Северные Курилы. Комитет по Дальнему Востоку единогласно принял рекомендацию, чтобы Южные Курилы остались в составе Японии. Что же касается центральных и Северных Курил, то комитет постановил, что «в случае предъявления Советским Союзом претензий рекомендуется передать эти острова под международный контроль с советской администрацией. Если Советский Союз не предъявит претензий, то японский суверенитет над ними должен продолжиться».

Позиция комитета по Дальнему Востоку не нашла поддержки у американского руководства и не оказала какого-либо влияния на подготовку Ялтинского соглашения, определившего цену советского участия в войне с Японией. Ведь США крайне нуждались в советской помощи на Дальнем Востоке. Без этой помощи война на Тихом океане вряд ли могла окончиться ранее 1947 года. Затягивание войны еще на два года стоило бы США и их союзникам огромных жертв и расходов. Таким образом, советской помощи в деле разгрома Японии американским руководством придавалось огромное значение. И за эту помощь наши американские друзья готовы были обещать нам что угодно.

14 декабря 1944 года посол США в Москве Уильям Гарриман по поручению президента Ф. Рузвельта встретился со Сталиным. Гарриману предстояло выяснить у советского лидера конкретные политические условия вступления СССР в войну с Японией. Выслушав американского посла, Сталин направился в соседнюю комнату и принес оттуда географическую карту. Он заявил, что «Курильские острова и южный Сахалин должны быть возвращены России». В тот же день президент Рузвельт узнал о требованиях Сталина и изумился их умеренности. Ведь он совершенно справедливо опасался, что запрошенная советским руководством цена за участие СССР в войне с Японией может быть гораздо выше.

15.6.5. Ялтинское соглашение

С 4 по 11 февраля 1945 года в Ялте была проведена конференция руководителей СССР, США и Великобритании. 8 февраля в резиденции президента США Ливадийском дворце состоялись переговоры между Сталиным и Рузвельтом. Среди проблем, обсуждавшихся советским и американским лидерами, был вопрос о вступлении СССР в войну с Японией. Вот как выглядело обсуждение этого вопроса, судя по записи переводчика президента США Ч. Болена:

«Маршал Сталин сказал, что он хотел бы обсудить политические условия вступления СССР в войну против Японии. Он сказал, что уже обсуждал этот вопрос с послом Гарриманом.

Президент ответил, что получил отчет об этом разговоре и что он думает, что не возникнет никаких сложностей в отношении возвращения России в конце войны южной части Сахалина и Курильских островов ...

Маршал Сталин сказал, что если эти условия не будут удовлетворены, то ясно, что и ему, и Молотову будет трудно объяснить советскому народу, почему Россия вступает в войну против Японии. Советский народ ясно понимает войну против Германии, которая угрожала самому существованию Советского Союза, но он не поймет, почему Россия вступает в войну против такой страны, в отношении которой у нее нет никаких серьезных неприятностей. Однако, сказал он, если политические условия будут удовлетворены, то советский народ поймет связанные с этим национальные интересы, и будет гораздо легче объяснить это решение Верховному Совету».

11 февраля 1945 года в Ялте И.В. Сталиным, Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем было подписано следующее соглашение:

«Руководители трех великих держав – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании – согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников при условии:

1. Сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики).

2. Восстановления принадлежащих России прав, нарушенных вероломным нападением Японии, в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;

б) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур, как на военно-морскую базу СССР;

в) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающих выход на Дайрен на началах организации смешанного Советско-китайского общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет.

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов».

5 апреля 1945 года советское правительство объявило о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете. А последовавшая 8 мая 1945 года безоговорочная капитуляция Германии продемонстрировала японскому руководству, что у Японии нет никаких шансов на успешное завершение войны.

14 мая 1945 года Верховный совет по руководству войной поручил министерству иностранных дел Японии осуществить ряд шагов с целью:

1. Предотвратить вступление Советского Союза в войну против Японии.

2. Добиться благожелательного отношения СССР к Японии.

3. Добиться мира с Англией и США при посредничестве СССР.

При этом японское руководство прекрасно понимало, что плата за посредничество СССР будет достаточно высокой. 9 мая 1945 года японский посол в СССР Сато сообщил в Токио, что Японии придется, как минимум, вернуть России Южный Сахалин.

Однако все попытки японского руководства найти приемлемый выход из войны не имели успеха. И сменивший Рузвельта Гарри Трумэн, и Черчилль, и Сталин стремились к полному разгрому и безоговорочной капитуляции Японии.

26 июля 1945 года руководители США, Великобритании и Китая приняли декларацию, призывавшую правительство Японии «провозгласить теперь же безоговорочную капитуляцию всех японских вооруженных сил и дать надлежащие и достаточные заверения в своих добрых намерениях в этом деле». В том же документе

говорилося о том, что «японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем».

8 августа 1945 года советское правительство заявило о присоединении к Потсдамской декларации и объявило войну Японии.

15.7. Боевые действия на Южном Сахалине и Курильских островах в период советско-японской войны 1945 года

15.7.1. Вступление СССР в войну с милитаристской Японией

После капитуляции гитлеровской Германии оставался очаг второй мировой войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где в качестве страны-агрессора выступала Япония. Несмотря на потерю своего главного союзника в Европе, японские милитаристы не собирались складывать оружие.

Летом 1945 года реальные признаки войны коснулись Южного Сахалина, считавшегося прежде глубоким тылом Японской империи. 12 июня американская подводная лодка обстреляла остров Тюлений. Через несколько дней был торпедирован пароход в Анивском заливе, еще несколько судов подорвано в порту Маока³³ и в проливе Лаперуза. Регулярное морское сообщение между Южным Сахалином и Хоккайдо оказалось нарушено. Ночью 17 июля американские диверсанты, высадившись с подводной лодки, пустили под откос грузовой железнодорожный состав близ станции Сирахама³⁴.

Эти акции американцев за пределами их зоны ответственности по разграничительной линии, установленной союзническими соглашениями, были вызваны не просто военным азартом в предчувствии близкой победы. Скорее это выглядит как один из симптомов того, что накануне вступления СССР в войну на Тихом океане у США возобладало стремление скорректировать ялтинские договоренности в свою пользу. Тот факт, что 28 июля 1945 года японский кабинет отклонил Потсдамскую декларацию, послужил поводом президенту Гарри Трумэну отдать приказ об атомной бомбардировке Хиросимы 6 августа, а 9 августа сбросить еще одну атомную бомбу на город Нагасаки. Так человечество вступило в эру атомного противостояния, во многом определившего содержание всемирной истории второй половины XX столетия. Но в начале августа 1945 года об этом догадывался только узкий круг политиков и ученых.

Не было острой военной необходимости применения ядерного оружия ни на полях сражений, ни против мирных городов. Дни японского милитаризма были сочтены, и американские руководители были прекрасно осведомлены о готовности СССР выполнить свои обязательства по участию в разгроме дальневосточного агрессора.

С мая 1945 года по Транссибирской магистрали днем и ночью на восток один за другим мчались эшелоны с войсками и боевой техникой. 8 августа 1945 года нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов передал заявление японскому правительству о том, что Советский Союз присоединяется к Потсдамской декларации и, приняв предложения союзников включиться в борьбу с агрессором, с 9 августа будет считать себя в состоянии войны с Японией. Вторая мировая война вступила в свой заключительный этап.

³³ Холмск.

³⁴ Стародубское.

В ночь на 9 августа войска трех фронтов – Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных – перешли границу с Маньчжурией и Кореей. Они наносили согласованные удары, рассчитанные на расчленение и уничтожение главных сил Квантунской армии. Со стороны Японского моря их поддерживал Тихоокеанский флот.

Одновременно с наступлением в Маньчжурии советские войска развернули боевые действия на Сахалине и Курильских островах.

15.7.2. Южно-Сахалинская наступательная операция

Освобождение южной части Сахалина было возложено на соединения 16-й армии под командованием генерал-майора Л.Е. Черемисова и корабли Северной Тихоокеанской флотилии, которой командовал вице-адмирал В.А. Андреев.

Замысел операции предусматривал главный удар силами 56-го стрелкового корпуса в районе 50-й параллели и далее на юг, вдоль железной дороги, ведущей к столице губернаторства Карафуто городу Тохара. Корпус поддерживала 255-я смешанная авиационная дивизия. Советская авиация первой открыла военные действия на острове. Начиная с 9 августа, если позволяли погодные условия, она наносила бомбовые удары по военным объектам Южного Сахалина.

Оборону Южного Сахалина держали 88-я пехотная дивизия со штабом в Тохара, части пограничной стражи и подразделения резервистов из числа местного населения. Основные силы противника численностью свыше 5 тысяч человек находились в долине реки Поронай, вблизи государственной границы. Японское командование задолго до войны возвело на этом направлении Харамитогский укрепленный район, состоявший из предполья и двух линий обороны. Первая, и главная, полоса обороны включала три узла сопротивления

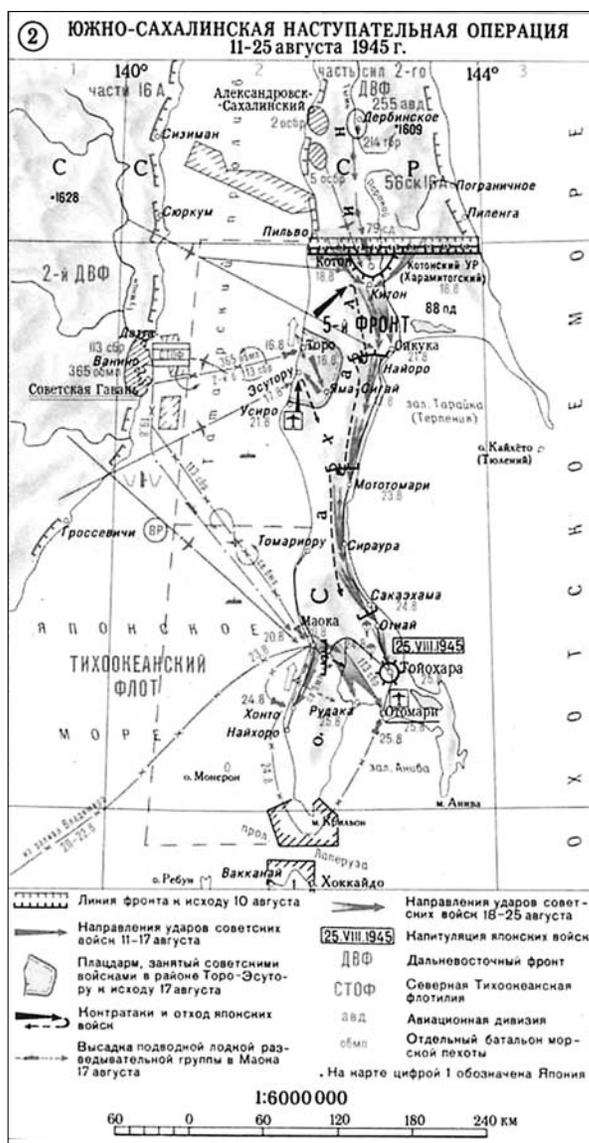


Рис. 47. Южно-Сахалинская наступательная операция. Август 1945 года

к северу от поселка Котон³⁵ и несколько отдельных опорных пунктов. Здесь японцы имели около 17 железобетонных дотов и более 130 дзотов, противотанковые рвы, множество траншей, проволочные заграждения и минные поля. Авиацию и силы флота японское командование к августу 1945 года было вынуждено перебросить для защиты метрополии в Маньчжурию.

Штурм Харамитогских укреплений явился решающим событием для исхода всей Южно-Сахалинской операции.

Рано утром 11 августа советские войска перешли государственную границу у 50-й параллели. Наступавшая в первом эшелоне 79-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора И.П. Батунова сразу же встретила упорное сопротивление. Ее передовой отряд – батальон под командованием капитана Г.Г. Светецкого пытался с ходу овладеть крупным опорным пунктом Хандаса, но, не имея артиллерии и танков, вынужден был перейти к обороне. Завязался упорный бой. К 12 августа, когда опорный пункт Хандаса был окружен и участь его предрешена, советское командование предложило японцам капитуляцию. Но японский гарнизон отверг это предложение. После получасовой работы артиллерии ударами с фронта и тыла он был уничтожен.

Остальные опорные пункты противника были также блокированы, но каждый из них приходилось брать с боем. Отступая, японцы взрывали мосты, устраивали рвы и завалы на дорогах. Уже в первых боях советским войскам пришлось столкнуться с японскими снайперами, маскировавшимися в зарослях и на деревьях. У этих снайперов, или «кукушек», как их называли, была отлично отработанная тактика действий. При обнаружении на деревьях они камнем сваливались по веревкам на землю и исчезали в глухой тайге, чтобы занять очередную позицию. Небольшие группы и одиночки японских «смертников» проникали в тыл с целью разведки и диверсий.

Действовавший на вспомогательном направлении 179-й стрелковый полк 12 августа предпринял внезапную атаку и в короткой рукопашной схватке разгромил японский опорный пункт Муйка³⁶. С наступлением темноты полк двинулся через болота Поронайской долины на Котон. Бойцы шли по пояс в воде, вытаскивая на руках боевую технику. Противник никак не ожидал появления советских войск в тылу своей главной линии обороны. Позднее один из пленных японских офицеров признался, что донесение о том, что русские прошли через болота, да еще ночью, его командование восприняло сначала как выдумку.

Теперь части 79-й стрелковой дивизии могли атаковать Харамитогский укрепленный район с севера и с юга. Но японские солдаты сражались упорно, даже оказавшись в окружении. На одном из участков рота батальона Г.Г. Светецкого залегла под огнем пулеметного дзота. Подавить его вызвался сержант А.Е. Буюклы, но сделать это с первого раза ему не удалось. Он был ранен, кончились гранаты. Счет шел на секунды, и в этот момент, как рассказывали участники боя, Антон Буюклы метнулся к амбразуре, закрыв ее своим телом.

Неделю шло сражение на Харамитогских высотах. Штурмовые группы, танки и артиллерия громили японские доты и дзоты один за другим. Лишь к вечеру 19 августа остатки японского гарнизона, более 3 тысяч солдат и офицеров, сложив оружие, начали сдаваться в плен.

³⁵ Победино.

³⁶ Первомайское.

Спустя двадцать лет, благодаря усилиям однополчан, Антону Ефимовичу Буюклы, повторившему на сахалинской земле подвиг Александра Матросова, было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. В 1945 году этой высшей награды СССР были удостоены также капитан Г.Г. Светецкий, старшие лейтенанты П.Н. Сидоров и С. Т. Юдин, а также капитан Л.В. Смирных (посмертно). Имена многих героев тех памятных дней были увековечены в названиях улиц, городов и поселков Сахалинской области.

Морские десанты в портах Южного Сахалина планировались советским командованием с целью обезопасить западный фланг 56-го стрелкового корпуса, наступавшего на Тоехару, и предотвратить эвакуацию на Хоккайдо японских войск, техники и материальных ценностей. Основная роль в этом отводилась кораблям и частям морской пехоты Северной Тихоокеанской флотилии, базировавшимся в порту Советская гавань.

Первый десант численностью до полутора тысяч человек высадился 16 августа в порту Торо³⁷. Военные силы японцев здесь были очень ограничены, но бои в районе Торо и в окрестностях соседнего с ним города Эсутору³⁸ продолжались почти двое суток, настолько упорным оказалось сопротивление подразделений местных резервистов. Уличные бои в этих городах были очень жестокими и привели к большому количеству жертв среди мирного населения.

Второй десант высадился 20 августа в порту Маока³⁹. Это были подразделения 113-й отдельной стрелковой бригады. Японцы и здесь оказали отчаянное сопротивление, но оно было сломлено превосходящими силами десантников. В последующие два дня шли бои на Камышовом перевале и за железнодорожные станции на линии Тоехара – Маока. На аэродроме Коноторо⁴⁰ был выброшен воздушный десант. 24 августа советские корабли с десантом на борту вошли в порт Хонто⁴¹, жители которого встретили их белыми флагами. Вечером следующего дня десантники были уже в порту Отомари⁴². Навстречу им вышла группа японцев во главе с мэром, заявившая о капитуляции гарнизона.

Вечером 24 августа 1945 года в город Тоехара со стороны Камышового перевала вошел передовой отряд десантников 113-й отдельной стрелковой бригады под командованием подполковника М.Н. Тетюшкина. В это время боевые части 56-го стрелкового корпуса, преодолев сопротивление японских войск, оборонявших Харамитогский укрепленный район, наступали с севера от 50-й параллели. С занятием Тоехары Южно-Сахалинская операция, осуществлявшаяся войсками 2-го Дальневосточного фронта и соединениями кораблей Тихоокеанского флота, завершилась.

15.7.3. Десантные операции на Курильских островах

Успех стратегического наступления советских войск в Маньчжурии и на Сахалине создал благоприятную ситуацию для занятия Курильских островов.

Замысел советского командования на Дальнем Востоке предусматривал действия на островах архипелага с двух направлений. С севера – силами Камчатского обо-

³⁷ Шахтерск.

³⁸ Углегорск.

³⁹ Холмск.

⁴⁰ Костромское.

⁴¹ Невельск.

⁴² Корсаков.

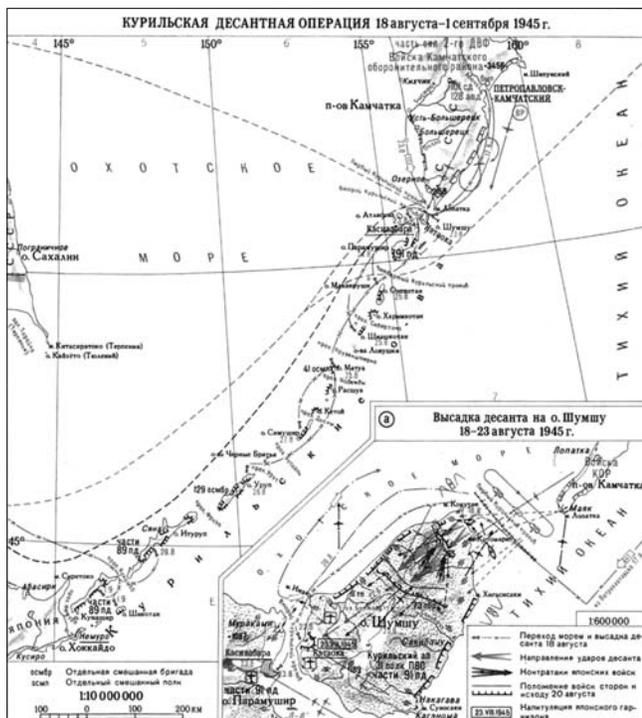


Рис. 48. Десантные операции на Курильских островах. Август–сентябрь 1945 года

Время на разработку детального плана отводилось крайне мало. К тому же штаб КОР располагал очень фрагментарными сведениями об укреплениях и силах японцев на северных островах Большой Курильской гряды, где они имели мощную систему противодесантной обороны. В частности, о. Шумшу представлял собой почти неприступную крепость. Здесь японцы успели возвести 34 дота, 24 дзота и отрыли до 40 километров противотанковых рвов. Были оборудованы подземные убежища для японского гарнизона, состоявшего из шести пехотных батальонов. Они имели на вооружении 275 пулеметов, 98 орудий и 77 танков.

По законам военного искусства для взятия укрепленных позиций наступающие должны иметь как минимум трехкратное превосходство в силах. Но здесь было все наоборот. Японские войска на Шумшу и Парамушире насчитывали 23 тысячи человек, а советский десант – всего 8,8 тысячи. В советской Ставке, несомненно, понимали недостаточность сил для такой крупномасштабной операции, как Курильская. Но на решение о ее безотлагательном проведении оказывал воздействие ряд военно-политических факторов.

Во-первых, после объявления Японией 14 августа безоговорочной капитуляции СССР все еще не владел территорией, которая должна была отойти к нему по Ялтинскому соглашению. Во-вторых, в Москве опасались, что США могут сами пойти на оккупацию Курильских островов, ибо к ним почти вплотную подходила разграничительная линия боевых операций против Японии советских войск и армии союзников.

ронительного района (КОР) планировалось занять острова Шумшу, Парамушир и далее до Урупа включительно. Затем, после освобождения Южного Сахалина, корабли СТОФ должны были обеспечить высадку частей 87-го стрелкового корпуса на островах Итуруп, Кунашир, Шикотан и других, относящихся к Малой Курильской гряде.

15 августа командир КОР генерал-майор А.Р. Гнечко получил распоряжение о подготовке немедленной операции. Руководство высадкой десанта возлагалось на командира Петропавловской военно-морской базы (ПВМБ) капитана 1-го ранга Д.Г. Пономарева, а десантом – на командира 101-й стрелковой дивизии генерал-майора П.И. Дьякова.

Времени на разработку де-

Основания у подобного недоверия действительно были. Дело в том, что 16 августа 1945 года президент Г. Трумэн на пресс-конференции заявил, что Япония не будет разделена на зоны оккупации, как Германия, а целиком будет под американским контролем. 18 августа в послании И.В. Сталину он потребовал предоставить США авиационные базы на Курилах. В тот же день на заседании специальной комиссии палаты представителей США было выдвинуто требование создать на Курильских островах американские военно-морские базы. Москва отклонила эти требования, по сути, означавшие ревизию союзнических договоренностей. Поэтому медлить с проведением операции на островах было нельзя.

Практически за сутки в Петропавловке-Камчатском была сформирована довольно разношерстная флотилия для переброски войск морем, включавшая 14 транспортов, 16 десантных судов и катера. Отряд огневой поддержки составляли минный заградитель «Охотск», сторожевые корабли «Дзержинский» и «Киров», а также несколько тральщиков. На рассвете 17 августа корабли оставили Авачинскую губу и взяли курс на Курильские острова. Для высадки десанта на Шумшу им предстояло за сутки преодолеть 170 миль. Столь длительных океанских переходов советским десантам в годы второй мировой войны совершать не доводилось.

Плотный туман окутывал негостеприимные курильские берега. Но за его пеленой в 4 часа 30 минут 18 августа передовой отряд десантников смог незамеченным высадиться в северо-восточной части Шумшу и захватить небольшой плацдарм.

Японцы, видимо, не ожидали дерзкой ночной атаки и в панике разбежались. Но стоило десантникам двинуться в глубь острова, как их встретил прицельный огонь орудий и пулеметов с позиций замаскированных по склонам высот. Когда под прикрытием танков японская пехота пошла в контратаку, на помощь десантникам пришла артиллерия кораблей и батареи на мысе Лопатка. Потеряв до 15 танков и множество солдат, противник отступил.

В 6 часов 30 минут началась высадка основных сил десанта. Однако замысел советского командования был раскрыт, и японская артиллерия повела шквальный огонь по десантным баржам и шлюпкам. На какое-то время у генерала А.Р. Гнечко связь с берегом нарушилась, потому что радиостанции передового отряда были подмочены морской водой и не работали. Лишь к полудню в штаб поступило донесение от передового отряда, который вел тяжелый бой за высоты 165 и 171. Именно здесь развернулось главное сражение. В 14 часов два батальона японцев при поддержке 18 танков вновь попытались сбросить в море десантников. И эта контратака была отбита с помощью кораблей и авиации, а 17 японских танков догорали на поле битвы, усеянном телам.

В этом бою героический подвиг совершил старшина 1-й статьи Николай Вилков. Несколько раз он пытался забросать гранатами японский дот, губительный огонь которого косил ряды десантников. Когда гранаты кончились, израненный моряк бросился грудью на вражескую амбразуру.

На следующий день сопротивление японского гарнизона на Шумшу было все-таки сломлено. Однако при попытке советских кораблей войти во Второй Курильский пролив японские батареи открыли по ним огонь. Только 21 августа

та, после мощных ударов корабельных пушек и авиации по портам Катаока⁴³ и Касивабара⁴⁴, японские войска сложили здесь оружие.

Победа на Северных Курилах далась дорогой ценой. В боях за Шумшу и Парамушир советские войска потеряли более полутора тысяч человек убитыми и ранеными. Сотни воинов были отмечены государственными наградами, а девять из них – А.Р. Гнечко, Д.Г. Пономарев, П.И. Шутов, Т.А. Почтарев, В.А. Кот, В.И. Сигов и посмертно Н.А. Вилков, П.И. Ильичев, С. А. Савушкин – получили звание Героя Советского Союза.

Вечером 23 августа в далекой Москве гремел салют в честь победы, одержанной на Дальнем Востоке. Но на островах боевые действия еще продолжались. 22-28 августа советские десантники продолжали высаживаться на других островах северной части гряды вплоть до о. Уруп. Всего здесь было взято в плен более 30 тысяч японских солдат и офицеров, захвачено более 300 орудий, 60 танков, 7 самолетов, много иного вооружения и техники. Первый этап Курильской операции завершился.

Планированием для осуществления ее второго этапа стал порт Отомари на Южном Сахалине. В штабе фронта спешили, несмотря на катастрофическую нехватку топлива для кораблей и отсутствие сведений об обстановке на южных островах Курильской гряды. События развивались стремительно. 28 августа две роты морской пехоты высадились с тральщиков на западном берегу Итурупа. Их встретили парламентарии от командира 89-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Кейто Угава. Через день штаб СТОФ получил с Итурупа от командира десанта радиограмму: «...Взято в плен 6000 человек. 3000 человек находится на своих местах – некем пленить». 1 сентября также бескровно были заняты острова Кунашир и Шикотан, а 4 и 5 сентября – остальные острова Малой Курильской гряды. Всего на южно-курильских островах было пленено около 20 тыс. японских солдат и офицеров. Общая же численность пленных в результате Курильской десантной операции превысила 50 тысяч человек.

28 августа 1945 года, после того как была разгромлена Квантунская армия на материке, американские войска приступили к высадке на территории самой Японии. 2 сентября в Токийском заливе на американском линкоре «Миссури» состоялось подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии. Вторая мировая война, принесшая человечеству неисчислимые беды, закончилась.

Именно вступление Советского Союза в войну и разгром Квантунской армии привели к прекращению бессмысленного кровопролития, которое в ином случае могло еще продолжаться в течение длительного времени. Созданная в ходе многочисленных захватнических войн Японская колониальная империя развалилась. И по итогам войны СССР вернул себе потерянный в результате поражения в русско-японской войне 1904-1905 гг. Южный Сахалин и получил Курильские острова, являвшиеся базой японской агрессии на Тихом океане.

⁴³ Байково.

⁴⁴ Северо-Курильск.

Глава 16

САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В СОСТАВЕ СССР (1945-1991 ГОДЫ)

16.1. Сахалин и Курильские острова в переходный период (август 1945 – январь 1947 годов)

16.1.1. От войны к мирной жизни

Объединение в единое жизненное пространство южной и северной частей Сахалина, сорок лет развивавшихся в условиях разных социально-экономических систем, породило немало проблем переходного периода, продолжавшегося около полутора лет.

Поскольку экономика Южного Сахалина и Курил базировалась на частной собственности, преобразования всех сфер жизни были, по сути, «переходом от капитализма к социализму» в одном отдельно взятом регионе. Это одна из главных особенностей развития Сахалина и Курил, не имеющая точных аналогов в послевоенной истории Союза ССР. Вторая особенность – крайне сжатые сроки перехода от рыночной экономики к командно-административной системе советского типа. Уже к началу 1947 года этот процесс в основном завершился. Все это дает основание рассматривать время с конца августа 1945 по начало января 1947 года как самостоятельный этап политического и социально-экономического развития Сахалинской области.

Скоротечный характер боев на Южном Сахалине и Курилах позволил в основном избежать катастрофических потерь и разрушений, подобных тем, что были в европейской части страны, где проходил советско-германский фронт. Но в целом хозяйство на юге Сахалина было в значительной мере дезорганизовано. Особенно пострадали от обстрелов и пожаров города Маока, Эсутору, Сикука и ряд других.

Значительно больший ущерб городам Южного Сахалина причинили паника и хаос – неизбежные спутники военного поражения. Накануне прихода советских войск тысячи японцев бежали на Хоккайдо. При этом были уведены за пролив Лаперуза сотни больших и малых судов. Около 70 тысяч японцев, покинув дома, устремились в морские порты. Эту массу беженцев советскому командованию пришлось вернуть в свои дома, обеспечивать питанием и медицинским обслуживанием.

Почти все фабрики и заводы остановилось. На многих из них было испорчено или расхищено оборудование. Замерли культурная жизнь, торговля и денежное обращение, поскольку прекратилась работа японских банков.

Участник тех событий лейтенант Николай Андреевич Козлов писал в воспоминаниях о первых днях пребывания в Тоэхара:

«...Город напоминал кладбище. Окна с укором глядели на меня пустыми глазницами. Из керамических труб, что выходили из окон на улицу, не шел дым. Вокруг тишина. Стоят фабрики, заводы, закрыты магазины, пуст базар. Никто не спешит на работу. Молчит телефон. Нет воды. Японцы покинули город и ушли в горы. ...Наша комендантская патрульная группа, на дежурство в которой я сам напросился, всю ночь гоняла свой «Виллис». Город загорался, как по команде, то в одном, то в другом месте. Горели общественные здания,

жилые дома, учреждения. Пожарных частей не было. Высокая пожарная каланча в центре города безмолвствовала. Только ветер гонял развешанные на ней порванные шланги...

Прошло время. Патрули стали задерживать японцев, это были ходоки. Помню одну такую группу. Их было трое. Один из них был одет в темное кимоно, на ногах белые чулки и деревянная обувь. Под верхним кимоно виднелось еще одно, серое. Неподвижное красивое лицо, взгляд холодный, злой. Мы пригласили их к столу. После стакана спирта и американской тушенки он как-то оттаял, стал разговаривать. А наши переводчики делали свое дело. Японцев звали в город, давали гарантии безопасности. Таких групп в первые дни было немало. И вот однажды утром я увидел картину, которая до сих пор стоит перед глазами. Со стороны Конумы (Новоалександровска) появилась необычная колонна.

В ружье... – но тревога оказалась напрасной. Это напуганные, голодные японцы вместе с семьями возвращались из тайги в город. Они поверили нам. Это была первая победа».

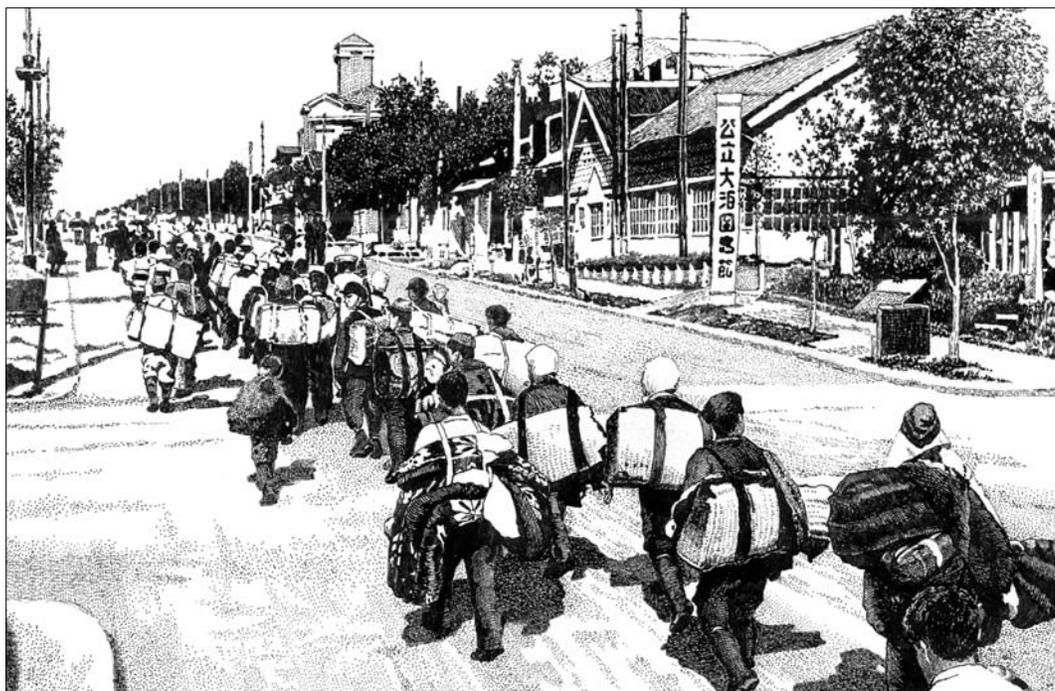


Рис. 49. Беженцы возвращаются в свои дома. Южный Сахалин. Август 1945 года

Для поддержания порядка в городах Южного Сахалина создавались военные комендатуры. 27 августа 1945 года приступил к исполнению обязанностей военный комендант города Тохара генерал-майор М.В. Алимов. В первую очередь он приказал взять под охрану железнодорожный вокзал, здание губернаторства и важнейшие объекты жизнеобеспечения города. Это позволило предотвратить случаи диверсий и поджогов, сохранить от полного расхищения магазины, промышленные предприятия, банки, буддистские и синтоистские храмы, а также учреждения культуры – музей Карафуто, городскую библиотеку и т.д. Принимались меры по налаживанию хозяйственной деятельности японского населения, изъятию у него оружия, радиоаппаратуры и автотранспорта.

В конце сентября 1945 года при штабе 2-го Дальневосточного фронта, который переместился в Тохару, было образовано управление по гражданским делам. Его возглавил Д.Н. Крюков, командированный на Южный Сахалин с группой советс-

ких работников. До войны Дмитрий Николаевич работал на Северном Сахалине и хорошо знал местные условия. Городские и сельские (волостные) управления по гражданским делам территориально копировали прежнюю систему административного деления.

Около полутора лет население Южного Сахалина жило фактически по законам военного времени. Все работники управлений по гражданским делам были военнослужащими Советской Армии. Первые месяцы военную форму носил даже штатский персонал. Д.Н. Крюкову срочно присвоили звание полковника. С немалыми усилиями ему удалось привлечь к работе специалистов из японских государственных и муниципальных учреждений, а также компаний и фирм. Японские учреждения (за исключением судебно-полицейских, военных органов и жандармерии) во главе с бывшим губернатором Карафуту Оцу Тосио, мэры городов и сельские старосты работали под контролем советских властей до января 1946 года.

Вынужденное сотрудничество японских чиновников и советских военных властей в сентябре-декабре 1945 года не только вносило колорит восточной экзотики в политическую жизнь Южного Сахалина, но и позволило избежать многих потерь, а также бессмысленных жертв.

В сентябре 1945 года для изучения насущных проблем Южного Сахалина сюда прибыл член Государственного Комитета Обороны, заместитель председателя СНК СССР Анастас Иванович Микоян. Его сопровождали Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский и командующий Тихоокеанским флотом Иван Степанович Юмашев. Они посетили города Отомари, Тохару, Маока и Хонто. А.И. Микояна особенно интересовало состояние транспорта, угольных шахт, предприятий рыбной промышленности. Затем с группой специалистов рыбного хозяйства побывал на Курилах. Поездка А.И. Микояна имела важные последствия и способствовала выработке неотложных решений в отношении Южного Сахалина и Курильских островов на правительственном уровне.

16.1.2. Особенности административного, экономического и политического устройства Южного Сахалина и Курильских островов в переходный период

2 февраля 1946 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Южно-Сахалинская область в составе Хабаровского края. В этот же день было издано еще два нормативных акта, определивших содержание преобразований в социально-экономической и политической жизни на освобожденных территориях.

Первый документ – постановление Совета Народных Комиссаров СССР «Об административном устройстве и введении советских законов на Южном Сахалине» от 2 февраля 1946 года. Им определялись основные мероприятия по восстановлению хозяйства области и включению ее в систему экономических и политических отношений социалистического типа. Постановление предусматривало формирование структур управления отраслями экономики и социальной сферы, проведение денежной реформы. В период с 1 по 15 февраля 1946 года японские иены были изъяты из обращения, и единственным платежным средством стал советский рубль.

Постановление имело большое значение для нормализации отношений с японским населением, которому гарантировались основные социально-экономические права, установленные советским законодательством. Для японских граждан

вводился 8-часовой рабочий день, закреплялось право на труд и отдых, бесплатное обучение и медицинское обслуживание, свободное отправление религиозных обрядов. В случае получения инвалидности японские граждане обеспечивались пенсией. При введении карточной системы снабжения продовольствием они наравне с советскими гражданами обеспечивались продуктами питания. С 1 апреля 1946 года отменялось действие японского налогового законодательства и с местного населения списывались все исчисленные на его основе недоимки и сборы. Кроме того, для японцев Южно-Сахалинской области устанавливался ряд налоговых льгот.

Основой для преобразований в экономической сфере явился Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1946 года «О национализации земли, банков, промышленных и коммунальных предприятий, железнодорожного и водного транспорта и средств связи Южного Сахалина и Курильских островов». В соответствии с этим указом устанавливалось, что на данной территории вся земля с ее недрами, лесами и водами с 20 сентября 1945 года является государственной собственностью, то есть всенародным достоянием. Тем самым здесь ликвидировалась крупная частная собственность. Национализировались все предприятия, имевшие более 10 рабочих, и сельскохозяйственные фермы с земельной площадью свыше 50 гектаров. Собственностью государства стали больницы, аптеки, склады, учебные заведения, кинотеатры и театры, крупные домовладения, а также дома, хозяева которых бежали с южной части Сахалина, объекты энергетического и коммунального хозяйства.

Национализация в ведущих отраслях экономики в основном завершилась к апрелю 1946 года. В собственность советских государственных и колхозно-кооперативных предприятий перешли тысячи объектов недвижимости, в том числе свыше 700 предприятий промышленности и транспорта. Среди них – Южно-Сахалинская железная дорога со всей инфраструктурой, 26 электростанций, 9 бумкомбинатов, 33 шахты, 3 морских порта и 37 портубежищ, 24 завода различного профиля, сотни перерабатывающих предприятий рыбной, пищевой и местной промышленности.

Административным центром Южно-Сахалинской области стал город Тохара, переименованный 4 июня 1946 года в Южно-Сахалинск, а на следующий день, 5 июня, было образовано четырнадцать административных районов, в том числе одиннадцать на Южном Сахалине и три на Курильских островах.

Одна из главных особенностей Южно-Сахалинской области состояла в отсутствии конституционных органов власти – местных Советов и их исполкомов. Руководство всей политической и экономической жизнью области осуществляло гражданское управление, начальником которого был Д.Н. Крюков, а его заместителем – А.О. Емельянов. В память о заслугах в восстановлении мирной жизни на островах их именами в 1982 году были названы улицы Южно-Сахалинска. Есть в Южно-Сахалинске и улица, названная в честь генерала армии М.А. Пуркаева, также оставившего заметный след в послевоенной истории Сахалинской области. В 1945 году он командовал 2-м Дальневосточным фронтом, а затем был командующим войсками Дальневосточного военного округа и при его участии решались многие проблемы налаживания хозяйственной и культурной жизни на островах.

В Южно-Сахалинской области не было территориальных партийных органов – областного и районных комитетов ВКП(б). Их функции осуществлял политотдел областного гражданского управления. С 15 июня 1946 года в Южно-Сахалинске стала выходить газета «Красное знамя», а для японского населения гражданским управлением издавалась газета «Новая жизнь».

16.1.3. Образование Сахалинской области в составе Российской Федерации

Поскольку государственная граница по 50-й параллели перестала существовать, два административно-территориальных образования на острове: Сахалинская область – в северной его части и Южно-Сахалинская область – в южной и на островах Курильского архипелага – были, безусловно, временным явлением переходного периода.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 января 1947 года Южно-Сахалинская область была ликвидирована, а ее территория вошла в состав Сахалинской области, которая выделялась из состава Хабаровского края в самостоятельную область РСФСР. При этом получилось так, что на какое-то время



Рис. 50. Граница между СССР и Японией после окончания второй мировой войны

Южно-Сахалинск формально утратил свой статус, поскольку административным центром области считался Александровск-Сахалинский.

Возникшая проблема местонахождения областного центра вызвала немалую обеспокоенность у сахалинских руководителей «севера» и «юга». Это видно из телеграммы, направленной правительству 15 января 1947 года начальником Южно-Сахалинского гражданского управления Д.Н. Крюковым и секретарем Сахалинского обкома ВКП(б) Д.Н. Мельником. Они предлагали разместить областной центр в Южно-Сахалинске временно, а затем перенести его в Углегорск, переименовав в город Сахалин. Но аргументы в пользу такого варианта выглядели неубедительно и были восприняты в Москве скорее всего как казус.

Вариант оставления областного центра в Александровске-Сахалинском также отвергался как худший во всех отношениях.

Итогом этой короткой «дискуссии» явился Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 апреля 1947 года об установлении центра Сахалинской области в городе Южно-Сахалинске.

16.1.4. Переименование населенных пунктов и географических объектов Южного Сахалина и Курильских островов

Важным шагом к нормализации жизни и деятельности всех советских государственных структур на Южном Сахалине и Курильских островах явилось переименование населенных пунктов и географических объектов. Пользоваться японскими названиями советским переселенцам было неудобно, возникала масса недоразумений и путаницы в деятельности органов власти, почтовых учреждений, транспорта и т.п.

Большую работу по изучению и упорядочению названий провели Южно-Сахалинское гражданское управление и учреждения Академии наук СССР. Предварительно проекты новых и восстановления старых названий Д.Н. Крюков утвердил приказом гражданского управления от 21 сентября 1946 года, а затем их рассмотрел президиум Географического общества СССР под председательством академика Л.С. Берга. Это обеспечило согласованность сухопутных и морских карт, а также преемственность их использования во всех сферах народного хозяйства.

Проект новых наименований после дополнительных уточнений с Сахалинским облисполкомом лег в основу двух Указов Президиума Верховного Совета РСФСР «Об образовании сельских Советов, городов и рабочих поселков Сахалинской области» и «О переименовании населенных пунктов Сахалинской области», принятых 15 октября 1947 года.

16.1.5. Репатриация японского населения

С переходом Южного Сахалина и Курил под суверенитет СССР возникла проблема репатриации японских граждан с этой территории. По данным советского командования, в сентябре 1945 года на Южном Сахалине проживало более 380 тысяч человек; в том числе 358,5 тысячи японцев, 23,5 тысячи корейцев, 812 человек аборигенного населения (айнов, орочонов, эвенков, нивхов) и 360 человек русских – потомков сахалинских старожилов.

Заметим, что проблема репатриации касалась не только жителей бывшего губернаторства Карафуто. В 1945 году за пределами Японии, главным образом в странах Юго-Восточной Азии, находилось 6,45 миллиона японских граждан, и жители Южного Сахалина составляли менее пяти процентов от их общей численности. Репатриация японцев Южного Сахалина и Курил не была односторонней акцией советского правительства. Она проводилась в два этапа правительствами трех держав – СССР, США и Японии.

На первом этапе, с октября 1946 по май 1948 года, между СССР и США еще сохранялись союзнические обязательства, и вопросы репатриации сахалинских японцев решались при участии американской стороны. Как известно, после войны Япония лишилась возможности осуществлять самостоятельно внешнюю политику. Формально правительство Японии существовало, но фактическим правите-

лем страны был командующий американскими оккупационными войсками Дуглас Макартур. В декабре 1945 года было достигнуто соглашение между СССР и США о репатриации японского населения с территории Советского Союза. На его основе генерал Макартур издал ряд директив о репатриации японских граждан с Южного Сахалина и Курильских островов. Она проводилась на тех же основаниях, что и репатриация японцев из Кореи, Китая и других стран.

Подготовка к репатриации началась в конце 1945 года, и она не стала неожиданностью для японцев. В Южно-Сахалинске действовала областная комиссия по репатриации во главе с Д.Н. Крюковым. Население заранее официально оповещали о предстоящем отъезде на родину. Разделение семей не допускалось. Разрешался вывоз на одного человека до центнера разного имущества, кроме советских и японских денежных знаков, а также золота.

Выезд всех японцев, независимо от места проживания, происходил только из порта Холмск. Сюда, по графику, согласованному со штабом Макартура, через каждые два дня приходили два парохода. Каждый из них брал на борт до полутора тысяч пассажиров. Первые партии репатриантов отправились с Сахалина в октябре 1946 года, а с Курильских островов – в августе 1947 года.

К середине 1948 года, когда первый этап репатриации завершился, Сахалин и Курильские острова покинуло 357 тысяч японских граждан. Но и после этого в Сахалинской области оставалось небольшое количество японцев. Часть из них позднее приняла советское гражданство. Их отъезд, как правило, затруднялся личными причинами и «с невозможностью выезда лиц корейской национальности, состоящих в браках с японцами». Дело в том, что японская сторона не принимала корейцев, даже имевших японское гражданство. Это ограничение отпало только после 1956 года в результате нормализации отношений между СССР и Японией.

По ходатайству японского правительства и с учетом пожеланий самих японцев, проживающих в тот период в Сахалинской области, начался второй этап репатриации. Он проходил на несколько иных условиях. Менее жесткими были нормы вывоза имущества, а самое главное – получили право выехать лица, состоявшие в браках с японцами, и члены их семей. При этом граждане СССР и КНДР, независимо от их национальности, репатриации не подлежали. Всего в 1957-1960 годах с Сахалина в Японию выехало 2294 человека, из них 592 японца. По данным на 1 июля 1960 года, в Сахалинской области на положении лиц без гражданства проживало 186 лиц японской национальности.

Репатриация японского населения Южного Сахалина и Курильских островов, безусловно, была процессом сложным и болезненным. Так или иначе отразившись на судьбах сотен тысяч людей, она оторвала их от домашних очагов, поставив перед немалыми трудностями в налаживании новой жизни на исторической родине. Но при всех издержках, сопровождавших репатриацию японцев в конце 1940-х годов, можно утверждать, что она происходила в рамках международных соглашений и с соблюдением элементарных норм внимания к людям.

Вместе с тем нельзя умолчать о судьбе племени айнов – коренных жителей Южного Сахалина. Подавляющее большинство из них вместе с японцами были вывезены с Южного Сахалина и Курил. Не вдаваясь в юридические аспекты проблемы, надо признать – это была явная ошибка советской администрации тех лет. Ведь айнам пришлось покинуть родную землю, на которой веками жили их предки.

В то же время подавляющее большинство корейцев, насильственно завезенных на Сахалин японцами в 20-е – первой половине 40-х годов, так и не смогло вернуться на свою родину.

16.1.6. Начало переселения на Сахалин и Курилы советских граждан

Репатрируя японское и коренное население, советское правительство организует массовое переселение на Сахалин и Курильские острова советских людей. Для того чтобы далекие острова выглядели в глазах возможных переселенцев более привлекательно, а также для закрепления уже прибывшего населения, на всех рабочих и служащих Южно-Сахалинской области было распространено действие льгот, установленных для лиц, работающих в районах Крайнего Севера. В соответствии с Указом Верховного Совета СССР от 1 августа 1945 года для лиц, работавших в районах Крайнего Севера, были предусмотрены следующие льготы:

- выплата по истечении 6 месяцев работы 10-процентных надбавок к ставкам (окладам), общий размер надбавок не должен был превышать 100 % тарифной ставки (оклада);
- предоставление дополнительных отпусков сверх установленных действовавшим законодательством работникам с нормированным рабочим днем продолжительностью 18 рабочих дней и работникам с ненормированным рабочим днем – 30 рабочих дней;
- разрешение полного или частичного соединения отпусков (но не более чем за три года);
- время, необходимое для проезда к месту использования отпуска, не засчитывалось в срок отпуска;
- стоимость проезда в отпуск оплачивалась предприятием или учреждением;
- предприятия, учреждения и организации были обязаны в случае выезда работника по истечении срока трудового договора или в связи с расторжением договора по независящим от работника причинам возмещать фактические расходы на обратный проезд как самого работника, так и членов его семьи;
- предприятия, учреждения и организации были обязаны предоставлять работникам и членам их семей жилую площадь по нормам, установленным для данной местности;
- при исчислении стажа, дававшего право на пенсию, один год работы засчитывался за два;
- сохранение за работниками, переводимыми и направляемыми на работу на Крайний Север, жилой площади по месту жительства на весь период действия трудового договора.

Льготы распространялись только на тех лиц, с которыми были заключены письменные договоры сроком не менее трех лет. То есть рабочим и служащим из числа местного коренного населения, работникам, принятым на месте, иностранным гражданам и лицам без гражданства данные льготы не предоставлялись. В конечном счете именно вышеназванные льготы привлекли на Сахалин и Курильские острова сотни тысяч людей.

7 апреля 1946 года Совет Министров СССР принял постановление о переселении на Южный Сахалин четырех тысяч семей, в том числе одной тысячи семей колхозников – в сельское хозяйство и трех тысяч – в рыбную промышленность. В июне 1946 года военный совет Дальневосточного военного округа утвердил планы по размещению переселенцев, а при гражданском управлении Южно-Сахалинской области был образован переселенческий отдел и два приемных переселенческих пункта в портах Корсаков и Холмск. Как всегда, сроки были крайне сжатыми, поскольку начинались рыбацкая путина и сезон летних полевых работ.

К осени 1946 года Южно-Сахалинская область приняла почти 70 тыс. советских переселенцев. Одновременно проводилось как промышленное, так и сельскохо-

зыйственное переселение. В связи с тем что из отраслей промышленности больше всех пострадала рыбная, особое внимание уделялось переселению на Сахалин рыбаков-колхозников.

Успеху сельскохозяйственного переселения способствовали та разруха и голод, которые царили на большей части территории западных областей Советского Союза после завершения второй мировой войны, а также многочисленные льготы, которые были предоставлены переселенцам, отправлявшимся на постоянное жительство на Сахалин. Среди льгот данной категории переселенцев следует отметить:

- бесплатный провоз багажа до двух тонн на семью и до полтонны на одиночек;
- безвозвратное денежное пособие в размере трех тысяч рублей на главу семьи и по шестьсот рублей на каждого ее члена;
- право на приобретение в личную собственность жилого дома с надворными постройками и приусадебного участка размером до половины гектара на хозяйство;
- право на получение равноценного скота и урожая взамен оставленного на старом месте жительства;
- право на получение ссуды на постройку индивидуального дома и хозяйственное обустройство в размере до двадцати тысяч рублей с последующим отнесением 50 % ссуды за счет государства и погашением оставшейся суммы в течение десяти лет, начиная с третьего года после взятия ссуды;
- право на получение ссуды на приобретение скота в размере трех тысяч рублей;
- списание с работающих в сельском хозяйстве всех недоимок и освобождение их сроком на десять лет от всех денежных налогов, страховых платежей и обязательных поставок государству продуктов земледелия и животноводства.

На Южном Сахалине уже к лету 1946 года появляются первые переселенческие колхозы. Каждая семья колхозников-переселенцев получала от государства бесплатно в личное пользование жилой дом с надворными постройками. При этом крестьяне вселялись как в освобождающиеся японские дома, так и в специально для них построенные помещения. Кроме того, каждую переселенческую семью наделяли приусадебным участком в размере 0,5 гектара земли на одно хозяйство. Для обслуживания переселенческих колхозов в Южно-Сахалинском, Поронайском и Углегорском районах в сентябре 1946 года создаются моторно-тракторные станции (МТС).

Министерствам разрешалось устанавливать ставки заработной платы на Сахалине на 50, а на Курильских островах на 100 процентов выше ставок для соответствующих работников предприятий и учреждений Хабаровского края.

Начавшаяся репатриация японцев, переселение на Сахалин и Курилы десятков тысяч советских людей, обустройство их на новых местах на первых порах внесли сумятицу в экономическую жизнь Южно-Сахалинской области. На подавляющем числе предприятий, где были заняты японцы, резко упала дисциплина. С предприятий угольной, лесной, бумажной, рыбной и других отраслей промышленности уходили многие тысячи специалистов. В большинстве случаев их некому было заменить. Переехавшим на Сахалин советским гражданам еще предстояло обустроиться на новом месте. К тому же многие из них не обладали нужными на островах профессиями.

16.2. Сахалин и Курильские острова в 1947-1953 годах

16.2.1. Формирование на Сахалине и Курильских островах партийных и государственных органов

С окончанием переходного периода на всю территорию Южного Сахалина и Курильских островов была распространена идентичная с СССР политическая и экономическая система. Уже в 1947 году здесь были созданы те же партийные и государственные структуры, которые существовали по всей стране.

В декабре 1947 года в Сахалинской области прошли первые за послевоенный период выборы в местные Советы. Голосование было всеобщим, равным и тайным. Правда, в бюллетенях для голосования была только одна фамилия. И каждый избиратель имел право или отдать свой голос за этого единственного кандидата «нерушимого блока коммунистов и беспартийных», или проголосовать против него. Проголосовать против рискнули немногие.

По официальным данным, на выборах в областной Совет за предложенных кандидатов проголосовало 99,13 % избирателей; на выборах в районные Советы – 98,67 %, городские Советы городов областного подчинения – 98 %, городские Советы городов районного подчинения – 97,55 %, поселковые Советы – 98 %, сельские Советы – 97,7 %. Не был избран только один из зарегистрированных кандидатов (кандидат в депутаты Рейдовского сельского Совета).

Одной из характерных черт сталинской эпохи было отсутствие стабильности в системе управления. Руками своего ближайшего сподвижника Георгия Максимилиановича Маленкова И.В. Сталин постоянно перемещал руководящие кадры, работавшие на республиканском, областном и городском уровнях жесткой властной вертикали.

В первые послевоенные годы кадры на местах не засиживались. Совсем недолго на посту председателя исполкома вновь образованного областного Совета проработал Д.М. Крюков. Уже в декабре 1948 года он покидает Сахалин, и председателем Сахалинского облисполкома становится Александр Осипович Емельянов, который в свою очередь был смещен летом 1953 года.

Итак, с декабря 1947 года власть на Сахалине и Курилах официально принадлежала Советам. Однако реальная власть и в стране в целом, и в каждой ее большой или малой части находилась в руках партийных функционеров. Именно от их мнения зависело решение подавляющего большинства вопросов (прежде всего вопроса о кадрах). В только что образованной Сахалинской области, как и в любом другом регионе СССР, подлинная власть находилась в руках областного комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) во главе с избиравшимся (а фактически назначавшимся из центра) первым секретарем. Вплоть до 1990 года именно фигура первого секретаря обкома ВКП(б)-КПСС являлась ключевой в администрации любой области на всей огромной территории СССР. Именно они были подлинными главами администрации региона. Посажённые руководством коммунистической партии на область, эти люди обладали на ее территории практически неограниченной властью и были подотчетны и подконтрольны только Москве. Что же касается руководителя исполнительного комитета Сахалинского областного Совета депутатов трудящихся (Сахалинского облисполкома), то он с

самого начала занимал в существовавшей тогда властной пирамиде подчиненное положение и чаще всего являлся простым исполнителем указаний обкома партии.

Первым среди первых секретарей Сахалинского областного комитета ВКП(б), руководивших областью после ее создания, был Дмитрий Никанорович Мельник. До назначения на этот пост он работал в комсомольских, партийных и советских органах Хабаровского края, а с 1945 года возглавлял партийную организацию Северного Сахалина. Д.Н. Мельник руководил Сахалинской областью вплоть до июня 1951 года.

15 июня 1951 года первым секретарем Сахалинского обкома партии становится Петр Федорович Чеплаков, работавший до этого в Закавказье и на Северном Кавказе (последнее место работы – первый секретарь Грозненского обкома ВКП(б)).

Первый год работы П.Ф. Чеплакова стал для Сахалинской области годом беспрецедентной перетряски руководящих кадров. Данная работа проводилась по инициативе и под непосредственным руководством вновь назначенного первого секретаря Сахалинского обкома ВКП(б). Новый руководитель области развернул непримиримую борьбу за моральную чистоту сахалинской номенклатуры. Так, 25 августа 1952 года со своего поста был смещен второй секретарь Сахалинского обкома партии И.Ф. Родин. Вот как объяснял это сам П.Ф. Чеплаков:

«Тов. Родин не обеспечивал работу, недобросовестно относился к порученному ему делу, не занимался партийно-хозяйственной работой, ошибался с кадрами; как второй секретарь был не на своем месте. Но дело не только в этом, а еще и в том, что Родин в морально-бытовом отношении оказался разложившимся...».

Всего в результате чистки было уволено более 250 представителей сахалинской номенклатуры. В течение первых полутора лет работы П.Ф. Чеплакова (второй половины 1951 и всего 1952 года) «за плохую работу и недостойное поведение» (под последним могли подразумеваться и организация выпивок, и внебрачные связи, и картежная игра с подчиненными, и присвоение государственных и общественных средств) работу в руководящих органах потеряли все секретари обкома ВКП(б) (естественно, кроме «первого»), многие секретари райкомов и горкомов партии, заместители председателя Сахалинского облисполкома, многие заведующие отделами обкома партии, первый секретарь Сахалинского обкома ВЛКСМ, большое количество советских работников, директора государственных предприятий и председатели колхозов.

На место уволенных руководителей П.Ф. Чеплаков смело выдвигал новые кадры. В числе выдвиженцев преобладали молодые и более энергичные работники. Однако далеко не всегда выбор первого секретаря Сахалинского обкома партии был безупречен. Уже в течение 1952 года немало вновь назначенных на ответственные посты товарищей были сняты с работы (как за развал работы, так и по соображениям морального плана).

В июне 1953 года пост председателя Сахалинского областного исполнительного комитета покидает А.О. Емельянов. В сентябре 1953 года на эту должность был назначен Леонид Николаевич Кузик. Ему было суждено проработать номинальным главой сахалинской областной администрации почти десять лет.

Всего в ходе проведенной П.Ф. Чеплаковым перетряски кадров на партийные, советские, хозяйственные, профсоюзные, комсомольские и другие руководящие посты было выдвинуто более трех тысяч человек. В деле решения кадровой проблемы большую помощь руководству области оказал Центральный комитет Коммунистической

партии Советского Союза. В течение 1952 и первой половины 1953 года для назначения на руководящие посты в партийных, советских и хозяйственных органах в Сахалинскую область было направлено более девятистот человек.

16.2.2. Решение о строительстве железнодорожного тоннеля между Сахалином и материком

Первый секретарь Сахалинского обкома ВКП(б) обладал на территории области огромными полномочиями. Однако абсолютное большинство вопросов, связанных с экономическим и социальным развитием области, он должен был решать в Москве. Решение же наиболее важных вопросов было возможно только в случае их одобрения лично И.В. Сталиным. Одним из таких вопросов являлся вопрос о создании надежного сообщения между Сахалином и материком.

26 марта 1950 года И.В. Сталин принял первого секретаря Сахалинского обкома ВКП(б) Дмитрия Никаноровича Мельника. Вот что вспоминал об этом событии сам Д.Н. Мельник на состоявшемся 17 апреля 1950 года расширенном совещании аппарата Сахалинского обкома ВКП(б):

«Вам известно о том, что тов. Маленков¹ позвонив сюда, к нам, в областной комитет партии, предложил мне вылететь срочно в Москву, по заданию тов. Сталина. Собрали мы некоторые материалы здесь, в обкоме партии и я выехал в Москву, не зная по какому вопросу. Сразу же по приезде в Москву, я был принят тов. Маленковым. Тов. Маленков рассказал о том, что тов. Сталин интересуется нашей Сахалинской областью, и просил подготовить материалы, которые будут интересовать тов. Сталина.

В субботу вечером, 26 марта, я был приглашен к товарищу Сталину. Это было в 10 часов вечера. У тов. Сталина присутствовали т.т. Маленков, Молотов, Берия, Каганович, Микоян, Булганин, Хрущев².

Тов. Сталин подробно интересовался делами нашей Сахалинской области. Тов. Сталин задавал вопросы, я на них отвечал, кое-где хорошо, кое-где плохо, но, во всяком случае, старался отвечать подробно, отвечал так, как в действительности мы с вами живем и работаем.

Тов. Сталин интересовался делами нашей области, интересовался богатствами Сахалина, подробно интересовался рыбными богатствами, запасами угля, нефти, леса, ископаемых, интересовался сельским хозяйством, посевными площадями, животным миром, который у нас имеется на Сахалине. Подробно интересовался нашей железной дорогой, подробно интересовался портами Сахалина, глубинами наших портов, пропускной способностью наших портов, расстоянием портов между собой, расстоянием между Сахалином и материком через Владивосток, через Советскую Гавань и через Де-Кастри. Интересовался возможностью строительства новых портов, строительством новых бухт, интересовался: есть ли у нас естественные портоубежища, насколько можно их использовать, интересовался озерами у нас, на Сахалине, и больше всего товарищ Сталин интересовался жизнью и бытом людей, живущих на Сахалине. Спрашивал все ли у нас созревает, перспективы развития сельского хозяйства, скоро ли прекратят завозить нам хлеб, когда себя будем обеспечивать мясом, молоком, картофелем? Сколько людей у нас живет на Сахалине, какие люди, интересовался составом партийной организации, комсомольской организации, текучестью рабочей силы и многими другими вопросами.

Очень подробно тов. Сталин интересовался вопросами Курильских островов, обороной Курильских островов, составом армии на Курильских островах и другими видами обороны Курильских островов и Сахалина.

В этой беседе чувствовалось желание тов. Сталина подробно знать о Сахалине и когда некоторые товарищи пытались дополнить меня своими репликами, товарищ Сталин несколько раз предупреждал товарищей о том, чтобы дать мне возможность ответить на те

¹ Член Политбюро и секретарь ЦК ВКП(б).

² Члены Политбюро ЦК ВКП(б).

вопросы, которые его интересуют. Чувствовалось, что тов. Сталин знает дела Сахалина, и что он был подготовлен, во всяком случае, он знал, имел данные о нашей Сахалинской области, может быть не полностью, но, во всяком случае, по его вопросам и по тому, что тов. Сталин меня несколько раз поправил в ответах, чувствовалось, что тов. Сталин знает полностью о Сахалинской области. Тов. Сталин поправил в тех вопросах, которые я не знал, как глубины отдельных озер, глубины отдельных подходов, глубины отдельных проливов на Курильских островах.

Подробно ознакомившись с делами, выслушав ответы, которые были мною даны, тов. Сталин сделал несколько замечаний о работе руководящих органов нашего правительства и о нашей работе, в частности тов. Сталин считал неправильным то, что основной поток грузов на Сахалин идет на Владивосток, а не на Советскую Гавань, заявив таким образом: мы построили большую советскую дорогу Комсомольск – Советская Гавань и мы ее не используем в полной мере. Порт Советская Гавань находится в двухстах километрах от сахалинских портов, в частности, от порта Углегорск, не более четырехсот километров от порта Холмск, а мы грузы возим через Владивостокский порт, который находится в тысяче километров от нас. Тут же тов. Сталин поручил тов. Кагановичу разобраться и внести предложение о потоке грузов на Сахалин ...

Тов. Сталин считал неудовлетворительным объяснения мои и тов. Берии о том, что мы не можем дать большей нефти на Сахалине и что мы даем незначительное количество нефти, которое тормозит развитие народного хозяйства Дальнего Востока.

Тов. Сталин считал недостаточными меры по укреплению обороны Курильских островов ...

Затем тов. Сталин после того, как выяснил все вопросы, спросил: есть ли у меня вопросы к тов. Сталину и присутствующим членам Политбюро ЦК ВКП(б).

Я доложил тов. Сталину, что вопросов у нас много ... Я считал главным вопросом для нашей партийной организации, для наших руководящих органов Сахалинской области ... устройство людей, назвав ему цифру людей, которые были переселены в нашу область за последние три года и цифру людей, которые уехали из области и ту сумму, которую они стоили государству. На цифрах и фактах доказал, что основная причина выбытия людей с Сахалина – крайне тяжелые жилищные и культурно-бытовые условия ...

Тов. Сталин подошел ко мне и заявил буквально так: передайте сахалинцам, что Париж на Сахалине мы не создадим, это для нас трудно, но условия для жизни людей обязательно создадим, и что в ближайшие годы мы должны создать условия для жизни людей на Сахалине.

Я заявил, что на Париж мы не претендуем, согласны на Свердловск и Челябинск, и что с помощью правительства, тов. Сталина, бесспорно, эти условия будут созданы ...

После этого тов. Сталин зашел за свой стол, записал те вопросы, которые я ставил, после обратился к членам Политбюро с просьбой о том, что надо помочь Сахалину в решении поставленных вопросов ...»

В ходе беседы с первым секретарем Сахалинского обкома ВКП(б) И.В. Сталин поставил вопрос о соединении Сахалина с материком железнодорожным сообщением. Вопрос этот явно уже давно занимал Сталина и был неплохо проработан. Впрочем, вновь предоставим слово Мельнику:

«Затем тов. Сталин спросил, как я смотрю, если нам провести железную дорогу с материка на Сахалин через Татарский пролив? Я сказал положительно, так как это мечта сахалинцев, длительная мечта сахалинцев, другой мечты, пожалуй, у нас и нет, чтобы стать Сахалину большой землей, нежели быть на островном положении, но, видимо, сейчас это дело очень дорого будет, тяжело туннель прокладывать, т.к. сам берег и мыс Лазарева не в нашу пользу ...

Тов. Сталин заявил: ну, что, что трудно, а вот надо будет, и построим такую дорогу. Я сказал, с Вашей помощью мы, бесспорно, построим дорогу...

Тов. Сталин подробно интересовался подходами в самом узком месте Татарского пролива, в районе мыса Погиби и Лазарева и прохода туннеля или моста, подхода железной дороги ...

Тов. Сталин показал расчеты, которые у него были, показал карты, где были пометки: место прохода дороги, туннели, глубины, конечно, все ему было подготовлено за несколько дней военными товарищами ...

Тов. Сталин высказал пожелание: нужно ли проводить железнодорожный туннель в узком месте или в более широком, но менее глубоком. На эти вопросы отвечал Лазарь Моисеевич Каганович, как старый железнодорожник, что строить лучше на более широких местах, но с небольшими глубинами, чем на меньших ...»

После совещания у Сталина Д.Н. Мельник в течение нескольких дней прорабатывал различные варианты строительства железной дороги Комсомольск – мыс Лазарева – Татарский пролив – мыс Погиби – Победино в специально созданной для подготовки данного вопроса комиссии. Работа велась в Министерстве путей сообщения и Министерстве внутренних дел. Особое внимание проекту было уделено курировавшим подобные проекты Лаврентием Павловичем Берия, который дважды встречался с первым секретарем Сахалинского обкома ВКП(б).

В результате для И.В. Сталина был подготовлен проект, включавший в себя три варианта решения проблемы соединения Сахалина с материком железнодорожным сообщением. Первый вариант предусматривал строительство туннеля, второй – строительство паромной переправы ледокольного типа и третий – сооружение дамбы через Татарский пролив.

Вечером 2 апреля 1950 года первый секретарь Сахалинского обкома ВКП(б) Д.Н. Мельник был приглашен на заседание Политбюро. На этом заседании был рассмотрен только один вопрос: вопрос о строительстве железной дороги с материка через Татарский пролив на Сахалин. Вот что вспоминал об этом сам Д.Н. Мельник:

«Тов. Сталин ... заявил буквально так: «Товарищи, мы не имеем права при сложившейся обстановке надеяться на случайную связь материка с Сахалином, мы не имеем права надеяться, что связь с восточным берегом Сахалина и с Курильскими островами может осуществляться проливом Лаперуза, который в любое время может быть заминирован, может быть обстрелян. Дабы защищать нашу землю на Курилах и на Сахалине, нам необходимо иметь прочную связь, не случайную связь с Сахалином. Исходя из этого, вносится предложение: построить железную дорогу из Комсомольска на мыс Лазарева, с мыса Лазарева сделать переправу на Погиби и с Погиби построить железную дорогу до Победино на Сахалине с тем, чтобы ... соединить большую землю с незамерзающими портами Сахалина и с восточным берегом Сахалина».

После обсуждения было принято решение о соединении Сахалина с материком с помощью туннеля через Татарский пролив. Кроме того, по предложению Сталина было решено организовать также и паромное сообщение между островом и материком.

Строительство железной дороги от Комсомольска-на-Амуре до Победино на Сахалине должно было закончиться в 1953 году. Окончательная же сдача туннеля в эксплуатацию была намечена на 1955 год.

16.2.3. Строительство железной дороги Комсомольск-на-Амуре – Победино

Работы по сооружению железной дороги от Комсомольска-на-Амуре до Победино на Сахалине были начаты в том же 1950 году. Для реализации решения о сооружении железной дороги были оперативно созданы три новые организации. Две из них входили в систему Главного управления лагерей железнодорожного строительства МВД СССР. «Строительство № 506» вело работы на Сахалине, «Строительство № 507» – на материке. Особая организация («Строительство № 6)

была создана в рамках Министерства путей сообщения СССР. Она занималась сооружением тоннеля между Сахалином и материком.

С самого начала строительство велось в основном силами заключенных. Для этого вдоль будущей трассы создавались лагерные пункты. К началу 1951 года на 327-километровом пространстве от Погиби до Победино функционировало десять лагпунктов, где были размещены 3758 заключенных. В течение всего года на остров одна за другой прибывали партии осужденных. Благодаря этому к концу 1951 года число лагпунктов выросло до двадцати шести. В них находилось 12533 заключенных.

подавляющее большинство заключенных, занятых на строительстве № 506, были осуждены за мелкие хищения государственной и общественной собственности (в соответствии с так называемым законом «О колосках»). Таковых здесь насчитывалось почти 60 %. Политических на Сахалине было относительно немного. «Шпионами» и «изменниками Родины» числилось всего 9,3 %, а «контрреволюционерами» – 3,5 % от общего количества заключенных в сахалинских лагпунктах.

Именно политические были осуждены на самые длительные сроки заключения. 11,3 % сахалинских зэков имели сроки от пятнадцати до двадцати пяти лет. Однако и за мелкие хищения карали весьма круто. Ведь относительно небольшой срок до трех лет на Сахалине имело только 4 % осужденных. 12 % сахалинских заключенных отбывали срок от трех до пяти лет, 49,3 % – от пяти до десяти лет. 23,4 % сахалинских зэков имели срок от десяти до пятнадцати лет.

При решении вопроса о направлении зэков на «Строительство № 506» прежде всего учитывалась их работоспособность. Поэтому на остров в основном направляли молодых и здоровых осужденных. Так, в 43,5 % подневольных строителей железной дороги имели возраст от 18 до 25 лет, а 33,5 % – от 25 до 35 лет.

До нашего времени сохранилось не так много воспоминаний о деятельности «Строительства № 506» на Сахалине. Вот что вспоминал о своей поездке в район строительства железной дороги Погиби – Победино бывший партийный работник Николай Андреевич Козлов:

«Осенью 1951 года мне пришлось быть проездом в Победино. Запомнилась такая картина: мгла, дождь, слякоть, холод. Днем и ночью в направлении Тымовска идут колонны заключенных, техника ... Стройка разворачивалась стремительно. Партии заключенных доставлялись эшелонами, пароходами, и тут же бросались на строительство лагерей, барачных, землянок, производственных объектов. Чуть свет гнали на работу людей. Отбой – затемно ... На Сахалин из Монголии был передислоцирован штаб дорожных строителей во главе с Н. Потемкиным ... Это были мастера дела, профессионалы. Могли в кратчайшие сроки построить что угодно. Часто выручали нас, гражданских ... Инженерно-технические работники были как из числа заключенных, так и вольнонаемные. В Тымовское через Александровск и Победино круглосуточно шла техника. Были пробиты просеки, сделано насыпное полотно, построены вокзалы, железнодорожные станции ... Обстановка была напряженная, среди гражданского населения чувствовалась настороженность. Были побегі заключенных и множество ЧП. О стройке знали все, но помалкивали».

16.2.4. Экономическое развитие Сахалина и Курил в конце 40-х – начале 50-х годов

На рубеже 40-50-х годов ведущую роль в экономике Сахалинской области играла рыбная промышленность. Главными проблемами, с которыми с самого начала столкнулась данная отрасль, были: нехватка квалифицированной рабочей силы, малочисленность, маломощность и ветхость промыслового и обслуживающего

флота, слабая механизация; малые мощности по переработке и хранению выловленной рыбы.

Первой была решена проблема нехватки рабочих рук. В область в организованном порядке переселяется несколько тысяч семей рыбаков-колхозников. В июле 1947 года на Южном Сахалине и Курильских островах начинают создаваться переселенческие рыболовецкие колхозы. К лету следующего года их было уже 67, а в начале 1950 года в Сахалинской области насчитывалось 93 рыболовецких колхоза. Из них – 83 вновь организованных (в том числе 6 на Курильских островах). В рыболовецких колхозах области состояло 4917 семей общей численностью 20658 человек (в том числе трудоспособных – 7176).

В первые послевоенные годы рыбная промышленность Сахалинской области опиралась на чрезвычайно скудную техническую базу. Малочисленный рыболовный флот в основном состоял из изношенных, маломощных и морально устаревших судов. В связи с этим основная масса рыбы добывалась вблизи сахалинских берегов. Этому же способствовала сложившаяся в 1947-1951 годах исключительно благоприятная для прибрежного промысла обстановка. Главным объектом промысла являлась сельдь. А она в те годы в огромных количествах подходила на нерест к берегам Южного Сахалина и шла прямо в зону ставных неводов. Так, в 1948 году здесь было добыто 67 тысяч тонн сельди (что составило 53,7 % выловленной в том году сахалинскими рыбаками рыбы), а в 1950 году – 113 тысяч тонн (74,3 %). Большое значение имел также лов шедших на нерест лососевых, которые давали до 18 % улова. И сельдь, и лосось добывались прежде всего прибрежными орудиями лова.

В силу ряда причин (прежде всего из-за интенсивного промысла, который вели в Охотском и Японском морях как советские, так и японские рыбаки) в начале 50-х годов возможность наращивать уловы исключительно прибрежными орудиями лова ушла в прошлое. После 1951 года подходы на нерест к берегам южной части острова сахалино-хоккайдского стада сельди резко уменьшились. В результате к 1953 году уловы сахалинских рыбаков сократились по сравнению с 1947 годом в 1,6 раза.

В первые послевоенные годы советской администрации пришлось фактически заново создавать лесную промышленность Сахалина. Репатриация японцев оставила отрасль без рабочих рук. Поэтому уже в 1947 году на остров начинают завозиться кадры рабочих. Для них в сахалинской тайге строятся поселки. В первые послевоенные годы в лесной промышленности практически полностью господствовал ручной труд. Главными орудиями труда лесозаготовителей были ручная пила, топор, багор. На подвозке леса использовались лошади и маломощные газогенераторные тракторы. Производительность труда в лесной отрасли была чрезвычайно низкой. Так, в 1950 году на одного занятого рабочего было заготовлено всего 135 кубических метров древесины, или половина кубического метра в день. Себестоимость сахалинской древесины намного превышала ее продажную цену. В итоге только запланированные убытки лесной отрасли составляли около 200 миллионов рублей в год.

Основным потребителем сахалинской древесины была целлюлозно-бумажная промышленность. В наследство от японского периода советской администрации досталось девять целлюлозно-бумажных заводов: Холмский, Чеховский,

Томаринский, Углегорский, Поронайский, Макаровский, Долинский, Корсаковский и Южно-Сахалинский. Последний в 1948 году пострадал от пожара и позднее был перепрофилирован.

В первые же послевоенные годы сахалинская целлюлозно-бумажная промышленность потребовала от советского правительства значительных капиталовложений. Необходимо было провести восстановительные работы на поврежденных во время военных действий целлюлозно-бумажных заводах в Холмске, Томари и Углегорске, приобрести транспортные средства, организовать завоз на остров рабочих и специалистов с материка, построить для них жилье.

В чрезвычайном тяжелом положении в послевоенные годы находилась и угольная промышленность Сахалина. Многие шахты южной части острова были разрушены и затоплены, а их оборудование растащено или приведено в негодность. Все продолжавшие давать уголь шахты находились в аварийном состоянии. Репатриация японского населения усугубила положение. Угольная промышленность лишилась большей части рабочих рук, что вызвало уже в 1948 году падение угледобычи на 18,9 % по сравнению с предыдущим годом.

В связи с тем что угольная промышленность острова была не в состоянии подняться самостоятельно, Совет Министров СССР в 1947 году принимает решение оказать помощь комбинату «Сахалинуголь». В угольную отрасль области были направлены значительные капиталовложения. В 1949-1950 годах начались работы по реконструкции пяти и восстановлению двух шахт. Кроме того, был построен Лермонтовский угольный разрез, где добыча велась открытым способом. Остальные шахты существенно механизированы. Одновременно на острове были проведены значительные геологоразведочные работы. Для этого в 1949 году был создан трест «Сахалинуглегеология». В результате всех принятых мер сахалинским шахтерам удалось прекратить падение, а затем и быстро увеличить добычу угля. Всего же добыча угля в рассматриваемый период выросла в 1,25 раза (с 2,4 миллиона тонн в 1947 до 3 миллионов тонн в 1953 году).

Сильный спад в первые послевоенные годы наблюдался и в нефтяной промышленности Сахалина. Так, если в 1946 году было добыто 812 тысяч тонн нефти, то в следующем 1947 году – уже 735 тысяч. К 1950 году уровень добычи нефти опустился до 617 тысяч тонн. Главной причиной этого была существовавшая вплоть до середины 50-х годов технология добычи нефти, при которой большая часть этого ценного сырья оставалась в пластах.

Падение уровня добычи нефти вызвало серьезное беспокойство советского руководства. В нефтяную промышленность Сахалина только в 1948-1951 годах вкладывается 890 миллионов рублей. Эти средства в основном пошли на проведение геологоразведочных и буровых работ. Тогда же на остров направляются сотни квалифицированных нефтяников.

В связи с тем что вся добывавшаяся на острове нефть вывозилась на материк, большое значение придавалось завершению строительства нефтепровода, по которому сахалинская нефть могла бы дойти до Комсомольска-на-Амуре. Данный нефтепровод был построен силами заключенных Нижне-Амурского лагеря. В 1952 году он был сдан в эксплуатацию.

На рубеже 40-50-х годов в южной части острова было продолжено создание переселенческих колхозов, совхозов, МТС. К 1950 году в области работало восемь-

десять колхозов, десять совхозов, шесть МТС. Это стало возможным благодаря государственными капиталовложениям и кредитам. Однако колхозы Сахалина были чрезвычайно слабыми. В среднем на один колхоз приходилось менее ста гектаров пахотной земли.

В течение всего рассматриваемого периода одной из наиболее сложных проблем нашей области была слабая работа транспорта. Особенно остро это ощущалось на Курильских островах и Северном Сахалине. В первые послевоенные годы Охинский, Рыбновский, Восточно-Сахалинский и Широкопадский районы по 6-7 месяцев в году были практически полностью отрезаны от областного центра.

На юге острова транспортная инфраструктура была развита сильнее. В наследство от японцев остались разветвленная дорожная сеть, железная дорога, портовое хозяйство.

Основная масса перевозок в нашей островной области ложилась на морской транспорт. Большая часть грузов, направлявшихся на Сахалин и Курильские острова, перевозилась на судах Сахалинского морского пароходства. В 1947 году в его состав входили 41 судно, порты Холмск, Корсаков, Углегорск, Тельновск, Макаров и ряд портпунктов.

В 1949-1953 годах силами заключенных была построена узкоколейная железная дорога Оха – Катангли. Эта железная дорога протяженностью 248 километров соединила важнейшие нефтяные месторождения Сахалина.

В начале 50-х годов на Сахалине было создано подразделение Аэрофлота. Его самолеты (Ил-14) совершали регулярные рейсы из Южно-Сахалинска в Хабаровск, Оху, Шахтерск, Зональное, на Курильские острова.

16.2.5. Катастрофа на Северных Курилах

5 ноября 1952 года произошла одна из самых страшных природных катастроф в истории Сахалинской области. В результате выхода на Северные Курильские острова гигантской волны цунами практически полностью был уничтожен город Северо-Курильск, а также многие прибрежные поселки на островах Парамушир и Шумшу. В считанные минуты там погибло более 2300 человек.

Слово «цунами» имеет японское происхождение. Его буквальный перевод на русский язык звучит «гигантская волна в гавани». Этот перевод довольно верно отражает суть данного природного явления. Волна цунами возникает в результате землетрясений, извержений подводных вулканов или иных внезапных изменений рельефа морского дна. Огромные массы воды, находившиеся в районе вышеназванных природных явлений, приходят в движение. В открытом океане волна распространяется с огромной (до тысячи километров в час) скоростью. Здесь волны цунами вполне безобидны. Чаще всего они не достигают и одного метра в высоту. Однако по мере приближения к берегу картина резко меняется. На мелководье скорость распространения волны падает до 50-100 километров в час. Вода как при сильном отливе начинает быстро отходить от берега, обнажая десятки, а иногда и сотни метров морского дна. А через несколько минут близ берега вздымается чудовищной силы волна, которая со скоростью не менее 50 километров в час несется на прибрежные города и поселки. Особенно разрушительны волны цунами в том случае, когда они входят в сужающиеся клинообразные бухты и заливы. Именно в этих условиях образуются гигантские волны высотой от 10 до 50 метров. Эти вол-

ны, несущие на берег огромные массы воды, обладают громадной разрушительной силой. Особенно часто разрушительные цунами бывают у северо-западных берегов Тихого океана.

Именно такая волна ранним утром 5 ноября 1952 года обрушилась на населенные пункты Северо-Курильского района. По свидетельствам сумевших спастись очевидцев ее высота достигала 10-15 метров. Одним из наиболее достоверных свидетельств гибели города Северо-Курильска является специальное донесение начальника Северо-Курильского отделения милиции старшего лейтенанта госбезопасности П.М. Дерябина. Ценность этого документа в том, что он был составлен очевидцем описываемых событий вскоре после окончания спасательных работ на Шумшу и Парамушире. Следует отметить и то, что данный документ не предназначался для печати и имел гриф «совершенно секретно».

«В 4 часа утра 5 ноября 1952 г. в г. Северо-Курильске и районе началось сильное землетрясение, продолжавшееся примерно 30 мин., которым были повреждены здания и разрушены печи в домах.

Еще продолжались незначительные колебания, когда я направился в районный отдел милиции для проверки повреждений здания райотдела и особенно КПЗ³, в которой содержалось на 5 ноября 22 человека ...

По пути в райотдел я наблюдал трещины в земле величиной от 5 до 20 см шириной, образовавшиеся в результате землетрясения. Прибыв в райотдел, увидел, что здание от землетрясения разломало на две половины, печи рассыпались ...

В это время никаких толчков уже не было, была очень тихая погода ... Не успели мы дойти до райотдела, как услышали большой силы шум, затем треск со стороны моря. Оглянувшись, мы увидели большой высоты водяной вал, наступавший с моря на остров. Так как райотдел находился на расстоянии 150 м от моря, КПЗ примерно в 50 м от моря, то сразу же первой жертвой воды стал КПЗ ... Я отдал распоряжение открыть стрельбу из личного оружия и кричать: «Идет вода!», одновременно отступая к сопкам. Услышав шум и крики, люди начали выбегать из квартир в чем были одеты (большинство в нижнем белье, босиком), и бежать в сопки.

Примерно через 10-15 минут первый вал воды начал сходить, и часть людей пошла к своим домам собирать свои уцелевшие вещи.

Я с группой своих работников направился к райотделу для выяснения обстановки и спасения уцелевшего. Придя к месту, мы ничего не нашли, осталось чистое место ...

В это время, то есть примерно через 15-20 минут после исхода первой волны, вновь хлынул вал воды еще большей силы и величины, чем первый. Люди, думая, что все уже кончилось (многие, убитые горем потери своих близких, детей и имущества), спустились с сопки и начали расселяться в уцелевших домах, чтобы согреться и одеть себя. Вода, не встречая на своем пути сопротивления (первый вал смел значительную часть зданий), с исключительной быстротой и силой хлынула на сушу, совершенно уничтожая оставшиеся дома и постройки. Этой волной был разрушен весь город, и погибла большая часть населения.

Не успела сойти вода второй волны, как в третий раз хлынула вода и вынесла в море почти все, что находилось из построек в городе.

На протяжении 20-30 мин. (время двух почти одновременных волн огромной силы) в городе стоял ужасный шум бурлящей воды и ломающихся зданий. Дома и крыши домов кидало, как спичечные коробки, и уносило в море. Пролив, разделяющий острова Парамушир и Симусю⁴, сплошь был заполнен плавающими домами, крышами и другими обломками.

Спасшиеся люди, напуганные происходящим, в панике бросая взятые вещи и теряя детей, кинулись бежать выше в горы.

Это было около 6 часов утра 5 ноября 1952 года.

³ Камеры предварительного заключения.

⁴ Шумшу.

После этого вода стала сходить и очистила остров. Но вновь начались незначительные подземные толчки, и большинство уцелевших людей остались в сопках, боясь спускаться. Воспользовавшись этим, отдельные группы из гражданского населения и военнослужащих начали грабить оставшиеся на склонах сопки дома, разбивать разбросанные по территории города сейфы и другое личное и государственное имущество ...

Охрану Госбанка по распоряжению командира гарнизона генерал-майора Дука принял капитан Калинин с группой солдат ...

К 10 часам утра 5 ноября 1952 года был собран примерно весь личный состав ... Из 22 человек, содержавшихся в КПЗ, спаслись 7 ...

6 ноября на партийно-хозяйственном активе была организована комиссия по эвакуации населения, снабжения его продовольствием и одеждой ... Было дано приказание командиру отделения Матвеевко о немедленном сборе рядового состава ... Однако большая часть личного состава самовольно оставила место сбора и к вечеру 6 ноября села на пароход «Уэлен» ...

Воспользовавшись стихийным бедствием, военнослужащие гарнизона, напившись пьяными разбросанного по городу спирта, коньяку и шампанского, начали заниматься мародерством ...

В рыбокомбинате «Океанский» 5 ноября 1952 года после разрушения был найден сейф, в котором находилось 280 тысяч денег, принадлежащих комбинату... Работники плавсостава Океанского комбината... взломали сейф и похитили 274 тысячи рублей ...

В рыбокомбинатах Бабушкино и Козыревское в момент стихийного бедствия военнослужащими было растащено большое количество товарно-материальных ценностей, принадлежащих рыбокоопам».

В сохранившихся до наших дней документах имеется немало примеров того, как в тяжелых условиях проявились самые лучшие человеческие качества. Вот что говорится об этом в справке, составленной в декабре 1952 года заместителем начальника Сахалинского областного управления милиции подполковником Смирновым:

«Мать и малолетняя дочь Лосевы, спасаясь на крыше своего дома, волной были выброшены в пролив. Взывая о помощи, они были замечены находящимися на сопке людьми. Вскоре там же, недалеко от плавающих Лосевых была замечена на доске маленькая девочка, как потом оказалось, чудом спасшаяся трехлетняя Набережная Светлана, которая то исчезала, то вновь появлялась на гребне волны. Свои русые волосы, развеваемые ветром, время от времени она заправляла ручонкой назад, что указывало на то, что девочка жива.

Пролив в это время был сплошь заполнен плавающими домами, крышами, разным снесенным имуществом и особенно рыболовными снастями, мешающими плаванию катеров. Первые попытки пробиться на катерах оказались безуспешными – сплошные завалы, препятствующие продвижению вперед, а рыболовные снасти наматываются на винты. Но вот от берега острова Шумшу отделился катер, который сквозь завалы медленно пробивается вперед. Вот он подходит к плавающей крыше, команда катера быстро снимает Лосевых, а затем осторожно снимает с доски Светлану ...

Только в период наката на г. Северо-Курильск населением и командованием различных плавсредств было подобрано и спасено более 15 детей, потерянных родителями, снято 192 человека с крыш и других плавающих предметов в проливе, Охотском море и океане».

16.2.6. Сахалинский и курильский вопросы на Сан-Францисской конференции

Вскоре после того, как 2 сентября 1945 года представители правительства и вооруженных сил Японии на борту находившегося в Токийском заливе американского линкора «Миссури» подписали акт о безоговорочной капитуляции, началась подготовка мирной конференции, которой предстояло поставить точку в тихоокеанской войне.

В числе многих вопросов, которые предстояло решить на мирной конференции, был и вопрос о новой границе между СССР и Японией. Было вполне естественным, что советское руководство хотело юридически оформить то, о чем И.В. Сталин, Ф.Д. Рузвельт и У. Черчилль договорились в Ялте в феврале 1945 года. Однако именно с этим возникли некоторые проблемы. Дело в том, что после разгрома Японии США очень быстро превратились из главного союзника в войне минувшей в наиболее вероятного противника в войне будущей. И в связи с этим правящие круги США стремились использовать проблему территориального урегулирования между СССР и Японией как средство давления на советское руководство.

30 марта 1951 года государственный департамент США направил в посольство СССР в Вашингтоне американский проект мирного договора с Японией, разработанный под руководством американского дипломата Джона Фостера Даллеса. Основные положения этого документа были разработаны в период с осени 1950 по март 1951 года. Естественно, что проект мирного договора затрагивал и территориальные проблемы. В частности, американский проект предусматривал, что «Япония возвратит СССР южную часть Сахалина, а также все острова, прилегающие к нему, и передаст Советскому Союзу Курильские острова». Включая в проект договора данное положение, Д. Даллес стремился заинтересовать СССР в подписании проекта. Однако Сталин не посчитал нужным пойти на это.

Не нашел поддержки советского руководства и другой (американо-британский) проект, подготовленный к началу мая 1951 года. Этот проект также предусматривал, что «Япония уступает Союзу Советских Социалистических Республик Курильские острова и ту часть Южного Сахалина и прилегающих к нему островов, над которыми Япония ранее обладала суверенитетом».

Упрямство советского руководства вызвало ответную реакцию творцов мирного договора. Подготовленный к подписанию окончательный проект мирного договора уже не предусматривал каких-либо прав СССР на Южный Сахалин и Курильские острова. Таким образом, США и Великобритания фактически отказались от выполнения принятых на себя по Ялтинскому соглашению обязательств.

4 сентября 1951 года в Сан-Франциско начала свою работу мирная конференция. Дж.Ф. Даллес блестяще подготовился к тому, чтобы на конференции не было каких-либо неожиданностей. В Сан-Франциско не были приглашены участвовавшие в войне с Японией, но находившиеся под советским влиянием Китайская Народная Республика, Монголия, Северный Вьетнам. Зато для участия в мирной конференции были приглашены страны, фактически никогда не воевавшие с Японией, но на чьи голоса США могли всегда рассчитывать. Право голоса на мирной конференции получили Аргентина, Бельгия, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гаити, Гватемала, Гондурас, Греция, Доминиканская Республика, Египет, Ирак, Иран, Коста-Рика, Куба, Колумбия, Либерия, Ливан, Люксембург, Мексика, Никарагуа, Норвегия, Панама, Парагвай, Перу, Сальвадор, Саудовская Аравия, Сирия, Турция, Уругвай, Чили, Эквадор, Эфиопия. Таким образом, американская дипломатия заранее подготовилась к тому, чтобы на Сан-Францисской мирной конференции СССР находился в полной изоляции.

5 сентября 1951 года с речью на Сан-Францисской конференции выступил представитель США Дж. Ф. Даллес:

«Глава первая прекращает состояние войны, и отсюда вытекает признание полного суверенитета японского народа. Позвольте нам отметить, что признанный суверенитет является суверенитетом японского народа.

Какова же территория, попадающая под японский суверенитет? Об этом говорится в главе второй. Япония официально ратифицирует положения Потсдамских условий капитуляции, касающихся территории, положения, которые – в том, что касается Японии – фактически вступили в силу шесть лет назад.

Потсдамские условия капитуляции являются единственным определением условий мира, которые выполняют и которыми связаны Япония и все союзные державы в целом. Между некоторыми союзными правительствами был достигнут ряд договоренностей частного порядка, и этими договоренностями ни Япония, ни другие союзники не связаны. Поэтому в договор включена статья 8 условий капитуляции, которая предусматривает, что японский суверенитет должен быть ограничен Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и несколькими малыми островами. Отказ Японии от ряда своих прав в соответствии со статьей 2 главы второй строго и точно соответствует этому условию капитуляции.

Поднимался вопрос о том, включает ли географическое понятие «Курильские острова», упомянутое в статье 2 «с», острова Хабомаи. Соединенные Штаты считают, что нет».

5 сентября 1951 года на Сан-Францисской конференции выступил глава советской делегации заместитель министра иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко. Он подверг резкой критике подготовленный к подписанию проект мирного договора. В частности, он сказал:

«Что касается американо-английского проекта мирного договора с Японией в части, относящейся к территориальным вопросам, то делегация СССР считает необходимым заявить, что этот проект грубо нарушает бесспорные права Китая на возвращение отторгнутых от него японскими милитаристами неотъемлемых частей китайской территории... В проекте содержится лишь указание на отказ Японии от права на эти территории, но сознательно умалчивается о дальнейшей судьбе этих территорий...

Точно так же, пытаясь грубо нарушить и суверенные права Советского Союза в отношении Южного Сахалина с прилегающими к нему островами и Курильских островов, уже в настоящее время находящихся под суверенитетом Советского Союза, проект также ограничивается лишь упоминанием об отказе Японии от прав, правооснований и претензий на эти территории, умалчивая об исторической принадлежности этих территорий и о бесспорной обязанности Японии признать суверенитет Советского Союза на эти территории СССР».

Как и следовало ожидать, советские предложения были заблокированы голосами США и их многочисленных союзников.

7 сентября 1951 года на Сан-Францисской конференции выступил глава японской делегации премьер-министр Японии Сигеру Иосида. Касаясь проблемы территориальных уступок, он сказал:

«Мирный договор, предложенный конференцией, не содержит карательных или репрессивных статей и не накладывает на Японию никаких постоянных ограничений. Он восстановит японскому народу полный суверенитет, равенство и свободу и восстановит Японию в качестве свободного и равного члена международного сообщества. Это не договор отщепенца, а документ «примирения и доверия». Японская делегация с радостью принимает этот справедливый и великодушный договор.

С другой стороны, за эти прошедшие несколько дней в этом самом зале конференции мы слышали критику и недовольство некоторых делегаций, направленные против этого договора. Невозможно, чтобы все были удовлетворены многосторонним мирным урегулированием такого рода. Даже мы, японцы, кто рад принять настоящий договор, находим в нем некоторые пункты, которые вызывают у нас боль и беспокойство.

Я скромно говорю об этом, имея в виду справедливость договора и небывалое в истории великодушие, а также положение Японии. Но я оказался бы невнимательным к своим обязанностям перед своим народом, если бы не обратил ваше внимание на эти пункты.

Во-первых, вопрос о территориальной принадлежности.

Что касается Курильских островов и Южного Сахалина, я не могу согласиться с утверждением советского делегата, что Япония захватила их в результате агрессии. В период открытия Японии владение ею двумя островами Южных Курил – Итуруп и Кунашир – совсем не подвергалось сомнению царским правительством. Но Северные Курилы – севернее острова Уруп – и южная половина Сахалина являлись районами, открытыми как для японских, так и для русских поселенцев. 7 мая 1875 г. японское и русское правительства в результате мирных переговоров пришли к соглашению, в соответствии с которым Южный Сахалин стал русской территорией, а Северные Курилы взамен этого стали японской территорией. Но в действительности под названием «обмен» Япония просто уступила Южный Сахалин России для того, чтобы урегулировать территориальный спор. В соответствии с Портсмутским договором 1905 года, заключенным благодаря посредничеству президента Соединенных Штатов Теодора Рузвельта, Южный Сахалин стал также японской территорией.

Как Сахалин, так и Северные и Южные Курилы были односторонне заняты Россией 20 сентября 1945 года, вскоре после капитуляции Японии. Даже острова Хабомаи и Сикотан, составляющие часть Хоккайдо, одного из четырех основных японских островов, все еще оккупированы советскими вооруженными силами просто потому, что случилось так, что в то время, когда война кончилась, японские войска несли там гарнизонную службу».

8 сентября 1951 года в городе Сан-Франциско был подписан мирный договор с Японией. Территориальным вопросам была посвящена вторая статья договора. В соответствии с ней:

«Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому мирному договору от 5 сентября 1905 г.»

Таким образом, хотя в тексте Сан-Францисского мирного договора и говорилось об отказе Японии от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова, а также Южный Сахалин и прилегающие к нему острова, он не определял, в чью именно пользу отказывалась Япония от названных территорий.

В связи с тем что все предложения советской делегации на Сан-Францисской конференции были заблокированы, А.А. Громыко отказался подписать мирный договор с Японией.

20 марта 1952 года сенат США при ратификации Сан-Францисского мирного договора принял заявление, в очередной раз ставящее под сомнение выполнение американской стороной обязательств, принятых на себя по Ялтинскому соглашению. В данном заявлении говорилось:

«Предусматривается, что условия договора не будут означать признание за Россией каких бы то ни было прав или претензий на территории, принадлежавшие Японии на 7 декабря 1941 г., которые наносили бы ущерб правам и правооснованиям Японии на эти территории, равно как не будут признаваться какие бы то ни было положения в пользу России в отношении Японии, содержащиеся в Ялтинском соглашении».

16.3. Сахалинская область в период «оттепели» (1953-1964 годы)

16.3.1. Смерть И.В. Сталина и начало перемен

Ранним утром 6 марта 1953 года на Сахалин пришло известие о смерти Сталина. Именно этому событию был посвящен увидевший свет днем 6 марта экстренный выпуск газеты «Советский Сахалин». На первой странице экстренного выпуска

был помещен большой портрет Сталина. А над портретом был набран следующий текст:

«5 марта в 9 час. 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался Председатель Совета Министров Союза ССР и секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин. Бессмертное имя Сталина всегда будет жить в сердцах советского народа и всего прогрессивного человечества».

Судя по воспоминаниям, подавляющее большинство сахалинцев совершенно искренне оплакивало кончину Сталина. Сразу же после получения сообщения о смерти «великого вождя и учителя» все населенные пункты Сахалинской области погрузились в траур. Вот что писала об этом газета «Советский Сахалин» от 7 марта 1953 года:

«Южно-Сахалинск в трауре.

Перестало биться сердце самого родного, самого любимого человека. Каждый отдал бы все, только бы жил дорогой Сталин. Но смерть неумолимо вырвала его из наших рядов. В горле застывает комок, навертываются слезы, слезы глубокой боли. Горе овладело всеми людьми.

...Пожилый человек в форме железнодорожника нервно мнет шапку. На его побледневшем мужественном лице застыли глубокие морщины, склоняется седеющая голова. Рядом женщина с ребенком на руках. По ее щекам неудержимо текут слезы. Две подружки-школьницы идут с занятий. Детские глаза налиты слезами и болью. Рабочие, служащие и интеллигенция, учащиеся и домохозяйки, коммунисты и беспартийные – все южно-сахалинцы глубоко скорбят о кончине Иосифа Виссарионовича Сталина – величайшего человека, бесконечно дорогого и любимого вождя, друга, гениального продолжателя бессмертного дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа.

Южно-Сахалинск в глубоком трауре. Повсюду портреты Иосифа Виссарионовича Сталина и красные флаги, окаймленные черными лентами. Звучат скорбные мелодии. Около здания почтамта, обнажив головы, в безмолвии стоят сотни горожан. Они слушают скорбную весть и вместе со всеми советскими людьми, вместе со всем трудящимся человечеством до глубины души переживают тяжелую утрату...

Оха, 6 марта. (По телефону). Город нефтяников в глубоком трауре. С глубокой скорбью узнали трудящиеся Охи о кончине любимого вождя. На всех предприятиях и в учреждениях прошли траурные митинги...

Александровск, 6 марта. (По телефону). Радио передало скорбную весть о смерти великого Сталина... На улицах у репродукторов собрались огромные толпы людей, безмолвно слушают они печальную весть. По лицам людей текут слезы. Многие плачут навзрыд.

Город оделся в траур. На зданиях обвиты крепом портреты учителя и отца, великого гения человечества, незабвенного Иосифа Виссарионовича Сталина.

На предприятиях проходят траурные митинги...»

Подобная картина наблюдалась практически во всех населенных пунктах Сахалина и Курильских островов.

Церемония похорон Сталина была организована так, что участие в ней приняла практически вся страна. Не стали исключением Сахалин и Курильские острова. Вот как это происходило в Южно-Сахалинске:

«9 марта 1953 года... На Вокзальную площадь, где стоит монумент Иосифа Виссарионовича Сталина, со всех улиц подходят все новые и новые колонны, сливаясь в общий нескончаемый поток...

Пять часов вечера. Люди все идут и идут...

Над Южно-Сахалинском сгущаются сумерки. А в Москве наступает полдень... Наступают последние минуты прощания с великим Сталиным. Тысячи южно-сахалинцев собираются у репродуктора, установленного на здании почтамта... Льются мелодии похоронного мар-

ша. Скорбный голос диктора сообщает, что гроб с телом Иосифа Виссарионовича Сталина устанавливается на постаменте у Мавзолея. На трибуну поднимаются руководители партии и правительства.

Вместе со всем народом южно-сахалинцы слушают речи председателя Совета Министров Союза ССР и секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Георгия Максимилиановича Маленкова и первых заместителей председателя Совета Министров СССР Лаврентия Павловича Берия и Вячеслава Михайловича Молотова...

Москва. 12 часов дня. Гроб с телом Иосифа Виссарионовича Сталина устанавливается рядом с саркофагом Владимира Ильича Ленина...»

Смерть Сталина стала началом конца целой эпохи в истории как нашей страны, так и Сахалинской области в частности. Для наиболее дальновидных соратников Сталина было очевидно, что страна нуждается в переменах. Все ресурсы, делавшие возможным дальнейшее развитие созданной Сталиным модели, были исчерпаны. Темпы роста промышленности резко снизились. Сельское хозяйство было крайне малопродуктивным. Уровень жизни советских граждан был чрезвычайно низким. Огромные силы и средства были направлены на оборону и поддержку зависимых от СССР режимов.

Инициатором перемен, положивших начало постсталинской эпохи, стал член Президиума Центрального Комитета КПСС, первый заместитель председателя Совета Министров СССР, министр внутренних дел СССР Лаврентий Павлович Берия.

Среди ближайших соратников Сталина именно Берия был самым информированным и, пожалуй, наиболее прагматичным политиком. Несмотря на то, что в течение нескольких десятилетий Берия входил в руководство Коммунистической партии, он никогда не был преданным последователем какой-либо идеологии. Берия был прагматиком. Он был нужен там, где, невзирая на затраты и потери, было необходимо добиться быстрого выполнения самых сложных задач. Самый лучший в сталинском окружении администратор Берия мог организовывать и уничтожение сотен тысяч людей, и их реабилитацию. Именно ему Сталин поручает руководство советской атомной программой. Именно Берия курирует самые грандиозные стройки конца 30-х – начала 50-х годов (в том числе строительство нефтепровода с Сахалина на материк и железной дороги Комсомольск – Победино).

Л.П. Берия лучше, чем кто-либо другой, понимал, что Советский Союз находится накануне экономической катастрофы. Он лучше всех видел, что все ресурсы огромной страны не могут направляться на претворение в жизнь какой-либо идеологической схемы. В связи с этим именно Л.П. Берия с марта по июнь 1953 года разрабатывает целый ряд проектов, которые могли стать началом перестройки советского общества. Кроме того, он выступает за проведение более реалистичной внешней политики (в частности, он понимал, что рано или поздно придется пойти на ликвидацию ГДР и воссоединение Германии).

Активность Л.П. Берия испугала всех его ближайших соратников. Председатель Совета Министров СССР Г.М. Маленков и секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев организуют заговор, в результате которого 26 июня 1953 года Л.П. Берия был смещен со всех постов и арестован. 23 декабря он был расстрелян по приговору специального судебного присутствия Верховного суда СССР.

16.3.2. Прекращение строительства железной дороги Комсомольск-на-Амуре – Победино. Мартовская амнистия

21 марта 1953 года Л.П. Берия направляет в Президиум Совета Министров СССР записку с проектом правительственного постановления о прекращении строительства более чем двадцати крупных объектов (гидротехнических сооружений, железных и шоссейных дорог, предприятий). По мнению Берии, строительство всех указанных в его записке объектов «не вызывалось нуждами народного хозяйства». Среди объектов, сооружение которых должно было быть прекращено, называлось и строительство железной дороги Комсомольск – Победино. Мнение всесильного Берии было учтено, и несколько дней спустя Совет Министров СССР принимает постановление о прекращении строительства железной дороги с материка на Сахалин.

Почти три года каторжного труда, а также огромные материальные ресурсы были выброшены на ветер. А ведь до полного завершения строительства оставалось немногим более двух лет. О размахе, с которым велись работы, говорят воспоминания одного из участников строительства, Е.М. Андреева, относящиеся к осени 1952 года.

«Проходка наклонного ствола закончена! Теперь пойдем под дном пролива к мысу Погиби. Снова побывал на сахалинском берегу. Размах стройки просто потрясающий. На дамбе отсыпано порядка трех километров. Построены пирс, водонапорная башня. Прибыл шагающий экскаватор с объемом ковша более трех кубометров. Он будет установлен на берегу для рытья глубокой траншеи под начало тоннеля с восточной стороны. От первой участковой станции Ванги строится двадцатитрехкилометровая ветка до мыса Ванги. По плану здесь, у дамбы будет капитальный причал для морского железнодорожного парома. Эзки рубят просеку, строят временные мосты по направлению к поселку Ныш».

Железнодорожное сообщение между Сахалином и материком с помощью морских паромов должно было начаться до конца 1953 года. Что же касается тоннеля между мысами Лазарева и Погиби, то к весне 1953 года под дном пролива Невельского было пройдено всего 15 метров. Но подземные работы только начались. Начало регулярного железнодорожного сообщения по тоннелю было запланировано на 1955 год. Но данным планам не суждено было сбыться.

24 марта 1953 года Л.П. Берия рассылает членам Президиума ЦК КПСС записку с обоснованием проекта указа об амнистии. Берия отмечал, что на момент составления записки в лагерях и колониях содержалось 2526402 заключенных. По его мысли, освобождению подлежало 46,8 % зэков (1 181 264 человека).

27 марта 1953 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии». Указ предписывал:

«1. Освободить из мест заключения и от других мест наказания, не связанных с лишением свободы, лиц, осужденных на срок до 5 лет включительно и к другим мерам наказания, не связанным с лишением свободы.

2. Освободить из мест заключения осужденных, независимо от срока наказания, за должностные и хозяйственные преступления, а также за воинские преступления...

3. Освободить из мест заключения, независимо от срока наказания, осужденных: женщин, имеющих детей в возрасте до 10 лет, и беременных женщин; несовершеннолетних в возрасте до 18 лет; мужчин старше 55 лет и женщин старше 50 лет, а также осужденных, страдающих тяжелым неизлечимым недугом.

4. Сократить наполовину срок наказания осужденных к лишению свободы на срок свыше 5 лет...

7. Не применять амнистию к лицам, осужденным на срок более 5 лет за контрреволюционные преступления, крупные хищения социалистической собственности, бандитизм и умышленное убийство».

Одним из наиболее распространенных мифов послевоенной советской истории являются рассказы о том, что в результате бериевской амнистии на свободе оказались многие тысячи рецидивистов, бандитов и убийц. О том, как весной и летом 1953 года по всей стране бесчинствовали выпущенные из заключения преступники. Наиболее талантливо этот миф был отражен в художественном фильме «Холодное лето пятьдесят третьего». Однако, как видно из текста указа, амнистия не касалась именно бандитов и убийц. Амнистии подлежали только лица, осужденные за незначительные преступления.

Вопреки довольно широко распространенному мнению амнистия затронула довольно незначительную часть из более чем двенадцати тысяч сахалинских зэков. Ведь срок до пяти лет отбывало только 16 % заключенных Сахалинского лагеря. Остальные 84 % имели срок более пяти лет. Практически не было на Сахалине и пожилых зэков. Ведь, решая вопрос о направлении осужденных на Сахалин, гулаговское начальство предписывало посылать на остров только физически сильных и здоровых заключенных.

16.3.3. Визит в Сахалинскую область Н.С. Хрущева

В октябре 1954 года Сахалин посетила группа руководителей Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства. В группу входили первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев, первый заместитель Совета Министров СССР Николай Александрович Булганин и заместитель Совета Министров СССР Анастас Иванович Микоян. В ходе визита гости посетили ряд предприятий и учреждений в Корсаковском районе и Южно-Сахалинске. Был проведен целый ряд совещаний и встреч. На некоторых из них с речами выступил Н.С. Хрущев.

23 октября 1954 года Н.С. Хрущев выступил с коротким приветственным словом перед группой жителей Южно-Сахалинска, собравшихся у здания Сахалинского областного комитета КПСС. В Сахалинском центре документации новейшей истории сохранилась краткая запись этой речи. В связи с тем что изложенные в данном выступлении мысли первого секретаря ЦК КПСС впоследствии имели значительное влияние на жизнь подавляющего большинства сахалинцев, мы предлагаем вниманию читателей весь этот документ.

«Н.С. Хрущев подчеркнул, что раньше Сахалин являлся местом ссылки, царской каторги. Эти времена канули в вечность. Теперь советский остров Сахалин – цветущий край, растущий промышленный район нашей Родины на Дальнем Востоке. За время Советской власти неузнаваемо изменилась жизнь на Сахалине, советские патриоты проделали тут громадные преобразования.

Далее товарищ Хрущев рассказал, что они побывали в ряде городов советского Дальнего Востока, в ряде мест Сахалинской области. «И везде народ трудится замечательно, самоотверженно. Кого ни спросишь – все говорят: «Живем хорошо!», аплодируют своим руководителям, но надо учесть, что в вашей области еще много недостатков, еще предстоит немало сделать по хозяйственному и культурному строительству. Не чувствуется везде настоящего, большевистского порядка. Нужно больше требовать от руководителей, а не только аплодировать им. Мы поругали ваших руководителей, потребовали от них еще более энергичной работы. При вас мы говорим о ваших руководителях хорошее, без вас, главным образом, плохое. Но понятно, что одни руководители без вас, без народа

не сделают многого, все трудящиеся должны удвоить свои усилия, чтобы дела в области шли еще лучше; наш народ, выдвигая на руководящую работу, дает руководителям аванс. Этого никакие руководители не могут забывать, и обязаны дорожить доверием народа. Руководитель обязан своими делами оплатить этот аванс, оправдать доверие. Многие вопросы не могут на месте решить ваши областные руководители. Потребуется помощь из центра, и мы ее окажем.

Требуется создать трудящимся Сахалина лучшие условия для более благотворного труда. Знаете, товарищи, я хочу сказать правду, хотя она, может быть, и не понравится сахалинцам.

На материке, когда мы приглашаем людей ехать на Сахалин, мы говорим им о больших льготах: 10-процентные надбавки, 2-месячные отпуска, полуторная зарплата, подъемные и т.д. Это одно уже как-то создает дурную славу о Сахалине, невольно пугает людей – на Сахалине, мол, тяжело жить, а потому и даются такие льготы. А вам тут и москвичи позавидуют. В Москве сейчас дождь, снег, а у вас хорошая погода, яркое солнце, ну, прямо – Сочи! Надо, чтобы люди сюда ехали без подобного соблазна надбавками и закреплялись здесь на постоянное жительство. Надо, по-видимому, как-то изменить порядок льгот. А то некоторые смотрят на Сахалин, как раньше золотоискатели: приехать, хапнуть, что можно, и затем скорее убежать с большим чемоданом денег. Надо, чтобы жители Сахалина закреплялись здесь, оставались постоянно жить и работать. Для этого нужно дать ему ссуду для обзаведения, хороший дом, корову, птицу; создавать больше строительных организаций, чтобы они строили жилье, школы, больницы, детские ясли, магазины, другие культурные и бытовые учреждения, благоустраивать населенные пункты. Условия жизни трудящихся здесь должны быть уравнены с условиями материка.

У вас есть пединститут, техникумы, надо организовать медицинский институт, чтобы родители не возили своих детей учить в Москву, а чтобы они учились здесь, чтобы на месте готовились кадры всех специальностей из местных, постоянных жителей».

Заканчивая выступление, Н.С. Хрущев выразил уверенность, что успешно будет решена задача – совместными, дружными усилиями превратить Сахалин в цветущий край нашей Родины на Дальнем Востоке. Речь закончилась здравицей в честь славных патриотов, тружеников-сахалинцев, в честь родной Коммунистической партии».

Как видно из выступления Н.С. Хрущева, главной мыслью, которую он вынес из своей поездки по острову, была мысль о вреде северных льгот. Впоследствии это убеждение руководителя КПСС принесет немало неприятностей населению Сахалина.

Через три года после смещения с поста первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущев начал надиктовывать на магнитофон свои воспоминания. В дальнейшем эти материалы были распечатаны и опубликованы сначала в журнале «Вопросы истории», а затем и отдельными изданиями. Небольшая часть воспоминаний Н.С. Хрущева была посвящена его визиту на Сахалин.

«Свое первое настоящее вмешательство в военные дела я датирую 1954 годом, когда, возвращаясь из поездки в Китай, наша делегация прибыла во Владивосток. Там мы хотели ознакомиться с состоянием Тихоокеанского флота и заслушать его командующего о готовности к обороне Владивостока, если там вспыхнут военные действия. Позвонили в Москву, чтобы во Владивосток прибыл Кузнецов, замещавший министра обороны СССР...

...Он предложил нам программу осмотра и приготовил небольшое учение на море... Лучше прошли учения в Порт-Артуре...

Поехали на Курильские острова. Посмотрели и там военные учения, и береговые стрельбы. Очень нам понравились люди. Молодежь знала свое дело и стреляла хорошо...

Из Владивостока мы поехали в Николаевск, расположенный у впадения Амура в Охотское море. Там предполагалось возвести военно-судостроительный завод. У меня зародилось сомнение. В Николаевске? В столь необжитом районе возводить завод, который легко выведут из строя во время войны? Его трудно защищать. Кроме того, требуются крупные капиталовложения, надо будет провести туда железную дорогу. В Николаевск уже

завезли материалы и металл для конструкций. Это Сталин принимал решение о новом заводе. Обсудив детали замысла, мы решили, что лучше заложить необходимые нам корабли в обжитом месте.

Оттуда на эсминце отправились на Южный Сахалин по очень бурному морю. Штормило, качало, одного матроса волною смыло с нашего корабля. Я качку переношу хорошо, и на проделки морского царя реагировал спокойно. Город Южно-Сахалинск понравился мне своим ласковым солнцем, хотя нам объясняли, что произошло совпадение. Мы осмотрели рыбную базу. Она находилась в плачевном состоянии. СССР не имел плавающих мощностей для переработки улова. Все перевозилось на берег, разгружалось и отправлялось на переработку. Рыба за это время портилась, ее выбрасывали в море или скармливали свиньям. Потом такая свинина резко пахла рыбой. Все дороги и подъезды к пристаням были ужасными. Мы еле-еле карабкались там на машинах. Оборудования не хватало. Но кого винить? До Южно-Сахалинска руки не доходили, у страны оставались более глубокие раны, нанесенные войной.

Показали нам и войска Дальневосточного военного округа. Мы остановились у начальника Управления боевой и физической подготовки генерала Труфанова, хорошо знакомого мне по Сталинградской битве. А оттуда поехали в районный центр на сельскохозяйственную научную станцию. Нас интересовало, как организовать получше производство продуктов, которые посылались в Южно-Сахалинск, особенно выращивание картофеля. Картофель и овощи завозили туда с материка, хотя природные условия там прекрасные. Мне Южно-Сахалинск показался чем-то похожим на Украину: яркое солнце, щедрая земля, богатая дикая растительность. Тут только приложить руки, завезти людей и заинтересовать их в деле, а потом станет там житье не хуже, чем во многих районах Советского Союза. Во Владивосток мы возвращались самолетом, но Микоян остался в Южно-Сахалинске. Он занимался тогда проблемами торговли и сказал: «Хочу тут еще разобраться, как и что нужно сделать, чтобы обеспечить население продуктами питания».

16.3.4. Борьба с северными льготами и ее последствия

Хорошая погода, стоявшая на Сахалине в период посещения острова Н.С. Хрущевым в октябре 1954 года, довольно дорого стоила сахалинцам. Первый секретарь ЦК КПСС, твердо уверовав в то, что льготы ничего кроме вреда не приносят, взялся за их искоренение.

Следует отметить, что идея Хрущева о ликвидации льгот не была безоговорочно поддержана советским руководством. Протестовало против наступления на северные льготы и руководство Сахалинской области. Поэтому наступление велось постепенно.

Для начала в 1956 году значительная часть территории Сахалинской области (исключение составили Северо-Курильский, Курильский, Южно-Курильский, Восточно-Сахалинский и Рыбновский районы и город Оха с населенными пунктами, подчиненными городскому Совету) была изъята из перечня местностей Крайнего Севера и включена в перечень отдаленных местностей, приравненных к районам Крайнего Севера. Это означало, что теперь лицам, работавшим на большей части Сахалина 10-процентные надбавки выплачивались по истечении каждого года работы (ранее – каждые 6 месяцев); отпуска сверх установленных действующим законодательством предоставлялись работникам с нормированным рабочим днем продолжительностью 12 рабочих дней (ранее – 18) и работникам с ненормированным рабочим днем – 24 рабочих дня (ранее – 30).

31 декабря 1959 года на девятом заседании XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза выступил секретарь ЦК Алексей Илларионович Кириченко. Он, в частности, обратил внимание делегатов на проблему подготовки кадров.

«У нас издавна повелось и стало уже традицией: кадры специалистов различных отраслей для некоторых республик и областей, которые можно с успехом готовить на местах, мы готовим в Москве, Ленинграде или других крупных центрах страны. А что из этого получается? Подготовим такого специалиста, допустим, в Москве, чтобы послать его, например, на Дальний Восток, ему нужно платить различные денежные надбавки за «особые» условия работы, за климатические условия и т.д. Да нередко такого человека вообще трудно послать из Москвы или Ленинграда в Хабаровск или Якутию. Ему больше нравится здесь. Так не лучше ли готовить, учить такие кадры на месте, в тех условиях, которые им хорошо известны, где им не надо приспосабливаться к обстановке, к местному климату. Это было бы гораздо полезнее для дела».

Услышав эту часть выступления А.И. Кириченко, Н.С. Хрущев не смог удержаться от реплики. Привожу ее целиком по стенограмме XXI съезда КПСС.

«Хрущев. Можно мне, Алексей Илларионович, подать реплику к Вашему выступлению? Думаю, что я не собою Вас этой репликой с хорошего, взятого Вами в выступлении направления».

Вы правильно говорили насчет Дальнего Востока и о вопросах, связанных с посылкой туда кадров, о так называемых «надбавках» за тяжелые условия труда.

Не настала ли пора снять нам дискриминацию с Дальнего Востока и с других дальних по расстоянию, но родных всем нам мест? А поэтому и «надбавки» к основной заработной плате, может быть, следовало бы снять под корень? (Продолжительные аплодисменты).

Голоса. Правильно.

Хрущев. Товарищи! Дальний Восток – это жемчужина нашей страны по природным условиям. Но раньше он действительно был дальним: туда на лошадях надо было ехать чуть ли не полгода, да и по железной дороге – полных две недели. Теперь же на самолете мы попадаем туда из Москвы за 6-8 часов; позавтракав здесь, обедать можем на Дальнем Востоке. Разве это «дальний»? Он стал не «дальним», а очень близким. (Оживление в зале. Аплодисменты). А климатические условия? Там в ряде районов виноград растет. А возьмите Сахалин! Это же замечательный район! А сибирские города! Или Якутия! Там кипит жизнь, полнокровная, трудовая, хорошая жизнь.

Но что происходит с этими «надбавками»? Если якут родился там, он получает одну зарплату. Якут, приехавший из центральных районов страны, за ту же работу получает по-другому. И недаром товарищи якуты однажды в беседе со мною в порядке шутки предположили:

– Давайте, мол, теперь устроим так: родится якут, станем сразу же платить ему больше, потому что он родился в Якутии. (Смех в зале. Аплодисменты).

Сохраняя такие надбавки, мы как бы дискредитируем замечательные, богатейшие районы Советского Союза. Там здоровый климат, и нередко даже больные люди, приезжающие, например, на Енисей, выздоравливают.

Прошу извинить меня, товарищи, за эту реплику. Но у меня эти мысли давно созрели, и я воспользовался случаем высказать это во время выступления товарища Кириченко. (Оживление в зале. Бурные аплодисменты)».

Среди тех, кто бурно аплодировал хрущевской реплике, были и делегаты XXI съезда КПСС от Сахалинской области.

Вскоре после окончания работы съезда в Южно-Сахалинске прошло заседание партийно-хозяйственного актива. Вот что говорил на этом собрании первый секретарь Сахалинского обкома КПСС П.Ф. Чеплаков:

«Как известно, на XXI съезде во время выступления секретаря ЦК т. А.И. Кириченко т. Н.С. Хрущев подал реплику, в которой по поводу «надбавок» на Дальнем Востоке сказал, что в связи с большими изменениями условий жизни и обстановки по сравнению с тем временем, когда вводились льготы, не настала ли пора снять дискриминацию с Дальнего Востока и с других далеких по расстоянию, но родных нам мест, и, может быть, следовало бы снять под корень «надбавки» к основной зарплате. Несмотря на ясность реплики, болтуны и демагоги гадают, мудрят, выдумывают всякие небылицы, воздействуя на несведущих,

дают зловредные советы: «Скорей, пока не поздно, тикай с Сахалина». (Смех). Все это вносит элементы дезорганизации и неуверенности среди части работников, пользующихся льготами, и нам надо разбивать эти настроения, иначе они могут способствовать необдуманной текучести кадров. (Голоса: правильно).

Как следует понимать вопрос о льготах? Тов. Н.С. Хрущев в своей реплике правильно и своевременно поставил этот вопрос. Каждому хорошо известно и видно, что особенно за последние годы на Дальнем Востоке, в том числе и на Сахалине, в лучшую сторону изменились условия жизни, обстановка, и льготы в таком виде, как они сейчас действуют, создают дискриминацию и проводят впечатление, что без надбавок на Дальнем Востоке невероятно трудно жить, что, дескать, там невероятно тяжело и не стоит туда ехать. Вопрос о льготах на Дальнем Востоке не простой вопрос. В ЦК и Правительстве это прекрасно учитывают и хорошо знают обстановку. Он будет всесторонне рассматриваться в Правительстве с учетом условий каждого района, и будут учтены все обстоятельства. Ясно одно, что Правительство решит вопрос так, что материальные условия жизни дальневосточников, сахалинцев не будут хуже, чем на материке. Наша задача состоит в том, чтобы быстрее благоустраивать жизнь и быт трудящихся Сахалинской области, поднимать сельское хозяйство, чтобы было больше молока, картофеля, овощей и подешевле, чтобы систематически еще больше улучшались жилищные, культурные, коммунальные, медицинские и другие условия.

Так обстоит вопрос со льготами. Нашей парторганизации необходимо правильно разъяснить его и решительно одергивать и призывать к порядку тех, кто неправильно оценивает вопрос о льготах, делает неправильные выводы и пытается внести неуверенность среди работников, пользующихся льготами».

Несмотря на все «правильные разъяснения», которые на всех уровнях проводились партийными комитетами, темпераментные выступления Н.С. Хрущева против сахалинских льгот довольно быстро привели к тому, что численность населения Сахалинской области стала постепенно сокращаться. С 1955 года число советских граждан, прибывших на постоянное жительство в островную область, было меньше числа навсегда покинувших ее пределы. Только за 1959 год численность населения Сахалина и Куриль уменьшилась на 11,2 тысячи человек.

В 1960 году наступление на северные льготы было продолжено. По решению советского правительства теперь в районах Крайнего Севера 10-процентные надбавки выплачивались по истечении первого года работы с увеличением на новые 10 % за каждый последующий год работы (ранее за каждые 6 месяцев). Общий размер надбавок не мог превышать 80 % тарифной ставки (ранее 100 %). В местностях, приравненных к Крайнему Северу, 10-процентные надбавки выплачивались по истечении первых двух лет работы с увеличением на 10 % за каждые следующие два года работы (ранее за каждый год). Общий размер надбавок не мог превышать 50 % тарифной ставки (ранее 100 %). Однако все ранее заработанные 10-процентные надбавки были сохранены. Изменился и подход к вопросу о порядке исчисления стажа, дававшего право на получение пенсии. Теперь один год работы в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к Крайнему Северу, засчитывался за полтора (ранее – два).

Вместе с тем в 1960 году действие льгот (хотя и сильно сократившихся) впервые было распространено на работников, не имевших срочных письменных договоров.

В конечном счете, кампания борьбы с северными льготами принесла гораздо больше вреда, чем пользы. Сокращение льгот привело к тому, что со второй половины 50-х годов начинается отток населения из области. Так, в 1959 году в области проживало 649,4 тысячи человек (за два года население области уменьшилось на 14,4 тысячи человек). К 1970 году оно уменьшилось до 615,7 тысячи человек. При

этом в первую очередь область покидали люди рабочего возраста. Экономия на льготах обернулась весьма существенными расходами государственных средств на ежегодный массовый завоз в область рабочей силы с материка. И, наконец, шумная кампания, которую высшее руководство страны вело с северными льготами, породила глубокое недоверие к любым обещаниям властей сделать все возможное, чтобы улучшить благосостояние населения Сахалина и Курил.

16.3.5. Хрущевские эксперименты в области управления народным хозяйством

Борьба с северными льготами была не единственным увлечением Н.С. Хрущева. Он любил также проводить крупномасштабные (хотя и не всегда продуманные) эксперименты в области управления народным хозяйством страны. Благо, что колоссальная власть, которой обладал первый секретарь ЦК КПСС, давала ему поистине безграничные возможности.

Со времен ликвидации НЭПа в СССР существовала отраслевая система управления экономикой. После второй мировой войны эта система была установлена и на всей территории Сахалина, а также Курильских островах. Данная система управления позволяла советскому государству сосредоточить все силы и средства на решении важнейших экономических задач. В то же время отраслевая система породила ведомственную раздробленность, мешала более полному использованию резервов производства, часто препятствовала развитию инициативы на местах.

В связи с этим в СССР в 1957 году была сделана попытка провести коренную реформу управления народным хозяйством. По всей стране для управления промышленностью и строительством создаются Советы народного хозяйства (совнархозы). Главная задача, которую решало советское руководство при создании совнархозов, – это перенесение центра тяжести управления производством на места. В нашей области создается свой Сахалинский совнархоз.

Однако в нормальном режиме ему удалось проработать совсем недолго. Уже в конце 1959 года Сахалинский совнархоз пережил первую крупную реорганизацию. Из его ведения была изъята рыбная промышленность – самая важная отрасль народного хозяйства области. Ее включили в Главное управление рыбной промышленности Дальнего Востока (Главдальневостокрыбпром), созданное во Владивостоке. Данное управление на правах совнархоза объединяло рыбную промышленность и наиболее тесно связанные с ней отрасли (лесную, тарную, судоремонт и др.) Приморского и Хабаровского краев, Сахалинской, Магаданской и Камчатской областей.

В 1962 году проводится укрупнение совнархозов. Все самостоятельные совнархозы, существовавшие на территории дальневосточных краев и областей, были включены в состав Дальневосточного совета народного хозяйства. Сахалинский совнархоз тоже упраздняется и включается в состав нового образования. А в 1965 году совнархозы были вообще ликвидированы, и страна вновь вернулась к отраслевой системе управления экономикой.

16.3.6. Экономическое развитие Сахалинской области в период «оттепели»

В рассматриваемый период ведущую роль в экономике области по-прежнему играла рыбная промышленность. Как уже говорилось, в начале 50-х годов в прибрежной зоне Охотского и Японского морей резко сократились запасы сельди. С 1957

года подходы сахалино-хоккайдского стада к сахалинским берегам прекратились совсем. В конце 50-х годов почти перестала подходить к северным Курильским островам нагульная сельдь. С 1958 года повсеместно упали подходы и соответственно уловы лососевых.

Все вышесказанное вынудило сахалинских рыбаков искать новые районы и новые объекты промысла. Это стало возможным благодаря тому, что в 50-е – начале 60-х годов в Сахалинской области был фактически заново создан рыбопромысловый флот. Еще в 1952 году сахалинские рыбаки получили от государства пять первых рыболовных океанских сейнеров, в 1953 г. – еще десять сейнеров и восемнадцать средних рыболовных траулеров. В последующие годы число и мощность рыболовных судов постоянно нарастали.

Благодаря созданию флота сахалинские рыбаки смогли перейти от прибрежного (так называемого пассивного) лова к лову рыбы в открытых морях (активному). В 1954 году добыча рыбы рыболовецкими судами впервые превысила прибрежный лов. В последующие годы свертывание прибрежного лова продолжалось. В 1961 году по «Сахалинрыбпрому» пассивный лов составил всего 3,7 %, активный – 96,3 %, по «Сахалинрыбакколхозсоюзу» соответственно 30,4 % и 69,6 %. В результате уловы стали быстро расти. Всего же за рассматриваемый период объем добычи вырос в 3,7 раза (с 94 тысяч тонн в 1953 году до 350 тысяч тонн в 1964 году).

Перейдя к активному экспедиционному лову, сахалинские рыбаки сразу же столкнулись с проблемой приема и переработки рыбы. Поэтому с 1958 года флот стал пополняться плавучими базами, производившими прием и переработку рыбы в районе промысла. Одновременно флот пополнялся транспортными судами-рефрижераторами, лихтерами, танкерами. В начале 60-х годов на Сахалине появились большие морозильные рыболовные траулеры (БМРТ).

С конца 50-х годов промысловые экспедиции работают в восточной части Берингова моря (камбала, морской окунь), у берегов Приморья (минтай), у западного берега Камчатки (камбала, минтай, треска), в северной части Охотского моря (сельдь). Новым районом промысла становятся и Южные Курилы. Здесь были освоены лов и переработка сайры. В 50-е – начале 60-х годов в Японском море быстро растет вылов минтая, который в те годы использовался исключительно как кормовая продукция.

Таким образом, к началу 60-х годов в структуре улова сахалинских рыбаков произошли существенные изменения. Основными объектами промысла стали камбаловые. Сельдь отошла на второе место. На третье место вышел минтай.

На протяжении практически всего рассматриваемого периода рыбная промышленность Сахалинской области не была рентабельной. Так, в 1961 году в «Сахалинрыбпроме» затраты на 1 рубль товарной продукции в оптовых ценах составляли 1,2 рубля. Главной причиной было то обстоятельство, что на балансе государственного треста находилось огромное количество предприятий, созданных для обслуживания прибрежного лова. Закрытие и консервация большинства подобных предприятий позволили исправить положение, и с 1963 года рыбная промышленность Сахалинской области стала работать рентабельно.

В 50-е годы правительство СССР сделало большие капиталовложения в механизацию лесной промышленности Сахалина. Отрасль получила бензопилы, мощные дизельные трелевочные тракторы, лесовозные автомашины. В 1960 году уровень

механизации работ составил на заготовке леса 95,8 %, на подвозке – 83,8 %, на вывозке – 84,2 %. Кроме того, в 50-е годы в лесной отрасли была изменена организация труда. Все предприятия перешли на работу малыми комплексными бригадами. Применение бригадной оплаты заинтересовало рабочих в лучших результатах своего труда и сделало возможной их взаимозаменяемость внутри бригады. В результате выработка на одного рабочего в 1960 году составила 267 кубических метров, или 1 кубический метр в день (рост по сравнению с 1950 годом в два раза).

Заготовленная древесина сплавлялась по рекам. В период молевого сплава применялись водосборные плотины. Эти плотины деформировали русла рек, приводили к заиливанию нерестилищ, препятствовали проходу лососевых рыб на нерест. К тому же во время сплава значительная часть древесины терялась. Затонувшие бревна засоряли и отравляли нерестовые реки. В начале 60-х годов стал очевиден тот огромный ущерб, который наносила лесная промышленность рыбному хозяйству Сахалина. Поэтому областным руководством было принято решение постепенно отказаться от сплава и перейти на вывозку леса автомобильным и железнодорожным транспортом. Для решения этой задачи на Сахалине было начато строительство большой сети лесовозных дорог.

В рассматриваемый период на всех целлюлозно-бумажных заводах области была произведена реконструкция бумагоделательных машин, установлено новое оборудование. В результате значительно выросло производство целлюлозы (до 224,7 тысячи тонн в 1964 году), бумаги (до 210,6 тысячи тонн), картона (до 23,2 тысячи тонн).

При разработке угольных месторождений Сахалина в основном применялась подземная добыча. При этом себестоимость шахтной добычи угля была самой высокой на Дальнем Востоке. Получаемый же на Лермонтовском разрезе уголь обходился комбинату «Сахалинуголь» примерно в три раза дешевле, чем тот, что добывали в шахтах. А между тем именно под землей находился высококачественный каменный уголь. На рубеже 50-60-х годов себестоимость сахалинского угля в 2,3 раза превышала среднюю по СССР и в 1,8 раза – среднюю по Дальнему Востоку.

Три четверти добываемого на острове угля использовалось в Сахалинской области. Одновременно уголь здесь приобретало Министерство морского флота СССР. Одна четверть угля вывозилась за пределы области – в Хабаровский и Приморский края, Амурскую, Камчатскую и Магаданскую области. Здесь с учетом расходов на перевозку себестоимость угля была еще больше. В 1958 году в портах Дальнего Востока она составляла: в Ванино – 31,3 рубля за тонну, в Николаевске-на-Амуре – 42,0 рубля, в Находке – 52,9 рубля, в Петропавловске-Камчатском – 50,8 рубля, во Владивостоке – 54,5 руб., в Нагаево – 58,7 рубля, в Провидения – 91,9 рубля.

Более 20 % вывозимого за пределы области угля шло на экспорт в Японию.

Основными местными потребителями сахалинского угля в рассматриваемый период были целлюлозно-бумажная промышленность, расходовавшая на рубеже 50-60-х гг. почти 60 % шедшего на промышленное потребление угля, электростанции, коммунальные учреждения, железная дорога, рыбный и морской флот. Значительная часть угля потреблялась населением.

В рассматриваемый период наблюдается быстрый рост нефтяной отрасли. Прежде всего следует отметить, что в ходе крупномасштабных геологоразведочных и буровых работ были открыты нефтяные месторождения Тунгор и Колендо.

Кроме того, в 50-е годы на сахалинских промыслах начинают применяться вторичные методы добычи нефти. В уже отработанные пласты закачивался воздух и газ, производился гидравлический разрыв пластов.

В результате введения в эксплуатацию новых месторождений и применения интенсивных методов добычи удалось не только преодолеть наблюдавшееся ранее падение добычи, но и добиться ее значительного роста. Всего за рассматриваемый период добыча нефти выросла в 2,8 раза (с 0,8 миллиона тонн в 1953 году до 2,2 миллиона в 1964-м). Добыча газа за тот же период выросла в 4,4 раза (со 121 миллиона кубических метров в 1953 году до 533 миллионов в 1964-м).

В первые послевоенные годы электроэнергетика Сахалинской области была представлена средними и мелкими электростанциями отдельных ведомств и предприятий: целлюлозно-бумажных заводов, шахт, нефтепромыслов и т.д. Оставшиеся от японского периода электростанции были не в состоянии удовлетворить потребности как промышленности и сельского хозяйства, так и населения. В связи с этим многие предприятия стремились обзавестись своими собственными электростанциями. Так, если в 1950 году в Сахалинской области насчитывалось 496 электростанций, то в 1955 году их стало 827, в 1960 году – уже 902. 858 маломощных электростанций вырабатывали всего 8 % производимой в области электроэнергии. Именно это приводило к тому, что в среднем по области себестоимость электроэнергии была в семь раз выше, а топлива на ее производство расходовалось в два с половиной раза больше, чем в среднем по СССР.

В конце 50-х годов началось строительство Охинской ТЭЦ – самой крупной электростанции Северного Сахалина, работающей на газе. В 1961 году начал работать ее первый турбогенератор мощностью 6 тыс. кВт. Два года спустя мощность Охинской ТЭЦ достигла 18 тыс. кВт.

Как и в предыдущие периоды, сельское хозяйство Сахалина было ориентировано на выращивание зерновых. В колхозах эти культуры занимали половину пашни, в совхозах – треть. Кормовые культуры практически не возделывались. Урожайность в колхозах и совхозах была чрезвычайно низкой. В 1953 году с одного гектара пашни в колхозах собирали картофеля 40,5 центнера, овощей – 72 центнера; в совхозах соответственно 56,1 и 72,6 центнера. Надои молока в среднем на одну корову составляли в колхозах 1200 кг, в совхозах – 1750 кг.

В итоге колхозы и совхозы были не в состоянии самостоятельно обеспечить население Сахалинской области продовольствием. За счет товарной продукции колхозов и совхозов потребности населения области обеспечивались по картофелю примерно на 15 %, по овощам – на 18 %, по молоку и мясу – на 7 %. Положение несколько облегчалось благодаря личным подсобным хозяйствам населения. К 1953 году эти хозяйства давали примерно 65 % всей сельскохозяйственной продукции области.

Низкая эффективность колхозов и совхозов подтолкнула советскую администрацию к проведению в 1958-1960 годах реорганизации сельскохозяйственного производства в Сахалинской области. Все сельскохозяйственные колхозы были ликвидированы, а совхозы укрупнены. На базе 59 колхозов, 8 МТС и 14 совхозов было создано 32 совхоза. Новые совхозы несколько изменили направление. Они перестали тратить силы и средства на выращивание зерновых в чрезвычайно неблагоприятных для этого условиях. Одновременно площади под кормовые культу-

ры были существенно расширены. Большинство совхозов получило молочно-овощекартофельное направление. Кроме того, в ряде совхозов стало развиваться свиноводство и птицеводство.

Вместе с тем следует отметить, что сахалинские совхозы не миновала всесоюзная кампания по расширению посевов кукурузы. В течение ряда лет на острове тратились большие силы и средства на посев на зерно этой теплолюбивой культуры. Как и следовало ожидать, эти усилия не увенчались успехом.

Реорганизация позволила руководству Сахалинской области более эффективно контролировать средства, вкладываемые в сельское хозяйство. Однако и после реорганизации почти 60 % сельскохозяйственной продукции приходилось на личные подсобные хозяйства населения. Значительная часть продовольствия по-прежнему завозилась с материка.

В рассматриваемый период продолжает развиваться транспортная сеть Сахалинской области. В 1958 году из Дальневосточного пароходства выделяется Сахалинское морское пароходство. К этому моменту в его распоряжении было 7 портов, 8 портпунктов, 72 транспортных судна. В 1962 году в состав Сахалинского морского пароходства вошел порт Ванино. К 1963 году большая часть флота была переведена с угля на жидкое топливо.

В 1964 году в Южно-Сахалинске был построен новый аэропорт, который смог принимать самолеты Ан-24, Ан-10 и Ил-18. Благодаря этому открылось прямое воздушное сообщение по маршруту Южно-Сахалинск – Москва.

Из построенных в рассматриваемый период объектов связи следует прежде всего отметить Южно-Сахалинский телецентр, начавший вещание в 1960 году.

16.3.7. Начало работы в Сахалинской области П.А. Леонова

25 августа 1960 года в Южно-Сахалинске состоялся пленум Сахалинского обкома КПСС. Пленум освободил от должности первого секретаря обкома партии П.Ф. Чеплакова, отозванного в распоряжение ЦК КПСС.

В тот же день первым секретарем Сахалинского обкома КПСС был избран П.А. Леонов. За те восемнадцать лет, которые суждено было проработать П.А. Леонову на Сахалине, он успел очень многое сделать для развития экономики и культуры региона. А вскоре после того, как в 1978 году он навсегда покинул Сахалин, здесь стал складываться своеобразный культ самого лучшего руководителя в истории области. В значительной степени этому способствовало то обстоятельство, что после отъезда П.А. Леонова сахалинцам далеко не всегда везло на руководителей (как первых секретарей обкома, так и губернаторов). И в поисках идеала они все чаще оглядывались в 60-70-е годы и с ностальгией вспоминали о «товарище Леонове». Правда, очень часто в тех ностальгических воспоминаниях не остается места живому человеку, заброшенному судьбой на далекие острова и отдавшему им значительную часть своей жизни.

Павел Артемович Леонов родился в 1918 году. В 1942 году окончил Московское высшее техническое училище имени Н.Э. Баумана. С 1948 года на партийной работе. В 1955-1960 годах работает в аппарате ЦК КПСС, где в его ведении были партийные организации Урала и Западной Сибири. А летом 1960 года высшее руководство партии направляет перспективного и молодого (ему еще не исполнилось

сорока двух лет) работника на самостоятельную работу, доверив ему пост первого секретаря Сахалинского обкома партии.

П.А. Леонов начал свою работу на Сахалине с практически полной замены кадров, назначенных на руководящие посты его предшественником. В течение трех лет новый первый секретарь Сахалинского обкома КПСС сформировал свою собственную команду, которая с готовностью проводила в жизнь любое его решение. Одним из последних он заменил председателя Сахалинского облисполкома. На эту должность в марте 1963 года был назначен Сергей Александрович Немцев. Через шесть лет на данном посту его заменит Алексей Васильевич Шевцов. Здесь следует отметить, что для П.А. Леонова было весьма характерно стремление довольно часто передвигать и заменять кадры. Как отмечает Николай Иванович Колесников,

«за весь период его деятельности на посту второго секретаря обкома партии перебивало четыре человека, председателя Сахалинского облисполкома – три, первого заместителя председателя облисполкома – четыре, первого секретаря Южно-Сахалинского горкома партии – шесть, председателя Южно-Сахалинского горисполкома – пять, первого секретаря обкома ВЛКСМ – семь».

П.А. Леонов с самого начала стремился определить наиболее важные задачи, стоявшие перед областью, и сконцентрировать все силы и средства для их решения. Важным шагом в этом направлении стало региональное совещание, посвященное проблемам развития производительных сил Сахалинской области, проходившее в Южно-Сахалинске в апреле 1962 года. В том совещании приняли участие ученые, производственники, руководители разных уровней. И те, кто выступал с докладами, и те, кто участвовал в прениях, искренне стремились разобраться в наиболее сложных проблемах, стоявших перед областью, и найти пути их решения. В дальнейшем материалы регионального совещания будут использованы при подготовке постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускоренному развитию производительных сил Сахалинской области». Данное постановление было принято 3 сентября 1964 года. В связи с тем что на момент принятия данного постановления первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев отсутствовал в Москве, оно было подписано секретарем ЦК КПСС Леонидом Ильичем Брежневым. Как выяснилось всего несколько недель спустя, это было весьма полезно для Сахалинской области.

П.А. Леонов обладал даром убеждения. Как отмечал Н.И. Колесников, «он с большим искусством умел ставить вопросы перед Москвой и добиваться их решения». Не менее убедительно он умел говорить с простыми людьми, встреч с которыми никогда не боялся. Чаще всего П.А. Леонов говорил без бумажки, что в последующий период было редкостью. Его речь была проста и очень доходчива. При этом он часто увлекался, говорил горячо и страстно. Встречаясь с трудовыми коллективами, не уходил от острых вопросов, всегда стремился дать на них конкретный ответ.

Как воспринимался сахалинцами во время таких встреч первый секретарь Сахалинского обкома КПСС, довольно образно написал бывший парторг шахты «Шебунино» Валерий Иванович Белоносов:

«Я только сейчас разглядел Леонова. Темно-синий костюм с едва заметной красной полоской-искоркой сидел на нем как влитой. Его полная и как бы спортивная для его возраста фигура с какой-то воздушной стройностью источала столько энергии, силы и уверенности, что те самые искорки горели для меня праздничным призывным транспарантом. Большая, крепко посаженная голова, уверенная осанка. И лысина какая-то особенная, благородная, не блестящая. Но больше всего поразили его глаза-локаторы. Живые, чуть улыбающие-

ся и постоянно доносившие ему полную и точную информацию о настроении, восприятии людьми того, что он говорил. А убеждать он мог... Звонкий голос заражал надеждой всех настолько, что сотни не попавших в танцзал⁵ шебунинцев, стоявших за раскрытыми дверями... слышали и довольно точно поняли все, о чем он говорил, особенно ту часть, когда он стегал руководителей».

Вместе с тем мы погрешили бы против истины, если бы забыли упомянуть о том, что П.А. Леонов не любил, когда кто-либо критиковал его лично. Особенно если этот «кто-то» был его подчиненным. Кроме того, именно при нем стали очень заметны те привилегии, которыми в 60-е годы все активнее пользовалась сахалинская номенклатура. Правда, все это будет позднее. В то время, которое получит название «период застоя».

16.3.8. Начало «оттепели» и курильский вопрос

Последовавшее за смертью Сталина существенное изменение внешней политики СССР коснулось и советско-японских отношений. Новое советское руководство взяло курс на их нормализацию. Вот что писал об этом в своих «Мемуарах» Никита Сергеевич Хрущев:

«Когда мы в середине 50-х годов начали расчищать политическое поле и убирать осколки, оставшиеся после второй мировой войны в Европе и Азии, то сразу столкнулись с еще не нормализованными отношениями с Японией. У нас не было с нею никаких прямых контактов, и это наносило ущерб нашей политике и экономике. Американцы же были представлены в Японии не только посольством: они как оккупанты были там почти хозяевами, вели себя нагло, строили базы, проводили антисоветскую политику, настраивали японцев против нас...

Хочу... рассказать, как мы решили ликвидировать это наследие сталинских времен, убрав осколки ошибочной политики. Эту политику Сталин строил вместе с Молотовым...

...Когда я поднял вопрос о нормальном положении с Японией, то разговаривал с Микояном, Булганиным, Маленковым и другими. Все мы в этом вопросе оказались едины: надо искать пути, как поставить свои подписи под мирным договором и таким способом официально ликвидировать состояние войны СССР с Японией. Мы хотели иметь возможность послать в Токио посольство, которое проводило бы необходимую работу в Японии. Только Молотов проявил непонимание, выказал запальчивость и резкость...: «Как же так? Они и того не сделали, и этого не сделали... Поэтому и мы не можем!» Одним словом, повторял все аргументы, которыми прежде руководствовался Сталин, когда отказался поставить нашу подпись под мирным договором. Мы Молотова убеждали: «Вячеслав Михайлович, поймите же, чего сейчас мы можем добиться в создавшемся положении? Какое может быть наше влияние в Японии? Поправить пройденное невозможно, старое ушло невозвратно. Единственное, что еще можно поправить, – добиться, чтобы приняли нашу подпись к протоколу мирного договора. Тогда все встанет на должное место. Мы ведь, собственно, получили все, что было предусмотрено протоколом. Наши интересы фактически учтены, и мы это уже реализовали. Осталось единственное: мы все еще находимся юридически в состоянии войны с Японией. Нет ни японского посольства в Москве, ни нашего в Токио. Кому выгодно наше отсутствие в Токио? Надо понимать, что выгодно это только США. Они господствовали и ныне господствуют в Японии. Наше возвращение будет выгодно прогрессивным японцам и невыгодно американцам. Сразу же, как только наше посольство появится в Токио, оно, как магнит, станет притягивать силы, недовольные реакционной политикой. Так мы начали бы оказывать влияние на политику Японии. Ведь в Японии, естественно, существует большое недовольство американцами. Достаточно вспомнить о Хиросиме и Нагасаки... Американцы после войны вели себя в Японии нагло, их солдаты проявляли грубость и насилие, всяческие художества... Если мы будем упорствовать, отказываться от поиска кон-

⁵ Встреча П.А. Леонова с жителями поселка Шебунино проходила в танцклассе поселкового клуба.

тактов и возможностей подписать мирный договор, который нас устраивает, то это подарок лишь американцам. Им и желать более нечего от нас, это самое лучшее: мы будем выражать недовольство, а им предоставим абсолютную свободу действий в проведении политики. Они восстанавливали Японию в еще большей степени против СССР, указывая, что советские захватили то-то и то-то, но не подписали мирный договор; видимо, имеют еще какие-то намерения... А никаких других особых намерений даже у Сталина не было!»

...В конце концов, мы стали предпринимать дипломатические шаги к установлению контактов с японским правительством. Нельзя было обойти США при этом, потому что протокол-то находился там, и от США зависела возможность подписания договора. Когда мы сообщили, что хотим подписать мирный договор, США отказались. Ведь протокол был составлен руками Америки, и там наша подпись была, как говорят канцеляристы, уже сделана. Надо было только расписаться. Но нам в этом отказали.

Японцы, конечно, вели линию против нашего подписания. Я говорю о японцах, проводивших антисоветскую политику. Тогда именно они были у власти, те, которые были угодны США. Америка фактически определяла подбор людей и комплектование ими высших государственных органов в Японии и оказала решающее влияние на японскую позицию. Естественно, японцы стали бороться против пунктов мирного договора, фиксирующих переход Курильских островов и Южного Сахалина к Советскому Союзу, а также против прочих выгод, которые предусматривались в нашу пользу. Вот почему мы так и не получили возможности подписать договор. Не захотели нашей подписи ни японское правительство, ни американское...

Казалось бы, простое дело: исправить ошибку, которая была совершена Сталиным и Молотовым, проявить желание подписать мирный договор с Японией и подписать его? На деле же оказалось, что одного нашего желания мало. И это было понятно. Почему? Да потому, что недругам было выгодно, чтобы мы не имели советского посольства в Токио, не имели возможности оказывать влияние на японскую общественность и правительство. Напротив, США развернули большую деятельность по закреплению своих позиций в Японии. Были подписаны договоры о военных базах... Главным врагом Японии стал Советский Союз...

А если бы мы дали ранее правильную оценку сложившимся после разгрома японского милитаризма условиям и подписали бы мирный договор, разработанный американской стороной без нашего участия, но с учетом наших интересов, мы бы сразу открыли в Токио свое представительство, создали посольство. Наши люди имели бы контакты с японцами на новой основе. Наше влияние как-то возрастало бы...

Молотов, когда подняли вопрос о том, что надо подписать мирный договор с Японией, буквально становился на дыбы... Потом, после принятия нами решения, Молотов уже не возражал. Ведь существовало партийное решение».

3 июня 1955 года в здании посольства СССР в Лондоне начались советско-японские переговоры о заключении мирного договора. Советскую делегацию возглавлял видный советский дипломат, в то время посол СССР в Великобритании Яков Александрович Малик, японскую делегацию – посол Японии в Великобритании Мацумото Сюнити.

14 июня 1955 года советская делегация представила свой проект мирного договора. Статья 5 проекта была посвящена вопросу о границе между СССР и Японией. Она гласила: «Япония признает полный суверенитет СССР на южную часть Сахалина и Курильские острова и отказывается от всех прав, правооснований и претензий на эти территории». В соответствии с советским проектом граница между СССР и Японией должна была пройти по проливам Лаперуза, Кунаширскому, Измены и Советскому.

С самого начала советско-японских переговоров правительство США пыталось оказать влияние на их ход. Уже 1 июля 1955 года государственный департамент США направил правительству Японии ноту следующего содержания:

«1. Хабомаи и Шикотан являются не частью Курил, а составной частью о. Хоккайдо географически, исторически и юридически.

2. Ялтинское соглашение было заявлением об общих целях лидеров стран-участниц и не является правовым юридическим инструментом. Поскольку Потсдамская декларация не упоминает Ялтинского соглашения, то условия этого соглашения не являются обязательными для Японии. Заключение Ялтинского соглашения предваряет Потсдамскую декларацию и поэтому не может определять или толковать параграф 8 декларации.

3. Потсдамская декларация предусматривает, что окончательное определение японской территории должно быть сделано позднее странами-участницами. Советский Союз не может единолично и односторонне объявить Южный Сахалин и Курилы его собственной территорией в соответствии с параграфом 8 Потсдамской декларации...

5. Окончательное решение о статусе Южного Сахалина и Курил не было принято, их статус должен быть определен международным соглашением».

В связи с тем что японская сторона отвергла многие советские предложения, переговоры быстро зашли в тупик. Тогда руководитель советской делегации Я.А. Малик сделал не совсем обычный ход. 9 августа 1955 года во время неофициальной беседы с главой японской делегации С. Мацумото он сообщил ему, что правительство СССР в принципе готово пойти на передачу Японии группы островов Хабомаи и острова Шикотан при условии окончательного урегулирования этим территориального вопроса. Подобное поведение руководителя советской делегации объяснялось нетерпением Н.С. Хрущева, стремившегося как можно быстрее нормализовать отношения с Японией. Хрущев считал, что передача Японии Малой Курильской гряды позволит добиться быстрого успеха на переговорах в Лондоне. Однако советский лидер ошибался.

16 августа 1955 года японская делегация на переговорах в Лондоне представила советской стороне свой проект мирного договора. Статья пятая японского проекта была посвящена территориальной проблеме. Она предусматривала, что:

«1. На территориях Японии, оккупированных Союзом Советских Социалистических Республик в результате войны, в день вступления в силу настоящего Договора, будет полностью восстановлен суверенитет Японии.

2. Войска и государственные служащие Союза Советских Социалистических Республик, находящиеся в настоящее время на указанных в пункте 1 настоящей статьи территориях, должны быть выведены в возможно более короткий срок и, во всяком случае, не позднее, чем по истечении 90 дней со дня вступления в силу настоящего Договора».

Таким образом, японский проект предусматривал, что Советский Союз лишится приобретенных по итогам войны с Японией территорий (Южного Сахалина и Курильских островов). В тот период подобное требование японской стороны не имело шанса на успех. В связи с этим уже 1 сентября 1955 года глава японской делегации предложил новый (как он считал, компромиссный) вариант решения территориальной проблемы. Данный вариант предусматривал, что СССР немедленно должен вернуть Японии только острова Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп. Судьбу остальных территорий (т.е. средних и Северных Курил, а также Южного Сахалина) должны были решить союзные державы, подписавшие Сан-Францисский мирный договор.

В январе-марте 1956 года в Лондоне продолжались советско-японские переговоры о заключении мирного договора. Единственным вопросом, по которому стороны так и не смогли договориться, был территориальный. Японская делегация настаивала на возвращении Японии островов Хабомаи, Шикотана, Кунашира и Итурупа. Аргументация японской стороны яснее всего была изложена министром

иностранных дел Японии М. Сигэмицу, который, выступая в японском парламенте в январе 1956 года, сказал:

«Наше правительство, как Вам известно, требует возвращения тех островов, которые с незапамятных времен были частью японской территории, и предлагает, чтобы принадлежность других островов была обсуждена и определена международными соглашениями, поскольку этот вопрос непосредственно связан с Сан-Францисским мирным договором».

Советская делегация была уполномочена только на уступку группы островов Хабомаи и острова Шикотана.

В связи с тем, что ни СССР, ни Япония так и не смогли отойти от своих заранее оговоренных позиций, советско-японские переговоры о заключении мирного договора зашли в тупик. 20 марта 1956 года переговоры в Лондоне были прерваны.

21 марта 1956 года (на следующий день после того, как были прерваны советско-японские переговоры) было опубликовано постановление Совета Министров СССР «Об охране запасов и регулировании промысла лососей в открытом море в районах, смежных с территориальными водами СССР на Дальнем Востоке». Данное постановление сильно задело экономические интересы Японии, и японское правительство обратилось к правительству СССР с просьбой начать переговоры по рыболовству. Данные переговоры велись в Москве в апреле-мае 1956 года. В ходе их японская сторона вновь зондировала вопрос о возможности пересмотра советской позиции по территориальному вопросу.

31 июня 1956 года в Москву прибыла японская делегация во главе с министром иностранных дел М. Сигэмицу. В ходе двухнедельных переговоров Сигэмицу убедился, что советское руководство не пойдет на новые уступки в территориальном вопросе. Поэтому глава японского дипломатического ведомства стал склоняться к мысли о бесперспективности дальнейшего давления на СССР. 12 августа он сообщил японскому правительству о том, что

«переговоры уже пришли к концу. Дискуссии исчерпаны. Все, что можно было сделать, сделано. Необходимо определить нашу линию поведения. Дальнейшая оттяжка способна лишь больно ударить по нашему престижу и поставить нас в неудобное положение. Не исключено, что вопрос о передаче нам Хабомаи и Сикотана будет поставлен под сомнение».

В тот момент, когда японское правительство в принципе было уже готово пойти на подписание мирного договора на условиях, предложенных советской стороной (Япония признает, что Южный Сахалин и Курильские острова принадлежат СССР, а Советский Союз возвращает Японии острова Хабомаи и Шикотан), в советско-японские переговоры грубо вмешиваются Соединенные Штаты Америки. Государственный секретарь США Д. Ф. Даллес при встрече с министром иностранных дел Японии М. Сигэмицу 19 и 24 августа 1956 года заявил, что в том случае, если Япония пойдет на передачу СССР Курильских островов, то она никогда не сможет добиться возвращения оккупированной американцами Окинавы. Таким образом, на японское правительство был оказан сильный нажим, и оно не смогло пойти на удовлетворение требований Советского Союза.

В конце концов компромисс был найден. Стороны договорились о том, что вместо мирного договора будет подписана декларация о прекращении войны и установлении дипломатических отношений.

29 сентября 1956 года первый заместитель министра иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко направил письмо полномочному представителю правительства Японии на переговорах между Японией и СССР С. Мацумото.

«Господин полномочный представитель,
Имею честь подтвердить получение Вашего письма от 29 сентября 1956 г. следующего содержания:

«Имею честь сослаться на послание премьер-министра г-на Хатояма от 11 сентября 1956 г. и на ответное послание Председателя Совета Министров СССР от 13 сентября сего года и заявить нижеследующее:

Правительство Японии готово вступить в переговоры в Москве о нормализации советско-японских отношений без заключения в настоящее время мирного договора, как было сказано в вышеуказанном послании премьер-министра г-на Хатояма. При этом японское правительство считает, что и после восстановления дипломатических отношений в результате нынешних переговоров весьма желательно, чтобы советско-японские отношения достигли более прочного развития на основе формального мирного договора, включающего в себя и территориальный вопрос.

В этой связи японское правительство будет считать, что переговоры относительно заключения мирного договора, включающего и территориальный вопрос, будут продолжены и после восстановления нормальных дипломатических отношений между нашими странами. Приступая к переговорам в соответствии с посланием премьер-министра г-на Хатояма, я буду весьма признателен, если советское правительство также предварительно подтвердит, что и оно придерживается такого же мнения».

В связи с этим по поручению правительства СССР имею честь сообщить, что Советское правительство разделяет указанное выше мнение японского правительства и заявляет о своем согласии на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между нашими странами переговоров о заключении мирного договора, включающего и территориальный вопрос».

16.3.9. Московская декларация 1956 года и ее последствия

С 13 по 19 октября 1956 года в Москве состоялись советско-японские переговоры на высшем уровне. Советская сторона была представлена председателем Совета Министров СССР Н.А. Булганиным, первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым, первым заместителем председателя Совета Министров СССР А.И. Микояном, первым заместителем министра иностранных дел СССР А.А. Громыко, заместителем министра иностранных дел СССР Н.Т. Федоренко. Во главе японской делегации находился премьер-министр Японии И. Хатояма.

Переговоры завершились 19 октября 1956 года подписанием так называемой Московской декларации. С советской стороны ее подписали председатель Совета Министров СССР Н.А. Булганин и министр иностранных дел СССР Д.Т. Шепилов, с японской стороны – премьер-министр Японии И. Хатояма, министр земледелия и лесоводства Японии И. Коно и депутат палаты представителей С. Мацумото.

Московская декларация предусматривала, что:

«1. Состояние войны между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией прекращается со дня вступления в силу настоящей Декларации, и между ними восстанавливаются мир и добрососедские дружественные отношения.

2. Между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией восстанавливаются дипломатические и консульские отношения. При этом имеется в виду, что оба государства незамедлительно обмениваются дипломатическими представителями в ранге Посла, а вопрос об учреждении консульств соответственно на территории СССР и Японии будет разрешен в дипломатическом порядке.

3. Союз Советских Социалистических Республик и Япония подтверждают, что они в своих отношениях будут руководствоваться принципами Устава Организации Объединенных Наций, в частности нижеследующими принципами, изложенными в статье 2 этого Устава:

а) разрешать свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость;

б) воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Организации Объединенных Наций.

СССР и Япония подтверждают, что в соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций каждое из государств имеет неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону.

СССР и Япония взаимно обязуются не вмешиваться прямо или косвенно во внутренние дела друг друга по любым мотивам экономического, политического или идеологического характера.

4. Союз Советских Социалистических Республик поддержит просьбу Японии о принятии ее в члены Организации Объединенных Наций.

5. Все осужденные в Союзе Советских Социалистических Республик японские граждане со вступлением в силу настоящей совместной Декларации будут освобождены и репатриированы в Японию.

Что же касается тех японцев, судьба которых неизвестна, то СССР, по просьбе Японии, будет продолжать выяснять их судьбу.

6. Союз Советских Социалистических Республик отказывается от всех репарационных претензий к Японии.

СССР и Япония взаимно отказываются от всех претензий соответственно со стороны своего государства, его организаций и граждан к другому государству, его организациям и гражданам, возникших в результате войны с 9 августа 1945 года.

7. Союз Советских Социалистических Республик и Япония соглашаются в возможно короткий срок вступить в переговоры о заключении договоров или соглашений для того, чтобы поставить на прочную и дружественную основу их отношения в области торговли, торгового мореплавания и другие коммерческие взаимоотношения.

8. Конвенция о рыболовстве в открытом море в северо-западной части Тихого океана между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией и Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией о сотрудничестве при спасении людей, терпящих бедствие на море, подписанные в Москве 14 мая 1956 года, вступят в силу одновременно со вступлением в силу настоящей совместной Декларации.

Учитывая заинтересованность как СССР, так и Японии в сохранении и рациональном использовании природных ресурсов рыбы и других морских биологических ресурсов, СССР и Япония будут в духе сотрудничества принимать меры в целях сохранения и развития рыболовных ресурсов, а также регулирования и ограничения ловли рыбы в открытом море.

9. Союз Советских Социалистических Республик и Япония согласились на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией переговоров о заключении мирного договора.

При этом Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией.

10. Настоящая совместная Декларация подлежит ратификации. Она вступит в силу в день обмена ратификационными грамотами. Обмен ратификационными грамотами должен быть произведен в возможно более короткий срок в Токио».

8 декабря 1956 года Московская декларация была ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР. В тот же день Декларация была ратифицирована японским правительством. Четыре дня спустя в Токио был произведен обмен ратификационными грамотами. Московская декларация вступила в силу.

В наши дни только ленивый не ругает Н.С. Хрущева за те уступки, которые были сделаны японской стороне во время переговоров 1955-1956 годов в Лондоне

и Москве. Так, один из участников переговоров в Лондоне академик Сергей Леонидович Тихвинский в своих воспоминаниях отмечал, что уступка

«островов Шикотан и Хабомаи в случае согласия японской стороны на заключение мирного договора была непродуманным волюнтаристским поступком Хрущева, который, в свою бытность руководителем страны, не считаясь с общественным мнением внутри страны и нормами международного и отечественного права, произвольно менял также и границы между союзными и автономными республиками Советского Союза (передача Крыма Украине, ряда российских территорий – Казахстану и Чечне и т.д.) В случае с Японией Хрущевым не только была юридически размыта ялтинская договоренность СССР, США и Великобритании о передаче СССР Курильских островов, но и Сан-Францисский договор, предусматривавший, что Курильские острова не входят в территориальный состав Японии...

Таким образом, нынешнему, длянущемуся уже 40 лет тупику в российско-японских отношениях, возникшему из-за японских притязаний на так называемые «северные территории» (которые наряду с островом Хабомаи и Шикотан, по мнению японской стороны, также включают острова Итуруп и Кунашир), мы всецело обязаны недалекости и самоуправству Хрущева».

В связи с вышеизложенным интересно было бы узнать, что думал сам Н.С. Хрущев, принимая решение уступить Японии острова Хабомаи и Шикотан (статья 9 Московской декларации), а также продолжить переговоры по территориальному вопросу в дальнейшем (письмо А.А. Громько от 29 сентября 1956 года). Вот что писал об этом сам Хрущев:

«Хочу... сказать несколько слов, чтобы было понятно, почему мы решили пойти в те годы на уступку Японии, точнее – этому премьеру, который приехал к нам и проводил политику сближения и дружбы с Советским Союзом. Мы считали, что такая уступка не имеет особого значения для СССР. Там лежат пустынные острова, которыми пользовались только рыбаки и военные. Оборонного значения при современной военной технике эти острова тоже не имеют. Когда мы получили ракеты, которыми можно поражать врага на тысячи километров, острова утратили значение, которое они имели ранее для береговой артиллерии. Экономического значения они тоже никакого не имеют. По-моему, и никаких полезных ископаемых там не было найдено. Зато дружба, которую мы хотели завоевать со стороны японского народа, наша взаимная дружба имела бы колоссальное значение. Поэтому территориальные уступки с лихвой перекрывались бы теми новыми отношениями, которые сложились бы между народами Советского Союза и Японии.

Мы хотели усилить влияние этого премьера в японской внутренней и международной политике, считали, что она должна развиваться в сторону укрепления дружеских отношений с Советским Союзом. Вот главное, чем мы руководствовались, когда решали этот вопрос. Я и сейчас полагаю, что это было правильное решение, что оно сыграет полезную роль, если мы будем и дальше развивать политику мирного сосуществования и крепить дружбу с Японией».

Однако и здесь расчеты Хрущева оказались не совсем точными. Уже в начале ноября 1956 года тот самый премьер-министр Японии И. Хатояма, чье влияние «в японской внутренней и международной политике» так стремился усилить Н.С. Хрущев, был вынужден уйти в отставку. А 19 января 1960 года в Вашингтоне был подписан японо-американский договор «О взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности». Данный договор обязывал США и Японию «в соответствии с положениями и процедурами конституций каждой из сторон предпринимать действия по отражению общей угрозы в случае признания, что вооруженное нападение на одну из сторон на территории, находящейся под японской юрисдикцией, ставит под угрозу мир и безопасность данной страны». В целях защиты безопасности Японии, а также для «внесения вклада в обеспечение международ-

ного мира и безопасности на Дальнем Востоке» договор предоставлял США право размещать на японской территории свои сухопутные, военно-воздушные и военно-морские силы.

Следует отметить, что новый договор заменил действовавший с 1952 года американо-японский договор безопасности, и являлся важным шагом в деле укрепления независимости Японии. Так, договор «О взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности» предусматривал необходимость взаимных консультаций при приведении его в действие. На практике это означало, что США впервые после окончания второй мировой войны могли использовать свои военные базы на территории Японии только с согласия ее правительства. Действовавший до 1960 года американо-японский договор безопасности позволял США практически бесконтрольно использовать расположенные на японской территории базы.

Несмотря на то что японо-американский договор «О взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности» не вносил каких-либо существенных изменений в международную обстановку на Дальнем Востоке советское руководство довольно нервно отреагировало на его подписание.

27 января 1960 года министр иностранных дел СССР А.А. Громыко вручил японскому послу в Москве Кадоваки «Памятную записку советского правительства правительству Японии». Привожу с небольшими сокращениями текст данного документа:

«19 января с. г. подписан так называемый «Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности» между Японией и США. Содержание этого договора серьезно затрагивает положение на Дальнем Востоке и бассейне Тихого океана и тем самым интересы многих государств, расположенных в этом обширном районе, в первую очередь, конечно, таких непосредственных соседей Японии, как Советский Союз и Китайская Народная Республика.

По этому договору пребывание иностранных вооруженных сил и наличие военных баз на японской территории вновь закрепляется на длительный период с добровольного согласия правительства Японии. В соответствии со статьей шестой указанного договора Соединенным Штатам Америки «разрешается, чтобы их сухопутные, военно-воздушные и военно-морские силы пользовались обслуживанием и объектами в Японии». Имеющиеся в договоре оговорки относительно консультаций о его выполнении не могут скрыть того факта, что Япония может быть вовлечена в военный конфликт помимо воли японского народа.

Увековечение договором фактической оккупации Японии, предоставление ее территории в распоряжение иностранной державы, отрыв от Японии островов Окинавы и Бонин, неизбежно вытекающая из положений договора военная, экономическая и политическая зависимость Японии – все это вызывает законный вопрос, что же в действительности остается от суверенитета Японии после вступления в силу договора? Уже тот факт, что в Японии будут и впредь стоять иностранные войска, означает, что страна ограничена в своих действиях. По существу, дело обстоит таким образом, что, заключая новый военный договор, Япония собственными руками передает иностранной державе значительную часть своих прав как суверенного государства, теряет свою национальную независимость...

Советское правительство всегда готово оказать полную поддержку тем шагам Японии, которые будут направлены на обеспечение условий для ее мирного независимого развития. Советский Союз по-прежнему готов предоставить совместно с другими державами необходимые гарантии нейтралитета Японии... Советское правительство неоднократно подчеркивало, что Советский Союз стремится к налаживанию действительно добрососедских отношений с Японией, расширению взаимовыгодных торговых, культурных и других связей, которые способствовали бы сближению между Японией и СССР в интересах японского и советского народов.

Но Советский Союз не может, разумеется, проходить мимо такого шага, как заключение Японией нового военного договора, подтачивающего устои мира на Дальнем Востоке,

создающего препятствия развитию советско-японских отношений. В связи с тем что этот договор фактически лишает Японию независимости и иностранные войска, находящиеся в Японии в результате ее капитуляции, продолжают свое пребывание на японской территории, складывается новое положение, при котором невозможно осуществление обещания Советского правительства о передаче Японии островов Хабомаи и Сикотана.

Соглашаясь на передачу Японии указанных островов после заключения мирного договора, Советское правительство шло навстречу пожеланиям Японии, учитывало национальные интересы японского государства и миролюбивые намерения, выразившиеся в то время японским правительством в ходе советско-японских переговоров. Но Советское правительство, учитывая, что новый военный договор, подписанный правительством Японии, направлен против Советского Союза, как и против Китайской Народной Республики, не может содействовать тому, чтобы передачей указанных островов Японии была бы расширена территория, используемая иностранными войсками. Ввиду этого Советское правительство считает необходимым заявить, что только при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии и подписания мирного договора между СССР и Японией острова Хабомаи и Сикотан будут переданы Японии, как это было предусмотрено совместной Декларацией СССР и Японии от 19 октября 1956 года.

Из вышеизложенного ясно, что на японское правительство ложится тяжелая ответственность за все последствия, возникающие в связи с подписанием военного договора, противоречащего интересам обеспечения мира на Дальнем Востоке».

5 февраля 1960 года последовал ответ японского руководства на «Памятную записку советского правительства правительству Японии».

«Правительство Японии считает необходимым следующим образом изложить позицию Японии в связи с Памятной запиской, врученной 27 января министром иностранных дел СССР Громыко послу Японии в СССР Кадоваки относительно подписанного недавно между Японией и Соединенными Штатами договора о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности.

...Совершенно трудно объяснить то обстоятельство, что Советское правительство в своей Памятной записке связывает новый японо-американский договор с вопросом о передаче островов Хабомаи и о-ва Сикотан. По поводу островов Хабомаи и Сикотан в японо-советской Совместной декларации имеется следующее ясное указание: «Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и о-ва Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией».

Указанная совместная декларация представляет собой международное соглашение, регулирующее основы японо-советских отношений; она является официальным международным документом, ратифицированным высшими органами обеих стран. Следовательно, вряд ли есть необходимость говорить о том, что нельзя в одностороннем порядке менять содержание этого торжественного международного обязательства. Кроме того, когда подписывалась японо-советская совместная Декларация, уже существовал договор безопасности, не ограниченный никаким сроком действия. В тот период в Японии уже находились иностранные войска. Следовательно, совместная Декларация заключалась с учетом этих факторов. Уже этих фактов достаточно для того, чтобы заявить, что указанные выше обстоятельства не могут влиять на взаимное согласие, зафиксированное в японо-советской совместной Декларации.

Правительство Японии не может одобрить позицию Советского Союза, выдвинувшего новые условия осуществления положений совместной Декларации по территориальному вопросу и пытающегося тем самым изменить содержание декларации. Наша страна будет неотступно добиваться возвращения нам не только островов Хабомаи и о-ва Сикотан, но также и других исконных японских территорий».

За «Памятной запиской советского правительства правительству Японии» последовали ноты от 24 февраля и 22 апреля 1960 года. Предлагаю вниманию читателей выдержки из текста последней.

«Заключением нового договора японское правительство сознательно идет на ухудшение отношений с соседними и другими миролюбивыми странами... Подписание Японией указанного договора противоречит духу и букве совместной советско-японской Декларации от 19 октября 1956 г., в соответствии с которой СССР и Япония обязались служить развитию «взаимопонимания и сотрудничества между обоими государствами в интересах мира и безопасности на Дальнем Востоке». Японское правительство, пойдя на заключение военного договора с США, действует так, как если бы в советско-японской декларации предусматривались не улучшение отношений и развитие взаимопонимания между СССР и Японией, а, наоборот, вступление одной стороны в сговор, направленный против безопасности другой стороны и ухудшение отношений между ними...

Вновь выдвигая необоснованные претензии в отношении принадлежащих Советскому Союзу территорий, японское правительство в памятной записке произвольно утверждает, что по совместной Декларации стороны якобы договорились считать, что территориальный вопрос оставляется для дальнейшего обсуждения. Советское правительство отклоняет такое утверждение, поскольку такой договоренности в действительности не было и не могло быть. Территориальный вопрос между СССР и Японией решен и закреплен соответствующими международными соглашениями, которые должны соблюдаться. Не трудно видеть, что раздуваемая в Японии тенденциозная пропаганда вокруг территориального вопроса служит лишь целям обострения советско-японских отношений».

Метания советского руководства от одной крайности к другой имели негативные последствия для развития советско-японских отношений. Таким образом, непоследовательная политика Н.С. Хрущева на многие десятилетия вперед осложнила отношения между нашей страной и Японией.

16.4. Сахалинская область в период «застоя» (1965-1984 годы)

16.4.1. Смещение Н.С. Хрущева и сахалинская номенклатура

14 октября 1964 года Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза принял решение о смещении Никиты Сергеевича Хрущева со всех партийных и государственных постов. Новым первым секретарем ЦК КПСС стал Леонид Ильич Брежнев, новым председателем Совета Министров СССР – Алексей Николаевич Косыгин. Началась новая эпоха.

Три дня спустя в Южно-Сахалинске состоялось собрание актива Сахалинской областной партийной организации. На собрании с получасовым докладом «Постановление Пленума ЦК КПСС от 14 октября 1964 года об освобождении т. Хрущева Н.С. от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР» выступил первый секретарь Сахалинского обкома КПСС П.А. Леонов. Вслед за Леоновым в прениях выступило десять человек. Речи держали первые секретари Южно-Сахалинского и Охинского горкомов КПСС, председатель Сахалинского облисполкома, освобожденные секретари парткомов, свинарка совхоза «Макаровский», горный мастер шахты «Долинская», сеточник Чеховского бумкомбината. Все выступавшие единодушно благодарили ЦК КПСС за смещение еще вчера всеми ими горячо любимого Никиты Сергеевича. Думаю, что все они были искренни в своих чувствах. Правда, если бы заговор против Хрущева провалился, то те же самые товарищи столь же искренне клеймили бы презрением разоблаченных членов антипартийной груп-

пы Брежнева, Подгорного, Игнатова и примкнувшего к ним Суслова и вновь славили бы ленинский ЦК КПСС во главе с дорогим Никитой Сергеевичем.

Ни на Сахалине, ни на Курилах не нашлось людей, пожалевших тогда о смещении Хрущева. Ему не простили хлебных очередей, наступления на личные подсобные хозяйства, растущих норм выработки и болтовни о коммунизме.

16.4.2. Возвращение части северных льгот и начало нового роста численности населения Сахалинской области

Урезание льгот, повлекшее за собой уменьшение численности населения, вызвало у местных властей большую обеспокоенность. Дело в том, что область покидали прежде всего люди трудоспособного возраста. В результате этого многие ведущие отрасли региональной экономики стали испытывать острую нехватку кадров. На завоз работников в Сахалинскую область ежегодно тратились огромные средства. Однако кадры на месте не закреплялись. Такое же положение наблюдалось в других районах Крайнего Севера и в приравненных к ним местностях.

В конце концов высшее руководство страны пришло к выводу о необходимости снова вернуться к политике предоставления северных льгот. Решение об этом было принято в 1967 году, когда были в значительной степени восстановлены те льготы, которыми пользовались жители районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей.

Благодаря этому численность населения области вновь стала расти. Так, если в 1970 году в области проживало 615,7 тысячи человек, то в 1979 году – уже 654,9 тысячи. Однако на уровень 1956 года Сахалинская область вышла только в середине 80-х годов.

16.4.3. Развитие промышленности

Как и в предыдущий период, ведущей отраслью области оставалась развивавшаяся быстрыми темпами рыбная промышленность. В годы «застоя» рыбопромышленный комплекс давал 40-45 % всей промышленной продукции Сахалина и Курильских островов. За два десятилетия добыча рыбы выросла в 2,4 раза (с 382 тысяч тонн в 1965 году до 931 тысячи тонн в 1984-м), производство рыбных консервов – в 3,8 раза (с 74 миллионов до 278 миллионов условных банок).

Для рассматриваемого периода были характерны активное развитие океанического рыболовства крупнотоннажным флотом, освоение новых районов и объектов промысла. В 70-е годы почти две трети улова стал составлять минтай. Переработка улова и выпуск товарной продукции производились в основном в районах промысла на плавбазах, плавконсервных заводах, а также на судах типа БМРТ и РТМС. В начале 80-х годов именно эти суда давали более 90 % выпуска пищевой рыбопродукции и 75 % консервов.

В 70-е годы одно за другим имеющие выход к морю государства объявляют зоной своего исключительного права хозяйствования прибрежную полосу шириной 200 миль. В результате этого советские рыбаки были вынуждены прекратить промысел в целом ряде наиболее продуктивных районов Мирового океана. Правда, в 1976 году СССР тоже установил у своего побережья двухсотмильную экономическую зону, и теперь в практически полное распоряжение советских рыбаков перешли значительные части акваторий Японского и Берингова морей, почти все Охотское

море и прилегающая к Курильским островам полоса Тихого океана. Данные изменения заставили сахалинских рыбаков снова обратить внимание на собственную сырьевую базу. Так, если в 1971 году в Сахалино-Курильском бассейне ими было взято около 50 % улова, то в 1975 – уже 70 %, а в 1976 – около 80 %.

Возвращение рыбопромыслового флота из дальних морей заставило советскую администрацию заняться вопросами сохранения и воспроизводства биологических ресурсов у своих собственных берегов. В Сахалинской области было обращено внимание на критическое положение лососевых. И к началу 80-х годов здесь работали 18 рыболовных заводов мощностью 855 миллионов штук молоди в год.

В первую половину периода «застоя» лесная промышленность Сахалина достигла пика своего развития. В 1975 году вывозка древесины составила 3,9 миллиона кубических метров. Затем в лесной отрасли начался спад. Данное явление было обусловлено тем, что за семь десятилетий активной эксплуатации лесов были практически полностью уничтожены наиболее доступные в транспортном отношении для промышленной рубки массивы ели и пихты. Дальнейшее увеличение рубок или даже поддержание их на прежнем уровне требовало значительных капитальных вложений.

Существенный урон лесным ресурсам Сахалина нанесли пожары. В рассматриваемый период в огне сгорало в среднем по десять тысяч гектаров леса в год (и это при том, что ежегодно вырубались леса на площади 15-18 тысяч гектаров). Лесовосстановительные работы (в среднем 11 тысяч гектаров в год) не могли компенсировать ущерб ни от рубок, ни от пожаров.

Интенсивные лесные рубки вошли в противоречие с интересами рыбопромышленного комплекса. Возвращение рыболовецкого флота к сахалинским берегам поставило на повестку дня вопрос о восстановлении рыбных богатств острова. Поэтому часть лесного фонда в районе нерестовых рек была взята под защиту. В итоге к концу рассматриваемого периода вывозка древесины по сравнению с 1965 годом уменьшилась на 3,7 % (с 3,6 миллиона кубических метров в 1965 году до 3,5 миллиона в 1984-м), а по сравнению с 1975 годом – на 11,6 %.

Целлюлозно-бумажная промышленность в рассматриваемый период, как и лесная отрасль, достигла пика своего развития. Правда, она так и не смогла выйти на показатели, определенные для нее советским руководством в 1964 году (производство целлюлозы – 500-600 тысяч тонн, бумаги – 250-300 тысяч тонн). Это было связано с тем, что целлюлозно-бумажная промышленность ориентировалась на использование ели и пихты, а именно эти породы деревьев пострадали от интенсивных рубок больше всего. Поэтому уже в 70-е годы рассматривался вопрос о начале работ по варке целлюлозы из лиственницы.

Вместе с тем за анализируемый период выработка целлюлозы выросла на 35,7 % (с 232 тысяч тонн в 1965 году до 315 тысяч тонн в 1984-м), бумаги – на 31,7 % (со 159 тысяч тонн до 209 тысяч тонн). Только производство картона уменьшилось на 14,3 % (с 83 до 71 тысячи тонн).

В развитии угольной отрасли Сахалинской области в период «застоя» можно выделить два этапа.

Во второй половине 60-х – 70-е годы угольная промышленность в целом развивалась устойчиво. На шахтах острова проводились работы по внедрению средств автоматизации, было увеличено количество горных машин и комбайнов. Вместе

с тем темпы ее роста оказались значительно меньше запланированных в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 сентября 1964 года «О мерах по ускоренному развитию производительных сил Сахалинской области». Однако добыча угля постоянно росла. Шахтеры обеспечивали углем всех внутриобластных потребителей. В отдельные годы даже наблюдались сложности со сбытом топлива. В 1979 году угледобыча составила 5,8 миллиона тонн (рост по сравнению с 1965 годом на 23,2 %). Никогда раньше и никогда позже социалистическая угольная промышленность Сахалина не имела таких высоких показателей.

Затем наступил спад. В 1984 году угольная промышленность острова дала всего 4,7 миллиона тонн, или на 19,4 % меньше, чем в 1979 году, и даже на 0,7 % меньше, чем в 1965-м. И это при том, что к середине 80-х годов потребности области в угле выросли до 5,5 миллиона тонн. С этого момента Сахалинская область впервые в своей истории стала нуждаться в привозном угле.

Главной причиной падения добычи стало быстрое выбытие мощностей угольных шахт и разрезов. Найти выход из создавшегося положения можно было только на пути значительного наращивания капиталовложений в угольную промышленность области. В связи с этим были проведены работы по реконструкции ряда шахт и разведка крупного Солнцевского месторождения в Углегорском районе.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 сентября 1964 года «О мерах по ускоренному развитию производительных сил Сахалинской области» добыча нефти к 1970 году должна была вырасти до 3,5 миллиона тонн (т.е. на 45,2 %), газа – до 2,8 миллиарда кубических метров (т.е. на 366 %). Однако ни в 1970 году, ни позднее сахалинским нефтяникам так и не удалось выйти на данные показатели. За 1965-1984 годы добыча нефти увеличилась всего на 9,9 % (с 2,4 миллиона тонн в 1965 году до 2,65 миллиона тонн в 1984-м), газа – на 32,3 % (с 601 миллиона до 795 миллионов кубических метров).

Применявшиеся с середины 50-х годов вторичные методы добычи нефти уже не позволяли наращивать объемы. По-прежнему более 80 % вязкой, тяжелой нефти оставалось в пластах. В связи с этим с 1967 года на Сахалине были начаты работы по закачке в пласты под высоким давлением горячей воды и перегретого (350-400 градусов) пара. Таким образом, возобновляется добыча нефти на старых промыслах Оха, Катангли, Восточный Эхаби. Под воздействием пара вязкая нефть приобретала повышенную текучесть и легче выходила на поверхность. Однако себестоимость этой нефти была намного выше, чем той, что добывали фонтанным или газлифтным способом.

К началу 80-х годов основная масса нефтяных месторождений Сахалина уже вступила в завершающую стадию разработки. Отбор извлекаемых запасов превысил 80 %. В результате с 1974 года на Сахалине началось быстрое падение добычи «черного золота». В 1978 году его добыли на 12,6 % меньше, чем в 1974-м. Только ввод в действие нефтяного месторождения Монги позволил остановить падение и стабилизировать добычу на уровне 2,5-2,65 миллиона тонн в год.

В течение всего рассматриваемого периода на Сахалине велись поисковые работы на нефть и газ. В ходе этих работ было определено, что не менее двух третей запасов сахалинской нефти находится на шельфе. Работы здесь начались с конца 60-х годов. Вплоть до конца 70-х годов и разведочное, и промысловое бурение под дно Охотского моря велось с берега.

Ситуация резко изменилась после того, как 28 января 1975 года в Токио было заключено советско-японское генеральное соглашение о сотрудничестве в области разведки, обустройства месторождений и добычи нефти и газа на шельфе острова Сахалин и о поставке нефти и газа этих месторождений в Японию. В соответствии с данным соглашением поиск нефти и газа на сахалинском шельфе должен был производиться советскими организациями. Для этой цели последние должны были получить от японской стороны в счет коммерческих кредитов плавучие буровые установки, буровое оборудование, специальные суда, машины и материалы. Всего для первой очереди поисковых работ на сахалинском шельфе японская сторона предоставила СССР кредит в размере 152,5 миллиона долларов.

Благодаря генеральному соглашению 1975 года в конце 70-х годов для разведочного бурения стали использовать плавучие буровые установки. Итог этих работ – открытие Чайвинского, Одоптинского и Пильгун-Астохского нефтегазовых месторождений.

Именно в годы «застоя» электроэнергетика островной области получила наиболее существенное развитие. В 1964 году в районе Лермонтовского угольного разреза было начато строительство Сахалинской ГРЭС. В 1966 году дал ток ее первый турбогенератор. В том же году завершилось строительство высоковольтной линии электропередач от ГРЭС до Южно-Сахалинска. В 1972 году пустили последний энергоблок Сахалинской ГРЭС, и электростанция вышла на проектную мощность. В 1978 году было закончено строительство первой очереди Южно-Сахалинской ТЭЦ-1.

В рассматриваемый период через сотни километров протянулись линии электропередачи, соединившие в единую энергосистему все крупные и средние электростанции южной и центральной частей Сахалина.

16.4.4. Сельское хозяйство Сахалинской области в период «застоя»

Период между 1965 и 1984 годами был самым удачным для сельского хозяйства Сахалинской области. Никогда раньше агропромышленный комплекс области не видел столь мощной государственной поддержки.

Капитальные вложения в сельское хозяйство области в рассматриваемый период превысили 1,1 млрд. руб. При этом из года в год затраты государства на капитальные вложения росли. Так, во второй половине 60-х годов они составляли в среднем примерно 22 миллиона рублей в год, в первой половине 70-х – 55 миллионов рублей, во второй половине 70-х – 72 миллиона рублей и в 1981-1984 годах – 92 миллиона рублей.

В рассматриваемый период основные фонды в сельском хозяйстве выросли в 7,5 раза (со 113,5 миллиона рублей до 850 миллионов). Огромные средства были вложены в обновление молочного стада, механизацию, повышение энерговооруженности сельского хозяйства и мелиорацию. Посевные площади расширились с 31,7 тысячи гектаров в 1965 году до 43,2 тысячи в 1985-м. Благодаря этому в рассматриваемый период сельское хозяйство превратилось в одну из наиболее развитых отраслей экономики Сахалинской области.

Однако в связи с острой нехваткой рабочих рук на «помощь» совхозам ежегодно отвлекались десятки тысяч так называемых «шефов»: рабочих, служащих, учащихся. Летом они заготавливали корма для животноводства и пропалыва-

ли посе́вы, осенью убирали урожай, а зимой перебирали картофель и овощи. Сельскохозяйственные предприятия быстро привыкли к практически дармовой рабочей силе и использовали ее крайне расточительно. Следует также отметить, что эффективность капиталовложений в сельское хозяйство Сахалинской области росла только до середины 70-х годов. Затем с каждым годом она становилась все меньше. Во второй половине 60-х годов валовая продукция сельского хозяйства региона росла в среднем на 4,6 % в год. В первой половине 70-х – на 7,6 %. Во второй половине 70-х средний ежегодный прирост составлял уже 3,7 %. В 1981-1984 годах – 2,2 %. Уменьшение темпов прироста сельского хозяйства в первой половине 80-х годов также было связано с разрушительным тайфуном «Филлис», пронесшимся над Сахалином летом 1981 года. Во многих районах области урожай был буквально смыт вместе с плодородным слоем.

16.4.5. Развитие транспорта и связи

Самое важное событие в истории сахалинского транспорта в рассматриваемый период – начало работы морской железнодорожной паромной переправы Ванино – Холмск. Кроме того, на острове были построены новые железнодорожные линии. В 1971 году открылось движение на участке Арсентьевка – Ильинский, соединившее восточный и западный берега Сахалина. В 1979 году были завершены работы на участке Победино – Ноглики. На рубеже 60-70-х гг. был произведен перевод железных дорог Сахалина на тепловозную тягу.

В 1967 году в Южно-Сахалинске начала работать приемная станция «Орбита». Это дало жителям областного центра возможность смотреть передачи всесоюзного телевидения. В последующие годы телевидение из Москвы распространилось практически на всю территорию нашей области.

16.4.6. Курильский вопрос в период «застоя»

После известных «Памятных записок» 1960 года позиция советского руководства по территориальному вопросу между СССР и Японией заключалась в абсолютном отрицании самого существования этого вопроса.

Так, 1 января 1968 года многие японские газеты опубликовали интервью председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина крупнейшему в Японии информационному агентству «Киодо Цусин». В основном данное интервью было посвящено перспективам развития советско-японских отношений. Ряд вопросов, заданных советскому премьеру японским журналистом, был посвящен территориальной проблеме. В ответ на них А.Н.Косыгин заявил, что «территориальный вопрос решен окончательно».

С 23 по 28 января 1972 года в Японии с официальным визитом находился министр иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко. Во время визита глава советского МИДа был принят императором Хирохито, имел беседы и переговоры с премьер-министром Японии Эйсаку Сато и министром иностранных дел Такэо Фукуда, встречался с другими государственными деятелями Японии.

В период пребывания А.А.Громыко в Токио японская сторона неоднократно поднимала вопрос о необходимости заключения японо-советского мирного договора на условиях возвращения Японии так называемых «северных территорий».

Глава же советского МИДа считал, что мирный договор может быть заключен без каких-либо территориальных уступок со стороны СССР.

В конце концов стороны договорились включить в советско-японское коммюнике следующий абзац:

«Признавая значение заключения мирного договора для дальнейшего развития советско-японских отношений на еще более устойчивой основе, стороны высказались в пользу того, чтобы уже в текущем году в удобное для обеих сторон время состоялись переговоры по вопросу о заключении мирного договора».

Такие переговоры начались в октябре 1972 года во время официального визита в Москву министра иностранных дел Японии Масаеси Охира. Министры иностранных дел СССР и Японии начали переговоры о заключении мирного договора между двумя странами. А.А.Громыко и М. Охира изложили друг другу уже хорошо известные позиции по данному вопросу: СССР готов пойти на подписание мирного договора при условии сохранения за собой всех Курильских островов, Япония готова пойти на подписание мирного договора при условии возвращения ей островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и группы Хабомаи. Единственное, о чем смогли договориться стороны, – переговоры должны быть продолжены.

С 7 по 10 октября 1973 года с официальным визитом в Советском Союзе находился премьер-министр Японии Какуэй Танака. В ходе визита состоялись чрезвычайно сложные переговоры. С японской стороны в переговорах приняли участие Какуэй Танака и министр иностранных дел Японии Масаеси Охира, с советской – Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин, министр иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко.

В ходе переговоров о заключении мирного договора К. Танака попытался оказать беспрецедентное давление на советских руководителей. Он настойчиво требовал возвращения своей стране островов Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп. Однако единственное, чего удалось добиться японскому премьеру от Л.И. Брежнева, был следующий фрагмент Совместного советско-японского заявления:

«Сознавая, что урегулирование нерешенных вопросов, оставшихся со времен второй мировой войны, и заключение мирного договора внесет вклад в установление подлинно добрососедских и дружественных отношений между обеими странами, стороны провели переговоры по вопросам, касающимся содержания мирного договора. Обе стороны договорились продолжить переговоры о заключении мирного договора между обеими странами в соответствующий период 1974 г.»

При этом из текста Совместного советско-японского заявления не следовало, что в число «нерешенных вопросов» входит территориальная проблема.

С 15 по 17 января 1975 года в Москве с официальным визитом находился министр иностранных дел Японии К. Миядзава. Одной из целей визита было продолжение переговоров с министром иностранных дел СССР А.А.Громыко о заключении мирного договора. Однако данные переговоры быстро зашли в тупик. Ведь японская сторона соглашалась подписать мирный договор только при условии возвращения ей островов Хабомаи, Шикотан, Кунашир и Итуруп. Советская же сторона считала, что подобные территориальные притязания Японии абсолютно незаконны и ничем не обоснованы.

В конце концов, свое мнение по данной проблеме публично высказал Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Отвечая в апреле 1977

года на вопросы главного редактора газеты «Асахи» С. Хата по поводу проблемы северных территорий, он, в частности, сказал:

«Как вы помните, в совместном советско-японском заявлении от 10 октября 1973 г. была зафиксирована договоренность продолжить переговоры по заключению мирного договора. Советский Союз готов, если, разумеется, с японской стороны не будет выдвигаться заведомо неприемлемых условий, довести это важное для наших стран дело до конца. При трезвом подходе японской стороны к реальностям, сложившимся в итоге второй мировой войны, это можно было бы сделать – и сделать быстро. Известно, что мирные договоры, как правило, охватывают широкий комплекс вопросов, в том числе о линии прохождения границы. Это относится и к советско-японскому мирному договору. Говорить же, что в отношениях между нашими странами есть какая-то «нерешенная территориальная проблема» – это одностороннее и неверное толкование».

16.5. Сахалинская область в период «перестройки» (1985-1991 годы)

16.5.1. Нарастание кризисных явлений в экономике области

К середине 1980-х годов в Советском Союзе едва ли кто-то серьезно верил в реальность построения коммунизма. Но существовавшая в стране политическая система во главе с КПСС, как «руководящей и направляющей силой общества», многим еще казалась вечной и незыблемой. Но то было обманчивое впечатление. Лихорадочные реорганизации и экономические эксперименты 1960-70-х годов давали лишь краткий эффект, но заметного повышения производства не происходило. Администрирование и пропагандистская трескотня, отсутствие личной заинтересованности, низкая заработная плата за тяжелый труд сводили на нет все нововведения и инициативы, исходившие из высоких кабинетов.

Экономика Сахалинской области на излете «развитого социализма» все больше обрастала грузом противоречий. Например, средняя месячная заработная плата рабочих и служащих по области с 1970 по 1990 год увеличилась более чем в два раза, с 223,4 до 477,2 рубля. Сахалин и Курилы по-прежнему привлекали людей, стремившихся заработать свою «трудовую копейку». Поэтому роль сезонных работников в некоторых отраслях оставалась высокой. Так, на долю производственного объединения «Сахалинрыбпром» приходилось более половины всей выпускаемой в Сахалинской области товарной продукции. Но именно на его предприятиях, и прежде всего на промысловом флоте, трудились десятки тысяч рыбаков и рыбообработчиков, приезжавших из других областей и республик СССР. По некоторым оценкам, таких «временщиков» в рыбной промышленности области насчитывалось до 70 % общего числа занятых.

Как и в прежние десятилетия, это был один из основных источников пополнения населения Сахалина и Курил, которое к началу 1990-х достигло максимальной численности за всю свою историю. По Всесоюзной переписи 1989 года в области проживало 709,1 тысячи человек. Это на 54,3 тысячи (7,6 %) больше, чем в 1979 году, и на 93,4 тысячи человек (13,2 %) больше, чем в 1970 году. Городское население насчитывало 583,7 тысячи человек (82,3 %), увеличившись по сравнению с 1979 годом на 43,9 тысячи человек. Сельское население за этот период возросло лишь на 10,3 тысячи человек и составило 125,4 тысячи человек (17,7 %).

Хотя уровень жизни сахалинцев и курильчан был несколько выше, чем в целом по стране, но и они ощущали явный застой в решении самых жизненных проблем.

Народное хозяйство области приобретало все более некомплексный и несбалансированный характер. Главное внимание уделялось добыче минерально-сырьевых и биологических ресурсов моря и суши. Перерабатывающие отрасли оставались без развития. Сахалинская область занимала главенствующее место по добыче нефти и газа на Дальнем Востоке, а ее города и села задыхались от копоти и грязи угольных кочегарок.

Совхозы давали массу сельскохозяйственной продукции, но возникали серьезные трудности с ее переработкой и хранением. На Сахалине работали обувная, швейная фабрики, но современную одежду и обувь люди стремились купить в фирменных магазинах Москвы. Длинные очереди почти за всеми товарами отнимали у людей массу времени, сил и нервов. Целый ряд предметов первой необходимости и продуктов питания можно было купить в магазинах только по талонам. Фактически это была карточная система распределения, почти как в послевоенные годы.

Резко возрос износ основных фондов, достигший к концу 80-х годов в некоторых добывающих отраслях 60 и более процентов. В крупных объединениях, на которых базировалась экономика области, таких, как «Сахалинуголь», «Сахалинрыбпром», доля маломеханизированного и ручного труда составляла более половины.

Десятки тысяч сахалинцев, приехавших еще по переселению в конце 40-х годов, прозябали в ветхих, иногда построенных еще японцами домах и бараках, без всякой перспективы получения достойного жилья. Очень острой для области оставалась проблема сдачи объектов здравоохранения и детских дошкольных учреждений. Множество нерешенных задач накопилось в коммунально-бытовом хозяйстве, водоснабжении городов и поселков, охране окружающей среды.

16.5.2. Новые тенденции общественно-политической жизни

В апреле 1985 года КПСС возглавил молодой энергичный лидер Михаил Сергеевич Горбачев, провозгласивший курс на «перестройку» с целью модернизации общественно-политической системы страны. Гласность была едва ли не главным содержанием этой политики. Новые веяния всколыхнули общественную жизнь. Пресса, в том числе и сахалинская, смелее заговорила о недостатках и злоупотреблениях партийной номенклатуры. На страницы газет и журналов вернулись имена запрещенных в 60-70-е годы писателей А. Солженицына, Б. Пастернака и других писателей-диссидентов.

Вновь зазвучала тема страшных преступлений сталинского режима в 30-50-е годы. Только за 1989-1990 год в Сахалинской области было реабилитировано более 2,3 тысячи граждан – жертв политических репрессий, почти столько же, сколько во времена хрущевской «оттепели».

Однако серьезной программы экономических реформ у идеологов перестройки не было. В Сахалинской области, как и всюду по стране, создавались многочисленные комиссии общественного контроля за сферой обслуживания и торговли, но товаров на прилавках от этого не прибывало. Развернувшаяся в мае 1985 года шумная политическая кампания по борьбе с пьянством приняла самые уродливые формы. Пришлось срочно вводить талоны на спиртные изделия и сахар, тут же повсеместно исчезнувший с прилавков, ибо народ ударился в повальное самогонарение. В ЦК КПСС шел поток писем и жалоб сахалинцев. Люди писали о своих

нуждах, бюрократизме, приписках, очковтирательстве, называли имена руководителей, злоупотреблявших служебным положением.

Партийные лидеры Сахалинской области, изначально заняв выжидательную позицию, восприняли перестройку как очередную пропагандистскую кампанию. Реакция рядовых коммунистов на эту линию выразилась в выходе из партии, принявшем вскоре массовый характер. В итоге именно в Сахалинской области раньше и активнее, чем в других регионах Союза ССР, началось формирование политических организаций, оппозиционных КПСС.

Толчком к этому послужили выборы делегатов на XIX Всесоюзную партийную конференцию, которую намечалось провести летом 1988 года. Сахалинский обком пытался провести их выдвижение обычным кулуарным путем. Но рядовых коммунистов и беспартийных такая «демократия» уже не устраивала. 21 мая 1988 года на площади у областного драматического театра собрался стихийный митинг. Критика, звучавшая в выступлениях, была острой, но сомнений в идеях перестройки не высказывалось.

«Майские события» на Сахалине получили резонанс в стране и были главной причиной ухода с должности первого секретаря обкома КПСС П.И. Третьякова. Его сменил прибывший из Москвы Виктор Степанович Бондарчук. Заявленная им программа социального развития и структурных преобразований экономики, с упором на агропромышленный комплекс, так и осталась благим пожеланием.

Летом 1988 года в Южно-Сахалинске оформилась неформальная общественная организация под названием «Демократическое движение за перестройку» (ДДП), объединившая людей разных политических взглядов, но одинаково оппозиционно настроенных к КПСС. Вскоре ДДП раскололась. Те ее члены, которые считали себя «подлинными» демократами, в мае 1989 года учредили «Сахалинский народный фронт» (СНФ). Другое крыло ДДП, стоявшее, как они утверждали, на патриотических позициях, основало организацию с явно националистическим оттенком – «Русский остров».

Ярким показателем падения авторитета обкома партии стали выборы народных депутатов СССР в марте 1989 года, впервые проходившие на альтернативной основе. Первый секретарь Сахалинского обкома КПСС В.С. Бондарчук проиграл их сахалинскому журналисту Виталию Валентиновичу Гулию, опиравшемуся на поддержку значительной части демократически настроенной интеллигенции и журналистов. После такого провала пребывание В.С. Бондарчука в качестве политического руководителя области потеряло смысл, и он предпочел вернуться в Москву, а первым секретарем обкома КПСС (с 1990 года – КП РСФСР) был избран Виктор Никифорович Жигайло, ранее работавший в партийно-советских органах Сахалинской области.

Преобразования коснулись не только политики. В годы перестройки отпали гласные и негласные запреты, сковывавшие духовные устремления людей. Снятие ограничений в религиозной сфере выявило тягу многих сахалинцев и курильчан к религии. По их инициативе в 1989-1991 годах в Южно-Сахалинске, Охе, Корсакове, Холмске, Шахтерске и других городах области впервые после шестидесятилетнего перерыва официально начали действовать православные приходы и религиозные общины иных конфессий.

16.5.3. «Вся власть Советам» – лозунг старый, подход новый

В марте 1990 года III съезд народных депутатов СССР отменил 6-ю статью Конституции СССР о руководящей роли КПСС в государстве. Это еще не был уход партии с политической арены, но властные полномочия в экономике и социально-культурной сфере с этого времени, по крайней мере юридически, перешли к Советам.

Возникший к этому времени на Сахалине комитет «Демократические выборы» (КДВ), умело организовав выборную кампанию, сумел провести значительную часть своих кандидатов в Южно-Сахалинский городской и областной Советы народных депутатов. Тогда же, в марте 1990 года, в числе народных депутатов Верховного Совета РСФСР от Сахалинской области был избран В.П. Федоров, опиравшийся на поддержку активистов СНФ.

Валентин Петрович Федоров – профессор Московского института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, крупный ученый-экономист, выдвинул программу масштабного эксперимента, суть которого заключалась в том, что островная область должна стать свободной экономической зоной (СЭЗ) с правом распоряжения ее природными ресурсами и ведения внешнеэкономической деятельности. Программа включала вывод сахалинских предприятий из подчинения отраслевых министерств, массовую приватизацию и создание частных предприятий, привлечение зарубежных инвестиций. Кредит доверия В.П. Федорову среди сахалинцев был высок. Поэтому 18 апреля 1-я сессия областного Совета практически единогласно избрала его председателем облисполкома, вручив, по сути дела, всю полноту власти для осуществления долгожданных реформ. Можно сказать, что с этого времени именно В.П. Федоров, а не первый секретарь обкома КП РСФСР В.Н. Жигайло являлся фактическим руководителем области.

Однако в реальной жизни все оказалось сложнее, и В.П. Федорову пришлось неоднократно корректировать свою программу применительно к быстро меняющейся, и, к сожалению, не в лучшую сторону, экономической и политической ситуации в стране и дальневосточном регионе.

Яркая, неординарная личность В.П. Федорова, его резкие высказывания и смелые по тому времени идеи сделали на какое-то время сахалинскую тему одной из самых популярных в средствах массовой информации. Российские и зарубежные журналисты постоянно держали в поле зрения ход реформ на далеком острове. Некоторые из них сравнивали московского экономиста с А.П. Чеховым, сделавшим Сахалин известным за сто лет до этого. «Губернатор показался мне довольно сильной личностью», – отметил посол Франции Бертран Дюфук, посетивший Сахалин в 1992 году.

Один из московских журналистов писал: «С именем В. Федорова я связываю начало новой сахалинской волны – это внутренняя миграция уже зрелых людей, это подвижничество интеллектуальных переселенцев, прагматиков, романтический расчет которых – круто развернуть жизнь, подвинуть остров к нормам мировой цивилизации».

С 1990 по 1992 год В.П. Федоров входил в состав Высшего консультативно-координационного совета Президиума Верховного Совета РСФСР (с 1991 года – Консультативный совет при Президенте РСФСР). Едва ли не впервые в России за семь десятилетий советской истории на скромном посту председателя облиспол-

кома оказался не просто хозяйственник, а деятель, имеющий свою точку зрения на серьезные государственные проблемы, в том числе и внешнеполитические. В апреле 1991 года сильное впечатление на международную прессу и политиков произвел протест В.П. Федорова во время пребывания его в Японии в составе делегации во главе с М.С. Горбачевым. Почувствовав готовность советского президента пойти на уступки по «курильскому вопросу», В.П. Федоров сделал по этому поводу заявление для печати и преждевременно покинул Токио.

Как известно, политическая нестабильность и экономический кризис в России начала 90-х годов вновь обострили российско-японские разногласия о принадлежности южной части Курильских островов. Но, несмотря на мощный нажим некоторых сил, обозначившихся в этот смутный период, В.П. Федоров оставался последователен в своей линии. Позднее он вспоминал:

«Как губернатор я способствовал тому, чтобы географическое понятие Южные Курилы у россиян твердо связывалось с принадлежностью к России и стало патриотическим понятием».

До прибытия на Сахалин В.П. Федоров почти не имел практического опыта хозяйственно-административной работы. Но, попав в новую и крайне сложную для него обстановку, он довольно быстро в ней освоился и попытался претворить в жизнь свою предвыборную программу.

14 июля 1990 года Верховный Совет РСФСР принял постановление о создании зоны свободного предпринимательства (СЭЗ) в Сахалинской области. Однако с самого начала этот проект встретил сильнейшее сопротивление в Москве на самых разных уровнях и прежде всего у представителей союзных министерств и ведомств. Вообще к идее СЭЗ в Москве отнеслись как сиюминутной политической выгоде, пока шла борьба между руководством РСФСР и СССР. В конце концов она так и не была реализована, а все акты о создании СЭЗ на Сахалине тихо отменены.

Несмотря на неудачи, В.П. Федоров приступил на практике к преобразованиям в сельском хозяйстве, рыбной отрасли, сфере торговли и системе жизнеобеспечения населения. Только за 1991 год на селе было создано около 800 крестьянских (фермерских) хозяйств, 90 малых предприятий и 97 сельхозкооперативов; в рыбной промышленности появилось более 100 малых предприятий и кооперативов. Широкое распространение получили совместные предприятия, с участием иностранного капитала. Это был первый, хотя и скромный ручеек зарубежных инвестиций в экономику области. Но в условиях разлагающейся командно-административной системы управления экономикой и растущей на этом фоне политической нестабильности построить социально-ориентированную систему рыночных отношений на отдельно взятом острове было невозможно. Да В.П. Федоров к этому и не стремился. На досуге Валентин Петрович писал романсы и лирические стихи, но в жизни был жестким реалистом.

Как опытный экономист, в отличие от многих своих российских коллег-рыночников он понимал, что мгновенного прорыва в рыночную экономику быть не может и Россию ждут на этом пути тяжкие испытания. Критикуя нашумевшую в то время стабилизационную программу Г.А. Явлинского, В.П. Федоров подчеркивал, что для преодоления кризиса потребуется «не пятьсот дней, а пятьсот недель». Он настаивал на сохранении и очень осторожном снижении госзаказа, чтобы

не допустить коллапса в целлюлозно-бумажной, лесной и угольной промышленности Сахалина. «Не трогайте совхозы», – не раз звучало в его докладах на сессиях областного Совета. Только сохраняя имеющийся промышленный потенциал Сахалинской области, можно было одновременно шаг за шагом создавать экономику, альтернативную государственной, в виде новых «форм, фирм, ферм». К сожалению, не все и не всегда его понимали, а жизнь показала, что в главных своих прогнозах В.П. Федоров не ошибался.

Все больше депутатов областного Совета, разочарованных провалом идеи создания СЭЗ, начинали критиковать В.П. Федорова. На это накладывался сложный характер Валентина Петровича, его резкость и нежелание идти на компромиссы. Это отталкивало некоторых его потенциальных сторонников, а зачастую недавние соратники, почувствовав себя в чем-то обделенными, превращались в его яростных противников.

В августе 1990 года Сахалинскую область посетил председатель Верховного Совета РСФСР Борис Николаевич Ельцин. Будущий первый президент России приближался к пику своей популярности как признанный лидер демократической оппозиции КПСС. В Южно-Сахалинске Б.Н. Ельцин встретился с депутатами областного Совета и представителями общественности, затем вылетел на север острова в Охинский район. Это была скорее ознакомительная, нежели деловая поездка.

Весной 1991 года на Сахалине возникает региональное отделение движения Демократическая Россия. Оно объединило часть активистов ДДП, КДВ и СНФ, а также некоторое количество членов КП РСФСР, представлявших демократическое крыло областной партийной организации. Едва оформившись, Сахалинское отделение ДемРоссии включилось в кампанию по выборам первого в истории России президента, поддержав кандидатуру Б.Н. Ельцина. 12 июня 1991 года за него проголосовало 54,9 % избирателей области.

16.5.4. Курильский вопрос в период «перестройки»

В январе 1990 года Японию с частным визитом посетил народный депутат СССР Борис Николаевич Ельцин. В то время (после смерти в декабре 1989 года Андрея Дмитриевича Сахарова) Ельцин стал общепризнанным лидером демократической оппозиции в СССР, и это придавало его визиту довольно важное значение. Ведь визит Ельцина состоялся вскоре после того, как такие авторитетные лидеры демократической оппозиции, как А.Д. Сахаров и Ю.Н. Афанасьев, однозначно высказались за возвращение Японии Южных Курил. Первое время Ельцин поддерживал своих коллег по демократическому движению. Однако скоро изумительное политическое чутье подсказало Борису Николаевичу, что подобная позиция в начинающейся борьбе за власть может принести ему скорее вред, чем пользу. И Ельцин (или его советники) придумал нечто такое, что могло помочь ему в случае необходимости отговориться и от японцев, и от своих.

17 января 1990 года, находясь в Токио, Б.Н. Ельцин обнародовал свой так называемый пятиэтапный план решения территориальной проблемы между Россией и Советским Союзом.

«Конечно, перед тем как ехать сюда, наша делегация и я лично изучили всю историю этого вопроса, начиная с прошлого века – с 1854 года. Надо сразу себе уяснить, что лобовое решение этого вопроса невозможно. Есть общественное мнение в Японии, есть сейчас

уже общественное мнение в СССР. Начиная с 1945 г., все эти годы говорилось, что этой проблемы не существует. Общественное мнение нашей страны сформировалось и исходит из того, что этой проблемы нет. И если бы руководство приняло лобовое решение «давайте отдадим четыре острова Японии», то такое руководство перестало бы существовать. Народ нашей страны убрал бы его. И хотелось бы, чтобы японцы это понимали.

Но проведение твердолобой политики в данном вопросе тоже не годится. Ведь мы представляем собой две из нескольких крупнейших держав мира. Ведь за нами колоссальный интеллектуальный и технический потенциал Японии и практически неограниченный рынок Российской Федерации. Поэтому – здесь я высказываю свое личное мнение, это не мнение официального руководства или части его – мне вырисовывается вот такая поэтапность решения этой проблемы:

Прежде всего, необходимо признать, что территориальная проблема существует. В этом направлении и надо формировать общественное мнение. Объявить же об этом можно уже в этом году, если ситуация будет нормальной. Или же это сделает Горбачев в 1991 году.

Второй этап – через 3-5 лет следует объявить территориями свободного для Японии предпринимательства или, если пользоваться американской терминологией, «зоной наибольшего благоприятствования японской экономике».

Третий этап – демилитаризация островов. Это надо сделать потому, что сегодня острова принадлежат скорее не государству, а военным. На это потребуется 5-7 лет, ибо это не простой вопрос.

И вот далее на четвертом этапе японской стороне тоже следовало бы сделать полшага навстречу. Вы говорите, что мирный договор можно подписать только при условии передачи всех четырех островов Японии. В моем же варианте мирный договор подписывается как бы на середине пути – на четвертом этапе: тогда он также способствовал бы дальнейшему улучшению взаимоотношений и пониманию коренной развязки этой проблемы.

В общей сложности четыре этапа займут 15-20 лет.

А вот что касается пятого этапа, то я предпочел бы точку над *i* не ставить. Потому что вместо всех нас и в Японии, и в нашей стране придет на этом этапе новое поколение. Изменится обстановка на островах, наладится взаимопонимание и в советско-японских отношениях. Придут люди незащищенные, и они найдут какое-то нестандартное окончательное решение. Чтобы не ставить в жесткие рамки это будущее поколение руководителей, можно было бы сегодня спрогнозировать несколько вариантов этого решения. Первый вариант: острова будут находиться под общим протекторатом нашей страны и Японии. Второй вариант: им дается статус свободных островов. Не исключаю и третий вариант, а именно: передачу островов Японии в зависимости от того, как затем сложится обстановка на островах и в наших отношениях.

Принятие такого плана развязало бы сейчас нам руки, для того чтобы уже сегодня началось бурное развитие наших отношений, что привело бы к улучшению доверия друг к другу.

Кстати сказать, в рамках третьего этапа я считал бы возможным подписание мирного договора Японии с Российской Федерацией».

С 16 по 19 апреля 1991 года состоялся официальный визит в Японию президента СССР Михаила Сергеевича Горбачева. Премьер-министр Японии Тосики Кайфу рассчитывал, что в ходе этого визита японской стороне удастся добиться от М.С. Горбачева согласия на возвращение Японии Южных Курил. Однако, несмотря на все старания японской стороны, президент СССР ограничился тем, что официально признал существование территориальной проблемы между СССР и Японией и дал принципиальное согласие на то, чтобы данная проблема была решена при подписании мирного договора.

Кроме того, советское руководство «с целью расширения общения между населением Японии и населением названных островов» выступило с инициативой установить упрощенный безвизовый режим посещения Южных Курил японскими гражданами.

16.5.5. Последствия событий 19-21 августа 1991 года в Сахалинской области

20 июля 1991 года в Южно-Сахалинске побывал премьер-министр СССР В.С. Павлов. Его краткий визит не вызвал у сахалинцев заметного интереса и воодушевления. Цены росли, небогатые и раньше прилавки магазинов совсем опустели, а проведенная перед этим так называемая «павловская денежная реформа» (обмен купюр) очень обозлила население своей очевидной бессмысленностью. Но никто из сахалинцев не догадывался, что через месяц с небольшим глава советского правительства окажется за решеткой по обвинению в участии в попытке государственного переворота. Но, похоже, тогда об этом не знал еще и сам В.С. Павлов, оказавшийся 19-22 августа в составе Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), во всяком случае на телеэкране вместе с заговорщиками он так и не появился.

Из-за разницы во времени на Сахалине узнали о событиях в Москве только в середине дня 19 августа из сообщений по радио и телевидению. У большинства сахалинцев заявление членов ГКЧП о чрезвычайных мерах в стране и изоляции законного президента СССР М.С. Горбачева вызвало первоначально чувство оцепенения и смутного страха. В этот и на следующий день общественные организации вели себя по-разному. Руководство Сахалинского отделения ДемРоссии предпочло выдержать паузу, дожидаясь ясности в развитии событий в столице. Подобную же выжидательную позицию заняло бюро обкома КП РСФСР.

С самого начала только президиум областного Совета народных депутатов безоговорочно поддержал российское руководство во главе с Б.Н. Ельциным в его противостоянии с ГКЧП. Сюда стекалась вся, в первые часы крайне скупая, информация о ситуации в Москве и в городах области. В накалявшейся политической атмосфере многое зависело от действий и даже внешнего поведения представителей силовых структур в Южно-Сахалинске, напрямую подчинявшихся союзным ведомствам – Министерству обороны, КГБ и МВД, руководители которых входили в ГКЧП. В те дни многие демократически настроенные депутаты областного Совета с явной опаской поглядывали на своего коллегу – председателя комиссии по депутатской этике, члена бюро обкома партии, командующего 51-й армией Е.В. Высоцкого. Но этот обычно общительный красавец-генерал, отмеченный за Афганистан звездой Героя Советского Союза, хранил молчание и напоминал сначала загадочного, а потом чем-то очень озабоченного Сфинкса.

Взвешенную и принципиальную позицию сразу занял начальник областного управления внутренних дел В.М. Серов. Обычно он не любил громких фраз и сторонился того, что называется политикой. Посвятив всю жизнь борьбе с преступностью, Валентин Мефодьевич, даже надев генеральские погоны, оставался скромным и интеллигентным человеком. Но 20 августа перед собранием депутатов он открыто заявил, что считает своим долгом соблюдение конституционного порядка, изоляцию президента страны – незаконной и не допустит в городе массовых беспорядков и крови, кто бы ни пытался пойти на это. На столь ясную и определенную позицию в тот момент не у каждого находилось мужество.

Большую роль в настроениях сахалинцев сыграло и то, что жители областного центра с самого начала событий в Москве могли получать о них объективную информацию. Об этом позаботился председатель Сахалинского комитета по телевидению и радиовещанию В.А. Беляев. По его указанию все дни, когда по

Центральному телевидению шел балет «Лебединое озеро» и зачитывались только постановления ГКЧП, сахалинские телезрители наблюдали прямую трансляцию и репортажи с московских улиц иностранных корреспондентов, полученные с помощью спутникового телевидения. По сахалинскому радио передавались принятые по телефону официальные сообщения российского руководства.

Утром 24 августа 1991 года бюро Сахалинского обкома КП РСФСР собралось на свое, как оказалось, последнее заседание. В 9 часов 5 минут в кабинет первого секретаря В.Н. Жигайло вошли члены президиума областного Совета С. А. Пономарев, А.Н. Бородин и председатель Южно-Сахалинского городского Совета В.П. Бутов. Их сопровождал только один офицер милиции. Сославшись на указ Б.Н. Ельцина о приостановлении деятельности КПСС, они предложили прекратить заседание бюро и всем находящимся в здании партийным работникам освободить помещения.

Вскоре прекратил свою деятельность и облисполком. Указом Президента РСФСР от 8 октября 1991 года В.П. Федоров был назначен главой администрации Сахалинской области, а 14 октября своим постановлением о вступлении в эту должность В.П. Федоров впервые после 1917 года вернул ей прежнее историческое название – губернатор Сахалинской области.

Подавляющее большинство населения Сахалинской области в общем-то равнодушно отнеслось к падению коммунистического режима, как и к последовавшему в конце 1991 года вслед за отставкой М.С. Горбачева развалу Союза ССР.

За годы, вошедшие в историю страны под названием «перестройка», люди устали от политики. Попытки выйти из назревающей кризисной ситуации методом смещения секретаря обкома и председателя облисполкома и объявления демократических свершений экономику области не обновили. На рубеже 1990-х годов необходимость реформ в России была очевидна. Однако стремление провести политические преобразования без реформирования экономики, правовых отношений и системы местного управления только усугубило ситуацию, привело к потере управляемости общественными процессами. С тяжким грузом нерешенных проблем Сахалинская область входила в новый этап отечественной истории, начавшийся с коренного изменения государственного строя России.

Глава 17

САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

17.1. Шоковая терапия на Сахалине и Курилах и ее последствия

17.1.1. Гайдаровские реформы

В начале 1992 года Сахалинская область, как и вся наша страна, вступила в один из самых сложных периодов своего развития – период радикальных экономических и политических реформ. Так получилось, что начало этих реформ тесно связано с именем Егора Тимуровича Гайдара, который в правительстве Б.Н. Ельцина занимал пост вице-премьера по экономике.

Е.Т. Гайдар и его сторонники исходили из того теоретического положения, что именно тотальное вмешательство государства в экономику России сделало ее крайне неэффективной. В связи с этим, по мысли Гайдара, государство должно как можно быстрее уйти из экономики, которая только после этого в силу действия законов рынка, уравнив спрос и предложение, сможет отрегулировать себя сама. Новое российское руководство исходило из того, что универсальными инструментами для превращения неэффективной социалистической экономики в эффективную рыночную экономику являются свободные цены, свободное предпринимательство и частная собственность. Поэтому реформы в России начались с того, что повсеместно были введены свободные цены, разрешена свобода торговли и началась приватизация.

Какой-либо предварительной подготовки к проведению в огромной стране столь радикальных реформ не проводилось. Реформаторы исходили из того, что Россия смертельно больна и что только немедленное применение к ней «шоковой терапии» – рыночных реформ – может ее спасти. При этом реформаторам не удалось рассчитать ни экономических, ни социальных, ни политических последствий предпринимаемых ими действий. Они считали, что «хуже будет всем примерно полгода, затем – снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами, а к осени 1992 года – стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей».

Утро 2 января 1992 года у подавляющего большинства жителей Сахалинской области началось с настоящего шока. Зайдя в магазины, они увидели, что цены на подавляющее большинство товаров выросли в несколько раз. Почему-то особенно потрясала цена на сметану, в одночасье подскочившая более чем в десять раз. Однако это было только начало. В течение года потребительские цены на все товары и услуги выросли в 31,9 раза. В том числе на продовольственные товары цены выросли в 12,5 раза, непродовольственные товары – в 52,5 раза, платные услуги – в 32 раза. Неконтролируемый рост цен больше всего ударил по населению Крайнего Севера и Дальнего Востока России. Но именно в Сахалинской области рост цен побил все рекорды. К началу 1993 года Южно-Сахалинск стал самым дорогим областным центром Российской Федерации. Это видно из прилагаемого списка восемнадцати самых дорогих городов Российской Федерации с указанием стоимости набора основных продуктов питания по состоянию на начало 1993 года:

Южно-Сахалинск	2101 руб. 74 коп.
Комсомольск-на-Амуре	2057 руб. 5 коп.
Хабаровск	1815 руб. 30 коп.
Петропавловск-Камчатский	1799 руб. 62 коп.
Москва	1787 руб. 93 коп.
Мурманск	1748 руб. 23 коп.
Магадан	1711 руб. 98 коп.
Калининград	1643 руб. 21 коп.
Благовещенск	1623 руб. 35 коп.
Якутск	1531 руб. 37 коп.
Кемерово	1530 руб. 77 коп.
Красноярск	1361 руб. 22 коп.
Новосибирск	1315 руб. 62 коп.
Санкт-Петербург	1309 руб. 97 коп.
Рубцовск	1240 руб. 23 коп.
Екатеринбург	1236 руб. 33 коп.
Ярославль	1184 руб. 60 коп.
Ставрополь	1183 руб. 65 коп.

В последующие годы рост цен продолжался (хотя и не такими сокрушительными темпами). Так, в течение 1993 года в Сахалинской области цены на все товары и платные услуги выросли в 17,2 раза, в 1994 году – еще в 3,7 раза. Всего же в течение первых трех лет радикальных реформ цены выросли более чем в 2000 раз.

17.1.2. Приватизация

В 1992 году в Сахалинской области началась крупномасштабная приватизация. В течение 1992-1994 годов на Сахалине и Курилах было приватизировано 891 предприятие. Прежде всего приватизировались предприятия, занимавшиеся торговлей. За три года реформ в частные руки перешло 400 подобных предприятий. Кроме того, были приватизированы 152 промышленных предприятия, 137 предприятий бытового обслуживания, 88 строительных предприятий, 86 предприятий общественного питания.

Осенью 1992 года в Сахалинскую область из Москвы доставляются первые партии приватизационных чеков. По мысли создателей ваучеров (так называли приватизационные чеки), данные ценные бумаги должны были в кратчайший период превратить в собственников все население страны. Ведь каждый российский гражданин получил бумагу, которая якобы давала ему право на получение одной стопятидесятиmillionной части общенародного достояния. Однако очень скоро большая часть приватизационных чеков была за бесценок (рыночная стоимость ваучера в 1994 году не превышала цены одной бутылки водки) скуплена предприимчивыми людьми и использована ими при приобретении акций наиболее доходных предприятий российской промышленности. Те же, кто не продал свои ваучеры, или использовали их для выкупа у государства собственных предприятий, или вкладывали в различные инвестиционные фонды. В связи с тем что в условиях кризиса подавляющее большинство предприятий приносили не столько доходы, сколько убытки, многие владельцы ваучеров скоро осталось ни с чем.

В Сахалинской области к 1 июля 1994 годы собрано около 70 % от общего количества всех выданных здесь чеков. Их большая часть была использована при приватизации местных предприятий. Кое-кто до сих пор ждет дивидендов.

17.1.3. Экономический кризис

Для прочно вросшей в тоталитарную систему экономики Сахалина и Курил реформы Е.Т. Гайдара имели катастрофические последствия. Практически все предприятия области попытались использовать свободные цены для укрепления своего финансового положения. Однако практически ни у кого этого не получилось. Ведь из-за чрезвычайно высокой себестоимости и довольно низкого качества подавляющее большинство производимой в области продукции было абсолютно неконкурентоспособно как на внутреннем, так и на внешнем рынке. И для того чтобы успешно сбывать ее, были необходимы планово-распределительная экономика и острый дефицит на все производимые в Сахалинской области товары.

Самый сильный удар экономические реформы нанесли по лесопромышленному комплексу Сахалина. Данная отрасль островной экономики не смогла выдержать конкуренции с производителями леса, целлюлозы, бумаги и картона из других регионов России и зарубежных стран. Чрезвычайно высокая себестоимость и огромные транспортные расходы сразу же поставили сахалинских производителей в чрезвычайно тяжелые условия. В результате к 1994 году производство деловой древесины уменьшилось по сравнению с 1991 годом в 2,3 раза (с 2 млн. 708 тыс. до 1 млн. 154 тыс. кубических метров).

Особенно тяжелая обстановка сложилась на целлюлозно-бумажных заводах Сахалина. К 1994 году они практически полностью прекратили выпускать хоть какую-либо продукцию. Шоковая терапия не смогла оздоровить целлюлозно-бумажные заводы острова. Скорее наоборот: им был нанесен смертельный удар. По сравнению с не самым лучшим для отрасли 1991 годом в 1994 году производство целлюлозы сократилось в 13,3 раза (с 244,8 до 18,4 тысячи тонн), бумаги – в 18,2 раза (с 199,9 до 11 тысяч тонн), картона – в 25,8 раза (с 77,3 до 3 тысяч тонн). Показатели отрасли были самыми худшими за все послевоенное время. Казалось, что падать дальше уже некуда. Однако дальнейшие события показали, что для нас нет ничего невозможного.

Несколько меньше пострадал в ходе проведения радикальных реформ топливно-энергетический комплекс Сахалина. Так, добыча угля упала на 32,9 % (с 4,4 миллиона тонн в 1991 году до 2,9 миллиона тонн в 1994 году), добыча нефти – на 12 % (с 1 млн. 846 тыс. до 1 млн. 627 тыс. тонн), газа – на 22,5 % (с 1 млрд. 888 млн. до 1 млрд. 481 млн. кубических метров).

Значительно лучше обстояли дела в рыбной промышленности. Именно на этой отрасли в целом положительно сказалась та экономическая свобода, которую принесли экономические реформы. На Сахалине и Курильских островах возникают многочисленные фирмы, занятые добычей, переработкой и продажей рыбы и морепродуктов. Правда, некоторые рыбопромышленники восприняли свободу как вседозволенность. В связи с этим именно в годы реформ огромное распространение на Сахалине и Курильских островах получили браконьерство и контрабанда.

По данным официальной статистики, в рыбной отрасли Сахалинской области в 1992-1994 годах наблюдался спад, и в 1994 году рыбы по сравнению с 1991 годом

было выловлено в 2,3 раза меньше (уловы упали с 856 до 375 тысяч тонн). Однако ни для кого не являлось секретом, что в рассматриваемый период значительная часть добывавшихся сахалинскими и курильскими рыбаками рыбы и морепродуктов укрывалась от учета и контрабандой вывозилась в соседние страны (прежде всего в Японию). Кроме того, по сообщениям сахалинской прессы именно рыбная отрасль стала источником многочисленных взяток для тех высокопоставленных чиновников, которые решали вопросы выделения лимитов на добычу рыбы и морепродуктов и их последующий экспорт.

17.1.4. На сахалинский шельф приходят иностранные компании

В условиях начавшегося кризиса главные надежды администрации и значительной части населения Сахалинской области были связаны с сахалинским шельфом. Ведь там были расположены значительные запасы углеводородного сырья. По оценкам сахалинских нефтяников, запасы нефти и газового конденсата на шельфе Сахалина составляли более одного миллиарда тонн, газа – 1,2 триллиона кубических метров.

Вместе с тем огромный объем работ, который предстояло осуществить как на сахалинском шельфе, так и на самом острове, требовал чрезвычайно крупных капиталовложений. Внутри страны таких средств не нашлось. В связи с этим к освоению сахалинского шельфа были приглашены крупнейшие иностранные компании, обладавшие как капиталами, так и опытом освоения нефтяных и газовых месторождений.

27 января 1992 года вице-премьер России Е.Т. Гайдар подписал документы, в соответствии с которыми победителем сахалинского тендера стал консорциум дочерних предприятий таких компаний, как «McDermott», «Mitsui» и «Marathon Oil». Консорциум под названием МММ получил право на подготовку техноэкономического обоснования и проведение геологоразведочных работ в районе Пильгун-Астохского и Луньского месторождений на шельфе Сахалина.

Осенью 1992 года к консорциуму МММ присоединятся дочерние предприятия таких крупнейших компаний, как «Shell» и «Mitsubishi». 18 апреля 1994 г. консорциум МММMS зарегистрировал на Бермудских островах совместное предприятие «Sakhalin Energy Investment» («Сахалинская энергия»). «Сахалинская энергия» была создана для разработки нефтяных и газовых месторождений по проекту «Сахалин-2». Уставный капитал новой компании составил 15 миллионов долларов. Доля участия иностранных компаний в «Sakhalin Energy» составила: «Marathon Oil» – 30 %, «Mitsui Bussan» – 20 %, «McDermott» – 20 %, «Royal Dutch/Shell» – 20 %, «Mitsubishi Shoji» – 10 %.

17.1.5. Социальные последствия рыночных реформ

Приступая к проведению рыночных реформ, Б.Н. Ельцин, Е.Т. Гайдар и их сподвижники рассчитывали (по крайней мере, они это говорили публично), что цена преобразований будет в целом приемлемой для подавляющего большинства россиян. Они считали, что в России в результате приватизации возникнет многочисленный слой новых собственников, которые и станут социальной опорой режима. И действительно, в России возник слой собственников. Однако он был чрезвычайно тонок. Ведь воспользоваться теми возможностями, которые появились после

вступления России в рынок, смогли очень и очень немногие. Основная масса населения страны гораздо больше потеряла, чем приобрела.

Накануне отпуска цен реформаторы рассчитывали, что товары и услуги подорожают не более чем в три раза. В соответствии с этими расчетами и было запланировано незначительное (на 70 %) повышение заработной платы в бюджетной сфере, пенсий, стипендий и других социальных выплат. Однако рост цен превысил самые пессимистические прогнозы. В результате рост доходов подавляющего большинства населения катастрофически отставал от роста цен. В кратчайшие сроки произошло настоящее обнищание значительной части населения. При этом в результате сильнейшей инфляции были в кратчайшие сроки обесценены сбережения населения. Деньги, которые сахалинцы и курильчане зарабатывали и накапливали в течение многих лет, в считанные недели были превращены в пыль.

Одним из следствий кризиса, который охватил сахалинскую экономику, стало появление на наших островах безработицы. На 1 января 1994 года численность только официально зарегистрированных безработных в Сахалинской области составила почти 8 тысяч человек. Однако на самом деле безработных было намного больше.

Резкое падение уровня доходов подавляющего большинства населения Сахалина и Курильских островов привело к резкому снижению потребления основных продуктов питания. Многие жители Сахалинской области были обречены на полуголодное, а то и просто голодное существование. Об этом лучше всего говорят материалы таблицы «Душевое потребление основных продуктов питания в Сахалинской области в 1989 и 1992 годах»:

Наименование продуктов	Рациональная норма потребления в год	1989	1992
Мясо и мясопродукты, кг	87	83	67
Молоко и молочные продукты, кг	404	436	304
Яйцо, штук	298	322	245
Хлеб и хлебобудничные продукты, кг	107	120	130
Картофель, кг	120	86	94
Овощи, кг	145	99	73
Рыба и рыбопродукты, кг	23,7	37	22
Сахар	40,7	49	35
Растительное масло	13,6	12	7,4

Многokратно выросшие цены практически на все виды товаров и услуг потребовали резкого увеличения массы наличных денег в стране. Однако и правительство, и Государственный банк Российской Федерации оказались не готовы к этому. Печатный станок явно не поспевал за растущими потребностями общества в наличности. На Сахалине и Курильских островах (как и по всей стране) начались многомесячные задержки в выплате заработной платы. Резкое падение жизненного уровня подавляющего большинства населения области вызывало у сахалинцев и курильчан чувство протеста. Многие были еще в состоянии вытерпеть рост цен. Но многомесячные задержки выплаты заработанных ими денег переполнили чашу терпения.

Весной 1992 года в области начались забастовки. Бастовали прежде всего работники бюджетных организаций. 18 мая бессрочную забастовку объявили учителя и работники детских дошкольных учреждений Южно-Сахалинска, потребовавшие как выплаты долгов по зарплате, так и ее повышения. 21 июля (в самый разгар сезона отпусков) началась забастовка авиадиспетчеров Южно-Сахалинского аэропорта.

В 1992 году впервые с 1968 года численность населения Сахалинской области начинает сокращаться. За три года реформ она уменьшилась на 46,1 тысячи человек.

Во-первых, немало сахалинцев и курильчан решили навсегда покинуть наши острова и искать лучшей жизни или в других регионах России, или за ее пределами. А некоторые жители области были не прочь оказаться за пределами России, не покидая при этом своих жилищ. Так, 25 апреля 1993 года в селе Малокурильское (остров Шикотан) был проведен опрос. В ходе данного опроса жители самого большого населенного пункта на Шикотане должны были ответить на вопрос: «Поддерживаете ли Вы Декларацию 1956 года?» (Напоминаю, что статья 9 подписанной в Москве в октябре 1956 года советско-японской декларации предусматривала передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан). В опросе приняли участие 1098 из 2094 имевших право голоса жителей села. О своей поддержке Декларации 1956 года заявили 916 человек (или 83,4 % от общего количества избирателей, принявших участие в голосовании), против ее высказалось 144 человека (или 13,1 %).

Во-вторых, численность населения сокращалась и в результате того, что начиная с 1993 года в Сахалинской области впервые за весь послевоенный период число умерших значительно превысило число родившихся. Начало естественной убыли населения области было обусловлено прежде всего тем, что экономический кризис на Сахалине и Курилах вызвал резкое падение рождаемости. Быстрое, изо дня в день продолжавшееся снижение уровня жизни подавляющего большинства населения области заставило многие сахалинские семьи или отложить, или вообще отказаться от рождения детей. Для десятков тысяч сахалинцев и курильчан содержание ребенка превратилось в недопустимую роскошь. В то же самое время начавшийся в 1992 году развал созданной в советскую эпоху системы бесплатного здравоохранения, немислимые цены на лекарства, многочисленные стрессы, связанные с глобальными переменами в жизни бывших советских граждан, способствовали резкому росту смертности населения. И если в 1990 году (том самом году, когда Сахалинская область вступила в полосу кризиса) число родившихся на 1000 человек населения составляло 14,1, а число умерших – 8,1, то в 1993 году данные показатели составили соответственно 8,9 и 12,1. Таким образом, в первые годы реформ рождаемость в Сахалинской области уменьшилась на 36,9 %, а смертность выросла на 33,1 %.

Ряд развитых иностранных государств и многочисленные благотворительные организации попытались облегчить положение сахалинцев и курильчан путем предоставления гуманитарной помощи. Гуманитарная помощь частично поступала нуждающимся, частично шла в продажу. Деньги, вырученные от продажи поступившего по линии гуманитарной помощи продовольствия, должны были тратиться на поддержку наиболее пострадавших от реформ категорий населения области.

В 1994 году на Сахалине разразился скандал. По результатам проверки, проведенной Сахалинским центром государственного санитарного надзора, выясни-

лось, что поставленные в Сахалинскую область в рамках гуманитарной помощи Японии российскому народу мясные и молочные консервы должны быть изъяты из розничной торговли. Экспертиза показала, что в мясных консервах китайского производства «Колбасный фарш» крахмала оказалось втрое больше допустимого. Кроме того, фарш имел серый цвет и стойкий запах нефтепродуктов. Внутри же самих банок отслаивалось лаковое покрытие. Банки со сгущенным молоком сингапурского производства имели явные следы вздутия. Скандал выплеснулся на страницы сахалинских газет и вызвал сильное возмущение населения области.

17.1.6. Землетрясение на Южных Курилах

И без того непростое социально-экономическое положение Сахалинской области значительно осложнило стихийное бедствие. 5 октября 1994 года в 0 часов 24 минуты произошло сильное землетрясение на Южных Курилах. Эпицентр землетрясения находился на глубине двадцати километров под морским дном в 120 километрах юго-восточнее острова Шикотан. Магнитуда Шикотанского землетрясения составила 8,1 и интенсивность 10,5 балла. Сильные толчки ощущались на Шикотане и других островах Малой Курильской гряды, а также на Кунашире, Итурупе. В домах начала падать посуда, мебель. Испуганные полуодетые люди выскакивали на улицу.

Землетрясение вызвало появление волны цунами, которая через несколько минут после первых толчков обрушилась на Южные Курилы. Волна разбивала и смывала пирсы, мосты, дома, топила и выбрасывала на берег рыболовецкие суда, уносила людей. На острове Кунашир волна высотой до трех метров обрушилась на поселок Южно-Курильск и затопила его большую часть.

Всего в зоне стихийного бедствия были полностью разрушены сто одиннадцать домов (частично пострадало двести шестьдесят шесть домов). В результате землетрясения и цунами вышли из строя дизель-генераторы, были порваны тепловые сети, водоводы, нарушено энергоснабжение, повреждены емкости с топливом. Были полностью уничтожены шесть котельных, разрушены три из девяти детских садов, три из семи общеобразовательных школ, три из семи клубов, малокурильская больница, три из пяти фельдшерско-акушерских пунктов. Были и человеческие жертвы.

В первые же дни после Шикотанского землетрясения и вызванного им цунами Сахалинская областная администрация и правительство Российской Федерации начали оказывать помощь жителям пострадавших районов.

17.1.7. Война между главой областной администрации и областным Советом

Экономический кризис в Сахалинской области развивался на фоне перманентного политического кризиса. Главным проявлением этого кризиса стал острый конфликт между главой администрации Сахалинской области Валентином Петровичем Федоровым и Сахалинским областным Советом.

До прибытия на Сахалин В.П. Федоров практически не имел опыта административной работы (до 1990 года он был проректором Московского института народного хозяйства имени Г.В. Плеханова). Однако это не помешало подавляющему большинству депутатов Сахалинского областного Совета в апреле 1990 года выбрать его председателем облисполкома. Попав на эту новую и крайне сложную

для него работу, Федоров попытался претворить в жизнь свою предвыборную программу, главной составной частью которой была организация свободной экономической зоны на территории Сахалина и Курильских островов. С самого начала данная идея Федорова встретила сильнейшее сопротивление в Москве. В конце концов, она так и не была реализована.

Большинство голосовавших за Федорова депутатов были разочарованы неудачами в деле создания свободной экономической зоны. На это накладывались также и довольно сложный и неуживчивый характер Федорова, его резкость, неумение идти на компромиссы. Все это отталкивало от главы Сахалинской администрации его потенциальных сторонников. При этом очень часто вчерашние соратники превращались в яростных противников сахалинского губернатора.

Вне всякого сомнения, В.П. Федоров был грамотным экономистом. В отличие от подавляющего большинства своих российских коллег-рыночников он понимал, что сам по себе стремительный прыжок в рыночную экономику не может в кратчайшие сроки вывести Россию из экономического кризиса. В связи с этим В.П. Федоров резко критиковал шоковую терапию Гайдара. Он страстно пропагандировал необходимость сохранения старого промышленного потенциала Сахалинской области при одновременном создании новых «форм, фирм и ферм». На все это нужно было время. А времени как раз у Федорова и не было.

25 февраля 1993 года Сахалинский областной Совет рассматривал вопрос о согласовании кандидатуры В.П. Федорова, назначенного на должность главы администрации Сахалинской области. Находившимся в зале заседаний девяносто четырьмя депутатам были розданы бюллетени с вопросом: «Согласны ли Вы с назначением главой администрации Сахалинской области Федорова Валентина Петровича?» После голосования в урне было обнаружено семьдесят два бюллетеня. Два бюллетеня было признано недействительными. Оставшиеся голоса распределились следующим образом: восемнадцать депутатов голосовали за В.П. Федорова, пятьдесят два – против. 6 апреля 1993 года президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин подписал указ об освобождении от должности главы администрации Сахалинской области В.П. Федорова.

8 апреля 1993 года был подписан президентский указ о назначении главой администрации Сахалинской области Евгения Алексеевича Краснояророва. За шесть дней перед этим данная кандидатура была согласована с Сахалинским областным Советом. Как администратор Е.А. Краснояроров был несравненно слабее не только В.П. Федорова, но практически всех своих предшественников, работавших на Сахалине после второй мировой войны. Уже очень скоро станет ясно, что выбор президента Б.Н. Ельцина был не самым удачным.

17.1.8. Ликвидация Советов в Сахалинской области

Война между губернатором В.П. Федоровым и Сахалинским областным Советом была лишь частью подобной борьбы, которая в 1992-1993 годах развернулась в России между исполнительной и законодательной ветвями власти. Особенно острой и непримиримой была борьба между президентом Б.Н. Ельциным и Верховным Советом Российской Федерации.

25 апреля 1993 года на всей территории Российской Федерации (в том числе и на Сахалине и Курильских островах) был проведен референдум, призванный раз-

решить кризис во взаимоотношениях между исполнительной и законодательной властями.

Из 491459 жителей Сахалинской области, имевших право голосовать, в референдуме приняли участие 276189 человек (или 56,2 %). Их голоса распределились следующим образом:

на вопрос: «Доверяете ли Вы президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину?» – положительно ответили 167131 избиратель, отрицательно – 100489;

на вопрос: «Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую президентом Российской Федерации и правительством Российской Федерации с 1992 года?» – положительно ответили 141008 избирателей, отрицательно – 124153;

на вопрос: «Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов президента Российской Федерации?» – положительно ответили 134319 избирателей, отрицательно – 128515;

на вопрос: «Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?» – положительно ответили 186691 избиратель, отрицательно – 78621.

Таким образом, несмотря на все чудовищные издержки реформ, относительное большинство сахалинских избирателей высказались в поддержку президента Ельцина и проводимого им курса. Вместе с тем они же высказались за досрочные перевыборы как президента, так и народных депутатов.

В конце сентября – начале октября 1993 года Сахалинский областной Совет выступил на стороне Верховного Совета Российской Федерации. После поражения сторонников парламента в Москве судьба Советов народных депутатов была решена. В октябре 1993 года Б.Н. Ельцин издал указы «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации» и «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации», в соответствии с которыми Советы всех уровней были распущены. Данные указы были незамедлительно претворены в жизнь губернатором Сахалинской области Е.А. Краснояровым. Вплоть до выборов все исполнительно-распорядительные функции представительных органов на Сахалине и Курилах находились в руках его администрации. Ликвидация Советов в Сахалинской области прошла спокойно и не вызвала каких-либо эксцессов.

17.1.9. Избирательные кампании 1993-1994 годов

12 декабря 1993 года был проведен референдум по вопросу о принятии новой Конституции Российской Федерации, а также выборы в Государственную думу и Совет Федерации.

Из 473471 внесенного в списки избирателя в голосовании приняли участие 237866 человек (или 50,2 %).

За новую Конституцию проголосовало 147406 избирателей (или 62 % от числа избирателей, принявших участие в голосовании).

Депутатом Государственной думы стал управляющий трестом «Сахалингеофизразведка» Борис Никитович Третьяк. Членами Совета Федерации были избраны губернатор Сахалинской области Евгений Алексеевич Краснояров и гене-

ральный директор Сахалинского морского пароходства Михаил Александрович Романовский.

В ходе выборов по партийным спискам голоса сахалинских избирателей распределились следующим образом:

Партия, предвыборный блок	% от количества проголосовавших
Либерально-демократическая партия России	32,20
Женщины России	9,17
Выбор России	8,44
Коммунистическая партия Российской Федерации	7,72
Партия российского единства и согласия	7,21
Яблоко	6,66
Демократическая Россия	5,74
Российское движение демократических реформ	3,73
Гражданский союз	2,26
Будущее России – новые имена	1,41
Аграрная партия	1,25
Кедр	0,74
Достоинство и милосердие	0,61

В начале 1994 года на Сахалине и Курильских островах развернулась предвыборная кампания. Населению области предстояло выбрать шестнадцать депутатов Сахалинской областной Думы (так стал называться областной законодательный орган, пришедший на смену распущенному в октябре 1993 года Сахалинскому областному Совету народных депутатов).

В соответствии с решением областной администрации территория Сахалинской области была разделена на четыре избирательных округа: № 1 с центром в Южно-Сахалинске, № 2 с центром в поселке Тымовское, № 3 с центром в Корсакове, № 4 с центром в Холмске. От каждого округа в областную Думу предстояло избрать по четыре депутата.

В январе-феврале 1994 года на Сахалине и Курилах было проведено выдвижение кандидатов в депутаты. Всего был зарегистрирован и допущен к выборам 51 кандидат. Больше всего претендентов оказалось в Тымовском и Южно-Сахалинском избирательных округах (соответственно 17 и 16), меньше всего – в Корсаковском округе (6).

27 марта 1994 года в Сахалинской области были проведены выборы в областную Думу. В тот день на избирательные участки явилось рекордно низкое число граждан: 114138 человек (или 24,7 % от общего количества зарегистрированных избирателей).

Особенно низкой была явка граждан по Южно-Сахалинскому округу, где на избирательные участки пришло всего 19853 из 115120 официально зарегистрированных избирателей (или 17,2 %). Причиной этого наряду с политической апатией населения стал снежный циклон, который за три дня до выборов обрушился на Южно-Сахалинск и в значительной степени парализовал жизнь города. В день выборов значительная часть областного центра все еще была покрыта двухметровым слоем снега. В результате выборы по Южно-Сахалинскому округу были признаны

несостоявшимися. Не явились южно-сахалинские избиратели и на повторные выборы, которые были проведены 24-25 июля. В результате областной центр так и не был представлен в Сахалинской областной Думе первого созыва.

В остальных избирательных округах выборы состоялись, и они были представлены в Сахалинской областной Думе двенадцатью депутатами.

На своем первом заседании депутаты Сахалинской областной Думы должны были избрать председателя. Сначала на эту должность были выдвинуты Любовь Федоровна Шубина и Федор Ильич Сидоренко. Однако ни первая, ни вторая кандидатура не получила большинства голосов (ведь в Думе должно было заседать шестнадцать депутатов и будущий председатель должен был иметь не менее девяти сторонников). За Л.Ф. Шубину проголосовало восемь депутатов, за Ф.И. Сидоренко – четыре. В Думе возникла тупиковая ситуация. И тогда внимание депутатов привлекла никому не известная и, как многим казалось, компромиссная кандидатура начальника управления разведочного бурения Валиулы Сафиуллиновича МаксUTOва. Он и был избран председателем Сахалинской областной Думы. Очень многие депутаты потом пожалеют о своем, как вскоре выяснилось, поспешном и непродуманном решении.

17.1.10. Курильская проблема и внешняя политика России

В сентябре 1992 года президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин должен был нанести официальный визит в Японию. Однако в последний момент поездка главы Российского государства в Страну восходящего солнца была отменена. Вот что писал о причинах срыва визита в своей книге «Записки президента» сам Б.Н. Ельцин:

«К этому визиту готовились напряженно и долго, и я не помню другого случая, чтобы было столько желающих организовать визит. В Японию ездили и Полторанин, и Бурбулис, и Румянцев, работала целая комиссия Верховного Совета по подготовке, комиссия при президенте. Соревнование состоялось в следующем: кто изощреннее придумает решение территориального вопроса о Курильских островах.

Надо сказать, что японская сторона также серьезно относилась к этим переговорам. Японцы задолго до намеченного срока начали кропотливо и скрупулезно прощупывать почву, идти на неформальные встречи, приглашать в Японию бизнесменов, журналистов, политиков.

Словом, мы видели – нас там очень ждут.

Еще не будучи ни президентом, ни председателем Верховного Совета, то есть не отягощенный властными полномочиями, я был в Японии и говорил тогда примерно следующее: сегодняшнее поколение политиков не должно брать на себя ответственности за окончательное решение спорного вопроса об островах. Пусть живущие в прилегающих районах российские и японские граждане беспрепятственно ездят друг к другу, пусть эта зона получит безвизовый статус. А юридическое решение вопроса отнесем на потом, чтобы более здравомыслящие потомки пришли к справедливому миру...

Прошло три года – и как же далеко мы продвинулись в решении этой проблемы? Я стал просчитывать, учитывая все нюансы и предложения, сколько же у нас есть вариантов. Оказалось, четырнадцать. Пикантность ситуации заключалась в том, что у самих японцев вариант был только один: острова всегда принадлежали им и должны быть им отданы.

Решения вопроса не было. О чем я тогда честно и сказал и японским и нашим журналистам. У меня есть больше десяти вариантов решения этой проблемы. Что в подтексте означало – и ни один не подходит...

Чем ближе подходило время визита, тем ожесточеннее становился спор – и внутри страны, и в Японии – о том, как Ельцин вывернется из этой ситуации. Мне же предстояло выбрать один из множества вариантов. И разрабатывать его.

Я держал паузу, потому что понимал – перебирать оттенки бесполезно, ошибка была где-то в самом начале. С самого начала и наш МИД, и вообще все официальные делегации исходили только из краеугольного вопроса о «северных территориях».

И мы, и они пытались как-то сблизить позиции. Два МИДа работали день и ночь, вырабатывались формулировки, шел нервный поиск компромиссов. Но с приближением даты вылета в Токио я все отчетливее понимал, что визит заваливается.

Я не привык ездить просто ради поездки, ради встречи, ради соблюдения дипломатического этикета. Всегда скрупулезно подсчитывал, сколько подписано документов, сколько предстоит подписать. И в этот раз дипломаты подготовили целый пакет договоров. Но в главном вопросе по-прежнему мы находились в тупике.

...Тем не менее визит готовился. Откладывать дальше было нельзя. Япония ждала российского президента. Было составлено расписание по часам, согласовано со службами протокола, безопасности, сотрудниками МИДа. В Токио уже вовсю работала передовая группа, там находились «ЗИЛы», техника, связь.

В мировой политике официальные визиты, о которых уже объявлено публично, переносятся крайне редко, в основном в силу чрезвычайных обстоятельств – катастрофы, землетрясения, трагические события внутри страны. В данном случае ничего подобного не было.

За два дня до назначенного срока я самостоятельно принял решение об отмене визита.

Трудно сказать, повлияло ли на меня то, что на заседании Совета Безопасности его секретарь Юрий Скоков доложил о проблемах, возникших в связи с неготовностью японских секретных служб гарантировать безопасность Президента России. Он мрачно перечислял: встреча в национальном парке – стопроцентной безопасности не гарантируют, говорят, там могут быть люди, деревья. Но в любой стране есть люди и есть деревья! Соревнования по сумо: в зале будет много народу, безопасности не гарантируют. При этом нашим службам запрещено ввозить в Японию оружие – так у них принято...

Это, конечно, было нелепо. Тут сказался методичный японский подход, когда процент безопасности математически высчитывается до ноля целых одной десятой. Был бы в визите смысл, мы бы на эти тонкости внимания не обратили.

И тогда я нашел этот, на первый взгляд, невозможный выход. Вообще не ехать, потому что нет решения проблемы. Таких формулировок в мире не существует, они находятся за рамками протокола – для того и ездят, чтобы договариваться.

Но сильнейшее давление японской стороны заставляло меня искать адекватный ответ. Мне казалось, что я его нашел. Я позвонил премьер-министру Японии господину Миядзаве, попросил прощения за несостоявшийся визит...

Конечно, это многих шокировало. И в обществе, и в кремлевских кабинетах. В наших газетах – реакция удивления и где-то даже насмешки. Про японские лучше не вспоминать.

Но шум продолжался ровно две недели. Затем он утих, и стало ясно – японская сторона что-то поняла. Японцы начали изучать ситуацию без нервов, без ажиотажа, который предшествовал этому несостоявшемуся визиту».

17.2. Сахалинская область начинает адаптироваться к условиям рынка

17.2.1. Замедление темпов экономического спада

В 1995-1998 годах в Сахалинской области наметилась тенденция к замедлению экономического спада. Во-первых, это было связано с тем, что в некоторых отраслях, достигших самых низких показателей за все послевоенное время, падать было уже некуда (как, например в целлюлозно-бумажной промышленности). А во-вторых, некоторая часть хозяйственников как-то смогла адаптироваться к условиям рынка.

В течение всего рассматриваемого периода на Сахалине продолжался спад добычи угля (с 2,9 миллиона тонн в 1994 году до 2,3 миллиона тонн в 1998 году). Однако одновременно с этим происходила кардинальная перестройка в угольной отрасли, в ходе которой было закрыто большинство шахт, и значительная часть угля стала добываться более дешевым, открытым, способом. Именно эта жесткая мера позволила угольной промышленности избежать судьбы целлюлозно-бумажной отрасли Сахалина. Оставшиеся на плаву угледобывающие предприятия острова в новых условиях смогли наладить сбыт своей продукции, не дав захватить рынок конкурентам.

В нефтяной промышленности спад прекратился и даже наметились положительные тенденции, которые в более отдаленной перспективе должны были вывести область из кризиса.

В период адаптации сахалинской экономики к условиям рынка на Сахалине и Курилах продолжался рост цен. Но цены росли уже не такими сокрушительными темпами, как в 1992-1994 годах. В течение 1995 года цены выросли в 2,4 раза, в 1996 году – в 1,3 раза, в 1997 – в 1,1 раза. Рост цен сопровождался вполне сопоставимым ростом доходов всех категорий населения. Однако 17 августа 1998 года в России начался финансовый кризис, в очередной раз унесший сбережения подавляющего большинства жителей Сахалинской области. Кроме этого, кризис и последующее обвальное падение курса рубля вызвали стремительный рост цен.

17.2.2. Начало работ на сахалинском шельфе

На фоне в целом безрадостной картины спада, который переживала сахалинская экономика, в общем-то неплохо выглядели перспективы развития нефтегазового комплекса на Сахалине. Сахалинский шельф по-прежнему привлекал пристальное внимание как зарубежных, так и отечественных инвесторов. 2 июня 1996 года было официально объявлено о начале работ на сахалинском шельфе по проектам «Сахалин-1» и «Сахалин-2».

30 августа 1998 года успешно завершилась операция по буксировке нефтедобывающей платформы «Моликпак» из южнокорейского порта Окпо к северо-восточному побережью Сахалина. Платформа была установлена на Астохской площади Пильгун-Астохского месторождения в 16 километрах от берега.

Платформа «Моликпак» («моликпак» в переводе с эскимосского языка означает «большая волна») была построена в 1984 году в качестве автономной морской буровой установки и предназначена для работы в суровых условиях Арктики. В течение тринадцати лет она работала в море Бофорта (Северный Ледовитый океан) у северного побережья Канады. В связи с началом осуществления проекта «Сахалин-2» «Моликпак» была приобретена компанией «Сахалинская энергия». В 1997 году платформа была отбуксирована в Южную Корею, где были проведены ее модификация и переоборудование. Там же платформа «Моликпак» была состыкована со стальным основанием, построенным Амурским судостроительным заводом в Комсомольске-на-Амуре и Большом Камне. В результате размеры всего сооружения составили 45 метров в высоту, 111 метров в длину и 111 метров в ширину. Платформа «Моликпак» оснащена буровым оборудованием, а также технологическим модулем по добыче нефти и подготовке ее к транспортировке. На платформе

имеются жилые помещения, рассчитанные на одновременное пребывание 104 человек.

7 августа 1998 года акционерным обществом «Роснефть-Сахалинморнефтегаз» с месторождения Одопту была получена первая так называемая «морская» нефть. Добыча нефти велась с берега с помощью скважины, пробуренной в сторону моря.

17.2.3. Бедность, безработица и социальные конфликты

В рассматриваемый период продолжается начавшееся в 1992 году стремительное обнищание основной массы жителей Сахалинской области. Люди все чаще вынуждены отказывать себе и своим близким в самом необходимом. Продолжает сокращаться душевое потребление важнейших продуктов питания (за исключением картофеля, потребление которого немного выросло), что хорошо видно из таблицы:

Наименование продуктов	Рациональная норма потребления в год	1992	1995
Мясо и мясопродукты, кг	87	67	51
Молоко и молочные продукты, кг	404	304	184
Яйцо, штук	298	245	172
Хлеб и хлебобудничные продукты, кг	107	130	87
Картофель, кг	120	94	98
Овощи, кг	145	73	55
Рыба и рыбопродукты, кг	23,7	22	17
Сахар	40,7	35	29
Растительное масло	13,6	7,4	7,1

Прекращение работы целых отраслей вызвало значительный рост безработицы на Сахалине и Курильских островах. Сокращение числа работающих, закрытие отдельных предприятий и целых отраслей лишали работы многих тысяч людей. Особенно тяжелое положение сложилось в тех районах, где прекратившие работать целлюлозно-бумажные заводы, а также закрывавшиеся шахты были градообразующими предприятиями. В этих районах найти новую работу было практически невозможно. В 1995 году число не имевших какой-либо работы сахалинцев и курильчан составило 40,5 тысячи человек (или 9,5 % трудоспособного населения). К 1998 году число безработных достигло 52,4 тысячи человек (13,1 % трудоспособного населения).

Одним из наиболее заметных последствий рыночных реформ стало стремительное сокращение населения Сахалинской области. Так, только за 1995-1998 годы оно уменьшилось на 64,7 тысячи человек. Во-первых, число выехавших за пределы области в течение года превысило число приехавших на 52,6 тысячи. Во-вторых, число умерших на Сахалине и Курилах постоянно было больше числа родившихся (за четыре года естественная убыль населения области составила 12,1 тысячи человек).

Рост смертности привел к тому, что в 1995 году средняя продолжительность жизни населения Сахалинской области по сравнению с предыдущим годом уменьшилась сразу на 5,2 года и составила 55,3 года. В том числе у мужчин средняя про-

должительность жизни составляла 50,7 года, у женщин – 60,9 года (уменьшение по сравнению с предшествующим годом составило соответственно 3,9 года и 7,2 года). По сравнению с последним предкризисным 1989 годом средняя продолжительность жизни населения Сахалинской области сократилась на 12,2 года.

В течение всего периода адаптации к условиям рынка на Сахалине и Курилах не прекращались забастовки. Самой разрушительной по своим последствиям было суждено стать забастовке на угольном разрезе «Лермонтовский». Она началась 1 июля 1998 года. Причиной трудового конфликта стала полугодовая задолженность по заработной плате, которая образовалась в результате того, что многочисленные потребители угля годами за него не платили. В мае 1998 года в результате почти месячной забастовки работникам разреза удалось получить зарплату за декабрь 1997 года. На этот раз они пытались выбить свою зарплату за январь.

Главным должником Лермонтовского угольного разреза являлась Сахалинская ГРЭС (самая мощная электростанция области). Именно от того, будет или нет платить за уголь данная электростанция, и зависело решение проблемы выплаты долгов по зарплате работникам Лермонтовского разреза. В свою очередь энергетикам за уже потребленную энергию были должны многие предприятия, организации и учреждения Сахалинской области. Особенно крупными были долги за электроэнергию у организаций федерального подчинения. Так, к лету 1998 года долг федерального бюджета сахалинским энергетикам превысил 180 миллионов рублей. Энергетики же были должны сахалинским угольщикам около 100 миллионов рублей. Таким образом, кризис неплатежей мог быть разрешен только в Москве. Москву же нисколько не беспокоила забастовка каких-то там сахалинских угольщиков.

25 июля 1998 года работники Лермонтовского угольного разреза, потерявшие надежду хоть когда-то получить деньги за свой труд, устроили блокаду Сахалинской ГРЭС. К ним присоединились также много месяцев не видевшие заработанных денег работники Солнцевского, Центрального и Новиковского угольных разрезов. Пикетчики перекрыли все пути, по которым на эту крупнейшую электростанцию Сахалина завозилось топливо.

В результате блокады Сахалинской ГРЭС большая часть городов, поселков и сел Сахалина в течение двух недель практически полностью оставались без электричества. Была почти полностью парализована работа Сахалинской железной дороги. Бездействовали семафоры на переездах, замерли подъемные краны на железнодорожных станциях и в портах, прекратились все погрузочно-разгрузочные работы. Огромный ущерб был нанесен рыбной отрасли. Из-за отсутствия электроэнергии не работали холодильники.

Только 6 августа, получив очередные обещания как федеральных, так и местных властей, пикетчики начали пропускать на Сахалинскую ГРЭС вагоны с углем. Жизнь постепенно снова вошла в привычное русло.

В связи со всем вышесказанным определенный интерес представляет проект, разработанный в 1998 году по указанию председателя правления РАО «ЕЭС России» Анатолия Борисовича Чубайса.

30 ноября 1998 года находившийся в Токио А.Б. Чубайс во время встречи с министром иностранных дел Японии М. Комурой предложил японской стороне принять участие в сооружении на Сахалине двух тепловых электростанций (одна должна

работать на газе, другая – на угле). Кроме того, японцам было предложено принять участие в прокладке через пролив Лаперуза подводного кабеля высокого напряжения постоянного тока. Как сказал А.Б. Чубайс, «львиная доля электроэнергии пойдет на экспорт, но в принципе какая-то ее часть может остаться и на Сахалине, так как речь идет об очень крупном проекте». Общая стоимость работ по проекту А.Б. Чубайса оценивалась им примерно в двенадцать миллиардов долларов.

17.2.4. Отставка губернатора Е.А. Красноярова

24 апреля 1995 года президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин подписал указ об освобождении Евгения Алексеевича Красноярова от должности главы администрации Сахалинской области. За те два года, в течение которых Е.А. Краснояров возглавлял область, ему не удалось добиться хоть какого-то улучшения обстановки на Сахалине и Курилах. Скорее наоборот. Практически во всех отраслях экономики продолжался спад. При Е.А. Красноярове большинство сахалинцев и курильчан стали жить значительно хуже, чем раньше.

Е.А. Краснояров, пожалуй, был самым бесцветным и бездеятельным главой администрации Сахалинской области за весь послевоенный период. Он не только не умел, но и, вероятно, не хотел реально руководить областью. Е.А. Краснояров передал значительную часть своих губернаторских полномочий первому вице-губернатору, рассматривая это как первый шаг реформы управления Сахалинской областью. В ходе этой реформы предполагалось создание областного правительства, которое и должно было бы заниматься каждодневной работой по управлению областью. Главу правительства (реального главу исполнительной власти на Сахалине) должен был назначать губернатор. Себе же губернатор хотел оставить в основном представительские функции.

Е.А. Краснояров не очень часто появлялся на своем рабочем месте. Значительную часть времени он проводил в разъездах далеко за пределами области. Жители Сахалина и Курил только из сообщений прессы узнавали, где находится их губернатор. Он или пребывал в столице, или в составе какой-либо делегации отбывал в очередной далекий зарубежный вояж. Там ему было значительно интереснее, чем в своей области.

24 апреля 1995 года Б.Н. Ельцин назначил новым губернатором Сахалинской области Игоря Павловича Фархутдинова.

17.2.5. Нефтегорское землетрясение

28 мая 1995 года в 1 час 3 минуты 56 секунд по местному времени на севере Сахалина произошло катастрофическое землетрясение. Магнитуда землетрясения составила 7,2 по шкале Рихтера, интенсивность в эпицентре – до 9 баллов. Землетрясение вызвало значительные разрушения по всему Северному Сахалину. Однако самые катастрофические последствия данное землетрясение вызвало в поселке Нефтегорск – он был фактически стерт с лица земли.

Большая часть из 3197 жителей поселка проживала в семнадцати пятиэтажных восьмидесятиквартирных крупноблочных домах. Эти дома строились в 60-е годы без учета сейсмической опасности. В считанные секунды все семнадцать пятиэтажек были разрушены, а жившие в них люди погребены под завалами.

Сергей Романович Агличеев был одним из первых сахалинских журналистов, кто смог попасть на место трагедии. В Нефтегорске он не только выполнял свой журналистский долг. Он искал живших в этом погибшем поселке родственников (старшего брата и его семью).

Вот что рассказывал Сергей Агличеев, вернувшись из той страшной поездки:

«Когда мы подлетали к поселку, с высоты птичьего полета открылась страшная картина... На месте 4 – 5-этажек – длинная груда руин, а т.к. дома стояли рядом друг к другу, расстояние между торцами домов небольшое, то они сложились в длинную непрерывную линию.

Некоторые завалы дымились...

Когда мы вышли, первое, что бросилось мне в глаза... – это огромное количество трупов, лежавших в палатке и вокруг нее у здания школы... Среди разрушенных домов я увидел сохранившуюся часть стенового блока: он стоял под углом, покосившись, и на нем висела прибитая вешалка с детскими курточками, внизу валялась кукла...

Во многих местах виднелись раздавленные, разможенные, погибшие люди. Из завалов торчали руки, ноги, некоторые тела были завалены по пояс. Почти все они были мертвы».

Спасательные работы в Нефтегорске начались в первые минуты после землетрясения. Оставшиеся в живых и не погребенные под завалами нефтегорцы сразу же бросились откапывать своих родных и знакомых из-под обломков рухнувших зданий. Именно в первый день было спасено самое большое количество оказавшихся под завалами людей.

Около 10 часов утра 28 мая о нефтегорской катастрофе стало известно в Охе, а затем в Южно-Сахалинске и Москве. Немедленно к погибшему поселку были брошены спасатели и техника. Но если большая часть спасателей оказалась на месте и приступила к работе уже 28–29 мая (людей доставляли в Нефтегорск на вертолетах), то с техникой все оказалось намного сложнее. В течение первых двух дней (когда можно было бы спасти максимальное количество пострадавших) техники (особенно автокранов) катастрофически не хватало. Ее перебрасывали в Нефтегорск со всей области по сильно поврежденным землетрясением дорогам.

Уже днем 28 мая для руководства спасательными работами на месте в Нефтегорск вылетел губернатор Сахалинской области Игорь Павлович Фархутдинов, а на следующий день туда прибыли спасатели из Министерства по чрезвычайным ситуациям во главе с министром Сергеем Кужутетовичем Шойгу.

Спасательные работы велись вплоть до 10 июня. За четырнадцать дней спасателями было извлечено из-под завалов 2364 человека. 1958 из них были мертвы. 37 человек умерло вскоре после спасения в больницах.

Всего в результате катастрофического землетрясения в Нефтегорске погибло 2040 человек. 31 мая 1995 года по всей стране были приспущены государственные флаги, отменены развлекательные мероприятия. Страна содрогнулась от ужаса и вскоре обо всем забыла.

17.2.6. Избирательные кампании 1995-1997 годов. Кризис власти в Сахалинской областной Думе и его преодоление

17 декабря 1995 года состоялись выборы в Государственную думу Российской Федерации. Выборы показали, что стараниями так называемой демократической власти самой влиятельной политической силой в Сахалинской области вновь стали коммунисты.

Депутатом Государственной думы от Сахалинской области стал член КПРФ Иван Андреевич Ждакаев.

Что же касается партийных списков, то предпочтения сахалинцев и курильчан распределились следующим образом:

Партия, предвыборный блок	% от количества проголосовавших
Коммунистическая партия Российской Федерации	25,0
Либерально-демократическая партия России	15,5
Яблоко	6,8
Женщины России	6,2
Партия самоуправления трудящихся	5,6
Конгресс русских общин	4,8
Коммунисты – Трудовая Россия за Советский Союз	4,5
Наш дом – Россия	4,1
Профсоюзы и промышленники России «Союз труда»	2,6
Демократический выбор России	1,8

Летом 1996 года жители Сахалинской области приняли участие в выборах президента Российской Федерации. В целом по России голосование, состоявшееся 16 июня, не определило победителя: ни один из претендентов не набрал абсолютного большинства голосов. Вот как распределились голоса сахалинских и курильских избирателей, принявших участие в голосовании 16 июня:

- за Бориса Ельцина было подано 29,86 % голосов;
- за Геннадия Зюганова – 26,91 %;
- за Александра Лебеда – 18,67 %;
- за Григория Явлинского – 9,26 %;
- за Владимира Жириновского – 9,06 %;
- за Святослава Федорова – 1,37 %;
- за Михаила Горбачева – 0,57 %;
- за Мартина Шаккума – 0,41 %;
- за Владимира Брынцалова – 0,19 %;
- за Юрия Власова – 0,19 %;
- против всех – 2,11 %.

3 июля 1996 года состоялся второй тур президентских выборов. На этот раз избирателям предстояло выбрать одного из двух кандидатов, набравших наибольшее количество голосов в ходе первого тура. Во втором туре голоса сахалинских и курильских избирателей распределились следующим образом:

- за Бориса Ельцина проголосовало 152795 человек (или 53,38 % принявших участие в голосовании);
- за Геннадия Зюганова – 111085 (или 38,81 %);
- против всех – 19578 (или 6,84 %).

К лету 1995 года многим депутатам Сахалинской областной Думы стало ясно, что, выбирая на пост председателя областного законодательного органа Валиулла Сафиуллиновича МаксUTOва, они совершили большую ошибку. По мнению думского большинства, В.С. МаксUTOв не мог организовать продуктивную работу Думы в силу отсутствия у него необходимых деловых качеств и из-за присущей ему грубости. В июне группа депутатов во главе с первым заместителем председателя областной Думы Любовью Федоровной Шубиной начала борьбу за смещение МаксUTOва.

27 июня группа оппозиционных депутатов внесла на обсуждение очередной сессии Сахалинской областной Думы вопрос о недоверии председателю. На следующий день вопрос был рассмотрен. Однако оппозиции тогда не удалось набрать необходимого количества голосов: за отставку В.С. Максудова высказались всего шесть депутатов, против – пять.

28 декабря 1995 года большинство депутатов Сахалинской областной Думы все-таки проголосовало за смещение В.С. Максудова с поста председателя областного законодательного органа. 31 января 1996 года депутатское большинство избрало нового председателя. Им стал Николай Прокофьевич Светкин.

Однако, принимая решение о смещении прежнего председателя, депутаты забыли о необходимости точного соблюдения ими же разработанной процедуры: вопрос не был заранее внесен в повестку дня, на момент голосования в зале заседаний не было нужного количества депутатов. В связи с этим Максудов обратился в суд и легко выиграл дело. 22 февраля 1996 года Сахалинский областной суд вынес решение о том, что постановление Сахалинской областной Думы о смещении В.С. Максудова с должности председателя является незаконным. Попытки противников Максудова опротестовать решение Сахалинского областного суда в более высоких судебных инстанциях успеха не имели. 5 мая кассационная коллегия Верховного суда Российской Федерации оставила решение областного суда без изменения. А затем 10 июня Сахалинский областной суд признал незаконным постановление Думы об избрании Н.П. Светкина председателем областной Думы.

А пока конфликтом между сахалинскими законодателями занимались судьи, Максудов и его сторонники бойкотировали все заседания областной Думы. Из-за отсутствия кворума в течение четырех месяцев срывались все попытки провести очередные думские сессии. Только в июне 1996 года думцы смогли собраться и провести сессию. В соответствии с требованием суда депутаты восстановили В.С. Максудова в должности, а потом снова сняли его с поста председателя Сахалинской областной Думы. Новым председателем областной Думы вновь был избран Н.П. Светкин. В.С. Максудов опять не признал законным постановление областной Думы и отказался сдавать дела новому председателю.

Председатель Сахалинской областной Думы по должности являлся членом Совета Федерации. В связи с тем, что в течение нескольких месяцев и В.С. Максудов, и Н.П. Светкин считали себя законными председателями Сахалинской областной Думы, и тот и другой претендовали на место в Совете Федерации. В течение первой половины 1996 года Совет Федерации пять раз рассматривал вопрос о том, кто же именно является законным представителем Сахалинской области в верхней палате российского парламента. В конце концов 17 июля 1996 года были признаны полномочия В.С. Максудова, и именно он стал членом Совета Федерации.

Пока Сахалинская областная Дума была занята внутренними разборками и в течение нескольких месяцев не могла собраться на очередную сессию, истек срок ее полномочий (Дума была избрана в марте 1994 года сроком на два года). Правда, еще в январе 1996 года депутаты областной Думы приняли постановление о продлении своих полномочий вплоть до новых выборов. И тогда два жителя Сахалинской области (Ю. Ераксин из Поронайска и В. Клушин из Южно-Сахалинска) обратились в Сахалинский областной суд с заявлениями о том, что решение областной Думы о продлении своих полномочий абсолютно незаконно и нарушает права сахалин-

ских избирателей. Кроме того, заявители поставили депутатам областной Думы в вину постоянные срывы сессий и задержку принятия нужных населению области нормативных документов. По мысли Ю. Ераксина и В. Клушина, отдача от деятельности областной Думы никак не соответствовала тем огромным средствам, которые расходовались на ее содержание. 28 июня 1996 года Сахалинский областной суд принимает решение о роспуске Сахалинской областной Думы первого созыва. 2 июля решение суда вступило в законную силу.

20 октября 1996 года состоялись выборы в Сахалинскую областную Думу второго созыва. В ходе выборов депутатами областной Думы стали двадцать семь кандидатов, набравших наибольшее количество голосов в девяти избирательных округах. Председателем областной Думы стал Борис Никитович Третьяк.

20 октября 1996 года жители Сахалинской области впервые в ее истории выбрали главу областной администрации. В начале предвыборной кампании на пост губернатора претендовало десять кандидатов. Однако незадолго до выборов четыре кандидата сняли свои кандидатуры.

В голосовании приняли участие 33,64 % от общего числа зарегистрированных в Сахалинской области избирателей. В день выборов их голоса распределились следующим образом:

- за И.П. Фархутдинова было отдано 59405 (или 39,44 %) голосов;
- за А.В. Черного – 41109 (или 27,29 %);
- за Н.П. Долгих – 14294 (9,49 %);
- за В.П. Берсенева – 10657 (7,08 %);
- за Н.В. Литвина – 6664 (4,42 %);
- за В.С. Максимова – 2265 (1,50 %).

Первым в истории Сахалинской области избранным губернатором стал Игорь Павлович Фархутдинов.

Выборы органов местного самоуправления были проведены на Сахалине и Курилах в 1997 году. В ходе выборов были образованы городские и районные собрания, а также избраны главы местных администраций.

17.2.7. Первый устав Сахалинской области. Флаг и герб Сахалинской области

26 декабря 1995 года Сахалинская областная Дума приняла Устав Сахалинской области. 9 января 1996 года губернатор Сахалинской области И.П. Фархутдинов подписал принятый Сахалинской областной Думой в конце декабря 1995 года Устав Сахалинской области. 18 января 1996 года Устав был опубликован и с этого момента вступил в силу.

В соответствии с Уставом Сахалинская область является государственно-территориальным образованием, находящимся в составе Российской Федерации и являющимся ее равноправным субъектом. На территории области должны соблюдаться Конституция Российской Федерации, законы Российской Федерации и иные нормативные правовые акты органов государственной власти Российской Федерации, Устав Сахалинской области, законы и иные нормативные правовые акты Сахалинской области, а также акты органов местного самоуправления, принятые в пределах их полномочий. В Уставе Сахалинской области особо оговорено, что на ее территории признаются и гарантируются права и свободы человека и

гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и Конституции Российской Федерации.

Устав Сахалинской области отмечает, что в состав ее территории входят остров Сахалин с прилегающими к нему островами, Курильские острова с островами Малой Курильской гряды, а также внутренние и территориальные воды, границы которых определяются в соответствии с международными договорами Российской Федерации и федеральными законами. Точная линия границы территории Сахалинской области определяется в соответствии с федеральным законом. Изменение границ области производится в соответствии с Конституцией Российской Федерации. Согласие Сахалинской области на изменение ее границ выражается путем проведения областного референдума.

Государственная власть в Сахалинской области осуществляется на основе разделения на законодательную (представительную), исполнительную и судебную. Органы законодательной (представительной), исполнительной и судебной власти Сахалинской области самостоятельны и взаимодействуют между собой при осуществлении своих полномочий. Система органов государственной власти Сахалинской области устанавливается Уставом Сахалинской области в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, установленными федеральным законом.

Законодательная (представительная) власть в Сахалинской области осуществляется Сахалинской областной Думой. Исполнительная власть в Сахалинской области осуществляется главой администрации (губернатором) и возглавляемой им администрацией. Судебная власть на территории области осуществляется судами, входящими в судебную систему Российской Федерации.

Сахалинская областная Дума состоит из 27 депутатов, избираемых населением области сроком на четыре года на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Количество депутатов, работающих на постоянной профессиональной основе, определяется Думой самостоятельно.

Администрация Сахалинской области состоит из губернатора, первого вице-губернатора (назначаемого губернатором с согласия Сахалинской областной Думы), вице-губернаторов, а также образуемых ими в соответствии с законом Сахалинской области отраслевых и территориальных органов исполнительной власти области. Исполнительная власть в Сахалинской области строится на принципах единоначалия. Должностные лица администрации Сахалинской области, назначаемые или представляемые для назначения губернатором, слагают свои полномочия перед вновь вступившим в должность губернатором. Губернатор Сахалинской области избирается населением области сроком на четыре года на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Компетенция органов исполнительной власти Сахалинской области определяется положениями о них, утверждаемыми губернатором в соответствии со схемой управления областью.

29 мая 1996 года президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин подписал договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами госу-

дарственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Сахалинской области.

16 апреля 1997 года Сахалинская областная Дума принимает законы «О флаге Сахалинской области – субъекта Российской Федерации» и «О гербе Сахалинской области – субъекта Российской Федерации». 25 апреля данные законы были подписаны губернатором И.П. Фархутдиновым и после опубликования их в газете «Губернские ведомости» вступили в силу.

Принятию вышеназванных законов предшествовала большая работа. Сначала летом и осенью 1995 года был проведен конкурс на разработку проектов флага и герба Сахалинской области. После подведения итогов конкурса губернатор Сахалинской области утвердил в качестве областного флага проект, представленный вице-губернатором Сахалинской области Виталием Евгеньевичем Гомилевским. В качестве областного герба был утвержден проект, разработанный сахалинским историком Александром Ивановичем Костановым и художником Владимиром Владимировичем Тихомировым (данный проект занял второе место на конкурсе).

В течение последующих полутора лет велась разработка законов о флаге и гербе Сахалинской области, и весной 1997 года данные законы были приняты Сахалинской областной думой.

Флаг Сахалинской области представляет собой прямоугольное полотнище голубого цвета (цвет морской волны). В центральной части полотнища помещено контурное изображение Сахалина и Курильских островов, образующих единую Сахалинскую область.

Герб Сахалинской области выполнен на щите французской геральдической формы (данная форма является наиболее распространенной в мировой геральдической практике). В центре серебряного щита находится лазуревый столб, расположенный между двух черных вулканов, из жерл которых вырывается красное пламя. В центре столба помещено золотое изображение русского казачьего коча XVII столетия.

17.2.8. Территориальный вопрос на встречах в Красноярске и Москве

В июне 1997 года во время встречи в Денвере (США) руководителей так называемой «восьмерки» (ежегодные встречи руководителей семи наиболее развитых в промышленном отношении стран и Российской Федерации) президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин пригласил премьер-министра Японии Рютаро Хасимото посетить Россию с официальным визитом. Японский премьер с благодарностью принял приглашение и со своей стороны предложил, чтобы встреча руководителей двух стран была проведена в Сибири и состоялась в неофициальной обстановке (так сказать, «без галстуков»).

Визит Р. Хасимото в Россию состоялся 1-2 ноября 1997 года. Местом проведения встречи на высшем уровне стал город Красноярск, где руководители России и Японии смогли провести переговоры и неплохо отдохнуть.

В ходе встречи 2 ноября 1997 года Б.Н. Ельцин совершенно неожиданно для японского премьера предложил «приложить все силы для того, чтобы на основе Токийской декларации достичь к 2000 году мирного договора». (Напоминаю, что декларация, подписанная в Токио 13 октября 1993 года президентом Российской

Федерации Б.Н. Ельциным и премьер-министром Японии М. Хосокава, предусматривала, что в ходе переговоров о заключении мирного договора «исходя из исторических и юридических фактов..., а также принципов законности и справедливости» должен быть решен вопрос о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомай).

Предложение Б.Н. Ельцина было с удовлетворением принято японской стороной. Со своей стороны Р. Хасимото обещал, что Япония окажет России помощь в ее усилиях по внедрению рыночной экономики.

Известия из Красноярска произвели в мире настоящую сенсацию. Однако уже в ноябре 1997 года многие специалисты чрезвычайно скептически высказывались о возможности реализовать красноярскую договоренность в вышеназванные сроки.

В ноябре 1998 года новый премьер-министр Японии Кэйдзо Обути нанес официальный визит в Москву. 13 ноября К. Обути и президент Б.Н. Ельцин подписали так называемую Московскую декларацию «Об установлении созидательного партнерства между Японией и Российской Федерацией». В данной декларации говорится о решимости руководителей обеих стран «прилагать все усилия с целью заключения мирного договора к 2000 году».

17.3. Начало преодоления кризиса

17.3.1. Экономика Сахалинской области вступает в период подъема

После почти десятилетнего спада в 1999-2001 году начинается рост показателей развития экономики Сахалинской области. Особенно заметным был рост в промышленности Сахалина и Курил. В 1999 году он составил 9,3 %, в 2000 году – 9,0 %, в 2001 году – 9,5 %. Менее ровно развивалось сельское хозяйство. Однако в 2001 году рост его показателей по сравнению с предшествующим годом составил 30,5 %.

Причин, обусловивших столь обнадеживающие результаты, было несколько. Во-первых, в 1999 году Сахалинская область привлекла невиданные до этого времени иностранные инвестиции. Иностранцами компаниями в экономику области было вложено более одного миллиарда долларов (для сравнения: в 1998 году иностранные инвестиции в Сахалинскую область составили 136,1 миллиона долларов). Благодаря этому Сахалинская область оказалась на втором месте после Москвы по уровню иностранных инвестиций. 98,6 % всех инвестиций были вложены в проекты по освоению нефтегазовых месторождений сахалинского шельфа.

Во-вторых, к 1999 году стали давать отдачу средства, вложенные в проекты по освоению сахалинского шельфа ранее. 5 июля 1999 года на принадлежащей компании «Сахалинская энергия» платформе «Моликпак» была получена первая нефть. Два дня спустя нефть с «Моликпака» начала поступать на гигантский танкер «Оха», превращенный компанией в плавучее хранилище. Начало добычи нефти на сахалинском шельфе пышно отметят в Южно-Сахалинске в конце июля. 21 сентября 1999 года зафрахтованный компанией «Мицуи» танкер «Симастер», приняв с плавучего хранилища «Оха» восемьдесят одну тысячу тонн нефти, направился в южнокорейский порт Ульсан. Там нефть, добытая на сахалинском шельфе с платформы «Моликпак», была переработана на принадлежащем компании «СК Корпорэйшн» нефтеперерабатывающем заводе. В 2000 году на Сахалине будет добыто немногим менее

3,4 миллиона тонн нефти, а в 2001 году – уже 3,8 миллиона тонн. Это самые высокие показатели за всю предшествующую историю нефтедобычи на Сахалине.

В-третьих, на сахалинской экономике благотворно сказались последствия августовского финансового кризиса 1998 года. Резкое (в 4 раза) обесценивание рубля по отношению к доллару повысило конкурентоспособность товаров, производимых в Сахалинской области. Особенно выиграли производители сельскохозяйственной продукции.

В июле 1999 года первый заместитель председателя правительства Российской Федерации Николай Емельянович Аксененко совершил поездку по Дальнему Востоку. В тот период многие считали Н.Е. Аксененко наиболее влиятельным членом правительства. Ему чрезвычайно благоволил президент Б.Н. Ельцин, всерьез думавший назначить его на пост премьера вместо С. В. Степашина. А будущий премьер вполне мог стать и наследником быстро дряхлеющего президента.

В ходе той поездки первый вице-премьер (занимавший по совместительству и должность министра путей сообщения) выступил с проектом строительства тоннеля под Татарским проливом, который должен был бы связать Сахалин с материком железнодорожным сообщением. Сооружение тоннеля должно было занять от пяти до десяти лет и стоить от семи до десяти миллиардов долларов.

По мысли Н.Е. Аксененко, присоединение Сахалинской железной дороги к сети российских железных дорог должно было стать первым шагом к реализации другого грандиозного проекта. Он считал и необходимым, и возможным приступить к сооружению железнодорожного тоннеля между Сахалином и Хоккайдо (последний через тоннель под Сангарским проливом уже был соединен с островом Хонсю). Реализация проекта Н.Е. Аксененко привела бы к созданию непрерывного железнодорожного пути из Японии в Западную Европу, по которому обязательно должен был бы пойти основной грузопоток между ними. В настоящее время подавляющее большинство грузов, направляющихся из Японии в Западную Европу и обратно, перевозится морскими судами, которые находятся в пути не менее 30 дней. В случае создания непрерывной железнодорожной магистрали весь путь из Европы в Японию будет занимать 13-14 дней. Будет экономиться время и за счет сокращения перегрузок в портах. И, наконец, проект Н.Е. Аксененко обещал существенное снижение стоимости перевозок.

17.3.2. Избирательные кампании 1999-2000 годов

В декабре 1999 года истек срок полномочий Государственной думы Российской Федерации второго созыва. В связи с этим на 19 декабря были назначены выборы, и осенью 1999 года началась предвыборная кампания.

В сентябре-октябре о своем желании стать депутатами Государственной думы по Сахалинскому территориальному округу заявили тринадцать человек. Однако 1 ноября 1999 года областная избирательная комиссия зарегистрировала только одиннадцать кандидатов в депутаты. Двум кандидатам по разным причинам было отказано в регистрации. Настоящей сенсацией стало то, что отказ в регистрации получил довольно популярный в Сахалинской области депутат Государственной думы второго созыва (а в 1989-1991 годах народный депутат СССР от Сахалинской области), член Коммунистической партии Российской Федерации Иван Андреевич Ждакаев.

Причиной (или как считали многие, поводом) отказа в регистрации стало то обстоятельство, что И.А. Ждакаев в поданных в областную избирательную комиссию документах, указав, что ему на правах личной собственности принадлежат две квартиры (одна в Южно-Сахалинске, другая в Москве), не написал, что он является владельцем еще одной квартиры, расположенной в поселке Смирных. И.А. Ждакаев объяснял отсутствие упоминания в своих документах о принадлежащей ему третьей квартире тем, что еще в 1995 году он продал ее жителю поселка Смирных. Правда, данная продажа не была оформлена должным образом. Слова Ждакаева подтвердил новый владелец смирныховской квартиры. Кроме того, выяснилось, что сделка не была оформлена по всем правилам прежде всего по вине нового владельца квартиры. Тот получил от Ждакаева нотариально заверенную доверенность на оформление сделки купли-продажи, но так ничего и не сделал.

Попытка И.А. Ждакаева оспорить отказ в регистрации в Центральной избирательной комиссии успеха не имела. Последняя поддержала решение Сахалинской областной избирательной комиссии. Далее Ждакаев обратился в Сахалинский областной суд, но и тот принял решение оставить иск претендента без удовлетворения.

Только в Верховном суде Российской Федерации прислушались к доводам И.А. Ждакаева и сочли их убедительными. 14 декабря 1999 года коллегия Верховного суда отменила решение Сахалинского областного суда по поводу жалобы И.А. Ждакаева на решение областной избирательной комиссии, отказавшей ему в регистрации кандидатом в депутаты Государственной думы. В связи с этим 16 декабря (за три дня до выборов) областная избирательная комиссия регистрирует И.А. Ждакаева, и он получает право принять участие в предвыборной кампании. Фактически на всю кампанию Ждакаев получил только один день.

19 декабря 1999 года в Сахалинской области прошли выборы в Государственную думу Российской Федерации. По Сахалинскому одномандатному округу больше всех голосов получил только что включившийся в предвыборную гонку И. Ждакаев. За него проголосовали около 25 % явившихся на выборы избирателей. Остальные голоса распределились следующим образом: Б. Третьяк набрал около 21 % голосов, С. Пономарев – 10 %, В. Долгих – 6 %, П. Алборов – 4 %, В. Кульбаков – 4 %, В. Рукавец – 3 %, В. Кукушкин – 3 %, С. Седов – 3 %, Н. Москвина – 3 %, Н. Гульгяева – 2 %, Л. Москвина-Евграфина – 1 %.

По партийным спискам относительное большинство сахалинцев и курильчан (около 25 %) проголосовали за Коммунистическую партию Российской Федерации. Около 23 % избирателей области отдали свои голоса проправительственному движению «Единство» и 11 % – «блоку Жириновского».

26 марта 2000 года жители Сахалинской области приняли участие в выборах президента Российской Федерации. В день выборов на избирательные участки явилось 266152 сахалинца и курильчанина (или 60,49 % официально зарегистрированных в области избирателей). Между основными претендентами на президентский пост голоса распределились следующим образом:

- за Владимира Владимировича Путина проголосовали 46,7 % от общего числа принявших участие в голосовании жителей Сахалинской области;
- за Геннадия Андреевича Зюганова – 30,8 %;
- за Григория Алексеевича Явлинского – 7,5 %;

- за Владимира Вольфовича Жириновского – 5,6 %.

За всех остальных кандидатов в президенты (А. Тулеева, Э. Панфилову, К. Титова, Ю. Скуратова, С. Говорухина, А. Подберезкина, У. Джабраилова), а также против всех проголосовали 9,4 % сахалинских избирателей.

22 октября 2000 года на Сахалине и Курильских островах выбирали главу администрации Сахалинской области и депутатов Сахалинской областной Думы.

Особенно ожесточенной была борьба за место губернатора. Выборам предшествовала чрезвычайно жесткая предвыборная кампания, в ходе которой претенденты и их команды стремились любой ценой дискредитировать соперников. В день выборов в голосовании приняло участие 168360 человек (или 39,83 % от общего числа избирателей). Между претендентами на губернаторский пост голоса распределились следующим образом:

- за И.П. Фархутдинова отдали свои голоса 94619 (или 56,2 %) сахалинцев и курильчан;
- за Ф.И. Сидоренко – 35907 (21,33 %);
- за А.В. Черного – 14053 (8,35 %);
- за Н.А. Филиппову – 7279 (4,32 %);
- за В.В. Рукавца – 2056 (1,22 %);
- против всех – 11641 (6,91 %).

Таким образом, подавляющее большинство принявших участие в голосовании жителей Сахалинской области отдали предпочтение Игорю Павловичу Фархутдинову.

17.3.3. Визит президента В.В. Путина на Сахалин

2-3 сентября 2000 года в Южно-Сахалинске прошла международная практическая конференция «СРП-2000». С докладами и сообщениями, рассматривающими самые различные аспекты проблемы соглашений о разделе продукции, на конференции выступили министр экономического развития и торговли Г. Греф, министр энергетики А. Гаврин, министр природных ресурсов Б. Яцкевич, губернатор Сахалинской области И. Фархутдинов, директор Сахалинского областного департамента по освоению минерально-сырьевых ресурсов континентального шельфа Г. Павлова, президент «Роснефти» С. Богданчиков, депутаты Государственной думы Российской Федерации Н. Рыжков, В. Черномырдин и С. Иваненко, президент Нефтяного совещательного форума Г. Уоллер, председатель совета директоров компании «Сахалинская энергия» У. Мэдисон, председатель совета директоров компании «Эксон Нефтегаз лимитед» Р. Тиллерсон и другие. Но самым заметным стало выступление недавно избранного президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина.

В.В. Путин прилетел в Сахалинскую область утром 3 сентября 2000 года. На Сахалине он принял участие в работе международной практической конференции «СРП-2000», посетил микрорайон «Зима» в Южно-Сахалинске, а затем рыбо-разводный завод «Мальки» и консервный завод «Тунайча» в Корсаковском районе. В тот же день В.В. Путин покинул Сахалин.

Короткому визиту президента на наш остров сопутствовали беспрецедентные меры безопасности. Те районы города, через которые должен был следовать президент, были наводнены сотрудниками спецслужб. Одновременно в течение 3 сен-

тября в Южно-Сахалинске были введены никогда ранее не виданные ограничения в движении транспорта и людей.

В своем докладе на конференции «СРП-2000» президент Российской Федерации отмечал, что проблема реализации соглашения о разделе продукции – это важнейшая проблема для России.

«Практика применения таких соглашений показала, что этот механизм является эффективным и широко используется во всем мире. Он дает возможность осуществить широкомасштабные и долгосрочные инвестиции в сырьевые отрасли экономики. Соглашения о разделе продукции и для нас являются частью инвестиционной политики. Во всяком случае, могут и должны стать важнейшей частью инвестиционной политики государства... Кардинальное улучшение предпринимательского и инвестиционного климата является исключительно важной задачей. Очевидно, что без ее решения модернизация и экономический рост будут если и не невозможны, то крайне затруднены и замедленны...

Генеральная линия здесь у нас – это защита законных прав акционеров и инвесторов. Причем ... как иностранных, так и отечественных. У нас не должно быть никакой разницы в этом направлении... Инвесторы, конечно, справедливо рассчитывают на определенные гарантии стабильного развития бизнеса в России. Мы понимаем их ожидания и работаем над тем, чтобы решить проблемы, препятствующие взаимному сотрудничеству...

СРП для нас – один из важнейших механизмов привлечения инвестиций в отечественную экономику. Особенно в минерально-сырьевом комплексе. Разведанные запасы сырья в стране огромны – а ресурсы их освоения в стране недостаточны... Через СРП и развитие топливно-энергетического сектора и минерально-сырьевого комплекса должны получить импульс российские машиностроение, химия, металлургия, ряд других отраслей экономики... В конечном итоге это путь к дальнейшему повышению занятости и благосостояния российских граждан. То есть это комплексный инструмент с многочисленным, многосторонним финансово-экономическим, социальным и техническим эффектом. Поэтому России стратегически невыгодно замедление заключения новых и реализации уже достигнутых соглашений...»

17.3.4. Президент В.В. Путин обсуждает в Японии территориальную проблему

После завершения кратковременного визита на Сахалин президент В.В. Путин посетил Японию. Российский президент находился в Японии с 3 по 5 сентября 2000 года. В ходе визита им и премьер-министром Японии И. Мори была обсуждена территориальная проблема. Японская сторона изложила свое видение данной проблемы и заявила о намерении добиться восстановления своего суверенитета над Южными Курилами.

Для начала японский премьер предложил российскому президенту признать суверенитет Японии над островом Шикотан и группой Хабомаи. При этом И. Мори заявил, что Япония не намерена требовать, чтобы Россия сразу же передала ей вышеназванные острова. Шикотан и Хабомаи могут быть оставлены на некоторое время под административным управлением России. Что же касается судьбы Кунашира и Итурупа, то она должна быть решена позднее в ходе переговоров. Выслушав аргументы японского премьера, президент В.В. Путин дал понять, что Россия не готова к подобному решению территориального спора.

Стороны ограничились тем, что 4 сентября подписали программу развития двустороннего хозяйственного сотрудничества России и Японии на островах Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи.

17.4. Основные тенденции развития Сахалинской области в начале нового столетия

17.4.1. Общество и власть

Жители Сахалина и Курильских островов встретили новое столетие с надеждой на перемены к лучшему. Очень многие связывали свои ожидания с деятельностью только что избранного президента Владимира Владимировича Путина, который стал постепенно, но вместе с тем решительно наводить порядок в стране.

Президент В.В. Путин не только мгновенно дистанцировался от всесильных в 90-е годы так называемых олигархов, но и взял курс на возвращение и перераспределение той крупной собственности, которая в правление Б.Н. Ельцина была приватизирована с грубейшими нарушениями российского законодательства. Он взял под контроль государства или близких к нему структур крупнейшие средства массовой информации, которые ранее находились в руках олигархов. Все это представляло сильный контраст с предшествующей эпохой и пользовалось поддержкой значительной части населения. Тем более что с каждым годом все меньше оставалось возможностей у тех, кто хотел бы подвергнуть критике курс президента В.В. Путина.

Новый президент поспешил избавиться от той зависимости от региональных элит, которая была характерна для предыдущей администрации. Он взял курс на ликвидацию накопившихся за минувшее десятилетие противоречий между федеральным и местным законодательством, объявив главенство первого над вторым. Он сумел не только значительно укрепить авторитет центральной власти, но и создать условия, когда в глазах подавляющего большинства россиян он, президент Путин, стал единственным олицетворением этой власти.

Именно этим объясняется та поддержка, которую подавляющее большинство сахалинских избирателей оказало В.В. Путину на президентских выборах 2004 года.

Гораздо более скромной была победа, которую одержала на Сахалине и Курилах пропрезидентская партия «Единая Россия» на состоявшихся 7 декабря 2003 года выборах в Государственную думу четвертого созыва. Она набрала здесь всего 30,25 % голосов. Второе место заняла Либерально-демократическая партия России, получившая поддержку 18,95 % сахалинских избирателей, третье – Коммунистическая партия Российской Федерации, набравшая 12,11 % голосов. Совершенно неожиданно на четвертое место вышел блок «Родина», получивший на Сахалине и Курилах 9,5 % голосов.

Остальные голоса сахалинских и курильских избирателей распределились следующим образом: Российская демократическая партия «Яблоко» – 5,62 %, Российская партия пенсионеров и партия социальной справедливости – 4,40 %, Союз правых сил – 3,75 %, Аграрная партия России – 1,82 %, Партия возрождения России – Российская партия жизни – 1,63 %, Единение – 1,24 %, Народная партия Российской Федерации – 0,75 %, Новый курс – Автомобильная Россия – 0,68 %, Российская экологическая партия «Зеленые» – 0,59 %, За Русь святую – 0,44 %, Объединенная Российская партия «Русь» – 0,35 %, Партия Мира и Единства – 0,32 %, Развитие предпринимательства – 0,32 %, Демократическая партия России – 0,31 %, Партия СЛОН – 0,26 %, Великая Россия – Евразийский Союз – 0,24 %, Российская конституционно-демократическая партия – 0,18 %, Истинные патриоты России – 0,15 %, Народно-республиканская партия России – 0,12 %. Против всех проголосовало 5,7 % сахалинских избирателей.

Отдав на выборах 2003 года большинство голосов пропрезидентской «Единой России», сахалинские избиратели одновременно не поддержали кандидата этой партии по одномандатному округу. Здесь убедительную победу одержал кандидат в депутаты от КПРФ Иван Андреевич Ждакаев. Таким образом, население Сахалинской области 7 декабря 2003 года проголосовало и за партию власти, и за оппозицию.

Оппозиционный кандидат был поддержан и на досрочных выборах 2006 года, которые были проведены в связи со смертью депутата Государственной думы И.А. Ждакаева. Тогда победу над кандидатом, выдвинутым «Единой Россией», одержала новый лидер сахалинских коммунистов Светлана Васильевна Иванова.

Изменения в избирательном законодательстве, в соответствии с которыми на выборах в Государственную думу исчезли одномандатные округа, лишили сахалинских избирателей привычной возможности одновременно голосовать и за власть, и за оппозицию. Теперь население области было вынуждено определиться в своих политических симпатиях и антипатиях. Тем более что «Единая Россия» сумела превратить голосование в своеобразный референдум о доверии президенту В.В. Путину, который согласился единолично возглавить федеральный партийный список «партии власти».

В результате на состоявшихся 2 декабря 2007 года выборах в Государственную думу пятого созыва на территории Сахалинской области победу одержала партия «Единая Россия», получившая 62,97% голосов. 14,55% голосов получила Коммунистическая партия Российской Федерации. Либерально-демократическая партия России набрала 10,07% голосов, «Справедливая Россия» – 5,99%. Далее голоса распределились следующим образом: «Яблоко» – 1,36%, «Аграрная партия» – 1,09%, «Патриоты России» – 0,96%, «Гражданская сила» – 0,95%, «Союз правых сил» – 0,50%, «Партия социальной справедливости» – 0,21%, «Демократическая партия» – 0,14%.

17.4.2. Властная вертикаль

Одной из особенностей политической жизни России в целом и отдельных ее частей стало существенное ограничение прав региональной элиты. Начинается работа по созданию так называемой властной вертикали.

В 2000 году вся территория России была разделена на семь федеральных округов. Сахалинская область была включена в состав Дальневосточного федерального округа. В названный округ, площадь которого превышает 6,2 миллиона квадратных километров (36,4% территории России) и на территории которого проживает около семи миллионов человек, кроме Сахалинской области входят Республика Саха (Якутия), Приморский край, Хабаровский край, Камчатский край, Амурская область, Магаданская область, Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ. Центром Дальневосточного федерального округа стал город Хабаровск.

Во главе Дальневосточного федерального округа был поставлен полномочный представитель президента Российской Федерации. В должностные обязанности этого самого высокопоставленного в крае чиновника входит проведение внутренней и внешней политики президента Российской Федерации на территории Дальнего Востока, а также проведение его кадровой политики. Полномочный представитель обязан постоянно докладывать президенту о социально-экономической и общественно-политической ситуации на Дальнем Востоке и предлагать ему спо-

события улучшения положения дел во вверенном ему федеральном округе. Кроме того, президент поручил своему представителю координацию деятельности федеральных органов власти; организацию взаимодействия федеральных и региональных органов власти, а также органов местного самоуправления; анализ деятельности правоохранительных органов; разработку программы социально-экономического развития; согласование кандидатур на руководящие должности в федеральных органах власти на территории федерального округа (УВД, ФСБ, представительств всех министерств и ведомств Российской Федерации); контроль исполнения федеральных законов, указов и распоряжений президента РФ; согласование проектов решений федеральных органов государственной власти, затрагивающих интересы федерального округа или субъекта Российской Федерации, находящегося в пределах этого округа; согласование представления к государственным наградам и высшим воинским званиям; вручение государственных наград, объявление благодарностей президента Российской Федерации; вручение удостоверения судьи судьям арбитражных судов и судов общей юрисдикции; участие в работе органов власти на территории Дальнего Востока; проведение согласительных процедур для разрешения разногласий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, находящимися в пределах федерального округа; ходатайство перед президентом о приостановлении действия актов органов исполнительной власти регионов Дальнего Востока, если они противоречат Конституции Российской Федерации, федеральным законам, международным обязательствам Российской Федерации или ущемляют права и свободы граждан.

После этого местные губернаторы и главы законодательных собраний лишаются мест, которые они по своей должности занимали в Совете Федерации. С августа 2000 года в Совете Федерации на постоянной основе работают по одному представителю от Сахалинской областной администрации и Сахалинской областной Думы.

И, наконец, в 2004 году законодательно оформляется право президента назначать и отстранять от должности глав администрации субъектов Российской Федерации. До недавнего времени В.В. Путин не часто пользовался этим правом для замены глав администраций субъектов Федерации. Однако 7 августа 2007 года президент Путин подписал указ о досрочном прекращении полномочий губернатора Сахалинской области И.П. Малахова.

Иван Павлович Малахов стал губернатором Сахалинской области в августе 2003 года после гибели в авиакатастрофе своего предшественника Игоря Павловича Фархутдинова. Сначала И.П. Малахов был назначен на пост главы областной администрации указом президента, а 21 декабря 2003 года он одержал победу во втором туре, как оказалось, последних выборов на пост губернатора Сахалинской области.

Оказавшись во главе областной администрации, И.П. Малахов проводил в целом ту же самую политику, что и его предшественник. И это было вполне естественно. Будучи в администрации И.П. Фархутдинова первым вице-губернатором, И.П. Малахов принимал самое непосредственное участие в разработке экономической стратегии. Однако именно это обстоятельство вскоре вызвало активное недовольство администрации президента.

С самого начала рыночных реформ все администрации Сахалинской области делали все возможное для привлечения на сахалинский шельф иностранных ин-

вестиций. Для этого в середине 90-х годов российское руководство и областная администрация пошли на невиданные в мировой практике уступки иностранным нефтяным компаниям. Идя на это, сахалинская администрация считала, что именно шельф поможет Сахалину выйти из того глубокого кризиса, в котором он оказался на рубеже 80-90-х годов.

В конце концов, стремление любой ценой привлечь иностранные инвестиции на сахалинский шельф сыграли с администрацией злую шутку. Пока цена на нефть не превышала 20 долларов за баррель, стратегические просчеты разработчиков соглашений середины 90-х годов мало кому бросались в глаза. Однако с началом быстрого роста цен, когда баррель нефти стал стоить дороже восьмидесяти долларов, данные просчеты стали очевидны для всех.

Именно тогда российское руководство начинает искать повод для вмешательства и исправления ситуации. Лучше всего об этом рассказал сам В.В. Путин в большом интервью, которое он дал 6 июня 2007 года журналистам из стран «большой восьмерки». В частности, российскому президенту корреспондентом влиятельной английской газеты «Таймс» был задан вопрос о ситуации на сахалинском шельфе. Отвечая на этот вопрос, В.В. Путин дал весьма резкую характеристику и тех соглашений, которые были подписаны в 90-е годы, и тех, кто эти соглашения готовил.

«Вы знаете, это колониальный договор, не имеющий абсолютно ничего общего с интересами Российской Федерации. Мне остается только сожалеть, что в начале 90-х годов российские чиновники позволяли себе такие выходки, за которые их вообще-то нужно было бы посадить в тюрьму. Исполнение этого договора вело к тому, что Россия в течение длительного периода времени позволяла эксплуатировать свои природные ресурсы и ничего не получала взамен. Просто практически ноль».

В конце концов, выход был найден в приобретении корпорацией «Газпром» у акционеров компании «Сахалинская энергия» («Шелл», «Мицубиси» и «Мицубиси») доли в 50 % + одна акция. При этом переговоры с руководством иностранных компаний велись при непосредственном участии президента Российской Федерации.

История с пересмотром отношений со стратегическими инвесторами проходила на фоне целого ряда выплеснувшихся на страницы прессы громких скандалов, в которых оказались замешанными некоторые высокопоставленные сотрудники администрации И.П. Малахова.

Но последней каплей, переполнившей чашу терпения президента, стала слабая организация спасательных работ в первые дни после разрушительного землетрясения в Невельске 2 августа 2007 года. Узнав от главы МЧС Сергея Кожугетовича Шойгу о том, что пострадавшие от землетрясения в Невельске «спали с детьми в палатках ночью на бетонном полу», В.В. Путин принял решение заменить главу администрации Сахалинской области.

Новым губернатором Сахалинской области был назначен Александр Вадимович Хорошавин.

17.4.3. Противоречия и издержки экономического роста

Начало XXI века стало временем роста сахалинской экономики. Главной движущей силой этого роста стали шельфовые проекты. Благодаря их успешной реализации в области быстрыми, невиданными ранее темпами растет добыча нефти. На юге острова в рамках проекта «Сахалин-2» завершается строительство крупнейше-

го в мире завода по сжижению природного газа. Добываемый по данному проекту газ (около 20 миллиардов кубических метров в год) предполагается отправлять на экспорт в Японию, Корею, США. Не менее оптимистично выглядят перспективы проекта «Сахалин-1». Ведутся подготовительные работы по проектам «Сахалин-3», «Сахалин-4» и «Сахалин-5».

Однако именно теперь, когда успехи шельфовых проектов бесспорны, население Сахалина и Курил все чаще задумывается как о цене, так и качестве экономического роста. Людей раздражают рассказы о потрясающих воображение перспективах развития Сахалинской области, о быстром росте экономики, о том, что «за успехи в динамике развития» Сахалинская область уже дважды удостоена национальной премии «Золотой рубль». Люди не понимают, почему практически весь добываемый на Сахалине газ вывозится за пределы острова, а не идет на газификацию городов, поселков и сел нашей островной области.

Вслед за президентом В.В. Путиным они высказывают крайнюю обеспокоенность многочисленными нарушениями экологического законодательства Российской Федерации, которые были допущены при реализации шельфовых проектов.

Внушает большое беспокойство и то обстоятельство, что при значительном росте добычи углеводородов в Сахалинской области наблюдается стагнация и даже падение производства в целом ряде других отраслей.

Но что абсолютно недопустимо, на Сахалине и Курилах продолжает расти разрыв между наиболее и наименее обеспеченными слоями населения. Так, в 2006 году на долю 10 % наиболее обеспеченного населения приходилось 30 % общего объема денежных доходов (в 2005 году – 28,4%), на долю 10 % наименее обеспеченного населения – 2% общего объема денежных доходов (в 2005 году – 2,2%). То есть совокупный доход 10 % наиболее обеспеченного населения области был в пятнадцать раз больше совокупного дохода 10 % наименее обеспеченного населения. И этот показатель имеет тенденцию к увеличению.

Вместе с тем крайне медленно уменьшается численность населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже величины прожиточного минимума. В 2006 году такие доходы, неспособные покрыть даже самые минимальные потребности, имели 96,8 тысячи жителей Сахалина и Курил, или 18,4% от численности населения Сахалинской области (в 2005 году – 102,8 тысячи человек, или 19,3%). Так и не были остановлены ни миграционный отток, ни естественная убыль населения Сахалинской области. И пока все это будет продолжаться, для подавляющего большинства сахалинцев и курильчан экономический рост будет каким-то абстрактным понятием.

Некоторые надежды на будущее внушает тот факт, что новая администрация Сахалинской области понимает, что главной целью стратегического развития области является «создание благоприятных условий для безопасного и комфортного проживания каждого ее жителя».

Как отмечает губернатор Сахалинской области Александр Вадимович Хорошавин,

«Сахалин – не колония, существующая для откачки всего и вся, без внимания к местным жителям. Мы – часть России, и не просто часть – мы военный и экономический форпост

нашей Родины в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Том самом регионе, куда перемещается сегодня с Запада фокус мирового внимания и мирового влияния».

Обнадеживает и тот факт, что новая администрация пока не дала себя обмануть миражам абстрактных «позитивных изменений» в экономической и социальной сферах.

«За цифрами достигнутого роста нельзя не видеть трудностей наших пенсионеров, многочисленных проблем в лесной и угольной отраслях. Это не только проблемы предприятий. За каждой этой проблемой – благополучие тысяч и тысяч наших земляков. В ближайшей перспективе необходимо качественно изменить ситуацию, найти в этих отраслях точки роста и заложить основу будущего устойчивого развития».

И мы будем надеяться, что на этот раз не окажутся пустым звуком слова, сказанные главой сахалинской областной администрации, который, размышляя о стоящих перед ним целях, говорил:

«Вступив в XXI век, нам нужно по уровню жизни, по уровню развития экономики встать вровень с нашими соседями – развитыми странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Нам нужен устремленный в будущее сахалинский прорыв! ...Пример реализации шельфовых, нефтяных и газовых проектов убеждает, что мы в состоянии это сделать. Основой для этого станет создание современной технической и технологической базы экономики с широким привлечением отечественных и иностранных инвестиций, производство продукции с максимальной добавочной стоимостью, выход на мировые рынки с региональными брэндами, современными формами международной торговли. Наша экономика должна соответствовать уровню развития мирового сообщества.

Нам предстоит обеспечить долгосрочную конкурентоспособность области, сформировать здесь центр международных торговых потоков и транспортных коридоров, сервисного обеспечения нефтегазового сектора, развитой лесной, угольной, рыбоперерабатывающей, нефтяной и нефтехимической промышленности. В наших силах свести к минимуму негативное воздействие таких производств на природный потенциал области. Достижению этой цели способствует экономическая и политическая обстановка в стране, имеющиеся у нас природные ресурсы, талантливый народ, опыт и возросшие возможности области в решении уникальных задач».

И, наконец, самое главное,

«во главу угла никак не может ставиться одна голая рентабельность. Есть вещи важнее денежной выгоды. Любое предприятие, работающее на наших островах, должно вносить свой вклад в социальное развитие островов».

Часть пятая. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

Глава 18

САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА КАК МЕСТО ВСТРЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

18.1. Контактная зона

Острова, лежащие у северо-восточной оконечности Евразии на протяжении многих столетий являлись своеобразным перекрестком, где встречались представители различных этнических групп, культур и цивилизаций. Населявшие их в разные времена народы испытывали на себе колоссальное воздействие мощных миграционных потоков, которые время от времени буквально захлестывали острова, оставляя на них носителей новых, часто абсолютно чуждых аборигенам культур и цивилизаций. И аборигены должны были или приспособиться к новой ситуации, или исчезнуть, освободив место для пришельцев.

Тот факт, что Сахалин и Курильские острова представляют собой своеобразную контактную зону, может быть объяснен целым рядом факторов. И в первую очередь следует обратить внимание на особенности их географического положения.

Остров Сахалин расположен у восточного побережья Евразийского материка. От материка Сахалин отделен Татарским проливом Японского моря, узким (7,3 километра) и мелководным проливом Невельского, Амурским лиманом и Сахалинским заливом. Зимой пролив между Сахалином и материком замерзает. Важную роль в жизни острова всегда играло его близкое соседство с устьем Амура, который является одной из крупнейших рек Восточной Азии (длина 2824 километра, площадь бассейна свыше 1,8 миллиона квадратных километра). От острова Хоккайдо (Япония) Сахалин отделен не очень широким проливом Лаперуза (наименьшая ширина 43 километра).

Эта близость к устью Амура и Амурскому бассейну с давних времен превращали Сахалин в весьма важный и удобный путь, по которому люди и товары из Северо-Восточного Китая и Приамурья могли направляться на Японские острова. Именно это обстоятельство породило феномен так называемой «сантан-торговли». «Сантан» было собирательным именем для обозначения народов, живших на Нижнем Амуре. Среди «сантанов» были и амурские гиляки, и ульчи, и орочи, и представители других народов.

На протяжении столетий в Японию транзитом через Сахалин шли китайские ткани, одежда, монеты, серьги, курительные трубки, нефритовые украшения и другие товары. Как пишет японский исследователь Акидзуки Тосиюки, именно этим объясняется то, что японцы стали называть остров, лежавший к северу от Хоккайдо, Карафутто. По его мнению, данное название произошло от искаженного слова «карахиито» – китаец, так как именно через этот остров на Хоккайдо попадали китайские товары.

Конечно, говоря о сантан-торговле, мы должны всегда помнить, что по сравнению с теми товарными потоками, которые шли в Японию через Корейский полуостров и Восточно-Китайское море, размеры ее были весьма скромными. Но в условиях, когда в Японии время от времени или ограничивали, или совсем прекращали торговлю с внешним миром, любой путь, по которому в страну могли попадать китайские товары, был очень важен.

Как отмечает уже упоминавшийся Акидзуки Тосиюки,

«неизвестно, с какого времени на Хоккайдо стали проникать китайские товары, но уже в XII веке в конце периода Хэйан была известна «парча из Эдзо», иными словами, китайские ткани, попавшие из Китая северным путем. У известного историка княжества Мацумаэ, которого звали Мацумаэ Хиронага, в произведениях «Архив Фукуяма» (Фукуяма хифу) (1780 г.) и «Наброски у бочонка с вином» (Фусо) (1796 г.) зафиксировано, что в 1485 году с Северного Эдзо (Сахалина) была привезена тушечница из Китая, ставшая одним из семейных сокровищ клана Мацумаэ. На тушечнице выгравирована надпись, свидетельствующая о том, что она сделана известным китайским мастером в 1391 году из кровельной черепицы с известного китайского дворца (ещё в 10-е годы двадцатого столетия она хранилась у семейства Мацумаэ). Сохранились также сведения о том, что в 1593 году пятый глава княжества Мацумаэ Ёсихиро встречался с Токугавой Иэясу в городе Нагоя на острове Кюсю, и Токугава очень понравился привезенный с Сахалина китайский халат, который был на Мацумаэ. Халат в итоге был подарен Токугаве. Подобные примеры могут свидетельствовать о проникновении через Сахалин вещей высокого класса из Китая, соответствующих требованиям японцев».

Говоря о транзитной торговле, мы не должны забывать о том огромном влиянии, которое на протяжении двух последних тысячелетий постоянно оказывала на народы Сахалина великая китайская цивилизация. При этом речь идет не только о непосредственных контактах сахалинских аборигенов с носителями китайской культуры. Данные контакты время от времени прерывались. И перерывы могли длиться столетиями. В те времена относительная территориальная близость Срединного государства позволяла ощущать влияние китайской цивилизации и через посредников (народы Приамурья, бохайцев, чжурчженей, монголов, маньчжуров). Только после того, как во второй половине XIX столетия за Россией было окончательно закреплено Приамурье и Приморье, и особенно после того, как в 20-е годы XX века была надежно перекрыта некогда чисто символическая российско-китайская граница, влияние Китая и китайской культуры быстро сходит на нет.

Весьма существенным фактором была и территориальная близость Японии, которая, начиная с эпохи Токугава, стала особенно заметна.

Вытянутость Сахалина в меридиональном направлении (он протянулся с севера на юг на 948 километров – между мысом Крильон на 45° 54' и мысом Елизаветы на 54° 24' северной широты) может быть дополнена еще целым рядом факторов, оказавших существенное влияние на этническую историю острова. Омывающие протянувшийся почти на тысячу километров остров моря (теплое Японское море

с запада и юга, и холодное Охотское море с севера и востока) способствуют тому, что здесь существуют три отличающиеся друг от друга климатические области. Следует учитывать и особенности береговой черты, рельефа, растительного и животного мира, густоту речной сети, степень заболоченности территории, наличие или отсутствие лагун и заливов, ледовый режим, теплые и холодные течения и многие другие факторы. Главным следствием такого разнообразия ландшафтов стал тот факт, что вплоть до прихода так называемых цивилизованных народов на Сахалине смогли ужиться и сосуществовать представители различных культурно-хозяйственных типов.

Не меньшее значение играл географический фактор в этнической истории Курильских островов, расположенных на границе Охотского моря с Тихим океаном. Курильский архипелаг протянулся почти на 1200 километров на северо-восток от острова Хоккайдо вплоть до полуострова Камчатка. Большая Курильская гряда включает в себя около 30 островов (наиболее крупными из них являются Кунашир, Итуруп, Уруп, Симушир, Онекотан, Парамушир и Шумшу), а также большое количество мелких островков и скал. Малая Курильская гряда протянулась параллельно Большой (отделяясь от нее Южно-Курильским проливом) на 105 километров. Она включает в себя 6 небольших островов (самым крупным из них является Шикотан) и множество скал. От полуострова Камчатка Курильские острова отделены Первым Курильским проливом, от острова Хоккайдо – проливами Кунаширским, Измены и Советским. Курильские острова разделены 26-ю Курильскими проливами, которые представляют собой затопленные седловины между вулканическими конусами. Ширина проливов колеблется от 1,8 километра (Второй Курильский пролив) до 55 километров (пролив Крузенштерна).

Курильским островам не было суждено подобно Сахалину стать местом, где более или менее долго могли относительно мирно сосуществовать представители различных культурно-хозяйственных типов. Однако благодаря своеобразному Курильскому мосту с Японских островов на Северные Курилы и Камчатку проникали товары и идеи. По этому же пути (только в юго-западном направлении) в эпохи древности и средневековья на Японские острова проникали носители эскимосских и алеутских культурных традиций.

18.2. Коренное и пришлое население на Сахалине и Курильских островах

Одной из характерных черт этнического развития Сахалина и Курил является сосуществование на островах представителей разных народов. На момент прихода на острова русских и японцев здесь постоянно проживали представители трех народов, не только относящихся к разным языковым семьям, но и являвшихся носителями различных хозяйственных и культурных традиций. Именно это разнообразие сделало Сахалин столь интересным для исследователей.

Выдающийся российский исследователь народов Приамурья Леопольд Иванович Шренк, возглавлявший в 50-е годы XIX столетия первую научную экспедицию на Сахалине, отмечал:

«...остров Сахалин, если не считать Японцев и Русских, занят тремя совершенно разнплеменными народами: Гиляками, Айнами и Ороками, которые весьма неравномерно распределились на нем. При значительной, правда, длине, но весьма небольшой ширине острова, это, без сомнения, – богатые этнографические данные. Гиляки как бы связывают

остров с берегами Охотского моря и низовьями Амура, Ороки – с остальным Амурским краем и его тунгусским населением, а Айны – с островами Ессо, Курильскими и с Японией».

Именно названные народы – айны, нивхи (гиляки) и уйльта (ороки), чьи предки появились на острове за многие сотни лет до японцев и русских, – могут быть названы коренными народами Сахалина и Курильских островов.

Огромную роль в этнической истории Сахалина и Курил сыграли пришлые народы. Прежде всего это касается русских и народов, населявших огромную Российскую империю и СССР, а также японцев и корейцев. Здесь нет необходимости вновь возвращаться к истории присоединения и заселения Сахалина и Курильских островов Россией (СССР) и Японией. Эти вопросы были подробно освещены в третьей и четвертой частях книги.

Следует только отметить, что частый переход изучаемых территорий из рук в руки сопровождался массовыми депортациями и переселениями, в результате которых этнодемографическая обстановка на островах неоднократно менялась самым кардинальным образом. Но в любом варианте население островов всегда оставалось полиэтническим. Причем во второй половине XIX столетия пришлое население начинает численно доминировать над коренным.

В XX столетии Сахалин и Курилы пережили несколько крупных миграционных волн, которые оказывали решающее влияние на этническую и демографическую ситуацию, численность и состав населения. Причем очень часто переселения были далеко не добровольными.

Уже Санкт-Петербургский договор 1875 года ставил коренное население перед выбором принять подданство той державы, к которой перешла территория, или навсегда покинуть ее. Часть сахалинских айнов предпочла покинуть свой родной остров и уехать в Японию, где они были расселены японским правительством в долине реки Исикари. Через какое-то время некоторые из них вернулись на Сахалин. Однако в 1904-1905 году так называемые искари-айны оказались в чрезвычайно сложном положении. Дело в том, что с началом войны русская администрация стала подозревать айнов в шпионаже в пользу Японии.

«Курсировала легенда о тайной поездке айнов в Японию и о присяге на верность «японскому генералу», – отмечал Бронислав Пилсудский. – «...Появление каждого айна в Корсаковке многими объяснялось желанием шпионить и доносить о тех слабых укреплениях, которые тут делались. Подозрительность по отношению к айнам выросла до такой степени, что начальник округа попросил меня перестать принимать айнов в Корсаковке».

Совершенно невыносимым в этот период стало положение искари-айнов, в которых и русская администрация, и переселенцы видели главных виновников про-японских настроений среди части сахалинских айнов. Над искари-айнами нависла реальная угроза выдворения с Сахалина.

Были вынуждены покинуть родные места и северокурильские айны. При этом организаторы переселения не испытывали к переселяемым каких-либо враждебных чувств. Скорее наоборот. Они только стремились помочь новым подданным Японской империи приобрести к благам цивилизации. В 1884 году остров Шумшу посетила группа крупных японских чиновников (в их числе были министр внутренних дел Японии и губернатор префектуры Нэмуру, в состав которой входили Курильские острова). Высокопоставленные гости настоятельно посоветовали айнам переехать с острова Шумшу на остров Шикотан, и 97 человек (практически все айнское население Северных Курил) последовали этому настоятельному совету и

перебрались на далекий южный остров. Для переселенцев были построены дома. Их снабдили лодками и предметами первой необходимости. Им помогали освоить новые места и новые занятия. Об их здоровье заботился японский врач. Однако, несмотря на все это, новоселы вскоре стали болеть и умирать, и всего за пять лет их численность снизилась в полтора раза.

Не менее дружеские чувства к коренному населению испытывали и те, кто обдумывал планы собрать всех нивхов и ороков в несколько относительно крупных населенных пунктов, где их было бы легче охватить заботой и вниманием. Эту идею обдумывал еще исследователь народов Сахалина Б.О. Пилсудский. Он сформулировал ее предложение следующим образом:

«Следовало бы поговорить с тымовскими гиляками и посоветовать им собраться в нескольких наиболее удобных пунктах, что облегчило бы работу для администрации, а гилякам предоставило бы больше гарантий безопасности».

Идея сбора нивхов в «нескольких наиболее удобных пунктах» была претворена в жизнь в 60-70-е гг. XX столетия. Многочисленные нивхские селения Северного Сахалина были признаны неперспективными и закрыты, а их жители переселены в Ноглики и Некрасовку. Принимая решение о переселении, сахалинская администрация исходила из самых благих побуждений. Прежде всего, имелось в виду создание условий для быстрого роста благосостояния и культуры коренного населения Сахалина. Однако решение о закрытии подавляющего большинства нивхских селений на острове было принято не только без учета мнения многих аборигенов, но и несмотря на их сопротивление и протесты. В результате переселения две трети туземного населения оказалось сосредоточено в двух населенных пунктах: поселке городского типа Ноглики и селе Некрасовка. Уже в 70-е гг. стали очевидны негативные последствия этого поспешного шага. Ноглики и Некрасовка удобны для администрации, но неудобны для коренного населения. Это неудобство объясняется прежде всего тем, что оба селения на сотни километров удалены от основных промысловых угодий. В итоге многие нивхи отошли от рыболовного промысла и других традиционных занятий.

Закрытие большинства нивхских селений не только нанесло смертельный удар по старому укладу, но и породило целый ряд новых серьезных проблем. Концентрация подавляющего большинства сахалинских нивхов в двух плохо приспособленных для традиционных занятий населенных пунктах остро поставила проблему занятости. К ней следует добавить проблемы языка (в крупных населенных пунктах нивхи попали в русскоязычную среду), жилья, снабжения продовольствием и т.п.

Подневольное переселение было уделом не только коренного населения Сахалина и Курильских островов. Еще до подписания Портсмутского мирного договора японцы вывезли с оккупированного ими Сахалина значительную часть российских подданных. Примерно так же обошлась с японским населением Южного Сахалина и Курильских островов советская администрация. Заодно с репатриацией японского населения была проведена практически полная депортация сахалинских и южнокурильских айнов. В 1937 году полной депортации подверглись все проживавшие на Северном Сахалине корейцы. В те же годы чудом избежали полной депортации с северной части острова нивхи и уйльта, а также русские старожилы.

За репатриациями и депортациями следовали массовые переселения на острова собственных подданных. В 1905-1945 годах Южный Сахалин и Курильские острова были заселены японцами. В годы войны на Тихом океане японская колониальная администрация Кореи провела там насильственную мобилизацию лиц рабочих возрастов для работы на Южном Сахалине. В дальнейшем эти люди, попавшие на остров не по своей воле, составят основу корейской диаспоры Сахалина. После окончания второй мировой войны сюда были переселены сотни тысяч советских граждан.

Максимальная численность населения наблюдалась в Сахалинской области в начале 1992 года. Тогда на Сахалине и Курилах проживало 719,2 тысячи человек. С 1993 года в течение пяти лет происходило общее сокращение численности населения, в среднем более 10 тысяч человек ежегодно. Главными причинами столь стремительного сокращения населения стали нарастающая естественная убыль населения и миграционный отток. Всего за годы реформ население области сократилось почти на 130 тыс. человек. В период между переписями 1989 и 2002 гг. область потеряла 163,8 тысячи жителей, или 23%. Но и сегодня, несмотря на крайне неблагоприятные демографические процессы, имевшие место в последние полтора десятилетия, на островах проживает более полумиллиона человек.

По данным Всероссийской переписи 2002 года, на территории Сахалинской области проживали представители более ста десяти национальностей. Самыми многочисленными являются русские (84,28 %), корейцы (5,41 %), украинцы (3,99 %), татары (1,25 %) и белорусы (1,00 %). Далее следуют: мордва (0,54 %), чуваши (0,24 %), армяне (0,21 %), азербайджанцы (0,21 %), немцы (0,16 %), молдаване (0,14 %), башкиры (0,11 %), казахи (0,10 %), поляки (0,09 %), евреи (0,07 %), японцы (0,06 %), марийцы (0,06 %), осетины (0,06 %), узбеки (0,05 %), грузины (0,05 %), удмурты (0,05 %), эвенки (0,04 %), буряты (0,04 %), лезгины (0,04 %), литовцы (0,03 %), чеченцы (0,03 %), таджики (0,03 %), нанайцы (0,03 %), коми-пермяки (0,03 %), аварцы (0,03 %), болгары (0,03 %), китайцы (0,02 %), якуты (0,02 %), латыши (0,02 %), даргинцы (0,02 %), туркмены (0,02 %), киргизы (0,02 %), эстонцы (0,02 %), кумыки (0,01 %), цыгане (0,01 %), греки (0,01 %), хакасы (0,01 %), тувинцы (0,01 %), кабардинцы (0,01%), ингуши (0,01 %) и другие.

Коренные народы Сахалина представлены нивхами (0,45 % населения области) и уйльга (0,06 %).

18.3. Влияние колонизации на жизнь коренного населения Сахалина и Курил

Россия и Япония приступили к колонизации Курильских островов и Сахалина в XVIII-XIX веках. Сначала на Курилах, а затем и на Сахалине появляются первые русские и японские поселения, постепенно начинает формироваться постоянное пришлое население, представленное в основном японцами (острова Кунашир, Итуруп, вплоть до 1875 года крайний юг Сахалина) и русскими (Северные Курилы, а с середины XIX века – Сахалин).

Россия приступила к колонизации Сахалина всего полтора столетия тому назад. В обычное время, с точки зрения истории народов, этот срок не очень велик. Однако в течение последнего столетия в жизни коренного населения Сахалина произошли столь значительные изменения, что мы можем говорить о том, что

данные народы вступили в принципиально новый (я не исключаю, что заключительный) этап своей истории. По существу, на пороге III тысячелетия мы наблюдаем процессы, в ходе которых создаются объективные предпосылки для довольно быстрой утраты этнической специфики коренными народами Сахалина и их постепенной ассимиляцией пришлым населением.

Среди факторов, обуславливающих вышеназванную тенденцию, особую роль играет как абсолютная, так и относительная малочисленность коренных народов Сахалина.

В середине XIX века практически все постоянное население Сахалина было представлено коренными народами острова. Начавшаяся в 50-х годах названного столетия русская колонизация привела к тому, что удельный вес коренного населения начинает быстро сокращаться. Уже в начале 80-х годов XIX века пришлое население численно преобладает над коренным. К 1897 году на Сахалине проживал 4161 представитель коренных народов (1443 айна, 1969 нивхов и 749 уйльга), и доля туземцев в общей численности населения острова составляла всего 14,8 %.

За минувшее столетие падение удельного веса коренных народов в общей численности населения острова происходило уже буквально обвальными темпами. При этом наблюдается не только относительное, но и абсолютное сокращение численности аборигенного населения. По данным Всероссийской переписи населения 2002 года, на территории Сахалина проживает 2791 представитель коренных народов (2450 нивхов и 341 уйльга). По данным той же переписи, общая численность населения Сахалинской области составляла примерно 546,5 тысячи человек. Таким образом, удельный вес коренного населения на Сахалине в настоящее время составляет всего 0,51 %. По отдельным народам этот показатель выглядит следующим образом: нивхи составляют 0,45 % населения Сахалина и уйльга – 0,06 %.

Что же касается абсолютной численности коренного населения, то за минувшее столетие она сократилась почти на одну треть. Главной причиной этого стал тот факт, что вскоре после окончания второй мировой войны практически все сахалинские айны, а также значительная часть проживавших на юге острова уйльга и нивхов была депортирована в Японию. Существенную роль сыграли и ассимиляционные процессы.

Свыше 80 % нивхов и уйльга постоянно проживают на территории шести административных районов Сахалинской области, которые были утверждены в качестве особых районов проживания малочисленных народов Севера (Александровск-Сахалинский, Охинский, Ногликский, Поронайский, Тымовский и Смирныховский районы). На протяжении всего XX столетия в этих районах шел быстрый рост численности пришлого населения. Так, в 1926-1989 годы доля нивхов в населении Сахалинской области уменьшилась с 14,3 до 0,3 %. По отдельным районам в 1989 году картина выглядела следующим образом: в Ногликском районе доля нивхов составляла 4,9 %, в Охинском – 1,6 %, Тымовском – 0,8 %, Александровском – 0,5 %, Поронайском – 0,3 %.

С началом кризиса и экономических реформ пришлое население начинает покидать названные районы. О том, какими темпами шло сокращение численно-

сти населения Сахалинской области и районов проживания коренных народов Сахалина между 1989 и 2002 годами, говорят данные таблицы.

Районы	1989 год, тысяч человек	2002 год, тысяч человек	2002 в % к 1989
Ногликский	16,8	13,6	81,0
Охинский	54,7	33,5	61,2
Тымовский	25,8	19,1	74,0
Александровск-Сахалинский	27,8	17,5	62,2
Поронайский	43,9	28,9	65,8
Смирныховский	21,6	15,0	69,4
Сахалинская область	710,2	546,5	77,0

Однако даже такие весьма существенные для демографической ситуации на Сахалине изменения не имеют принципиального характера для коренных народов острова. И сегодня коренное население по-прежнему является крайне незначительным по своей численности национальным меньшинством не только на территории острова Сахалина в целом, но на территориях официальных районов своего проживания. Так, доля нивхов в населении Ногликского района составляет примерно 6,7 %, Охинского – 2,9 %, Тымовского – 1,2 %, Александровского – 0,9 %, Поронайского – 0,5 %.

Таким образом, на территории Сахалина практически нет места, которое можно было бы определить как территорию компактного проживания нивхов или уйльга. В связи с этим в настоящее время крайне сложно определить территорию традиционного природопользования.

Уже на первых этапах колонизации Сахалина Россией и Японией начался процесс разрушения того равновесия между природой и человеком, которое складывалось и существовало здесь на протяжении тысячелетий. Все те, кто обладал островом за последние полтора столетия, рассматривали его прежде всего как источник рыбы и морепродуктов, леса, целлюлозы и бумаги, угля, нефти и газа. Велась на острове и сельскохозяйственная колонизация. Всего за полтора столетия все более интенсивное освоение всех доступных человеку биологических и минерально-сырьевых ресурсов привело к разрушению экосистем Сахалина и омывающих его морей, оскудению растительного и животного мира и в, конечном итоге, к уничтожению основ традиционных культур его аборигенов.

На протяжении полутора столетий продолжался процесс изъятия у коренного населения Сахалина земель, рыбных и охотничьих промыслов, других угодий. В результате нивхи и ороки-уйльга на рубеже 80-90-х годов XX столетия остались без какой-либо земельной собственности. В связи с созданием родовых хозяйств этим хозяйствам начинают выделяться земельные участки. Однако к началу XXI столетия общая площадь земель, которые находятся в собственности коренного населения острова, не превышает 300 гектаров, что составляет всего 0,004 % территории Сахалина.

С древних времен главными занятиями коренных народов Сахалина были рыбная ловля, морской зверобойный промысел, охота и собирательство у нивхов; оленеводство, рыбная ловля, морской зверобойный промысел, охота и собирательство у уйльга. В течение минувшего столетия на Сахалине были созданы условия, в которых сохранение традиционных промыслов было сопряжено со значительны-

ми трудностями. Пришлое население постепенно вытесняло аборигенов из таких отраслей, как рыболовство и охота.

Переход к рыночным отношениям вызвал существенные изменения в жизни малочисленных народов Севера. В условиях острого экономического кризиса, поразившего островную экономику в 90-е годы, и массовых увольнений во многих отраслях народного хозяйства возникла острая конкуренция между претендентами на рабочие места. Основная масса нивхов и уйльга, оставивших свои традиционные занятия, в течение длительного времени не имела какой-либо оплачиваемой работы или была занята самым низкооплачиваемым, малоквалифицированным трудом. Среди них много разнорабочих, грузчиков, уборщиц, сторожей, истопников. Именно эта категория работников в первую очередь подвергается увольнениям.

Экономический кризис по-разному сказался на ситуации на рынке труда в различных районах Сахалина. В 90-е годы сокращение числа занятых в различных населенных пунктах, где проживали коренные народы острова, колебалось от 2,3 до 90,5 %. С началом реализации проектов по освоению нефтяных месторождений на сахалинском шельфе, а также в связи с существенным сокращением населения острова сократилась и безработица. Однако и в новых, значительно более благоприятных условиях напряженность на рынке труда районов проживания народов Севера сохраняется. И здесь за право на труд остро конкурируют нивхи и уйльга, с одной стороны, и представители пришлого населения – с другой. В этой конкурентной борьбе коренное население с самого начала поставлено в менее выгодные условия. Главной причиной этого является низкий уровень профессионального образования подавляющего большинства безработных из числа коренных народов.

С началом реформ большие надежды возлагались на родовые хозяйства коренного населения, которые были призваны не только дать работу нивхам и уйльга, но и возродить у них традиционные промыслы. Сначала коренное население отнеслось к идее о создании родовых хозяйств с большим энтузиазмом. Однако с самого начала создатели данных хозяйств столкнулись с многочисленными и, как оказалось, непреодолимыми трудностями. В связи с этим значительная часть родовых хозяйств разорилась и прекратила свое существование. К началу 2005 года на территории Сахалинской области было зарегистрировано всего 46 родовых хозяйств.

Нивхские родовые хозяйства были изначально поставлены в неравные условия по сравнению с другими рыбодобывающими предприятиями. Ведь родовые хозяйства не имеют ни собственного флота, ни перерабатывающих мощностей. Кроме того, имеются сложности с получением участков. Участки уже давно распределены. Отнять их у старого хозяина и отдать представителям коренного населения крайне сложно.

Говоря о рыбном промысле, нельзя не остановиться на таком вопросе, как регламентация лова рыбы (особенно лососевых) органами рыбоохраны. Существующая система лимитов и квот ставит в неравное положение рыбодобывающие предприятия и отдельные родовые хозяйства. В результате этого родовые хозяйства представителей коренных народов Сахалина влачат жалкое существование. Существующая система ограничений в добыче рыбы вызывает беспокойство и недоумение корен-

ного населения Сахалина. Народы, проживающие в тех местах, где на протяжении многих сотен лет ловили рыбу их предки, не имеют возможности спокойно заниматься рыбным промыслом. Органы рыбоохраны подвергают крупным штрафам и нивхов, и уйльга. У «браконьеров» изымаются орудия лова. Служба рыбоохраны мотивирует это тем, что во время хода лимитированных пород рыб нельзя вести лов. А ведь именно во время нерестового хода на протяжении столетий коренное население ловило рыбу.

Кроме тех лимитов, которые выделяются родовым хозяйствам, представители коренного населения имеют право ловить рыбу в индивидуальном порядке. Однако, ссылаясь на ограниченность ресурсов лососевых, органы рыбоохраны разрешают аборигенам Сахалина заготавливать для своих нужд по сто килограммов лососевых в год. В том числе кеты – пятьдесят килограммов (или тринадцать штук).

По данным Е.А. Крейновича (много лет посвятившего изучению нивхов), в удачный год нивхи заготавливали на зиму в среднем на одного человека 853 с лишним юколы, или 426 с лишним рыб. При этом от одной четверти до одной трети юколы приходилось на кету. Там, где возможности лова лососевых были ограничены, для изготовления юколы использовалась также такая мелкая рыба, как корюшка, красноперка и т.п. Кроме того, помимо вяленой, нивхи в течение года употребляли большое количество свежей рыбы (тайменя, красноперки, сельди, бычка, наваги, камбалы, сига, кумжи, форели, миноги, осетра, калуги и рыб других видов).

Ограничения на лов рыбы ставят коренное население в крайне тяжелое положение. Ведь на Сахалине в течение нескольких тысячелетий сформировалась система питания, основанная именно на рыбе. Установленная же органами рыбоохраны норма вылова абсолютно не учитывает национальной специфики коренного населения Сахалина, предки которого на протяжении многих сот лет питались в основном рыбой и мясом морского зверя.

Особо следует отметить такое традиционное занятие, как оленеводство. В настоящее время этот вид деятельности (как и сам традиционный образ жизни потомственных оленеводов уйльга) находится на грани исчезновения. Общее поголовье дикого северного оленя и практически одичавшего домашнего оленя на острове, по экспертным оценкам, не превышает 3,5 тысячи голов. При этом только в районе села Вал Ногликского района удалось сохранить оленье стадо общей численностью около 200 голов. Вероятнее всего, уже при жизни нынешнего поколения на Сахалине навсегда исчезнет оленеводство.

Еще тяжелее у коренного населения идут дела в охотничьем промысле. В жесткой конкурентной борьбе коренное население постоянно проигрывает пришлым охотникам, которые уже давно заняли наиболее ценные охотничьи угодья. Как считают представители управления охотничьего хозяйства администрации Сахалинской области, коренное население не готово к освоению охотничьих угодий в условиях рыночной экономики. Ведь охотники должны думать не только о добыче зверя, но и о его переработке и дальнейшей реализации.

Таким образом, приходится признать, что практически все создаваемые на Сахалине национальные предприятия, семейно-родовые хозяйства, общины коренного населения из-за слабой материально-технической базы влечат жалкое существование и находятся на грани разорения.

Цивилизаторская политика, проводившаяся на Сахалине на протяжении почти всего нынешнего столетия, привела к существенным и, вероятнее всего, необратимым изменениям в обычаях и нравах коренного населения. Вопрос о современных нравах коренного населения Сахалина практически не изучен. Вместе с тем следует отметить, что многие исследователи Сахалина XIX – начала XX века отмечали добронравие малых народов. Особое внимание обращалось на такие характерные черты сахалинских аборигенов, как честность, доброту, доверчивость.

Значительное воздействие на нравы коренного населения оказала сложившаяся в советский период система образования и воспитания детей и молодежи народностей Севера. Доминирующую роль в данной системе играло полное государственное обеспечение, на котором находились дети и молодежь народностей Севера в период обучения. В течение большей части года дети коренного населения находились в государственных школах-интернатах и были оторваны от своих семей. В результате резко ослабли нравственные связи в семьях коренного населения. Кроме того, данная система несла в себе значительные издержки в плане трудового воспитания, развития стимулов к труду и трудовой активности. У значительной части детей и их родителей формировалось пассивное и потребительское отношение к жизни. Кроме того, наблюдалось снижение ответственности родителей за воспитание собственных детей. В результате коренное население нравственно оказалось еще меньше подготовлено к тем экономическим реформам, чем представители других народов, проживающих на территории Сахалинской области.

Рыночные реформы и то крайне сложное положение, в которое попали сегодня многие сахалинские аборигены, оказали не самое лучшее воздействие на их нравы. Рынок поставил представителей коренного населения в условия, когда они вынуждены вступать в острейшую конкуренцию за промысловые участки, за квоты и лимиты на вылов рыбы, за работу и средства к существованию не только с представителями пришлого населения, но и друг с другом. В условиях острой нехватки биоресурсов для нормального развития рыбного промысла всеми родовыми хозяйствами неизбежны постоянные конфликты.

Большее влияние на коренное население оказала та культурно-просветительская работа, которая велась на Сахалине в советский период. Политика государственного атеизма, а также репрессии, которые в 30-е годы минувшего столетия были обрушены на шаманов, привели к тому, что традиционные культы стали справляться тайно. Свое влияние на традиционное мировоззрение коренного населения оказал охват нескольких поколений нивхов и уйльга обязательным государственным образованием, а также отрыв в течение учебного года подавляющего большинства детей аборигенов Сахалина от родителей и концентрация их в школах-интернатах. Вот уже несколько десятилетий, как подавляющее большинство представителей коренного населения получает информацию об окружающем их мире при помощи русскоязычного телевидения, радио, газет, журналов, книг, кинофильмов. В результате молодое и среднее поколения нивхов и уйльга уже не являются носителями традиционного мировоззрения.

Разрушение среды обитания и традиционного образа жизни, интеграция коренных народов в несвойственный им образ жизни, массовый переход на русский язык как основное средство межэтнического и внутриэтнического общения при-

вели к стремительной утрате нивхами и уйльга того этнического своеобразия, которое и отличает один народ от другого.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема сохранения национальных языков коренного населения. По данным Всероссийской переписи населения 2002 года, уже практически все нивхи и уйльга свободно владеют русским языком. Для подавляющего большинства представителей коренного населения Сахалина русский язык не только язык межнационального общения, но и тот язык, с помощью которого они общаются между собой. Только около одной пятой части всех нивхов и около четверти уйльга пока еще сохраняют знание родных языков. В основном это представители старшего поколения, и их уход приведет к полному исчезновению языков коренного населения в течение ближайших двух-трех десятилетий.

Важнейшей проблемой для коренного населения Сахалина является неблагоприятная социально-демографическая обстановка. У всех коренных народов острова наблюдается снижение рождаемости и повышение уровня смертности (особенно детской и лиц трудоспособного возраста). Недостаток рыбы и морского зверя уже привел к существенным изменениям в структуре питания коренного населения. Резкий переход на несвойственный тип питания наряду со значительным падением жизненного уровня подавляющего большинства представителей коренного населения и общее значительное ухудшение дел в здравоохранении Сахалинской области уже привели к значительному росту числа заболеваний. В структуре заболеваемости коренного населения Сахалина лидирующие позиции занимают болезни органов дыхания (14 %), органов пищеварения (13 %), мочеполовой системы (12 %), органов кровообращения (9,5 %). Особые опасения вызывает быстрое распространение такого социально опасного заболевания, как туберкулез. Администрации районов проживания народов Севера не могут хоть как-то изолировать больных. В частности, никак не решается вопрос о выделении отдельного жилья носителям открытой формы туберкулеза. Кроме того, в последние годы среди коренного населения Сахалина постоянно увеличивается число людей, страдающих онкологическими заболеваниями. Все больше людей теряют зрение. И, наконец, в районах проживания малых народов Севера наблюдается настоящая эпидемия венерических заболеваний.

Вопиющая бедность, безработица, отсутствие надежды на хоть какое-то улучшение своего положения приводит к тому, что некоторые представители коренного населения пытаются найти выход в алкоголизме и даже в самоубийствах.

Практически все представители коренного населения Сахалина считают несправедливой ситуацию, когда они не имеют никаких прав на те земли, на которых в течение многих веков жили их предки. Все громче звучат высказывания о недопустимости того, что право на распределение рыбных ресурсов находится у федерального правительства. Именно в Москве сегодня определяют лимиты на лов рыбы для Сахалинской области. Там же определена и недопустимо низкая годовая норма на лов лососевых для коренного населения.

В настоящее время коренное население все громче заявляет о своих правах на земли и недра Сахалина. Особенно интересуют их богатства сахалинского шельфа. Бывший представитель коренного населения в Сахалинской областной Думе А.Я. Начеткина поставила перед администрацией Сахалинской области и Сахалинской областной Думой вопрос об отчислении от 5 до 10 % всех доходов от

освоения нефтегазовых месторождений сахалинского шельфа в качестве платы за пользование недрами на территории традиционного природопользования коренного населения. Кроме того, она предложила ввести в состав комиссии по подготовке соглашений о разделе продукции представителей от малочисленных народов Севера. «Если разработки ведутся на территории традиционного проживания аборигенов, – отмечает А.Я. Начеткина, – должно учитываться мнение коренного населения, необходимо заключать соглашение между ними и предприятиями, осуществляющими разработку нефтяных и газовых месторождений».

В весьма жесткой форме вопрос о праве сахалинских нивхов на богатства сахалинского шельфа поставил известный нивхский писатель Владимир Михайлович Санги. В конце 1996 года он от имени организации, названной им «Совет старейшин (родовых вождей) нивхского народа», направил в администрацию Сахалинской области, а также правительствам России и Японии письмо, в котором поставил вопрос о правах нивхов на сахалинский шельф.

В связи с тем, что аргументация этого документа представляет интерес и в дальнейшем еще неоднократно может быть использована, привожу текст В.М. Санги без значительных сокращений.

«Совет старейшин констатирует: Нивхи – единственный коренной народ Сахалина. Проживают на этой земле в течение многих тысячелетий и являются ее исконными хозяевами. Право владения Сахалином нивхи никогда и никому не передавали. И нивхский народ во все века своего существования был независим и свободен.

...Лишь во второй половине XIX века японцы и русские, используя не принятые в нивхском обиходе обмен и коварство, незаконно обозначили на Сахалине свое присутствие.

Нивхи и их земля остров Сахалин никогда не входили ни в состав Японии, ни в состав России. Потому временное присутствие на Сахалине японцев, а также настоящее присутствие России не имеют под собой юридической, правовой основы.

...Япония и Россия, несанкционированно присутствуя на нивхской территории, разграбили ее природные ресурсы на сотни миллиардов долларов, довели практически до экологической катастрофы...

Убедительным проявлением политики колониализма в отношении нивхского народа является сговор России, Японии и США в вопросе промышленного использования наиболее священной территории нивхов – шельфа Кет (Восточного побережья Сахалина).

Шельф Кет является:

обиталищем Тайхнада – Творца живности, а также Тол ызна – Хозяина моря в обличье Касатки;

природным храмом общения старейшин (родовых вождей), шаманов и добытчиков с Тол ызном во имя благополучия нивхского народа;

исторически сложившейся территорией традиционного природопользования нивхских родов Кет: Кекрвонгун и Акрвонгун (бассейн залива Пильгун), Кевонгун, Авонгун и Тлаглогун (бассейн залива Чайво), Ларвонгун и Тыгмытьвонгун (бассейн залива Даги), Такрвонгун, Кетвонгун и Кевонгун (бассейн залива Ныйский), Набигун, Лубогун, Саквонгун, Кокрпингун (бассейны заливов Набиль, Луньский и южные территории), и на этой территории нивхи во все века добывали генетически закрепленную пищу: морского зверя, рыбу, китообразных, птиц, моллюсков и т.д.;

стартовой площадкой древних путешествий нивхов в ближние и дальние пределы;

Тайнадом – определенным местом нагула и яслями рыбы, ракообразных, тюленей, птиц, китов и т.д., обилием своим обеспечивавшим нивхам благополучную жизнь.

При рассмотрении вопроса об освоении шельфа Кет правительство России, администрация Сахалинской области, правительства и руководство промышленных компаний не сочли нужным провести в установленном традициями коренных народов, а также сообществами, считающими себя цивилизованными, порядке должные встречи со старейшинами (вождями) родовых общин – исконными хозяевами Восточного побережья Сахалина, не выслу-

шали опасений и соображений, в результате чего вопрос о табу шельфа не только не был снят, но и не поднимался никем.

Совет старейшин (родовых вождей) нивхов считает необходимым:

до рассмотрения вопроса о шельфе Кет (Восточное побережье Сахалина):

правительство Японии должно выплатить коренному народу Сахалина нивхам в лице Совета старейшин (родовых вождей) юскинд – откупные в сумме 30 млн. американских долларов;

правительство России должно выплатить юскинд в сумме 30 млн. американских долларов.

Учитывая, что в результате сговора правительств империалистических держав изъятие шельфа Восточного побережья Сахалина из материального, экономического и духовного обращения нивхского народа является состоявшимся фактом, правительства стран, подписавших соглашение о разработке сахалинского шельфа, должны выплатить нивхскому народу откупные в сумме по 50 млн. американских долларов каждое.

Сроки выплаты юскинд (откупных) установить до 31 января 1997 года. До выплаты откупных правительства стран, участвующих в разработке сахалинского шельфа, должны принять необходимые меры по прекращению всяких работ на промышленное освоение сахалинского шельфа».

Так называемый «Совет старейшин» предложил всем заинтересованным в сахалинском шельфе сторонам провести в феврале 1997 года переговоры в поселке Ноглики. Однако данное предложение не нашло отклика ни у администрации Сахалинской области, ни у российского правительства.

Несмотря на то, что В.М. Санги не является формальным лидером коренного населения острова, нельзя не учитывать, что вопросы, им поднимаемые, реально существуют. Сахалинские нивхи и уйльта совершенно справедливо считают, что имеют исторические права на ресурсы сахалинского шельфа и не желают быть обойденными при дележке тех средств, которые будут получены от его освоения. Кроме того, их чрезвычайно волнуют те последствия, которые будет иметь освоение шельфа для чрезвычайно уязвимой природы Северного Сахалина.

Не дождавшись внятных ответов на свои требования, наиболее активная часть коренного населения Сахалина переходит к активным действиям. Так, в январе 2005 года на территории Ногликского района силами активистов Ассоциации коренных малочисленных народов Сахалина была заблокирована дорога, ведущая к одной из строительных площадок компании «Эксон Нефтегаз». Подобные акции имели место и в дальнейшем.

В связи со всем вышесказанным следует ожидать того, что наиболее авторитетные лидеры коренного населения Сахалина будут настойчиво добиваться учета своих исторических прав на те территории, которые на протяжении столетий принадлежали многим поколениям их предков. Пока они только просят учитывать их исторические права. Как события будут развиваться дальше – покажет будущее.

Глава 19

КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ: НИВХИ

19.1. Общие сведения

Нивхи – аборигены острова Сахалина, один из малочисленных народов Дальнего Востока России. Сахалинские нивхи – одна из территориальных групп нивхского этноса, также проживают в бассейне Нижнего Амура.

В XVII–XIX веках нивхов насчитывалось около 4-5 тысяч человек. По материалам Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, на Сахалине зафиксировано около двух тысяч представителей этого народа.

Существуют различные позиции антропологов по поводу происхождения и родства нивхов, точкой схождения взглядов является отнесение народа к монголоидам. По расовой классификации известного российского антрополога М.Г. Левина, нивхам присущ амуро-сахалинский тип сибирских монголоидов, который отличается от других антропологических типов Северной Азии своеобразными чертами. Он занимает особое место в расовой систематике Северной Азии и сложился, очевидно, в основном в результате древнего контакта североазиатских и тихоокеанских монголоидных типов.

В территориальном отношении нивхи материка и острова делились на несколько локальных групп, имевших отличные диалекты. Внутри Сахалина локальными группами были западносахалинская и восточносахалинская. Нивхи жили в северных районах острова, как на западном, так и восточном побережье, также по среднему течению реки Тымь, на Южном Сахалине преимущественно в заливе Терпения, в устье реки Поронай.

Этногенез нивхов до конца не изучен. По мнению российского этнографа Л.Я. Штернберга, занимаемая нивхами территория на материке не может считаться древней, так как нивхи, по его мнению, переселились сюда из более северных районов, близких к арктической полосе. В научной литературе высказывается также гипотеза о южном происхождении нивхов, основывающаяся на некоторых типологических, морфологических и лексических чертах сходства между нивхским и корейскими языками. В то же время такие исследователи, как А.М. Золотарев, М.Г. Левин, А.П. Окладников и другие, придерживаются автохтонной теории этногенеза нивхов.

По мнению этнографа Ч. М. Таксами, этнокультурные связи нивхов с тунгусо-язычными группами создали условия для взаимного обогащения и обоюдного влияния этих культур, что привело к образованию новых групп сложного этнического состава. В основу некоторых из них легла культура оседлых рыбаков. Это было палеоазиатское население, в составе которого были исторические предки нивхов. Это древнее население было известно соседним, в частности тунгусо-маньчжурским, народам как «рыбекожий народ». Они являлись ихтиофагами и отличались искусством выделки рыбьей кожи.

«Древняя культура народов Нижнего Амура развивалась в контакте с культурами сибирских народов, в частности тунгусоязычных. <...> на Амуре издавна имело место взаимодействие разных культур, происходивших из двух соседних районов: дальневосточного,

с одной стороны, и таежного, восточносибирского – с другой. Происходило не просто механическое переселение и тем более не вытеснение одних культурных традиций другими, а протекал сложный культурный синтез, складывалось нечто качественно новое. <...> Они были носителями классической рыболовецкой культуры и культуры морского зверобойного промысла в бассейне Нижнего Амура, на Охотском побережье и на Сахалине. В историческом прошлом это население, жившее оседло, занимало обширную территорию бассейна Нижнего Амура и Сахалина. Можно полагать, что этот народ как этническая общность сформировался здесь же».

Этноним происходит от самоназвания нивх (*ниг'вынг*) – «человек». Экзоэтноним – гиляки. Тунгусоязычные племена Амура называли древних нивхов «*гилими/гилями/гилэми*», что в переводе означало «люди, гребущие парными веслами на больших лодках». В ранних китайских источниках это же население известно как жители «собачьего царства» и «одевающиеся в рыбью кожу».

Нельзя не отметить значительную самобытность нивхского языка. В генетическом отношении нивхский язык является изолированным. Отличается своеобразным грамматическим строем, сложной фонетической системой и особенностями словарного состава. По традиции, идущей от Л.И. Шренка, его причисляют к так называемым палеоазиатским. Исследователь в середине XIX века в своем фундаментальном труде «Об инородцах Амурского края» отмечал:

«Гиляки по языку не состоят ни в каком родстве ни со своими соседями, айнами или тунгусскими племенами, ни с каким-либо из народов Сибири, Северо-Восточной Азии или Северо-Западной Америки».

В языке сохранена разветвленная система различных разрядов имен числительных, что характерно для наиболее древних языковых классификаций предметов: имеются различные группы числительных для счета длинных предметов, мелких круглых предметов, тонких плоских предметов, животных и насекомых, людей и человекоподобных духов, парных предметов и т.д. Язык испытал лексическое воздействие со стороны тунгусо-маньчжурских, корякского и корейского языков, но эти заимствования являются сравнительно поздними. У нивхского языка имеется структурное сходство со значительным числом американских индейских языков.

19.2. Традиционное хозяйство

Традиционное хозяйство нивхов комплексное, промыслового характера, с использованием всех существующих на острове биоресурсов. Их основными занятиями являлись рыболовство, морской зверобойный промысел и охота, а также собирательство, транспортное собаководство.

В комплексном хозяйстве нивхов основное место занимал промысел рыбы, в первую очередь промысел проходных лососевых – кеты, горбуши. Выходец с Нижнего Амура, исследователь нивхской культуры доктор исторических наук Ч.М. Таксами лаконично, но емко охарактеризовал значение рыбного промысла для своих соплеменников:

«Вся жизнь нивхов до мельчайших подробностей быта была связана с рыболовством. Рыба круглый год давала пропитание нивхам и их единственному домашнему животному – собаке, из рыбьей кожи шили одежду и обувь. В конце XIX-начале XX в. от продажи рыбы появился дополнительный заработок в семье, что позволяло приобретать необходимые предметы домашнего обихода и промыслового снаряжения».

Нивхи в результате многолетней практики прекрасно изучили водоемы своих районов и рыбные ресурсы, а также особенности миграции лососевых рыб. Как исконные рыболовы, они достигли в этом известной степени совершенства. Все рыболовные тони в заливах для установки сетей и ловли лососевых (*кезф*), нерестилища в реках (*тыми, чо тлав*) были не только хорошо известны и используются, но и заботливо опекаемы. Промысловые угодья (*чо т'уньф*), особенно нерестовые ямы и устья рек, ежегодно очищались как механически, так и посредством магических обрядов.

Летне-осенний промысел рыбы имел для нивхов жизненно важное значение. Это отразилось и в их календаре. Если некоторые месяцы имели только цифровое обозначение, то другие были связаны с основными занятиями: июнь – *маск'со лен* «месяц красноперки»; август – *тэн'ивота лен* «месяц изготовления юколы из горбуши»; сентябрь – *лахивота лен* «месяц изготовления юколы из кеты»; ноябрь – *мухиты лен* «месяц поднятия лодок». Подготовка к лососевой путине велась очень тщательно. Зимой чинили старые и вязали новые сети и невода, делали весла, ремонтировали лодки, чтобы к массовому ходу лососевых переехать к местам промысла. Старые орудия промысла бережно сохранялись, а опыт рыболовства нивхи передавали из поколения в поколение. Главной заботой каждой нивхской семьи было как можно больше заготовить рыбы посредством вяления и как можно лучше ее сохранить.

Поскольку промысел рыбы являлся основой хозяйственной деятельности, а продукты промысла – основным средством существования народа, постольку начало его сопровождалось специальными торжественными ритуалами («кормление»). Этнограф Ч. М. Таксами подчеркивал особое значение таких обрядов, напрямую связанных, как считали нивхи, с их благополучием:

«Чтобы всегда сохранять хорошие отношения с «хозяином воды, моря», поддерживать его могучую силу, нивхи устраивали жертвоприношения *тол ардь* – «воду кормить». <...> Сахалинские нивхи повсеместно этот обряд еще называли *чух чухинд*. Иногда просто говорят *кыз нынт* – «счастья искать». Большие «кормления воды», ставшие у нивхов значительными праздниками, устраивали дважды в году: весной во время освобождения реки ото льда и глубокой осенью, сразу после становления льда. Только после «кормления воды» нивхи приступали к промыслам рыбы и морского зверя. До совершения обряда «кормления» нельзя было ловить рыбу или спускать лодку в воду, так как верили, что «хозяин воды» может не послать рыбы и тогда нивхам грозит голодная смерть».

Обряды сопровождалось жертвоприношениями, различными играми, соревнованиями. В жертву приносилась ритуальная еда – *мось, холодь, ма*, заструженные палочки *инау*, произносились заклинания. Кроме больших праздников, подобные ритуалы устраивались во время промысла повседневно. «Вода, сделай так, чтобы мы хорошо ловили рыбу», – просили нивхи, бросая в воду щепотку табаку или горсть рису.

Рыбу добывали сетями (*лыр ке, ческ, охан, пронк*) и неводами (*кырке*), заездками (*мыр*) и запорами, крючками (*китын, чоэсп, керкос*) и гарпунами (*осмыр, осмур*). Орудия первых двух групп были высокопродуктивные, ими пользовались преимущественно во время рунного хода. Например, заездок представлял собой деревянное ограждение, идущее от берега в виде буквы «Г». Он перегораживал ход рыбе, направляя ее в сетевые ловушки. В путину одним заездком можно было добыть тысячи штук горбуши или кеты.

Лососей, идущих на нерест, нивхи добывали крюками (подвижными и неподвижными) на длинных палках (*мытл, матл*). Во время рунного хода рыбаки, стоя на берегу небольшой речки или с лодки, добывал такой острогой 100-200 штук в день. Тымовские нивхи сооружали над водой настил (*мран*), на нем сидел рыбак и крюком *матл* ловил тайменей. Тайменя промышляли и гарпунами, их метали с лодок или ходили вдоль берега реки и кололи тайменя, притаившегося в траве. Ночью промышляли при свете горящих берестяных факелов, светом привлекающих рыбу. Частиковых рыб в течение всего года добывали удочками-*махалками*, сетями, неводами. Зимой добывали рыбу преимущественно крючками, запорами, вентерями, сачками. Над прорубью из сена сооружали шалаш для рыбака.

Морской зверобойный промысел давал нивхам жир и мясо, корм собакам, шкуру для одежды и обуви, кожу. Часть добычи в XIX – начале XX веков нивхи сбывали на рынок и обменивали на предметы быта.

На Сахалине было много удобных лежбищ, на которых скапливались многочисленные стада разнообразных ластоногих. Наибольшее значение в хозяйстве нивхов имел промысел нерп (*лангр*). Нерп на морском побережье добывали круглый год: зимой в прорубях, весной во время ледохода между льдинами, летом – на чистой воде и на суше. Летом в период рунного хода лососевых нерпы поднимались в верховья рек за рыбой, где их и добывали нивхи одновременно с рыбой. Особое значение имел «экспедиционный промысел» в отдаленных местах. В году было два таких периода – ранняя весна и глубокая осень, когда нивхи съезжались на охоту в особо богатые тюленями места (Ныйский, Луньский, Набильский заливы, мыс Тык, полуострова Шмидта, Терпения). В заливах восточного побережья преобладали тюлени крупных пород, их кожа шла для выделки обуви. Будучи вдали от дома, промысловики останавливались на время у своих сородичей или родственников жены. Естественная связь кровного родства и свойства дополнялась экономическими связями.

Весенняя охота на белух (дельфинов) у нивхов западного побережья была событием, которое вызывало большой интерес, ее старался не пропустить ни один мужчина. Она была связана со вскрытием льда, когда наступали долгожданные минуты и со стороны Охотского моря в чистой воде показывались дельфины. Нивхи их ждали в лодках, бросали гарпуны (*нарр, осмур*) на расстояние до десяти метров. Загарпуненный дельфин долго плавал, охотники плавали у него «на буксире». Когда животное уставало, его подтягивали за ремень к лодке, приканчивали колотушкой, копьем. Охота была сопряжена с опасностями, людей и лодки могло унести в море, это создавало особую атмосферу, вносило разнообразие в монотонную жизнь. Люди пополняли свой рацион свежим мясом и жиром, начинался новый хозяйственный цикл.

Нивхи восточного побережья начинали охотиться за морскими животными еще в феврале, поскольку сильные ветры там часто взламывали лед. Охотники надевали маскировочную одежду (шапку из бельков), старались не попадаться животным на глаза, чтобы они подлизывали ближе. Плавающей острогой с длинным остовом (*тла*) кололи животных, лежавших на льдинах или на камнях, позднее убивали из огнестрельного оружия. С помощью *тла* охотились и с лодки, и с берега.

На морского зверя охотились как коллективно, так и индивидуально. Индивидуально охотились в непосредственной близости от поселения. Охотник

сразу же доставлял добычу домой и здесь же ее обрабатывал. Летом охотник пользовался лодкой, зимой – собачьей упряжкой. При охоте на нерпу, связанной с выходом в море, выездом на дальние острова и лежбища, при промысле белухи охотники объединялись в небольшие группы по шесть-восемь человек, каждая со своей лодкой. Выезжали из дома по нескольку групп на 10-15 дней, собаки везли лодку, оружие и все снаряжение.

Орудия морского зверобойного промысла разнообразны: короткая дубинка-колотушка (*чонгрчась, тенгрзас*), плавающая острога с длинным остовом (*тла*), гарпун (*нарр, осмур*), ловушки (*хонк, ршейвыч*), крючковые снасти, сети (*лыркуке*). Подробно описывая изготовление, устройство, ловкое обращение нивхов с плавающей острогой *тла*, Е.А. Крейнович не скупился на такие выражения, как «замечательная, гениальная острога», «технический гений нивхов», «гениальное творение». Оригинальным было устройство ловушки *хонк* («плавающая дверь»). Нерпа забиралась для отдыха на деревянную раму, створки открывались вниз, животное проваливалось в сеть.

Добычу коллективного морского промысла делили не между охотниками, а между семьями и домами, чтобы все, включая тех, кто в охоте не участвовал, могли угоститься мясом и жиром (*ан’стунд*). Свой пай получали также вдовы, семьи бедных. Коллективный принцип распределения продуктов морского зверобойного промысла долго сохранялся в быту нивхов.

Охота на пушного зверя носила индивидуальный характер. Охотились огнестрельным оружием, но и ручной лук (*пунт, пунч*) применялся вплоть до начала XX века. Медведя в берлоге били копьём (*ках*). Охотились также на соболя, выдру, рысь, колонка, белку, лисицу. Пушнина шла на продажу, а также оставалась для бытовых нужд семьи – на шапки, рукавицы, отделку к шубе.

Нивхи широко пользовались дарами природы. Важное место в хозяйстве занимало собирательство. Растительные продукты – ягоды, орехи, травы, корни, водоросли и моллюски – вносили существенное разнообразие в пищевой рацион. Для сбора брусники, клюквы, морошки, голубики женщины, подростки, дети отправлялись пешком или на лодках иногда на два-три дня. Заготавливали стланиковые орехи, корни сараны, желуди, черемшу, исландский мох, морскую капусту.

Единственным домашним животным нивхов была собака. Она выполняла роль упряжного животного, давала мех для одежды, мясо ее употребляли в пищу, она была распространенным объектом обмена, играла видную роль в религиозных представлениях и обрядах. Собаки в менталитете нивхов были связаны как с богами-«хозяевами», так и с реальными людьми. Собака была средством уплаты штрафа за нарушение религиозных установлений. Количество собак в хозяйстве было показателем зажиточности и материального благополучия. Обычно в каждом хозяйстве содержали по 30-40 собак. Кормили их рыбой, тюленьим жиром.

Сельское хозяйство стало проникать к нивхам в середине XIX века, когда они начали сажать картофель.

Нивхов с полным правом можно назвать ихтиофагами. Основой пищевого рациона была рыба, чаще всего в вяленом виде – юкола (*ма*), она заменяла им хлеб. Мясная пища употреблялась не часто. Пища приправлялась рыбьим жиром или жиром нерпы. Лакомым, а также ритуальным блюдом считался студень (*мось*), приготовляемый из отвара рыбьих кож. Рыбьи шкурки нарезают ленточками, за-

тем варили до полного размягчения. В деревянном корытце пестиком растирали отваренные кожи до желеобразной массы, добавляли тюлений жир, ягоды шикши, брусники, затем застывшую смесь нарезали ломтиками и подавали на стол. *Мось* использовали во время жертвоприношений «хозяевам»-богам, во время медвежьего праздника. Иногда в *мось* добавляли рис, могли прибавить крошенную юколу. Мясо морского зверя употреблялось в пищу в сыром виде, вареном, коптили. Жир топили, сливали для хранения в сосуды из высушенных пузырей тюленей.

С рисом, пшеном и чаем нивхи познакомились еще во времена торговли с Китаем. Русским влиянием стало употребление хлеба, сахара, соли.

19.3. Поселения и традиционное жилище

Образ жизни нивхов характеризовался значительной степенью подвижности, так как их хозяйственные заботы требовали внутриостровных сезонных перемещений. У нивхов было два типа как поселений, так и жилищ: стационарные зимние (зимники) и стационарные летние (летники). По данным Л.И. Шренка, в середине XIX века на Сахалине было 38 нивхских селений с общей численностью 1704 человек. Переписью 1926 года на острове было зарегистрировано 60 селений и 1700 человек.

Нивхские летние селения (*толв-во*) обычно располагались около устьев нерестовых рек, довольно близко от воды, то есть максимально были приближены к местам рыбного промысла. Они могли находиться как недалеко от зимних поселений, так и на расстоянии нескольких километров. Размеры поселений были небольшими, в них редко насчитывалось более 20 жилищ.

Л.И. Шренк, живший среди нивхов два года, вычислил, что в среднем в каждом жилище (*таф*) жило по 16 человек. Он подробно описал нивхские жилища, в которых неоднократно останавливался во время своего путешествия по Сахалину:

«Гильяки строят отдельно свои летние и зимние помещения, главным образом на основании климатических условий. Зимой они ищут защиты от холода, часто сопровождаемого бурями и метелями, а летом от сырости, которая обуславливается соседством с морем, постоянными морскими ветрами, туманами, дождями. В первом случае требуется жилье по возможности плотно закрытое, со стенами, которые могли бы успешно сопротивляться напору ветра; во втором – постройки, доступные влиянию внешнего воздуха и которые легко проветривались бы».

В качестве зимнего жилища у нивхов были распространены землянки или полужемлянки (*то раф*), каркас которых имел форму усеченной пирамиды. Это были шатровые каркасно-столбовые сооружения, с входом в прошлом через крышу. Зимнее жилище создавалось коллективными усилиями и являлось собственностью нескольких семей. В конце XIX – начале XX века *то* были углублены наполовину или на треть, вход был наземный, отверстие для света было в крыше. Как зимние, так и летние жилища ориентировались передней стороной с входом на юг, юго-запад.

При строительстве зимника вырывали яму глубиной примерно в метр, вкапывали четыре опорных столба, укладывали четыре основных балки (рама), а также дополнительные. На балки накладывали жерди крыши, оставляя вверху квадратное отверстие для выхода дыма. В дымовое отверстие вставляли квадратную рамку из дощечек, она служила трубой. На жерди накладывали много сухой травы, набра-

сывали сухую глину и песок. Зимой покрытая снегом отсыревшая глина надежно защищала жилище от ветра. Все сооружение, напоминающее четырехгранную пирамиду со срезанной вершиной, снаружи еще засыпали землей. Перед дверью зимника обязательно устраивали просторный крытый вход, чтобы дверь не заносило снегом. В большом зимнике вход превращался в длинный, низкий, крытый, полотный к входной двери коридор, в нем хранили утварь, держали собак.

Размеры зимников были различными. Крупный зимник обычно не предназначался для проживания членов малой семьи, а был жилищем для коллектива близких родственников. В них жили братья и их дети со своими сыновьями, в том числе женатыми, и незамужними дочерьми, нередко старики-сородичи, которые находились на содержании. Л.Я. Штернберг писал, что «в больших зимних юртах < ... > можно насчитать в каждой иногда по 2-3 десятка сородичей». В небольшом поселении могло быть 2-3 больших зимника. Зимник небольших размеров, по описаниям Л.И. Шренка, превращался «в шалаш из тонких бревен», который едва возвышался над землей.

В интерьере как зимника, так и летника следует отметить два основных элемента – нары и очаг. Нар обычно было три – две боковые и одна поперечная у задней стены. На хорошо вытесанных, ровных и гладких нарах шириной в рост взрослого человека днем сидели, ночью спали. Спать укладывались поперек нар, головой к огню. Места на нарах были распределены по половозрастному признаку, так же как и помещение в целом было разделено на зоны.

Очаг устраивали посередине зимника и в центре жилой половины летника. Пол зимника был земляной. Для очага из досок сбивали квадратную раму, ее набивали землей, сверху земли насыпали сухую глину (*орми*). Два раза в году, весной и осенью, при переезде из летников в зимники и из зимников в летники, очаг обновляли. Над очагом располагали поперечные жерди, на них сушили рукавицы, обувь. На одной из жердей укрепляли крюк, на который подвешивали котел для варки пищи, чайник. С очагом, в котором постоянно поддерживали огонь, были связаны свет и тепло, он был центром, вокруг него текла повседневная жизнь, собирались все обитатели жилища, он же служил и символом родства. Зимой обыкновенно до глубокой ночи взрослые сидели и беседовали у огня. Каждая часть очага имела свое назначение. Огонь жилища был огражден рядом табу, магическими обрядами.

Аналогичным было внутреннее устройство зимних наземных жилищ из бревен (сруб) или досок. Наземные жилища широко распространились в XX веке, вытеснив старинные пирамидальные постройки.

Летом семья жила в наземном или свайном жилище, устанавливаемом на столбах/вывороченных пнях. Одно из первых описаний летнего поселения нивхов было сделано в 1849 году российским исследователем Г.И. Невельским:

«Селение лежало на острове вдоль берега и расположено было в два ряда один от другого около 50 сажень; строение хижин двоякого рода: одни имели основания четырехугольные, и крыши из еловой коры сходились к вершине конически, а другие имели конические основания, покрытые рыбьей кожей; как те, так и другие построены из шестов, вход в жилище не заперт дверью, а был свободен, во внутренности лежала по сторонам разная утварь <...>: чугунные котлы на трех ножках с откидными ручками, рыбы кожи и тюленьи шкуры. Вокруг хижин были привязаны собаки, принадлежащие к одной породе с камчацкими».

Г.И. Невельской также отмечал и характерную для летника галерею/балкон по переднему фасаду строения.



Рис. 51. Летнее жилище нивхов. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Т.2. СПб., 1899. Табл.13

Летнее жилище обычно было небольших размеров, поскольку предназначалось для одной семьи. Конструкция летнего жилища, процесс его постройки, внутреннее членение пространства, культовая практика, связанная с вселением в жилище были детально описаны в 1920-х годах этнографом Е.А. Крейновичем. Автор особо подчеркивал сохранение традиций, глубокую продуманность, гармоничность элементов нивхского жилища, трактуя это как результат векового опыта (выгнутый щиток вверху свай, убираемая на ночь лестница-бревно с зарубками и др.), а в качестве заключения отметил:

«Изучение процесса постройки летнего жилища на вывороченных пнях показывает, что у нивхов имеется огромный запас знаний и навыков, передаваемый ими из поколения в поколение. Построить такое жилище чрезвычайно сложно. Нивхи не имеют ватерпаса, уровней, отвесов, но тем не менее эти жилища гармоничны, поставлены удивительно ровно, устойчиво – им не страшен никакой ветер».

Летнее жилище функционально членилось на две половины: передняя использовалась для хранения запасов юколы, берестяной и деревянной посуды, котлов, тюленьих кож, одежды; задняя половина была жилой.

В летний хозяйственный комплекс обязательно входили амбар на сваях и вешала для вяления рыбы. Здесь же содержались собаки. Вешала/сушила были непременным атрибутом хозяйственного комплекса, их можно характеризовать как зримую примету нивхских поселений. Именно об этом писал в своем отчете 1849 года руководитель Амурской экспедиции Г.И. Невельской, заметив при ознакомительном осмотре сахалинского берега с борта транспорта «Байкал», что «...по висевшей на жердях рыбе можно было предполагать о существовании поблизос-

ти жильцов». Конструктивно это были врытые в землю два ряда высоких столбов с перекладинами. Внутри образовавшегося пространства делали помост на сваях для обработки рыбы. Очистка рыбы, изготовление из нее юколы было женской работой. Рыбу нанизывали на жерди различной длины и толщины или прутья, потом поднимали на сушила. Провяленную рыбу связками складывали в амбар.

Летники-амбары (*кэрыф*) строились аналогично жилищам, но были меньше по размерам и не были разделены на две половины. Обычно имели длину от 8 до 8,5 м, стояли на столбах чуть более 1 м высотой, которые, как правило, были богато декорированы. Резной орнамент покрывал почти всю поверхность столба, состоял из парных спиралей, перевитых лент, розеток, треугольников, кружков. Все это выглядело очень красиво, поскольку орнамент по традиции окрашивали в черный цвет, а резные линии оставались светло-золотистыми.

19.4. Одежда

Традиционная одежда нивхов была как тканой, так и изготавливалась из рыбьей и тюленьей кожи, собачьих шкур. Нивхский костюм состоял из распашного халата с поясом, штанов, ноговиц, фартука (передника), капорообразного головного убора, обуви, сшитой из рыбьей кожи и нерпичьей шкуры, и различных дополнений к одежде в виде нарукавников, наушников, рукавиц, сумочек, кисетов и других подвесок к поясу халата. По покрою женские и мужские халаты не различались. Повседневные женские халаты были длиннее мужских и более яркими по расцветке.

Еще в конце XIX века у нивхов бытовали халаты, сшитые из рыбьей кожи (*выскаыл*). Такие халаты обычно носили весной, летом и в начале осени, шили их из специально выделанной кожи кеты, тайменя. Такие халаты, передававшиеся по наследству, на протяжении 5-6 поколений не теряли своей мягкости и свежести. Рыбья кожа обладала незаменимыми качествами: легкостью, прочностью, непромокаемостью. К тому же этот материал в прошлом имелся в любом хозяйстве в неограниченном количестве, но требовалось очень много женского труда для обработки и сшивания рыбьих кож, отделки халатов. Сахалинские нивхи высоко ценили покупные праздничные халаты из рыбьей кожи нанайского изготовления, изумительные узоры с выношенных халатов перешивали на новые.

В качестве материала для зимней плечевой одежды широко была распространена нерпичья кожа, материал непромокаемый, в суровых климатических условиях севера острова имеющий преимущества сравнительно с рыбьей кожей. Из нерпичьих шкур нивхи изготавливали халаты и куртки (*тшах*) обычно с широкой левой полой, закрывающей сверху правую полу. Женщины носили левополые шубы (*лангр ож*) с более узкой левой полкой. Л.Я. Штернберг ярко и красочно описал нивхский зимний мужской костюм:

«Зимний костюм очень эффектен. Затянутый в талии в черную собачью шубу, на темном фоне которой мягко выделяется нежно-серая юбка из шкур молодых тюленей, в сапогах с узкими носками, изящно сшитыми, в шапке из лисьих лапок с наушниками, в меховых перчатках, закрывающих рукава, – гиляк производит изящное молодецкое впечатление».

Нивхи-мужчины носили специальную защитную поясную одежду *коск* (*хоски*). Это была юбка-передник, сшитая из нерпичьей шкуры, надеваемая поверх верхнего платья. Она предохраняла шубу от истирания, порчи при сидении на льду,

снегу во время морского промысла, ее надевали, отправляясь на нартах в сильные морозы, на промысел в тайгу.

Для шитья матерчатых халатов обычно употребляли гладкие, однотонные ткани. Халат конца XIX – середины XX веков назывался у нивхов *пухт* и имел покрой кимоно с цельнокроеными рукавами. Халат окаймляли вокруг ворота, по левой доле и по подолу широкой полосой материи иного цвета. На подоле по кайме в качестве украшений нашивали ряд мелких пластинок. Длинный халат запахивался на правую сторону и застегивался сбоку с помощью мелких пуговиц.

Летом и зимой мужчины и женщины носили дома халаты без подкладки или на подкладке; выходя на улицу, надевали один на другой два-три халата. Для зимнего времени шили и теплые халаты: между слоями ткани прокладывали тонкий слой ваты и пришивали на машинке или вручную. Сочетание различных по тону тканей халата и отделки, а также различных украшений придавало одежде своеобразие.

Непременным элементом нижней мужской и женской одежды были ноговицы (*пань*), надевавшиеся отдельно на каждую ногу. Их шили из ткани, на подкладке, зимой – на легком слое ваты, а также из собачьего, нерпичьего меха, из ровдуги. Низ ноговиц заправляли в обувь, поэтому его делали из мягкой, прочной ткани. Охотники часто носили две пары ноговиц, верхние надевали поверх голенищ обуви, что гарантировало от попадания снега в обувь.

Обязательным элементом как мужской, так и женской одежды являлся пояс, к нему подвешивали предметы, необходимые на промысле или в дороге, – нож, кисет, подсумок, шило, амулеты и т.д.

Традиционные головные уборы шились из меха лисицы, речной выдры, тюленя, хлопчатобумажной ткани. Шапки богато и красочно украшали мехом белки, соболя, собаки, китайским шелком, пуговицами, бисером. Летние конические мужские шляпы изготавливали из бересты.

Обувь нивхская шилась из шкуры нерпы и рыбьей кожи (например, головки обуви изготавливали из кожи тайменя, а голенища к ним – из кожи кеты). В качестве подстилки внутрь клали сухую траву. Обувь носили с чулками из собачьего меха, это позволяло свободно переносить сильные морозы.



Рис. 52. Зимняя одежда нивхов. Шренк Л.И.
Об инородцах Амурского края. Т.2. Табл.19

Обувь, рукавицы, другие изделия из кожи сшивали нитками собственного изготовления из волокон крапивы, сухожилий собак и других животных. Нитки из крапивы использовали широко: как в рукоделии, так и в хозяйстве, они славились крепостью. Крапиву (*хиск*) собирали в сентябре-октябре; связав в пучки, вешали для просушки в амбарах, зимой женщины и старики обрабатывали ее. Изготовление нитей было трудоемким процессом. Стебли расщепляли заостренной деревянной палочкой, из наружных частей стебля выбирали волокна. Для прочности нитки вываривали в особых растворах. Если нити шли на изготовление сетей, тогда тонкие скручивали в более толстые, с помощью мотовил делали веревки.

19.5. Традиционные средства передвижения

У Л.Я. Штернберга в его ставшей классической работе «Гиляки» обращает на себя внимание несколько неожиданная ремарка: «Гиляк вообще полуоседлый человек». Развивая мысль, исследователь отмечал сезонность хозяйственных занятий и соответствующие миграции нивхов в летние и зимние поселения. Кроме того, весной, когда заканчивался запас ююлы, нивхи нередко отправлялись покупать ее в достаточно отдаленные места. Весенняя охота на морского зверя и выезд для этого на побережье также были дальней поездкой. К тому же частые разъезды нивхов мотивировались не только хозяйственной необходимостью, но и особенностями этнического характера, принципами гостеприимства и братской взаимопомощи. Например, Л.Я. Штернберг об этом писал так:

«Но гиляк любит разъезжать и без серьезных поводов. Ездить в гости и принимать гостей, устраивать праздники и жить на людях – высшее удовольствие гиляка. Угрюмый и суровый в одиночестве, он в обществе преобразуется, становится игривым, веселым, болтливым». «Зимние месяцы самые веселые в году. < ... > Начинается бесконечная езда в гости, слушание сказочников по ночам, а с февраля наступают медвежьи праздники, самые радостные дни в жизни гиляка».

В дневниках Е.А. Крейновича информация о страсти нивхов к путешествиям, поездкам в гости также находит подтверждение, при этом автор отмечал: «Общественная жизнь нивхов в зимнее время возможна только с помощью собачьего транспорта». В силу вышеназванных обстоятельств очевидно, что средства передвижения играли большую роль в жизни народа.

Традиционно зимой нивхи передвигались на собачьей упряжке, летом – на лодке. Нивхская ездовая нарта (*ту*), изготовленная из дерева, скрепленная деревянными гвоздями, рыбьим клеем и кожаными ремнями, отличалась маневренностью, легкостью, скоростью и большой упругостью. Она была приспособлена для езды по лесистой местности, торосистым поверхностям рек и морей. За легкость хода такие нарты можно назвать «беговыми». Полозья нивхских ездовых нарт загибались как спереди, так и сзади, они опирались о землю примерно только на треть своей длины. Эта особенность способствовала легкости и быстроте хода.

Старинные нивхские нарты были очень узкими, собак запрягали в ошейники по одной, на равных друг от друга расстояниях, то с одной, то с другой стороны (цугом-елочкой). Ввиду неустойчивости таких нарт управление ими было весьма своеобразным. Нивх, сидя на них верхом, держал ноги не на полозьях, а на коротких лыжах-голицах, скользивших вдоль нарт. Л.Я. Штернберг отмечал следующие достоинства такой нарты:



Рис. 53. Зимняя езда нивхов. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Т.2. Табл. 37

«Гиляцкие собачьи нарты – в своем роде верх совершенства. Имея в длину около двух метров, в высоту и в ширину около 30 см, составленные из тоненьких березовых брусков с легким переплетом в сиденье, они так легки, что их без всякого труда поднимаешь одной рукой, и в то же время они настолько прочны, что выносят тяжесть в одну четверть тонны; по эластичности и прочности с ними может поспорить разве только древняя камчадалская нарта».

Традиционные ездые нарты не были приспособлены к перевозке одновременно нескольких человек и значительных грузов. В начале XX века получили распространение более вместительные, больше предназначенные для перевозки грузов нарты восточносибирского типа с попарной упряжкой собак в лямки. У них полозья были более широкими, приподнятыми только спереди. Нарта этого типа была более крупной по размерам, более низкой, более грузоподъемной. В такую устойчивую нарту впрягали 8-12 собак.

Зимой передвигались и на лыжах. На небольших переходах пользовались лыжами-голицами, для дальних походов в сезон пушной охоты лыжи подклеивали тюленьим мехом или камусом.

По речкам плавали на легких долбленках (*муськыр*), которые делали из тополя, передвигаясь на них при помощи гребных весел, но чаще шеста. Летом в лодку в качестве тягловой силы могли впрягать и собак. Нос долбленки делался со стороны комля дерева, то есть она продвигалась вперед наиболее широкой и тяжелой частью. Для того чтобы лодка была легкой, быстро двигалась, к тому же имела устойчивость, важно было при ее изготовлении учитывать многое – качество древесины, соотношение толщины бортов и дна лодки, форму дна, равномерность разведения бортов и т.д. При изготовлении однодеревки использовали специальные топоры и строгальные ножи. Накладки на верхние края бортов прибивались гвоздями, изго-

товленными из лиственницы. Опыт и сохранение традиций позволяли добиваться замечательных результатов. О нивхской лодке-долбленке Л.Я. Штернберг писал:

«Она настолько легка, что мальчуган лет 10-12, единолично, без труда вытаскивает ее на берег шагов на 100 и более. Дно ее имеет такую же сферически приплюснутую поверхность, как у нарты, благодаря чему она сидит неглубоко и проходит в самых мелких местах. Встречая препятствие в виде мели или перешейка между лагунами, гиляк легко ее переносит на себе и затем спускает на воду».

При выходе в море пользовались дощатыми лодками (*му*) своего изготовления. Чаще всего такие лодки состояли из трех основных досок (по одной на борта и дно), выглядели большими плоскодонками с острым носом и широкой тупой кормой.

Ездовое собаководство – древнейшее занятие нивхов. Собак не просто употребляли в помощь охотникам или рыболовам, при ездовом собаководстве это были обученные, хорошо тренированные животные. Ездовая упряжка имела передовика, знавшего команды возничего – каюра. Грузоперевозками как приработком нивхи стали заниматься в XIX веке.

19.6. Социальная организация и общественный быт нивхов

Социальная система нивхов структурирована на трех уровнях – семья, род, народ, обеспеченных традиционными нормами гендерных и межпоколенных связей, межродовых и межэтнических отношений.

В вопросе о социальной организации и социальных отношениях у нивхов в XIX веке много дискуссионного, в первую очередь это касается таких аспектов, как наличие рода как социальной структурной единицы и родовой собственности на промысловые угодья.

Понятие «род» известный российский этнолог Б.О. Долгих определяет как экзогамную группу родственников, верящих в свое общее происхождение, имеющих свое название и связанных обычно рядом прав, обязанностей и традиций.

Социальная организация и традиционные семейные отношения нивхов до начала XX столетия подробно описаны в работах русского этнографа Л.Я. Штернберга, собравшего много материала по истории нивхских родов. Судя по этим материалам, нивхи разделялись на экзогамные роды, которых было несколько десятков. Роды нивхов конца XIX века в подавляющем большинстве были сформированы из разнородных по происхождению элементов не ранее конца XVII века. Материалы Л.Я. Штернберга свидетельствуют, что в памяти нивхов долго сохранялись воспоминания об истории родов, образованных слиянием ветвей разных родов в однородное объединение, о распространенности межэтнических браков. Исследователь, настаивая на сложном происхождении нивхских родов, писал об айнском, орокском, нанайском, негидальском, ульчском их происхождении.

Уже во времена Л.Я. Штернберга нивхский род не представлял территориального и экономического единства, в одном селении жили члены различных родов. Лишь в мелких селениях жило по 1-3 семьи, относившихся иногда только к одному роду. То есть существовавшие роды были чрезвычайно далеки от первобытных, родоплеменная организация разложилась либо находилась в состоянии разложения, возрастала роль соседских контактов, а основной социальной единицей была семья.

Нивхский род (*кал, к''али, хал, х''али*) состоял из группы родственников по мужской линии (*агнаты*), которые имели взаимные обязанности по уплате выкупа, ка-

лыма, расходов по похоронам членов рода, организации медвежьего праздника. Для нивхского рода были характерны общий огонь, общие духи, кровная месть. Родовые связи проявлялись в первую очередь в брачно-половых нормах, религиозных обрядах и обычаях:

«...гиляцкий род – союз родственников по мужской линии, агнатов, берущих жен из другого определенного рода, отдающих своих женщин в третий и связанных между собою целым рядом взаимных прав и обязанностей в области брачно-половых норм. <...> ...несмотря на принцип агнатства, сородичи связаны родственными узами не только по отцу, но и по матери».

Исследователь XX в. А.В. Смоляк поддерживает взгляды Л.Я. Штернберга о смешанном характере нивхских родов, вхождении в их состав тунгусских элементов, а также их дислокальности. А.В. Смоляк считает, что межродовые контакты и взаимоотношения родов, входящих в состав этносов Нижнего Амура и Сахалина, имели значительную специфику. Пример нивхов в этом отношении не уникален, сложное происхождение даже малочисленных родов и их частей – явление, характерное для многих родов и народов сопредельной территории – Нижнего Амура. Род у нивхов – это условное понятие, не адекватное принятому понятию «род» с такими обязательными признаками, как единство территории и происхождения. Это был социальный институт, регулирующий в первую очередь брачные взаимоотношения, а также проведение религиозных обрядов, которым придавалось большое значение. По утверждению А.В. Смоляк, во второй половине XIX века исследователи наблюдали и описывали территориально-общинные, но не патриархально-родовые отношения нивхов:

«Нивхи жили селениями, состоявшими из семей, относившихся к различным родам, а во многих случаях – и к различным этническим группам <...>. Селения, территориально-соседские общины, в которых очень прочными были соседские связи, и были основными социальными единицами общества. Первичной же экономической единицей была семья. Основная функция рода сводилась к регулированию брачных отношений и выполнению некоторых обрядов».

Иную позицию в данном вопросе занимает Ч. М. Таксами, настаивая на том, что у нивхов род «был основной единицей общественной структуры», его генеалогическое ядро составляли кровные родственники по линии отца. По мнению исследователя, для рода были характерны экзогамность, патрилинейность и патрилокальность, наличие родовых жилищ и родовой территории, общность культа.

Различаются подходы исследователей и к вопросам, связанным с территорией промыслов и правилами добычи животных у нивхов. Л.Я. Штернберг, не обнаружил у нивхов родовых промысловых угодий. Существование селений со сложным родовым составом, свободное пользование промысловыми угодьями порождало своеобразные формы соседской или территориальной общины. Неукоснительно соблюдался один принцип: нельзя мешать промышлять человеку, пришедшему в какое-либо место ранее, то есть господствовало право первого освоения и длительного пользования. Право собственности было ограничено фактическим пользованием, регулировалось нормами обычного права.

Иной позиции придерживается в своих работах Ч. М. Таксами, настаивая на «монопольном владении» нивхскими родами определенных территорий и промысловых угодий. Признавая, что эти «права родов» стали нарушаться «еще до XIX в.», автор тем не менее утверждает, что члены каждого рода занимались хозяйственной деятельностью только в пределах своих родовых угодий:

«Нивхи владели коллективно не только водными угодьями, особенно нерестовыми ямами, но и всем участком определенной территории, составлявшим родовую собственность».

Как правило, в него входили места рыбного промысла, пушной и морской охоты, сбора ягод, орехов, крапивы и других трав, ловли орлов и т.д. <...> Каждый нивх хорошо знал границы своей родовой территории, получая эти знания с самого детства. В памяти народа родовая собственность на территорию сохранилась до наших дней».

Хозяйственной деятельностью занимался трудовой коллектив, который, по мнению Ч. М. Таксами, состоял из родственных семей. Коллективным был труд при охоте на морского зверя, в рыболовстве, в строительстве жилых и хозяйственных построек, коллективным же было распределение и потребление продуктов.

«Как правило, каждая нивхская семья складывала в общем амбаре уловы рыбы, нерпичий жир, ягоды и другие виды запасов, заготовленные в семейных родовых угодьях. Обычно члены каждого большого зимника имели общий амбар – летний. Обитатели селения потребляли зимние запасы коллективно. Если же в селении представители одного рода жили в 2-3 больших зимниках, что наблюдалось в начале XX в., то члены каждого из них складывали запасы в свой амбар, который располагался при них».

Действительно, модели родовой общины как институту присущи коллективный характер собственности на средства производства и орудия труда, коллективность потребления. Изучение истории нивхских родов на Сахалине в целом показало, что для них было характерно стремление к объединению членов слабых, малочисленных родов. «Осколки» старых родов объединялись, сменялись более «жизнеспособными» (по выражению Л.Я. Штернберга), новыми. Хозяйственная деятельность в условиях сурового климата была возможна только для коллектива. Но отношения в нем были более тесные, чем просто соседские. Жителей территориальной/соседской общины сплачивало не только совместное проживание, но и отношения родства и свойства. Родо-общинные отношения в стадии разложения служили базой для возникновения соседско-общинной организации.

Система брачных отношений нивхов долгое время оставалась архаичной. Л.Я. Штернбергом было описано существование своеобразных «трехродовых брачных союзов», что сильно ограничивало круг брачующихся («Каждый род принципиально берет женщин из одного определенного рода и в свою очередь отдает своих женщин в другой, тоже точно определенный род»). Предпочтение в браках отдавалось бракам с женщинами из рода матери, строго соблюдалась экзогамия. Об этих исследованиях Штернберга писал Ф.Энгельс в известной статье «Вновь открытый пример группового брака».

Е.А. Крейнович своими полевыми исследованиями подтвердил наличие у нивхов классифицированной системы родства (обозначался класс людей – «мой отец», «мой матери» и т.д.), существование одностороннего кузенного брака. Обычай нивхов резко отделял братьев от сестер, регламентировали поведение старших и младших братьев. Братья образовывали «остов», постоянный элемент рода, их же сестер считали «чужеродками», поскольку, вступив в брак, они переходили в род мужа.

Ряд исследователей полагает, что уже в конце XIX века старые нормы трехродовых брачных союзов изжили себя, более широко были распространены брачные союзы между парами нивхских родов (род зятя и род тещи), на практике заключение браков могло выходить и за рамки этих отношений.

У нивхов были распространены различные формы заключения брака. Существовал обычай брачного сговора, когда девочек выдавали замуж, а мальчиков женили в раннем возрасте. Нередко предварительный брак между детьми сестры и брата заключался уже при рождении детей.

Другой формой заключения брака было похищение/умыкание женихом невесты (брак «убегом» или «увозом»), а также похищение замужней женщины. Похищение невесты обычно происходило при ее согласии. Похищение женщин иногда вело к серьезным столкновениям. Еще одной формой заключения брака был брак за калым. За невесту в уплату вносились чугунные котлы, ткани, нефритовые украшения, лодки, собаки. По мнению Е.А. Крейновича, а также Ч. М. Таксами, эти формы заключения брака в первую очередь были связаны с фактами нарушения традиционных брачных связей, то есть выходили за рамки брачных союзов: «род тестя» – «род зятя».

Двоеженство чаще всего было связано с существованием обычая левирата¹, который помогал многим семьям выжить, когда они оставались без кормильца. Вдова оставалась в составе рода мужа, который должен был оказывать ей поддержку. Она могла выйти замуж за одного из его младших братьев, могла продолжать жить у родителей мужа или переселиться с детьми к одному из братьев мужа.

В нивхской семье существовала дифференциация труда по полу и возрасту. Ряд исследователей отмечал подчиненное и униженное положение женщин, большое количество табу, которые на них налагались. Тем не менее пожилые женщины считались хранительницами традиций, к ним относились с большим уважением.

19.7. Мироззрения, мифология и культовая практика

Нивхская культура с достаточной степенью полноты сохраняет системы традиционного мироззрения с его архаичными чертами. Традиционно исследователи-нивховеды рассматривали анимизм в качестве характерной черты религиозных верований нивхов. По мнению российского этнолога А.Б. Островского недопустимо сводить религиозные верования нивхов к «простому анимизму», поскольку они являлись «внутренне единой философско-экологической системой» с представлениями о сакральном и выверенными операциями мышления. Исследователь подчеркивает «самобытность системы религиозных представлений, почти замкнутых (по сравнению с соседними народами, у которых был весьма развит шаманизм) на почитании природных стихий».

В основе верований лежали оживление, одухотворение и персонификация природных стихий и явлений, которые в большинстве случаев выступали под именем богов-«хозяев». На верхней ступени пантеона нивхов находились хозяева тайги (гор) и воды, с которыми нивхи постоянно вступали, посредством ритуала, в отношения обмена. Совокупность систем промысловых культов, культа предков, культа огня как семейно-родовой святыни, образовывали внутреннее, ментальное единство мышления носителей нивхской культуры.

Говоря о нивхской фольклорной модели мира, следует отметить, что в силу анимистических установок нивхи не отделяли живую природу от неживой, считая живыми вселенную, солнце, луну и т.д. Российский этнограф Л.Я. Штернберг, наблюдая верования и ритуалы нивхов в конце XIX – начале XX века, следующим образом характеризовал их мироззрение:

«Гиляк называет вселенную «курн», но этим же словом он обозначает понятие личного человекоподобного бога. Словом «паль» он обозначает гору и бога – «хозяина» горы, словом «толь» – море и бога моря. Вселенная – только форма, которую принял величавый

¹ Левират – обычай, по которому вдова обязана или имеет право выйти замуж за брата своего мужа.

образ личного бога «курн». Свой родной остров гиляк называет «миф» (земля). Это живое божественное существо, «голова» которого (мыс Мариин) и «подбородок» «Пытыкры» упираются в Охотское море, а «ноги» – два полуострова в Корсаковском округе, упирающиеся в пролив Лаперуза. <...> Горы, океан, утесы, деревья, животные – это только маска, под которой боги скрывают себя от любопытства человека».

По описанию Л.Я. Штернберга, для нивхской мифологии и понимания структуры мироздания характерно гармоническое существование как целого четырех «стихий»/миров – моря (река, вода), леса (гора), неба и земли. На уровне мифологических представлений исследователь описал многих богов-«хозяев» (хозяев стихий) – хозяйку огня *Туурман*, бога ветра *Лайзна (Ламангдн)*, хозяина зайцев *Оск-ызна*, других. Центральными фигурами нивхского пантеона были *Пал-ызь* и *Тайрнандз (Тол-ызь)*:

«Наиболее важным для гиляка богом-«хозяином» являются Паль-ызь – хозяин гор и тайги, и Тайрнандз, он же Толь-ызь – хозяин моря. Первый живет на самой высокой горе; с ним целые селения его сородичей. Собаками у него служат медведи. Ему подчинены все звери тайги, и он по своей воле раздает их гилякам. Это он велит соболу одеваться в дорогую шкуру и спешить в петлю гиляка; он же велит медведю давать хорошее место для верного удара. Бог моря, Тайрнандз, живет на дне Охотского моря. Это глубокий старик с седой бородой, который живет со своею старухой в подводной юрте. В юрте масса ящиков с самой разнородной икрой, которую он время от времени пригоршнями бросает в море. Это он в определенное время посылает несметные отряды лососей, без которых жизнь гиляка была бы невозможна; это он рассылает касаток водворять порядок в морях и гнать навстречу гиляку всяких зверей морских».

По свидетельству Е.А. Крейновича, опиравшегося на материалы собственного полевого наблюдения в условиях двухлетнего стационарного пребывания в 20-е годы XX столетия, космогонические представления нивхов были следующими: живая вселенная «*курн*» делилась на сферы/миры:

«...древние нивхи представляли вселенную состоящей как бы из трех плоскостей: верхней – неба, называемой ими *тлы* – «небо» или *тлымиф* – небесная земля; средней, называемой ими *миф* – «земля» или *ыхмиф* – земля *ых*, и нижней – *млых* или *млых'о* – селения мертвых, находящейся под землей».

Структура мироздания символизировалась лиственницей, растущей от земли до неба. Е.А. Крейнович зафиксировал и распространенный у нивхов миф о мироздании: первоначально была одна вода.

«Раньше одно море только было. Потом шторм стал, большие волны были. Волны застыли, и так земля стала».

Российский исследователь А.Б. Островский, отмечая сезонную вариативность нивхской модели мироздания (трех-пятичастная – установление/разрушение ледяной поверхности), развил концепцию трех типов космологической схемы («множественности логик»), свойственных традиционному менталитету нивхов. Для осмысления взаимодействия с другими, внечеловеческими сферами, нивхам были присущи двухчастная, трехчастная и многочастная космологические схемы; им соответствовали определенные формы ритуальной деятельности, определенный корпус верований и мифов.

«В сознании носителей культуры существуют и различные двухчастные космологические схемы (например, описывающие взаимоотношения «низовских людей», т.е. нивхов, с *пал-нивх'*ами – обитателями лесистых сопков, гор), и многочастные космологические схемы». <...> «Многочастная схема мироздания включает в себя два промысловых локуса –

«вода» и «гора»; два непромысловых, соединенных в мифологии стволом лиственницы, – подземный и небесный миры (итого 4 внечеловеческих локуса), а также землю нивхов».

У нивхов было представление о том, что живые существа имеют две сущности – тело и душу. Исследователь Г.А. Отаина по этнолингвистическим материалам выявила представления нивхов о наличии у людей «души» *тегн/техн* – «нематериальной субстанции, обитающей, по нивхским представлениям, в макушке; она обладает независимостью: способна покидать тело во время сна и растает с ним в момент смерти». По данным Л.Я. Штернберга, у нивхов было представление о трех душах – главной (большой), которая располагалась по всему телу, и двух маленьких, которые располагались в голове. В работе Е.А. Крейновича отмечено, что этим же термином *тегн/техн* нивхи обозначали душу тополя (локализовалась в середине ствола) и душу рыбы (локализовалась в голове), что соответствовало их установке на оживление и одухотворение объектов природы. Представления о «душе» находили отклик в повседневной практике. Например, срубив дерево для хозяйственных нужд, нивхи втыкали в пень живую ветку, чтобы сохранить его «душу». Во время промысла рыбу или тюленя били колотушкой по голове. Если этого не сделать, считали нивхи, то ее «душа» уйдет к хозяину воды с жалобой на людей, а это чревато наказанием – отсутствием добычи в дальнейшем.

В описаниях обитателей различных внечеловеческих сфер, у нивхов присутствует психологическая установка антропоморфизма, в основании которого лежит все то же оживление и одухотворение сил природы. Божества (*ызь, ыззу*), считали гиляки, те же люди по образу, подобию, одеянию. Их отличие в том, что они обладают властью над миром людей и природой. Чаще всего «хозяева» стихий выступали в образе седовласых добрых старичков и старушек. В верхнем мире жили разные небесные люди: хорошие на землю золото кидали, плохие – ловили нивхов на крючки и к себе утаскивали. Когда небесные люди кроили шкуры зверей на обувь и одежду, обрезки этих шкур падали на землю и превращались опять в зверей. Градация божеств основывалась на количестве благодеяний, получаемых от каждого из них.

В жилище также были свои хозяева, главной была хозяйка огня/очага – родовое божество, символ родового единства. При вселении в новый зимник или летник проводили обряды «кормления огня» (*турп ард*), используя при этом *инау*, студень *мось*, корни сараны, табак. К духу очага обращались во всех важных случаях с просьбой обеспечить покой, здоровье, удачу обитателям жилища.

Верили нивхи и в существование злых духов (*милк, кинр, кинс*). Обиженные при жизни сородичи, а также не отомщенные и не погребенные в соответствии с ритуалом, а потому не попавшие в селение мертвых (*мльхво*), могли перейти в разряд злых божеств и всячески мстить роду. Такое могло быть и со стороны обиженных чужеродцев.

Сахалин мифологически представлялся нивхам живым существом, в виде огромного зверя (*н'а*), на котором все жили. Тело зверя покрывала шерсть – лес, трава, а люди жили на острове, словно насекомые в его шерсти. Когда зверю надоедало лежать спокойно или люди ему сильно докучали («всякую грязь на него льют»), он начинал ворочаться и «отряхиваться» («земля себя пошевелила» – *миф н'эньин'аунт*) – так нивхи объясняли причину землетрясений.

Жизнь и благополучие нивхов, очень тесно связанные с окружающим миром, порождали необходимость сохранять хорошие отношения со зверями, птицами,

растениями, а также «хозяевами» стихий, домашнего очага, всевозможными «духами». Для этого создавался и соблюдался целый ряд правил, ограничений и запретов, в первую очередь связанных с промысловой деятельностью нивхов, что нашло конкретизацию в развитии мифоритуальных комплексов «хозяев стихий». Важными и обязательными были обряды жертвоприношений («кормление») «хозяевам» воды и тайги. Этнограф Чунер Таксами подчеркивал особое значение системы культов, напрямую связанных, как считали нивхи, с их благополучием:

«Чтобы всегда сохранять хорошие отношения с «хозяином воды, моря», поддерживать его могучую силу, нивхи устраивали жертвоприношения *тол ардь* – «воду кормить». <...> Сахалинские нивхи повсеместно этот обряд еще называли *чух чухынд*. Иногда просто говорят *кыз нынт* – «счастья искать». Большие «кормления воды», ставшие у нивхов значительными праздниками, устраивали дважды в году: весной во время освобождения реки ото льда, и глубокой осенью, сразу после становления льда. Только после «кормления воды» нивхи приступали к промыслам рыбы и морского зверя. До совершения обряда «кормления» нельзя было ловить рыбу или спускать лодку в воду, так как верили, что «хозяин воды» может не послать рыбы и тогда нивхам грозит голодная смерть».

Обряды сопровождалась различными играми, соревнованиями. В жертву приносилась ритуальная еда – *мось, холодь, ма*, застругенные палочки инау, произносились заклинания. Кроме больших праздников, подобные ритуалы устраивались во время промысла повседневно. «Вода, сделай так, чтобы мы хорошо ловили рыбу», – просили нивхи, бросая в воду щепотку табака или горсть риса.

С промысловой деятельностью были связаны и разнообразные религиозные табу. Во время промысла мужчины пользовались иносказательной речью. Оставшимся в селении нельзя было выносить огонь из дома промысловика. Женщинам нельзя

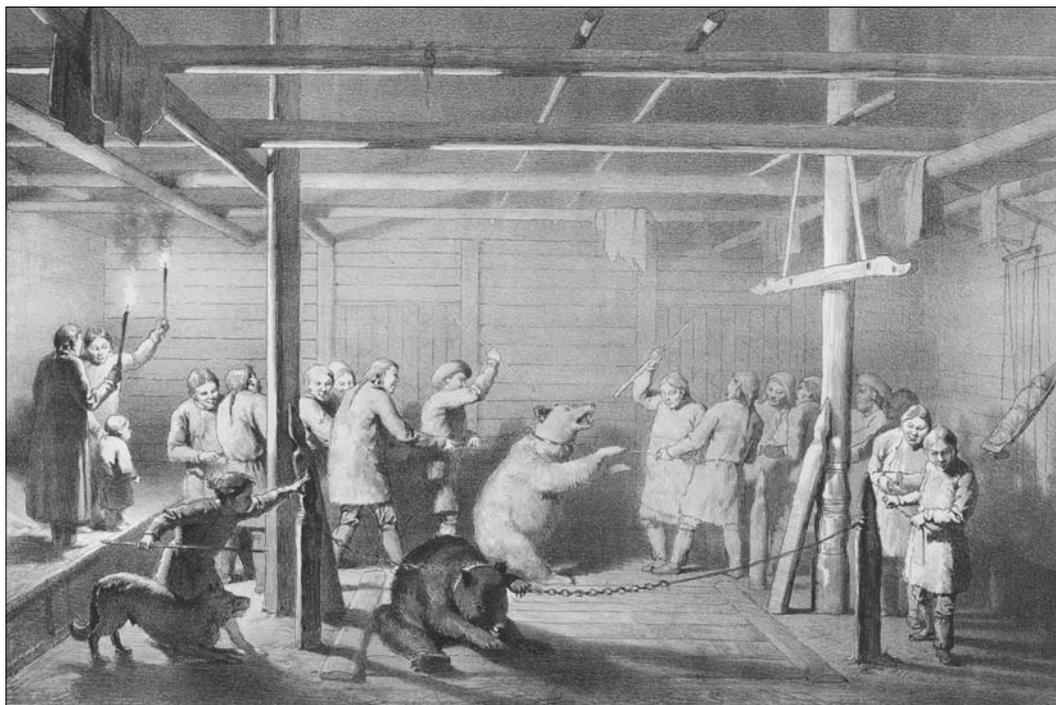


Рис. 54. Медвежий праздник нивхов. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Т.2. Табл. 47

было вышивать, кроить, лепить тесто, выносить вещи из дома и отдавать их кому-либо, петь, так как все это могло помешать удачному промыслу. В настоящее время многие религиозные представления известны лишь людям пожилым.

Кульг медведя – одна из важнейших составляющих в традиционной культуре нивхов, сопряжен с кульгом хозяина тайги (гор) и коммуникацией с ним. Почитание медведя – явление многоуровневое, существовало и в обрядовой практике, и в верованиях, и в мифологии. Ритуальные процедуры были связаны с мифологемой горных людей-медведей, которых «хозяин» тайги (гор) посылал к людям, через ритуальное убиение они возвращались в свой мир обитания с подарками-жертвоприношениями. У нивхов существовали два типа медвежьего праздника: а) связанные с убиением медведя на охоте; б) убиение медведя, выращенного в неволе в течение нескольких лет. Л.Я. Штернберг, подчеркивая высокое значение медвежьего праздника для социальной жизни нивхов, ставил его в один ряд с олимпийскими играми для греков.

У нивхов широко бытовали лечебно-магические рукотворные амулеты из дерева и кожи *чнгай*. Они конструктивно различались в зависимости от применения при лечении различных заболеваний. Лечебные амулеты искусно вырезали из дерева в соответствии с исторически выработанными визуальными аналогами. Первая коллекция нивхских «идолов» была собрана Л.И. Шренком.

Шаманство у нивхов широкого распространения не получило, оно было, очевидно, привнесено извне. Шаманы не играли значительной роли в хозяйственной и общественной жизни, не участвовали в родовых праздниках. Обязанности шаманов сводились к лечению людей и борьбе со злыми духами.

Мир мертвых, по старинным представлениям нивхов, расположен под землей. Жизнь в селении мертвых *млы-во* подобна земной жизни, но там живут гораздо дольше. Погребение умершего зависело от характера смерти, возраста, места смерти. Преобладающими способами захоронения у нивхов были сожжение и захоронение в земле. Младенцев и маленьких детей хоронили воздушным способом.

Похоронно-поминальная обрядность отличается сложностью и разработанностью. Отделению душ от тела и переходу в селение мертвых соответствовали два одновременных ритуала: сжигание и ритуал «поднятия дерева» (*чхаросунт*) – сооружения на родовом кладбище надмогильного домика (*раф*), внутри которого устанавливалась фигурка, символически замещавшая умершего. В период от наступления смерти до «поднятия дерева» душа умершего, по традиционным представлениям, пребывала в теле его любимой собаки (*прыски*). Проводы в селение мертвых, по мнению Ч. М. Таксами «устраивали обычно в осеннее время. <...> Одних провожали через небольшой промежуток времени, а других чуть ли не через год. Это зависело от характера и образа жизни умершего». Обряд сопровождался обильной трапезой, сородичи слегка портили личные вещи, принадлежавшие покойнику, которые ему могли понадобиться в ином мире.

19.8. Фольклор

Нивхи не имели своей письменности, поэтому материалы фольклора зачастую служат основным источником, благодаря которому имеется возможность познаться с историей, традициями, мировоззрением народа. Мифологические предания, другие произведения устного творчества в конце XIX – начале XX века были

записаны у нивхов исследователями Л.Я. Штернбергом и Б.О. Пилсудским, в 1920-е годы – Е.А. Крейновичем, позднее – нивхским писателем В.М. Санги, исследователями Г.А. Отаиной, Ч. М. Таксами, А.Б. Островским.

Имеются различные классификации жанровой принадлежности фольклорных текстов. Этнограф Ч. М. Таксами, например, выделял следующие жанры: «1) *тылгу* (*тылгури*) – мифы, предания и героические сказания; 2) *нызит* (*настунд*) – волшебные сказки, сказки о животных, сказки бытовые; 3) *лу* – песни (лирическая, песня-импровизация); 4) *йылмт-фурдь* – загадки; 5) пословицы; 6) *чамлу* – шаманские песнопения».

Фольклорные произведения – *тылгунд* (*тылгур*) – повествуют о далеком прошлом, отражают мифологические представления о мироздании, о происхождении всей природы и отдельных ее явлений, о происхождении духов и отдельных родов, о родовых и межплеменных отношениях. Наиболее разработанными в мифологическом плане являются представления, связанные с наиболее важными, в плане промысла, стихиями и соответственно их «хозяевами». Почти во всех нивхских преданиях, а также сказках и лирических песнях действия героев связаны с водной стихией, островами, «морскими людьми», сопками, непроходимой тайгой.

Нивхский писатель В.М. Санги приводит распространенный среди нивхов миф о мироздании «С чего началась земля» о том, как сначала кругом была вода, утка *лувр* из собственного пуха свила гнездо и вывела потомство. Это гнездо стало маленькой землей – островом, который постепенно рос.

«Сперва была одна вода
И не было земли –
Ни берегов, ни островов, Ни камня над водой.
<...>
Так много стало этих гнезд,
Что все они срослись,
И остров на воде возник –
Так началась земля».

В фольклорном сознании нивхов содержатся представления о местах обитания хозяев стихий, их внешнем облике, есть мифы о визитах к ним нивхов, в результате чего обретается успех в охоте, рыбной ловле. Немало записано мифов о сожигательстве нивхов с горными либо водными людьми, явившимися к нивхам в облике медведя либо рыбы, тюленя, нерпы.

Относительно возникновения людей в нивхской мифологии существуют представления, что люди произошли от деревьев, сами нивхи – от лиственницы, оттого и структура мироздания у нивхов символизируется лиственницей, растущей от земли до неба. У Е.А. Крейновича этот сюжет нашел следующее отражение:

«Первые люди произошли от деревьев. Нивхи родились от сока, капавшего с лиственницы. Оттого и лица у них темные, как кора лиственницы. Ороки родились от капавшего сока березы, а айны – от сока ели».

Относительно жанровой принадлежности *тылгунд* обратимся к мнению российского исследователя А.Б. Островского.

«По своему жанру эти фольклорные произведения занимают промежуточное положение между мифом и эпосом. В них говорится об отвоевании нивхами сфер охоты и рыболовства у зловредных существ – *кинз'ов/киншл'ей*, *милк'ов*, *уньршк'ов* (людоедов). Для этого, а также в поисках жены главный герой, называемый в тылгунд обычно «наш человек» («*мыз нигвн*»), отправляется в различные космологические локусы: в миры лесных (горных), мор-

ских, небесных людей, в подземный мир. Там, а также в мире, где живут нивхи, происходят сражения, в результате которых герой очищает промысловые угодья и обретает успех в охоте и рыболовстве. <...> Нивхские тылгунд, занимающие промежуточное положение между мифом и сказкой, все же ближе к мифу: это не импровизация, но канонизированные традицией истории-былички о случаях типичных контактов людей с обитателями другого мира».

Сохранность *тылгундов* объясняется их содержанием, передающим из поколения в поколение практический опыт, предписания морали, богатейший материал о духовной культуре, а также относительной легкостью исполнения, поскольку их просто пересказывали. В этот жанр включают и произведения *керайнд*, рассказывающие о действительных событиях истории, происшествиях, а также посвященные охотничьим сюжетам.

Нивхские сказки – *настунд (настур)*– излагались в песенно-речитативной форме. Во многих сюжетах сказок центральной фигурой выступал герой-одиночка, совершавший подвиги, одаренный фантастической, сверхъестественной силой. Он не знал преград, легко поднимался в небо и на горы, спускался в подземный и подводный мир, выступая как защитник слабых, обиженных людей. Культурный герой – поборник добра и справедливости, из всех походов выходил победителем. Рассказчики-певцы, исполнявшие эти длинные песни-поэмы, считались обладателями счастливого дара, они не могли «сочинять от себя». Сказители оставляли у слушателей яркие, глубокие впечатления благодаря своему таланту и особой форме воспроизведения фольклора.

У В.М. Санги поэтическое изложение мифологических представлений нивхов о происхождении людей выглядит следующим образом:

«Тот остров рос из года в год
И стал большой землей.
Вот лиственница возросла
Высокая на нем,
И стала по ее коре сочиться вниз смола.
Как только капля той смолы
Добралась до земли,
Из капли вышел человек –
Так появился нивх!»

Нивхские сказки поражают неумной фантазией, тонким юмором, стремлением позабавить слушателя. Постоянно сталкиваясь с животными, наблюдая их повадки, нивхи создали немало сказок, где в художественных образах отразили свои знания и наблюдения окружающей их природы. Персонажами сказок о животных являются лиса, медведь, заяц, лягушка, нерпа и другие. В сказках объясняется внешний вид, окраска, особенности отдельных животных, птиц, рыб: почему, например, у бурлука полосы на спине, почему у зайчика кончики ушей черные, а у карася красные глаза, почему камбала плоская.

19.9. Декоративное искусство

Из декоративных искусств большое развитие получили у нивхов резьба по дереву и кости, вышивка и аппликация на халатах из ткани и рыбьей кожи.

Женщины украшали орнаментом одежду, обувь, головные уборы, рукавицы, берестяную посуду. Нивхские мастерицы широко использовали в своем искусстве различные природные материалы: рыбу и тюленью кожу, крапиву, бересту, а позднее



Рис. 55. Нивхские рукавицы. Смоляк А.В.
Народы Нижнего Амура и Сахалина. М., 2001



Рис. 56. Нивхские узоры для шитья. Шренк Л.И.
Об инородцах Амурского края. Т.2. Табл.23

– различные ткани. Изделия из рыбьей кожи богато орнаментировались. Узоры из рыбьей кожи приклеивали к основе и пришивали нитками из сухожилий или из крапивы. Бытовые предметы украшали кусочками собачьей, нерпичьей, оленьей шкуры, которые прокладывали между швами меха. Иногда мастерицы между кусочками меха прокладывали узкие полоски цветного сукна.

С середины XIX века широко стали применяться ткани для пошива одежды, одеял, рукавиц. Большинство семей предпочитало приобретать гладкую однотонную материю. Изделия из этой материи нивхи украшали кантом другого цвета, накладными узорами, которые вырезали по берестяным трафаретам, или вышивкой цветными нитками. Праздничные матерчатые халаты украшали кружевом, расшивали по вороту стеклярусом, вдоль халата пришивали ажурные металлические украшения. Подобные украшения перешивались со старых халатов на новые, бережно хранились, передавались по наследству.

Предметы домашней утвари, одежда покрывались спирально-ленточным орнаментом. Основные мотивы орнамента – симметричное сочетание изогнутых, приближающихся к спирали линий и стилизованные изображения птиц. Основными цветами в аппликациях являлись черный, белый, красный, синий.

Нивхи украшали берестяные изделия тиснением, резьбой, аппликацией, вышивкой. Женщины рисовали тисненные узоры на бересте специальными костяными

ножами или вырезали на наружном слое бересты орнамент. При вышивке по бересте пользовались шилом, вышивали специально обработанными еловыми корешками.

Мужчины изготавливали художественные изделия из твердых материалов – дерева, кости, металла. Красочные деревянные узоры украшали жилые строения, амбары, погребальные домики, многочисленные ложки-ковши, деревянные коробки, колчаны и древки стрел, ритуальные корыта. Часто это были не только предметы внутрисемейного назначения, но и выполнялись на заказ или для обмена. Нивхи хорошо знали свойства и текстуру древесины, избирательно относились к той или иной породе дерева, имели разнообразные деревообрабатывающие инструменты, что свидетельствует о глубокой древности традиций деревообработки. Для того чтобы предметы дольше служили, в процессе обработки нивхи нередко пропитывали дерево несколько раз нерпичьим или рыбьим жиром.

С высоким мастерством выполнялась резьба на ковшах и ложках, употреблявшихся на медвежьих праздниках и для других ритуальных целей. На ручках ковшей и на их бортах вырезались скульптурные изображения медведя, фигурок, цепей, столбов. Ковши иногда имели длину до полутора метров, скульптурная резьба представляла собой композиционные сюжеты, рассказывающие о месте, времени добычи медведя. В изображении медведя нивхские резчики достигли высочайшего совершенства, они создавали не только отдельные фигурки, но и групповые композиции из целого куска дерева. Это возможно только при многовековом опыте поколений, традициях, передаваемых от отца к сыну. На ритуальной посуде изображали также нерп, белух, птиц. Изделия из дерева, кости, металла украшали очень древним спирально-ленточным орнаментом.

Глава 20

КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ: УЙЛЬТА

20.1. Общие сведения

Уйльта – самая малочисленная этническая общность среди коренных жителей Сахалина, один из самых малочисленных народов России. Вопросы этногенеза, этнической истории, языковой принадлежности этого народа и многие другие остаются неразрешенными и по сей день. Российский этнолог Л.И. Миссонова, обращаясь к одному из числа этих вопросов, вопросу идентификации уйльта, отмечает:

«История идентификации этого малочисленного народа другими окружающими его этническими общностями, исследователями различных национальностей и государств, а также представителями государственной власти России разных эпох оказалась крайне не простой. Более того, на протяжении десятков лет запутанность идентификации оказывала постоянное влияние на судьбу самого народа, порождая мифы о его численности и расселении. Уйльта, ороконы, ороки, орочи... – как только не называли народ, живущий на Сахалине и традиционно занимавшийся оленеводством, сезонной охотой и рыболовством».

По материалам Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, в Тымовском и Корсаковском округах острова записано 749 ороков. В дальнейшем сведения в переписях не раз были ошибочными из-за вечной путаницы в этническом названии, представителей этого народа записывали ороками, орочами, ороконами. По переписи населения 2002 года насчитывается 341 уйльта.

По антропологической принадлежности уйльта отнесены к байкальскому антропологическому типу североазиатской расы. Сопоставление лингвистических и этнографических данных с антропологическими показывает значительные



Рис. 57. Дети уйльта. Дагинский залив. 1910 год. Миссонова Л.И.
Уйльта Сахалина: большие проблемы малочисленного народа. М., 2006

параллели между наличием северных тунгусских элементов в языке и культуре и степенью выраженности у них черт байкальского типа. У уйльга, связанных по происхождению с эвенками Охотского побережья, этот компонент был выражен значительно.

По проблеме этногенеза уйльга имеются различные гипотезы. До середины XX века преобладающей была теория о племенном единстве тунгусоязычных народов Нижнего Амура и Сахалина, уйльга относили к ветви «тунгусского племени», обычно тесно связывая их с ульчами (Л.И. Шренк).

По мнению российского этнолога Ю.А. Сема, переселение ороков на Сахалин наиболее интенсивно проходило в XVII – начале XVIII века. В результате взаимопроникновения культур тунгусоязычные племена ассимилировали оседлое население рыбаков и охотников и сами приобрели новые черты, выработался своеобразный комплекс материальной культуры. По мнению исследователя, на этногенез народа оказали наибольшее влияние два компонента:

«...северный – тунгусы-оленьеводы и южный – тунгусы-рыболовы и охотники на морского зверя. По своему этническому происхождению это тунгусоязычные племена. Кроме того, в формировании ороков принимали участие нивхи, которые были ассимилированы тунгусами вначале на побережье Татарского пролива, затем на Сахалине. Незначительный компонент составляли айны. Их влияние было более поздним и отразилось главным образом на воззрениях ороков».

Другие исследователи, например А.В. Смоляк, относят вышеперечисленные процессы к более раннему времени. Исследование вопросов этногенеза и этнической истории уйльга продолжается. Современные данные сахалинских археологов позволяют предполагать, что предки уйльга заселили остров в более отдаленные времена, чем это было принято считать. Этнологом Т.П. Роон высказано следующее предположение по этногенезу уйльга:

«...ископаемый человек «охотской культуры», распространенной на Сахалине и Хоккайдо в VI – XIII вв. н.э., ...мог являться если и не прямым предком современных уйльга, то хотя бы ближайшим сородичем, поскольку близость на уровне антропологических типов, в данном случае байкальского, является весомым аргументом в пользу этногенетического родства. <...> Материал различных наук дает возможность предполагать, что уйльга могут являться потомками древнего населения острова Сахалина».

Язык уйльга, по классификации Л.И. Шренка, долгое время относили к южной (маньчжурской) подгруппе тунгусо-маньчжурских языков наряду с нанайским, удэгейским, ороцким языками. Во второй половине XX века появились новые концепции. Российский лингвист Т.И. Петрова пришла к выводу, что уйльга говорят на самостоятельном языке, входящем в амурскую подгруппу тунгусской ветви языков. Санкт-петербургский этнолог Л.И. Сем выделяет в уйльгинском языке два говора: северный, или восточносакхалинский, и южный, или поронайский. Данные ее исследований подтверждают, что для языка характерны как самобытные формы, присущие только ему, так и формы, сближающие его с языками народов Амурского бассейна. В фонетике, морфологии и лексике уйльгинского языка наблюдается переплетение особенностей, свойственных южной (уйльчи, нанайцы, орочи, удэгейцы) и северной (эвенки и негидальцы) группам тунгусо-маньчжурских языков.

В начале XXI в. свой родной язык знает старшее поколение уйльга, гораздо меньше – среднее, практически не знает молодое поколение. Тем не менее пред-

ставители местной интеллигенции осознают ценность и необходимость знания основ родного языка своих предков, рассматривая это как один из важных способов сохранения этнического самосознания, этнической идентификации. С начала 1990-х годов в Сахалинской области велась работа по созданию письменности для уйльтинского языка. Авторский коллектив, возглавляемый японским профессором Дзиро Икэгами, завершил составление алфавита и букваря уйльтинского языка.

Этноним *уйльта*, *ульта* известен с середины XIX века. Его этимология, возможно, соотносится с обозначением одомашненного оленя в языке народа. Соседние народы именовали уйльта по-разному: айны называли их *орохко* или *ораката*; нивхи Нижнего Амура – *тазунг* (*тозунг*); сахалинские нивхи – *ороко*, *орныр*, *оронгор*; эвенки – *ульчар(н)*; ульчи и нанайцы – *ульча*, *ольча*, *нани*; маньчжуры – *орун-чун*. В японском языке уйльта называются *орокко* или *додзин* (туземец). Русские пользовались словом *орочоны*. В литературе используется более 20 наименований, обозначающих уйльта, что до недавнего времени значительно затрудняло учет численности этноса. Как же представители этноса сами называют себя? Исследователь Л.И. Миссонова приводит на этот счет данные своих полевых исследований:

«Попытки неоднократно навязать народу чуждое ему название привели к проявлению «дремавшего» до поры этнического самосознания, к стремлению добиться официального признания народа как *ульта* (по самоназванию народа). В результате в 1990 г. были приняты Обращения в Верховный Совет СССР с требованием «вернуть» (точнее установить, слово «вернуть» использовалось в Обращениях) народу их самоназвание «ульта» в качестве официального использования этого определения во всех государственных документах. <...> Опрос, проведенный в 1990-1991 гг. и в 2001-2003 гг., показал, что ни один представитель этой этнической общности на Сахалине не считает себя ороком, а тем более орочем, самоидентификация выражается в понятиях «орочен(ка)» или «уйльта/ульта».

Территория исторического расселения достаточно обширна – это вся центральная и северная часть острова. По восточному побережью уйльта расселялись севернее нивхов. На Сахалине исторически сложились две группы этого народа – северная, *доронени* («люди, живущие на севере»), представители ее живут в настоящее время в Ногликском районе, и южная, *суннени* («люди, живущие ближе к солнцу»), ее представители живут в Поронайском районе, имевшие отличный образ жизни. Потребности хозяйства и торговли позволили северной группе уйльта, ведших образ жизни кочевых оленеводов, охватить немалую территорию. Северным пределом их кочеваний были заливы Пильгун и Урдкт. В южном направлении они кочевали до Луньского залива. Уйльта северной группы жили рядом с нивхами, а со второй половины XIX века – также с эвенками. Они не вторгались на территории расселения нивхов, а соседствовали с ними в местах летних поселений. Они имели связи с материком, ездили на Нижний Амур на ярмарки (в местность, которая называлась Дуи). Уйльта южной группы во второй половине XIX века уже вели оседлый образ жизни, были расселены в районе залива Терпения и реки Поронай, в интересах торговли добирались до крайнего юга острова, залива Анива. Уйльта южной группы постоянно контактировали с айнами, нивхами, приходившими на Сахалин эвенками, якутами, ульчами.

Хозяйственное освоение территории Сахалина привело к значительному сокращению территории расселения уйльта в XX веке. В настоящее время места компактного проживания уйльта – это Ногликский и Поронайский районы: село Вал, поселок Ноглики, город Поронайск (остров Южный).

20.2. Традиционные занятия

Хозяйство уйльга отличается от занятий других аборигенных народов Сахалина, нивхов и айнов, специфической чертой – наличием оленеводства. Самых уйльга относят к категории «олeneводческого народа». В разных публикациях долгое время бытовала ошибочная точка зрения об исключительно кочевом образе жизни («бродячей жизни») уйльга, идентичности культур уйльга и эвенков-олeneводов.

Длительное пребывание уйльга на Сахалине привело к необходимости приспособиться к окружающим условиям и обрести ряд оригинальных черт культуры и быта, отличающих их как от этнических групп, специализирующихся исключительно на оленеводстве (чукчи, коряки), так и от оленеводов и охотников таежного типа (эвенки, эвены). На эту особенность хозяйственной деятельности уйльга уже в середине XIX века обратил внимание исследователь Сахалина Л.И. Шренк.

«...Ороки на Сахалине <...> составляют нечто среднее между оленными кочевниками и оседлыми рыбаками, с собакою в качестве домашнего животного. <...> Ороки делают из оленя двойное употребление: он служит у них вьючным животным и одновременно ходит в упряжи».

Хозяйство уйльга на Сахалине стало комплексным: в нем присутствуют как тунгусский (олeneводческий), так и амуро-нивхский (рыболовецкий) компоненты. Основой жизнедеятельности уйльга являются оленеводство, сезонная таежная охота и рыболовство. Хозяйственные комплексы северной и южной групп уйльга имели и имеют отличия.

По вопросу о характере, масштабах, роли оленеводства в жизни народа большинство современных исследователей солидарны в том, что оленеводство играло в жизни уйльга важную, но не первостепенную роль, имело небольшие масштабы и транспортный характер (А.В. Смоляк, Г.М. Василевич, А.И. Кузнецов, Л.И. Миссонова). Оленя использовали в качестве вьючного животного, для верховой езды, зимой запрягали в нарту.

Оленеводство уйльга отличалось малочисленностью стад, особым типом содержания оленей с вольным выпасом, транспортным использованием животных, что соответствовало ландшафтным условиям территории расселения уйльга. Природные условия Сахалина не позволяли и не позволяют разводить большое поголовье оленей. Согласно характеристике, данной Л.И. Миссоновой «олeneводство уйльга никогда не было значительно обширным». По мнению этнолога А.И. Кузнецова, стада оленей (*сэси*) насчитывали 20-30 голов в одном хозяйстве, что облегчало заготовку рыбы и охоту на морского зверя.

Структура и численность домашнего стада была различной в разных семьях, но в целом сахалинский этнолог Т.П. Роон также отмечает как характерную черту местного варианта оленеводства «малочисленность уйльгинских стад»:

«Как правило, на рубеже веков в хозяйствах уйльга имелось от 10 до 80 ездовых оленей. <...> Малочисленность уйльгинских стад (в среднем 15-20 голов) предоставляла больше маневренности и подвижности и позволяла длительное время использовать одни и те же пастбища в течение нескольких лет подряд».

Сезонные миграции/кочевки (*нульди*) осуществлялись по определенным маршрутам, одни и те же кочевые тропы, кормовые участки и пастбища использовались из года в год. Четко организованное транспортное оленеводство позволяло перемещаться семьям вместе с имуществом в зависимости от сезонных хозяйственных



Рис. 58. Подготовка к кочевке. Миссонова Л.И. Уйльта Сахалина

дел, от состояния кормовой базы. Годовой цикл выпаса оленей у уйльта северной группы имел несколько этапов. А.И. Кузнецов считал, что у уйльта

«была четырехзвенная система пастбищеоборота, состоявшая из нескольких зимних, весенних, летних и осенних пастбищ, которые периодически сменялись: одни эксплуатировались, другие по несколько лет «отдыхали» в соответствии с особой ранимостью северных кормовых угодий и медленными темпами восстановления ягеля».

Осеннее кочевание начиналось в конце августа – сентябре. Семьи вместе со стадами начинали мигрировать от морских побережий и устьев нерестовых рек в глубь острова, к горам. На осенних пастбищах, богатых ягелем и грибами, олени набирали необходимый вес, что позволяло им пережить сложный зимний период. Люди двигались за оленями верхом или на лодках и продолжали рыбный промысел, а также заготавливали ягоды, дикоросы, делая короткие осенние стоянки (*балодокку*). После появления снега и до конца зимнего периода помимо выпаса оленей бытовал сезон охоты.

После выпадения в горах обильного снега уйльта откочевывали поближе к морю, но зимовали не на побережье, а в тайге, где было легче переносить ураганные ветры и имелись богатые охотничьи угодья. Мужчины охотились, семьи подолгу оставались на зимниках. В зимний период олени были на вольном выпасе неподалеку от зимних стойбищ.

Относительная зимняя оседлость заканчивалась миграцией в феврале-марте к побережью Охотского моря, где начинался промысел морского зверя. На охоту отправлялись на оленях.

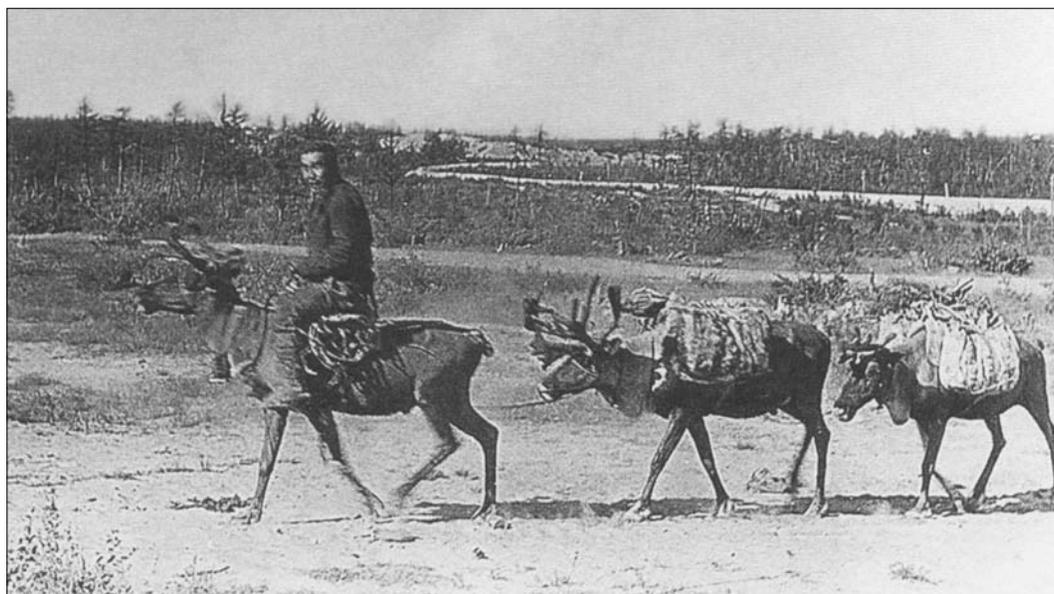


Рис. 59. Верховая езда на олене. Смоляк А.В. Народы Нижнего Амура и Сахалина. М., 2001

Весной семьи подкочевывали к прибрежным зонам, на весенних пастбищах происходил отел. Вся семья была занята уходом за оленями, особенно женщины. Олень всегда возвращается в те места, где он появился на свет. Биологический инстинкт будет впоследствии гнать оленей-важенок (*нами*) для производства потомства в те же места, где они родились сами. С момента рождения телят (*сондо*) приучали к привязи, увеличивая продолжительность и чередуя со свободным выпасом, в дальнейшем это облегчало работу по обучению животных. В этот же период продолжали промысел ластоногих.

С весенних пастбищ люди и олени перемещались на летние. Уйльта подкочевывали к берегам заливов и устьям впадающих в них рек. Начинался промысел лососевых, сезон рыбной ловли. Несколько летних месяцев жили относительно оседло, с начала осени предстояло вновь перекочевывать в предгорья. Так замыкался годовой хозяйственный цикл.

Летом оленей отпускали на вольный выпас, без пастухов, но стада паслись неподалеку от районов рыбного промысла, от жилищ. На летних пастбищах было много зеленых кормов, трав, грибов, вольный выпас обеспечивал полноценное питание и не отвлекал людей от основных хозяйственных занятий. В силу инстинкта олени не уходили далеко от тех мест, где родились, если возникала необходимость их использовать в транспортных работах, животных можно было найти. Хозяева хорошо ориентировались в направлениях миграций своих стад, зная поведение оленей на местности и превосходно ориентируясь в тайге.

При вольном выпасе прибегали к использованию деревянного ошейника (*ченгейтун*), на который вешали «кандал» – палку (*чэнгеи*), препятствовавшую быстрому передвижению животного. Б.О. Пилсудский оставил описание одного из приспособлений уйльта для определения места нахождения животных:

«Но так как летом олени склонны, ища корма и защиты от насекомых, отходить далеко от стойбищ, то для большей легкости отыскания животных подвязывают им на шее ориги-

нальный колокольчик канальца. Состоит он из дощечки и деревянного язычка, болтающегося около нее и ударяющего по ней при всяком движении оленя. По звуку, получаемому таким образом, отыскивают оленей, хотя бы они зашли в гущу леса, встречаемого здесь и там среди тундры».

Описанное приспособление – ботало – носит название *кангальта*, позже уйльта стали применять металлические ботала-*кунгилэн* в виде колокольцев.

Поскольку оленеводство уйльта носило транспортный характер, оленя для верховой езды, под выюк, запряжения в нарту необходимо было готовить. Основную нагрузку по уходу, выпасу, тренировки молодых оленей несли мужчины. На первом году жизни оленей приучали к узде, а главное – повиноваться воле человека. Позже наступал период обучения. Пастухи приучали животное к непривычной ноше, к движению среди других оленей, к выполнению команд. Самых способных, покладистых оленей готовили под верховую езду, это требовало длительной, постоянной работы. Обучением оленей занимался глава семьи, под присмотром отца помогали сыновья. Старики наблюдали, делали замечания, подсказывали молодым пастухам порядок отработки и закрепления навыков. Такая работа была хорошей школой для молодежи, когда конкретные трудовые навыки, мастерство передавались из поколения в поколение. Оленем управлять – это у детей в крови, говорят современные уйльта, но кроме этого голоса крови в суровых условиях таежного кочевания требуется много уметь и знать.

Б.О. Пилсудский, наблюдая за бытом уйльта в начале XX века, отмечал:

«Ороки рассчитывают получить главную пользу от оленей как от вьючных животных и потому заботятся преимущественно о воспитании послушных и сильных оленей. Молока употребляют мало, на мясо бьют негодных к езде оленей. Зимой оленя впрягают в сани, а в прочие времена года ездят на оленях верхом. <...> Приучать неезжалого оленя к работе начинают в зимнее время, заставляя его идти в обозе с поклажей за иными оленями, идущими впереди. Будто бы не имеют ороки никаких хлопот с мягким характером животного, не протестующего против накладывания на его шею обыкновенно шлеи с ремнем, идущим от нее между ногами его до саней. И также покорно исполняет он свою роль передвигателя тяжестей, навязанную человеком».

Не приходится сомневаться, что описанная «покорность» являлась результатом целенаправленной и кропотливой работы пастухов.

Подробно рассматривая годовой цикл выпаса оленей в северной группе уйльта в конце XX – начале XXI века, Л.И. Миссонова отмечает:

«Пути выпаса оленей могут каждый год немного видоизменяться, но основные стоянки при перекочевках у оленеводов одни и те же. Если сравнить маршруты выпаса оленей в настоящее время и сто лет назад, окажется, что они во многом схожи. Все направления передвижений оленей, а с ними (точнее, вслед за ними) людей, сохраняются и сейчас. Разница состоит лишь в том, что уменьшилась площадь территории, пригодной для выпаса, поэтому оленеводческие пути стали короче».

Сезонная охота является важной частью цикла жизнедеятельности уйльта. У своих ближайших соседей, нивхов и айнов, уйльта имели репутацию непревзойденных лесных охотников. Значительную часть года, с сентября по февраль-март, они жили в таежных местах, прекрасно изучили тайгу, занимаясь мясной и пушной охотой. Подчеркивая значение охоты у ороков, Л.И. Шренк отмечал:

«Несмотря на свою малочисленность и на невыгоды своего положения между двумя более сильными оседлыми народами, Ороки <...> нисколько не изменили своим нравам кочевых охотников. Их существование немислимо без охоты. Они, правда, проводят часть

года на морском берегу и на устьях рек, ради ловли рыбы и тюленей. Но этого еще недостаточно для их пропитания, которое вполне обеспечивается только усердной охотой в горных дебрях и на обширных охотничьих площадях северного Сахалина. Охота с одной стороны уже непосредственно снабжает их пищей и одеждой, в особенности оленьим мясом и шкурами, а с другой доставляет им предметы меновой торговли с Гиляками. <...> Ороки, как искусные охотники, никогда не терпят недостатка в предметах торговли – в драгоценных шкурах соболей, лисиц и речных выдр. Не меньше славятся они среди Гиляков и умением преследовать оленя, и отвагой в борьбе с медведем».

Объектами охоты уйльга традиционно являлся дикий северный олень (*сиро*), бурый медведь (*бое*), реже кабарга, а также пушные звери – лисица, соболь, колонок, белка, россомаха, рысь, выдра. Кроме охоты на лесных млекопитающих, пушных зверей, в осенний период промышляли бортовую дичь, водоплавающих птиц.

В зимнее время охота выполняла важную функцию в жизнеобеспечении людей – обеспечивала уйльга продуктами питания. В тот период времени года и на тех территориях кочевания прокормиться иными способами было невозможно. Успешная охота обеспечивала людей качественными продуктами – мясом, жиром, которые потреблялись не только в свежем виде, но их и заготавливали (замораживали, сушили, коптили). Охота давала пушнину, которая служила материалом для одежды, обуви, постелей, шла на хозяйственные цели, имела и важное товарное значение. Охотились как неподалеку от зимних стойбищ, в пределах одного светового дня, так и уходили на пушной промысел на значительные расстояния. В таежных местах устраивались охотничьи домики *каланнари* для отдыха и ночевки.

На диких оленей, животных очень осторожных, охотились, настораживая большие петли между деревьями, чтобы олень запутывался в них рогами; охотились и способом преследования, когда охотник с нарты поражал оленей с помощью лука и стрел. У Б.О. Пилсудского имеется описание оригинального способа охоты, хитрость которого заключалась в том, чтобы под прикрытием домашних оленей приблизиться к диким:

«Приманенные присутствием самок дикие самцы начинали борьбу с охраняющими домашних самок самцами, и в это время находящиеся поблизости и подкрадывающиеся все ближе охотники убивали рассвирепевших и не обращающих внимания на опасность животных».

На бурого медведя, дикого северного оленя, кабаргу охотились с помощью традиционного копья – *гида* с массивным железным наконечником, лука со стрелами, настороженных петель. С начала XX века охотники пользовались преимущественно огнестрельным оружием – винтовками, дробовыми пистолетами. С переходом на огнестрельное оружие охота на медведя стала индивидуальной, хотя традиционно на медведя охотились небольшими группами из двух-трех человек. За год охотник мог добыть до 20 голов оленей, до 4-6 медведей.

На пушных зверей – лисицу, соболя, колонка, белку, россомаху, рысь, выдру – охотились с помощью активных и пассивных типов орудий и устройств. Петли и силки, самострелы, луки и стрелы, ловушки различного типа использовались в зависимости от рельефа местности и вида животного. При соболевании обычно настораживали петли, лисиц добывали ловушками, напротив нор и на звериных тропах устанавливали самострелы.

На охоту охотники отправлялись на лыжах, таща за собой при помощи собаки небольшую охотничью нарту, или верхом на олене. Одна или несколько специаль-

но обученных собак были неременным спутником охотника. Уйльта традиционно использовали собак именно для охоты, а не для выпаса оленей. В стойбище было мало собак, их обычно привязывали недалеко от жилища, чтобы не пугать домашних оленей.

В традиционном хозяйственном комплексе уйльта важной отраслью являлся промысел морских животных. В конце зимы происходила перекочевка людей вместе с оленями на восточное побережье острова к морским заливам. В февралемарте начинался сезон добычи сивучей, тюленей, который продолжался до отела оленей.

Охотились как с берега, льда, так и с лодок, демонстрируя прекрасное знание особенностей обитания, поведения разных видов животных, и избирая, исходя из этого, различную тактику охоты. Например, кольчатую нерпу – акибу (*бауи*) выслеживали и часами караулили у лунок, где они выходили на лед для пополнения запаса воздуха, тогда ее поражали гарпуном. К свехосторожной пестрой нерпе – ларге (*конгори*) медленно подкрадывались против ветра, стреляя из укрытия. Полосатый тюлень- крылатка (*алаха*) обитает в зоне дрейфующего льда, держится вдали от берега, и для ее добычи уже нужны были водные средства передвижения. Зная, что нерпы любят греться на солнце, делали ловушки в виде больших деревянных рам, сверху прикрепляли доски, снизу – сеть. Животное забиралось на доску и проваливалось в сеть. В солнечные дни опытные охотники, зная, что животные плохо видят против солнца, могли подойти к ним довольно близко, защищая свои глаза специальными очками.

В языке уйльта для каждого вида тюленей существует особое название, есть и возрастные термины для обозначения животных, что свидетельствует о значении морского промысла в жизнеобеспечении народа. Самого крупного морского зверя называли *дого*. Т.П. Роон высказано мнение, что так обозначали моржа, который в настоящее время не обитает в водах Сахалина.

Из орудий промысла традиционно использовали гарпуны различных модификаций, деревянные колотушки, ловушки. Длинный гарпун *дарги* состоял из металлического наконечника, деревянного плавающего руля, длинного линия из нерпичьей шкуры. При охоте на ледовом припае или охоте с лодки орудие модифицировалось. В конце XIX века в охоте повсеместно стали использовать огнестрельное оружие. Глубокие народные знания биологии морского зверя, использование их в охотничьей практике, опыт, передаваемый из поколения в поколение, позволяли за сезон добыть одной семье в среднем около 20 животных.

Морской зверобойный промысел давал мясо, которое шло для собственного потребления и на прокорм упряжных и охотничьих собак, жир использовали для освещения. Шкуры шли на изготовление обуви, одежды, утвари, их выделывали с большой тщательностью.

Рыболовство у уйльта, как и у других народов Сахалина, было основным хозяйственным занятием летнего периода. Июль-октябрь все трудоспособное население проводило в прибрежной зоне, на заливах, берегах многочисленных рек и озер, где добывали разные виды проходных лососевых, другую рыбу, также некоторые виды морских млекопитающих.

Рыболовство обеспечивало население питанием, давало материал для одежды, обуви. Мужчины добывали рыбу, женщины очень тщательно и с большим мастер-

ством заготавливали ее традиционным способом приготовления юколы *маури*, готовили рыбную муку, другие продукты. На зиму заготавливали в основном горбушу, кету, могли и кунджу, камбалу, гольца. Уйльта готовили разные виды юколы, что зависело от назначения, сорта и качества сырья, мастерства нарезки тонких слоев. Сырье нанизывали на вешала (*галбо*), днем юкола вялилась на улице, на ночь ее заносили в жилище, где высушивали над очагом. Заготовленную юколу увозили на лодках вверх по рекам в зимние стойбища. В XX веке стали практиковать заготовку рыбы способом засолки.

Количество заготавливаемой юколы было значительным, с учетом не только внутреннего потребления, но и для обмена с нивхами в весеннее время. По подсчетам Т.П. Роон, «...в среднем семья заготавливала до 100 кг и более юколы на весь зимний период, не считая мороженой строганины и потребления свежей рыбы».

Лососевые рыбы наравне с олениной и лесными ягодами всегда играли очень существенную роль в рационе питания уйльта, а в летний период рыба являлась основой рациона. Л.И. Шренк со ссылкой на исследователя И.С. Полякова, наблюдавшего быт ороков во время путины в устье реки Тымь, сообщал следующее об их питании в период путины:

«Первый прием пищи у Ороков рано утром состоит из жирной головы кеты. Дальше в течение дня следуют поджаренная на огне юкола с тюленьим жиром и рыба с приправой из разнородных кореньев, кедровых орехов – чаще всего из ягод, которые перемешиваются с мелко искрошенной <...> рыбой. Вечером день заключается новой рыбьей головой».

Рыбу традиционно добывали неводами, сетями, острогами, сачками, ловушками, удочками, другими крючковыми снастями. Каждая семья имела одну-две лодки-долбенки и сети с ячеями разного размера в зависимости от вида промысловых рыб. Сети плели из крапивных нитей. Ловушки и сачки удобно было применять при рунном ходе лососей, крючковыми снастями ловили речную и озерную рыбу.

Анализируя основные способы и орудия рыболовства уйльта, Т.П. Роон подчеркивает «древность существования рыболовной традиции» народа:

«...приёмы рыболовства были выработаны у предков уйльта в глубокой древности и своеобразно «законсервировались» в условиях острова. Нужно отметить, что рыболовство уйльта почти не испытало нововведений ни от нивхов, обладавших ставными неводами и другими сооружениями, ни от ульчей и нанайцев Амура. <...> В рыболовстве сохранились старые традиции названий орудий лова, практически всех видов рыб, и не только промысловых».

Заканчивался летний сезон, рунный ход лососевых, завершался и годовой хозяйственный цикл северной группы уйльта.

Из других занятий уйльта следует выделить собирательство. Сбор, заготовку растений начинали весной, продолжали летом, заканчивали осенью. Это было женским занятием, помогали дети. В тайге собирали и заготавливали на зиму листья и корни черемши (*сидали*), корни сараны (*карка*), цветки багульника (*сэжурэ*), запасали морошку, бруснику, клюкву, другие ягоды, лекарственные растения. Осенью заготавливали крапиву, траву – наукта, которую использовали для обуви.

Как уже отмечалось выше, хозяйственный комплекс южной группы уйльта имел особенности. По исследованиям А.В. Смоляк, южные уйльта перешли на оседлость гораздо раньше северных, с начала 60-х годов XIX века они имели девять постоянных поселений. Олени, которых требовалось постоянно перегонять на новые пастбища, становились для них обузой, они постепенно лишались животных. К

началу 1940-х годов они потеряли оленей. Занимались рыболовством, морским зверобойным промыслом, таежной охотой, хотя отсутствие оленей вынуждало менять и способы ведения охоты в тайге. Уделяли рыболовству и промыслу ластоногих больше времени, чем оленные уйльта. Южные уйльта больше потребляли морепродуктов – занимались сбором морской капусты, моллюсков и ракообразных.

В 1904 году Б.О. Пилсудский, обследуя жизнь ороков бассейна реки Поронай, отметил существенные перемены в их хозяйственных занятиях и материальной культуре:

«Часть ороков перешла к способу жизни гиляков, завела собак, как выючных животных, и к устройству стойбищ более постоянных около богатых рыбою рек. Даже в типе построек ороки изменяли старой традиции, переходили к гилякскому способу строить жилища».

Уйльта южной группы были вовлечены в торговлю, которая активно шла на крайнем юге Сахалина. В 1905-1945 годах южные уйльта подверглись сильной японизации, были переселены в селение на острове Отасу в устье реки Поронай.

Чтобы выяснить состояние оленеводства у современных уйльта обеих групп, обратимся к исследованиям Л.И. Миссоновой:

«При сравнении масштабов оленеводства, численности поголовья стада, размеров площадей выпаса оленей у северной и южной групп уйльта вытекает вывод о том, что в северной группе народа оленеводство было развито в гораздо большем объеме, чем в южной группе. Это характерно как для начальной стадии существования коллективного оленеводческого хозяйства, так и на его конечном этапе. Таким образом, современные полевые и архивные изыскания подтверждают сложившееся (в основном теоретически) мнение некоторых исследователей <...>, что южная группа уйльта гораздо раньше начала вести оседлый образ жизни и лишилась оленей достаточно рано. Северная же группа этого народа вела традиционный оленеводческий образ жизни до наступления советского периода истории. <...> Именно сохранением оленеводческих традиций объясняется желание уйльта на севере продолжать заниматься оленеводством и сегодня, равно как более давнее отсутствие оленеводческих навыков и освоение рыболовецкого промысла обуславливают стремление южных уйльта развивать сейчас именно рыболовство».

В целом комплексность хозяйства уйльта, доминирование отдельных видов занятий по сезонам является показателем высокого уровня адаптации народа к островным условиям. По словам Т.П. Роон, комплексность выражает глубину «...их знаний и взаимоотношений с природой: с одной стороны – рационализм в устройстве своей жизни, с другой – рационализм в поддержании естественных богатств своей земли».

20.3. Поселения, традиционное жилище

Быт северной группы уйльта, как уже отмечалось, не был чисто кочевым, а имел элементы оседлости. Несмотря на наличие у них оленей, вызывающих необходимость перекочевков, несколько летних и зимних месяцев они останавливались в одних и тех же селениях, которые имели общее название *гаса*. Без этого высокоразвитое рыболовство и промысел морских млекопитающих были бы невозможны. По подсчетам Н.П. Попова, представители рассматриваемого этноса в XIX – начале XX веков примерно четыре месяца в году жили оседло, причем каждый год они останавливались в одних и тех же местах.

Летние селения/стойбища уйльта северной группы располагались в прибрежной охотоморской зоне. Обычно были небольшими и состояли из 1-5 отдельных

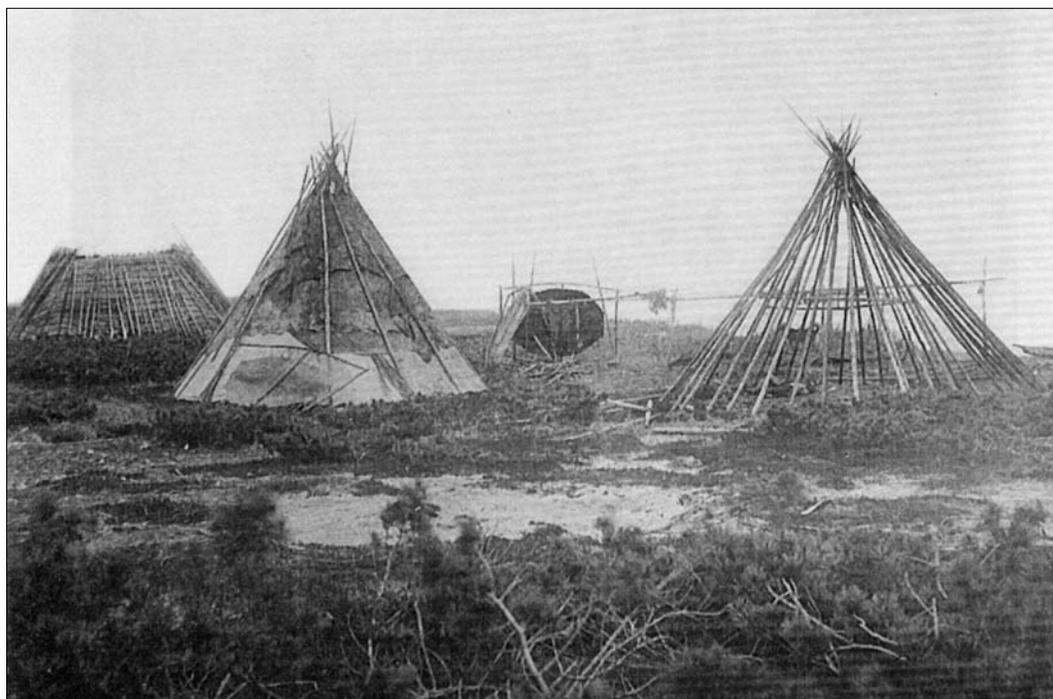


Рис. 60. Весеннее стойбище уйльта. Чайский залив. 1910 г. Миссонова Л.И. Уйльта Сахалина

жилищ-летников, расположенных произвольно на небольшом расстоянии друг от друга. Стойбища не имели четкой планировки, расстояние между жилищами могло варьироваться от 10 до 500 метров. Самые крупные поселения могли иметь до трех десятков жилищ. Здесь же были кладбища и места религиозных культов.

Традиционное летнее жилище (*каура*) представляло собой вытянутую в длину наземную постройку, напоминающую шалаш. На вместительную постройку каркасного типа, с двускатной крышей, шел лес хвойных пород, преимущественно лиственница и ель. Каркас состоял из шести несущих столбов, врытых в землю, сверху укладывалась длинная балка, связывавшая конструкцию. К коньковой балке под наклоном ставили боковые жерди, это был каркас. Покрытием каркаса служили куски древесной коры, которые укладывались внахлест. Кору придерживали тонкие жерди, связанные за концы. Уйльта ориентировали жилище по сторонам света: восток-запад. Входов традиционно было два, которые располагались напротив друг друга, соответственно один вход был обращен в сторону моря, другой – в сторону гор.

Л.И. Шренк описывал орокские жилища в виде «продолговатых четырехугольных палаток, которые только спереди и сзади представлялись конусообразными, а с боков имели вид простой крыши»:

«Остов их состоит из двух, вбитых в землю отвесных шестов, на которых покоится длинная поперечная жердь. К последней с обеих сторон прилажены другие, вкось воткнутые в землю, жерди и все сверху донизу покрыто древесной корой. Снаружи кора еще придерживается рядом поперечных жердей, которые, налегая на нее, прижимают ее к остову. Спереди и сзади у палатки, рядом с отвесными жердями, по входу, но употребляется только тот, который расположен под защитой от ветра <...>. В таких палатках обыкновенно разво-

дят по два, по три огня и больше, смотря по числу живущих там семейств. На поперечных жердях вокруг огня рядами висит рыба для сушения, копчения или для другого какого либо употребления, а позади огороженного пространства вдоль стены тянутся нары».

В центре жилища в небольшом углублении располагали очаг – *тава дагдени*. Над очагом устраивали двухъярусную деревянную конструкцию по типу сушил – *кипэр, киторо*. Там подвешивали котлы, коптили и сушили рыбу. В *каура* часто жили две-три семьи, тогда у каждой был свой очаг. В *каура*, по информации Б.О. Пилсудского, в среднем проживало «...от трех до девяти человек». Земляной пол покрывали свежими хвойными ветками, сверху в качестве сидений и постелей укладывали олени шкуры. Жилищем обычно пользовалось несколько поколений, но если в нем умирал человек, то строили новое на другом месте.

Сахалинский чиновник В.А. Штейгман, знакомясь с бытом уйльта в начале XX века, отмечал, что обычай копчения юколы в летних жилищах приводил к постоянному задымлению помещения, что вело к частым заболеваниям глаз и дыхательных путей у обитателей

«Летними их жилищами служат особые юрты – балаганы, крытые лубом и, как исключение, палатки на тунгусский лад. Балаганы ороченские имеют основание в форме удлиненного овала, вернее эллипса. <...>. Никаких окон в стенках, ни дымового отверстия в крыше, вместо того и другого на обоих концах... проделано в стенах по лазейке, они служат и дверями, и трубой. Дневного света внутрь балагана они пропускают мало, не выпускают и дыма...».

Кроме стационарных жилищ в поселениях типа гаса имелись как хозяйственные постройки, так и организованное близлежащее пространство – составная часть жилищно-хозяйственного комплекса. Он включал в себя: вешала для сушки рыбы – *кипэр, киторо*, аналогичные тем, что были в жилищах, но большего размера; помост на сваях для хранения хозяйственных принадлежностей и заготовленной рыбы – *паулэ*; амбар на высоких сваях для хранения запасов продуктов и предметов утвари – *долу, далу*; шесты для привязи ездовых оленей; шалаш для охотничьей собаки; костер для приготовления пищи – *итке*. Весь световой день, кроме ненастной погоды, взрослые и дети проводили на хозяйственной территории – обрабатывали рыбу, выделывали шкуры, делали берестяную посуду и традиционные сумы из бересты (*хулмэу*), шили, готовили пищу.

Для традиционной культуры уйльта не были характерны специальные постройки для содержания оленей. Б.О. Пилсудский в этой связи отмечал:

«Для оленей ороки никогда не строят сараев ни даже навесов, которые бы защитили их от ветров и непогоды. Это животное севера казалось бы любит морозы, снега и метели и больше всего страдают летом от комаров, мошки, оводов, которые в миллионных количествах заполняют леса и тундры Сахалина в это время года».

Под влиянием эвенков и якутов на Сахалине у уйльта стали появляться небольшие загоны для стада – *куруи*.

Жилищем при перекочевках (*нульди*) уйльта служило традиционное жилище всех оленеводческих культур – чум. Жилище типа чума называлось у уйльта *аундау*. Это коническое по форме переносное жилище каркасного типа Л.И. Шренком было описано следующим образом:

«Воткнутые в землю в виде конуса длинные жерди образуют деревянный остов, который со всех сторон охватывается брезентом из рыбьих шкур и только у самой верхушки, где сходятся жерди, оставляется отверстие для прохода дыма от разводимого в палатке огня. Кочуют Ороки всегда по более или менее лесистой площади и периодически возвращаются

на те же места, а потому, покидая свои стоянки, оставляют нетронутыми остовы палаток и уносят с собой только брезенты. Во время моего путешествия по долине реки Тыми и при перевале моем оттуда через горы на западный берег Сахалина, зимой 1856 года, я не раз нападаю на такие остовы палаток».

Аундау располагали произвольно на небольшом расстоянии друг от друга, вблизи от источника воды. Возведение чума занимало немного времени, это считалось мужским делом, но справлялись и женщины. Устанавливали на выбранной площадке по типу треноги три прочные длинные лиственничные жерди (*чоко*) – каркас. К нему симметрично добавляли еще шесть более тонких жердей, все накрывали тремя ярусами покрывок. Покрывки были из различных материалов – рыбьей кожи, бересты, плотной ткани, брезента, поверх их ставили дополнительные жерди. Общий диаметр круга жилища мог составлять около шести метров.

Устанавливали чум входом на восток, в центре его располагали очаг квадратной формы, это место в жилище считалось священным. Над очагом, огнем (*тава*) устраивали вешала (*китэр, киторо*). Против входа за очагом были почетные места (*малу*) для гостей и стариков. Пространство внутри чума выкладывали тонкими ветками лиственницы. Жерди для чума использовали в течение нескольких лет, при перекочевках их оставляли на месте.

При зимних кочеваниях *аундау* сверху накрывали оленьими и нерпичьими шкурами. Нередко *аундау* в качестве жилища использовался не только на перекочевках, но и в течение всей зимы. На зимниках *аундау* устанавливали в защищенном от снежных заносов месте, рядом с незамерзающим горным ручьем. Каждая семья жила в отдельном жилище.

В качестве зимних жилищ уйльга северной группы использовали также полуземлянки (*бала*). Их строили в склонах сопок, в укрытых от буранов местах. Бревенчатый сруб был заглублен в землю, крышу накрывали жердями, затем засыпали землей, обогревали жилище небольшой железной печкой. В отличие от других построек уйльга *бала* выполнялся в срубной технике. Как и в летнем жилищно-хозяйственном комплексе, на зимнем также были свайные амбары *далу, далу*, куда еще летом на лодках перевозили заготовленную рыбу.

Уйльга южной группы жили в постройках каркасного типа (*сёрин бую дуку*), напоминавшие описанные выше *каура*. Несущей конструкцией были столбы, на них сверху укладывалась продольная балка, выполнявшая функцию конька крыши. Пространство между столбами заполнялось более тонким материалом, но в отличие от *каура* такой дом имел стены. Двускатная крыша и стены снаружи накрывались покрывками из коры деревьев. Дымовое отверстие располагалось над дверью в стене под коньком крыши.

Интерьер дома традиционный: выделялся хозяйственный угол, спальное место, место для почетных гостей и стариков, над очагом в центре из жердей сооружались двухъярусные вешала/сушила. Подобные постройки в крупных селениях располагались близко друг к другу и образовывали улицу. В таких постройках жили две-три родственные семьи.

На рубеже XIX-XX веков у уйльга распространяется новый тип жилища – сшитая из ткани палатка, которая достаточно быстро вытеснила традиционные типы жилища. Палатка была заимствована у переселявшихся на остров других северных народов – эвенков, якутов, стала использоваться уйльга как летом, так и зимой. Жилище

традиционно ориентировали входом на восток, членение внутреннего пространства было аналогично другим типам жилищ – *каура*, *аундау*, *бала*, *сёрин бую дуку*.

Специалист в области материальной культуры уйльта Т.П. Роон считает, что «необычайное сходство» интерьеров разных типов жилищ народа генетически обусловлено:

«...идентичность терминологии основных конструктивных и вспомогательных элементов, имеет внутреннюю этническую обусловленность и закономерность. В любом типе жилья – летнем и зимнем, старом традиционном и новом – они разделяют внутреннее пространство так, как требуют того религиозные нормы, традиции и обычаи предков, хозяйственные нужды, природно-климатические условия и многое другое».

20.4. Одежда

Уйльта Сахалина знали разнообразную одежду (*тэтуэ*) и обувь как из местных, так и привозных материалов.

Комплекс национальной одежды шился из традиционных материалов, которые добывались в ходе хозяйственной деятельности. Из шкур морских млекопитающих, оленьего меха, шкур пушных животных (соболь, белка, россомаха, заяц, лисица), рыбьей кожи изготавливали шубы, халаты, штаны, ноговицы, торбаса, головные уборы, рукавицы и т.д. для мужчин, женщин и детей. Предпочтение отдавали оленьему меху различного уровня обработки. Женщины очень искусно умели выделывать оленьи шкуры. При грубой обработке шкуры служили постелью, но из шкур другой степени обработки шили шубы *сун*, из мягкой ровдуги *харанса* (без ворса, прокопченная и мятая) шили летнюю обувь. Очень ценился осенний мех дикого оленя, из которого шился весь комплект зимней одежды. У уйльта южной группы широко использовались нерпичьи и сивучьи шкуры.

Промысловые виды одежды шились, как правило, из меха нерпы. Это были короткие куртки (*пэтэгы*) длиной выше колен и мужские юбки *хоссе*, которые надевали поверх верхней одежды. Во время таежного промысла, когда охотник ехал верхом на олене, такая юбка прикрывала седло, на него не попадал снег с деревьев, оно оставалось сухим. Такая юбка была одним из элементов ритуальной шаманской одежды. На промысел обязательно надевались короткие меховые штаны, также ноговицы, обувь из нерпичьих шкур. Считалось, что одежда, сшитая из меха животного, помогала человеку в охоте на этого животного. Мех шивали нитками, женщины изготавливали их из высушенных оленьих сухожилий. Из рыбьей кожи шили халаты (*вэлтэли*, *утгэури*), штаны. Дополнением традиционного костюма служили подвешиваемые к поясу (мужскому поясу *пита* или к женскому *ками*) различные кисеты, сумочки, трубки, ножи в футлярах. Один из сахалинских чиновников отмечал, что орочи и в начале XX века сохраняли традиционный костюм – «придерживаются больше самодельной одежды из оленьей замши, нерпичьих шкур и рыбьей кожи».

Одежда из суконной и другой ткани получила распространение у уйльта с конца XIX – начала XX века и потеснила традиционные виды одежды. Повседневной одеждой мужчин, женщин и детей являлись традиционные халаты из ткани *покто*. Они были двух типов. Один из них относится к древнейшим моделям одежды – восточноазиатскому типу распашной одежды. Подобные халаты были широко распространены у народов Амуро-Сахалинского региона, других народов Центральной и Восточной Азии. Для них были характерны широкая левая пола («левополый»),

длинные узкие рукава, орнаментация аппликацией и вышивкой, отделочная полоса по подолу с пришитыми на ней мелкими металлическими бляшками. Халаты были различно орнаментированы, ткани были разных цветовых гамм в зависимости от пола и возраста владельца. Уйльта приобретали «левополые» халаты на нижнеамурских ярмарках, иногда сами шили их и орнаментировали.

Специалист по народному декоративному искусству народов Приамурья, Приморья и Сахалина Н.В. Кочешков считает, что второй тип халата уйльта носил следы влияния якутов. Он был цельнокроенный, имел вшивные рукава, широкие в верхней части, пришивавшиеся в сборку. Вставные клинья от талии до низа халата значительно расширили его подол. Воротник халата был небольшой, отложной. Различались они силуэтом, цветом ткани, орнаментацией. Халаты приобретались на ярмарках и шились самостоятельно из покупных тканей. Уже в конце XIX века покупная одежда имела широкое распространение, ее приобретали на ярмарках, привозили торговцы-якуты.

Из ткани шились также женские и мужские длинные и короткие рубахи (*ульбаху*), летние короткие штаны, длинные ноговицы на подкладке, нагрудники. Женщины носили летом длинное платье из ситцевой ткани, распашной халат из сукна на подкладке, платок. Мужчины – рубахи, короткие штаны, ноговицы. Как женщины, так и мужчины носили верхнюю распашную одежду типа суконного пальто. Праздничная, свадебная одежда была покупной из дорогих маньчжурских тканей с украшениями.

Обувь (*утта*) шилась сезонная и специализированная промысловая. Основные материалы те же – оленья шкура различной выделки, нерпичья шкура, рыбаья кожа, ткань. Промысловая мужская обувь изготавливалась из толстой, полуобработанной оленьей шкуры, которую сверху дополнительно смазывали нерпичьим жиром. Она практически не пропускала влаги и была необходима для охоты, рыбалки, нерпичьего промысла. Напротив, обувь для торжественных случаев, летняя обувь была тонко выделана и украшена. Ее орнаментировали вышивкой, меховой мозаикой, тонкими суконными кантами, для пошива использовали хорошо выделанные, прокопченные и мятые шкуры.

Одежду и обувь носили долго, берегли, перекраивали и перешивали, поскольку выделка шкур была процессом очень трудоемким. Традиционная одежда и обувь, связанные с оленеводством, присутствуют в ежедневной бытовой жизни современных уйльта северной группы. Это, как и раньше, короткие торбаса из камуса (*лугдури*) и длинный их вариант (*муру*).

Комплекс традиционной одежды (левополые халаты, мужские промысловые юбки из нерпичьих шкур, одежда из рыбаьей кожи) схож с одеждой и обувью народов Нижнего Амура – нанайцев, ульчей, орочей, удэгейцев. Также у уйльта были распространены нагрудники (*нэллю*) и зимняя одежда эвенкийского типа. Общность элементов одежды обусловлена схожестью природно-климатических условий жизни этносов, этногенетическими корнями.

Уильгинские женщины шили верхнюю и нижнюю одежду, головные уборы, обувь, а также различные дополнения и украшения к ним. Оленью кожу, нерпичью и рыбаью шкуру резали при помощи специального женского ножа *гисуру*, на кроильной дощечке *худэ*. Свои швейные принадлежности женщины хранили в берестяных коробочках с крышками *дэктэв*.

20.5. Средства передвижения

Основным транспортным средством северной группы уйльта круглый год был олень. Оленя использовали в качестве вьючного животного (*намба улани*), для верховой езды (ездовой олень – *хакта*), зимой в нартяной упряжке.



Рис. 61. Перевозка грузов оленями. Смоляк А.В. Народы Нижнего Амура и Сахалина

Для верховой езды на олене использовали специальное седло – ездвое *нэмэ*, причем седло следовало подогнать по фигуре, на него клали подстилку (*донту*) из осенней шкуры оленя. Пастухи самостоятельно изготавливали седла. Для женщин и детей они были специальные. Ими пользовались долго, передавая из поколения в поколение, их украшали вышивкой. Каркас седла изготавливали из оленьего рога, доски внутри седла были из березы, мягкую часть шили из оленьей шкуры, вовнутрь набивали шерсть оленя. Упряжь (подпруги, ремни, уздечки) изготавливали из шкур морского зверя, посохи – из черемухи. Предметы упряжи также нередко украшали, кожаные хомута обрамлялись меховыми и пуховыми кисточками, украшали разноцветными полосками ситца, вышивкой. При перекочевках все ехали верхом, мужчины пользовались низким посохом *тэйэвгун*, а женщины – высоким *н'ори* с крюком на верхнем конце.

Вьючное седло *эмэ* предназначалось для перевозки багажа в переметных сумках. По сравнению с ездоем седлом оно было более короткое, высокое и узкое, оленья шкура (*тэни*) укладывалась под вьючное седло. Большое внимание при перекочевках уделяли укладке вещей. Тщательно, без спешки под руководством главы семьи упаковывали все в переметные сумы – вьюки (*намба/нама*). Предметы разного предназначения хранили в специальных приспособлениях различной формы и материалов. Сумы, коробка, сумочки изготавливали из оленьего и нерпичьего меха, ровдуги, плотной ткани. Многие предметы, необходимые в кочевом быту, изготавливались из бересты, материала легкого. Это были и берестяные цилиндрические коробки *муло*, и берестяные коробки с крышкой *дэктэу* (*дэктэв*), и берестяные блюда *андума*, даже детские колыбели. Острые предметы перевозили в кожаных чехлах или деревянных футлярах. Орудия выделки шкур с металлическими частями перевозили в небольших женских сумочках, сшитых из шкур оленя или нерп, – *хурэ*. Уложенные вьюки укладывались на седла с двух сторон, перевязывались меж-

ду собой, дополнительно сверху привязывались ремнем для обеспечения сохранности имущества на случай непредвиденных ситуаций во время перекочевки.

Глава семьи седлал оленей и составлял цуг из 7-10 животных, привязывая их один за другим к седлу впереди стоящего. Хозяйка вела своих оленей, подростки – несколько своих. Когда семья выезжала на перекочевку (*нульди*), со стороны эта процессия выглядела внушительно и красочно – несколько оленных караванов (*гилбэ*) двигалось рядом, во главе гилбэ – *навранги/наврамзи* – передовые олени.

Имущество при зимних перекочевках транспортировали и на нартах (*оксо*), их же использовали при перевозке охотничьей добычи, морского зверя. Нарты уйльга были широкими, низкими, очень устойчивыми, не переворачивались при наклонном движении на пересеченной местности благодаря особому расположению полозьев под некоторым углом друг к другу. В ездовую нарту запрягали одного оленя, в грузовую – двух. Как отмечает Л.И. Шренк,

«по сравнению с гиляцкими, сани эти, одной вышины с ними, были гораздо короче и немого шире. Полозья, тоже более широкие, чем у тех, представляли в разрезе треугольник, а сверху острый край. <...> Двое из встретившихся нам саней были нагружены оленьим мехом, а третьи – разной домашней утварью, лыжами, копьями, луками и пр. <...> В каждые сани было запряжено по оленю, который тянул их на одном ремне».

В зимнее время охотники пользовались лыжами, которые сами изготавливали из лиственницы. Уйльга знали разные типы лыж – как подбитые мехом, так и без него (голицы). *Сунилта* (*сулгилта*, *сунулта*) – лыжи оленеводов, подбитые шкурой, оленьим мехом с конечности животного (*камус*).

Летом важным средством передвижения была лодка. На ней передвигались по рекам, озерам, в прибрежной зоне – выходили на рыбную ловлю, морскую охоту, транспортировали грузы. Уйльгинские долбленки (*угда*), как нивхские и айньские, изготавливались из тополя, передвигались на них с помощью весел и шестов. Лодка на четырех человек была длиной около восьми метров, одноместная или двухместная лодка была вполтину короче. Как правило, в каждом хозяйстве была своя лодка. У уйльга известны и лодки (*мэрэкэ*), сшитые из лосиных ровдуг, натянутых на жерди, служившие каркасом.

20.6. Общественный строй и традиционные семейные отношения

Род (*хала*) у уйльга во второй половине XIX – начале XX веков был далек от классического понимания этого института, что, как отмечалось в девятнадцатой главе, было характерно для нивхов, а также и для других народов сопредельных территорий того же периода. По мнению А.В. Смоляк, род в местных условиях не имел многих важнейших признаков, «не может служить образцом для изучения этого института как древнего явления», но продолжал выполнять важные социальные функции.

«Фактически здесь сосуществовали соседские и весьма своеобразные («надстроечные») родовые отношения, проявлявшиеся в бытовой и социальной сферах. Тем не менее этот своеобразный институт в конце XIX – начале XX в. был живым явлением: соблюдалась экзогамия, сородичи оказывали друг другу взаимопомощь различного характера, члены одного рода совместно выполняли некоторые религиозные обряды».

Первые сведения в литературе по родовому составу уйльга появились в 20-х годах XX столетия. По данным Е.А. Крейновича, в 20-е годы ороки объединялись в пять групп, у каждой из них была своя, более или менее постоянная территория,

включавшая зимние пастбища и места для весенне-летнего выпаса и рыбного промысла. Исследователем Б.А. Васильевым в 1928 году перечислено восемь родов: Торся, Бояся, Сукта, Гетта, Синаходо, Туечо, Намисса, Муйотта. Разные исследователи насчитывают от восьми до двенадцати родов ороков. Некоторые из родов делились на подразделения: *Дай* – большой и *Нучи* – маленький.

У уйльта южной группы, потерявших оленей и перешедших к оседлой рыболовецкой жизни, существовали своего рода землячества («псевдороды»), которые объединяли выходцев с определенных мест или жителей определенных селений. Например, Валетта – «выходцы с реки Вал, кочующие по р.Вал, живущие по р.Вал». Этнолог А.И. Кузнецов считает, что так же объясняются и названия Дахиннени, Варабайнени, Найпутунени:

«...ульта, жившие когда-то в селениях Варапай и Найпуту, оказавшись в новых местах, стали осознавать себя как «земляки», как единое целое по отношению к другим улта, у которых связи между собой были родовыми. Жившие в смешанных айнско-ультикских селениях Варапай и Найпуту, улта, вполне возможно, не сохранили родов. Постепенно земляческие связи стали осознаваться по аналогии с родовыми связями, как связи между членами рода. Осмыслить свою близость люди могли известными им понятиями кровного родства, в которое последующие поколения уже искренне верили».

Действительно, сложность родового состава вызывалась и тесными отношениями народов данного ареала, между которыми всегда существовали оживленные контакты. По данным Л.Я. Штернберга, у части нивхских родов Амура – Хирлонг и Тывлипин – было орокское происхождение. По данным А.И. Кузнецова, «...по утверждению самих улта, брак улта с эвенкийкой или эвенка с улткой рассматривается не как межнациональный. Очевидно, это объясняется близостью языков, культуры, хозяйства и антропологического типа. ...Данные родословных линий улта говорят о существовании эвенкийско-ультикских браков еще во второй половине XIX века».

Для уйльтинских родов были характерны патрилинейность, экзогамия, дислокальность, допустимость межэтнических браков, особенно с партнерами, имевшими схожие сферы жизнедеятельности.

Основной социальной и производственной единицей оленеводческого общества являлась семья – семейное оленеводческое хозяйство, включенное в систему родовых отношений. Вся система жизнеобеспечения строилась с учетом малого семейного коллектива с некрупным стадом домашних оленей. Уйльтинское традиционное общество определенно было мужским, поскольку в таежных условиях для выживания важны были в первую очередь мужчины. Главой семьи был мужчина, родство велось по мужской линии. Дочь в семье не ценилась так, как ценился сын, только сын являлся наследником главного объекта собственности – домашних оленей.

Существовали запреты на браки из определенных родов. О будущей женитьбе своих детей родители договаривались заранее. При женитьбе всегда в первую очередь учитывалось наличие оленей, преследовалась определенная цель – увеличить стадо. В силу небольшой численности уйльта выбор брачных партнеров был очень ограниченным. В семье муж обычно был старше жены. Женщины сопровождали мужей при кочевании, ходили с ними на охоту. У уйльта бытует такое высказывание: «Дети всегда при стариках были, а женщины всегда были при мужчинах». После смерти главы семьи мать с детьми оставалась в роду мужа, в род отца она вернуться не могла.

Нормы родовых отношений проявлялись в устройстве и проведении медвежьего зимнего праздника: сородичи строили вместе большой конический чум для участников праздника и совместно расчищали площадку для стрельбы в медведя. Устроителем праздника, ответственным за соблюдение всех обычаев, считался род в целом, все члены его поставляли необходимую еду для гостей – представителей других родов. Убитый медведь передавался старшему в роде, на котором лежала организация обрядовой трапезы.

По мнению Л.И. Миссоновой, следы родовой организации у уйльга «сохранились почти до конца XX века».

«Правда, помнили в конце прошлого столетия о своей родовой принадлежности в основном пожилые люди. Чего нельзя сказать о начале нашего столетия: произошел «всплеск» в сознании молодых представителей народа и среднего поколения. Вдруг оказалось, что они прекрасно знают, к какому роду относится их семья. Еще в середине XX столетия сохранялась родовая экзогамия. Всего у уйльга различными исследователями в разное время было отмечено восемь родов: Баяуса, Гетта, Намисса, Торисса, Муйотта, Синаходо, Сюкту и Тэгэсэ <...>. Представителей всех этих родов можно было встретить на севере острова, в нынешнем Ногликском районе».

В традиционном обществе уйльга прослеживается стройная система обычаев, правил, норм, ограничений и запретов, касающихся земледельческого использования, охоты, рыболовства, морского зверобойного промысла и собирательства, опиравшаяся на вековые нормы обычного права. Суть норм сводится к двум обязательным требованиям: максимально бережное отношение к экосфере и рациональное использование изъятых из нее продуктов. Семьи имели определенные места для своих сезонных промыслов и маршруты сезонных миграций, обычно правовые нормы регулировали процесс производства и распределения биологических ресурсов.

Знакомясь с уйльга, их хозяйством и бытом, исследователи обычно отмечали их традиционную доброжелательность, мягкость, уступчивость, простоту, удивительное гостеприимство. В записях Б.О. Пилсудского есть впечатления об атмосфере, которую он ощущал, находясь среди уйльга:

«В юрте орока не чувствуется той натянутости и церемониальности, что составляет черту айнов, благодаря доминирующей власти хозяина дома; и свобода в разговоре в доме орока больше, чем у гиляков...».

Глава экспедиции на север Сахалина летом 1908 года В.А. Штейгман однозначно имел сходные впечатления:

«В противоположность тунгусам орочны тихи, скромны, даже застенчивы, не особенно общительны, но весьма честны. Они как-то мягче, уступчивее даже гиляков, почему производят впечатление людей наиболее симпатичных среди других инородческих племен. Ороченки женственнее тунгусок и гилячек и в общем милевиднее».

20.7. Традиционные верования

В религии уйльга можно различить три исторически различных комплекса. Древнейшим следует считать анимистические верования, входящие в состав промыслового культа, вторым слоем – шаманский культ. Позднейшим слоем было христианство, с обрядовой стороной которого уйльга познакомились во второй половине XIX века.

Традиционные анимистические верования уйльга, конкретизированные в мифологических образах духов-хозяев различных природных стихий, были во мно-

гом схожи с представлениями других аборигенных народов Сахалина. Уйльта считали, что должны благополучно сосуществовать с окружающей природой, отдавали дань уважения духам-хозяевам наиболее важных в плане промысла стихий. В первую очередь это были духи-хозяева гор (тайги, леса) и духи-хозяева морской стихии (море, река, озеро). Глубоко символично в этой связи, что традиционное жилище народа *каура* имело два входа, один вход был обращен в сторону моря, другой – в сторону гор.

К духам-хозяевам стихий, с которыми уйльта вступали в отношения обмена («хозяева» насылали людям добычу), были адресованы ритуальные действия/жертвоприношения. В канун промысла животных охотники совершали ритуальные жертвоприношения/кормления «хозяина» тайги, «посылая» ему растительные блюда, табак, рис, собак. Чтобы промысел был удачным, охотники соблюдали определенные запреты: не рассказывали о предстоящей охоте, не обсуждали ее и т.п.

Жертвоприношения «хозяину» моря совершались два раза в год: весной, после вскрытия моря ото льда, и осенью, после окончания хода кеты. Море «кормили» студнем из рыбьих шкур. Эту пищу приготавливали в особых фигурных орнаментированных корытцах, имевших форму нерпы. В воду бросали также заструженные палочки *инау*, табак, рис, съедобные корни. Ритуальные действия обычно сопровождалось спортивными состязаниями, совместными пиршествами.

Б.О. Пилсудским в начале XX века была собрана информация о духах-хозяевах уйльта, хотя исследователь сам отмечал, что она очень неполная:

«Каждый род будто бы имеет своего покровителя-хозяина, как называют ороки ыдзиги. <...>. Этот покровитель летает и ходит по земле, передвигается и по воде. Его обыкновенно не видят, и только в случаях, предвещающих какое-либо несчастье, показывается человеку, принадлежащему к опекаемому им роду. Появляется однако не в своем собственном виде, а приняв вид старухи, или медведя, или иного животного».

Ритуальные действия сопровождали и такой важный момент, как строительство жилища. Перед началом строительства или установки чума глава семьи вместе с членами семьи совершал обряд жертвоприношения «хозяину» данной местности. Разбрасывая в разные стороны (по всем сторонам света) пищу, люди приговаривали: «Земле даю». Кроме того, разводили костер, готовили на нем пищу и одновременно начинали строительство жилища.

В жилище особо почитали «хозяйку огня». Местом ее обитания был очаг – символ дома, вокруг него текла жизнь его обитателей. В суровых условиях кочевания в тайге огонь – это тепло, пища, это жизнь. Потухший в очаге огонь был дурным знаком, мог привести к гибели людей. Существовал специальный ритуал жертвоприношения – «кормления» огня кусочками пищи людей. Обычно его совершали при перекочевках, во время удачного промысла, на праздниках. У уйльта были многочисленные табу, направленные на то, чтобы не допустить осквернения духа огня.

О космогонических представлениях уйльта сведения весьма скудны. Вновь обратимся к Б.О. Пилсудскому и его интерпретации потустороннего мира у уйльта (*бун*):

«Загробный мир, по представлению ороков, находится в середине земли и где-то на ее поверхности существует отверстие, через которое ведет в подземный мир дорога. Там жизнь природы и деятельность живых существ происходит подобно тому, что видят люди на земле. Разница состоит лишь в том, что когда на земле лето, в царстве умерших – зима, и наоборот. Когда у нас день, там – ночь».

Уйльга, как и другие народы Сахалина, устраивали медвежий праздник, имевший много общего с медвежьим праздником нивхов и айнов.

У уйльга было известно два типа воздушных захоронений – в дощатом гробу или погребальном домике на сваях, а также на ветвях деревьев. Из расколотых лиственничных досок готовили гроб, который ставили в тундре на помост. Помост из жердей сооружали на высоте человеческого роста, укрепляли его на сваях. Покойник как бы «схал» в загробный мир на запряженной оленем нарте. По записям Б.О. Пилсудского, число свай/столбов было не более трех, такое захоронение в гробу уйльга называли *игды хальдоско*. Исследователь высказал предположение, что таким образом хоронили «людей богатых, более выдающихся». Вариантом являлось захоронение в погребальном домике *кори*, это был сруб из плотно сколоченных лиственничных бревен. Известны захоронения уйльга и на ветвях деревьев.

По данным Ю.А. Сема, на подготовленное к захоронению тело покойного набрасывали шкуру только что убитого оленя, умершего располагали лицом вверх, ногами на запад и юго-запад. По поверью, это делалось для того, чтобы он мог найти страну предков, которая находилась будто бы на материке. Вместе с покойником клали копье, оленнее седло, олений посох, трубку и другие предметы, которыми он пользовался при жизни. Женщинам клали посуду, принадлежности для шитья и чистки рыбы. Все вещи обычно надламывались или раскалывались. Современные уйльга, продолжая эту традицию, не оставляют личных вещей умершего, укладывают в могилу. Детей хоронили в небольших колодах, которые подвешивали между двумя деревянными стойками.

О значительном влиянии христианизации на религиозное сознание уйльга писал Б.О. Пилсудский. Записи начальника экспедиции на север Сахалина в 1908 году В.А. Штейгмана отразили одновременное сосуществование в сознании и культурной практике уйльга как традиционной («своей») веры, так и православия:

«...имея во всякой юрте иконки и нося кресты, хороня покойников в могилах, они в то же время правят по ним тризны с жертвоприношением оленей, собак, оружия, нарт, придерживаются культа «медведя», сохраняя в таежных дебрях засушенные головы убитых зверей и выкармливая молодых медведей к «медвежьему празднику», у них в большой тайне содержатся небольшие кумиры в виде деревянных кукол, грубо обделанных и обшитых шерстью и цветными лоскутами, у них есть и шаманы, почитаемые и гильяками наравне со своими шаманами».

20.8. Декоративное искусство

Женщины у уйльга создавали удивительно красивые изделия из бересты и меха, в их жизни очень удобны были портативные берестяные коробки, корзинки, кузовки, колыбели, сумочки из оленьего и нерпичьего меха. Женщины шили одежду, головные уборы, обувь, многие из этих вещей богато украшались орнаментом, становясь одновременно и предметами быта, и предметами народного декоративно-искусства.

В традиционной орнаментике преобладали геометрические мотивы с элементами зооморфного, антропоморфного и растительного орнамента. Традиционные узоры в виде спиралей с отростками или фигурных скобок были относительно крупными по размерам и почти всегда графически подчеркивались либо линиями, либо обводками какого-нибудь другого, контрастного цвета. Уильгинские мастерицы широко применяли в своем искусстве различные розетки, украшавшие цен-

тральные участки украшаемого предмета. Излюбленная цветовая гамма – сочетание охристого, темно-зеленого, черного и синего. Излюбленными декоративными материалами женского искусства были традиционные материалы оленеводов-кочевников: ровдуга, мех, жильные нитки, тунгусский бисер, позднее, покупные русские ткани и нитки.

Мужское искусство уйльта создавалось веками и было продиктовано потребностями семьи оленевода. Для таежной кочевой жизни очень нужны были деревянные олени седла разного назначения и другие предметы упряжи, деревянные колыбели, кроильные доски, ножи, копыя, лодки, лыжи. Мужчины имели дело в основном с твердыми материалами – прежде всего с деревом, затем с костью и реже с металлом. Поразительно умение уйльта делать реалистические изображения человека и животных в традиционной резьбе по дереву, о чем свидетельствуют предметы музейных коллекций. Мужчины умели делать из дерева орнаментированные колотушки для бубнов, удивительно красивые погремушки, амулеты, занимались резьбой по кости. Мужчины-кузнецы изготавливали металлические подвески для женской одежды.

По информации Л.И. Миссоновой, «многие уйльта пос. Вал прекрасно и охотно рисуют оленей и сцены из оленеводческой жизни». Исследователь относит эти умения к области национального искусства, отмечая в целом большой творческий потенциал народа:

«Люди тонко чувствуют красоту, бережно относятся к природе и ее дарам, великолепно рисуют, шьют, выделывают шкуры, владеют богатой образностью мышления, тонко чувствуют поведенческие ситуации».

Сегодня уйльтинские женщины продолжают шить национальную одежду, украшая ее традиционным орнаментом, создают предметы утвари, украшая их меховой мозаикой, вышивкой, аппликацией. Современное декоративное искусство продолжает сохранять в своей основе этнические традиции, нашедшие свое выражение и в традиционных природных материалах, и в орнаментике, близкой как тунгусо-маньчжурским народам Амура, так и оленеводческим северо-тунгусским и палеоазиатским народам крайнего северо-востока.

Глава 21

КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ: АЙНЫ

21.1. Общие сведения

Айны – древнейшая этническая общность региона, коренные обитатели Сахалина и Курильских островов. Это один из интереснейших и даже загадочных в этнографическом отношении народов земного шара. Большой интерес и особое внимание к этому этносу со стороны многих исследователей мира объясняется прежде всего комплексом вопросов, образующих так называемую «айнскую проблему», которую ученые разных стран пытаются разрешить вот уже несколько столетий. Основными задачами этой проблемы является нахождение исторической прародины айнов и выявление родственного им этноса или группы этносов, миграционных путей к месту современного расселения, причин миграции.

Расовому своеобразию, проблемам истории и этнографии айнов посвящены сотни монографий и многие тысячи статей. В числе гипотез и теорий происхождения айнского этноса выделяются несколько основных групп: европеоидной принадлежности, континентального (азиатского) происхождения, сближения с североамериканскими общностями, автохтонности айнского населения, южного (океанийского, австронезийского) происхождения.



Рис. 62. Айн. С фото Б. Пилсудского.
Ainu: Spirit of a Northern People. 1999

Айны по своему антропологическому типу занимают обособленное место среди народов Азиатского континента, образуя в пределах Восточной Азии как бы островок расовой обособленности. В противоположность монголоидам (японцам, корейцам, китайцам, народам Приамурья), у айнов наблюдается относительная депигментация (светлый цвет кожи) и сильная обволошенность лица и тела, ставящая их по этому показателю на одно из первых мест в мире. Однако по ряду важных диагностических особенностей черепа (заднескуловый шов, частота клиновидно-верхнечелюстного шва) они имеют специфическое сходство с монголоидами. Сахалинская ветвь айнов являлась наиболее смешанной популяцией, имела значительное число монголоидных черт. До второй половины XX века большое распространение имела южная теория происхождения айнов и их генетиче-

ского родства с полинезийцами и австралийцами, выдвинутая Л. Вивьеном де Сен-Мартеном, поддержанная российским антропологом Д.Н. Анучиным и развитая Л.Я. Штернбергом.

Исследователь айнской культуры А.Б. Спеваковский отмечает, что, «несмотря на большие масштабы современных изысканий, в айнской проблеме еще очень много неясного, в связи с чем она нуждается в дальнейших разработках»:

«...мозаичный комплекс признаков, сочетающих монголоидность и черты, присущие южным общностям, может быть свидетельством того, что айны представляют собой остаток очень древней популяции, возможно, древний вариант монголоидной расы. Скорее всего, регион формирования протоайнов располагался во внутренних районах Азиатского материка, и не обязательно на его юге, возможно, севернее, чем это принято считать. Не исключено, что место сложения древних австронезийцев располагалось поблизости от центра формирования праайнов. Более или менее точно локализовать эти центры пока не представляется возможным. Археологические материалы показывают довольно четкую, устойчивую и многостепенную тенденцию движения древнего населения из внутренних районов Азии в северо-восточном и восточном направлениях».

Современные серологические исследования японских ученых свидетельствуют о более близком родстве айнов с монголоидными популяциями региона, чем с народами Европы и Австралии, что позволяет продолжать разрабатывать версию о принадлежности айнов к палеомонголоидам. В то же время по соматическим и некоторым краниологическим (например, особенности подглазничного узора) признакам айны сближаются с экваториальными этносами. Но эти моменты трактуются российскими этнологами С. А. Арутюновым и В.Г. Щебеньковым как «лишь конвергентное внешнее сходство, а не показатель какого-то генетического родства». По мнению этих исследователей, сложение «протоайноидного» населения происходило в результате следующих процессов:

«Очевидно, в глубокой древности в Восточной Азии шло формирование различных расовых типов на базе какого-то протоморфного, очень архаичного исходного типа, еще не обладавшего специфическими особенностями современных рас. На севере региона, в сухих и пустынных районах Центральной Азии и Северного Китая, сложился монголоидный расовый тип, на юге, в тропиках, – различные варианты темноокрашенных австралоидов, а в промежуточной субтропической зоне Восточной Азии – различные варианты расовых типов, внешне несколько напоминающие европеоидов. <...> В дальнейшем происходило длительное смешение и замещение этих типов монголоидами, и сохранились они до наших дней далеко не в чистом виде лишь на островной периферии Азии в лице полинезийцев, айнов и некоторых народов Индонезии, у которых монголоидные черты выражены сравнительно слабо».

Наряду с обособленным местом в мировой расовой систематике не меньший интерес представляет собой традиционная культура айнов. Она включает элементы, которые присущи как северным, так и расселяющимся в южных регионах Тихоокеанского бассейна этносам. При этом определенные элементы культуры вполне позволяют сопоставить их с таковыми в культурах других народов, обитающих на значительном удалении от мест расселения айнов – в Юго-Восточной Азии, на островах Тихого океана, северо-востоке Азии, северо-западе Американского континента.

К числу «южных» особенностей айнской культуры обычно относили: использование примитивного ткацкого станка, похожего на индонезийский; распашную и поясную (набедренная повязка) одежду, изготовленную из луба; старинное вооружение (лук, палицы), сходное с австронезийским; использование токсичных ядов

растительного происхождения; татуировку; орнамент; ряд охотничьих поверий и представлений.

Однако исследования смежных наук во второй половине XX века поставили под сомнение многие положения южной теории. Прежде всего, древнее происхождение культуры «дзэмон» не позволяет считать прародиной айнов Океанию, заселенную позже Японией. Современные исследователи склоняются к тому, что многие особенности айнской культуры, трактуемые ранее как «южные», могли возникнуть на айнской почве конвергентно, эмпирическим путем, а многие другие имеют аналоги у североазиатских монголоидов. И более правомерно в этой связи говорить об этнических связях между предками тунгусоязычного и айнского населения в древности.

Предметом оживленных научных споров остается айнский язык, его происхождение, типологические характеристики. Это язык-изолят. Несмотря на большую работу, сделанную российскими и зарубежными лингвистами, до сих пор не выявлены генетические связи айнского языка с другими языками. Имеются попытки доказать родство айнского языка с австронезийскими языками, с палеоазиатскими языками, с семитскими, с баскским и кавказскими языками, с индоевропейскими языками, с алтайскими. По мнению доктора исторических наук А.Б. Спесивова, данные исторической лингвистики приобретают особое значение в свете айнской проблемы.

«Сравнительно-историческое изучение айнского и тунгусо-маньчжурских языков выявляет довольно большое количество общих лексических элементов, оказывающихся межгрупповыми заимствованиями. В первую очередь это относится к родственной терминологии. Множество примеров дает рассмотрение лексических сходжений айнского с другими языками: алтайскими, монгольскими, тюркскими, а также корейским, который ряд исследователей относит к алтайской языковой семье. К числу этих примеров относится лексика, связанная с ландшафтом и явлениями природы, материальной и духовной культурой, традиционными занятиями и образом жизни и т.д.»

Некоторые исследователи считают, что айнский, японский и корейский языки могут быть прямыми потомками языка, родственного протоалтайскому. Другими исследователями данное родство категорически отрицается. Перспективными направлениями поиска родственников айнского языка называются чукотско-камчатские языки, языки американских индейцев, папуасские языки, языки аборигенов Австралии.

В эпоху археологической культуры сацумон (VIII–XIII века) формировалось этническое самосознание айнов. Длительное противостояние с носителями охотской культуры, существовавшей в то же время, способствовало укреплению этнического самосознания представителей айнской общины. Их отношения были мирными, но нередко случались и межэтнические военные столкновения, в основном из-за охотничьих и рыболовных территорий. Стички локального характера происходили также на Курилах. Неоднократно высаживались на острова Шумшу и Парамушир ительмены, вступавшие в схватки с айнами.

В состав айнской этнической территории в глубокой древности и в более позднее время входили южная часть Сахалина, Курильские острова, юг Камчатского полуострова, возможно, низовья бассейна реки Амур. Приблизительно до рубежа новой эры протоайны заселяли все Японские острова. Предки японцев вытесняли и поработали аборигенов архипелага. Начиная с XII века, айны стали утрачивать свои территории и на Хоккайдо.

Айнское слово *айну*, производными от которого являются русские айн, айны, ранее не являлось самоназванием всего этноса. Этот термин начал входить в ши-

рокое употребление примерно в XVIII века, а в XIX веке получил всеобщее распространение. Слово «айну», употребляемое с оттенком чести и означающее «человек», «благородный человек», «настоящий человек», «человек, относящийся к айнскому народу», начало использоваться представителями айнского этноса перед лицом японской колониальной экспансии. Они стремились как бы противопоставить себя японцам, отделить себя от них. Существовали также экзоэтнонимы, которые были даны айнам другими этносами.

Самые ранние сведения об айнах содержатся в древнекитайском географическом трактате «Каталог гор и морей», датируемом примерно II веком до н.э. Традиционно «волосатые» из «Каталога гор и морей» отождествляются с айнами. В китайских источниках VIII века упоминаются жившие в низовьях Амура некие «*кушо*» или «*кушо-бо*» (от айнского самоназвания «*куи*», «*кудзи*», «*куши*»). Также «*куши*», «*куи*», «*куги*» называли айнов нивхи, другие народы Амура, маньчжуры. Очевидно, эти названия происходят от айнских слов *ку*, *кур*, *куру* – «человек». В русских источниках XVII века айнов называли «черными людьми» или *куями*, а на Охотском побережье в XVIII веке их именовали *кувами*. Айны, жившие на юге Камчатки и на Курильских островах, обозначались русскими как «курилы», «курильцы», «мохнатые курильцы». Ряд ученых считал и считает, что само название «курилы» является искаженным русскими служилыми людьми айнским словом «куши» (С.П. Крашенинников, Г.В. Стеллер, Д.Н. Анучин, Л.С. Берг, Б.П. Полевой). Русское название «Курильские острова» означает «острова, заселенные курильцами», или «острова курильцев».

По подсчетам лейтенанта Н.В. Рудановского, одного из сподвижников Г.И. Невельского, в 1854 году в южной половине острова Сахалина проживало около двух с половиной тысяч айнов. Численность айнов, по данным Всероссийской переписи 1897 года, составляла около полутора тысяч человек. На Южном Сахалине в 1905-1945 годах проживало также около полутора тысяч айнов. В августе 1946 года российский исследователь Б.А. Жеребцов провел перепись айнов на Южном Сахалине, где проживало тогда 1159 айнов.

21.2. Традиционное хозяйство

Основой традиционной хозяйственной деятельности айнов было рыболовство, морской зверобойный промысел, таежная охота и собирательство.

Айны были тесно связаны с природой и прекрасно приспособлены к природному окружению. Хозяйственная жизнь айнов, их календарный год делились на два сезона: холодный (охотничий) и теплый (рыболовный). Айнский фольклор отразил этот уклад жизни в пословицах: «Зима и лето составляют год», «Летом айны едят только рыбу, зимой – мясо».

Современная японская исследовательница Э. Онуки-Тирни, в 1960-е годы работавшая на Хоккайдо с бывшими сахалинскими айнами, отмечала:

«Отрасли, являющиеся основой экономической жизни айнов, различались на зимние и летние, или более точно, с точки зрения айнов, – по холодным и теплым сезонам. Айнский год начинался с холодного сезона. <...> Основными мужскими занятиями во время холодного сезона являлись охота на лесных и морских млекопитающих, подледный лов рыбы, заготовка дров, вырезание различных предметов из дерева. Женщины могли заниматься подледным ловом, но основная их работа в доме – шитье, ткачество, вышивание».

Холодный сезон у айнов начинался приблизительно в октябре, когда мужчины устанавливали ловушки на соболя, отправлялись в горы, в лес на пушную охоту. Охотились на медведя, кабаргу, дикого оленя, соболя, куницу, лисицу, зайца, белку, выдру. На медведя охотились нередко в одиночку с рогатиной или луком с отравленными наконечниками стрел. Орудиями охоты были самострелы, сложный лук, ловушки. На пушного зверя (на соболя) охотились с помощью петель, которые ставились в большом количестве на бревнах, уложенных поперек рек, или различных ловушек давящего типа (на лисицу, выдру, енотовидную собаку, зайца и др.).

На кабаргу, по сообщениям Л.И. Шренка, айны охотились в горах при помощи «петельной ловушки»:

«...Айны употребляют для нее такую же точно ловушку как для соболя и речной выдры, расставляя ее преимущественно в горных ущельях, особенно излюбленных этим животным. Способ охоты у айнов за более крупными зверями, за оленем и медведем, тот же, что и у гиляков, только они прибегают еще к ядовитым стрелам, которые <...> вовсе не в ходу у их соседей. Медвежьи рогатины, пики и копыя, которые им служат для этой охоты, айны, со времени упадка у них кузнечного мастерства, приобретают от гиляков, посредством меновой торговли».

Курильские айны охотились на птиц, употребляя их в пищу и используя шкурки для изготовления одежды.

Айны высоко ценили мясо животных, добытое в начале холодного сезона. По информации Э. Онуки-Тирни, они полностью утилизировали животных, добытых на охоте.

«Они ели мясо медведей, лис, волков, куниц, северных оленей, кабарги, выдры, зайцев и белок. Они отменные мясоеды и наслаждались, когда откусывали увесистые ломти мяса с костей. Предпочтение отдавалось осеннему мясу – оно вкусное и богато жиром, который также получали из животных. Основными источниками получения жира были медведи, олени и кабарга. Когда мясо готовилось в кастрюле, жир всплывал на поверхность, его вычерпывали и помещали в нерпичий желудок. Жир использовали в приготовлении пищи и зимой в качестве добавок к высушенной рыбе. Его также использовали как лекарство, прикладывая к ожогам...»

Занятия охотой и пушным промыслом регулировались религиозными правилами. Перед охотой мужчины проходили специальные обряды очищения, во время охоты регулировалось речевое поведение (иносказательные слова), существовал запрет на пение, игру на музыкальных инструментах. Охота и пушной промысел, дабы не оскорбить духов, были запретны для женщин, их допускали только к ловле зайцев, которых не обожествляли. У женщин основная работа была в доме, они занимались шитьем, ткачеством, вышиванием. Женской работой была и обработка шкур, которые шли как на внутреннее потребление, так и на обмен и торговлю.

На морских зверей охотились круглый год, но наиболее интенсивно – в конце холодного сезона. Только на котиков охотились летом непосредственно на лежбищах. Охота на морского зверя занимала очень важное место в хозяйственной деятельности айнов, это находило выражение и в языке. Айны восточного побережья Сахалина называли тюленя просто *камуй* (божество, дух) или *атоикун камуй* (дух, охраняющий море).

Объектами охоты были различные виды тюленей, котиков, морские львы и даже киты, которые подходили близко к берегу. На морских животных охотились с лодок. До появления огнестрельного оружия охотились дубинками и гарпунами с отделяющимися наконечниками. У айнов получили распространение гарпуны поворотного типа оригинальной конструкции – с длинным и составным древком, которые позво-

ляли охотнику поражать зверя с дальнего расстояния. Л.И.Шренк со ссылкой на Мамия Риндзо писал, что «айны для приманки тюленей сооружают на воде маленькие деревянные плотники. Животное выходит на них понежиться, и его убивают гарпуном».

Нередко при морской охоте применялись стрелы, наконечники которых смазывались ядом аконита (*суржу*). Особенно славились искусством приготовления яда курильские айны. Яд получали из корней аконита, которые измельчались, замачивались в сосуде и ставились в теплое место для брожения. Проверялась готовность яда к использованию на насекомых.

Охота на морского зверя давала айнам мясо, жир, шкуры. Мясо употребляли в свежем виде и запасали впрок, подсушив на свежем воздухе и затем прокоптив. Жир морского зверя использовали как добавку к сухой рыбе, на нем жарили, хранили в сосудах, сделанных из нерпичьих желудков. Существовал запрет на использование этого жира для освещения жилища. Шкуры морских животных являлись жизненно важным материалом для одежды, обуви, сумок, чехлов. Морская охота была сопряжена с религиозными ритуалами и запретами, поскольку море являлось священной обителью морских духов. По информации Э. Онуки-Тирни,

«как и в случае с лесной охотой, женщинам запрещалось участвовать в охоте на зверя и в морской рыбалке. Это табу, соблюдаемое в стойбищах Райчиска и Хуроочи, не претворялось в жизнь на всем северо-западном побережье. Например, в Устомонайпо женщины выходили в море и помогали мужчинам грести на лодках. Другим запретом в морской охоте было то, что охотникам не полагалось носить с собой растения или пищу, содержащую растения, так как считалось, что морские духи их не любили».

В холодный сезон айны занимались подледным ловом в реках и озерах. У проруби, над которой сооружался шалаш, крытый хвойными ветвями, ловили корюшку, навагу, гольца, камбалу и другие виды рыб.

Приход сельди (апрель-май) возвещал о начале теплого сезона, наступлении «лета», нового производственного цикла. Летняя жизнь была сопряжена с рыболовством, сборианием ягод, корней, трав. Айны переселялись с зимних поселений в летние, начинали ловить и заготавливать впрок рыбу. Рыба лососевых пород, вылавливаемая с июня по декабрь, сельдь, которую айны ловили весной и летом, другие многочисленные обитатели сахалинских морей, рек и озер были основой их питания и благополучия. Но главным был лов лососевых, которых айны называли «божественными рыбами».

Характеризуя пищу айнов, Л.И. Шренк отмечал:

«Живя почти исключительно на морском берегу, айны преимущественно морем и кормятся. Главную роль в их пище играют лососевые рыбы: кета и горбуша. Большими массами проникая даже в маленькие речки рыбы эти и на зиму доставляют туземцам обильные запасы юколы и ворвани. Важное значение между прочим имеют для айнов еще сельди, которые по временам в огромном количестве проходят мимо их берегов и наполняют бухты и заливы. <...> Вместе с рыбой главную пищу айнов составляют крупные виды морских млекопитающих. Между ними первое после тюленя место занимают морские коты и морские львы, мясо и жир которых айны ценят не меньше тюленьего. <...> Айны едят все, что дает им в этом роде море и что волны выбрасывают на берег: больших устриц и гребенцов, крупных спрутов или осьминогов <...>, морских ежей, морские звезды, актинии, морских кубышек, так называемый трепанг, и т.д.».

Приготовленная по-разному – вареная, копченая, жареная, вяленая, как самостоятельное блюдо и в сочетании с растительной пищей – рыба употреблялась в течение почти всего года. Неудачный, «нерыбный» год не позволял продержаться

ся до весны, и тогда мог наступить настоящий голод. Айнский фольклор сохранил свидетельства о бедствиях, когда повальный голод опустошал целые селения. Поэтому айны без устали трудились все лето, чтобы как можно больше выловить и обработать рыбы. О начале теплого сезона возвещал ход нерестовой сельди, потом переключались на кунджу, летом в верховьях рек ловили форель, объектами рыболовства являлись таймень, камбала, корюшка, гольян, морской бычок и т.д. В пищу употреблялись также креветки, осьминоги, крабы, моллюски, морские ежи.

Рыба была пищей, источником жира, материалом для изготовления одежды и сумок, лекарственным средством. Мужчины промышляли рыбу, женщины и дети ее заготавливали. Выловленная рыба немедленно во избежание порчи обрабатывалась, ее потрошили, затем вешали на просушку целиком, но чаще распластывали вдоль хребта на две продольные половинки. Сушили рыбу на свежем воздухе на специальных стойках с поперечными жердями, чтобы приток воздуха к разным частям тушки был одновременным и равномерным. Хорошо провяленная рыба – юкола – снималась с жердей и складывалась на хранение в продовольственный амбар. Айны также коптили рыбу. После потрошения и распластывания рыбы ее вешали в специально построенной коптильне без стен или летнем жилище на вешала или рамки, помещая над дымящимся очагом. Копченая рыба считалась по качеству лучшей, потреблялась людьми. Вяленая рыба шла также на корм собакам и содержащимся в клетках медведям.

Рыбу ловили всевозможными снастями – сетями, сделанными из крапивных волокон, запорами, острогами с поворотным острием-крюком и гарпунами, на крючок, корзинами-ловушками, иногда просто руками. Ловили рыбу в прибрежной полосе моря и в реках. При морской ловле использовали большие лодки-кунгасы. Осенью в реках добывали рыбу острогой, зажигая в сумерках факелы из коры березы.

Руководитель французской кругосветной экспедиции Ж.Ф. Лаперуз, посетивший несколько айнских поселений Сахалина в июле 1787 года и отметивший, что «охота и особенно ловля рыбы почти полностью обеспечивают пропитание», тем не менее точно подметил и ту важную роль, которую играло в жизни островных аборигенов собирательство:

«Несмотря на то что они не возделывают землю, они наименьшим образом используют ее естественные плоды. В их хижинах мы нашли много корней одного сорта лилии, которую наши ботаники определили как желтую лилию, или камчатскую шафранную лилию. Они их сушат и употребляют зимой. Много было также чеснока и дягиля, они растут на опушках леса».

Собирательством занимались исключительно женщины и дети. Летом женщины с помощью заостренных палок заготавливали корни и стебли съедобных растений – хохлатку, сарану, черемшу, луковицы камчатских лилий, кислицу, лопух, борщевик, белокопытник. Особенно много заготавливали дикого лука, айны любили его вкус, добавляли во многие блюда, высушивали для медицинских целей, для использования шаманами. В лесу, на болотах собирали всевозможные ягоды – шиповник, дикий виноград, малину, бруснику, чернику, голубику, клюкву. Растения, корни, ягоды, грибы, орехи использовали свежими и сушили. Айны собирали и сушили большое количество травы пушицы, которую зимой вкладывали внутрь обуви. На побережье собирали моллюсков, ракообразных, иглокожих, морскую капусту. Важным занятием являлся сбор крапивы (*xay*). Вязанки стеблей нарезали каждый день. Процесс обработки крапивы длился около двух месяцев. Кожицу вы-

сушивали, отбеливали, вымачивали несколько раз, до того как изготовить из волокон нити для ткачества, шитья.

Избыток продукции ремесел и других хозяйственных занятий шел на обмен – главным образом с японцами. Айнов интересовали японские мечи, лакированные сосуды, коробки и прочая посуда, одежда, ткань, курительные трубки, различные украшения, рис и спиртные напитки. Мечи, украшения, деревянная лаковая и металлическая покупная посуда считались семейными ценностями, являлись предметами престижного накопления и передавались из поколения в поколение.

21.3. Поселения и традиционные жилища

Хозяйственная деятельность, основой которой были рыболовство, охота, морской зверобойный промысел, позволяла айнам делать довольно значительные запасы продовольствия на зиму. Этот тип экономики позволял жить в постоянных селениях (*котан*) и не вести кочевой образ жизни, однако сезонный характер занятий обуславливал наличие как летних (*сах котан*), так и зимних поселений (*мата котан*) и жилищ (*чисе, тисе*).

Как ни ценили айны лесные ресурсы и промыслы, какого бы мастерства ни достигли в охоте на таежного или морского зверя, все же основу их существования и благополучия всегда составляла рыба. Поэтому с ранней весны до поздней осени селились они преимущественно в устьях рек, на морском побережье, близ богатых рыбой заливов и лагун или во внутренних районах острова, но непременно возле нерестовых речек. По информации исследовательницы Э.Онуки-Тирни,

«айнские селения на северо-западном побережье Южного Сахалина были очень малы и состояли из небольшого количества домов, очень редко их число достигало двадцати. Летние поселения располагались вблизи моря, а зимние стойбища – на небольшом расстоянии от побережья. Айны всегда располагали свои стойбища между горами и морем».

Летнее жилище айнов представляло собой легкий каркасный деревянный дом с двускатной крышей. Это было невысокое, небольшое по площади прямоугольное сооружение из тонкоствольного леса, крытое соломой, жердями или травой. На зиму стены до крыши обкладывали связками сухой травы.

Один из участников голландской экспедиции под руководством М.Г. Фриса, побывавшей в 1643 году в заливе Анива, следующим образом обрисовал увиденные им айнские жилища:

«Сделаны хижины были из ветвей деревьев, сверху покрыты длинной травой, неподалеку от хижин в землю вкопан столб, на нем висел меч. <...> Дома у них небольшие, покрытые травой, но стены построены из больших стволов деревьев, плотно связанных между собой веревками из кож; посреди дома – очаг, сложенный из камней, над очагом – два отверстия, через них выходит дым из жилища».

Почти через полтора века французская экспедиция в июле 1787 года на западном берегу Сахалина также посетила одно из айнских летних селений. Ж.Ф. Лаперуз, отметив «мягкие и степенные манеры», «благородные жесты», «цивизованность», «краткость нравов» айнов, оставил для истории и описание их жилищ:

«Хижины этих островитян построены разумно, все в них предусмотрено на случай морозов. Они сделаны из дерева, покрыты березовой корой, увенчаны стропилами, крытыми сухой травой, уложенной так же, как в наших крестьянских домах; дверь очень низкая и сделанная во фронтоне; очаг расположен посередине, под отверстием в крыше, через которое выходит дым; по окружности стоят маленькие лавки или доски, на 8-10 дюймов

возвышаясь над полом, который, в свою очередь, устлан циновками. Хижина, которую я описал, стояла посреди чащи из розовых кустов, в ста шагах от моря. Кусты эти цвели и распространяли дивный запах...».

Традиция строить дома из досок и жердей сохранилась и позже, стены утепляли еловой или пихтовой корой. На крыше с левой стороны делалось дымовое отверстие. В дом входили через приделанное снаружи крыльцо.

Направо и налево от входа вдоль стен находились низкие нары (*сех*) – места для сна. В центре жилища располагали очаг – *камуй ундзи*, сакральное место айнского дома, обязанностью хозяйки было неустанно следить, чтобы он не потух. Наиболее почетным местом в доме считалось пространство между очагом и стеной, противоположной входу, куда обычно приглашали сесть гостей, там могли сидеть старики. Старость почиталась, считалось, что старые люди ближе к духам и божествам. Позади, обычно с ориентацией на горы, располагалось священное окно (окно богов *камуй туйяра*). Через него осуществлялась постоянная связь между духами-хозяевами жилища и божествами внешнего мира. Окно закрывалось лишь в непогоду, но подходить к нему без причины строжайше запрещалось, а заглядывание в него рассматривалось как тяжкий грех. Через него вносили в дом добычу охотники, выносили рыболовные орудия, вытаскивали тушу медведя во время медвежьего праздника. По правую руку от очага были места хозяев дома, за ними размещались наиболее значимые, ценные предметы – лаковая посуда, оружие, культовые принадлежности, домашний алтарь. Стены украшались циновками светлого цвета с желтым или коричневым орнаментом. Молодые мужчины обычно садились по левую руку, а молодые женщины – у входа. Освещалось помещение одним окном.

Пространство айнов было организовано оппозицией море – горы. Антропоморфно пространство строилось на оппозиции голова (горная местность) – низ (часть поселения, которая находится близко к морю). Фасадом дома, его передней стороной (лицом) была сторона, обращенная на горы, поскольку там обитали главные божества, горные духи. Вход в дом был обращен к морю, реке. В селениях могли быть и большие дома, принадлежавшие богатым людям. Такой дом с двумя очагами (*ту ундзи о чисе*), то есть с двумя местами для духа огня, считался священным.

На некотором расстоянии от дома напротив входа ставился амбар (*ту*) для хранения шкур, упряжи, запасов провизии, сушеных трав. Это было свайное сооружение высотой над землей в 1,5 метра. В него забирались по приставному бревну, на котором для ног делались зарубки. В хозяйственный комплекс входила и площадка для собак, которых использовали как тягловых животных при езде на нартах и во время таежной охоты. Между домами, в продуваемых ветром местах устраивались вешала для приготовления вяленой рыбы – юколы. В состав хозяйственной территории входили специально отведенные места для разделки туш добытых животных, обработки их и просушки, сюда же складывали кости, ссыпали золу из очага. Каждый участок окружающего пространства имел свое назначение в соответствии с важностью сторон света и религиозных воззрений. Жилищно-хозяйственный комплекс нередко включал в себя медвежью клеть – сруб для выращивания медвежонка, а также находящийся за домом наружный алтарь (*инау чина*), где хранили заструженные шесты – инау. В то время как домашние инау были небольшими, наружные культовые инау достигали высоты в несколько метров, а инау для кита изготавливалось из целого дерева. Алтарь располагался на небольшом расстоянии от дома, позади сакрального окна, там айны совершали все общие ритуалы, это место было священным.

Зимние поселения традиционно находились на небольшом расстоянии от побережья. Айны мигрировали во внутренние районы острова, ближе к горам, где долгими и снежными сахалинскими зимами мужчины занимались охотой. На зимниках традиционно строили землянки (*той тисе*) и полуземлянки – надежное убежище от зимней стужи. Сооружение столбовой конструкции углубляли в землю, на столбах крепилась крыша, покрытая древесной корой. Л.И. Шренк следующим образом описал айнское жилище:

«У айнов подземная юрта во всеобщем употреблении. <...> Крыша далеко выдается над входом и образует перед ним род крытой площадки или сеней со ступеньками, ведущими внутрь жилища. Внутри устройство точно такое же, как и в гильцких подземных юртах, только очаг расположен ближе к лесенке. Над ним в крыше отверстие для дыма».

«Земляной дом» был одновременно и жильем, и складом продовольствия. Такое жилище строили обычно несколько семей, каждая из них могла иметь в доме свой очаг. На рубеже XIX и XX веков айны широко переняли у русских поселенцев традицию русской срубной техники, стали на морском побережье строить теплые бревенчатые дома, в которых зимовали. В связи с этим зимние полуземлянки как тип жилища вышли из употребления.

Айны южных ареалов обитания и поселений с мягкими климатическими условиями жили в прибрежных стойбищах круглый год. Во время зимней охоты, в местах, расположенных поблизости от охотничьих угодий, строилась охотничья сторожка, служившая одновременно и жилищем, и складом для добычи. Это была полуземлянка, врытая наполовину в землю или заваленная землей сверху.

В крупных поселениях насчитывалось до 15-20 семей, или 100-150 жителей. Однако основная часть селений была небольших размеров, на 2-4 семьи. Планировка селения – в ряд, все жилища обычно выстраивались цепочкой на небольшом расстоянии от реки или морского берега.

21.4. Одежда

Айнская одежда изготавливалась из трех видов материала: растений, шкур животных, рыбьей кожи. Традиционная самотканая айнская одежда, одинаковая по покрою для мужчин и женщин, шилась из материи, сотканной из волокон крапивы или луба. Растительные волокна крапивы (*хау*) проходили длительный процесс отбеливания, вымачивания, высушивания, позже из волокон делали нити. Волокна луба – подкоркового слоя вяза – вымачивали в соленой воде и сушили. Затем из них изготавливали нити и на ткацком станке горизонтального типа ткали полотна, затем их сшивали теми же нитками. Одежда из луба (*амму*), крапивных волокон представляла собой



Рис. 63. Айнский халат из крапивного волокна.
Ainu: Spirit of a Northern People

распашной халат с узкими рукавами, под которым женщины носили глухую рубашку из более тонкой ткани, а мужчины – штаны или набедренную повязку.

В торжественных случаях айны одевали длинный халат (*тюкокату*) такого же покроя, богато орнаментированный вышивкой или аппликациями из белых или синих полос. Подпоясывали халаты поясами с накладными металлическими бляхами и надевали головной убор, расшитый узорами. Женщины надевали украшения – серьги, бусы, расшитые головные повязки, нагрудные бляхи, монеты, кольца, орнаментированные пояса, подновляли татуировку. Татуировка темно-синего цвета считалась у айнских женщин символом красоты и социального статуса. Смесь из селедочного масла и специально приготовленной сажи наносили в тонкие надрезы кожи вокруг рта, иногда на лице и руках до локтей. Церемониальной одеждой также служили дорогие японские кимоно.

Зимой айны носили длинные халаты, но с несколькими подкладками, или меховую одежду, изготовленную из шкур собак, лисиц, куниц, оленя, нерпы. Айнские женщины шили красивые орнаментированные зимние халаты, искусно komponуя мех по цвету: светлый со стороны брюха, темный – со спины животного.

У айнов Сахалина получили распространение халаты из рыбьей кожи, главным образом из кожи крупных лососей и гольцов. На изготовление халата, надеваемого в особых случаях, уходило около 40-50 рыбьих шкурок. Из рыбьей кожи шили также обувь и сумки.

На Курильских островах айны употребляли для изготовления одежды шкурки птиц, пух и перо которых прекрасно защищали от холода в зимнее время. В дождливую погоду пользовались оригинальными плащами, изготовленными из травы или тонкого тростника.

Материал, из которого была сделана одежда, количество узоров и цветовая гамма отделки являлись показателями пола и социального статуса владельца. Так, халаты стариков украшались орнаментом с преобладанием оттенков красного цвета. Женские халаты, напротив, имели мало узоров, тем более красного цвета.

Летом айны обычно не пользовались обувью и ходили босиком, часто до самой поздней осени. Зимой использовалась обувь из шкур морских животных или лосося. Головными уборами айнов служили наголовные повязки, зимой при сильных холодах – меховые шапки. С наступлением холодов мужчины и женщины носили своеобразные рукавицы, закрывавшие только наружную часть кисти, оставляя открытой ладонь руки.

В XX в. айны повсеместно носили одежду японского покроя и из японских материалов.

21.5. Средства передвижения айнов

Айны были отличными мореходами, имели лодки различных типов. Наиболее распространенным типом лодки была долбленка, изготавливавшаяся из цельного ствола дерева, обычно из тополя. В такой лодке, функционально аналогичной каное, пользовались обычно одним двухлопастным веслом.

Развитый промысел морского зверя и рыболовство, дальние морские путешествия требовали создания более совершенных типов лодок. В конструкцию долбленки стали добавляться нашивки из досок, защищавшие судно от волн. В таком

варианте долбленки получалось довольно большое гребное судно-баркас с килем, нашивным фальшбортом, перекладинами, укреплениями по корпусу. Для дальних морских переездов и морского промысла служили и плоскодонные баркасы-дощаники различных размеров. Лодки высоко ценились айнами как средство добычи зверя и рыбы и грузовые транспортные средства, передавались по наследству.

Долбленки с нашивными фальшбортами айнов российский этнограф Л.Я. Штернберг рассматривал в качестве доказательства «южного» происхождения народа, в любом случае как самобытный элемент айнской культуры:

«Что это исконный тип их лодок, видно, например, из легенды о дятле, который носит название *chipta chirí*, птица, которая выдалбливает лодки и о которой рассказывается, что первоначально она была послана самим богом, чтобы научить их делать лодки».

У сахалинских и северокурильских (на островах Шумшу и Парамушир) айнов существовало упряжное собаководство, собачьи нарты обеспечивали транспортировку во время снежной зимы. На собачьей упряжке из 12-13 собак в день можно было преодолеть расстояние в 60-80 км с грузом до 190-230 кг.

Полозья для айнских нарт и тормоз делали из березы, скрепляли деревянными гвоздями, изготовленными из корней сосны. На полозья для быстроты хода крепили костные китовые пластины. Уход за нартовыми собаками был важной частью работы мужчин. Щенков тщательно отбирали для дальнейшей тренировки. По информации, собранной Э. Онуки-Тирни, это происходило примерно так:

«Щенков упорно тренировали, чтобы получились хорошие нартовые собаки. Взрослые и дети смеялись, наблюдая за ними во время тренировок, как они, шатаясь и падая, тянули нарты. Для нарты было необходимо равное количество животных, размещаемых на потяге слева и справа. Мужчины внимательно наблюдали за поведением и чутьем собак с тем, чтобы правильно расставить их на потяге. <...> Айны упражнялись в селекционном отборе и разведении, для которых отбиралась лучшая собака – вожак упряжки».

Вожак упряжки была опытная, умная собака, способная даже во время пурги не сбиваться с дороги. Вожака берегли, в отличие от других собак содержали в доме. В зависимости от размера нарты и дальности пути в упряжку впрягали около пят-



Рис. 64. Айнские снегоступы.
Ainu: Spirit of a Northern People

надцати отборных и хорошо тренированных собак. И нарты, и собаки могли быть в собственности не только одного человека, но и группы односельчан-родственников.

Собаки были единственным домашним животным у айнов. Их мясо шло в пищу, шкуры – на одежду, для этого использовались только щенки и суки. Собаки были единственными животными, которых приносили в жертву во время обрядов. Летом нартовые собаки могли использоваться для перевозки груза по реке. Их запрягали в лодку, которую они тащили бечевою вдоль берега.

Курильские айны зимой употребляли для передвижения по глубокому снегу лыжи-ракетки ступательного типа, на-

поминавшие по конфигурации цифру 8. На Сахалине айны использовали дощатые лыжи скользящего типа, очевидно, заимствованные у коренных жителей бассейна Амура.

Для переноски тяжестей и детей за спиной у айнов имелись специальные налобные повязки, широкая часть которых проходила через лоб, а концы, опущенные на спину и связанные друг с другом, удерживали груз.

21.6. Социальная организация и общественный быт айнов

Характерная черта айнского социума – его гибкость. Основные жизнеобеспечивающие занятия айнов, равно как и трудоемкие виды работ, были коллективными. Потребности в общем труде обусловили наличие коллективной производственной единицы – поселка (*котан*). Преобладали поселки/стойбища, состоящие преимущественно из семей кровных родственников или свойственников (родственников по браку). Ядро коллектива составляли мужчины-родственники, происходившие из одной родственной группы (*синэ экасикир* – наследники одного предка). То есть большая часть такой группы всегда была связана кровнородственными и взаимобрачными отношениями, что способствовало сохранению традиционных социальных институтов. Но социальная структура различных по людности поселков была различной.

Основой социума поселка обычно был семейный клан – ядро локальной группы людей, живших в одном поселении, соединенных узами родства. То есть родственная принадлежность была очень существенная для айнского социума, она регулировала все межличностные отношения. Семья обычно вела происхождение по линии мужских предков, но строгой патрилинейности в системе родства не было. Социальная структура айнов была комплексной, гибко приспособленной к хозяйственным занятиям. Силами одной или нескольких семей трудно было выжить в достаточно суровых природно-климатических условиях островов. Жители разных местностей зависели друг от друга в добыче природных ресурсов, поэтому у айнов была хорошо развита взаимопомощь. Айны рассчитывали и полагались не только на членов своей узкой кровнородственной патрилинейной и патрилокальной группы, но и на обширные родственные связи по материнской линии или по браку, которые обнаруживались в очень многих, нередко дальних стойбищах. Подобные связи были чрезвычайно важны не только в добыче пищи, строительстве жилищ, проведении праздников, но и позволяли застраховаться от нужды в случаях разных бед.

В коллективной собственности жителей поселения были близлежащие сопки, земельные и водные ресурсы, некоторое имущество. Соседние поселения были тесно связаны между собой родственными узами, частыми посещениями, зависели от природных ресурсов друг друга, поэтому айны не слишком беспокоились о территориальных нарушениях коллективных угодий. Во время охоты или рыбного промысла, сбора растений и ягод, жители одного селения могли зайти на территорию угодий другого селения, это не возбранялось. Но частью добытого мяса или рыбы они обязательно делились с собственниками территории.

К традиционным социальным институтам айнов относился выборный совет старейшин, который руководил жизнью территориально-родственной общины. В него входили: вождь (*котан коро ниспа*), помощник вождя (*хасико котан коро ниспа*), общественный посыльный (*сонкооро айну*). Вождем избирали уважаемого, обычно пожилого человека, религиозного, сведущего в традициях. В обязанности

вождя входило поддержание мира внутри и вне общины, руководство хозяйственной деятельностью, забота о людях, осуществление взаимоотношений с другими общинами. Вождь, как правило, был удачливым рыболовом и охотником, человеком в айнском понимании богатым. Показателями богатства могли являться большой дом, наличие нескольких жен, слуг, владение лодкой, нартовыми собаками, предметы роскоши. Власть вождя не была автократичной, он председательствовал на собраниях, где обсуждались серьезные происшествия и проступки. В небольших стойбищах официальных общественных структур не было.

Положение вождя в айнском социуме описал из своих наблюдений российский исследователь Л.Я. Штернберг:

«Еще сравнительно очень недавно, когда я был на Сахалине в 90-х годах, старик-ниспа, по имени Нисендус, по авторитету своему был не только настоящим королем всего почти западного берега, но и существом божественного порядка. Ему население не только доставляло регулярно, как дань, припасы, но подносило, как божеству, «инау». За глаза о нем говорили, что он все равно как бог – «камуй». Он распоряжался общественной охотой и делил добычу. И во всех общественных и частных делах он являлся безапелляционным судьей».

В айнской общине соблюдалась дифференциация ее членов по родству, возрасту и полу. Самыми почитаемыми членами айнского общества, хранителями традиций, устного фольклора были люди пожилого возраста. Самый почтенный старец мог именоваться «священным вождем» (*котан айсара камуй*), быть членом совета старейшин. Привилегированный статус пожилых был основан на вере, что с возрастом человек сближается с духами. Идеологические представления, обусловленные *айну тури* (айнский образ жизни), поддерживали чувство солидарности, исторической взаимосвязи, общности происхождения. Очень бережно айны относились к детям, рождение ребенка, независимо от пола, было радостным и желанным событием для всей общины.

Айны заключали браки с соблюдением норм экзогамии. По айнской традиции родители часто сватали детей вскоре после их рождения или в возрасте трех-пяти лет. Церемония заключения брака была короткой и простой. У айнов существовала практика полигинии, многоженство считалось в глазах сородичей показателем высокого статуса мужчины. Обычно сыновья жили всю жизнь в селении своих родителей, брали на себя заботу и ответственность о них. Однако почти равнозначными айны признавали родственные связи с кровными родственниками матери или жены. Айн мог уйти из своего родного поселения в другое, где ядро составляли кровные родственники его матери или жены. Это не было нарушением традиций, в новом месте он не чувствовал себя чужаком.

Наследование семейной собственности шло по мужской линии. Неделимая собственность (дом, лодка, нарты, мех, мечи, лаковая посуда) обычно отходила к старшему сыну первой жены или к сыну, который брал на себя заботу о родителях. Делимое наследство, его обычно было немного, распределялось поровну между всеми сыновьями. Имелись существенные различия в имущественно-правовом и социальном положении айнских мужчин и женщин.

21.7. Мироззрения, мифология и культовая практика

Традиционное мироззрение является естественным способом духовного освоения мира во взаимодействии двух его основных частей – природы и человека. Выделяются две основные плоскости изучения традиционного мироззрения:

представления о создании и строении мира и представления о человеке и его жизненном цикле.

Религиозные воззрения занимали исключительно важное место в жизни айнов, пронизывая буквально все сферы существования как отдельного человека, так и общества в целом. Религиозные представления и верования, сопровождавшиеся разнообразной ритуальной деятельностью, окружали айна с рождения до смерти. Основой религиозных взглядов айнов являлся анимизм, выражавшийся в одушевлении, оживотворении или признании наличия сверхъестественной души у практически всех объектов органического и неорганического мира, явлений природы в целом. Промысловая деятельность айнов, как и многих других народов традиционных культур, конкретизировала их анимистические установки в образах духов-«хозяев» различных природных стихий (лес, море, река и т.д.). Айны верили в наличие духовных многоплановых субстанций *рамат* и *камуй*, которые обитали повсюду – на небесах, в воздухе, на земле, в воде и под землей.

Представления об окружающем мире – важная часть мировоззрения айнов, включавшая в себя понятие вселенной, ее возникновение и устройство, пространственное соотношение миров, составляющих вселенную, обитателей этих миров. Как отмечено российским этнологом А.Б. Спешаковым, вселенная айнов по вертикали/этажам членилась на три мира: верхний и нижний миры населяли божества (*камуй мосир*), в среднем жили люди – это был «мир айнов» (*айну мосир*). В самом высшем слое небесной сферы обитал верховный небесный бог, творец всего сущего/«бог создатель миров и земель» (*кандо кор камуй*) и его помощники, которые воплощали отдельные стихии, там находилась и священная страна предков. В верхних мирах обитали добрые божества. К числу основных божеств неба относились божества солнца (*тюп камуй*) и луны (*куннэ тюп камуй*). Особое почитание солнца как доброго существа, дающего человеку тепло и свет, в условиях сравнительно холодного климата Сахалина и Курил безусловно мотивированно. В нижнем, подземном мире (*нокна мосир*) обитали злые духи, демоны и усопшие люди.

Верхний и нижний миры имели сложную стратификацию. Окружающий мир, его три сферы, со всеми божествами, духами, человеком, животными и растениями составляли цельную систему, в которой было множество связей и отношений. Мир воспринимался айнами как единый, где божества могущественны, но благосклонны, люди стремились им угодить; демоны могущественны и зловредны, люди стремились блокировать их влияние. Пространственная горизонтальная модель мира айнов разделена на две зоны: на зону сверхъестественных сил – море и горы (северо-восток), верх; и зону людей (юго-запад), низ.

В мифоритуальных комплексах «хозяев стихий» у каждого духа и группы духов была определенная сфера деятельности и влияния, выделялся свой глава, у которого в подчинении были остальные духи. Айны исполнением обрядов, соблюдением табу стремились угодить божествам, получить их расположение. Благорасположение выражалось в обилии пищи, духи насылали айнам детей, благосостояние, знания. Божества могли оскорбиться и наказать людей голодом, болезнями, смертью. Наибольшее развитие у айнов получили анимистические установки, связанные с обеспечением жизни человека, добычей средств существования, то есть промысловой деятельностью. Соответствующая ритуальная деятельность (культовая практика), связанная с кульгами «духов-хозяев» различных стихий, сопровождала все хозяйственные занятия: начало/конец рыбной ловли или охоты как по сезонам, так и конкретным мероприятиям.

В айнском пантеоне к числу главных относилось божество леса и гор (*мэтоу сь камуй*), представлявшееся айнами в виде огромного медведя. Среди божеств водной стихии старшим считался «хозяин» моря, брат горного божества. Сахалинские айны часто называли морского бога *тегуеку*, что буквально означало «друг, снабжающий пищей», он являлся людям в образе касатки. Как отмечено российским исследователем А.Б. Спевяковским,

«рыб лососевых пород (кета, горбуша и др.), поднимающихся в верхнее течение рек для нереста, айны считали не самостоятельными живыми существами – обитателями моря или рек, а пищей, отправляемой камуями моря людям».

Среди многочисленных духов важными были духи рек, озер, бог растительности, дух суши, божество землетрясений.

В верованиях айнов важное место занимали духи и божества – покровители дома и семьи. Среди домашних божеств более всего почиталась богиня огня («старуха очага», «бабушка-огонь») *унти камуй* (*камуй фучи*), место обитания которой было в центре домашнего очага. Она состояла в духовном контакте с духами внешнего мира. С горными духами своеобразным каналом общения служило сакральное окно, с морскими духами – дверь дома. Все домашние предметы подчинялись богине очага, она же следила за тем, как айны соблюдали обычаи и ритуалы в быту, как обращались с уловом и добычей, относились друг к другу. Богиня огня была единственным божеством, которую чествовали ежедневно, к которой каждый член семьи мог обращаться непосредственно и при любых обстоятельствах.

Мир демонов (*ояси*) считался враждебным, они подвергали людей опасности, нередко и губили. Самыми ужасными были те из них, которые могли своей вредоносной силой полностью истребить население стойбищ. Айны старались защититься от демонов с помощью многочисленных ритуальных обрядов, заклинаний,

использования амулетов, инау, получая благорасположение духов.

Почитание многочисленных добрых духов и божеств, существовавших в воображении айнов, происходило через молитвы («священные разговоры») и жертвоприношения, в основном вина, пищи и *инау*. Осуществляли кульговую практику старейшины общин и старшие члены семьи.

В айнской традиционной культуре очень важны *инау* – застуженные ритуальные палочки, рассматриваемые как представители богов и предков, посредники к богам и предкам, охранители, сакральные силы разной интенсивности. Общая идея инау – универсальный символ живой Вселенной. Инау имели самые различные виды и назначения, подразделялись на одиночные и групповые, постоянные и временные, детские и лечебные, шаман-



Рис. 65. Айнские инау.
Ainu: Spirit of a Northern People

ские и охранительные, инау внутреннего и внешнего пространства, вертикальные, горизонтальные и круговые и т.д.

Значение инау в жизни айнов подчеркивал Л.Я. Штернберг, посвятивший в 1908 году этому культу специальный доклад в Русском антропологическом обществе, в котором отмечал:

«Инау играют огромную роль в жизни айну. Вся его обстановка, все его окружение, вся его действительность заполнена инау. Зайдите в его дом: в очаге водружено *унти-инау* – «хозяйке» огня, в углу – махровый *тисе камуй инау* – инау «хозяину» дома, родоначальнику; ограде очага посвящено особое *инумпа-инау*; у дверей – *апа сят ун-инау*; над нарами, то тут, то там – целебные инау. <...> А далее, куда ни повернешься, на горе, на берегу моря, речки, в лесу, на дорогах, перевалах, на кладбищах и т.д. – всюду самых разных форм большие инау, то хозяину горы, то хозяину солнца, моря, речки, то предку, то киту, выдре, медведю, тюленю и т.д.».

Можно выделить две основные категории инау: жертвуемые духам предков и посвященные различным духам и божествам айнского пантеона. Этот своеобразный деревянный человечек, имевший голову, множество языков, руки, ноги, по представлениям айнов, был наделен большой силой, айны называли его «*икой-итаку айну*» – посредник, посол, оратор. По его красноречивым и настойчивым просьбам божества снисходили к людским нуждам и потребностям. Исследователи полагают, что инау саблевидной формы обладали особой сакральной силой, обозначали причастность к небесному дару богов, змеевидные же выполняли посреднические функции. Круговые фигуры характеризовали соединение небесного и земного начала природы, были связаны с обликом змеи и медведя. Главным видом древесины для этих священных для айнов предметов считалась ива, она почиталась айнами как дерево жизни.

В духовной культуре айнов важное место занимали молитвенные палочки с символическими изображениями – *икуниси (икупасю)*. Они использовались в лечебной и шаманской практике, на медвежьем празднике, промысловых обрядах, во время погребального ритуала. Растительный и зооморфный орнамент палочек, положение объектов сюжетной схемы являлись особым способом коммуникации, пиктограммами мифов, характеризовали переход из мира людей в мир богов и предков.

Айнская мифология и фольклор указывают, что божества, спускаясь в мир людей для различных деяний, представляли перед человеком, принимая облик различных зверей, например, медведя, волка, лисы, выдры, тюленя или совы. Нередко в качестве подарка небесные жители оставляли свою плоть человеку, возносясь на небо как духи, радуясь при этом своему возвращению. Айны практиковали ритуальные обряды «проводов» душ морских и сухопутных животных, рыб, имевшие аналогии и у других народов Сибири и Дальнего Востока.

Представления и верования, связанные с самым крупным представителем островной флоры, с медведем, приобрели у айнов форму синкретичного культа, в котором переплелись различные представления, связанные с промысловыми культурами, культом предков, культом инау, другими. Медведь охранял мировой порядок, в его образе были воплощены силы Добра. Исследователь Б.О. Пилсудский особому отношению айнов к медведю давал следующее объяснение:

«Медведь <...> сам по себе существо, симпатизирующее человеку и могущее влиять на его судьбу. При переселениях на новое место стараются поймать медвежонка и выкормить его, что приносит с собой благополучие. Хотя айны в прежнее время держали и воспитывали у себя другое животное – лису, но по отношению к ней не приурочено светлых надежд на

будущее. Лиса, напротив того, всегда готова вредить людям. Медведь причиняет зло лишь в том случае, если чем-либо обижен. Желание благодетельствовать айнам у медведя является по той уже причине, что он им – родственник. Некоторые айнские роды на Сахалине считают своим покровителем медведя, который фигурирует в числе других тотемов, довольно ярко выраженных у айнов в представлениях о происхождении отдельных родов. В речи, обращенной к медведю, его называют внуком».

Ритуальная деятельность, связанная с вышеназванными религиозными воззрениями и магическими приемами, выливалась в «медвежий праздник» – особо торжественный ритуал, являвшийся событием огромной важности в жизни айнов. Был связан с календарными обрядами весенне-осеннего цикла, с верой в превращение, возрождение и вторичный возврат, с кульгом умирающего и воскресающего бога-зверя. Медведь выступал в роли доброжелательного персонажа, он приносил охотничью удачу, воспринимался одновременно и как животное, и как существо высшего порядка, способное осуществить невидимую связь между миром людей и духов (сын горного божества), символ миропорядка.

Детально разработанный у айнов комплекс медвежьего церемониала охватывал не менее двух лет, состоял из поимки и выращивания медвежонка в неволе, главной церемонии и времени после праздника. В выращивании детеныша для ритуала принимало участие все стойбище, выказывая ему особую заботу. Если он был очень мал, кормили грудным молоком, держали в доме, затем помещали в специальную клетку, обращались с животным очень почтительно. О дате проведения праздника специальные гонцы извещали соседей и родственников, приглашали их на торжество. Это был один из немногих поводов для людей из дальних стойбищ собраться вместе, общаться, таким образом, праздник имел определенные общественные функции. Все церемонии, поведение присутствующих строго регламентировались старейшинами. Присутствовавший в стойбище Отасану на празднике Б.О. Пилсудский отмечал это так:

«Из юрты только что вышел один из почетных гостей, участвовавший в совете старших, и объявил находившимся на дворе, кого избрали старики для важных ролей при выведении медведя. Решение было встречено без одобрения или порицания. Никто не перечил, да и не смел протестовать против решения стариков. <...> Среди молодежи многие рады бы показать свое искусство и смелость, но желанием старейшин было сделать удовольствие приехавшим издалека. Надо было, по традициям айнского обычая, предоставить первенство тем, которые не пожалели времени и трудов и прибыли, сделав сотни верст нелегкого пути вдоль каменистого морского берега».

Все участники торжества празднично одевались, украшали жилища заструженными палочками инау, горячо оплакивали медведя. В день ритуального убиения связанного зверя проводили по украшенному селению, наделяли его многочисленными символическими подарками. Один из стариков произносил прощальную речь, адресованную «божественному внуку», стоя лицом на восток. По информации Б.О. Пилсудского, айны считали, что выращенные людьми медведи отправляются после смерти на восток, а медведи, убитые в лесу, как и покойники, идут на запад.

Умерщвление медведя рассматривалось как акт освобождения его от личины, души от тела для возвращения в горы и нового возрождения. Оплакивание медведя в последний раз можно рассматривать как пережиток промыслового культа и свойственных ему извинительных речей. Особым комплексом обрядов окружалась голова медведя. Завершал праздник день, отмеченный М.М. Добротворским как «день отнесения головы медведя вверх по реке» (*саба маканкэ то, кэй маканкэ*

то). Сахалинские айны устраивали для черепов медведей торжественное наземное захоронение в лесу, эти места почитали как священные.

Айны устраивали праздник как можно богаче и торжественнее, не считаясь с расходами, стремясь добиться милости хозяина гор и тайги и последующих благ. Устроители праздника пользовались почетом и уважением у односельчан и приезжих родственников.

У сахалинских айнов был распространен ненаследственный шаманизм, обряды могли исполнять как женщины, так и мужчины. В шаманских атрибутах айнов важная роль принадлежала изображению змеи, которая олицетворяла особую магическую силу и способность перехода в сакральное пространство.

Л.Я. Штернберг в своих исследованиях материальной и духовной культуры народа уделял значительное внимание культу змеи у айнов, обнаруживая проявления его во многих сторонах жизни:

«...айны не довольствуются в религиозных целях только змеевидным орнаментом; в случаях чрезвычайных, при болезни, трудных родах и т.п., они изготовляют из травы изображение змеи и это изображение называют характерным именем – божественный змей. Замечательно, что это изображение всегда делается в кольцеобразной форме. Эта форма отнюдь не случайная, ибо змеей тесно ассоциируется у них с солнцем...».

В похоронно-поминальной обрядности находили воплощение религиозные воззрения о самостоятельной жизни души, о мире мертвых (*ауруун котан* – соседняя деревня), аналогичном земной жизни. В силу этого уход души из тела человека означал только телесную смерть, душа же считалась бессмертной, но необходимо было строгое соблюдение традиций и правил похорон, чтобы душа не задержалась в мире живых и не превратилась в блуждающий призрак (*тужан*).

Айны практиковали погребения различных типов, что обуславливалось местом и обстоятельствами смерти. Обычно производили наземное захоронение в гробах, изготовленных из ели, дерева, которое ассоциировалось у айнов с болезнью и смертью. Зимой гроб не закапывали, а закрытый ставили на снег. При похоронах одежду умершего разрезали, а утварь и прочий погребальный инвентарь ломали на могиле, чтобы неумирающие души вещей могли сопровождать покойного в загробный мир. Во время похорон в доме умершего совершался важный обряд очищения, зажжения чистого огня, то есть возрождения духа очага. С возрастом и повышением социального статуса сложность погребального обряда нарастала.

Если человек умирал вне дома, производили захоронение в месте его смерти (на берегу, в лесу). Над захоронением сооружали погребальный алтарь из ритуальных палочек. У айнов были известны воздушный тип захоронения для бывших шаманов. В этих случаях также придавали особое значение правильности похоронных обрядов. В отношении сородичей, умерших от эпидемических болезней, убийц традиционная похоронная обрядность не совершалась.

21.8. Фольклор

При изучении такого бесписьменного этноса, как айны, фольклор имеет важнейшее значение, особенно в настоящее время, когда почти не осталось знатоков айнской старины. Детализированные фольклорные тексты, передаваемые из поколения в поколение, являются богатейшим источником информации об особенностях культуры и жизни айнов, раскрывают духовную жизнь народа.

Айны накопили огромное фольклорное наследие, богатство которого поражает всех, кто с ним соприкасается. Имеются различные классификации айнской устной традиции, жанровой принадлежности текстов. Знаток айнского языка и фольклора Б.О. Пилсудский, записывавший айнские тексты не только от руки, но и с помощью фонографа, выделял двенадцать жанров: предания – *уцяськома*, сказки – *туита*, легендарные «божественные песни» – *ойна*, повествования о героях и битвах – *хауки (хавки)*, любовные песни – *иаикатекара*, развлекательные песни – *снотса*, колыбельные песни – *ихунки*, «бесцельные» песни, поющие, чтобы скоротать время, – *иаишукара*, лодочные песни – *цбо хау*, комические присловья – *синот итак*, загадки – *урехреку*, речи на приемах, при отъезде гостей.

Песенные сказания нескольких жанров нередко объединяют в широкое понятие *юкар*, имея в виду в первую очередь героический эпос и легендарные песни. Эпические поэмы исполняли народные певцы, обычно пожилые мужчины *юкар-куру*. Айны полагали, что богов радует декламирование юкар. В холодный сезон у очага по вечерам и молодые, и старые, и дети слушали длинные рассказы. Наиболее известные эпические поэмы *хавки* и *ойна* сказители декламировали несколько ночей напролет. Сказители пели лежа, закрыв глаза и отбивая ритм ладонью по своему телу, или эмоционально декламировали, размахивая руками. Нарочитое сгущение красок, театрализация историй позволяли надолго запечатлеть в сознании слушателей образы и события. Юкаркуру занимал почетное положение в общине, этот статус мог перейти по наследству. Эмоциональный накал многих юкар был так высок, что, как писал исследователь айнского фольклора Н.А. Невский,

«...в грустных местах у самого сказителя навертываются слезы, а при передаче героических мест отбиваемый такт становится бурным, и голос сказителя прямо гремит».

В фольклоре айнов представлены мифы о двух братьях – творцах земли, разделивших сферы влияния на небо и землю. Образ хозяина неба, бога гор, воплощал медведь; хозяином нижнего мира являлся лис. Фольклор айнов функционально противопоставляет образы медведя и лиса, которые ведут непримиримую борьбу, победителем в ней выступают силы добра, воплощенные в образе медведя. Лис выступает в качестве похитителя солнца, а медведь охраняет мировой порядок.

В легендарных песнях айнов постоянно присутствует культурный герой *Яйресуто (Йоресуто, Айена, Айнураккуру)* – «сам себя вырастивший», которого айны считали своим прародителем. В айнском фольклоре реальные приметы жизни смешиваются с фантастическими картинками потустороннего мира. Так, культурный герой *Яйресуто (Йоресуто)*, он и вождь айнского стойбища, и полубог-получеловек. Он породнился со стихиями света (луна, солнце) через браки с их дочерьми, обрел духов-хранителей в лице этих богов, он сражался с животными-монстрами, духами тьмы. В этих образах проявлялось айнское видение мира. Человек делит мир со множеством существ, которых считает равными себе, подвергается испытаниям со стороны демонов, но находится под покровительством богов и с честью выходит из положения. Айны в своих повествованиях о героях и битвах, легендах вступают в различные отношения не только с людьми других племен, но и с чертями, демонами, духами, как правило, побеждая и плотских персонажей, и духов, оказываясь и смекалистее, и умнее, демонстрируя свободу духа, смелость фантазии и здравый смысл. Героический эпос, особенно в театрализованном исполнении, запечатлевал в сознании слушателей величие и доброту духов, помогающих айнам, доблесть и героизм культурного героя.

21.9. Декоративное искусство

Айны достигли высокого уровня мастерства в резьбе по дереву. Дерево – наиболее часто употребляемый природный материал у айнов, из него вырезали многие вещи, начиная от лодок и жилищ и до мелочей вроде деревянных гвоздей. Многие изделия из дерева одновременно имели прикладное, эстетическое и религиозное значение. Мужчины были обязаны вырезать огромное количество заструганных палочек *инау*, жертвуемых духам во время ритуалов, их вырезали преимущественно из ивы. Только мужчины могли орнаментировать культовые предметы, женщинам это строго запрещалось.

Высокого художественного уровня достигали мастера в изготовлении *икуниси* – сакральных палочек, которые рассматривались в качестве посредников между людьми и духами. Икуниси исполняли роли посыльных к божествам, использовались в повседневной практике для жертвоприношения богам. В этнографической литературе получили название «палочки для питья», «усодержатели». На сохранившихся икуниси искусно запечатлены сцены морской охоты, рыбной ловли, охоты на медведя, фрагменты праздников и ритуалов. Использовались не только приемы рельефной резьбы, но и прорезной. На некоторых икуниси, например, воспроизведены сценки охоты, при этом миниатюрные люди, лодки или животные двигаются по пазам.

Айнский музыкальный инструмент, пятиструнный тонкори, изготавливали также только мужчины, поскольку этот инструмент считался сакральным. Для изготовления *тонкори* в течение двух лет высушивали древесину сосны, струны делались из китовых жил с переплетениями из волокон крапивы. Айны считали, что звуки тонкори отгоняют злых духов и болезни. Все детали резьбы исполнялись только ножами различной формы, но это были тонкие работы художественного уровня.

Не только культовые предметы, но и чаши или ковши, используемые ежедневно, являлись превосходной искусной работой, украшались витиеватыми резными узорами. Из дерева изготавливали разнообразную посуду – начиная от корытц, в которых они растирали пестиком травы, съедобный глинозем, сушеную рыбу, и кончая тарелками, ложками и палочками для еды. Даже сосуды, в которых они готовили пищу над огнем, нередко делали из бересты; наполненная водой, береста не горела.

Женщины были искусны в аппликациях, вышивках. Они шили красивые орнаментированные зимние халаты, мастерски komponуя мех по цвету. Особенностью айнской одежды являлось использование красочных «вставок» из кусочков хлопчатобумажной ткани и вышитых орнаментов. Они служили не только украшением, но и защитой от злых духов, искусство их изготовления передавалось от матери к дочерям по наследству. В летних халатах витиеватый орнамент из аппликации и вышивки, количество узоров и цветовая гамма отделки указывали на пол и социальный статус владельца.

Айнские женщины изготавливали из сухой травы, волокон луба циновки, которые были многофункциональны. Их использовали как постельную принадлежность, на них сидели в доме, их вешали на вход и на стены. Циновки были не только предметами интерьера, но использовались и во время ритуалов. Чтобы разнообразить и обогатить цветовую палитру интерьера, материал для циновок окрашивали, вымачивая в воде с корой деревьев, соком растений.

21.10. Судьба сахалинских и курильских айнов в XX столетии

Во второй половине XIX – первой половине XX века государственная принадлежность айнов неоднократно менялась. Уступка Россией Курильских островов (1875 год) и отторжение у нее Южного Сахалина (1905 год) привели к тому, что все айны стали японскими подданными. В тот период сахалинские и курильские айны попали под сильное японское влияние. Японцы в 1884 году заставили всех северо-курильских айнов переселиться на остров Шикотан. В 1941 году умер последний северокурильский айн. Тем самым прекратилась многовековая история общности, входившей в качестве составной части в айнский этнос.

Сахалинские айны, попавшие под власть Японии после поражения России в русско-японской войне, жили на острове до конца 1940-х годов. В 1912-1914 годах японские власти свезли всех сахалинских айнов из традиционных поселений в несколько специальных селений, что нарушило их привычную жизнь. Переход в 1945 году Южного Сахалина под советскую юрисдикцию в конечном счете привел к выезду практически всех айнов на Хоккайдо. Причиной этого была десятилетиями проводившаяся японцами ассимиляция и аккультурация айнского населения, а также слабое знание советской администрацией айнской проблемы. В конце 1940-х годов основная масса айнов покинула нашу страну, остались единицы, которые быстро растворились в массе пришлого населения.

Основным местом современного сосредоточения айнского населения стал остров Хоккайдо. По мнению российского исследователя А.Б. Спесваковского, «айнское население в большей своей части растворилось в японском».

«Боясь дискриминации, многие представители айнского этноса перестали называть себя «айнами». Но это не спасло их тем не менее от неравноправия, так как по физическим особенностям айна, даже имеющего определенный процент японской крови, без труда можно отличить от японца. Оказалась почти полностью уничтожена традиционная социальная организация и культура айнов, пришли в упадок древние отрасли хозяйства, стал мертвым айнский язык. <...> Остатки традиционной культуры айнов можно встретить лишь у немногих людей пожилого возраста».

Длительное время айны боролись против дискриминации, которую они испытывали в японском обществе. Только в 1997 году они законодательно получили признание в качестве этнической группы. В начале XXI в. количество айнов ничтожно мало. Практически все они являются потомками японско-айнских браков, признающими себя айнами.

Глава 22

РУССКОЕ СТАРОЖИЛЬЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ САХАЛИНА

22.1. Состав и численность жителей

Изучая историю русского населения Сахалина, нельзя не учитывать генетическую связь между историей русского этноса в целом и историей его периферийных групп, одной из которых и являются русские старожилы Сахалина. Характерной чертой этнической истории русских, по большому счету – даже судьбой народа, являются не прекращавшиеся с XII столетия миграционные передвижения русского этноса. Выдающийся русский историк В.О. Ключевский в своих известных лекциях по русской истории, придавая чрезвычайно большое значение миграционному фактору, как одному из определяющих в политической истории Российского государства, и истории русского народа подчеркивал: «История России есть история страны, которая колонизируется». В современном фундаментальном исследовании «Русские» В.А. Александров и В.А. Тишков отмечают: «Образование и развитие русского народа находится в прямой связи с вековым расширением его историко-этнической территории».

В середине XIX века русский колонизационный поток докатился до Сахалина. Заселение русскими острова Сахалина, происходившее в позднеимперский период русской истории, являлось частью общего миграционного процесса, происходившего на ряде территорий огромной Российской империи (Новороссийские степи, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, Туркестан, Приамурье, Приморье).

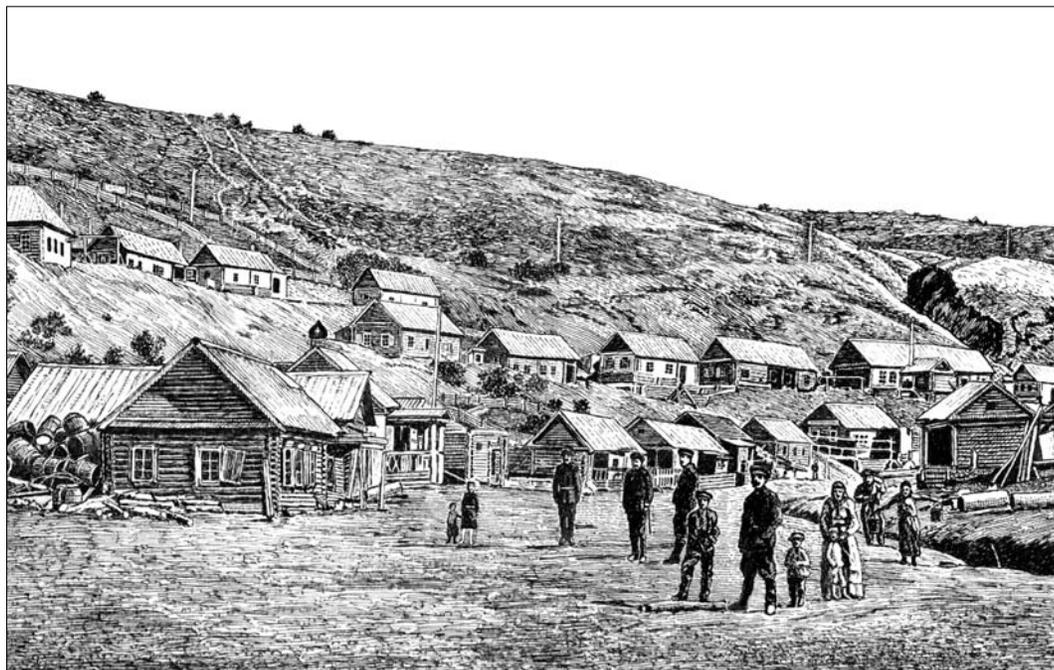


Рис. 66. Пост Дуэ. Конец XIX века

Начиная с конца 50-х годов XIX века на остров с материка доставляются небольшие партии ссыльных («водворяемо-рабочий разряд») для добычи каменного угля для нужд морского флота. Осужденные, отработав какое-то время («урочная выработка»), обычно возвращались на материк. Некоторые из них не покидали Сахалин, а по своему добровольному решению оставались на жительство, строили дома, обзаводились хозяйством. Оседали на острове и выходившие в запас солдаты, торговые люди, промышленники. Последних привлекали разнообразные природные богатства, а также торговые связи с местным населением.

В 1868-1869 годах правительством была предпринята попытка присылки на остров группы вольных переселенцев, известных в историографии как «Такойские крестьяне». Осенью 1869 года на юг Сахалина прибыли бывшие жители Тобольской и Иркутской губерний, всего 101 человек. Переселенцам оказывалась материальная помощь, эта группа обозначила открытие добровольного крестьянского переселения на Сахалин.

В целом население острова в 60-70-е гг. XIX века оставалось немногочисленным. По данным за 1870 год, там проживало без учета коренных жителей, в этот период численно преобладавших, около трех тысяч человек. Как отмечалось в обозрении острова,

«...суть почти исключительно военные, принадлежащие к составу одного Восточно-Сибирского линейного батальона, либо артиллерийской и местной команде, или же ссыльные с присоединением небольшого числа крестьян и торговцев».

Указ о превращении Сахалина в место каторги и ссылки (1869 год), прибытие в том же году первой крупной партии каторжан (250 человек), начавшаяся с 1879 года регулярная, массовая высылка осужденных в корне изменили как демографическую ситуацию, так и колонизационную судьбу острова в целом.

Уникальность состава сахалинского населения конца XIX – начала XX века заключалась в специфических источниках его формирования. На Сахалине традиционно выделяются две основные категории жителей – полноправное население и неполноправное. Неполноправное население, в свою очередь, делилось на три группы: ссыльнокаторжные, ссыльнопоселенцы и крестьяне из ссыльных. Полноправное, или свободное, население обычно группировалось по следующим пяти категориям: служащие по гражданскому управлению и их семейства, служащие по военному управлению и их семейства, семейства ссыльных, крестьяне свободного состояния из детей ссыльных, остальное свободное население. Статус сахалинца, его жизнь определялись принадлежностью к одной из основных категорий. Осужденные направлялись на Сахалин для отбывания каторжных работ, которые регламентировались согласно «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» – первой части российского «Свода законов уголовных».

Общее число жителей в рассматриваемый период стабильно росло преимущественно за счет подневольных колонистов и членов их семей. В первой половине 80-х годов XIX века самой многочисленной категорией жителей были ссыльнокаторжные, эту ситуацию удалось переломить только с начала 90-х годов.

Численность и структура населения Сахалина. 1882-1912 годы

Категория населения	1882	% от общего числа	1892	% от общего числа	1900	% от общего числа	1.01. 1902	% от общего числа	1912	% от общего числа
Ссыльнокаторжные	3500	62,5	5511	27,4	5822	16,9	5663	15,5	–	–
Ссыльнопоселенцы	200	3,6	6593	32,8	9380	27,3	9885	27,0	159	2,1
Крестьяне из ссыльных	110	2,0	1050	5,2	8025	23,4	8712	23,8	1502	19,8
Семейства ссыльных, а также крестьяне из детей ссыльных	670	12,0	4300	21,4	8386	24,4	9719	26,6	5196	68,7
Служащие по гражданскому и военному управлению и их семьи	1120	20,0	2123	10,6	1992	5,8	1968	5,4	710	9,4
Остальное свободное население	–	–	509	2,6	759	2,2	648	1,8	–	–
Всего	5600	100	20086	100	34364	100	36595	100	7567	100

В конце 1882 года доля каторжан среди жителей острова составляла 62,5%. Второй по численности группой жителей были служащие по гражданскому и военному ведомствам, члены их семей, но их доля была несравненно меньше – 20%. Третью позицию занимали члены семей осужденных с удельным весом в 12%. В дальнейшие периоды все группы населения в абсолютных цифрах численно выросли, но соотношение между ними изменилось очень существенно, рост числа жителей полноправных категорий очевиден.

На начало 1900 года самыми многочисленными группами жителей были ссыльнопоселенцы, родственники осужденных, крестьяне из ссыльных, имевшие сопоставимый удельный вес среди всего населения в пределах 27% – 23%. Доля каторжан уже составляла менее 17% к общей численности жителей. Данные таблицы за 1902 год демонстрируют углубление вышеназванных процессов. В начале XX века полноправные жители всех категорий (включим в эту группу и крестьян из ссыльных, они имели право покинуть остров) составляли около 58% от всего населения. Громадное большинство свободных жителей начала XX века были или бывшими осужденными, или членами их семей. С конца 1880-х годов становятся полноправными гражданами дети первых подневольных поселенцев, прибывшие с родителями. В документальных источниках появляется особая категория свободных жителей – «крестьяне свободного состояния из числа детей ссыльных», среди них были уже и сахалинцы по месту рождения. Это было хорошо укорененное население, которое связывало свою судьбу с островом, не стремилось покинуть его. Сахалинское население становилось более полноправным, причем свободная часть его росла за счет внутренних источников, но не внешних.

Показательна судьба вольных крестьян-переселенцев, прибывших в 1869 году. Менее двадцати лет «Такойские крестьяне» пробыли на острове, переселившись позже в Южно-Уссурийский край. Колонисты страдали от соседства осужденных, которых становилось все больше, от безучастия местных властей к своим нуждам. В то же время по своему половозрастному составу, трудовым навыкам эта группа переселенцев не была готова к трудностям пионерного освоения территории. Немногочисленная группа выходцев юга России или Украины без постоянной государственной поддержки не сумела укорениться.

Преобразование всего острова в каторжную тюрьму, его мрачная слава среди россиян, территориальная отдаленность и островная изолированность препятствовали прибытию сюда каких-либо значительных по численности вольных колонизационных сил. На Сахалин не распространялись льготы, которые в 60-80-е годы XIX столетия имели переселенцы в Амурскую и Приморскую области, а позже – в Южно-Уссурийский край. Правительство рассматривало остров исключительно как штрафную колонию и брало на себя расходы по доставке на Сахалин не только осужденных, но и членов их семей.

Доставка осужденных на Сахалин осуществлялась двумя путями: сухопутным и морским. Через всю Россию («пешеходным порядком») из пересыльных тюрем осужденные, закованные в кандалы, пешком, частью на баржах, частью по железной дороге добирались до острова за один-два года. Пеший путь к месту каторги сам по себе был тяжелейшим наказанием, физическим и психологическим испытанием. С 1879 года, с открытием морского сообщения Одесса – Владивосток через Суэцкий канал, осужденных стали перевозить преимущественно морем на судах компании «Добровольный флот». Ежегодно морем перевозилось полторы-две тысячи человек, рейс длился полтора-два месяца. В период с 1879 по 1900 год было привезено на остров морем около тридцати тысяч каторжан.

Война, затем потеря Россией южной части острова, неожиданный, очень тяжелый для жителей поворот в исторической судьбе Сахалина, отнюдь не привели к запустению острова, исчезновению на нем русского культурного пласта. Численность населения упала, в декабре 1905 года на русской половине острова находилось около 5,5 тыс. человек (3359 – взрослых и 2141 – детей) без учета коренных жителей. В первые послевоенные годы проходил процесс внутренней стабилизации населения. Военные действия перевернули привычный уклад жизни, кто-то переехал из мелких селений в более крупные, кому-то из южан удалось закрепиться в центральных округах, часть сахалинцев осела в других районах Дальнего Востока, далеко не все, кто хотел, смогли вернуться на остров. Известный знаток Дальнего Востока П.Ф. Унтербергер писал об этом процессе:

«...масса получила право вернуться в Европейскую Россию и этим широко воспользовалась. Но уже через несколько месяцев бывшие сахалинцы начали возвращаться в Приамурскую область и значительная часть их стремилась обратно на Сахалин, когда узнали, что северная половина его осталась во владении России».

В марте 1908 года было объявлено об открытии острова для вольного (неорганизованного) заселения, но массового притока переселенцев не последовало. Рост населения продолжался в очень ограниченных масштабах. В 1908 году на острове проживало 7986 человек, в 1911 году – 8849 человек. В отчете сахалинского губернатора за 1909 год отмечалось:

«Население хотя и медленно, но прирастает, занимается преимущественно земледелием, собирает урожай и вообще живет лучше, чем крестьяне средней России, несмотря на случаи недозревания хлебов, вырождения зерна, таежность, бездорожье, слабость сбыта и недостаток заработков».

Анализ состава жителей показывает, что старожильческое ядро, несмотря на военные действия и события, связанные с отменой каторги, сохранилось. Сахалин покинули осужденные, которые содержались в тюрьмах, также та часть поселенцев, которые прибыли на остров в самом конце XIX века и не успели на нем обжиться к началу войны. Приамурский генерал-губернатор в этой связи отмечал:

«На Сахалине осталась или вернулась на него по заключении мира лишь более зажиточная часть населения, крепко связанная с островом имущественными интересами и приспособившаяся в ведении сельского хозяйства к климатическим и почвенным условиям, то есть в общем, лучшая часть старожил».

В те же годы начинается заселение морского побережья севера острова. На северо-западном побережье (Рыбновская волость) образовались селения Северо-Астраханское, Луполово, Верещагино, Наумовка, Суворовка и другие, жители их занимались преимущественно рыбным промыслом. Значительное число жителей Рыбновской волости были вольными переселенцами с материка, что отличало эту «молодую» волость от «старых» – Тымовской и Михайловской. Среди жителей Рыбновской волости были уроженцы сибирских губерний, но немало было и сахалинцев, в том числе и с юга, из бывшего Корсаковского округа.

Период с 1906 по 1917 год стал важным этапом в процессе складывания и закрепления населения. Численность жителей обжитых районов стабилизировалась и даже несколько выросла, но уже за счет внутренних источников и небольшого числа переселенцев, а не принудительных мер, как прежде, в период каторги. Значительная часть жителей старейших сахалинских селений (Ново-Михайловское, Корсаковское, Рыковское, Воскресенское) проживала в них на протяжении нескольких десятилетий, сформировав там свои «родовые гнезда».

Состав и численность сахалинского населения нашли отражение в материалах Первой Всеобщей переписи населения Российской империи (1897 г.). Всего переписью на острове было зарегистрировано 28113 человек наличного населения. Материалы переписи содержат очень ценные данные по местам рождения сахалинских жителей, их родным языкам, что позволяет выяснить этнический состав населения, понять истоки традиций, занесенных на Сахалин.

Распределение неместных уроженцев по местам рождения на 1897 год

Места рождения	Количество	% от общего числа
Украина, Крым, Бессарабия	4380	21,60
Центрально-земледельческий район	3086	15,22
Сибирь	1573	7,76
Урал	1544	7,61
Кавказ	1536	7,58

Средневожские и нижевожские губернии	1526	7,53
Центрально-промышленный район	1269	6,26
Привисленские губернии	1136	5,60
Северные губернии	1131	5,58
Западные губернии	850	4,19
Верхневожские губернии	783	3,86
Прибалтийские губернии	593	2,92
Область Войска Донского	351	1,73
Белоруссия	284	1,40
Средняя Азия	187	0,92
Великое княжество Финляндское	48	0,24
Всего	20277	100

В приведенной выше таблице материалов переписи по острову Сахалину были представлены данные о распределении по губерниям Европейской России и пяти территориальным регионам, как тогда было отмечено, «неместных уроженцев по месту рождения». Местные уроженцы были учтены в другой таблице. Статистические материалы вышеприведенной таблицы свидетельствуют, что в 1897 году на Сахалине удельный вес «южан» в общей массе жителей был самым значительным. На уроженцев Украины, Крыма и Бессарабии приходилось 21,6%. Далее следовала группа выходцев из центрально-черноземных районов России – 15,2%, то есть районов южной и западной частей территориально примыкавших к районам первой группы. Вместе они составляли более 36% от всех жителей, учтенных переписью. Если к этим двум группам добавить данные о выходцах с Кавказа, который территориально близок с вышеназванными регионами, тогда на долю выходцев этих трех регионов приходилось 44,4% сахалинцев. На третьей и четвертой позициях данных переписи обозначены Сибирь и Урал, но, суммировав эти данные, находим, что выходцев из них было немногим более 15% от всего числа. Примерно в равных пропорциях представлено число выходцев Средней и Нижней Волги, центрально-промышленного района, северорусских и Привисленских губерний.

Статистические материалы Всеобщей переписи 1897 года содержат и данные о составе жителей острова по родному языку. Всего переписью на Сахалине были зарегистрированы носители более 25 языков. Языковые данные показывают, что на Сахалине более 56% жителей назвали русский язык родным. Восточнославянское население в целом составляло более 70% от общего числа жителей.

Районы выхода сахалинцев прослеживаются и по поименным спискам осужденных и их семей, которые составлялись при перевозке из Одессы на Сахалин морским путем. Если материалы переписи позволяют увидеть только «срез» одного года, то хранящиеся в архивах поименные списки позволяют проследить процессы.

**Районы выхода ссыльнокаторжных по поименным спискам отправляемых
из Одессы на Сахалин**

Районы выхода	1884- 1888 гг.	% от общего числа	1889- 1894 гг.	% от общего числа	Всего	% от общего числа
Украина, Крым, Бессарабия	1314	35,0	1317	19,5	2631	25,1
Кавказ	264	7,0	1392	20,7	1656	15,8
Средневожские и нижевожские губернии	542	14,5	604	9,0	1146	10,9
Северные губернии	460	12,3	500	7,4	960	9,2
Центрально-земледельческий район	281	7,5	515	7,6	733	7,0
Урал	185	5,0	516	7,7	701	6,7
Центрально-промышленный район	129	3,4	420	6,2	549	5,2
Привисленские губернии	99	2,6	433	6,4	532	5,1
Западные губернии	172	4,6	333	4,9	505	4,8
Прибалтийские губернии	155	4,1	231	3,4	386	3,7
Верхневожские губернии	59	1,6	156	2,3	215	2,0
Область Войска Донского	44	1,2	156	2,3	200	1,9
Белоруссия	37	1,0	133	2,0	170	1,6
Сибирь	4	0,1	23	0,3	27	0,3
Средняя Азия	4	0,1	10	0,1	14	0,1
Всего	3749	100	6739	100	10488	100

Данные обработанных нами поименных списков сопоставимы с приведенными выше данными Всеобщей переписи. Анализ данных этого источника за десять лет показывает, что в первое пятилетие более 40% общего числа арестантов составляли выходцы юга России, Кавказа, Крыма, Бессарабии, Украины. Выходцев из центрально-земледельческого района было в два раза больше, чем из центрально-промышленного, а вот восточные районы империи, как и Средняя Азия, практически не были представлены. В следующее пятилетие коренных изменений не произошло. Изменилось соотношение внутри районов. На первое место вышли кавказские области и губернии. Остальные регионы показали более равное представительство.

Сахалинское население формировалось из уроженцев многих регионов России, основными районами выхода подневольных переселенцев и членов их семей являлись губернии юга России, Украина, центрально-земледельческий район. Стабильно большое число выходцев было из Киевской, Варшавской, Полтавской, Оренбургской, Тамбовской, Харьковской, Петербургской, Таврической губерний, а также Кубанской и Терской областей. Но уроженцы ни одного из регионов не имели абсолютного преобладания. В большинстве своем поселенцы несли на далекий остров южнорусские, украинские этнические традиции.

22.2. Особенности семейного состояния сахалинцев

Модель демографического поведения русского крестьянства в рассматриваемый период в принципе совпадала с христианской православной этикой. Для русского крестьянина брак, семья, дети в браке являлись неременным условием правильного, традиционного образа жизни, что нашло свое воплощение в нормах обычного права и крестьянской этики. Столь естественное для всякого человека желание жить в браке, быть окруженным родными и близкими людьми на Сахалине в рассматриваемый период для основной массы подневольных жителей осуществить было очень сложно, фактически невозможно, а это было очень важно как для самих людей, так и для исторических судеб острова.

Острой проблемой, возникшей в начальный период заселения острова и не получившей разрешения вплоть до отмены каторги, была значительная диспропорция между мужчинами и женщинами. Дефицит женщин на Сахалине был значителен среди всех категорий населения. В 1862 году среди осужденных соотношение женщин и мужчин было 1 : 9, в 1872 году – 1 : 14. И в дальнейшем осужденные были в громадном большинстве своем мужского пола, то есть внутренние возможности для образования семей на острове были ничтожны. При таком исключительно мужском населении планируемое заселение и освоение острова было невозможно. Семейные и одинокие поселенцы находились в очень разных условиях, о чем красноречиво писал один из чиновников в начале 1880-х годов:

«При правильном устройстве сельского хозяйства и быт ссыльных улучшится, в настоящее же время положение их далеко не завидное. Относительно доволен только тот из них, у которого есть жена, хотя и незаконная, но все-таки хозяйка дома и свой угол, где он в семье своей может отдохнуть после работ. Что же имеют каторжные неженатые? Полуголодные, грязные, оборванные, они должны отдыхать в вонючей, холодной казарме на голых досках; ничто его не привязывает к новой его родине, ничем он здесь не дорожит и поэтому, при первом удобном случае, бежит».

В 1885 году на острове было 3380 ссыльнокаторжных мужчин и 1833 ссыльнопоселенца. В браках из них состояло соответственно 1235 и 563 мужчины. На Сахалин жены прибыли к 166 ссыльнокаторжным и к 20 ссыльнопоселенцам. Еще 34 мужчины первой группы и 62 второй женились на Сахалине, то есть большинство мужчин-осужденных фактически жило вне брака (94% и 95% соответственно).

Правительство и местные власти, видя в семейных осужденных основную силу колонизации, содействовали восстановлению семей, с начала 1880-х годов началась регулярная отправка морем семей осужденных на Сахалин специальным рейсом. Процедура была такова: осужденные подавали прошения о присылке семей, оставшихся на родине, как в Одессе перед отправкой парохода, так и уже на Сахалине; официальные лица извещали об этом Главное тюремное управление; Главное тюремное управление делало запрос в губернское правление по месту жительства семьи о желании ее членов следовать за осужденным; местная губернская администрация начинала проверку сведений о законности брака и подготовку отправки семьи. На очень многие запросы следовали отказы («жена от следования на остров Сахалин отказалась»). Родные осужденных отправлялись на Сахалин только с их добровольного согласия.

В 1883 году на пароходе «Кострома» приехало всего 30 человек – 11 женщин, 8 мальчиков и 11 девочек. В 1889 году их было уже 335 человек, в 1893 г. – 453 чело-

века. По неполным сведениям А.А. Панова, за период с 1884 по 1900 год на Сахалин прибыло 1174 добровольно последовавших женщины и при них 1966 детей.

Следование на Сахалин было тяжким выбором для родных. И решиться на поездку на край света было нелегко, и остаться дома женой каторжника ничуть не легче. Информации об острове у сельского населения России было немного, она была негативного характера. По России в конце XIX века ходили легенды об ужасах сахалинской жизни, жутком климате, невыносимых страданиях жителей. Одна из старожилов Сахалина, А.И. Тарасова (с. Кировское), вспоминала, как ее мать А.С. Курикова не сразу решилась ехать на Сахалин за мужем:

«Ну а потом мама год жила там, в Пензенской губернии. ...Стали Сахалин населять, ну и семьи сюда всех уговаривали, чтоб семьи сюда ехали. Ну, первый год, мама говорит, настращали так, что тут и дня нету, все время ночь, что и холода такие. Ну, настращали невозможно, не поехала, а потом на второй год согласилась, уговорили. На пароходе уже ближе сюда к Александровску умерла девочка постарше меня. ... А я самая маленькая была».

А.П. Чехов в своем известном сахалинском труде, размышляя о мотивах, побуждавших женщин следовать за мужьями, приходит к выводу: «Наиболее часты две первые причины: сострадание и жалость до самопожертвования и непоколебимая сила убеждения».

Политика воссоединения семей находила реальное воплощение в том, что семьи осужденных отправлялись на Сахалин за казенный счет. По закону могли следовать за осужденным только жены, мужья, дети, невесты, малолетние братья и сестры. Это объяснялось затратой значительных казенных средств на перевозку морским путем. В качестве исключения из общих правил, для успеха сахалинской колонизации, был изменен и порядок содержания осужденных под стражей. С прибытием семей осужденные вне зависимости от сроков наказания освобождались от пребывания в тюрьме. Случалось и такое, что осужденный с большим сроком наказания мог не находиться в тюрьме ни одного дня, а выйти сразу на поселение, если вместе с ним прибывала семья. Известный журналист В.М. Дорошевич об этом писал так:

«...Весь порядок опрокидывается вверх ногами, если за прибывшим на Сахалин самым тяжким преступником следует семья...».

В реальной сахалинской действительности к большинству одиноких мужчин принадлежали осужденные, отбывавшие наказания в тюрьмах, а также недавно вышедшие на поселение. В старых селениях, где быт уже был вполне обустроен, сахалинцы в большинстве своем жили семьями. Об этом свидетельствуют, например, данные переписных листов Первой Всеобщей переписи. Согласно этому источнику, в 1895 году в старейших сахалинских селениях Малая Александровка и Ново-Михайловское Александровского округа из 39 дворов только 9 хозяйств велись одинокими мужчинами в первом из селений, из 42 хозяйств 6 велись людьми одинокими во втором селении. Однако следует принимать во внимание важную деталь – не все из вышеозначенных браков признавались законом, то есть были освящены обычной для того времени процедурой церковного венчания.

На острове в рассматриваемый период получили распространение внецерковные («незаконные») браки, или, как их обычно называли – сожительства. «Греховные» браки, осуждаемые «миром», будучи редкими в родных краях сахалинцев, на острове стали своего рода нормой. А.П. Чехов отмечал:

«Слова «женат, вдов, холост» на Сахалине еще не определяют семейного положения. ...Нигде в другом месте России незаконный брак не имеет такого широкого и гласного распространения и нигде он не обличен в такую оригинальную форму, как на Сахалине. Незаконное, или как называют здесь, свободное, сожителство не встречает себе противников ни в начальстве, ни в духовенстве, а, наоборот, поощряется и санкционируется».

Происхождение этой проблемы состояло в том, что каторга как вид наказания всегда влекла за собой лишение прав – служебных, сословных, также ограничение семейных и имущественных прав. Лишение осужденных части семейных прав породило на Сахалине явление вынужденное, происходившее от специфики местных условий. Супруга осужденного могла не захотеть следовать за ним к месту отбытия наказания и не последовать, мужчина оставался на острове без своей семьи. Она же по закону могла не согласиться на развод или, не зная законов, не ходатайствовала о расторжении брака. В этом случае осужденный считался состоявшим в браке и сам его расторгнуть не мог. К тому же процедура расторжения брака была трудной, длилась долгое время, многие поселенцы бросали хлопотать о разводе, намаявшись в канцеляриях и истратившись на разного рода денежные сборы.

Соотношение между семьями церковного брака и сожительствующими было различным как у разных категорий жителей, так и в разных селениях. Более благополучной была ситуация у крестьян из ссыльных и свободного сельского населения, проживавших в старых, хорошо обустроенных селениях. У ссыльнопоселенцев, населявших недавно образованные селения, гражданских браков было больше. Статистические данные свидетельствуют, что по мере перехода женщин и мужчин во все более свободное в правовом отношении состояние число сожительствующих уменьшалось.

Заключение браков у сахалинцев в рассматриваемый период далеко не всегда происходило привычным, освященным церковью путем, но они прилагали немало усилий к узаконению своих семейных отношений и были, в основной массе, чужды тех уродливых явлений, например массовой проституции, которые им приписывались. Знаток сахалинской каторги А.А. Панов отмечал: «Сожительство – одна из самых мрачных сторон сахалинской жизни ...а между тем избежать его не представляется никакой возможности». Для сахалинцев был исключен такой источник разрастания семьи, как вызов родственников с материка. В браки часто были вынуждены вступать представители разных сословий. В целом же жители далекого острова стремились к созданию семейной жизни в русле традиционных представлений.

Метрические книги сахалинских церквей – важный источник, который позволяет выяснить брачный возраст, число браков, социальное происхождение вступавших в брак. В 70-е годы XIX века для всех сахалинцев отмечались такие характерные явления, как редкие браки, позднее вступление в брак, позднее появление детей, а также повторные браки среди поселенцев и поселенок. Со второй половины 80-х годов в брак вступало новое поколение – те, кто прибыл на остров малолетними детьми или родились на нем. По мере роста этой категории населения внутренние возможности для образования семей расширялись. Дочери ссыльных крестьян, а также ссыльнокаторжных и поселенцев выходили замуж в подавляющем большинстве в возрасте 19-21 года, брачный возраст мужчин из детей ссыльных составлял 18-24 года, возраст сахалинских женихов и невест приближался к среднероссийскому стандарту. Браки между ссыльными заключались в более поз-

днем возрасте. Часты для этой группы были повторные браки в возрасте 30-40 лет. Для всех категорий населения было характерно, что брачный возраст мужчин и женщин если не был равен полностью, то был близок к тому. Этому способствовало улучшение половозрастной структуры населения. К началу 1900 года в целом по острову соотношение мужчин и женщин было 5:1, после отмены каторги, в конце 1906 г. среди взрослого населения острова соотношение между мужчинами и женщинами стало 2:1.

Господствующей формой семьи в начальный период заселения являлась простая малая семья, состоявшая из двух поколений: родители – дети. Со временем семьи разрастались, в 90-е годы XIX столетия в них встречались уже третье поколение – внуки. Например, по данным переписных листов, в с. Ново-Михайловском Александровского округа были семьи усложненного состава, например составные семьи, состоявшие из родителей и взрослых детей со своими семьями. В семье Ефима Щербинина было восемь человек, Григория Белошицкого – девять человек. С начала XX века находим примеры других форм семьи, например расширенной, то есть состоящей из родственников, не находившихся друг с другом в брачных отношениях (супружеская пара и взрослые братья или сестры одного из супругов). В селениях нередко были многолюдные семьи в форме больших патриархальных отцовских семей. Так, в 1909 году в с. Корсаковском в семье крестьянина И. Парфенова вместе жили родители, два женатых сына, у каждого из которых было по два сына, также дочь с ребенком, еще четыре холостых сына и две незамужние дочери, всего 18 человек. Эти факты свидетельствуют о том, что в начале XX века сахалинская семья эволюционировала, приблизилась к традиционной структуре и состояла из нескольких поколений жителей, в том числе родившихся и выросших на острове.

Роль женщины, матери в поддержании привычных основ жизни семьи на каторжном Сахалине была особенно важной. Несмотря на темные стороны жизни, в атмосфере, далекой от высокой нравственности, в кругу непривычных забот именно она становилась опорой, моральной поддержкой оступившемуся мужу, детям, внезапно попавшим в непривычную и не самую благоприятную обстановку. Женщины, прибывшие на каторгу вслед за мужьями, независимо от личных качеств, воспитания и желания становились на острове более свободными, самостоятельными. Они принимали решения, ходили в присутственные места, писали заявления или нанимали писаря, брали ответственность за себя, за судьбу и здоровье детей. И все это без материальной поддержки от администрации, без моральной и материальной поддержки от родителей, родственников, подруг. Их самостоятельность была сродни героизму, ведь за короткое время они должны были перестроить свое поведение, отношение к окружающим их людям и обстоятельствам, забыть о том, что воспитывались в традиции покорности и послушания мужу. Подобные действия не могли не менять статуса женщин, их социальной позиции.

Сахалинские дети, прибывшие на остров с родителями или родившиеся на нем, были важнейшим элементом в формировании постоянного населения. Они имели опору в родительских хозяйствах. Родители передавали им конкретные знания и навыки, связанные с особенностями возделывания культур, спецификой местного климата. Дети поселенцев не рассматривали жизнь на острове как наказание, не сравнивали его с другими местами, имели разветвленные родственные и имущественные связи и потеряли связи с районами своего или своих родителей первоначального выхода. Известны примеры, когда старшие члены семей, получив право

покинуть остров, покидали его, несмотря на достаток и налаженное хозяйство. Одни стремились хоть в конце жизни вернуться на родину, другие хотели порвать с островом как со своим тяжелым прошлым, третьи не могли свыкнуться со специфической сахалинской повседневностью. Об этом писал А.П. Чехов:

«Крестьян и поселенцев и их свободных жен гнетет тюремный режим; тюремное положение, подобно военному, с его исключительными строгостями и неизбежно начальственную опекой, держит их в постоянном напряжении и страхе; ...тюрьма каждую минуту напоминает им об их прошлом и о том, кто они и где они».

В подобных обстоятельствах взрослые дети бывших невольных поселенцев нередко оставались жить на Сахалине, не разделяя негативного отношения к Сахалину своих родителей. Старожил Сахалина А.Н. Самарина (с. Кировское, 1902 года рождения) – внучка каторжан. Ее родители были родом из Рязанской губернии, приехали со своими осужденными родителями, отца привезли на Сахалин в 14, мать – в 12 лет. Через шесть лет после прибытия появилось право выехать на родину. Семья отца осталась на острове в полном составе, а семья матери разделилась, представители старшего поколения выехали. Сама информатор так говорит о своей родине, Сахалине:

«Я привыкла на своем Сахалине. Никуда не бежала. Родилась и хочу умереть здесь. И родители прожили. В Кировском похоронены, здесь и родители отца».

Женщины и дети, добровольно прибывшие на остров, являлись самым прочным элементом колонизации. Именно они составили ядро населения, сформировавшегося к началу XX века. Сам факт прибытия семьи с материка уже служил стимулом к обзаведению хозяйством. Самыми прочными хозяйствами в начале XX века были те, которые велись семьями и были основаны в конце 70-х – начале 80-х годов XIX столетия. Накануне русско-японской войны люди прочно осели на островной земле, их хозяйства основательно окрепли, разрослись.

22.3. Занятия и хозяйственные традиции жителей

22.3.1. Сельскохозяйственное освоение Сахалина

Хозяйственное освоение Сахалина в конце XIX – начале XX вв. происходило интенсивно, захватив большую часть территории острова. Изначально труд осужденных, посылаемых на сахалинскую каторгу, рассматривался как способ сельскохозяйственной колонизации острова. Наказание каторгой состояло из двух частей: работы как таковой и наступающего затем поселения. Поселенцу надлежало построить дом, разработать и засадить землю. Сахалин и сегодня считается зоной рискованного земледелия. Поселенцы с первых шагов самостоятельного хозяйствования сталкивались с неласковым климатом, непроходимой тайгой, далеко не черноземными почвами. А.П. Чехов по этому поводу точно заметил:

«Труд здешнего землепашца был не только принудительным, но и тяжким, и если основными признаками каторжного труда считать принуждение и напряжение физических сил, определяемое словом «тяжкий», то в этом смысле трудно было подыскать более подходящее занятие для преступников, как земледелие на Сахалине; до сих пор оно удовлетворяло самым суровым карательным целям».

Во второй половине XIX века на Сахалине впервые появилось пашенное земледелие. Несмотря на суровые природно-климатические условия, возникли очаги земледелия, распространившиеся на всю центральную и южную части территории.

На острове существовала практика, когда поселенцу или лицу свободного состояния местная администрация отводила только усадебный участок. Поселенцу предстояло самостоятельно корчевать тайгу, чтобы подготовить участок под пашню.

Распределение земель по угодьям (десятин)

	Александровский округ	Тымовский округ	Корсаковский округ	Всего
1879 год				
Пахотная	23	8	–	31
Усадебная	27	1	–	28
Сенокосная	179	120	–	299
1889 год				
Пахотная	719	1199	275	2193
Усадебная	90	224	82	396
Сенокосная	492	1308	582	2185
1900 год				
Пахотная	759	3164	2113	6036
Усадебная	486	528	541	1555
Сенокосная	2479	2898	868	6245
1908 год				
Пахотная	714	2885	–	3599
Усадебная	181	195	–	376
Сенокосная	805	3379	–	4184

Если в конце 70-х годов XIX столетия пахотные угодья исчислялись несколькими десятками десятин, то к началу XX века это уже был земельный массив более чем в 6 тысяч десятин. Данные таблицы показывают разницу в обеспеченности разными видами угодий между округами острова. Природные условия позволили Тымовскому округу стать основным земледельческим районом острова.

В рассматриваемый период землепользование на острове основывалось на обычном (захватном) праве, с правом распоряжения землей. Никаких прав собственности на землю население не имело, но по своему усмотрению отчуждало и перепродавало ее, то есть смотрело на нее как на свою собственность. Со стороны тюремной администрации препятствий к этому не было.

Хозяйственные возможности поселенцев были очень слабы. В первый год поселенец занимал какой-либо участок земли, на следующий год приходилось продолжать работы в другом месте, поскольку около первого участка уже разработал землю другой поселенец. Со временем выходило, что из нескольких попыток складывался земельный надел в несколько десятин в десятке мест, о чем писал один из сахалинских чиновников:

«Поляны ...очищались, конечно, без всякого плана, в разных местах и различной величины и формы. Увеличиваясь постепенно, они сходились рядом, соединялись в огромные поля, особенно в районе больших селений, но на этих полях было несколько десятков хозяев».

Сложившаяся практика вела не только к сложностям в уходе за участками, препятствовала налаживанию правильного севооборота, главное – порождала ошибки в учете фактического землепользования. Определение размеров участков того или иного хозяина было весьма затруднительным. Сами владельцы, не зная точ-

но величины участков, часто определяли их не по площади, а по количеству посеянного хлеба или возов скошенного сена. Это отмечалось и в отчете инспектора сельского хозяйства острова за 1912 год: «Обычный тип крестьянского хозяйства на Сахалине таков: 10-15 пудов посева и 10-15 голов скота».

Подневольные сахалинские колонисты, являясь выходцами из различных районов России, пришли на новые места, имея различный земледельческий опыт. В середине XIX века на большей части России господствовал пар с трехпольным севооборотом. Во многих южнорусских губерниях, откуда была значительная часть сахалинских поселенцев, широко применялась залежная система, в Сибири трехполье сочеталось с перелогом. В новых землях принесенная крестьянством земледельческая культура, сообразуясь с местным природным своеобразием, получила развитие.

На острове получила распространение залежно-переложная система земледелия с правильной, регулируемой залежью. Земля использовалась под посев в течение нескольких лет – «хлеб по хлебу». Существовала определенная последовательность культур: пшеница-рожь-овес. По истощении земля забрасывалась в залежь на шесть-десять лет, потом снова вводилась в оборот. Паровая система в форме двухпольного севооборота практиковалась на ближних к поселению полях, где возможно было применение навозного удобрения. Пашню использовали под яровые культуры, второй клин занимали паром, на следующий год их меняли.

Посев зерновых культур и картофеля (пудов)

	Александровский округ	Тымовский округ	Корсаковский округ	Всего
1883 год				
пшеница	800	450	–	1250
рожь	331	719	–	1050
овес	74	9	–	83
картофель	2341	1598	–	3939
1887 год				
пшеница	2868	2114	375	5357
рожь	351	1431	517	2299
овес	287	35	31	353
картофель	7553	7315	2689	17557
1893 год				
пшеница	3779	2999	2296	9074
рожь	408	3452	2498	6358
овес	1315	144	284	1743
картофель	14509	15687	4611	34807
1900 год				
пшеница	3725	7188	10632	21545
рожь	142	3131	3794	7067
овес	3055	6800	1452	11307
картофель	22710	22916	31613	77239

Данные таблицы по структуре посевных площадей по округам показывают, что первоначально больше всего сеяли пшеницу (в основном яровую), далее следовала

рожь (в основном яровая), замыкал список овес. Пшеница на острове была культурой ненадежной, давала удовлетворительные урожаи при благоприятном лете, это случалось редко. Пшеница обычно не дозревала, ее досушивали в избах. Более надежной культурой на острове была рожь. В 80-90-е годы XIX столетия она занимала второе место по посевам. Сеяли как яровую рожь, так и озимую, но ярицы примерно в два раза больше. Много яровой ржи сеяли на юге, в Корсаковском округе, там она давала высокие урожаи. Овес в начале 80-х годов сеяли в очень незначительном количестве. Население быстро выделило его как культуру неприхотливую, надежную, он распространился повсеместно. К началу XX века по площадям он уступал только пшенице. В 1910-е годы овес стал основной зерновой культурой, на втором месте стояла рожь.

Более надежной, чем зерновые, культурой на Сахалине был картофель. По русской земледельческой традиции, в соответствии со стереотипами мышления крестьянина, картофель рассматривался как культура, которая «страховала» на случай неурожая зерновых. Первое, что делали сахалинцы при устройстве хозяйства, это сажали на приусадебном участке картофель. Со временем он стал на острове не только огородной, но и полевой культурой. Данные таблицы по посевам зерновых и картофеля показывают, как быстро и значительно увеличивалась его посадка. Население рассматривало картофель не только как высокопродуктивную культуру, но и использовало его как пропашную культуру для организации севооборотов.

Основным орудием труда поселенцев на новых участках являлась ручная мотыга. Многократно в литературе этот факт трактовался как показатель примитивности хозяйства сахалинцев. На наш взгляд, это свидетельствовало об учете жителями местных особенностей почв и мелкоконтурности участков, адаптации к местным условиям. В отчете о состоянии сельского хозяйства острова за 1899 год агроном А.Фон-Фрикен отмечал:

«... немногие поселенцы обрабатывают поле сохой или косулей и еще меньшее число их употребляет для этого плуги. Впрочем, на некоторых участках, разработанных недавно, где корни выкорчеванных деревьев еще не успели разложиться, употребление глубоко работающих упряжных орудий было бы преждевременным; на других же, почва которых лежит мелким слоем на подпочве, примесь которой могла бы ухудшить ее качества (глина, галька), употребление таких орудий нежелательно».

Выходцы с Украины и южнорусских губерний первое время на Сахалине по привычке пахали тяжелыми плугами на волах. Это приводило к отрицательным результатам, поскольку тонкий плодородный слой почвы быстро разрушался от такой обработки. Постепенно господствующими стали легкие беспередковые, в зажиточных хозяйствах передковые плуги на две лошади или две пары волов. У деревянных плугов некоторые части были железными – лемех, отвал. Полностью железные плуги появились в самом начале XX века, но за короткий срок распространились широко.

Заметное место в хозяйствах занимали огородные культуры. С успехом на Сахалине выращивали капусту, лук, морковь, репу, другие корнеплоды, огурцы. На эту продукцию был спрос, в каждом хозяйстве были огороды. Население продавало овощи в тюрьму, местные военные команды, служащим.

Природные условия Сахалина благоприятны для развития животноводства, которое занимало одно из первостепенных мест в хозяйствах жителей, особенно Тымовского округа. На остров были завезены лошади двух пород – более рослые

томские лошади и более мелкие – забайкальские. Некрупная, выносливая и неприхотливая забайкальская лошадь прекрасно акклиматизировалась на острове и удовлетворяла всем требованиям крестьянского хозяйства. Большая часть крупного рогатого скота была также привезена из Забайкалья.

На Сахалине было принято пасти коров и лошадей на специальных местах – выгонах. Хозяева объединялись и нанимали пастуха на несколько месяцев или на весь сезон. Покосы находились в постоянном пользовании крестьян, никаких переделов не существовало. Здесь так же, как и с пахотными участками, сложился захватный способ пользования.

**Количество скота у сельского населения Сахалина
в конце XIX – начале XX века**

	Александровский округ	Тымовский округ	Корсаковский округ	Всего
1884 год				
Лошади	114	94	80	288
Крупный рогатый скот	329	617	140	1086
Козы, овцы	–	–	–	–
Свиньи	16	–	–	16
1893 год				
Лошади	365	779	567	1711
Крупный рогатый скот	1161	2420	1666	5247
Козы, овцы	23	4	1	28
Свиньи	469	245	193	907
1900 год				
Лошади	653	1373	1836	3862
Крупный рогатый скот	1536	4531	3852	9919
Козы, овцы	44	3	–	47
Свиньи	445	803	1513	2761
1912 год				
Лошади	519	1296	–	1815
Крупный рогатый скот	496	3687	–	4183
Козы, овцы	19	69	–	88
Свиньи	290	1142	–	1437

В 90-е годы XIX столетия животноводство приобрело у старожилов товарное значение. На продажу выращивали коров и быков, в хозяйстве средней зажиточности выращивали на продажу одновременно две-три головы скота. Купцы из поста Александровского, а часто и из Николаевска-на-Амуре скупали скот живым весом. Развитию скотоводства как товарной отрасли препятствовало то, что на самом острове рынок сбыта был чрезмерно узким, а закупочные цены были низки.

Трудности крестьянской жизни подневольных колонистов происходили не только оттого, что далеко не все из них усердно, на совесть трудились, а капризы

нелегкого сахалинского климата сводили на нет громадный труд. Новоявленные сахалинские крестьяне были пионерами, они могли учиться только у природы да трансформировать свой земледельческий опыт, приспособливать агротехнику к местным условиям, а это процессы не скорые. В выигрышном положении были старожилы, они имели ценный временной опыт, были благополучны в семейном плане. Старшее поколение являлось носителем общерусских традиций и обычаев, коллективного умения предшественников и могло передать детям знания о сроках и характере сельскохозяйственных работ, особенностях культур. Трудно переоценить роль семьи в этом вопросе.

22.3.2. Рыбная ловля, другие занятия населения

На этапе адаптации населения к местным условиям, формирования новых трудовых навыков особенно остро ощущалась зависимость от природных факторов. Столкнувшись с природно-климатической спецификой острова, пришлое население скоро оценило значение рыбных богатств. Рыба становилась верным подспорьем в хозяйстве, в неурожайные по зерну годы превращалась в основной продукт питания, на время полностью заменяя более традиционные для русских продукты.

Реки и морские побережья снабжали жителей разнообразной рыбой. Источники донесли до нас красочные, восторженные описания современников о поразивших их «сказочных, несметных, неисчерпаемых» рыбных богатствах острова. Особенно поражал современников подход к берегу на нерест сельди. Поселенцы прямо на телегах заезжали в середину пласта и вилами грузили рыбу.

«Лов сельди нужно видеть самому, чтобы поверить необыкновенному обилию этой рыбы. Берега в полном смысле слова завалены ею, невода не выдерживают тони, и рыбу нужно вычерпывать из невода саками».

Орудия рыбной ловли были разнообразными. Во время рунного хода лососей рыбу ловили различными подручными средствами, не применяя специальных рыболовных снастей. В это время реки, где располагались селения, представляли очень живописную картину – они буквально покрывались рыболовами. Старожил Сахалина Е.Н. Чулкова вспоминала:

«Рыба всегда шла, рыбы много было. Я вот маленькая была, и мне казалось пробежать по речке можно и не утонуть. Когда ее большой ход. Вот так прямо как стена, аж черно. Да вот мы снимали рубашки и вот так тягали. ...Крючки делали из гвоздей, из всякой всячины. Ловили прямо около села».

Промышляли и разнообразными колющими орудиями – *баграми, шестами, острогами*. После окончания массового хода и при необходимости наловить большое количество рыбы на реках ставили *заездки* и *запоры*. Существенной их частью являлась перегородка из ветвей, соломы; она загораживала свободный проход по реке, рыбе приходилось двигаться вдоль перегородки, где она попадала в ловушку. В низовьях рек были распространены обычные закидные невода, морские ставные невода и сети. Это были высокопроизводительные орудия, ими ловили в основном на продажу. В реках ловили рыбу постоянно крючковыми снастями. Жители селений юга Сахалина занимались добычей морской капусты, нанимались сезонными рабочими на несколько летних месяцев.

Осенью все мужское население занималось заготовкой рыбы впрок, обеспечивая прочный запас питания на зиму. Один из сахалинских чиновников по этому поводу замечал:

«Случается, что во время хода рыбы заболает хозяин и семья, где нет взрослых мужчин, кроме отца, остается на целый год без рыбы, составляющей главную пищу жителей».

Впрок заготавливали кету. Первую кету после недолгой засолки мыли, распластывали, нанизывали на деревянные кольца и сушили на солнце или на чердаках домов. Этот способ заготовки рыбы был заимствован у нивхов. У русских вяленая рыба ценилась гораздо меньше, чем соленая, солить всю рыбу не было возможности из-за дороговизны соли. В крестьянских хозяйствах соль берегли, использовали экономно. На засолку шла последняя кета, ее ловили поздней осенью, когда на реке уже шел лед («как шуга идет»). Эту рыбу называли бочковой и ценили выше всякой другой, она составляла основу питания зимой. Русские не переняли японский пластовой (сухой) способ засолки рыбы, который широко использовался на Южном Сахалине японскими рыбопромышленниками. Жители считали такую рыбу сухой, безвкусной, слишком соленой.

Рыбу заготавливали соответственно с потребностями хозяйства. По информации сахалинских старожилов, счет запасов вели на штуки, заготавливая на зиму от 50 до 200 штук кеты. Кроме засолки и вяления рыбу коптили. Практически в каждом хозяйстве были небольшие деревянные коптильни. Зимой рыбу замораживали, закапывали в снег во дворе, выкапывали по необходимости. Икру лососевых в крестьянских хозяйствах заготавливали мало. Иногда сушили на солнце в ястыках («в пачках»), в таком же виде и засаливали.

В северной части острова существовали вольные артели из ссыльнопоселенцев и крестьян из ссыльных со своими лодками и снастями. Временные коллективы организовывались на период путины, добывали и продавали рыбу тюремному ведомству, что являлось проявлением инициативы, частнохозяйственной деятельности местных жителей. На юге острова организовать артель, арендовать участок было крайне сложно. Большая часть рыбных промыслов юга была монополизирована японскими промышленниками, а также владивостокской фирмой «Семенов и К^о». Иногда поселенцам удавалось преодолеть все заслоны, например, в 1897 году

«поселенцы селения Муравьевского благоприятным случаем получили ...разрешение ловить рыбу у своего селения. Поселенцы ловили артелью вместе с японцами (их снастями) очень удачно; мечтали на другой сезон обработать лодки и завести бродник; но им более права лова не дали, – даже само селение подвергнуто сомнению «по отдаленности пашен (в 3 верстах)».

Занятия рыбным промыслом не поощрялись администрацией, сказалась административная установка на земледельческую колонизацию с упором на выращивание зерновых. Поселенцы с. Муравьевского обеспечивали себя овощами и картофелем, но хлеб они должны были покупать, это уже считалось нарушением установленного порядка. Рыболовство на острове не стало главной товарной отраслью крестьянского хозяйства ввиду слабого развития внутреннего рынка и невозможности вывезти продукты рыболовства за пределы острова.

Русское население активно включало продукты рыболовства в рацион питания. Продукты рыболовства рассматривались не как замена привычных продуктов, временное подспорье в период неурожая (так фактически неоднократно случалось), а как привычный, каждодневный продукт питания. Для выходцев одних

районов России – Поволжья, Сибири, Русского Севера – рыба и на родине была привычна. Основными районами выхода являлись юг России, черноземная зона, Украина. Этому населению приходилось перестраиваться на новый рацион питания. В южнорусской зоне, на Украине основой питания было зерно в разных видах. По сравнению с русскими средней полосы России, сахалинцы употребляли в пищу гораздо больше рыбы ценных пород – лососевых, сельди, трески.

Рыбные продукты прочно вошли в быт населения, без них не обходилась ни одна трапеза. «Раньше рыба в охоте шла. Каждый день рыбу ели. ...Завтрак рыба, и ужин рыба», – вспоминают старожилы. Бытовало мнение, что если на завтрак не поесть рыбы, то весь день будешь голодным. Об этом же информация Е.Н. Чулковой:

«Ну, больше что, картошка, рыба. Больше выезжали на картошке и на рыбе. Рыбу ели часто. ...Завтрак почти каждый день рыба, картошка. Крестьянин собирается на работу – рыба, картошка, хлеб, чай с молоком».

Рыба была на столе порой слишком часто, приедалась, но в то же время всегда выручала: «Каждый день ели. Утро, вечер и обед рыба. Она душу переела. Надоела не надоела, кушать надо что-то». Из свежей рыбы варили уху, ее же жарили. Из соленой рыбы зимой приготавливали разнообразные блюда. Делали пельмени, котлеты, начинки для пирогов и пирожков, отмачивали и жарили, отмачивали и варили с различными крупяными или мучными добавками. Также использовали мороженую рыбу, особенно часто из нее делали котлеты и пельмени. Лакомством считались соленые рыбки головки. Сушеная в пачках икра была излюбленным лакомством ребятишек. Прессованную соленую икру употребляли в пищу как закуску, а также ели с хлебом, картошкой. Женщины пекли на продажу пышки, называемые «икрянниками».

Выходцы из различных районов России оценили значение богатств морей и рек острова для своей жизни и начали ими широко пользоваться.

Из других видов занятий сельского населения можно выделить охоту и извоз. Извозом занимались преимущественно зимой жители Александровского округа, они обслуживали дорогу, связывавшую остров с материком, что проходила по побережью Татарского пролива. Охотой занимались главным образом жители Тымовского округа, промышлявшие соболя, лисиц, выдр, диких оленей, кабаргу, белку. Охоту, как правило, совмещали с рыболовством и земледелием.

Домашние промыслы и ремесла на Сахалине были развиты слабо, здесь было значительное число привозных российских и зарубежных товаров, товарно-денежные отношения получили достаточное развитие. Женщины в большинстве своем не занимались прядением, ткачеством, а покупали ткани и готовые изделия. Хозяйство местного населения не имело натурального характера, было ориентировано не на производство, а на покупку предметов быта, орудий труда.

В конце XIX века житель селения Нижний Армудан (Александровский округ), выходец Пензенской губернии, так отзывался о жизни на острове:

«Здесь жить можно. Первое дело – только не ленись! Травы кругом много – коси, сколько хочешь! Тебе пашню надо? Бери земли, сколько твоей душе угодно, только не ленись корчевать! Это не то, что в нашей губернии, где из-за каждого клочка грызутся. Ведь, и я сюда попал за драку из-за земли. ...Если бы мог, я и сына перетащил бы сюда из России. Подумайте, лесу под боком сколько хочешь! Попенных не берут, податей никаких... Надо только во время посеять, да и ведро не проспать в жатву. А рыба здешняя – какое подспорье хозяйству! ...И скот здесь здоровый и хорошо плодится. Как можно жаловаться на здешнюю сторону».

В основе хозяйственной деятельности поселенцев лежали общерусские традиции. Это выражалось в главных занятиях населения, в основных приемах хозяйствования. К важным моментам хозяйства старожилов Сахалина следует отнести многосторонность. За короткий временной срок поселенцы уловили особенности местности, необходимость ведения комплексного хозяйства, что позволяло в наименьшей мере страдать от различных природных катаклизмов, на которые богат остров. Земледелие, рыболовство, огородничество, животноводство – все стороны хозяйственной деятельности были важны. В большей мере успехи были у тех, кто прибыл на остров на рубеже 70-80-х годов XIX столетия.

22.4. Посты, деревни, селения

Принудительные методы заселения острова оказали существенное влияние на расселение жителей, развитие типов сельских поселений, процесс и темпы их образования, застройку. Какая бы то ни было стихийность в расселении, основании, а также и закрытии поселений, их планировке исключалась. Весь процесс находился под контролем местной администрации, которая регламентировала все стороны жизни как свободного, так и каторжного населения.

В ходе колонизации Сахалина прослеживаются несколько типов заселения. В 50-70-е годы XIX века, в период пионерного российского заселения, населенные пункты располагались преимущественно по морскому побережью и берегам рек, тяготая к их устьям. На морских побережьях были устроены первые опорные пункты расселения – военные посты. Вокруг них складывались очаги некрупных сельских поселений. Одновременно происходило миграционное движение по направлению от устья к истокам рек. Таким путем – от моря, от портов, в глубь острова заселялись Александровский и Корсаковский округа. Заселение долины реки Тымь произошло в 1878 году, когда был преодолен горный хребет, разделявший в дальнейшем Александровский и Тымовский округа, основано первое поселение – Мало-Тымово.

В результате пионерного расселения на территории острова сложилось три центра заселения: район поста Дуэ на западном побережье (Александровский округ), долина реки Тымь в центральной части Сахалина (Тымовский округ) и долины рек Такоэ и Сусуя на юге (Корсаковский округ).

В последующие периоды поселения Александровского и Тымовского округов продвигались по небольшим рекам в направлении от севера к югу, поселения Корсаковского округа – наоборот, с юга на север, сохранялся прибрежный тип расселения. С освоением внутренних районов образовывались поселения при трактового типа. В 80-е годы XIX столетия в центральной части острова была построена магистральная дорога от поста Александровского до селения Рыковского. Строительство тракта сопровождалось его быстрым заселением (Верхний Армудан, Нижний Армудан, Первое, Второе и Третье Арково). Тракт продолжался в сторону северной и южной части острова. С юга, из Корсаковского округа, был проложен тракт по направлению к центру острова. Он соединял посты Корсаковский и Найбучи. Селения, лежащие по этому тракту (Гольный Мыс, Мицулька, Хомутовка, Большая Елань, Березняки и другие), играли роль опорных пунктов дальнейшей колонизации. От этих поселений в сторону от центральной дороги, в тайгу, рас-

пространялись новые населенные пункты. В начале XX века на острове насчитывалось 132 селения.

В архивных и литературных источниках по Сахалину часто встречаются следующие названия поселений: *военный пост, поселение, селение, слобода, выселок, деревня, станок, сельскохозяйственная ферма, заимка, рыбалка*.

Самым распространенным, наиболее характерным для острова типом сельского поселения было *селение*. Термин «селение» имел на Сахалине очень широкое значение, им обозначали практически любое заселенное место. До того как появилось название «селение», был распространен термин «поселение», то есть обжитое, заселенное место. С начала 1880-х годов и весь рассматриваемый период в отношении большинства населенных мест употребляется единый термин «селение». Какие бы изменения ни претерпевали сахалинские поселения в своем развитии, как бы ни менялись их размеры и функции, они по-прежнему именовались – «селение». Так называли одновременно и административный центр Тымовского округа – Рыковское, в котором было 300 хозяйств, и, например, крохотный Верхний Поронай с четырьмя хозяйствами.

Военные *посты* являлись наиболее ранним типом поселений, были выставлены в ключевых пунктах острова начиная с 1853 года. Некоторые из постов были крупными, в них размещались роты или постовые команды, другие же были просто крошечными – там находилось менее десятка солдат. Посты на острове в период пионерного заселения были административно-стратегическими центрами, в большей степени поселениями, чем оборонительными сооружениями, от них стала развиваться сеть сельских поселений. Со временем посты теряли свое стратегическое значение, становились гражданскими поселениями, центрами угледобычи или администрации.

Основание военных постов в качестве самых ранних поселений было в русле российской модели заселения окраин вообще. Для процесса освоения русскими сибирских пространств, юга Европейской России характерно появление на заселяемой территории сначала крепостей и острогов, а позже поселение части жителей за пределами укреплений и образование пригородных сельских поселений. Такого рода поселения часто именовались посадами и слободами. Как и в Сибири начала XVII века, сахалинская слобода второй половины XIX века была «неукрепленным поселением с неслужилым населением». Жителями слобод были вольные поселенцы и ссыльные, окончившие сроки наказания, селившиеся за пределами постов, стремившиеся территориально быть подальше от тюрьмы. Этот старинный тип русского поселения на каторжном острове во второй половине XIX века был очень близок к своему первоначальному предназначению – являлся поселением свободных людей (слобода – свобода). Недалеко от поста Дуэ образовалась Александровская слобода, вблизи Александровского поста – Касьяновская, рядом с Корсаковским постом – Корсаковская слобода.

Своеобразным типом сахалинских поселений были сельскохозяйственные *фермы*. Были организованы местной администрацией в начальный период заселения острова близ тюрем как способ расселения ссыльнокаторжных, привлечения их к земледелию. Эти «специализированные» поселения просуществовали короткое время. Позже на этих землях завели «вольные» хозяйства поселенцы, отбывшие срок каторги.

Деревня как тип поселения была наиболее распространена в северной и средней полосе России, также и в Сибири. Были деревни и в южной России, но там большая часть поселений называлась селами. На Сахалине деревни существовали до массового привоза сюда осужденных. Три деревни в Корсаковском округе, в долине реки Такоэ основали в 1869-1870 годах вольные переселенцы с материка («Такойские крестьяне»). Отсутствие в рассматриваемый период на Сахалине термина «деревня» красноречиво свидетельствовало о специфических методах колонизации, отсутствии вольного крестьянского заселения. Вольные поселенцы образовывали деревни, ссыльные поселенцы селились в поселениях. После отмены каторги в официальных документах опять появился термин «деревня», его стали употреблять по отношению к небольшим, уже заселенным поселениям, которые ранее обозначались как селения.

К малодворным поселениям острова относятся *станки*. Это были поселения притрактового типа, жители которых обслуживали тракт, а также занимались сельским хозяйством. Станки – своего рода дорожные станции, сыгравшие важную роль при освоении русскими Сибири. Подобные новые селения, возникшие вдоль тракта или вблизи него, способствовали налаживанию ямской службы, регулярного почтового сообщения, перевозок грузов. На станках часто были постоянные двory или почтовые станции. Как и в других осваиваемых районах России, на Сахалине станки часто располагались в глухих местах, нередко весьма неблагоприятных для проживания и ведения сельского хозяйства. В таких случаях станок мог состоять из одного крестьянского хозяйства. Как, например, станок Невский в центральной части острова, который был описан одним из путешественников:

«...Здесь еще не основалось поселка, да дай Бог, чтоб не основался он впредь.

Полумерзлая тундра окрестностей не подает надежд на урожаи, а луга с березовыми и тополевыми рощами, прижавшиеся к реке, заливаются водою ежегодно».

На острове существовали не только постоянные, но и сезонные поселения. Обычно однодворные сезонные поселения, ориентированные на проведение летних сельскохозяйственных работ, назывались *заимками*; рыболовецкие поселения такого же характера – *заимками* или *рыбалками*; подобные поселения, связанные с охотой, – *зимовьями*. Возникали поселения этого типа всегда по инициативе самого населения, сам термин «заимка» означает занятие и присвоение по праву захвата бесхозяйственной, пустопорожней земли.

Сельскохозяйственные заимки на Сахалине возникали как временные поселения на период летних полевых работ по причине нехватки пахотной земли около селений, являлись способом освоения новых угодий. На некоторых заимках сооружались постройки. Например, у крестьянина Зацепина из с. Дербинского Тымовского округа на заимке была не только жилая постройка, но и сараи, там содержался скот. Лес для построек использовали более мелкий, дешевый, но дом был срубной, аналогичный по устройству постоянному жилищу в селениях.

На морском побережье для промысла трески, сельди, лососевых пород рыбы возникали сезонные малодворные поселения – рыболовецкие заимки, первоначально не закрепленные за определенными лицами. На участках ставили примитивные строения для защиты от дождя и ветра – легкие шалаши, балаганы, там жили только во время рунного хода рыбы. В 1890-е гг. на местах сезонных рыбалок стали возникать первые небольшие поселения, жители которых отходили от сельскохозяйственного производства и переключались исключительно на рыбную

ловлю. Обычно в таком поселении жила семья хозяина, иногда и наемные работники. Если место для промысла было выбрано удачно, то возводился весь комплекс жилых и хозяйственных построек, появлялись огороды, иногда и пашня. Крупный сахалинский промысловик Х. Бирич на месте рыболовецкой заимки за 12 лет построил 15 капитальных зданий. На его участке было разработано до 30 десятин земли, имелось более 50 голов скота.

Особенностью острова в рассматриваемый период было то, что при основании сразу возникали поселения не малодворные, в несколько хозяйств, а сравнительно большие – в 10 и более дворов. В 1885 году в селениях Александровского округа в среднем было почти 60 дворов на селение. В Тымовском округе средняя заселенность русских селений в тот же год была еще выше – 90, причем в с. Рыковском было более 200, в с. Дербинском – более 100 дворов. В Корсаковском округе число селений было больше, чем на севере, но они по размерам были меньше. Численно преобладали селения в двадцать-тридцать дворов.

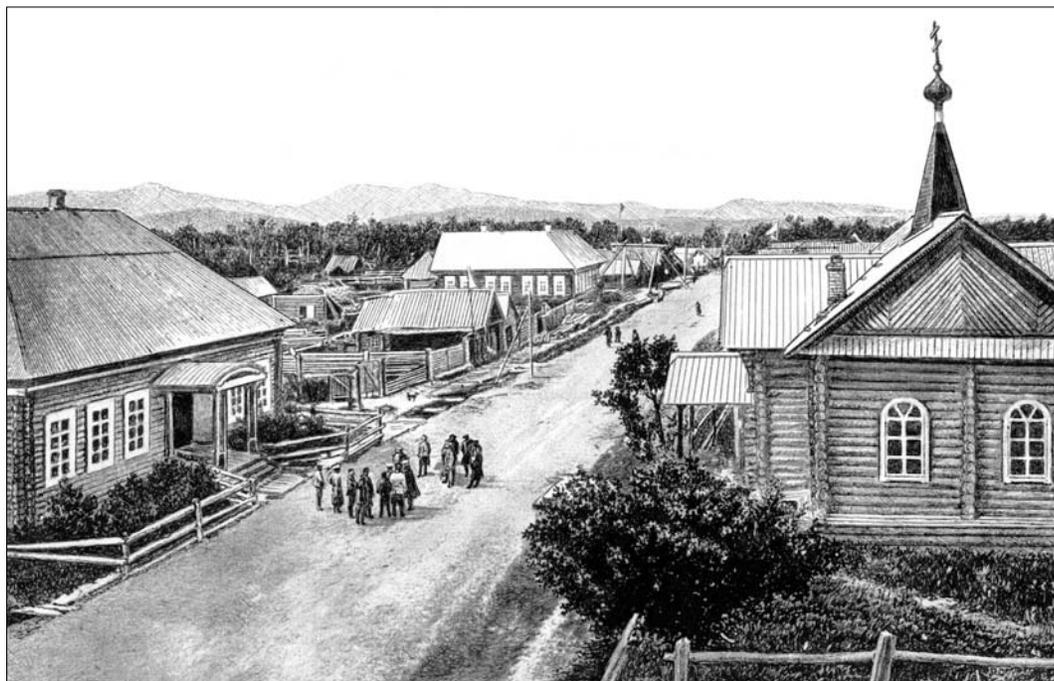


Рис. 67. Селение Владимировка. 1905 год

В последующие годы в Тымовском и Александровском округах основывались селения в среднем на 35-55 дворов, в Корсаковском округе на 15-25 дворов. В 1900 году средняя заселенность по селениям Александровского округа составляла 29,9 двора, по Тымовскому округу эта цифра выше – 50,2 двора. После отмены каторги процесс уменьшения заселенности селений продолжался. В округах сохраняются два-три крупных селения, но преобладают селения в среднем на 10 дворов. Этот процесс был естественного характера. Основание с самого начала крупных селений в условиях Сахалина было нерационально, поскольку они не были обеспечены достаточным количеством пригодной для обработки земли (узкие морские и речные долины, мелкоконтурность земельных участков). С окончанием периода

администрирования в результате свободной деятельности населения размеры населенных пунктов стали оптимальными.

Сахалинская администрация регламентировала все стороны местной жизни, в том числе образование и упразднение поселений, под ее контролем также были их планировка и застройка. Другим фактором, повлиявшим на планы селений, был рельеф. В селениях острова господствовала уличная застройка – два порядка домов, обращенных один к другому. Рядовой или линейный план – один или несколько порядков домов, стоящих последовательно один за другим, обращенных фасадами в одну сторону – встречался в селениях, лежащих у трактов, по берегам рек, на морском побережье.

Наиболее ранние поселения, военные посты, застраивались по уличному плану: здания располагались двумя порядками домов, в центре находились дежурные помещения, казармы, склады, тюремные постройки. Посты нередко располагались в узких долинах горных речек, поэтому расти могли исключительно в длину, оттого и ограничивались одной улицей, зажатой с двух сторон сопками. Таким был пост Дуэ, который практически состоял из одной длинной улицы, в сопки уходили две улочки (Жидовский и Солдатский «концы»).

Столицей острова был пост Александровский, административным центром южного Сахалина – пост Корсаковский, оба поста имели уличную планировку. На писателя А.П. Чехова островная столица произвела благоприятное впечатление, он отметил «на улицах деревянные тротуары, всюду чистота и порядок, и даже на отдаленных улицах».

«...Александровск представляет из себя небольшой благообразный городок сибирского типа, тысячи на три жителей. ...Здесь резиденция начальника острова, центр сахалинской цивилизации. ...Александровск совсем не носит того мрачного осторожного характера, какой я ожидал встретить».

Пост Корсаковский на юге острова располагался, как и другие посты, у моря, но площадки мыса были достаточно просторными, от главной улицы по склонам сопки ответвлялись боковые. Пост производил на приезжих приятное впечатление: «Пост имеет вид довольно приличного городка... Главная улица поста шоссирована и содержится в порядке: на ней тротуары, фонари, деревья».

Сахалинские селения, вслед за постами, изначально имели подобную же планировку: одна центральная улица с административными постройками, параллельно ей улицы не проводились, росли поселения за счет удлинения главной улицы и увеличения числа перпендикулярных улочек. Так, в с. Рыковском (Тымовский округ) помимо главной улицы возникло четыре не основных: Сизовая, Солдатская, Рыбальная и Медвежья. Улицы были широкими, правильными, просторными. Живший в селении политический ссыльный И.П. Ювачев описал его как «...четыре параллельно лежащих деревни, разделенных полуверстными расстояниями», их объединяла центральная улица «...посреди селения, почти вся застроенная казенными зданиями». В небольших селениях улица, подобная главной в крупных, часто оставалась единственной, по обе стороны от нее вытягивались все дома.

Один из высокопоставленных чиновников тюремной администрации описывал планировку населенных пунктов Сахалина следующим образом:

«...при занятии известного пункта одна улица его планируется под тюремные постройки для помещения служащих, конвоя и тех долгосрочных холостых каторжных, которые необходимы для проведения дорог, доставки провианта, выделки кирпича, подвоза леса, возведения зданий и т.д. Перпендикулярно к тюремной проводится улица подворных участков размером,

обыкновенно сообразно условиям местности в 3 десятины, чем удовлетворяется потребность хозяйства, устраняется скученность построек и ослабляются последствия пожаров»

«Скученности построек» действительно не наблюдалось. Застройка была свободной, без какой бы то ни было экономии площади. Каждая усадьба ставилась обособленно, дома стояли друг от друга на значительном расстоянии, в селениях было много зелени. Усадьбы часто оказывались среди островков девственного леса. Это придавало сельским поселениям живописный вид. Описывая с. Дербинское, исследователь острова И.С. Поляков отмечал:

«...здесь домики находятся ... как бы в естественном саду: то огромный тополь, то ильм, то громадные лиственницы почти повсюду среди жилья. Около домиков среди селения обыкновенно находятся огороды...».

Названия селений в период их основания давались чаще всего по ориентиру на местности, возле которого располагался населенный пункт (Верхнее Урочище, Арково, Армудан), по фамилии основателя или первого поселенца (Андреевское, Ивановское). Немало поселений называлось в честь официальных лиц, представителей сахалинской и сибирской администрации, тюремного управления (Галкино-Враское, Корсаковское, Дербинское, Рыковское, Бутаково, Мицулевка).

Жители острова в силу административно-полицейских методов заселения не могли осесть компактно, образовывать «земляческие» (по месту выхода) группировки (татары с татарами, латыши с латышами), культивировать локальные особенности. Все сельские поселения острова были полиэтническими. Дисперсное размещение носителей различных региональных традиций вело к тому, что «этноцентрические установки» жителей в определенной степени ослабевали и нивелировались. Русские разведали практически всю территорию острова, сложилась система сельских поселений. Сначала посты, малодворные слободы и выселки появлялись в разных уголках острова, от них цепочки селений распространились на значительную часть территории острова. Районы Крайнего Севера (зона тундры), восточное и северное побережья были освоены путем создания временных промысловых поселений. В период каторги жесткое администрирование сильно влияло на процесс расселения, сдерживая всякую инициативу жителей.

22.5. Дом и двор

Жилище и хозяйственные постройки русского населения Сахалина представляют несомненный интерес по ряду причин. Это район позднего русского заселения, где можно проследить развитие, обновление общерусской культурной традиции рубежа XIX и XX веков. На Сахалине поселенцы различных районов России столкнулись с непривычными природно-климатическими условиями и были вынуждены приспособлять свой опыт домостроения, создания жилищно-хозяйственных комплексов к местным условиям и материалам. Результаты этого процесса показывают как степень адаптации новых жителей к островным условиям, так и их приверженность к определенным стереотипным моделям, культурной традиции в области комплекса дома и двора. Немногочисленные постройки, относящиеся к рассматриваемому периоду, сохранились в Александровском и Тымовском районах области.

Наиболее ранние сведения о жилых строениях острова относятся к первой половине 60-х годов XIX столетия, сохранились описания построек старейшего поста Дуэ. Это не временные постройки, а постоянные, причем весьма значительных размеров. Чертежи показывают, что уже первое поколение поселенцев не ограни-

чивалось только однокамерными постройками, а возводило двухкамерные жилища, а также классическую общеславянскую трехкамерную связь под тесовой крышей. Наблюдаются усложненные планировки жилища – с прирубным коридором, пристройкой второго сруба. Присутствуют конструктивные детали, оживляющие сруб – навесы, галереи, рундуки. Это были «казенные» постройки, в них жили офицеры, полевая команда, размещался лазарет. Были в посту и постройки небольших размеров, крытые древесной корой, из тонкого леса, сооруженные наспех, в них жили поселенцы, ссыльнорабочие. В посту наблюдался громадный дефицит жилья.

Жилище сахалинских поселенцев возводилось в традициях деревянного срубного зодчества лесной полосы России. Для строительства использовали хвойные породы деревьев, преимущественно ель и пихту. Лес заготавливали прямо у селений, предпочитая старый, «выстоянный». Нижние венцы сруба клали из лиственницы, она не гнила, что было важно при высокой влажности на острове. В «Обзоре острова Сахалина за 1899 г.» отмечалось:

«Кирпич выделялся исключительно для кладки печей, так как все здания строятся из леса, и фундаменты под таковые кладутся из бревен более твердых лесных пород».

Заготовка леса происходила поздней осенью или зимой, в лесу его ошкуривали и по снегу привозили в селение. По воспоминаниям старожилов, на новом участке первоначально могли возвести небольшую по размерам постройку в одну комнату с русской печью. Возводили ее без особого старания, очень быстро, впоследствии называли ее «избушка» или «старая изба». В ней жили до постройки основного жилья, потом использовали как хозяйственную постройку.

Дома и хозяйственные постройки рубили из круглых бревен. Наиболее распространенным способом соединения бревен в венцы являлось соединение в простой угол с выпуском концов («в чашу»). Рубка с остатком предохраняла углы сруба от промерзания. Первый венец сруба укладывали на врытые в землю деревянные стояки («студья»). Жилища имели одинарный деревянный пол, настланный из полубревен, а чаще из толстых плах. Перерубы для пола врубали во второй – четвертый венцы сруба. Изредка встречались дома с невысоким *подклетом*, но большая часть домов подклета не имела, который на Русском Севере и в Сибири рассматривался в качестве средства утепления жилища. В этом моменте сыграли роль как этнические традиции южнорусских выходцев, так и климатические условия Сахалина. Достаточной мерой для утепления жилища было устройство набитой землей завалинки высотой до 80 см снаружи сруба, она была обязательной принадлежностью жилища, на лето ее не убирали.

Потолки настилали на *матице* (потолочной балке), врубленной в предпоследний венец. Положение матицы на Сахалине неустойчиво, ее укладывали как параллельно входу, так и перпендикулярно. Неустойчивое положение матицы было в рассматриваемый период характерно также для районов южного расселения русских, украинцев и было занесено южнорусскими переселенцами в некоторые районы Сибири.

Двускатная крыша стропильной конструкции преобладала во всех округах Сахалина. Четырехскатная (так называемая «круглая») крыша чаще встречалась в наиболее развитом в сельскохозяйственном отношении Тымовском округе. Такую крышу ставили на большие дома-крестовики. В XIX в. было распространено покрытие жилища древесной корой лиственниц и лиственных пород деревьев (*корье*, *лиственянка*). В окрепших хозяйствах в первую очередь под тес переводили жилье. В 90-е годы XIX столетия в большинстве хозяйств кровельные материалы для жилья и хозяйственных построек были различными: у жилья более добротными («дом на

две половины, крытый тесом, сарай, стайка крыты корьем»). В начале XX века пиленный тес вытеснил покрытие из древесной коры на жилых постройках, тогда же на острове появился новый тип покрытия – железо. На Сахалине такое покрытие называли «волнистый цинк», оно завозилось из США.

С этническими традициями сахалинцев был связан один из приемов оформления жилища – побелка и обмазка стен глиной как изнутри, так и снаружи, столь характерные для крестьянских домов южных черноземных губерний России, Украины, казачьих домов Дона и Кубани. На острове этот прием получил повсеместное распространение. В Тымовском округе дома белили как снаружи, так и изнутри, в Александровском – преимущественно изнутри. Этническую окраску носит и терминология, связанная с жилой постройкой. Старожилы Сахалина по отношению к жилищу обычно говорят «дом», могут сказать «хата» (южнорусская, украинская традиция), но очень редко «изба» (севернорусская традиция), что указывает на районы выхода переселенцев.

Для сахалинцев с первых лет колонизации не было характерно однокамерное жилище, преобладали двухкамерные постройки типа дом-сени. Жилище такого типа состояло из отапливаемого жилого помещения и неотапливаемых сеней, используемых для различных хозяйственных надобностей. В материалах подворного обследования хозяйств Александровского округа за 1890 год отмечалось, что 65% жилых построек было двухкамерными, более 34% записаны как «дом на две половины», то есть пятистенки. Пятистенки – удлиненный сруб с внутренней рубленой стеной, которая делит основной сруб на два помещения. На Сахалине были известны пятистенки, состоящие из двух неравных помещений (двухоконного и трехоконного) и двух равных двухоконных помещений. Обычно сахалинские пятистенки стояли длинной стороной вдоль улицы, к торцовой стороне пристраивались сени. Этот вид вытянутого в длину пятистенка был характерен и для южнорусских районов.

Пятистенки на Сахалине, как и в Сибири, был самым распространенным, рядовым типом дома, в то время как в некоторых районах России он еще был приметой достатка хозяина. Начальник Тымовского округа в отчете за 1900 год следующим образом характеризовал жилые постройки населения:

«Тип постройки обыкновенный сельский: то есть пятистенная изба длиной до 10 аршин, из этого числа отделено на сени до 3 аршин. Существуют постройки и меньших и больших размеров, в старых селениях можно встретить дома в две-три комнаты и отдельной кухней, но такие постройки встречаются сравнительно мало».

В конце XIX – начале XX века на Сахалине были известны усложненные планировки крестьянского жилища в нескольких вариантах – *избы-двойни*, *избы с прирубками*, *крестовики*. Трехкамерные постройки по типу связи, имевшие широкое распространение в Сибири, на Сахалине довольно часто фиксировались в наиболее развитом в сельскохозяйственном отношении Тымовском округе. Их строили большие неразделенные семьи по типу – два жилых помещения (изба и горница) с сенями посередине. Такая постройка ставилась обычно продольно по отношению к улице. По информации старожилов, все части связи возводились не одновременно, а развивались из однокамерного жилища по мере роста потребностей многочисленной семьи. «Хорошим» домом на Сахалине, приметой достатка хозяина считался дом на «четыре комнаты», то есть «крестовик», «шестистенки» с двумя взаимно перпендикулярными внутренними стенами и четырехскатной тесовой крышей. Эти традиции были занесены из южнорусских районов, районов Дона и Кубани.

В сахалинских домах не было принято держать скот, поэтому жилище было достаточно опрятным, чистым. Обязательной принадлежностью любого жилища была русская печь, которая обычно располагалась у противоположной входу стены. Передний угол, самое почетное место дома, убирался иконами, там стоял небольшой стол, деревянная скамья. Передний угол к каждому празднику украшали свежими еловыми ветками, освежали побелкой стены. Чистое помещение («горница») изолировали от хозяйственного легкой деревянной переборкой, пестрой ситцевой занавеской.

Для интерьера крестьянского жилища острова в рассматриваемый период не была характерна неподвижная мебель, к исключениям можно отнести деревянную лавку в кухне у печи. Сахалинцы пользовались подвижной мебелью, вошедшей в быт наиболее зажиточных крестьян России, а также в городской быт в конце XIX века. На новом месте они не возвращались к прежним, привычным на родине образцам, а стремились обставить свой дом «культурно», по городским или помещичьим образцам. В этом вопросе прослеживается связь с урбанизацией культуры в тот период времени вообще и традициями повседневного быта зажиточного крестьянства. Примером подобных тенденций было то, что практически в каждом сахалинском доме были кровати. Эти самодельные кровати нередко отличались от обычных деревенских лавок только лишь наличием двух спинок, но в местных условиях служили показателем достатка в доме. Стены, зеркала, постели украшали вязаными кружевами («подзорниками»).

В убранстве жилища нередко прослеживались этнические корни жителей. Один из путешественников в начале 1890-х годов отметил характерную черту:

«...домики имеют ...просторные чистые комнаты. Снаружи они напоминают простые бревенчатые избы, а во внутренней своей отделке еще носят отпечаток той национальности, к которой принадлежал хозяин. У хохла стены обязательно выбелены, великоросс стремился убрать картинами бревенчатую избу».

Положение дома на усадьбе отличается устойчивостью, он занимал переднюю часть усадьбы, чаще всего дом ставили направо или налево от входа во двор. Дома ставили на некотором расстоянии от забора, на свободном пространстве между домом и забором устраивали так называемый «палисадник», столь характерный для украинской домостроительной традиции. Этот узкий участок земли был занят цветами, кустами малины, крыжовника, деревьями. Из оград наиболее распространенными были легкие невысокие бревенчатые заборы, плетни. Жердяными заборами огораживали внутриусадебную территорию.

Внутри усадьбы различались передний (чистый) двор, задний для скота и огород. Усадьбы русских Сахалина в конце XIX– начале XX веков более всего напоминают открытый незамкнутый двор, в котором постройки располагаются без определенного порядка и не связаны ни друг с другом, ни с домом. Такой тип двора был характерен для Украины, южнорусских губерний, Среднего и Нижнего Поволжья, а также встречался в губерниях центральной России и Сибири. Раздельное размещение надворных построек считалось местными жителями наиболее удобным и безопасным вариантом на случай пожара. Нередко покой селений нарушался вредительством, поджогами со стороны беглых каторжан. Учитывая это, хозяева не ограничивались отделением хозяйственных построек от дома, а выносили часть их, в первую очередь снопохранилища, вообще за пределы усадьбы.

Разобщенность хозяйственных построек объяснялась и тем, что в рассматриваемый период на острове окончательно не сложился комплекс крестьянского двора

в целом. Большинство хозяйств находилось в фазе становления, владельцы ограничивались первоначально несколькими простейшими постройками.

Основными хозяйственными постройками крестьянского двора на Сахалине в рассматриваемый период были – *стайки, хлева, сараи, конюшни, клуны, бани, амбары*. Набор хозяйственных построек на усадьбе мог быть различным, но одна постройка была обязательной – теплое помещение для скота. В северных округах острова его называли *стайкой*, в южном – *хлевам*. Многофункциональной постройкой на острове были сараи. Это были сенные сараи, сараи (по типу *санников* и *завозней*) для хранения повозок, сельскохозяйственного инвентаря, упряжи. Часто в сараях держали птицу, хозяйственные припасы, нередко хранили снопы, здесь же могли быть и лари с мукой. Наиболее часто встречающимся комплексом построек на острове был следующий: сарай + стайка или сарай + две-три стайки. В источниках отмечаются и хозяйства развитого плана, например, к таким относится двор поселенца Мочалова из с. Ново-Михайловского Александровского округа. В 1890 году у него был дом с сенями, стайка, сарай, амбар, баня. В том же году у поселенца А. Шляхова из с. Корсаковского на усадьбе был дом на две половины с сенями, также старая изба, из хозяйственных построек – четыре стайки, сарай, кладовая. Надворные постройки не были связаны друг с другом, но и не были разбросаны хаотично, имели строгую локализацию.

На дальнем конце усадьбы располагали сноповые и молотильные сараи, называемые на острове, как и у украинцев, *клуней*. На острове не была принята огневая сушка снопов перед обмолотом. Снопы просушивали на полях, а к зиме, часто даже по снегу, свозили в селения. В течение всей зимы их молотили по мере потребности сыромолотом. В одном из дальних углов усадьбы располагалась баня. Бани были распространены широко, но не повсеместно, были примерно в 30-35% хозяйств. Небольшое число бань объясняется как слабой обеспеченностью хозяйственными постройками в целом, так и «южным» происхождением переселенцев, для которых на родине бани были не характерны. На Сахалине они предпочитали не строить свою баню, а пользоваться чужой за определенную плату. В крупных сахалинских селениях обычно было несколько бань, которые содержали зажиточные крестьяне.

В связи со снежными островными зимами в каждом хозяйстве на холодный сезон усадьбу стремились укрыть от заносов, укладывая решетку из жердей. Сверху решетку набрасывали солому или картофельную ботву. Слой снега присыпал эту сезонную «*поветь*» на столбах. Повсеместное бытование такой конструкции свидетельствует об учете поселенцами местных условий, адаптации их к естественно-географической среде.

Особенностями русского жилища промысловых районов было то, что постройки на первых порах были небольших размеров, но даже самое скромное жилище обычно было двухкамерным. Дома возводились из хорошего строевого леса, крылись тесом. Нередко в хозяйствах отмечалось наличие как двух жилых домов, так дома и сруба нового дома. Надворные постройки примыкали непосредственно к жилью по типу северорусского *дома-двора*. В промысловых морских поселениях часто возводили конюшни, поскольку во всех хозяйствах держали лошадей. На севере гораздо больше было бань, чем в центральных и южных округах. Так, в с. Валуево бани имелись в каждом втором хозяйстве.

В промысловых селениях специальными постройками, связанными с заготовкой и хранением рыбных запасов, были амбары – юкольники. Такие свайные постройки, крытые древесной корой или тесом, были заимствованы русскими у нивхов. Иногда юкольники возводили в традициях русской срубной постройки с

двускатной крышей. Внутри устраивались помосты для развешивания рыбы и обязательно просветы для проветривания помещения.

Постройкой, характерной только для промысловых селений и участков, был *ледник* – врытый в землю бревенчатый сруб с выходом на поверхность и двускатной крышей. В леднике размещали большие чаны для засола сельди. Так, на промысле Е. Суконнова в 1901 году был ледник на десять чанов для засола сельди и красной рыбы, а также строился второй. В селениях Рыбновского округа и в прибрежных селениях западного побережья, русское население которых занималось каюрством, нередко около дома ставили такую постройку, как *«собачник»*. Это был один общий сруб или несколько огражденных конур, накрытых общей поветью.

Немало на Сахалине было «горе-хозяев», кое-как ставивших дома, формально ведших хозяйство, только чтобы получить возможность перейти в более свободное состояние и получить разрешение уехать с Сахалина. После отмены каторги они спешно покинут остров, не оставив памяти о себе и культурного следа. Для сахалинской истории важнее жизнь тех поселенцев, которые и в непривычной обстановке, при стечении неблагоприятных жизненных обстоятельств смогли наладить жизнь, близкую к традиционным образцам. Они крепко, по-крестьянски обустроивались, ставили, как их деды и прадеды, добротные срубные дома.

Постоянный приток новых поселенцев из различных районов страны, как промышленно развитых, так и сугубо аграрных, способствовал эволюции жилища по единому общерусскому типу. О быстрой эволюции жилища свидетельствует повсеместное бытование в конце XIX века на Сахалине пятистенка. Местные жители проявили гибкость в процессе адаптации к новым природно-климатическим условиям, выработали определенные приемы защиты от неблагоприятных воздействий – устраивали высокие завалинки, повети над двором, утепляли крыши. Южнорусские поселенцы и украинцы отказывались от некоторых своих традиций и перенимали навыки домостроения лесной полосы России (дощатый пол, невысокий подклет, редкое использование соломы в качестве кровельного материала, даже на хозяйственных постройках). На промысловых участках возводились постройки специального назначения – ледники, амбары, юкольники, в чем сыграли роль контакты с соседним нерусским населением.

22.6. Русские старожилы Сахалина как территориально-культурная общность

Во второй половине XIX века началась широкомасштабная российская колонизация одной из самых отдаленных окраин империи – острова Сахалина. Заселение острова, освоение его природных богатств сыграло определяющую роль для судьбы края. За исторически короткий срок старожилы сумели адаптироваться к нелегким природно-климатическим условиям, создать своеобразный хозяйственно-культурный комплекс, свойственный именно островитянам-сахалинцам. На острове впервые появилось пашенное земледелие, обширные посевы зерновых культур.

Старожилы в своей хозяйственной деятельности показали высокий уровень адаптационных возможностей. Вопреки официальной политике в области колонизации переключились с монокультуры зерновых (пшеницы и ржи в первую очередь) на комплексное развитие хозяйства. Земледелие, рыболовство, огородничество, животноводство – все стороны хозяйственной деятельности получили развитие. Картофель и овощи куда надежнее зерновых обеспечивали сахалинцев продуктами питания, они хорошо сочетались в пищевом рационе с рыбой, ставшей каждодневным продуктом питания.

Стереотипные взгляды чиновников, писателей, путешественников на обязательность выращивания зерновых (хлеба) как основы традиционного крестьянского хозяйства и оседлости в целом не позволяли им считать хозяйства сахалинских поселенцев успешными. А сахалинский крепкий хозяин имел пашню, сажал в поле картофель, держал до десятка голов скота, имел большой огород при усадьбе, очень заботился, чтобы летом рыбы наловить вволю да заготовить достаточное ее количество на зиму. Только комплексное хозяйство могло в условиях Сахалина развиваться устойчиво, в наименьшей мере страдать от различных природных катаклизмов, и таких хозяйств было немало.

В начале XX века из специфических источников в условиях принудительного по характеру заселения сложилась особая территориально-культурная общность – старожильческое население Сахалина, сформировалось постоянное, в большинстве своем полноправное население.

Стержнем колонизационного движения была семья, это был бесспорный, всеми признаваемый факт. Правительство в рамках политики заселения Сахалина и закрепления его на острове содействовало переселению семей вслед за осужденными. Действительно, члены семьи следовали на остров за казенный счет, осужденного выпускали из тюрьмы сразу по прибытии семьи. Но практически этим все и ограничивалось. Никакой другой реальной поддержки семейные «сахалинцы» больше не получали, оставаясь один на один со всеми проблемами. И если удавалось выстоять, не сломаться, наладить традиционную жизнь, в конечном счете укорениться на неласковом поначалу острове, то заслуга в том принадлежала женщинам – женам, матерям. Они обеспечивали привычные основы жизни, создавали атмосферу дома. Сахалинские женщины хранили и поддерживали общерусские традиции в хозяйственной, общественной, бытовой жизни. Передавали детям и внукам общерусские нормы поведения, коллективный духовный опыт.

Ехали на далекий остров, у которого была устойчивая скверная репутация. Ехали, несмотря на расхожие легенды об ужасах сахалинской жизни, о жутком климате, о невыносимых страданиях немногочисленных жителей. Остров воспринимался россиянами как символ беспросветности, зла, страданий («живой гроб»). Свойственное людям негативное отношение к тюрьме, наказаниям, изгнанию распространилось на Сахалин в целом. «Не верь деревенским слухам о каторге» – писали домой подневольные колонисты с острова. Как было не поверить, если вокруг рассказывали, что на Сахалине и солнца (т.е. света, жизни) нет. Современник, литератор П.С. Уваров так воспроизвел тогдашний образ Сахалина:

«Многие представляют себе этот остров чуть ли не затертым вечными льдами холодного моря, угрюмо глядящим своими скалистыми берегами, без малейшего признака растительности даже в летнее время года, многие убеждены в том, что на Сахалине царят постоянные дожди, туманы, вьюги. ...Среди интеллигенции Сахалин за его (якобы) убийственный климат называют «Чертовым островом», наделяя его в изобилии всевозможными недостатками».

Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, к началу XX века уже не единицы и не десятки, а сотни семей жили в одних и тех же селениях десятилетиями, там же оседали семьи их детей, формировались «родовые гнезда», появились местные уроженцы разных возрастов.

После русско-японской войны остров покинули преступники и поселенцы, прибывшие в самом конце XIX века и не успевшие наладить хозяйственную и семейную жизнь, старожилы же остались. Даже если военные действия вынуждали их покинуть остров, они прилагали усилия, чтобы вернуться. Каторга уходила в про-

шное, жизнь налаживалась. Одни оставались на острове, не желая бросать крепкое хозяйство, другим нравилась земельная свобода, обилие рыбы, третьи не хотели рвать родственные связи, ведь молодое поколение предпочитало Сахалин далекой и незнакомой родине отцов.

Существовал еще один немаловажный момент при выборе – возвращаться на родину или оставаться на острове. Для бывших осужденных с психологических позиций жить на острове было легче, чем на родине. На Сахалине они были окружены товарищами по несчастью. На родине им бы пришлось не раз ловить на себе косые взгляды земляков (варнак!). Не желая возвращаться к своему прошлому, на новой земле они начинали новую жизнь. Об этом, о надежде на возрождение писал писатель-народоволец, сам прошедший каторгу, П.Ф. Якубович в романе «В мире отверженных»:

«С приближением весны пошли по каторжным тюрьмам темные слухи о предстоящей выборке на остров Сахалин. Арестанты глухо волновались. Одни страшились, как смертной казни, одного имени этого страшного острова; для других, напротив, оно являлось символом тайной надежды на воскресение...».

Жителями далекого острова вольно или невольно оказались представители практически всех уголков России. Преимущественно это было славянское население, уроженцы южнорусских губерний, Украины, Привисленских губерний, нечерноземной России. В условиях активных межэтнических контактов традиции различных этнических общностей не сливались, а одновременно сосуществовали, обогащая друг друга, формируя сравнительно однородную культурную зону. Культурные заимствования и влияния позволили колонистам создать своеобразный хозяйственно-культурный комплекс.

Жизнь сахалинских старожилов простой не назовешь, не одно испытание пришлось им пережить. В 1920-1925 годах Северный Сахалин находился под японской оккупацией. Те события имели самые трагические последствия для старожильского населения. В сталинскую эпоху очень многие из них прошли через тюрьмы и лагеря, их выслали за пределы острова, расстреливали по стандартному обвинению в шпионаже в пользу Японии. В период бурных социалистических преобразований их «коллективизировали», а несогласных с линией ВКП(б) раскулачивали. В глазах новых властей главной виной этих людей было то, что они имели крепкие хозяйства, жили основательно.

Сахалинские старожилы, вопреки многочисленным приписываемым им порокам, жили обычной жизнью, радовались человеческим радостям, женились и выходили замуж, растили детей, много трудились. У них был «свой Сахалин», где люди были отзывчивые и помогали друг другу, молодежь не пила, а праздники отмечали шумно и весело («аж улица гнула!»).

Потомки старожилов и сегодня живут в области. Они любили и любят родной остров, осознавали и осознают свою причастность к особой общности, называют себя «сахалинцами». Живут в крепких домах, построенных их дедами. На этой земле находятся могилы их предков, они связывают свои судьбы и судьбы своих потомков с островом, не рассматривали и не рассматривают свою жизнь на острове как временную в отличие от многих мигрантов более позднего времени.

Аграфена Никандровна Самарина (1902 г.р., п.Тымовское):

«Вот построили дом. Строили сами, вот так в нем и живем. Дети выросли, внуки. И я еще живу в нем. Крепкий, тут такие балки построены. Как ко мне дочка придет, в подпол полезет и говорит: «Вот, мама, мужички-то были. Вот сила-то была». Я говорю: – Да. Твой отец строил, бревна возил».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наша книга является обобщающим трудом, освещающим этапы истории нашего островного края. Сахалин, Хоккайдо и Курильские острова на протяжении многих веков являлись своеобразной контактной зоной, где встречались, сталкивались, конкурировали, боролись между собой и сосуществовали различные по расовому и национальному происхождению, культуре и исторической судьбе, а подчас враждебные друг другу социумы. В новое и новейшее время острова в северной части Тихого океана оказываются территориями на стыке двух центров мир-системы, что объективно предполагает возникновение глубокого, многоуровневого конфликта. Как следствие, Сахалин и Курилы стали ареной столкновения, взаимного проникновения и начала эры мирного сосуществования двух цивилизаций.

Накопленный исторический опыт адаптации и взаимодействия социумов на ограниченной территории островного мира дальневосточных морей имеет не только академическое значение. Он имеет несомненную ценность и для тех, кто сегодня живет на наших островах, и особенно важен в условиях современной межэтнической и междивизиационной конфронтации. Главным событием второй половины XIX и первой половины XX веков стало столкновение в контактной зоне островного мира двух великих держав – России и Японии. В течение последних полутора веков острова переходили из рук в руки и трижды здесь менялись государственные границы России и Японии. Прошлый век занимает особое место в истории региона, на островах сталкивались встречные миграционные потоки. И Япония, и СССР, прежде всего, расчищали жизненное и культурное пространство – переселяли своих предшественников и размещали ничего не знающих об этих землях мигрантов на вновь приобретенных территориях. В обозримом прошлом такова судьба айнов Северных Курил, вывезенных японским правительством после Санкт-Петербургского договора 1875 года на остров Шикотан. Так же оно поступило с русскими на Южном Сахалине после поражения России в войне 1904-1905 годов. Такая же судьба постигла японцев и айнов Южного Сахалина и Курил в 1945-1948 годах.

Важно учесть, что формирование новых межэтнических и междивизиационных феноменов имеет не только положительные, но и отрицательные последствия. Первые объясняются высоким адаптационным и культурным потенциалом новых обществ. Последние связаны с негативным влиянием более устойчивых к внешнему воздействию и более многочисленных мигрантов на хрупкую природную и этнокультурную среду островов. Баланс между разнонаправленными силами в древности и средневековье достигался в ходе естественной регуляции среды и социума и в меньшей степени зависел от влияния внешних факторов. Это объясняется высокой степенью зависимости доиндустриальных обществ от природной среды, их невысоким экономическим потенциалом и низкими коммуникативными возможностями.

В условиях индустриальных и постиндустриальных обществ воздействие внешних факторов на островную природную, этнокультурную и социально-экономическую среду принципиально усиливается. Глобальные изменения на островах в конце Нового, и особенно в Новейшее время поставили коренные народы островов в крайне сложное положение. Испытывая всевозраставшее воздействие новых, ранее неизвестных им культур, малочисленные, во многом эндемичные и хрупкие,

чувствительные к внешнему воздействию народы островов прошли через полосу быстрых и не всегда положительных изменений. Неоднократные попытки «улучшить», «цивилизовать» жизнь народов Сахалина и Курил (часто из самых лучших побуждений) наносили удары большой силы по их традиционной культуре и жизненному укладу. Объективным последствием воздействия внешнего мира на островное население является уменьшение относительной численности коренных народов, оказавшихся в самой гуще пришлого населения. Важнейшая демографическая тенденция современного периода – оттоки и притоки временных мигрантов, ассимиляция и постоянная смена состава островного населения. Контактная зона в островном мире имеет выраженный подвижный характер.

Исторические события в зоне перехода от материковой к островной суше на стыке цивилизаций развиваются в рамках известных устойчивых сценариев. Это развитие в самой малой степени зависит от субъективных факторов вторичного порядка и, напротив, отличается ярко выраженным объективным характером и зависимостью от баланса силы. Одним из главных итогов взаимодействия пришлых и островных социумов, Запада и Востока, является формирование транскультурных феноменов, которые особенно ярко, по сути, в чистом виде, проявляются именно в условиях контактных зон островных цепей. Островной мир Дальнего Востока, в силу относительного характера островной изоляции и его несомненной специфики, является идеальной моделью, изучение которой принципиально значимо для ученых различных направлений и в том числе для археологов и историков.

Особенную роль в жизни островитян играла и продолжает играть окружающая среда, имеющая экстремальные характеристики. Она характеризуется сочетанием различных ландшафтов, обилием выраженных естественных рубежей, четко определенной экологической ёмкостью территории и циклическими сезонными колебаниями видового состава и объёмом источников промысла в моделях с присваивающей или комбинированной экономикой. Экстремальный характер островной среде придают стихийные бедствия: извержения вулканов, землетрясения, тайфуны, штормовые нагоны, наводнения, многодневные осадки, лесные пожары, которые отрицательно воздействуют на островную экономику и, имея системный характер, вносят нестабильность в жизнь островитян.

История Сахалина и Курильских островов показывает низкую эффективность силовых методов для решения наиболее острых проблем межэтнических и межгосударственных отношений. Исторически ни одна победа в борьбе за острова не оказывалась окончательной и бесповоротной. Напротив, каждая победа закладывала предпосылки для нового столкновения. И каждый раз границы, конфигурацию которых определила воля победителя, существовали лишь до тех пор, пока не изменялось соотношение сил.

Для крупных государств на протяжении многих столетий острова традиционно играли роль далеких окраин. Так, в эпоху средневековья Сахалин входил в зону косвенного влияния империи Тан, Бохайского царства, чжурчжэньской империи Цзинь, был северо-восточной окраиной могущественной Монгольской империи. С начала Нового времени практически одновременно на Сахалин и Курильские острова выходят японцы, голландцы и русские. Появление русских на Нижнем Амуре совпало по времени со значительным усилением маньчжур, которые не только сумели покорить Китай, но и развернули успешную экспансию в северном и северо-восточном

направлении. Сначала под контроль нового центра силы попадает все Приамурье, а в начале XVIII века в косвенную зависимость от Маньчжурской империи попадают и народы Сахалина. Вместе с тем, потеряв Приамурье, Россия добивается существенных успехов на крайнем северо-востоке Азии и, покорив Камчатку, осваивает северные Курильские острова. В это же время в зону влияния Японии постепенно начинают втягиваться крайний юго-запад Сахалина и Южные Курилы.

На рубеже XVIII-XIX столетий зоны влияния и интересов России и Японии в островном мире совпали, и это неизбежно повлекло за собой первый в истории русско-японский конфликт, закончившийся оформлением первой границы между двумя странами на Курильских островах. После двух десятилетий совместного владения островом стороны, в конце концов, смогли достичь компромисса, и выход был найден в обмене японских прав на Сахалин на принадлежавшую России часть Курильских островов.

Однако компромисс оказался недолговечным. Изменившееся в пользу Японии соотношение сил на Дальнем Востоке толкнуло ее на путь прямых территориальных захватов. В 1905 году Япония захватывает Южный Сахалин, а в 1920-1925 годах оккупирует северную часть острова. Эти действия соответствовали оформленному перед второй мировой войной стратегическому плану «хакко иттю» – «восемь углов под одной крышей». Его целью было установление японского господства во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе и объединение народов Азии под властью Японии. В силу своего географического положения в эти годы Курильские острова становятся плацдармом японской агрессии против США. Однако война на Тихом океане, начавшаяся с уничтожения основных сил американского Тихоокеанского флота в Перл-Харборе, обернулась для Японии военной катастрофой и потерей не только Южного Сахалина и Курильских островов, но и призрачной тихоокеанской гегемонии. По итогам второй мировой войны Южный Сахалин возвращен прежнему владельцу, Курильские острова также перешли к СССР в соответствии с документально закрепленными решениями международного сообщества, узаконившими волю победителей.

В доиндустриальную эпоху те государственные образования, в сферу влияния которых время от времени попадали Сахалин и Курильские острова, довольствовались номинальным признанием своего сюзеренитета над их населением и территорией. Исключением стал непродолжительный и не имевший продолжения эпизод, связанный с монгольским завоеванием Сахалина, когда на острове какое-то время находились иностранные гарнизоны. Однако после того, как завоевательный порыв монголов стал иссякать, они навсегда покинули Сахалин. Но после того как значительная часть человечества вступила в индустриальную эпоху, значение островов вырастает, и их исторические судьбы меняются кардинальным образом. Угольные и нефтяные месторождения Сахалина становятся весьма привлекательными для многих индустриально развитых государств. Для того чтобы оправдать затраты на освоение Сахалина, потребовалось изобретение и широчайшее внедрение работавшего на угле парового двигателя, а вслед за ним и двигателя внутреннего сгорания.

Сегодня, когда мир стоит перед угрозой быстрого истощения запасов углеводородного сырья, сахалинский шельф стал ареной не всегда взаимовыгодного сотрудничества российских и транснациональных корпораций. Происходит меж-

дународный раздел крупнейших нефтяных и газовых месторождений Дальнего Востока, постоянно возрастает добыча и продажа за рубеж морепродуктов, древесины, торфа. Жители Сахалинской области, на глазах у которых происходят эти события, все чаще задумываются о том, куда уходят средства, вырученные от реализации сырьевых проектов, и о том, что будет с нами после завершения освоения шельфа и истощения природных ресурсов региона. Для всех нас очень важен опыт взаимоотношения человека и окружающей среды, накопленный в предшествующий период как коренными, так и пришлыми народами. Он показывает, что в условиях присвоения невозобновляемых ресурсов монокультурно направленная экономика проходит три последовательных стадии развития: успех от первых результатов освоения нового ресурса, максимальный рост и расцвет, истощение ресурса и распад социума. Еще в начале позапрошлого, XIX столетия у сахалинских берегов было сделано следующее наблюдение:

«Нигде, может быть, не находится такого великого множества китов, как в здешнем месте. Даже и малый залив Лососей наполнен был ими столько, что с осторожностью должно было ездить на берег. Корабль наш при входе в залив и выходе из одного окружен был китами. В заливе Терпения видели мы оных едва ли не более».

Ситуация не изменилась и в конце названного столетия:

«Сельдь идет громадными стадами, «в невероятном количестве», по выражению очевидцев. Приближение сельди всякий раз узнается по следующим характерным признакам: круговая полоса белой пены, захватывающая на море большое пространство, стаи чаек и альбатросов, киты, пускающие фонтаны, и стада сивучей».

Не менее яркое впечатление оставлял у современников ход лососевых, которые «с неудержимой силой, в количестве буквально бесчисленном» каждый год входила в сахалинские реки:

«Масса рыбы, наблюдаемая в это время, бывает так велика и ход ее до такой степени стремителен и необычен, что кто сам не наблюдал этого замечательного явления, тот не может иметь о нем настоящего понятия. О быстроте хода и о тесноте можно бывает судить по поверхности реки, которая, кажется, кипит, вода принимает рыбий вкус, весла вязнут и, задевая рыбу, подкидывают ее».

Разрушение экологического равновесия, в результате которого, наверно, ушли в прошлое эти яркие картины, началось с приходом на Сахалин народов, переживавших стремительный переход от традиционного доиндустриального к индустриальному обществу. Правда, на Курильских островах удар по экологическому равновесию был нанесен несколько раньше. Начиная с 60-х годов XVIII столетия, российские промысловики сначала эпизодически, а затем и на постоянной основе ведут хищнический промысел морского зверя. Но тотальный характер уничтожение наиболее ценных пород морских млекопитающих (прежде всего морской выдры – калана) приобрело с приходом на Курилы Российско-Американской компании. Начатое названной компанией дело завершили американские браконьеры, устремившиеся к курильским берегам в 70-е годы XIX века. Таким образом, общими усилиями к XIX столетию была практически полностью выбита популяция курильских каланов.

В последней трети XIX века началось нарушение экологического равновесия на Сахалине. Стремление российской администрации заставить сахалинских ссыльных заниматься сельским хозяйством привело к загрязнению целого ряда нересетовых рек отходами животноводства. Однако то было только начало. Японская

колонизация Южного Сахалина добавила к сельскохозяйственному загрязнению ядовитые стоки многочисленных промышленных предприятий. С 30-х годов XX века процесс интенсивного промышленного загрязнения распространяется и на северную часть острова. Одновременно и на севере, и на юге Сахалина ведутся крупномасштабные заготовки древесины, которые наряду с многочисленными лесными пожарами, обычно сопровождающими деятельность современного человека, привели к истреблению большей части сахалинских лесов. А ведь еще на рубеже XIX-XX столетий леса покрывали почти всю территорию острова. Вместе с сахалинской тайгой стремительно исчезают и ее обитатели, происходит обмеление и исчезновение нерестовых рек и ручьев. Не поддается исчислению и тот ущерб, который нанесен в результате промышленного освоения Сахалина и Курильских островов, омывающим их морям и их обитателям. Загрязнение морской воды ведёт к резкому сокращению видового состава и количества всех обитателей водной среды. Искусственное воспроизводство лососей и лесных массивов в последние годы позволяет в какой-то степени регулировать состояние среды, что характерно для организации саморегулирующихся постиндустриальных обществ. Однако закономерности и далекие последствия этих процессов не до конца ясны.

Анализируя и российский, и японский опыт колонизации островного мира, мы видим, что бесконтрольная эксплуатация природных ресурсов может завести нас в тупик. Островные экосистемы оказались слишком уязвимы перед лицом столь азартного изъятия биологических и минерально-сырьевых ресурсов. В результате на наших глазах с каждым годом скудеет экосистема, расширяются мало пригодные для проживания территории, и среда мстит человеку стихийными бедствиями, дискомфортом загрязнения и болезнями. Это не может продолжаться постоянно, что особенно четко видно в ограниченном пространстве островов.

Изложенные в нашем труде события и их оценки заставляют задуматься, ведь история имеет не только описательную, но и предсказательную функцию. Что ждет нас в будущем? Будут ли наши острова пригодны для жизни человека и в XXI веке?

Глобальной тенденцией новейшей истории стало укрепление России на островах Тихого океана и формирование в регионе того транскультурного пространства, свидетелями и участниками которого мы являемся сегодня. Но удастся ли нам, россиянам, преодолеть негативные последствия плохо продуманной индустриализации и бессистемного освоения ресурсов последних ста лет и устоять перед вызовами нашего времени? Сможем ли мы вслед за наиболее развитыми странами и территориями Азиатско-Тихоокеанского региона вступить в постиндустриальную эру? Что мы должны сделать для того, чтобы сохранить и сберечь наши острова для наших детей и нашей великой Родины – России?

То, какими будут ответы на все эти вопросы, во многом зависит от нас.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Августинович Ф.М. Жизнь русских и инородцев на острове Сахалине. Южно-Сахалинск, 2007.
2. Административно-территориальное деление Сахалинской области. Документы и материалы. Южно-Сахалинск, 1986.
3. Айны: Проблемы истории и этнографии. Южно-Сахалинск, 1988.
4. Акидзуки Т. Японо-российские отношения и остров Сахалин. Перевод с японского и вводная статья А.В. Трёхсвятского // Краеведческий бюллетень. 2002. № 1-3.
5. Алексеев А.И. Сподвижники Г.И. Невельского. Южно-Сахалинск, 1967.
6. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки (до конца XIX века). М., 1982.
7. Алексеев А.И. Амурская экспедиция 1849-1855 гг. М., 1974.
8. Алексеев А.И. Геннадий Иванович Невельской. М., 1984.
9. Алексеев А.И. Вторая родина. Южно-Сахалинск, 1986.
10. Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока, конец XIX в. – 1917 г. М., 1989.
11. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Второе издание, исправленное и дополненное. Вып. I. XVII век. М.; Л., 1960.
12. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. II: XVIII век (первая половина). М.; Л., 1965.
13. Арутюнов С. А., Щебеньков В.Г. Древнейший народ Японии: Судьбы племени айнов. М., 1992.
14. Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII-XVIII вв. М., 1964.
15. Б.О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина: материалы международной научной конференции. 31 октября – 2 ноября 1991 г. Т.1-2. Южно-Сахалинск, 1992.
16. Багров В.Н. Южно-Сахалинская и Курильская операции. (Август 1945 года). М., 1959.
17. Бок Зи Коу. Корейцы на Сахалине. Южно-Сахалинск, 1993.
18. Браславец К.М. История в названиях на карте Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1983.
19. Броутон В.Р. Путешествие в Северный Тихий океан... Вступительная статья, перевод с английского и примечания И.А. Самарина // Краеведческий бюллетень. 1995. № 2.
20. Букчин С. В. Судьба фельетониста: Жизнь и творчество Власа Дорошевича. Минск, 1975.
21. Быть может, пригодятся и мои цифры: Материалы Сахалинской переписи А.П.Чехова. 1890 год. Южно-Сахалинск, 2005.
22. Бянкин В.П. Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке (1860-1925 гг.). Владивосток, 1979.

23. Василевский А.А., Плотников Н.В. Периодизация айнской культуры на Сахалине. Б.О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина: материалы международной научной конференции. Т.2. Южно-Сахалинск, 1992.

24. Василевский А.А. Особенности историко-культурных процессов в зоне перехода от материковой к островной суше (о. Сахалин, эпоха первобытности) // Краеведческий бюллетень. 1993. № 4.

25. Василевский А.А. Размышления о городищах империи Цзинь, древних народах и эпохе средневековья на Сахалине // Краеведческий бюллетень. 1994. № 2.

26. Василевский А.А. Коррекция радиоуглеродных датировок и абсолютная хронология археологических культур о. Сахалин // Краеведческий бюллетень. 1995. № 2.

27. Василевский А.А. Заметки о до- и протоистории острова Сахалина // Краеведческий бюллетень. 1996. № 1.

28. Василевский А.А. Парадокс охотской культуры – прощание с великой легендой // Краеведческий бюллетень. 2005. № 2.

29. Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск, 2008.

30. Васильевский Р.С. Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973.

31. Васильевский Р.С., Голубев В.А. Древние поселения на Сахалине (Сусуйская стоянка). Новосибирск: Наука, 1976.

32. Васильевский Р.С., Лавров Е.Л., Чан Су Бу. Культуры каменного века Северной Японии. Новосибирск, 1982.

33. Витте С. Ю. Воспоминания. Т.1-3. М.; Таллин, 1994.

34. Вишневский Н.В. Отасу. Южно-Сахалинск, 1994.

35. Вишневский Н.В. Смерть в четырех шагах. Южно-Сахалинск, 1995.

36. Вишневский Н.В. Сахалин и Курильские острова в годы второй мировой войны: Краткий энциклопедический справочник. Южно-Сахалинск, 2000.

37. ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917-1941 гг. М., 2001.

38. Войнилович М. Дело № СУ-3246 (Жизнь и смерть комбрига Дрекова). Южно-Сахалинск, 1991.

39. Высоков М.С. Советская историография истории открытия и исследования Сахалина и Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1984.

40. Высоков М.С. Научное наследие Б. Пилсудского и судьбы малых народов Сахалина // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1991. № 3.

41. Высоков М.С. История Сахалина и Курил в самом кратком изложении. Южно-Сахалинск, 1994.

42. Высоков М.С. Перспективы решения проблемы репатриации сахалинских корейцев в свете опыта Израиля, Германии и других стран // Краеведческий бюллетень. 1999. № 2.

43. Высоков М.С. Коренное население Сахалина на пороге третьего тысячелетия // Краеведческий бюллетень. 1999. № 4.

44. Высоков М.С. История Сахалина и Курильских островов в годы второй мировой войны в освещении отечественной историографии // Сахалин и Курилы

в войнах XX века: Материалы научной конференции (7-10 июня 2005 г.). Южно-Сахалинск, 2005.

45. Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975.

46. Гальцев-Безюк С. Д. Топонимический словарь Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1992.

47. Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о японском государстве и народе. Хабаровск, 1972.

48. Голубев В.А. Археологические памятники Сахалинской области (V тыс. до н.э. – XVIII в. н. э.). Южно-Сахалинск, 1973.

49. Голубев В.А., Жущиховская И.С. Неолитическая культура Южного Сахалина в свете анализа керамических комплексов // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1987.

50. Голубев В.А., Лавров Е.Л. Сахалин в эпоху камня. Новосибирск, 1988.

51. Голубев В.А. Зов угасших очагов. Нижний Новгород, 2004.

52. Гольденберг Л.А. Изограф земли Сибирской: Жизнь и труды Семена Ремезова. Магадан, 1990.

53. Гонтмахер П.Я. Золотые нити на рыбьей коже: Очерки о декоративном искусстве нивхов. Хабаровск, 1988.

54. Горбунов С. В. О морском зверобойном промысле аборигенов Сахалина // Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. Южно-Сахалинск, 1985.

55. Горбунов С. В., Прокофьев М.М. История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. М.: Наука, 1989 // Краеведческий бюллетень. 1990. № 1.

56. Горбунов С. В. В.А. Голубев, Е.Л. Лавров. Сахалин в эпоху камня. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988 // Краеведческий бюллетень. 1990. № 3.

57. Горбунов С. В., Горобец В.Я. Новая группа донеолитических памятников на юге Сахалина // Краеведческий бюллетень. 1991. №2.

58. Горобец В.Я., Горбунов С. В. Партизанский отряд штабс-капитана Б.В. Гротто-Слепиковского: поиски и находки. // Краеведческий бюллетень. 1990. № 1.

59. Грааф Т. де, Наарден Б. Описание нивхов и айнов и территорий их проживания в XVII веке по книге Н. Витсена «Северная и Восточная Татария» // Краеведческий бюллетень. 2005. №4.

60. Греков В.И. Очерки истории русских географических исследований в 1725-1765 гг. М., 1960.

61. Губернаторы Сахалина. Южно-Сахалинск, 2000.

62. Давыдов Ю.В. Головнин. М., 1968.

63. Дедахин О.Ю. Внешние связи народов Сахалина в VII-XIV вв. (обзор археологических и летописных материалов) // Ученые записки Сахалинского государственного университета. Вып.1. Южно-Сахалинск, 2000; Вып. 2. Южно-Сахалинск, 2001.

64. Демин Л.М. Сахалинские записки. М., 1983.

65. Дивин В.А. Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII веке. М., 1971.

66. Дивин В.А. Повесть о славном мореплавателе. К 200-летию со дня рождения В.М. Головнина. М., 1976.
67. Дикова Т.М. Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М., 1983.
68. Документы по истории сахалинских концессий. Публикацию подготовили Н.И. Колесников, А.И. Костанов, Г.А. Шалкус. Вводная статья и примечания Н.И. Колесникова и Г.А. Шалкус // Краеведческий бюллетень. 2000. № 1.
69. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.
70. Дорошевич В.М. Сахалин /Вступительная статья, составление, подготовка текста и комментарий С. В. Букчина.Т.1-2. Южно-Сахалинск, 2005.
71. Евтеев О.А. Первые русские геодезисты на Тихом океане. М., 1950.
72. Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971.
73. Ефремов Ю.К. Курильское ожерелье. М., 1962.
74. За рабочее дело. Южно-Сахалинск, 1987.
75. Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002.
76. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. (По материалам XIX – начала XX вв.): Народы Севера и Дальнего Востока. М.; Л., 1963.
77. Исследователи Сахалина и Курил. Южно-Сахалинск, 1961.
78. Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961.
79. История государственности и церкви на Сахалине. Южно-Сахалинск, 2001.
80. История Русской Америки (1732-1867). Т.1-3. М., 1997-1999.
81. История русско-японской войны 1904-1905 гг. М., 1977.
82. Ито Нобуо. Земляные укрепления китайского типа на Карафуто // Вестник Сахалинского музея. № 3. 1996.
83. Ищенко М.И. Историография истории заселения и хозяйственного освоения Сахалина русскими людьми. Южно-Сахалинск, 1984.
84. Ищенко М.И. Сахалинцы: к истории формирования региональной идентичности // Краеведческий бюллетень. 2000. № 4.
85. Ищенко М.И. Сравнительный опыт колонизации Сахалина и Хоккайдо: историко-этнологический аспект // Япония и Россия: диалог и взаимодействие культур. Материалы международной научно-практической конференции. Южно-Сахалинск, 2003.
86. Ищенко М.И. Русские старожилы Сахалина. Южно-Сахалинск, 2007.
87. Кабанов П.И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959.
88. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640-1917): Историко-демографический очерк. М., 1985.
89. Кимура Синроку. О часи на Карафуто // Вестник Сахалинского музея. № 4. 1997.
90. Кин Д. Японцы открывают Европу. 1720-1830. М., 1972.
91. Книга Памяти. Российская Федерация. Сахалинская область. Составитель Пашков А.М. Южно-Сахалинск, 1994.

92. Книга Памяти. Российская Федерация. Сахалинская область. Составитель Пашков А.М. Т.2. Южно-Сахалинск, 1995.
93. Книга Памяти жертв политических репрессий в Сахалинской области. Составители Пашков А.М., Подпечников В.Л. Южно-Сахалинск, 1996.
94. Козырева Р.В. Древний Сахалин. Л., 1967.
95. Колесников Н.И. Время и власть (руководители Сахалинской области советского периода. 1925-1991). Южно-Сахалинск, 2001.
96. Командор: Страницы жизни и деятельности двора его императорского величества действительного камергера, руководителя первой русской кругосветной экспедиции Н.П. Резанова. Красноярск, 1995.
97. Кораблин К.К. Становление и развитие системы пенитенциарных учреждений российского государства на территории Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX века: Историко-правовое исследование. Хабаровск, 2002.
98. Костанов А.И. Освоение Сахалина русскими людьми. Южно-Сахалинск, 1991.
99. Костанов А.И. Русская православная церковь на Сахалине и Курильских островах. Исторический очерк. Южно-Сахалинск, 1992.
100. Костанов А.И. Архивное дело и исторические исследования на Северном Сахалине в 20-30-е годы // Краеведческий бюллетень. 1993. №2.
101. Костанов А.И. Источники по истории Сахалина и Курил в фондах и коллекциях личного происхождения. Конец XVIII – начало XX вв. Южно-Сахалинск, 1994.
102. Костанов А.И. Самая восточная дорога России. Очерки истории Сахалинской железной дороги. М., 1997.
103. Костанов А.И., Кузнецов О.П. Храмы Сахалина и Курил. Южно-Сахалинск, 2000.
104. Костанов А.И., Семенчик В.В. Южно-Сахалинск: Три цвета времени. Владивосток, 2002.
105. Костанов А.И. Документальная история Сибири. XVII – середина XIX вв. Владивосток, 2007.
106. Краев А.И., Цупенкова И.А. Долгая дорога к большой сцене. Очерки истории театра на Сахалине. Южно-Сахалинск, 2004.
107. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949.
108. Крейнович Е.А. Нивхгу. Южно-Сахалинск, 2001.
109. Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». Владивосток, 1976.
110. Крюков Д.Н. Гражданское управление на Южном Сахалине и Курильских островах в 1945-1948 гг. (Воспоминания) // Краеведческий бюллетень. 1993. № 1-3.
111. Кузин А.Т. Сахалинский ревком: документально-исторический очерк. Южно-Сахалинск, 2000.
112. Кузьмина М.А. Японские военнопленные на Сахалине // Вестник Сахалинского музея. № 4. 1997.
113. Кузьмина М.А. Стройка № 15 // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1997. № 4; 1998. № 1-4.

114. Кукуниан С. Последние дни на Сахалине. Воспоминания. Подготовка текста к печати и послесловие М.С. Высокова, примечания М.С. Высокова, Е.И. Савельевой и М.В. Гридяевой // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 2005. № 4.

115. Кун К.Я. К 350-летию плавания голландской экспедиции под руководством Маартена Герритсена Фриса у берегов Сахалина и Курильских островов. Из журнала старшего штурмана Корнелиса Янсона Куна. Вступительная статья, подготовка текста перевода к печати и примечания М.С. Высокова // Краеведческий бюллетень. 1993. № 4.

116. Курилы – острова в океане проблем. М., 1998.

117. Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988.

118. Лаперуз Ж.Ф. Путешествие Лаперуза в Южном и Северном Тихом океане. Перевод с французского, вступительная статья, подготовка текста к печати и примечания М. Севелы // Краеведческий бюллетень. 1995. № 1.

119. Латышев В.М. Боевые действия на Южном Сахалине в 1905 г. // Краеведы ведут поиск. Южно-Сахалинск, 1985.

120. Латышев В.М. Муравьевский пост. 1853-1854 гг. Южно-Сахалинск, 1986.

121. Латышев В.М. Порт-Артур – Сахалин. (Крейсер «Новик» в русско-японской войне 1904-1905 гг.). Южно-Сахалинск, 1994.

122. Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия с древних времен до 1917 года. М., 1971.

123. Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958.

124. Леонтьева Г.А. Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки. М., 1997.

125. Летопись героических дней: Воспоминания участников боев за освобождение Южного Сахалина и Курильских островов от японских захватчиков (август-сентябрь 1945 г.) Южно-Сахалинск, 1969.

126. Лопачев А.М. Освобождение Северного Сахалина. Южно-Сахалинск, 1989.

127. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. В 5-ти т. М., 1982-1986.

128. Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века. М., 1968.

129. Мамия Р. Описание Северного Эдзо, сделанное Мамия Риндзо. Перевод В.В. Переславцева // Краеведческий бюллетень. 1990. № 2.

130. Марьясова Н.В. Иностраннный капитал на Дальнем Востоке России в 20-30-е годы (концессии и концессионная политика Советского государства). Владивосток, 2000.

131. Материалы исследований Б.А. Жеребцова по этнографии айнов Южного Сахалина (1946-1948 гг.) Южно-Сахалинск, 1988.

132. Медведева Л.М. Развитие транспорта на Сахалине (конец XIX – 60-е годы XX века). Исторический очерк. Южно-Сахалинск, 1994.

133. Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. М., 1996.

134. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1-3. М., 1999-2005.

135. Миллер Г.Ф. Избранные труды. М., 2006.

136. Миссонова Л.И. Уйльга Сахалина: большие проблемы малочисленного народа. М., 2006.
137. Народы и культуры Дальнего Востока: взгляд из XXI века: доклады международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Л.Я. Штернберга (г. Южно-Сахалинск, 9-11 октября 2001 г.) Южно-Сахалинск, 2003.
138. Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849-1855. Редакция, предисловие и комментарий А.И. Алексева. Хабаровск, 1969.
139. Невский Н.А. Айнский фольклор. М., 1972.
140. Нивхи Сахалина: Современное социально-экономическое развитие /В.И. Бойко, Ч. М. Таксами, В.С. Золототрубов и др. Ответственный редактор В.И. Бойко. Новосибирск, 1988.
141. Николай Японский. Дневники Святого Николая Японского. Т.I-V. СПб., 2004.
142. Островский А.Б. Мифология и верования нивхов. СПб., 1997.
143. Островский А.Б. Религиозные верования нивхов. Южно-Сахалинск, 2005.
144. Пак Хен Чжу. Репортаж с Сахалина. Историческое эссе. 2004.
145. Пасецкий В.М. Иван Федорович Крузенштерн. М., 1974.
146. Первопроходцы. М., 1983.
147. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. В 2-х тт. М., 1976.
148. Пилсудский Б.О. «Дорогой Лев Яковлевич ...». Составление, подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии В.М. Латышева. Южно-Сахалинск, 1996.
149. Пилсудский Б.О. Из поездки к орокам Сахалина в 1904 г. Южно-Сахалинск, 1989.
150. Пилсудский Б.О. Фольклор сахалинских айнов // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 5. 2001.
151. Пилсудский Б.О. Фольклор сахалинских нивхов // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 6. 2002.
152. Пилсудский Б.О. Материалы для изучения айнского языка и фольклора // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 7. 2004.
153. Пилсудский Б.О. Айны Южного Сахалина (1902-1905 гг.) Южно-Сахалинск, 2007.
154. Подпечников В.Л. Размышления о судьбах коренных народов Сахалина в двадцатом столетии // Краеведческий бюллетень. 1998. № 4.
155. Подпечников В.Л. Репатриация // Краеведческий бюллетень. 1993. № 1.
156. Позднеев Д. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материке Азии и России. Т.1. Иокогама, 1909; Т.2. Ч. 1. Токио, 1909; Т.2. Ч. 2. Иокогама, 1909; Т.2. Ч. 3. Иокогама, 1909.
157. Полевой Б.П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959.
158. Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982.

159. Полевой Б.П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 1-2. Петропавловск-Камчатский, 1997.

160. Полонский А.С. Курилы. Подготовка текста к печати В.О. Шубина и Н.Ф. Грызуновой, вступительная статья и примечания В.О. Шубина // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1994. № 3-4.

161. Потапова Н.В. Материалы к биографиям православных священнослужителей Сахалина второй половины XIX – начала XX вв. // Краеведческий бюллетень. 2002. № 4.

162. Потапова Н.В. Деятельность христианских конфессий на Сахалине после второй мировой войны (1945-1991 годы) // Краеведческий бюллетень. 2003. № 1.

163. Потапова Н.В. Религиозная жизнь населения Сахалина на современном этапе (90-е годы XX – начало XXI века) // Краеведческий бюллетень. 2003. № 2.

164. Прокофьев М.М. Японские ученые – исследователи Южного Сахалина и Курильских островов (конец XIX – первая половина XX вв.) Биобиблиографические очерки. Кн.1. Южно-Сахалинск, 2006.

165. Рафиков Г.А. Воспоминания о визите Н.С. Хрущева на Сахалин. Вступительная статья и подготовка текста к публикации Е.В. Зарембо // Краеведческий бюллетень. 1994. № 4.

166. Ремизовский В.И. Кита Карафуту Секию Кабусики Кайша: страницы истории японской нефтяной концессии на Северном Сахалине, 1925-1944 гг. Хабаровск, 2000.

167. Ремизовский В.И. Нефть Сахалина в судьбах: Сборник документальных биографических очерков. Ч. 1-2. Хабаровск, 2001-2002.

168. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004.

169. Римский-Корсаков В.А. Балтика – Амур. Повествование в письмах о плаваньях и размышлениях командира шхуны «Восток». Хабаровск, 1980.

170. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895-1907. М.; Л., 1955.

171. Роон Т.П. Уйльга Сахалина Историко-этнографическое исследование традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII – середины XX вв. Южно-Сахалинск, 1996.

172. Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера. 1799-1815: Сборник документов. М., 1994.

173. Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера. 1815-1841: Сборник документов. М., 2005.

174. Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979.

175. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: Сборник документов. М., 1984.

176. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.: Сборник документов. М., 1989.

177. Рыжков А.Н. Бои за родные острова: Дневники, воспоминания, встречи, письма, документы. Южно-Сахалинск, 1980.

178. Самарин И.А. «Путь богов» по островам: Синтоистские храмы Южного Сахалина и Курильских островов. Хабаровск, 2005.

179. Самарин И.А. Боевые действия на Северном Сахалине во время русско-японской войны 1904-1905 гг. // Краеведческий бюллетень. 1993. № 3.
180. Сахалинские корейцы: История и современность. (Документы и материалы. 1880-2005). Автор-составитель А.Т. Кузин. Южно-Сахалинск, 2006.
181. Сем Ю.А. Леопольд Иванович Шренк (1826-1894 гг.): Жизнь и деятельность исследователя Приамурья, Приморья и Сахалина. Южно-Сахалинск, 2003.
182. Сенченко И.А. Революционеры России на сахалинской каторге. Южно-Сахалинск, 1963.
183. Сенченко И.А. Сахалин и Курилы – история освоения и развития. М., 2006.
184. Сергей (Старогородский), архимандрит. По Японии (Записки миссионера). М., 1998.
185. Сергей, епископ. На Южном Сахалине (из путевых заметок) // Краеведческий бюллетень. 1991. № 1.
186. Сиратори Куракити. О Сахалине в китайскую эпоху Тан // Краеведческий бюллетень. 1997. № 2.
187. Славинский Б.Н. Советская оккупация Курильских островов (август-сентябрь 1945 года). М., 1993.
188. Славинский Б.Н. СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история, 1937-1945 гг. М., 1999.
189. Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры. Доклады и сообщения научной конференции, 7-8 октября 1993 г. Южно-Сахалинск, 1994.
190. Служебная чертежная книга. Семен Ремезов и сыновья. Комментарии Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев. Тобольск, 2006.
191. Смирнов Н.Г. На виражах времени. Южно-Сахалинск, 2005.
192. Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. (Середина XIX – начало XX в.) М., 1975.
193. Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1984.
194. Смоляк А.В. Народы Нижнего Амура и Сахалина: Фотоальбом. М., 2001.
195. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т.2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.): Сборник документов. М., 1978.
196. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т.4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4-11 февраля 1945 г.): Сборник документов. М., 1978.
197. Спеваковский А.Б. Этногенез айнов в свете этнической истории Дальнего Востока. М., 1988.
198. Спеваковский А.Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айновском обществе). М., 1988.
199. СССР и Япония. М., 1987.
200. Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930-1953. М., 2005.
201. Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1999.

202. Стефан Д. Курильские острова: русско-японский рубеж на Тихом океане. Перевод В.В. Переславцева // Краеведческий бюллетень. 1990. № 1-4.
203. Стефан Д. Сахалин: История. Перевод В.В. Переславцева // Краеведческий бюллетень. 1992. № 1-4.
204. Таксами Ч. М. Нивхи: Современное хозяйство, культура и быт. Л., 1967.
205. Таксами Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. (Середина XIX – начало XX в.) Л., 1975.
206. Таксами Ч. М., Косарев В.Д. Кто вы, айны? Очерк истории и культуры. М., 1990.
207. Теплинский М.В. А.П. Чехов на Сахалине. Южно-Сахалинск, 1990.
208. Трехсвятский А.В. Сахалин в системе русско-японских отношений в XIX столетии // Краеведческий бюллетень. 2003. № 2; 3; 4; 2004. № 2, 4.
209. Тураев В.А. И на той Улье реке... Русский землепроходец И.Ю. Москвитин: правда, заблуждения, догадки. Послесловие Г.Г. Левкина. Хабаровск, 1990.
210. Урсун-Прушински С. Н. Бои на острове Сахалине во время русско-японской войны. Перевод с немецкого Т.Г. Ладонцевой. Вступительная статья и примечания В.М.Латышева. Подготовка текста к печати О.П. Кузнецова // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1995. № 3.
211. Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697-1875 гг. М., 1960.
212. Федорчук С. П. Русские на Карафуто. Южно-Сахалинск, 1996.
213. Федорчук С. П. Римско-католическая церковь на Сахалине. Южно-Сахалинск, 1998.
214. Финнов М.П. Дальняя дорога Антона Чехова. М., 1991.
215. Хрущев Н.С. Выступление Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева перед трудящимися г. Южно-Сахалинска 23 октября 1954 г. Вступительная статья и подготовка текста к публикации М.С. Высокова // Краеведческий бюллетень. 1993. № 2.
216. Хрущев Н.С. Время, люди, власть: воспоминания. Кн.1-4. М., 1999.
217. Цилин А.П. Знамя Советов над островным краем: Очерк истории борьбы за власть Советов в Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1974.
218. Черевко К.Е. Япония на дальневосточных рубежах России и СССР (XVII-XX вв.) М., 1987.
219. Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений, XVII-XIX века. М., 1999.
220. Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. М., 2003.
221. Черевко К.Е., Кириченко А.А. Советско-японская война (9 августа – 2 сентября 1945 г.) Рассекреченные архивы (предыстория, ход, последствия). М., 2006.
222. Чехов А.П. Из Сибири. Остров Сахалин / Составление и примечания М.Л. Семановой // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. Сочинения. Т. 14-15. М., 1987.
223. Чехов А.П. Остров Сахалин: (Из путевых записок). Репринтное воспроизведение первого издания / Вступительная статья В.Б. Катаева. Южно-Сахалинск, 1995.
224. Шалкус Г.А. Промышленность Северного Сахалина в 1925-1945 годах // Краеведческий бюллетень. 1996. № 1.

225. Шалкус Г.А. Основные показатели развития промышленности Сахалинской области в 1946 – 1995 годах // Краеведческий бюллетень. 1996. № 4.
226. Шалкус Г.А. Из истории деятельности японской нефтяной концессии на Северном Сахалине // Краеведческий бюллетень. 1998. № 2.
227. Шелихов Г.И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам. Хабаровск, 1971.
228. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Т. 1-3. СПб., 1883-1903.
229. Штер А.П. Последний бой крейсера «Новик». Вступительная статья и примечания И.А. Самарина // Краеведческий бюллетень. 1994. № 3.
230. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.
231. Шубин В.О., Шубина О.А., Горбунов С. В. Неолитическая культура на Южном Сахалине. Южно-Сахалинск, 1982.
232. Шубин В.О., Шубина О.А. КурилоРоссия // Вопросы истории. 1985. № 5.
233. Шубин В.О. Малоизвестный эпизод Крымской (Восточной) войны 1853-1856 гг. Южно-Сахалинск, 1989.
234. Шубин В.О. Курильские айны под властью русских // Новое в дальневосточной археологии. Владивосток, 1989.
235. Шубин В.О. История поселений Российско-Американской компании на Курильских островах // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1992. № 3.
236. Шубин В.О. Курильские острова в период 1867–1877 гг. // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1992. № 4.
237. Шубина О.А. Типология каменного инвентаря неолитического поселения Имчин-12 на Северном Сахалине. Южно-Сахалинск, 1986.
238. Шубина О.А. Жилища поселений имчинской неолитической культуры. Южно-Сахалинск, 1987.
239. Шульгина Т.С. Русские исследователи культуры и быта малых народов Амура и Сахалина (конец XIX – начало XX в.) Владивосток, 1989.
240. Щеглов В.В. Население Сахалинской области в XX веке. Южно-Сахалинск, 2002.
241. Экономика Сахалина / Бок Зи Коу, М.С. Высоков и др. Южно-Сахалинск, 2003.
242. Ювачев (Миролюбов) И.П. Восемь лет на Сахалине. Южно-Сахалинск, 2000.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абахай 265
Абачи 246
Аболтин В.Я. 52, 81, 406
Абэ-но Хирафу 199
Аввакум архимандрит 32
Августинович Ф.М. 36, 121, 669
Авлиев Г.О. 241
Авонгун 561
Агличиев С.Р. 120, 532
Агуда 218
Адамов А.Г. 70
Ажаев В. 415
Акидзуки Т. 124, 255, 315, 550, 669
Акифьев И.Н. 37
Акрвонгун 560
Аксененко Н.Е. 539
Ақулов А.Ю. 131
Ақулов П. 83
Акшинский В.С. 85
Алаев Л.Б. 16
Алборов П.М. 540
Александр I 28, 31, 326, 329, 330, 332-334, 336
Александр II 357, 359
Александр III 46, 367
Александров В.А. 72, 632
Алексеев А.И. 34, 35, 62, 66, 68-70, 72, 111, 113, 123, 346, 669, 675
Алексеев В.Н. 119, 677
Алексеев Е.И. 362
Алексеев Ф. (Попов Ф.А., Холмогорец Ф., Колмогорцев Ф., Кочевщик Ф.) 23, 24, 30, 61, 62
ал-Идриси 260
Алимов М.В. 455
Алин Ю.Ю. 137
Алихайя 245
Аллилуев А.А. 114
Алпатов Л. (Пришвин Л.М.) 52
Альбертсен Л. 273
Алькор (Кошкин) Я.П. 55
Аmano Тэцүя 202
Анвиль Ж.Б., д' 23, 290
Андо 257-259
Андреев А.И. 3, 53, 54, 57-59, 62, 70, 669
Андреев В.А. 85, 448

Андреев Е.М. 479
Андреев И.Т. 400, 401
Андреев Т. 83
Анерт Э.Э. 38, 381
Анжелис Д., де 225, 269, 270
Аникина Г.П. 103
Анна Иоанновна 301, 309
Антипин И.М. 26, 60, 67, 307
Анучин Д.Н. 47, 611, 613
Анцифиоров Д.Я. 6, 23, 24, 293
Аояма Соноэмон 315
Апушкин В.А. 41
Аргудяева Ю.В. 2
Ардентов И.Н. 69
Арсеньев В.К. 202, 224
Артемьев А.Р. 226
Арутюнов С.А. 130, 611, 669
Арцишевский И.А. 373
Астафьев В. 112
Атласов В.В. 6, 20, 23, 24, 39, 42, 61, 62, 67, 133, 292, 293, 300, 674
Ауссем О.Х. 393
Афанасьев Ю.Н. 512
Ахиезер А.С. 16
Ахматова А.А. 116

Б

Баба Садзюро 338
Бавбек Х.Ф. 389
Багге В. 444
Багров В.Н. 85, 86, 140, 669
Базалийская О.Т. 123
Базанов А.Н. 78
Баласогло А.П. 346, 347
Балий 285
Балицкий И.И. 138
Барановская В.П. 68
Барзаковская О.В. 129
Барсуков И.П. 35
Баскин С.И. 70
Баснин В.Н. 33
Батуров И.П. 449
Батый 277
Бауман Н.Э. 489
Бахолдина В.Ю. 90, 107
Бахрушин С.В. 20, 21, 54
Бацевич Л.Ф. 381
Баяуса 606

- Бейтон А. 288
 Беленицын Н.А. 79
 Белл Д. 15, 17
 Беллин Ж.Н. 23
 Белов М.И. 60, 62, 66, 70
 Белоносов В.И. 105, 106, 120, 121, 490
 Белоусов И.Е. 95
 Белошицкий Г. 642
 Беляев В.А. 514
 Бем М.К. 306, 307
 Бениовский М.А. (Бенгоро А., фон,
 Беневский М.А., Бениевский,
 Беньевский) 7, 29, 39, 42, 48, 133, 308-312
 Берг Л.С. 3, 55, 57, 58, 62, 292, 459, 613
 Березкин С. 353
 Березницкий С.В. 128
 Беринг В.Й. 6, 21, 24, 54, 55, 58, 59, 63,
 292, 300, 301
 Берия Л.П. 465-467, 478, 479
 Берсенев В.П. 535
 Берх В.Н. 29, 30
 Беспрозванных Е.Л. 68
 Бирич Х. 654
 Бичурин Н.Я. (Иакинф) 90, 188
 Блок М. 16
 Блювштейн С. 365
 Богданчиков С. 541
 Боголюбов Н.П. 42
 Богораз В.Г. 51
 Бойко В.И. 108, 675
 Бок Зи Коу 111, 113, 132, 135, 136, 669, 679
 Болгурцев Б.Н. 111
 Болен Ч. 445
 Болотников А.Ф. 120
 Болховитинов Н.Н. 141, 342
 Бондарев Г.А. 409
 Бондаренко О.Я. 141
 Бондарчук В.С. 105, 509
 Бородин А.Н. 515
 Бородина К. 414
 Бочков В.Н. 67
 Бошняк Н.К. 7, 34, 35, 68, 69, 350, 351
 Боярус 605
 Браславец К.М. 76, 352, 669
 Брежнев Л.И. 490, 500, 501, 506, 507
 Бриль А.И. 306
 Броутон У.Р. 7, 67, 102, 119, 321, 322, 347,
 351, 352, 669
 Брылкин А.Д. 36
 Брынцалов В.А. 533
 Бубнов П.Г. 136
 Будаков Н.М. 383
 Будрин Д.С. 393
 Будрин И.А. 393
 Букчин С.В. 76, 77, 122, 669, 672
 Булганин Н.А. 465, 480, 495
 Булдаков М.М. 341
 Бунге Ф.Ф. 383, 387, 391
 Буоров А.С. 363
 Бурбулис Г.Э. 526
 Бурилов И.С. 409
 Бурцев В.Л. 37
 Бурятов Б.Н. 77, 95
 Буссе Н.В. 34, 35, 69, 352
 Буташевич-Петрашевский М.В. 347
 Бутковский Я.Н. 42
 Бутов В.П. 515
 Бухарин И.Н. 333
 Бухусы 247, 248
 Бушье В. 260
 Буюклы А.Е. 449, 450
 Быков В.П. 374
 Бэр К.М. 298
 Бянкин В.П. 76, 669
- В**
- Вавилов С.И. 57
 Вада Хэйдаю 316
 В-айну 247, 248
 Вакуленко Ю.А. 146
 Валуев А.М. 377, 378
 Вальгон В. 301, 302
 Вальчук Г.А. 409
 Ван Димен А. 272, 273, 276
 Ванкувер Д. 321
 Варшавский А.С. 72
 Василевич Г.М. 590
 Василевский А.А. 2, 4-6, 13, 106, 109,
 125-127, 456, 670
 Василевский А.М. 84
 Васильев Б.А. 56, 605
 Васильев В.Н. 47
 Васильев В.П. 32
 Васильевский Р.С. 89, 99, 204, 670
 Вебер М. 15
 Векслер В.М. 92
 Венюков М.И. 41
 Вербицкий С.И. 97
 Вертлюгов Ф. 60

- Веселаго Ф.Ф. 39
 Вивьен де Сен-Мартен Л. 188, 611
 Вилков Н. 83, 452, 453
 Винокуров И.Г. 67
 Вирт А. 263
 Витгефт В.К. 371
 Витсен Н.К. 119, 299, 671
 Витте С.Ю. 53, 74, 123, 357, 374, 375, 670
 Вишневский В.М. 81
 Вишневский Н.В. 142, 143, 670
 Власов Ю.П. 533
 Внотченко Л.Н. 86
 Водопьянов М.В. 415
 Водянов И. 400
 Военский К.А. 41
 Войнилович В.А. 79
 Войнилович М. 104, 670
 Войтинский Г.Н. 389
 Волкенштейн А.А. 112, 134
 Волкенштейн Л.А. 50, 51, 76,
 Воловик Я.А. 103
 Вондел Й., ван ден 271
 Воробьев М.В. 88, 217
 Воронин А.И. 351
 Воскресенский А. 44
 Врангель П.Н. 393
 Врангель Ф.П. 344, 346, 393
 Высоков М.С. 2, 3, 5-7, 9-14, 66, 76, 81,
 100, 104, 105, 108, 111, 113, 118-121, 123,
 126-128, 132, 133, 135-137, 139, 142, 145,
 670, 674, 678, 679
 Высоцкий Е.В. 514
 Вышеславцев А.В. 36
 Вязовская В.В. 89, 93
- Г**
- Гаврилов А.М. 7, 40, 344-347
 Гаврин А. 541
 Гаген-Торн Н.И. 77, 671
 Гайдар Е.Т. 516, 518, 519, 523
 Гайдук В.К. 104, 122
 Гайфэнь 247
 Галкин-Враской М.Н. 37, 362
 Галлямова Л.И. 123
 Гальцев-Безюк С.Д. 76, 671
 Гама В., да 263
 Гапоненко К.Е. 143
 Гарнак А.Л. 37
 Гарриман У. 445
 Гвоздев М.С. 303
- Гегель Г.В.Ф. 14
 Гедройц Н.А. 53
 Гекатей из Милета 259
 Гельфонд Г.М. 85
 Георги И.Г. 25, 121
 Георгиев Ю.В. 142
 Геродот 259
 Герцен А.И. 66, 91, 92
 Гетта 605, 606
 Гинце А.И. 361
 Гитлер А. 441, 442
 Глуздовский В.Е. 52
 Глушков В.В. 122
 Гнечко А.Р. 85, 451-453
 Говорухин С. 541
 Гоголь Н.В. 365
 Годунов П.И. 60
 Голиков 30
 Головин П.П. 280, 284
 Головнин В.М. 29, 35, 42, 70, 71, 334-336,
 671, 672
 Голубев В.А. 89, 99, 106, 120, 126, 127, 204,
 670, 671
 Голубев Е.Г. 144
 Гольденберг Л.А. 69, 671
 Гомилевский В.Е. 537
 Гондатти Н.Л. 380, 382
 Гонтмахер П.Я. 93, 108, 129, 671
 Гончаров И.А. 35, 354
 Гор Г.С. 94
 Горбачев М.С. 96, 508, 511, 513-515, 533
 Горбунов С.В. 89, 93, 99, 106, 114, 236,
 671, 679
 Горобец В.Я. 106, 114, 671
 Городнов А. 38
 Горчаков А.М. 356-358
 Горшков П.Т. 389
 Госткевич Г.В. 51
 Гото Симпей 117
 Гошкевич И.А. 356, 357
 Граф Т. де 119, 671
 Грачев 306
 Греков В.И. 20, 62, 63, 298, 299, 301,
 303, 671
 Греф Г. 541
 Греч Н.И. 29, 42
 Грибанова Л.С. 120
 Григоров А.А. 69
 Григорцевич С.С. 76, 80

Григорьев Д.Д. 33, 378, 397, 398
 Гридяева М.В. 122, 132, 142, 674
 Гримм Э.Д. 53
 Гринев А.В. 2, 133
 Грищенко Н.Д. 419
 Гродеков Н.И. 134
 Громыко А.А. 475, 476, 495-499, 505, 506
 Гротто-Слепиковский Б.В. 114, 374, 671
 Грызунова Н.Ф. 121, 676
 Губельман М. 385
 Гулий В.В. 509
 Гульгаева Н. 540
 Гумилев Л.Н. 116, 117, 192, 240, 279
 Гумилев Н.С. 116
 Гундзи Сигэтада 371
 Гуревич А.Я. 14, 16

Д

Да 197
 Давыдов Г.И. 7, 29, 39, 70, 119, 141, 329, 330, 332-334
 Давыдов Ю.В. 70, 671
 Дай Цин (Великая Чистая) 266
 Даллес Д.Ф. 474, 494
 Даттан А.В. 136, 380
 Дахэша 248
 Дебец Г.Ф. 90
 Девиэт Д. 439
 Де-Витте В.П. 357
 Дедахин О.Ю. 128, 248, 67
 Дежнев С. 23, 61, 62
 Дежурнюк И.С. 389, 395
 Делиль Ж.Н. 23
 Демидова Е.Г. 93, 110
 Демин Л.М. 62, 68, 84, 671
 Денисенко В. 51
 Денисов В.В. 97
 Депрерадович Ф.М. 36, 357
 Дергачева-Скоп Е.И. 119, 677
 Дерябин П.М. 472
 Джабраилов У. 541
 Дивин В.А. 62, 69-72, 671, 672
 Дикова Т.М. 109, 672
 Дикс М. 38
 Добровольский А.Д. 70
 Добротворский М.М. 36, 45, 103, 111, 367, 627
 Добрынин А.Ф. (Добров А.) 74
 Додонов М.Г. 120
 Доладай 245

Долгих Б.О. 63, 64, 286, 575, 672
 Долгих В. 540
 Долгих Н.П. 535
 Долуда А.Я. 120
 Домбровский П.К. 51, 76
 Дорошевич В.М. 37, 42, 52, 77, 104, 122, 369, 640, 669, 672
 Достоевский Ф.М. 135
 Дошэньну 248
 Драгунова Л.В. 123
 Дракунов В.М. 103
 Дреков В.М. 104, 417, 670
 Дриль Д.А. 37
 Дроздов Н.И. 2
 Дубинина Н.И. 134
 Дубинский А.М. 87
 Дубовик В.Е. 392
 Дударец Г.И. 104, 113, 118, 123
 Дук 473
 Думитрашко Н.В. 72
 Дунаева Е.Н. 77
 Дуничев В.М. 117
 Дьяков П.И. 85, 451
 Дьяконов А.А. 82, 84
 Дэнбей 293
 Дюгальд Ж.Б. 23
 Дюфук Б. 510

Е

Евреинов И.Б. (Родилгус И.) 23, 30, 48, 59-61, 63, 67, 70, 71, 297-300
 Евтеев О.А. 61, 672
 Екатерина II 30, 308-310
 Елизавета Алексеевна 329
 Елизавета Петровна 309
 Елизарьев В.Н. 141, 142
 Еллинский Б.И. 51, 367
 Ельцин Б.Н. 512, 514-516, 519, 523, 524, 526, 527, 531, 533, 536-539, 543
 Ельчин Я.А. 60, 299
 Ельяшевич А.П. 386
 Елюй Абаоцзи 197
 Емельянов А.О. 457, 463, 464
 Енисейский И. 299
 Ераксин Ю. 534, 535
 Ермаков А.И. 51
 Ермолова Н.В. 93
 Есаков В.А. 62, 66, 69, 674
 Есидзава К. 405
 Ефимов А.В. 3, 57, 59-62, 70-72, 87, 262, 672

Ефимов Г.В. 87

Ефремов Ю.К. 94, 672

Ё

Ёнаи Мицумаса 418

Ёсано Акико 374

Ёсихито 425, 426

Ж

Жарту 289

Ждакаев И.А. 533, 539, 540, 544

Жданов А.А. 61

Железин Ф.В. 393, 400

Жеребцов Б.А. 103, 613, 674

Жигайло В.Н. 509, 510, 515

Жириновский В.В. 533, 540, 541

Жуков А.Е. 97

Жуков Г.К. 418

Жуков Ю.А. 73

Жуков Ю.Н. 137

Жукова З.И. 117

Жущиховская И.С. 99, 106, 671

З

Загоруйко К.Е. 409

Зайкин П.Д. 70

Зарембо Е.В. 121, 676

Захаркин А.Ф. 77

Зацепин 653

Звездочетов 341

Зеланд Н.Л. 45

Зибольд Ф.Ф. 346

Зиланов В.К. 142

Златогорская Е.С. 124

Знаменский С.С. 55

Золотарев А.М. 56, 94, 563

Золототрубов В.С. 108, 675

Золотухин И.Л. 138

Зотов Г.И. 381

Зубов Н.Н. 69

Зуев А.С. 101, 672

Зюганов Г.А. 533, 540

И

Иакинф (Бичурин Н.Я.) 188

Иван VI 309

Иван Грозный 277

Иваненко А.К. 393, 541

Иваненко С. 541

Иванов 316

Иванов А.И. 415

Иванов А.Я. 415

Иванов Г.Г. 97

Иванов С.В. 90, 91, 672

Иванова С.В. 544

Иванова Т.В. 135

Иваньков П.А. 66

Ивашинцов Н.А. 39

Ивашкевич Б.А. 410

Иващенко М.М. 70

Ивлиев А.Л. 196, 228

Игнатов Н.Г. 501

Игнатъев Н.П. 357

Иголкин А.А. 137

Иден А. 441, 442

Иконникова Е.А. 135, 136

Икэгами Дзиро 589

Ильичев П.И. 453

Ино Тадатака 337

Иоанн царь-священник (поп Иван) 260

Иосида Сигеру 475

Иоффе А.А. 405

Иохельсон В.И. 183, 185

Ипатьева А.А. 139

Исаенко Г.Н. 71

Исаков Н.В. 92

Исида Хаджиме 182

Исии К. 256

Искендеров А.А. 258

Ито Нобуо 127, 201, 203, 231, 672

Ихара Яроку 312

Ицзину 248

Ишиха 254, 255

Ищенко М.И. 2, 12, 13, 76, 110, 111, 113,

126, 127, 131-133, 138, 672

К

Кабанов П.И. 67, 68, 672

Кабо В.Р. 93

Кабузан В.М. 76, 111, 672

Кавадзири Харуюки 338

Каваками 405

Каганович Л.М. 465-467

Кадоваки 498, 499

Казакевич П.В. 357

Казанцев В.И. 60

Кайфу Тосики 513

Какидзаки 258, 259

Какидзаки Курандо 267

Какидзаки Мицухиро 258

Какидзаки-Такэда Нобухиро 258, 259

- Калилин В.З. 79
Калиненков 473
Каманин Л.Г. 69, 72
Каменский А.Б. 21, 22
Камуй 297
Кандиусова З.Р. 137
Канкрин Е.Ф. 341
Канси 6, 101, 289, 290, 337
Кантор Р.М. 51
Канторович В.Я. 52
Каппель 395
Карахан Л.М. 117, 118, 405
Карелин А.П. 104
Карепин 373
Карлин К.Г. 136
Карпенко З. 52
Карпинский 331
Карпович И.А. 397
Картавцева Т.И. 79, 87, 95
Катаев В.Б. 77, 122, 678
Катаока 372
Като Кахэй 311
Кацура Таро 117
Кваст М. 273
Кевонгун 561
Кейзерлинг А. 120
Кекрвонгун 561
Керенский А.Ф. 385
Керов В.Л. 133
Кетвонгун 561
Кикучи И. 240
Кимура Синроку 113, 127, 128, 181, 672
Кимура Х. 113
Кин Д. 72, 310, 672
Кинг Э.Д. 439
Кирилов И. 60
Кириченко А.А. 140, 678
Кириченко А.И. 482, 483
Кисть 297
Клапрот Г. 188
Клейе Ф.Ф. 381
Клеопов И.Л. 76
Клушин В. 534, 535
Ключевский В.О. 309, 632
Кнорозов Ю.В. 92, 109, 131, 171
Князева К.М. 81
Кобаяси Гиичиро 388
Кобаяси Гэнносукэ 316, 388
Коваленко В.Ю. 90
Ковальченко И.Д. 16
Ковыря 281
Коганэи Ёсикиё 185
Кожевников В.В. 113, 141
Козинцев А.Г. 90, 107
Козлов Н.А. 454, 468
Козырева Р.В. 88, 89, 99, 106, 673
Козыревский И.П. 6, 23, 24, 30, 61, 63, 67, 71, 293, 294, 297, 300
Кокрпингун 561
Колби Б. 403
Колеганова В.В. 138
Колесников Н.И. 79, 118, 127, 144, 490, 672, 673
Колесов В. 293, 294
Колобов Н.И. 65, 66, 281, 282
Колосовский А.С. 108, 120, 129, 130
Колумб Х. 261, 263
Колчак А.В. 8, 386-391
Комиссаров Б.Н. 103
Комура М. 530
Кондо Дзюдзо 113
Кондо Седзаэмон 267
Кондо Сигэтоси 316
Кондратенко А.П. 110
Кондрашкин К.И. 399
Коно И. 495
Коно Хиромити 203
Коно Цунэкичи 172
Кононенко Н.А. 106
Кононович В.О. 361
Коноэ 436
Конрад Н.И. 311
Константин Николаевич, великий князь 356
Конфуций (Кунцзы) 187, 193, 201
Коншина Е.Н. 77
Копылов Д.Е. 66, 280, 284
Кораблин К.К. 134, 673
Корекин 331
Коренев Г.Н. 393
Корн М. 52
Короленко В.Г. 368
Коростовец И.Я. 53
Корсаков М.С. 357
Корсунская Н.Д. 123
Косарев В.Д. 108, 109, 128, 678

- Костанов А.И. 2, 7-11, 76, 103, 105, 111, 114, 118, 122, 123, 132, 137-139, 144, 146, 537, 672, 673
 Косторниченко В.Н. 137
 Косухина Г.И. 93
 Косыгин А.И. 500, 505, 506
 Косям-айну 257
 Кот В.А. 453
 Кочешков Н.В. 128, 602
 Кошкин А.А. 142,
 Кравцов В.С. 79, 87
 Крадин Н.Н. 195
 Краев А.И. 70, 138, 673
 Крамова В.М. 112
 Краснов А.И. 37
 Краснощеков А.М. 385, 386, 393, 395
 Краснояров Е.А. 11, 523-525, 531
 Красюк А.А. 410
 Крашенинников С.П. 23, 24, 54, 55, 59, 60, 67, 71, 72, 121, 613, 673
 Крейнович Е.А. 55, 56, 92, 103, 121, 124, 558, 567, 570, 573, 577-580, 583, 604, 673
 Криворучко А.М. 384
 Кривулин А. 392, 395, 396
 Кроль М.А. 51
 Крузенштерн И.Ф. 28, 39, 41, 55, 70, 71, 324-329, 347, 673, 675
 Крушанов А.И. 77, 81, 97, 104
 Крылов А.Н. 68
 Крюков Д.Н. 121, 455-460, 463, 673
 Кудо Хэйсукэ 312
 Кузик Л.Н. 464
 Кузин А.Т. 118, 132, 144, 146, 673, 677
 Кузнецов А.И. 110, 130, 590, 591, 605
 Кузнецов В.А. 380
 Кузнецов Н.Г. 84, 481
 Кузнецов О.П. 139, 142, 673, 678
 Кузьмина М.А. 144, 145, 673
 Кук Д. 28, 67, 72, 317
 Кукольщиков А. 38
 Кукуниан С.М. 38, 142, 674
 Кукушкин В. 540
 Кульбаков В. 540
 Кумагай 421
 Кун К.Я. 119, 273, 276, 674
 Кун Я.П. 272
 Купчинский Ф.П. 41
 Куракити Сиратори 127, 186
 Курикова А.С. 640
 Курманов Н.Д. 84
 Куропаткин А.Н. 371
 Кусоносе 421
 Кусоносе Юкихико 422
 Кутаков Л.Н. 74, 87, 88, 97, 674
 Кучум 278
 Кушваха Хуршуд Неждат кызы 135
 Кушелев Г.Г. 325
 Кэейю 199
 Кюннер Н.В. 90, 185
- Л**
- Лавров 369
 Лавров Е.Л. 89, 106, 670, 671
 Ладонцева Т.Г. 142, 678
 Лазо С.Г. 395
 Лаксман А.К. 30, 67, 73, 326
 Лангль П.А., де 318, 319
 Лаперуз Ж.Ф. 7, 28, 67, 72, 102, 119, 317-321, 329, 347, 351, 352, 467, 616, 617, 674
 Лаппо-Данилевский А.С. 53, 54
 Лапшин И. 359
 Ларвонгун 561
 Ларин В.Л. 98
 Ларичев В.Е. 90, 100, 187, 192, 193
 Латышев В.М. 74, 79, 103, 105, 110, 112-114, 120-122, 124, 134, 142, 143, 674, 675, 678
 Латышев И.А. 97, 134, 141, 142
 Лауфер Б. 93
 Лебедев А.Г. 130
 Лебедев Д.М. 66, 69, 674
 Лебедев Е.В. 52
 Лебедев П.А. 95
 Лебедева Н.М. 394, 400
 Лебедев-Ласточкин П.С. 306, 307
 Лебедь А.И. 533
 Левенштейн Е.Е. 103
 Левин М.Г. 90, 563, 674
 Левицкий Н.А. 53
 Левкин Г.Г. 102, 282, 678
 Ленин В.И. (Ульянов) 49, 71, 80, 384, 389, 391, 393, 394, 477, 478
 Леонов П.А. 11, 79, 95, 122, 489-491, 500
 Леонтьева Г.А. 133, 674
 Лешкевич В.В. 94
 Ли Бен Дю 78, 79
 Ливин Ф. 37
 Лилеев П.Г. 38
 Лим С.Ч. 138

Липинская В.А. 133
 Лисенко А. 83
 Лисянский Ю.Ф. 70
 Литвин Н.В. 535
 Литвиненко Н. 52
 Литвицкий 83
 Литке Ф.П. 346, 347
 Лифенцев И.В. 113
 Лищинский Б.Д. 112
 Лобас Н.С. 37, 367
 Логинов О. 285
 Лозовский С.А. 118, 442
 Лок Г.Д. 121, 129
 Ломоносов М.В. 21, 22, 67
 Лопатин И.А. 76, 366
 Лопачев А.М. 79, 81, 95, 97, 113, 126, 135, 146, 674
 Лосевы 473
 Лубогун 561
 Лужин Ф.Ф. 23, 30, 48, 59, 61, 63, 67, 70, 71, 297-300
 Лунцзи 228
 Лупач В.С. 70
 Луцкий А.Н. 395
 Львов Л. 51
 Людовик IX 260
 Людовик XVI 317
 Лян 188
 Ляпунов М.Н. 361, 363, 371, 373, 374

М

Магеллан Ф. 263
 Магидович В.И. 62, 66, 69, 674
 Магидович И.П. 62, 66, 69, 674
 Мазурук И.П. 415
 Майский И.М. 118
 Макаров А.Ф. 389
 Макаров С.О. 70, 71, 366
 Макарова Р.В. 69, 73, 674
 Макартур Д. 459, 460
 Маковский И.О. 379, 380
 Максименко О.Н. 118
 Максимов А.П. 372
 Максимович Л.М. 26, 27
 Максutow В.С. 526, 533-535
 Малахов И.П. 545, 546
 Маленков В.В. 139
 Маленков Г.М. 463, 465, 478, 491
 Малик Я.А. 444, 445, 492, 493
 Малыгин В.М. 78

Мальшев А.И. 382
 Мамия Риндзо 7, 72, 101, 103, 113, 251, 291, 292, 337-339, 346, 615, 674
 Мамчева Н.А. 129
 Манаев И.М. 383
 Мандрик А.Т. 2, 136
 Манучаров И.Л. 37, 103
 Маргаритов В.П. 381
 Мария Федоровна 329
 Марков С.Н. 94
 Маркс К. 14, 15, 116, 270, 271
 Марьясова Н.В. 137, 674
 Масуда Рюичи 230
 Матвеев З.Н. 52,
 Матвеев-Бодрый Н.Н. 70,
 Матвеевко 473
 Матома Уйтон 297
 Матросов А. 450
 Махов В. 35
 Мацуда Дензюро 7, 337, 338
 Мацудайра Саданобу 313, 333
 Мацуи Н. 2
 Мацумаэ 238, 259, 267, 268, 311, 312, 314, 316, 334, 340, 550
 Мацумаэ Ёсихиро 550
 Мацумаэ Кимихиро 267
 Мацумаэ Хиронага 550
 Мацумаэ Хэйкаку 315
 Мацумото Сунъити 492, 493, 495
 Мацуока Йосукэ 439-441
 Мацуура Такэсиро 340
 Медведев А.С. 389
 Медведев В.Е. 183, 219
 Медведева Л.М. 137, 145, 674
 Медичи Мария 271
 Медушевская О.М. 60
 Мейдзи 44
 Мельник Д.Н. 458, 464-467
 Мельников В. 38
 Мельницкий В.П. 42
 Мельчин А.И. 72
 Меньшиков А.С. 347, 349
 Меньшев А.Е. 129
 Мерказин В.Д. 361
 Миклухо-Маклай Н.Н. 91
 Микоян А.И. 456, 465, 480, 482, 491, 495
 Микрюков М.Н. 81
 Милеску (Спафарий Н.Г.) 32, 33, 59

- Миллер Г.Ф. 3, 20-25, 31, 54, 55, 67, 121, 298, 302, 674
 Милн Д. 184
 Мин 6, 226, 228, 244, 254, 255, 266
 Минамото 223
 Минамото Ёритомо 200, 223, 257
 Минамото Ёсицунэ 257
 Минервин И.Г. 137
 Миницкий М.И. 336
 Миньгун 187
 Мирович В.Я. 309
 Миролубов И.П., см. Ювачев И.П.
 Миссонова Л.И. 2, 110, 130, 587-591, 593, 597, 598, 606, 609, 675
 Михайловская И.И. 94
 Мицунэ М.С. 36, 360, 366
 Мищенко В.М. 92
 Миядзава К. 506, 527
 Мияке Казуо 397
 Могами Токунай 67, 72, 101, 113, 313, 316
 Молотов В.М. 118, 440-442, 446, 447, 465, 478, 491, 492
 Монастырский В. 83
 Мордвинов Н.С. 325
 Морзе Э. 183
 Мори И. 542
 Морозов Б.Н. 76, 111, 669
 Москвина Н. 540
 Москвина-Евграшина Л. 540
 Москвитин И.Ю. 22, 30, 64-66, 100-102, 279-283, 678
 Мочалов 660
 Мошенский А.А. 138
 Мошков К. 299
 Муйотга 605, 606
 Мункэ 260
 Мур 29
 Муравьев М.И. 342
 Муравьев-Амурский Н.Н. 35, 40, 69, 347, 349, 350, 352, 355-357
 Мураками Камондзаэмон 267
 Мураками Симанодзэ 337
 Мураяма Дэмбэй 311, 314, 315
 Мухачев Б.И. 80
 Муцухито 440
 Мушкарева Е.В. 95
 Мущенко Т.А. 122
 Мэдисон У. 541
 Мэйдзи 136
- Мэнбан 199
 Мякотин А.А. 139
- ## Н
- Наарден Б. 119, 671
 Набережная С. 473
 Набигун 561
 Нагиба И.А. 285
 Назарова Е.Ф. 118, 123, 139
 Накамура Казуюки 228
 Накамура Синтаро 311
 Намисса 605, 606
 Нарочницкий А.Л. 71, 73
 Наседкин М. 293
 Начеткина А.Я. 560, 561
 Невельская Е.И. 34
 Невельской Г.И. 7, 33-35, 39, 40, 64, 67-69, 71, 72, 111, 346-352, 363, 569, 570, 613, 669, 675
 Невский В.В. 70
 Невский Н.А. 93, 94, 131, 629, 675
 Негудай 245, 246
 Нельсон Г. 335
 Немцев С.А. 490
 Несельроде К.В. 346
 Нестеров С.П. 198, 219
 Нечкина М.В. 56
 Никитин Д.В. 120
 Никитина Е. 51
 Никифоров А.А. 114
 Никифоров П.М. 393
 Николай I 30, 346, 349
 Николай II 377, 382
 Николай Японский 120, 675
 Никольский А.М. 42, 70
 Нимиц Ч.У. 439
 Нисендус 623
 Нитта Рюсукэ 312
 Нищенков А.Н. 382
 Новаковский С.И. 41
 Новомбергский Н.Я. 43
 Нозиков Н.Н. 55
 Нумаши-цзи 247
 Нурхацци 265, 266
- ## О
- Обути Кэйдзо 538
 Оглоблин Н.Н. 39
 Огрызко И.И. 61, 62
 Одзима К. 120

- Окладников А.П. 182, 563
 Окопишников 305
 Ольшевский И.К. 388
 Оненко С.Н. 111
 Оно-но Усикаи 200
 Онуки-Тирни Э. 613-615, 617, 621
 Ооиси Иппэй 312, 313
 Орлов Д.И. 68
 Орлова Н.С. 70
 Осипов И.З. 83, 84
 Осипова М.В. 130
 Осташевский В.И. 385
 Осташевский Н.М. 380
 Островский А.Б. 103, 108, 129, 578, 579, 583, 675
 Островский Б.Г. 70
 Отаина Г.А. 93, 108, 129, 580, 583
 Отлас В.Т. 292
 Отомо-но Суругамаро 200
 Оцу Тосио 422, 456
 Охира Масаси 506
 Очередин И. 26, 60
- П**
- Павел I 31, 309, 310, 324
 Павлов В.С. 514
 Павлова Г.Н. 541
 Павлюченко Ю.Н. 129
 Пак Хен Чжу 120, 132, 675
 Панов А.А. 43, 640, 641
 Панов А.Н. 97
 Панфилов И.Ф. 78, 79, 112, 113
 Панфилова Э. 541
 Панькин И.В. 95
 Парфенов И. 642
 Пасецкий В.М. 70, 675
 Пастернак Б.Л. 508
 Патканов С.К. 34
 Пашков А.М. 79, 87, 104, 114, 120, 143, 145, 672, 673
 Пенская Т.В. 93, 103
 Переславцев В.В. 103, 124, 674, 678
 Пермикин Г.М. 32
 Перовский Л.А. 349
 Перцева К.Т. 78
 Петр I (Петр Великий) 30, 271, 289, 293, 297-300
 Петров Д.В. 88
 Петрова Т.И. 588
 Петровский 397
- Пикуль В.С. 142
 Пилатов П.Н. 70
 Пилсудский Б.О. 45-47, 77, 103, 107-110, 121-125, 128, 129, 184, 367, 552, 553, 583, 592, 593, 594, 597, 599, 606-608, 610, 626, 627, 629, 669, 670, 675
 Пинту Ф.М. 263
 Писяньцзи 248
 Плеханов Г.В. 510, 522
 Плотников А.А. 112, 134
 Плотников А.Ю. 140, 142
 Плотников Н.В. 109, 670
 Погаевский Р.А. 367
 Подберезкин А. 541
 Подгорный Н.В. 501
 Поддубский Л.В. 120
 Подлубная И.Ф. 132, 138
 Подмаскин В.В. 128
 Подпечников В.Л. 123, 129, 144-146, 673, 675
 Подушкин 33
 Позвейн 350
 Позднеев А.М. 32
 Позднеев Д.М. 43, 44, 333, 675
 Покровский А.М. 54
 Покровский М.Н. 49, 50
 Полевой Б.П. 21, 62, 64-67, 70, 72, 92, 100-102, 133, 141, 280, 282, 283, 292, 298, 299, 613, 675, 676
 Полевой П.И. 38, 42, 64, 70, 137, 381, 397, 398
 Поло М. 61, 261, 262, 264
 Полонский А.С. 41, 42, 55, 121, 302, 676
 Полторанин М.Н. 526
 Поляков И.С. 36, 70, 596, 656
 Поляков С.В. 285
 Поляновский М.Л. 52
 Пономарев Д.Г. 451, 453
 Пономарев С.А. 515, 540
 Попов А.Н. 182
 Попов К.М. 72, 78
 Попов Н.П. 597
 Попов П.С. 32
 Порватов В.М. 384, 385
 Потапов Л.П. 90, 91
 Потапов Ю.П. 70
 Потапова Н.В. 139, 676
 Потемкин Н. 468
 Почтарев Т.А. 453

- Поярков В.Д. 6, 23, 25, 30, 31, 48, 55, 63, 101, 284, 285
 Преображенский Н.А. 37
 Пришвин Л.М. (Алпатов Л.) 52
 Прокопенко В.И. 129
 Прокофьев М.М. 89, 93, 99, 106, 109, 110, 128, 129, 131, 135, 136, 171, 671, 676
 Пропп В.Я. 93
 Протасова Л.П. 138
 Протодяконов 305
 Птолемей Клавдий 259
 Пуркаев М.А. 457
 Путин В.В. 141, 540-543, 545-547
 Пугатин Е.В. 35, 351, 354-356

Р

- Разгон И.М. 80
 Райт Д. 260
 Ратнер-Штернберг С.А. 51
 Рафиков Г.А. 121, 676
 Рашид-ад-дин 241, 242
 Ревнивых Г.А. 121
 Регис 289
 Резанов Н.П. 7, 28, 41, 119, 141, 324-326, 328-330, 333, 336, 673
 Рейсбрук В. (Рубрук Г., Рубруквис) 260, 261
 Ремезов С.У. 32, 59, 60, 69, 119, 287, 295, 671, 677
 Ремизовский В.И. 137, 145, 676
 Ремнев А.В. 2, 145, 676
 Реут Г.В. 387, 389
 Риббентроп И. 441
 Рикорд Л.И. 42
 Рикорд П.И. 29, 42, 335, 336
 Римский-Корсаков В.А. 35, 68, 69, 71, 72, 351, 352, 676
 Родилгус И., см. Евреинов И.Б.
 Родин И.Ф. 464
 Рожер II 260
 Розанов С.Н. 389
 Романов Б.А. 74, 676
 Романов Д.И. 40
 Романовский М.А. 525
 Роон Т.П. 109, 124, 128-130, 588, 590, 595-597, 601, 676
 Россет С.С. 36
 Росси М.Ф. 262
 Ртищев В.А. 303
 Рудаков Н.Г. 407

- Рудановский Н.В. 7, 35, 68, 69, 110, 120, 352, 353, 613
 Рузвельт Т. 443-446, 474, 476
 Рузвельт Ф.Д. 474
 Рукавец В.В. 540, 541
 Румянцев Н.П. 325, 330
 Румянцев О.Г. 526
 Русанов А.Н. 384, 385
 Русланов И.К. 384-386, 397
 Рыжков А.Н. 77, 83-87, 94, 95, 120, 352, 541, 676
 Рыхляков В.Н. 111
 Рюмин 29
 Рябов Н.И. 67
 Рязанов Н.П. 140

С

- Савельева Е.И. 122, 123, 139, 142, 674
 Савушкин С.А. 453
 Саканоэ Тамурамаро 201
 Саквонгун 561
 Салимова Г.Д. 110
 Салова О.А., см. Шубина О.А.
 Саломон А.П. 37
 Салтыков-Щедрин М.Е. 71
 Самарин И.А. 119, 120, 128, 135, 138, 139, 141, 143, 145, 146, 251, 669, 676, 677, 679
 Самарина А.И. 643, 663
 Сан 297
 Саначев И.Д. 101
 Санги В.М. 561, 562, 583, 584
 Сансеверино Р. 262
 Сапожников А. 305, 306, 308
 Саркисов К.О. 113
 Сасаки С. 240
 Сато 446
 Сато Камозмон 267
 Сато Эйсаку 505
 Сафронов Ф.Г. 101
 Сахаров А.Д. 512
 Свердлов Я.М. 383
 Свет Я.М. 72
 Светецкий Г.Г. 84, 143, 449, 450
 Светкин Н.П. 534
 Сгибнев А.С. 39, 55, 121
 Сёва 136
 Севела М. 119, 674
 Северская-Сигулина А.М. 370
 Седов Г.Я. 381
 Седов С. 540

- Сеич А., см. Панов А.А.
Сем Л.И. 588
Сем Т.Ю. 110
Сем Ю.А. 93, 128, 588, 608, 677
Семанов С.Н. 70
Семанова М.Л. 77, 104, 122, 678
Семенов 395
Семенов В.И. 114
Семенов Я.Л. 363, 364, 649
Семенчик В.В. 146, 673
Сенченко И.А. 63, 70, 75, 76, 81, 95, 134, 135, 142, 677
Сербина К.Н. 58
Сергеев М.А. 74, 78, 92
Сергеев О.И. 101
Сергеев С. 83
Сергий (Старогородский) архимандрит 35, 36, 38, 120, 677
Сергий (Тихомиров) епископ 103, 677
Серипонку 353
Серов В.М. 514
Сетакуреро 292
Сибирцев В.М. 395
Сигов В.И. 453
Сигэмицу Мамору 444, 494
Сиддл Р. 240
Сиденснер А.К. 40
Сидоренко Ф.И. 526, 541
Сидоров П.Н. 450
Сильницкий А.П. 38, 371
Симада Гентаро 397
Симеон Казанский 365
Синаходо 605, 606
Синклер 81, 118
Сиратори Куракити 677
Скальковский К.А. 41
Скоков Ю. 527
Скоринов С.Н. 129
Скоробач И.Р. 138
Скуратов Ю. 541
Славинский Б.Н. 113, 139, 140, 143, 677
Слепак С.И. 81, 389, 392, 395
Слетов П. (Кудрявцев П.В.) 52
Слободчиков С. 342
Смирнов 473
Смирнов А.Е. 81, 122
Смирнов Н.Г. 677
Смирных Л.В. 83, 450
Смоляк А.В. 91, 107, 128, 187, 576, 585, 588, 590, 592, 596, 603, 604, 677
Соболева Е.С. 109
Соколов А.П. 39
Соколов Д.В. 38, 51
Соколов Д.Н. 42
Соколов Ю.Ф. 74
Соколова О.В. 138
Солженицын А.И. 508
Соловьев А.В. 104
Соловьев А.И. 78
Соловьев С.М. 48, 288, 298
Сологуб В.П. 79
Сольский 369
Солярский В.В. 47
Сонин В.В. 113
Соркуктани-беги 260
Сорокина И.П. 137
Спасский Г.И. 30, 33, 42
Спафарий Н.Г., см. Милеску
Спеваковский А.Б. 92, 109, 130, 210, 211, 611, 612, 624, 625, 631, 677
Сперанский М.М. 30
Стадниченко А.И. 78
Сталин И.В. 49, 80, 82, 117, 118, 441-443, 445, 446, 452, 463, 465-467, 474, 476, 477, 482, 491, 492
Станислав Понятовский 309
Станюкович К.М. 368
Стариков Г.Ф. 52
Старицкий К.С. 36
Стахеев И. 388, 392, 398
Стеллер Г.В. 24, 59, 121, 343, 613, 677
Степанов А.А. 53
Степанов А.С. 81
Степанов Н.Н. 54, 66, 71
Степанов О. (Кузнец О.С.) 48, 63, 64, 66, 286-288
Степашин С.В. 539
Стерлигов Б.А. 374
Стефан Д. 120, 124, 245, 678
Стольпин П.А. 377
Столяров В.Я. 80
Сторожев Н. 304
Страхов А.А. 113
Стрижова И.Б. 141
Судзуки Кумадзо 315
Суй 194, 195, 240
Суконнов Е. 661

Сукта 605

Сун 256

Суслов М.А. 501

Схаап Х.К. 273, 276

Сцепенский В.Я. 367

Сыма Цянь 5, 186

Сысоева Е.А. 141

Сюаньцзун 198, 255

Сюкту 606

Сякусяин 269

Т

Табарев А.В. 2

Табачко Н.С. 74, 113

Тайра 223

Тайсё 136

Такадая Кажэй 335, 336

Такахаси Сэйдзаэмон 314, 315

Такрвонгун 561

Таксами Ч.М. 70, 91, 92, 108, 109, 129, 200,
563-565, 576-578, 581, 583, 675, 678

Такэда Нобухиро 258, 259

Тальберг Д.Г. 37

Тальзатии В.В. 370

Тамон Э. 397

Тан 194, 196, 197, 199, 226, 228

Танака Какуэй 506

Танасевич М.Г. 137

Танума Окицугу 312, 313

Тарасова А.И. 640

Тарле Е.В. 263

Тасман А.Я. 273

Тасял 245

Татардай 246

Татаринов М. 26

Тварковский Л.С. 97, 127, 137, 146

Тебеньков М.Д. 344, 345

Темучин, см. Чингисхан

Тен Ю.М. 120

Теплинский М.В. 76, 77, 112, 134, 678

Тернер С.Д. 182

Тетюева М.В. 136

Тетюшкин М.Н. 450

Тиллерсон Р. 541

Тимофеев А.И. 32

Тимофеев М. 284

Титов А.А. 33

Титов К. 541

Тихвинский С.Л. 497

Тихменев П.А. 34, 40

Тихомиров В.В. 537

Тихонович Н.Н. 51

Тишков В.А. 632

Ткаченко Б.И. 141

Тлаглогун 561

Тоётоми Хидэеси 258, 259

Токугава 259, 266-269, 337

Токугава Иэясу 259, 266, 550

Толбузин А.Л. 288

Толуй 260

Томканей 281

Томкони 280, 284

Тории Рюдзо 181, 183, 185

Торисса 606

Торся 605

Торухэну 291

Траутшольд В.В. 427

Тренев В.К. 67

Трескин Н.И. 336

Третьяк Б.Н. 525, 535, 540

Третьяков П.И. 509

Третьяков Ф. 52

Трехсвятский А.В. 124, 141, 669, 678

Тригопи М.Н. 37, 367

Троицкая Н.А. 2, 111, 136, 144

Троицкий А. 38

Трубачев Д.Н. 95

Трумэн Г. 446, 447, 452

Трутнева И.В. 129

Труфанов 482

Тряпицын Я.И. 8, 390-396, 398-400

Тучо 605

Тулесев А. 541

Тульчинский К.Н. 38, 42

Тураев В.А. 102, 282, 283, 678

Тывлипин 605

Тыгмытьвонгун 561

Тэгэсэ 606

Тэмина М.Г. 129

Тэмуджин, см. Чингисхан

У

Уван 187

Уваров И. 31, 285

Уваров П.С. 37, 662

Угава Кейто 453

Угэдей 265

Уи 196

Ульянов, см. Ленин В.И.

Ульянский П.М. 416

Унпелев Г.А. 79
 Унтербергер П.Ф. 635
 Уоллер Г. 541
 Урсун-Прушински С.Н. 142, 678
 Урутого 291
 Уцюаньцзи 248
 Учида Ясуя 398
 Уясу 218

Ф

Фабрициус Я. 81
 Фабричный Н.И. 87
 Файнберг Э.Я. 73, 141, 678
 Фалей М.В. 138
 Фархутдинов И.П. 531, 532, 535, 537, 541, 545
 Федоренко Н.Т. 495
 Федоров 369
 Федоров В.П. 123, 510-512, 515, 522, 523
 Федоров С.Н. 533
 Федорчук С.П. 132, 135, 136, 139, 146, 678
 Фель С.Е. 69
 Фесун 34
 Фетисов А.В. 120
 Филипп А. 359
 Филиппов С.А. 397, 399
 Филиппова Н.А. 541
 Финнов М.П. 112, 678
 Фирсов В.Т. 358
 Фишер И.Э. 24, 25
 Флеров В.С. 80
 Флорич Ф.Е. 67
 Фомин (Востоков) А.М. 392, 396
 Фон-Фрикен А.А. 111, 646
 Фраерман Р.И. 70
 Франкьен И. 120
 Францбеков Д. 31
 Фрейлихман А.В. 120
 Фриделли 289
 Фрикен А.А., фон 367
 Фрис М.Г. (де Фриз) 6, 23, 101, 102, 107, 119, 270, 273, 274, 276, 277, 283, 299, 317, 337, 617, 674
 Фроиш Л. (Фроэс Л.) 256
 Фрунзе М.В. 85
 Фудзивара 200, 220, 223, 229, 257
 Фудзивара-но Умакаи 200
 Фукуда Такэо 505
 Фянка 315

Х

Хабаров Е.П. 31, 285
 Хантингтон С. 17
 Хань 185
 Хара Теруюки 387
 Харагучи К. 372
 Харитонов И.В. 386
 Хасимото Рютаро 537, 538
 Хаскина С.Ш. 80
 Хата С. 507
 Хатояма Итиро 495, 497
 Хвостов Н.А. 7, 29, 34, 39, 64, 70, 119, 141, 32-334, 336, 337
 Хидая Кюбэй 311
 Хиракава Ёсианага 127
 Хираяма Кодзо 334
 Хирлонг 605
 Хирота Коки 418
 Хирохито 9, 505
 Хисамутдинов А.А. 120
 Хлебников К.Т. 30
 Ховард Б. 119
 Хорошавин А.В. 546, 547
 Хосокава М. 538
 Хоу Цзинь (Поздняя Цзинь, Поздняя Золотая) 125, 265, 266
 Хоуз Ч.Г. 119
 Хромов С.С. 117, 137
 Хрущев Н.С. 11, 121, 465, 478, 480-485, 490, 491, 493, 495, 497, 500, 501, 676, 678
 Ху Гунн 187
 Хуай Шей 5, 188, 189
 Хубилай 242-245, 260, 261
 Худяков Н.А. 79, 113,

Ц

Цапко А.Т. 9, 81, 112, 382-384, 388, 389, 391, 392, 396-399
 Цапко Г.А. 112
 Цзинь 226, 265
 Цзожун 196, 197
 Цилин А.П. 81, 95, 678
 Цин 266
 Цишицинай 248
 Цубои Сёгоро 184, 185
 Цупенкова И.А. 120, 122, 132, 138, 673

Ч

Чайлд Г. 160
 Чан Су Бу 89, 670

- Чарушин И.А. 365
 Часовникова Н.М. 66
 Чебоксаров Н.Н. 90
 Чеплаков П.Ф. 464, 483, 489
 Черевко К.Е. 69, 71, 74, 78, 88, 113, 122, 140, 311, 678
 Черемисов Л.Е. 448
 Чернавская В.Н. 101
 Черненко К.У. 96
 Черномырдин В. 541
 Черный А.В. 26, 535, 541
 Черный И. 41, 67, 304, 305
 Чернявский Г.И. 78
 Черчилль У. 442, 443, 446, 474
 Чесалин В.В. 114
 Честной Д.С. (Аввакум) 32
 Чехов А.П. 37, 42, 51, 52, 77, 104, 112, 122, 123, 134, 135, 139, 360, 363, 366, 368, 369, 510, 640, 643, 655, 669, 678
 Чехова М.П. 51
 Чжан Чэн 236, 246
 Чжи-юань 228, 229, 236
 Чжэн Хэ 254
 Чикин-Новограбленный Н. 304
 Чингисхан (Темучин, Тэмуджин) 219, 241, 242, 260, 265, 277
 Чириков А.И. 60
 Чистяков П.Е. 342
 Чихачев Н.М. 355
 Чичерин Г.В. 117, 118, 391, 393
 Чотчаева М.Ю. 135
 Чубайс А.Б. 530, 531
 Чубарова Р.В., см. Козырева Р.В.
 Чулкова Е.Н. 648, 650
 Чумаков Т.Е. 389, 399
 Чупров П. 304
 Чэнцзу 254
- Ш**
- Шабалин Д.Я. 308
 Шаброва Н.И. 146
 Шавкунов Э.В. 99, 109, 196, 197, 217-219, 240
 Шаккум М.Л. 533
 Шалимова А.Л. 80
 Шалкус Г.А. 118, 123, 136, 137, 672, 678, 679
 Шаратов В.А. 80, 81
 Шастин А. 38
 Шафрановская Т.К. 103
 Шван В.К. 36, 357
- Шевцов А.В. 490
 Шевченко Н.С. 132
 Шелихов (Шелехов) Г.И. 26, 30, 67, 70, 71, 307, 341, 342, 679
 Шельтинг А.Е. 301, 303
 Шемелин Ф. 28
 Шепилов Д.Т. 495
 Шереметьева В.А. 107
 Шерман Ф. 438
 Шестаков А.Ф. 63
 Широкоград А.Б. 143
 Ширюкей 297
 Шитанай 294, 397
 Шишков А.С. 29
 Шишлянников Р.А. 406
 Шлегель Г. 188
 Шлецер А.Л. 22
 Шлямин Б.А. 67
 Шляхов А. 660
 Шмидт П.Ю. 37, 42
 Шмидт Ф.Б. 292, 366
 Шойгу С.К. 532, 546
 Шпанберг М.П. 23, 59, 60, 67, 71, 301-303
 Шпенглер О. 14
 Шпигарь В. 83
 Шренк Л.И. 42, 44-46, 64, 70, 128, 186, 287, 366, 551, 564, 568-570, 572, 574, 581, 582, 585, 588, 590, 593, 596, 598, 599, 604, 614, 615, 619, 677, 679
 Штейнман В.А. 39, 599, 606, 608
 Штейнберг Е.Л. 70
 Штейнгауз А.И. 113
 Штер А.П. 37, 120, 679
 Штернберг Л.Я. 45, 46, 51, 55, 70, 77, 93, 121, 123, 124, 128, 287, 367, 563, 569, 571, 573, 575-580, 582, 583, 605, 611, 621, 623, 626, 628, 671, 675, 679
 Штернберг С.А. 51
 Шубин Б.М. 112
 Шубин В.О. 89, 93, 107, 109, 111, 113, 114, 121, 133, 204, 341, 342, 676, 679
 Шубина Л.Ф. 526, 534
 Шубина М.И. 123
 Шубина О.А. 89, 99, 106, 107, 109, 128, 166, 251, 679
 Шульгина Т.С. 77, 93, 110, 679
 Шульц М.Ф. 372
 Шунь 186, 187
 Шуньчжи 266

Шурыгин А. 52
Шутов П.И. 85, 453

Щ

Щебенков В.Г. 72, 130, 611, 669
Щеглов В.В. 132, 679
Щербак А.В. 37
Щербинин Е. 642

Э

Эйдус Х.Т. 88
Эйхе Г.Х. 400
Энгельс Ф. 55, 577
Эномото Такэаки 358
Эратосфен 259
Эрикссон А.А. 380, 392
Этолин А.К. 342

Ю

Юань 229, 242, 244-249, 254
Ювачев (Миролюбов) И.П. 37, 120, 122,
123, 655, 679
Юдин С.Т. 450
Юйдянь 245
Юйшаньну (Юйш-айну) 248

Юмашев И.С. 84, 456
Юряку 256
Юэгун 246

Я

Явлинский Г.А. 511, 523, 533, 540
Яйресупо (Йоресупо, Айена, Айнурак-
куру) 629
Яковлева П.Т. 66
Якубович П.Ф. 663
Ямагути Тэцугоро 313
Ямада Горо 127
Ямамото Исороку 436, 437
Янсон Я.Д. 394
Янгулудай 246
Яньсе 228, 244
Янгулудай 264
Ясухиро Фудзивара 257
Яцкевич Б. 541
Ячиму 247
Яэнкороайну 316
Яэнкуру 291, 313
Яэнхиракан 291

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ¹

А

- Авачинский залив (Авачинская губа) 332, 452
Авось, остров 296
Австралия 359, 360, 611, 612
Австрийская империя 308, 309
Агнево, река и село 339, 388, 409, 418
Адо-Тымово, село 160, 163, 180, 181
Азиатско-Тихоокеанский регион 344, 403, 426, 548, 666, 668
Азия 18, 33, 37, 41, 43, 44, 62, 69, 89, 92, 119, 128, 155, 194, 234, 242, 259, 260, 262, 263, 267, 271, 274, 298, 299, 300, 317, 321, 426, 441, 491, 611, 666, 675
Азовское море 300
Айнское, озеро 251
Акита 220, 256
Алаид, остров 295
Албазин 288, 345
Албазинский уезд 64, 288
Алдан, река 280, 284, 292
Александровская слобода 652
Александровский участок, округ, район 361, 362, 376, 378, 407, 411, 413, 556, 640, 642, 647, 650, 651, 654, 656, 658, 660
Александровское городище 234, 236
Александровск-Сахалинский, город (Александровский пост, Александровск, Александровск-на-Сахалине) 33, 47, 48, 52, 109, 110, 121, 236, 249, 355, 361, 362, 365-368, 371-373, 376, 377, 379, 380, 382-389, 391-393, 395-399, 402, 403, 406-409, 412, 415, 416, 419, 421, 458, 468, 477, 555, 640, 647, 651, 652, 655
Алеутка, бухта 107, 342
Алеутские острова (Алеутский архипелаг) 9, 30, 31, 262, 324, 356, 437, 438, 439
Алехино 170
Алтай 148
Аляска 262, 356, 437
Амбецу 146
Амгунь, река 400
Америка (Новый Свет) 18, 29, 30, 62, 89, 154, 262, 263, 267, 271, 273, 274, 298-301, 303, 309, 317, 324, 325, 331, 342, 359 433, 439, 492
Амстердам 271, 272, 299
Амур, река (Омур, Силкар, Силкир, Сиркал, Чиркол, Шилкар, Шилкир) 5-7, 22, 23, 30-33, 39, 40, 46, 54, 63-66, 69, 72, 91, 92, 100-102, 107, 108, 110, 128, 129, 143, 156, 160, 166, 167, 174, 182, 183, 195, 197, 198, 204, 206, 219, 220, 224, 238, 240, 241, 244-248, 255, 263, 280, 282-284, 286-290, 300, 303, 319, 325, 329, 339, 344-349, 351-353, 390, 391, 396, 400, 481, 549, 552, 563, 564, 596, 605, 609, 612, 613, 622, 676, 679
Амуру-Сахалинский регион 89, 183, 601
Амурская область, губерния 38, 361, 376, 389, 390, 394, 395, 401, 413, 487, 544, 635
Амурский бассейн
Амурский край 36, 42, 44-47, 64, 364, 366, 552, 564, 570, 572, 574, 581, 585, 679
Амурский лиман 65, 68, 91, 229, 244, 283, 285, 329, 338, 339, 345-347, 378, 381, 411, 549
Амурский регион 182
Анастасиевка, село 390
Ангара, река 148, 154
Англия 88, 271, 317, 321, 324, 325, 334, 354, 359, 360, 362, 390, 405, 436, 442, 444, 446
Андрее-Ивановское, селение 656
Аниан, пролив 299
Анива, город 205, 259, 326-328, 331, 431
Анива, залив (Анивский залив, Анивы губа) 7, 28, 34, 151, 152, 158, 176, 179, 202, 225, 228, 268, 274, 277, 299, 312, 327, 330, 332, 339, 340, 352, 353, 358, 447, 589, 617
Анива, мыс 328
Анива, равнина 150
Анива-Фризиук, стоянка 163
Анивский район 153, 204
Аомори, провинция, город 183, 212, 431
Аосиманай, стоянка 252
Апонское государство, см. Япония
Аравия 254, 271
Араумакутан, остров (Харимкотан) 296
Аргентина 474

¹ Названия «Сахалин», «Курильские острова», «Куриль», «Курильский архипелаг», «Курильская гряда», «Сахалинская область» не включены в указатель по причине частого использования.

Аргунь, река 288
Аризона, штат 154
Арково, река и селение 373, 656
Арктика 528
Армудан, селение 656
Арсентьевка 429, 505
Асанай 5, 181
Асанай-часи 181
Астрахановка, селение 378
Астраханское ханство 277
Атлантика 167, 420, 433
Атлантический океан 190, 324
Атту, остров 437, 438
Афганистан 514
Африка 92, 147, 167, 263, 267, 271
Ашихэ, река 198
Аян 345

Б

Бабушкино 473
Байдукова (Лангр), остров 282, 283
Байкал, гора 283
Байкал, озеро 196, 356
Байково 251, 453
Баку 38, 409, 411
Балканы 358, 442
Балтийское море (Балтика) 72, 300, 309, 346, 443, 676
Бандо 200
Баренцево море 346
Батавия 272, 273
Бауэра, мыс 236
Бачинка, река 225
Белая, река 156
Белинское 179
Беличий, остров 283
Белое море 346
Белое, стоянка 163
Белокаменная-часи 128
Белоруссия 419, 637, 638
Бельгия 442, 474
Бенгальский залив 259
Бердянское, стоянка 152, 163
Березняки, селение 146, 163, 651
Березов 21
Берингово море 68, 101, 486, 502
Берлин 418, 426, 441
Бермудские острова 519
Бессарабия 636-638
Бивачное, стоянка 163
Бирма 242

Благовещенск 68, 81, 128, 364, 370, 401, 672
Благодатное 251
Благодатное, озеро 170, 251
Ближнее, селение 373
Ближний Восток 147
Блэкуотэр 154
Богатая, река 251, 253
Бойсмана, бухта 182
Боливия 474
Большая Елань, селение 373, 651
Большая Курильская гряда 262, 276, 293, 300, 335, 356, 425, 451, 551
Большая, река 295, 296
Большерецк 294, 299, 301, 307, 310
Большой Дуганджа, мыс 283
Большой Камень 528
Большой Шантар, остров 283
Бонин 498
Бофорта, море 528
Бохай (Бохайское царство) 5, 99, 191, 196-198, 202, 204, 206, 208, 210, 216, 217, 219, 221, 226, 265, 665
Бочинки (Починки) река 251
Бразилия 271, 474
Брест, порт 318
Броутона, остров 322, 425
Буссе, бухта, лагуна 205, 357
Бутаково 656
Бутальский, острог (острожек) 280

В

Ваарэ 429
Вайда, гора 152, 159, 160
Вайдинская, стоянка 163
Вакканай 431
Вал, река и село 589, 605, 609
Валуево, селение 378, 660
Вангалу, бухта 259
Ванга-меха, река 259
Ванги, станция 479
Вангрк-во, селение 259
Ванино 487, 489, 505
Варапай 605
Варшавская губерния 638
Ватаришима 220
Вашингтон 388, 404, 436, 474, 497
Великобритания 84, 344, 404, 426, 439, 441-446, 474, 492, 497, 675, 677
Венгрия 443
Венесуэла 474

- Венеция 261
 Венское 163, 227
 Верещагино, селение 378, 636
 Верхневолжские губернии 637, 638
 Верхнее Урочище, селение 656
 Верхнеудинск 393-395, 401
 Верхнеудинская область
 Верхний Армудан 416, 651
 Верхний Поронай, селение 652
 Веселая, гора 283
 Вест-Индия 3, 24
 Вестфалия 20
 Взморье, стоянка 163
 Виахту, залив 351
 Виндсхейм 24
 Вискво, стойбище 407
 Витгенберг 24
 Владивосток 32, 36, 43, 46, 47, 52, 63, 76, 79, 81, 83, 89, 92, 93, 97-99, 101, 106-114, 123, 126, 128-134, 136-138, 141, 146, 363, 364, 372, 380, 382, 389, 390, 391, 393, 395, 396, 404, 419, 465, 466, 481, 482, 485, 487, 635, 669, 671, 673, 674, 679
 Владимир 141
 Владимировка, селение 371-373, 421-423, 429, 432, 654
 Владимирово, поселок 152
 Владимировский, округ и уезд 422, 423
 Владимирская губерния 390
 Внешняя Монголия 446
 Внутренняя Монголия 218
 Войска Донского, область 637, 638
 Волга, река 190
 Волгоград 137
 Воскресеновка, село (Воскресенское) 360, 414, 636
 Восточная Азия 4, 15, 47, 89, 90, 100, 125, 127, 147, 154, 155, 159, 160, 161, 165, 167, 173, 174, 188, 190-192, 197, 198, 212, 234, 238-240, 250, 260, 261, 265, 266, 549, 601, 610, 611
 Восточная Африка 254
 Восточная Европа 15, 234, 242, 260, 277
 Восточная Маньчжурия 196
 Восточная Римская империя 190
 Восточная Сибирь (Восточно-Сибирский край) 33, 40, 41, 54, 178, 196, 241, 347, 349, 350, 352, 355-357, 386
 Восточная Татария 119, 671
 Восточное побережье Сахалина 562
 Восточное море 23, 298
 Восточное Ся (Дунь Ся) 219, 234, 241
 Восточно-Китайское море 550
 Восточно-Сахалинские горы 151, 159
 Восточно-Сахалинский район (Восточно-Сахалинский национальный район, Восточный Сахалин) 56, 407, 408, 471, 482
 Восточный Дань 198
 Восточный океан 26, 28, 30, 31, 36, 39, 71, 301, 357, 679
 Восточный Эдзо 316
 Восточный Эхаби 503
 Воцзюй 5, 191, 192
 Второе Арково 651
 Второй Курильский пролив 452, 551
 Вьетнам 254
 Вэйцзы-чжай 247
- ## Г
- Гавайские острова (Гавайи) 436, 437
 Гаити 474
 Гай, стоянка 163
 Галкино-Враское, селение 656
 Галле 24
 Ганг, река 271
 Ганггиана 263
 Гватемала 474
 Гвиана 271
 ГДР 478
 Генуя 261
 Географического общества, пещера 159
 Германия 132, 390, 418, 419, 441, 443, 444, 446, 447, 452, 478, 670
 Голландия 6, 270-272, 276, 299, 325, 346
 Головинно 429
 Гольий Мыс 651
 Гондурас 474
 Горнозаводск 163, 434
 Горький 76
 Гохо 248
 Греция 442, 474
 Грозный 409
 Гуам 436
 Гуй 234
 Гун-котан 234
- ## Д
- Даги, залив 561, 587
 Дайрен 404, 446
 Дальневосточная область 406
 Дальневосточная республика (ДВР) 393-395, 399, 401, 403, 404

Дальневосточная советская республика 394

Дальневосточный край (ДВК) 111, 114, 407, 408, 411, 413, 672

Дальневосточный федеральный округ 544

Дальнее, село 373

Дальний Восток 5-8, 18, 27, 34, 35, 37, 38, 40, 42, 44, 51, 53, 54, 59, 60, 63, 65, 66, 68, 69, 72-83, 86-93, 97-103, 106-109, 111, 113, 114, 118, 123, 124, 128, 129, 131-134, 136, 137, 139, 141, 144, 145, 149, 161, 167, 173, 182, 186, 190-192, 194, 196-198, 219, 225, 232, 238-241, 259-261, 263, 265, 288, 335, 344, 346, 347, 350, 353-356, 361-364, 366, 367, 370, 374, 381-386, 389, 393-395, 404, 406-408, 410, 417, 419, 435, 442, 445, 450, 453, 466, 480, 481, 483-485, 487, 494, 498-500, 508, 516, 539, 544, 545, 563, 626, 635, 665-667, 669, 671-677

Дальный, город 375

Дания 300, 301, 390

Дахань царство 188

Де-Кастри, залив (бухта) 320, 339, 376, 392, 396, 398, 400, 465

Делангля, залив 146

Дельфин, бухта 210-212

Денвер 537

Дербинское, селение 373, 409, 653, 654, 656

Дерен, пост 339

Джакарта 272

Джугджур, хребет 280

Дмитрие-Григорьевское, селение 378

Доброй Надежды, мыс 272

Довака 291

Долинск 183, 425, 431

Долинский район 148, 374

Долинский, хребет 148

Доминиканская Республика 474

Дон 658

Дуэ, мыс, стойбище, пост и поселок (Дуи, Дутмытский улус) 64, 286, 351, 355, 357-360, 362, 363, 365, 373, 379, 380, 405, 409, 418, 632, 651, 652, 655, 656

Дэва 200

Е

Евразия 5, 62, 167, 190, 191, 238, 240, 241, 249, 259, 277, 278, 283, 549

Еврейская автономная область 204, 544

Европа 6, 34, 35, 37, 72, 147, 190, 259, 260, 263, 270, 271, 276, 277, 311, 418, 426, 433, 442, 446, 447, 491, 539, 611, 672

Европейская Россия 365, 635, 637, 652

Египет 161, 474

Екатеринбург 101, 129,

Елизаветы, мыс 66, 550

Енисей, река 240, 483

Енисейск 298

Ж

Жёлтая река 261

З

Забайкалье 81, 376, 390, 393, 394, 647

Забайкальская область, губерния 361, 394

Заветы Ильича, поселок 181

Закавказье 260, 464

Западная Азия 173

Западная Европа 15, 125, 190, 260, 278, 289, 539

Западная Римская империя 190

Западная Сибирь 63, 278, 376, 489

Западно-Сахалинский национальный район 407

Западно-Сахалинский хребет 353

Западные губернии 637, 638

Западные моря 254

Зеленый, остров 302

Зея, река (Зия) 284

Зигзаг, пещера 163

Золотая Орда 277

Зональное 471

Зондский архипелаг 254

И

Игайту, остров 296

Идзу, полуостров 354

Измены, залив 335

Измены, пролив 159, 492, 551

Израиль 132, 670

Икарма, остров 296

Ильинск 163

Ильинский, поселок 357, 429, 430, 505

Иль-Бых, мыс 146

Императорская Гавань, см. Советская Гавань

Имчин 4, 89, 106, 152, 160, 163, 166, 679

Индийский океан 36, 271, 272, 324, 441

Индия 161, 254, 259, 263, 271, 272, 276, 441

Индокитайский полуостров 254

Индонезия 271, 402, 611

- Иокогама 43, 675
 Ирак 474
 Иран 474
 Иранское нагорье 260
 Иркутск 33, 36, 104, 113, 122, 306, 366
 Иркутская, губерния и область 123, 360, 633
 Исикари, река 220, 238, 552
 Италия 405, 441, 443
 Итой 291
 Итуруп, остров (Итуруп, Еторпу, Ытурпа, Эторофу, Земля Штатов) 26, 35, 107, 131, 149, 159, 170, 184, 208, 210, 213, 251, 274, 277, 294, 296, 297, 299, 301, 302, 305, 307, 311, 313, 314, 316, 321, 332-334, 336, 337, 339, 340, 355, 425, 428, 429, 437, 451, 453, 476, 493, 497, 506, 522, 538, 542, 551, 554
- К**
- Каваками, поселок 146, 424, 430
 Кавказ 637, 638
 Казанское ханство 277
 Казань 33, 45, 309
 Казахстан 123, 497
 Кайба, селение 424
 Кайдзука 430
 Кайюань 228
 Калимантан, остров 254
 Калининград 517
 Калифорния 41, 274, 299, 402
 Кальма, село 91
 Камакура 200, 242
 Камбоджа 242
 Камчатка, полуостров и река (Каменная земля, Камчадальная земля, Камчатский полуостров) 8, 20, 23, 24, 28-30, 38, 39, 42, 52, 55, 58, 60, 62, 67, 71, 72, 74, 87, 109, 113, 114, 121, 133, 149, 153, 154, 159, 161, 170, 172, 174, 175, 183, 184, 199, 209, 210, 215, 220, 225, 232, 238, 250, 251, 253, 259, 262, 292-301, 303, 305-310, 313, 315, 318, 321, 328, 332, 333, 341, 356, 359, 370, 371, 381, 395, 420, 438, 441, 486, 551, 612, 613, 666, 672-674, 676, 677
 Камчатская область, губерния и край 387, 389, 394, 401, 485, 487, 544
 Камчатский Нос (Камчатский, мыс; Камчадальский Нос; Лопатка, мыс) 23, 61, 293, 294, 299, 300, 301, 452
 Камышовый, хребет и перевал 151, 373, 450
 Канада 528
 Канто, равнина 183
 Кантон 325
 Канума 430
 Каракорум 260, 261
 Карафутто 4, 82, 113, 120, 127, 132, 135-138, 315, 316, 357, 391, 402, 421-425, 427-435, 448, 455, 456, 459, 550, 672, 676, 678
 Карачи 441
 Карибское море 271
 Касатка-Благодатное 170
 Касатка, залив и река 170
 Касивабара 453
 Каспийское море 259
 Касьяновская слобода 652
 Катангли 403, 411, 412, 471, 503
 Катаока 453
 Кауто 291
 Кашкалебагш 4, 177, 178
 Квелонг 273
 Кемерово 106, 109, 120
 Керби 387, 394, 400, 401
 Керулен, река 241
 Керченский полуостров 443
 Кет 561, 562
 Кетой, остров 296
 Киев 309
 Киевская губерния 638
 Кизи, озеро 232, 312, 313, 339
 Кинокуни, город 297
 Киото 223, 242
 Кировский район 408
 Кировское, село 409, 640, 643
 Кирпичное 251
 Китай (Срединное государство, Китайская империя, Китайская республика, Китайская Народная Республика) 33, 35, 41, 43, 44, 88, 89, 102, 117, 118, 147, 154, 160, 161, 167, 174, 182, 186-188, 190, 191, 194, 196, 197, 199, 202, 204, 208, 218, 226, 228, 238, 239, 242, 246, 248, 254, 255, 259-261, 263, 265, 266, 271, 273, 287-291, 315, 324, 325, 344, 345, 347, 349, 350, 355, 359, 363, 373, 404, 405, 417, 426, 432, 444, 446, 460, 474, 475, 481, 498, 499, 550, 665
 Китами река 220
 Китовое 170
 Китуй, остров (Кетой) 296
 Когурё 190-192, 195, 196, 198, 202
 Козыревское 473
 Кой, стойбище 352

- Колендо 487
Кологераса, бухта 163, 165
Колумбия, река 321
Колумбия, страна 474
Колыма, река 24
Колымский край (Колыма) 52, 113, 408, 415
Командорские острова 356, 437, 438
Компании Земля, см. Уруп
Комсомольск-на-Амуре 10, 129, 138, 145, 415, 466, 467, 470, 478, 479, 528
Кондон 183
Коноторо, селение 424, 450
Кони, селение 424
Конума 455
Копи, река 202
Корё 197, 198, 217, 218, 242, 247
Корейский полуостров 123, 174, 197, 210, 218, 550
Корея 41, 119, 154, 190, 196, 242, 261, 266, 268, 273, 325, 358, 370, 373, 374, 428, 432-434, 441, 448, 460, 547, 554
Корсаков, город (Корсаковский пост, Отомари) 315, 352, 358, 359, 362, 365, 367, 369, 371-373, 421, 422, 425, 429, 431, 432, 450, 461, 471, 509, 525, 651, 652, 655
Корсаковка, село 402, 552
Корсаковская слобода 652
Корсаковский округ, уезд, район 128, 236, 361, 362, 372, 421-423, 480, 525, 541, 579, 587, 636, 646, 647, 651, 653, 654
Корсаковское, селение 636, 642, 656, 660
Коста-Рика 474
Кострома 67
Костромская губерния 346
Костромское 450
Котантору 315
Котон 83, 431, 449
Крайний Северо-Восток Азии 292, 300, 609, 666
Красноармейская протока 236
Красногорск 163
Красногорский район 120
Краснодар 135
Красноярск 12, 119, 333, 537, 538, 673
Красноярский край 148
Крильон, мыс и полуостров 66, 165, 176, 220, 228, 234-237, 246, 249, 267, 290, 320, 353, 431, 550
Крильонское городище 233-236, 246, 249
Кронштадт 28, 71, 324, 325, 347
Круглая, сопка 4, 180, 181
Крузенштерна, пролив 551
Крым 497, 636-638
Куба 474
Кубанская область 638
Кубань 658
Кугеда, мыс 348
Кузнецово 4, 106, 152, 163-166, 179, 251-253
Куйбышево 170, 429
Куйбышевское, озеро 171
Кукумива, остров (Авось) 296
Куль 55
Кунасири, уезд 425
Кунашир, остров (Кунасыр) 7, 26, 29, 170, 210, 214, 274, 294, 297, 302, 304, 308, 311, 313, 314, 316, 335, 339, 340, 355, 425, 428, 429, 451, 453, 476, 493, 506, 522, 538, 542, 551, 554
Кунаширский пролив 492, 551
Курилороссия 107, 133, 679
Курильск, город (Сяна) 209, 429
Курильская лопатка 24, 30, 62
Курильские проливы 220, 441, 443, 551
Курильский район 482
Курск 70
Кусюнной, река, пост, селение 146, 316, 424, 429, 430
Кусун-Котан, селение 352, 358
Кусюнкотан 315, 331
Кусюнной, пост, селение, поселок, волость (Кусунай, Куссунай, Куссюнай) 357
Кыска, остров 437, 438
Кюсю 446, 475, 550
- Л**
- Лазарева, мыс 347, 380, 466, 467, 479
Лама, см. Охотское море
Ламанон, пик 318
Лангр, остров (Байдукова) 283
Лангры, селение 378
Лаперуза, пролив (Лаперузов пролив) 143, 151, 159, 228, 267, 303, 356-358, 372, 431, 441, 443, 447, 454, 492, 579
Лях, мыс 338
Лебединый, поселение 152
Лебяжье, лагуна, озеро 148, 205
Ледовитое море 23, 24, 30
Лейден, город 346
Лена, река 280
Ленинград, см. Санкт-Петербург

- Лесогорск 363
 Либерия 474
 Ливан 474
 Ливия 442
 Линдгольма, пролив 283
 Лиссабон 263
 Личи, село 390
 Ловушки, острова 296
 Лондон 381, 397, 492-494, 497
 Лопатина, гора 366
 Лопатка, мыс 23, 300, 452
 Лососей, залив, бухта 179, 327, 667
 Лу, царство 187
 Луньский, залив 561, 566, 589
 Луполово, селение 378, 636
 Люгуй 5, 199
 Люксембург 474
 Лютога, река 89, 154, 205
 Ляо, империя 197, 198, 216-218, 226, 241
 Ляодун 244
 Ляодунский полуостров 370, 375
 Ляонин, провинция 228
 Ляохэ, река 240
 Ляочао 119
 Ляоян 217
- М**
- Магадан 62, 66-69, 111, 671
 Магаданская область 485, 487, 544
 Маганзянский улус 64, 286
 Магеланов пролив 272
 Мадагаскар 133
 Маканруши, остров 295
 Макао 264, 268, 322
 Макаров, город 431, 471
 Малайский архипелаг 271, 272
 Малакка 264, 272
 Малая Гавань 179
 Малая Курильская гряда (Малые Курилы) 149, 273, 321, 355, 425, 451, 453, 493, 522, 536, 551
 Мало-Александровка (Малая Александровка) 361, 640
 Малое (Северное) море 199
 Малокурильское, село 521
 Мало-Тымово 651
 Малый Ручей, стоянка 163
 Малый Хинган 198, 219
 Малый Шантар, остров 283
 Мангаль 64, 286
 Манила 264, 276
 Маньчжоу-Го 444
 Маньчжурия 43, 184, 195-197, 217, 218, 240, 291, 316, 339, 370, 374, 417, 434, 444, 446, 448-450
 Маньчжурская империя 18, 666
 Маока, бухта 353
 Маока, город, округ, уезд, 83, 422, 424, 425, 429, 430, 447, 450, 454, 456
 Маоминьго 186
 Марии, мыс 579
 Матмай, остров (Матмайской остров, Матманский остров, Матомай, Матсмай) 25-27, 257, 294, 296, 297, 306, 326, 327, 330
 Матуа, остров 296
 Маука, пост, округ и селение 259, 358, 363, 422, 423, 432
 Мацума 310
 Мацумаэ, страна, город, княжество (Матмай, Матмайский город) 257, 268, 269, 311, 314, 315, 338, 340, 550
 Машаучю остров (Чиринкотан) 296
 Мая, река 280
 Мгачи 379, 380, 409
 Медвежьих Трагедий, пещера 159
 Мексика 264, 402, 474
 Мелихово 112
 Мерья, селение 373
 Мерукоа 291
 Месопотамия 260
 Мидзухо, деревня 143
 Милеет
 Минск 76, 77, 143, 669
 Михайловская волость 379, 384-387, 636
 Мицулевка, селение (Мицулька) 163, 651, 656
 Мицульский хребет 430
 Могунтан 234
 Мойдзе 197
 Монги 503
 Монголия (Ехе Монгол улус, Великое Монгольское государство, Монгольская империя, Монгольская Народная Республика (МНР)) 18, 219, 242, 260, 418, 446, 468, 474, 665
 Монерон, остров 145, 161, 163, 176, 179, 199, 202, 216, 251, 252, 268, 322
 Монте-Карло 122
 Москальво 410, 411, 415
 Москва 12, 14-17, 20-22, 26, 33, 35, 37-39, 41-48, 50-75, 77-88, 90-95, 97, 99, 103-105, 107-113, 117-123, 128-131, 133-135,

- 137-143, 277, 293, 298, 309, 383, 388, 389, 391, 393, 394, 405, 412, 415, 418, 439, 441, 443, 445, 451-453, 458, 463, 465, 477, 481, 483, 489, 490, 491, 494-498, 505, 506, 508, 509, 511, 514, 517, 521, 523, 524, 530, 532, 537, 538, 540, 560, 669-678
Мотого, остров (Матуа) 296
Мотодомари, селение 424
Мошин-котан 234
Муданьцзян, река 198
Муйка 449
Муравьева, мыс 347
Муравьевский пост (Корсаков) 7, 36, 114, 352, 353, 674
Муравьевский пост (бухта Буссе) 357
Муравьевское, селение 649
Мурманск 517
Муромский, уезд 390
Муцу 200
Муша, остров (Онекотан) 295, 296
Мушир, пролив 296
- Н**
- Набиль, залив (Набильский залив), поселение 152, 163, 403, 561, 566
Нагаево 487
Нагаока 436
Нагасаки 310-312, 316, 325, 326, 333, 351, 354, 447, 491
Нагасакский залив 325
Нагахана, селение 424
Нагоя 550
Надежды, пролив 335
Наёри, селение 424
Наёро 291, 292, 313, 315, 316
Наёси, селение 424
Найбучи, пост 251, 371, 429, 651
Най-Най, поселок 411
Найпуту 605
Найро, селение 424
Найфельд, село 198, 204
Найхоро, город 424, 434
Нальчевское, озеро 220, 238, 251
Нанио 315
Нанкин, река 321
Наумовка, селение 378, 636
Находка 487
Нева, река 92
Невельск, город 89, 146, 181, 430, 431, 450, 546
Невельский уезд и район 181, 201, 378
Невельского, пролив 229, 244, 353, 380, 479, 549
Невельское, селение 378
Невельской, город и уезд 377
Невский, станок 653
Невское, лагуна, озеро 205, 215, 220, 231, 251
Некрасовка, поселок 120, 553
Нерчинск, город 288
Нефтегорск 120, 531, 532
Нидерландская Индия 271, 272, 276
Нидерланды 273, 310
Нижнее Поволжье (Нижняя Волга, Нижневожские губернии) 632, 637, 638
Нижний Амур 6, 8, 32, 33, 45, 56, 90-92, 94, 100, 101, 107, 110, 111, 128-130, 164, 166, 167-169, 179, 182, 183, 186, 191, 192, 196-198, 202, 204, 215, 216, 219, 220, 222, 224, 226, 227, 230, 232, 238, 239, 241, 244, 245, 249, 254, 255, 277, 285-287, 289, 312, 315, 316, 339, 348, 350, 354, 378, 390, 391, 563, 564, 576, 585, 588, 589, 592, 602, 603, 665, 677
Нижний Армудан 650, 651
Нижний Новгород 120, 134, 137, 671
Ниигата 436
Никарагуа 474
Николаевск-на-Амуре (Николаевский, пост, уезд) 44, 348, 349, 356, 357, 363, 372, 376, 378, 381, 384-387, 390-404, 406, 420, 481, 487, 647
Никольск-Уссурийский 395
Никул, река 24
Нисисакутан, селение 424
Новая Каледония 37
Новиково, поселок 372
Новоалександровск (Новоалександровское, селение) 163, 360, 430, 455
Ново-Архангельск 330, 331, 342
Ново-Михайловское, село (Ново-Михайловка) 361, 636, 640, 642, 660
Новороссийские степи 632
Новосибирск 79, 89, 90, 92, 100, 101, 106, 108, 110, 111, 127, 670-672, 675
Новосибирский округ 413
Новый Уэльс 359
Ноглики, стойбище и поселок 146, 166, 407, 416, 505, 553, 562, 589
Ногликский район 555, 556, 558, 562, 589, 606
Нода, город 424, 430

Норвегия 290, 390, 474
 Нос 293
 Ноторо, селение 424, 429, 431
 Ноторо, мыс 267
 Нотэто, селение 291, 339
 Нудыми, река 280
 Нургань 227, 228, 244
 Нурганьское море 228
 Нутово 412
 Нуэргэ 228
 Ныйво 152, 412
 Ныйский залив 351, 561, 566
 Ныш, река и село 180, 479
 Нэйхотуань 247-249
 Нэлигань (Нургань) 248
 Нэмуру, город, округ и провинция 424, 552

О

Огоньки 4, 153, 155, 163
 Одатэ 258
 Одесса 361, 362, 376, 635, 637-639
 Одопту 160, 163, 529
 Озерецкое, село 204
 Озерск 163, 179, 204, 251
 Океания 612
 Окинава 494, 498
 Окпо 528
 Октябрьский, поселок 409
 Окусири, остров 179, 182, 200
 Олимпия, стоянка 156, 163
 Омск 145, 387, 388, 676
 Онекотан, остров 295, 433, 551
 Онкороманай 179
 Онникутан, остров (Онекотан) 295
 Онон, река 241
 Оноры 83, 362, 374, 416
 Оогава 210
 Оомисаки 212
 Оосима 229, 257, 258
 Орел, гора 152, 159
 Оренбургская губерния 638
 Осака 326, 330
 Останцевая, пещера 158-160, 163
 Ост-Индия 300, 321, 324, 328
 Осю 223, 229, 257
 Отару 94, 396, 402
 Отасу, остров 142, 597, 670
 Отиай, город (Долинск) 424, 425, 431
 Отомари, город (Корсаков) 422, 424, 425, 430, 431, 450, 453, 456

Оха (Оха-на-Сахалине) 51, 52, 388, 407, 409, 411, 412, 415, 416, 419, 471, 477, 482, 503, 509, 532
 Охинский район 120, 407, 408, 471, 512, 555, 556
 Охота, река 101, 280, 281
 Охотск (Охотский порт) 26, 39, 68, 71, 300-303, 309, 331, 333, 347, 394, 395, 679
 Охотская область 378
 Охотское, селение 168, 169, 228, 236, 251, 262, 274, 285
 Охотское море (Лама, Пенжинское море) 22, 23, 24, 30, 31, 36, 62, 65, 68, 101, 102, 150, 160, 161, 168, 169, 181, 198, 199, 204, 209, 280-282, 294, 299, 303, 317, 320, 321, 345, 347-349, 353, 359, 366, 374, 469, 473, 481, 485, 486, 502, 504, 551, 552, 579, 591
 Охотское побережье 54, 66, 101, 280, 281, 356, 381, 420, 564, 588, 613

П

Павлоград 37
 Панама 474
 Парагвай 474
 Парамушир (Пурумущир), остров 6, 7, 149, 293-295, 300, 303, 304, 344, 428, 433, 437, 438, 451, 453, 471, 472, 551, 612, 621
 Париж 260, 290, 466
 Парусное 120, 251
 Пекин 147, 242, 289, 405
 Пенжинское море, см. Охотское море
 Пенза 94
 Пензенская губерния 640, 650
 Пензенское 251
 Первая Курильская река
 Первое Арково 651
 Первомайское, село 159, 449
 Первый Курильский пролив 159, 551
 Перепутье, село 201
 Перл-Харбор 9, 435-437, 666
 Персия 271
 Перу 474
 Песчаное, озеро 170
 Петербургская губерния 638
 Петра Великого, залив 381
 Петровская, коса и зимовье 283
 Петроград, см. Санкт-Петербург
 Петропавловская гавань 307, 347
 Петропавловский округ 371
 Петропавловск-Камчатский 24, 67, 114, 121, 133, 251, 347, 452, 487, 676, 677

Петропавловское, село 205
Пик-де-Лангль 332
Пилинга, река 416
Пильво, река 357
Пильгун, залив, лагуна 177, 205, 215, 412, 561, 589
Пионер, стоянка 152, 163, 165
Пионеры, село 166
Победино 10, 431, 449, 467, 468, 478, 479, 505
Поволжье 650, 659
Погиби, мыс (Погоби) 146, 227, 347, 351, 466-468, 479
Полины Осипенко, поселок им. 400
Полтавская губерния 638
Польша (Речь Посполитая) 309, 393, 418
Поречье 160, 163
Поронай, река 255, 357, 358, 448, 563, 589, 597
Поронайск, город (Сикуча) 358, 425, 431, 534, 589
Поронайский район 462, 555, 556, 589
Порт-Артур 143, 370-372, 375, 446, 481, 674
Порт-Джексон, залив 359
Портсмут 33, 53, 74, 122, 374, 376
Португалия 263
Поясок, перешеек 353
Правда, стоянка 152, 163
Преображенское, село 293
Приамурская область, губерния 394, 401
Приамурский край (При-Амурский край, Приамурье, Приамурское генерал-губернаторство) 6, 7, 34, 35, 37, 40-42, 44, 45, 47, 92, 93, 99, 108, 128, 129, 145, 173, 174, 176, 182, 186, 191-193, 195-197, 216-219, 228, 234, 235, 239, 240, 244, 255, 287, 288, 292, 315, 337, 339, 348, 349, 354, 356, 361, 363, 365, 366, 370, 378, 381, 382, 384-386, 549-551, 602, 610, 632, 635, 666, 677
Прибайкалье (Прибайкальская губерния, область) 240, 401
Прибалтийские губернии 637, 638
Привисленские губернии 637, 638
Приморье (Приморский край, область, губерния) 41, 97, 99, 128, 129, 154, 159, 167, 173, 174, 182, 191, 194-197, 202, 208, 218, 219, 228, 234, 246, 354, 356, 360, 361, 370, 376, 378, 387, 389, 390, 393, 395, 401, 403, 404, 406, 408, 441, 485-487, 544, 550, 602, 632, 677

При-Уссурийский край 34
Провидения, порт 487
Пруссия 44
Птичье, озеро, лагуна 205, 251
Пугачево, стоянка 163
Пугачевское городище 234, 249
Пуер 55
Пэкче 190, 191

Р

Радужный, мыс 283
Райкоке (Шороки), остров 296, 425
Райчиска, стойбище 615
Рандомари, селение 424
Расшуа, остров 296, 305
Ребун, остров 179, 199, 200, 202, 210, 252
Рейдово 209
Речь Посполитая, см. Польша
Рим 190, 426
Римская империя 259
Рисири, остров 179, 199, 202
Рогатка, река 373
Россия (Российское государство, Российская империя, РСФСР, СССР, Российская Федерация) 6, 7, 10, 11, 15, 16, 18-27, 30-37, 40-45, 48-51, 53, 56-59, 61-69, 71-76, 79, 81-89, 93-96, 98-108, 111, 113, 114, 116-119, 121, 122, 124-127, 129, 131-134, 137-145, 148, 149, 203, 266, 277-280, 283, 285, 287, 288, 290, 292-294, 300, 303, 304, 306, 308, 309, 312, 324, 325, 327-329, 331, 333, 335-337, 339, 341, 344, 348-350, 354-359, 362-364, 366, 367, 369-371, 374-379, 381, 382, 384, 386, 387, 389, 390, 393, 396, 398, 401-408, 410-413, 415-417, 419-421, 427, 431, 435, 439, 440-447, 450, 451, 453, 454, 456-463, 465, 467, 468, 470, 474-483, 485-488, 490-500, 502-507, 509-516, 518-528, 533, 537-539, 542-544, 546, 547, 550, 552, 554, 556, 561, 563, 587, 589, 631, 632, 635-638, 640, 641, 645, 650, 653, 656-659, 661, 663, 664, 666, 668, 671-678
Ростов 77
Рубецу 429
Рубцовск 517
Рудака (Рутака), город (Анива) 259, 424, 431
Рудная, река 214
Румыния 443

- Русская Америка 27, 30, 35, 69, 133, 141, 669, 672
 Русский Север 300, 650, 657
 Рыбновская, волость, округ, район 315, 379, 384, 390-392, 407, 408, 411, 413, 471, 482, 636, 661
 Рыбновское побережье 146
 Рыбное, селение 378
 Рыковская, волость, район 384, 407, 413, 414
 Рыковское, селение 362, 365, 373, 636, 651-653, 655, 656
 Рюкю, острова 268, 325
 Рязанская губерния 643
- С**
- Сагальен Анга Хата, остров (Сагалин, Сахалин) 289, 290, 321
 Сагальен Ула (Амур) 289
 Садовники 163, 165
 Сайгэ 228, 229, 244
 Сакаэхама, село 424, 430
 Сальвадор 474
 Самарга, река 202
 Самарканд 254
 Санго, селение 242
 Санкт-Петербург (Петроград, Ленинград) 20-47, 50-55, 57-62, 64-70, 74-79, 81, 87-94, 100, 106, 108, 109, 111, 114, 116, 120, 121, 128, 129-131, 298, 308, 309, 326, 330, 333, 346, 352, 357, 358, 364, 382-385, 397, 483, 669, 672, 673, 675, 676, 678, 679
 Сан-Франциско 87, 88, 436, 474, 476
 Саппоро 431
 Саранск 141
 Саратов 70, 135
 Сарома, лагуна 238
 Саудовская Аравия 474
 Саха Республика (Якутия, Якутская АССР) 63, 92, 148, 280, 483, 544
 Сахалин, город 458
 Сахалино-Курильский бассейн 502
 Сахалино-Хоккайдский полуостров 151, 153, 162
 Сахалинский залив 549
 Сахалинский округ 407, 414
 Сахалинский уезд 384, 386
 Свердловск 466
 Свободное 204, 216, 251
 Святой Елены, остров 271
 Северная Азия 89, 90, 191, 192, 198, 278, 563
 Северная Америка 54, 58, 60, 69, 70, 182, 183, 271, 299, 321, 324, 433
 Северная Европа 172, 433
 Северная Корея (КНДР) 197, 460
 Северная Сибирь 91
 Северная Татария 119, 671
 Северная Япония 43, 44, 89, 239, 375, 670, 675
 Северное (Малое) море 199
 Северное Эдзо 103
 Северные губернии 637, 638
 Северные Курилы 6, 7, 10, 24, 38, 55, 181, 209, 225, 232, 292, 294, 300, 303, 306, 321, 333, 340, 371, 433, 438, 444, 445, 453, 471, 476, 493, 551, 552, 554, 664, 666
 Северный Вьетнам 474
 Северный, залив 329
 Северный Кавказ 464, 632
 Северный Китай 190, 194, 218, 222, 228, 239, 252, 434, 611
 Северный Ледовитый океан 22, 60, 65, 66, 70, 528
 Северный полюс 415
 Северный Сахалин 4, 8, 9, 38, 52, 53, 79, 80, 81, 83, 87, 89, 92, 93, 95, 97, 106, 109, 110, 111, 113, 117, 118, 123, 124, 129, 132, 136, 137, 139, 142, 143, 145, 156, 159, 165, 166, 176, 178, 180, 215, 216, 219, 227, 244, 286, 315, 339, 347, 373, 374, 376-384, 386-389, 391-396, 393, 398, 399, 401-415, 417-421, 440, 441, 456, 464, 471, 488, 531, 553, 562, 663, 673, 674, 676, 677, 679
 Северный Эдзо 550, 674
 Северо-Астраханское 636
 Северо-Восточная Азия 4, 30, 45, 60, 70, 98, 127, 147, 149, 151, 158-161, 167, 174, 175, 179, 181, 182, 239, 298, 366, 370, 564
 Северо-Восточный Китай 191, 218, 370, 549
 Северо-Западная Америка 27, 60, 564, 669
 Северо-Курильск, город 453, 471-473
 Северо-Курильский район 472, 482
 Северо-Сахалинский округ 360
 Сегальен, остров (Сахалин) 319, 320
 Сегальен, река (Амур) 319, 320
 Седых, крепость 237, 251
 Седых, озеро 168, 169, 236, 237
 Седых, стоянка 4, 152, 163, 167, 169
 Сендай 257, 431

- Сенная, река 148
Сенная, стоянка 4, 148
Сергиев Посад 36
Серноводское 170
Сеул 123
Си Ся (Западное Ся) 242
Сибирское ханство (Сибирское Царство) 278
Сибирь 6, 20-22, 24, 25, 30, 32-34, 36, 37, 44, 54, 58-60, 63, 64, 69, 76, 77, 79, 81, 89-92, 99, 101, 104, 106, 109, 112, 119, 122, 123, 128, 130, 131, 135, 161, 167, 225, 266, 277-279, 286, 287, 298, 328, 333, 347, 359, 361, 365, 369, 377, 383, 384, 387, 389, 393, 537, 564, 626, 636-638, 645, 650, 653, 657-659, 669, 672, 673, 678
Сибэторо, уезд 425
Сидней 359
Сикачи-Алян 183
Сикоку, остров 446, 475
Сикотан, остров, см. Шикотан
Сикука, город, округ и уезд 424, 425, 431, 454
Силла 190, 191, 195-197
Симода 354, 355
Симоносеки, пролив 159
Симудзу, селение 424
Симусиру, уезд 425
Симушир (Шимушир), остров 149, 251, 296, 300, 304, 305, 321, 344, 425, 551
Синегорск 146, 430
Синносирэтоко, мыс (Терпения) 338
Сирануи, село 424
Сирануси, крепость, селение 127, 128, 234, 235, 291, 311, 315, 316, 338
Сиратаки 155
Сирахама 447
Сиретоко, полуостров 214, 252
Сиритору, город 424, 431
Сирия 190, 474
Сиркал, река, см. Амур
Сирэтоко, селение и волость 424
Сицыхотуань (Силахотуань) 248, 249
Сияскутан (Сияскут), остров, см. Шиашкотан
Славная, стоянка 163
Слепиковского, мыс 374
Смирных, поселок 540
Смирныховский район 555, 556
Советская (Императорская) Гавань 35, 68, 69, 351, 354, 450, 465, 466
Советский пролив 492, 551
Советское, село 148
Соединенные Штаты Америки (США) 59, 74, 81, 84, 88, 144, 154, 344, 374, 403, 404, 412, 426, 435-437, 439, 443-447, 451, 452, 459, 474-476, 491-493, 497-500, 537, 547, 561, 658, 666, 675, 677
Сокол 4, 89, 155-157
Соловьевка, селение 216, 373, 430
Сони, река 164
Сортунай, река 121, 363
Софийское-на-Амуре 419
Сочи 481
Союз Советских Социалистических Республик (СССР), см. Россия
Соя, пролив и селение 267, 311, 312, 338, 431
Соя-кайкио 143
Средиземное море 191, 346
Средиземноморье 167
Среднее Поволжье (Средневожские губернии) 277, 637, 638
Средние Курилы (Средние Курильские острова, Центральные Курилы) 150, 198, 215, 304, 445, 493
Средний Амур 182, 192, 198, 204, 206, 287
Средний Сахалин 165, 176, 215, 216, 219, 220, 229
Средняя Азия 47, 147, 154, 260, 377, 637, 638
Средняя Волга 637
Ставрополь 517
Сталинград 443
Станционное (Такое), селение 360
Стародубское 152, 160, 163, 165, 179, 204, 206, 251, 430, 447
Старорусское, стоянка 163
Старый Набиль, залив и полуостров, стоянка 180, 181
Суворовка, селение 378, 636
Сунгари, река 195, 198, 219, 287
Сунда, материк 183
Сургут 122
Сусуйская, стоянка 89, 179, 212, 670
Сусунайская низменность, долина 106, 353
Сусуя, река 5, 179, 352, 353, 421, 651
Сучу 183
Сушень, страна 5, 187, 193

Суэцкий канал 635
 Счастлива, залив 69, 283, 348
 Сэкигахара 266
 Сэндай 200
 Сюаньгуто 186
 Сяна, селение, уезд 332, 337, 425, 429

Т

Таврическая губерния 638
 Тайвань 170, 271-273, 276, 432, 434
 Тайсин, остров 415
 Такмака, бухта 353
 Такоэ, стоянка, река 163, 651, 653
 Таллин 123, 670
 Тамбовская губерния 638
 Тан империя 127, 191, 202, 665, 677
 Танги 64, 286
 Танковое 170, 171
 Тарайка, озеро 215, 220, 231, 259
 Таранай 430
 Тараннай 430
 Татария (Татарский берег) 244, 273, 299, 318-320, 322, 329, 335
 Татарский пролив (Татарский залив) 32, 68, 142, 181, 197, 202, 244, 248, 319, 347, 348, 349, 351, 353, 354, 357, 380, 385, 390, 393, 396, 466, 467, 539, 549, 588, 650
 Таунский улус 64, 286
 Тахань (Дахань) царство 188
 Тегеран 443
 Тельновск 471
 Терпения, залив, мыс, полуостров и равнина 150, 152, 267, 268, 276, 277, 303, 315, 328, 338, 563, 566, 589, 667
 Терская область 638
 Тибет 242, 254
 Тигиль, река 24, 30
 Тиннай, селение 424
 Тисима 4, 135, 427
 Титосэ, селение и волость 424
 Тихий океан 3, 6, 9, 14, 17, 20, 23, 27, 28, 31, 35, 36, 41, 50, 54, 55, 57-62, 64-72, 75, 89, 92, 102, 103, 119, 124, 126, 127, 167, 174, 175, 205, 233, 238, 259, 260, 262, 264, 266, 270-272, 276-279, 283, 292, 297, 299, 316, 318, 321, 324, 335, 342, 354, 356, 359, 364, 408, 420, 426, 435-437, 439, 443-445, 447, 453, 472, 496, 498, 502, 551, 554, 611, 664, 666, 668, 669, 671, 672, 674, 676, 678
 Тихменево 431
 Тихменевский пост 358, 371
 Тобольск 119, 298, 677

Тобольская губерния 360, 633
 Тобучи, селение 424
 Товада, село 201
 Тоёкита, селение 424
 Тоёхара, город, округ и уезд 132, 136, 146, 422-425, 429-432, 448, 450, 454-457
 Той-часи 234
 Токачи 183
 Токийский залив 453, 473
 Токио (Эдо) 41, 43, 117, 253, 257, 266, 270, 312, 316, 334, 337-339, 356, 358, 388, 393, 394, 396-398, 405, 422, 425-427, 431, 443, 444, 446, 491, 492, 496, 497, 504, 506, 511, 512, 527, 530, 537, 675
 Томари (Томариору), город 425, 429, 430, 470
 Томари, крепость 335
 Томари, поселок 469
 Томари, селение 275
 Томари-Анива, залив 327
 Томари-Анива, селение 331
 Томаригиси, селение 424
 Томаринский район 357
 Томариору, город 424, 425, 430
 Томск 65, 66, 76, 81, 113, 280
 Тонин, мыс 251, 252
 Тонино-Анивский полуостров 176
 Тоннай 315, 339, 424
 Торо, город 424, 450
 Тосаминато 257
 Тоссёкау 339
 Тохоку 200, 201, 257
 Третье Арково 651
 Трех сестер, остров 302
 Троицкое селение 373
 Тронная, пещера, грот 158, 159
 Тугурский, полуостров 283
 Тунайча, лагуна и озеро 168, 169, 205, 236, 237, 374
 Тунгор 487
 Туркестан 632
 Турция 354, 474
 Тык, залив и мыс 339, 566
 Тымовская долина 216, 373, 415, 420
 Тымовский округ, участок, волость, район 180, 181, 361, 362, 364, 376, 378, 386, 402, 417, 525, 555, 556, 587, 636, 644, 646, 647, 650-658
 Тымовское 468, 525, 663
 Тынь, река 34, 166, 180, 255, 315, 316, 351, 379, 382, 384, 563, 596, 600, 651

Тынь-Поронайская низменность (долина) 366, 449
Тыр 32, 226, 255, 287, 348
Тэли 197
Тюлений, остров 36, 276, 447
Тюмень 24

У

Уанги, мыс и река 259, 479
Уанди, мыс и река (селение) 109, 110, 259
Углегорск, город 430, 450, 458, 466, 470, 471
Углегорский район 363, 462, 503
Углезаводск 434
Уда, река 281, 292, 303
Удд, остров (Чкалова) 283
Удский уезд (Удско-Кербинский уезд) 378, 401
Узбекистан 123
Уйглекуты 412
Украина 482, 497, 635-638, 646, 650, 658, 659, 663
Улан-Удэ 130, 393
Ульсан 538
Улья, река 65, 101, 102, 280-282, 678
Урак, река 281
Уральские горы (Урал, Камень) 190, 278, 279, 288, 364, 489, 636-638
Уратман, стоянка 251
Уркт, залив 403, 589
Уругвай 474
Уруп, остров (Земля Компании) 107, 133, 149, 274, 277, 297, 299, 305-308, 313, 321, 325, 328, 331, 332, 336, 339, 341-344, 425, 451, 453, 476, 551
Урупшу, уезд 425
Усиро, селение 424
Усма, остров 310
Успенка, селение 378
Уссури, река 195, 198
Уссяму 267
Устомонайпо, стойбище 615
Усть-Айнское 179, 251
Усть-Стрелочный караул 32
Ушишир, остров (Ушиширь) 296, 304, 305
Уяхкупа, остров (Алаид) 295

Ф

Федотовщина, река 24
Фигурный, остров 302

Филиппинские острова (Филиппины) 276, 328, 436
Финляндия (Финляндское Великое княжество) 443, 637
Франция 29, 37, 154, 271, 317, 344, 354, 405, 443, 510
Фриза, пролив 274, 276, 339, 355
Фрисланд 273
Фуками, село 424
Фулихэ, река 248
Фурэбэцу, уезд 425
Фусан 5, 188
Фуюй 5, 191-193

Х

Хабаровск 46, 47, 52, 55, 67-69, 71, 72, 76, 78, 79, 81, 82, 84-88, 94, 101, 102, 108, 112, 129, 133, 135, 137, 139, 145, 146, 361, 364, 372, 382, 383, 385, 390, 395, 400, 401, 406, 407, 415, 417, 471, 483, 544, 671, 673, 675, 676, 678, 679
Хабаровский край 91, 226, 408, 456, 458, 462, 464, 485, 487, 544
Хабомаи, группа островов 118, 339, 475, 476, 493, 494, 496, 497, 499, 506, 521, 538, 542
Хазарское, озеро 171
Хакодате 158, 356, 357, 427
Халхин-Гол 418
Хаманака, стоянка 252
Ханасаси, уезд 425
Ханбалык 242
Хандаса 449
Ханка, озеро 198
Харимкотан, остров 296
Харлингген 273
Харьков 51
Харьковская губерния 638
Хигаси-Найбути 434
Хинган 240
Хирайзуми 220, 257
Хиросима 447, 491
Хирочи, селение 424
Хитати, провинция 337
Хитокаппу, залив 9, 435, 437
Хоёри, селение 424
Хоккайдо 5, 6, 26, 27, 43, 44, 74, 89, 94, 125, 126, 131, 140, 149-151, 153, 155-161, 165, 168, 170, 172-176, 179, 181-186, 198-206, 208-217, 220-225, 227-230, 232, 237, 238, 240, 247, 250-255, 257-259, 262, 266-270, 273, 274, 277, 294, 296, 301, 302, 305,

306, 308, 311-314, 316, 317, 320-322, 326, 332-334, 337, 338, 340, 372, 402, 425, 427, 428, 431, 433, 438, 439, 446, 447, 450, 454, 475, 476, 493, 539, 549, 550, 551, 588, 612, 613, 631, 664, 672
 Холмск 83, 114, 146, 259, 315, 339, 353, 358, 363, 425, 430, 447, 450, 460, 461, 466, 470, 471, 505, 509, 525
 Холмский район 374
 Хомутовка, селение 373, 651
 Хонсю 170, 172, 174, 175, 183, 185, 200, 208, 210, 212, 214, 215, 220, 221, 223, 228, 245, 247, 256, 258, 267, 269, 270, 273, 294, 299, 302, 326, 327, 337, 428, 475, 539
 Хонто, город 181, 424, 430, 431, 439, 446, 450, 456
 Хорезмшахов, империя 242
 Хулигай, губерния 226
 Хунмакта, стоянка 163
 Хуроочи, стойбище 615
 Хэда 354
 Хэйлунцзян 236, 246

Ц

Цейлон 254, 271, 272
 Центральная Азия 89, 90, 192, 196, 260, 262, 601, 611
 Центрально-земледельческий район 636, 638
 Центрально-промышленный район 637, 638
 Цзинь, империя 5, 217-219, 221, 223, 225, 226, 234, 241, 242, 265, 665, 670
 Циммермановка 415
 Цинская империя 288
 Цитронный, остров 302
 Цугару, пролив (Сангарский пролив) 200, 220, 257, 443, 444, 539
 Цусимский пролив (Цусима, пролив) 159, 372, 441, 443

Ч

Чагаданский, улус 64, 286
 Чайво, стоянка, залив и лагуна 4, 152, 163, 177, 178, 180, 205, 215, 227, 231, 391, 412, 561, 598
 Чангни 64, 286
 Чанчун 404
 Челябинск 466
 Черная река 289, 290
 Черное море 443
 Чехов, город 430

Чечня 497
 Чжилимацзуйцзы 247
 Чжоукоудянь 147, 149
 Чжэнь (Бохай) 196
 Чили 474
 Чиринкотан, остров 296
 Чириэ, селение 424
 Чиркова 179
 Чирпой, остров (Чиркуй) 296, 306
 Чкалова, остров 282, 283
 Чныррах, крепость 391, 400
 Чока, остров (Сахалин) 319, 320
 Чукотка 52, 113, 262, 356
 Чукотский автономный округ 544
 Чэнь, княжество 187
 Чэпмена, залив 323

Ш

Шантарские острова (Шантарский архипелаг) 101, 199, 282, 283, 301, 335
 Шахтерск, город 450, 471, 509
 Шашово, остров (Расшуа) 296
 Швеция 298, 333, 405
 Шебунино 490, 491
 Шемия, остров 438
 Шиашкотан (Сияскут, Сияскутан), остров 296, 425
 Шикотан (Сикотан), остров 35, 109, 118, 209-212, 273, 302, 305, 339, 425, 451, 453, 476, 493, 494, 496, 497, 499, 506, 521, 522, 538, 542, 552, 631, 664
 Шилка, река 284, 288
 Ширинки (Сиринки), остров 295, 296
 Широкопадский район 408, 471
 Шлиссельбург (Шлиссельбургская крепость) 37, 51, 309
 Шмидта, полуостров 180, 366, 566
 Шококи, остров, см. Райкоке
 Штатов Земля, см. Итуруп
 Шуйдада 244
 Шумшу, остров (Шумчю, Симусю) 6, 85, 149, 209, 251, 293, 294, 300, 303, 304, 339, 344, 371, 425, 428, 433, 438, 451-453, 471-473, 551, 552, 612, 621
 Шумшу, уезд 425

Э

Эдзо (Эдзосские земли, Эзо, Ессо, Иесо, Иессо, Иезо, Инсу, Езо) 5, 20, 47, 119, 183, 199, 201, 253, 256, 259, 268-270, 277, 297, 312, 313, 315, 317, 318, 321, 322, 327, 333, 334, 337, 340, 550, 552

Эдо, см. Токио
 Экарма, остров 295
 Эквадор 474
 Экимчан 401
 Экураки, стойбище 352
 Элиста 145
 Энгис-пал 263
 Эноура, поселок 204
 Эстляндия 324
 Эсутору, город, уезд, округ 424, 430, 450, 454
 Этиго 200
 Этурофу, уезд
 Эфиопия 474
 Эхаби 411, 412

Ю

Юбецу, река 155
 Юго-Восточная Азия 147, 183, 242, 268, 272, 325, 459, 611
 Южная 163, 176, 251, 253
 Южная Азия 173
 Южная Америка 433
 Южная Атлантика 271
 Южная Африка 324
 Южная Корея 528
 Южная Сибирь 90, 260
 Южная Сунн 242, 245
 Южная Хандаса 83
 Южно-Камышевый хребет 430
 Южно-Китайское море 324
 Южно-Курильск 522
 Южно-Курильский пролив 551
 Южно-Курильский район 482
 Южно-Прибрежная горная цепь 430
 Южно-Сахалинск 21, 46, 62, 64, 66-68, 70, 74-81, 84-89, 91, 93-95, 97, 100, 102-114, 117-139, 141-146, 150, 157, 352, 373, 430, 457-460, 471, 477, 480, 482, 483, 489-500, 504, 509, 512, 514, 516, 521, 525, 532, 534, 538, 540-542, 669-679
 Южно-Сахалинская область, округ, район 360, 456-458, 461, 462, 525, 526
 Южно-Уссурийский край 36, 360, 635
 Южные Курилы 7, 11, 26, 35, 41, 67, 103, 120, 123, 149, 203, 204, 220, 269, 304, 306, 307, 314, 316, 334-337, 339, 340, 428, 433, 445, 476, 486, 511-513, 522, 542, 666
 Южный Китай 242
 Южный Сахалин 4, 7, 9, 10, 31, 36, 38, 41, 53, 56, 74, 78, 79, 81-89, 103, 106, 109, 110,

113, 114, 118, 120, 121, 123, 125, 128, 132, 135-141, 143, 144, 150, 164-166, 169, 176, 179, 184, 198, 204, 209, 210, 213, 224, 229, 232, 314, 315, 329, 333, 339, 353, 357, 359, 376, 402, 421-423, 425, 427-435, 439, 444, 446-448, 450, 451, 453-457, 459-463, 469, 474-476, 482, 492-494, 553, 554, 563, 613, 617, 631, 649, 664, 666, 668, 671, 673-677, 679

Южный, остров 589
 Южных Морей, страны 432

Я

Ява, остров 147, 271, 272
 Явино, село 371
 Якутия, см. Саха Республика
 Якутск 21, 22, 31, 280, 284, 287, 292, 293
 Якутский острог 284
 Якутский уезд 22, 280
 Ялта 9, 439, 445, 446, 474
 Янкито 170
 Япония (Ямато, Нифон, Нихон, Епония, Апонское государство, Японская империя) 5-7, 9, 10, 12, 18, 23, 25, 28-31, 33, 35, 36, 41-45, 53, 55, 59, 71-74, 78, 81-83, 85-88, 93, 94, 97, 98, 113, 114, 117-119, 120, 127, 130, 131, 138, 140-143, 172, 174, 183, 184, 188, 189, 191, 192, 196, 198-201, 203, 208, 210, 213-215, 220-223, 228, 238-240, 242-245, 247, 249, 252, 255-261, 263, 264, 266-270, 272, 273, 276, 277, 291, 293-295, 297-302, 307, 310-317, 321, 324-327, 329, 330, 332-334, 336, 337, 339, 340, 346, 347, 350, 351, 354-358, 363, 370, 372, 374-376, 379, 381, 385, 387, 388, 391, 393-395, 397, 401-406, 411, 412, 417-419, 420-422, 424, 426-428, 430, 433-436, 438-447, 451-453, 458-460, 473-487, 491-500, 504, 505, 507, 511-513, 519, 521, 522, 526, 527, 530, 537-539, 542, 547, 549, 550, 552, 554-556, 561, 562, 612, 631, 663, 664, 666, 669, 670, 672, 674, 677, 678
 Японские острова (Японский архипелаг, Чипунгу, остров) 154, 160, 164, 167, 169, 171, 172, 178, 183-185, 189, 203, 243, 244, 256, 261, 300, 434, 439, 549, 551, 612
 Японское море 36, 68, 88, 150, 160, 161, 191, 199, 200, 202, 208, 228, 317, 318, 320, 351, 364, 366, 448, 469, 485, 486, 502, 549, 550
 Ярославль 69
 Ясное, село 181

**Высоков Михаил Станиславович
Василевский Александр Александрович
Костанов Александр Иванович
Ищенко Марина Ивановна**

История Сахалина и Курильских островов
с древнейших времен до начала XXI столетия

Учебное пособие для студентов высших учебных заведений региона
по специальности «История»

Редактор А. Сафонова
Корректор В. Корнилова
Дизайнер Э. Рим

Сдано в набор 5.02.2008. Подписано в печать 21.07.2008
Формат 70x100 1/16. Гарнитура «GaramondC». Бумага офсетная
Печать офсетная. Усл. печ. л. 57,4
Тираж 1000 экз. Заказ № 38 от 5.02.2008

Сахалинское книжное издательство
693007, г. Южно-Сахалинск, Коммунистический пр., 27а
Тел. 42-98-61, 42-34-14